

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

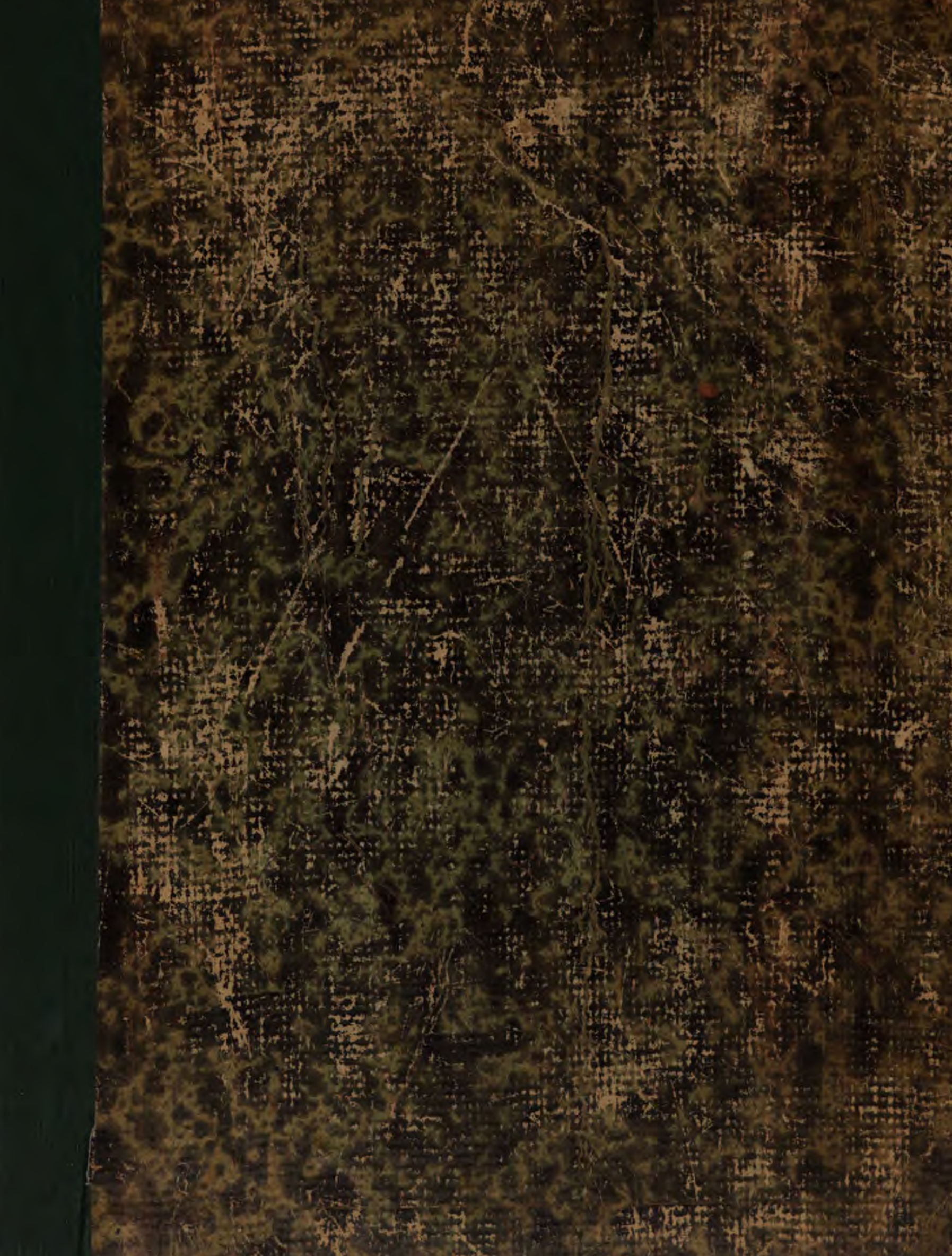
Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

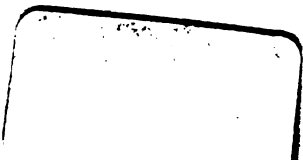
- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ANSO

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XXX.

ТРУДЫ
ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ,
АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

КНИГА V.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Подъ редакціей Н. А. Лопова.

Предсѣдателя Отдѣла.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ О. Б. МАНДИНА, НЕКРОВКА, МАНЮВЪ-ПЕР., Д. № 82.

1877.

Печатается по опредѣленію Императорскаго Общества Любителей Естествознанія.

Президентъ Г. В. Шуровскій.

Efimenko, P.S.

МАТЕРІАЛЫ ПО ЭТНОГРАФІИ

РУССКАГО НАСЕЛЕНІЯ

АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ,

СОБРАННЫЕ

П. С. ЕФИМЕНКОМЪ,

д. чл. Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографии,
состоящаго при Московскомъ университетѣ.

ЧАСТЬ I.

ОПИСАНІИ ВЪШНЯГО И ВНУТРЕННЯГО БЫТА.

МОСКВА.

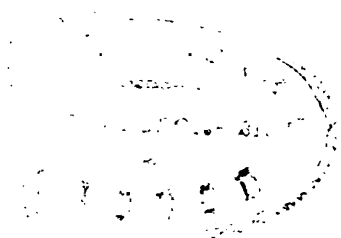
ВЪ ТИПОГРАФИИ О. Б. МИЛЛЕРА, ПОКРОВКА, МАШКОВЪ ПЕР., Д. № 82.
1877.

DKS11

AGSEY

f

vi

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ началѣ 1874 года П. С. Ефименко, нынѣ д. чл. Общества Любителей Естествознанія, проживавшій тогда въ Воронежѣ и уже извѣстный своимъ сочиненіемъ „О народныхъ юридическихъ обычаяхъ Архангельской губерніи,“ а равно и другими изслѣдованіями по Этнографіи того же края, прислалъ въ нашъ Отдѣлъ Сборникъ произведеній народнаго слова, записанныхъ на крайнемъ Сѣверѣ Европейской Россіи. Этотъ сборникъ составленъ былъ отчасти самимъ П. С. Ефименкомъ, отчасти мѣстными жителями, приступившими къ собиранію этнографическихъ матеріаловъ по программамъ, разосланнымъ отъ Архангельскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Онъ заключалъ въ себѣ: нѣсколько старинъ, или былинъ, стихи нищей братіи, значительное число пѣсенъ,—вечериночныхъ, наулочныхъ, свадебныхъ, хороводныхъ, обрядовыхъ, игорныхъ, шуточныхъ и дѣтскихъ, около 600 заклинаній, наговоровъ и обереговъ, нѣсколько сказокъ, загадокъ и небольшіе сборники пословицъ, поговорокъ, прибаутокъ, шутокъ и народныхъ изреченій. Тогда-же, по докладѣ Предсѣдателя о содержаніи означеннаго Сборника, рѣшено было благодарить П. С. Ефименка за присланные имъ матеріалы, просить о дальнѣйшемъ сообщеніи таковыхъ и пригласить членовъ Отдѣла, специально занимающихся изученіемъ народныхъ пѣсенъ, былинъ, сказокъ, пословицъ, заговоровъ и т. д., къ систематической обработкѣ вышеназванныхъ матеріаловъ *). Оцѣнку ихъ принялъ на себя д. чл. Общества Н. Д. Квашининъ-Самаринъ **).

Между тѣмъ П. С. Ефименко успѣлъ выслать новые матеріалы для этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, могущіе служить пособіемъ преимущественно при описаніи вѣшняго и внутренняго быта означеннаго населенія. Матеріалы эти были слѣдующіе:

1. Планы крестьянскихъ жилищъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ, съ краткимъ описаніемъ ихъ (составилъ становой приставъ *Шадрицъ*).
2. Жилища и постройки крестьянъ Пинежскаго уѣзда (волостнаго писаря П. А. Иванова).
3. Одежда Пинежскихъ крестьянъ (его же).
4. Пища Пинежскихъ крестьянъ (его же).
5. О религіозномъ состояніи Пинежскихъ крестьянъ (его же).
6. Расколъ въ Пинежскомъ уѣздѣ (его же).
7. Вѣрованіе Пинежскихъ крестьянъ (его же).

*) См. Труды Этногр. Отд. кн. III. Вып. 1, стр. 98—100.

**) Тамъ-же; кн. IV, стр. 1, 6. Срв. 2 выпускъ сего изданія, гдѣ помѣщена статья г. Квашинина-Самарина о значеніи былинъ, вошедшихъ въ составъ сборника.

8. Вѣрованія крестьянъ Шенкурскаго уѣзда (миссіонера—священника *И. Пасловскаго*).
9. Примѣты Холмогорскихъ крестьянъ (смотрителя Холмогорскаго Уѣзднаго Училища *Базилевскаго*).
10. Примѣты, гаданія и суевѣрія жителей Архангельской губерніи (учителя Холмогорскаго приходскаго училища *Елизарова*).
11. Обряды, обычай и игры Пинежскихъ крестьянъ (волостнаго писаря *П. А. Иванова*).
12. Хороводныя пѣсни мѣщанъ г. Онеги (бывшаго студента *Фризе*).
13. О народномъ лѣченіи въ Архангельской губерніи (врача *Липницкаго*).
14. Простонародная медицина Шенкурскаго уѣзда (фельдшера *Костылева*).
15. Крестьянскій цвѣтникъ или травникъ (оставилъ бывшій студентъ *Тышинскій*).
16. Нарѣчіе Пинежанъ (волостнаго писаря *Иванова*).
17. Нарѣчіе крестьянъ Шенкурскаго уѣзда (чиновника удѣльнаго вѣдомства *Тустановскаго*).
18. Словарь Шенкурскихъ провинціализмовъ (фельдшера *Костылева*).
19. Дополнительные замѣтки къ этнографическимъ свѣдѣніямъ (волостнаго писаря *П. А. Иванова*).
20. Этнографическія свѣдѣнія о населеніи Зимняго Берега Архангельскаго уѣзда (священ. *Розанова*).
21. Этнографическія свѣдѣнія, собранныя въ удѣльныхъ имѣніяхъ Шенкурскаго уѣзда чрезъ удѣльные приказы.
22. Этнографическія свѣдѣнія о Тулгасскомъ приходѣ Шенкурскаго уѣзда (свящ. *Макарова*).
23. Этнографическія свѣдѣнія изъ села Усть-Пуй Шенкурскаго уѣзда (свящ. *Меводіева*).
24. Этнографическое описаніе Сумскаго посада Кемскаго уѣзда (чиновника *Шешенина*).
25. Курейско-Сергіевскій приходъ Холмогорскаго уѣзда въ этнографическомъ отношеніи (священника *Таратина*).
26. Пингишенскій приходъ Холмогорскаго уѣзда въ этнографическомъ отношеніи (свящ. *Колчина*).
27. Описаніе Куростровскаго прихода Холмогорскаго уѣзда (свящ. *Васильева*).
28. Описаніе Хаврогорскаго прихода Холмогорскаго уѣзда (свящ. *П. Пасловскаго*).
29. Описаніе Челмохотскаго прихода Холмогорскаго уѣзда (свящ. *Гльбовскаго*).
30. Описаніе Лисестровскаго прихода Архангельскаго уѣзда (свящ. *Федорова*).
31. Описаніе Къхотскаго прихода Архангельскаго уѣзда (свящ. *Вазрамлессу*).
32. Описаніе Нижозерскаго прихода Онежскаго уѣзда (свящ. *Дьячкова*).
33. Матеріалы для словаря Архангельскихъ провинціализмовъ (волостнаго писаря *П. А. Иванова*).
34. Матеріалы для словаря Архангельскихъ провинціализмовъ (на карточкахъ, *Александръ Ефименк*^{*)}).
35. Программа для этнографическаго описанія Русскаго населенія Архангельской губерніи и другіе матеріалы (*П. Ефименка*).

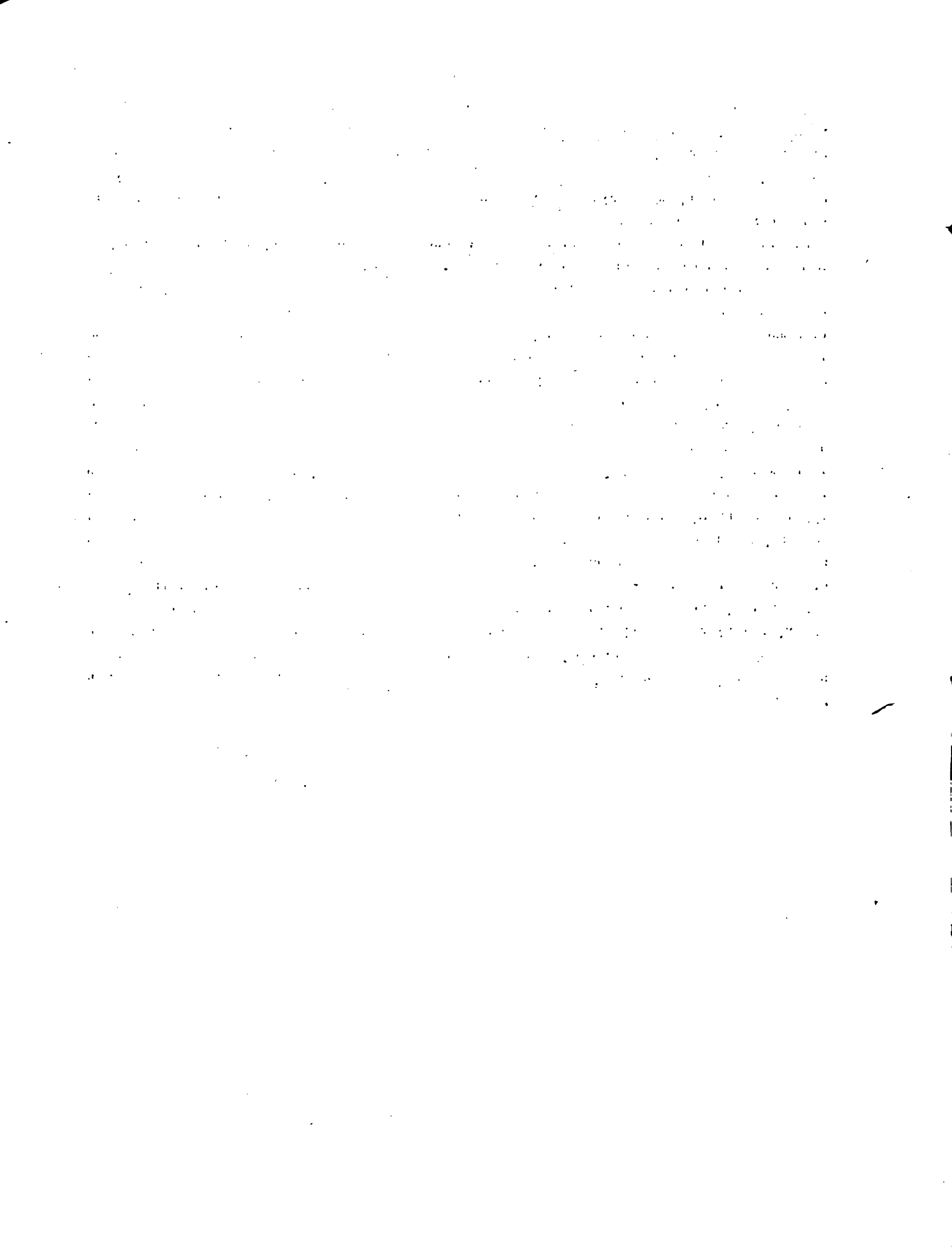
Всѣ эти матеріалы въ обработанномъ видѣ должны были войти въ предполагавшееся „описаніе Архангельской губерніи въ историческомъ, экономическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ“; но оно не состоялось, частью по недостатку средствъ, частью по другимъ причинамъ, и этнографическіе матеріалы, для него предназначавшіеся, остались необработанными и неизданными *). Такъ какъ г. Ефименко желалъ видѣть *всѣ* матеріалы, присланные имъ въ Отдѣлъ, изданными въ цѣлой ихъ совокупности, то и рѣшено было напечатать сводъ свѣдѣній, какія можно было извлечь изъ этихъ матеріаловъ, по слѣдующимъ отдѣльнымъ статьямъ: а) общія

*) Тамъ же; кн. IV стр. 4—6.

свѣдѣнія о населеніи; б) внѣшняя обстановка, т. е. поселенія, жилища, хозяйственныя постройки, утварь и посуда; в) одежда и обувь; г) пища и питье; д) свадебныя обряды; е) обряды и игры въ теченіе года; ж) нравы, вѣрованія, суевѣрія, гаданія, примѣты; з) народное лѣченіе; и) свѣдѣнія о расколѣ, и всѣ эти статьи помѣстить въ первомъ выпускѣ Сборника; ко второму же выпуску отнести прежде полученные матеріалы, т. е. произведенія народной словесности и замѣтки о мѣстномъ нарѣчій.

Впослѣдствіи г. Ефименко доставилъ еще 12 описаній свадебныхъ обрядовъ, которые и размѣщены были по соотвѣтственнымъ Отдѣламъ (см. главу 5).

Составить общее этнографическое описаніе русскаго населенія Архангельской губерніи по вышепомянутымъ матеріаламъ, собраніе которыхъ относилось къ 1864—1869 годамъ, не представлялось возможнымъ: ибо эти матеріалы касались не всей губерніи, а лишь нѣкоторыхъ уѣздовъ ея, иные же только нѣкоторыхъ селеній; не малая часть ихъ представляла свѣдѣнія отрывочныя и неполныя, а нѣкоторыми уже воспользовался П. С. Ефименко для своего изслѣдованія о народныхъ юридическихъ обычаяхъ. Нельзя однакожъ не замѣтить здѣсь, что всѣ свѣдѣнія, какія собраны были бывшимъ тогда волостнымъ писаремъ Пинежскаго уѣзда Прокофіемъ А. Ивановымъ, нынѣ бібліотекаремъ городской бібліотеки въ Архангельскѣ, отличались и замѣчательною въ сравненіи съ другими полнотою содержанія и яснымъ изложеніемъ. Другая система изданія печатаемыхъ здѣсь свѣдѣній не могла быть принята еще и потому, что весь редакціонный трудъ палъ на Предсѣдателя Отдѣла, и безъ того уже обремененнаго другими занятіями. Главная задача редакціи состояла въ томъ, чтобы не опустить ни единого, сколько нибудь важнаго въ этнографическомъ отношеніи свѣдѣнія, какое только можно было отыскать въ матеріалахъ, доставленныхъ П. С. Ефименкомъ. Вслѣдствіе этого въ каждой главѣ, описывающей какой либо отдѣльный предметъ, легко можно встрѣтить неизбѣжныя повторенія; ибо въ ней свѣдѣнія по одному и тому же вопросу напечатаны не въ общемъ изложеніи, а по порядку мѣстностей, изъ коихъ они доставлены. Такимъ образомъ настоящій выпускъ не представляетъ собою какого либо изслѣдованія по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, но только матеріалъ для онаго.

ГЛАВА I.

ОБЩІЯ СВѢДѢНІЯ О НАСЕЛЕНІИ.

Изъ какихъ мѣсть получены свѣдѣнія? — Тулгасскій приходъ. — Село Усть-Пуй. — Курейско-Сергіевскій приходъ. — Хаврогорскій приходъ. — Челмохотскій приходъ. — Къхотскій приходъ. — Лисестровскія селенія. — Поселки на Зимнемъ Берегу. — Сумскій посадъ. — Свѣдѣнія топографическія и историческія объ этихъ мѣстностяхъ. — Пинежскій уездъ. — Физическія свойства русскаго населенія поименованныхъ частей Архангельской губерніи.

Почти каждое описаніе какого либо села и приписанныхъ къ нему деревень, составленное мѣстнымъ священникомъ и вошедшее въ сборникъ свѣдѣній, доставленныхъ въ Общество Любителей Естествознанія П. С. Ефименкомъ, имѣетъ видъ исторической записки о приходѣ того или другаго села. Немногія однако-жь изъ этихъ описаній излагаютъ подробно свѣдѣнія, какихъ обыкновенно требуетъ программа такихъ записокъ. Особенно подробно описаны топографія и постепенное заселеніе Хаврогорскаго и Лисестровскаго приходовъ. Другія описанія короче, и нѣкоторыя ограничиваются самыми краткими свѣдѣніями о количествѣ поселковъ въ приходѣ и о числѣ жителей въ нихъ. Подробнѣе всего обыкновенно говорится о приходскихъ церквахъ и ихъ исторіи, причѣмъ нерѣдко приводятся въ копіи жалованныя грамоты, сохранившіяся въ этихъ церквахъ. Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній мы выбираемъ здѣсь лишь тѣ, которыя прямо касаются какой-либо мѣстности и ея населенія, ограничиваясь въ историческомъ отношеніи наиболѣе важными извѣстіями *).

Эти топографическія свѣдѣнія касаются лишь тѣхъ мѣстностей, изъ которыхъ имѣется и самый этнографическій матеріалъ, сообщаемый въ слѣдующихъ главахъ.

Тулгасскій приходъ составляетъ частичку Архангельской губерніи, частицу Шенкурскаго уѣзда и часть Кургоминской волости. Онъ лежитъ по лѣвому берегу рѣки С. Двины и получилъ свое названіе отъ рѣчки,

*) Копіи съ жалованныхъ грамотъ, вмѣстѣ съ другими историческими матеріалами, касающимися Архангельской епархіи и присланными П. С. Ефименкомъ въ Общество Любителей Естествознанія, переданы, согласно его желанію, въ Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ.

среди его протекающей, берущей начало изъ болотъ и озеръ Тулгаса, прежде Тунгала. О началѣ и населеніи этого прихода письменныхъ документовъ не имѣется, что видно изъ памятной книги, находящейся въ Тулгасской церкви, а нѣкоторые изъ старожиловъ повѣствуютъ: «яко бы они слышали отъ своихъ предковъ, что прежде сего въ семь приходѣ на горѣ, отъ нынѣ построенныхъ церквей въ полуверстѣ, былъ монастырь, жили въ немъ старцы и была церковь во имя Св. Живоначальной Троицы». Но почему и какъ монастырь тотъ рушился, также и церковь Троицкая, о томъ ничего неизвѣстно. Надобно думать, что сей приходъ начатъ не такъ давно и населенъ жителями, которые пришли сюда изъ разныхъ мѣсть. По господствующимъ фамиліямъ Тулгасскихъ жителей надобно предполагать, что они произошли не отъ Чуди, а отъ Новгородцевъ. Господствующія фамиліи слѣдующія: Гагарины, Кутейниковы, Степановскіе, Китины, Ракитины, Скорняковы и Востряковы.

Весь Тулгасскій приходъ раздѣляется на двѣ части: верхній и нижній концы, отдѣленные одинъ отъ другаго рѣчкою Тулгасомъ. Верхнимъ концемъ называются у жителей два села: Большое Копеваловское (по уличному Гагаршина) и Малое Копеваловское или Козминское (Борь), и деревня Дмитріевская (Глѣденово); нижнимъ же остальные четыре села: Степановское (городъ Ланско), Карповское (Транчиха), Нероновское и Булановское, и три деревни: Масловская, Труфановская и Сысоевская (Степаныха). Первое село и послѣдняя деревня получили свои уличныя названія отъ фамиліи ихъ жителей—въ первомъ живутъ исключительно Гагарины, а въ послѣдней Степановскіе. О причинахъ уличныхъ названій осталь-

ныхъ селъ и деревень преданіе ничего не говоритъ. Отчего протекающая чрезъ Тулгаскій приходъ рѣка Тулгасть, прежде Тунгаль, имѣла и получила свое названіе, также неизвѣстно. Въ окрестностяхъ этого прихода кургановъ, городищъ и другихъ урочищъ нѣтъ и вѣроятно не было потому, что народъ не имѣетъ никакого преданія о нихъ.

Церквей въ Тулгасскомъ приходѣ двѣ одноэтажныхъ: теплая во имя Св. Священномученика Климента папы Римскаго (25 Ноября), а холодная во имя священномученика Власія епископа Севастійскаго (11 Февраля); одна колокольня и двѣ часовни. Всѣ означенныя зданія деревянныя. Церковь во имя Священномученика Климента, какъ записано въ памятной книгѣ: «построена въ 1780 году иждивеніемъ и радѣніемъ мѣстныхъ крестьянъ, на мѣсто сгорѣвшей въ 1778 году, и освящена, по благословенію Преосвященнаго Веніамина епископа Архангельскаго и Холмогорскаго, благочиннымъ Кургомипскаго прихода священникомъ Феодоромъ Бутейниковымъ 1780 года Ноября въ 26 день».

Церковь во имя Свящ. Власія, какъ написано въ той же памятной книгѣ: «построена въ 1795 году, на мѣсто сгорѣвшей въ 1778 году, по указу и благословенію преосвященнаго Веніамина, и освящена того же 1795 года Іюля 6 дня. Антиминсъ на полотнѣ подписанъ преосвященнымъ Іоасафомъ 1762 года Индикта 1-го, мѣсяца Декабря въ 18 день».

Часовни отстоятъ отъ церквей: одна въ 4 верстахъ, другая въ 2-хъ. Первая— Происхожденіе честныхъ древъ «построена въ 1702 г., во время путешествія блаженныя памяти Государа Императора Петра 1-го по Двинѣ рѣкѣ и въ Архангельскѣ, за несносною погодою остановившагося подъ тою горою съ своими судами, гдѣ стоятъ часовня. Самимъ Императоромъ сдѣланъ крестъ и срублена вмѣстѣ съ боярами, при немъ бывшими, сія часовня, почему и теперь называется она царевою». Вторая, отстоящая въ 2-хъ верстахъ, во имя Фрола и Лавра, построена недавно иждивеніемъ прихожанъ.

Село Усть-Пуя находится въ Шениурскомъ уѣздѣ и отстоитъ на юго-западъ въ 50 верстахъ, отъ уѣзднаго города Шениурска. Названіе свое оно получило отъ того, что большинство деревень этого населенія сосредоточено болѣе или менѣе около устья такъ называемой рѣчки Пуя, составляющей притокъ рѣки Вага.

Когда и гдѣ основана Усть-Пуя, положительнаго неизвѣстно. По письменнымъ документамъ, хранящимся въ церковной библиотекѣ упоминаемаго селенія, можно полагать однако-жь, что существованіе его очень давнее. Въ рукописномъ житіи преподобнаго Варлаама Важскаго, жившаго въ срединѣ XV столѣтія, сему преподобному приписывается построеніе, по народному преданію, первой церкви сего селенія во имя Рожде-

ства Пресвятыя Богородицы. Принимая при этомъ во вниманіе, что означенный храмъ не могъ быть построенъ, если бы въ то время не было здѣсь жителей и притомъ христіанъ; за очень вѣроятное можно полагать, что начало существованія Усть-пуйскаго селенія восходитъ къ концу XIV или началу XV столѣтій. Нерусскія названія рѣкъ и деревень и темное народное преданіе свидѣтельствуютъ, что около здѣшней мѣстности первоначально обиталъ народъ не русскаго происхожденія. Вѣроятно это былъ какой-либо народъ Финскаго племени, которое мало по малу оттѣснено было Славянами за Волгу, Онежское озеро и другія мѣста нынѣшней Европейской Сѣверо-восточной Россіи. А какъ Заволочье, въ составъ котораго входила значительная часть Архангельской губерніи, въ томъ числѣ и пространство Шенкурскаго уѣзда, въ XV вѣкѣ принадлежало Новгородскимъ посадникамъ, то очень могло быть, что Новгородскіе выходцы, переселялись сюда для промысловъ, смѣшались съ коренными здѣшними жителями, при чемъ преобладающее вліяніе Новгородцевъ, и особенно христіанства, много послужило къ сближенію двухъ разноплеменныхъ народовъ.

Село Усть-Пуя раздѣляется на 11 деревень, названія коихъ слѣдующія: Болкачевская, Палычинская, Рудинская, Пушевская, Митинская, Власовская, Садилловская-Порожская, Перегородская, Бѣлавинская, Аксеновская и Барановская. Почему онѣ такъ называются—совершенно неизвѣстно. Только о Садилловской деревнѣ достоверно извѣстно, что прибавочное названіе Порожская произошло отъ того, что протекающая близъ той деревни рѣка Вага у одного берега течетъ порогомъ. Нѣкоторыя изъ показанныхъ деревень, кромѣ упомянутыхъ названій, на языкѣ здѣшняго народа имѣютъ еще свои особенныя названія: напримѣръ, деревня Митинская, неизвѣстно почему, почти всегда называется Дубинной, Перегородская—Пустою, вѣроятно по малочисленности дворовъ и жителей, Бѣлавинская—Мухиной, Аксеновская—Бокинской и Барановская—Сѣдухиной.

Въ Усть-Пуѣ находятся двѣ приходскихъ церкви: одна во имя Рождества Пресвятой Богородицы, другая Рождества Христова, съ придѣлами во имя святыхъ: Священномученика Власія и Преподобнаго Варлаама Важскаго. Въ рукописномъ житіи послѣдняго говорится, что онъ въ числѣ прочихъ храмовъ, «созда храмъ во имя Пресвятыя Богородицы Честнаго ея Рождества, яже есть Усть-Пуя рѣки именуемой». Немного далѣе этого говорится, что Преподобный всѣ построенныя его иждивеніемъ храмы, слѣдовательно и храмъ Пресвятыя Богородицы, «святими иконами и книгами и свѣщами и кандилами устрои и украси».

Долго ли существовалъ созданный Преподобнымъ Варлаамомъ храмъ, достоверно неизвѣстно. На деревянномъ крестѣ, хранящемся въ церкви и по настоящее время,

есть надпись, въ которой говорится уже о вновь построенномъ храмѣ Рождества Богородицы, что онъ освященъ въ лѣто 7112 (1604) по благословенію святѣйшаго патріарха Іова Московскаго и всея Руси, при преосвященномъ митрополитѣ Исидорѣ великаго Нова-града и Великихъ Лукъ. Хотя достоверно ни откуда неизвѣстно, который былъ по числу вновь освященный храмъ, однако-жь съ довольною вѣроятностію можно утверждать, что онъ явился на мѣсто построеннаго Преподобнымъ Варлаамомъ. По свидѣтельству неизвѣстнаго писателя житія преподобнаго Варлаама, этотъ преподобный построилъ означенный храмъ еще до поступленія своего въ монашество, въ которомъ подвизался шесть лѣтъ, и скончался въ лѣто 6977 (1469). Слѣдовательно со времени кончины преподобнаго отца и до 1604 года, въ которомъ освященъ новопостроенный храмъ, протекло времени 135 лѣтъ. Тотъ же писатель въ предисловіи къ упомянутому житію говоритъ о себѣ, что онъ не самовидецъ, но пишетъ лишь то, что слышалъ отъ иноковъ обители преподобнаго, которые также не самовидцы, но сказали ему только слышанное отъ предшественниковъ *). Изъ этого можно видѣть, что писатель житія преподобнаго Варлаама жилъ много спустя послѣ его смерти, по крайней мѣрѣ если не болѣе, то никакъ не менѣе полустолѣтія. А этотъ же писатель въ своемъ житіи опять свидѣтельствуесть, что построенные Варлаамомъ храмы «стоятъ и донынѣ утвержены», то-есть находятся въ хорошемъ состояніи.

Теперь, если и построенный Варлаамомъ первый храмъ Рождества Богородицы, просуществовавъ слишкомъ 50 лѣтъ, находился еще въ хорошемъ состояніи,—очень естественно, что въ подобномъ же положеніи онъ могъ просуществовать такое же количество лѣтъ, если даже не болѣе, слѣдовательно могъ достоять до первыхъ лѣтъ XVII вѣка.

Въ 1719 году церковь Рождества Богородицы, по ветхости и потому, что до того времени стояла на осыпистомъ берегу рѣки Ваги, перенесена была нѣсколько далѣе отъ той рѣки на болѣе возвышенное и твердое мѣсто, и вновь построена, и въ слѣдующемъ году, по благословенію архіепископа Холмогорскаго и Важскаго Варнавы, освящена.

Въ 1794 и 1795 годахъ, съ разрѣшенія преосвященнаго Веніамина, епископа Архангельскаго и Олонцакаго, вмѣсто освященной въ 1720 году, но пришедшей въ ветхость Рождественско-Богородицкой церкви, иждивеніемъ

*) Въ подлинникѣ это же самое передается такъ: „пишу же не самовидецъ бывъ азъ таковымъ (житія и подвиговъ Варлаама), но еже слышахъ отъ инокъ святаго обители отъ оставшихъ достоверныхъ свидѣтелей блаженнаго кон, они не самовидцы же, но отъ прежнихъ отецъ слышавше мнѣ повѣдаше. (Въ концѣ 1 гл. Жит.).“

мірскаго общества, съ помощію добротныхъ подаяній и части церковной суммы, построена новая церковь во имя того же праздника. Въ разные годы послѣ этого до 1856 года церковь подвергается была различнымъ внутреннимъ и внѣшнимъ перемѣнамъ.

Когда и кѣмъ первоначально построена въ Усть-Пуѣ другая церковь Рождества Христова, о томъ ничего неизвѣстно ни изъ устныхъ народныхъ преданій, ни изъ письменныхъ свидѣтельствъ. Въ первый разъ объ ней упоминается въ такъ называемыхъ выписяхъ изъ дзорныхъ книгъ и изъ сотныхъ грамотъ древнихъ вѣковъ. Особенно же изъ одной выписки *) изъ таковыхъ грамотъ видно, что храмъ Рождества Христова существовалъ еще до 1619 года. Основываясь на томъ, что въ предыдущей выпискѣ, раньше того времени писанной, такого же почти содержанія, кромѣ того, что въ ней не упоминается о бобыляхъ и попѣ и дьячекъ наименованы иначе; основываясь на томъ, что въ этой же выпискѣ говорится только о храмѣ Рождества Богородицы, а о храмѣ Рождества Христова не упоминается, можно предполагать, что послѣдній началъ существовать или съ послѣднихъ годовъ XVI или въ началѣ XVII столѣтія. По словамъ одной изъ послѣдующихъ сотныхъ грамотъ **) можно также предполагать, что церковь Рождества Христова первоначально построена была преимущественно иждивеніемъ мѣстныхъ жителей тогдашняго времени. Долго ли стояла эта первоначально построенная церковь, по немнѣшю никакихъ на то историческихъ данныхъ, опредѣлить трудно. По крайней мѣрѣ, судя по прочности лѣсовъ тогдашняго времени, можно думать, что она была въ состояніи просуществовать около столѣтія.

Въ 1712 году теплая Христорождественская церковь отъ зарону сгорѣла со всіми своими принадлежностями. Въ 1731 году, по грамотѣ преосвященнаго Варнавы, вмѣсто сгорѣвшей, выстроена новая церковь и освящена съ разрѣшенія архіепископа Германа. 1769 года, съ разрѣшенія преосвященнаго Іоасафа, вмѣсто ветхой церкви, построенной въ 1731 году, по словамъ памятной церковной книги на мірское иждивеніе и сборъ христіанскаго подаянія, построена новая церковь Рождества Христова, въ коей въ рядъ съ престоломъ храмоваго

*) Вотъ что говорится въ этой выпискѣ изъ сотной древнихъ вѣковъ: „На усть рѣки Пуѣ погость, а на погость два храма: храмъ Рождества Христова, другой храмъ Рождества Богородицы древянныя (в) попъ Иванъ Ильинъ (в) церковный дьячекъ Иванъ Михайловъ (в) просвирница... на погость же безиметные бобыли. Далѣе слѣдуетъ перечисленіе бобылей и пустыхъ дворовъ, а затѣмъ говорится: и тѣ дворы пожгли и людей побили литовскіе люди во 7127, по Р. Хр. 1619 году.“

**) Тамъ говорится: „на усть рѣки Пуѣ погость, и на погость храмъ древанъ вверхъ Рождество Христова, да другой храмъ древанъ же кътцѣи Рождество Пресвятыя Богородицы, а вцѣрвахъ образа и книги и сосуды церковныя и колокола мірскаго строеніе.“

праздника по лѣвую сторону того устроены былъ придѣлъ во имя Преподобнаго Варлаама Важскаго.

Въ 1767 году вмѣсто ветхой часовни во имя священномученика Власія, неизвѣстно гдѣ стоявшей, согласно прошенію крестьянъ, первосвященнымъ Веніаминомъ дозволено было въ верху церкви Рождества Христова устроить предѣльный Храмъ священномученика Власія. А въ 1841 году, съ дозволенія епископа Георгія туда же перенесенъ былъ и придѣлъ во имя Преподобнаго Варлаама и поставленъ въ рядъ съ придѣломъ священномученика Власія, что производилось опять на счетъ мірскаго общества съ пособіемъ изъ церковной суммы.

Древнихъ рукописей и документовъ, изъ коихъ бы можно было съ достовѣрностію узнать о началѣ Курейско-Сергіевскаго прихода, Холмогорскаго уѣзда въ архивѣ церковномъ нѣтъ. — Изъ устныхъ преданій извѣстно, что мѣсто сіе издревле принадлежало Московской Сергіевской Лаврѣ, съ находящеюся на немъ деревянною во имя Преподобнаго Сергія церковію. Здѣсь жили иноки Лавры и собирали доходы отъ мірскихъ вотчинъ въ пользу ея. Но отъѣздъ же иноковъ въ Лавру (что послѣдовало надо полагать, въ 1765 году, по уничтоженіи монастырскихъ вотчинъ), подворье сіе обращено въ приходскую церковь, съ причисленіемъ отъ сосѣдняго Срѣтенскаго прихода ближайшихъ къ церкви 4-хъ деревень съ 40 дворами, въ коихъ жильцовъ было; крестьянъ 142 муж. 149 женскаго пола и посадскихъ 4 муж. 3 женскихъ души. Но какъ церковь сія приходила въ ветхость и назначалась къ упраздненію (разобрана въ 1818 году), то въ 1802 году указомъ консисторіи повелѣно соорудить новую церковь-каменную, и чтобы дать болѣе при сооруженіи сей церкви, отъ Курейско-Срѣтенскаго къ сему Сергіевскому приходу половинное число прихожанъ, такъ, чтобы при обѣихъ сихъ церквахъ было прихожанъ по равному числу».

Вслѣдствіе сего указа приписано еще семь деревень съ 85 дворами, въ коихъ было жителей 233 мужскаго 252 женскаго пола, и тогда всѣхъ прихожанъ при сей Сергіевской церкви стало числиться 379 мужскаго, 404 женскаго пола. Усердіемъ этихъ новыхъ прихожанъ, въ 1804 году, по благословенію Преосвященнаго Евлампія, начата строеніемъ настоящая каменная церковь съ деревянною надъ папертью колокольнею. И пожертвованіемъ 2,000 рублей ассигнаціями Государемъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ, на личную просьбу прихожанъ во время шествія Его изъ Холмогоръ въ Архангельскъ чрезъ село Курью въ 1819 году, она совсѣмъ достроена, украшена и освящена въ въ 1820 году. Въ память Царскихъ щедротъ сооружена прихожанами икона Божіей Матери съ Св. Вел. княземъ Александромъ Нев-

скимъ, въ киотѣ и съ подписью (на иконѣ): «Псюжена сія икона въ церковь Преподобнаго Сергія Радонежскаго Чудотворца въ блаженную память Государя Императора Александра А за пожертвованіе Имъ въ сію церковь на достройку и украшеніе... рубл.» Престоловъ въ церкви два въ холодной во имя Сергія Радонежскаго Чудотворца и въ придѣлѣ тепломъ — во имя Святаго Пророка Божія Иліи. Церковь угодій никакихъ не имѣетъ и содержится добротнымъ подаваніемъ своихъ прихожанъ. Коренные жители волости—Финны и есть семейства, которыя считаютъ себя выходцами Новгорода и Москвы около 1658 года во время чумы, Жаравовы, Томаковы, Корельскіе, Пономаревы и многія другія. Въ настоящее время въ приходѣ числится домовъ 125, жетелей мужскаго пола 320, женскаго 382 души. Они живутъ въ 11-ти деревняхъ. Смольниковской, Шапинской, Побойской *), Рогозинской, Подграйской, Подлесской, Пограйской, Аванасьевской, Ботовской, Подкрестной, Бобровой горѣ. Всѣ эти деревни находятся въ разсыянности—въ разстояніи одна отъ другой не далѣе $\frac{1}{4}$ версты и, начинаясь отъ прежней трактовой дороги внизъ по теченію рѣкъ Курьи и Курюполки — по горамъ, простираются до границы Архангельскаго уѣзда на протяженіи 6-ти верстъ.

Хаврогорскій приходъ Холмогорскаго уѣзда расположенъ на протяженіи 12 верстъ, при рѣкѣ Двинѣ, на правомъ берегу по ея теченію, отъ города Архангельска въ 170 верстахъ.

Мѣсто положеніе прихода по своей красотѣ, можно сказать, почти единственное въ Елицкой окрестности. Приходская церковь съ колокольнею деревянная древней архитектуры, построенная въ 1614 году, стоитъ по срединѣ всего прихода въ деревнѣ Пескагорской, почему населеніе прихода и получило раздѣленіе на два конца верхній и нижній, имѣющіе равное разстояніе отъ церкви т. е. въ 6-ть верстъ. Всѣ почти деревни, которыхъ въ приходѣ 32, расположены *подъ юру* при рѣкѣ Двинѣ, кромѣ не многихъ отдѣлившись не далѣе какъ на полуверстное разстояніе отъ рѣки.

Деревень въ приходѣ 32 и жителей въ нихъ мужскаго пола 770 женскаго 884, всѣ они вѣроисповѣданія православнаго.

Хаврогорскій приходъ хотя стоитъ и на высокомъ берегу, но мѣстоположеніе его болотистое, пресѣченъ частыми ручьями и высокими горами, почему и служитъ предметомъ удивленія для проплывающихъ по Двинѣ, и высотой и крутизою горъ съ раскинутыми полями и

*) Есть преданіе: будто бы на мѣстѣ, гдѣ стоитъ дер. Побойская, была битва у Новгородцевъ съ Чудью, отъ чего и деревня эта удержала названіе Побойща. Мѣстность благоприятствуетъ битвѣ.

деревнями на нихъ, доставляетъ взору пріятный видъ, особенно для путника, слѣдующаго по Московской дорогѣ, по противоположной сторонѣ рѣки Двины.

Первоначально Хаврогорскій приходъ по мірскому управленію принадлежалъ Кеврольской десятинѣ, куда всякія мірскія подати, а равно и церковные сборы были относимы, и оттуда получались всякаго рода предписанія; начало свое приходъ получилъ 1492-го года, что видно изъ древнихъ церковныхъ описей, и болѣе всего ясно и утвердительно доказывается сіе благословенною грамотою Пресвященнаго Варлаама митрополита Московскаго и всея Россіи (1512-й) годъ 7020, 30 Марта, даннаго на Москвѣ, въ сходственность таковаго же соизволенія на построеніе церкви въ Хаврогорахъ, даннаго предѣстникомъ его Симономъ митрополитомъ; и за симъ тоже самое доказываютъ подтвердительныя грамоты 1-я Давиіла митрополита всея Россіи 7038 [1530] года 27 Марта и 2-я Макарія митрополита всея Россіи 7050 (1542) года 24-го Марта, данная на Москвѣ. Всѣ эти грамоты сохранились донинѣ.

Такимъ образомъ въ концѣ XV-го вѣка построена прилежаніемъ первая церковь во имя Святаго Іоанна Предтечи въ честь и память Его Рождества, на томъ самомъ мѣстѣ, на коемъ стоитъ нынѣ существующая во имя того же святаго *).

Названіе Хаврогоръ надобно полагать произошло отъ высокихъ горъ, но первоначальные слоги *Хавро* не сохранили о себѣ никакого преданія. Первые обитатели Хаврогоръ были бѣглецы и бродяги Новгородскіе; они населялись въ XIV и въ XV вѣкахъ, и избрали себѣ мѣстомъ жительства Хаврогоры, какъ мѣсто зарѣчное, гористое, лѣсное и прилежащее къ большимъ ручьямъ и дремучимъ лѣсамъ и потому къ укывательству бѣглыхъ и бродягъ удобное и надежное. Первое занятіе ихъ было звѣриная и рыбная ловля, они какъ бродяги разныхъ мѣстъ, будучи безъ надзора и безъ всякихъ правилъ общежитія, чинили разбой въ двухъ лѣсистыхъ урочищахъ Тордовѣ и Немчиновѣ. Они грабили проплывающія по Двинѣ суда къ Холмогорамъ, убивали и не боялись никакого преслѣдованія отъ начальства. Кромѣ бѣглыхъ Новгородцевъ были еще и собственно такъ называемые Двинскіе жители «Чудь»; они были идолопоклонники, жили особо отъ Новгородцевъ, удаляясь всегда отъ нихъ. Преданіе указываетъ и самое мѣсто жительства чудскаго племени: они жили близъ святаго колодца, находящагося въ полуверстѣ отъ церкви, на долинѣ ровной; у нихъ не было печныхъ печей глиняныхъ, а простыя каменные, каковыя нынѣ на-

*) Окрестные жители лѣваго берега рѣки Двины называли сію первую церковь Івана Предтечи Задвинскаго; такъ и въ духовныхъ завѣщаніяхъ писали.

ходятся въ черныхъ баняхъ у крестьянъ; кромѣ сего указывается и на кладбищѣ дякого народа, жившаго въ древности на Двинѣ въ Хаврогорскомъ приходѣ ниже церкви въ 3-хъ верстахъ близъ деревни, называемой нынѣ Карзовыхъ (не русское), находящейся близъ Двины за ручьемъ, гдѣ высыпаются изъ горы человѣческія кости необыкновенной противъ нынѣшняго народа величины. Но кто изъ жителей Хаврогоръ въ настоящее время принадлежитъ къ Чудскому племени или Новгородскому, сего по причинѣ смѣшенія слухъ племенъ между собою отличить нельзя, а можно только предполагать на томъ основаніи, что Новгородское племя, какъ коренные Славяне, въ разговорномъ языкѣ удерживаютъ славянское окончаніе словъ, что особенно замѣтно въ употребленіи двойственнаго числа, напримѣръ работали двоима, троима и под. Они же въ отличіе отъ Чудскаго племени предпріимчивы, ремесленны и рѣшительны на все полезное, а послѣдніе напротивъ и съ нѣкоторою причудливостію, почему ихъ и называютъ иногда по выведенной пословицѣ «Чудими».

Жителей Хаврогоръ вообще всѣхъ именуютъ «*бесчетными*», каковое наименованіе получено ими издавна по слѣдующему случаю. Въ торговый день четвертокъ переправляясь предки нынѣшнихъ Хаврогорцевъ чрезъ рѣку Двину на карбасъ въ село Елицкое, были застигнуты на рѣкѣ бурей, волнами карбасъ былъ опрокинутъ и находившіеся въ ономъ потонули, кромѣ немногихъ спасшихся, которые съ помощію другихъ, отыскавъ погибшихъ, не могли досчитаться до того числа людей, которые находились въ карбасѣ. Всѣхъ ихъ было 40 человекъ, а изъ погибшихъ отыскали 50. Хаврогорцы не довольствуясь тѣмъ, что 40 было, а 50 нашли, говорятъ: «еще все не всѣ»; почему за незнаніе ими счета и дано имъ наименованіе *бесчетныхъ*, каковое слово для Хаврогорцевъ и служить упрекомъ и порицаніемъ отъ сосѣднихъ окрестныхъ жителей и извѣстно населенію большей части Холмогорскаго уѣзда.

Въ началѣ XVI вѣка населеніе Хаврогоръ значительно размножилось, что доказывается собственно христіанскою дѣятельностію: въ 1597 году была прихожанами построена другая деревянная церковь во имя Архистратига Михаила, теплая, на угорѣ близъ рѣки Двины у большаго ручья пониже Предтеченской. На имя сихъ обѣихъ церквей въ половинѣ XVI вѣка (не далѣе 1570 года) отказаны крестьянами значительныя въ разныхъ мѣстахъ пахотныя и сѣнокосныя земли въ вѣчное владѣніе, конны Хаврогорская церковь и нынѣ пользуется безпрекословно по имѣющимся на сіе право неоспоримымъ документамъ. Всей сей земли пахотной и сѣнокосной 40 десятинъ 1842 сажени. Земля сія находится въ разныхъ участкахъ; всѣхъ ихъ пять и отъ церкви отстоятъ самыя дальныя въ 5 верстахъ а прочіе при-

лежать ближе. Аренды за земли получается церковію 315 рублей, а въ прежніе годы до сего 1866 года, аренды вносимы были зерновымъ хлѣбомъ неравномѣрно и по условіямъ заключаемымъ при торгахъ.

Первостроенная Хаврогорская Предтеченская церковь стояла до 1614 года всего 122 года и за ветхостію была разобрана, и на томъ мѣстѣ построена новая, нынѣ существующая, еще довольно прочная, снаружи и внутри обшита половымъ тесомъ, на каменномъ фундаментѣ, который подведенъ въ 1840 году; церковь сія одиоглавая, высокая, корпусомъ круглая, первоначально была шатровая, но въ 1849 году 23 Іюня бывшею въ Хаврогорахъ бурей съ сильнымъ вѣтромъ церковь сію значительно поведило, куполь снесло и не только крышу сорвало, но и самыя бревна, къ которымъ она была прирѣплена, по направленію вѣтра унесло на четверть версты. Иконы въ сей церкви по своей древности и самый иконостасъ достойны вниманія; онѣ писаны въ 1650 году, и хотя въ 1861 году и были поновляемы по очертѣлости ихъ, но древній типъ вполне сохраненъ.

Челмохотскій сельскій приходъ Холмогорскаго уѣзда находится на правой сторонѣ рѣки Сѣверной Двины, 170 верстъ выше гор. Архангельска, и 85 отъ уѣзднаго города Холмогоръ.

Онъ раздѣляется на двѣ половины, лѣсными рѣчками: сверху Пукшеньгою, берущею начало изъ болотъ Кеврольской дачи, со многими побочными рѣчками, а снизу Челмохтою, отъ которой и называется. Приходскія церкви стоятъ почти на серединѣ прихода на равномъ мѣстѣ, имѣющемъ песчаный грунтъ.

Приходъ весь занимаетъ пространство въ длину 10 верстъ, 6 вверхъ и 4 внизъ, въ ширину оно незначительно. Съ южной и юго-западной его стороны до рѣки Двины находится около полуверсты сѣнокосный лугъ, тянуційся подлѣ Двины 6 верстъ и поросшій кустарникомъ ивы. Съ юго-восточной и сѣверо-восточной хвойный лѣсъ и рѣчка Челмохта, почему церкви со стороны кажутся зрителю окаймленными лѣсомъ, или же въ лѣсу, особенно съ рѣки Двины.

Рѣчка Челмохта, отъ церквей пересѣкая нижнюю часть деревень прихода, тянется между ими и лугомъ, вдоль на 3 версты къ сѣверо-западу до предпоследней деревни, гдѣ впадаетъ въ рѣку Двину. Деревни стоятъ къ сѣверо-западу по теченію рѣчки на правой сторонѣ на возвышенномъ мѣстѣ. На лѣвой, за рѣчкой сѣнокосный лугъ, подлѣ него течетъ Сѣверная Двина. Сзади прихода и деревень, въ близкомъ разстояніи находится лѣсъ и сырыя торфяныя болота. Верхняя часть прихода, находящаяся къ юго-востоку отъ церквей, чрезъ три версты лѣса, на возвышенномъ мѣстѣ, на правой сторонѣ рѣки Сѣверной Двины, раздѣляется лѣвою рѣчкою Пукшеньгою, тутъ же впадающею въ Двину.

Деревни верхнія съ трехъ сторонъ, кромѣ южной, окружены лѣсомъ и болотами. Деревни, какъ въ верхней, такъ и въ нижней части прихода, одна отъ другой находятся въ близкомъ разстояніи и почти въ продолговатомъ положеніи. Деревень небольшихъ въ приходѣ находится въ верхней части всѣхъ 6 до рѣчки Пукшеньги и 2 за нею. Въ нижней, кромѣ одной у церкви, — за Челмохтою 13, а всѣхъ вообще въ приходѣ 20; объ названіяхъ ихъ будетъ далѣе. Названія ихъ разныя, есть и русскія, но значенія ихъ объяснить оснований не находится. Первые жители, съ достовѣрностію можно полагать, были Новгородцы, поселившиеся чрезъ Олонецкую губернію, или изъ оной, а въ какомъ столѣтіи и году — положительно неизвѣстно. Прозванія крестьянъ нынѣшнихъ большая часть Олонцевыхъ, Феодоровцевыхъ, Богдановыхъ, Клишевыхъ и прочихъ, издавна ведущихся отъ выходцевъ, доказываютъ подобныя предположенія, и тѣмъ болѣе, что по преданію извѣстно, что первые жители обитали въ лѣсахъ, по рѣкѣ Пукшеньгѣ, гдѣ и нынѣ есть еще, хотя весьма устарѣлыя признаки ихъ жительства. Ремесло ихъ по разсказамъ было грабежъ по рѣкѣ Двинѣ на судахъ. Есть молва о кладѣ, будто бы находящемся около тѣхъ мѣстъ, и были попытки дѣланы въ его отысканію, но тщетно.

Волости: Челмохотская, и Пукшенская. — Съ котораго времени начала существовать Челмохотская волость достоверно неизвѣстно, покрайней мѣрѣ, должно полагать, что съ XVI или въ XVII столѣтіи, потому, что самостоятельность Челмохотской волости и прихода послѣдовала въ началѣ XVII столѣтія, а именно 1638 года. До сего 1638 года Челмохотская и Пукшенская волости находились въ зависимости и вѣроятно довольно времени по духовному управленію подъ Сійскимъ приходомъ, по мірскому — подъ Сійскою, Хоробрицкою, и Брилиноволоцкою волостями и составляли одну сотню.

Челмохчане, завися болѣе отъ Сіанъ, платя имъ бывшія тогда повинности, отправляя мирскія службы со стѣсненіемъ, и не имѣя при своей церкви священника, за которымъ для требоисправленій обращались въ Сійскій приходъ чрезъ рѣку Двину за 10, а съ Пукшеньги за 16 верстъ, рѣшились наконецъ отойти отъ Сіанъ волостью, и подали челобитную Царю и Великому Князю Михаилу Феодоровичу, по которой 1638 году и отдѣлились. Первая церковь была построена прихожанами 1639 — 1641 года по благословенію Афанасія митрополита великаго Новаграда и Великихъ Лукъ; тогда же переведенъ былъ къ ней священникъ изъ Сійскаго прихода.

Нынѣ въ семь приходѣ двѣ деревянныя пятиглавыя, на каменномъ фундаментѣ въ деревянной оградѣ, церкви, съ отдѣльною деревянною на столбахъ колокольнею, обшитыя всѣ тесомъ. Первая теплая, во имя Рождества

Пресвятой Богородицы, построена в 1709—1711 г. по грамоте Рафаила Архиепископа Холмогорского и Важеского прихожанами, вместо обветшалой, построенной 1639—1641 годах.

Вторая церковь холодная во имя Св. Великомученика Димитрия Солунского с приделомъ Праведнаго Прокопія Устюжскаго Чудотворца, одноэтажная. Построена прихожанами 1681 года по грамоте Преосвященнаго Корнилия Митрополита Новаграда, и Великихъ Лукъ, освящена по указу Афанасія архіепископа Холмогорскаго и Важескаго 1685 года.

Въ постройке обѣихъ церквей, какъ внѣшней такъ и внутренней, особеннаго нѣтъ. Кто былъ архитекторъ, составлявшій планъ церквамъ—неизвѣстно, равно и иконописецъ, писавшій въ церквахъ иконы. Настѣннаго письма, чудотворныхъ иконъ, мощей и древностей нѣтъ. Плана и фасада не имѣется, кромѣ копій съ актовъ. Подлинныхъ въ церковномъ архивѣ не имѣется, кромѣ копій съ нихъ, которыя съ подлинными свѣрены, въ должности секретаря архангельской консисторіи, коллежскимъ регистраторомъ Петромъ Иконниковымъ. Церкви утварью, ризницею и книгами достаточны.

Ближайшіе къ церквамъ приходы:

Холмогорскій въ 4-хъ, Сійскій въ 10-ти за рѣкою Двиною и Пингишенскій въ 12-ти верстахъ, по одной правой сторонѣ, за рѣчками Пукшеньгой и Пингишею. Собщеніе съ первымъ и третьимъ труднѣе втораго, особенно въ распутицу и лѣтомъ за ненахожденіемъ удобной дороги, кромѣ береговой подлѣ рѣки Двины и за перевозами.

Приписной церкви въ приходѣ нѣтъ, а находятся двѣ деревянныхъ часовни. Первая разстояніемъ отъ церквей въ 3-хъ верстахъ во имя Святителя Модеста, построенная въ 1722 году, по грамоте Варнавы архіепископа Холмогорскаго и Важескаго, находится въ деревнѣ Часовенской, по случаю бывшаго скотскаго падежа. Почему съ давнихъ лѣтъ бываетъ въ ней крестный ходъ изъ церкви 18 Августа и 18 Декабря. Вторая въ верхней части прихода, въ 4-хъ верстахъ отъ церкви, во имя Святаго Великомученика Георгія, построена по желанію прихожанъ 1717 года.

Кѣхотскій приходъ расположенъ на лѣвомъ берегу Двины, на половинѣ пути между Архангельскомъ и Холмогорами. Онъ занимаетъ пространство на 6 верстъ отъ Востока на Западъ и состоитъ изъ слѣдующихъ деревень Кѣхты, Сосниной горы, Чевакинской горы, Боровской и Острововъ.

Кѣхта,—слово финское,—сочная рѣка или лѣнвивая, то есть текущая тихо, безъ шума (Арх. Г. Вѣд. за 1853 годъ, № 5). Кѣхтою называется нѣсколько деревень,

расположенныхъ на устьѣ рѣки Кѣхты *), а именно: Григоровская, по просту называемая между крестьянами Подоль, Реутовская, — иначе Погость, Марковская или Гурьевъ Конецъ, Васильевская или Подлѣсье.

Всѣ эти деревни находятся близъ церкви и нынѣ слились почти въ одну нераздѣльную, такъ что не зная названія ихъ по концамъ, можно считать одною. Далѣе на югъ слѣдуютъ отъ церкви деревни: Быковская и Матвѣевская; — жители этихъ деревень перемѣшались домами, то есть числятся въ Матвѣевской деревнѣ, а живутъ въ Быковской и на оборотъ и занимаютъ три отдѣльные околотка: — Залѣсь, Сорочій околотокъ и Заручевье, одинъ отъ другаго отстоящіе не болѣе какъ на 100 сажень. И наконецъ за глубокимъ ручьемъ, на высокомъ мысѣ, Красногорская деревня, иначе называемая Мельницею, потому что подлѣ горою находится вододѣйствующій мукомольный заводъ; — здѣсь же во 2-й половинѣ прошедшаго и въ началѣ настоящаго столѣтія былъ лѣсопильный заводъ, на которомъ построено было два фрегата и корабль.

Сосногорская деревня или Соснина гора находится ниже Кѣхты отъ церкви въ 3-хъ верстахъ на небольшомъ холмѣ, а Чевакинская деревня или гора еще ниже Сосниной на одну съ четвертью версту; ихъ раздѣляетъ рѣчка Смердіе, вытекающая изъ озера Смердіе, отстоящаго отъ деревни на 4 версты и принадлежащаго Архангельскому монастырю; рѣчка Смердіе вмѣстѣ съ Кѣхтою тутъ же впадаютъ въ отливъ Двины. По самому крутому берегу этого отлива разстилается Чевакинская деревня, которая дѣлится по концамъ: верхній конецъ называется Микольщиною у Микольскихъ, середина — у креста, гдѣ дѣйствительно стоитъ крестъ, а другая половина срединная — на болотѣ, гдѣ мѣсто ниже и мокрое; и нижній конецъ у Епанъ, гдѣ жили прежде одни Епаньны.

Боровская деревня, небольшая—всего 3 дома, иначе называемая Вралѣва гора; она находится вблизи Васогорской деревни Кіажестровскаго прихода, которая также называется Вралевой горою. Около нея находится нѣсколько боровъ или холмовъ, и вблизи, позади деревни, есть небольшое озеро, содержащее въ себѣ соленую воду; когда-то въ нее снущены были и трубы; но вода мало содержитъ соли; въ весеннее время, во время водополья, въ него вливается прѣсная вода изъ рѣчки Смердіе.

Деревни Новинки и Горки, — попросту называемыя

*) Рѣчка Кѣхта въ топографическомъ описаніи называется Бульчихою,—а не Кѣхтою. Что отъ чего получило названіе: деревня ли отъ рѣчки или рѣчка отъ деревни, сказать трудно. А по приведенному выше объясненію слова Кѣхта, — Кѣхтою названа рѣка, а не деревня;—названіе же Бульчиха вѣроятно усвоено въ недавнее время.

острова, — стоять на острове, отъ церкви подъ горою, первая въ 1½ верстѣ, а вторая въ 3 верстахъ. Черезъ эти деревни по зимѣ проходитъ зимній извозный трактъ.

Всѣ деревни имѣютъ сообщеніе между собою и церковью постоянно удобное; только съ послѣдними — Васогорскою, Чевакинскою и Островами нѣсколько затруднительное во время водополюя и рѣжостава, но это продолжается не болѣе сутокъ.

Въ выше упомянутыхъ деревняхъ Кѣхотскаго прихода, по духовной росписи, числится прихожанъ: — государственныхъ крестьянъ мужскаго пола 478 женскаго 562 души и отставныхъ нижнихъ чиновъ съ ихъ семействами мужскаго 12 женскаго 13, а всего 490 мужскаго и женскаго 575 человекъ. Въ Кѣхотскому приходу относится Слободской раскольнічій скитъ. Онъ основанъ во 2-ой половинѣ прошедшаго столѣтія, при озерѣ Слободскомъ, отстоящемъ отъ селенія около 25 верстъ.

Озеро это въ длину до 7 верстъ, а въ ширину 1 верста и болѣе, изъ него вытекаетъ рѣчка Кѣхта, очень изобильная рыбою. Первоначально при немъ была одна рыболовная избушка, въ которой по лѣтамъ проживалъ рыболовъ; къ нему поселился сбѣглый солдатъ; къ нимъ двоимъ начали селиться и другіе, какъ изъ Кѣхотскаго прихода, такъ и изъ сосѣднихъ. Около 20-хъ годовъ въ ней поселился одинъ зажиточный крестьянинъ Иванъ Рѣпняковъ, изъ петербургскихъ артельщиковъ; онъ много содѣйствовалъ къ устройству скита и распространенію раскола; былъ знакомъ съ знаменитымъ петербургскимъ раскольнікомъ Зеленковымъ, который для этой цѣли послалъ ему заразъ будто бы 40 тысячъ рублей. Теперь, послѣ строгаго воспрещенія селиться вновь и уничтоженія вымершихъ келій, въ немъ остается 16 жилыхъ келій, въ которыхъ живетъ старыхъ, издавна поселившихся 14 старухъ, старики всѣ вымерли; впрочемъ и въ лучшее время скита, когда въ немъ было постоянныхъ жителей до 40 человекъ, мужчинъ было немного, не болѣе 5 человекъ. И вновь, въ теченіе послѣднихъ двухъ годовъ, поселилось въ него двое мужчинъ и четыре женщины.

Среди скита находится отдѣльная деревянная молельня, построенная 1788 года; она внутри раздѣлена заборкою на двѣ половины, мужскую и женскую; — иконостасъ составленъ большею частію изъ мелкихъ иконъ и безъ всякаго разбора, — иконы занимаютъ мѣста не по изображенію на нихъ и не по достоинству письма. Въ молельню собираются всѣ каждый день по три раза, къ утрени, часамъ и вечерни, которыя состоятъ изъ чтенія положенныхъ псалмовъ, молитвъ и поученій изъ сборниковъ и пролога, поютъ панихиды, и кажутся молебны, читаютъ псалтирь по умершихъ и о здравіи живыхъ; читаютъ всѣ посмѣнно; неграмотные исполняютъ свои часы поклонами.

Вѣрованіе въ скитѣ то же, что и въ приходѣ, то есть Федосѣевское согласіе, и потому одни другихъ поддерживаютъ и матеріально, и нравственно. Нѣкоторыя старухи раскольніцы уѣзжаютъ въ скитъ на нѣсколько недель, — особенно въ великій постъ; на праздники Рождества Христова, Благовѣщенія и Святую Пасху пріѣзжаетъ много раскольніковъ, а вмѣстѣ съ ними и православные, которые, во время молитвословій, а равно и раскольніки сомнительной нравственности, стоятъ въ притворѣ, какъ древле оглашенные.

Живущіе въ скитѣ содержатся преимущественно подаяніемъ, которое доставляется изъ разныхъ мѣстъ, а болѣе изъ городовъ Петербурга и Архангельска. По зимѣ старухи прядутъ, а помоложе ткуть полотна; старымъ пособляютъ ткать родственницы изъ прихода; по лѣту сажаютъ по немногу картофля, рѣдьки, лука, моркови, брюквы и сѣютъ рѣпу; ловятъ на озерѣ рыбу удами и мордами, и собираютъ довольно морошки, которую и продаютъ. Сообщеніе съ селеніями имѣютъ постоянное, но пѣшеходное только по лѣту и по осени, пока не промерзнутъ болота и ручьи.

Лисестровское селеніе находится въ 10 верстахъ отъ города Архангельска. Названіе Лисестрова (или Лисестрово) произошло по народному преданію отъ кореннаго жителя Листъ, чудскаго племени, жившаго на семь островѣ въ родѣ намѣстника или тиуна, собиравшаго доходы окладные, то есть хлѣбные, и не окладные то есть денежные. О необразованности Чудскаго народа и доселѣ осталась пословица или поговорка: «што это за Чудь такая». Скажемъ нѣсколько словъ объ этой Чуди. Изъ всѣхъ народовъ издревле по берегамъ Двинскимъ и по берегамъ Бѣлаго моря обиталъ господствующій Чудскій народъ, смѣшавшійся съ Русскими поселенцами; народъ сильный и торговавшій звѣриными промыслами съ Датчанами и Нормандцами, народъ, который подъ именемъ Заволоцкой Чуди извѣстенъ былъ Россійскому дѣписателю Преподобному Нестору. Несторъ полагаетъ сіе Чудское племя между данниками, подвластными Новгородскимъ Славянамъ, во времена, предварившія Рюриково княженіе, начавшееся въ лѣто 862. Сія Заволоцкая Чудь въ христіанскіе вѣка подъ владѣніемъ Новгородцевъ называлась Заволоцкою землею. Сія Заволоцкая земля въ концѣ XV столѣтія подъ самодержавнымъ владѣніемъ Великихъ Государей Россійскихъ переименована Двинскою землею или народомъ, нынѣ Лопарями, Самоѣдами и Зырянами, составляющими Архангельскую губернію. Вѣра у Заволоцкой Чуди была языческая. Заволоцкая земля до просвѣщенія святымъ крещеніемъ почитала идола Юмала или Юмала, о коемъ у Стурлесона упоминается, что прибывшіе въ Біармію отъ короля Шведскаго Олова, прозваніемъ Святаго, для торговли Торстъ и Карлъ съ деревяннаго

сего идола ожерелье сорвали, золото, серебро и чашу серебряную унесли съ деньгами.

Чудскій народъ покоренъ и святымъ крещеніемъ просвѣщенъ въ одиннадцатомъ столѣтіи Новгородцами, воспріявшими христіанскую вѣру въ самомъ концѣ десятаго столѣтія. Но въ которые годы сей небесный свѣтъ возсіялъ во тмѣ и сѣни смертной сѣдящимъ Заволочанамъ, какіе въ ихъ обращеніи по Евангелію употребляли способы христіанскіе проповѣдники, сколь долго продолжались ихъ святые подвиги въ крещеніи Заволоцкой Чуди, за крайнюю скудость историческихъ тогдашняго времени свидѣтельствъ, неизвѣстно. А какъ сія страна обще съ Новгородомъ подвластна стала Московскимъ Государямъ, то съ тѣхъ поръ были въ Холмогорахъ намѣстники и тиуны, а послѣ воеводы. Въ 1584 году Ѳедоръ Іоанновичъ велѣлъ заложить при устьѣ Двины новый городъ. Воеводы Нащогинъ и Воейксвъ основали городъ, въ 30 верстахъ отъ устья, гдѣ находится Архангельскій монастырь; вслѣдствіе чего и самый городъ получилъ названіе Архангельскаго или Архангельска. Въ Архангельскіе воеводы назначали не только знаемыхъ, но даже и ближайшихъ царямъ людей. Въ это время на Двинѣ находились царскіе данщики.

Въ 1598 году дана Лисестровскому приходу царская жалованная грамота. Эта грамота исключаетъ уполовинческое право брать повинность или подать данщикамъ ясакомъ, то-есть лисьими и бѣличьими шкурами.

Изъ этой грамоты можно заключить о существованіи прихода Лисестровскаго. Грамота дана отъ Царя и Великаго Князя Ѳедора Іоанновича, за приписью дѣяча Дмитріева по челобитію Лисестровской волости, Воскресенскаго церковнаго старосты Гришки Морозова на Борисовскую пустошь (гдѣ нынѣ деревня Семенова), и писана на Москвѣ 7105^а (1597) Марта 23-го дня; въ ней написано: «отъ Царя и Великаго Князя Ѳедора Ивановича всея Руссіи на Двину данщикомъ Томаку Тарасову съ товарищи. Въ прошломъ 7104 (1596) году Марта въ 31 день писана къ вамъ наша грамота по челобитію Лисестровской волости Минки Шудова. А велѣно вамъ тому Минкѣ дати на льготу пустошь Борисова погоста на шесть лѣтъ Марта съ 25-го числа 7104 (1596) году, по тожь число 7110 (1602) года, а нынѣ били намъ челомъ Лисестровской волости церковный староста Гришка Морозовъ, что той пустоши Борисова погоста половина полюбжи церковная Воскресенія Христова искони вѣчно. А другая половина полюбжи, той пустоши Борисова погоста за волостными людьми. И намъ ихъ пожаловати тое у нихъ пустоши отнимати не велѣти. А въ писцовыхъ книгахъ Князя Василя Андреева Звенигородскаго съ товарищи 7105 (1597) году написано: въ Лисестровской волости деревни тяглыя церковныя Воскресенія Христова, что на погостѣ пустошь Борисова погоста, а

въ ней дворъ пусть, пашни перелогомъ куды земли впускъ обжа, а другая половина за волостными людьми. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и выбѣ у церковнаго старосты у Гришки Морозова тое церковныя Воскресенія Христова, что на погостѣ, пустоши Борисова погоста полюбжи мимописцовыхъ книгъ не отымали и Минкѣ Шудову на льготу не отдавали; а велѣлибы естя на церковномъ старостѣ имати оброкъ въ нашу казну по двѣ гривны на срокъ на Госпожинъ день 7105 (1599) году. А съ которыхъ Воскресенія Христова церковныхъ черныхъ деревень емлютъ волостные крестьяне наши подати по своему волостному размѣту лѣхуя себѣ по веревкамъ, а не по писцевымъ книгамъ и не по сошной грамотѣ, а вы бѣ волостнымъ крестьянамъ съ тѣхъ церковныхъ деревень нашихъ податей по волостному размѣту по веревкамъ имати не велѣли, а велѣли бы естя съ тѣхъ церковныхъ черныхъ деревень наши подати по сошкамъ и по обжамъ чемъ ихъ описали писцы наши. А прочете еста сію нашу грамоту и списавъ съ нее противень отдали Гришкѣ Морозову назадъ для прежнихъ данщиковъ. Писана на Москвѣ лѣта 7105 (1597) Марта въ 23 день». Подъ сямъ черная печать, а на оборотѣ: Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичъ всея Руссіи. Припись: Дьякъ Дмитріевъ.

Первые поселенцы или выходцы Новгородскіе пришли сюда изъ Новгорода и первоначально поселились въ Холмовской деревнѣ и двухъ выселкахъ при той же деревнѣ и частію на Исаковой горѣ (въ древности Кононовой горѣ), какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ лѣтопись приписной къ Лисестровской церкви во имя Святыхъ Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла. Сія лѣтопись заключаетъ слѣдующее: «Божіимъ изволеніемъ и за предстательствомъ Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Присно Дѣвы Маріи и молитвами Святыхъ славныхъ и Всехвальныхъ Апостоловъ и Первоверховныхъ Петра и Павла скинія каолическая, режше Святая церковь Господа и Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа во имя преждереченныхъ Святыхъ Апостоловъ устроися къ молитвенному храму новымъ зданіемъ алтарь святыи и царскія врата и иконостасъ съ прочимъ благолѣпствомъ украсися и освятися чрезъ благодать Святаго Духа по благословенію Германа Архіепископа Архангельскаго и Холмогорскаго, на которомъ мѣстѣ издревле по писцовымъ книгамъ еще отъ лѣтъ семь тысящъ шестьдесятъ перваго года, и далѣе видимо тыже церковь имѣлась древняя, стоящая чрезъ 130 лѣтъ, дондеже за ветхостію совсѣмъ распадеса и развалилася и оттогда на мѣсто той церкви построень молитвенный оный храмъ стоявшій лѣтъ 50, даже и донынѣ построенныя святыя церкви; а бытія древнія церкви и молитвеннаго храма (по писцовымъ книгамъ) развѣ безъ мала 200 лѣтъ; самое же начало оныя весьма вѣще 200 лѣтъ, аже въ

лѣто семь тысячъ шестьдесятъ первое, 1553 въ царствованіе Іоанна IV Васильевича, и тогда уже была безъ пѣнія, а начало пѣнія нами чрезъ записки необрѣтено, токмо отъ старожиловъ глаголемо, ако изъ начала при той церкви священникъ нарочно проживалъ для Божественной службы, приходшій изъ области Новограда и принесшій нынѣ видимо сіяющіе святые мѣстные образа и Деисусъ на полуденной сторонѣ, который и построилъ реченную древнюю церковь, которой красота одѣяся и нынѣ по писанному новозданная церковь и украсися якоже и древняя туюжъ пресвѣтлую красоту Божества Невѣста Христова воспріяла. Сего не лиши Премилостивый Господь Богъ и Пресвятая Богородица за молитвы свв. апостоловъ Петра и Павла и нынѣшнимъ родомъ Божественную и Пречистую славу свою и всей святой церкви благословляти и славити нынѣ и въ безконечные вѣки. Аминь».

Лисестровскій приходъ, кромѣ села, обнимаетъ собою слѣдующія населенныя мѣста: деревню Часовскую, Нестеровскую, Лукинскую, Исакогорскую съ шестью выселками—Исакова гора, Шурковская гора, Бурминская гора, Малое Заручаево, Большое Заручаево, Нарья,—деревню Холмовскую съ двумя выселками—Малая и Большая Лахты,—Окуловскую, Семеновскую, Амосовскую, Кривлявскую, Любовскую, Лѣтнинскую, Валдушинскую, Кутозерскую—въ просторѣчи Кривохутскую, Хамьяновскую, Малокорзихонскую, Большекорзихонскую (по рѣчкѣ Корзихонкѣ), Волоховскую съ тремя выселками—Воронье, Невѣрово, Бутырка, деревню Глухонскую, Запольскую, Бакаревскую, Варавинскую, Юрасскую съ двумя выселками—Дряхлицынскимъ и Куропшевскимъ, Журавинскую съ тремя выселками—Новинки, Большой и Малый Кривые Боры. Домовъ во всѣхъ этихъ селеніяхъ считается 465; жителей—1376 м. п. и 1587 ж. пола. Изъ названій деревень видно, что они произошли: или отъ имени перваго поселенца, или отъ свойства мѣстоположенія, или отъ прозванія урочища, при которомъ деревня выстроилась.

Число жителей на Зимнемъ Берегу не велико—418 мужскаго пола. Всѣ они принадлежатъ къ одному приходу Зимне-Золотицкому и находятся въ слѣдующихъ поселкахъ: Верхней Золотицѣ, Нижней, Инецкомъ выселкѣ, Ручьяхъ, Ручейкѣ, Майденскомъ хуторѣ, Чубальскомъ выселкѣ, Больше-Вазинскомъ выселкѣ, Мегрѣ и Майдѣ, послѣдніе семь хотя и принадлежатъ къ Золотицкому приходу, но находятся на другой части Зимняго Берега—сѣверной.

Деревня Верхняя Золотица, Архангельскаго уѣзда, отъ Архангельска отстоитъ на 180 верстѣ. Называется Зимнею потому; что находится на Зимнемъ Берегу и въ отличіе отъ Лѣтней, стоящей на Лѣтнемъ Берегу Бѣлаго Моря въ Онежскомъ уѣздѣ.

Названіе Золотицы деревня получила вѣроятно отъ

рѣки Золотицы, протекающей посрединѣ деревни. Часть селенія, расположенная на правомъ берегу рѣки, зовется Зарѣчье, или за рѣкой, а на лѣвомъ Холмомъ, или на Холму потому, что мѣсто, гдѣ стоятъ дома, гораздо выше зарѣчья.

Верхнею деревня зовется отъ того, что стоитъ по теченію рѣки выше Нижней Золотицы (устья), находящейся при самомъ впаденіи рѣки Золотицы въ Бѣлое Море.

Золотица основана первоначально Чудью, и это достоверно. Ибо и до сихъ поръ еще на правомъ берегу рѣки, повыше деревни, есть мѣстность, сохранившая названіе Чудской ямы. На этомъ мѣстѣ, по рассказамъ жителей, первоначально поселилась и жила Чудь. Показываютъ также и мѣсто Чудскаго кладбища, на лѣвомъ берегу рѣки, повыше Савина ручья. Нынѣшніе жители Золотицы потомки Новгородцевъ, по рассказамъ крестьянъ, бѣжавшихъ сюда въ то время, когда переимѣняли вѣру. Но это преданіе неправдоподобно. Новгородцы переселились сюда или 1) сами для промысла дорогихъ пушныхъ и морскихъ звѣрей, или 2) переселены сюда для той же цѣли Новгородскими боярами, какъ крѣпостные, или 3) всего вѣроятнѣе, предки Золотичанъ убѣжали изъ Новгорода на Зимній Берегъ потому, что не хотѣли покориться власти князей Московскихъ.

Можно полагать, что нѣкоторые изъ бѣглецовъ приговорены были къ казни даже и тогда, какъ переселились уже въ Золотицу. Ибо и до сихъ поръ осталось, на памяти народа, названіе мѣста Вѣшалная яма, или на Вѣшальной, находящейся пониже деревни, на правомъ берегу рѣки Золотицы.

Названія или прозванія, характеризующаго достоинство или недостатка, золотичане не имѣютъ. Только мудьюжане замѣчаютъ, что зимній проѣздъ золотичанъ въ Архангельскъ всегда бываетъ съ сильною непогодю. Если поднялась сильная непогода, мудьюжане говорятъ: Золотичане въ городъ поѣхали. Объ этомъ странномъ, но всегда къ несчастью золотичанъ, вѣрномъ замѣчанію мудьюжанъ, въ Золотицѣ носится народное преданіе, вотъ какое. Преподобный Антоній Сійскій, однажды проходя по Зимнему Берегу, попросился въ Золотицѣ ночевать, но, никѣмъ непущенный, переночевалъ въ овино, и, когда обратно проходилъ чрезъ Золотицу, сказалъ золотичанамъ: за то, что вы не пустили меня ночевать, всегда будете ѣздить съ погодою по зимнему пути.

Урочищъ, носящихъ какое-либо особенное замѣчательное названіе въ Золотицѣ нѣтъ, ручьи, пожни и мѣстности носятъ названія русскія: или отъ именъ жителей, или ихъ фамилій, или наконецъ отъ самаго свойства и вида мѣстности.

Сумскій посадъ находится въ Кемскомъ уѣздѣ въ 28 верстахъ отъ уѣднаго города Кемь. Онъ расположенъ

по объѣмъ сторонамъ не широкой, съ довольно крутыми каменистыми берегами, рѣки Сумы, въ трехъ верстахъ отъ впаденія ея въ Бѣлое Море.

Названіе посада «Сума» по объясненію г. Рейнеке произошло отъ первыхъ здѣсь обитателей финскаго племени *vuoma-laiset*, которое совершенно исчезло и не оставило по себѣ никакихъ преданій *).

Народное преданіе говоритъ, что Новгородцы, селившіеся по побережьямъ Бѣлаго Моря, заняли мѣсто нѣсколько выше по рѣкѣ отъ нынѣшняго селенія, въ такъ называемомъ загорьѣ (за слободою).

Между Сумлянами извѣстна поговорка, которою они характеризуютъ себя: «Сума не купитъ ума, сама продаетъ». Поговорку эту, какъ говорятъ, сказалъ когда-то одинъ изъ Сумлянъ въ отвѣтъ таможенному чиновнику, грозившему поймать его съ контрабандою.

Въ память жителей, до сихъ еще поръ, посадъ сохранилъ свои старинныя названія, которыми дѣлятся на слѣдующія части: «Низовье», населеніе, начинающееся отъ возморья; отъ Низовья слѣдуетъ «Жемчужный рядъ» **), самая середина селенія; за посадомъ слѣдуетъ «Верховье», часть сего послѣдняго, состоящая изъ нѣсколькихъ бѣдныхъ домиковъ и называющаяся «Труновымъ рядомъ» ***).

Другая половина посада по другую сторону рѣки, близъ острога, называется «Нагорье или погостъ», далѣе Кислая губа ****) и наконецъ на выѣздѣ «слобода». Холмъ же, на которомъ находятся церкви, называется Городовуха.

Церквей въ Сумѣ двѣ: каменная во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, построенная въ 1635 году, и деревянная во имя Николая чудотворца, сооруженная въ 1768 году.

Вотъ тѣ мѣстности, къ которымъ главнымъ образомъ относится этнографическій матеріалъ, собранный сотрудниками П. С. Ефименка. О физическихъ свойствахъ самаго населенія, бытъ коего описывается въ этихъ матеріалахъ, авторы или ничего не говорятъ, или кратко упоминаютъ, что народъ Архангельской губерніи есть самый русскій, крѣпкій и здоровый. Только П. А. Ивановъ съ свойственною ему подробностію остановился и

*) Гидрографическое описаніе Сѣвернаго берега Россіи. Изданіе 1850 года. Часть I, стр. 416.

**) Сумляне рассказываютъ, что въ „Жемчужномъ ряду“ жили самые изъ богатѣйшихъ обывателей посада, жены которыхъ украшали себя жемчугомъ.

***) Названіе „Труновый рядъ“ произошло вѣроятно отъ слова „трунь“, что въ Сумѣ значитъ оборвышь, бѣднякъ.

****) Сзади „Кислой губы“ лежитъ холмъ съ котораго послѣ дождей и при таеніи снѣга текутъ ручьи, усиливая сырость и зловоніе. Отсюда можетъ быть и происходить слово „кислая“. Губою же по всей вѣроятности назвали потому, что въ этой части посада рѣка врывается въ берегъ и образуетъ губу, которая въ лѣтнее время высыхаетъ.

на вопросѣ о физическихъ свойствахъ населенія Пинежскаго уѣзда, для этнографіи коего онъ представилъ вообще такіе обильные матеріалы. Очень можетъ быть, что природныя свойства остальнаго населенія Архангельской губерніи, по крайней мѣрѣ средней части ея, подходятъ хоть отчасти подъ изображеніе Пинежанъ, предлагаемое г. Ивановымъ. Тѣмъ любопытнѣе должно быть это единственное въ нашемъ «Сборникѣ» описаніе физическихъ свойствъ мѣстнаго населенія. Вотъ что сказано въ немъ:

«Люди, начавшіе первѣе всѣхъ жительство въ настоящемъ Пинежскомъ уѣздѣ, были народъ изъ древняго финскаго племени, кочующій, грубый. (Арх. сбор., ч. I-я стр. 304—315). Вслѣдствіи народъ этотъ былъ названъ Сѣвѣрною Чудью, а Новгородцы называли его Заволоцкою Чудью.

«Какъ повсемѣстно слилась Чудь съ русскимъ населеніемъ славянскаго племени, такъ это произошло и здѣсь. (Списокъ насел. мѣс. Арх. губ., л. XIV). Теперь все народонаселеніе уѣзда составляетъ чисто русскій людъ, или великороссовъ; но примѣсь отдѣльныхъ племенъ съ чистокровными русскими становится въ Архангельской губерніи замѣтно болѣе, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ. Итакъ настоящіе жители уѣзда — изъ поколѣнія Чуди, сроднившіеся сперва съ удалыми Новгородцами, а потомъ съ другими племенами русскаго населенія.

«Въ жителяхъ уѣзда число женскаго пола душъ превышаетъ мужской. Ихъ и родится и умираетъ болѣе, чѣмъ мужчинъ.

«Крестьяне рѣдкіе переживаютъ 80 лѣтъ. Замѣчено, что женщины здѣсь живутъ до глубокой старости, до какой не доживаютъ мужчины.

«Жители Пинежскаго уѣзда способны къ перенесенію суровости своего полярнаго края. Они спокойно сносятъ всѣ невзгоды, случающіяся въ годины несчастій.

«Освоившись съ климатическимъ вліяніемъ, они имѣютъ то здоровье, которымъ отличается Архангельскій народъ. Некрасиво со стороны, что при здоровьи челоуѣкъ здѣшний походитъ на заspanную фигуру; но что дѣлать, такимъ уже отпечаткомъ надѣляетъ его полярная природа!

«Люди здѣсь плотнаго, дороднаго тѣлосложенія и одарены силою. Но приемы ихъ непринужденно лѣнны, изящества въ тѣлодвиженіяхъ нѣтъ, какъ равно хорошей осанки и особенной ловкости. Съ наружи люди кажутся скорѣе хилыми, а не мало есть и такихъ, которыхъ наружность по худосочию отражается видомъ изнуренности, какъ бы отъ голода или отъ болѣзней, и довольно сухощавыхъ.

«Напротивъ у женщинъ замѣчается тучность, толстота и овислость.

«Уже извѣстно, что сильный холодъ замедляетъ біеніе сердца и сжимаетъ органическіе сосуды. По этому, живя

въ полярномъ краѣ, человѣкъ здѣшній вообще малъ ростомъ, какъ и вообще народъ Архангельской губерніи, терпѣливъ, упрямъ и въ духовномъ отношеніи неподвиженъ. Малый ростъ есть печать скудныхъ даровъ отечества.

«Но, разсмотрѣвъ ростъ здѣшняго мужчины ближе и по соображенію съ рослостію въ другихъ уѣздахъ, увидимъ, что мужчины здѣсь роста средняго.

«По физическимъ условіямъ, для приѣма въ рекруты жителей Пинежскаго уѣзда, по закону, донинѣ сохраняется прежній ростъ 2 арш. 2 $\frac{1}{2}$ вершка (въ другихъ мѣстахъ Россіи 2 арш. 3 вершка).

«Складъ челоѣка болѣе правильный, ровный; но замѣтна сутуловатость и нѣкоторая несоразмѣрность членовъ».

Образъ Пинежскаго жителя г. Ивановъ рисуется такимъ образомъ:

1). Очертаніе головы шарообразно. Черепы пропорціональны и довольно объемисты; но замѣчается и чрезвычайная величина годовъ.

2). Шеи болѣе короткія; съ широкимъ загривкомъ (затылкомъ).

3). Волосы черепа жестки, грубы, не совсѣмъ густые, нѣсколько курчавые и болѣе совершенно гладкіе. Цвѣтъ ихъ: русые и черные, переходящіе въ рыжеватые, такъ что болѣе съ свѣтлыми волосами на головѣ. Волосы у женщинъ хватаютъ иногда до задницы и ниже. Длинная коса въ почетѣ.

4). Лобъ широкій, но не такъ высокій и развитый.

5). Уши не выходящія изъ соразмѣрной величины.

6). Физиономія серьезна, въ угрюмой обстановкѣ, исключая молодыхъ женщинъ съ игривой улыбкой.

7). Господствующій цвѣтъ лица бѣлый и немного смугловатый. Въ лѣтнее время лица запекаются солнечнымъ жаромъ. За исключеніемъ 16—25 лѣтнихъ, у прочихъ лица блѣдныя, безъ румянца. У молодыхъ мужчинъ лица бываютъ полныя, а у пожилыхъ—тощія, съ рѣдкими исключеніями. У женщинъ же—полныя, гладкія и румяныя. Красныя здѣшнія бабы, что называется, кровь съ молокомъ.

8). Черты лица округлены и не рѣзки. Люди, вообще невзрачны собой.

9). Женщины вообще красивѣе мужчинъ; но онѣ рано старѣютъ въ замужествѣ.

10). Не мало увидѣть можно людей обоого пола изуродованныхъ оспою, веснушками и бородавками. Рябья лица показываютъ, что достаточно есть пренебрегающихъ предохранительною оспою.

11). Щеки у мужчинъ хотя бываютъ и широкія, но мало овалыстыя, болѣе впаляя; у женщинъ же широкія, овалыныя и надутыя или *опухлыя*. Вообще скуловыя

кости широки и выдаются угловато; но лица все-таки имѣютъ овальную форму при отличительной ширинѣ. Характеристическая поговорка: *Пинега, Мезень—толста селезень*.

12). Глаза осѣняются высокими, отстоящими другъ отъ друга не густыми бровями: черными, и болѣе—свѣтло-русыми. У пожилыхъ онѣ нахмурены, а у молодыхъ не мало въ излучинахъ.

13). Глаза: сѣрые, каріе и черные болѣе, съ длинными рѣсницами. Они не малы и выдаются: либо на выкатъ, либо узко, когда впалые въ орбиты.

14). Носы болѣе умѣренные, но замѣтно широкоплатосковатые. Есть толсто-круглые, прямо-тупые, приплюснутые къ верху и попадаются съ горбомъ по срединѣ.

15). Ротъ—органъ ѣденія, вообще, не малъ, а въ частности: большой и малый, т. е. неодинаковъ. Замѣтно выдается немного впередъ.

16). Гортанный звукъ у мужчинъ неблагозвученъ и даже непріятенъ; у женщинъ же чистый голосъ и болѣе или менѣе мужиковатый.

17). Губы толстоваты, полныя.

18). Подбородки толстыя, широкіе, круглые и мало выдающіеся, иногда двойные.

19). Зубы небольшіе, бѣлые, здоровые, не очень рѣдкіе, но у нѣкоторыхъ выходящія изъ рта на видъ и изъ пропорціи обыкновенной длины.

20). Усовъ и бороды не сбываютъ. Усы очень малы и рѣдки.

21). Бороды рѣдковолосыя, *клиномъ* т. е. прямыя, строгія, къ вискамъ скудныя. Но есть курчавыя бородки, бороды густыя и крутыя, какъ бараньи шапки, и такія есть *бородачи*, что у нихъ лице бываетъ усѣяно густыми и длинными отъ губъ до шеи и отъ подбородка до висковъ (окладистыми) бакенбардами, усами и бородою, но рѣдко.

22). Цвѣтъ кожи бѣлый. Не мало есть такихъ, у которыхъ обильно растутъ волосы по всему тѣлу.

23). Плечи—обыкновенны; но при сутуловатости широкія. Груды развитыя, широкія и возвышенныя. Подныя груди женщины, на виду, прибавляютъ ей красоту.

24). Руки грубы, съ мозолями на ладоняхъ. Ногти на пальцахъ отращиваются большіе.

25). Станъ нестройный, не гибкій, исключая нѣкоторыхъ немногихъ. Талии толстыя.

26). Ноги толстыя, не длинныя и косыя. *Ступни* ногъ (стопы) сильно развитыя. Пяты ногъ толсты. На подошвахъ затвердѣлыя мозоли. На нижнихъ пальцахъ ногти нарастаютъ безобразно.

27). Походка или поступь не твердая, спокойная, тихо-лѣнивая (тяжела на подъемъ русская натура, по по-

словницъ), отчасти съ перевальцемъ, какъ бы качающаяся, съ опущенною къ низу головою, нисколько не важная, ни торжественная, ни гордая. Старые ходятъ подпираясь длинными палками, что придаетъ имъ заслуженный почтенный видъ.

28). Босы у здѣшнихъ дѣвушекъ удивительной величины. Распустя ихъ, они совершенно могутъ закрыть себя со всѣхъ сторонъ.

29). Въ формахъ преобладаетъ округлость, и видно накопленіе жира. Въ особенности у женщинъ сквозь кожу просвѣчиваетъ румянецъ.

30). Лиственную сѣру безпрестанно жуютъ особенно дѣвцы. Дѣлаютъ это для того, чтобы сдѣлать пріятнымъ

дыханіе. Но отъ того же укрѣпляются у нихъ десны, а зубы получаютъ бѣлизну.

31). Отличія особенностей въ образѣ человека здѣшняго уѣзда предъ другими жителями губерніи, мы дать не беремся, потому что въ народѣ почти нѣтъ общей фizioноміи и черты нельзя не признать неправильными. Однако извѣстно же, что народъ, населяющій губернію, мало-схожъ между собою, если даже принять въ сравненіе одинъ уѣздъ съ другимъ *).

*) Въ описаніи Тулгасскаго прихода о жителяхъ его сказано: „почти всѣ роста средняго и здоровы тѣломъ, члены котораго соразмѣрны между собой. Господствующій цвѣтъ лица — бѣлый, глаза — голубой, волосы — русый, бороды — темнокарий“.

ГЛАВА II.

ВНѢШНЯЯ ОБСТАНОВКА.

Программа для собиранія свѣдѣній о постройкахъ въ Архангельской губерніи.—Свѣдѣнія, собранныя П. А. Ивановымъ, о жилищахъ и постройкахъ крестьянъ Пинежскаго уѣзда: расположеніе селеній, улицы и ряды, обклады избъ, части ихъ, внѣшняя и внутренняя отдѣлка, печь, солныша, палаты, окна, украшенія, убранство горницъ; черныя избы, дворовыя постройки, хозяйственныя службы, промысловыя постройки, заводы; освѣщеніе, топливо, мѣста для сна, для стирки бѣлья; домашняя утварь и посуда.—Церковныя постройки.—Дополнительныя свѣдѣнія, представленныя г. Ивановымъ.—Чертежи крестьянскихъ домовъ и усадебъ, представленныя А. Шадринымъ.—Свѣдѣнія о постройкахъ въ селѣ Усть-Пузь, доставленныя священникомъ Ст. Мессодіевымъ.—Его же свѣдѣнія о разнаго рода рукодѣльныхъ и хозяйственныхъ орудіяхъ.—Свѣдѣнія священника П. Павлова о постройкахъ въ Хаврогорскомъ приходѣ.—Свѣдѣнія священника А. Колчина о постройкахъ и домашней утвари въ селѣ Пингшахъ.—Свѣдѣнія священника В. Таратина о постройкахъ и утвари въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ.—Свѣдѣнія о томъ же священника І. Глазковского о Челмохотскомъ приходѣ.—Такія же свѣдѣнія о Сумскомъ посадѣ, доставленныя г. Шешенинымъ.—Свѣдѣнія священника Федорова о постройкахъ въ Лисестровскомъ приходѣ.—Свѣдѣнія священника Владимірца-Розонова о постройкахъ и утвари въ селѣ Зимней Золотицѣ.

Еще для Московской Политехнической выставки 1872 года, на которой между прочимъ предполагалось дать значительное мѣсто изображенію современнаго состоянія строительнаго дѣла въ Россіи, по Архангельской губерніи собирались свѣдѣнія по слѣдующимъ вопросамъ:

а). Какой архитектурный характеръ имѣетъ постройка крестьянскихъ избъ въ губерніи? Строятся ли избы одноэтажныя, двухъ-этажныя или болѣе?

б). Какого рода наводятся крыши на избахъ—крутыя или плоскія? Чѣмъ кроются зданія (какъ крестьянскія, такъ и владѣльческія): желѣзомъ, цинномъ, тесомъ, черепицею, сланцемъ, дранью, гонтомъ, толемъ, картономъ или соломою, и въ послѣднемъ случаѣ какой употребляется способъ покрышки (съ глиняною смазкою, съ тарновкою или обыкновеннымъ способомъ). Необходимо приложить примѣрныя указанія о преобладаніи того или другаго рода крышъ. Есть ли на крышѣ украшенія?

в). Строятся ли избы на каменномъ фундаментѣ или нѣтъ? Есть ли надъ избами подвалы, подъизбицы и т. п.?

г). Сколько въ избѣ комнатъ и какъ онѣ расположены?

д). Есть ли при избѣ лѣстницы, внутреннія или наружныя?

е). Есть ли въ избѣ дымовыя трубы или нѣтъ?

ж). Бываютъ ли при избахъ крыльца или свѣтлицы? Бываютъ дворы крытые или некрытые?

з). Куда обращены окна, какъ велики ихъ размѣры, и есть ли на нихъ украшенія?

и). Стоитъ ли жилое зданіе въ связи съ нежилыми или отдѣльно?

і). Какъ размѣщены избы въ селеніяхъ: выходятъ ли онѣ окнами на улицу или стоятъ во дворахъ? Расположены ли строенія рядами безъ промежутковъ или съ промежутками, прямыми улицами или ломаными, съ переулками или безъ нихъ, или всѣ строенія разбросаны отдѣльными хуторами или дворами?

к). Есть ли въ селеніяхъ площади, и чѣмъ онѣ обставлены? Какое положеніе относительно селенія занимаютъ церкви и дома духовныхъ лицъ: стоятъ ли они въ центрѣ селенія или площади, или образуютъ отдѣльные приселки? Стоятъ ли помѣщичьи усадьбы среди селенія, или образуютъ отдѣльные поселки?

л). Расположены ли селенія вдоль рѣкъ, или въ между-рѣчныхъ пространствахъ, и какими вообще обстоятельствами обуславливается размѣщеніе селеній—присутствіемъ ли воды, линіями дорогъ и т. п.? Если есть селенія между рѣками и линіями дорогъ, то вслѣдствіе чего они возникли?

м). Существуютъ ли въ селеніяхъ губерніи кирпичныя избы? Замѣтно ли въ новѣйшее время увеличеніе кирпичныхъ построекъ въ городахъ и селеніяхъ?

н). Существуютъ ли въ губерніи мазанки и строенія изъ каменныхъ валуновъ? Суть ли эти постройки—зданія жилыя или не жилыя, и не преобладаютъ ли онѣ въ томъ или другомъ родѣ построекъ, въ той или другой мѣстности губерніи?

о). Откуда вообще, при постройкѣ каменныхъ сооруженийъ въ губерніи, берутся строительные матеріалы? Какія есть въ губерніи каменоломни? (перечислить ихъ, отдѣляя каменоломни строительнаго матеріала отъ ломокъ камня жерноваго, точильнаго, гипса и камней, служащихъ для украшеній и памятниковъ, каковы: мраморъ, гранитъ, лабрадоръ, и для обжиганія извѣсти). Какіе способы добычи камня употребляются въ губерніи? Какія есть въ губерніи разрабатываемыя мѣсторожденія глины строительной, горшечной, фаянсовой и фарфоровой?

п). Какой матеріалъ служитъ въ губерніи для шоссеиныхъ дорогъ и откуда онъ берется? и

р). Какимъ вообще путемъ привозятся въ губерніи строительные матеріалы, сбываются ли произведенія каменоломенъ—въ предѣловъ ея и куда именно?

Хотя матеріалы, доставленные въ отвѣтъ на эти вопросы, не могутъ быть названы ни особенно полными, ни обстоятельными; но нѣкоторые изъ нихъ заслуживаютъ того, чтобы быть приведенными, если не въ цѣломъ своемъ видѣ, то хоть въ извлеченіяхъ.

Начнемъ съ извлеченій изъ статьи волостнаго писаря П. А. Иванова: «Жилища и постройки крестьянъ Пинежскаго уѣзда».

Населенныя мѣста въ Пинежскомъ уѣздѣ расположены при рѣкахъ Немнюгѣ (Кеврольской), Покшеньгѣ, Явзорѣ, Немнюгѣ (Кулойской), Кулоѣ, и рѣчкахъ: Чугѣ, Гбачѣ, Цетрогоркѣ, Чушелкѣ, Сурѣ, Нюхтѣ, Выемѣ и Юлѣ и при озерахъ (чѣмъ далѣе отъ уѣзнаго города, тѣмъ менѣе): Курѣ, Соляѣ, Окатовомъ, Юрольскомъ, Холмовскомъ и Заозерѣ, а гораздо болѣе половины всего населенія утвердилась по главной здѣсь рѣкѣ Пинегѣ.

Деревни расположились на высокихъ мѣстахъ, такъ чтобы *вешна вода не пообидѣла*. Но есть дома и на низкихъ мѣстахъ и частію на островахъ, гдѣ въ большія воды наводняется и наводненіе дѣлаетъ уносы и поврежденія; такія мѣста называются *поемными*. Впрочемъ неудобства эти можно встрѣтить только въ волостяхъ: Никитинской, Ярушевской, Бирючевской и Совпольской.

Нельзя сказать, чтобы мѣста, на которыхъ расположены селенія, не были выбраны съ умомъ и вкусомъ, ибо вблизи ихъ всегда почти есть проточная вода, а кругомъ растутъ тѣнистыя деревья, или же на открытыхъ мѣстахъ, гдѣ свободенъ проходъ воздуха и туманы разносятся легкимъ вѣтромъ. Ко всему этому слѣдуетъ присовокупить разборчивость на дары сѣверной природы: деревни либо очерчиваются замѣчательными рвами, косогорами, дорогою, или обрамляются рѣками, рѣчками, ручьями, нивами и лугами. Вообще мѣста хороши, по взгляду сѣвернаго жителя. Но эта красота является на короткое время. Въ длинную же зиму въ деревняхъ тихо, какъ бы безжизненно, въ полномъ смыслѣ уныло,

а вокругъ—мертвая тишина на улицѣ; одно трепетное завываніе сильныхъ порывовъ вѣтра; далѣе—на огромномъ пространствѣ ровный снѣжный покровъ и дремучіе лѣса. Видъ жилищъ дѣлается однообразенъ, печаленъ, сиротливъ; дома заносятся снѣжными сугробами, а внутри ихъ: дымно, грязно, некрасиво, скучно.

На многія деревни понынѣ нѣтъ плановъ. Отъ того и отъ неразборчивости имѣютъ деревни имѣютъ по большой части неправильное расположеніе. Особенно дома, построенные въ давнишнее время, стоятъ, мало того, что хило, какъ старушка стара, но и не по порядку раскинуты тамъ и сямъ, въ разныхъ направленіяхъ и разстояніяхъ, гдѣ *ошлядились* или *прижались-оплать* (очень смежно) другъ къ другу, а гдѣ напротивъ одинъ отъ другаго далеко, или гдѣ идутъ почему-то ровно, а гдѣ то высунулись впередъ, то ушли назадъ; между ними же образуются *саулки, проулки, переулки* (промежутки между дворами) всегда съ сырою грязью, или же показываются слишкомъ просторныя пустыя мѣста. Все это произошло отъ того, что прежде выбирать мѣста подъ постройки предоставлялось крестьянамъ по собственному ихъ произволу и, разумѣется, каждый занималъ то мѣсто, которое ему нравилось. Только кое-гдѣ, къ удивленію, показываются среди деревень круглыя площадки. Впрочемъ еще съ недавнихъ поръ вошелъ здѣсь въ дѣйствіе строительный уставъ, а время переимѣнить и видъ построекъ, и понятія ихъ хозяевъ.

Строиться улицами было издавна въ обычаѣ у русскихъ. Такъ и здѣсь въ деревняхъ есть улицы, но онѣ не имѣютъ особыхъ названій, а дѣлятся на околотки или просто называются: тамъ... на задней улицѣ... позади... назади... впереди... попереди... на томъ концѣ (нижнемъ или верхнемъ), въ томъ или другомъ ряду. Есть улицы широкія, но довольно и узкихъ, кривыхъ и безобразныхъ, которыя по зимѣ отъ снѣжныхъ мятелей дѣлаются непроходимыми и непроѣзжими, а лѣтомъ грязны, вязки, мокры. Мощенныхъ улицъ нигдѣ нѣтъ, а грязныя изрѣдка заваливаются щепьемъ или щебнемъ и пескомъ, и то по какому-либо распоряженію начальства.

Мостовыхъ (мостковъ) около домовъ тоже нѣтъ; а гдѣ ужь очень грязно, тамъ чрезъ улицу кое-гдѣ просто набрасываютъ доски, жерди и колья. Путь бываетъ вездѣ по одной дорогѣ и для конныхъ, и для пѣшихъ.

Дома стоятъ хотя и не на поемныхъ, но болѣею частію на сырыхъ, необращаемыхъ въ сухія, мѣстахъ; вокругъ ихъ грязь; спереди, съ боковъ и сзади всякая нечистота, и къ ней же прибавляются разные домашніе помои, а отхожія мѣста почти вовсе не вычищаются.

Всякая падала: скоть, овцы, собаки, кошки, протухшая рыба, птица и т. п. бросаются куда ни попаало, или въ ближайшія озера, а не зарываются въ землю. Стоячія воды въ озерахъ производятъ броженіе и при

тихой атмосферѣ, особенно съ росой, зловоніе рѣзко поражаетъ непривычнаго къ такимъ деревенскимъ благоуханіямъ, и лишь проносные вѣтры спасаютъ народъ отъ болѣзней, поражающихся отъ гнилыхъ испареній. О проведеніи же канавъ на улицахъ въ грязныхъ мѣстахъ, или для пронука воды изъ вредоносныхъ озеръ, не бываетъ и помина.

Избы строятся болѣе на одинъ крестьянскій вкусъ и стройка ихъ довольно хороша собой по сельскимъ понятіямъ. Дома дѣйствительно помѣстительны, удобны, довольно красивы, чисты строеніемъ и, будучи крѣпко построены, вполне защищены отъ стихій. Не даромъ же о сельскихъ постройкахъ въ Архангельской губерніи многіе отзывались хорошо.

Дома всегда строятся продолговатыми *глазами* (лицевой стороною зданія) къ рѣкѣ или къ озеру, а боковымъ фасадомъ во дворъ. Любимое же мѣсто обращенное лицомъ къ востоку.

Они становятся болѣе въ два ряда; когда же постройка ведется въ нѣсколько уличныхъ линій, или *порядковъ*, то строенія обращаются передомъ тоже на улицу, но, по ранѣе сдѣланному очерку, и неудивительно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дома выходятъ на улицу задомъ. Линіи называются *рядами*, *порядками* и *сторонами*.

Во всемъ уѣздѣ сельскія строенія деревянные, т. е. изъ плотныхъ бревенъ, и только въ рѣдкихъ деревняхъ на каменныхъ фундаментахъ. Чтобы, вмѣсто каменнаго фундамента, дома были на *ступьяхъ* или сваяхъ, мнѣ не случалось видѣть. У нѣкоторыхъ домовъ для прочности, нижніе вѣнцы окачивались берестою. Дома строятся на ровномъ совершенно мѣстѣ, или на невысокой заваленкѣ (земляной насыпи).

Какъ всякая постройка зданія дѣлается изъ растущаго лѣса, такъ и всякая при этомъ подѣлка бываетъ изъ деревъ же. Строительные матеріалы вездѣ мѣстные, ибо строеваго лѣса въ здѣшнемъ краѣ очень достаточно. Они заготавливаются не всѣми одновременно, а въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и доставляются къ мѣсту работъ постепенно. Гвоздей при постройкѣ дома идетъ самая малость, такъ какъ бревна, полы и потолки, въ случаѣ надобности, скрѣпляются посредствомъ вырубаемыхъ зубцовъ: въ нижней части—*зарубки*, а въ верхней—*выемки*.

Постройка начинается съ того, что дѣлается *окладъ* (закладывается основаніе) и не рѣдко случается, что закладка дома дѣлается въ первый годъ, а самая постройка продолжается съ слѣдующаго года.

Форма домовъ четверугольная.

Бревна, употребляемая для постройки жилыхъ избъ, выбираются преимущественно толстыя, длинныя и, при всемъ томъ, преимущественно здоровыя.

До начала постройки деревья очищаются отъ верхней

коры и просушиваются. Но есть дома, построенные изъ неочищенныхъ отъ коры бревенъ и не просушенныхъ хорошо; такія строенія конечно не бываютъ долговѣчны. Деревья не пилятся въ брусъ, какъ это дѣлается сельскими жителями въ другихъ губерніяхъ. Стѣны образуются изъ накладываемыхъ въ квадратъ бревенъ *кружкомъ*, *вершинами* однихъ къ коньямъ другихъ. Только для нѣкотораго уравниенія толщины, верхнія и нижнія оконечности дерева отрубаются топоромъ, а по окончаніи постройки всѣ неровные концы отпиливаются вдругъ пилою по угламъ.

Капитальныя стѣны, *чтобы не веело избное тепло*, проконопачиваются чернымъ мхомъ, особенно полы, пазы (скважины) въ мѣстахъ сращенія деревъ. Мохъ накладывается вездѣ тогда, когда нужно бревно класть выше и выше. Но, сказываютъ, что съ такою укупоркою дома бываютъ не такъ прочны, какъ прочіе; отъ того и отъ мягкаго грунта мѣста, на которомъ построенъ домъ, онъ постепенно съ годами *осѣдаетъ* и *кривится*, а потому нерѣдко дома подводятъ (поднимаютъ) и *жараватъ* (вставляютъ новыя бревна въ основаніи); разумѣется это дѣлается не вскорѣ, а лѣтъ черезъ 10—25. Бываютъ и такіе дома, въ стѣнахъ которыхъ нѣтъ мха, потому что прежде положенія наверхъ бревна нижняя сторона его выдолблена и вырублена *желобомъ*, концы оно уже плотно садится на нижнее бревно, не оставляя сквознаго прохода или щели, которыя проконопачиваются *наклею*. Поэтому такимъ домамъ отдають предпочтеніе въ плотности, да и строить ихъ собственно люди богатые.

Постройка производится зодчими изъ туземныхъ *плотниковъ* и нерѣдко самими хозяевами. Инструменты при этомъ употребляются: желѣзные топоры, пилы, скобки, струги, долота и буравы.

Жилыя избы у крестьянъ строятся или небольшими флигелями, въ одинъ этажъ, съ одною избой и нѣкоторыми *пристройками* и иногда комнатками, либо обширнымъ зданіемъ—домомъ въ два этажа съ вышкою, которая отчасти придаетъ дому снаружи видъ трехъ-яруснаго, въ которомъ однако-жъ заключаются не всѣ домовыя службы. Высота стѣнъ у флигелей бываетъ до 6 и 8 аршинъ, а высота двухъ-этажныхъ домовъ до 3 и 4 сажень.

Всякій домъ дѣлится на *передъ* и *задъ*. Въ двухъ-ярусномъ домѣ верхнія комнаты называются *верхомъ*, а жилыя комнаты въ нижнемъ этажѣ *подъизбицей* или *подполицей*. Самые этажи именуются *жилами*. Мезонинъ или свѣтелка—называется *вышкою*, а чердакъ *подволокою*. Чердаки бываютъ сухіе и на нихъ помѣщаются негодныя вѣнцы, развѣшиваются вѣнники, а осенью дома украшаются кистями вывѣшенной рябины. Лѣстницы къ нимъ бываютъ изъ сѣней, или неподвижныя съ перилами, или приставныя, обыкновенныя плотничныя.

Отъ стихій, вѣтра, дожда и снѣга, дома закрываются хоромами (крышами). Верхніе ряды бревенъ, на которыхъ утверждается крыша, и самая крыша, вмѣстѣ ваятыя, называются иногда *сараямъ*. Кровель на домахъ повсемѣстно дѣлается на два ската. Крыши бываютъ довольно высокія; вершины ихъ на срединѣ остроконечны; а дѣлаются онѣ изъ *теса* (досокъ), топорной работы, или иногда изъ *тесницъ*—пильного дѣла, полагаемыхъ рядомъ съ покрывкою во второй рядъ по одной доскѣ на двѣ нижнихъ, и нерѣдко съ фронтонами. Концы тесницъ на верху острія крыши укрѣпляются на стропилахъ *князкомъ*, т. е. большимъ выдолбленнымъ бревномъ (или отесаннымъ треугольникомъ), которое скрѣпляетъ крышу на самомъ верху, будучи пропущено во всю ея длину. Это самое верхнее бревно, идущее вдоль крыши, называютъ также *охлупнемъ* (Холмогорскій и Шенкурскій уѣзды). Въ Пингалахъ избы сводятся косякомъ, тесаными на два ската. Въ Курьѣ избы закрыты сосновыми досками въ жолобъ подъ охлупень. Князекъ заканчивается съ обонхъ концовъ на подобіе продолговато-остраго, либо тупаго птичьяго носа, а по всему ему сверху наколачивается десять или болѣе макушекъ. Внизу крыша укрѣпляется двумя жолобами (желубами), по той и по другой длиннымъ сторонамъ фасада во дворъ; они служатъ и для стока съ отлогихъ и широкихъ концовъ крыши дождевой и снѣговой воды. Для прочности жолобы осмаливаются и поддерживаются *кочерезками* (числомъ отъ 4-хъ до 12-ти съ каждой стороны), которыя вдѣлываются въ верхніе вѣнцы стѣнъ и пропускаются къ *поперечнымъ* стропиламъ, на которыя накрывается плотно тесь. Эти вбитые въ верхніе ряды стѣны деревянные крюки, поддерживающіе потолокъ съ крышею, носятъ названіе *курицъ*. Концы этихъ курицъ, называемыхъ еще *окручьями*, снаружи похожи то на конья головы (морды лошадей), то на голову змѣи съ разинутою пастью, то на голову какого-либо животнаго съ стоячими ушами, или рогами. Вся же совокупность бревенъ, входящихъ въ составъ жилой части описываемыхъ зданій, называется *стопюю*. Но есть не мало домовъ, а въ особенности *полу-домовъ* (не достроенныхъ), на которыхъ крыши плоскія, просто накрытыя тесомъ.

У нѣкоторыхъ домовъ, на концахъ кровель, *выводятся* деревянные *карнизы* (разныя украшенія), а у оконъ втораго этажа и мезониновъ съ лицевой стороны дѣлаются *навѣсы* (галереи или балконы) съ перилами, называемые болѣе *выходами*; окрашиваются они у рѣдкихъ домовъ; крышъ и куполовъ у нихъ не бываетъ.

Красятъ крыши *) и углы вымазываютъ дегтемъ для прочности только зажиточные хозяева; также очень рѣдко углы околачиваются досками.

*) Господствующій въ окраскѣ цвѣтъ—желтый и отчасти зеленый.

Домовъ образцовыхъ, т. е. выстроенныхъ съ чистомъ отдѣлкою, либо на каменныхъ фундаментахъ, либо обшитыхъ и окрашенныхъ, или съ раскрашенными крышами и углами, не болѣе двухъ десятковъ.

Лѣстницы дѣлаются болѣею частію неуклюже. Онѣ бываютъ болѣе съ *мауличья*, съ боковъ домовъ, чаще съ южной стороны. Въ другихъ же домахъ входъ бываетъ одинъ съ деревяннымъ *предмостьемъ* (вмѣсто крыльца) изъ толстыхъ брусевъ, а оттуда входъ идетъ и въ нижній и въ верхній этажи. У нѣкоторыхъ же домовъ входовъ бываетъ два: грязный и чистый. По первому крыльцо низкое, т. е. предмостье, иногда только съ просто сдѣланными перилами,—ведетъ въ низъ;—верхній же входъ состоитъ изъ лѣстницы, о нѣсколько ступеней, которая обыкновенно выводитъ на террасу, называемую *рундукомъ*. Это крыльцо, крытое, либо не крытое, бываетъ обыкновенно забрано съ двухъ сторонъ досками, или украшено перилами изъ витыхъ и точеныхъ баясь. Оно дѣлается на *стойкаль*, и на немъ иногда устраиваются лавки и бываютъ желѣзные скобки, для оскобленія ногъ въ грязной обуви. *Надѣльсы* (крышка крыльца) у нѣкоторыхъ домовъ украшаются простою рѣзьбою.

Отъ лѣстницъ обыкновенно идутъ и *ворота* въ дома. Они бываютъ всегда однопольныя, отворяются на желѣзныхъ крюкахъ, и запираются толстыми желѣзными полосами. Надъ воротами ставятъ мѣдные или деревянные кресты и иконы.

Сѣни вездѣ раздѣляютъ домъ по срединѣ на двѣ равныя половины; но часто и сами онѣ раздѣляются на дѣлянки съ *перегородками* изъ досокъ: однѣ сѣни *избныя*, другія горничныя; послѣднія часто замыкаются замкомъ и обращаются подъ складываніе разнаго имущества. Вообще сѣни, по большей части бываютъ необширныя, смотря впрочемъ по дому, но иногда онѣ кажутся длинными и темными корридорами. Для освѣщенія сѣней дѣлается просвѣтъ, или просто изъ прорубленныхъ дыръ, или же изъ одного и двухъ небольшихъ оконъ. Сѣни всего болѣе бываютъ холодныя и весьма рѣдко теплыя. Полъ сѣней и самыя сѣни называются *мостомъ*.

Комнаты болѣе устраиваются *сподрядъ съ избой* и рѣдко съ боку, или сзади дома. Потому задъ его (т. е. другая половина) почти всегда остается болѣе *музою* (не жилой, холодной). Но, не смотря на то, входы бываютъ особые въ каждую комнату и рѣдко изъ комнаты въ комнату.

По этому и двери дѣлаются почти въ каждую комнату особыя. Однѣ бываютъ постоянно однопольныя и, подобно домовымъ воротамъ, деревянные, въ три продольныя доски, столярной работы, четырехугольныя довольно низкія, вышиною до двухъ аршинъ, а шириною отъ 1 1/2 аршинъ; отворяются снаружи къ себѣ, а изъ

комнаты отъ себя, и при томъ такъ, чтобы, выходя, ступать чрезъ порогъ приходилось не лѣвой, а правой ногой. Самая пола (створы) называется *дверью*, а посяки около нея въ стѣнѣ—*ободвериню*. Въ дверямъ прибавляются *крюки, тали, петли, пробои, лебедки, ващелки и крючки*. Для тепла въ зимнее время двери заботливыми семьянами обиваются со стороны сѣней рогожами и циновками, а по бокамъ *ободверины*, со стороны избы, приколачиваютъ связанные пучки ржаной соломы, прикрѣпляя ихъ гвоздями и кусками кожи. Всѣ заботы крестьянъ обращены на то, *чтобы на улицу тепло изъ избы не вышло, а стужа—не могла заходить въ избу*, тогда какъ и безъ того избы отапливаются жарко, такъ что стѣны и двери чернѣютъ.

Изба *)—это людская или черная половина крестьянскаго обиталища, гдѣ живутъ всѣ, какъ бы семейство ни было велико; въ ней стряпаютъ, моютъ бѣлье, работаютъ, помѣщаются куры и собаки и (какъ въ верховскихъ деревняхъ) кормится домашній скотъ. Она дѣлается всегда обширною и въ равномъ разстояніи въ какую угодно сторону. Такое разстояніе, взятое въ длину, бываетъ отъ трехъ до четырехъ и болѣе сажень; въ вышину же изба отъ пола до потолка сажени полторы и менѣе.

Стѣны избы бываютъ внутри голыя, бревенчатыя или *отдѣланныя* (обтесанныя).

Потолки и полы въ избахъ *набираются* обыкновенно брусчатые: изъ деревъ, у которыхъ горбы (горбыли) отпиливаются, и середина дѣлается толстою, а съ боковъ уже; потому самому *половица* и *потолочница* выходятъ въ ширину болѣе въ три и четыре объема, чѣмъ въ толщину. Но бываютъ въ избахъ потолки бревенчатые изъ накатника круглаго или распиленнаго пополамъ (это, когда домъ одноэтажный). Въ двухъ-этажномъ домѣ полъ втораго этажа дѣлается особо, а потолокъ для нижняго жилья также особо. Межъ этими поломъ и потолкомъ накладывается песокъ или земля, *чтобы не уводило тепло въ верхъ* подполки. И при одноэтажномъ домѣ, для удержанія тепла, сухая земля или песокъ насыпаются равно сверхъ потолка. *Потолочницы кладутся на матицы*, которыхъ приходится на комнату по одной и по двѣ, а въ нижнемъ этажѣ по три, и которыя бываютъ толстыя, или изъ круглыхъ, или изъ обращенныхъ въ брусъя деревъ; половицы же въ нижнемъ этажѣ *кладутся, настилаются на подполки*, а въ верхнемъ, на балки—(арки) сверхъ потолка нижняго этажа. Потолочницы и половицы сплываются деревянными шипами. Такъ какъ полы и потолки на другой же годъ *рассыпаются и расходятся*, то они разбираются и снова сплываются.

*) Это относится до бѣлыхъ избъ; о черныхъ же избахъ см. ниже.

Печи въ избахъ дѣлаются изъ обыкновеннаго краснаго или алаго кирпича, туземной выдѣлки, цементованныхъ *ишлою* (глиною); но много ихъ бываетъ *ишломатныхъ* т. е. сдѣланныхъ изъ битой глины. Предварительно устраиваютъ *печное мѣсто*, ставятъ въ колоду четыре столба; столбы распираютъ въ стѣны избыя поперечинами во всѣ стороны; поперечины эти служатъ грядками или полками. Въ горницахъ печи голландскія. Но главная печь въ избѣ такая же, какъ и вездѣ у сельскихъ жителей въ Россіи,—чисто русская, широкая, какъ слѣдуетъ быть печарнямъ, всегда четырехугольная и на деревянномъ высокому фундаментѣ.

Печь называется *печкою* и раздѣляется народомъ на слѣдующія части:

1). *Напечь* *)—очагъ и лежанку сверху. Тутъ складываются дрова, лучина и все просушиваемое; тутъ же жители отогрѣваются отъ холода.

2). *Боровокъ* (сводъ) и *чело* (фронтонъ отъ устья). На боровокъ кладутся для просушки разныя вещи.

3). *Устье* (отверстіе печи спереди), служащее для накладки дровъ и для поставки и сажанія кушаній въ печь. Оно закрывается *заслонкомъ* изъ листоватога желѣза, а мѣсто предъ печью отъ чела до шестка завѣшивается иногда одной или двумя койками, *занавѣсками*. Въ устью, когда печь топится, дабы *пыло не шло* сильно, приставляются горшки.

4). *Подъ* (каменный полъ въ ней) выкладывается изъ кирпича.

5). *Занеты* (два бока пола, къ заслону ближайшіе), куда загребаются кочергой уголья и помеломъ сметается зола.

6). *Шестокъ*, (полъ снаружи отъ заслона), *окладенный изъ кирпича*, или же сдѣланный изъ плитоваго камня. Въ послѣднемъ случаѣ шестокъ и называется *плитой*.

7). *Жаратокъ*—стороны шестка, отъ которыхъ продолжается дымовое отверстіе въ верхнюю часть свода.

8). *Кутъ*—дальняя сторона въ печи.

9). *Горнушка*—(безъ поясненій понятно устройство) на шесткѣ.

10). *Опечекъ* или *подопечье*—конурка съ ставнемъ или дверцами. Туда кладутся печныя вещи: дрова, растопка, ухваты, кочерги и прочее.

11). Снаружи печи, съ наружнаго бока и спереди, выдѣлываются *печурки*, въ видѣ небольшихъ окошечекъ, гдѣ хранятся огне-дающіе матеріалы, мыло, мочалки и гдѣ сушатся или согрѣваются рукавицы, чулки, онучи, катанки и т. п.

*) Она еще называется кошачьимъ городкомъ, ибо тамъ любятъ располагаться кошки.

Трубы дымовыя отъ печей обыкновенны: четырехугольной формы, не высоки, ниже одного аршина сверхъ крышъ и выводятся въ вертикальномъ положеніи; а въ двухъ-этажныхъ домахъ располагаются въ главнокапитальныхъ стѣнахъ, *выходятъ кольнами*, потому что, при соединеніи трубъ въ одинъ выходъ, своды ихъ ведутся *бороздами*, устроенными въ наклонномъ положеніи; проходы называются *дымоволоками*. Трубы выкладываются изъ кирпича, который цементуется глиною. Когда печь бываетъ истоплена, трубы закрываются, или закрываются чугуннымъ блинчикомъ (кружкомъ, закрывающимъ трубу—ранѣе вьюшки) и чугунною или глиняною *вьюшкою* (сверху блинчика), для чего въ трубѣ и дѣлается гнѣздо. Тутъ, гдѣ труба закрывается, дѣлаютъ входъ для выниманія и закладыванія руками вьюшекъ (во множественномъ смыслѣ подразумѣваются и вьюшка, и блинчикъ); онъ заслоняется желѣзнымъ *ставенькомъ*, или кирпичемъ и иногда по бокамъ затыкается тряпками. Вьюшки бываютъ въ трубахъ отъ каждой печи, или въ началѣ ихъ, или на чердакѣ; въ другихъ же домахъ сверхъ вьюшекъ на подолокѣ, бываютъ пропускаемы въ трубы, въ началѣ ихъ, *листы желѣзные*, которые *выдвигаются и задвигаются* по мѣрѣ того, много или мало нужно держать жару. Трубы отъ накопляющей сажн очищаются шваброю, но очень рѣдко; ибо у крестьянъ есть свой способъ очищенія сажн:—протапливать печи осиновыми и ольховыми дровами *).

У многихъ домовъ четвертая часть избы противъ печи отдѣляется заборкою, перегородкою, называемою *шолнушею*, *солнышею*, или *солнышемъ*. Это—досчатая перегородка по грядкѣ, протянутой отъ сруба печи, начиная отъ угла оной до противоположной стѣны комнаты. Она занимаетъ пространства въ избѣ въ длину немного болѣе печатной сажени, въ ширину равняется съ шириною печи спереди, а въ высоту до потолка не доходитъ. Въ иныхъ домахъ, вмѣсто деревянной *заборки*, бываютъ пестрядиные, холщевые и крашенные занавѣсы. Въ этомъ отдѣленіи придѣлываются *грядки*, *полатки*, *полки* и *поллицы*, вокругъ всей перегородки, и тамъ же хранятся всѣ бабьи домашнія орудія и хозяйственная утварь. У иныхъ хозяевъ въ углу шолнуши за печью устраиваются жернова для молотья крупы и хлѣба. Въ нѣкоторыхъ домахъ близъ печей дѣлаются небольшія *прилазки* или *юлбчики*. Голбецъ передъ печью—составляетъ ходъ подъ полъ, куда кладутся разные припасы, могущіе въ избѣ замерзнуть. Вообще подъ помоль, въ солнышѣ или избѣ дѣлается *подполье*—не глубокая яма, въ родѣ погреба, иногда съ укрѣпленнымъ бревенчатымъ срубомъ, съ небольшою лѣсенкою и входомъ посредствомъ опуск-

*) Этотъ способъ, принятый крестьянами Архангельской губ., былъ опубликованъ въ журналѣ М—тца Вн. Дѣл.

ныхъ дверецъ. Если въ избѣ не бываетъ заборки, то бываетъ пространное запечье, которое тоже именуется *шолныша*.

Вообще же уголь, противоположный запечному, составляетъ собственную принадлежность хозяйки, ребятишекъ и кухонной обстановки, блюды, горшковы, чашекъ и пр. Запечный уголь—темный: въ немъ помѣщаются жернова для молотья и укрываются хозяйнъ и хозяйка, когда не хотятъ кому показаться. Вдоль стѣнъ передней и боковой ставятся лавки; надъ окнами приколачиваются или *полки*, или вмѣсто ихъ оттягивается изъ цѣлаго бревна карнизъ—*зынза*. Въ избѣ тоже тянутся, наравнѣ съ другими грядками и воронцемъ, вокругъ стѣнъ надъ окнами, до полатей, печи и солныша, грядки и полки. Иногда выше грядокъ подъ потолкомъ на перекрестъ изъ стѣны въ стѣну укрѣпляются рядомъ по двѣ жерди, называемыя *марами*, на которыхъ сушатъ лѣсъ для подѣлокъ, рыболовныя сѣти и т. п.; или черныя грядки для сушенія жита.

Въ избѣ, при входѣ, надъ дверью устраиваются какъ бы висячія *полати* или *нары* (антресоли) изъ полатницъ (досокъ гладкихъ), расположенныхъ по грядкѣ отъ стѣны, гдѣ двери, и по воронцу (брусу, протянутому изъ боковой стѣны къ стѣновому столбу сруба, который поддерживаетъ печь). По этому полати бываютъ въ длину равны длинѣ печи, но нерѣдко дѣлаются по выше очага ея, почти наравнѣ съ потолочною матицей. На полати складывается разная ношебная одежда и иногда все, что ни попало, безъ разбора; также онѣ назначены для спанья и помѣщенія дѣтей, такъ какъ на нихъ воздухъ обыкновенно теплѣе избнаго.

Для восхода на печь и на полати къ деревянному основанію печи придѣлываются приступки, лѣстница изъ двухъ или трехъ брусчатыхъ не широкихъ ступеней, къ верху узкихъ, а иногда еще къ двумъ столбамъ, пропущеннымъ по угламъ печи, прибавляются по ниже лежанки перилы, просто изъ одной жерди для облегченія подъема на верхъ. Сверхъ того перилами же служитъ деревянная распорка означенныхъ двухъ столбовъ, обыкновенно приходящаяся наравнѣ съ краемъ очага.

Въ избѣ, отъ *воронца*, къ потолочному матню протягивается березовый *стязъ* (крѣпкая жердь), называемый *очапомъ*; въ потолокъ онъ укрѣпляется желѣзнымъ кольцомъ. Къ свободно качающемуся концу очапа привѣшивается дѣтская зыбка (люлька), вродѣ деревяннаго продолговатаго ящика, безъ крышки, или же *корзинка*. Это бываетъ, когда въ семьѣ есть малютка.

Оконъ въ комнатахъ прорубается не всегда четное число и не всегда одинаковой мѣры, что портитъ наружный видъ домовъ. *Окошки* бываютъ четырехугольныя, продольныя или въ высоту, или въ ширину. Рамы вставляются деревянныя, переплетенныя въ крестъ, со стеклами.

Большую частью оконницы небольшие, опускаемые, или вовсе не открывающиеся и состоящие из одних рамь летом и зимою. Стекла в рамах зеленые, само собою разумеется, не чистые, тусклые; их в рамь бывает три в ширину и два в высоту, или на оборотъ, а каждое стекло величиной в четверть и меньше. Окно дѣлается немного, и они выходят на улицу только спереди, а съ боковъ мало. Прибавимъ къ этому, что стекла содержатся въ грязи, бываютъ часто разбитыя, вставляются больше изъ кусочковъ, смазанныхъ толстымъ неровнымъ слоемъ замазки, или замѣняются сахарной и газетной бумагой, и потому летомъ въ избахъ бываетъ темно *среди бѣлаго дня*; а по зимѣ рамы и стекла обмерзаютъ дикими рисунками и сосульками на толстой ледяной корѣ, отпотѣваютъ снутри (отсырѣваютъ), гниютъ и производятъ сырость въ самыхъ комнатахъ. У зажиточныхъ же крестьянъ окна бываютъ *красныя, косячатыя и створчатыя* на шолнерахъ отъ *отводога* и *косякога*, при томъ обширныя, свѣтлыя изъ бѣлаго или полу-бѣлаго стекла съ рамами, выкрашенными бѣлыми на маслѣ, въ шесть кисточекъ, т. е. двѣ в ширину и три в высоту съ *порожками* (внизу) и *подъоконья* (нижняго косяка). На зиму у зажиточныхъ въ окна вставляются *двойныя рамы*, межъ которыхъ на обоконье всыпается песокъ, а на него иногда кладутся: бѣлый мохъ, вѣтви рябины съ ягодами, куски кирпича, соль въ *тюричкахъ* и т. п.

Окна бываютъ еще волоковые, небольшія в два стекла, *въ ставняхъ* (втулкахъ), которыя съ улицы обиваются кожей, или чѣмъ либо другимъ. Ставни эти вставляются на мѣсто лѣтнихъ рамь на зиму. *Окошечки*, поддерживаемыя снутри на *вертлюжкахъ*, бываютъ вынимаемы изъ ставней, когда надобно что-либо подать изъ избы на улицу: милостыню нищему, рукавицы или ременьку ушедшему безъ нихъ мужику, или отвѣтить проѣзжающему на его вопросъ и проч. А въ старо-древнихъ домахъ, которыхъ находится много, есть еще окна изъ *слуды*, вставленной въ желѣзныхъ разнообразныхъ рамахъ.

У оконъ приколачиваются *наличники* и *карнизы*, а во многихъ домахъ сверхъ того придѣлываются къ *стойкамъ ставни* (дверцы на желѣзныхъ петляхъ) для закрытія оконъ, когда нужно бываетъ. Онѣ *приставляются на день* къ стѣнамъ деревянными или желѣзными *вертлюжками*, или *припорами* (жердями отъ земли), а на ночь зимою для тепла закрываютъ самыя окна. Стороны ставней, открывающіяся наружу днемъ, для прочности вымазываются смолою и дегтемъ, или размалеваются мѣломъ, либо охрою; у хорошихъ же домовъ ставни бываютъ расписныя, т. е. на нихъ для приврасы рисуются различные цвѣты, рѣзныя линейки и другіе знаки. Однако же ставни бываютъ не у всякаго дома, и крестьяне,

вмѣсто нихъ, къ окнамъ на ночь приставляютъ соломенные *коверки*. Кромѣ того у зажиточныхъ хозяевъ окна въ домахъ завѣшиваются ситцевыми и кисейными занавѣсками.

Изъ сказаннаго выше можно было видѣть, что постоянную мебель крестьянской избы составляютъ: *грядки* полки, наполненныя разными приборами и посудой, *полати*, загроможденныя разными разностями, *очапъ* съ *зыбкою* и *прилавокъ* у печки. Кромѣ того за мебель слѣдуетъ считать: 1) *Лавки* въ избахъ или *скамейки* въ горницахъ. Онѣ бываютъ неподвижныя, подлѣ стѣнъ, кругомъ избы. Это низкія сидѣнья (четверти на двѣ съ половиною отъ пола), замѣняющія диваны и стулья, бѣлыя, устроенныя изъ довольно толстыхъ досокъ. Но въ родѣ такихъ лавокъ бываютъ подвижныя бѣлыя *скамейки*. Онѣ приставляются къ стѣнамъ вдоль ихъ и берутся для сидѣнья, когда встрѣчается надобность (напр. ими обставляютъ праздничные столы). 2) *Стульчики* или низкія *скамеечки*, простаго издѣлія, связанныя изъ ивовыхъ стволковъ, съ дощечкою посрединѣ наверху; стулья изъ простаго бѣлаго дерева съ закругленными спинками. 3) *Столъ*. Онъ составляется изъ *столовика* (гнѣзда ножекъ) и *столѣшницы*, длинной и чрезвычайно огромной доски, выдѣланной изъ одного дерева, или изъ нѣсколькихъ сколоченныхъ досокъ. Столъ стоитъ всегда въ *переднемъ углу* *), длиною отъ него къ углу, гдѣ порожекъ. На немъ совершается трапеза и стряпаются хлѣбы и другія печенья изъ тѣста. 4) *Наблюдники*. Они еще зовутся *блюдниками* и *блюдешками*. Это рядъ полокъ съ перильцами, прибитыхъ другъ надъ другомъ къ стѣнѣ въ солнышѣ пониже грядокъ; за нихъ кладутся въ прямомъ или покатомъ положеніи: *блюды*, тарелки, чашки, вилки, ножи, ложки и т. п. 5) *Шкафикъ* съ дверцами надвое или безъ оныхъ, или поставецъ съ посудой въ углу солныша. 6) *Глиняная рукомойка*, или мѣдный *рукомойникъ*, повѣшенный отъ воронца или грядки близъ печи, или близъ порога въ углу. Подъ рукомойкой *лохань* (ведро-лоханка) на деревянной тумбѣ и тутъ-же *вѣшникъ*. Надъ рукомойкой *вымза* (небольшая грядка), на которую кладется мыло. Но главнѣе всего избу украшаетъ *божница* (планки или треугольникъ) въ переднемъ углу, обставленная образами на иконахъ и картинахъ. Кромѣ того въ избахъ иногда бываютъ *косыя зеркала* съ утиральникомъ, и у нихъ лежатъ или висятъ на *снуркахъ* *гребни*. Утиральники еще висятъ на особыхъ гвоздяхъ у печей.

Въ домахъ поселянъ рѣдко бываетъ болѣе четырехъ комнатъ: самая обычная постройка въ два и три *пока*;

*) Переднимъ угломъ называется тотъ уголъ, гдѣ божница; а такой уголъ въ избѣ тотъ, который не занятъ солнышемъ.

жилой избы, иногда особой *скотной избы* *) и горенки; но въ некоторыхъ домахъ между избой и горенкой бываетъ четвертая средняя комнатка объ одномъ окнѣ, въ сажень ширины; она называется *чуланчикомъ*.

Горенки у зажиточныхъ крестьянъ бываютъ въ длину и ширину по 3 саж., у незажиточныхъ же онѣ чисто *кокурки*, съ двумя или тремя и много четырьмя окнами, съ одними рамами, не болѣе 1½ саж. въ ширину, 3 саж. въ длину и 1 саж. въ высоту. Капитальныя стѣны бываютъ: или бѣлыя обдѣланныя, или отдѣланныя чистенькими по сельскому вкусу, т. е. обиваются недорогими обоями (шпалерами), или оклеиваются простой *оклейкою* (бумагой), которая *выбѣливается* мѣломъ на клею, иногда смѣшаннымъ съ желтымъ цвѣтомъ выпаренныхъ въ кипяткѣ листьевъ отъ сухихъ березовыхъ вѣтчиковъ. Потолки въ *горницахъ* болѣею частью изъ обтесанныхъ брусевъ, выбѣленныхъ мѣломъ, а полы изъ накатника, чище и бѣлѣе избныхъ. Двери простыя и однопольныя; но въ некоторыхъ домахъ онѣ раздѣляются надвое и бываютъ столярной работы. Печи въ горенкахъ дѣлаются болѣе русскія, какъ въ избахъ, и частью *голландскія* изъ кирпича; у послѣднихъ привѣшиваются къ устью чугуныя дверцы.—Трубы уже извѣстны.

Горницы, какъ отхожія комнаты, служатъ для приема гостей во время праздниковъ и въ торжественныхъ случаяхъ. По этому въ нихъ почти и не живутъ, и онѣ не отапливаются во все это время, исключая развѣ случаевъ, когда *морозятъ таракановъ* и избы *отворяются* (рамы изъ оконъ вынимаются и двери отворяются *настежь*). Оттого комнаты эти обращаются въ хранилища имущества и не поддерживаются въ порядкѣ и чистотѣ.

Мебель въ горницахъ бываетъ небольшая; но все же есть маленькая роскошь, именно: бѣлая деревенскія *скамьи* такъ-же, какъ въ избахъ подвижныя и неподвижныя, которыми обставляется почти на округъ горница, иногда простые стулья, деревянныя, окрашенныя въ красную краску, безъ подушекъ и съ подушками; одинъ или два большихъ раскрашенныхъ *стола* съ точеными ножками, либо обыкновенныя складныя, либо раздвижныя, покрытыя лакомъ, наврываемыя бѣлыми *скатертями*; одинъ, два и даже три посудныхъ *шкафа*, въ которыхъ на полкахъ подъ стекломъ хранятся: чайники, чашки, стаканы, рюмки, ложки и проч.; *наблюдникъ*, на которомъ, (а также по зимамъ печи) раскладывается разная посуда; *рукомойникъ* мѣдный, а подъ нимъ такой же тазъ на ступѣ, табуретъ или скамейка у порога близъ дверей, а иногда въ *запечать*; въ простѣнкахъ висятъ или бываютъ поставлены на гвоздяхъ, одно или два безобразныхъ зеркала четырехъ-угольной формы, въ рам-

*) Тоже, что черной. См. далье.

кахъ *), иногда еще подъ наклеююю краснаго дерева; а сверхъ ихъ растягиваются чистые *сточники* (полотенца) съ суздальскимъ узоромъ. Случаются въ горенкахъ еще часы старинные: огромныя стѣнные, съ боемъ, безъ футляровъ, и карманныя луковичеобразныя; а иногда не дурной комодъ, накрытый салфеткою съ тремя или четырьмя выдвижными ящиками. Но главное украшеніе комнатъ у крестьянъ—иконостась и собраніе картинъ. Извинять намъ, если мы поговоримъ объ этомъ предметѣ съ подробностями.

Жители любятъ устанавливать *божницы* (выкрашенныя планки въ видѣ трехъ-угольника) въ переднихъ углахъ. Божница—это завѣтное тѣло. Особенно почитаются иконы *стариннаго письма*, хотя бы онѣ были и *оперхавшія* (съ стертой живописью) **). Всѣ имѣющіеся образа болѣею частью простыя, иконописныя, произведенія русскихъ художниковъ, и болѣею частью Суздальскаго письма на доскахъ. Всѣ образа и воздвигательныя кресты нерѣдко находятся въ дорогихъ кивотахъ, съ позолоченною рѣзбою, въ мѣдныхъ, аплике или серебряныхъ окладахъ, — съ мѣдными и серебряными *ризами*, уложенными жемчужными и бисерными роснами, съ мѣдными и серебряными и золочеными вѣнцами, на коихъ навѣшиваются: ручки, ножки, сердца, головы и проч. серебряныя слитки, а также медали, кресты, ленты и проч. Если кивота нѣтъ, то иконы задерживаются *пеленой*, тафтичкою-тряпичкою. Кромѣ такихъ образовъ и распятій ставятся мѣдныя литые створцы съ изображеніями годовыхъ великихъ, Господскихъ и Богородичныхъ, праздниковъ. У иконъ бываютъ повѣшены лампы съ шкаликами, въ которые наливается деревянное масло, и небольшія паникадила съ восковыми свѣчами. Тутъ же въ щели втыкаются ручныя каддила, а на божницѣ находятся: бутылки съ деревяннымъ масломъ, ладоницы и просфора, а за иконы кладутся пучки вербъ. Картины съ священными предметами и изображеніями духовнаго содержанія, покрывая стѣны горницъ и избъ, составляютъ не столько святыню, сколько настѣнные украшения.

Сверхъ того, рѣдкая горенка у крестьянъ не оклеена по стѣнамъ, отъ потолка и до лавокъ, лубочными картинками въ родѣ Погребенія кота, увеселительно-игривыми, или картинками апраксинскаго искусства, болѣе торжественными и патристическими, какъ-то взятіе Карса, бомбардированіе Севастополя, съ изображеніями разныхъ военныхъ дѣйствій въ Россіи. Есть также картины съ изображеніями лицъ царской фамилии, русскихъ героев:

*) Рамки обклеиваютъ чѣмъ попало: верхушками съ помадныхъ банокъ, конфетныхъ билетиковъ и картинокъ и проч.

**) Когда лица на иконахъ совсѣмъ исчезнутъ, то ихъ спускаютъ на воду.

Бутузова, Суворова, Паскевича, Меншикова и других; а въ хорошихъ домахъ нерѣдко встрѣчаются рамки за стеклами съ портретами, довольно правильно изображающими взятая для того личности, а также съ съемками монастырей, богоугодныхъ зданій и чтимыхъ народомъ мѣстъ *).

Черныя или курныя избы **) суть одножилые флигеля. Онѣ принадлежатъ преимущественно бѣднымъ обывателямъ; но есть и у зажиточныхъ, которые имѣютъ большое скотоводство, большое земледѣльство или какой либо заводъ, а потому—нѣсколькихъ рабочихъ. Такія избы не всѣ старыя, а и вновь строятся. Избы эти бываютъ мшанныя. Строятся изъ обыкновеннаго матеріала, стѣны и потолки бываютъ голые, бревенчатые; полы стелются изъ накатника; двери простыя, однопольныя. Устройство черныхъ избы таковое-же, какъ и бѣлыхъ: тѣ же скамьи, грядки, полки, полаты, очапы, рукомойни, столы и проч.

Черными или курными (а у хозяевъ при хорошихъ домахъ онѣ называются скотными) избами называются потому, что у нихъ не бываетъ прохода дыма изъ печей обыкновенными трубами, а вмѣсто ихъ въ сѣнныхъ стѣнахъ избъ, близъ потолковъ и печей, прорубаются окна, въ родѣ большихъ духовыхъ форточекъ, называемыя *домниками* и *дымоволоками*. Близъ печей такихъ же, какъ и въ бѣлыхъ избахъ (только безъ трубъ), на деревянныхъ кочережкахъ вѣшаются котлы съ водою, чтобы не пролетали искры огня, а изъ огромныхъ *черныхъ* печей (надъ шесткомъ не бываетъ свода, ведущаго въ трубу) дымъ идетъ устьемъ ихъ прямо въ отверстіе или въ избу, чрезъ круглыя верхи печей, и ходитъ по верху избъ, обнимая чуть не половину квадратныхъ хатъ; потомъ онъ уходитъ по подволокамъ подъ кровли и выходитъ деревянными трубами, послѣ чего окна закрываются деревянными ставнями на крюкахъ. Иногда ставней не бываетъ, а дымоволоки съ отверстіями прикрываются съ боковъ стѣнъ, возлѣ которыхъ стоятъ печи въ избахъ; такія трубы дѣлаются рѣшетчатыя.

Отъ *чаду* потолокъ и стѣны по полатамъ и грядкамъ такъ копятся, что грязь лоснится и блеститъ; а оттого онѣ бываютъ грязны пуше бѣлыхъ избъ и воняютъ хуже ихъ, ибо воздухъ отъ дыма дѣлается похожимъ на банный. По верху, начиная съ Вереколы, въ черныхъ избахъ ставятся огромные чаны съ приготовленнымъ кормомъ и поиломъ для скота, куда загоняютъ коровъ ут-

*) Картинки разнаго содержанія распространяются въ городѣ и по деревнямъ въ праздники, на рынкахъ, торжкахъ и ярмаркахъ силою спекулирующихъ торгашамъ.

**) Въ *увадѣ* они все еще существуютъ. При учрежденіи въ 1838. (хрон. переч. мѣсяц. 1866 г.). Мин. Госуд. Имуществъ, считалось дымовыхъ избъ 1373, а въ 1860 г. оставалось 425. (изъ отчет. бывш. Окр. Упр. Г. И—въ).

ромъ и вечеромъ, кормятъ и доятъ. Во время топки черныхъ печей дѣлается очень холодно; но когда печь истопится и отверстіе въ стѣнѣ закроется, тогда изба скоро и сильно нагрѣвается, словно въ банѣ. Зачастую въ смежности съ черной избой бываетъ горенка.

Отхожія мѣста, называемыя *нужниками*, рѣдко устраиваются. Ихъ замѣняютъ оставленные въ полахъ надъ хлѣвами дыры, или около стѣнъ на сѣнникахъ, гдѣ нибудь въ углахъ; въ пижнихъ этажахъ, или въ одножилыхъ жилыхъ нерѣдко и ихъ не бываетъ, а для исполненія естественной потребности выходятъ на улицу или на навозъ въ хлѣвы. Пной видъ отхожихъ мѣстъ суть простыя калитки съ узкими дверцами, а больше безъ нихъ, съ маленькимъ четвертнымъ въ квадратѣ окошечкомъ, закрытымъ стекломъ, и чаще вовсе не закрытымъ, съ *рундукомъ*-лавкою, съ двумя или одною круглыми дырами. Проводятся они болѣе надъ хлѣвами, либо возлѣ нихъ.

Въ нежилой (глухой) половинѣ дома чрезъ сѣни, бываетъ *повѣть* или *сѣнникъ*, *сѣноваль*. Это огромная нежилая пристройка къ задку дома, наравнѣ съ передомъ его, какъ въ ширину, такъ и по вышинѣ и нерѣдко подъ одною, сподрядъ съ нимъ, сплошною крышею. Она не отдѣляется набѣло. Повѣть всегда надъ *хлѣвомъ*, потому, если домъ низокъ, то повѣть поднимается и крыша надъ нею дѣлается выше домовой кровли.

Входовъ на повѣть бываетъ два и три. Повѣть отъ сѣней отдѣляется: или капитальною стѣною, или же *заборкой*, *перегородкой*. Въ той или другой дѣлаются обыкновенно двери, а для всхода къ нимъ съ сѣней—лѣстница о двухъ или нѣсколькихъ ступенькахъ (ибо полъ повѣти не всегда бываетъ наравнѣ съ поломъ сѣней, какъ уже мы видѣли). Съ улицы на повѣть поднимаются въ распашныя ворота, растворяющіяся въ разныя стороны на желѣзныхъ крюкахъ; къ хатѣ они привѣшиваются на толстыхъ желѣзныхъ полосахъ, и запираются *запорами* (деревянными толстыми закладинами) по *звоозу* (иногда выговаривается просто *звоозъ*), т. е. широкой и отлогой бревенчатой плоскости съ перилами о двухъ или трехъ жердяхъ, построенной сзади или съ боку повѣти на *стойкахъ* (копрахъ). На повѣтяхъ, около стѣнъ дѣлаются лѣсенные спуски въ хлѣва; это третій входъ, ибо въ хлѣвы еще двери бываютъ снизу.

Для освѣщенія въ сѣновалѣ оконъ нѣтъ, а вмѣсто ихъ въ стѣнахъ прорубаются скважины, въ видѣ оконъ. Въ повѣтяхъ хранятся сѣно и солома, на полу, или на высокихъ *марахъ* (правильнѣе *марахъ*, т. е. примосткахъ), также мохъ, вѣнники, земледѣльческія орудія, косы, сани, телеги и проч. *).

*) Для этихъ предметовъ нѣкоторыми устраиваются особые сараи и навѣсы. См. далѣе.

На повѣти же устраиваются: *кльти*, *засѣлки* и *мяжничницы*, т. е. перегородки или коморки, куда для сохраненія снадываются: всякаго рода хлѣбъ, другіе предметы продовольствія, солома и мякина. Всѣ кладовые чуланы бывають устроены или изъ капитальныхъ стѣнъ съ надлежащимъ потолкомъ, или же изъ набора досокъ пильной работы, и ходъ въ нихъ бываетъ: или особо сдѣланными дверьми съ замкомъ, или же разборкою *потолочницъ*. Выходъ на потолокъ совершается: или по приставной легкой лѣстницѣ, или же по неподвижной, пригнанной и для хода на чердакъ. Всѣ вообще чуланы бывають небольшіе и невысокіе, всегда почти прижатые къ надворной стѣнѣ сѣнника, въ которой продѣлывается на свѣтъ небольшое и узкое окно, загражденное или вбитое планками, или стекломъ—двумя въ рамкахъ. Нерѣдко кладовыя бывають подъ избами, когда домъ порядочно высокъ, а въ нѣкоторыхъ домахъ такихъ бываетъ по нѣскольку. У нихъ двери вѣршкія, на замкахъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что за недостаткомъ помѣщеній, въ кладовыя обращаются горничныя сѣни и самыя нежилыя комнаты.

Мы уже сказали, что хлѣвы бывають подъ повѣтями, когда дома высоки: переды такого дома на подызбицахъ, а задъ съ повѣтями подняты надъ хлѣвами. Но устраиваются и особыя отъ дома хлѣва, или въ соединеніи съ домомъ, но съ особою *агороминю*, или же пристроиваются наравнѣ съ домами и подъ одною крышею, позади *дворницъ*, а то и *изъ исподы*, подъ жилыми комнатами. Въ первомъ и послѣднемъ случаяхъ ходы къ скоту бывають особыми отъ дома дверьми; а во второмъ—черезъ сѣни, или же дворомъ. Кромѣ того бывають лѣсенныя спуски съ повѣтей.

Отъ вліянія суровой и холодной погоды, хлѣвы для помѣщенія скота, круглымъ счетомъ, въ теченіе восьми холодныхъ, безтравныхъ мѣсяцевъ, устраиваются прочныя, теплыя и при всемъ томъ помѣстительныя. Строительныя матеріалы обыкновенны. Крыши, когда хлѣвы въ особыхъ зданіяхъ, закрываются дранью; овечья же стаи особо устраиваемыя, кроятся шатромъ изъ досокъ. Стѣны квадратныя, бревенчатыя, нечистыя. Потолки изъ накатника на матицахъ. Отчасти хлѣвы проконопачиваются чернымъ мхомъ. Хлѣвы больше бывають безъ половъ и вязки; а хотя есть и мощные, но грязь съ нихъ счищается рѣдко. Оттого воздухъ въ хлѣвахъ постоянно пропитанъ испареніями, и очищается только весной и лѣтомъ, когда ворота двора и двери открываются совершенно для просушки. Сырые хлѣвы никогда не окуриваются. Однакожъ навозъ не остается долго подъ скотомъ, а убирается изъ хлѣвовъ по мѣрѣ накопленія. *Навозъ* (навозъ) вываливается изъ хлѣвовъ на улицу; уборка его бываетъ по утрамъ. Для сего, не высоко отъ пола, въ стѣнахъ прорубаются окошечки съ

втулкою. Противъ этихъ отверстій дѣлаются на улицѣ *подмостки* изъ досокъ или *накатника*. На нихъ навозъ хранится въ кучахъ, до тѣхъ поръ, пока его надо увезти на поле. Должно полагать, что выкладка навоза на подмостки признана полезною.

Хлѣвы, служа помѣщеніемъ для коровъ, быковъ, лошадей и отчасти овецъ, за неимѣніемъ овчаренъ и коношенъ, отдѣляются *стоями* и *стойлами*. Раздѣленіе ихъ производится досчатыми невысокими перегородками по обѣимъ сторонамъ *двора* *). Въ стаяхъ и стойлахъ забираются изъ досокъ, отъ стѣнъ хлѣва, не широкія и не такъ высокія, но довольно глубокія *ясли*. Въ нихъ съ повѣтей опускается скоту въ извѣстное время сухой кормъ: сѣно, солома и др. Это дѣлается посредствомъ проходовъ, сдѣланныхъ около стѣнъ въ потолокъ хлѣвовъ предъ каждымъ яслиемъ. Черезъ эти же отверстія возобновляется воздухъ въ хлѣвахъ. Разумѣется, когда хлѣвы бывають въ особыхъ зданіяхъ, кормъ въ ясли сносится просто. Въ ясляхъ остаются *объѣдки*; они убираются довольно рѣдко, тогда какъ черезъ то очень чувствительно рождается сырость и гниль, уже не говоря о томъ, что кормъ здѣсь нерѣдко дается гнилой и мерзлымъ.

Свѣта въ хлѣвахъ бываетъ очень мало, ибо онъ входитъ только черезъ небольшія, узкія, продолговатыя *окошечки* въ четыре, три, два и одно небольшія стекла; а у другихъ хозяевъ бывають вмѣсто ихъ простыя *продушины*, т. е. вырубленные въ стѣнахъ дыры, которыя во время стужи затыкаются сѣномъ или соломой; а съ наступленіемъ оттепелей *затычки* оттыкаются.

За симъ всѣ домовыя постройки описаны. Остается сказать про уличныя украшенія домовъ и службъ.

Какъ ни хороша обстройка въ Архангельской губерніи, дома снаружи нерѣдко кажутся болѣе безобразными, чѣмъ благовидными. Кромѣ того снаружи почти всѣхъ домовъ владутся въ *костры* и въ *столчку* дрова, *слагы*, *кряжевики*, жерди, колья, тутъ же сани, тѣлги, бороны, щепы и неприбранныя деревья. Все это окружаетъ строенія, будто бы, для тепла отъ зимнихъ холодовъ, а въ теплое время отъ дождей **).

Деревьевъ, посаженныхъ возлѣ домовъ, вовсе почти нѣтъ. Но въ старое время народъ любилъ обсаживать ими. Это видно изъ того, что въ древней Кевролѣ въ огородахъ много стоитъ деревъ-сажанцевъ, куртинами, т. е. единично. За то флюгера, огороды, заборы и тыны есть.

*) Дворомъ называется мѣсто надъ домомъ между хлѣвомъ и стойлами. Въ иныхъ домахъ двери простираются во всю длину домовъ и имѣють спереди и сзади большія ворота. Дворы стоятъ рѣдко очищенными отъ навоза. Ворота у нихъ такія же, какія у ввоза на повѣть.

**) По зимѣ еще нѣкоторые хозяева зарываютъ основанія домовъ сѣномъ, чтобы не веело, не поддѣвало.

Указателями направленія вѣтровъ служатъ крестьянамъ домашнія *флюгарки* (флюгера). Они устраиваются на длинныхъ, гладко обтесанныхъ, жердяхъ, въ видѣ высокихъ корабельныхъ мачтъ, которыя и скрипятъ на вѣтру, словно на суднѣ. Шесты эти укрѣпляются въ землѣ, или на открытыхъ мѣстахъ, или возлѣ домовъ, либо другихъ строеній, болѣе въ углахъ *). Флюгера дѣлаются изъ сукна, кумача, ситцевъ, просто изъ дерева, виляющаго около тоннаго шпенька, или подѣлочнаго, т. е. въ разныхъ фигурахъ, статуэткахъ, изображающихъ пѣтуха, курицу, лошадь и др., или же расширенныхъ крыльевъ и хвостовъ сорокъ, вздѣтыхъ на нитки и заземленныхъ въ планочныхъ жомахъ, которые вертятся на шпенькѣ въ любую сторону.

Живыхъ изгородей нѣтъ, не смотря на то, что множество ивины пропадаетъ на корнѣ. Частоколы встрѣчаются рѣдко, и то лишь у поселившихся солдатъ. Нивы, дуга и гряды обносятся изгородями, называемыми всегда *озорожею* и *огородами*. Онѣ устраиваются изъ еловыхъ и сосновыхъ кольевъ и жердей, и продолжаютъ *пряслами*. Каждое прясло строится изъ шести кольевъ, длиною до 1½ саж., въ концѣ заостренныхъ и вколачиваемыхъ горизонтально крѣпко въ землю пластью или обухомъ топора. Колья въ такомъ пряслѣ переплетаются ивовыми и еловыми *вязами*, отъ 6 до 8, 10 и 12-ти вязовъ на каждой парѣ кольевъ. Еловые вязы бываютъ крѣпче, и ихъ размятчают надъ огнемъ. На каждый вязъ владется по одной жерди, длиною въ 2—3 сажени и обтесанной въ толстомъ концѣ; одна жердь приходится на шесть коловъ. Затѣмъ колы подпираются съ одной или съ обѣихъ сторонъ небольшими кольями, косвенно-вбитыми **). Большее или меньшее число вязовъ и жердей въ огородѣ зависитъ отъ мѣстности: такъ, около выгоновъ, гдѣ пасется много рогатаго скота и бродятъ табунами лошади, всегда готовы сломать изгородь, *огороды плотныя*, или гдѣ много ходитъ овецъ, чтобы не могли заползти за изгородь; а за лѣсомъ, озеромъ, рѣкою и другими естественными преградами, огороды проще, плоче, а въ иныхъ мѣстахъ ихъ и вовсе не бываетъ. Длина огородовъ весьма различна: обыкновенно она бываетъ сообразна съ величиною площади огораживаемаго мѣста. У большихъ *ободовъ* (общихъ сѣнокосовъ), въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пролегаютъ проѣзжія дороги, почтовые, проселочныя и полевые, тамъ по срединамъ полотна дорогъ устраиваются или раскладочныя заборы, или створчатыя ворота, обыкновенная простота которыхъ извѣстна всякому.

*) Флюгера бываютъ еще на вѣтряныхъ мельницахъ и парусныхъ судахъ.

***) Верхушки колеви не опиливаются и не обрубаются, какъ это дѣлается крестьянами Архангельскаго и Холмогорскаго уѣздовъ.

Вверху же уѣзда, какъ напримѣръ въ Кеврольскомъ краѣ, а отчасти и *понизу*, вмѣсто означенныхъ огородовъ, изгороди состоятъ изъ столбовъ, въ которыхъ выдалбливаются дыры, такъ чтобы въ нихъ могли проходить жерди, кои въ столбѣ бываетъ три, четыре и до восьми. Такія ограды крѣпче, стоятъ дольше, да и матеріалу забираютъ меньше. Кромѣ того, нерѣдко можно встрѣтить плетни, устроенныя изъ хвойныхъ жердей съ вѣтвями. Это бываетъ тамъ, гдѣ есть *росчисти*, или гдѣ почва песчаная въ вѣтеръ можетъ переносить песокъ.

Тынами, или *заборами*, обносятся дома рѣдко; ихъ замѣняютъ такіе же огороды, какими обносятся поля и пожни. Имѣющіеся же построены изъ поставленныхъ въ землѣ столбовъ съ набитыми досками пильнаго дѣла. Ворота въ тынахъ бываютъ двойныя, распашныя. Они затворяются *запорами* и *вертлягами*. Близъ нихъ бываютъ калитки съ небольшими воротами. Тѣ и другія вымазываются смолою.

Что касается остальныхъ службъ, то въ Пинежскомъ уѣздѣ чаще всего крестьянскій домъ и холодныя службы составляютъ одну связь. Но необходимость, или невозможность содержанія помѣшеній всѣхъ вмѣстѣ, заставляютъ возводить особыя зданія въ сторонѣ отъ домовъ, и потому строенія бываютъ *надворныя* и *стороннія* (отдаленныя). Къ первому отдѣлу можно причислить: сарай, навѣсы, амбары, погреба, колодези и бани, а ко второму: прясла, овины, гумна, мельницы, избушки—сютныя, перевозныя, сѣнныя и заводы—кузнечныя, кирпичныя, гончарныя, кожевенныя, скорняжныя, красильныя, известковые, зольныя, угольные, смолокурныя и дегтярныя.

Сарай есть складочное мѣсто для сѣна. Онъ обыкновенно представляетъ пустое зданіе, построенное изъ растущихъ или сухоподстойныхъ деревьевъ, не одинаковой длины и высоты, въ четыре стѣны и съ тесовою крышею. Внутри нѣтъ ничего, кромѣ пропущенныхъ отъ одной боковой стѣны къ другой *матенныхъ бревенъ*, на которыя постилаются тесницы, куда и складывается сѣно. Крестьянами сарай выстраиваются очень рѣдко. У нихъ на то есть повѣти.

Навѣсы. Они строятся только изрѣдка, напримѣръ на станціяхъ, для храненія телегъ, саней, повозокъ, а также землѣдельческихъ орудій; тутъ же отъ снѣга и дождя привязываются испотѣвшія лошади. Строятся они не одинаково: у однихъ просто крыша изъ пильнаго теса на стропилахъ, которыя иногда забираются тесомъ же; а у другихъ стѣны изъ длиннаго накатника въ столбахъ, съ крышами и двойными воротами на замкѣ. На верхъ навѣсовъ нѣкоторыми свозится сѣно.

Амбары—складочныя магазины или житницы, устраиваются болѣе *наспротивъ* домовъ хозяевъ, за дорогой или улицей и очень часто по нѣсколькx сподрядъ, прямолинейно другъ о дружку, хотя и многихъ хозяевъ; но,

столь же часто амбары устрояются и позади дворовъ, и на концахъ селеній. Устройство амбаровъ не затѣливо. Они всегда основываются на сваяхъ (стульяхъ). Полъ дѣлается еще выше. Амбаръ всегда одноэтажный; четверугольныя стѣны выводятся въ квадратъ, изъ растущихъ не толстыхъ деревъ, голая и промышленныя. Зданія въ длину и ширину отъ 4 арш. до 2 и 2½ саж. Полъ и потолокъ накладываются на матицы и балки изъ накатника. За потолокомъ чердакъ, гдѣ всегда дѣлается одно или два небольшихъ *слуховыхъ* окна, которыя, чтобы не залетали въ амбаръ птицы, затягиваются проволочными или веревочными сѣтками. Крыша шатромъ изъ желобчатого теса, или круглоровныхъ и не толстыхъ деревъ, съ желобами и князькомъ. Въ амбарахъ дѣлаются *закромы* и *полки*, а для просвѣта—окна небольшого размѣра. Для входа навѣшиваются на крюкахъ и петляхъ однѣ простыя, однопольныя двери, отворяющіяся внутрь и замыкающіяся чрезъ пробой и лебедки висячими и внутренними замками. Когда двери бываютъ сдѣланы такъ же высоко, какъ и полъ въ амбарѣ, то устраивается срубное крыльцо съ *лѣсенкою*, ступени въ двѣ, три и четыре и иногда еще съ перилами.

Жители здѣшніе вполне—жители водъ. И потому къ *колодцамъ* или колодезямъ, т. е. искусственнымъ водохранилищамъ, прибѣгаютъ только въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ поселенія на *суходолахъ*, т. е. нѣтъ ни рѣки, ни чистаго озера, а естественные резервуары далеко отъ жилищъ. Колодези копаются безъ разбора удобствъ и благовидности, на улицѣ ли среди дороги, обокъ ли съ домою, на задахъ ли, для крестьянъ все равно: имъ не до вкусовъ и удобствъ. Колодези бываютъ различной глубины, смотря по изобилію въ землѣ водяныхъ жилъ. Съ боковъ врубаются накрѣпко деревянныя стѣны. Но часто такіе колодези или изсыкаютъ, или засоряются. Надъ колодезями устраиваются болѣе или менѣе высокіе срубы, а возлѣ нихъ устанавливаются высокіе и толстые столбы, называемые *жаравцами* (единст. *жаравецъ*) съ перекладинами на немъ, какъ бы лѣстницею; на верху столба—*журавъ* (оцѣпъ, или бревенчатое коромысло), къ которому на веревкѣ или на цѣпи привѣшивается ведро, опускаемое въ колодезь и вытаскиваемое наверхъ съ водою руками. У нѣкоторыхъ, вмѣсто жаравца, ведро съ водою вытягивается наверхъ по колесу, ходящему на оси въ столбахъ. Чтобы колодезь не засорялся, срубъ его закрывается досчатою *крышкою*, которая у нѣкоторыхъ колодезевъ бываетъ на петляхъ. Но крыши бываютъ не вездѣ, и потому колодези не вездѣ безопасны для дѣтей и мелкаго скота.

Удобными для лѣдниковъ, а по народному *поребовъ* и *поребицъ*, считаются угористыя мѣста съ плотною, крѣпкою глинистою почвою. Ихъ имѣютъ преимущественно богатые люди. Погребъ—очень обыкновенная постройка:

небольшое, квадратное изъ не толстыхъ и не длинныхъ бревенъ строеніе, но хорошо построенное и крѣпко закрытое; фундаментъ его плотно забитъ умятою землею. Оно служитъ и кладовымъ амбаромъ, подъ поломъ котораго въ землѣ бываетъ настоящій погребъ съ опускаемою дверью, какъ у люковъ и лѣстницею для спуска. Надъ погребомъ у нѣкоторыхъ придѣлываются полки. Погребя ежегодно *набиваются* привозными сѣнгомъ, потомъ разбиваемымъ и утаптываемымъ. Въ погребахъ сохраняютъ отъ порчи: рыбу, мясо, молоко, масло, квашенье, грибы, разную пищу и т. п. *).

Бани (бань) общественныхъ или торговыхъ нѣтъ въ уѣздѣ и даже въ городѣ. Русская баня довольно извѣстна по своему значенію въ качествѣ врачебной помощи. Поэтому бань въ деревняхъ почти столько же, сколько въ нихъ домовъ. Онѣ обыкновенно относятся отъ домовъ на пустопорожнія мѣста, какъ то: на задворки (позади дворовъ), подъ угоры, на угоры, или около рѣчекъ и озеръ; но не мало есть и неподалеку отъ домовъ. Здѣшнія бани сохраняютъ первоначальный видъ сельскихъ бань **), потому что построены и строятся всегда подъ названіемъ *черныхъ*, т. е. дымовыхъ или курныхъ; бѣлыя бани встрѣчаются очень рѣдко. Постройка бань не чиста. Строятся онѣ преимущественно изъ деревьевъ, негодныхъ на большія постройки. Зданіе рѣдко превышаетъ 4 саж. въ длину и 2½ саж. въ ширину. Фасадъ его вышиною отъ основанія до крыши 5 аршинъ. Крыши бываютъ изъ теса на два ската или крытыя дранью, а у иныхъ бань ихъ не бываетъ: на потолокъ просто насыпанъ песокъ или земля, нерѣдко пустившая поросли. Полы бываютъ деревянные изъ распиленного накатника, но чаще всего ихъ не бываетъ, а вмѣсто нихъ, по незакрытой землѣ, настилается сухая солома. Потолки бревенчатые; стѣны не отдѣляются. Банная комната есть полутемная изба. Окно въ ней бываетъ по одному и иногда по два небольшихъ; у нѣкоторыхъ бань въ окнахъ не бываетъ рамъ со стеклами, а онѣ закрываются толстыми деревянными ставнями. Впереди банной комнаты, отдѣляющейся капитальною стѣной, бываетъ холодная маленькая (въ шагъ и меньше шириною) передняя, или раздѣвальня, или же предбанникъ, называемая туземцами *примередкомъ* и *слнцами*, въ которой раздѣваются и одѣваются. Въ ней бываетъ одно или два маленькихъ окна, нѣтъ ни закрытыхъ, либо закрытыхъ негодными вѣнчиками; лавочка или двѣ для сидѣнія, а поверхъ ихъ одна или двѣ грязныя полки для бѣлья. Въ сѣнцы ведутъ ворота.

*) Тамъ, гдѣ въ горахъ есть щели или пещеры (какъ напримѣръ въ Кулогорскихъ деревняхъ, тамъ молоко бабы носятъ и оставляютъ въ горахъ. Для наблюденія учреждается очередной караульщикъ.

**) Арх. Суд. и Общ. Гигіен., № 4, 1864 года, о русск. бан. 26.

съ улицы, а изъ нихъ противъ воротъ двери въ самую баню. Печи въ баняхъ *складываются* изъ одного полу-круглаго свода, въ родѣ печи, выбитаго изъ глины, безъ участія извести; на этотъ сводъ накладываются по плотнѣе камни, булыжники сѣрый, дрсвяной и кирпичные обложки, но такъ, чтобы межъ нихъ проходилъ снизу дымъ. Отъ того онѣ и называются *каменками* (камелки). Дымъ, при топкѣ каменки, выходитъ изъ бани въ отверстіе, сдѣланное въ стѣнѣ (болѣе южной), въ родѣ слуховаго окна или душника (большой форточкы), которое закрывается, по окончаніи топки, втулкою или деревяннымъ ставенькомъ, а не трубою наверхъ, какъ въ бѣлыхъ баняхъ. *Баня готова бываетъ съ три каменки или съ три истопля.* Нагрѣваніе ея происходитъ чрезъ накаиваніе огнемъ камней, по подложеніи въ сводъ зажженныхъ дровъ. Чтобы произвести въ банѣ большее тепло (жарь), т. е. необходимый для русскаго крестьянина *парь*, на раскалившіяся камни наливаютъ по мѣрѣ надобности холодную воду. Въ глиняныхъ или кирпичныхъ основаніяхъ банныхъ печей ставятся *котлы* для нагрѣванія воды. Горячую воду разводятъ холодной въ шайкахъ (деревянныхъ глубокихъ тазахъ). Холодная же вода наносится въ кадки и бочки, или бываетъ въ *ушатахъ*. Кромѣ того въ особомъ ведрѣ готовится *щелокъ*. Крестьяне мало моютъ тѣло, а только *парятся* и оканчиваются водою; хотя и не всѣми, употребляютъ однако, сверхъ обмыванія водою, черное мыло и *мочалки*, замѣняющія губки, а для паренья листовые вѣники изъ березовыхъ вѣтвей, которые, если они засохли, размачиваютъ въ холодной водѣ и бросаютъ на каменки; а когда они размячатся, то тотчасъ же ими *хвошутся*. Для *сижанки* моющихся въ стѣнахъ отъ полковъ, по переднимъ близъ оконъ и боковымъ стѣнамъ, до простѣнковъ дѣлаются деревянные скамьи, а для паренья—широкія и высокія, чуть не до самаго потолка, *полки* (полати или скамьи), на столбахъ, возлѣ глухой стѣны, рядомъ съ каменкой. На полки и скамейки иногда настилаются сѣно и солома. Грязь въ баняхъ доходитъ до ужасной нечистоты, потому что ее рѣдко очищаютъ. Бани посѣщаются почти еженедѣльно и всего болѣе готовятъ въ субботніе дни; моются же подъ вечеръ, по окончаніи дневныхъ работъ. Но также готовятъ бани накануне большихъ праздниковъ и въ другихъ случаяхъ: въ случаѣ родинъ, предъ вѣнцомъ (свадьбами), предъ *жянинами*, или съ дороги и т. п. *).

Овины строятся всегда на *заполькахъ*, ближе къ полямъ, или возлѣ дорогъ, на неудобныхъ для хлѣбопашества мѣстахъ. Они выстраиваются, или особо, или

*) Здѣсь нѣтъ того обыкновенія, чтобы мужчины и женщины, всѣ безъ изыатія, мылись въ баняхъ вмѣстѣ (сказываютъ, что оно въ некоторыхъ мѣстахъ Арханг. губер. существуетъ).

въ связи съ *гумнами*. Устройство овиновъ очень обыкновенно, какъ и въ другихъ мѣстахъ Великороссіи. Это небольшая (аршина въ три вышины, иногда поболѣе) почти кубическая горница, рубленая изъ тонкихъ строевыхъ или суходостойныхъ *бревеншекъ*, неочищенныхъ отъ древесной коры, надъ ямою (сушиломъ), накрытая кое-какъ: плоско, ровно, тесомъ или накатникомъ и законопаченная въ стѣнахъ и углахъ *мхомъ*. Пола не бываетъ, а на потолокъ иногда насыпается земля. Въ стѣнѣ болѣе на югъ прорубается окно, которое, во время сушки хлѣба, закрывается, либо деревяннымъ *ставнемъ* (втулкою), или пучкомъ соломы. Тогда дымъ расхаживаетъ по всему овину и едва-едва выходитъ въ щели крыши и стѣнъ; въ окно же дымъ выпускается *юркій, смрадный*, когда только теплится овинъ (правильнѣе: топится печь въ овинѣ). Яма въ овинѣ бываетъ четверугольная, глубиною аршина въ три. Въ ней складывается печь (курильное горно), какъ каменка въ банѣ, куда владутся дрова. Отъ стѣны до стѣны внутри овина близъ потолка вколачиваются *колосники* (или какъ угодно назовите: перекладины, планки, жердочки), на которые садится (развѣшивается) густо колосовый хлѣбъ въ снопахъ. Въ овинахъ рѣдко дѣлаются двери, а вмѣсто ихъ прорубается окно внизу строенія, въ противоположной стѣнѣ стѣнѣ, въ которое можетъ войти ползкомъ человекъ. Забравшись въ овинъ, одинъ принимаетъ отъ другаго хлѣбъ съ улицы, развѣшиваетъ его тамъ и затопляетъ печь; а другой привозитъ хлѣбъ съ поля или съ прясель и подаетъ его находящемуся въ овинѣ. Просушиваніе въ немъ хлѣба происходитъ отъ жаркаго натопленія печи и чрезъ скорое *закутываніе* (закрытіе) проходовъ дыма и печнаго жара. Овины отопляются болѣе въ тихую погоду на ночь, такъ что хлѣбъ высушивается самъ собою, иногда съ присмотромъ, къ утру.

Гумна (гумны) замѣняютъ здѣсь риги и молотильни. Строятся они, или вмѣстѣ съ овинами, или особо, но не вдалекѣ отъ нихъ. Устройство гумна еще проще, чѣмъ постройка овина. Это—просто холодный, длинный сарай о четырехъ стѣнахъ, или какъ будто, переносный срубъ изъ чистыхъ или неочищенныхъ бревенъ, безъ *конопачи*, закрытый въ одинъ рядъ досками, а иногда и безъ крыши. Длина гумна въ 4—5 сажень, которая превышаетъ въ два раза ширину, а высота не болѣе 1½ сажени. Ворота у гумна бываютъ широкія, распашныя надвое, либо однопольныя, двои—съ сѣверной и южной стороны, чтобы вѣтеръ безпрепятственно ходилъ по всему гумну. Вмѣсто пола площадь земли въ гумнѣ *убивается* и гладко *уравнивается*.

При гумнахъ у иныхъ хозяевъ на нетораватую руку устраиваются *макинницы*—плохенькія конурки изъ досокъ, куда складывается солома и обой хлѣба (макина).

Въ числу построекъ, полезныхъ при уборкѣ зерноваго хлѣба, можно отнести и *прясла*. Они устраиваются на поляхъ, ближнихъ пожняхъ и въ особыхъ огородахъ, вблизи овиновъ и гумень, а иногда и возлѣ домовъ. Прясло—особеннаго рода огорода или стойка изъ 3 и до 12, довольно высокихъ, съ двухъ сторонъ обтесанныхъ столбовъ, которые владутся горизонтально къ землѣ, на 2 и 3 сажени одно отъ другаго; въ одинаковомъ разстояніи на обоихъ столбахъ вырубаются круглыя дыры, по 3, по 4 и по 5 въ каждомъ, начиная не низко отъ земли, въ кои параллельно *продвигаются* длинныя и обтесанныя въ толстыхъ концахъ жерди, по три и болѣе на каждый рядъ (3 столба), смотря по тому, сколько въ столбахъ его присововъ; на такомъ *жердѣ пряслятся*, развѣшиваются снопы колосоваго хлѣба, раздѣленные пополамъ, внизу *колосьями*, а къверху *комлемъ*, такъ что верхніе снопы закрываютъ комли нижнихъ, смотря потому, широко ли отстоитъ жердь отъ жерди. Ширина прясловыхъ жердей прибавляется для сноповъ ржанаго хлѣба, такъ какъ ржаная солома длиннѣе ячмой. Рядовъ прясель въ одномъ мѣстѣ бываетъ по четыре и болѣе; но нерѣдко они устанавливаются не рядами, а вдоль, прямо возлѣ прясла, такъ что бываетъ только одинъ или два ряда, до 20 деревъ въ каждомъ. Кромѣ того прясла бываютъ не изъ столбовъ, а просто изъ жердей высокой огорода: шесть жердей воткнуто въ землю, въ три стойки и связаны вязами, а на вязы владутся жерди же, — по три и болѣе.

Въ отношеніи *мукомольныхъ мельницъ* уѣздъ можно раздѣлить на двѣ половины: первый станъ съ *ветряными*, а второй съ *водяными* мельницами. Число первыхъ довольно значительно и соотвѣтствуетъ мѣстной потребности. Впрочемъ и въ мѣстахъ нахожденія онѣ есть не въ каждой деревнѣ; да не мало зерноваго хлѣба вымалывается въ крупу и муку въ домахъ крестьянами на ручныхъ жерновахъ. *Ветромъ дѣйствующія мельницы* строятся во всемъ по плану и фасаду, принятымъ за образецъ вообще въ губерніи. *Становища* ихъ—угористыя и вообще открытыя для вѣтровъ мѣста. Устройство этихъ мельницъ слѣдующее: круглая о 8 или 4 углахъ пирамидальная баба, въ извѣстномъ размѣрѣ и достаточной высотѣ, устроенная изъ положенныхъ рядами (4-хъ и 8-ми въ рядѣ) круглыхъ бревень, одного съверху другаго, внизу длинныхъ, а въверху короткихъ, въ видѣ тупаго конуса; на бабѣ этой небольшой квадратный амбарчикъ, выстроенный изъ плотно стиснутыхъ деревьевъ въ брусьяхъ, или бревнахъ съ крышею въ видѣ шатра, съ флюгеромъ наверху и дверями на замкѣ, къ которымъ ведетъ выходъ съ перилами и чрезъ которыя затаскиваютъ на верхъ и спускаютъ оттуда хлѣбъ въ мѣшкахъ, и съ опущенною на вѣсъ легкою лѣстницею, служащею, при посредствѣ висящей же жерди, ходомъ

на выходъ. Въ амбарѣ томъ вѣщается весь механизмъ мукомольни, а сивозъ него проходитъ толстое бревно, къ коему и вколачиваются досчатыя, довольно длинныя и широкія съ откосами, четыре крыла, поворачивающіяся довольно скоро. Для дѣйствія вѣтра на крылья, посредствомъ длиннаго и толстаго бревна, конецъ котораго укрѣпляется въ землѣ, амбаръ всѣмъ корпусомъ поворачивается въ любую сторону, съ которой только дуетъ вѣтеръ. Молоты на вѣтряныхъ мельницахъ производятся болѣе съ утра и оканчиваются немного позднѣе полудня; но мелютъ и по вечерамъ и даже ночами. Въ сильныя же вѣтры *мелево* на мельницахъ останавливается.

Вододѣйствующиѣ мукомольныѣ заводы не такъ много. Они устраиваются на *плотинахъ*, устанавливаемыхъ на текущихъ быстро рѣчкахъ или ручьяхъ (конечно теченіе зависитъ отъ склона паденія), имѣющихъ въ запасѣ воду позади себя въ потокахъ и озерахъ, которыя запружаются и выпускаются по надобности, болѣе въ лѣсахъ, почему запруженная вода не вредитъ ничему. Зданія заводовъ похожи на простые сараи; только осмотръ внутренности его убѣдитъ васъ въ существованіи мельницы. Къ ней пристраиваются на сваяхъ мосты изъ бревень. На водяныхъ мельницахъ вымалываютъ муку, деруть крупу и выдѣлываютъ толокно. Онѣ бываютъ болѣе о двухъ поставкахъ и однихъ жерновахъ. Для смазки механизма употребляется смола и ворванное сало.

Стойки скотскія, или скотныя загоны (коровники)—просто срубы, только съ немного-покатою лежачею крышею, съ поломъ, а чаще безъ него, и съ свободнымъ ходомъ, дверьми на петляхъ или приставными; на мѣстѣ же чердака иногда бываетъ сѣнникъ. Строятся онѣ изъ нечистыхъ деревъ, какъ стросніе временное, на лугахъ *за рѣками* отъ домовъ.

Сверхъ описанныхъ строеній въ селеніяхъ, особо, въ отдаленности отъ домовъ, устроиваются крестьянами временныя жилища: *перевозныя, сѣнныя и промысловыя, лѣсныя или разволочныя избушки*. Всѣ онѣ походятъ по устройству какъ одна на другую, такъ и на черныя бани, потому что въ нихъ бываютъ такія же печи, такія же окна, такія же скамейки и полки, служащія койками; иногда только печи бываютъ такія, какъ въ черныхъ избахъ, за исключеніемъ банныхъ камней; и еще одна особенность: не бываетъ сѣнцевъ, какія въ баняхъ. Предназначеніе жилищъ этихъ видно уже по самымъ названіямъ. *Перевозныя* избы становятся на угорахъ рѣкъ, чрезъ кои существуютъ перевозки; сѣнныя—на безопасныхъ лугахъ, когда сѣнокосы отъ дома находятся за 10—30 верстъ, чтобы можно было гдѣ укрыться отъ холода и мокроты и отдохнуть отъ трудовъ спокойно; лѣсныя же въ разныхъ урочищахъ, при сполнахъ водъ

и мѣстахъ *бѣровыхъ*, около которыхъ производится зимомъ лѣсные, а по лѣту—рыбные промыслы, верста за 10—40.

Кузницы—холодныя помѣщенія устраиваемыя поодаль отъ жилыхъ строеній, на сырыхъ мѣстахъ. Состоятъ онѣ изъ слѣдующаго: на голой землѣ становится изъ бревенчатыхъ стѣнъ срубъ съ однѣми дверями, а возлѣ него *станки* для ковки лошадей, и кузница готова. Въ ней бываетъ *заборка* изъ досокъ—кладовая для угольевъ и инструментовъ. Тутъ же иногда бываетъ и *колодезь*, образующійся изъ бездонной бочки, забитой въ сырое мѣсто, или же дѣлающійся на улицѣ о-бокъ съ кузницей. Посреди сруба, за неимѣніемъ пола, на голой же землѣ ставится небольшой деревянный срубчикъ для горнила. *Горно* бываетъ обѣ одномъ огнѣ простое, состоящее изъ одного кирпичнаго свода или порядочной горнушки. *Мѣхи* у горна бываютъ одни, ручные и притомъ малые; кожаные съ желѣзною *раздувальнею*. Дымъ отъ огня въ горнѣ идетъ свободно вверхъ на воздухъ, такъ-какъ крыши на кузницѣ не дѣлается; а если бываетъ потолокъ, то для прохода дыма въ немъ предъ горномъ дѣлается окно съ желѣзною рѣшеткою. Инструменты въ кузницахъ: желѣзные наковальни, вдѣланные въ деревянные тумбы, гвоздильни, винтовальныя доски, зубила, разные молоты, тиски, клещи, напѣлки, бородка, угольные щипцы и проч. Кузнечать здѣсь простыя желѣзные и стальныя издѣлія: шпильки, разные гвозди, винты, подковы, шила, ножи, топоры, серпы, косы, вилы, лопатки, сошники, шины, крючки, петли, пробой, тяги, лебедки, кольца, обручи, терки, воронки, подсвѣчники, сковородки и сковороды, поваренки, ковши, щипцы, заслонки, коцеры, ухваты, шелепуры, пещни, остроги, напѣлки. Но кузнечное мастерство не развито значительно, и нѣтъ людей, занимающихся исключительно имъ. По этому самому и устройство заводовъ не завидно. Мѣхи и инструменты убираются изъ кузницъ, какъ только кончается работа. Желѣзо и сталь приобрѣтаются на ярмаркахъ, а уголь у мѣстныхъ угольщиковъ, или самими выугливаются. Выдѣлка новыхъ и поправка старыхъ мѣдныхъ издѣлій производится особыми мастерами—*мѣдниками*; также имѣются особые мастера для поправки и изготовления новыхъ замковъ и ключей. Такихъ особыхъ мастеровъ въ уѣздѣ не много, и работа у нихъ идетъ въ домахъ или баняхъ, въ печахъ или на горнушкахъ.

Кирпичныя заводы легкой постройки. Это досчатые шатры, возведенные изъ однѣхъ не высокихъ крышъ, на деревянныхъ стропилахъ, въ мѣстахъ, изобилующихъ кирпичною глиною. Заводы всѣ ручные; инструменты: *вастулы* (желѣзные лопатки), желѣзные *ломы* и *песты*. Особыхъ рабочихъ не бываетъ, да и заводовъ въ уѣздѣ мало. Употребляемые для выдѣлки кирпича материалы суть: красная и алая-глина, крупно и мелко-зернистый песчаникъ, желтый и красный, и вода изъ рѣкъ, озеръ

и болотъ. Кирпичи дѣлаются въ шалахахъ просто: сперва глину топчутъ и бьютъ толстымъ пестомъ, а потомъ формуютъ голыми руками и кладутъ въ доски, гдѣ они и просушиваются; обжигаютъ же длинными дровами въ печахъ, складенныхъ для того нарочито изъ кирпичей. Печей бываетъ по одной въ заводѣ. Онѣ бываютъ о 2—7 устьяхъ и состоятъ изъ камиальнаго пода и очага для дровъ. Мелкій красный кирпичъ продается не дороже 30 коп. за сотню, а крупный алый не дороже 6 руб. за тысячу штукъ.

Гончарныя заводскія строенія составляютъ небольшія деревянныя избушки устроенныя гдѣ-либо въ угорьяхъ. Въ нихъ для сушки и обжиганія издѣлій есть небольшія печи изъ бурой глины. Издѣлія выдѣлываются изъ красной (гончарной), синеватой и пепельнаго цвѣта (горшечной) глины просто голыми руками и кладутся въ формы, сдѣланные въ землѣ. Выдѣлываютъ здѣсь; рукомойники, тазы, кубы, горшки, лотки, формы, блюда, чашки, крынки, крышки, кружки, масляницы, солоницы, сальники (для освѣщенія), вьюшки трубныя, цвѣточники, кибасы (къ сѣтямъ) и проч. Вещи, называемыя *муравленными*, вообще выдѣлываются изъ красной глины; внутренность ихъ полируется (говорятъ: *наводится глянцемъ*) свинцовымъ блескомъ.

Устройство *кожевенн* плохое. Онѣ или пристроиваются къ жилымъ домамъ, или выстроиваются особо отъ нихъ. Образцомъ построекъ служатъ бани, онѣ отапливаются только тогда, когда нужно работать въ холодное время. На кожевенныхъ здѣшнихъ заводахъ выдѣлывается кожевенный товаръ, преимущественно изъ кожъ рогатаго скота, но обрабатываются и лошадиныя. Вкратцѣ обдѣлка такова: для очищенія отъ волосъ, кожи кладутся въ зольники или деревянныя кадки, гдѣ дубильныя вещества, бѣлая известка и осиноый шадрикъ (пепель-зола); очищаются на *колодекахъ* (тумбахъ) простыми *скоблями*; промываются колодезною водою; *квасятся* хлѣбомъ; перекадываются въ дубильные чаны (кади, которыхъ бываетъ иногда по одной, а иногда по двѣ въ заводѣ; *дубятся* нѣсколько дней и недѣль толченымъ *дубомъ* (березовою и ивовою корой); промываются мочкою въ озерахъ на веревкахъ; выжигаются, напшываются ворванымъ саломъ и дегтемъ, окрашиваются синимъ сандаломъ и чернымъ купоросомъ; развѣшиваются на шестахъ, сушатся на воздухѣ и *мутся* простыми *мялками*. Машинъ на заводахъ нѣтъ. Работаютъ болѣе одни хозяева. Изъ приготовленныхъ такимъ способомъ кожъ выдѣлываются: замша, нефть черная, бѣлые и черные опойки, выростки и подошвы. Можно купить: нефть за 1 р. 50—3 р. 50 к.; бѣлый опоекъ 50 к.—1 р. 50 к.; выростокъ 30 к.—1 р. 30 к.; черный опоекъ 40 к.—1 р. 50 к., подошвы 4—6 р. За выдѣлку кожъ кушнеры получаютъ отъ 10 и. до 1 р. 50 к. со шкуры, или бе-

рутся выдѣлать изъ-за половинной цѣны; такъ напримѣръ, если шкура стоитъ будетъ 4 р., то за работу берутъ 2 р. и т. п.

Скормляжи не составляютъ здѣсь особаго рода заводовъ, а иногда только помѣщаются въ отдѣльныхъ избахъ, подобныхъ кожевнямъ; болѣе же скормляжество производится въ тѣхъ же избахъ, гдѣ и семейства живутъ, потому что работы бывають незначительны. Въ скормляжняхъ почти единственно обдѣлываются шкуры простыхъ русскихъ овецъ. Обдѣлка бываетъ *бѣлая* и *нечистая*, а вратцѣ она такая: сначала *мездру* (не мѣховую сторону) шкуры вымачивають въ водѣ съ разведенною солью и очищаютъ отъ жиру и приставшаго мяса на *стругахъ* (железныхъ, стальныхъ косахъ), потомъ квасятъ въ кадкахъ съ *хлѣбными квасами* (въ мучномъ киселѣ), и затѣмъ очищаютъ набѣло; растягивають, сушатъ и мнутъ мялками, въ видѣ острога серпа. Улучшеній не замѣчается. Рабочихъ не бываетъ, а работы производятъ сами мастера-хозяева. Шкуры выдѣлываются болѣе для мѣстныхъ жителей. За выдѣлку берутъ съ *овчины* отъ 3-хъ до 6-ти копеекъ.

Красилени въ здѣшнемъ уѣздѣ очень мало, да и производство на нихъ незначительно. Рабочихъ особыхъ не бываетъ, а управляется работами одинъ хозяинъ. Въ заведеніи бываетъ по одному *кубу*. Для окрашиванія употребляется: *кубовая краска*, *индикъ* *), известь, зола, сандалъ, купоросное масло, коломанская глина, черный и синий (не зеленый ли?) купоросъ, арабійская камедь, *шубиный* или *мездоренный* и рыбій *клеи*. Красятъ наиболѣе только холсты **). За красочную набивку берутъ отъ 3 до 4 копеекъ за аршинъ. Но окрашиваютъ и нитки, шерстяную пряжу и издѣлія изъ нихъ: чулки, рукавицы и проч.; а сверхъ того шерсть, льняныя и шерстяныя пряжи и издѣлія окрашиваются травою-зеленицею—въ зеленый цвѣтъ, корнями матуры—въ малиновый и вересками—въ желтый цвѣтъ. Этими окрашиваніемъ занимаются женщины, но не всѣ, а рѣдкія.

Выжиганіе извести ***) производится изъ камня, извѣстнаго подъ именемъ горнаго бѣлаго известняка. Особыхъ построекъ для выжиганія *извести* почти вовсе нѣтъ, кромѣ крыши изъ досокъ. Сженая и несженая известь доставляется болѣе всего для кожевенныхъ заводовъ и къ каменнымъ постройкамъ. Продается мѣрою корзинами отъ 30 до 50 к. за четверть.

Золотница. Зола-выжигается въ обыкновенныхъ ямахъ, вырываемыхъ въ землѣ. Въ нихъ складываются въ кучи или костры валежныя деревья, корни, вершины и сучья, гдѣ и зажигаются. Потомъ хворостъ подбавляется въ яму

постепенно. Уголья отъ вѣянія воздуха старають и превращаются въ пепель, пока не будетъ видно, что золы достаточно. Она высыпается въ бочки и доставляется на кожевенные заводы. По малочисленности этихъ заводовъ и небольшой значительности операций ихъ, золное производство здѣсь ничтожно.

Уголья. Переугливаніе лѣса здѣсь очень мало. Уголь получается изъ валежныхъ и сухоподстойныхъ деревьевъ, зажигаемыхъ въ кучахъ, складываемыхъ обыкновенно въ ямахъ болѣе или менѣе обширныхъ. Чтобы огонь не соприкасался съ воздухомъ, ямы закрываются дерномъ, мхомъ и негодною соломой. По окончаніи переугливанія, угольщикъ разгребаетъ покрывку лопатою и убираетъ головни, а кучу сравниваетъ. Когда же она остынетъ, уголь вынимается крюкомъ и затушивается землею. Древесный уголь доставляется на кузницы; прежде его не мало доставлялось на питейную контору *)

Лѣсо-техническое производство вообще въ Пинежскомъ уѣздѣ начато съ очень недавняго времени и потому развито еще незначительно. Но познакомиться съ нимъ не мѣшаетъ.

Смолокурня. Въ сухомъ грунтѣ выкапывается круглая яма до 3 сажень глубины. Надъ нею устраивается кирпичная печь, въ длину около 2 саж., а шириною до 2 1/2 саж. Смолу гонятъ непосредственно изъ смолистыхъ длинныхъ полѣньевъ, нарубаемыхъ изъ хвойнаго лѣса, преимущественно сосновой породы, посредствомъ пережиганія ихъ въ печахъ. Дрова въ печи складываются плотно до самаго верха и зажигаются; *очелокъ* же (устье печи), служащій для накладыванія дровъ и выниманія уголья, закрывается и замазывается. Управление огнемъ производится чрезъ отдушники, которые то открываются, то закрываются. Дрова отъ худо-ходящаго въ печи огня постепенно тлѣють, пуше смолятся и выпускають на дно наклоннаго пода печи смолу. Отсюда она спускается по наклонному желобу, проведенному изъ углубленія пода подъ печью сквозь землю, и вытекаетъ трубою внѣ печи въ бочки. Печь закрывается деревяннымъ шатромъ, или *струбомъ* изъ бревень-кругляковъ съ крышею. Здѣсь гонится простая черная смола. — Съ такимъ же расположеніемъ устраиваются дегтярныя печи, для гонки изъ смолистыхъ деревьевъ и бересты жидкаго и густаго дегтя.

Смолу курятъ и деготъ сидятъ еще въ ямахъ. Ямы дѣлаются круглыя. Для нихъ выбираютъ мѣста обыкновенно на возвышенностяхъ или холмахъ, гдѣ почва сухая. Бока уколачиваются. Въ особыхъ углубленіяхъ, дѣлаемыхъ на срединахъ ямъ, ставятся, наравнѣ съ подошъ ямъ железныя котлы, въ которые принимаютъ

*) Индиго.

**) Отъ этого онъ и получаетъ названіе набивки и набойки.

***) Это древній промыселъ.

*) Въ Холмогорскомъ же и Шенкурскомъ уѣздахъ на пароходахъ.

истекающую смолу и деготь. Дрова бывают наколоты длинныя и въ ямѣ складываются въ кучу накоса, но плотно, закладывая пустоты мелкими дровами. Въ такомъ положеніи они зажигаются снизу, а поверхность кучи покрывается мхомъ, кусками дерева, землею, соломой, сѣномъ, въ уровень съ краями ямы, и утаптывается. Между тѣмъ хозяинъ наблюдаетъ за огнемъ: если огонь сталъ проходить чрезъ покрывку, то ненадежныя мѣста закрываетъ землею, а усиливаетъ огонь чрезъ поднятіе покрывки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Въ известное время, когда горѣніе прекращается, яма раскрывается, горяшіе уголья тупатся насыпкою земли, а натеки изъ котловъ, по остуженіи, пореливаются въ бочки. Сидка въ ямахъ производится весной и осенью. Въ продажѣ за пудъ бываютъ: смола отъ 30 до 80 коп., а деготь отъ 80 к. до 1 руб., бочкою же смола продается 5 и 6 рублей.

Огонь все еще добывается изъ *плитокъ*, *плашекъ*, или стальныхъ *оливъ* при ударномъ соприкосновеніи кремня на тлѣнѣ, трутѣ *бумажномъ*, *тряпичномъ* или *березовомъ* (изъ березовой губки), при чемъ огонь снимается съ осоры *спринками* (старинными спицами) и на *берестичко* (сухую бересту), а также отъ сажн у чела печи и *выдается на лучинки съ живыхъ угольевъ*. Но многіе стали замѣнять *стичку* огня фосфоровыми спичками *).

Къ освѣщенію употребляютъ высушиваемую и зажигаемую березовую и осиную *лучину*. Она втыкается въ свѣтильню (свѣтець—желѣзные шипы), придѣланную на постановленной прямо къ верху палкѣ у конца *треника* или *треножника*—не глубокаго корыта, поднятаго на трехъ или на четырехъ ножкахъ, въ которое нерѣдко наливаютъ воду, чтобы догорѣвшіе уголья замирали при паденіи. Кромѣ того, свѣтъ получается отъ *сальниковъ* (глиняныхъ плошекъ), въ которыхъ плаваетъ бумажный снурокъ въ налитомъ салѣ. Сальныя свѣчи зажигаются только у зажиточныхъ людей и болѣе въ празднества, или когда бываютъ пріѣзжіе гости, или посѣтители (напр. люди чиновные); вообще же—въ особенныхъ случаяхъ. Онѣ вставляются въ подсвѣчники, къ которымъ прилагаются шипцы. Свѣчки пріобрѣтаются покупкою изъ лавокъ по 10—15 коп. за фунтъ, и не мало лѣются самими крестьянами въ формахъ на бумажной *свѣтильнѣ* (фитилѣ) изъ своего говяжьего и овечьего сала. Для освѣщенія на улицахъ, въ хлѣвахъ, сѣнникахъ, амбарахъ и т. п. мѣстахъ въ темное время, употребляется преимущественно лучина и отчасти фонари. Съ Благовѣщенія (25 Марта) крестьяне не имѣютъ освѣщенія отъ огня, а съ Ильина дня оно восстанавливается.

*) „Черканешъ и загорить; якая диковника!“ говоритъ крестьянинъ.

Топливо жилыхъ комнатъ состоитъ всегда изъ дровъ, заготавливаемыхъ самими семьями своевременно, такъ какъ лѣса находятся вблизи деревень. Потребности въ топливѣ значительны. Дрова употребляются горныя (не сплавныя). Хорошими считаются: не гнилыя, не мозглыя не трухлявыя, безъ сучьевъ, рубленныя, изъ здороваго лѣса. Цѣны на готовые дрова въ деревняхъ бываютъ отъ 20 до 50 коп. за *маховую сажень*, а въ городѣ за *печатную сажень*, доставляемую съ подряда, отъ 60 до 90 коп. сер. Дрова получаютъ почти всегда лѣтомъ и въ лѣсу разсѣкаются на *полянныя*; зимою же рубятъ *кряженикъ*. Вывозятся по зимѣ на *дровняхъ*. Кряженикъ ставится около домовъ въ стоячку, а потомъ сбѣчется въ *полянницу* прямо, или же пилятся продольной пилой въ чурки, которыя уже изрубаются въ плахи (пополамъ), и потомъ въ *полянныя* **).

Дрова расколотыя складываются въ *костры*, по бокамъ которыхъ дѣлаются изъ тѣхъ же дровъ *клетки*. Для отопленія жилищъ дрова употребляются болѣе еловые и сосновыя **), или смѣсь разныхъ породъ; кромѣ того собирается щепка. Осиновыя и ольховыя дрова кладутся въ печь всего болѣе для очищенія сажн въ трубѣ. Березовыя дрова идутъ почти единственно на *лучинку* (освѣщеніе) и на *растонку* (лучину, подкладываемую подъ дрова); на подтопку же идетъ и самая береста. *Березнякъ* высушивается на печакѣ и въ печакѣ, а потомъ колется въ лучину *лучевниками* (особенными ножами-тупиками). Печи всегда топятся только одинъ разъ въ день, исключая рѣдкихъ чрезвычайныхъ случаевъ. Онѣ затопляются по утру весьма рано въ 3—6 часовъ, а иногда (наприм. въ страдное время) еще раньше. Печи натапливаются очень жарко и потому еще, что трубы закрываютъ, какъ только дрова прогорятъ и обуглятся. Уголь въ печи подбираются *крюками* (кочергами) въ загнеты и частію *замазывается* въ кубахъ (заливается водою для самоваровъ); *пепелъ* же *запиривается* помеломъ тоже въ загнеты ***).

Поль въ занимаемыхъ комнатахъ подметается вѣниками почти каждый день. Обыкновенное мытье половъ въ избахъ бываетъ не часто, болѣе къ воскреснымъ днямъ. Въ горенкахъ полы вымываются только къ праздничнымъ и торжественнымъ днямъ; тогда же потолки и печи въ иныхъ домахъ *подблываются* мѣломъ. Вообще домашній обиходъ въ деревняхъ выказывается при наступленіи великихъ праздниковъ. Тогда все очищается

*) Въ полянныя плахи колются рѣдко, а въ печи кладутъ ихъ цѣльными.

**) Эти дрова предпочитаютъ всѣмъ прочимъ древеснымъ породамъ, потому что они даютъ большое пламя, и слѣдовательно, скорѣе нагрѣваютъ печи.

***) О послѣдующемъ употребленіи золы см. ниже. E

до бѣла, т. е. до шекотливой опрятности: помы, стѣны, скамьи, котелки, полаты, полки, швафы и т. п. деревянныя вещи *очищаются* отъ грязи *шорканьемъ вѣтками* (вѣтками), *дверстою* (дресвою) и пескомъ, *смачиваніемъ* водою, *засушиваніемъ*; на помы въ комнатахъ и сѣняхъ, для сбереженія чистоты, разстилаются *половики* (низкаго сорта холсты), *розожки*, *циновки* и *солома*; окна и ставни выполаскиваются водою; деревянная и мѣдная посуда стирается пескомъ и вымывается водою до блеска; улицы отъ воротъ обметаютъ отъ сора *метлами*; разное *хламье*, производящее немалое безобразіе, убирается.

Спальными крестьянамъ служатъ избы, а по лѣту отъ комаровъ, мошекъ, оводовъ и мухъ уходятъ въ темныя *чуланы*, въ холодныя *горницы* и на темныя *повѣти*. Но старые люди согрѣваютъ свои кости на печахъ и по лѣту. Койки бываютъ широкія, *двухспальныя кровати*, изъ простаго дерева, токарной работы, именуемыя *комьками*; *примостки* низкія, одномѣстныя, неподвижныя кровати, устраиваемыя въ боковыхъ стѣнахъ близъ пороговъ; *полаты*, печи, подпечки, помы. Кровати съ двумя постелями, множествомъ подушекъ, простынею и одеяломъ, нерѣдко бываютъ за *пологомъ* (завѣсомъ) ситцевымъ, пестрядинымъ или холщевымъ; но такія кровати болѣе стоять въ горницахъ почти безъ употребленія, только напоказъ, что хозяева знаютъ же роскошь. *Мѣста* (постели) состоятъ изъ холщевыхъ, пестрядиныхъ и матрацныхъ тиковыхъ *пволоковъ*, набиваемыхъ соломой, оленью шерстью, птичьимъ перомъ и полупушьемъ; у бѣдныхъ же постелями служатъ оленье шкуры (онѣ и называются просто постелями), но чаще всего никакихъ постелей не бываетъ, а спать на разложенной соломѣ, или собирая подъ себя и въ *изоловье* грязную одежду и укрываясь ею, или же спать прямо на голыхъ доскахъ почти такъ, въ чемъ мать родила. — Подушки и покрывала бѣдныхъ теперь извѣстны; *подушки* же у зажиточныхъ бываютъ: холщевыя, пестрядиныя, тиковыя и цвѣтныя, разныхъ ситцевъ, наполняемая тѣмъ же, чѣмъ набиваются постели, а *покрывалами*, или *окуткою*, служатъ ситцевыя одеяла, суконныя на овчинномъ мѣху *одпьяльницы*, *пяски*, шерстяныя одеяла, а болѣе всего верхняя самихъ спящихъ одежда. Постлатъ на постелю *простыню* холщевую или полотняную съ кружевами—составляетъ уже нѣгу роскошнаго жителя, и ему довольствуются только молодые въ медовый мѣсяць.

Крестьяне работаютъ и отдыхаютъ чрезъ правильныя промежутки, дѣлая при этомъ различіе между днемъ и ночью. Они аккуратно сохраняютъ этотъ обычай (исключая женщинъ, которыя просиживаютъ зимніе вечера за пряжей и вязаньемъ, почти до полуночи, съ огнемъ), такъ что ложатся спать между 7 — 11 часами вечера,

т. е. съ *взкатомъ солнца*, чтобы встать пораньше, а на утро въ домахъ и на улицахъ все оживаетъ лѣтомъ съ 3-хъ, а зимою съ 6-ти часовъ по полуночи, т. е. встать съ *восходомъ солнца* *).

Бѣлье крестьянами смѣняется чистымъ отнюдь не болѣе одного раза въ недѣлю; въ дорогъ же бѣлье служить безсмѣнно до мѣсяца. Бѣлье *стигается* (моется) женщинами мыломъ въ выдолбленныхъ глубокихъ *корытахъ*, при чемъ грязь изъ нихъ сливается въ *лохани*; послѣ мытья *на нѣсколько водою*, бѣлье складывается въ глиняныя кубы, которые, закрывъ дранками (лучинками), ставятъ *парить* въ *печки* до вечера или до утра; послѣ паренья бѣлье вынимается изъ кубовъ, снова вымывается *целокомъ* и ополаскивается въ корытахъ, а затѣмъ складывается въ корзины, или напалки, чрезъ плечо и сносится или свозится на водовозныхъ салазкахъ къ рѣкѣ, озеру или ручью и тамъ *выполаскивается* водою: лѣтомъ съ береговъ или плотовъ, а зимою въ *полоскательныхъ прорубяхъ* (мойнахъ). Но у многихъ прачекъ этого не соблюдается: мытье у нихъ состоитъ въ томъ, что бѣлье кладется въ *лохань*, гдѣ налита горячая вода, бьется тутъ толстою, здоровою палкою и потомъ *полощется* въ рѣкахъ, озерахъ и ручьяхъ, или же *вымывается омылками* въ шайкахъ въ баняхъ. Прощедъ воды, бѣлье развѣшивается на жердяхъ, либо веревкахъ, на улицѣ, въ сѣняхъ, повѣтяхъ, чердакахъ и избахъ; даѣе заносится въ избы и въ нихъ, или на печакъ, просушивается окончательно. По просушкѣ бѣлье катается ручными катками, называемыми катальными палками, которыя женщинами иногда берутъ къ подсканію и вальками колотятъ бѣлье на яду или бревнахъ и доскахъ.

Кто живетъ домкомъ, у того, разумѣется, водится и утварь. Она водится не у всѣхъ однообразная и не у всѣхъ одинаковая, — у однихъ ее болѣе, у другихъ менѣе, смотря по зажиточности хозяина, по степени домоводства по величинѣ семьи и т. д. Каждая вещь, каждая *посуда* въ народѣ носитъ множество различныхъ названій, по разнообразнымъ устройствамъ, видоизмѣненіямъ и употребленіямъ, такъ что все узнать и описать стоило бы большаго труда.

Непремѣнная принадлежность дома: св. образа, кресты или распятія (о нихъ сказано подъ рубрикою *горенки*); лампадки (лампады) мѣдныя и стекляшныя, на желѣзныхъ и мѣдныхъ цѣпочкахъ; паникадила мѣдныя, на такихъ же цѣпяхъ; кадила мѣдныя ручныя; деревянныя точеныя ладоницы; божницы занавѣски у оконъ и печей; завѣсы солнечныя; грядки, полки, пылицы, прилавки, полаты, лапы, скамьи, скамейки, стулья и стульчики,

*) Есть прибаутка: рано встать — злымъ застать; подольше поспать — живота належать.

столы деревянные. наблюдники деревянные, шкафы деревянные съ полками и съ стеклами комоды, кровати, рукомошники глиняные съ однимъ носкомъ; рукомошники зеленой и красной мѣди съ двумя носками; тазы изъ зеленой и красной мѣди, бѣлаго желѣза, красной глины *) и изъ дерева; зеркала съ разными арабесками; утиральники у зеркалъ и печей: холщевые съ узорами и полотняные съ кружевами, салфетки и скатерти на столахъ, бѣлыя, чистыя или съ цвѣтками и камчатныя; картины, портреты, часы (см. горницу).

Къ убору идутъ: подсвѣчники, жестяные, мѣдные и желѣзные; съемцы (щипчики свѣчныя), желѣзные и мѣдныя; сальники глиняные.

Складочные приборы (кромѣ полокъ, шкафовъ и на блюдишковъ) суть лари и ларцы; сундуки, простые и дубовые, въ которыхъ запирается лучшее имущество; ящики и ящички, обитые желѣзомъ и съ замками (въ меньшемъ видѣ сундуки), въ которые складывается женскими одежда, холстъ, пряжа и т. п.; деревянные коробейки на тотъ же предметъ употребляемыя; коробки, корзинки, плетухи, зобенки, двоеушцы или двоеручные короба; кузовы и пехтери, бочки: сороковки, тресковки, (водовозныя) и сельдянки; чаны (кади); кадцы (кадки) поддоны (обрѣзы отъ сороковокъ); баклажки (простые боченки); баченки дубовые; дуплянки; флаги мѣдныя (для вина), ушаты деревянные, туесы (бураки) берестяные; доильницы и подойники деревянные; лагуны деревянные съ цѣдилками; лагуши и ведра, шайки, лохани и лоханки деревянные, корыта (см. мыльни); холщевые мѣшки; кувшины глиняные; бутылки разноцвѣтныя, стеклянныя; графины хрустальныя и стеклянныя; мѣрные стекольные косушки, полуштофы и штофы.

Пекарная посуда: лукошки и хлѣбни лубочныя для муки; рѣшета и сита (см. пищу); квашни и квашенки деревянные; мутовки деревянные; крупники, лопатки, которыми высѣбаются квашни, т. е. отдѣляютъ тѣсто изъ квашни для печенія хлѣбовъ; коробки берестяныя; скалки (вальки).

Поваренныя: чугушники, мѣденники (желѣзные и мѣдные котлы большіе и малые); горшки глиняные, черные и муравленые; сковороды и сковородки; костреюли красной мѣди; масляшники красной глины; поваренки или почерпушки, мѣдныя, желѣзныя, жестяныя и деревянные; сѣчки желѣзныя съ деревянною рукояткою; сѣчки для капусты и т. п. ложки столовыя, деревянные; **) ножи, желѣзные и стальные, столовыя и кухонныя, съ де-

*) Поля и фонъ стѣвъ гончарной посуды, сверхъ сѣтчатой негровки, украшаются разными фигурами: лошадей, рыбъ, зайцевъ, глѣсовъ, цвѣтовъ и концентрическихъ круговъ.

**) Ложки дѣлаются желтыя, разнокалиберныя, нередко съ рисунками цвѣтовъ, рыбъ и съ разными стихами, прибаутками и молитвами.

ревянными и костяными черенками *); вилки, солонницы (солонки): мѣдныя, глиняныя, стеклянныя, деревянные съ накрышками **) и берестяныя (коробки); воронки (лейки) желѣзныя, жестяныя и мѣдныя; ковшки (ковши) мѣдныя и бѣлаго желѣза; порочки (деревянные ковши), даже подносы и кофейники.

Печныя: заслонокъ (заслонъ) желѣзный; ухваты желѣзные; крюкъ (кочерга) желѣзный; щипцы угольныя, желѣзные; сковородникъ (схватъ) желѣзный; хлѣбная лопатка, деревянная; боровикъ (помело) изъ вереса; судомойка деревянная; лучевникъ (тупой ножъ безъ черна); коромысло деревянное; вѣшникъ ***) (лиственный изъ березовыхъ вѣтвей) вѣхти, поганый (половой) и чистый (посудный) изъ надранной мочалы; метлы березовыя; уполовики, рогожи и циновки; тертуха желѣзная; фонари: деревянные со стеклами и желѣзные со сѣлодою. Ножишко-лученикъ, обломокъ косы для щепанья лучины.

Столовая посуда: блюде (блюды) бѣлой и красной глины и оловянныя малыя и большія ****); латки изъ красной глины *****); миски (мисы) оловянныя; чаши (чашки) и ставцы деревянные, бѣлой фарфоровой и красной глины; тарелки деревянные и бѣлой глины; квасныя кружки деревянные, оловянныя и изъ красной и бѣлой глины; хлѣбный ножъ.

Закусочный приборъ: (кромѣ графиновъ, бутылокъ и питейной посуды) братыни жестяныя и мѣдныя; стаканы хрустальныя, оловянныя и мѣдныя; шгальчики и рюмки стеклянныя.

Чайный приборъ: самовары красной и зеленой мѣди съ трубами, комфорками и крышками; подносы желѣзные, малыя и большіе; стаканы стеклянныя и хрустальныя, съ блюдцами бѣлой глины; чайныя чашки съ блюдечками *****) (кюмки (стаканы съ ручками) изъ бѣлой глины; чайники мѣдныя, бѣлой глины и красныя съ чернымъ фономъ; чайницы мѣдныя, желѣзныя, стеклянныя и деревянные; сахарницы бѣлой глины, хрустальныя и деревянные *****) (молочникъ бѣлый; чайныя ложки: серебряныя, оловянныя и мѣдныя.

*) Крестьяне сами отлично дѣлають черенки изъ корельской березы, или витые изъ проволоки, и притомъ навсегда прочныя.

**) Солонки и сахарницы выдѣлываются изъ дерева, въ видѣ птицъ съ крыльями, хвостами и головами.

***) Вилки каждымъ домою заготавливаются на всю зиму въ достаточномъ количествѣ, отчасти въ Іюнь, а болѣе въ Іюль.

****) Блюде и стакановъ болѣе всего сбываетъ изъ посуды оловянной. Блюда старинныя.

*****) Дѣлаются въ видѣ рыбъ съ носами, какъ бы головой и хвостомъ.

*****) На чашечкахъ и блюдцахъ рисуютъ цвѣтовъ, глѣсовъ, судовъ лошадей, коровъ, пастуховъ, замковъ, домовъ и разныхъ видовъ живописи.

*****) Кромѣ того украшаются надписями: „въ знакъ любви“ и „въ день ангела“.

Кстати уже сказать о постройкахъ церквей, колоколенъ, часовень и крестовъ.

Какъ въ древней Россіи *церкви* были главнымъ украшеніемъ посадовъ, такъ и нынѣ онѣ придаютъ великолѣпіе деревенскимъ поселеніямъ. Онѣ становятся почти всегда въ самой срединѣ села, на широкой площади и на болѣе видныхъ мѣстахъ, у проѣзжихъ дорогъ на возвышенномъ (лобномъ) мѣстѣ, или необрушающемся угорѣ, при чемъ подлѣ многихъ храмовъ выросли деревья, преимущественно же заповѣдныя ели. Постройка церквей болѣе старинная и всѣ на одинъ или два плана; фасады, разумѣется на востокъ. Церкви здѣсь небольшія, деревянныя. Ходъ въ церковь бываетъ всегда одинъ съ крытымъ крыльцомъ, на которое ведутъ одна или двѣ лѣстницы съ перилами. На крыльцѣ бываетъ скать, и рѣдкія церкви обшиты досками, и потому почернѣвшія стѣны ихъ носятъ на себѣ отпечатокъ древности. Крыши тесовыя, гладкія, у нѣкоторыхъ же чешуисто-рѣзные. Всѣ церкви одноглавыя, исключая нѣкоторыхъ соборныхъ. Куполы круглыя у нѣкоторыхъ покрыты бѣлымъ желѣзомъ, отражающимъ лучи солнца, но чаще деревянные. Окна въ церквахъ бываетъ довольно много; но всѣ они небольшія, въ родѣ употреблявшихся въ старину; у нихъ съ внутренней, либо съ наружной, стороны вбиваются фигурныя и простыя желѣзныя рѣшетки. Архитектура церковныхъ зданій вообще проста, и ничто въ нихъ не представляетъ какой либо художественной особенности *). Ограды у церквей вездѣ деревянныя, рѣшетчатыя, обветшалыя, а у нѣкоторыхъ и никакихъ нѣтъ.

Церковныя колокольни построены или въ совокупности съ зданіемъ храмовъ, или отнесены особо не подалеку отъ церквей. Колокольни вездѣ деревянныя, срубчатыя, о 4-хъ и 8-ми углахъ. Архитектура ихъ тоже устарѣлая. Колокола очень не большіе, и вѣсомъ и числомъ.

Часовни становятся на лобныхъ же мѣстахъ въ селеніяхъ, или на почитаемыхъ по преданіямъ. Вездѣ онѣ деревянныя, самого простаго вида съ одною главою, или съ однимъ воздвизальнымъ крестомъ, съ голыми, и кое-гдѣ обшитыми досками, бревенчатыми, стѣнами и однимъ ходомъ. Часовнями же считаются и простые амбары съ иконами, выстроенные на пустопорожнихъ мѣстахъ. Нѣкоторыя часовни обнесены оградами: либо изъ точеныхъ баясъ, либо гладкими, но окрашенными. У часовень бываетъ по одному и по два колокольца, привѣшанныхъ къ столбу, подъ прикрытіемъ доски на два ската.

Кромѣ сооруженія церквей и часовень, у народа есть весьма распространенный обычай — ставить деревянные *кресты* и столбы, называемые часовенками. Ихъ ставятъ по краямъ улицъ, при вѣздахъ въ деревни, на доро-

*) Монастырскіе храмы не идутъ тутъ въ счетъ.

гахъ, при перекресткахъ, на почитаемыхъ почему-либо мѣстахъ, на сѣнокосахъ, въ лѣсныхъ рощахъ и другихъ пустынныхъ мѣстахъ. Они нерѣдко обносятся невеликими оградками. Въ крестахъ просто вырѣзывается изображеніе распятія, а въ столбахъ владываются литые, мѣдныя воздвизальныя кресты, иконы простыя, или съ окладами, въ ризахъ и кивотахъ. Иконы задергиваются *пеленами* и сверху ихъ иногда привѣшиваются куски разной матеріи, узорчатаго полотна или холста, на которыхъ вышиваются кресты.

Кромѣ этихъ извѣстій въ дополнительныхъ этнографическихкихъ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ г. Ивановымъ, имѣются отрывочныя, но иногда не бесполезныя замѣтки о постройкахъ и домовой обстановкѣ въ селахъ Пинежскаго уѣзда. Приводимъ ихъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ представлены авторомъ:

— Въ каждомъ крестьянскомъ домѣ бываетъ только по одному столу. Исключенія, очень рѣдкія, встрѣчаются лишь въ домахъ, устроенныхъ и убираемыхъ на городской манеръ.

— Полы въ избахъ мостятъ пластинами—досками, которыхъ изъ одного дерева выходитъ только двѣ.

— Избы въ зимнее время такъ сильно натапливаютъ, что для непривычнаго къ тому невозможно быть въ нихъ.

— Для освѣщенія лучина употребляется березовая и сосновая, послѣдняя по преимуществу. Отъ нея распространяется сильный дымъ, заѣдающій глаза.

— Постели и подушки въ деревняхъ больше всего набиты шерстью. Здѣсь, гдѣ такъ значителенъ птичій промыселъ, надо было бы полагать больше этихъ вещей изъ пера и полупушья, но оказывается напротивъ, потому что дичь жители употребляютъ въ пищу себѣ рѣдко, а почти всю проводятъ въ отвозъ.

— Постели для очистки отъ такихъ насѣкомыхъ, какъ вши, выносятъ зимою на сѣни, гдѣ онѣ и уничтожаются силою мороза.

— Станокъ, на которомъ ткуть холстъ или сукно, занимаетъ чуть не половину.

— Иконы въ жилищахъ размѣщаются по красотѣ: въ кіотахъ и въ окладахъ образа ставятся въ горницы, а досчаные образа— въ жилыхъ избахъ.

— Посуда хорошая бываетъ разукрашена цвѣтами, отводками, краями, каемками, узорами.

— Ножи употребляются вообще простыя; но оправы изъ какихъ-либо металлическихъ композицій, кромѣ развѣ свинцовой наливки на концахъ у лезвія и закрѣпы, да желѣза или жѣди для укрѣпленія, небываетъ.

— Стѣны бываютъ больше одиночныя и рѣдко створчатые.

— Какъ ни хороши въ губерніи жилищныя постройки вообще, но среди ихъ встрѣчаются хижины, точно шалаши, на столько бѣдныя, что удивляешься, какъ человекъ можетъ въ нихъ жить.

— Стекло въ окнахъ больше изломанныхъ чѣмъ цѣльныхъ отъ того, что, какъ извѣстно, стекло легко ломается во время сильныхъ зимнихъ морозовъ.

— Въ деревняхъ рѣдко найдете оштукатуренные внутри дома; но все же есть и такіе.

— Во многихъ крестьянскихъ домахъ, прокононачиваемыхъ дурно, несетъ изъ стѣнъ, изъ подоконниковъ и косяковъ, съ пола и изъ входныхъ дверей.

— Глыбы льда для погребовъ называются кабами.

— Въ деревняхъ встрѣчаются дома безъ крышъ, квадратныя, въ одно бревно длиною, съ однимъ или двумя окнами по срединѣ, а кругомъ ни кола, ни двора.

— Въ кузницахъ работаютъ также подковы для лошадей, подковы гвозди и проч.

— Вятрныя мельницы бывають выстроены и на девяти токахъ (стоячихъ деревьяхъ), о двухъ и объ одномъ поставѣ.

— На верху крышъ ставятся деревянные коньки, изображающіе голову лошади или телку,—одну ея голову; но коньки служатъ также украшеніемъ и внутри избъ, около печи и у божницы.

— Бѣлгиды для печей дѣлають иногда съ водою, съ примѣсью молока.

— Къ праздникамъ мало того, что очищаютъ грязь дресвой и пескомъ,—столаы, стулья, скамейки, стѣны и проч. оскабливають ножами.

— Сѣни, сѣнникъ и все прочее, соединяющееся подъ однимъ хоромомъ, называется подворьемъ.

— Есть въ избахъ окна, вдѣланныя въ пазы и по пазамъ задвигаемыя и открываемыя.

— Скамьи въ крестьянскихъ избахъ одними концами сходятся въ углахъ ихъ, а другими расходятся врозь вдоль стѣнъ.

— Въ зимнее время при крыльцѣ или у воротъ всегда лежатъ два-три вѣшника или метлы, которыми опахивають снѣгъ съ сапоговъ или катанокъ.

— Волоковыя окна—съ задвижными ставнями внутри. Никѣ ихъ нѣтъ здѣсь, или есть, но рѣдко.

— Пивоварни, или строенія, въ которыхъ цѣлыя деревни варятъ пиво на праздники, называются поварнями.

— Терпугъ—крупный рѣдкій напитокъ (напильникъ.)

— Въ верху узда употребляютъ, вмѣстѣ половиковъ и роговъ, плетеные изъ дранницы ковры (плетеные такъ же, какъ корзинны).

— На повѣтяхъ отъ дыръ, прорубленныхъ въ полу повѣтей (потолокъ хлѣбовъ), идутъ такія же дыры, прорубленныя въ стѣнахъ. Когда же хлѣвъ устроенъ отдѣльнымъ строеніемъ, тогда изъ дыръ въ потолокъ пропускаются деревянные трубы. Это дѣлается для того, чтобы не задерживать въ хлѣвахъ зловредныя газы.

— Для молоченія и вѣшенія хлѣба близъ овиновъ устраиваются обыкновенныя глиняныя токи: выравнивають и утрамбовываютъ землю и потомъ кладутъ жидко размятую глину, съ малой примѣсью песку, потомъ гладко заравнивають; въ какомъ видѣ замерзнувъ, токъ дѣлается твердымъ и гладкимъ.

— Очень нерѣдко связанные пучки соломы приколачиваются у входныхъ дверей съ внутренней стороны, т. е. со стороны, ведущей изъ избы, для того, чтобы тепло не могло сквозящими въ затворѣ выходить изъ избы въ сѣни.

— Красное окно—окно со стеклами, въ отличіе отъ волоковаго,—свѣтлое, какъ красная изба съ большими окнами свѣтлица.

— Засѣки, или сусѣки, и закрошки устраиваются по бокамъ или внутреннимъ стѣнамъ амбаровъ.

— Прясла нерѣдко устраиваются у самыхъ деревень, смежнось постройками; но большею частію нѣсколько вдали.

— Кузнечныя мѣхи состоятъ изъ двухъ досокъ съ дырой на верху и двухъ (по бокамъ) сжимаемыхъ кожъ, съ желѣзнымъ дуломъ, наклоненнымъ къ горну. Чтобы получить непрерывный токъ воздуха на огонь дѣйствуютъ рукою по очередно: то той, то другой.

— Крички и горшки, для непроницаемости, муравятся дегтемъ и свинцомъ

— Въ недавнее время вошли въ употребленіе дешевенькіе стѣнные часы (1 р.—1 р. 20 к.) мастерскихъ Гаврилова и Глазныскаго.

— Входы въ домахъ дѣлаются наиболѣе съ праваго боку. Тамъ если домъ стоитъ глазами къ востоку, то ворота ищите на югъ.

— Употребительныя стулья дѣлаются нѣсколько въ видѣ стоящей лошади: спинка съ длинными ножками такъ и кажется передомъ лошади, а закорточки отъ ножекъ на верху—ея уши, спинка—шея, сидѣнье—спина и задница, нѣсколько расширяющаяся.

— Бани сооружаются болѣе изъ старья, т. е. изъ дѣса, бывшаго въ постройкѣ потомъ разрушенной.—Иногда до такой степени парятся вѣшниками, что не смѣивають рубашки, а для сѣченія нанимаются посторонній человекъ, который надѣваетъ себя на руки рукавицы.

— Амбары нерѣдко сооружаются на столбахъ съ шейками (въ видѣ урны), называемыхъ гребнями.

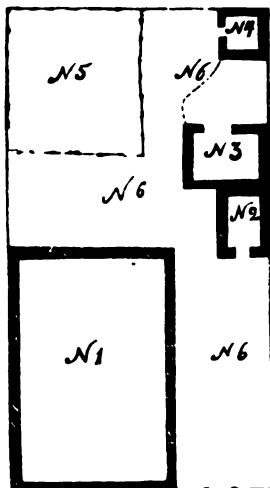
— Внутри домовъ стѣны обтесываютъ наглядку; но при этомъ необтесанными оставляють два или три бревна отъ потолка и два или три бревна отъ полу.

— Свящ. Андрей Бостылевъ въ „Губ. Вѣд.“ пишетъ: „годовъ десятиа полтора назадь, почти по всему Пинежскому уѣзду, молодой скотъ держали въ тѣхъ же избахъ, въ которыхъ и сами жили. Теперь этотъ обычай, по низу рѣки Пинеги и около города Пинеги, вывелся уже. Для скота тамъ настрояли особанныя избы, которыя называются скотными. Но что касается до отдаленной Тимешинской волости, лежащей въ самомъ углу узда и въ захоlustѣ, обычай жить со скотомъ вмѣстѣ вполнѣ сохранился. Вѣшнымъ видомъ здѣшніе дома не отличаются отъ крестьянскихъ домовъ всего узда. Домъ по большей части состоитъ изъ двухъ избъ, подъ одною кровлею. Прямо противъ дома—колодезь съ трубой (желобомъ) притянутой въ избу. Внутренность дома представляетъ для невидавшаго удивительную картину. Близъ входа въ избу стоитъ большой чанъ съ соломой, залитой горячею водою, а кругомъ его—скотъ. Коровъ загоняють въ избу только на день, на ночь же выгоняють ихъ во дворъ. Что же касается до молодого рогатаго скота, то этотъ живетъ постоянно въ избѣ. Отъ житья скота грязь въ избахъ ужасная, а отъ грязи одежда крестьянъ и сами они очень—очень грязны. Еслибы такъ жили бѣдные,—имъ бы еще, такъ и сякъ, простительно; но такъ живутъ и зажиточные, богатые крестьяне“ (Губ. Вѣд. 1870 г., № 36). Наше слово: О. Андрей сказалъ вѣрно!....

Послѣ приведеннаго нами описанія домовыхъ построекъ и домашней обстановки сельскаго населенія въ Пинежскомъ уѣздѣ, мы можемъ привести здѣсь выдержки изъ двухъ статей, касающихся Шенкурскаго узда: а) А. Шадрина—чертежи крестьянскихъ домовъ и усадьбъ; б) Свящ. Стефана Мефодіева—описаніе села Усть-Пуи. Чертежи Шадрина представляютъ избы, весьма распространенныя въ деревняхъ удѣльнаго вѣдомства. Вотъ они.

I. Планъ усадебной земли, на которой стоятъ жилия и нежилая строения, принадлежащія крестьянину деревни Верхолоцкой слободки, Великоиколаевского волостнаго правленія, Шенкурскаго уѣзда Архангельской губерніи.

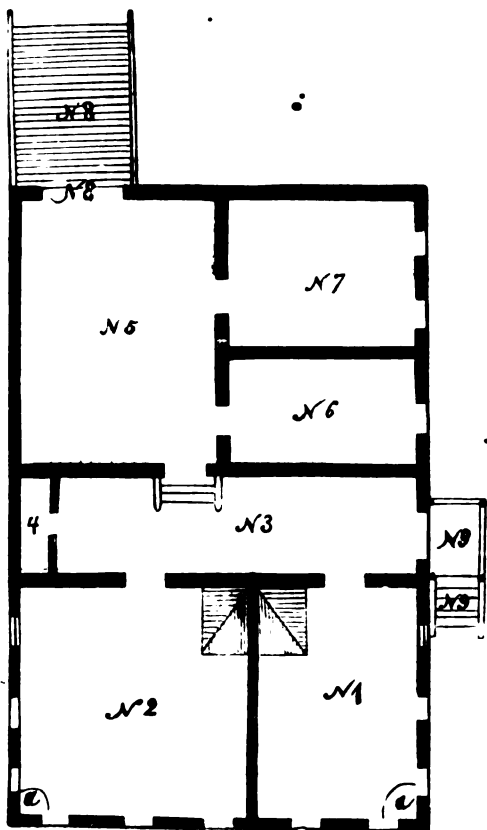
Планъ усадьбы.

Масштабъ къ плану усадьбы.

Планъ дому.

Фасадъ съ боковой стороны.

Фасадъ съ лицевой стороны.

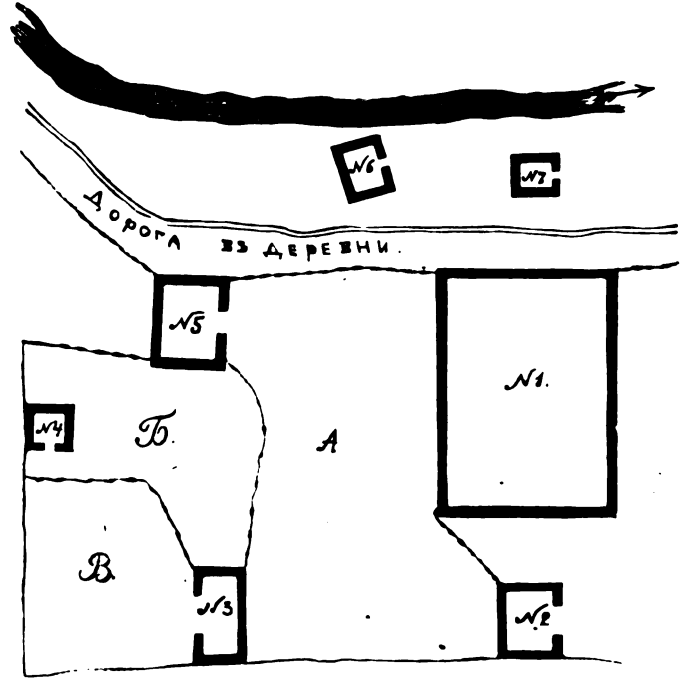

Масштабъ къ плану и фасадамъ дому.

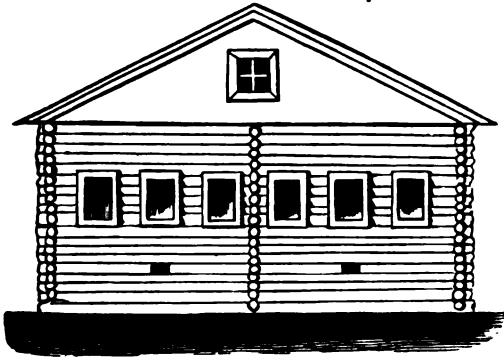

II. Планъ усадебной земли, на которой стоятъ жилия и нежилая строения, принадлежащія крестьянину Шенкурскаго уѣзда (Архангельской губерніи), Тарасовской волости, Церковническаго прихода деревни Майнемы.

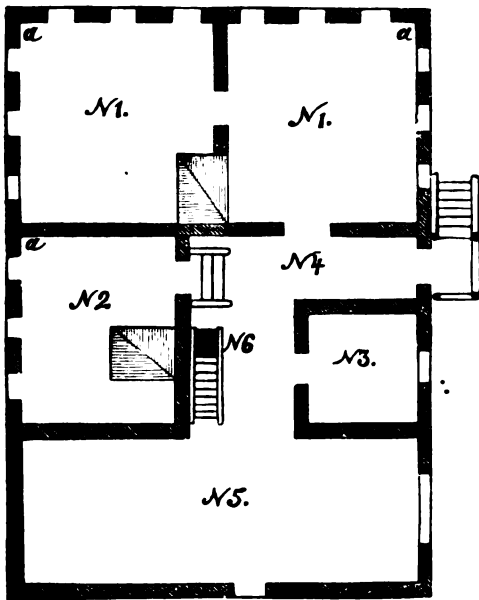
Планъ усадьбы.

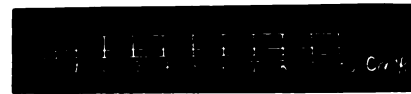
Фасадъ.

Планъ дому.

Масштабъ къ плану усадьбы.

Фасадъ съ боковой стороны.

Масштабъ фасадамъ и плану дома.

О П И С А Н И Е I.

ПО ПЛАНУ УСАДЬБЫ.

Домъ построенъ въ серединѣ деревни по проселочной дорогѣ, лежащей въ Тарасовскую волость, Церковническаго прихода, при рѣкѣ Леди, въ разстояніи отъ оной въ 20 сажняхъ. Внутреннія и наружныя принадлежности дома плотничной работы, а рамы или оконные переплеты постройки столярной работы.

№ 1 домъ, № 2 погребъ или ледникъ, № 3 гумно, № 4 овинъ, № 5 огородъ и № 6 дворъ. Бани построена на берегу рѣки Леди противъ дома.

ПО ПЛАНУ ДОМА.

№ 1 изба съ русскою печкою, кругомъ избы обыкновенныя крестьянскія лавки; въ большомъ углу *a* простой столъ. По всѣмъ стѣнамъ надъ окнами полки, служащія для поклажи разныхъ предметовъ. При входѣ въ избу надъ дверьми до воронца палаты. У стѣны, отдѣляющей вторую избу, предъ окномъ, ближе къ углу, тоже поставленъ столъ, а возлѣ него простой шкафъ, въ которомъ хранится разная глиняная посуда, какъ то: тарелки, блюда, кринки и т. под. Изба № 2, она совершенно того же вида и убранства, какъ и первая, имѣетъ тоже русскую печку, лавки, полки и палаты, простой столъ, который поставленъ въ большой уголъ *a*,

передъ нимъ скамья, а у стѣны въ недалекомъ разстояніи отъ печки сдѣланъ прилавокъ въ видѣ шкафа—довольно широкой. № 3 сѣни, № 4 ретирада, № 5 повѣтъ, № 6 клѣтъ и № 7 холодная изба безъ печки. Три послѣдніе помѣщенія построены выше трехъ первыхъ на три четверти аршина. Повѣтъ служитъ, какъ для свалки сѣна, такъ и для храненія приготовленныхъ подъ наливъ смолы бочекъ. № 8 ворота со въѣздомъ на повѣтъ и № 9 крыльцо съ помостомъ на столбахъ съ наружной стороны дома.

ПО ФАСАДУ СЪ БОКОВОЙ СТОРОНЫ ДОМА.

Подъ лит. *a* крыльцо съ улицы, *b* дверь во внутренность дома, *c* дверь въ подъизбицу или кладовыя, *e* ворота въ скотный дворъ, гдѣ помѣщаются: хлѣвъ, телатникъ, овчарня и конюшня.

ПО ФАСАДУ СЪ ЛИЦЕВОЙ СТОРОНЫ ДОМА.

Лицевая сторона дома заключаетъ пять красныхъ оконъ съ лѣтними переплетами; они съ наружной стороны затворяются одностворчатыми ставнями. Въ подъизбицѣ имѣется тоже пять малыхъ оконъ въ видѣ слуховыхъ, которыя въ зимнее время задылываются деревянными плашнами съ войлокомъ. Особенной отдѣлки или украшеній, какъ внутри, такъ и съ наружи дома нѣтъ.

О П И С А Н И Е II.

ПО ПЛАНУ УСАДЬБЫ.

Домъ построенъ въ концѣ деревни Майнемы, при дорогѣ, лежащей въ прочія деревни этого прихода. Внутренніе и наружные предметы дома плотничной работы, а оконные переплеты столярной.

№№ 1 домъ, 2 сарай, гдѣ хранятся земледѣльческія крестьянскія орудія, а также тѣлеги и сани, 3 гумно, 4 овинъ, 5 амбаръ для хлѣба, 6 баня обыкновенная крестьянская и 7 погребъ или ледникъ; подъ лит. *A* огородъ, *B* вонопляникъ и *B* пашня.

ПО ПЛАНУ ДОМА.

№ 1 первая и вторая избы съ русскою печкою. Кругомъ стѣны сдѣланы обыкновенныя крестьянскія лавки, шириною до 10 вершковъ. Въ большомъ углу *a* простой столъ, передъ нимъ скамья, тоже и во второй избѣ, которая служитъ кухней. Выше оконъ въ обѣихъ избахъ, кругомъ стѣны сдѣланы полки, служащія для поклажи разныхъ предметовъ. Надъ дверьми при входѣ въ первую избу сдѣланы палаты. Во второй избѣ имѣется простой шкафъ для храненія посуды, онъ стоитъ у стѣны, отдѣляющей одну избу отъ другой. № 2 тоже изба съ русскою печкою, эта изба построена выше прочихъ на

$\frac{1}{2}$ аршина. Въ ней тоже имѣется вдоль стѣны лавки, въ большомъ углу *a* столъ, передъ нимъ стулья, а около печки простой диванъ; къ стѣнѣ, отдѣляющей повѣтъ, сдѣланы полки въ три ряда, на оныхъ хранится чайная посуда. № 3 клѣтъ, № 4 сѣни, № 5 повѣтъ, № 6 люкъ съ лѣстницею внизъ, служащая входомъ въ скотный дворъ.

ПО ЛИЦЕВОМУ ФАСАДУ.

Лицевая сторона дома, состоитъ изъ шести оконъ, которыя съ наружной стороны затворяются одностворчатыми ставнями. Окна имѣютъ одни лѣтніе переплеты, каждый переплетъ заключаетъ шесть стеколъ. Въ чердакѣ одно окно съ переплетомъ въ четыре стекла. Внизу подъ красными окнами имѣется два слуховыхъ окна, чрезъ которые проходитъ свѣтъ въ кладовыя или въ подъизбицы.

ПО БОКОВОМУ ФАСАДУ.

Подъ лит. *a* крыльцо съ улицы, при немъ помостъ на столбахъ, *b* дверь служащая входомъ во внутренность дома, *c* наружная дверь въ кладовыя или въ подъизбицу, *e* дверь (ворота въ скотный дворъ, конюшню и въ хлѣва и *d* ворота на повѣтъ со въѣздомъ.

Переходимъ къ статьѣ свящ. Ст. Мееодіева, подтверждающей и дополняющей свѣдѣнія, собранныя П. А. Ивановымъ. Въ ней относительно предмета, насъ занимающаго, сказано слѣдующее:

Всѣ дворы деревень Усть-Шуйскаго селенія, за небольшими исключениями, расположены параллельно, имѣя разстояніе одинъ отъ другаго отъ 5 до 10 сажень. Постройки фасадами не одинаковы, смотря потому, на какой сторонѣ рѣки Ваги онѣ находятся. Постройки, лежащія на правой сторонѣ рѣки, обращены лицевою стороною на западъ, а лежащія на лѣвой на востокъ. Впрочемъ есть и незначительныя исключенія, напримѣръ въ такъ называемыхъ деревняхъ: Перегородинской и Бѣлавинской, какъ видно, каждый житель, устроивъ себѣ жилище, располагалъ фасадомъ своей постройки по личному усмотрѣнію. Амбары, овины, бани, а индѣи и пивоварни устроены большею частію въ сторонѣ. Всѣ улицы села, при разнообразномъ направленіи, имѣютъ болѣе или менѣе прямое расположеніе.

Избы и прочія вышеупомянутыя хозяйственныя постройки устроены всѣ изъ дерева. Наружность домовъ довольно несоразмѣрна. Несоразмѣрность эта замѣчается въ томъ отношеніи, что дома, при ихъ громадной длинѣ и порядочной ширинѣ, очень низки, и потому помянутыя зданія по наружности представляютъ очень сплюснутый видъ. Длина описанныхъ зданій простирается среднимъ числомъ до 15 печатныхъ сажень, ширина отъ 7 до 9, высота отъ 4 до 6 сажень. Верхніе ряды бревень, на которыхъ утверждается крыша, и самая крыша, вмѣстѣ взятая, на языкъ здѣшняго навода называются *сарамъ*. Крайнія корытообразныя бревна, придѣлываемыя къ противоположнымъ концамъ крыши, опускающимся надъ окнами дома, и приспособленныя къ тому, чтобы по нимъ удобнѣе могла стекать дождевая вода, обыкновенно называются *потокомъ*, (въ имен. пад. *потоко*); а битые въ ряды стѣнъ деревянные кряжи, поддерживающіе потоки съ крышею, носятъ названіе *куриць*. Верхнее бревно, отесанное треугольникомъ и полагаемое обыкновенно на вершинѣ зданія, называется двойко: или *охлапкомъ*, или *князькомъ*. Вся же совокупность бревень, входящихъ въ составъ жилой части описываемыхъ зданій, называется *столою*.

При входѣ чрезъ ворота на мостъ, замѣняющій мѣсто стѣней, тутъ же на виду помѣщается открытое отхожее мѣсто. Большую часть остальнаго пространства двора занимаетъ такъ называемая *повѣть*, которая, не извѣстно почему, въ параллель отъ моста, почти у всѣхъ строится выше онаго. Кромѣ небольшой лѣстницы, ведущей съ моста на повѣть, остальное во всю ширину зданія, между мостомъ и повѣтью пустое пространство, какъ видно, имѣетъ назначеніе отхожаго мѣста. Повѣть, смотря по состоянію хозяевъ, занята различными пред-

метами сельскаго хозяйства. Для храненія съѣстныхъ припасовъ на повѣти же устроивается чуланъ, называемый *кльтью*.

Самыя комнаты, по назначенію своему, бываютъ двойныя: *зимнія* и *лѣтнія*, или по народному: *черныя* и *бѣлыя*. Зимнія избы устраиваются большей частью на задней, а иногда и на боковой части зданія. Въ стѣнахъ такого рода жилищъ, для вѣжанья разныхъ мелочей изъ домашней утвари, сверху приколочены толстыя и оструганныя тесины, называемыя *воронцами*, снизу же *лавки*, назначаемыя обыкновенно для сидѣнія. Печи владутся безъ трубъ. Для выхода же дыма, которымъ наполняется изба во время топлена печи, въ задней стѣнѣ надъ печью устроивается довольно широкое отверстіе, которое, по истопленіи печи и уходѣ дыма, немедленно закрывается столь же широкою доскою. Полъ и стѣны въ этихъ избахъ почти навсегда остаются грязными. Въ нѣкоторыхъ избахъ грязь тѣмъ болѣе умножается, что туда въ извѣстное время дня впускается рогатый скотъ для кормленія и доенія. Разумѣется въ такихъ избахъ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ украшеній. У многихъ хозяевъ четвертая часть избы противъ печи отдѣляется перегородкою, называемою *шомушею*, въ углу которой, за печью, для молотья муки и крупы, у иныхъ хозяевъ устроиваются и жернова.

Устройство лѣтнихъ комнатъ нѣсколько разнообразнѣе. Онѣ почти всегда строятся или въ верхнемъ этажѣ, или на лицевой сторонѣ зданія. При входѣ въ дверь, въ переднемъ углу съ правой стороны, если домъ лицевою стороною обращенъ на востокъ, или въ лѣвой—если на западъ, на приколоченномъ къ стѣнѣ карнизѣ, называемомъ *божницей*, стоятъ иконы посредственнаго письма *). Подъ ними приколочено къ стѣнѣ нѣсколько картинъ духовнаго содержанія, а у болѣе состоятельныхъ хозяевъ, въ числѣ комнатныхъ украшеній, на стѣнахъ, въ сторонѣ отъ иконъ, помѣщаются изображенія знаменитыхъ русскихъ полководцевъ. Воронцы и лавки въ этихъ комнатахъ составляютъ также необходимую принадлежность. Хотя и въ лѣтнихъ комнатахъ полъ моется не очень часто, однако-жь эти комнаты гораздо чище зимнихъ, такъ какъ печи въ нихъ, для болѣе удобнаго выхода дыма во время топки имѣютъ трубы, и притомъ туда скотъ не впускается. Потолокъ, стѣны, а тѣмъ болѣе полъ какъ въ лѣтнихъ, такъ и въ зимнихъ комнатахъ, ни у кого и ничѣмъ не красятся. Болѣе зажиточные хозяева на лицевой сторонѣ зданія строятъ двѣ лѣтнія комнаты (избу и горницу), которыя извѣстны здѣсь подъ общимъ названіемъ *двойней*.

Устройство овиновъ неудобное. Одна половина стѣнъ

*) Въ зимнихъ избахъ иконы стоятъ также смотря потому, куда обращена лицевая сторона избы.

этого рода построекъ находится въ землѣ, другая поверхъ земли. Бровень съ землею устроится бревенчатый потолокъ, верхняя сторона котораго, обитая довольно толстымъ слоемъ глины, называется *поддомъ*. На *подъ* чрезъ небольшое отверстіе въ стѣнѣ накладываются назначаемые для молотбы снопы хлѣба. А какъ въ овинахъ печи вовсе не кладутся, то хозяева для сушенія сноповъ, чрезъ проведенное снаружи углубленіе, спускаются подъ самое основаніе овина и тамъ раскладываютъ огонь. Во все время топленія овина дымъ и жаръ отъ огня, чрезъ довольно длинное и широкое на потолокѣ отверстіе, называемое *пазухою*, проходятъ прямо въ снопы. Такое устройство овиновъ имѣетъ свою выгоду развѣ въ томъ отношеніи, что жаръ огня, непосредственно проходя къ снопамъ, скорѣе сушитъ ихъ. Но это же устройство и неудобно, особенно потому, что, какъ признаютъ сами хозяева, при значительно сильномъ вѣтрѣ топленіе овиновъ соединено съ опасностью.

Амбары имѣютъ двойное назначеніе. Собственно такъ называемые *амбары* устроиваются при гумнахъ *) для клажи туда соломы, остающейся послѣ молотбы хлѣбныхъ растений, и амбары, почти всегда называемые *житницами*, назначаемые для клажи зерноваго хлѣба. Въ амбарахъ, собственно такъ называемыхъ, существуетъ только одна перегородка, въ которую кладется мякина, остающаяся послѣ молотбы. Въ житницахъ же находится нѣсколько перегородокъ, называемыхъ засѣками, куда, послѣ молотбы, высыпаются сѣмена хлѣбныхъ растений.

Устройство бань не отличается большимъ умѣньемъ. Предъ входомъ въ самую баню устроются небольшія стѣны, гдѣ идущіе мыться раздѣваются. Въ томъ или другомъ углу отъ дверей кладется печь изъ сѣраго камня. Способъ топленія печей въ баняхъ такой же, какой въ зимнихъ избахъ. Отъ печи и далѣе на сторонѣ отъ печи вдоль передняго угла все пространство занимаетъ такъ называемый *полокъ*, ширина котораго равна ширинѣ печи и на которомъ пребываютъ любящіе париться. Къ другой, противоположной полку и печи, стѣнѣ и къ незакрытой полкомъ остальной части передней стѣны продѣланы небольшія прилавки, на которыхъ сидятъ моющіеся и стоятъ сосуды съ горячею и холодною водою.

Пивоварни, какъ показываетъ самое названіе, предназначаются для варенія пива. Онѣ бываютъ только у немногихъ хозяевъ. Внутри такого рода построекъ нѣтъ

*) Гумна не принадлежатъ къ числу построекъ, а находятся при амбарахъ подъ открытымъ небомъ, и суть ничто иное, какъ довольно обширное и продолговатое пространство земли, выстланное глиною, куда раскладываются для молотбы снопы хлѣбныхъ растений. Въ предохраненіе отъ топтанія скота и выростанія сорныхъ травъ, на время весны и лѣта гумна накрываются соломой.

ни пола, ни потолка, однѣ пустыя стѣны. Надъ тѣмъ же мѣстомъ, гдѣ варится пиво, крыша на время варенія открывается.

Всѣ означенныя мелкія хозяйственныя постройки длиною отъ 2 до 3 сажень, шириною отъ 1½ до 2 саж., вышиною отъ 1 до 1½ саж. Крыши на нихъ или плоскія безъ охлупня, или съ охлупнемъ, отъ котораго отдѣляются двумя наклонными поверхностями.

Предметы, относящіеся къ домашней утвари жителей Усть-Пуи, почти общезвѣстны, какъ по своему устройству, такъ и по назначенію. Нѣкоторые изъ нихъ замѣчательны только своими мѣстными названіями.

Такъ какъ всѣ перечисленные о. Меоодіевымъ предметы, принадлежащіе къ уходу за столомъ, печью и скотомъ, упомянуты были и въ описаніи Иванова, то мы и опускаемъ этотъ перечень. Но приведемъ принадлежности рукодѣлій:

а). Пряжи: прялицы (прялки), веретена, мутовила отъ 6 до 7 четвертей длиною, служація для мотанія нитокъ.

б). Шитья: иголки, наперстки, ножницы.

в). Тканья: *станины*, длиною около 2-хъ арш., шириною 1½ арш., имѣютъ видъ двухъ двухъ-угольныхъ скобъ, съ того и другаго конца сколоченныхъ поперечными досками; *сволокъ*, длиною около аршина слишкомъ, на концахъ котораго находятся два толстыхъ, туго наложенныхъ круга, опредѣляющіе границы, до коихъ должны простираться нитки, свиваемыя для тканья; влагаемая въ задній конецъ станинъ *пришвица*, длиною равняется сволоку, одинъ конецъ ея довольно шарообразенъ, съ сквозными и крестообразными отверстіями; остальная же часть имѣетъ видъ круглой и довольно толстой палки, на бокахъ которой почти во всю длину ея находится сквозное отверстіе, куда влагается ткань, завиваемая вокругъ палкообразной части *пришвицы*, влагаемой въ передній конецъ станинъ; *притужальникъ*—довольно тонкая дощечка, шириною около ладони человеческой руки, длиною около полуаршина, будучи привязана къ стайинамъ крѣпко веревочкою, влагается въ одно изъ отверстій шарообразнаго конца *пришвицы*, чтобы туго завитую около *пришвицы* ткань удержать въ данномъ ей положеніи; *набилки*—двѣ толстоватыя, гладко струганыя, доски, каждая шириною около двухъ вершковъ, длиною около аршина, налагаемыя одна на другую косвенно; въ концы оныхъ чрезъ сквозныя дыры влагается по одной четверугольной палкѣ, причѣмъ верхняя доска довольно легко можетъ приподниматься; *бердо*, устройство котораго состоитъ въ томъ, что, между двумя параллельно отстоящими одна отъ другой палочками, втыкается нѣчто въ родѣ частыхъ зубьевъ гребня, длиною отъ 2 до 2½ четвертей, шириною въ 1½ вершка; такое бердо влагается между *набилками*; *нитницы*, по-

добно берду, состоятъ изъ двухъ одна отъ другой параллельно отстоящихъ палочекъ, перевитыхъ нитками, длиною и шириною почти равняющихся берду; въ нитницы и берда влагаются назначенныя для тканья продольныя нитки; *челнокъ*—небольшая палочка, съ довольно острыми концами, въ срединѣ которой на деревянномъ прутѣ находится, навитая нитками, такъ называемая *чечва*, свитая изъ коры березы; *подножки*—двѣ дощечки, привязанныя къ нитницамъ и опущенныя на полъ; причежъ такъ называемыя *ткети* (женщины, которыя ткуть) ногами переступая поперебънно на ту или другую подножку, приподнимають и опускають тотъ или другой рядъ вложенныхъ въ нитницу продольныхъ нитокъ, набилками же и бердомъ въ продольныя нитки втыкають поперечныя, вложенныя въ челнокъ.

Къ принадлежностямъ тканья относятся также: *турикъ*—толстый обрубокъ дерева, сердцевина котораго вынута, между краями же того и другаго конца вставляется по одной дощечкѣ, шириною въ вершокъ, съ дырочкою въ срединѣ; *вьюшка*—много похожа на двухугольную скобку; на нее, посредствомъ дыръ въ дощечкахъ, влагаются турикъ, на который свивають нитки; *воробы*—двѣ длинныя, но узкія дощечки, налагаемыя одна на другую крестообразно; на концахъ этихъ дощечекъ находится по нѣскольку дыръ, куда влагаются веретена, по которымъ раскладывается мотокъ нитокъ, назначаемый для свиванія на турикъ; *подворобница*—толстая, вертикально поставленная палка, вверхъ которой вбитъ въ такомъ же положеніи гвоздь, на который налагаются крестообразно воробы, въ нижній же конецъ подворобницы, для твердости ея стоянія, по бокамъ вбивается нѣсколько палочекъ; *скально* состоитъ изъ трехъ небольшихъ дощечекъ, изъ коихъ двѣ стоятъ вертикально на концахъ третьей; чрезъ верхъ стоящихъ дощечекъ проведена палочка, съ крючкомъ при одномъ концѣ, называемомъ *веретномъ*, на острый конецъ котораго, довольно выдавшійся наружу, налагается чечва и на нее, посредствомъ верченія веретена, съ турика свивають нитки.

Принадлежности ухода за разными отраслями сельскаго хозяйства:

- а). Обработки пахотной земли: сохи, бороны.
- б). Уборки хлѣба и сѣнокоса: серпы, косы, у всѣхъ стойки, вилы, грабли.
- в). Уборки корнеплодныхъ растений: сѣчки, индѣ называемыя копачами или мотыгами; большею частію служатъ для копанія картофеля.
- г). Уборки лѣсныхъ плодовъ: зобеники, небольшіе кобота, сплетенные изъ коры березы, служащіе большею частію для собиранія и ношенія ягодъ.
- д). Ухода за льномъ и коноплею: мялки, состоятъ изъ двухъ, вырубленныхъ съ корнями, древесныхъ обруб-

ковъ, каковыя, будучи поставлены на корни одинъ отъ другаго не въ дальнемъ разстояніи, снизу соединяются, вкочленною въ бока ихъ палкою, сверху же—двумя досками, приколоченными концами къ той и другой сторонѣ обрубокъ; въ остающееся между двумя досками разстояніе влагаются третья доска, съ одного конца вкочлененная туда деревяннымъ гвоздемъ; подъ приподнятую среднюю доску подкладывають ленъ или коноплю и, давая тою доской, очищаютъ эти растенія отъ такъ называемой костицы *); *трепалки*—небольшія, довольно заостренныя съ боковъ дощечки, коими треплютъ помянутыя волокнистыя растенія; *щети*—деревянныя палки, одинъ конецъ которыхъ утыканъ свинными щетинами, залитыми еловою сѣрою, другой же, служащій рукоятію, обмазанъ *некомъ*; щеть служатъ для совершеннаго очищенія льна и конопли.

е). Ухода за бѣльемъ: корыта, буки—въ которыхъ вымытое въ корытѣ бѣлье, посредствомъ насыпанія пепла и наливанія кипящей воды, парится, вѣроятно для большей бѣлизны; *корчаши*—такъ называются большіе глиняные горшки, индѣ называемые *кубами*, у нѣкоторыхъ жителей замѣняющіе мѣсто буювъ; *катушки*—палки, которыми катають или гладятъ вымытое и высушеное бѣлье.

ж). Пивоварня: котлы, щаны (чаны)—большія кадки, въ дно которыхъ вложенъ такъ называемый *стырь*, который есть не иное что, какъ палка, вышиною почти равная кадкѣ; отъ легкаго поднятія стыря, обложеннаго *сурпою* **) образуется небольшое отверстіе, чрезъ которое процѣживаютъ сусло; *бочки*, индѣ называемыя *лагунами*, назначаются для переливанія въ нихъ пива.

Принадлежности мастерства:

- а). Сапожнаго: шило, иглы, дерево, колодка, служащая для выпрямленія сапога, молотки, гвозди.
- б). Строительнаго: топоры, стружки, скобели, тежки, которыми тешуть углы стѣнъ внутри зданія, пазники, служащіе для выдѣлыванія пазовъ, пилы, долото, брусы, точила, ватерпасы, черта,—желѣзная палочка, имѣющая на одномъ концѣ раздвоенный крюкъ, коимъ начертываютъ пазы.

Изъ четырехъ описаній, касающихся разныхъ мѣстностей Холмогорскаго уѣзда: Хаврогорскаго прихода, села Пингишей, Челмохотскаго и Курейско-Сергіевскаго прихода, первыя два даютъ нѣсколько подробностей относительно сельскихъ построекъ въ описываемыхъ ими деревняхъ.

Такъ свящ. Прокопій Павловскій говоритъ объ этомъ предметѣ слѣдующее:

*) Крайнія доски въ мялкахъ называются щечками, а средняя языкомъ.

**) Сурпа состоитъ изъ нѣсколькихъ палочекъ, разставленныхъ кругообразно и обложенныхъ соломою; она налагается на стырь, какъ видно, для болѣе удобнаго отдѣленія сусла отъ солода.

«Деревни въ Хаврогорскомъ приходѣ расположены большею частію неправильно, и дома въ оныхъ также имѣютъ не одинаковое разстояніе одинъ отъ другаго: въ однихъ деревняхъ домъ отъ дома имѣетъ разстояніе двухсаженное и не болѣе трехъ сажень, а въ другихъ домъ отъ дома представляется довольно отдалившимися; сему причиною со стороны крестьянъ близость нахождения имѣемой ими пахотной земли, которая у нихъ всегда подъ руками и удобна для обработки.

Жилыя постройки передними окнами расположены на западную сторону, къ рѣкѣ Двинѣ, а амбары большею частію обращены дверями къ окнамъ домовъ, изъ предосторожности отъ похитителей, и находятся отъ домовъ въ близкомъ разстояніи; бани также близъ домовъ, а гумна и овины строятся въ сторонѣ и вдалекѣ, и большею частію близъ полей.

Дома крестьянъ деревянные изъ сосноваго и еловаго лѣса, большею частію, особенно вновь устроенные, красивые, удобны и помѣстительны. Домъ раздѣляется на три части: собственно такъ называемый *передъ*, состоящій изъ избы и горницъ; *передворье*, т. е. средняя часть дома, на которомъ находятся чуланы или такъ называемыя клѣти въ верхней части онаго или повѣти, а подъ оными помѣщеніе для лошадей и хлѣвъ для рогатаго скота. Всѣ эти три части имѣютъ величину и ширину равныя; а весь домъ въ совокупности занимаетъ пространства въ длину 9 сажень, въ ширину до 5 *); на передней стѣнѣ устроится во всякомъ домѣ 5 оконъ, на боковыхъ по два и по три; крыльцо съ боковой стороны, двой ворота въ передворьѣ, для удобства къ вывозкѣ навоза, и въ хлѣвъ тоже двой двери: одиѣ изъ передворья, а другія изъ задней стѣны. Наружное украшеніе дома составляетъ раскрашиваніе оконъ, на которые накладываются наличники **), свода, въ которомъ устроиваются два окна, и подбоя подъ крышею.

Внутри такое же раскрашиваніе, смотря по состоянію жителя, бѣлилами или чернядью, оконъ, карпизовъ, печнаго мѣста и проч. Въ большомъ углу, на такъ называемой божицѣ, по обѣ стороны разставлены иконы, безыскусственной, извѣстной всѣмъ, суздальской работы. Въ каждомъ почти домѣ имѣется ухажая горница, прибранная по сельски. Въ ней, какъ бы на показъ, особенно въ праздники, когда бываютъ гости, вывѣшивается на стѣну лучшее платье домашнихъ, и выставляется на видъ мѣдная и другая цѣнная посуда. Это болѣе дѣлается тогда только, когда въ домѣ заводится свадьба, чтобы показать пріѣзжающимъ смотрѣть житье неизвѣстнаго имъ жениха или невесты, что послѣдніе имѣютъ всего

*) У зажиточныхъ крестьянъ дома строятся отъ 9 до 12 саж. въ длину, а въ ширину отъ 5 до 6-ти.

***) Наличникъ—оплуга, въ видѣ рамки у картины, очень подходящая къ окну и довольно красивая.

довольно. Дома крестьянъ въ Хаврогорихъ у многихъ отштукатурены, что по близости нахождения цемента и многихъ мастеровыхъ этого дѣла, не составляетъ большихъ издержекъ, а между прочимъ приноситъ не малую пользу, сохраняя верхнія комнаты отъ преждевременнаго гніенія, обезпечивая содержаніе теплоты въ большей мѣрѣ въ зимнее время и позволяя употреблять меньшее количество дровъ для топки. Дома строятся, по довольно большому количеству мѣстнаго матеріала, двухэтажные, въ высоту 5, 6 сажень и менѣе. У многихъ домовъ къ боковой стѣнѣ пристраиваются небольшія избы, называемыя подъязбицами, для того, чтобы въ зимнее время удобнѣе было водиться со скотомъ, каковыя избы—совершенный излишекъ и трата лѣса. Въ зимнее время двухэтажный, пространный и удобный домъ пустъ, а огромное семейство хозяина помѣщается въ небольшой подъязбицѣ, терпя и снося спертый воздухъ, копоть отъ лучинъ, сырость и проч., отчего нерѣдко заводится и болѣзнь, которыхъ главная причина — неопрятности сихъ избъ и нечистота, по сельскимъ обстоятельствамъ, всегда присущая».

Авторъ этнографическихъ свѣдѣній о селѣ Пингишахъ, свящ. Андрей Колчинъ о сельскихъ постройкахъ этой мѣстности говоритъ слѣдующее:

«Въ Пингишенскомъ селѣ 170 дворовъ, у каждого почти двора имѣется амбаръ, баня и овинъ. Зданія эти построены безо всякаго порядка кучами до крайней тѣсноты. Въ одной кучѣ съ дворами стоятъ бани, амбары; даже овины съ гумнами построены рядомъ съ избой. Всѣ постройки сдѣланы изъ сосноваго лѣса, крыты тесомъ желобастымъ. Дворъ состоитъ изъ трехъ частей: *переды* или избы, *передворья* и *дьяльника*. Всѣ эти три части строятся въ одной связи. *Передъ* по фасаду имѣетъ три или четыре окна, одно изъ нихъ въ срединѣ большое, по названію *колодное* съ осмистекольною рамою, остальные маленькія, продолговатыя. На боку избы, съ той стороны, съ которой бываетъ входъ, дѣлается маленькое оконце. Въ зимнее время рамы стекольныя на ночь снимаются, а вмѣсто нихъ вставляются деревянные ставни. Избы сводятся косякомъ на два ската. Косякъ дѣлаютъ тесаный. Крыша надъ косякомъ выдается впередъ довольно большимъ надвѣсомъ, концы у косяковъ обшиваются фигурами, такъ называемыми, *пригалинами*. *Передъ* старинной постройки всегда почти состоитъ изъ одной избы съ подпольемъ, въ 4 сажени и болѣе ширины и длины. Отъ переды тянутся *передворье* и *дьяльничъ*. Каждое изъ этихъ частей бываетъ длиною до 5 сажень; чѣмъ болѣе дворъ, тѣмъ исправнѣе хозяинъ.

Входъ въ избу устроивается по съѣзду чрезъ передворье, которое служитъ и сѣноваломъ и сѣнями. У дверной стѣны въ избѣ выводится печь, которую бьютъ изъ глины артелями, по сосѣдству, за угощеніе. Предъ

варительно для печи готовят печное мѣсто: ставят въ колоду четыре столба. Столбы расширяютъ въ стѣны избыя поперечинами во всѣ стороны; поперечины эти служатъ полями или грядами. Кругомъ избы, около стѣнъ, стоятъ лавки; конецъ этихъ лавокъ у дверной стѣны называется *конникомъ*. Лавки вдавливаютъ концами въ стѣны. Выше лавокъ, тоже кругомъ избы, изъ стѣны въ стѣну дѣлаются грядки. Въ большомъ углу ставится *божница*. Надъ окнами дѣлаются карнизы, или продольные, большіе, подъ всеми окнами, или особо надъ каждымъ окномъ. Карнизы эти называются *зымзами*. Изба отдѣляется заборкою отъ печи къ передней стѣнѣ. Мѣсто за заборкою называется *солнышею*. Если не бываетъ заборки въ избѣ, то бываетъ пространное запечье, которое тоже именуется *шолныша*. Потолокъ въ избѣ бываетъ бревенчатый, иногда на два ската. Подъ потолкомъ на перекрестъ изъ стѣны въ стѣну укрѣпляютъ рядомъ по двѣ жерди, называемыя *марами*; на нихъ сушатъ лѣсъ для подѣлокъ, рыболовныя сѣти и проч. У печи въ стѣнѣ дѣлается *оымникъ*, — просто окно, запираемое ставнемъ; отъ этого окна, съ наружной стороны избы, идетъ деревянный дымникъ или труба. Въ избѣ, кромѣ печи, лавокъ и грядокъ, увидите еще столъ въ большомъ углу, колодку или обрубокъ и табуретъ гнутый изъ ивы. Кромѣ иконъ, на стѣнахъ никакихъ украшеній не бываетъ. Въ передворьѣ устроится клѣть. Клѣть служить въ простую пору для храненія пожитковъ, а во время браковъ — для отвода молодыхъ къ опочиванью.

Передворье и дѣльникъ строятъ въ огромныхъ размѣрахъ для большаго помѣщенія скота и тундры, которую завозятъ въ дворы. Въ передворьѣ помѣщаютъ лошадей и большихъ быковъ; въ дѣльникахъ — коровъ, телятъ и овецъ. Амбары ставятъ двухъэтажные, приспособительно низменности мѣстоположенія. Внизу хранятъ муку, или оставляютъ впускъ; вверху дѣлаютъ заставки или глубокіе ящики заборомъ, для храненія зерноваго хлѣба. Амбары сводятъ на два ската на сплошныхъ рамахъ, первоначально кроютъ еловой корой, потомъ въ два ряда тесомъ. Овины всегда на половину высоты углубляютъ въ землю; на поверхности земли остается только верхній этажъ, куда помѣщается для сушки хлѣбъ. Въ углубленіи устраиваютъ печь изъ дикаго крупнаго намня; входъ къ овинной печи идетъ черезъ окно въ яму. Яма эта именуется *загарою*. Потолокъ овинный надъ печью дѣлается плотно изъ толстаго теса; на бокахъ потолка оставляютъ щели, шириною въ два вершка и болѣе. Черезъ эти боковыя щели тепло сообщается въ верхній этажъ овина и осушиваетъ хлѣбъ. Въ верхнемъ этажѣ овина, по обимъ концамъ владутся двѣ балки; на балки въ зазубру накладываютъ рядами колышки, называемые *колосниками*, разстоянемъ на одну четверть одинъ отъ другаго. На эти колосники

ставятъ снопы для сушки. При овинахъ большею частію устраиваютъ гумна, крытыя тесомъ съ гладкимъ мостомъ. Бани — маленькія конурки съ каменками. Воду въ баняхъ грѣютъ каменемъ. Необходимая принадлежность бани — полокъ».

Что касается домашней утвари, то о ней свѣщ. Колчинъ сообщаетъ лишь краткія свѣдѣнія въ такомъ видѣ:

«Первое мѣсто занимаетъ хлѣбня; она помѣщается на столѣ или въ углу на лавкѣ подъ иконами и всегда прикрыта сватерткой. Хлѣбная дѣлается или изъ осинової болони, гнутая и точеная изъ дерева, или плетеная изъ корешковъ и прутьевъ. Далѣе слѣдуютъ: деревянныя или глиняныя кружки, для питья; деревянныя кружки дѣлаются изъ вересовыхъ дощечекъ; оловянныя тарелки и стаканы; большія деревянныя чашки, для семейной похлебки; мѣдныя котелки для варки пици; *солонникъ* берестянный, для храненія соли. Сѣяльница бываетъ или плетеная, изъ бересты, или выдѣланная изъ дерева; это родъ круглой большой, но мелкой коробки, употребляемой для сѣянія муки. Полотуха, деревянная продолговатая чашка, овальной формы, съ рукоятками на обоихъ концахъ, употребляется для окатыванія житниковъ. Печатка-деревянная дощечка, вырѣзанная фигурчато, употребляется для печатанія сочней при свадьбахъ и большихъ праздникахъ. Валекъ употребляется для катанія сочней. — Сковородка, мѣдная чашка съ рукояткой, употребляемая для подачи каши въ торжественные праздники. Братыня всегда мѣдная, употребляется въ праздники для подачи пива; а во время браковъ братыней подаютъ водку и пьютъ черезъ край. Ендова родъ братыни, но въ огромномъ видѣ; подъ дномъ у ендовы дѣлаются ножки; употребляется при свадьбахъ, какъ и братыня. Лагунъ родъ ушата или небольшой кадки, съ обоихъ концовъ закупоренный; на верху дѣлается небольшое отверстіе — втулка, а въ низу гвоздь. Лагуны употребляются для храненія пива. Кадка, большой чанъ для варки пива. Ковшъ пивоварный дѣлается изъ огромныхъ древесныхъ наростовъ, съ длинною рукоятю. Ковшъ сѣмянной выдѣлывается тоже изъ древесныхъ наростовъ и корней и употребляется для насыпки зерноваго хлѣба въ амбарахъ. Щипцы, или клещи желѣзныя, употребляются для поднятія горячихъ камней при варкѣ пива. Плетень берестяный, величиною въ квадратный аршинъ и болѣе, съ маленькимъ бутылочнымъ отверстіемъ, употребляется для храненія сѣмени коноплянаго и льна отъ мышей. Дояльница, ведро съ носкомъ, употребляется, какъ подойникъ, для доенія молока. Ставецъ небольшая деревянная чашка. *Цупельникъ* или *сковородникъ* употребляется для подъема сковородки при печеніи блиновъ. Букъ для бученія бѣлья».

Свѣдѣнія о сельскихъ постройкахъ и утвари въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ, доставленныя свѣщ. Васи-

ліємъ Таратиницъ, не обильны и описаніе домашней утвари не прибавляетъ ничего новаго къ прежнимъ; а потому мы ограничиваемся только описаніемъ построекъ въ этомъ приходѣ.

«Дома и всѣ при нихъ службы построены изъ сосноваго дѣса и закрыты тесанными сосновыми досками въ жолобъ—подъ охлупень. Дома построены въ одной связи съ скотными дворами, и отдѣльныхъ отъ домовъ сараевъ нѣтъ.

Дома вообще постройки красивой и отдѣлки чистой. Изъ 125 домовъ около 70 домовъ двухъ-этажные, съ жилыми покоями въ обоихъ этажахъ, и около 30 домовъ одноэтажные съ покоемъ въ верхнемъ этажѣ. Ширина этихъ домовъ 4' $\frac{1}{2}$ сажени, высота 3 саж. и длина дома съ сараемъ 9 сажень.

Въ домахъ прежней постройки: внизу изба и рядомъ съ ней — съ лицевой же стороны сѣзжіи дворъ, ходъ въ избу и лѣстница въ верхній этажъ. А гдѣ нѣтъ внизу жилого покоя, тамъ кладовая для хлѣба и рыбы.

Въ домахъ нынѣшней постройки: изба и рядомъ съ ней горница, входъ въ которую изъ избы. Съ боку устроено крыльцо для входа въ избу и въ верхній этажъ; въ сѣняхъ забраны чуланы для клажи сѣстного и домашней утвари. Въ верхнемъ этажѣ построены два и болѣе покоя, которые называются горницами, и чуланы для платья.

Во всѣхъ почти домахъ, при входѣ въ избу, въ заднемъ углу лѣвой руки устроена руская большая печь съ подпечкомъ, въ который складываютъ домашнюю утварь: ухваты, крюки и проч. а иногда въ немъ спятъ дѣти. Отъ печи по задней стѣнѣ полати, которыя обнесены балаясами; по бокамъ избы грядка; по полу — лавки; въ переднемъ углу — божица и столъ. Рамы въ шесть стеколъ. На зиму, вмѣсто рамъ, вставляютъ деревянные толстые ставни, обитые войлокомъ или холстомъ, съ меленькою внутри рамкою, а на ночь съ наружной стороны всѣ окна закрываютъ ставнемъ. Потолки штукатурятъ для сбереженія верхнихъ покоевъ отъ гніенія.

Въ горницахъ печи голландскія обыкновенной кладки. Рамы въ 6 и 3 стекла; по стѣнамъ на полу устроены скамейки. Въ домахъ богачей стѣны обиты бумагой, полы и двери выкрашены, потолки отштукатурены, мебель столярной работы. Кіотъ съ св. иконами, часы, зеркало, шкафъ и кровать составляютъ принадлежность горницы каждаго не совсѣмъ бѣднаго домовладѣльца. Въ покоехъ и сѣняхъ соблюдается чистота и опрятность во всякое время.

Скотный дворъ (сарай) двухъ-этажный; онъ отдѣленъ мостомъ или поломъ, который настлается на двѣнадцатомъ ряду бревенчатого сруба и называется повѣтью; внизу двора устроены стая для скота, а на повѣти хра-

нится сѣно. Въ повѣти устроены, такъ называемыя, мары, и здѣсь, на настланныхъ досокъ и жердья, хранится солома. Для дачи корма скоту съ повѣти противъ яслей сдѣланы отверстія. Для вѣзда на повѣть сзади, а иногда и съ боку сарая, устроенъ изъ бревенъ на столбахъ подъемъ (звозъ), ровная съ повѣтью возвышенность котораго называется *узломъ*.

Въ этомъ сараѣ сверху и внизу, во всю ширину его, или только въ углу отдѣлено небольшое пространство бревенчатымъ заборомъ, гдѣ устроены отхожія мѣста.

Бани построены небольшія съ предбанникомъ (сѣнцами). Въ заднемъ углу бани сбита печка (каменка) такимъ образомъ: сзади и боковъ выложены кирпичемъ стѣнки, въ высоту до 1' $\frac{1}{2}$ арш., а напереди для дровъ оставлено отверстіе; съ боковъ стѣнокъ сдѣланы кирпичные своды, и на эти своды наложенъ сѣрый камень. Во время топки въ печку бросаютъ камень, и накаленнымъ нагрѣваютъ воду въ ушатахъ и сельдянкахъ.

Для молотбы хлѣба устроены овины; это не широкіе и не длинныя, но довольно высокіе амбары: внизу устроена каменка (вырыта небольшая яма, съ боковъ сдѣланы изъ кирпича отъ 5 до 7 сводовъ и завалены камнемъ); на половинѣ въ высоту овина настланъ полъ, а по бокамъ оставлены отверстія (продухи) для хода жара изъ каменки; съ полъаршина отъ полу устроены колосники для клажи сноповъ».

Еще короче свѣдѣнія о постройкахъ, находящіяся въ описаніи Челмохотскаго прихода, которое составлено свящ. Ильею Глѣбовскимъ. Они имѣютъ видъ замѣтки такого содержанія: «Дома жителей всѣ деревянные, почти всѣ одоэтажные, построены безъ всякаго плапа; состоятъ изъ бѣлой жилой избы (есть еще черныя), съ заборкою, а за стѣною оной есть горницы, или чуланы; рядомъ съ избою чрезъ сѣни подъ одною крышею, назади находится повѣть (сѣноваль), а подъ низомъ оной помѣщается домашній скотъ. Внизу подъ избою погребъ съ ямою для снѣга, гдѣ кладется всякое сѣстное. У состоятельныхъ дома двухъ-этажные, изъ четырехъ покоевъ и даже пяти, съ кладовыми на повѣти. Амбары для ссыпки и храненія хлѣба находятся отдѣльно, болѣею частію предъ окнами домовъ. Мебель у людей средняго состоянія — лавки изъ досокъ, скамьи, у богатыхъ стулья въ горницахъ, комоды и шкафы подъ краснымъ деревомъ. Иконы въ большомъ углу, но рѣдко въ кіотахъ и съ серебряными ризами».

Переходимъ къ Кемскому уѣзду, изъ населенныхъ мѣстъ коего мы имѣемъ описанными только Сумскій посадъ. Описаніе это принадлежитъ чиновнику Шешенину, и о постройкахъ Сумскаго посада говорится въ немъ слѣдующее:

«Сумскій посадъ не можетъ похвалиться своимъ наружнымъ видомъ. На восточной сторонѣ двума цѣпра-

жилыми рядами тянутся обывательские дома, въ болѣе или менѣе близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго, обращенные лицевой стороной къ рѣкѣ; на западной сторонѣ, менѣе населенной (за первымъ рядомъ строеній, т. е. прибрежнымъ), жилища Сумлянъ представляются въ разбросанномъ видѣ.

Позади домовъ, какъ на восточной, такъ и на западной сторонѣ, отдѣльно, не въ дальнемъ разстояніи стоятъ бани, какъ необходимая потребность для трудолюбиваго работника, особенно при нестойкой зимней погодѣ.

По обѣимъ сторонамъ рѣки, соответственно обывательскимъ домамъ, группируются амбары, опираясь основаніемъ своимъ на свои, стоятъ надъ водою, въ видахъ удобства для разгрузки судовъ; за амбарами противъ нѣкоторыхъ домовъ, по восточному только берегу, видныя маленькіе, въ нѣсколько небольшихъ грядъ, огороды.

Обѣ части посада соединяются чрезъ рѣку двумя деревянными мостами, построенными на сваяхъ и срубкахъ. Одинъ изъ мостовъ находится въ срединѣ посада, а другой въ верхней части его. При обонхъ мостахъ, какъ на одной, такъ и на другой сторонѣ, поставлены большіе деревянные кресты. Такіе кресты встрѣчаются во всѣхъ концахъ посада; въ центрѣ же посада на возвышенномъ западномъ берегу видныя стѣны острога, изъ коихъ показываются главы мѣстныхъ церквей.

Наружный видъ домовъ типичней постройки ничѣмъ не отличается отъ городскихъ обыкновенныхъ домовъ. Они строятся преимущественно двухъ-этажные въ три окна на лицевую сторону *). Рамы въ окнахъ снаружи бѣлены и большую частію въ 6 стеколъ. Сзади дома, смѣжно съ нимъ, всегда бываетъ пристройка, раздѣленная на два этажа: въ верхнемъ помещается сѣнникъ; сѣнники устрояются съ выходомъ на заднюю сторону дома, для чего дѣлается изъ бревенъ покатый съѣздъ, а иногда тутъ же пристраиваются и кладовыя; въ нижнемъ помещается домашній скотъ. Внутреннее расположеніе въ большей части домовъ посада слѣдующее: нижній этажъ состоитъ изъ избы, или иначе подъябицы **) и сѣней, изъ которыхъ есть выходъ въ скотный или задній дворъ, изъ одной, или двухъ верхнихъ комнатъ, не соединяющихся между собою, и сѣней, изъ которыхъ идетъ выходъ въ сѣнникъ.

Обстановка же комнатъ большею частію такова въ подъябицахъ: направо, или налево отъ входа изъ сѣней — большая русская печь, занимающая собою почти $\frac{1}{2}$ часть избы, а иногда и болѣе; лѣвѣя половина пе-

*) Въ Сумѣ есть до 15 двухъ-этажныхъ домовъ, имѣющихъ по околу 5 и 6 оконъ.

**) Иба въ нижнемъ этажѣ только тогда называется подъябицей, когда надъ нею въ верхнемъ этажѣ есть горница.

чи, начиная отъ полу до шестка, деревянная, обращенная краскою. Возлѣ печи на стѣнѣ виситъ блюдо, въ переднемъ углу божница; у дверей, рядомъ съ печкой — полати; отъ печки къ боковой стѣнѣ приделана полка, называемая по народному *сорочка*, на которой и укрѣпляются полати. Противъ средняго окна ставится столикъ; надъ дверью съ наружной стороны у людей релігіозныхъ написана бываетъ молитва слѣдующаго содержанія: «Христосъ съ нами уставася вчера и днесь, той же и во вѣки;» и надъ окнами начертаны мѣломъ кресты. Въ верхнихъ горницахъ соблюдается чистота и опрятность; для украшенія на стѣнахъ развѣшиваются картины, а въ болѣе зажиточныхъ домахъ стѣны въ горницахъ покрываются обоями; на стѣнахъ — зеркала съ позолоченными рамами (заграничной работы), лакированная мебель.

Относительно мѣстностей Архангельскаго уѣзда въ распоряженіи П. С. Ефименка имѣлись описанія двухъ наиболѣе замѣчательнѣйшихъ, какъ въ географическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ приходовъ: Лисестровскаго и Зимней Золотицы. Первое составлено свящ. Федоровымъ, второе свящ. Владиміромъ Розановымъ.

Вотъ что говоритъ первый о постройкахъ въ его приходѣ. Въ Лисестровскомъ приходѣ на протяженіи всего острова, деревни находятся одна отъ другой на разстояніи $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$, $1\frac{1}{2}$, 2, 3, 4 и 5 верстъ, по правую и лѣвую стороны рѣки Двины; а дворы и дома одинъ отъ другаго по большей части въ разстояніи не болѣе 1 и 2 саж.; постройки фасадами расположены въ разныя стороны а также и улицы, смотря по тому, какое имѣютъ направленіе и въ которую сторону текутъ рѣчка или озеро, при которыхъ онѣ построены. Всѣ бани, овины, амбары и вѣтряныя мельницы стоятъ въ сторонѣ. На семь островъ замѣчательныя правильною постройкою двѣ деревни: Верхнее и Нижнее Ладно Заостровскаго прихода. При сихъ деревняхъ находится до 6 шатровыхъ мельницъ. Лисестровскій приходъ находится отъ Ширшемскаго въ 5 верстахъ и отъ Заостровскаго въ 5 верстахъ.

Постройка домовъ или избъ въ Лисестровѣ отличается какою то патриархальною древнею простотою. Домашнія избы устрояются большею частію изъ сосноваго лѣса съ прибавкою словаго. Одинокіе и безземельные люди часто ставятъ домики безъ кровель или безъ крышъ, и вообще немногіе изъ крестьянъ строятъ вновь опрятные и красивые дома правильнаго вида. Дома крестьянскіе состоятъ по большей части изъ верхняго и нижняго этажа. Нижній этажъ обыкновенно строятъ съ двумя покоями: въ первомъ покоѣ изба, въ ней при входѣ изъ дверей на правой сторонѣ находится русская печь, въ противоположномъ углу отъ печи находится два-три, а видѣ и до пяти образовъ или иконъ и мѣдный брестъ,

складки и табличница; подь образами столъ, а вокруг по стѣнамъ лавки, а въ верхнемъ жильѣ, вмѣсто стульевъ, скамьи. Въ русской печи обыкновенно готовятъ пищу и обряжаютъ сельскій ежедневный обиходъ, относящійся къ скотоводству. Въ стѣнѣ прорублено съ затворкою оконце, для подачи нищимъ милостыни. А во второмъ покоѣ всегда находится чистая комната, для своего употребленія и для приятія гостей — родственниковъ преимущественно въ большіе праздники. Въ верхнемъ этажѣ находятся два или три чистыхъ покоя съ русскаго печью, а индѣ и съ голландскою, съ 3-мя и 5-ю иконами, иногда въ серебряныхъ ризахъ, въ золоченой киотѣ подь стекломъ. Сюда принимаютъ гостей рѣдко, наприм. при свадьбѣ и при посѣщеніи священника съ крестомъ о великомъ праздникѣ. За дверями находятся сѣни, замкнутый чуланъ и открытый входъ на повѣтъ, для складки конской сбруи, для санокъ употребляемыхъ къ выѣзду въ праздники, для складки сѣна и частію соломы, въ зимнее время, а въ весеннее при разливѣ воды—для вагона скота. Повѣтъ всегда пристраивается сзади дома, и всегда бываетъ со взвозомъ, по которому ввозятъ также сѣно и солому для стилики во дворъ скоту; а дворъ находится внизу подь повѣтью. Въ этомъ дворѣ устраивается, по числу коровъ, до трехъ яслей и хлѣбовъ для житья сихъ коровъ въ зимнее холодное время. Надъ яслями съ повѣти прорубаютъ окно или дыру, сквозъ которыя мечутъ коровамъ сѣно хозяйки дома или прислуга, или же дѣвочки. Лѣтомъ коровы по большей части стоятъ во дворѣ; а для коней бываютъ установлены такъ называемыя стойки (или стойла), также съ яслями, гдѣ кони стоятъ въ зимнее и нерабочее для нихъ время. Надъ сими яслями также прорубаютъ окно для смѣтки корма сѣна. Окно это закрываютъ ставнемъ или просто доскою.

Бани въ Лисестровѣ двойнаго устройства. Бани бѣлыя, чистыя, обыкновенно состоятъ изъ трехъ отдѣловъ: сѣнцовъ, передбанника теплаго и самой бани. Бани строятъ изъ сосноваго дѣса; кроютъ крышей изъ досокъ, сверху выводятъ трубу изъ кирпича. Въ стѣнѣ прорубаютъ для свѣта два окна въ 4 стекла. Внутренность бани составляютъ: печь, которая топится изъ передбанника, камень для нагрѣванія воды, котель для горячей воды, ушатъ съ холодною водою для мытья и полокъ для паренья въ банѣ, а по сторонамъ устраиваютъ лавки. Такия бани имѣютъ 3 саж. въ длину и 2½ въ ширину и въ высоту. Другимъ устройствомъ отличаются черныя бани: онѣ строятся съ однимъ передбанникомъ безъ сѣней; внутри одно окно, внутри же каменка открытая и печка для нагрѣванія камней. Эта печь, во время топки, направляетъ по всей банѣ дымъ, который выходитъ дверью, или деревянной трубою; воду нагрѣваютъ каменьями.

Овины строятъ также изъ сосновыхъ деревьевъ въ длину 2 саж., въ ширину 2 сажени—квадратныя; сверху закрываются они крышею изъ досокъ, сложенныхъ между собою двухъ-стороннимъ скатомъ; въ срединѣ ската находится балка, для поддержанія и укрѣпленія досокъ; внутри овина настиляется полъ изъ досокъ, по сторонамъ двѣ досчатыя полки и два поперечныя бревна съ вырубкою, куда вкладывается до десяти нѣсколько выгнутыхъ круглыхъ жердей или палокъ, на которыя съ присель или изъ скирдъ кучей настилаются рожь или ячмень для сушки; а подь овиномъ дѣлается сводъ изъ кирпичей, сверхъ коихъ накладываются камни, булыжники; подь сводомъ устраивается печь; въ печь кладутъ дрова, явнякъ и частію еловыя, и, когда нужно, затопляютъ печь; отъ нагрѣванія сей печи дымъ и жаръ, проникая сквозъ рожь или ячмень, теплитъ ихъ такимъ образомъ и просушиваетъ. Для просушки ржи или ячменя требуется истопить три каменки, что и называется *теплить овинъ* и просушивать рожь или ячмень.

По просушкѣ овина, три женки или дѣвки и одинъ крестьянинъ на гумнѣ (гумно у нѣкоторыхъ бываетъ деревянное) разстилаютъ ячмень или рожь, и молотятъ *кичками* или *приузами* до тѣхъ поръ, пока не отмолотится отъ колоса зерно. По обмолокѣ, крестьянинъ собираетъ зерно въ ворохъ и, если есть умѣренный вѣтеръ, вѣялкою. Вѣялка эта или лопата прекрасное и полезное произведение рукъ человѣческихъ; она отличается красивою отдѣлкою, чистотою и гладкостію, она состоитъ изъ двухъ частей—рукоятки и самой вѣялки—лопатки, съ небольшимъ и какъ бы незамѣтнымъ по срединѣ углубленіемъ и заостреннымъ концомъ; а также замѣчательна при своемъ объемѣ легкостію, съ какою можетъ поднять ее крестьянинъ въ воздухъ. Вбрасывая ее вверхъ, при извѣстномъ и мѣрномъ направленіи вѣтра, крестьянинъ легко соблюдаетъ, чтобы не несло по сторонамъ содержащагося на ней, готоваго для вѣянія, зерна ржи или ячменя, и чтобы съ правильною точностію поднималась въ воздухъ, одна пыль, долженствующая отдѣлиться, а зерна опускались изъ воздуха на гумно, устроенное на землѣ или въ видѣ утопаннаго круга, или деревянное въ видѣ продолговатаго квадрата. Польза таковой вѣялки очевидна. Она отдѣляетъ лучше, нежели простая лопатка безъ углубленія, можно сказать, пшеницу отъ плевель, или очищаетъ зерна ржи или ячменя отъ колоса и соломы,—посредствомъ вѣянія, такъ что гораздо меньше нужно употребить времени, при посредствѣ такой вѣялки и гораздо меньше нужно опаживать метелкой провѣянную рожь, ячмень или пшеницу. И еще для провѣянія всего вороха, при посредствѣ такой искусственной вѣялки, потребно бываетъ, вмѣсто трехъ разъ, только два раза провѣивать, чѣмъ ускоряется ходъ сельскаго хозяйства. По провѣяннн ржи и ячменя, крестьянинъ-

домохозяинъ на гумнѣ собираетъ зерно въ мѣшки и увозитъ въ амбаръ, который ставится вблизи дома. Амбаръ бываетъ не много болѣе овина, кромѣ того выше и длиннѣе, о двухъ ярусахъ: въ высоту $3\frac{1}{2}$ сажени, въ длину и ширину по 3 сажени. Въ верхній ярусъ кладутъ сѣмянную рожь и ячмень для посѣва, къ будущему году; въ нижній ярусъ — рожь и ячмень для домашняго употребленія въ продолженіе года.

Погреба для влаги вещей устраиваются въ землѣ, сажени въ $2\frac{1}{2}$, и 3 въ длину и ширину, и отдѣляются застѣками, или квадратными ящиками, которые дѣлаются изъ тонкихъ досокъ, прикрѣпленныхъ къ кольямъ и связанныхъ прутьями (вичьемъ). По мѣрѣ надобности домохозяинъ выноситъ отсюда овощи, для своего употребленія и для продажи на городскомъ рынкѣ.

При каждой деревнѣ находятся двѣ или три вѣтряныя мельницы, объ одномъ жерновѣ и не болѣе какъ о двухъ, съ крыльями и амбарчикомъ сверху для засыпки зерна *). Мельникъ мелетъ въ сутки не болѣе двухъ мѣшковъ ржи или ячменя.

Сельскіе домохозяева обставляютъ поля и воронцы внутри избы мѣдною и частію оловянною посудой. Войдете въ крестьянскую избу и увидите котлы красной мѣди большаго и малаго размѣра; въ большихъ иногда священники крестятъ младенцевъ, вмѣсто купели, за дальностію отъ церкви; вы увидите зеленой мѣди тазы, чайники, братыни и подсвѣчники, солоницы, оловянные стаканы и на деревянномъ крашеномъ наблюднѣ оловянные тарелки и желѣзные лучинники для зажиганія лучины по вечерамъ въ бѣдныхъ домахъ. Въ рѣдкомъ домѣ, и то у богатыхъ крестьянъ, найдете комнаты въ верхнемъ этажѣ, порядочно убранныя. Не у многихъ изъ богатыхъ крестьянъ вы найдете и самоваръ съ чайнымъ приборомъ.

Къ домашней утвари можно отнести ткацкой станокъ, *става*, составляющій принадлежность почти каждой крестьянской избы, для тканія холста или полотна. Для собранія и постановленія красенъ необходимо имѣть два валька, воробы, чивчи, челнокъ и подножникъ и *прядею* для крестьянокъ, которое обыкновенно привозятъ здѣшніе крестьяне съ Евдокіевской и Никольской ярмарки).

Наконецъ относительно сельскихъ построекъ у жителей Зимняго Берега свящ. села Зимней Золотицы Владимірецъ Розановъ сообщаетъ нижеслѣдующее:

«Жилаща въ Золотицѣ строятъ по большей части изъ сосноваго лѣса, рѣдко изъ еловаго. Наружный видъ стро-

*) Въ Лисестровѣ нельзя допустить устройства шатровыхъ мельницъ, судя по песчаному грунту земли. Таковыя мельницы устраиваются въ Заостровскомъ приходѣ о 4-хъ жерновахъ въ видѣ шатра; въ Верхнемъ и Нижнемъ Ледмиа грунтъ земли песчано-глинистый.

еній самый незатѣливый. Обыкновенно вѣшаютъ въ землю по два большихъ пня, или стойки, подъ четыре угла и по столько же подъ середку стѣнъ; на стойки кладутъ вѣнцы два или три изъ бревенъ, аршинъ 9 длины и вершковъ 6 въ отрубѣ, и въ нихъ врубаютъ подпольныя балки; потомъ еще кладутъ вѣнца два и въ нихъ уже назначаютъ мѣста для оконъ. Окна бываютъ не болѣе аршина въ вышину и $3\frac{1}{2}$ четверти въ ширину; потомъ на рубаютъ еще рядовъ пять и въ пятый врубаютъ потолочную балку — *матицу*; на матицу кладутъ потолокъ — *на ось* доски третью, называемый *кисевскій*; сверху еще на рубаютъ рядъ *паровой* или *начерный*, и изба вчернѣ готова. Въ середкѣ между избами, сажени на $1\frac{1}{2}$, оставляется мѣсто для сѣней. На нижнія избы или подъизбицы кладутся въ такомъ же количествѣ *стѣны* и для двухъ горницъ: передней и задней, тоже съ сѣнями по срединѣ. Ряду на 20-мъ еслѣтъ топокъ, ставятся *залобки*; къ залобкамъ прикрѣпляются *стропила*; въ стропила врубаютъ *куруцы*, на концы которыхъ кладутся *потоки*, поддерживающіе крышу снизу; вверху же крыша прикрѣпляется къ стропилу *князькомъ* — *ошлупнемъ*, т. е. широкимъ и длиннымъ, выдолбленнымъ въ срединѣ, деревомъ. Съ боку во всю длину дома прирубается дворъ и закрывается подъ одинъ *скатъ* съ домою, почти горизонтальною крышею. Дома же кроютъ почти всегда на два ската; крыша вышнюю всегда бываетъ въ третью менѣе широты передней стѣны. Съ фасада дѣлаютъ въ домѣ всегда три большихъ окна и два такихъ же въ стѣнѣ, противоположной двору. Въ сѣняхъ, съ улицы по срединѣ стѣны, отдѣляющей избу отъ сѣней, прорубаются двери; направо или налево, гдѣ удобнѣе, рубится въ крюкъ опечекъ, на которомъ кладется печь, челоюкъ къ свѣту; къ переднимъ и заднимъ частямъ опечка, отъ двери, ставятся стойки: изъ нихъ передній зовется *туркомъ*, къ нему прикрѣпляется рукомойка, а подъ нею лоханка; на турокъ и задній стоюкъ, во всю длину задней; отъ печи, стѣны кладутся брусья и на нихъ стелются доски, или полаты, мѣсто покоя ребятишекъ. Передній брусъ у полатей зовутъ *воронцомъ*. Въ углу, по другую сторону двери, ставится *конникъ* — небольшая широкая лавка, мѣсто постели хозяина. Когда въ домѣ кто боленъ, или есть родильница, ихъ также помѣщаютъ на конникъ и завѣшиваютъ завѣсы. Въ переднемъ углу дѣлается божница — треугольникъ съ тупымъ угломъ, изъ доски. Тутъ помѣщаются св. иконы, лампада съ елеями, кадильница, а иногда и ладонница. Въ переднемъ углу помѣщается и столъ. Передній уголокъ самое почетное мѣсто въ домѣ. Уголокъ противоположный *переднему* противъ печи, печной, составляетъ собственную принадлежность хозяйки, ребятишекъ и кухни: *блюдъ*, *аршинковъ*, чашекъ и проч. Уголокъ заночный темный, въ немъ по-

ищцаются жернова для молотья и укрываются хозяин и хозяйка, когда не хотят кому показаться. Вдоль стѣн передней и боковой ставятся лавки; надъ окнами прикалываются или полки, или вмѣсто ихъ, оттягивается изъ цѣлага бревна карнизъ *зимза*. Изъ сѣней, противъ дверей переднихъ, избныхъ, дѣлаются двери въ заднюю подъизбицу. Внутреннее расположеніе задней такое же, какъ и въ передней. Въ сѣняхъ, у самыхъ дверей задней, ставятъ лѣстницу въ верхнія сѣни и горницы. Въ горницахъ устройство и наружное, и внутреннее такое же, какъ и въ подъизбицахъ; только у зажиточныхъ крестьянъ горницы рознятся отъ подъизбицъ голандкою, стульями и простенькими покрашенными столами. Внизу, противъ уличныхъ сѣнныхъ дверей, дѣлаются двери во дворъ, а въ верхнихъ сѣняхъ — на повѣть — *верхній дворъ*.

«Внутреннее устройство двора слѣдующее: къ наружной сторонѣ двора ставятся *стаи* — хлѣвы. Хлѣвы бываютъ для каждой породы животныхъ особые; такъ: кониный, коровій и проч. Стаи рубятъ по большей части изъ накатника; ишатъ плотно, чтобы скотинѣ было зимой тепло, въ стаяхъ настиляется мость — полъ, потому что скоть стоитъ безъ подстилки, и дѣлаютъ стойла для каждой скотины особо. Въ нижнемъ дворѣ дѣлаются ворота, чтобы выпускать скоть, и настиляется, или изъ накатника, или изъ *пиловокъ*, полъ. Въ верхнемъ дворѣ повѣти тоже дѣлаются ворота и къ нимъ взвозъ мость, по которому поднимаются съ сѣномъ; взвозъ, сколько возможно, дѣлается пологимъ. Въ верхнемъ дворѣ хранится кормъ для скота, разная сбура и снасть, а у иныхъ даже и хлѣбъ.

«Погреба въ Золотицѣ строятъ такъ же, какъ и вездѣ, только съ осени протапливаютъ раза два три, чтобы высохли стѣны и въ зимніе морозы было тепло.

«Амбары строятъ вездѣ почти изъ сосноваго лѣса, рѣдко изъ еловаго, и всегда изъ пакатника; кладутъ ихъ рѣдко и безъ моху; кроютъ на два ската; двери дѣлаютъ широкія, чтобы можно было ими вытатывать большіе чаны и свободно заносить кули съ мукой; внутри амбара настиляютъ полъ, а наверхъ кладутъ подволоку; внизу кладутъ хлѣбъ, рыбу и припасы, а наверху звѣроловныя и рыболовныя снасти. Амбары дѣлаютъ по состоянію: богатые болѣе и длиннѣе, а бѣдные и поменьше и покорооче. Условная длина не бываетъ болѣе 5 сажень, а вышина сажени 2 1/2.

«Бани строятъ сажени въ 4 длиною и 2 шириною съ передбаньемъ, но не высокія, рядовъ изъ 11, изъ накатника; кладутъ бани всегда на мохъ. Въ передбанье снаружи прорубаютъ дверь, а противъ нее другую на банной стѣнѣ, отдѣляющей баню отъ передбанья. На правой или на лѣвой сторонѣ отъ двери дѣлается каменница, съ худо-сдѣланной печкой, и тутъ же у камен-

ницы всю остальную длину стѣны занимаетъ полокъ. По другую сторону двери, напротивъ каменницы, ставится лавка съ холодною, для поддаванья и окачиванья, водою — *колода*. Окошко въ банѣ бываетъ или одно большое, или два маленькія; подъ самымъ потолкомъ прорубается окошечко для выхода дыма изъ бани. Бани кроютъ по большей части *лабазомъ*, т. е. безъ стропиль, на одинъ скатъ.

«Овины въ Золотицѣ дѣлаютъ съ однимъ только *сабиломъ*, безъ гумна; съ лица прорубаютъ два окна: вънизу маленькое, въ которое выметають насыпавшіеся колосья, и большое окно, куда подаютъ снопы, которые садятъ на колосники — жерди, утвержденныя на переводахъ. Подъ колосниками настиляется полъ съ уступами на 1, отъ боковыхъ стѣнъ — *пазушиками*, чрезъ которыя идетъ жаръ въ снопы; полъ этотъ замазываютъ по пазамъ глиною и какъ можно плотнѣе, чтобы не падали искры въ снопы. Подъ овиномъ кладутъ печь каменницу; ходъ подъ овиномъ бываетъ съ боку или сзади, гдѣ какъ удобнѣе. Овиновъ, по малочисленности пахатной земли и частымъ неурожаемъ, въ Золотицѣ очень немного. Есть ли, нѣтъ ли — на 80 слишкомъ домовъ десятокъ.

«Посуда въ домашнемъ быту Золотичанъ та же, какая и у всѣхъ русскихъ: тѣ же горшки, чашки, ложки и ухваты; есть впрочемъ и ищющая особое названіе и особенное употребленіе. Такъ когда Золотичане бываютъ на рыбномъ промыслѣ, сваренную въ котлѣ рыбу вынимаютъ на *кару*; *карою* зовется кусокъ доски, въ формѣ треугольника или подноса, съ немного выжелобленною серединою и малымъ возвышеніемъ по крайнѣ, чтобы только не свалилась вынутая рыба.

«*Подблюдникъ*, такъ зовется подкадываемая подъ блюдо съ рыбою квадратная доска, въ серединѣ которой дѣлается выпуклость, въ видѣ четверти луны, — или только одна выпуклость, сдѣланная изъ круглаго еловаго или сосноваго корешка: какъ та, такъ и другая, кладутся подъ блюдо для того, чтобы оно было нѣсколько наклонно, и чтобы квасъ, подлитый подъ рыбу, стекалъ на наклонную сторону, а рыба оставалась на возвышенномъ краѣ. Подблюдникъ употребляютъ и дома. Подкладка подъ дно котла, чтобы онъ, стоя на столѣ, сохранялъ равновѣсіе, дѣлается изъ веревки и всегда почти мочальной, въ видѣ кольца, и зовется *юмаи*. Для стирания со стола мокроты, крошекъ и костей, дѣлается въ видѣ висти мочальная швабра: ручка у ней дѣлается изъ тѣхъ же мочалъ, туго обвитыхъ широкимъ мочаломъ. Черепокъ, для кормленія кошекъ и собакъ, или только выдолбленное въ видѣ корытца мѣсто въ углу у порога, зовется *полырѣ*.

Для выниманія изъ котла сваренной рыбы, дѣлаютъ лопатку, загнутую къ черенку, по возможности широ-

кую, съ прорѣзомъ въ срединѣ, въ видѣ креста, и называютъ *рыболовкою*. Для прихотей Золотичане употребляютъ ту же посуду, какую имѣютъ и во всей Россіи; разница только въ томъ, что она бываетъ, по большей части, заграничная, гамбургскаго издѣлія; на мѣстѣ же зовутъ такую посуду *норвежскою*, потому что вывозятъ изъ Норвегіи, мѣняя по большей части на домашній товаръ. Впрочемъ заграничная посуда употребляется и при столѣ: тарелки для рыбы и мяса, салатники и миски для ухи и щей, молочники и стаканы для кваса. Мѣдныхъ ендовъ и стакановъ, употребляемыхъ въ средней Россіи для питья пива, въ Золотицѣ, нѣтъ потому

ли, что пива здѣсь никогда не варятъ, или потому, что не введено изстари въ употребленіе.

«Относительно посуды нужно замѣтить, что въ здѣшнемъ краѣ больше мѣдной, оловянной и фаянсовой посуды, чѣмъ въ быту средне-русскаго крестьянина. Нѣтъ почти ни одного дома, въ которомъ бы не было, по крайней мѣрѣ, пятка мѣдныхъ вещей; а богатые даже воду каждый день грѣютъ въ мѣдной посудѣ — мѣдяникахъ. Они похожи на обыкновенные чугуны, только немного повыше послѣднихъ и съ вогнутыми краями. Ложки употребляются маленькія, какъ въ другихъ мѣстахъ, надъ ваганскими и устюжскими здѣсь смѣются».

ГЛАВА III.

ОДЕЖДА И ОБУВЬ.

Озданія П. А. Иванова о крестьянской одеждѣ въ Пинежскомъ уездѣ: мужской и женской, лѣтней и зимней, праздничной и вседневной, и головныхъ уборахъ и другихъ украшеніяхъ; объ обуви. — Озданія въ Усть-Пузѣ, въ Туласскомъ, — Хаврогорскомъ и Челмохотскомъ приходахъ, — въ с. Пингашахъ, — въ Бурейско-Сергіевскомъ, — Лисестровскомъ приходахъ, — въ Зимней Золотѣ, — въ Какотскомъ приходѣ, — въ Оумскомъ посадѣ.

Народное оцѣненіе въ Пинежскомъ заголустѣ не подвержено колебаніямъ моды. Какъ мужчины, такъ и женщины сохраняютъ національный русскій костюмъ гораздо цѣннѣе, чѣмъ въ Архангельскомъ и Холмогорскомъ уѣздахъ. Старики и старухи проводятъ особенно тутъ свое шліаніе, строго отстаиваютъ старину, освященную времемъ, хотя съ каждою складочкою въ одеждѣ, либо въ уменьшеніи или увеличеніи вещи, скромный деревенскій костюмъ, наживъ себѣ врага — *моду*, мало по малу теряетъ свое величіе. Говорятъ это старинный нарядъ стоитъ дорого, и потому его стали заимѣвать недорогими. Когда дѣвушки являются на общественныя гулянья одѣтыя въ старинную лопатину, народъ, удивляясь, не можетъ удержаться отъ выраженія: *экая краля прилетѣла.... баско, очень басисто, какъ она одѣла материну то пару!* Существуетъ такой обычай, что женщины и даже мужчины къ утрунѣ въ церковь идутъ въ такомъ (порядочномъ) платьѣ, а къ обѣднѣ въ другомъ лучшемъ. Тоже бываетъ на игрищахъ, въ бесѣдахъ, — днемъ въ такомъ, а на вечеринкахъ въ иномъ, или лѣтомъ: въ дневномъ кругу то, а на вечернемъ гуляньѣ другое платье.

Деревенскій народъ украшаетъ себя нарядами; въ будень сѣраго цвѣта, а въ праздникъ краснаго: красный цвѣтъ предпочитаетъ всѣмъ прочимъ. Чтобъ платье *сидѣло хорошо*, такого желанія нѣтъ; для сельчанъ нужно другое условіе — лишь бы блестяло и пестрѣло. Они пожалуй еще полюбиваютъ, чтобы въ одеждѣ было просторнѣе.

Одежду застегиваютъ съ правой на лѣвую сторону. Обувь не различается на правую и лѣвую ногу. Она вообще кожаная.

Женщины безъ стесненія носятъ, кромѣ своей, и мужскую одежду, особенно зимою, также и обувь.

Матеріалы для одежды, какъ-то холстъ, полотно и крестьянское сукно, или работаютъ дома крестьянки, или достаютъ въ деревняхъ; а остальное покупаютъ на ярмаркахъ, въ лавкахъ города Пинеги и у разъѣзжающихъ по селеніямъ торгашей. Для обуви кожаный товаръ берутъ у мѣстныхъ и ближайшихъ заводчиковъ и покупаютъ у кожевниковъ въ городѣ.

Одежду шьютъ переходные деревенскіе швецы: портняжки, шубники и портники, а тѣловую домашнія женщины. Обувь дѣлаютъ мѣстные *чеботары* и *бацмачницы*, или она покупается готовою во время ярмарокъ.

Одежда лѣтняя, ежедневная — рабочая: у мужчинъ рубашка, подштанники, кафтанъ сѣрякъ, понитокъ, сабо, армякъ, кумъ, камарникъ, фартукъ; у женщинъ: сорочка юпка, костычъ, китайникъ, набивникъ, печатникъ, крашениникъ, сарафанъ, фартукъ, нарукавникъ, обтянушка, понитокъ, капоть.

Лѣтняя праздничная одежда: у мужчинъ: штаны, панталоны, жилетка, кафтанъ, плюсовый кафтанъ, сибиря, казакникъ; у женщинъ: сарафаны, платья, передники, нарукавники, кумашникъ, штофная пара, епанча.

Зимняя одежда буденная у мужчинъ: теплая рубашка бѣлая и нагольная шуба, дубленка, малица, совикъ, сермяжка, армякъ; у женщинъ: фуфайка, душегрѣйка, шуба, тѣлогрѣйка, бѣлая и нагольная шубы, малица.

Зимняя праздничная одежда у мужчинъ: синяя шуба, тулупъ, малица; у женщинъ: шуба, полущубокъ, шубейка, куцавейка.

Обувь (обутка) вседневная лѣтняя у мужчинъ: коты бахилы, батари съ онучами, уледи, упакы, тюни съ чулками, поршни, сапоги съ онучами; у женщинъ: коты, бахилы, уледи, упакы, тюни, струсны, лапти, чуни.

Обувь лѣтняя праздничная у мужчинъ: сапоги съ голубками; у женщинъ: съ чулками и подбивками: башмаки, пантуфли, полусапожки, выступки.

Зимняя обувь ежедневная: у мужчинъ: катанки, валенки съ чулками, пимы съ лебтами, вачеги, вехтоньки, исподки; у женщинъ: катанки и валенки съ чулками.

Зимняя обувь праздничная у мужчинъ: сапоги съ носками, съ чулками, катанки съ чулками, перчатки, рукавицы; у женщинъ: катанки, башмаки, выступки, парижки, лапти, перчатки съ чулками.

Головной уборъ у мужчинъ: шляпы, шапки, фуражки, картузы, треухи, колпаки и мѣховыя шапки; у женщинъ: повойники, сверники, кокошники, повязки, косынки, платки, шамшурь.

Украшенія у мужчинъ: крестъ у шеи, поясъ, галстукъ, кушаки, ремни, кольца, перстни на рукахъ, кистеть въ карманѣ; у женщинъ: булавки, запонки, серьги, наборошники, шаль, поясъ, запястье, кольца и перстни на рукахъ.

Переходимъ къ самому описанію вещей этихъ издѣлій.

Рубаха мужская шьется, на манеръ русской рубахи, изъ разныхъ цвѣтныхъ ситцевъ, крестьянской пестряди (по чему и называется домогачкою), полотна, домашнего нортна, бѣлаго тонкаго, и грубой толстой холстины (холста), набойки, то есть холста, окрашеннаго мѣстными красильщиками въ синюю краску гладко, или съ звѣздочками или клѣточками.

Крестьяне любятъ красныя кумачныя рубахи и считаютъ ихъ наряднымъ бѣльемъ, носятъ по праздникамъ; лѣтомъ же одѣвая кафтанъ на распашку, оставляютъ такія рубахи открытыми, не употребляя и шейныхъ галстуковъ. Рубашки мужскія опускаются на шаровары. Мужскія рубахи бываютъ довольно длинныя, ниже колѣнъ, широкія и съ вольными широкими рукавами. Мужская рубашка подшивается на спинѣ холстомъ чуть не до талии, для прочности. Постройка ихъ дѣлается съ прямымъ воротомъ и косымъ или глухимъ воротомъ, застегиваемымъ на правой сторонѣ шеи. Разрѣзъ у ворота мужской рубахи очень не великъ; подолъ простирается почти до колѣнъ, иногда и ниже; подолъ въ штаны прячется рѣдко. Воротъ, а иногда и зарукавье, запястья обшиваются синею или красною, не узкою, тонкимъ гайтаномъ оторочкою (не дорогою тесьмою), а для застежки вѣрота пришивается съ петелькою мѣдная или бѣло-фарфоровая пуговица, или же завязки (ленточка).

Портки или порты (подштанники) шьются въ родѣ широкихъ штановъ, немного развѣ поуже ихъ, при чемъ угузье (задъ) дѣлается отвѣснымъ. Въмѣсто пуговицъ въ опушку втягивается гасникъ, (тесьма называемая подживотникомъ) связываніемъ концовъ котораго подштанники и держатся на мужикѣ. Они въ лѣтнее время замѣняютъ крестьянину брюки; тогда онъ бьется

съ работою въ рубашкѣ, подштанникахъ и сапогахъ безъ шапки, либо въ колпакѣ.

Штаны, зачастую безъ клинъевъ и мѣшковатые, лѣтомъ носятъ болѣе въ прохладные дни; ежедневно же ихъ одѣваютъ рѣдко и то если крестьянинъ находится не на работѣ.

Въ будни наволакиваютъ на ноги штаны, сшитыя женами и родственницами изъ бѣло-толстаго холста, набивки, пестреди, нанки, халатнаго и матрачнаго тика, бумажныхъ трико и крестьянскаго сѣраго сукна. Штаны же праздничные приготавливаются изъ пласа и по возможности изъ тонкаго фабричнаго сукна, такіе штаны одѣваютъ при красной рубашкѣ. У штановъ праздничныхъ пришиваются по бокамъ карманы, у рабочихъ же брюкъ карманы бываютъ рѣдко. Гульфики у брюкъ не застегиваются на пуговицы и они не длинны, развѣ только у новомодныхъ. Рубашка не закладывается въ штаны, а выпускается сверхъ ихъ. Штаны же спускаются въ сапоги. У нихъ бываютъ продольные карманы.

Панталоны суть настоящіе почти брюки, мода которыхъ принята образованными людьми. За нихъ закладывается рубашка и ихъ носятъ на подтяжкахъ (тесемкахъ съ пряжками) въ праздники молодые парни, бывавшіе въ Петербѣ. Это—фавориты въ своемъ обществѣ, титулуемые *Штенбурами*. Они дѣйствительно ходятъ щеголевато, и потому имѣютъ первое мѣсто у деревенской дѣвушки и въ почетѣ и въ мысли. Такіе брюки называются еще шароварами. Нѣкоторые, для тепла, они шьются съ подкладкой изъ холста. Бываютъ карманы.

Жилетка (жилетъ) обыкновеннаго покроя двухъ-бортная, то есть съ двумя рядами петель и нашитыхъ мѣдныхъ или стеклянныхъ пуговокъ, или обтянутыхъ разными матеріями костью, съ прямымъ стоячимъ воротникомъ, съ карманами и безъ оныхъ. Жилеты употребительнѣе полосатые и считаются роскошью; жилеты доходятъ до талии, застегиваются подъ подбородкомъ.

Матеріалы для нихъ идутъ: плизъ, полубархатъ, разные матеріи, разносортныя сукна, нанки и трико, а для спинки: коленкоры, демикотонъ и нанка. Носить не каждый крестьянинъ.

Сѣрмяга изъ самодѣльнаго сѣраго или бѣлаго сукна; шьется съ тальей и стоячимъ узкимъ воротникомъ, по бокамъ прорѣзы для кармановъ, хотя карманы рѣдко пришиваются, по сѣрому фону воротники иногда окаймляютъ полосками тонкаго сукна.

Сѣрякъ—рабочій кафтанъ шьется изъ сѣряжнаго (болѣе бѣлаго) толстаго сукна крестьянскаго издѣлія, похожаго на употребляемое для солдатскихъ шинелей (плащей). Образецъ его схожъ съ обыкновеннымъ русскимъ кафтаномъ. Карманы пристраиваются позади, вдоль по складкамъ отъ талии; ихъ иногда не бываетъ въ дѣйстви-

тельности, а одни потайные (ложные) клапаны. На груди до талии на одной лѣвой сторонѣ рядъ мѣдныхъ либо оловянныхъ пуговицъ, а на другой по бокамъ ряды зашпиленныхъ петель рукава бываютъ не широки и, чтобы зарукавье не билось, обшиваютъ кожею. Лѣтніе сѣрые кафтаны шьются безъ подкладки; по изнанкѣ же борты обшиваются сапожными тесемками.

Сарженникъ тоже сѣрый кафтанъ изъ грубой крестьянской саржи. Зипунъ изъ грубаго холста не бѣлаго, затканнаго на половину шерстяной пряжей.

Понитокъ или шабуръ тоже самое. Шьется онъ изъ довольно плотнаго сѣраго холста, домашняго издѣлія.

Тоже вѣрно сукманиникъ кафтанъ изъ сукманины, въ которомъ основа изъ коноплянныхъ нитокъ, а утокъ изъ шерстяныхъ.

Всѣ три кафтана самые употребительнѣйшія вещи изъ гардероба поселянина.

Сибирка — форма сюртучная, но гораздо длиннѣе обыкновеннаго сюртука, ниже колѣнъ. Воротникъ лежачій. Карманы позади, съ 4 пуговицами. У сибирокъ бываютъ пришиты косяныя, роговыя пуговицы. Рукава бываютъ довольно длинные, и у кистей рукъ пришиваются небольшія пуговицы *). Сибирки бываютъ и на мѣховомъ подбоѣ.

Банты (партикулярныя пуговицы) нашиваются на два борта, остальная часть разрѣза оставляется не застегнутою. У сибирки воротники отложные. Сибирка строится изъ синяго и чернаго суконъ съ коленкорвою или люстриною подкладкою (изнанкою). Ее имѣютъ лишь люди зажиточные.

Казикинъ (казакинъ) одинаковъ съ синимъ кафтаномъ; только у него подкладывается вата, казенкоръ, фланель и на другихъ изнанка, которой нѣтъ у кафтана.

Казакинъ шьется хорошимъ портнымъ изъ самаго лучшаго сукна. Иногда у бекешки этой борты, карманы и воротникъ обшиваются гарусными и шелковыми черными тесьмами. Рукава бываютъ не коротки. У талии въ юпкѣ дѣлаются сборки (сборка) и оттого лифъ обвивается плотно, а юпка дѣлается полною. Карманы бываютъ отъ соединенія стана съ юпкою продольные къ низу; но болѣе ихъ не бываетъ вовсе.

На казакинѣ бываетъ одинъ или два ряда бантиковъ (пуговицъ) или рядъ крючковъ и петель. Кромѣ того казакинъ снизу затягивается пришитою внутри по спинѣ въ талиѣ тесьмою, называемою подживотникомъ.

Казакинъ — самая нарядная вещь, и какъ постройка его обходится не дешево, то и имѣютъ его только сыновья богатыхъ и зажиточныхъ родителей. — Носить по зимѣ застегнутымъ, а лѣтомъ на распашную. Всякая одежда застегивается справа налѣво.

*) Пуговицы въ нарядной одеждѣ косяныя, обтянутыя сукномъ или матеріями.

Синій кафтанъ, суконный либо плисовый, одного изрѣза и выкройки съ казакинномъ, съ нѣкоторыми особенностями. Кафтанъ такой еще называется поддевкой. Воротникъ бываетъ стоячій полукруглый *). Вообще синіе кафтаны, казакины и сибирки носить молодежь хорошо живущихъ семействъ, или мужики женатые — люди не бѣдные.

Армякъ (ермякъ, ярмякъ, въ древности же ормякъ). Армяки бываютъ большею частію сѣрые; въ Холмогорскомъ же уѣздѣ не мало синихъ и черныхъ. Шьется изъ простаго сѣраго сукна. Покроемъ похожъ съ тулупомъ. Воротникъ бываетъ изъ синяго сукна, либо чернаго тѣла, отлогій. У отворотовъ одна петелька и пуговица или металлическіе схваты. Рукава не узки и иногда пришиваются у зарукавья отлого изъ нетолстой кожи. Полы безъ подкладки и мѣха; закидываются одна на другую. Самый армякъ довольно широкъ. Его наволакиваютъ на себя болѣе тогда, когда отправляются въ путь, какъ на примѣръ въ извозъ, дабы было чѣмъ лѣтомъ укрыться отъ дождя, а зимою прикрыть нагольную шубу отъ снѣжнаго мокра. Когда полы закидываются, тогда армякъ перепоясывается кушакомъ или суконною подпояскою. А то армякъ носится нараспашъ, или накидывается на спину въ родѣ того, какъ носятъ плащи въ другихъ странахъ.

Кушъ, или лѣтній *совикъ*, есть свита изъ деревенскаго сукна, но не сѣраго, а болѣе коричневаго цвѣта. Покрой куша такой же, какъ и покроемъ зимняго совика. Кушъ употребителенъ у жителей, живущихъ у рѣкъ Кулоя и Немюги, проводящихъ навигаціонное время на водѣ.

Кабать — это балахинъ или длинная рубаха во весь ростъ человѣка. Шьется изъ парусиннаго холста съ прямымъ воротомъ. Одѣвается съ головы; затягивается кожанымъ ремнемъ. Одѣваютъ кабать, когда предстоитъ мокрая, пыльная или грязная работа: ловить и лучить рыбу, молотъ на мельницѣ, сѣчь смольныя дрова, музничать и тому подобное. Притомъ онъ натягивается по времени и по погодѣ или единственно на рубашку, или на кафтанъ, либо шубу.

Камарникъ, волосяное забрало — шерстяная либо набивчатая вещь, или холщевый чехоль, на подобіе кулѣ. Употребляется для защиты отъ несносныхъ комаровъ и мошекъ. Онъ обтягиваетъ и покрываетъ всю голову, а своимъ канюшономъ шею и плечи. Къ камарникамъ нѣкоторыми пришиваются для закрытія лица сѣточка, сплетенная изъ конскихъ волосъ. Тогда онъ чистая маска.

Теплая рубашка, вывязывается деревенскимъ бабьемъ изъ разноцвѣтной — красной, синей, желтой и бѣлой овечьей мытой шерсти. Она короче и уже тѣловой ру-

*) У казановъ, какъ и у женскихъ платьевъ лямъ гладкіе, а лямки сборчатые. На стану синяго казанана желкіе сборки.

башии. Теплая надѣвается на эту сверху головы. Ворот у ней не бываетъ.

Бѣлою шубою называется тотъ теплый кафтанъ или полушубокъ до икры и ниже ея, который просто шить изъ обдѣланныхъ набѣло, но не дубленыхъ сыромятныхъ бараньихъ шкуръ, съ сѣрымъ мѣхомъ, безъ покрышки или поволоки. Къ ней на грудь пришиваются замшевыя висячія петлички и на одномъ лѣвомъ бортѣ рядъ мѣдныхъ, либо оловянныхъ небольшихъ пуговицъ. Пуговицъ на мужской одеждѣ бываетъ отъ 4 до 8.

Нагольной шубой почитается такая же овчинная шуба, сѣтая изъ овчинъ продубленныхъ, и потому не бѣлаго, а ранжеваго цвѣта.

Дубленка, она же и романовскій полушубокъ, шьется изъ мягко выдѣланныхъ и продубленныхъ овчинныхъ шкуръ, овецъ не мѣстной породы (да хоть бы и не романовскихъ овчарень) сѣрой и черной шерсти, пониже колѣна, на манеръ казакина, безъ отворотовъ, съ опушкою изъ шкуры *нерпы* (родъ лысуновъ) или котика (такъ зовется и шкура морскаго зайца) по подолу, зарукавьямъ и по стоячему узкому воротнику плотно сидячему; застегивается плотно около лифа на желѣзные крючки. Рукава бываютъ отпущены далѣе длины рукъ. Грудь на шубѣ по талю тоже оторочена полосками обшивки въ видѣ квадрата, середина котораго испещряется черными нитками, либо готьяжками, равными узорами. На стану романовокъ мелкія сборки.

Тулупъ (тулупъ) общезвѣстенъ и общеупотребителенъ даже не у однихъ простолюдиновъ. Онъ шьется изъ разныхъ звѣриныхъ шкуръ, болѣе же мѣхъ бываетъ изъ черныхъ овчанъ или мерлушекъ и покрывается китайкой, нанкой и наиболѣе сукномъ. Воротникъ бываетъ довольно широкій, откидной изъ одинаковаго мѣха съ полями, или изъ шкурокъ другихъ дорогихъ звѣрьковъ *). Въ дорогѣ воротникъ поднимается и перевязывается около шеи платкомъ, а такъ ходятъ на *стежъ* (на растопашъ). Тулупъ носятъ изъ поселянъ только богатые, зажиточные и питербуры. У хорошихъ, что называется богатыхъ, тулуповъ пола заходитъ далеко на полу.

Синяя шуба шьется на черномъ или бѣломъ овчинномъ мѣху съ крышею изъ синяго или чернаго сукна, на манеръ казакина, а у другихъ кафтаннымъ покроемъ. Воротникъ стоячій и лежачій бываетъ либо узкій и малый, либо большой и высокій. Застегивается на глухо. Воротники у мужскихъ и женскихъ шубъ бываютъ стеганные.

Сермянкою называется такая же шуба, какъ и синяя, но съ тѣмъ только различіемъ, что крыта грубымъ сѣрымъ сукномъ крестьянскаго дѣла, называемымъ сукманною. Сермянку носятъ люди незжиточные, заботящіеся

*) Зямяя шубы у мужчинъ по воротнику и бортамъ опушаются иногда барашкомъ.

не о красотѣ, а лишь о теплотѣ и прочности. И потому для крѣпости онѣ бываютъ кожаные; воротникъ, карманы, а иногда борты обшиваются тоже кожей или замшею, или же чернымъ сукномъ. Вмѣсто модныхъ пуговицъ пришиваются мѣдныя пуговицы съ замшевыми петлями, какъ у лѣтнаго сѣряка.

Богатые носятъ широкія дорогія лисья и песцовыя шубы, съ такими же широкими воротниками.

Малицы привозятся изъ-за Печерскаго края и покупаются готовыми на ярмаркахъ. Это тулупы, сшитые самоѣдками, вмѣсто нитокъ оленьими хребтовыми жилами, изъ 4-хъ или болѣе хорошо выдѣланныхъ шкуръ неблюей (молодыхъ тюленей), въ видѣ широкой, мѣшковатой женской рубахи, во весь ростъ, шерстью къ тѣлу. Въ дорогѣ малица служитъ вмѣсто подушки, а не то и вмѣсто постели.

Но малицы шьются еще и туземными крестьянами изъ овчинныхъ шкуръ нитками. Малица зашивается на глухо безъ разрѣза, съ отверстіемъ только для головы, какъ кабатъ. Къ проходу тому пришивается стоячій двусторонній воротникъ изъ неблюя по возможности черноватаго. Съ концевъ рукавовъ пришиваются изъ такого же неблюя *ошлога* шерстью наружу. Тутъ же отъ ошлоговъ, или и безъ нихъ, иногда бываютъ пришиты рукавицы изъ кожи, снимаемой съ мордъ оленей, мѣхомъ наверхъ. Къ подолу малицы пришивается какъ бы обшивка или хаазы, не узкая *панда*, сшиваемая изъ нѣсколькихъ полосокъ чернаго и бѣлаго неблюя, разбивая цвѣты, и поворачивая шерстью на видъ; чѣмъ болѣе бываетъ сшито такихъ мѣховыхъ полосочекъ, тѣмъ панда — шире, красивѣе и дороже. Подолъ малицы съ наружной стороны обыкновенно бываетъ выкрашенный красною краскою, получаемой отъ взвара-ольховой коры. Для красотности и опрятности, наверхъ малицы надѣваютъ маличныя рубашки изъ пестреда, тика, казинета, ситца; на подержанную малицу наволакивается и холщевая рубашка, или просто кабатъ, служащій лѣтѣмъ.

Малицы составляютъ верхнюю одежду, оболакиваемую (одѣваемую) сверху на исподнія шубы, или собственно на рубашки. Малица очень теплая одежда, и притомъ легка и не стѣсняетъ, а чтобъ еще было удобнѣе, то подпоясывается кушакомъ. Снаружи маличныхъ рубашекъ у мужчинъ иногда устраивается одинъ или два кармана, иногда съ клапанами.

Совикъ, или кушъ, тоже привозится сшитымъ съ Печеры для распродажи на ярмаркахъ. Онъ также шьется самоѣдскими женщинами жилами. Совикъ служитъ для тепла въ здѣшнихъ суровыхъ стужахъ и одѣвается сверхъ малицы, какъ бы верхняя шуба, взаменъ тулупа; особенно важность его сознается въ дорогѣ. Постройка совика бываетъ болѣею частію изъ бѣлыхъ 4-хъ съ прибавкомъ мягкихъ оленьихъ шкуръ, шерстью

наружу, зашитых на глухо, без разреза вокруг, как маница, но бывает шире ея. Ошлага у рукавов пришиваются шерстью вниз; самая же шкура ошлаговъ раскрашивается бананомъ и сурикомъ, а на самоъ концѣ ошлаговъ выворачивается къверху опушь. Тутъ же нрѣдко пришиваются такія же рукавицы, какія бываютъ у нѣкоторыхъ маницъ. Подолъ обшивается широкою пандой шерстью наверхъ. Отъ шеи сплошь съ станомъ пришивается мѣховой *куколь* (шапка), то-есть круглый, а не острый, который откладывается назадъ; во время же холода этотъ мѣшокъ или капюшонъ накидывается на голову и затягивается около шеи шерстянымъ краснымъ шнуркомъ, съ узломъ у лба. Такимъ образомъ онъ закрываетъ совершенно шею, голову и лобъ и оставляетъ свободнымъ только одно лицо, начиная отъ закрытыхъ ушей. Капоръ совика подвязывается шнуркомъ подъ подбородкомъ.

Женскія рубашки длинныя ниже колѣнъ, съ небольшимъ разрезомъ отъ горла по груди, и съ узкими рукавами. Грудь немного изъ подъ нихъ открывается. Сорочки женскія шьются изъ полотна, портна, набивки, а болѣе изъ толсто-сѣраго кубоваго холста. Онѣ бываютъ или всѣ изъ одинаковаго матеріала, либо до стана изъ холста, а лифъ и рукава изъ тонкой холстины, портна, коленкора, полотна, набивки, пестреди, ситца, кумача, чтобы изъ подъ сарафановъ не было видно грубости рубашки, или же лифъ и станъ шьются парные, а рукава покрашивѣе. Праздничныя рубашки разумѣется лучшія изъ нихъ бѣлыя, женщинами оставляются открытыми наверху изъ подъ платьевъ. Какъ у женскихъ, такъ и мужскихъ рубашекъ у рукавовъ почти всегда вшиваются подъ пазухами (мышками) не одинаковыя съ матеріею рукавовъ ластовицы (трехъугольныя вставки). Рукава бываютъ широкіе и такіе длинныя, что закрываютъ и пальцы рукъ. Рукава у женскихъ нарядныхъ рубашекъ бываютъ затканы въ красную нитку въ нѣсколько рядовъ. Да и самыя рубашки строятся долгиа, но не широкиа.

Воротъ дѣлается прямой отъ плечъ, покуда на нихъ сидитъ рубаха, безъ воротника. Воротъ и рубаха обшиваются синими или красными тесьмами. У дѣвущекъ рубашки бываютъ изъ бѣлаго свое-тканаго портна; но это исключеніе только для зажиточныхъ. У такихъ праздничныхъ рубашекъ зарукавья и подола украшаются тканью красной нитки полосками снизу широкими, а сверху узкими, а надплечья (мѣсто рукава на плечахъ) дѣлаются изъ такого же матеріала, какъ и ластовицы.

Пестрядныя рубашки бываютъ синія и красныя, приняты чаще первыя. Ситцы на рубашки идутъ преимущественно съ мелкими цвѣтами, полосками и крапинками, а на платья и сарафаны съ крупными.

У женщинъ щегольства болѣе, чѣмъ у мужчинъ. Когда бываетъ надѣта хорошая рубашка, женщина, въ особености при работѣ, безъ стѣсненія подымаетъ подолъ сарафана и зажимаетъ за поясъ, и такъ ходитъ по улицамъ. Исподницы у таинъ укладываются въ густыя сборки.

Женская юбка сборчатая и доходитъ до щиколки. Она шьется теплою изъ поношенныхъ ситцевыхъ сарафановъ или изъ новыхъ ситцевъ; бываютъ и пестрединныя, выстеганныя на ватѣ, или кудачи (льнѣ). Кроме такихъ теплыхъ юбокъ шьются и легкія изъ ручнаго портна съ наподольниками (то-есть ткани красной бумаги, такой же какъ у женскихъ рубашекъ) или помазейные (изъ бумаги). Юбка бываетъ широкая съ прорѣхомъ назади, въ раздвоенномъ концѣ которой пришиваются завязки, опоясываемыя по тали, на концъ юбки и держится. Кроме такихъ завязокъ къ теплымъ юбкамъ пришиваются холщевыя лифы безъ рукавовъ съ воротомъ до тали; разрезъ зашнуровывается. Для толщины (дородливости деревенской), дѣлающей дѣвицу округленною статуей, она навѣшивается на себя вдругъ двѣ и три юбки, одну на другую, а поверхъ ихъ сарафанъ либо платье. Но въ устраненіе такой тяжести для прекраснаго пола, да и издержекъ на заведеніе нѣсколькихъ теплыхъ и легкиихъ юбокъ, петихоньку началъ втягиваться кринолинъ. На сѣновосѣ или на полѣ женщины бываютъ въ одной сорочкѣ и юбкѣ.

Сарафаны. Подъ именемъ сарафановъ можно считать всѣ носимыя не только здѣсь, но и въ другихъ мѣстахъ, деревенскими женщинами платья безъ рукавовъ и узкаго лифа, и какъ рубахи съ станомъ по грудь, висящими на плечахъ на *ламкахъ*. Здѣсь же сарафаны называются сарафаны сшитые: изъ пестряди (называется пестреннымъ), набойки (называется печатнымъ), ситцевъ (называются ситниками), касики (называются камчатникомъ), изъ камлота, канифаса, полумеринуса. Сарафаны же изъ другихъ матеріаловъ по своимъ особенностямъ не носятъ названія сарафановъ. Подолъ сарафановъ обшивается грубою тесемкою, подсердечникомъ.

Силкаъ, онъ же и рабочій сарафанъ, сшитый изъ осиненнаго толстаго холста. Онъ иногда обшивается недорогими (мишурными) хазами какъ по подолу, такъ и спереду сарафана отъ шеи вдоль, въ изображеніе воротоваго разреза, и также по шеѣ и у входовъ, въ которые просовываются руки. Сверхъ хазовъ костычъ по вороту оторачивается синимъ или чернымъ шнуркомъ; онъ также пропускается въ два ряда, отъ груди до подола; *межъ строкъ* этихъ пришивается одна отъ одной неподалеку нѣсколько оловянныхъ пуговокъ. Съ такими украшеніями *силкаъ* или *костычъ* служить праздничнымъ сарафаномъ не только для состарѣвшихся, но и молодыхъ незажиточнаго состоянія.

Китайникъ, онъ же и *шушунг* изъ синей или черной русской китайки, такой же сарафанъ, какъ и костычь, только безъ хазовъ. Прочія же: набивникъ или набиванникъ, крашенинникъ, кумачинникъ, карасейникъ, кашемирникъ и гарнитурникъ—такіе же сарафаны, какъ синякъ, иногда съ хазами, а иногда и безъ нихъ. Въ отличіе отъ общаго названія «сарафанъ» имъ дается другое потому, что они шьются: а) набивникъ—изъ набивки или синей набойки съ звѣздочками, клѣточками, цвѣтами; б) крашенинникъ—изъ крашенины, то-есть портна окрашеннаго черной краской, холста на фабрикахъ окрашеннаго въ кубовую моснящую черную, либо синюю краску; в) кумачникъ—изъ краснаго кумача; г) карасейникъ—изъ карася; д) кашемирникъ—изъ шерстяной кашемировой матеріи; е) лопотина—сарафанъ изъ шелковой матеріи; ж) гарнитурникъ—изъ гарнитура. Послѣдній дорогой сарафанъ. Лучшіе изъ нихъ, само собой разумѣется, носятъ молодыя женщины, а по невидимѣ старыя бабы, конечно скряги и пренебрегающія цвѣтомъ.

Платя бывають разныхъ образцовъ и покроевъ, бывають одноцвѣтными, полосатыя, затканная. У женскихъ платьевъ бываетъ по одному продольному карману съ боку. Платя обыкновенно не длинны. Широкіе рукава платьевъ сьуживаются на кистяхъ. Платя застегиваются у кистей пуговицами. Рукава у женскихъ платьевъ гладкіе, округленные на локтяхъ.

Платя строятся изъ разныхъ ситцевъ и матерій, съ тальею и съ рукавами, которые бывають либо съ застѣжками въ кистяхъ (перламутровыми пуговицами), либо греческіе съ фанбарою.

Обтянушка. Это женская куртка по талию, или какъ бы одинъ лифъ отъ шубы, съ широкими отъ плечъ и узкими у кистей рукъ рукавами. Строится изъ цвѣтнаго ситца, съ петельками и маленькими застѣжками и крючками.

Понитокъ мужская, а *воротушка* женская куртка.

Капотъ длинная женская верхняя одежда, выстеганная на ватѣ или кудели, на подобіе блузы и зимней женской шубы, съ пуговицами отъ воротника до самаго подола съ сборками въ тальи и сборами рукавовъ близъ плечъ. Капотъ уже заброшенъ и его можно увидѣть изрѣдка на какой либо женкѣ, особенно на солдаткахъ и женахъ другихъ разночинцевъ.

Шугай и сарафанъ—суть нераздѣльные вещи, составляющіе штофную пару. Шугай есть ничто иное, какъ кофта безъ рукавовъ, *на парныхъ лямкахъ*, отъ груди узкая, въ подолъ широкая. Сарафанъ это юбка *поддѣваемая* незамужними женщинами или молодыми отъ талии, которую въ свою очередь закрываетъ шугай. Подолъ у ней обкладывается (обшивается) обложкою (обшивкою) изъ блестящихъ мишурныхъ хазовъ^{*)}, иначе называемыхъ басаментами.

*) Хазы—ленты употребляемыя для обшивки женскихъ платьевъ, хазы ширною въ два и три пальца.

Штофъ—матерія съ разными цвѣтами и травами, золотыми и серебряными рѣками, съ бѣлыми, синими или зелеными, черными и желтыми разводами. Штофная пара шьется изъ штофа и покупается готовою изъ привозныхъ на ярмарки, довольно дорого, такъ что этотъ старинный самый нарядный костюмъ имѣють только женщины богатыхъ семей; часто пара переходитъ по поколѣніямъ на нѣсколькихъ плечахъ однокровныхъ дочерей, либо ближайшихъ родственниковъ. На штофную пару затрачивають капиталъ, какъ на вещь неистлѣвающую и всегда цѣнную. Въ случаѣ нужды крестьянинъ можетъ отдать эту драгоценность въ залогъ.

У бѣдныхъ же двушекъ такую дорогую пару замѣняетъ дешевенѣйшій китайникъ, либо кумачникъ съ хазами, а шугай замѣняетъ наброшенный на шею платокъ.

Епанца—свадебный нарядъ. Ее имѣють очень рѣдкия. Она шьется изъ цвѣтнаго по красной землѣ штофа, безъ исподницы. Навидывается на плечи какъ мантилья, и привязывается у шеи завязками изъ шелковыхъ лентъ.

Фуфайка—короткій камзолъ безъ рукавовъ, тоже, что и обтянушка, только нѣсколько длиннѣе, посвободнѣе и съ не очень значительнымъ пережимомъ въ талии. Такую курточку носятъ старые люди. Это та изъ старовѣрческихъ вещей, надъ которыми наиболѣе насмѣхаются свѣтскіе люди.

Тълогрѣйки или душегрѣйки, почти одно и тоже, что фуфайка. Особенность лишь въ томъ, что для тепла старухамъ подшивается мякотинный (мягко-шерстный) мѣхъ.

Шубка носится молодыми женщинами незажиточнаго состоянія. Она—обтянушка на мѣху. У женскихъ шубокъ частыя тесемчатыя завязки спереди. У шубокъ карманы бывають рѣдко.

Опять же есть другая легонькая *шуба*, такая-жъ какъ у мужиковъ синяя шуба, съ недлинною юпкою отъ лифа и съ сборами въ пережимѣ; поволока (верхъ) бываетъ недорога: панчатая, трековая, китайчатая или изъ обносковъ. Мѣхъ у нихъ бываетъ заячій, или изъ тонкихъ овчинокъ.

Женская шуба съ безчисленными складками, или сборами, которую носятъ замужнія жены зажиточныхъ мужей, шьется изъ чернаго или синяго сукна на различныхъ мѣхахъ и походить на капоть. Рукава дѣлаются близъ ладоней узкіе, а въ плечахъ—отпущены. У сихъ шубъ воротники дѣлаются косынкой. Талия въ *копытцо*, то-есть отнюдь не шире самаго корпуса. Юбка шубы бываетъ длинна до самыхъ пятъ и пришивается къ лифу въ сборахъ; между лифомъ же и юбкою вшивается пережимъ въ видѣ опояски, какъ корсетъ. Для выложки и наружныхъ краевъ полъ и рукавовъ женскихъ шубъ мѣхъ употребляется такой же, какой на воротники, или покрайней мѣрѣ схожій. Мѣхъ въ женскимъ шу-

бамъ идетъ и кроличій. Откладной воротникъ женской шубы богатаго дома иногда покрываетъ всё плечи. Шьются съ таліей, болѣе или менѣе пристающею къ стану; кармановъ не бываетъ. Вообще шуба у шеи узка, въ груди и спинѣ широко-кругла, въ талии сужена до возможности, а отъ талии широкая и длинная. Довольно широкіе и круглые воротники бываютъ собольи, куныи, лисьи и черной кошки. Отъ шеи до подола вдоль по правому борту и по концамъ рукавовъ нашиваются полоски лисьяго, соболинаго и куньяго мѣха. До талии шуба застегивается желѣзными крючками, а далѣе—костяными пуговками.

Полушубка и шубейка—это древняя одежда. Она шьется: либо изъ штофа, или изъ атласа и гарнитура, на заячьемъ мѣху, подкрашенномъ подъ видъ рыжей лисицы, а также и на неподкрашенномъ и на песцахъ. Воротникъ пришивается довольно широкій—лисій, соболій и куній. Полы и концы рукавовъ оторачиваются узенькою опушкою неподдѣльной рухляди *). Самый покрой шубейки столь же длинная, какъ и шугая, но съ рукавами; у шеи узко, а въ подолѣ широко; застегивается на завязываемыхъ у шеи шелковыхъ лентахъ. Бѣлая и нагольная шубы тѣже, какія носятъ мужчины.

Малицы уже извѣстны изъ вышеписаннаго. Остается прибавить, что онѣ для женщинъ шьются изъ болѣе тонкихъ шкуръ, короче и уже мужскихъ; также на малицы наволакиваютъ: тиковыя, триковыя и ситцевыя рубашки, во всю длину этой вещи, отъ воротника до панды, которая всегда бываетъ чище и наряднѣе, чѣмъ у мужчинъ.

Куцавейка (куцевейка). Это дамское на ватѣ пальто, съ подкладкою, съ бѣлымъ или голубымъ бѣличьимъ съ лапками воротникомъ, и съ такою же въ три вершка опушкою по рукавамъ, поламъ и подолу. Бываютъ и на тепломъ мѣху. Шьются изъ драдема, гаруса, камлота и ластива. Въ употребленіи только у близгородныхъ молодыхъ женщинъ.

Передникъ одно и тоже, что и фартукъ; но передникъ бываетъ длиннѣе фартука. А то есть еще особенные—*досельные* (древне-модные) наравнѣ съ подоломъ сарафана и подвязываются подъ самыми мышками. Передники бываютъ наиболѣе полосатые и клетчатые, но бываютъ и цвѣтные. Шьются изъ пестради, сарпинковъ и разныхъ ситцевъ. Передники одѣваютъ поверхъ сарафана и служатъ они украшеніемъ. Передники иногда по подолу обшиваются узорами или ленточками. Тесемки отъ передниковъ, стягивая талію, завязываются спереди узломъ. Отъ него то и спускаются длинные концы съ кистями.

*) Вообще мѣхи на женскій зимній праздничный нарядъ идутъ мягко-шерстяныхъ звѣрковъ.

Фартукъ по названію, бываетъ холщевый или толсто-пестрядный, а также изъ бумажной цвѣтной или клетчатой матеріи, и изъ гаруснаго, краснаго, зеленаго или голубаго цвѣтовъ. Отъ талии вверхъ онъ дѣлается до груди уже; отъ груди пришиваются тесемки, отъ которыхъ и виситъ фартукъ на шеѣ; отъ талии внизъ онъ дѣлается шире, такъ что закрываетъ передъ ниже колѣнъ и немного бока; къ отширившимся отъ талии двумъ кончикамъ холста или пестради пришиваются къ каждому по одной простей тесемкѣ, которыя заводятся назадъ и, перевлевавъ спину, завязываются напередѣ у пуза. Фартукъ носить во время занятій грязными работами и женщины, и мужчины. Фартуки бываютъ съ складками, не короткіе и не узкіе, бываютъ и висейные. Кроме того фартуки бываютъ съ оборками.

Зарукавалы прежде были названы жемчугомъ. Бываютъ такіе нарукавники, какъ дѣтскіе нагрудники, то-есть передъ опущены по поясъ, а задъ лишь по мышки.

Нарукавники. Замужнія женщины почти всегда, а дѣвушки во время работъ, а иногда и такъ себя, сверху рубашекъ и сарафановъ, носятъ такъ называемые нарукавники, то-есть холщевые либо пестрядные, или цвѣтные ситцевые рукава, обтягивающіе руки съ половиною плечъ, и держашіеся на лямкахъ, или такіе, которые сверхъ того закрываютъ шею и грудь, полы при сарафанахъ. Наплечники обшиваются по краямъ шерстянымъ кантомъ, а въ послѣднемъ случаѣ къ нимъ пришивается нѣсколько оловянныхъ или мѣдныхъ—обыкновенныхъ пуговицъ съ петлями.

Перейдемъ къ обуви.

Коты (чевки) и бафилы, или бахилы. Это своего рода сапоги. Шьются довольно неуклюже и показываются въ видѣ мота, какъ будто человекъ имѣетъ лапы подобно звѣрямъ. Для нихъ идетъ необыкновенно толстая и жесткая скотская кожа; ибо у котовъ должны быть твердо стоящія голенищи. Подошвы пришиваются выворотныя, сильно широкія, и далеко выставившія къ верху свои бока, безъ рантовъ. Бахилы въ ступнѣ бываютъ круглыя и съ широко-тупыми носками, безъ каблучковъ. Промазываютъ ихъ для прочности дегтемъ и ворваннымъ саломъ. Ихъ носятъ почти всѣ крестьяне. Голенищи бываютъ длинныя и короткія.

Бродни-батары (охотничьи сапоги съ твердо-стоящими голенищами), въ Курьѣ *лосчани* (сапоги съ длинными голенищами для ловли рыбы), приготовляются такъ-же, какъ и сапоги. Отличительное у нихъ то, что голенищи бываютъ до пояса, откуда они привѣшиваются на ремняхъ къ кожаному поясу. Для крѣпости подшивается глухой поднарядъ и на носки сверху нашиваются другіе наносонники.

Личные сапоги. Черные личные сапоги шьются изъ кожи домашняго скота: голени (голенщи) изъ чернаго

(выделанного оленья) или большой скотины, или же лермы, а пошны (подшвы) из сырегатной, дубленой, но не ослобленной скотской кожи. Сапоги для прочности смазываются дегтем и верванымъ саломъ, или джѣстѣ тѣмъ и другимъ, какъ и вся пошнѣ кожа и обувь изъ выделаннаго шкуръ. Шьются они единственно вервью и дратвою. Голенищи бываютъ длинныя и не узкія, и красныя спускаются по русски сборками. Сапоги шьются на одной подошвѣ, причемъ желѣзныя подковки у сапожѣ чулки, высокія. Въ каблучкахъ сапоговъ множество желѣзныхъ шляпочныхъ гвоздей, а по подошвѣ иногда такъ стачиваются въ бокахъ желѣзныя шпальки. Нередко по верху (въ вершинѣ рѣки Пинеги) сапога обшиваются у каблучковъ желѣзными подковками, какъ водилось встарь. Въ сапоги для тепла и избѣжанія мороза кладутся стельки изъ сѣна и соломы. Сапоги съ вытѣянными каблучками называются подборы. У иныхъ сапоговъ бываютъ большіе раструбы, въ видѣ воронки.

Тюни родъ сандалій; пришиваются къ ногамъ веревками, шнурками и ремнями — туфли, только съ задниками. Онѣ работаютъ изъ шкуръ ногъ убитыхъ лосей и быковъ, оставляя наверху шерсть. Эта лѣтная, длинно обнимающая станы ногъ, легкая и мягкая обувь обшивается такъ: штаны засучиваются у пятъ и прячутся въ чулки; на чулки набуваются тюни и затягиваются шнуромъ; отъ тюней пропускаются подвязки, которыми опутываются въ перенетѣ чулки и брюки, такъ что выходитъ нѣмецкій нарядъ. Тюни въ употребленіи у низовцевъ (волостей внизъ по Двинѣ).

Уледи изъ тюленьей кожи въ родѣ башмаговъ съ острыми концами, спереди и сзади, или въ родѣ тюней, но бываютъ болѣе въ разбѣрѣ и съ крючковатыми острыми носами. Онѣ надеваются на сапоги и употребляются по лѣту для ходьбы на боръ (въ лѣсъ) за ягодами, грибами и рубить дрова.

Упаки заимствованы отъ финновъ, весьма употребительны въ менчурскомъ уездѣ. Шьются изъ обыкновенной черной кожи. Носки острые, фасонъ и шовъ такіе же какъ у тюней. Тѣмъ хороши, что въ нихъ зимою ноги не забнутъ, а лѣтомъ непромокаемы. Упаки по покрою похожи на лапти съ голенищами. Упаки же бываютъ съ кожаными голенищами на подобіе бахилъ.

Струси и *порки* — суть кожанныя лапти, похожія на башмаки. Они довольно красивы, потому что округлены выгнаною галошною колодкою изъ сырой, чисто подошвенной кожи и потомъ засушены. По бокамъ на срединѣ пришиваются кожаные ушки, отъ которыхъ пропускаются веревки, концы обматываютъ ноги съ брюками, заткнутыми въ чулки.

Выступки. Это особенная, должно быть очень древняго фасона обувь. Онѣ ни то галоши, ни то башмаки. На галоши онѣ будутъ похожи потому, что шьются

изъ упругой кожи, пришиваются крѣпко, и каблучки, и *передки* дѣлаются высокіе, а каблучки сверхъ того укрѣпляются порядочнымъ числомъ большихъ гвоздей съ широкими шляпками, отчего выступки при ходьбѣ сильно стучать. Сверху передковъ въ проходѣ ноги, края выступковъ обшиваются краснымъ сукномъ, вынуженнымъ снаружи на вершокъ или менѣе ширины. Выступки считаются нарядною обувью и обуются въ праздники. Употребительны по всему уезду и въ особенности у крестьянокъ верховскихъ волостей.

Башмаки очень обыкновенная всадѣ обувь; шитая изъ черной скотской кожи, или изъ козла и нерпы, съ десятидюжи завязками, подвязываются на шпиколѣ. Носки у башмаговъ круглыя, но шьются и угловатыя. Еще носятъ старинныя башмаки изъ краснаго или розоваго сафьяна. По особенностямъ шитья они переименовывались: собственно башмаки, ботинки, пантуфли, полу-сапожки или полуботинки.

Наряжки — полусапожки, шитыя не изъ кожи, а изъ шерстянаго вязанья разноцвѣтной крашенной шерсти, изъ давой вывязываютъ простые шарфы. Борты и подошвы у наряжекъ обшиваются не толстою кожей. Они бываютъ безъ каблучковъ и сверху завязываются шнуркомъ, какъ башмаки.

Ляпки или лапанцы плетутся въ однорядъ изъ нелужихъ березовыхъ лыкъ или лентъ бересты. Держатся женщинами только въ обредно со скотомъ.

Чуки-туфли, плетенныя изъ суконныхъ кромокъ, лентъ отъ розовыхъ концовъ сукна. Мало употребительны.

Катанцы, или *катанки*, теплыя сапоги, скатанныя изъ бѣлой, или сѣрой, или же черной овечьей шерсти. Ихъ катаютъ въ уездѣ туземныя шерстобиты, но не малую частію покупаются на Пинежскихъ ярмаркахъ привозимыхъ изъ другихъ мѣстъ. Для прочности нерѣдко подошвы катанцевъ обшиваются кожей съ рантиками по бокамъ. Въ катанки кладутъ стельки изъ сѣна и соломы. Голенищи ихъ подвязываются шерстяными поясами у лодыжекъ.

Валенки — коротенькія катанки, точно глубокія галоши, сваленныя изъ бѣлой, или сѣрой и иногда черной овечьей шерсти. Ихъ носятъ однѣ женщины. Мужчины же носятъ такія валенки съ пришитыми къ нимъ голенищами изъ крестьянскаго коричневаго или сѣраго сукна; тогда въ сгибѣ ноги голенищи тѣ подвязываются подвязками или гасниками, либо шерстяными поясами.

Тоборы (тобуры) или *тобоки* натягиваются сверхъ пимовъ, употребляемыхъ въ холодное зимнее время. Это коротенькіе полупимки или *полуголенки* (какъ еще они называются) какъ бы галоши, шитыя на крутую руку, съ разрѣзами по обоимъ бокамъ. Шьются онѣ въ Запечерскомъ краю самоѣдками изъ кожи съ мордѣ

олений, шерстью кверху. Для мягкости и тепла въ то- боки накладываются сѣно и солома.

Пимы. Употребленіе этой теплой обуви перешло отъ жителей Мезенскаго уѣзда; она нашивается самоѣдками и вывозится Печерцами на продажу въ Пинежскія ярмарки. Пимы кроются очень хорошо и хорошо пригоняются къ ногѣ. Шьются пимы изъ лапъ оленьихъ ногъ, называемыхъ *камусами*. Шитье ихъ походитъ на *батыры*: выше колѣнъ, съ лоскутками разноцвѣтныхъ суконъ въ швахъ, какъ бы кантами, особенно спереди, и бываютъ пестрые и узорчатые, а также и безъ кантовъ *).

Люты (пишутся нѣкоторыми люпты) устраиваются въ родѣ длинныхъ чулковъ изъ молодыхъ тонко-шерстныхъ и тонко-мездрыхъ неблюевъ, шерстью къ тѣлу. Они и одѣваются на ноги взаи́мъ чулковъ и сверхъ ихъ натягиваютъ пимы.

Чулки и голоски (носки, получулки) вяжутся деревенскими женщинами изъ льняной пряжи и овечьей шерсти; оттого они называются лѣтніе — нитяными, а теплые шерстяными и суконными. Чулки считаются роскошью и употребляются въ исключительныхъ случаяхъ: при хоровахъ, на гулянкѣ въ праздники, въ гостяхъ; бѣдные носятъ тряпки вмѣсто чулковъ. Для *басы* или *красы* чулки у женщинъ почти всегда бѣлые; для нарядности же окрашиваютъ ихъ голубою или синею краскою, шерсть для вязанія чулковъ окрашивается въ разные цвѣта: зеленый, малиновый, красный и синий. Иногда чулки вывязываются изъ шерсти со *стрѣлами*, проходящими отъ подошвы кверху съ обѣихъ сторонъ ногъ, то-есть по бѣлой землѣ (фону) вывязываются мѣста изъ синей и красной шерсти. Но чаще того чулки окрашиваются одной либо синей, либо голубой краской.

Въ народѣ онучами, портянками, портами и подвертками называются холщевыя тряпки, или куски толстаго холста и сукна, въ которые, за неимѣніемъ чулковъ, обвертываются ноги при обуви. Иногда же на ноги наворачиваютъ куски сукна такъ или въ два ряда, или же на чулки.

Исподки или *валети* (варьги) бываютъ вывязанныя изъ овечьей или коровьей шерсти съ однимъ *пакучемъ* на рукавицѣ для толстаго (одного) пальца. Исподки покупаются и вяжутся домашними женщинами. *Верхоньки* же обложены оленьей обдѣланной кожей, наволакиваются сверхъ исподокъ и шьются изъ замши и *родуни*, скотской и кониной кожи. Верхоньки покупаются въ городѣ и отчасти шьются самими крестьянами.

Вачен-вачун или *мокнушки* суть рабочія рукавицы у крестьянъ. Онѣ шьются изъ шкуръ оленя, волка, медвѣдя и овцы, шерстью вверху и натягиваются на

*) Надъ извѣстно, что въ цѣлахъ есть различіе въ цвѣтахъ и потому они дѣлятся: на Ижемскія, Пустозерскія и Усть-Цылымскія.

руки сверхъ верхонекъ и исподокъ въ холодную пору и во время ѣзды и при управленіи лошадьми.

Рукавицы изъ черной или желтой замши съ подведенными исподками, вывозятся нѣкоторыми крестьянами изъ Петербурга.

Рукавки дѣлаются женщинами для себя изъ стараго или новаго сукна, также нанки и трико, на мѣхахъ: заячьемъ, бѣличьемъ, кошачьемъ и другихъ. Суконныя рукавицы носятъ и мужчинами; у нихъ на ладоняхъ бываетъ напшта кожа.

Перчатки, или перчатки, болѣе бываютъ вывязаны изъ овечьей шерсти, также выкрашенной, какъ и на чулки; другія же перчатки носятъ лавочныя, обыкновенныя. Нарядныя перчатки носятъ изъ черной замши на пыжьемъ мѣху.

Скажемъ теперь о *голомомъ уборѣ*.

У мужчинъ употребляются: черныя праздничныя шляпы; но *пуховыя шляпы* носятъ не многіе изъ молодцовъ. Онѣ извѣстны болѣе у городскихъ жителей. У валенныхъ шляпъ поля обшиваются тесьмою, чаще черною коленикоровою; тулья же у полей отдѣляется лентою. Тулья у шляпъ съ верхушками, къ верху шире.

Полуярковыя, валяныя изъ овечьей бѣлой или черной мытой шерсти, шляпы, наиболѣе употребляются въ народѣ на манеръ прямой, либо съ перехватомъ на верховья, или же просто, какъ колпакъ безъ полей (ровныя). По фасону шляпъ крестьянъ верховскихъ волостей зовутъ *верготычками* и общимъ именемъ *верготою*.

Полярная шляпа—это войлочный колпакъ; поля у шляпъ не широкія. Шляпы валяныя съ широкими полями. Поля шляпъ немного приподняты вверху; верхъ ихъ, то-есть валянныхъ, кругловатый. Валяныя шляпы безъ полей, это чисто поповскія камиллавы.

Шапки мѣховыя. Старики носятъ болѣе русскія высокія шапки съ широкими и дорогими мѣховыми широкими тульями и съ бархатными накладниками сверху. Бываютъ такъ высокія, какъ поповскія и дяконовскія. Онѣ дѣлаютъ пожилыхъ людей почетными лицами. У дорогихъ зимнихъ шапокъ верхъ выдается въ видѣ хлѣба; иногда шапки и внутри подбиваются мѣхомъ обыкновенной овчины.

Овчинныя шапки. Это круглыя теплыя шапки съ мѣховыми верхами изъ черныхъ курчавыхъ шкуръ овецъ, на печесной подкладкѣ. Но кромѣ тѣхъ употребительны бараньи (бляковыя) шапки съ ушами на манеръ пыжичьихъ шапокъ.

Оленья шапка похожа на колпакъ съ длинными ушами, которыя, мало по малу суживаясь, превращаются въ тесьмы, завязывающіяся подъ подбородкомъ, или узломъ наверху, чтобы шапка прилегалла плотно къ головѣ.

Самоѣдками называются пыжичьи шапки, шитыя самоѣдками изъ молодыхъ черно-лисыхъ пыжиковъ и неблюевъ шерстью кверху и снизу въ двѣ шкуры.

Самоѣдка закрываетъ все положеніе головы въ видѣ скуфы. Отъ мѣста предъ ушами слѣдуютъ одномѣшныя наушники, сшитые въ концахъ вмѣстѣ. У пыжичьихъ шапокъ, которыя не имѣютъ лопастей косъ, пришиваются ремешки, которые привязываются подъ бородой. Иногда шапка и наушники испещряются вислыми доскутками черного, краснаго, желтаго и бѣлаго цвѣтовъ суконъ, и у нѣкоторыхъ еще у наушниковъ привѣшиваются простые перлы. Пыжичьи шапки бываютъ и скуфейками, безъ наушниковъ.

Фуражки и картузы — русскія шапки съ отвѣсными, круглыми верхами и съ прямыми стоячими околышами. Шапки бываютъ одинаковаго матеріала: суконныя, триковыя и плисовыя. У околыша противъ лба пришиваются широкіе и свѣтлыя кондырьки (kozyрьки), близъ которыхъ, вдоль по околышу развѣшиваются либо ленточки и снурочки съ пуговками, либо бисерные перлышки, перепутанные въ нѣсколько рядовъ. По лѣту старики носятъ высокіе картузы съ большимъ и прямымъ козыремъ, обшитымъ такимъ же сукномъ, какъ тулья и околышъ; свѣтлыми пренебрегаютъ: какой околышекъ, такая и подкладка — плисовая, бархатная и суконная. Козыри у шапокъ бываютъ полукруглые; у стариковъ прямые и длинные, а у молодыхъ наклонные, подогнутые.

Колпаки — сборчатая шапочка. Не мало мушкетъ въ лѣтнее время, вмѣсто шапокъ, носятъ колпаки, похожіе на спальные, вывязанные изъ нитяной пряжи, или вытканые, либо сшитые изъ холста. Чело колпака у лба вышивается или вытканнается узорчато-красными не широкими каймами. Подъ колпакомъ въ тульѣ бываетъ холщевая подкладка. На верху головы по середкѣ такой шапочки бываетъ привѣшена кисточка. Но бываютъ колпаки пестрядные со сборами на верху и не одинаковымъ кружкомъ. Колпаки одѣваются на голову, чтобы не падали волосы на глаза во время пики лѣса, рубки лѣса, дровъ и другихъ размахистыхъ работъ.

Треухи въ настоящее время употребляются только нѣкоторыми стариками отъ холода. Шьются они изъ разныхъ некорыстныхъ матеріаловъ и на разныхъ мѣстахъ. Вообще треухи схожи съ старушечьими чебаками, вышедшими нынѣ изъ употребленія по дороговизнѣ кунныхъ и лисьихъ мѣховъ, которыми они облагались. Треухъ — шапка съ тремя отворотами, опускающимися на уши и на затылокъ и опушкою по верху.

Женскій головной уборъ составляютъ:

Головная шапочка, употребляемая нѣкоторыми женщинами, шерстяная, фіолетоваго цвѣта, съ зеленой

взвѣской.
Повойникъ — головная повязка сшитая изъ штофа, либо изъ гарнитура, шелковыхъ матерій и разныхъ ситцевъ, и наиболѣе изъ кумача и краснаго ситцу. Затягивается на головѣ впропущенными отъ затылка завязками. Мно-

гія женщины хорошіе повойники носятъ съ косынками въ родѣ кокошника. По верху повойниковъ завязываются платки, когда выходятъ на улицу.

Сборникъ — свадебный кокошникъ или *очалокъ*. Кокошникъ-кичка, оганчивающаяся длиннымъ остриемъ торчащимъ впередъ. Онъ накладывается на голову какъ шапочка. Спереди имѣетъ нѣчто въ родѣ козырька, загнутаго къ верху, лицевая парчевая сторона котораго украшается нерѣдко бусами и жемчугомъ. Тулья кокошника дѣлаются изъ шелковой матеріи или парчи; нерѣдко унизываются бисеромъ и жемчугомъ. Сверху кокошникъ покрывается краснымъ или малиновымъ бархатомъ, или же скройкою, то-есть кружкомъ шелковой матеріи. Бархатъ и полубархатъ на кокошникахъ и повойникахъ фіолетоваго цвѣта.

Шамшура — родъ чепчика, или русскаго набровника, скуфейка, холстинный чепецъ. Ее носятъ подъ кокошникомъ для предохраненія послѣдняго отъ пота.

Повязка, формы цилиндрической, позади ея висятъ кисти-ленты, внизъ по спинѣ. Это тоже кокошникъ недорогой парчи, но повыше его. Она обладается (обтягивается) позументомъ и выкладывается (унижается) напередѣ жемчугомъ. Верхъ ея ничѣмъ не зашивается. Отъ заду отпускаются лопасти, шелковыя ленты, или изъ другихъ дорогихъ матерій. Повязку носятъ въ торжественныхъ или веселыхъ случаяхъ незамужнія женщины на лбу.

Шапки-мезенки замѣняютъ деревенскимъ женщинамъ капоры барынь.

Косынки. Описанныя повязки, по ихъ дорогой постройкѣ, имѣются только у немногихъ дѣвушекъ изъ богатыхъ домовъ. Бѣдныя же дѣвушки вмѣсто ихъ прищипываютъ къ волосамъ шелковыя косынки (половина платка, разрѣзаннаго съ угла на уголъ), оставляя сверху волосы непокрытыми. Онѣ называются *чѣлками* и *пачелками*. Иногда унизываются немного жемчугомъ. Косынки носятъ и замужнія женщины, но онѣ у нихъ прищипываются такъ, чтобы не было видно волосъ, и называются *наколками*. *Николка* родъ вѣнка.

Головные платки дѣвушки и замужнія носятъ или ко-рабликомъ, и наиболѣе въ видѣ повязки и въ видѣ повойника, въ одинъ узелъ или въ треугольникъ, связывая концы на лбу. Они бываютъ разнородны, разноцвѣтны, разновелики и въ видѣ пирога, и разноцѣтны: бумажные, гарусные, кисейные, шелковыя, персидскіе, французскіе, агличкіе; притомъ клѣтчатыя или цвѣтныя, съ красными, синими, голубыми и желтыми цвѣтами, съ разноцвѣтными мушками и крапинками, и непременно съ широкими каймами. Они завязываются узломъ подъ подбородкомъ или притыкаются у горла на булавкахъ и закрываютъ всѣ волосы на головѣ.

Зимомъ, вмѣсто обыкновеннаго ихъ убора, женщины

носить или мужскія мѣховыя пыжичьи шапки, или больше теплые *платы*, обматывая ими головы съ пропускомъ концовъ по шеямъ назадъ.

Шалью обкутываютъ голову зимою, оставляя лице открытымъ, такъ что оно кажется какъ бы въ рамкѣ.

Въ Курьѣ волосы стригутъ вокругъ головы, и напередѣ старики выстригаютъ скобкой, а молодые носятъ на косой проборъ.

Молодежь вообще всегда старается быть опрятною и чистенькою, хотя старанія казаться красивою иногда компрометируются самою обстановкою, либо мѣшговатымъ костюмомъ, либо неуклюжею обувью. Для щегольства-то одежда и обувь раздѣляются на ежедневныя и особо праздничныя.

Молодые мужчины о праздникахъ вымываются довольно чисто. Не пренебрегаютъ этимъ и женщины. Ногти у рукъ и ногъ срѣзаются не часто, поэтому нерѣдко они dorостають до ногтей.

Мужчины волосы на головѣ носятъ съ прямымъ проборомъ, кружкомъ сзади и скобкою спереди, вырѣзаемою въ ширину лба, по тому укоренившемуся обыкновению, что кто дѣлаеть не прямой проборъ волосъ, тотъ несправедливъ. Однако-жь и тутъ мода портить старину: волосы стали причесывать на косо. Прическа у пинежскихъ мужчинъ довольно оригинальна. Мужчины немного занимаются уборкой своихъ волосъ: зачесываютъ просто гладко, или оставляютъ свѣшанными на лобъ. Молодые, особенно Петербуря, причесываютъ на одно ухо, а пожилые на оба; господствующая прическа послѣдняя. Старики пробора не дѣлають, волосы спереди подстригаютъ, а съ боковъ и сзади пускають съ нижнею оконечностию уха.

Женщины, особенно незамужнія, ведутъ себя еще чистоплотнѣе, и тоже имѣють претензію на молодость. Онѣ лица свои вымываютъ до возможной бѣлизны, а загаръ лица сгоняють сывороткою отъ творога, потому вытираются на сухо полотенцемъ. Кромѣ того лица намазываются бѣлками, а щеки натираются румянами.

У дѣвицъ нѣтъ обычая дополнять украшенія живыми или искусственными цвѣтами; дѣвицъ можно узнать по заплетенной и опущенной косѣ. Волосы у дѣвицъ закидываются за уши. Изъ подъ косынки замужнія выпускають букли.

Волосы женской молодежи причесываются гладко. Сперва ихъ расчесываютъ рѣдкими, а потомъ частыми гребнями, далѣе намачивають водою, иногда еще съ сахаромъ или квасомъ, иногда съ солью и пивомъ, зачесываютъ за уши, дѣлая прямой по носу проборъ; космы (какъ сами говорятъ) заплетаютъ въ одну косу, шелковыми, довольно длинными и яркими лентами, которыя завязываются бантомъ; при бѣдности же косоплетки бывають

изъ простыхъ тесемокъ. Коса выпускается на спину изъ подъ косынки или платка. Но когда дѣвушки одѣвають повязки или челки, то по старинному обычаю, не заплетаютъ себѣ косъ, а волосы распускають по головѣ, расчесавъ ихъ гладко. Искусство плетенія косъ состоитъ въ томъ, что изъ трехъ косицъ, лучеобразно расположенныхъ, крайнія двѣ заворачиваются съ одной стороны на верхъ, съ другой же внизъ, средняя же служитъ основою. Одна коса свидѣтельствуетъ о свободѣ дѣвушки; двѣ суть доказательство, что она принадлежитъ уже не одной себѣ.

Въ будни дѣвицы заплетаютъ косы въ косоплетки, какъ можно туже, а въ праздники какъ можно слабѣе, чтобы коса казалась шире.

Нарядъ нестарыхъ замужнихъ женщинъ отъ наряда незамужнихъ отстаетъ въ праздники немного и только отбрасывается излишняя роскошь. У нихъ дѣвичья коса расплетается на двѣ косы, связываемыя внизу концами одна съ другой посредствомъ тесемки, и косы обматываютъ вокругъ головнаго шара въ видѣ вѣнка, а на голову съ первымъ днемъ замужества жалуются кокошники, который закрываетъ всѣ волосы; да и вообще головной уборъ замужнихъ закрываетъ волосы, исключая развѣ причесовъ, опускаемыхъ на лобъ нарочно изъ-подъ косынки.

Чѣмъ болѣе лѣтъ женщина бываетъ замужемъ, или мужчина женатымъ, тѣмъ нарядъ ихъ дѣлается скромнѣе, тѣмъ они дѣлаются небрежнѣе къ себѣ и своей личности, какъ отцы и матери, занятые содержаніемъ семействъ и устройствомъ хозяйства. Хорошее одѣваніе замужнія женщины надѣвають рѣдко: онѣ сберегаютъ его для своихъ дочерей.

Въ шейнымъ украшеніямъ относимъ: *кресты*, они бывають деревянные (кипарисные), мѣдные и серебряные массивные; висятъ на шеяхъ мужчинъ и женщинъ, на шелковомъ гайтанѣ, или ленточкѣ, называемыхъ *ютломъ и ткацкомъ*, или же (у женщинъ) на серебряной широкой цѣпочкѣ; на томъ же гайтанѣ привѣшиваются: талисманъ въ пуговкахъ или въ тряпкѣ, и мѣдная или костяная ухвертка (ухочистка), то есть ложечка для отдѣленія въ ушахъ наконившейся сѣры.

Серьги служатъ украшеніемъ женщинъ; но серьги носятъ и нѣкоторые мужчины (болѣе по одной). У богатыхъ женщинъ серьги бывають изъ жемчужныхъ платокъ, а побѣднѣе — серебряныхъ, или другихъ дешевыхъ металловъ (томпака, бронзы и прочихъ); короткія жемчужныя серьги называются *пасами*, а длинныя *петлями*. Серьги (обыкновенно пара) вдѣваются въ уши въ видѣ колецъ и пуговокъ. Мужчины носятъ серебряныя березки въ которомъ либо одномъ ухѣ. Для чего въ нѣкоторыхъ ухѣ еще въ малолѣтствѣ прокалываютъ въ нижней

мягкой части дырочки. Чтобы проколочное ухо не заросло, вдвигают сотканный из ниток шнурокъ.

Запонки употребляются иногда у воротовъ женскихъ рубашекъ вмѣсто пуговокъ. Бываютъ въ серебряной оправѣ.

Занястья, снѣзя, или простыя браслеты изъ недорогого въ нѣсколько нитокъ жемчуга носятъ при кругахъ дѣвочки богатыхъ родителей. Занястья прежде были изъ жемчугомъ по атласу (Г. В. 1869, № 12-й).

Наборошниками называется жемчужное ожерелье, то есть сканный жемчугъ, навѣшиваемый на шею дѣвучкою богатой семьи, на тоненькой ленточкѣ. Наборошники изъ бисера бываютъ такъ густы, что кажутся воротничками. Широкія ожерелья, равно какъ и большія серьги, довершаютъ богатый нарядъ женщины. Ожерелья прежде были жемчужныя, нынѣ янтарныя и изъ дутыхъ бусъ.

Перлы и перлошки, монисты, или бусы. Это наборошники бисерные или изъ простыхъ отшлифованныхъ стволъ вздѣтыхъ на гайтанъ. Они вѣшаются на женскую шею и замѣняютъ кресты съ дѣпочками, или же вмѣстѣ съ крестами.

Ленты висятъ у повязокъ, шубеекъ, эпанчей, фартуковъ; ленты заплетаются въ косы. Ленты въ жосахъ дѣвочки виспадаютъ поверхъ плечь, и вообще ленты служатъ важными украшениями праздничнаго одѣянія крестьянъ.

Галстукъ (галстухъ) у мужчинъ состоитъ изъ шелковаго или бумажнаго платна, обвязываемаго около шеи на одинъ или на два раза, съ узломъ либо прямо напередъ, либо косо-набокъ, либо назадъ. Также галстухомъ служатъ наматываемыя на шею *снѣзки*, простыя шарфы, связанные изъ разноцвѣтной шерсти. Но вообще къ галстухамъ крестьяне, кажется, не охотники, даже итаютъ къ нимъ отвращеніе: они не стягиваютъ шеи и потому болтаются какъ веревки.

Кромѣ того, что платки составляютъ для мужчинъ галстухъ, а для женщинъ головную повязку, они бѣлые и красные носятъ первыми въ карманахъ, шапкахъ и шляпахъ и называются носовыми, а послѣдними въ рукавахъ и за наухами и называются *широчками*, но ширинки только по видимому замѣняютъ носовые платки, и сверхъ того накладываются на шею. О праздникахъ каждый, исключая очень бѣдныхъ, имѣютъ цвѣтной носовой платокъ; изъ тшеславія молодые люди любятъ выдускать хвостики платковъ изъ кармановъ. Парадные платки на шеяхъ шелковые, иногда набивные; въ хорошемъ житьѣ молодыя дѣвочки имѣютъ носовые платки съ кружевами. Всякіе платки обрубаются, то есть обчищаются по краямъ. На удилцахъ дѣвочки спускающіеся концы платковъ закладываютъ за поясъ. Такимъ образомъ плечи и шея сзади остаются закрытыми, а шея

спереди и грудь, увѣшанныя перлами и жемчугомъ, остаются открытыми.

Шали. Это фаты и пледы, простыя и съ бахрамами, называемыя шалями и платками. Онѣ бываютъ бумажныя, гарусныя, шелковыя; у очень зажиточныхъ ковровыя и бухарскія. Шали вообще накидываются на плечи, и скрещиваются на груди. Пришпиливаются болѣе или менѣе дорогими булавками, или же затыкаются за поясы и передники. Фата, закрывающая невѣсту, называется *юмылкою*.

Оюнки, или хвосты, носятъ женщины для прикрасы и тепла при зимнихъ шубахъ. Они обматываются вокругъ шеи и концы спускаются височными спереди до подолу или же завязываются у талии и концы висятъ сзади. Это простыя бѣлыя черныя хвосты *крумлицемъ*, короткіе, такъ что связанные въ концахъ они падаются чрезъ голову на шею, какъ галстухъ или ошейникъ (такъ называется).

Кольца и перстни носятъ только на правой рукѣ на указательномъ, среднемъ и четвертомъ пальцахъ. Кольца съ гладкимъ металлическимъ ободкомъ, а перстни со вставками и приклепками, украшенными вензелями.

У мужчинъ они бываютъ серебряныя, а у женскаго пола серебряныя, мѣдныя и томпаковыя; но у тѣхъ и другихъ бываютъ и золотыя съ дорогими или недорогими вставками.

Поясъ — непременная вещь христіанина. Рубашный поясъ затягивается просто (нетуго). Поясъ носятъ женщины сверху верхнихъ сарафановъ, а мужчины сверху тѣловыхъ рубахъ. Поясы (у мужчинъ) рубашечные бываютъ или сѣрые, или красные; кромѣ шерстяныхъ мужскіе поясы бываютъ нитяные полосатыя, съ желтыми, синими и красными полосками. У мужчинъ опояску составляетъ бумажная или шелковая неширокая ленточка, или тканый шерстяной поясъ. Опоясываются на рубашкѣ въ одинъ рядъ; концы поясовъ вообще висятъ. На поясъ мужчины нерѣдко привязываютъ: ключи, мѣдный или роговой, либо костяной гребешокъ или гребенку и кожаную маленькую сумочку, унизанную свѣтлыми пуговицами, въ которую кладутся деньги, табакъ, спички или огниво съ кремнемъ и трутнемъ. По веру же одежды носятъ всегда изъ черной юфти, или не очерченныхъ подпругъ (сырыхъ ремней, идущихъ на конскую сбрую). Пуговицы на ременныхъ поясахъ бываютъ нашиты одна возлѣ другой.

Поясъ у женщинъ узломъ относится на правый бокъ. Поясъ замѣняетъ женщинамъ шнуровку. У женщинъ поясы бываютъ тонстыя шерстяныя, тканые и плетеные, цюмковые изъ разноцвѣтныхъ нитокъ. Они бываютъ столь долги, что опутавъ на два ряда корпусъ на сарафанахъ и платкахъ до талии, спускаются еще до коленъ и ниже, концами съ *снѣзками* или золотыми *нако-*

лами, которые относятся на левый бок. Праздничный пояс имѣетъ длины отъ 4-хъ до 6-ти аршинъ.

Кусаки охватываютъ талию по верхней одеждѣ. Длинные концы ихъ, украшенные бахромой, свѣшиваются напередъ, или загибаются за перевязь. Кусаки носятъ не совсѣмъ широкія, цвѣтные: бумажные, шерстяные, гарусные и шелковые; щеголеватый кушакъ пестрый. Дорожатъ старинными шелковыми кушаками, называемыми персидскими и также кашемировыми. Концы кушака иногда совсѣмъ подтыкаются внутрь.

Ремни бываютъ изъ бѣлужей или упругой скотской кожи. Они опоясываются въ поясъ по верхней одеждѣ, взаимѣ кушаковъ, которые держатся для выхода. Но концы ремней пришиваются, или на гвоздяхъ приделываются желѣзные, либо мѣдные пряжки съ *гватами*. Пряжки страннаго рисунка, похожаго на образецъ, который употребляется на пряжкахъ у Самоѣдовъ съ мнѣлогическими знаками. Ремни нерѣдко обшиваются во кругъ мѣдными и оловянными пуговицами, а сбоку ихъ пришиваются желѣзные витыя, либо кожаные *оужки*, въ которыя вкладываются топоры; у другихъ же къ ремнямъ привѣшиваются ножи — кожаные и деревянные чехлы для ножей.

Подвязки для чулковъ бываютъ: или сшитыя изъ лоскутковъ какаго либо ситца или матеріи съ завязочками, или связанные, или вытканныя домашними женщинами изъ шерсти, какъ пояса, съ такими же для красоты кисточками.

Кромѣ упомянутого крестьяне и крестьянки носятъ:

а) **Бумажники**. Деньги, счета и документы хранятся въ бумажникахъ сафьянныхъ и кожаныхъ. Это особеннаго рода пертмонэ, съ пришитыми ремешками, на которыхъ бумажники навѣшиваются на шею, на тѣлѣ подъ рубашки; сами же они обматываются ремнями, и сверхъ того ремнями привязываются плотно около челоуѣка. Но у многихъ такіе же бумажники носятъ въ кармазахъ.

б) Кромѣ бумажниковъ бываютъ разнаго рода кошельки.

в) **Кисы** — дорожные сакъ-воляжи, длинные и довольно просторные, сшитыя изъ перпичей или скотской кожи. Застегиваются сыромятными длинными ремнями въ ушкахъ съ кисточками и иногда замыкаются на замки. — Сверхъ того, что берутъ въ дорогу на лошади, ихъ носить за плечами какъ мѣшки на лямкахъ.

д) Матерчатые кисеты для курительнаго табаку, — украшаются кѣсточками и бахромками; а ихъ язычки, чрезъ которые дымы пропускаются, вышиваются фигурами аллегорическаго значенія.

Въ Усть-Пуѣ рабочая одежда у мужчинъ зимою: шуба или полушубокъ овчиннаго мѣха, непокрытаго сверху ничѣмъ, кожаные или катаные на ногахъ сапоги и суконная на головѣ шапка напояничья. У женщинъ тотъ же полушубокъ, сарафанъ шерстяной или портяной крашеный, на головѣ и на шею платокъ, на ногахъ башмаки или катанки. Лѣтомъ у мужчинъ сѣрый кафтанъ или полукафтанье, на ногахъ сапоги, на головѣ полярковая шляпа. Праздничный же нарядъ у мужчинъ, такой же, только преобразуется онъ въ черный видъ, въ синий кафтанъ или сибирку, суконную или нанковую, на головѣ суконная шапка или шляпа; у женщинъ: ситцевый сарафанъ или ситцевое и гарусное, даже шелковое платье, гарусное и шелковое пальто, у дѣвушекъ большаго частію косынки, на шею шелковая или гарусная «шаль», на ногахъ кожаные полусапожки. Однимъ словомъ, въ праздничное время, мужчины и женщины, особенно дѣвушки, каждый по силамъ своимъ, стараются отличиться щегольствомъ наряда.

Такъ какъ Тулгашане народъ не бѣдный, то и одеваются они довольно хорошо. Одежда мужчинъ лѣтняя, если день праздничный, рубашка изъ кумачу, по ихнему аглицкаго; плисовые или суконные шаровары; сапоги, а у нѣкоторыхъ и такъ называемые бахины; кафтанъ изъ чернаго или синяго сукна, шелковый или гарусный кушакъ и картузь; а если день простой — рубашка и изподнищи изъ толстаго портна, бахины, сумманикъ-кафтанъ изъ сумманныя, въ которой основа изъ конопляныхъ нитокъ; шапка или изъ овечьей шерсти, шляпа, ремень и кожаные рукавицы (по ихнему еще *вачеги*).

Зимняя одежда мужчинъ, если праздникъ, — тѣ же рубашки и шаровары, катанцы, шуба или тулупъ, подрывные сукномъ, тѣ же кушаки, шелковый или гарусный, изъ платна галстукъ, мѣховая шапка, или бухарка шапка изъ пыжиковъ и верхонья рукавицы, обложенныя оденной обдѣланной кожей; а если простой день, то та же самая одѣвается и лѣтомъ, только съ исключеніемъ верхней, которую въ зимнее время составляетъ голая шуба. Лѣтнюю одежду женщинъ замужнихъ и дѣвицъ составляютъ: рубашка изъ портна, у которой рукава изъ одного ситцу, а намыщички (наплечники) изъ другаго; сарафаны — крашенничики, изъ портна, совсѣмъ окрашеннаго черною краскою; набиваничики изъ портна, набитаго разными фигурами и цвѣтами, — ситчики, кумачички и лепотина — сарафанъ изъ шелковой матеріи *); кафтанъ изъ чернаго сукна на какой либо подкладкѣ и сумманичики; голову прикрываютъ въ праздникъ кокошиникомъ и шелковыми платками, на ноги одѣваютъ сапоги, а рѣдко коты, родъ башмаковъ, къ которымъ приколачиваются мѣдные подборы (каблуки); а минини — всѣ тѣ же, исключая верхней одежды и обуви, изъ которыхъ первую закладываютъ голая шуба и конушъ — шуба же, только по-

*) Въ означенные сарафаны, надобно замѣтить, шьются и изъ шелка, и изъ шерсти, и даже изъ конопли, что еще покрываетъ у большинства людей.

*) Въ означенные сарафаны, надобно замѣтить, шьются и изъ шелка, и изъ шерсти, и даже изъ конопли, что еще покрываетъ у большинства людей.

крытая сунномъ и обшитая кругомъ мѣхомъ какого-либо не дешеваго звѣрка, а послѣднюю катанцы.

Всѣ означенныя одежды приготовляются дома изъ своего матеріала. Мужчины подстригаютъ и причесываютъ свои волосы такъ, какъ дѣлается это у мужчины въ полномъ смыслѣ этого слова; а женщины всѣ вообще рѣдко причесываютъ ихъ и плетутъ косы, а собравши волосы назадъ въ одно мѣсто, перевязываютъ ихъ чѣмъ либо. Не въ модѣ у насъ, скажутъ онѣ, плести косы.

Въ Хаврогорскомъ приходѣ Холмогорскаго уѣзда ежедневная одежда мужчинъ въ лѣтнее время *пожитки* домашняго приготовленія, изъ овечьей шерсти и пряжи изъ льна, тканые картузы или шляпы, покупные большею частію изъ коровьей шерсти, сапоги, въ зимнее—шубы, полушубки, кафтаны, катанцы, рукавицы, отчасти домашняго приготовленія, а болѣе покупныя. Въ праздники одѣваются прилично и щеголевато въ суконныя сибирки, мѣховыя тулупы. Ежедневная одежда женщинъ состоитъ изъ холщеваго сарафана, осиненнаго, набивнаго, называемаго набивинцемъ, и кумачнаго повойника на головѣ, который неотъемлемое достояніе каждой сельской женщины до гроба (повойникъ въ существѣ вещи есть только отличіе женщины отъ дѣвицы). Въ ссорѣ или дракѣ, если посторонній мужчина сорветъ съ головы женщины повойникъ, или какъ обыкновенно выражаются окосматить или опростоволосить, считается таковой поступокъ большимъ порокомъ, и женщина, не смотря ни на что и не взирая на поводъ, учинившій ссору, хотя и ею самою, ищетъ суда и даже платы денегъ за безчестіе, что впрочемъ рѣдко удается имъ выигрывать въ свою пользу, и большею частію дѣла такого рода, хотя иногда разбираются сельскими властями, оканчиваются мировою попойкою, которая для обѣихъ сторонъ не невыгодна; искательница удовлетворяется, выражаясь: *мужотя опили*. Одежда дѣвицъ, какъ праздничная, такъ и рабочая обыкновенная всего Холмогорскаго уѣзда; но въ настоящее время старинныхъ богатыхъ парчевыхъ юбокъ, полушубковъ и коротенькихъ съ дорожками же серебряными казамаи и бахромками водится очень мало, и обладательницы оными только дочери богатыхъ родителей; нарядъ старинный почти выходитъ изъ моды и употребляется только при немногихъ случаяхъ, какъ то: въ принятію святыхъ танцъ, въ Пасху къ утрунѣ и вечернѣ, при сочетаніи бракомъ, и во время уличныхъ игрانیи во время святокъ, а вмѣсто стариннаго наряда носятъ дѣвицами платья, отчасти шелковыя, а болѣе шерстяныя и ситцевыя, голова при такомъ нарядѣ убирается косынкою, не уборомъ или шапочкою, а кругомъ головы, верхъ которой бываетъ не покрытымъ, косынка сгибается какъ галстукъ и онымъ голова перевязывается, въ косу нить и при повязкѣ вилается серебряная или мнѣшурная нить, или же вмѣсто оной ленты; шея украшается

перломъ изъ такъ называемаго дутаго жемчуга, или малаго бисера.

Въ Челмохотскомъ приходѣ одежда въ простые дни, рѣдко отличаетъ состоятельнаго отъ бѣднаго. Въ будни одѣваются мужчины въ понитки, армяки сѣраго сукна, сапоги (бахилы)—лѣтомъ на подобіе кучерскихъ полярковыя шляпы. Въ лѣсъ лѣтомъ ходятъ въ березовыхъ лаптяхъ, и также къ скоту въ хлѣвы, и около назему въ нихъ работаютъ.

Зимою носятъ овчинныя голые полушубки, пыжиновыя и суконныя шапки, катонки, теплыя рукавицы, сѣрые штаны. Женщины одѣваются въ будни большею частію въ синіе набивныя холщевыя сарафаны и красный повойникъ на головѣ, на ногахъ кожаные простые выступки, иногда же—въ пестрядные съ бумагою тканые сарафаны, особенно дѣвицы.

Въ праздники мужчины одѣваются въ суконныя сюртуки, нанковыя сибирки, панталоны суконные, триковые и такіе же жилеты. Зимою въ овчинныя мерлужчатые тулупы подъ сунномъ, — ситцевыя рубашки, шелковые галстукки, жилеты. Женщины богатыя одѣваются въ гарусныя, штофныя, ситцевыя сарафаны, косынки, повойники, штофныя, парчевыя, съ вышитымъ золотомъ или серебромъ наверху кружечкомъ. Дѣвицы кромѣ того—въ повязки, высаженныя бисеромъ и дутымъ жемчугомъ, носятъ кофты, шуган, ситцевыя и гарусныя капоты, кацевейки, со сборами по талии. Дѣвицы на груди носятъ перла изъ простаго жемчуга, янтаря—на ногахъ чулки и башмаки даже козловые. Нынѣ женщины и дѣвицы, вмѣсто сарафановъ и штофниковъ, стали болѣе носить гарусныя и ситцевыя платья, нѣмецкаго покрою.

Въ Пингишахъ мужчины и женщины одѣваются довольно опрятно. Въ простую пору мужчины лѣтомъ носятъ понитки, зимою овчинныя шубы, короткія, чтобы въ работѣ не залетали подолы. Рубашки мужскія дѣлаются съ косымъ воротомъ, подплечье подшивается подкладкою. Праздничная рубаха всегда бываетъ красная, которую молодые ребята носятъ навывпускъ съ пливовыми широкими шароварами. Сибирки со сборами назадъ, и короткія поддѣвки, у богатыхъ суконныя, а у бѣдныхъ синія нанковыя. Старики носятъ армяки, камзолы и кафтаны, на головѣ четырехугольную съ мѣховою выпушкою шапку и полуярковую шляпу; молодые ребята носятъ обыкновенныя картузы и щегольскія шапки. Женщины иногда безразлично носятъ и мужскую одежду, какъ то понитки, кафтаны и шубу, но большей частію имѣютъ свой особенный костюмъ. Женская рубашка состоитъ изъ подставы поворотья и рукавовъ. Подстава бываетъ всегда изъ самаго дурнаго холста*), поворотье

*) Праздничная подстава по подолу вышивается красной бумагою и фигурки вышиваютъ на подолѣ кошми.

и рукава пришиваются отдѣльно или изъ тонкаго холста и пестряди, или праздничные изъ ситцу, кисеи и коленкору. Поворотѣ рубашное бываетъ сборчатое и обшивается кругомъ тесьмою и именуется остобельемъ. Въ простую пору женщины ходятъ въ набиванцахъ и тканцахъ, то есть въ сарафанахъ набивныхъ и пестрядныхъ, на головѣ у женщинъ повойники преимущественно изъ краснаго кумача, а у дѣвицъ платокъ *кокушкой*, то есть завязывается подъ подбородкомъ.

Въ праздники женщины одѣваются въ штофники, шуган, на головѣ золотые кокошники или повойники съ золотыми кружками. Дѣвицы носятъ штофныя юбки, коротенькія, родъ безрукой епанчи, обложенной кругомъ газомъ. На головѣ у дѣвицъ бываютъ повязки, *) носа въ этомъ случаѣ бываетъ на выпускѣ, и въ косу вляется кисть золотая, серебряная или мшурная. При нарядѣ въ коротенькую повязку воротокъ всегда бываетъ съ сборчатыми короткими рукавами, которые привязываются алыми лентами.

Старухи носятъ костычи, родъ сарафана съ клиньемъ и китаечники, обшитые на переди продольною лентою съ пуговицами. На ногахъ у мужчинъ бываютъ кожаные коты, бахилы и сапоги, у женщинъ ступни и башмаки, употребляются также и лапти въ грязную работу и около двора.

Одежда жителей Бурейско-Сергіевскаго прихода можетъ быть подѣлена на зимнюю и лѣтнюю, на праздничную и будничную, на старческую и молодецкую.

Мужчины носятъ въ будни—зимою: шерстяную рубаху, сѣраго сукна шаровары; овчинный полушубокъ, теплую шапку выжичью и катанцы; въ дорогѣ одѣваютъ овчинный тулупъ нагольный, или обтянутый холстомъ, овчинныя рукавицы, а старики треухъ.

Лѣтомъ и весною—кафтаны сѣраго сукна, старики—понитокъ, штаны пестрядные или холщевые; саногн, а старушки—коты; въ ненастную и холодную погоду поверхъ кафтана одѣвается суконный армякъ (орешинской).

Въ праздники—сибирку, сюртукъ, брюки на подтяжкахъ, жилетъ и шапку суконныя, суконный армякъ или пальто и шляпу, а зимою—шубу овчинную, мерлушечью, а богатые лисью или енотовую, обтянутую сукномъ, и сапоги съ колошами.

Волосы стригутъ вокругъ головы, а напередѣ старики выстригаютъ скобкой, а молодые носятъ на косой проборъ.

Женщины и дѣвицы носятъ въ будни: тканый пестрядной сарафанъ и передникъ, полусапожки, и кафтанчикъ изъ сѣраго сукна или трика.

Въ праздники—ситцевое, гарусное и шелковое платье, суконную лисью шубу на мѣху, канавойну и пальто

*) Дѣвицы носятъ одну косу, а женщинамъ двѣ, женщинамъ причесовъ на видъ не выпускаютъ.

на ватѣ, обшитые по краямъ бѣличьимъ мѣхомъ, а богатые салоны, на лисьемъ и бѣличьемъ мѣху, и модную шапочку.

Старики бѣдные носятъ крашенникъ (костычъ изъ холста, окрашеннаго въ синюю краску), а въ праздники китаешникъ съ длиннымъ, выше груди, ситцевымъ передникомъ и выступки-башмаки.

Старухи богатыя—ситцевый сарафанъ съ кометкою и рукавами, а зимою тулупъ (салоны не носятъ).

Женщины волосы упряютъ въ двѣ косы, а дѣвицы въ одну косу. Старухи носятъ на головѣ повойникъ, въ который собираются все волосы, а поверхъ повойника одѣваютъ платокъ, которымъ связываютъ на лбу или на затылкѣ; молодыя же женщины и дѣвицы носятъ косынки съ перестнемъ и жемчугомъ.

Вообще богатые женщины и дѣвицы ничѣмъ почти не отличаются въ одеждѣ отъ купчихъ, развѣ только не носятъ кринолина.

Наряды большею частію привозятся шитые, изъ С. Петербурга, въ которомъ много проживаетъ крестьянъ при конторахъ купцевъ, или шьются хорошими мастерами въ городахъ Лозмогорахъ и Архангельскѣ.

Обувь мужчины и женщины носятъ всегда кожаную: сапоги, полусапожки, выступки, коты, ловчаги, салоны съ длинными голенищами для ловли рыбы), струски (легонькіе башмаки съ ушками, для страды) и только въ скотскомъ дворѣ одѣваютъ лапти изъ бересты.

Въ Лисестровскомъ приходѣ у стариковъ ежедневное платье зимнее: нагольный полушубокъ изъ овчины, катанки, обшитыя кожей, и шапочка изъ выжича. Въ этой одеждѣ и въ самомъ дѣлѣ старики теплѣе. Они ѣздятъ иногда еще и въ лѣсъ за дровами, и возить возъ сѣна въ морозъ, и исправляетъ и другія нѣкоторыя домашнія работы. Праздничная же, напредѣрь, для выхода въ церковь одежда: полушубокъ изъ овечьяго мѣха, покрытый синимъ или чернымъ сукномъ, суконный сюртукъ и полубархатная шапка, обшитая бооромъ или котикомъ, или теплая на ватѣ круглая шапка, покрытая сукномъ.

Лѣтнее платье у старыхъ людей ежедневное: кафтанъ изъ сѣраго сукна (праздничныя кафтаны илисовыя или полубархатныя съ серебряными застежками и цѣпочками найдется нынѣ въ рѣдкость у двухъ или трехъ стариковъ) и сюртукъ изъ чернаго сукна и круглая шляпа или шапка.

Старухи носятъ зимою шубу нагольную тоже изъ овчины и сарафанъ и повязываются бумажнымъ платкомъ; прежніе теплые чебаки вышли изъ употребленія; а въ праздничные дни носятъ шубу теплую на мѣху или на ватѣ, нѣкоторыя съ куньимъ воротникомъ.

Лѣтомъ носятъ сарафаны кумачные и платья ситцевыя и повязываются выжичьимъ платкомъ.

У мужчинъ и молодежи каждодневное платье зимнее: теплая круглая шапка, пальто изъ толстаго фабричнаго сукна, длинаго цвѣту, сюртукъ изъ сѣраго сукна; праздничное: пальто, на лапчатомъ голубомъ мѣху, а нѣкоторые изъ богатыхъ носятъ шубы на лисьемъ и зотовомъ мѣху, покрытыя чернымъ сукномъ, сюртукъ чернаго сукна, сапоги выростковые и перпечья, а нѣкоторые щеголи носятъ и волоши.

Каждодневное платье лѣтнее: изъ толстаго фабричнаго сукна сюртукъ и изъ сѣраго сукна; праздничное: сюртукъ, изъ чернаго сукна, круглая шляпа или шапка изъ чернаго сукна.

Женщины ежедневное платье зимнее употребляютъ: изъ бумажной домашней ткани сарафаны и повойники, и повязки платкомъ вокругъ головы для выхода на улицу, нагольные тулупы и бумажные платки; праздничное платье для выхода въ церковь и въ гости: шуба на мѣху бѣлчьемъ или заячьемъ, съ куньимъ воротникомъ, ситцевое платье, шелковый платокъ и косынка на головѣ, и шапочка съ опушкою въ видѣ ярки; а также употребляютъ кацавейки на бѣлчьемъ мѣху. Обувь: башмаки, а зимою носятъ и катанки. Платье лѣтнее ежедневное изъ бумажной домашней ткани, повойникъ, обвязанный платкомъ вокругъ головы; башмаки и туфли для домашнего обихода. Праздничное: ситцевое платье и шелковое, шелковый платокъ на шеѣ и косынка на головѣ.

У дѣвицъ платье зимнее праздничное: кацавейка или сакъ-пальто на бѣлчьемъ мѣху съ куньимъ воротникомъ, или бѣлчьию; или пальто покрытое (драпомъ) полужерновомъ или шелковою матеріею, платье ситцевое; голову покрываютъ шелковымъ или бумажнымъ платкомъ; ежедневное платье: изъ домашней бумажной ткани, шубка крытая нанкою или саржей, и бумажный платокъ на шеѣ; обувь: башмаки и ботинки.

Дѣвицы употребляютъ повязки и вѣнки, по большей части при лѣтнихъ гуляньяхъ, играхъ и хороводахъ и при свадьбахъ.

Платье въ Золотицѣ носятъ слѣдующее: рабочее зимнее мужское платье состоитъ изъ малицы. У нѣкоторыхъ только есть своей выдѣлки коротенькіе нагольные полушубки. Въ худую ненастную и мокрую погоду работаютъ все вообще въ суконныхъ совіакахъ; Праздничное: зимнее платье у большей части крестьянъ тоже малица, только съ нарядною, по большей части краснаго яркаго цвѣта рубашкою. У молодыхъ щеголей сюртуки на бѣлковомъ или бараньемъ мѣху съ выдровыми воротниками. У стариковъ старинныя, коричневаго цвѣта съ серебряными застежками на бараньемъ мѣху и тоннаго сукна полукафтаны.

Рабочій зимній, мужской головной уборъ у всѣхъ вообще — вымачья шапки; праздничній мужской головной уборъ зимою: состоитъ изъ заграничныхъ котиковыхъ и

обезьяновыхъ шапокъ, картузовъ, различныхъ матерій и формъ; это у молодыхъ. Старики носятъ бараньи съ маленькимъ пухомъ круглыя шапки. У нѣкоторыхъ только стариковъ сохранились четырёхугольныя съ маленькимъ бараньимъ пухомъ высокія шапки. Старинныя же въ родѣ боярокъ, высокія съ бобровымъ пухомъ шапки, въ Золотицѣ рѣдкость.

Лѣтнее рабочее платье: у всѣхъ мужчинъ рабочее платье лѣтомъ состоитъ изъ сотканныхъ коротенькихъ кафтановъ, понитковъ и иногда и худыхъ малицъ, коротенькихъ визаннскихъ изъ шерсти своей или норвежской работы, рубашекъ, у нѣкоторыхъ есть нарусинныя или клеенковыя голландки.

Головной лѣтній рабочій уборъ: въ лѣтнюю рабочую пору на головахъ носятъ или своей работы или норвежской разныхъ цвѣтовъ и формъ шерстяные колпаки. На случай сырой и дождливой погоды, у многихъ есть заграничныя шляпы. При работахъ все вообще рубаху складываютъ въ шаровары. Шаровары дѣлаютъ или изъ пестряди своего тканья, или изъ покушнаго тку или наконецъ изъ толстой нарусинны для того, чтобы они были прочтѣе при работѣ.

Праздничное: у молодыхъ драповое и суконное пальто, сюртуки всегда изъ тонкаго сукна, брюки и жилеты иногда и очень цѣнные, и разное нѣмецкаго покроя платье. У пожилыхъ суконныя сиваго, зеленаго, коричневаго цвѣтовъ, полукафтаны и тоннаго сукна казакины. У стариковъ своей выдѣлки чернаго и сѣраго сукна коротенькіе кафтаны.

Праздничній головной уборъ. На головахъ носятъ лѣтомъ пуховыя шляпы и разныхъ формъ и матерій картузы, иногда даже и теплыя зимнія шапки. Старинныхъ поярковыхъ шляпъ здѣсь никто не носитъ.

Прическа у всѣхъ въ кружокъ. У стариковъ подрѣзается волосы пониже уха, а у молодыхъ и щеголей въ полмочки и посрединѣ головы проборъ наось. Нѣкоторые изъ стариковъ выстригаютъ маковницы. Все же вообще надъ лицомъ подрѣзываютъ волосы немного выше бровей, по прямой линіи отъ висковъ, такъ, чтобы волосы не мѣшали только глядѣть.

Вороды и усы никто не брѣетъ, кромѣ щеголей, которые подрѣзываютъ бороду едва-едва примѣтно.

Рабочая зимняя и лѣтняя обувь у всѣхъ состоитъ изъ бахилъ. Нѣкоторые только и то изъ богатыхъ носятъ валяные сапоги катанки и самоѣдскую обувь. Относительно обуви и одежды въ Бихотскомъ приходѣ имѣются слѣдующія свѣдѣнія:

Праздничная зимняя и лѣтняя обувь у всѣхъ состоитъ изъ черныхъ выростковыхъ и опойковыхъ на одну ногу сапоговъ и, надобно замѣтить, всегда щегольскихъ. Бахилы шьютъ вотъ какъ: къ переду пришиваютъ голяшку, стѣгами снаружи, чтобы не терло ногу, а потомъ д

вырванную подошву навыворотъ; когда пришьютъ подошву, бахилъ вымочать и мокрый надѣвають на дерево, потомъ, пришивши заплату вмѣсто каблука, сушатъ. Бахилы шьютъ каждый для себя; надъ тѣмъ, кто не умѣетъ для себя шить бахилъ, смѣются.

Рабочее платье готовится на мѣстѣ изъ своихъ матеріаловъ и своими мастерами, а нарядное въ городѣ городскими. — Матеріалы для рабочаго платья: сукно, понитокъ, овчины и пестрядь готовятся на мѣстѣ, а прочее покупаютъ въ городѣ. Части платья зовутся также, какъ и во всей Россіи: рукава, спина, полы и клинья.

Женское зимнее рабочее платье: молодья и старья женщины и дѣвицы зимою носятъ понитки, кафтаны своего тканья и овчинные полушубки, иногда нагольные, а иногда крытые сукномъ, крашеною или нанкою.

Праздничный зимній нарядъ у дѣвицъ, молодыхъ и среднихъ лѣтъ женщинъ состоитъ изъ короткой, выше пояса, плисовой на бараньемъ мѣху съ бѣлицей выпушкой шубки. На пирахъ, и въ большіе праздники молодья, богатая женщины и дѣвицы носятъ парчевыя съ цвѣтами, или одноцвѣтныя шубейки, на заячьемъ или бѣлицьемъ мѣху съ куньиими большими воротниками и выпушкой по подолу, поламъ и рукавамъ.

Лѣтнее рабочее платье у всѣхъ состоитъ или изъ крашенаго костыча, сарафана съ клиньями, или изъ ситцеваго, всегда краснаго густаго цвѣта, сарафана.

Лѣтній праздничный нарядъ у богатыхъ состоитъ изъ парчевыхъ холодныхъ полушубковъ, обшитыхъ поверху и поламъ хавами. Подъ полушубочекъ надѣвають парчевую юбку, обшитую по подолу широкимъ хазомъ, или одноцвѣтную, всегда красную, штофную юбку тоже съ хазомъ на подолѣ. Ширина и дороговизна указываютъ на состояніе лица, носящаго юбку: у богатыхъ хазъ на юбкѣ и широкъ, и дорогъ, а у бѣдныхъ и узокъ, и дешевъ. У вовсе бѣдныхъ за юбку и полушубокъ отвѣчаетъ гарусный, или хорошаго ситца, всегда краснаго цвѣта, сарафанъ, тоже обшитый по подолу, но не хазомъ, а шелковою лентою.

Головной рабочей уборъ. Головной рабочей уборъ зимою и лѣтомъ у женщинъ состоитъ изъ повойника, у молодой замужней всегда краснаго, изъ плица или кумача, а у вдовъ и старухъ темнаго, или вовсе чернаго. По повойнику повязываютъ въ нѣсколько разъ сложенный платокъ, или напередѣ кустомъ, бантомъ, или узломъ назади, но такъ, чтобы верхъ повойника было видно. Головной уборъ у дѣвицъ состоитъ изъ одного платка, концы котораго также завязываются, какъ и у женщинъ, только вмѣсто повойника у дѣвицъ видны волосы всегда гладко учесанные.

Женщины и дѣвицы завязываются платкомъ иногда и подъ горло, такая повязка зовется кукушкой, или куфеткой.

Головной праздничный уборъ. Праздничный уборъ зимою и лѣтомъ у богатыхъ женщинъ состоитъ изъ повойника дорогой парчи, а у бѣдныхъ красной штофи; богатая женщины по повойнику повязываютъ шелковые, алаго цвѣта, французскіе платки, а бѣдныя бумажные краснаго же цвѣта.

Головной уборъ богатыхъ дѣвицъ состоитъ изъ повязки, или шелковаго, алаго цвѣта, платка, всегда съ кустомъ спереди. Бѣдныя повязываютъ также съ кустомъ, но бумажные и тоже краснаго цвѣта платки.

Богатая женщины и дѣвицы въ ушахъ носятъ жемчужныя серьги, а бѣдныя — серебряныя. Въ числу женскихъ нарядовъ принадлежатъ еще:

1. Шали гарусныя у богатыхъ, а у бѣдныхъ платки, которые носятъ на шеяхъ.

2. Передники и у богатыхъ, и у бѣдныхъ изъ марли и недорогой кисеи; ихъ подвязываютъ очень высоко.

3. Жемчугъ недорогой у богатыхъ, а у бѣдныхъ янтари и стеклянныя бусы, соврульки или перлы. Жемчуга никто не имѣетъ болѣе ста нитокъ.

Прическа женщинъ. Женщины расчесываютъ голову на двѣ равныя половины отъ лица къ затылку; плетутъ двѣ косы, и, положивъ ихъ кругомъ головы, скрываютъ подъ повойникъ. Косы у женщинъ плетутся внизъ: пряди волосъ кладутся одна подъ другую. У дѣвицъ прическа также, и плетется одна коса, но пряди волосъ кладутся напротивъ сверху одна на другую. Въ опущенную назадъ косу дѣвицы вплетаютъ косничъ съ мелкими ленточками въ будни, а въ праздники съ бантомъ — кустишкомъ на концѣ.

Обувь рабочая лѣтомъ и зимою у женщинъ и дѣвицъ богатыхъ и бѣдныхъ состоитъ изъ бахилъ.

Праздничная обувь лѣтняя и зимняя у дѣвицъ и женщинъ состоитъ изъ щегольскихъ башмаковъ, пантуфлей. Богатая женщины и дѣвицы носятъ по праздникамъ бумажные и нитяные чулки, покупаемые въ городѣ; бѣдныя же шерстяные, панскіе нѣмецкаго вязанья.

Рабочее платье и обувь женщинъ готовится на мѣстѣ. Праздничное платье, наряды и обувь покупаются и шьются въ городѣ. Части женскаго платья имѣютъ такое же названіе и назначеніе, какъ и вездѣ.

Рабочее бѣлье верхнее и нижнее у мужчинъ и женщинъ готовится на мѣстѣ изъ покупнаго льна. Мужчины носятъ верхнее и нижнее платье по большей части изъ холста. У нѣкоторыхъ только зажиточныхъ бѣлье бываетъ изъ пестряди, съ ниткой крашенныя и полубумажное, съ ниткой красной бумаги. Праздничное бѣлье у мужчинъ бываетъ или изъ краснаго ситца, или изъ александринки.

Молодая замужняя женщины и дѣвицы къ холщевому стану пришиваютъ всегда краснаго ситца рукава. Рукава бывають: русскіе по самое запястье и польскіе

выше локтя. Русские холщевые рукава на концах вышиваются красною бумагою. Узоры шитья слишком грубы, они представляют всегда цветы.

Для грязной работы женщины и дѣвцы шьютъ себѣ такъ называемый кабатъ. Кабатою зовется фартукъ съ рукавами, или одни только рукава—нарукавники. Кабатъ шьютъ всегда изъ толстой сандальной пестряди.

Поясовъ широкихъ ни шелковыхъ, ни шерстяныхъ здѣсь ни мужчины, ни женщины не носятъ. Здѣсь въ большомъ употребленіи шелковые пояски, плетеные въ видѣ сѣтокъ и называемые сѣтками.

Относительно платья мужчинъ и женщинъ нужно замѣтить, что оно, хотя и дорого, но скромно. Грудь у женщинъ и дѣвицъ всегда закрыта, если не сорочкой, то платкомъ. Мужчины и женщины изъ пожилыхъ воздерживаются отъ щегольства и любятъ скромность. Иныя даже и при жизни мужей не носятъ ни серегъ въ ушахъ, ни колецъ на рукахъ, ни янтарей на шеѣ.

Что касается Сукскаго посада, то жители его одѣваются щеголевато. Женщины носятъ ситцевыя, шерстяныя, шелковыя и даже бархатныя платья или сарафаны, ситцевыя, коленкоровыя или кембрийковыя нарукавники съ манжетами и безъ нихъ; капоты; лѣтомъ

въ праздники и во время гуляній бархатныя штофныя шубейки, а нѣкоторыя драповыя пальто. Зимомъ шерстяныя вязаныя кофты, вывозимыя изъ Норвегіи, обтянутыя сукномъ ватныя полушубки, на плечахъ шелковыя шали.

Головной уборъ замужнихъ женщинъ состоитъ изъ повойника, вышитаго золотомъ, а дѣвицъ изъ навязаннаго не широкою повязкою шелковаго алаго платка съ распущенными назадъ концами, между которыми упадетъ заплетенная коса съ лентою. Мужчины лѣтомъ носятъ суконныя, большею частію темнозеленаго цвѣта, на мѣху кафтаны и пальто; зимомъ, на мѣху тулупы и пальто, покрытыя тоже сукномъ. Рабочая или будничная одежда мужчинъ состоитъ изъ сѣраго суконнаго полукафтана (бострюва) и такихъ же штановъ, кожаныхъ бахилъ; во время же промысловъ одѣваютъ «ловчяки», то-есть кожаные штаны или сапоги. Голову покрываютъ лакированной шляпою или суконнымъ картузомъ, а въ зимнее время, особенно при переѣздахъ и на промыслахъ, шапкою съ наушниками и подзатыльникомъ, то-есть кожанымъ треухомъ, подбитымъ волчьимъ или собачьимъ мѣхомъ; при ясной погодѣ наушники эти загибаются вверхъ и пристегиваются на пуговку; старики также носятъ медвѣжьи муфты.

ГЛАВА IV.

ПИЩА И ПИТЬЕ.

Крестьянская еда въ Пинежскомъ уѣздѣ: время еды, пища постная и скоромная, повседневная и праздничная, напитки, лакомства. Употребленіе табаку.—Пища и питье въ Усть-Пуѣ, въ Тулгаскомъ, Челмохотскомъ приходахъ, въ селѣ Пингашахъ, въ Курейскомъ, Сергеевскомъ, Лисестровскомъ приходахъ, въ Сумскомъ посадѣ.

Говоря откровенно, крестьяне ѣдятъ много, съ полнымъ аппетитомъ, досыта, безъ претензій на вкусъ и безъ соблюденія требованій гигиены. Они сами говорятъ, что наша невѣстка все трескать—хоть медъ, такъ и тотъ жретъ. И дѣйствительно, они разсчитываютъ только, какъ бы содержаніе обошлось подешевле. Притомъ не надо забывать, что чѣмъ грубѣе человѣкъ, тѣмъ больше его ѣда походить на скотскую.

Но если принять во вниманіе, что жителями уѣзда усердно соблюдаются посты, то ихъ можно считать воздержными въ пищѣ. Однако-жь и тогда они употребляютъ хотя не завидныя, но здоровыя и питательныя кушанья. Пища отъ марта до августа самая дурная изъ всѣхъ временъ года.

Въ образѣ пищи крестьяне неопытны. Всякую пищу про семью готовятъ въ пекарныхъ печахъ домашнія бабы. Кухмистерство нечисто и нестарательно.

Здѣшніе жители, какъ и вообще рабочій классъ въ деревняхъ, обыкновенно ѣдятъ 3 и 4 раза въ день. Каждый разъ считается *вытъю*.

1). Завтракаютъ обычно тогда, когда встаютъ отъ сна, — станеть заниматься (начнетъ всходить) на Востокъ солнце, то-есть въ 4—6 часовъ утра, смотря по досугу и работѣ. Завтракъ состоитъ изъ шанегъ и каши. Каша готовится густою изъ житной (ячмой) муки на одной рѣчной водѣ, вскипяченной въ чугуниикѣ или глиняномъ горшкѣ; называется еще водяною (кашею). Кашу ѣдятъ въ скоромные дни на водѣ же, иногда съ молокомъ, пѣною (снятки съ топленнаго коровьяго масла) и молокомъ, а въ постные съ растолченными проквашенными ягодами: морожкой, клюквою и брусникою, или съ сокомъ пареной рѣпы. Въ Курьѣ завтракъ изъ трески въ постный день. Обѣдъ продолжается въ будній день не болѣе $\frac{1}{2}$ часа, въ праздники вдвое и втрое долѣе.

2). Обѣдаютъ, когда солнце на Юго-Востокъ (S. O. потому и вѣтеръ съ той стороны называется обѣденникомъ), то-есть въ 8—10 часовъ пополудни; передъ тѣмъ справляется какъ бы закуска, а обѣдъ уже настоящимъ столомъ. Въ Курьѣ обѣдъ и ужинъ въ скоромный день состоитъ изъ трески или другой рыбы и молока. Въ Курьѣ и постный столъ состоитъ изъ трески, крупянки и на закуску кислой опары (изъ ржаной муки), или изъ расзола (испаренной и истолченной рѣпы); зажиточные ѣдятъ картофель, ягоды и толокно.

3). Паужинаютъ (*паужна*), когда солнце на Юго-Западъ (и вѣтеръ съ той стороны S. W. называется *паужникомъ*), то-есть послѣ обѣда, обѣдаютъ другой разъ между 12—3 часами послѣ полудня. Послѣ *паужны* любятъ отдохнуть на печи или на полатяхъ.

4). Ужинаютъ, когда солнце закатывается за горизонтъ, въ 6—8 часовъ пополудни, а лѣтомъ, когда бываетъ *страда*, еще позже въ 9—11 часовъ вечера; стараются отужинать на свѣту, но зимою ужинаютъ и при огнѣ. Вообще же *ужна* ведется тогда только, когда управятся съ дневною работою, которая продолжается до тѣхъ поръ, пока бываетъ свѣтло, а лѣтомъ притомъ не бываетъ дождя. Послѣ ужина ложатся спать. Встаютъ мужчины тогда, когда женки изготавятъ для хозяевъ позавтракать, перекусить маленько. Кушанья подають: сперва жидкое, потомъ густое. Притомъ напередъ рыбныя, потомъ мясныя, потомъ молочныя; крупчатое же вообще идетъ на закуску.

Непремѣнная и основная пища жителей уѣзда растительная. Главную пищу составляетъ во-первыхъ насущенный черный хлѣбъ, то-есть ржаной и ячменный, или тотъ и другой смѣшанные вмѣстѣ, но болѣе ячменный, а во-вторыхъ рыбная пища. Испеченный изъ раствора ржаной муки хлѣбъ называется хлѣбомъ, а поштучно

ковригами. Печеніе ржаного хлѣба бываетъ въ недѣлю или еще болѣе одинъ разъ, потому что будто бы черствый хлѣбъ спорѣе. Зачерствѣлый хлѣбъ кладутъ въ печь, чтобы снова сдѣлался мягкимъ. Ржаные ковриги бываютъ довольно тяжеловѣсныя отъ 3 до 10 фунтовъ. Хлѣбы дѣлаются круглые и большіе. Испеченный изъ раствора ячменной муки хлѣбъ именуется житникомъ, коврижкою, короваемъ, короважкомъ и мякушкою; а для того, чтобы житный хлѣбъ былъ постоянно мягкій, его пекутъ небольшими хлѣбцами почти каждый день, почему нѣкоторые отзываются, что житникъ сдобная и мягкая булка (для русака). Ржаной хлѣбъ растворяется или на квасной закваскѣ, или на опарѣ изъ отрубей, вспаренной предварительно въ печи. Закваска состоитъ изъ прокислаго хлѣба; дрожжи не сообщаютъ кислаго вкуса. Хлѣбъ, испеченный изъ муки непросѣянной, называется мякинымъ; изъ муки, просѣянной чрезъ рѣшета—рѣшетнымъ; изъ муки, просѣянной чрезъ сита, *ситнымъ* и *ситникомъ*. Вообще же хлѣбъ зовется овиннымъ. Хлѣбъ разводится на закваскѣ квасной гущи и пивныхъ дрожжахъ. Печется съ солью. Ржаные хлѣбы валяютъ, а житные окатываютъ и кладутъ въ крупники, съ которыхъ сажаются на лопаты. Крестьяне нѣкоторые хлѣбъ называютъ *двойнымъ*. Растворенный хлѣбъ отъ время до времени подмѣшивается мутовкой, а предъ окатываніемъ засученными руками. Приготовивъ къ окатыванію густое тѣсто, стряпка дѣлаетъ лопаткой четырехконечный крестъ. Когда же начнетъ окатывать, то изъ концовъ креста еще дѣлаетъ по кресту меньшему. Чтобы хлѣбъ не предавался плѣсени, его разрѣзаютъ ломтями и небольшими кусками и высушиваютъ въ печахъ, чрезъ что онъ получаетъ названіе сухарей.

Прочіе жизненные продукты называются харчемъ, то есть приварокъ, приварки — *застой*, приправы — *снадобьемъ*. Что варится въ горшкѣ называется *варевомъ*. Вообще на харчи крестьяне не взыскательны: былъ бы имъ хлѣбъ.

Кушанья готовятъ смотря по времени и раздѣляются на буденныя и праздничныя и между тѣмъ на постныя и скоромныя.

Постная буденная пища: хлѣбъ, пустоваръ, пустова или пусты щи (бурдукъ изъ малаго количества ячной муки и крупы на водѣ); тюря (кусочки ржаного хлѣба, намоченные въ водѣ или квасѣ съ солью); крошево (изъ размоченнаго въ квасѣ черстватаго хлѣба); щерба или селянка (уха изъ рыбы); уха тресковая составляетъ первое блюдо обѣда въ будень и праздникъ; въ жареномъ и вареномъ видѣ рыба, которой ѣдятъ много, по большой части дешевле мяса. Употребляется морская соленая треска, пившуй, зубатка, сайда, камбала, палтасина (палтусъ), сельди, сухая треска (штокфишъ), свѣжія мерзлая наваги и сельди; рѣчная и озерная,

свѣжая, соленая и сушеная рыба, рѣдка ломтями и стертая *пертухой* (теркой) съ квасомъ *), грибы въ квашенномъ видѣ. Грибы сушатъ наизянные на лучины, на свородахъ и доскахъ. Соленые грибы ѣдятъ или такъ себѣ въ прикуску, или же, разрѣзавъ мелко, хлеблютъ съ квасомъ и иногда еще съ лукомъ. Грибы для осолки вымачиваютъ въ водѣ и нерѣдко изрѣзываютъ въ ломти; рѣпа—сырая, печеная, пареная и сушеная **); грибноца, или грибовница (похлебка изъ сваренныхъ высушенныхъ грибовъ); рѣпноца—паренная рѣпа, вымятая и размѣшанная съ квасомъ (щи изъ рѣпы съ прибавкой житной крупы); картофель вареный въ водѣ, или печеный на угляхъ, либо въ золѣ (ѣдятъ очищенный и неочищенный отъ шелухи); осоленная и изрубленная капуста съ квасомъ и иногда еще съ лукомъ. Кочанную бѣлую капусту заквашиваютъ, кладутъ тминное сѣмя, овсяное и житное толокно на квасу, разведенное и иногда съ ягодами; горошноца (щи изъ русскаго гороха съ прибавкою крупы); травной лукъ съ квасомъ; свѣжія, замороженныя или вареныя кислыя ягоды такъ себѣ, либо съ квасомъ и толокномъ; опара (густой, кислый хлебальный квасъ). Приправами къ пицѣ въ посты служатъ: постное (конопляное) масло, соль, вода, квасъ и нѣкоторая огородная зелень. Сверхъ обыкновеннаго употребленія означенной пищи: рыба, ягоды, губы (грибы), капуста, горохъ и соль запекаются въ пироги и пирожки изъ тѣста ржаной и ячменной муки. Поэтому такія *стряпушки* и называются: колюбьяками, рыбниками, ягодниками, капустниками, гороховниками и солониками. Изъ такого же тѣста пекутся въ корвахъ и безъ нихъ шаньги и калитки (лепешки); налистники (оладьи на высушенныхъ листьяхъ капусты, чемерицы и лапушника), сочни (прѣсныя тонкія лепешки) и продолговато-фигурчатые пироги изъ ячнаго тѣста, раскладенные въ раскатанные валькомъ тонко-ржаные изъ тѣста корки, пироги съ грибами—губникъ.

Праздничная постоянная пища улучшается противъ обыкновенной очень на немного и только развѣ тѣмъ, что бываетъ побольше блюдъ и кушанья изъ той же провизіи и они готовятъ какъ бы повкуснѣе и пріятнѣе. Прибавляются тогда: палтусина—свѣжая и испеченая рыба, каша изъ простаго пшена, гречухи (гречихи) и перловой крупы, иногда бѣлый кисель изъ овсяной муки (заквашенной на отрубяхъ) съ ягодами и масломъ. Тогда еще побольше бываетъ шанегъ и сдобнаго печенья—колобовъ изъ ячменнаго крутаго тѣста.

Въ посты по праздникамъ некутся ржаные лалачи;

*) Поговорки: 1) Рѣдка съ квасомъ, рѣдка съ масломъ, да рѣдка съ солью, рѣдка голю, да рѣдка со щами, да рѣдка ломтями. 2) Рѣдку можно ѣсть и съ господами, а спать—со свиньями.

**) О рѣпѣ прибавка: а рѣпа брюху не докряпа.

ихъ дѣлають изъ заквашеннаго или прѣснаго тѣста изъ ржаной муки, скатавши обваривають въ кипяткѣ и сажають въ печь. Они замѣняютъ крупитчатые и ихъ посылають въ видѣ гостинцевъ.

Скромную ежедневную пищу составляютъ: треска жаренная въ прѣсномъ молокѣ и маслѣ, а иногда еще и съ картофелемъ или въ яйцахъ, или же холодная съ подливой кваса, налтусина, камбалы, наваги, сельди запеченныя, говяжья щи (изъ мяса супъ на водѣ съ засыпомъ, то-есть горстью житной или овсяной муки, и иногда съ рубленной капустой); бѣлыя или кислыя щи (изъ ячной крупы, забѣланныя смѣтаной); вареное и жареное свѣжее бычачье жаркое—жарково, коровье, баранье и птичье мясо и говядина, солонина съ квасомъ и тертымъ хрѣномъ. Мозгомъ и мозговыми костями пользуются за обѣдомъ не всѣ, а только нѣкоторые старшины; похлебка изъ коровьихъ почекъ; каша (изъ житной крупы или картофеля); дичь бываетъ болѣе въ похлебкѣ, чѣмъ въ жареномъ видѣ; саломата (житная каша съ говяжьимъ саломъ, вмѣсто масла, называемымъ *шалеею*); шалега говяжье сало и нетопленный жиръ въ кускахъ; грѣны свѣжіе и соленые въ смѣтанѣ и маслѣ; рубецъ (скотская полость) съ квасомъ и лукомъ; студень или заливное (холодное) изъ опаленныхъ коровьихъ, бычачьихъ, телячьихъ и овечьихъ ногъ, головы, губъ и ушей *); жаренныя кишки (внутренности коровы и быка) съ начинкою крупы; картофель сваренный или жаренный съ масломъ, молоко въ разныхъ видахъ его и иногда съ нимъ свѣжія сладкія ягоды. Приправы въ кушаньяхъ бываютъ: вода, квасъ, соль, молоко, смѣтана, грѣтое и пахтусное (пѣхтусное) масло. Но надобно замѣтить, что въ простые дни мясныя кушанья употребляются у рѣдкихъ крестьянъ, да и въ праздничные немного, ноо флейныя мѣста говядины, баранину и дичь они распродаютъ по сторонѣ.

Въ праздничные скромные дни, приготовленіе къ столу бываетъ почти тоже самое, лишь только въ прибавокъ больше напекается шанекъ и шанежекъ (круглыя булки, обыкновенно изъ житнаго и иногда изъ ржаного тѣста, съ рыхлой внутренностію, съ поджаренной на маслѣ исподкой, и помазанныя пѣнною поливою, то-есть смѣтаной сверху); крупяныя (изъ перловой крупы) шаньги въ ржаныхъ коркахъ; растеган (продолговатые пироги съ пшениною начинкою); сковородники (жидкія тонкія оладьи); олабиши (оладьи въ видѣ круглыхъ приземистыхъ пряниковъ); налистники (скромные налистники называются наливками, но большей части на сковородкѣ наливается

*) Сперва ноги бросаютъ въ печь въ пламя огня, чтобы опалить шерсть, затѣмъ нагаръ счищаютъ ножемъ и разрубають. Потомъ куски ногъ кладутъ въ горшокъ съ наливою водою и ставятъ въ печь въ жаръ; наконецъ изъ горшка выдѣляютъ жосит, а остальной бульонъ разливають въ сосуды.

жидко-разболтанная мука); сочни (какъ бы засушенные блины); блины житніе; прѣсныя шаньги (сочни съ мучною и смѣтанною поливою); ватрушки (шанежки изъ творога въ ржаныхъ коркахъ); картофельники (тоже, что и ватрушки изъ картофеля); колюбаки (пироги изъ ржаного или крупитчатого тѣста съ запеченною въ немъ рыбою: семгою, сигамя, налтусиною и другихъ); жареная дорогая рыба (пеледи, чпы, сиги, омыли и другія); *скробкіе* или воложныя, то-есть рассыпные колобли (изъ крутого житнаго тѣста на молокѣ); кисель (овсяный) съ молокомъ; каши: житная, пшениная и гричушная; ячмица (изъ разбитыхъ куриныхъ яицъ сваренныхъ въ прѣсномъ молокѣ); сладкіе пироги, — о праздникахъ пекутъ съ маюмомъ или черникою въ среднѣ.

Отличительная черта русскаго пиршества—множество кушаньевъ и обиліе въ напиткахъ. Такъ и здѣсь, для особыхъ храмовыхъ, или великихъ, и семейныхъ праздниковъ столъ бываетъ приготовленъ очень роскошно. Тогда варится, печется и готовится всего въ довольствѣ и шостной, и скромной пищи, разнаго печенья: ржаного, житнаго и крупитчатого. Въ свѣзжіе праздники пьютъ до оумора и ѣдятъ до нюты. Приправами тогда бывають: дикій тертый хрѣнъ, пряности, стручковый или горошчатый перецъ, уксусъ хлѣбный и простой.

Предъ ѣдою вымываютъ руки водою и вытирають ручниками, а затѣмъ молятся предъ иконами и садятся за столъ. Вмѣсто салфетокъ подаются полотенца. Ножей и вилокъ не употребляютъ; вмѣсто ихъ служатъ пальцы. Ножъ, которымъ рѣжутъ на ломти хлѣбъ, носитъ названіе хлѣбный ножикъ. После обѣда снова молятся и благодарятъ хозяина и хозяйку за хлѣбъ-соль.

После яствъ оольшое значеніе въ питаніи вообще имѣють напитки.

Хотя непремѣнную принадлежность крестьянскаго стола составляетъ квасъ, любуимымъ общеупотребительнымъ и обыкновеннымъ напиткомъ для семьи служить чистая вода; но, кромѣ того, вездѣ въ деревняхъ постоянно на столахъ оываютъ выставлены деревянныя или каменныя кружки, либо чаши съ бѣлымъ квасомъ, который пьютъ очень часто и по многу, не смотря на то, что онъ окисъ или зацвѣтаетъ. Квасъ дѣлается изъ ячныхъ отрубей, съ частицею муки того же хлѣба, и потому называется житнымъ квасомъ. Квасъ разводится въ лагунахъ, ушатахъ съ крышками и цѣдилками. Въ хорошій годъ квасъ можно найти у самаго бѣднѣйшаго крестьянина.

Въ праздники напитки прибавляются: чай, пиво и хлѣбное вино.

Вино пьютъ единственно горячее, сивуху.

О порядкахъ при угощеніи сказано въ праздничныхъ обрядахъ.

Чай пьютъ съ неприятнымъ запахомъ и болѣе *копорку*

(Маагъ-дзо), потому что поселяне не признаютъ за достоинство вкусъ и запахъ, а лишь бы была *лирная*, то-есть густой падьоръ. Сахаръ употребляется рафинадъ. Разсольники вмѣсто чая пьютъ богородскую траву.

Пиво пьютъ безъ различія пола и возраста. Оно бываетъ своего приготовления, и варится изъ ячменного солода, называемаго здѣсь еще и *роцею*. Солодъ дѣлается такъ: берется мѣшокъ съ годными зернами ячменя и опускается въ рѣку, гдѣ онъ можетъ лежать двѣ, то-есть до того, какъ будетъ довольно моченія; у нѣкоторыхъ же моченіе бываетъ при дождѣ, въ какой-либо кадкѣ или чану, вода тогда рѣдко перемѣняется, а подъ прессъ сливается совсѣмъ. Потомъ, намоченное жито размываютъ въ растильниці или солодовни (описаніе ихъ относится къ «хлѣбонашеству») и настаивается въ нихъ толщиною въ вершокъ или два. Солодовни ставятъ на лавки или на полъ такъ, чтобы солодъ росъ при умеренной температурѣ воздуха; притомъ лишаютъ свѣта. Такъ ячмень держится до мѣсяца, будучи изрѣдка орошаемъ водою, гдѣ онъ отнуждаетъ ростки и срастается. Затѣмъ жито терется (то-есть сросшія зерна отдѣляются) и насыпается на печи въ нѣкоторыя кучи, которыя закрываются пологостью, и сверху нея накладываютъ доски, дрова, камни, и тому подобныя тяжести, для того чтобы паръ не выходилъ, а жито солодилося. Въ такомъ положеніи ячмень лежитъ однѣ сутки, а на другія разсынается по печамъ, на которыхъ сушится тоже сутки; вообще же высушивается такъ, чтобы онъ могъ размолотъ на мелько. Послеъ этого жито сгребается (собирается) въ мѣры (получетверти) и мелется на ручныхъ жерновахъ и на мельницахъ такъ, чтобы солодъ вышелъ покрушнѣе. При вареніи пива, солодъ первоначально обваривается въ выпаренныхъ (очищенныхъ отъ дурнаго запаха) кадкахъ или ушатыхъ. Затѣмъ въ кадки или чаны наливается горячая вода, а за нею высыпается солодъ, мѣшается, и на кадки или чаны накрываются крышки. Спустя немного времени, изъ чановъ или кадокъ сливается въ особый сосудъ (кубъ, чугуныкъ и тому подобный) сусло, раздѣляемое еще названіемъ *первакъ*; потомъ снова наливается горячая вода, и по истеченіи известнаго времени вторично сливается сусло, съ прибавленіемъ названія *друмакъ*. Сусло кипятить не сильно. Варить пиво на открытомъ воздухѣ, или въ срубкахъ, подъ крышами и безъ оныхъ. Приготовленное сусло пареваривается въ желѣзныхъ или стѣдныхъ котлахъ *). Когда сусло кипитъ, тогда въ него высыпается хмѣль; нѣкоторыми онъ прибавляется еще немного погодя. Сусло кипятить пока оно совершенно не сварится, для узданія чего и пробуется изъ поварешекъ

*) Котлы покупаются сообща деревнею и дѣлаются принадлежностію церкви или часовни, гдѣ берутся за вкладъ денегъ.

или ложкой. По окончаніи варки, сусло сливается въ чаны, или кадки, или ушаты; въ нихъ оно охлаждается и его тутъ запускатъ дрожжами. Когда такой составъ начнетъ *бродить*, пиво разливается въ боченки. Эти боченки опускаются въ погребъ или подполья. Черезъ недѣлю или нѣсколько времени пиво получаетъ обыкновенную крѣпость. Пиво бываетъ иногда довольно пріятное и забортное, такъ что не пьющіе вина напиваются до пьяна отъ одного пива; но болѣе бываетъ горькое, черное, жидкое, съ дрожжами и малопѣнистое, потому что владуть чрезъ мѣру хмѣлю, не умѣютъ сохранять отъ окиси и не изучили еще правильнаго пивоваренія. Прежде чѣмъ пить вино въ праздниці, крестьяне выпиваютъ сначала по нѣскольку оловянныхъ (стакановъ) пива. Въ Пуѣ, въ праздниці, радужно все перегощиваютъ между собою и первое увеселеніе при этомъ пиво; безъ пива и праздниці не въ праздниці, говоритъ поговорка. Пивныя дрожжи идутъ на закваску хлѣба.

На сѣверѣ табакъ почти столь же необходимъ, какъ и пиво.

Архангельцевъ съ табакомъ и его куреніемъ первый ознакомилъ Англійскій капитанъ Ричардъ Чеслеръ, занесенный бурей въ Бѣлое море въ 1555 г. (Архангельскій сборникъ, 337 стр., 1 части). Табакъ въ Россіи скоро пришелся по вкусу и началъ быстро распространяться. Архангельскъ отправлялъ его во внутреннюю Россію.

Въ настоящее время и здѣсь табакъ преимущественно листовую махорку въ пампушкахъ, стали мушны уотреблять значительно, а у иныхъ привычка къ нему обращается въ ежечасную потребность, и затягиваются табакомъ до опьяненія или обморока. Молодые люди табакъ болѣе курятъ въ деревянныхъ и глиняныхъ *трубечикахъ* (трубкахъ), самодѣльныхъ *скапироскахъ* (папироскахъ) и сигаркахъ (сигареткахъ), свертываемыхъ изъ разной, даже самой негодной бумаги. Нѣкоторые табакъ курятъ съ размельченною листовною корою и съ вересовыми толчеными ягодами для крѣпости не изъ экономіи. Пожилыхъ же лѣтъ мушны нюхаютъ молодой табакъ, называя его *сухонутнымъ*. Табакъ такой держатъ въ берестяныхъ, коржовыхъ, костяныхъ и металлическихъ табакеркахъ и рожкахъ. Для приданія нюхательному табаку пріятности запаха владуть корку лимона и душистые цвѣты. Крестьяне приговариваютъ: 1) Табакъ да баба—одна забава. 2) Кто куритъ табачекъ, тотъ хорошій мужичокъ.

Лакомства крестьянъ допускаются лишь только въ праздниці. Десертъ у поселянъ составляютъ преимущественно: калачи, крендели, пряники и закуски (тоже пряники); которые покупаются въ городахъ, или въ деревняхъ у тамошнихъ торговцевъ и калачницъ. Калачи продаются связками (вязанками) по 12-ти копѣчныхъ

калачей въ каждомъ, или по 6-ти грошевыхъ кренделей; каждая вязанка продается по гривнѣ (по 3 коп. серебромъ); покупаются въ лавкахъ и калачи — *баранчики*. Кроме того въ тарелкахъ выкладываются и другія приности, какъ-то: орѣхи кедровые, каленые, щелканцы и прочіе.

Въ Усть-Пуѣ въ праздники радушно всѣ перегащаются между собою, и первое ихъ увеселеніе при этомъ случаѣ пиво, «безъ пива и праздникъ не въ праздникъ», обыкновенная ихъ поговорка. Употребленіе чая здѣсь еще распространяется довольно медленно: изъ 250 домовъ въ приходѣ развѣ только десятая часть имѣетъ чайные приборы, что составляетъ особенную роскошь, и имѣющему самоваръ невольно присвоивается названіе «богачъ» и при угощеніяхъ первое предъ другими мѣсто, хотя вся эта роскошь упомянутого богача ограничивается единственно только праздниками и расходомъ чаю въ теченіе года какаго либо $\frac{1}{2}$ фунта, даже менѣе. Но столъ по возможности требуется самый изысканный: предъ каждымъ гостемъ, сидящимъ за столомъ, нужно чтобъ была цѣлая груда разныхъ масляныхъ «шанегъ» и «пироговъ» всѣхъ сортовъ и видовъ, кроме ржаного хлѣба, присутствіе котораго тутъ въ такое праздничное время совершенно предосудительно, и на столъ нѣсколько (по возможности больше) блюдъ изъ рыбы, мяса, у нѣкоторыхъ дичи, бѣлыхъ «шанегъ» и прочихъ необходимостей, приготовленныхъ по всѣмъ правиламъ искусства, могущаго удовлетворить мѣстному «гастрономическому» вкусу.

Гулянья и вечеринки бывають о святкахъ съ праздника Рождества Христова до Новаго года, и въ день заговѣнья предъ постомъ Святыхъ Апостолъ Петра и Павла, о масляницѣ, и только почти въ послѣдній день бываетъ катаніе, при пѣніи пѣсенъ, на лошадяхъ и съ горъ, не говорю уже, что возліаніе Бахусу, со стороны мужчанъ, бываетъ въ этотъ день самое обильное.

Пища Тулгасскихъ жителей можетъ быть раздѣлена на ежедневную и праздничную, послѣдняя отъ первой, у большинства, мало чѣмъ отличается. Ежедневная пища въ скоромные дни состоитъ: изъ говяжьихъ и картофельныхъ шей, кашъ густой и крупяной, толокницы, мучницы, молока въ разныхъ видахъ; въ постные дни изъ рыбьей ухи и рыбы въ пирогахъ—стерляди, налимовъ, язенковъ, лещей, морской-палтусины и трески, рѣпы и картофеля. Въ праздники, которые если случатся въ скоромный день, прибавляется къ ежедневной—жареная птица, ячичница, парное молоко (вареное), шанги, пироги, колобы, сочни; а въ богатыхъ домахъ и булки;— а если въ постный—прибавляется къ ежедневной пицѣ лишній рыбникъ. Надобно замѣтить, что всѣ вообще жители къ празднику припасаютъ пищу получше:— у всѣхъ можно найти говядину, если праздникъ въ скоромный

день, и рыбу въ разныхъ видахъ и разныхъ сортахъ, если въ постный.—Щи изъ яса приготовляются просто—мясо, вода и соль, а у иныхъ къ этому прибавляется и крупа;—изъ картофеля—размятый вареный картофель, крупа и вода; каша густая—изъ ячной муки, которая переваривается съ водой и употребляется съ молокомъ и масломъ за завтракомъ; каша изъ крупъ—крупа разваривается въ молокѣ; толокница—толокно варится съ водой и вкушается, если день скоромный, съ масломъ коровьимъ, а если день постный, безъ всякаго приготовленія; мучница—ячменная мука, разболтанная съ водой и переваренная, употребляется такъ-же какъ и толокница;—та и другая въ горячемъ видѣ и съ крошанной. Уха вообще готовится безъ всякихъ приправъ, исключая луку, который подается по принесеніи ее на столъ и даже не очищеннымъ; рыбники, или пироги съ рыбой, готовятся также просто—рыба, какава бы она ни была, полагается въ *корку* *) изъ ячменнаго теста; рѣпа употребляется въ печеномъ, вареномъ и пареномъ видѣ; въ послѣднихъ двухъ вкушается съ квасомъ; картофель употребляется въ кашѣ и жарится въ маслѣ; жареная птица готовится просто и несовсѣмъ хорошо очищается.

Питье ежедневное составляютъ вода и квасъ, или опара, изъ ячной муки (квасъ бѣлый); а также праздничное сусло и пиво, въ богатыхъ домахъ и чай, употребляемый народомъ вмѣстѣ съ водкой и пивомъ.

Кушанья, описанныя выше, подаются на столъ ежедневно, въ порядкѣ; а въ праздникъ, что бываетъ у хозяйки напечено и наварено, все набирается на столъ и вкушается гостями такъ, что кому вздумается.

У жителей Челмохотскаго прихода домашняя нища въ будни, болѣе ячменный или пополамъ съ ржаной мукою печеный хлѣбъ, почти ежедневно приготовляемый, изъ ячной крупы, муки, со смѣтаной или молокомъ щи. Изъ рыбъ употребляется болѣе морская: сайда, пикшуй, треска, камбала, озерныя соленыя щуки, окуни, сорогги, язи, или уха изъ сушеной озерной мелкой рыбы. Тоже почти и въ скоромные дни, кроме молока и каши изъ ячменной муки съ молокомъ и масломъ. Мясо употребляется рѣдко, и болѣею частію овечье или телячье.

Растительная пища состоитъ только изъ картофеля, рѣдьки и рѣпы, и рѣдко изъ капусты, привезенной изъ города Архангельска. Годомъ—также ягоды, волнухи, грузди. Въ воскресные дни и праздники особенно ѣдятъ ржаной хлѣбъ, иногда говядину, или птицу вареную, изъ рыбъ—вышеноманутую, ячичицу, ячную иныя пшеничную кашу, ячняя крупитчатая шанги, кулебяки со щукою, палтусиною, зимою же и печерскою рыбью. Въ будни пьютъ болѣею частію воду, а богатые изрѣдка

*) Корку называютъ у насъ оздомъемъ.

квасъ. Къ храмовымъ праздникамъ варятъ пиво, и всякій почти изъ жителей варить болѣе изъ ячменнаго солода, но недоброкачественное пиво.

Въ домашнемъ и сосѣднемъ обращеніи жители большею частію смиренны, но не безъ исключенія. Гостеприимны по состоянію, особенно въ праздники храмовые, когда богатые угощаютъ близкихъ родственниковъ, кромѣ хлѣба и соли—чаемъ и кофе, да и у ровныхъ жителей нынѣ стали заводятся самовары съ принадлежностями. Воровства бываетъ мало. Пьянства невидно. Соблюдаютъ бережливость. Усердны молиться и ходить въ церковь къ службамъ.

Всѣ жители православные и ни одного нѣтъ раскольника. Посты соблюдаютъ болѣе пищею и питіемъ, и третья часть не исполняетъ христіанскаго долга исповѣди и причастія. Большая часть жителей, особенно женщины склонны къ пересудамъ, переговорахъ и держатся разныхъ суевѣрій и предрасудковъ общихъ въ Холмогорскомъ уѣздѣ.

Въ Пингишахъ Холмогорскаго уѣзда, въ пищѣ и питіяхъ поселяне весьма неразборчивы. Въ простую пору хлѣбъ пекутъ изъ ячменной муки съ примѣсью ржаной—подъ названіемъ *каровашковъ*. Каровашки пекутся ежедневно. Ржаной хлѣбъ пекутъ только къ храмовымъ праздникамъ, свадьбамъ подъ названіемъ *ковришъ*. Питье употребляютъ воду, квасу вовсе не дѣлаютъ. Пиво изъ ячменнаго солода варятъ къ праздникамъ и свадьбамъ какъ и ковриги. Изъ харчей въ простую пору употребляютъ пицшуй у немногихъ треску, и мелкую озерную соленую рыбу (окуни, сороги); рыбу не варятъ, а пекутъ на латкахъ съ обильною подливою воды. Варить рыбу считаютъ неспоримъ. Варятъ также мушницу, парятъ рѣпу. Мясной пицци, которая по видимому сытнѣе, здоровѣе и дешевле, поселяне кромѣ праздниковъ вовсе не употребляютъ, вѣроятно по неудобству въ употребленіи и приготовленіи.

Праздничная пища: рыбники изъ разныхъ рыбъ, загнутые въ ячменную или ржаную корку. Рыбниковъ для свадебъ или въ храмовые праздники напекаютъ отъ 30-ти до 60-ти, потому что народу приходится очень много въ продолженіе трехъ дней праздничныхъ; всѣхъ садятъ за столъ, кто бы ни зашелъ въ домъ.

Каша пшеничная тоже составляетъ принадлежность праздниковъ.

Топтунъ, кашный блинъ, изъ житной крупы, облитый масломъ, принадлежность дѣвичьей праздничной ватаги.

Пирогъ на сочняхъ изъ ячменной крупы. Крупу для сего вымачиваютъ въ молокѣ, кладутъ масло; все это перемишываютъ и размазываютъ на сочни, края которыхъ загибаютъ защипомъ; сочни для пироговъ дѣлаютъ продолговатые.

Калитки на сочняхъ—выливаютъ ячменное тѣсто, растворенное на дрожжахъ.

Мьловашки—квашенныя на дрожжахъ каровашки изъ ячменной муки.

Блѣый кисель изъ отрубей и мякны.

Пирогъ, печатанныя сочни, калитки, ломти хлѣба грудой кладутся на столъ противъ каждаго человѣка. При обѣдахъ сперва подаютъ рыбники, тамтусовые, изъ мѣстной рыбы, язенковые, лещевые, потомъ изъ сытой рыбы. Послѣ рыбы подаютъ кашу, ячницу и топтунъ, передъ каждой переминой подаютъ водку рюмками или стаканами, и вслѣдъ за водкою пиво. Въ пищу не употребляютъ медвѣжины, зайца, козла, свинины; изъ птицъ—куръ, пѣтуховъ, журавлей, лебедей, куликовъ; изъ рыбъ—не имѣющихъ на себѣ плеску и во лбу крестообразной кости, но налимы исключаются изъ числа нечистыхъ рыбъ хотя онъ и не имѣетъ плески.

Въ Курейско-Сергѣевскомъ приходѣ пища народа однообразна, изысканности въ столѣ нѣтъ. Ѣдятъ обыкновенно три раза въ день, при чемъ въ 8 часовъ утра обѣдаютъ, въ 7 или 8 вечера ужинаютъ.

Завтракъ состоитъ въ скоромный день или изъ кринки молока, или каши—поварихи (густо замѣшивается и варится ячная мука на водѣ) съ молокомъ и масломъ; а въ постный день изъ трески.

Обѣдъ и ужинъ въ скоромный день состоитъ изъ трески, или пицшуя, щей и молока.

Уха тресковая составляетъ первое блюдо въ будень и праздникъ. Щи приготовляются изъ крупы или муки ячной, сваренной на молокѣ или водѣ.

Постный столъ состоитъ изъ трески, крупянки и на закуску кислой опары (изъ ржаной муки) или рассола (испаренной и толченой рѣпы), зажиточные же ѣдятъ картофель, ягоды, толокно.

Въ воскресные и праздничные дни каждая хозяйка стряпаетъ шанги изъ ячной муки, и приготовляетъ лишнее противъ будничнаго стола блюдо: печетъ палтусину, ячницу, варитъ макую либо кашу.

Говядину ѣдятъ рѣдко и мало, по непривычкѣ къ мясной пищѣ, и покупаютъ ее только къ народнымъ праздникамъ.

Пиво, вино и чай составляютъ необходимую принадлежность сѣвѣжныхъ праздниковъ, а потому и богатъ, и бѣднякъ все это заготавливаютъ на праздникъ въ изобиліи. И чѣмъ богаче хозяинъ, тѣмъ болѣе требуютъ гости изысканности въ столѣ; бѣдно празднуетъ, когда за обѣдомъ иужиномъ перемины по 7 блюдъ; на богатомъ обѣдѣ бываетъ перемины отъ 10 до 13-ти: треска, пироги, палтусій, семужій, холодное изъ рыбы, студень, щи, жаркое изъ говядины, рыбникъ, каша, блинный пирогъ, пожалуй ячница, сладкій пирогъ.

Не менѣ этого приготовить и въ постный праздник; за богачемъ тянется бѣднякъ, и часто тратитъ послѣднюю копѣйку, а иногда и кредитуется, только бы отпраздновать праздникъ «не хуже людей».

Кромѣ народныхъ праздниковъ пива не варятъ, и для питья въ праздникъ и будни употребляютъ изъ ячной муки, или ржаныхъ отрубей—квасъ. Зажиточные каждый день пьютъ чай.

У крестьянъ Лисестровскаго прихода употребляется ежедневная пища въ постные дни: хлѣбъ большею частію ячменный или житный, въ рѣдкость ржаной, похлебка изъ картофеля или изъ другихъ овощей, иногда уха изъ навага и сельдей и каша съ постнымъ масломъ; въ скоромные дни: треска въ скоромномъ масле, похлебка изъ картофеля; въ праздничные дни: треска съ масломъ, уха изъ окуней или сорогъ, каша съ масломъ и палтусина, пироги, шанги и молоко, и изрѣдка мясо.

Питье: квасъ и вода; а въ праздники: пиво изъ ячменнаго солода и частію водка.

Пища Сумлянъ въ скоромные дни: а) соленая палтусина (жареная, вареная и въ пирогахъ); б) соленая и сухая треска; соленую поджариваютъ съ яйцомъ въ молокѣ, также употребляютъ въ пирогахъ и варятъ, а изъ сухой трески готовятъ щи, съ примѣсью овсяной крупы; в) коровье и оленье мясо, а также мясо дикихъ птицъ: утокъ, рябчиковъ, глухарей, тетеревей и другихъ; изъ мяса коровьяго и оленьяго готовятъ щи съ примѣсью небольшой доли крупы, а иногда и капуста; изъ мяса птицъ жаркое, а изъ коровьихъ ногъ — студень; г) варятъ на молокѣ кашу изъ пшена, гречихи, крупы: овсяной, манной и ячменной; чаще же готовятъ пшеничную; д) варятъ и жарятъ въ масле картофель. Въ праздники стряпаютъ изъ ячменнаго крупчатаго теста, съ подливкою сверху растертымъ картофелемъ, пшеномъ, крупой съ примѣсью сметаны, шанги или растегай. Последніе отличаются отъ шанегъ тѣмъ, что имѣютъ продолговатую форму.

Изъ соленыхъ рыбъ, кромѣ упомянутыхъ выше, употребляютъ: голецъ, губатка и семга; а изъ свѣжихъ: налимы, щуки, окуни, сига, ряпушка, ерши, наваги, сельди и камбалы (изъ всѣхъ поименованныхъ рыбъ

болѣе варятъ уху и только изрѣдка въ праздники дѣлаютъ жаркое).

Въ посты и постные дни употребляютъ: а) горохъ, который варятъ съ половиною долею овсяной крупы; б) соленые волнухи и грузди; в) изъ ягодъ: морошка и брусника, (первую ѣдятъ въ будни съ квасомъ а въ праздники съ медовымъ взваромъ); г) соленую и свѣжую рыбу; д) кашу по большей части пшеничную съ постнымъ масломъ; е) изъ овощей: рѣпу, брюкву, рѣдку и картофель съ масломъ. Изъ приправъ въ употребленіи: лукъ, хрѣнъ, горчица, перецъ, чеснокъ и уксусъ; послѣдній употребляется рѣдко, да и то зажиточными жителями. Изъ напитковъ въ употребленіи: чай, въ скоромное время со сливками, шангами или растегаями, или же съ булкою; въ постные дни съ лимономъ и безъ него. Кофе пьютъ только въ богатыхъ домахъ и то очень рѣдко; многіе же считаютъ его напиткомъ воспрещеннымъ. *)

Изъ хмельныхъ напитковъ въ употребленіи въ зажиточныхъ домахъ: ликеръ или по народному «литера» хересъ, различныя наливки **) какъ-то: юмель, кievская, малиновка, вишневка, преимущественно же употребляютъ ромъ; въ бѣдныхъ домахъ по большей части пьютъ горѣлку и развѣ изрѣдка, по какому нибудь болѣе радостному случаю, засѣдаютъ за бутылкою рома; пиво варятъ рѣдко и то плохое. Порядокъ наиболѣе соблюдаемый въ употребленіи кушанья слѣдующій: въ скоромные дни уха изъ навага и самая навага; треска зажаренная съ яйцомъ въ молокѣ или въ кулебякѣ; потомъ кулебяка съ зубашкою или съ палтусиною: далѣе (если есть) кулебяка съ семгою, потомъ каша съ масломъ (иногда подаютъ ее съ молокомъ) и наконецъ, если есть, морошка съ шангюю или съ бѣлымъ хлѣбомъ, или же молоко съ шангюю.

Въ постные дни подаютъ: а) волнухи ***) или грузди, б) горохъ, в) толокно, и г) морошка или брусника.

*) Говорятъ, что кофе выросъ изъ Иудовой утробы.

**) Наливки и вина вывозятся изъ Норвегіи, частію же покупаются изъ имѣющагося въ посадѣ погреба для продажи виноградныхъ винъ.

***) Иногда вмѣсто волнухъ ставятъ рыбу.

ГЛАВА V.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ.

Общее описание свадебных обрядовъ, существующихъ въ Пинежскомъ уездѣ, составленное П. А. Ивановымъ.— Свадьбы въ селѣ Сурѣ, Вирючевской волости того же уезда, описанная крестьяниномъ Гр. Хромцовымъ.— Три свадьбы причитанія: два изъ Пинежскаго уезда и одно изъ Шенкурскаго.— Поздравленіе молодыхъ послѣ вѣнца въ Пинежскомъ уездѣ, сообщенное К. Шабунинымъ.— Свадьба въ селѣ Ракулѣ Холмогорскаго уезда, описанная крестьяниномъ Дожтуровымъ.— Свадьба въ селѣ Кургомнскомъ, Шенкурскаго уезда, описанная крестьяниномъ Сисоевымъ.— Свадебные обряды, соблюдаемые въ Турчасовскомъ приходѣ Онежскаго уезда, сообщенные священникомъ Алексеевымъ.— Свадьба въ селѣ Пингишахъ Холмогорскаго уезда, описанная священникомъ Колчинымъ.— Свѣдѣнія о свадебныхъ обрядахъ, существующихъ между крестьянами Тулгаскаго прихода, Шенкурскаго прихода. Свадьба на Зинемъ Берегу Архангельскаго уезда, описанная священникомъ Вл. Романовымъ.— Замѣтка о свадебныхъ обрядахъ въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ Холмогорскаго уезда.— Свадьба въ Сумскомъ посадѣ Канскаго уезда.— Свадебные обряды мѣщанъ города Онеги, записанные со словъ одной мѣщанинѣ въ тюрьмѣ бывшимъ студентомъ Фрибе.— Свадьба мѣщанъ города Мезени, описанная бывшимъ студентомъ Никольскимъ.

Описание свадебныхъ обрядовъ, существующихъ у русскаго населенія въ Архангельской губерніи, доставлены были П. С. Ефименку изъ девяти мѣстностей, принадлежащихъ къ уездамъ: Пинежскому, Шенкурскому, Холмогорскому, Онежскому, Архангельскому, а также къ Сумскаго посада, городовъ Онеги и Мезени.

Начнемъ съ описанія свадебныхъ обрядовъ, существующихъ вообще въ Пинежскомъ уездѣ и описанныхъ П. А. Ивановымъ.

Вступленіе въ супружество, говоритъ г. Ивановъ, есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ обстоятельствъ въ жизни сельчанина, составляетъ самые важные часы самаго лучшаго счастья, а бракъ сопровождается самыми затѣливыми обрядами и никогда семейная жизнь не облачается такимъ блескомъ, какъ въ эти торжественныя минуты, особенно когда свадьба *ведется* у холостаго съ небывшей еще въ замужствѣ.

На свадьбѣ любятъ щегольнуть хлѣбосольствомъ, попойками, любятъ похвастать нарядами и не жалѣютъ ничего на раздольѣ. И потому затѣливые и съ тѣмъ вмѣстѣ старинные обычай и обряды очень занимательны; прослѣдить же за каждою особенностію—занятіе довольно сложное и не безъ затрудненій. А между тѣмъ патріархальные обряды, мало по малу измѣняются и изъ употребленія вытѣсняются новыми обычаями.

Сватовство идетъ чрезъ избраннаго женихомъ *свата*. Сватомъ бываетъ или родственникъ жениха, а иногда и

невѣсты, или же *бывалый сосѣдь*, т. е. бывавшій не одинъ разъ сватомъ. Вообще дѣлается: какъ бы ловчѣ, какъ бы сподручѣе удалось *сватовство*.

Сватъ первоначально приывается въ домъ жениха, здѣсь происходитъ совѣщаніе родителей жениха со сватомъ, и родители благословляютъ сына на женитьбу, сватъ же подчуетъ водкой. Затѣмъ сватъ отправляется въ домъ родителей невѣсты, обыкновенно молится по приходѣ Богу и поздоровавшись съ домашними, остается у порога, не проходя далѣе *воронца*, пока невѣстныя родители не пригласятъ его *присѣсть*, говоря, что въ *нощѣ правды нѣтъ*.—Такъ да сякъ въ разговорахъ сватъ объясняетъ причину своего прихода. Вскорѣ является на столъ угощеніе, и сватъ, подъ вліяніемъ постоянного *потчиванія* попойкою, изливаетъ все свое краснорѣчіе о лучшихъ достоинствахъ жениха, съ прибауткою: *давай—по рукамъ, да и съ баню*.

Разумѣется, за согласіемъ не стоитъ дѣло. Родители уже знаютъ, что дѣвка ненадежный товаръ, залежится съ цѣны спадеть, а парни по деревнямъ всѣ равны, одинъ не лучше другаго, всѣ на одну колодку дѣланы,—а также и пословицы: *суженая конемъ не обьѣдешъ, или суженый уродъ будетъ у воротъ*. Но ужъ это таково обыкновеніе, положительнымъ *да* или *нѣтъ* бываетъ всегда неопредѣленная отсрочка, чтобы не оскорбить сватающихъ скорымъ отказомъ, а скорымъ согласіемъ не ввести себя подъ сомнѣніе.

Поблагодаривъ по приличію свата за *необходъ ихъ* *дочи* (дочери), свать уходитъ отъ невѣстныхъ родителей съ извѣстіемъ къ жениху.

Послѣ этого женихъ и родители его остаются въ ожиданіи результата *сватовства съ невѣсткой стороны*.

Впродолженіе всего времени, взятаго на *отсрочку*, родители невѣсты обдумываютъ, нѣтъ-ли какихъ препятствій съ своей стороны къ выдачѣ въ замужство дочери, узнаютъ мнѣнія о свадьбѣ своихъ родственниковъ и вообще—*обсуждаютъ къ лучшему*.

Достоинства жениха въ расчетъ принимаются по слѣдующимъ условіямъ: богаты, или бѣдны родители его, соображаясь съ своимъ состояніемъ,—каковъ домъ и хозяйство,—мала или велика *семья* у жениха,—работъ или лѣнивъ женихъ,—*пьющъ* или воздержный отъ излишества, а также: старъ или молодъ, здоровъ или хилъ, красивъ или уродъ, каковъ *характеромъ* (поступками) въ трезвомъ видѣ и *во всечасно*, уменъ (смѣтливъ, благоразуменъ и трудолюбивъ) или дуракъ (глупъ, вѣтренный и идіотъ).

Собравъ всѣ свѣдѣнія и сообразившись съ своею возможностью, родители невѣсты извѣщаютъ жениха о дѣѣ, въ который онъ можетъ узнать *вѣрное*: отказъ (несогласіе), или приназь (согласіе), тотъ день называется *пропоемъ, рукобитьемъ и зарученьемъ*, а согласиться на выдачу въ замужство—значитъ *пропить, просандалить* и просватать дѣвку.

Въ назначенный день *рукобитья* у невѣсты собираются ближайшіе родственники. Они и отецъ невѣсты отсюда отправляются къ жениху.

Если отъ родителей невѣсты объявленъ присутствующимъ *приказъ*, до обѣда или послѣ него, въ домѣ жениха начинается *пропивоанье*. Тогда до такой степени напиваются спиртныхъ напитковъ, что бывали случаи, что изъ честныхъ гостей отправлялись скородостижно на тотъ свѣтъ и именно пьютъ такими стаганами, что въ каждый входитъ 5, 100 ведра, или прямо *изъ братины*.

Отъ жениха онъ, отецъ его, сватья и пріѣзжіе гости ѣдутъ въ домъ невѣсты на *смотрины*.

Родители невѣсты, зная что пріѣздъ будетъ, принимаютъ *честныхъ* гостей съ доступными почестями, выходятъ къ крыльцу навстрѣчу, низко кланяются въ поясъ, садятъ перекрестившихся гостей на почетныхъ мѣстахъ за столъ.

Между этимъ церемоніаломъ передъ образами зажигаются свѣчи, тогда всѣ встаютъ съ мѣстъ *кланяются въ землю* и свать съ отцомъ невѣсты, перекрестившись схватываются правыми руками, т. е. *бьютъ по рукамъ*. При этомъ, свать захватываетъ полу, или рукавъ своего кафтана или сибирки, а мать невѣсты или другіе родственники *разнимаютъ руки ихъ*. Иногда на рукобитья бываетъ священникъ съ крестомъ. Послѣ рукобитья

краткій уговоръ заключается на словахъ. Условія объясняются на словахъ, никогда на письмѣ.

Послѣ *зарученья* всѣ садятся за накрытый и временно приготовленный столъ, указывающій на гостепріимство хозяина. Первое мѣсто за столомъ занимаетъ *священникъ*, потомъ жениховъ отецъ, женихъ, свать и прочіе родственники по старшинству. Тутъ идетъ угощенье, женихъ беретъ поднось и *подноситъ вино* будущимъ тестю, тещѣ и невѣстѣ, при чемъ послѣдней *даритъ кольцо* и приноситъ подарки въ гостинцахъ *). Затѣмъ онъ *честуетъ*, (подчуетъ, продолжаетъ подносить водку) всѣхъ родственниковъ и родственницъ, сперва невѣстныхъ, а потомъ своихъ.

При зарученіи невѣста выноситъ на поднось *дары*, т. е. шелковыя или бумажныя перчатки, смотря по состоянію. Сперва подноситъ священнику, потомъ жениху и свату. Надо не забыть, что свата въ сватовствѣ занимаетъ ловкая баба-*сватья*.

Когда все то исполнится, усаживаются снова за столъ—тогда-то и идетъ свадебный столъ.

Свадебный сговоръ—есть окончательное согласіе на вступленіе въ брачный союзъ, уговоръ *однѣ спички*, сроки которому бываютъ различныя, и прочіихъ свадебныхъ кондиціяхъ: *приданомъ, дарамъ, расходахъ* и проч. Но въ виду моемъ бывали случаи, что все сватовство и свадьба продолжались четыре или семь дней.

Приданое бываетъ отъ невѣсты жениху, оно важно условіе въ свадьбѣ. Въ приданое поступаютъ: постель, платья, домашняя утварь, украшенія, деньги и иногда недвижимое имущество. Пословица: *денежка на столъ, такъ и дѣвушка за столъ*.

Какъ скоро дѣвушка бываетъ просватана, на нее накрывается *бѣла*. Съ тѣхъ поръ она не занимается почти никакою домашнею работою и никуда не выходитъ изъ дому,—ни въ гости, ни на игрища, ни въ церковь, хотя-бы свадьба отложена на довольно продолжительное время.

Съ зарученья съ обѣихъ сторонъ начинаются приготовления къ свадьбѣ: варится пиво, закупается водка, *покупки* (все нужное), *дары* и проч.

Въ то же время *снаряжаются свадебные чины*:

1). *Священникъ*, который будетъ совершать таинство брака. Въ нему ходитъ женихъ, или отецъ его, *объявляетъ* о свадьбѣ, условливается о дѣѣ *бракосочетанія* и проситъ быть на свадьбѣ.

2). *Благословенный отецъ*. Имъ бываетъ родной отецъ жениховъ, а если нѣтъ въ живыхъ, то:

3). *Посаженымъ отцомъ* бываетъ крестный отецъ, (т. е. воспріемникъ его), а иногда и другой по приглашенію.

*) Водку женихъ привозитъ самимъ купленную.

4). *Тысяцкій*. Имъ бываетъ болѣе крестный жениха (восприемникъ его), а иногда и другой по приглашенію.

5). *Благословенная мать*—есть родная мать невесты, но если ея не имѣется въ живыхъ, то:

6). *Посаженю благословенною матерью* бываетъ божатка невесты (крестная мать ея).

7). *Сватъ*, или *сватья* жениховы, они уже выбраны.

8). *Подъпечная сватья* жениха избирается невестою изъ ближайшихъ родственницъ. Сватья эта бываетъ при невестѣ.

9). *Запостельная сватья*—это постельная проводница со стороны невесты.

10). *Дружки* или *повозники*—шафера.—Ихъ бываетъ два, по одному съ каждой стороны. Они избираются изъ щеголеватыхъ холостыхъ родственниковъ, или же знакомыхъ. На рукавахъ ихъ кафтановъ, или сибирокъ привязываются или пришиваются *банты*, т. е. розовыя ленточки. Старшій изъ дружекъ бываетъ съ жениховой стороны,—у него перевязывается правый рукавъ. У младшаго же, съ невестинной стороны, лента бываетъ на лѣвомъ рукавѣ.

11). *Проводники*.—Со стороны жениха. Это родственники и друзья его, которые провожаютъ съ нимъ холостую жизнь и провожаютъ свадьбу къ вѣнцу.

12). *Поѣзжане*. Это мужчины, родственники и знакомые съ невестинной стороны, участвующіе въ свадьбѣ. Поѣзжане—родители и подруги невесты, которые ѣздятъ осматривать жите-бытье жениха.

13). *Праворучницы* и *лѣворучницы*. Ими бываютъ дѣвушки, приглашенныя невестою провести послѣдніе дни ея дѣвственности, съ которыми она въ дѣвчествѣ водила дружбу и знакомство. Праворучницы сидятъ въ комнатахъ невесты по правую руку ея, потому что были *хорошія подружки*, а лѣворучницы по лѣвую руку, потому что были такъ *себѣ, по середкѣ*.

14). *Плачеи*.—Это женщины, знающія всѣ свадебныя пѣсни и хорошо поющія ихъ; онѣ еще называются *пльсулями*. Ихъ приглашаютъ нарочно, а другія сами приходятъ безъ зова. За труды имъ *даютъ деньги и десертъ*.

15). *Впжливый*, или *клятникъ*, колдунъ *). Обязанность охранять *свадбу отъ порчи*. Онъ осматриваетъ всѣ углы дома, пороги, пересчитываетъ камни въ печи, владетъ замокъ подъ порогъ, дуется на скатерть, одуваетъ, оговариваетъ, отвѣдываетъ каждое кушанье, читаетъ наговоры, нашептываетъ разныя слова въ одежду, дѣлаетъ привѣскы къ крестамъ новобрачныхъ, нашептываетъ надъ сбруею лошадей при повозѣ свадьбы (чтобы разрушить чары другаго колдуна). Все это дѣлается для

*) Не вездѣ, да вообще я рѣдко его видалъ, на некоторыхъ только свадьбахъ.

благополучія свадьбы, чего нельзя достигнуть обойдя колдуна: или лошади стануть (остановятся и не побѣжать), либо распрягутся, либо поѣздъ сѣту не увидитъ, либо лошади начнутъ рваться, замѣтатъ снѣгомъ, или лѣтомъ—пылью, либо колеса съ телѣги спадутъ.

и 16). *Поварне*. Это посторонніе люди, зрители и приходящіе послѣ вѣнца въ жениховъ домъ попить вина и пива.

Между тѣмъ, подруги въ невестинномъ домѣ *нашиваютъ то и се* въ приданое, а по приближеніи дня вѣнчанія, домашнія женщины готовятъ во множествѣ пищу.

Если бы во время приготовленій полученъ былъ отказъ съ которой либо стороны (а это иногда случается и даже по уважительнымъ причинамъ), то обиженная (получившая отказъ) сторона требуетъ убытки свои. Такой отказъ сверхъ *причиненія убытковъ считается личною обидою*; но такъ какъ у поселянъ нѣтъ гордости и нѣтъ амбиціи, то обида забывается миромъ по обоюдному согласію обѣихъ сторонъ.

Браку предшествуетъ *дѣвичникъ*, или какъ еще называютъ: *обручанье, смотрики, подсадебье*.

Банунъ этого дня родители и подруги невесты ѣздятъ въ домъ жениха по обычаю посмотрѣть его *жизне-бытье*. Женихъ встрѣчаетъ *пріѣзжанъ* съ почетомъ и подчуетъ водкою и десертомъ.

Передъ этимъ къ жениху приходятъ изъ своей деревни женщины мыть избу, женихъ угощаетъ *изъ виномъ*.

Въ этотъ же день невеста съ подругами, если у ней умерли родители, *ѣдитъ къ ихъ могиламъ*. На нихъ она плачетъ и проситъ позволенія умершихъ родителей на выходъ въ замужство.

Съ кладбища они ѣдутъ къ *невестиннымъ родственникамъ*. Здѣсь невесту и ея свата подчуютъ разными лакомствами, а невеста во время пѣсенъ рыдаетъ и обвивается руками за шею попеременно каждаго находящагося въ тѣхъ домахъ, куда пріѣзжаютъ они. Всякій, кого *обойметъ* невеста, долженъ дать ей сколько нибудь денегъ (отъ 3 до 50 коп.).

Когда такъ объѣзжаютъ всѣхъ родственниковъ (разумѣется только близко-живущихъ) невесту привозятъ домой и оставляютъ ее тамъ. Подруги же и другія женщины—*пльули* усаживаются на нѣсколько саней, или телѣгъ и тихо ѣздятъ на лошадяхъ по улицамъ съ пѣснями; такая поѣздка бываетъ по-вечеру. Кромѣ того *отпльвальныя пльски* поются произвольно всякою женщиною въ своемъ домѣ во всякое время. Вечеромъ этого дня женихъ и невеста моются въ баняхъ.

Въ дѣвичникъ, находящіяся у невесты подруги-дѣвушки прищипываютъ *повозникамъ банты* (знакъ), при этомъ дѣвушки дружекъ покалываютъ булавами и игла-

нами, а чтобы онѣ не колоди болѣе, *откупаются отъ мизъ*, т. е. даютъ имъ гостинцу.

Послѣ этого дружки уѣзжаютъ на лошадяхъ *зазывать* (приглашать на свадьбу) извѣстныхъ родныхъ и знакомыхъ.

Съ утра того дня, въ который положено быть под-свадебью, начинаютъ собираться въ домъ жениха всѣ его родственники и знакомые. Когда всѣ *званые* соберутся и придетъ священникъ то всѣ усаживаются за приготовленный уже столъ; но это дѣлаютъ только для виду. Потомъ всѣ вскорѣ встаютъ съ своихъ мѣстъ и женихъ всѣмъ кланяется и подноситъ въ *стаканакъ* вино.

Послѣ сего священникъ ограждаетъ жениха крестомъ и у иконъ затепляется лампада и зажигаются свѣчи. — Потомъ *отецъ благословляетъ жениха иконою, а мать альбомъ-солью*. Затѣмъ всѣ поѣзжане-проводники и свадебные чины усаживаются въ нѣсколько саней, или телегъ, запряженныхъ въ пары лошадей, къ дугамъ привязываются по нѣскольку на каждую *малиновыя колокольчиковъ, бубенчиковъ, шаркуновъ и позвонковъ*.

Весь поѣздъ по вечеру *ѣдетъ къ невестѣ*.

Въ домѣ невесты въ *подсвадебье*, или въ *большихъ смотринѣ*, т. е. наканунѣ свадьбы, также собираются ея родственники, непрѣмные члены свадьбы, знакомыя подруги и посторонніе. Любопытнаго народу вообще стекается *подъ свадьбу* множество и отъ того бываетъ тутъ чистый гвалтъ: говоръ, смѣхъ, шумъ, пѣсни, тѣснота и давка. Если *свадьба справляется* зимою, то въ особой комнатѣ, или же въ особомъ домѣ, собирается *вечеринка*, если же свадьба бываетъ лѣтомъ, то мужчины и женщины играютъ въ *разныя игры* въ сѣняхъ, на повѣти, т. е. на улицѣ.

Столъ и всѣ обычныя церемоніи ведутся въ большой, просторной избѣ, невеста же находится въ особой комнатѣ.

Къ пріѣзду жениха на *свадебный столъ* разстилаютъ *бранную скатерть*, на нижній (не въ переднемъ углу конецъ) стола кладутъ одинъ, на другой два ржаные хлѣба, особо испеченные про свадьбу и называемые *столовиками*. На другой конецъ впоследствии кладутся свадебные *примки* — подарки невестѣ отъ жениховыхъ гостей.

Какъ скоро въ домѣ невесты услышится звукъ колокольчиковъ женихова поѣзда, немедленно и крѣпко на нѣсколько запоровъ, затворяются ворота въ домѣ и ставни у оконъ. Пріѣхавшій къ дому женихъ съ товарищами *сильно стучится* въ ворота, но въ домѣ никто не открываетъ воротъ нарочно, будтобы не слышать стуку. Потомъ жениховы проводники берутъ *стязъ* (оглоблю, или подобный ей стязъ), и имъ колотятъ во всю мочь объ уголь дома, близъ запертыхъ ставнями оконъ. Наконецъ ворота открываются, и родители невесты съ родственниками и гостями встрѣчаютъ жениха и его родню въ сѣняхъ съ нѣсколькими зажженными свѣчами. Женихъ вы-

ходитъ изъ повозки, оправляетъ свое платье и волосы и крестясь входитъ въ сборную комнату, зрители отступаютъ, дѣлаютъ для *дорогихъ юстей* свободный ходъ и пѣвуки затягиваютъ хоромъ заученныя пѣсни. За женихомъ входятъ и прочіе пріѣхавшіе и всѣ усаживаются за *убранный столъ*. Тогда будущій тестъ подаетъ всѣмъ пріѣзжимъ и пришедшимъ съ подноса пиво, а женихъ, стоя за столомъ, при каждомъ подносѣ постоянно кланяется.

Между тѣмъ невеста умывается и одѣвается въ лучшее платье. Когда нарядъ невесты бываетъ оконченъ, тогда она, покрытая фатой (шелковою шалью) *выводится* отцомъ, матерью и сватьею въ избу, гдѣ находится женихъ; *переходя черезъ порогъ*, невеста крестится. *Всѣ четверо становятся* на средину избы, молятся Богу и невеста съ сватьею вдругъ низко раскланиваются на всѣ четыре стороны, гости же, сидящіе за столомъ, не сходя съ своихъ мѣстъ встаютъ, — значить — привѣтствуютъ.

Вскорѣ женихъ выходитъ изъ-за-стола и становится рядомъ по правую руку съ невестою, которой даютъ поднось съ *рюмками, наполненными виномъ*. Она беретъ его и водкой подучетъ жениха, тысяцкаго, своихъ и жениховыхъ родителей и каждаго, находящагося за столомъ. На поднось нѣкоторые кладутъ деньги, и женихъ даритъ невестѣ башмаки.

Въ это время *приплакиваютъ* т. е. поютъ *плачи* (пѣсенницы) жалобныя пѣсни, въ которыхъ высказывается будущая участь невесты, тоска разлуки съ родителями и подругами, неизвѣстная будущность и проч. Плачемъ тогда дружки даютъ деньги и на поднось разными приносами. Когда невеста окончитъ свое *чествованіе*, такимъ же образомъ начинаютъ подносить вино жениха, но не въ рюмкахъ, а въ стаканакъ всѣмъ родственникамъ. Во все это время невеста кланяется въ поясъ.

По окончаніи женихомъ подчиванья невеста со сватьею уходитъ къ проводницамъ въ свою комнату, за ней идутъ плачи. Женихъ же и всѣ гости садятся снова за столъ и начинаютъ кушать. Но какъ во время *смотринъ* жениха не гостятъ долго за столомъ невесты, то всѣ вскорѣ расходятся изъ дома невесты. Передъ тѣмъ подчуютъ пивомъ всѣхъ, кто пришелъ посмотреть на подсвадебье.

Между тѣмъ собравшіяся въ особой комнатѣ, куда пошла невеста, дѣвницы садятся за столъ, *набранный* единственно для нихъ, а невеста подучетъ праворучницъ и лѣворучницъ изъ братины пивомъ. Здѣсь дѣвушки причитаютъ *припѣванъ*.

Дѣвичникъ со всѣми обыкновеніями оканчивается передъ самымъ утромъ.

Какъ вѣнчаніе болѣе происходитъ до полдня, то и женихъ на другой день дѣвичника *пріѣзжаетъ* за невестою по утру не поздно. Онъ одѣвается къ вѣнцу въ самое лучшее и нарядное новое платье.

Замѣтивъ подъѣздъ жениха, невѣста уходитъ изъ той комнаты, гдѣ накрытъ столъ для жениха.

Женихъ входитъ въ домъ невѣсты обыкновенно послѣ тысячнаго, который съ собою приносить икону, и всѣ гости садятся за столъ.

Невѣста же въ ту пору умывается и одѣвается къ вѣнцу въ наилучшее платье, при чемъ навѣшивается какъ можно болѣе украшеній. При готовности же ея вводятъ въ комнату, гдѣ ожидаетъ женихъ.

При видѣ этого, женихъ выходитъ изъ-за стола, подходитъ къ невѣстѣ, беретъ ее за руку и ведетъ за столъ; затѣмъ женихъ и невѣста садятся рядомъ, а гости: мужчины на сторонѣ жениха, выше къ переднему углу, а женщины на сторонѣ невѣсты ниже. За столомъ пьютъ пиво. Во время этого стола невѣста даритъ повозниковъ платками. За столомъ при пѣсняхъ (напр. „чтобъ тебя сватушка повытрясло“) женихъ и невѣста постоянно кланяются. Невѣста подъ фатой плачетъ, таково уже обыкновеніе, а если нѣтъ охоты плакать, то нѣкоторые намазываютъ вѣки глазъ чесночковой лука, чтобы лились слезы.

За столомъ женихъ и невѣста, передъ окончаніемъ обыкновеній предъ вѣнцомъ, встаютъ и выходятъ изъ-за стола на середину избы. Тогда *отецъ* беретъ съ божницы образъ, а мать со стола хлѣбъ, или благословляютъ *варученныя*, приговаривая со слезами жалости: «дай Богъ вамъ совѣтъ да любовь».

Послѣ этого женихъ и невѣста съ провожаными отправляются въ церковь. Тогда же въ домъ жениха увозятся банникъ, т. е. хлѣбъ, соль и жареная пища, зашитыя въ чистую полотняную скатерть.

На самыхъ простыхъ свадьбахъ, брачующіе не ходятъ пѣшкомъ ни въ церковь, ни изъ церкви, а всегда ѣдутъ на лошадахъ, а болѣею частію на парахъ. Лошадей подъ жениха и невѣсту ѣхать къ вѣнцу поставляютъ родители послѣдней.

Впередѣ всей церемоніальной процессіи, составляющейся изъ огромнаго поѣзда обрученныхъ и деревенской родни, съ множествомъ гудящихъ подъ дугами, на оглобляхъ и на шеяхъ лошадей колокольчиковъ, шаркуновъ, бубенчиковъ, позвонковъ—ѣдутъ въ саняхъ, телѣгахъ, или верхомъ на лошадахъ новозимни съ отпущенными на рукавахъ лентами. Они бросаютъ попадающимся на пути людямъ: витушки, калачи, закуски и пряники, вѣроятно для благополучнаго доставленія поѣзда.

Всгдѣ за дружками ѣдутъ *безъ шапокъ* *) женихъ и тысящій съ иконой, которую онъ держитъ въ рукахъ съ платкомъ; далѣе закрытая фатой невѣста съ *подельничемъ сватьей*, которая весь путь до церкви кланяется;

*) Шапка у жениха бываетъ „богатая“ съ высокими верхомъ и широкимъ околышемъ, выше и шире чѣмъ у обыкновенно носимой. Если не бываетъ своей, заимствуютъ у другихъ.

а за ними ѣдутъ всѣ остальные участвующіе въ свадьбѣ. Въ поѣздѣ замѣчаютъ, что если на пути ѣдущимъ жениху и невѣстѣ встрѣтится идущій возъ съ дровами— *нельзя ожидать счастья въ жизни новобрачныхъ*.

Когда женихъ и невѣста уѣзжаютъ въ церковь, тогда въ домъ жениха увозятся сундуки съ приданнымъ и постель. Съ кладью этою отправляется *запостельная сватья* *).

По пріѣздѣ въ церковь женихъ и невѣста становятся на паперти. Если поѣздъ прибылъ въ церковь не во время службы, то тысящій ходитъ съ просьбою къ священнику въ домъ.

Въ паперти сватья расплетаетъ косу и обязываетъ распущенные волосы лентою.

За написаніе обыска священноцерковнослужителями *раздѣляются дружки*.

Расходъ за зажженіе свѣчей въ всячемъ паникаднѣ и вообще подобные расходы несетъ тысящій. Потому-то въ званіе это избираются такіе, чтобы они въ состояніи были исполнить всѣ требованія, *не подгадилъ* свадьбы.

Невѣста и въ церкви бываетъ закрыта до обрученія *союзными кольцами*.

Послѣ этого женихъ и раскрытая уже невѣста увозятся въ церковный предѣлъ. Женихъ становится на срединѣ противъ царскихъ вратъ по *правую руку* и съ нимъ тысящій, а невѣста съ сватьей по *лѣвую руку*. Жениху и невѣстѣ неприлично говорить во все время священнаго обряда, кромѣ того, какъ спрашиваетъ священникъ. Когда вѣнчаютъ, подъ ноги жениха и невѣсты по полу въ церкви постилаютъ или ситецъ, или *простой холстъ*. Постилка эта поступаетъ въ пользу церковныхъ служителей. День свадьбы и вѣчаніе, т. е. бракосочетаніе называется *вѣнцомъ*.

Таинство брака одинаково исполняется, какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи.

Когда обручающимися налагаютъ вѣнцы, въ ту самую пору приглашенныя со стороны невѣсты *проводницами дѣвушки* поспѣшно уходятъ изъ церкви, будто боясь, чтобъ имъ на головы не наложили брачныхъ вѣнцовъ. Изъ церкви эти дѣвушки уѣзжаютъ въ домъ родителей невѣсты и тамъ угощаются на ихъ счетъ. Потомъ, покатавшись не долго на лошадахъ по улицамъ, разѣзжаются по своимъ домамъ.

Замѣчаютъ, что если при бракосочетаніи что нибудь упадетъ—образъ-ли, свѣча-ли, а напаче кольцо, вѣнецъ и прочее, то обручающіеся жить будутъ нехорошо **).

Свѣчи, которыя во время брака держатъ въ рукахъ женихъ, невѣста, тысящій и сватья, по потушеніи огня,

*) Приданое заготавливается еще ранѣе сватовства, а послѣ его только пополняютъ.

**) 36 прим. Сливвер. въ Арх. Губ. Вѣд. № 44—1863 г.

не оставляются въ пользу церкви, а молодые увозятъ съ собою; онѣ сохраняются дотолѣ, пока который либо изъ *бракосочетавшихся* не умретъ, тогда и онѣ ломаются. Бромъ того замѣчаютъ, что у кого изъ *брачущихся* во время вѣнчанія сгоритъ свѣча болѣе чѣмъ у другаго, тотъ изъ нихъ прежде умретъ въ супружествѣ.

Послѣ совершенія церковнаго чиноположенія духовнаго брака, молодые тутъ же въ церкви соединяются поцѣлуемъ. Цѣлуются съ новобрачными и другіе. Тутъ поздравляютъ ихъ съ *законнымъ* бракомъ.

Такъ какъ съ замужествомъ волосы скрываются у женщинъ, то послѣ бракосочетанія невѣсту *крутятъ* на пазерти, т. е. сватья (ее называютъ *крутельницаей*) заплетаетъ изъ волосъ ея двѣ косы и на голову надѣваетъ *повойникъ*.

Когда пончится таинство брака, *дружки увѣщаютъ* въ домъ жениха, чтобы извѣстить его родителей, что *молодые обѣщаны* счастливо. Тогда въ домъ жениха начинаютъ приготовления.

Новобрачные называются *молодымъ и молодою*, также *кляземъ и клящицею*, а въ пѣсняхъ первый величается *царевымъ* сыномъ, послѣдняя же *царевною*. Послѣ свадьбы вышедшую въ замужство зовутъ *молодицею*.

Изъ церкви молодая выходитъ вмѣстѣ съ молодымъ, закрытая шалью. Оба они безпрестанно кланяются. По приѣздѣ отъ вѣнца въ жениховъ домъ, отецъ съ иконою, а мать съ хлѣбомъ встрѣчаютъ молодыхъ. Ими они благословляютъ молодыхъ.

Когда домашніе жениха живутъ зажиточно, то по обычаю, при входѣ молодыхъ въ жениховъ домъ, разсыпаютъ по полу *жыто*, чтобы *богато жили*.

Молодые и съ ними всё по приѣздѣ входятъ въ избу и садятся за *клясий столъ*. Молодымъ на столѣ кладутъ *банникъ*, отправленный съ *свадебнаго стола*.

Вскорѣ невѣсту изъ-за стола уводятъ въ другую комнату *окручать*. Въ то же время запостельная сваха представляетъ доставленное ею *приданое*. Она сидитъ на всемъ приданомъ и не отдаетъ его, повуда не дадутъ ей *выкупа* по обычаю: водки, пива, пироговъ и проч.

Между тѣмъ молодая умывается, расчесываетъ волосы, переодеваетъ другое платье, а на голову надѣваетъ *борникъ*, накрывшись *фатою*, приходитъ обратно и садится рядомъ съ молодымъ.

Столъ бываетъ — какъ говорится — *полнымъ полнешенекъ*. Въ столу *теща жениха* привозитъ отъ себя *блины*. Они составляютъ послѣднее кушанье. Ложки раздаются хозяйкою дома изъ чаши.

На торжество въ *жениховъ домъ* съѣзжаются почти рѣшительно всё родственники съ обѣихъ сторонъ; а уже извѣстно сколь велика родня у русскаго бываетъ! тутъ бывають и другіе приглашенные.

За большимъ этимъ столомъ пьютъ, ѣдятъ кому сколько хочется. Онъ продолжается необыкновенно долго.

Во время обѣда *молодая* со сватьею выходитъ изъ-за стола и на подносѣ подноситъ каждому сидящему за столомъ по *одному стакану пива*. Есть при этомъ отчасти обыкновеніе, что выкушавшій пиво долженъ опустить въ опорожненный стаканъ *серебряную* или *мѣдную монету*.

Во время же стола молодая подноситъ *свадебникамъ* изъ ближайшихъ жениха родственниковъ *дары*. Даровъ бываетъ довольно много, смотря по зажиточности невѣстныхъ родителей. Они суть: *скройки съ подкладью* (верхъ или маликъ сборника и изнанки), сшитыя, или только скроенныя холщевыя рубахи, подштанники, платки, холотенца, матерію на жилеты, ситцы и холстъ на рубашки, платья и сарафаны, ленты и проч. Отцу жениха подносятся чаще рубаха и подштанники, а матери его лучшей скроекъ женская рубаха.

Молодаго молодая даритъ въ послѣднихъ лучшихъ *платкомъ*. Его она кладетъ на подносимый стаканъ съ пивомъ, которое молодой выпиваетъ, а усы и ротъ утираетъ платкомъ.

По окончаніи стола, или впоследствии времени, *отда- риваютъ молодую* иногда вдвое дороже полученнаго.

Между тѣмъ на *богатой свадьбѣ* дождающимся на улицѣ *поворанамъ* выносятся на улицу бочку пива и вино. Пиво пьютъ ковшомъ, а вино оловяниками.

За столомъ княжимъ молодые не ѣдятъ ничего кромѣ *каши*. Долго чаша съ кашей, приготовленная собственно для молодыхъ, стоитъ, испуская вкусный запахъ подъ носы ихъ, долго и молодые церемонятся надъ нею то и дѣло кланяясь, когда другіе пьютъ, ѣдятъ. Вотъ уже одну или двѣ чашки съ кашей и братию пива, съ на- кладенными пирогами и шаньгами вынесли народу на улицу, — у нихъ все съѣдено и выпито, а чашки разбиты объ уголъ. Наконецъ молодой беретъ ложку съ кашей и *подноситъ къ губамъ молодой*, уже раскрывшейся. Въ ту самую пору сватья накидываетъ молодой платокъ, подъ которымъ молодая *съдастъ кашу*, какъ бы стыдась ѣсть на виду, и снова раскрывается.

Потѣшно, что въ кашѣ, подаваемой въ чашкѣ молодымъ, дѣлается на срединѣ ложкою нѣкоторое углубленіе, полное налитаго масла; вотъ изъ него-то беретъ кашу молодой, самъ ѣсть и молодой подноситъ.

Послѣ каши пѣсенницами поется обыкновенная за- столная пѣсня. Живо, какъ пропоютъ въ пѣсни стихъ: «теперь-то столъ пристаеъ, молодая спать захотѣла,» молодые ускользають изъ-за стола и уходятъ въ особое отдѣленіе для отдыха. Гости же, пожелавъ въ догонку молодымъ: *въ первую ночь сына да дочь*, доканчивають обѣдъ и пьютъ пиво, а потомъ расходятся.

Дружки и жени неволгѣ опять приходятъ къ молодымъ.

Послѣ большого стола молодымъ *становится* особый столъ въ отдѣльной комнатѣ, тогда они кушаютъ во весь свой аппетитъ.

Между тѣмъ сватья приготовляетъ брачное ложе. Его составляютъ перина на кровати, простыня, одѣяло и подушки. Еще, говорятъ, подъ постель кладутъ ухватъ и кочергу—это для *сберега отъ притчи*, у нѣкоторыхъ вмѣсто одной постели на кровать кладется двѣ: одна невѣстина подъ низомъ, другая женихова наверху.

Когда закуска кончена и *мѣсто* *) приготовлено, молодыхъ оставляютъ однихъ. Здѣсь есть обычай, состоящій въ томъ, что жена въ знакъ покорности *должна разуть* мужа, т. е. снять съ него его сапоги. Иногда въ правый сапогъ молодой кладетъ немного денегъ.

Такъ же есть обычай сохранять закровавленную сорочку новобрачной.

Но не долго продолжается отдыхъ молодыхъ. Бабы пѣсенницы подходятъ къ стѣнѣ отдохновенія и кричатъ, или по туземному охаютъ. Подходятъ такъ дважды.

Первый разъ *женихъ и невеста* посылаютъ чрезъ дружекъ бабамъ калачи, а во второй разъ сами выносить изъ особой комнаты *охлаждаемъ* вино, пиво и закуску.

Послѣ этого у молодыхъ уже приемы простые, домашніе.

По существующему обычаю послѣ бракосочетанія молодые не выходятъ на улицу *три* дня.

Въ послѣдующіе дни не бываетъ патриархальныхъ обрядовъ, прежде соблюдаемыхъ многими нѣкоторыхъ обыкновеній, остатковъ древнихъ обычаевъ.

Такъ:

1). Перваго явившагося поутру другаго дня послѣ вѣнца дружку и отца невѣсты *сватья мараютъ* (пачкаютъ) печною сажею.

2). Въ тотъ день готовится особая *колюбака*. Если невѣста оказалась цѣломудренною, то пирогъ бываетъ наполненъ рыбою. Но если она не сохранила до сватъбы дѣвственности, то колюбака та печется съ пустымъ въ тѣстѣ мѣстомъ, въ которомъ должна быть запечена рыба. Колюбака отсылается въ тотъ же день къ родителямъ невѣсты. По полученіи ея они или радуются, или плачутъ. Грустный случай относится, въ особенности къ матери, очень не хорошимъ отказомъ, потому что она не могла свое дитя сберечь отъ постыдства.

3). Это объясняется еще провѣрчиваніемъ дыры въ оловянномъ стаканѣ, въ которомъ подаютъ родителямъ невѣсты пиво.

*) Такъ называется въ А. хангельской губерніи всякаго рода постель.

4). На другой день послѣ обвѣчанія дружки посылаются топить баню для молодыхъ. Это дѣлается нарочно ради шутки. Дружки набираютъ сколько можно больше *голиковъ*, т. е. негодныхъ вѣениковъ и метель и съ ними уходятъ въ баню, будто бы затоплять. Лишь только дружки войдутъ въ баню, всѣ женщины выбѣгаютъ отъ молодыхъ и затворяютъ крѣпко двери такъ, что шафера не могутъ выйти. Тогда дружки *женщинамъ даютъ выкупъ*, т. е. угощаютъ ихъ орѣхами, закусками, пряниками, калачами и др.

5). Шутка повторяется и съ молодыми. Увѣра ихъ, что баня готова, дружки затискиваютъ въ сѣни скамью и на нее сажаютъ молодого. Багажъ уже подвигается, но молодые откупаются подарками *дружкамъ платковъ*.

6). Тогда же въ домѣ молодого дружки нарочно рассыпаютъ на полъ птичье перо и пухъ. Затѣмъ приводятъ молодую и даютъ ей въ руки вѣеникъ, чтобы она имъ вымела соръ съ полу. Молодая начнетъ мести вѣеникомъ и поднимаетъ его къ верху при каждомъ взмахѣ, а за нимъ вылетаетъ и перо. Потѣшившись этимъ, дружки убираютъ перо и пухъ.

7). Того же молодого заставляютъ тащить до порога столъ.

8). На 3-й день для молодыхъ топится баня и они ходятъ въ нее мыться. Послѣ этой *первой бани* новобрачные расширяютъ *банникъ*, разрѣзаютъ *столовики* и ѣдятъ ихъ.

9). Женихъ послѣ трехсуточного срока брачной жизни, рассказываетъ своему шаферу нѣкоторые секреты ночныхъ таинствъ супружества.

10). Черезъ три дня молодые съ родителями ѣздить въ гости къ тестю и тещѣ; послѣдніе въ честь новобрачныхъ дѣлаютъ у себя обѣдъ, называемый *хлѣбниками*. На этотъ званый обѣдъ приглашаются многіе изъ родственниковъ какъ съ жениховой, такъ и съ невѣстиной стороны. Тогда молодая получаетъ отъ своихъ родителей окончательное приданое.

11). Черезъ нѣсколько времени отгашиваютъ, и

12). Въ послѣдующее время молодые ѣздить для знакомства къ роднымъ и знакомымъ, отдавая тѣмъ визиты, что называется *полюбовною гостею*. Здѣсь молодые послѣ каждой выпитой рюмки вина цѣлуются публично.

Въ дополненіе къ этимъ общимъ свѣдѣніямъ о свадебныхъ обрядахъ въ Пинежскомъ уѣздѣ имѣется еще описаніе свадьбы въ селѣ Сурѣ Бирючевской волости того же уѣзда, составленное крестьяниномъ Гр. Хромцовымъ, которое здѣсь и приводимъ:

«Если у жениха и невѣсты нѣтъ родителей: отца и матери, то ихъ мѣсто заступаетъ: мѣсто отца—дядя, братъ отца; если того нѣтъ, то кто либо первый по немъ родственникъ, или крестовый (крестный) также и мѣсто матери—ближайшая родственница.

Отец жениха предъ началомъ сватовства спрашиваетъ сына, на какой именно дѣвицѣ ѣхать свататься, (если нужда болѣе предстоитъ къ женитьбѣ сына со стороны родителей). Сынъ предлагаетъ имъ по своему усмотрѣнію одну и другую. Если назначенная сыномъ невѣста не нравится родителямъ, либо по бывшимъ неприяностямъ съ ея отцомъ, либо дѣвку начать сыну хулить, что она развѣйна будетъ ихъ жизнью (нерадивая) и что его не будетъ слушаться (т. е. если дѣвка веселаго вида, разговористая и шутивая), — женихъ, выслушавъ слова отъ родителей, рѣшается посылать по волѣ ихъ. Иногда бываетъ, что женихъ сватается по своему усмотрѣнію, по уступкѣ со стороны отца и матери, которые говорятъ: «съ Богомъ! сынъ, какъ знаешь, не намъ жить, тебѣ;» но чтобы на будущее время не гнѣвить родителей, онъ падаетъ въ ноги и проситъ благословенія, на что бываетъ согласіе. Даже и тогда, когда сынъ впередъ родителей задумаетъ жениться, родитель или другой свать по выходѣ изъ дома, предлагаетъ домашнимъ присѣсть на лавкѣ (дерево около стѣны), запираетъ дверь или трубу, или дымникъ (у курятной избы), если они не затворены, а находящихся въ избѣ собакъ и кошекъ выгоняютъ вонъ. Послѣ чего молятся иконамъ (образамъ) говоря: «Господи Боже благослови», прочіе съ «Богомъ», по выходѣ изъ дома, свата хлопаютъ по задницѣ лопатой, (которой хлѣбъ въ печь садятъ) въ знакъ того, чтобы не могли отказать въ невѣстѣ. По приходѣ свата въ домъ, онъ привѣтствуетъ: здравствуйте! встаетъ посерединѣ пола, противъ матицы (дерево противъ потолка, полостинное). Хозяйка проситъ садиться, но онъ, говоря: «я не за гостьбой пришелъ, а за сватовствомъ,» называя старшаго въ домѣ невѣсты, отца, если есть, или брата, или дядю, не забывая и мать и т. п. что у васъ есть дочь или т. п., а у него есть сынъ, или отъ кого посланъ; нельзя ли ихъ въ одно мѣсто свести (т. е. супружество). Поблагодаривъ свата, проситъ садиться. Послѣ обыкновенныхъ разговоровъ, проситъ свата дать имъ сроку на поудня или долѣе, но никакъ не больше сутокъ на первый разъ. Свать соглашается. По уходѣ его дѣлается совѣтъ, сначала самими домашними, спрашиваютъ также и невѣсту, которая падаетъ всѣмъ въ ноги и проситъ не отдавать, а поддержать ее еще въ дѣвушкахъ и походить (погулять) не для того, что ей не любъ женихъ, а какъ обыкновенно бываетъ всегда. Прослезившись, родители приглашаютъ на совѣтъ другихъ родственниковъ, болѣе заслуживающихъ уваженія и знающихъ обстоятельства и житье-бытье жениха; даютъ совѣтъ, что отдать можно за жениха, котораго выбираютъ по большей части болѣе зажиточнаго, одинокаго и, соображаясь съ характеромъ домашнихъ и его, не подлежать ли женихъ рекрутской очереди. Если всѣ родные и родственники будутъ къ тому согласны и пре-

пятствующиѣхъ причинъ не имѣется, то спрашиваютъ невѣсту, что идетъ ли она за предназначеннаго ими жениха. Она падаетъ опять въ ноги кому слѣдуетъ, говоря: «воля ваша», не забывая повторять: «за что вы на меня прогнѣвались?» но это означаетъ, что дѣвка согласна. Не пропустивши назначеннаго срока, свать является за приказомъ или отказомъ. Если родители изъявляютъ согласіе, — даютъ ему дары, а равно и жениху платки, (свату въ 80 коп., а жениху въ 50 коп.). А если ждутъ жениха лучше, то просятъ свата дать сроку: день до 6-ти и болѣе, смотря по обстоятельствамъ. Если же отдать согласны, въ то же время свать уходитъ въ домъ жениха, отдаетъ ему дары; потомъ отецъ жениха, или самъ женихъ съ родителями невѣсты, является къ священнику, прося его разрѣшенія на вступленіе въ бракъ. Священникъ узнаетъ о совершеніи лѣтъ жениха и невѣсты, и о родствѣ, и пишутся документы: что со стороны родителей жениха на вступленіе въ бракъ препятствій не имѣется, и что онъ вступаетъ съ благословенія ихъ и съ своего согласія; такъ же и отъ невѣсты (безъ документовъ свадьбы не бываетъ).

Къ документамъ женихъ и невѣста не подписываются, за что отвѣчаютъ родители; затѣмъ укладывается слово на время брака, и даютъ знать роднымъ, но непременно послѣ трехъ впередъ имѣющихъ быть праздниковъ, въ кои послѣ литургіи дѣлается оглашеніе: «не знаютъ ли прихожане родства между женихомъ и невѣстой». Препятствій не бываетъ. За соблюденіемъ порядковъ, послѣ чего бываетъ приглашеніе дѣвушекъ къ невѣстѣ, въ рабочіе дни съ работой, а также и въ праздничные съ какими либо шитьемъ или вязаньемъ, гдѣ поются пѣсни свадебныя. У родственниковъ идетъ въ то время заготовка даровъ и пр. для свадьбы. Передъ днемъ свадьбы бываютъ посидки, куда собираются парни и дѣвки и замужнія жены, даже изъ другихъ селъ. Невѣста наряжена бываетъ въ хорошее по мѣстности платье т. е. сарафанъ посредственнаго ситца или же изъ холста, окрашенный мастерами изъ здѣшнихъ жителей. Съ самаго утра невѣста проситъ къ себѣ своихъ подружекъ, дѣвушекъ, которыя шьютъ жениху рубахи и т. п. Невѣста надѣваетъ на голову повязку, газовую или парчевую; смотря по достатку, повязка, вышиною до 6-ти вершковъ, а на верхъ ея— «чолку» (кругъ высаженный бисеромъ) сажается на переднюю лавку, плачетъ съ причитаніемъ событій изъ ея жизни, обыкновенно бѣднится на родителей (на лавку полагается вверхъ шерстью собственная ея шуба для сидѣнія на ней), по временамъ, когда ей вздумается, захватываетъ своихъ родителей и другихъ родныхъ, не забывая и подружекъ, и въ объятіяхъ ея всѣ плачутъ. Для слезъ невѣсты берется особая женщина, которая знаетъ довольно старинныя обрядовыя пѣсни; произношеніе ихъ бываетъ очень, очень

медленно, съ особеннымъ понятіемъ; голосъ женщины — низкій. Захватившись съ невѣстою рука за руку, кланяются по направленію къ дверямъ, довольно низко, невѣста-же кричитъ во все горло (плачетъ), но не отъ того, что она не хочетъ идти замужъ, а только для обычая, принятаго въ мѣстности. Послѣ чего голосу у нея совершенно не будетъ, такъ что нельзя понять ея словъ. Голошеніе бываетъ съ полдня и до вечера; по окончаніи голошенія бываетъ изготовлена дѣвушками баня, потомъ во время пути въ баню, опять начинается голошеніе. Съ невѣстой идутъ умываться дѣвушки, приготовлявшія баню, и женщина голошельница. По выходѣ изъ бани, отъ жениха являются братъ или сестра съ гостинцами (подарки); изъ нихъ у всякаго жениха матери на повойникъ, гребень для расчески волосъ изъ оленьей кости, мыла кусокъ $\frac{1}{4}$ ф.; иногда калачи или простыя закуски на 10 коп. Тогда уже невѣста стоитъ за столомъ, при поднесеніи подарковъ, посланные кланяются очень низко и просятъ о принятіи, на первый разъ поклоновъ до трехъ. Невѣста беретъ изъ рукъ посланныхъ гостинцы и откладываетъ назадъ къ нимъ, которые просятъ до трехъ же разъ, но никакъ не болѣе; послѣ чего принимаетъ и сдаетъ на руки родственникамъ. Посланныхъ подчуютъ чѣмъ придется, затѣмъ бываетъ покой.

«На другое утро, при отправкѣ изъ своего дома жениха, зажигаютъ восковую свѣчу у образа (иконы) и одинъ изъ родныхъ съ божицы беретъ мѣдную икону, кладетъ на хлѣбъ съ солью; родители берутъ въ руки тоже свѣчу, приступаютъ къ благословенію сына, причемъ подъ ноги его кладется вверхъ шерстью овчинная шуба, долженствующая быть изъ одномастной шерсти. Когда жениху придетъ время падать въ ноги родителямъ, то подхватываютъ приглашенныхъ на свадьбу лица. Женихъ, перекрестившись два раза, падаетъ въ ноги, но поклоны относятся къ св. иконамъ, а третій разъ безъ крестнаго знаменія, который воздается родителямъ, притомъ женихъ говоритъ «благословите». Отецъ и пр. говорятъ: «Богъ благословитъ». Затѣмъ начинается выходъ изъ избы слѣдующимъ порядкомъ: впереди должны, какъ и во всякое время свадьбы, слѣдовать свать, отецъ, женихъ и пр., они стараются не задѣвать стѣнъ двора, но наученно въжливаго человѣка (знахаря), который берется при всегдашнихъ свадьбахъ для того, чтобы никто не могъ поколдовать надъ свадебной процессіей. Кромѣ того въжливый всѣмъ присутствующимъ на свадьбѣ, даже и лошадямъ, приближаетъ наколдованный словами воскъ: первымъ на груди къ кресту, а послѣднимъ къ гривѣ. По приѣздѣ къ невѣстину дому поѣздъ впускаютъ тѣми воротами, чрезъ которыя завозятъ сѣно; здѣсь встречаютъ прибывшихъ, подчуютъ виномъ и пивомъ, и въ пивѣ же томъ, во все время слезъ невѣсты, которымъ платкомъ она утиралась, платокъ тотъ обмываютъ и вы-

жимаютъ его надъ пивомъ досуха, въ знакъ того, чтобы мужъ жену любилъ; знающіе это женихи не пьютъ, а не знающіе само собою что выпьютъ. Послѣ чего входятъ въ квартиру съ крестомъ (т. е. съ крестнымъ знаменіемъ на себѣ, что соблюдается при всякомъ заходѣ и выходѣ) и садятся за столъ. Чрезъ недолгое время выводятъ изъ особой комнаты невѣсту и спрашиваютъ жениха: «на той-ли ты сватался?» — На той, — отвѣчаетъ женихъ. «Хороша-ли наша невѣста?» женихъ отвѣчаетъ: «хороша;» послѣ чего должна отвѣчать невѣста на вопросъ женихова свата. Затѣмъ опять уводятъ ее въ прежнее мѣсто; послѣ угощенія свадебщиковъ, выводятъ невѣсту въ послѣдній разъ; — во время угощеній женихъ долженъ кланяться.

«Предъ отправкой къ вѣнцу одинъ изъ родственниковъ, а болѣе если отецъ, беретъ за платокъ невѣсту въ руки, приводитъ къ жениху, который беретъ ее за правое плечо, надѣвая на руки рукавицы замшевыя, другія же не позволяютъ, препровождаютъ невѣсту позади себя и топчетъ ноги въ знакъ начальствованія надъ нею, когда станетъ невѣста налѣво подлѣ жениха, отецъ или мать преклоняютъ головы ихъ и берется съ головы невѣсты платокъ, которымъ она прикрыта, а въ другую руку ржаной хлѣбъ, разрѣзанный на двѣ части, завертывается въ платокъ хлѣбъ и обходятъ три раза кругомъ преклоненныхъ головъ; послѣ чего платокъ оставляется опять на головѣ невѣсты.

«Затѣмъ отправляются къ вѣнцу, во время пути женихъ кланяется, а равно и невѣста. У вѣнца особеннаго ничего не бываетъ.

«На первое утро молодой работать ничего не даютъ, а днемъ дается ей прясть шерсть, но другая работа не дается. При вставаніи же съ постели молодыхъ, когда придутъ въ общую избу, кто либо изъ пришедшихъ на нихъ посмотрѣтъ заставляетъ молодую пахать (подмести) полъ, какъ можно чище; тогда запасается перье мелкое, сорять по полу сколько потребно, причемъ полъ смачиваютъ водой, чтобы труднѣе было молодой; послѣ чего тихонечко т. е. не говоря никому, присутствующіе берутъ сажу отъ печки, приходятъ къ молодой мараютъ ея лицо сажей, такимъ образомъ перепачкаются и всѣ; послѣ этой сцены молодая даетъ мыла простаго для умыванія. Сорившимъ послѣ даются пряники въ знакъ трудовъ или почтенія. По вечеру же молодая топить баню и просить въ нее свадебщиковъ, ходить лично по домамъ съ кѣмъ либо. Не взирая и на то, что дѣвкѣ женихъ не нравится, ее отдають за него, и она не преступаетъ воли родительской. — При бракѣ не бываетъ безъ того, что она быть можетъ много жениха держать только въ умѣ, чрезъ что бываетъ много непріятностей въ супружеской жизни».

Въ приложение къ сему описанію крестьянинъ Гри-

горій Хромцовъ представилъ «свадебное привѣтствіе,» употребляемое въ томъ же селѣ Сурѣ, слѣдующаго содержания:

«Во время свадьбы, когда женихъ пріѣдетъ за невѣстой и станетъ по обыкновенію за столъ, между тѣмъ тутъ является человекъ съ желѣзнымъ крюкомъ (т. е. кочергой, что въ печкѣ ворочаютъ), знающій нижеслѣдующія слова, — причемъ ударяетъ безпрестанно кочергой въ полъ и отрывисто говоритъ, поворачиваясь на всѣ стороны:

«Помилуй, Господи, желаю здравствовать господину хозяину (дома) съ любящими гостями и съ гостьюшками; ѣхали гости не по зву, а по доброму дѣлу, сватовству — ѣхали темными лѣсами, черными грязями, зелеными лугами и ракиновыми кустами, бѣлы снѣга топтали куньи слѣды — вель куній слѣдъ къ дѣвичину двору, ко невѣстину терему. Г. хозяинъ, есть ли у васъ у дверей придверники, у воротъ приворотники, у печи стряпухи и у стола столыники? — стрѣчай съ коньми, вынимай подворотню: кони шли приустали, (чтобы) дабы копыть не обламали, задавай сѣна до дуги, овса до глазъ (коней). Такъ же и намъ молодцамъ (т. е. довѣренному), питанья, единыя кушанья рыбы, говядины, горпей птицы курятины, бѣлый хлѣбъ чтобы тутъ же былъ, чтобы всѣмъ князьямъ, боярамъ (находящимся въ составѣ свадьбы) было честно, такъ же и намъ молодцамъ — небезчестно, (т. е. незванымъ гостямъ). Господинъ хозяинъ, какъ ваша молода, первобрашная (первобрачная) княгиня будетъ дарить, такъ же и отдарки принимать, и не чваниться и не ломаться. Ежели она будетъ чваниться и ломаться, то у нашего молодого (у жениха) первобрашнаго князя есь (есть) на чванку плеть шелкова о трехъ хвостахъ (концахъ): первый хвостъ коротокъ, другой дологъ, третій стегать ловокъ. Здравствуйте, подпорожные гости (т. е. зрители со стороны), званы не званы, усаты, боролаты, холосты и не женаты, молодцы вожататы (т. е. совѣстны), гладки головы, широки бороды, усы ваши долги. Вамъ стоять не смѣяться и говорить не ухмыляться. Слушайте, послушайте (объ женатыхъ): своихъ женъ на улицу не распушайте, будете распущать, то молодцы ребята будутъ хватать (подчищать). Здравствуйте, маленьки ребяташки, сопливы, возгривы (неумыты), попечики въ гузно не кидать (примѣрно игра въ шашки), пѣть не ходить, на подводахъ не ѣздить, оцей (отцевъ) матерей до коробокъ не доводить (до нищенства). Вамъ не всѣмъ помянно, всѣмъ вообще низко кланяюсь. Здравствуйте, красны-дѣвицы, пирожны мастерицы, веретенны угодницы (пряжа), горшени пагубницы (т. е. горшки ломаютъ во время варки), широки повязки, золотыя ряски (завязки у повязокъ назади), косы наконечники, умильные (умильные) взгляды вамъ (имъ) не всѣмъ помянно, всѣмъ заедино низко кланяюсь. Здравствуйте, добры молодцы, долги поводцы,

ляски строены, то бурки точены, зачулы здричваны (неизвѣстно что такое), вамъ (имъ) не всѣмъ помянно, а всѣмъ вообще низко кланяюсь (поклоны). Здравствуйте, красны-дѣвицы, лебеды бѣлы, ягоды зрѣлы, написаны, намазаны (дѣйствительно щеки румянить), жемчугомъ изнасажены. Вамъ (имъ) не всѣмъ помянно, а всѣмъ вообще низко кланяюсь (поклонъ). Здравствуйте, молоды молодцы, косы кокошницы (повойники), скоры помощницы, скоро помогаючи, сыспода поднимаючи. Вамъ (имъ) не всѣмъ помянно, но всѣмъ вообще поклонъ. Здравствуйте, стары старухи, бобровы треухи, собачьи выпушки, погромки широки (на головахъ шапки), долги стерлы (неизвѣстно что такое), поганы лапы, тѣмъ поклона нѣтъ (и не кланяется). Тысецкому, человеку вѣжливому (обходительному), всѣмъ молодымъ храбрымъ (какъ бы воинамъ) дружкамъ, тутъ же сватьюшки перепелочки, на разъ и съ молодой и первобрачной княгиней. Наша молода первобрашна княгиня (невѣста) сидитъ въ свѣтлой свѣтлицѣ, во высокой горницѣ, личко глажено, головна чесана, рубашка катана, хорошо снаряжена за молодого князя наложена; у нашей молодой княгини поступочка частинька, походочка бастинька (скосырная, прямая); мы за молодую первобрачную княгиню славить не умѣемъ (т. е. обличать) и атамана не имѣемъ (знахаря), хвали прихваливай, говори приговаривай: при днѣ свѣтъ, при солнцѣ луна, при царѣ Москва, при королѣ Литва, при нашемъ батюшкѣ Александрѣ Николаевичѣ вся бѣла-свѣтлорусская земля вознесется, его правая рука по всѣмъ портамъ и нѣмецкимъ королямъ нечестивымъ; при священникѣ бачѣ — мѣсто свято, при боярахъ крѣпко, при донскихъ казакахъ никогда неизмѣнно, весь вамъ дрянскій кругъ съ кормы и до носу (отъ малыхъ да большихъ). Ты тысячкой сидишь въ большомъ углу въ доброй славѣ, какъ въ куньей шубѣ, пивцо, вино попиваешь и насъ молодцовъ забываешь (посѣтителей изъ среды которой вышелъ съ кочергой), насъ молодцовъ немного, только сорокъ два да одинъ, сорокъ два да одинъ вышло восемьдесятъ шесть, подари насъ быкомъ да теллицей, чтобы всѣмъ было тѣмъ подѣлиться (побольше ждутъ пряниковъ, водки), баранъ да овца да опять съ конца, мы (они) хотя подъ порогомъ стоимъ, про васъ (ихъ) про всѣхъ добро говоримъ, отъ всѣхъ подаренья ждемъ, если будете дарить, будемъ добро говорить». — Послѣ чего даютъ ему по возможности пряниковъ и водки стаканъ. во время произношенія словъ всѣ молчатъ, — затѣмъ свадьба пойдетъ своимъ чередомъ».

Близкими по значенію и употребленію къ приведенному здѣсь приговору — слѣдуетъ считать еще три свадебныхъ причтанія, также находящихся въ матеріалахъ, собранныхъ П. С. Ефимичкомъ.

Таково, напримѣръ, причтаніе во время дѣвичника въ Кургоминскомъ селѣ.

«Благословен во Господи, да во первой час ангельской, во второй архангельской, во третій апостольской, съ ангельми, архангельми, со всїи апостолами, воскресєньє свѣтлое всѣхъ людей воскресєлю, стараго и новаго, вселенныя крестимою и столѣю просвѣтєлю мєня красную дѣвицу, за мои тяжки грѣхи, за мое согрѣшенїе мєня не сталъ Богъ мѣловать, отецъ, мати жаловать, они о чємъ протѣвлялись, о чємъ восклучивались на году сего года и на сей негѣмчїи.

«Я умножь воудуманїе, поразмысли разумно, какъ моя родившица, милыя подруженки, сизыя голубушки, онѣ живутъ красуются и живутъ и властвуютъ, ихъ хранитъ Богъ, милуетъ отецъ, мати жалуетъ, на мєня ли мѣлоду гуню красную дѣвицу, Милодарью Фроловну, Господь Богъ протѣвлялся за мои тяжки грѣхи, за мое протѣшенїе—на году сего года проснала я молода въ году три заутрини: первую благовѣщенску, другую христовскую, третью заутрину на сегодняшней божей день воскресєнья свѣтлого.

«Моя родимой батюшко, дакъ свѣтъ Фроль Ивановичъ тебѣ какъ то подвѣсил твои ножки рѣзвыя, ведутъ они лєния съ божьей съ Богородицей, моя родима матушка Филиклїста Гурьевна, тебѣ несутъ рѣзвы ножки, ведутъ лєны они съ фатой шелковой; поднялись бѣлыя рученьки со фатой шелковой, укрываа бѣло лицо, угулаа лєны они, всево свѣту бѣлаго отъ гостей, отъ госьмїенекъ, отъ милыхъ подруженекъ, отъ сизыхъ голубушекъ; ты родимая матушка Филиклїста Гурьевна, чєго я у тебѣ спрошу со родимымъ батюшкою, вы не севодневной божей день понєсли великой гнѣвъ на мнѣ красную дѣвицу на свою дочь голубушку, Милодарью Фроловну, будто я красная дѣвица была дѣвка вольная, дѣвка самавольная, дѣвка носѣдѣлая, сорока пяти годовъ. Мой родимой батюшко, со родимой матушкой не мечтєсь, не радуйтєсь чужєму женїху, большєму боярїну Ермолаю Трифоновичу, со всѣмъ княжїемъ приборонѣть, ты родимой батюшка и со родимой матушкой, вы не сына жените, не невѣску въ домъ вводите, не замѣна буду-то, не спѣши, не торопись, мой родимой батюшка, да свѣтъ, Фроль Ивановичъ, не подвїгай стола бѣлодубова въ сутки во большой уголъ. Моя родима матушка денная печельница, ночна богомольница, не носєл, голубушка, на столы дубовыя шиты, браны скатерти, со хлѣбани съ ситными, со яствы сахарными. Мой родимый батюшка и со родимой матушкой Филиклїстой Гурьевной, не подходите близко къ золоту столу къ чужєму чужєнїну, большєму боярїну Ермолаю Трифоновичу, не тяни правой руки, не примай да не бери отъ чужова чужєнїна чары зелєна вина, ты не порти бѣла лица, ты не пей да не кушай отъ чужа чужєнїна чары зелєна вина питья государєва. Мой родимой батюшка со родимой матушкой, я еще побью чєломъ еще покланяюся, не подходите

близко-во-близко къ злону свѣту большєму Ерємїю Устиновичу, не давай правой руки, не стряхни рукавички, не во слову первому къ рукобїтїю крѣпкому. Моя родима матушка Филиклїста Гурьевна, не носи ты матушка шитыхъ, браныхъ шириночекъ, вы не дарани дарите чужєва чужєнїна, со всѣмъ княжїемъ приборонѣть подарилъ ты, батюшка, со родимой матушкой чужєво чужєнїна мною красной дѣвицей дочєрью голубушкой Милодарьей Фроловной. Ужъ какъ я младюшенка снала, выснїваласє, ждала дожидаласє отъ отца отъ матери побуду раннево наряду носѣтїи, не могла дождатїсє побуду раннево и наряду носѣтїи, я ставала молода безъ побуду раннево безъ наряду носѣтїи, выходила молода на двои трой сѣни, посмотрѣла молода я въ окно въ востѣято на двѣ на три стороны, со восточну сторону изъ-за лѣсу темнаго заря закипантє и свѣтъ расвѣтаетсє, сходить красно-солнышко съ обогрєвой теплою, въ ту пору, да въ то время я Богу молиласє: Слава, слава Господу, слава Христу небєсному. Сходить красно солнышко съ обогрѣвой теплою, землю обогрѣть хочєть, росу обсушитъ хочєть. Я еще посмотрѣла да во лѣтню сторону, высоко да по небу облака катаютсє, да еще посмотрѣла въ сѣверную сторону, чисто ясно по небу, тепло, жарко по землѣ, я уможь подуманю, да поразмысли разумно, какъ во лѣтней сторонѣ не облака катаютсє, въ ту пору, да въ то время туча подымантєсь, изъ-за лѣсу темнаго, темнаго, дремучєго, грозна становилася, въ ту пору да въ то время я Богу молиласє, нешто туча грозная она падаєть опуститсє на лѣсы на темныє; кусъ лѣсу приклонитсє прутьємъ до сырой землї, не могла грозная туча пасти опуститсє да на лѣсы на темныє, катитъ потихошенько по полямъ по широкимъ, по лугамъ по зелєнымъ, ужъ я въ ту пору да въ то время я Богу молиласє, пронєси Богъ истинной эту тучу грозную тихимъ потихошенько. Нешто падите, опуститсє на поля широкїя, на луга зелєныє, на травы шелковыя, на цвѣты лазурєвы, не могла грозная туча пасти, опуститсє, на поля широкїя, на луга зелєныє, на травы шелковыя, она катитъ потихошенько да къ намъ на нашу сторону да на скатню улїцу, она становилася противъ двора хорошего, противъ свѣтлой свѣтлицы, противъ столовой горницы, ужъ я въ ту пору да въ то время Богу молилася, нешто туча грозная она падаєть, опуститсє на двory сусѣднїє, не могла грозная туча пасти, опуститсє да на двory сусѣднїє, надкатилася туча грозная на нашъ дворъ волѣсєтой, надъ новъ высокъ терємъ и на свѣтлыя свѣтлицы и на столовыя горницы, изъ той тучи грозныя, сильныє громы грянулї, со громомъ да со стукомъ и со Божьей милосєдїю изъ той тучи грозныя пошелъ частой дождичекъ. Этотъ частой дождичекъ не топнѣть, да не мочитъ: ни отца, ни матери, ни роду, ни плємени, ни милыхъ подруженекъ, омочилъ тотъ частой

дожь меня красну-дѣвицу Милодарью Фроловну, меня съ буйной головы да вплоть до рѣзвыхъ ноженекъ, знобучи занобило мое живо ретиво сердце. Я умомъ подумаю не понесу на батюшку со родимой матушкой гнѣву великаго, я понесу великой гнѣвъ на зла свата большаго Ермолая Трифоновича. Онъ ходилъ, ухаживалъ ко двору, ко огороду, ко высокому терему, ко красну крылечушку, онъ тропилъ тропиночку и торилъ дороженьку къ нашимъ свѣтлымъ свѣтлицамъ да ко столовымъ горницамъ, вызывалъ онъ батюшку Фрола Ивановича и со родимой матушкой Фиклистой Гурьевной, на красну крылечушко, скидывалъ съ буйной головы свою пуховую шляпочку, кланялся нижешенько и говорилъ гладешенько, его рѣчь умилная, поговоры гаадки. Онъ хвалилъ, нахвалявалъ чужу дальнюю сторону, чужу жару добрую, у чужа чуженина житю жира добрая, будто чаша полная, у чужа чуженина много хлѣба стоялаго, много денегъ лежалыхъ, много платья свѣтнаго грядки изънавѣшены, у чужа, чуженина много скота рогатаго, и семья совѣтная, поля што скатерти, лугова што скачены, на чужой на сторонѣ хорошо жить, красиво при большой дороженькѣ, и приволье славное и мѣсто противъ породное, его дворъ колѣсатой стоитъ во 500 рублей, его скитня улица стоитъ въ цѣлую тысячу.

«Мой родимый батюшка и со родимой матушкой, не сдавайся батюшка на зла свата большаго, на его рѣчь умилную и на поговорку гладкую, онъ хотъ ходилъ, ухаживалъ и хвалилъ, нахвалявалъ, говорилъ, обманывалъ, все облыжно сказывалъ. Этотъ чужой чуженинъ добръ до родней, молодець не вдостой мнѣ, сужено не вдостой не подверсту, у чужа чуженина житю жира ровная и житѣ крестьянское, да житѣ недостаточное. Этотъ большой сватовщикъ, онъ вочью обманываетъ, да все облыжно сказываетъ, да въ глазахъ вылавитце, этотъ большой сватовщикъ вертяче дьявола, у чужа чуженина нѣтъ хлѣба стоялаго, нѣтъ денегъ лежалыхъ, мало платья цвѣтнаго и скота рогатаго и семья не совѣтная, поля горбоватая, пашни холмоватая.

«Мой родимый батюшка да свѣтъ Фролъ Ивановичъ, ты не пом да не корми млада ясна сокола чужа чуженина, со всѣмъ княжимъ приборомъ и путь дорожку уважи: они люди негожие, захожи, заѣзжие люди незнакомые, они не нашей волости будто птицы залетныя, по мѣстамъ и спадали, долго засидѣлися, ништо оглядѣлися. У родимова батюшки и родимой матушки, у ихъ срядно стоить срядонъ въ 100 руб. и скатертки въ тысячу, на то оглядѣлися, на то осмотрѣлися, на хлѣбы бѣлы ситные, на яствы сахарныя. Мнѣ топерь топериче да мнѣ-ка присидѣлося за бѣрчаты завѣсой съ милыми подружками съ сизыми голубками. На мнѣ притопилося платье цвѣтное, на мнѣ пригорѣлося да отъ тѣла бѣлаго».

Прочитаніе, когда пошли изъ-за стола:

«Ужъ ты чужой чуженинъ добръ дородной молодець Ермолай Трифоновичъ, я стану наказывать, да я стану рассказывать на домъ челобитьице твоей родимой матушкѣ, чтобы не надѣялись на слугу на работницу и на замѣну великую, не пасла бы не ладила не толченья, не молотья пшоны бѣлояровы. Откажусь я младешенька при отцѣ, при матери, при всемъ родѣ племени, не слуга и не работница и не замѣна великая, не могу я стойти у рая дубоваго, не могу я ворочати сѣра-бура камня, ручки не тянучи и плеча не могучи».

Прочитаніе при переборѣ изъ-за завѣсы въ большой уголь:

«Мой родимой батюшка да свѣтъ Фролъ Ивановичъ, дай мнѣ волю вольную и путь дороженьку въ сутки во большой уголь во мѣсто любимое, я разольюсь рослачуся рѣкой Вигой славною передъ родимымъ батюшкой и роскичусь, рассыплюся скатнею жемчуженькой передъ родимой матушкой. Мой родимой батюшка да свѣтъ Фролъ Ивановичъ настиги-ко батюшка того свата большаго во пути дороженькѣ, ты отбери шириночки тонки полотняныя. Откажи ты, батюшка многимъ чужимъ людямъ съ двора не съѣзжаючи и съ ноги не ступяючи. Денная печельница, ночна богомольщица, моя родимая матушка, свѣтъ Фиклиста Гурьевна, притострочь-ко, матушка, ты младой дѣвичничекъ, хотя взавтра на вечеръ: я еще покрасуюся и еще повластуюся съ милыми подружками съ сизыми голубками. Ужъ ты млада ясенъ соколъ, мой родимый брателко да свѣтъ Лазарь Фроловичъ, тако есть во теремѣ, да тако есть во высококомъ, дайся въ очи видѣти совѣтъ дума крѣпкая, положи-ко брателко сроки долгие, хотя на годъ времени; мы станемъ жить по старому хороше прежняго. У меня есть въ теремѣ одно-утробная сестрица Федосья Фроловна, притострочь голубушка младой дѣвичничекъ, хотя на одинъ часъ времени. Молода невѣстушка да свѣтъ Дарья Федоровна по-разобей у батюшки совѣтъ думу крѣпкую, притострочь голубушка мой младой дѣвичничекъ хотя взавтра на вечеръ, млада невѣстушка донеси голубушка честно челобитьице до родимой тетушки до Ирины Михайловны.

«Ахти мнѣ тошнешенько да моему сердеченьку въ заомѣтъ позабыла, въ тоскѣ да въ кручинѣ, въ печалѣ великой. У меня помѣшался умъ разумъ въ моей буйной головѣ. Свѣтъ крестовая матушка крестодержанная божатушка Акулина Ивановна, совѣтъ дума крѣпкая, дайся въ очи видѣти на часу тепериче, притострочь божатушка да ты младой дѣвичничекъ, хотя завтра на вечеръ.

«Я брала, перебрала да всю лисье бумажное, я брала, выбирала по себѣ печельника, себѣ добротника и большаго разговорника изъ дядей дядюшку, да изъ тетокъ тетушку и изъ братьевъ брателка и изъ сестеръ сестрицу. У меня теперъ теперича у меня всѣ въ собраньицѣ великой весь родъ племя, они за одно думу думали и въ

одно слово молвили, меня избываете, красна дѣвица доложусь я родимому брателку да свѣтъ Лазарю Фроловичу.

«Мой родимой брателко да свѣтъ Лазарь Фроловичъ, ужъ ты выставь брателко перевары пьяные; мой родимой брателко да свѣтъ Лазарь Фроловичъ, ужъ къ чему-то брателко твой варенъ честной канунъ, перевара пьяная; мнѣ-ка глади глянитце въ эту пору времечко, нѣтъ честнаго праздничка, да не дошли поминочки поминать родителей. Хотя мнѣ не скажете, я сама знаю, вѣдаю, млада я взгадаю: у васъ свекренъ честной канунъ, не молодой дѣвичникъ, на живую разлугу. Мой родимой брателко, поучи младешеньку ко кресту стобразному, ко молитвѣ святой и ко низкимъ поклонечкамъ: на чужой на сторонѣ меня красну дѣвицу, невдостой тебя, будутъ, стануть учить переучивать, торить перетаривать, въ ту пору да въ то время. Мой родимый брателко, ты падешь на умъ разумъ, нелѣсна заплачуть-то мои очи ясныя. Мой родимой брателко да свѣтъ Лазарь Фроловичъ, дай мнѣ волю вольную и волю превольную заводить дѣвичничекъ, ты попой, почествуй переварой пьяною всѣхъ многихъ добрыхъ людей, для злата серебра и для честнова здарьнца.

«Мнѣ-ка красной дѣвицѣ стыдомъ не устыдитися и крытьемъ не укрытися и другомъ не заминатися, будетъ доложитися всѣмъ многимъ добрымъ людямъ мнѣ челомъ ударити, низко поклонитисе для честнаго здарьнца.

«У насъ есть въ нашемъ дому во високомъ теремѣ у родимаго батюшки дорогой почтенный гость добръ дородной молодець, соколъ бѣлокрыльчатый, младъ наливной яблочекъ, наливная ягодка да свѣтъ Иванъ Даниловичъ. Изволь стать да выступить да изъ мѣста любимаго на свои ножки рѣзвыя, на сапогъ зелень сафьянъ, на скобы серебряны, на гвозди полужонные. Ты отца сынъ добраго, матери просужіе, нешто опочинулись да твои ножки рѣзвыя, нешто оглядѣлисе твои очи ясныя, нешто обогрѣлисе твои ручки бѣлыя, изволь стать, да выступить да изъ мѣста любимаго, нешто оправить крыльца, приуладить перьяца, залети ясенъ соколъ младымъ яснымъ соколомъ. Аминь молитвѣ святою сисполна Иисусовой, спасеть Богъ, низкій поклонъ за честное здарьницѣ, на полтинѣ золотѣ, на второй серебряной, что ты честно честь ведешь, честно считаешь меня, избави душу красную дѣвицу Милодарю Фроловну, такъ и прочимъ».

К. Шабунинъ сообщилъ съ своей стороны слѣдующее дополненіе къ описанію свадебныхъ обрядовъ въ Пинежскомъ уѣздѣ:

«Поздравленіе молодыхъ послѣ вѣнца въ Пинежскомъ уѣздѣ бываетъ такъ: когда пріѣдутъ молодые, одинъ крестьянинъ не изъ участвующихъ на свадьбѣ, беретъ кочергу изъ своего дома или чужаго, когда будутъ за столомъ и поведется угощеніе, является и привѣтствуетъ:

«Господинъ хозяинъ! позволъ пѣсню сказать, молодаго князя поздравить съ молодой княгиней. Г. хозяинъ! вѣхали

къ вамъ гости не по зву, а по сватовству темными лѣсами, черными грязями, зелеными лугами, ракиновыми кустами, бѣлы слѣга топтали, куньи слѣды попали. Повелъ кунный слѣдъ къ хозяйскому двору, къ дѣвѣму терему. Г. хозяинъ, есть ли у васъ у воротъ притворники, у дверей придверники, у печки стряпухи, у стола столъники? у князя кони пріустила, знать копыть не обломали, отпирай ворота, вынимай подворотню, задавай конямъ сѣна до дна, овса до глазъ, такъ имъ молодцамъ, князямъ, боярамъ питанья и ѣденья и кушанья пива и вина, рыбы и говядины, нагорной птицы и курятины и бѣлый хлѣбъ; а вамъ, подпорожные гости, прошу покорно на мѣстѣ не смѣяться, а говорить не обмыляться, слушайте, послушайте: на улицу своихъ женъ не спускайте, станете спускать—будутъ молодые ребята подчищать. Желаю здравствовать всѣмъ князьямъ и боярамъ. Прошу покорно свадьбу играть отъ свѣту до свѣту тайнаго совѣту, винограду чернаго, вина зеленаго, сахару бѣлаго, быть человѣку смѣлому, прошу покорно раздаться по лавкамъ въ кругъ, по скамейкамъ въ куть, когда будутъ молодыхъ князь бояръ дарить, молодымъ князьямъ боярамъ дары принимать, не смѣяться и брать не ломаться; какъ дарили молодыхъ князей бояръ и какъ они будутъ отдаривать молодую княгиню, молодой княжнѣ принимать отдачи не чваниться, а будетъ чваниться, занадобится шелковая плетка о трехъ хвостикахъ, одинъ хвостъ тонокъ, другой дологъ, а третій стегать очень звонокъ. У нашей молодой княгини походка бастинька, поступка храбринька, рубашка катанная, личико глаженное, къ вамъ наряженное; за нашу молодую княгиню, атамана прихваливай, говори, приговаривай. Мы атамана не смѣемъ приговаривать, не умѣемъ; сколько знаемъ, столько скажемъ: при солнцѣ свѣтъ, при мѣсяцѣ луна, при парѣ Москва, при королѣ Литва, при нашемъ Батюшкѣ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ вся святая русская земля и вознесетъ его правая рука такъ крѣпко на всѣ орды, нѣмецки города, и нечестивы всѣ орды нѣмецки побѣжа и короли нечестивы задрожа. При священникѣ мѣсто свято. Богъ дай на радость молодому князю съ молодой княгиней быть многу союзу, съ бѣлой лебедью на синемъ на морѣ, на тихой заводѣ; въ домъ отцу и матери велика-хвала и радость. Богъ дай на радость тысяцкому человѣку, Богъ дай на радость всѣмъ князьямъ боярамъ, Богъ дай на радость двумъ храбымъ дружкамъ, молодымъ молодцамъ, удалымъ головамъ, кудрявымъ обѣимъ бью челомъ, да низкой поклонъ, желаю здравствовать всѣмъ. Свадебные гости званы незваны, жданные нежданые, усаты, бородаты, холосты неженаты, молоды вожоваты, табашники, желванники, вшивы, плѣшны, сопливы и возгривы, по лавкамъ подъ порогъ, по скамейкамъ въ заворотъ, не всѣмъ помявно, а всѣмъ бью челомъ да

низкой поклонъ, а вамъ, красны дѣвицы, пирожны, мастерицы, горшечныя пагубницы, сметаны паносницы, веретены свертены, серебряныя ряски, широки повлеку, долги ванесники, не всѣмъ помянно, всѣмъ бью челомъ да низкой поклонъ, особенно вамъ молодыя молодилы долги поводцы строчены, побурки точены, загулы оброчены, а вы молодилы молодилы красны кокошнички, косы подвлички у васъ....»

За симъ предлагаемъ описаніе свадьбы въ селѣ Ракулѣ Холмогорскаго уѣзда, доставленное крестьяниномъ Дохтуровымъ.

Крестьянскій обычай изъ старины ведется: мужикъ выроститъ дѣтей, сына или дочь. Безъ родительскаго дозволенія ничего не позволяютъ дѣлать: по своей любви даже и въ бракъ вступать, безъ согласія родителей, не могутъ женихъ съ невѣстою. Если сынъ себя избралъ по согласію и любви невѣсту, то родители его останавливаютъ, не даютъ дозволенія жениться; а хотя жениху невѣста и не нравится, то принуждаютъ ее брать насильно. Такимъ же образомъ и невѣста, хотя женихъ и не нравится ей—принуждаютъ идти насильно, даже и не спросить у невѣсты, просватать, съѣздить, житье посмотреть, да напьются пьяны и сдѣлаютъ смотрины. Когда первоначально женихъ садеть за столъ со своими родственниками, невѣстины родственники угощаютъ тѣхъ пріѣзжающихъ водкой. Когда невѣсту выведутъ, то всѣ пріѣзжающіе гости и женихъ встаютъ съ мѣстъ, зажигаютъ съ иконъ свѣчку. Въ то время отецъ невѣсты выводитъ свою дочь, спрашиваетъ первоначально у отца жениха: любя ли? А отецъ и мать жениха смотрятъ и говорятъ, что хороша. Потомъ обращается къ жениху, спрашиваетъ его. А женихъ, не смотря ни на что, отвѣчаетъ: «любя не любя, да судьба привела». Потомъ женихъ выходитъ изъ-за стола, становится съ невѣстой рядомъ: отецъ невѣсты благословляетъ жениха и невѣсту иконою, а мать невѣсты хлѣбомъ-солью. По благословленіи женихъ заходитъ за столъ и садится на свое мѣсто; потомъ невѣстѣ кладутъ на поднось платокъ, она подаетъ жениху, а женихъ невѣстѣ даетъ кольцо, потомъ уѣзжаютъ домой. Черезъ нѣсколько дней бываетъ такъ называемое плаканье: невѣста плачетъ. Къ ней собирается много народу: молдыхъ ребятъ и дѣвушекъ, и пожилыхъ мужичь, и женщинъ. Невѣста плачетъ, а дѣвушки, которыя родственницы и сосѣдки, садятся за столъ, а приходящія стоятъ въ комнатѣ, поютъ пѣсни свадебныя. А молодые ребята ходятъ, такъ называемо, съ приносомъ, заходятъ за столъ къ невѣстѣ и садятъ себя невѣсту на колѣни, а женщину, которая при невѣстѣ находится, садитъ напротивъ, и приплакивать этому парню какъ бы—на гуляньи, а парень кладетъ на поднось деньги—копѣекъ десять и болѣе, а женщина даетъ особенно по копѣйкѣ и по двѣ; потомъ этому

парню подають браницу пива, онъ пьетъ и пьетомъ уходитъ, и такъ даѣе. А женихъ пріѣзжаетъ въ невѣстѣ съ гостинцами: привозитъ гостинцевъ и разныхъ закусокъ, и пряниковъ, и орѣховъ. Потомъ, спустя нѣсколько времени, бываетъ большое смотрѣнье. Наканунѣ этого смотрѣнья бываетъ сборище: собирается много народу. Когда женихъ пріѣзжаетъ на большое смотрѣнье, тоже и самъ сватъ сходитъ съ лошади и стучитъ въ стѣну до трехъ разъ, потомъ заходятъ въ квартиру, садятся гости по своимъ мѣстамъ, а сватъ на концѣ стола командуетъ дѣлами. Подлѣ свата сидитъ знатокъ, такъ называемый колдунъ, его угощаютъ водкой. Потомъ какъ невѣсту выведутъ, спрашиваютъ у жениха: «та-ли?» Онъ отвѣчаетъ: «та». Потомъ невѣста обноситъ жениховыхъ родственниковъ водкой, потомъ и своихъ. Послѣ своихъ сосѣдей, какъ обнесетъ ихъ водкой, тогда даритъ родителей жениховыхъ; обдаритъ, уводитъ. Невѣста плачетъ. Женихъ выходитъ изъ-за стола, идетъ къ невѣстѣ. А дружка въ родѣ шафера, приговариваетъ: скокъ черезъ порогъ, едва ножки приволокъ, идетъ дружка локоношка, за скобу руками, за молитву зубами; здравствуйте, красны дѣвицы, молодыя молодилы, пирожны мастерицы, а стары старушки (новивальны бабушки), горшечны пагубницы, сидите на печи, ѣшьте калачи изъ ржаного тѣста, тамъ вамъ мѣсто. Раздайтесь, разступитесь на всѣ на четыре стороны, да пустите нашего князя первообрачнаго до княгини первообрачнаго дати на бѣлы бѣлила, на красны румяна. А ты, красная дѣвица, красна княгиня, первообрачна молодилы, не куражься, гордость слѣсъ оставилъ здѣсь, а низкіи поклонъ клади, да къ намъ вези: у насъ горка крутенька, водица близенька, коромысло тоненько, ведерышко маленько; подъ гору ходи не запинаясь, на гору ходи не задыхайся; у насъ огороды крѣпки, у васъ сарафаны рѣдки: по огородамъ не скачи, сарафановъ не дери; у насъ окошки высоки: по улицамъ ходи, на окошки не гляди молодыхъ ребятъ. За невѣсту отвѣчаютъ:

«Отдалъ меня батюшка не въ малую семью: свекоръ да свекровь да четыре деверя, двѣ золовочки и двѣ старыя тетушки. Отъ вѣнца меня везли, приговаривали: свекоръ говоритъ: «къ намъ медвѣдицу везутъ», свекровь говоритъ: «къ намъ люту змѣю», деверья говорятъ: «неткаху везутъ», золовки говорятъ: «непряху везутъ», старыя тетки говорятъ: «немолотилыщицу». Ужь я ночку проспала да и смѣнилась, ты позволь-ка, свекоръ батюшка, по горенкѣ пройти, слово вымолвить: «свекоръ на палатяхъ, какъ кобель на канатѣ, свекровь на печи, какъ сука на цѣпи, деверья-соколы ваши жены таковы какъ и я. Золовки-плутовки вамъ самимъ замужъ идти, замужъ пойдете, таковы же будете. Старыя тетушки сорокосочки, вы сидите на печи, не указывайте,—я васъ поставлю на порогъ, да въ три шеи за порогъ».

Когда женихъ идетъ сватать, то прежде заѣзжаетъ къ

священнику на благословеніе, оба со сватомъ или со сватьей. Потомъ отправляются, куда намѣрены, сватать невѣсту. Высватаютъ невѣсту, возвращаются обратно домой,—заѣзжаютъ въ кабакъ: берутъ четверть водки или полведра, по состоянію, даже и ведро. Дожидаются отъ невѣсты смотрѣть житья, а по просватанію невѣсты, родственники отправляются смотреть его житье. Какъ пріѣдутъ къ жениху, онъ выходитъ встрѣчать и кто есть при немъ родственники, зовутъ гостей въ избу, накрываютъ на столъ, наливаютъ по чашкѣ чаю, просятъ за столъ, но гости, не смотря на ихъ прошеніе, всѣ въ квартирѣ стоятъ стоймя и не садятся, и если женихъ не по нраву, идутъ вонъ изъ квартиры. Если женихъ по нраву, просятъ невѣстины родственники показать у жениха, что есть имущества на лицо: сколько скота и хлѣба, въ томъ числѣ и одежи. Все просмотрятъ, молятся Богу, и бьютъ руна объ руку, садятся за столъ, пьютъ чай и угощаются водкой до-пьяна. Потомъ возвращаются къ невѣстѣ. Невѣста встрѣчаетъ родственниковъ и плачетъ, бросается каждому въ ноги со слезами. Потомъ собираются въ той деревнѣ дѣвушки и пожилыя женщины къ невѣстѣ. Невѣста плачетъ и бросается въ ноги со слезами. Отецъ невѣсты по прибытіи отъ жениха, отправляется въ кабакъ, беретъ водки. Дожидаютъ жениха на смотрѣнье; въ который день смотрѣнье собираются молодые ребята и дѣвушки, пожилыхъ лѣтъ мужчины и женщины, всѣ приходятъ къ невѣстѣ. Невѣста плачетъ съ причетами, при ней пожилыхъ лѣтъ женщина обучаетъ ее плакать и причитать во время свадьбы. За это время отъ невѣсты платятъ той женщинѣ чѣмъ-нибудь изъ хлѣба: пироги съ рыбой изъ ржаного тѣста и пироги на прѣсномъ ржаномъ тѣстѣ, начиненные яшновой на молокѣ простоквашей съ масломъ.

Съ тою же простотою описаны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ замѣчательною подробностію, сватанье и свадьба въ селѣ Кургоминскомъ Шенкурской волости, со словъ крестьянина Сысоева. Вотъ это описаніе.

Крестьянинъ-отецъ, вознамѣрясь женить своего сына, говоритъ напримѣръ: «Ванька, тебя станемъ женить». — Нѣтъ батюка, мнѣ не хотѣе. «Что ты, дуракъ, не хотѣе, кому же у насъ робить, вѣдь мати-то одна (называетъ свою жену для сына матерью), да и стара ужъ стала, и хотъ хватись и дровъ-то принести некому, вѣдь самъ знаешь, одинъ у наши-то не споръ, но ужъ не говори будемъ женить». — «Старикъ, (жена называетъ своего мужа) да на чьей дѣвкѣ-то, думаешь женить?» — «Вотъ тѣ на чьей, да хотъ поѣдемъ къ Пашѣ Благочинному, (по прозвищу называютъ одного мужика)». «Словъ нѣтъ, мужикъ знаетъ, что у насъ все есть, давай пожалуй, дѣвака-то на работу ядрена, кого пошлешь въ сватовцы-то?» «Не знаю, кого же, да хотъ Василья Гора, который настоящій плачя (одному мужику дано прозвище Васья Горѣ-пла-

чя), онъ лучше другаго высватить». — «Дагъ что, старикъ, сходи, пошли него, да вочто: вели нему Ваньку-то нашего хвалить, пу! что мужъ, какъ пойдетъ такъ ужъ будетъ хвалить, а не пойдетъ дагъ пошли Московку, (называютъ по прозвищу одну женщину), она не хуже, знаешь, Васьки Горя». Приходитъ старикъ (отецъ Ваньки) къ Васькѣ Горю, говоритъ: «выйди-ка, свать, со мной на пару словъ на дворъ!» Васья Горѣ говоритъ: «оболокчись (т. е. одѣться), али въ одной рубахѣ?» «Да хотъ въ рубахѣ». Выходятъ на дворъ (въ сѣни). Говоритъ старикъ: «во что свать (называетъ Ваську Горю по маленькой роднѣ), я тебя хочу послать къ Пашѣ Благочинному». «Зачѣмъ?» «Да вотъ здумали со старухой-то женить Ваньку, у него кабыть дѣвка хороша». «Да что говорить, хороша, я знаю всѣхъ наперечетъ дѣвогъ-то». «Да какъ эта дѣвка не хороша, дакъ гдѣ другую-то лучше этой найдешь?»

Васья Горѣ приходитъ къ Пашѣ Благочинному. Говоритъ: «Павель, выйди на дворъ со мной не надолго!» Не надолго выходятъ на дворъ. Говоритъ Васья Горѣ: «Павель, послалъ меня къ тебѣ Тарасъ Архиповчевъ, здумалъ сына женить, да что отдай дѣвкѣ-то, парень-то хорошей». «Знаю, что хорошей, да что у меня вотъ большуха-то скажетъ» (Павель называетъ жену свою большухой). «Да что пойдѣмъ переговоримся!» Приходятъ въ избу Павла. Говоритъ Васья Горѣ (женѣ Павла). «Что, Яковлевна, (называетъ по отчеству) я пришелъ къ вамъ за дѣвкой (отъ Ваньки Козла) отъ Тараса Верхорѣчнаго, отдай за парня-то, — какъ хошь, давай дѣвку — парень хорошей стоитъ дѣвки, знаешь, вѣдь парень табаку не нить (т. е. не нюхаетъ и не курить)». Потому это при первомъ разговорѣ объясняютъ, что здѣсь больше раскольники, этого табаку ненавидятъ: основываются на своемъ законѣ—что этотъ табакъ выросъ не на землѣ, а у одной блудницы дѣвки на естественной части, поэтому его ненавидятъ и это считаютъ за грѣхъ великій, и легче, говорятъ, жить необратно холостому парню съ дѣвницей, или даже съ женой чужой, съ замужнею, это считаютъ за грѣхъ свальный, и стоитъ отъ этого грѣха получить прошеніе: взять въ куриное яйцо т. е. въ скорлупу порожнюю влить, сколько войдетъ, воды, на себя вылить: тѣмъ получаютъ прошеніе и этимъ себя очищаютъ, а за употребленіе табаку человекъ проклять. Да вотъ еще почему многіе изъ православныхъ совращаются въ расколъ, что живя многія лѣта значить и много имѣютъ грѣха, и чтобъ отъ грѣха избавиться, приглашаютъ по ихнему названію старшину старообрядческаго, просятъ его, чтобъ онъ перекрестилъ хотя-бы кого не было, изъ православія въ старую вѣру привелъ; тотъ старшина сейчасъ погружаетъ въ кадку, наполненную водою, совершаетъ свои молитвы и тотъ, перекрестившись чрезъ сего старшину въ водѣ, считаетъ себя спасеннымъ,

потому что, хотя многія лѣта жилъ, но всё нажитые грѣхи своею купелью обмылъ. Но возвратился къ сватовству.

«Хватись, чего у мужика нѣту: хлѣба стараго полжитницы, четыре скотины на воду ходять, два теленка на сѣнѣ, пятигодовой быкъ на корму, конь тоже хорошій, одиннадцать овецъ и деньги водятся, домикъ живеть; а хоть изъ платья-то, шубъ бѣлыхъ сукманинъ, у парня кафтанъ, рубаха дорогаго кумаку, тяжевые штаны, поясъ изъ дорогаго прядева шлѣпской шерсти, и кисти какія наведены, не то што двой кисти, да и концы-то у пояса разѣ на два вершка, да гдѣ на два, чуть не на три вышиты золотомъ, какъ срядитце, просто золотой, все бы на его глядѣлъ, ну что говорить! Парень ходять на сплавку, гроша не промотаетъ, не пьяница, а осень-то ходить въ лѣсъ: у него въ лѣсу насторожено сорокъ петель, да тридцать кулемъ, сколько оупь переловить зайцевъ, есть ружье и собака, стрѣляетъ бѣлку, собака у него, говорятъ, хороша, а чуль у старовѣра Митрохи цѣлковый давали за собаку-то, и мортъ плести мастеръ, и рыбъ ловить въ озерахъ шустръ, да вѣдь ты самъ слыхалъ, отецъ-то говорить: мы тепере на свѣжихъ спимъ, а на уткахъ въ баню ѣздимъ, да просто все есть у нихъ». «Знаю что есть, ну такъ что говоришь, большуха?—говорить Паша своей женѣ, отдадимъ, за парня-то, стоитъ парень дѣвки нашей, отдадимъ давай. «Какъ хошь, отдавай». Васька-Горе: да что тутъ, давай. Павелъ, Богу со мной помолимся. Помоляся Богу, ударились по рукамъ. Васька-Горе говорить: побѣжу къ Ванькѣ за нимъ, сегодня придемъ съ виномъ и сосватаемъ. Приходитъ Васька Горе въ домъ Тараса Верхоуфчянаго, говорить: «слава Богу, выходилъ дѣвку». Тутъ Тарасъ—отецъ Ваньки и жена Тараса говорятъ: «ну выходилъ, такъ слава Богу». «Ну что дѣлать нечего, Васька Горе говорить: оболокайся въ кафтанъ да пойдёмъ, зачѣмъ пошли». Одѣвается Ванька. Говорить Тарасъ, отецъ Ваньки: «что мнѣ нужно-ли ходить съ вами?» Васька-Горе говорить: «не надо, мы все безъ тебя состряпаемъ». Пошли, идутъ, дорогой говорить Ванька плачѣ и сватовцу Горю: «много-ли возьмемъ вина на свѣтанье, четверть?» «Какое четверть! говорить Горе: возьми полведра что-ль, дѣтинушка, тутъ соберется много дѣвушекъ и молодыхъ, ну надожъ имъ бросить по стакашку». Взяли полведра, говорить плачѣ Горе: намъ вѣдь знаешь, плачѣя не нужна, я вѣдь самъ плачѣя. Приходятъ въ домъ къ Пашѣ Благочинному, женихъ молится Богу и говорить: «здорово живите». Будущая его теща: «проходитко, Иванъ Тарасовичъ», и такъ легко забѣгала, что худо слышитъ подъ собой ногъ своихъ, рукотерть схватила со спицы, ну, лавки опахивать.—Говорить плачѣ Горе: «ну, Яковлевна, зачѣмъ пришли, то и дѣлать надо». «Что дѣлать, я вѣдь ей-богу не знаю, у насъ одна споена и скорилена Марфушка». Заревѣла: «что это, что задумалъ ере-

тникъ (мужа своего ругаетъ), только у меня одна свѣтила въ глазахъ, охъ-ти-хти-хти тошнехонько, что мнѣ будетъ». «Не реви, Яковлевна, вѣдь это вѣкъ на вѣкъ дѣлають, не у насъ однихъ, какъ бы ты отдавала за табачника или за мотыгу, то бы тебѣ ревьтъ, а то, слава Богу, мужики живутъ дородне, всяка всячина есть. Ну, давай собирай на столъ, тyani въ большой уголь, да веди невѣсту». (Невѣста въ это время въ клѣтѣ одѣвается покрасивѣ). А тутъ начинаютъ сливаться со всѣхъ сторонъ дѣвки, молодухи и парни, посмотрѣть какъ будутъ что дѣлать. Женихъ со сватовцемъ садится въ большой уголь и приглашаетъ, чтобы, если всѣ знакомые и родственники, за столъ посадили кого нужно, женихъ беретъ принесенное вино въ лагушки, наливаетъ въ братынь, тутъ и ведутъ невѣсту закрытую, чтобы не могли видѣть ея лица, послѣ чего учиняеть она ревь во всю часть, женихъ же наливаетъ стаканъ полугара (вина), просить первоначально хозяина, чтобы оупь выпилъ стаканъ водки, потомъ хозяйку, и послѣ ихъ пьютъ сами, женихъ и сватовець; женихъ выводитъ изъ-за стола невѣсту, вскрываетъ и подаетъ стаканъ вина, а она въ то время нѣсколько, какъ сказать по здѣшнему, чеченится т. е. какъ будто ей стыдно, да и страшно, однако принимается и пьетъ; выпивши стаканъ, придетъ сватѣя уведомить въ малой уголь той-же избы и этотъ уведъ ей повторяють разъ до пяти, и тогда, окончивши водку, невѣсту опять закрываютъ.—Плачѣя садится на скамью и всѣ дѣвушки въ порядокъ начинаютъ про невѣсту дѣлать плачный причетъ, а невѣста во время этого чрезвычайно реветъ:

Боецѣ мнѣ Господа да будетъ не убоецѣ.

Стыдитѣ отца матери да будетъ не устыдитѣ.

Крытѣ мнѣ подруженекъ будетъ не укрытисѣ.

Подавать будетъ зычепъ голось:

По двору нову-городу, по двору нову-городу да по
высокому терему

На широкую на улицу, да по широкой по улицѣ

Во сусиди, во складники, въ порядны приближенные.

Хотя усудятъ, подивують со сторонъ добрые люди.

Пойдутъ да подивують удалы добрые молодцы.

Сашоволька красная дѣвица

Въ дому у солнышка батюшка,

Да у солнышка у батюшки,

Да у родимыя матушки,

Нанередъ я помолилася свѣту Господу Богу.

Я тогда благословилася у свѣта солнышка батюшки,

Я у солнышка у батюшки

Да у родимыя матушки,

Приходитъ же ко мнѣ батюшка

Близко не подилѣ.

Отдалъ мнѣ благословеньичѣ да мыкать горе велико

Спасибо тебѣ, батюшка,
 На великомъ благословеньи,
 Дайте во очи видити мнѣ родимую матушку,
 Отдай-ко мнѣ, матушка, да велико благослове. . . .
 Дала ты мнѣ-ка матушка, да велико благослове. . . .
 Спасибо тебѣ, матушка, на великомъ благословень. . . .

Пѣсня эта поется въ то время, когда женихъ приходитъ къ невѣстѣ съ гостинцами. Послѣ этой пѣсни будутъ дѣлать причетъ невѣстѣ насчетъ родительскаго благословенья.

Въ этомъ причетѣ слова иногда не допѣваются. При распѣвѣ онаго нужно обратить вниманіе на склонъ, каждаго стиха; а что написано: послѣ окончанія сватанья поется «боетце и зыченъ голось»,—это ошибочно, потому что плачя онаѣ рассказывала въ родѣ сказки, а какъ начала нараспѣвъ, при пособіи дѣвушекъ, то вышло иное. Этотъ стихъ при первомъ случаѣ при причетахъ плачныхъ употребляется, но прежде этого стиха, когда женихъ расподаетъ принесенное вино, тогда до этого еще стиха про жениха поется пѣсня, которая съ самаго начала употребляется еще ранѣе сего стиха.

Пѣсня во время сватанья, употребительна сначала до плачныхъ причетовъ:

О диво лелю, младу мою.
 Иванъ Василисте напитокъ даетъ (два раза)
 О диво лелю, младу мою.
 Даетъ онъ даетъ, приговариваетъ (два раза)
 О диво лелю, младу мою.
 Отмойся бѣло да ходи хорошо (два раза)
 О диво лелю, младу мою.
 Черезъ тынъ не скачи, красиковъ не дери (два раза)
 О диво лелю, младу мою.
 Черезъ мостъ не ходи, своихъ пять не коли (2 раза)
 О диво лелю, младу мою.
 Наша Василиста не плакуша была (два раза)
 О диво лелю, младу мою.
 Два поля шла и не плакала (два раза).
 О диво лелю, младу мою.
 А третье пошла и заплакала (два раза)
 О диво лелю, младу мою.
 Лузи болота вода понела (два раза)
 О диво лелю, младу мою.
 Князя бояра перевозятся, перевозятся. переносятся (два раза).
 О диво лелю, младу мою.
 Нашей Василисты не перевезуть, не перенесуть (два раза)
 О диво лелю, младу мою.
 Нашей Василисты чужа сторона (два раза)

О диво лелю, младу мою.
 Незнакома, не родимая (два раза)
 О диво лелю, младу мою. . . .

Плачный причетъ жениху во время сватанья:

Да ходилъ, гулялъ ясенъ-соколъ по чистому полю *)
 Заряжалъ да добрый молодецъ калену стрѣлу. . . .
 Говорилъ же добрый молодецъ рѣчи, таково слово
 Полети ты калена стрѣла на чужу, дальну сторону. . . .
 У моего у батюшки да ворота незатворенныя. . . .
 Да у моей-то у матушки двери незатворенныя
 У меня у красной дѣвицы да завѣса незадернута. . . .
 Заметѣла калена стрѣла да въ домъ ко солнышку
 батюшкѣ

Да ко солнышку ко батюшкѣ, да ко родимой ко мат. . . .
 Устрѣлила калена стрѣла во ретивое сер. . . .
 Стые да поры времени да весела не была. . . .
 Да стые поры времени да до сыта не ѣдала. . . .
 Да стые поры времени да до плотна не сыпа. . . .
 До сель мой родители были добры и жало. . . .
 Жилось у родителей да до поры да до вре. . . .
 Пропилъ меня батюшка да на винѣ на зеле. . . .
 Пробилъ да руку правую съ дорогимъ злеченымъ перс. . . .
 Да названой чужой брателю да Иванъ сударь Тара. . . .
 Меня усудятъ подивуютъ да со сторонъ добрые лю. . . .
 Да почему-же красной дѣвицѣ чужой названной мой
 брат. . . .

Не-одной то воли города, не-одной подвинские ге. . . .
 Этотъ тотъ да добрый молодецъ славны топеской во. . . .
 Да въ топеской во волости да все дородны добры мол. . . .
 Все дородны добры молодцы, да хороши красны дѣв. . . .
 Тамъ дороденъ добрый молодецъ да добрымъ людямъ
 на за. . . .

Да добрымъ людямъ на завидость да лихимъ на издивле. . . .

Ростомъ вѣточка зеленая, лицемъ наливная ягодна. . . .
 Въ три часу даливалася, да во одинъ часъ исполня. . . .
 Кудри твои волосы, да золотыя коси. . . .
 Въ три ряду да завивалисе. . . .
 Въ первый рядъ да завивалисе да по плечамъ разм. . . .
 Въ другой рядъ да завивалисе да ко уху привива. . . .
 Въ третій рядъ да завивалисе да изъ кольца въ кольцо
 по мета. . . .

Да на всякой на кудриночкѣ да по скатной бисер. . . .
 Да на всякой волосиночкѣ да по золотой пота. . . .
 Тотъ средился доброй молодецъ да добрымъ людямъ
 на за. . . .

Да добрымъ людямъ на завидость, да лихимъ на издивле. . . .

Своему-то отцу матери да столько на посмотре. . . .

*) Окончаніе словъ не допѣвается.

Не уболять-то родители во всё очи по смотри. . .
Да поять, кормить родители да на свѣчахъ на
молеб. . .
Да свѣчи-то Богу ставятъ: они здоровьеча мо. . .
Да молебны-то служатъ они вѣку наставле. . .
Да сряжаютъ родители въ дорого цвѣтное пла. . .
Ты средился добрый молодець луче князя да бояри. . .
Лучше купча гостя торго. . .
Ты хорошей доброй молодець да добрымъ людямъ
на за. . .
Да добрымъ людямъ на завидось, да лихимъ на из-
дивле. . .
Житье ваше богатое словно синее море. . .
Ты ходилъ да доброй молодець да въ гульбу молоде. . .
Въ гульбу да молодецкую да въ Питербургъ слав-
ный гор. . .
У тебя поступочка бурлелькая да честь хвала мо-
лоде. . .
Тебя много да люди знаютъ да именемъ называ. . .
Именемъ тебя называютъ да вочиною велича. . .
Да не могъ же ты жениться да въ угульбѣ молоде. . .
Приѣхалъ доброй молодець да въ домъ ко солнышку
батю. . .
Да ко солнышку ко батюшку, да ко родимой ко ма. . .
Вздумалъ же ты жениться на чужой дальней сто. . .
Мои честны родители, да глупые неразу. . .
Отдали родители да на чужу дальну стор. . .
Да молодымъ я молодехонька, да зеленымъ зелене. . .
Подошелъ ты доброй молодець, да близко неподале. . .
Принесъ ты доброй молодець любочестные гости. . .
Да спасибо добру молодцу на любочестныхъ гости. . .
На многомъ да приношеньиче, да на большомъ по-
даре. . .
На рублѣ денегъ, на полтинѣ, на цѣлой золотой
гривнѣ. . .
Послѣ жениха принадлежитъ сватовцу нижеслѣдующій
причетъ:
У насъ въ дому у батюшки сидятъ за сряднымъ зо-
лотымъ столо. . .
Незнамые гости съ чужы дальныя стороны. . .
У батюшки родимаго да позву званья го. . .
У матушки родимыя да пожду жданные гости. . .
Да у меня у красной дѣвицы да неминуція го. . .
Да за грѣхъ будетъ не миновати да чужи дальныѣ
сто. . .
По такимъ грѣхамъ достанусе да за таково человекъ. . .
Жалосливой сидятъ брателко да Василей Ермолая. . .
Ты хорошей, доброй молодець добрымъ людямъ на-
завид. . .
Приходилъ же булшей сватовець въ домъ ко сол-
нышку бат. . .

Да ко солнышку ко батюшку, да ко родимой ко ма. . .
Да не хотче больша сватовца да именемъ называ. . .
Выводилъ у меня ты батюшку да изъ ума, да изъ
разуму. . .
Родимую-то матушку да изъ великія памяти. . .
Ты лукавилсе, вилавилсе въ дому у солнышка бат. . .
Хвалилъ ты да нахваливалъ да чужу дальную сторону.
Сказалъ ты на чужой сторонѣ да по два схожаго
солнышка.
По два младаго мѣсяцу, по два теплаго лѣту. . .
Сказалъ ты на чужой сторонѣ, да по два колосу
паволо. . .
По два руна хлѣба сымають да по одному насѣва. . .
Хлѣба-то стоялаго да анбары иззасыпаны. . .
Денегъ-то лежалыхъ-то да сундуки иззасы. . .
Платя-то цвѣтнаго да градки иззавѣш. . .
Говорять-то люди добрые рѣчи таково слово. . .
Ныниче у сватовца да вся хвала потеря. . .
Не сходитъ на чужой сторонѣ да по два схожаго
солн. . .
Не катаятце на чужой сторонѣ да по два младаго
мѣсяца. . .
Да нѣтъ-то на чужой сторонѣ по два теплаго лѣту. . .
Не приходитъ на чужой сторонѣ да по два колоса
навосо. . .
И нѣту на чужой сторонѣ хлѣба стоялаго да и де-
негъ лежа. . .
У нихъ холоду и голоду да анбары иззасыпаны. . .
Слезъ-то да горючихъ-то да сундуки иззаполнены. . .
Трипушечекъ, ремушечекъ да все градки иззавѣ-
шены. . .
Этотъ ходитъ добрый молодець да во царевые ка-
баки. . .
Да пропѣеть да промотаетъ да все село и деревню. . .
Какъ за грѣхъ будетъ неминовати да чужи дальныя
стор. . .
Да за грѣхъ будетъ житье неудачное. . .
Я тебя да больша сватовца стану клясти проклина. . .
Понеси тя лѣшой сватовца да далеко во темные
лѣсы. . .
Во лѣсу-то заблудитися да и назадъ не воротитса
Да какъ тебѣ да большу сватовцу да со горы сока-
титиса.
Со горы да сокатитиса да о камень заразитиса.
Ото глупа неразумная, да душа красная дѣвица. . .
Проклинаю больша сватовца, мнѣ за грѣхъ будетъ
Не миновати да чужи дальныя стор. . .
А какъ на чужой сторонѣ да будетъ мѣсто издачное. . .
По уму будетъ по разуму чужа дальная сторона. . .
По обычью да понаровью чужой сынъ отецкой. . .
За тебя я больша сватовца да буду Бога молити,
Подай Богъ большу сватовцу житья долгаго вѣку. . .

Буду я ходити ко Божьей святой ко церкви
 Ко ранной ко заутрене да ко священной къ обѣднѣ. . .
 Стану власть на суда Бога сударь солнышка батюшка. . .
 Сталь онъ меня давати-то на чужу дальну сторону
 Большой сватовецъ силой не отымаеть да боеть не
 отбиваеть. . .

Большому-то сватовцу да повелѣное дѣло. . .
 Какъ пойдешь да большой сватовецъ да на чужу даль-
 ну сторону

Да во путь да во дороженьку тебя виномъ напоить
 Впередь большому сватовцу много даровъ насуля. . .
 Не радуйся ты сватовецъ да даромъ не веселися. . .
 Тебѣ не сто локоть даровъ достантце, тебѣ не цѣлая
 тысяча. . .

Только обойдется тебѣ одна мѣрная искосинка
 У большаго у сватовца жена не пряха, не ткаха.
 Куды-же искосинку да подернути будешь.
 Не знать себѣ да на портяночки, не знать женѣ на
 искосинку.

Я пряха простыночку да во филиповое говинье
 На кирпичной на печкѣ да подь дымолочнымъ окош-
 комъ.

Ткала простынечку да во великое говинье. . .
 Окна не выставляла да близемъ не разшивала. . .
 У меня у красной дѣвицы на патонку прядено да
 и не начисто выткано. . .

Не на круто кручено, да и не набѣло бѣлено. . .
 Не на дары лажено. Лажена простынечка да на бѣлыхъ
 рубашечки

Не можете на меня чужы добрые люди
 Судомъ да посудити, да дивомъ подивовати,
 Подошелъ-то ко мнѣ брателько близко не подалеку,
 Поднесъ да во бѣлыхъ рукахъ много золота и се-
 ребра. . .

Спасибо тебѣ, брателько, да на многомъ прино-
 шеньиче. . .

На многомъ да приношеньиче да на бульшемъ подар. . .
 На рублѣ денегъ, на полтинѣ, на цѣлой золотой
 гривнѣ.

Эти причеты поеть плачя вмѣсто невѣсты.

Тотчасъ послѣ сватанья будетъ приготовленіе свадьбы
 какъ у невѣсты, такъ и у жениха (у той и другаго во-
 первыхъ завариваютъ пиво). Къ невѣстѣ во время де-
 вичника собираются всѣ дѣвушки, также и молодые парни
 той волости, въ которой она находится. Къ жениху
 собираются на дѣвичникъ родные и знакомые и прибли-
 женные сосѣди, для угощенія пивомъ, водкой (сивухой),
 частью хлѣбомъ-солью. Столъ во время мужскаго дѣ-
 вичника приготовленъ съ перемѣнами: на первый разъ
 тогда имѣются у нихъ щи съ говядиною, во вторыхъ
 кудебяки изъ соленой трески, въ третьихъ изъ палту-

сины, въ четвертыхъ изъ соленыхъ сигаговъ, послѣдняя
 перемѣна у нѣкоторыхъ—свѣжая рыба, послѣ этого
 сочни т. е. тонкія лепешки разсканы, величиною въ
 рѣшето, изъ ячной муки; а въ постное время для ухи
 варится сухая треска, мелко крошится, кладется въ
 глинянный горшокъ, прибавляется часть крупы и соли,
 все это уваривается, какъ слѣдуетъ и употребляютъ
 при первой перемѣнѣ. Тотъ же самый столъ, какъ
 во время дѣвичника и свадьбы у невѣсты, въ приго-
 товленіи кушанья съ перемѣнами находится и у же-
 ниха. Къ невѣстѣ во время дѣвичника собираются всѣ
 дѣвушки въ самомъ нарядномъ приборѣ, также молодые
 парни (а особливо шегольки); родные невѣсты сидятъ за
 приготовленнымъ столомъ, которыхъ отецъ и мать уго-
 щаютъ пивомъ, водкой (сивухой). Когда соберутся всѣ
 дѣвушки и усядутся по лавкамъ и скамьямъ, тогда
 плачя будетъ продолжатъ плачный причетъ, одному ва-
 кому либо парню богатому и хорошему, отъ котораго
 намѣрены получить гостинцы. Парень несетъ невѣстѣ
 гостинцы, также и плачѣе денежнымъ количествомъ, по
 возможности своей, а дѣвушекъ даритъ пряниками. За
 симъ женихъ, во время дѣвичника своего, приглашаетъ
 сперва родныхъ своихъ, потомъ знакомыхъ ему пріятелей,
 въ княжескій поѣздъ, а равно крестнаго отца, котораго
 у нихъ называютъ тысяцкимъ и крестную мать по женихѣ,
 называемую сватьей. Ежели вблизи живутъ, какъ ты-
 сяцкой такъ и сватья, то во время дѣвичника спра-
 шиваютъ у приглашенныхъ: заготовлены ли у васъ
 колокольчики? (обычай въ здѣшнемъ мѣстѣ, ежели по-
 ѣдутъ за невѣстой, то привязываютъ къ дугѣ колоколь-
 чиковъ, около 12-ти штукъ; это дѣлается въ зимнее
 время). Въ отвѣтъ жениху во время дѣвичника, отвѣ-
 чаютъ, что колокольчики заготовлены. Онъ говоритъ имъ:
 «такъ пріѣзжайте завтра поранѣе всѣ»; а сторожъ тоже
 приглашается послѣ сватанья вскорѣ: онъ въ поѣзду глав-
 ное лицо, и потому называется главнымъ, что предохра-
 няеть отъ порчи какъ невѣсту, такъ и жениха. Послѣ съ
 дѣвичника уходятъ домой, и назавтра пріѣзжаютъ всѣ
 поѣзжане, которые были приглашены въ домъ жениха, изъ
 оныхъ женихъ, какъ-то изъ ближайшихъ брата своего, а
 ежели нѣтъ его, то и зятя назначаетъ въ дружки, а сторожъ
 ранѣе поѣзжанъ находится при женихѣ; поѣзжане къ
 жениху не вдругъ всѣ собираются, кто пріѣдетъ прежде,
 того угощаетъ женихъ на повѣтѣ водкой и пивомъ, за
 какое угощеніе пріѣхавшій даетъ жениху гостинцы—
 бараньихъ ходилъ, обернутыхъ платкомъ, ежели нѣтъ
 ходилъ, то даритъ кудебякой; такимъ же образомъ же-
 нихъ принимаетъ всѣхъ до послѣдняго и угощаетъ
 вышениванными гостинцами. Когда всѣ поѣзжане съ-
 ѣдутся, тогда начнетъ сторожъ готовить столъ къ
 кушанью: разстиляетъ первоначально скатертку во весь
 столъ, потомъ сажаетъ жениха, тысяцкаго (т. е.

крестнаго отца), сватью (т. е. крестную мать), потомъ позволяеть жениху посадить первоначально брата своего, а ежели нѣтъ брата, то зятя, потомъ сажаетъ прочихъ рядомъ одинъ возлѣ другаго, сравнивая съ родомъ своимъ (ближайшихъ родомъ), сажаетъ въ большой уголъ, и т. д. въ такомъ порядкѣ: женихъ, тысяцкой по лѣвую руку жениха, а сватья по правую на срединѣ женской лавки, а сторожъ напротивъ ихъ. Послѣ этого сторожъ благословляется у хозяина въ домѣ и хозяйки рѣзать хлѣбъ, находящійся въ то время на столѣ. Они кланяются и благословляютъ и говорятъ: «съ Богомъ продолжай». Тутъ сторожъ противъ каждого поѣзжанина кладетъ ржаные изъ хлѣба нарѣзанныя скоски, затѣмъ всѣхъ обнесетъ такимъ же образомъ ячнымъ пирогомъ, потомъ скаными ячными сочными, всѣмъ дается по столовой ложкѣ. Послѣ этого сторожъ требуетъ отъ хозяйки на тарелкѣ (рыбниковъ, кудебьякъ) одинъ или два и кладетъ на тотъ и на другой конецъ стола по рыбнику и на средину онаго, и говоритъ хозяйкѣ: «неси уши», въ постный день, а ежели въ скоромный, шей и говядины на тарелкѣ; а хозяйинъ во время приготовления стола по приказанію сторожа приноситъ штофъ вина (полугару). Когда все сторожемъ приготовлено: тогда встаетъ весь княжескій поѣздъ на ноги и начинаетъ молиться Богу, а сторожъ въ это время читаетъ молитву: Отче нашъ и т. д.; когда прочтеть всю молитву, поѣзжане отвѣчаютъ: аминь, садятся всѣ по своимъ мѣстамъ; по позволенію сторожа выходятъ изъ-за стола два дружки, берутъ въ руки штофъ съ виномъ и подаютъ изъ онаго на подносѣ съ двумя рюмками: первоначально хозяину и хозяйкѣ дома, потомъ тысяцкому. Дружка въ это время читаетъ молитву «Господи Іисусе Христе Сыне Божій! помилуй насъ», а тысяцкой принимаетъ рюмку и отвѣчаетъ ему: аминь, также и сватья; а женихъ въ это время стоитъ и кланяется, и весь тотъ день не употребляетъ хлѣба и питья до тѣхъ поръ, пока не обвѣнчается и не привезетъ въ домъ свой невѣсты. Подаютъ далѣе сторожу, сами дружки выкупаютъ по рюмкѣ, послѣ этого всѣмъ подаютъ по порядку поѣзжанамъ, а сторожъ даетъ хозяину сочень, и говоритъ: раздѣлите съ хозяйкой пополамъ. Раздираютъ сочень и ѣдятъ. Хозяинъ проситъ весь купно княжескій поѣздъ кушать хлѣба-соли, кланяется: «кушайте гости». И они послѣ хозяина приступаютъ къ кушанью, а собравшіяся въ это время на посмотриніе народъ хозяинъ угощаетъ пивомъ, нѣкоторымъ подаютъ по рюмкѣ вина. Когда всѣ откупаютъ, и молятся Богу и сторожъ читаетъ ту же молитву: «Отче нашъ» а въ это время горитъ свѣча у иконы. Женихъ по окончаніи стола подаетъ тарелку для собиранія со всѣхъ поѣзжанъ денегъ, кто сколько пожелаетъ. А сторожъ въ это время жениху ко кресту и всѣмъ поѣзжанамъ прилѣпляетъ воскъ для предохраненія, чтобъ не могли испортить кого въ поѣзду. Послѣ этого

женихъ собираетъ съ тарелки деньги и кладетъ въ свой кошелекъ; выходятъ изъ-за стола всѣ. Женихъ падаетъ отцу и матери въ ноги, также крестному отцу и крестной матери, проситъ у нихъ благословенія къ благополучному браку. Они его благословляютъ и гладятъ по головѣ рукой не голой, съ задернутымъ рукавомъ. Сватовецъ беретъ съ собою для угощенія родственниковъ невѣсты и прочаго тутъ на свадьбѣ народа, лагушку пива, сватья—большой платокъ для закрытія невѣсты, а сторожъ — двѣ свѣчи для зажженія. Выходитъ весь княжескій поѣздъ изъ избы и садится всякъ на свою лошадь, потомъ выѣзжаютъ на улицу и становятся в рядъ, одна лошадь за другой, т. е. кому надлежитъ за кѣмъ ѣхать, первымъ надлежитъ ѣхать дружкамъ, далѣе поѣзжанамъ, тысяцкой посреди поѣзжанъ, а женихъ позади тысяцкаго; за женихомъ сватья, за сватьей сторожъ; когда такъ установятъ весь поѣздъ, тогда обходить сторожъ всѣхъ лошадей кругомъ: первыхъ гладитъ за чѣлку. Это дѣлается для того, чтобъ дорогой надъ конями не посмѣялись. Бывали случаи, что во время проѣзда вдругъ лошади всѣ останавливаются и впередъ не идутъ. (Это, говорятъ; какой-то человекъ надъ сторожемъ смѣется: поставилъ на самую дорогу медвѣдя). Какимъ это способомъ дѣлаютъ, неизвѣстно, а на это у нѣкоторыхъ, какъ говорятъ, есть такія слова, принадлежащія дьяволу. Дружки по прибытіи сейчасъ ѣдутъ скоро на въездъ, вдругъ въ это время ворота у невѣсты запираютъ, а дружка первой начинаетъ щелкать нижеслѣдующія слова:

Щелкальныя слова съ вопросами, и противъ оныхъ отвѣты.

Господи Іисусе Христе Сыне Божій! помилуй насъ.

Это произноситъ на первый разъ, (на это отвѣчаютъ: аминь вашей молитвы. Что вы за люди и зачѣмъ пріѣхали?) Мы люди Божіи да государевы, насъ два посла посланника, двѣ дружки передоѣзжихъ. Мы посланы отъ князя первобрашнаго, мы пріѣхали къ вашему дому, не нахально, не навально, по первому зву по сватовству, по другому рукобитью, по третьему данью, рукоданью; мы ѣхали чистыми путями, зелеными лугами, наволочными мѣстами, дремучими лѣсами, лѣсы дремучіе, болота зыбучія, грязи тонучія, ручьи ребиновы, мосты калиновы, озера тихія, рѣки быстрыя, мѣря чистыя, мы ѣхали увѣками, переулками, искали кунницы и лисицы, не нашли ни кунницы, ни лисицы, только нашли одинъ куній слѣдъ. Тѣмъ же куннымъ слѣдомъ ѣхали, гонили и всѣхъ молодцовъ притомили; доѣхали до блага шатра до господскаго дому. (Есть ли у васъ въ домѣ господинъ хозяинъ?) (Есть). Господинъ хозяинъ, куній слѣдъ отводи, не то красную дѣвицу выводи, насъ молодцовъ

въ пути и дорогѣ не жарки, нашего князя первообраш-
ника въ чистомъ вѣдѣ не томи. Господишь хозяйинъ,
князи свои приближились, всѣ молодые пригостились, ко-
лодежки князю князь сѣна зеленого, овса ядренаго,
сѣна не вѣдѣна, овса не вѣдѣна. (Есть князю князь
сѣна зеленого и та гонимая). Г. хозяйинъ, ны къ тебѣ
приблизилъ: не въ рожь, не въ пшеницу, но по красную дѣ-
вину? Князь на князю дѣвину пригости? У насъ на
господишь хозяйинъ близокорной пожелонъ, сидитъ она
въ дѣвину пшени. князю терему. въ дѣвину бесѣдѣ,
въ дѣвину въ дѣвину. на брусовой лавкѣ, подь черной
бѣлой. подь бѣлой платонъ. Ручьями помахиваетъ,
своихъ князь приближаетъ. унизилно пригости, своихъ ро-
дственниковъ и князь. а насъ молодцовъ въ пути въ до-
рогѣ приближаетъ. Господишь хозяйинъ, есть ли у васъ у
дѣвину — дѣвину. у дѣвину — пригости. у сто-
ла въ — дѣвину. у дѣвину — стряпчие люди. Ваша стряп-
чиха съ дѣвину приближалась. на курьихъ говнѣ раскатилась,
съ дѣвину приближалась. Господишь хозяйинъ, есть ли
у васъ князь караульщики? (Своихъ приставъ). Чтобъ
ты въ караульщики ворота отпирали. высоки подворот-
ники выжили. чтобъ наши кони ногъ не переломали и
князь не заломали: что же, господишь хозяйинъ, этого
дня не хотѣлъ ворота запираеть и двери затворять, съ
чего ворота заперъ и двери затворилъ, или съ какого
позволенія взял? (Потому ворота запираю и двери зат-
воряю, вашъ княжескій поѣздъ въ одно мѣсто сѣдаю).
То ваши не отговорки, а нашъ княжескій поѣздъ не въ
разсорнѣ. — Тогда отворяютъ ворота, дружки заходятъ въ
комнату приговаривая: «за скобу руками, за молитву
зубами». Помолвившись Богу одинъ изъ нихъ продолжаетъ:
«Здравствуй, господишь хозяйинъ, съ женой и съ дѣтьми,
приходящими гостями, посланникомъ посланнымъ отъ
князя первообрашнаго; велѣлъ спросать про княгиню
первообрашную, челомъ ударить низкій поклонъ отдать.
Князь первообрашный спрашиваетъ, добра ли-здорова,
также велѣлъ сказать про свое здоровье. Остается онъ
въ чистомъ полѣ, въ пути и въ дорогѣ, въ широкихъ
раздуляхъ, подь краснымъ солнцемъ, подь свѣтлымъ
мѣсяцемъ, подь теплыми муравами, подь темными обла-
нами, подь частыми мелкими звѣздами, съ княжимъ ты-
сяцникомъ, съ княжей сватьюшкой и со всѣмъ молодымъ
съ княжимъ поѣздомъ, съ духовнымъ отцемъ. Доброе
здравіе, еще же г. хозяйинъ, велѣлъ нашъ князь пер-
вобрашный челомъ ударить, низкій поклонъ отдать и при-
казалъ намъ спросить: желаешь его въ домъ къ себѣ?»
«Милости прошу». «Когда милости просишь, теперь онъ
приказываетъ становить столы дубовые, разстилать ска-
терти шелковыя, неси на столъ питья, яствы разныя,
яствы сахарныя, рюмки хрустальныя, ситныя бѣлые хлѣбы,
молитвенныя рыбы, гусей, лебедей, сѣрыхъ плаучихъ утиць,
князь бичку пьянаго, станови на столъ вина зеленого,

князь весь молодой княжескій поѣздъ: княжаго ты-
сяцкаго, княжую сватьюшку, также и насъ молодцовъ не
забывай». Послѣ сего подходятъ къ невѣстинной сватьѣ
и одинъ причитаетъ: «здравствуй, сватья, наша сватья
вашей сватьѣ поклонъ присылала, велѣла челомъ уда-
рить, челобитье справить, честь воздать, низкій поклонъ
отдать, велѣла встрѣтить въ пути и въ дорогѣ въ по-
лотняныхъ дверяхъ, на калиновомъ мосту, чтобъ были
у вашей сватьи ноги съ подходомъ, руки съ подносомъ,
голова съ поклономъ, языкъ съ приговоромъ. велѣла
встрѣтить съ пивомъ да съ виномъ, со пшеничнымъ пи-
рогомъ; еще краснымъ дѣвцомъ и молодымъ молодцомъ,
гостямъ приходящимъ всѣмъ вообще купно низкій по-
клонъ, старымъ старухамъ по шилу въ жопу». По про-
четѣ сихъ словъ, подноситъ невѣстина сватья дружкамъ
на тарелкѣ по плату и сочню. Тогда выходятъ дружки
изъ избы на улицу къ поѣзданамъ, сторожъ идетъ
впередъ, а дружки позади. Обходя кругомъ поѣзда, сто-
рожъ гладитъ каждую лошадь за гриву или по заду,
а дружки приговариваютъ противъ каждой саней, въ
которыхъ находятся поѣздане: Милости просишь, кня-
гиня первообрашная, въ домъ! И родственники ея тогда
въѣзжаютъ во дворъ по порядку одинъ за другимъ, какъ
слѣдуетъ. Хозяйинъ принимаетъ въ избу и садитъ за
столъ, а сторожъ распоряжается, нибѣтъ наблюдение какъ
прежде сидѣли у жениха, такъ должны сидѣть и у не-
вѣсты, лишь только усядутся, сторожъ требуетъ у хо-
зяина огня. Когда сторожъ получить отъ хозяина огня,
зажигаетъ свѣчку, находящуюся у иконы въ большомъ
углу, свитую изъ двухъ. Всѣ встаютъ, которые на-
ходятся за столомъ, а сторожъ читаетъ молитву:
«Отче нашъ». По прочтеніи сей молитвы всѣ отвѣ-
чаютъ: аминь, садятся на прежнее свое мѣсто, а
дружки тогда выходятъ изъ-за стола и несутъ при-
готовленное хозяйномъ пиво, а сторожъ въ это время
благословляется у хозяина, разстилаетъ на столъ ска-
тертку и разрѣзываетъ хлѣбъ, кладетъ каждому по
скоску рѣзаннаго хлѣба, покрываетъ, ежели въ скором-
ные дни, ячными пирогами, поверхъ ихъ сочнями и тре-
буетъ отъ хозяйки во-первыхъ кулебакъ, потомъ шей
или уши, смотря по времени постнаго или скоромнаго
дня. Также спрашиваетъ хозяина: есть ли, хозяйинъ, у
тебя водка? Тогда выносить хозяйинъ штофъ полугару
(вина), сторожъ получаетъ вино и подаетъ дружкѣ.
Дружка наливаетъ двѣ рюмки вина и подаетъ во-первыхъ
хозяину, потомъ хозяйкѣ, тысяцкому, сватьѣ. Дружка
выпьетъ самъ рюмку и подаетъ далѣе. Второй дружка
за нимъ вслѣдъ подаетъ по стакану пива и говоритъ:
«Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ».
Принимающій пиво отвѣчаетъ: аминь. При обносѣ
всѣхъ виномъ и пивомъ, сторожъ приказываетъ за-
тушить свѣчку у иконы. Послѣ этого принимаются

кушать. Невѣста во все это время реветъ, а плачя продолжаетъ плачные стихи дѣвушкамъ до пріѣзда брака. Когда откушаютъ, сторожъ принуждаетъ плакать поѣзжанамъ за столъ, и говоритъ: уже не рано стало, чтобъ намъ не опоздать къ вѣнчанію. Плачя послѣ этого начинаетъ причитать тысяцкому, потомъ дружкѣ и поѣзжанамъ. Во время этого причета, дружка приноситъ дары невѣстѣ и плачеѣ деньгами, по возможности своей. Когда подходитъ къ невѣстѣ то произноситъ нижеслѣдующія слова: Красныя дѣвицы, молодыя молодницы, подбирайте рѣзвыя ножки, дайте свѣту изъ окошка, подойдите къ сударынѣ челомъ ударить, челобитье справить, честь воздать, низкій поклонъ отдать, а ты, сударыня, не будь горда, а будь вожовита, гордость, спѣсь подъ лавку спрячь, лѣнь, потяготу въ подполье кинь. Ты, сударыня, не плачь, не тужи и ни о чемъ не вопи, у нашего батюшки вода близенько, ушатцы маленьки, коромысла тоненьки, прими, сударыня, на красныя румяна, на бѣлыя бѣлыла, за то што тонко пряла, ситно ткала, коробейку крутила, намъ молодцамъ нарочила. Ты, сударыня, не ломайся, сама разувайся, у насъ побудешь и насъ разуешь, иди не съ вѣрой, а къ вѣрѣ.

Когда невѣста приметъ гостинцы, также и плачя, послѣ этого начнетъ дарить всѣмъ дѣвушкамъ пряники; принимая ихъ дѣвушки низко кланяются. Когда окончатся весь столъ плачными причетами, тогда у родителей стануть просить благословенія, подойдутъ къ невѣстѣ отецъ и мать съ благословеніемъ, и вскорѣ стоящіе по сторонамъ невѣсты, одѣтой во всемъ снаряжномъ уборѣ, проводники подхватываютъ ее подъ руки, а она въ это время сидитъ; тогда тысяцкой и сватья, находящаяся за столомъ, поднимаютъ жениха подъ руки, а невѣсту проводники, поѣзжане жъ, сидящіе за столомъ, такъ и прочій на свадьбѣ народъ, кричатъ: стаеть, а проводники кричатъ: стала, и стараются такъ, чтобъ жениху и невѣстѣ встать вмѣстѣ на ноги т. е. въ одну минуту, а нѣкоторые со стороны смотрятъ на происходящее и размышляютъ: ежели невѣста стала послѣ жениха, то она будетъ надъ мужемъ имѣть большинство, у поѣзжанъ за столомъ въ это время свѣча у иконы за свѣчена. Послѣ этого проводники ведутъ невѣсту, привязанную однимъ концомъ къ правой рукѣ полотенцомъ и отдають прямо жениху чрезъ столъ. Женихъ, принявши невѣсту за полотенцо, оставитъ ее возлѣ себя, вертитъ вокругъ себя три раза и старается послѣ этого, когда будутъ садиться, чтобъ платье невѣстино подъ себя засѣсть; кромѣ этого приравниваетъ сѣсть на одно колѣно. Когда сѣли, въ то время кричатъ: «на многія лѣта» до трехъ разъ, а со сторонъ кричатъ: «сватовець, пожалуй табаку, а тысяцкой княжнаго пива!» А сватья даетъ всякому тутъ на свадьбѣ гостинцы (ячмыныхъ сочней, а поособеннѣ кому пшеничныхъ пи-

роговъ). Послѣ того будущая теща подноситъ жениху на братынѣ (съ пивомъ) ситцовой платокъ фабричнаго издѣлія. Принявъ братынѣ съ платкомъ, зять тотчасъ изъ кошелька вынимаетъ и кладетъ въ ту братынѣ отъ 1 р. до 5 руб. и болѣе, и отдаеть назадъ тещѣ, она же, сливши пиво, собираетъ деньги и отдаеть обратно жениху т. е. зятю своему, и говоритъ: «у насъ пива нѣтъ продажнаго»; а дѣвушки и молодцы въ это время поютъ пѣсню:

У князя было князя
У князя молодого (2 раза)
У Ивана та свѣта
У Ивана та свѣта,
У Тарасова сына (2 раза)
Были кудри золотыя,
Золотыя, навитыя
Навитыя и накладныя;
Что по этимъ по кудрямъ
Тестъ зятя любитъ,
За зятемъ то ходить,
Сто рублей денегъ носить,
Зять съ лавки не сойдетъ,
Съ головы шапки не сойметъ,
Онъ челомъ не ударитъ,
У насъ этого дару
Дару дома довольно,
Довольно сыздовольно,
Што у батюшки роднаго,
А што у матушки родныя.
У князя было князя
У князя молодого (2 раза)
У Ивана та свѣта
У Ивана та свѣта
У Тарасова сына (2 раза)
Были кудри золотыя
Золотыя, навитыя
Навитыя и накладныя,
Что съ по этимъ по кудрямъ
Теща зятя любитъ,
За зятемъ то ходить
Сто локоть даровъ носить;
Зять съ лавки не сойдетъ,
Съ головы шапки не сойметъ,
Онъ челомъ не ударитъ
У насъ этого дару
Дару дома довольно
Довольно сыздовольно,
Што у батюшки роднаго,
Што у матушки родныя.
У князя было князя
У князя молодого (2 раза)

У Ивана та свѣта
 У Тарасова сына (2 раза)
 Были кудри золотыя
 Золотыя, навитыя
 Навитыя накладныя,
 Что съ по этимъ по кудрямъ
 Шурикъ зятя любитъ
 Онъ за зятемъ то ходитъ,
 Примѣрно сказать,
 Марфу душу выводитъ,
 Зять съ лавицы сойдетъ,
 Съ головы шапку сойметъ,
 Онъ челомъ приударитъ
 У насъ этого дару
 Дару дома-то нѣту,
 Што у батюшки роднаго
 И у матушки родныя.

За этимъ вскорѣ невѣсту принимаютъ опять тѣ же проводники и уводятъ изъ-за стола въ клѣтъ (гдѣ она одѣвается покрасивѣе подъ надзоромъ невѣстиной сватьи), а сторожъ тогда скажетъ: не облисни другой невѣсты. Когда срядятъ, невѣстина сватья ведетъ ее за столъ и отдаетъ жениховой сватьѣ, женихова сватья накладываетъ привезенный ей платокъ и закрываетъ все лицо и сажаетъ на старое мѣсто. Посидѣвши тутъ немного, находящійся за столомъ сторожъ распоряжается, проситъ у хозяйки какъ выше описано, щей или ухи, неразломанныхъ кулебякъ, потомъ ячныхъ пироговъ и сочней, а отъ хозяина вина (полугару). Сначала подаетъ хозяину и хозяйкѣ, а далѣе, какъ выше описано; поѣзжане въ это время закусываютъ. Когда окончатъ водку и закусятъ порядочно, вдругъ встаютъ, молятся, какъ было сказано, и читаютъ молитву: «Отче нашъ», потомъ выходятъ изъ-за стола всѣ поѣзжане, а невѣсту изъ-за стола берутъ проводники за платъ и сажаютъ на приготовленную лошадь. Урядивши, какъ слѣдуетъ, всѣхъ лошадей, сторожъ опять кругомъ оныхъ обхаживаетъ, какъ ѣхали за невѣстой т. е. кому за кѣмъ надлежитъ. Ранѣе было за женихомъ ѣхала сватья, а нынѣ невѣста со своими проводниками, за невѣстой—невѣстина сватья, за оной женихова сватья, а сторожъ самый послѣдній. Проѣхавши немного вдругъ дружки ворочаются назадъ къ бывшему хозяину (т. е. невѣстинуму отцу) и, зайдя въ избу, произносятъ слова: «здравствуй, господинъ хозяинъ, нашъ князь первообрашннй столовалъ, няровалъ, не изломалъ-ли мѣднаго, желѣзнаго, оловяннаго и деревяннаго, ежели изломалъ, то завтра будутъ расплачиваться серебромъ и золотомъ». Послѣ этихъ словъ хозяинъ угощаетъ ихъ водкой. Когда приѣдутъ къ вѣнцу, заходятъ первоначально въ трапезу, невѣста садится тогда возлѣ жениха по лѣвую руку, а сватья

невѣстина возлѣ невѣсты. Потомъ вѣнчаются какъ слѣдуетъ. Когда обвѣнчаются, тогда женихъ съ своей женой садится въ одни сани, а прочіе поѣзжане по прежнему, и отъѣзжаютъ отъ церкви къ жениху въ домъ. По прибытіи туда, родственники встрѣчаютъ обвѣнчанныхъ ржанымъ хлѣбомъ, которымъ колотятъ въ темя того и другаго до трехъ разъ, а отецъ жениха встрѣчаетъ ихъ съ иконой, кладетъ имъ на голову и такимъ же образомъ продолжаетъ, послѣ этого икону даетъ цѣловать тому и другому (мать жениха въ это время къ невѣстѣ кидается подъ закрытый платокъ и смотритъ въ лице ея, правильно ли наложено на голову и кромѣ того любитъ, хороша ли привезена сыну своему жена), а прочіе родственники подаютъ по рюмкѣ вина и по стакану пива. Въ это время некасательныхъ къ свадьбѣ лицъ собирается множество, такъ что трудно войти поѣзжанамъ въ избу. За этимъ заходятъ въ избу всѣ, кланяются Богу, какъ невѣста такъ и прочій народъ. Обвѣнчанные уходятъ прямо за столъ вмѣстѣ съ тысяцкимъ и сватьей и садятся на средину женской лавки. Послѣ чего сторожъ приступаетъ собирать на столъ кушанье. Собравши такимъ же образомъ, какъ выше сказано, засвѣчаетъ свѣчку, свитую изъ двухъ, становится по прежнему и читаетъ молитву: «Отче нашъ» и т. д. По прочтеніи всѣ садятся: какъ сидѣли у невѣсты во время стола, такъ должны сидѣть и у жениха т. е. кому за кѣмъ слѣдуетъ, а проводники невѣстины садятся въ большой уголъ, т. е. возлѣ тысяцкаго. Усадившись, какъ должно быть, хозяинъ приноситъ вина и угощаетъ: подаетъ сначала тысяцкому, потомъ сватьѣ невѣстиной, далѣе молодымъ, самъ выпьетъ съ женой по рюмкѣ, послѣ того подноситъ сторожу, потомъ всѣмъ поѣзжанамъ по порядку, а молодая вмѣстѣ со сватьей низко кланяется каждому, кто приметъ чарку вина. По обносѣ всѣхъ виномъ, начинаютъ кушать всѣ, не исключая и молодыхъ, которые до этого времени не употребляли какъ хлѣба, такъ и питья. Покушавши немного, опять обносятъ виномъ такимъ же образомъ, а прочіе домашніе родственники угощаютъ всѣхъ пивомъ. Молодой, т. е. мужъ своей женѣ, а столомъ говоритъ потихоньку: ѣшь, и подкладываетъ подъ руки ея кулебяки, изъ какой-нибудь рыбы, и прямо тутъ, что есть на столѣ. Когда отъѣдятъ, тогда невѣстина сватья раздаетъ привезенные съ собой гостинцы, сначала сидящимъ за столомъ, потомъ на сторону прочему народу: сочни изъ ячной муки (смотря по времени какое позволяетъ кушать т. е. постное или скоромное, а нѣкоторымъ пшеничные пироги). Когда соберутъ со стола кушанье въ корзины, каждый изъ поѣзжанъ въ это время кидаетъ по свосу ржаного хлѣба; этимъ себя оказываютъ т. е. честь отдаютъ молодымъ, сторожъ собравши со стола все, отдаетъ хозяйкѣ. Стоды затѣмъ убираютъ прочіе. Мать

обвѣнчанныхъ приходитъ и срываетъ съ невѣстки накрытый платокъ. Невѣстка послѣ этого падаетъ въ ноги матери своей т. е. (родной мужу своему), потомъ отцу до трехъ разъ и всѣмъ домашнимъ такимъ же образомъ; когда воздастъ честь поклонами, тогда уходятъ. Невѣстину родной отецъ привѣщаетъ съ платками послѣ княжескаго поѣзда; мужъ ведетъ ее разбирать подарки въ другую комнату, разобравши подарки, приходятъ на старое свое мѣсто и дарятъ во-первыхъ: сыну со своей женой — отцу и мать и проч. домашнимъ, одаривши родныхъ, одариваютъ поѣзжанъ: даютъ каждому по платочку ситцевой матеріи на стаканъ. Принявшіе подарки, какъ родители, такъ и поѣзжане, пьютъ отъ обвѣнчанныхъ по стакану пива; выпивши стаканъ, спускаютъ на дно онаго деньги, кто сколько пожелаетъ и благодарятъ жениха за подарки. Посидѣвши немного, поѣзжане еще отъ обвѣнчанныхъ пьютъ по стакану пива и уѣзжаютъ по своимъ мѣстамъ домой. Послѣ этого у хозяина (т. е. женихова отца) будетъ празднество на счетъ угощенія виномъ (проводниковъ невѣстинныхъ, сторожа и обвѣнчанныхъ). Посидѣвши немного сторожъ поведетъ обвѣнчанныхъ на подклѣтъ т. е. спать и говоритъ имъ слова въ вино, которое послѣ и подаетъ выпить. Эти слова здѣшними жителями признаны: ежели хорошъ сторожъ, т. е. ученой, то онъ, наговоритъ такихъ словъ въ вино и подастъ обвѣнчаннымъ выпить, что во всю жизнь свою стануть другъ друга любить страстно, словомъ, будутъ жить, что нельзя лучше.

Обряды свадебные, соблюдаемые въ Турчасовскомъ приходѣ Онежскаго уѣзда, описаны были священникомъ Алексѣевымъ. Описаніе начинается сватовствомъ:

Желающій жениться на избранной невѣстѣ, посылаетъ, съ благословенія родителей, въ родителямъ ея бойкаго свата, или сватью. Для достиженія успѣха свать встаетъ предъ иконою Божіей Матери, обтираетъ ее чистымъ полотенцемъ и трижды шепчетъ слѣдующія слова (подходъ): «Во имя Отца и Сына и Св. Духа, стану я рабъ божій благословясь, пойду перекрестясь, выйду въ чисто-поле, встану на востокъ лицомъ, на западъ хребтомъ, помолюся Господу нашему Иисусу Христу и матери Пресвятои Владычицѣ Богородицѣ и всѣмъ святымъ, надѣну утро-ранній бѣлый свѣтъ и застегаясь утро-ранними мелко-частыми звѣздами, умоюсь мокрою росою соломонією, утруся бѣлымъ полотенцемъ, бѣлымъ свѣтомъ, наложу царскій колпакъ, пойду къ рабу божію ко властелину (имя рекъ) въ свѣтлыя очи и въ радостное сердце. Какъ рабъ божій (имя рекъ) зрѣть и глядѣть на мать Пресвятую Богородицу и на истиннаго Христа Царя небеснаго: такъ и на меня бѣ (имя рекъ) раба божія зрѣль и глядѣль, и ярымъ окомъ не взбудилъ, и зубомъ не скрипнулъ, и головой не тряхнулъ, и ногой не топнулъ

и зла лиха не подумалъ. Будьте слова эти слошна и крѣпки на рабѣ божіемъ (имя рекъ). Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь».

По приходѣ въ домъ невѣсты, послѣ пожеланія имъ здравія, говоритъ: у меня женихъ, а у тебя невѣста, сведемъ ихъ виѣстѣ. Тѣ отвѣчаютъ свату: «покорно благодаримъ на поисканіи», и, отложивъ положительный отвѣтъ до другаго дѣя, ѣдутъ смотрѣть жиру (домохозяйство) жениха, если оно неизвѣстно имъ. На этотъ случай небогатый женихъ старается приукрасить свою жиру и обмануть посѣтителей; сосѣди приносятъ ему кто самоваръ, кто одежду и даже пригоняютъ лишнюю корову въ хлѣвъ.

Поправилась жиры, составляются *уговорки о приданомъ*, о дарахъ, о днѣ бракосочетанія. Сѣзжаются въ домъ невѣсты, женихъ съ родителями и самыми ближайшими родными, привозятъ съ собою вино, мякушки (хлѣбъ ржаной) и рыбники (пирогъ съ рыбомъ), является къ жениху невѣста, молятся Богу и прикладываются ко *Св. иконѣ* въ удостовѣреніе справедливости уговорки. Послѣ того женихъ подноситъ невѣстѣ *рюмку* водки и *даритъ* платкомъ, а невѣста отдариваетъ жениха платкомъ, первоначально подавъ ему также рюмку водки, затѣмъ всѣ садятся за столъ, угощаясь привезенными яствами, а послѣ стола богатые родители невѣсты угощаютъ жениховое родство чаемъ. *Уговорку* эту называютъ *винопитіемъ*, на коемъ говорятъ *пропивается двѣка за мужъ*.

Наканунѣ брачнаго дня въ домѣ невѣсты совершается *заплачка*. Собираются дѣвушки, зрители и плачен, невѣста садится въ большомъ углу подъ иконою въ повязкѣ закрытая (фатою) платкомъ. Плачен начинаютъ водить (пѣть) стихи толстымъ голосомъ, а невѣста подъ ихъ тонъ неистово плакать. Вотъ эти стихи.

а) Родителямъ:

«Благослови Боже Господи, Боже Спасъ, да Пречистая Пресвятая Божія Мать Богородица, выкатаясь солнце красно угрѣно изъ-за темнаго лѣсу дремучаго, ты пожалуй моя надежда—родитель-батюшко, въ самый въ привычный большой уголъ и ко мнѣ печальной сирой голубушкѣ (подходить отецъ, а послѣ него мать, и въ объятіяхъ дочери виѣстѣ плачутъ), ты вздумалъ меня отдавать, да отсѣвать, да отсѣяти (если далеко:) на злодѣйчужу дальнюю сторону, на безродну землю безплемянную и подалше всего роду племени; (если близко:) за ближняго сосѣда поряднаго къ одной красы веселью и къ одной церкви пресвященной, (если большая семья:) въ семью во большую, во братію многую, за *свекра строптивцаю*, за *свекровь сварливую*; какъ-то я стану жить красоватися, за славнымъ бурлакомъ Петербургскимъ? Страшатася глаза, очи ясныя, унываетъ мое сердце ре-

тивное; не учена моя буйная голова, не торено мое сердце ретивое, не торилъ и не училъ меня надежда-родитель-батюшка и не жалѣлъ торить и учить и научивать. Я люблю челомъ, да и покланяюсь, что прѣнчивалъ меня надежда родитель-батюшка, печальную сиза-голубушку, на томъ тебѣ не спасибо и укинудся на чашку на пивную, на чарку на винную; ужъ еще побью челомъ, да покланяюсь тебѣ, надежда родитель-батюшка, не во гнѣвъ поставь, что попеняла тебѣ печальная сиза-голубушка, когда буду я въ чужомъ домѣ, тепловатомъ гнѣздышкѣ, побью тебѣ челомъ, да покланяюсь, въ гости жалуй мой родитель-батюшка, въ чужой домъ и ко мнѣ печальной сизой-голубушкѣ, тори путь-дорожку широку въ чужой домъ и ко мнѣ до тепловата гнѣздышка, не вычитывайся изъ роду, изъ племени и не забывай меня сизой-голубушки». Далѣе припѣваетъ, если пьющій женихъ:

«Случилось слышать мнѣ, дѣвицѣ печальной, — что злодѣйна — неволя (женихъ разумѣется) великая, что испытываетъ горчицу зелено вино, выпивается изъ ума, да изъ разума, не выходитъ изъ царева кабака». Если пьющій рекрутъ, то говорятъ:

«Еще привторило, прибавило, что боится слушая набору солдатскаго».

б) Дядьямъ: *Сердечный ласковый дядюшка!* спасибо, что поднялся пожаловалъ и ко надежи родителю батюшкѣ и ко надежи родимой матушкѣ и ко мнѣ ко дитяти печальному, здравымъ здрава, а не весела, а не въ веселья и не въ великой радости и заручена моя буйная голова и отсулена печальная сиза-голубушка ужъ не на чужу и не на дальнюю сторону, за ближняго сосѣда окольнаго и къ одной красы веселью великому и къ одной церкви пресвященной (см. выше стихи къ родителямъ).

Слѣдуетъ обращеніе къ подругѣ:

«Милая подруга любовная! сядемъ мы съ тобою по прежнему, посидимъ, да побесѣдуемъ, побаснямъ да посовѣтуемъ, ужъ теперь все прошло, да миновалось, меня вздумали отдать, да отсѣять. Разумѣй, моя подруга любовная, моей злой тоски и кручины великия и разставанію, есть у тебя родитель-батюшко и надежа родитель-матушка, ужъ ты не гляди на то, что добры да ласковы, будто вешны ледочки поднойчивые, ужъ не трещать да подломятся». — Засимъ плачен обращаются къ какой-либо плачущей дѣвицѣ: «ужъ ты о чемъ растужилась, да расплакалась, жалѣть видно меня сизу-голубушку, либо паде тебѣ въ буйну голову, что ты не смѣешь надѣяться на надежу родитель-батюшку и матушку, такъ же отдадутъ тебя, да отсѣять, какъ меня сизу-голубушку, у тебя страшатся глаза, очи ясныя, унываетъ сердце ретивое».

«Я осталась побѣдна сиза-голубушка будто пустое поле безъгородное и будто пуста хоромина некрытая, я

ходила побѣдна, сиза-голубушка съ того глупаго ума да разума селами, ходила по міру по крещеному по-под-оконью по высокому, послѣ жила по нянькамъ работницамъ и натерѣлась небыллицы-напрасницы, ужъ не подай Божья Мать Богородица жить по нянькамъ, казачиханъ и работницамъ, ты вздумалъ меня отдавать, да отсѣять и т. д. (какъ выше къ родителямъ).

Наканунъ брака женихъ съ дружкой *засылаютъ севизъ родственниковъ* на свадьбу. На лошади одѣвается хорошая сбруя; къ высокой раскрашенной дугѣ привязывается до 5 колокольчиковъ, на сани разстилаются нарядные ковры. И вотъ ѣдутъ и по пути каждому встрѣчному низко кланяются. По входѣ въ домъ величаютъ хозяина по имени и отчеству и присовокупляютъ: «такой-то нашъ батюшка и такая-то наша матушка просятъ васъ на бракъ къ нашему князю первобранному, такому-то (а женихъ говорить: ко мнѣ на бракъ) и въ поѣздъ хлѣба соли покушать; просимъ покорно (трижды) не оставьте нашего прошенія». Такая же честь дѣлается и прочимъ лицамъ, случившимся въ домѣ. Въ 7-ми или 8-ми часамъ вечера званые гости собираются въ домъ жениховъ и предварительно разсаживаются за столомъ по мѣстамъ, чтобы въ столѣ невѣстному не пришлось занять послѣдняго мѣста имѣющему право на первое мѣсто. Гость, посаженный не на свое мѣсто, или получившій худые дары, или мало угощенный, капризничаетъ и не сочтетъ за стыдъ на чужомъ пиру расшумѣться. По окончаніи этой церемоніи разстилаютъ на полу шубу, на которой женихъ падаетъ въ ноги родителямъ, проситъ у нихъ благословенія жениться и обнимаетъ ихъ. Потомъ всѣ гости (поѣздъ), кромѣ матери, становятся среди избы и тысяцкій со св. иконою трижды обходитъ вокругъ поѣзда, читая молитву: «да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его». Затѣмъ послѣ испрошенія двумя дружками позволенія у тысяцкаго отправиться въ путь, словами произносимыми трижды: «г. тысяцкій! благослови въ путь шествовать!» и послѣ полученія отвѣта: «святые отцы благословляютъ, и праведники Бога молятъ», поѣздъ отправляется съ колокольчиками на смотрѣнье, провожаемый и встрѣчаемый у каждой деревни толпою народа съ огнемъ въ рукахъ. Впередѣ ѣдутъ дружки, потомъ женихъ съ тысяцкимъ, а далѣе прочіе поѣзжане. Подъ конецъ пути поѣздъ ѣдетъ тихо, а въ это время дружки, оставляя поѣздъ, стремглавъ ѣдутъ къ невѣстѣ и у запертыхъ сѣней трижды стучатъ съ молитвою: «Господи Иисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ». За дверями отецъ невѣсты отвѣчаетъ: «Аминь» и вводитъ ихъ въ домъ, гдѣ дружки, называя родителей невѣстиныхъ по имени и отчеству, говорятъ: такой-то и такая-то (имя отчество родителей жениховыхъ), господинъ тысяцкой и князь первобрачный приказали вамъ кланяться и спросить: «здорова ли ваша

княгиня?» Тѣ отвѣчаютъ: «здорова, слава Богу», потомъ подчуютъ пивомъ и виномъ и отводятъ квартиру для помѣщенія женихова поѣзда, который дружки обязаны встрѣтить прежде пріѣзда онаго въ деревню, чтобы показать имъ путь къ отведенной квартирѣ.

Изъ этой квартиры дружки заходятъ въ домъ невѣсты съ колокольчиками въ рукахъ трижды, при отходѣ отъ жениха, обращаясь къ тысяцкому: «господинъ тысяцкій! благословите и проч. (какъ изъ жениховой квартиры), а при входѣ къ невѣстѣ и ея родителямъ: «пожалуйте намъ желаемого посмотреть», и въ каждый разъ угощаются пивомъ и виномъ. Потомъ отецъ невѣсты посылаетъ трехъ человекъ къ жениху для приглашенія его къ себѣ въ домъ со всѣми любящими гостями хлѣба соли покушать. Женихъ пословъ угощаетъ пивомъ и виномъ. Вслѣдъ затѣмъ женихъ и весь поѣздъ идутъ къ невѣстѣ. Предъ походомъ дружки возглашаютъ трижды обыкновенную фразу: «г. тысяцкій! благословите и проч. Аминь», и вводитъ отецъ невѣстинъ въ домъ. Весь поѣздъ занимаетъ мѣсто въ большомъ углу; тутъ же помѣщается привезенный имъ ящикъ съ пирогами изъ пшена.

Изба, лавки, печка, палаты (нары)—все занято народомъ и ребятишками, собравшимися частію изъ любопытства, а частію для пересудовъ; тѣснота, давка, жаръ необыкновенны. Невѣста въ это время находится или въ другой комнатѣ, или за печкой. Вотъ начинается:

Зажигаютъ три стеариновые свѣчи и подаютъ въ руки жениху. Дружки трижды и болѣе возглашаютъ: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ!» такой-то и такая-то (имя отечество родителей невѣстиныхъ) «пожалуйте желаемого посмотреть». Является отъ невѣсты сватья (ихъ бываютъ по двѣ съ обѣихъ сторонъ) раскланивается на всѣ стороны и говоритъ: г. тысяцкій отпустите къ намъ свою сватьюшку. А тотъ спрашиваетъ: «водится-ли?» Сватья отвѣчаетъ: «водится; затѣмъ и дѣло состоитъ». Тысяцкій отпускаетъ сватью и вотъ невѣста въ повязѣ, закрытая фатою, вдали показывается и тихонько ведется родителями. Дружки говорятъ имъ: «подвиньте поближе, еще ближе; приоткройте, откройте».

Невѣста открывается; женихъ подходитъ къ ней и обводитъ поданными ему свѣчами трижды кругомъ лица невѣсты: послѣ чего невѣста кланяется и женихъ и невѣста цѣлуются въ первый разъ. Далѣе женихъ даритъ невѣсту крестомъ, перстнемъ, косынкой, гребнемъ, мыломъ, зеркаломъ, чулками, башмаками и разными закусками и при поднесеніи отдѣльно каждой вещи говоритъ: «Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ, такая-то (имя и отечество невѣсты) прошу покорно принять»; невѣста принимаетъ, низко кланяется. По окончаніи этой церемоніи дружки, стоя съ зажженными свѣ-

чами по обѣ стороны жениха, держащаго въ рукахъ поднось съ рюмкою вина и стаканомъ пива призываютъ отца, а за нимъ и всѣхъ гостей къ чаркѣ такъ: «Господи Іисусе Христе и проч. такой-то (имя, отчество отца) пожалуйста къ нашему князю первоначальному чарочку винца кушать. Кто у васъ любящіе есть?»—Всякой гость подходитъ къ чаркѣ и пьетъ сначала вино, а потомъ пиво. Этою же чаркою женихъ подчуетъ невѣсту, которая, взявши поднось со всѣмъ, что на немъ, поворачиваетъ его отъ себя къ жениху и подчуетъ его. Послѣ того женихъ съ невѣстою цѣлуются, невѣста закрывается фатою и отправляется въ свое мѣсто, а женихъ съ любящими гостями садится за столъ, изобилующій разными яствами и угощаются въ продолженіе цѣлой ночи и тутъ же дарятъ ближайшимъ родственникамъ жениха тѣмъ, кому что выражено. По окончаніи пиршества отецъ жениховъ отправляется домой, а женихъ и другія лица, пріѣхавшія съ нимъ на смотрѣнье, отходятъ въ отведенную квартиру для ночлега.

Дружки утромъ ходятъ прежнимъ порядкомъ въ домъ невѣсты и послѣ обыкновенной молитвы, безъ коей не пускаютъ въ домъ, благодарятъ хозяина и хозяйку за хлѣбъ-соль (вчерашее угощеніе) и спрашиваютъ: «здорова ли ваша княгиня? нашъ князь первоначальный здоровъ». По приходѣ въ слѣдующіе разы докучаютъ желаемое получить. Невѣста въ то время по прежнему плачетъ; а плачемъ припѣваютъ дружкамъ: «не спѣшите путемъ дорожкой-широкой, дайте мнѣ посидѣть, да побесѣдовать, побасить, да посоветовать по старому, да по-прежнему со своими, съ родителемъ батюшкой и родительницею матушкой, и со всѣми милыми подругами любовными; простите, милыя подруги любовныя, ужъ не дадутъ долго сидѣть, да бесѣдовать, ужъ теперь все прошло, да миновалось, за одинъ малой часокъ показалось, придетъ-то злодѣйка-неволя великая (женихъ) со своей дружбой братьей хоброй, поведутъ-то на крутую гору на Сіонскую, къ Божьей церкви пресвященной; когда буду въ вашемъ домѣ тепловатомъ гнѣздушкѣ, постоитъ стѣнной-оградой бѣлокаменной».

«Перехожа переѣзжая сватьюшка, здорово-ли ты перешла, переѣхала, ужъ ты видѣла-ли водоплавныхъ сѣромаленькихъ уточекъ; онѣ всѣ вспорхнули, да полетѣли, одна-то сѣро-малая водоплавная уточка отставала отъ стада лебединаго, пристала къ стаду сѣрымъ гусямъ».

Послѣ того дружки зовутъ родителей невѣстиныхъ со всѣми любящими гостями къ жениху на завтракъ, на которомъ угощаются пивомъ, виномъ, рыбой, ухой и пирогами.

Во время завтрака бываетъ у невѣсты баникъ предъ вѣнцомъ. На столѣ хлѣбъ, квасъ и соль. Невѣста закрытая за столомъ стоитъ и кланяется. Плачемъ поютъ: «пожалуй родитель батюшка ко бѣлу пшеничному ба-

нику и ко мнѣ, ко дитяти печальному; была вѣра съ тобой проститься».

Отецъ и мать и прочіе родные приходятъ, обнимаютъ невесту и кладутъ на столъ что либо (деньги).

Послѣ завтрака еще разъ ходятъ дружки докучать желаемое получить, а вслѣдъ за ними идутъ отъ родителей невесты послы къ жениху и приглашаютъ его къ себѣ со всѣми любящими гостями, которые и идутъ. Тутъ бываетъ *пожманье*.

По приходѣ жениха со всѣми любящими гостями въ домъ, выводятъ невесту совсѣмъ приготовленную къ вѣнцу; на головѣ у ней повязка, а поверхъ повязки фата (повязка снимается предъ наложеніемъ вѣнцовъ брачныхъ, а фата передъ бракомъ), волосы въ распущенномъ положеніи; отецъ ея, сажаетъ жениха и невесту на лавку, а равно и прочіихъ людей, потомъ молятся Богу, отецъ благословляетъ ихъ на шубѣ иконою трижды, обведя оною кругомъ головъ и приговариваетъ жениху, называя его по имени и отечеству: «благословлю тебя Божіимъ милосердіемъ и моею дочерью (имя и отечество). Вотъ тебѣ тетерька не тереблена, самъ тереби, а отъ людей береги». Затѣмъ идутъ на отведенную квартиру и тамъ, оставивъ невесту со сватьями, женихъ съ тысяцкимъ и дружкой возвращается въ домъ невесты на блины. Надобно замѣтить, что женихъ и невеста до брака ничего не вкушаютъ; за блинами мать невесты подноситъ жениху платокъ, сложенный вчетверо углами вѣстѣ. Женихъ отогнетъ первый уголъ платка—мать поклонится, второй, третій и четвертый—тоже, послѣ того, принявъ развернутый платокъ, отдариваетъ ее деньгами. Наконецъ отправляются къ вѣнцу,—женихъ съ тысяцкимъ, а невеста со сватьей. Вслѣдъ за ними родители отправляютъ въ домъ жениховъ приданое, уложенное въ ящики, коробейки и накопленное заботливою матерью невесты и посылаютъ хлѣбъ и разные рыбники, пироги со пшеномъ, мясо птичье, и другое и проч.

Послѣ брака въ церкви заплетаютъ у молодой косу и *отъиваютъ* на голову косынку и послѣ молебна *повобрачные съ поѣздомъ* отправляются въ домъ мужній; тамъ *сажаютъ* за столъ, за которымъ поѣзжане угощаются *курятиной*; эти рыбники и хлѣбъ, привезенные съ приданнымъ, *разрѣжутъ* тысяцкій на мелкія части и *разложитъ* на четыре тарелки; курятину на двухъ тарелкахъ *унесутъ* для молодыхъ и для стрипухъ, а остальнымъ *дадутъ* для поѣзжанъ. Закусивши немного, *беретъ* отецъ жениховъ приготовленный на этотъ случай хлѣбъ и *обходитъ* онымъ трижды надъ головами молодыхъ, *потираетъ* во время закуски столъ за столомъ; потомъ *завертываетъ* хлѣбъ *этой* фатою, которою *закрываютъ* *нижнюю* *поверхъ* *шубы*, и *кладетъ* этотъ хлѣбецъ въ *ящикъ* жениха, *который* послѣ *уноситъ* его съ собою; *имѣя* *что* *снять* *отъ* *невесты* *даритъ* *отца* *и* *мать* *жени-*

ховыхъ, братьевъ, сестеръ и тетокъ, если онѣ есть. Потомъ выводятъ молодыхъ изъ-за стола и они благословляются, падая въ ноги отцу и матери на шубѣ, и уходятъ въ горенку, гдѣ кормятъ ихъ курятиной, которая была унесена со стола, и угощаютъ чаемъ и затѣмъ ведутъ ихъ спать въ холодную кѣту, по-большей части.—Дружки и сватьи, а также и посторонній народъ сопровождаютъ ихъ. Молодница раздѣваетъ у молодого верхнее платье и сапоги, въ кои кладутся иногда деньги. Иной молодой кривитъ ногу, чтобы не скоро молодница сняла сапоги, и вотъ за труды послѣдняя получаетъ вознагражденіе изъ сапоговъ.—Потомъ молодница величаетъ молодого *Н Н*: «нельзя-ли пустить меня къ себѣ въ товарищи?» и тотъ отвѣчаетъ: «радъ товарищу».

Затѣмъ въ домѣ молодыхъ бываетъ столъ, называемый *большимъ*. Тутъ угощаются родители невесты со всѣми любящими гостями. Столованье продолжается во всю ночь; подъ конецъ онаго являются молодые, подносятъ пирующимъ гостямъ,—женихъ вино, а невеста пиво, а тѣ полагаютъ имъ въ чарку деньги.

На другой день мать молодого приготовляетъ для молодыхъ баню; вымывшись въ ней, молодые благодарятъ мать за парную баню и молодница даритъ чѣмъ либо. Потомъ мать подаетъ блины, за кои молодница опять даритъ свою свекровь.

Затѣмъ родители молодницы посылаютъ пословъ къ родителям молодого звать ихъ съ молодыми дѣтьми и любящими гостями на *хлѣбины*. На хлѣбинахъ угощаются только ближайшіе родственники. При этомъ столованьи молодого даритъ сестра молодницы, если есть. Этимъ и оканчивается свадебная процессія.

При входѣ послѣ вѣнца въ домъ, молодая говоритъ: «первая, другая, я иду третья, цыцъ! всѣ вонъ, мнѣ одной домъ».

А принятый въ домъ молодой говоритъ, глядя на потолкъ: «я иду, звѣрь лапистый и гордъ-гордастый; гордъ-горластый, волкъ зубастый, я есть волкъ, а вы есть овцы мои».

Описаніе свадьбы въ селѣ Пингишахъ Холмогорскаго уѣзда, представленное священникомъ Колчинымъ, даетъ слѣдующій матеріалъ:

Выбравъ невесту по общему согласію родителей и жениха, посылаютъ свата. Сватъ, разрядивши лошадь жениха въ лучшемъ уборѣ, съ бубенцами и позвонками, сватаетъ невесту и выражаетъ *здарье* *). Когда сватъ

*) Выражаютъ отцу рубаху и платокъ; матери—рубаху, поясъ, платокъ на шею и сарафанъ. Братьямъ—по красной рубахѣ и галстукъ, сестрамъ по шелковому платку и всѣмъ роднымъ по платку. Безъ здарья свадьба не совершается, хоть-бы женихъ и хотѣлъ, но родители не несутъ того безчестья, чтобы у сына не получить даровъ. Часто случается, что по этому тягостному обычаю отказываютъ хорошимъ, достойнымъ женихамъ. Или

удачно сладить дѣло, получаетъ отъ невесты платокъ, въ знакъ того, что она согласна выдти за жениха въ супружество. Затѣмъ посылаетъ по всему селу извѣстить, чтобы собирались *на заплачку*. Мигомъ молодыя дѣвицы и парни собираются къ невестѣ. Невѣста наряжается въ повязкѣ и закрывается платкомъ, начинаетъ плакать каждому особо, сперва родителямъ, братьямъ, сестрамъ, дѣвицамъ и молодымъ. При этомъ она падаетъ три раза въ ноги къ тому, кому приплакиваетъ, хлопаетъ о полъ руками и лежитъ на полу пока ее поднимутъ. Потомъ она садится на колѣни и обнимаетъ за шею, плача подъ пѣсни, которыя поютъ нарочитыя плачен. За плачь невесты должно заплакать, для сего поставяется братьямъ вазна невестина. Плачь продолжается во все время, пока она не обвѣнчается. Невѣста только кричитъ: а-а-а! Наканунѣ брака дѣвицы моютъ невесту въ банѣ, на каменку сдаютъ, вопять и поютъ; ѣдятъ въ банѣ пироги, а послѣ бани водятъ невесту на могилу къ родителямъ, если таковые умерли. Вечеромъ того же дня, женихъ прѣзжаетъ къ невестѣ съ поѣзжанами. Свать у дома колотитъ полѣномъ съ вопросомъ: «дома ли хозяинъ?» Отвѣчаютъ: «милости просимъ», и встрѣчаютъ поѣзжанъ, убираютъ лошадей и сажаютъ гостей за брачныя столы. На столахъ поставяются большія ковриги, соль и круглый пирогъ. Когда гостей усадятъ за столы, обносятъ водкою, пивомъ, перемѣняютъ рыбники, но не ѣдятъ. Въ это время наряжаютъ невесту, которая до прѣзда жениха *сидитъ съ шубъ*. Наряжаютъ и поютъ со словами въ пиво: «какъ ты чисто, злато серебро, чисто и прилично; какъ на тебя злато серебро всякъ зарится, заглядывается: старъ и младъ, женатый и холстой, старыя старухи и молодые молодцы и красныя дѣвицы и молодыя молодцы, такъ бы на тебя рабу я зарился бы и заглядывали всѣ, казалась бы ты имъ златомъ-серебромъ, глядѣли бы и смотрѣли бы и очей съ тебя не спускали». Этимъ пивомъ невеста моетъ лицо *).

Когда наконецъ на столъ принесутъ кашу, за кашей отецъ выводитъ невесту, которая идетъ, закрывши лицо. Въ это время зорко смотрятъ, чтобы двери, окна и труба были закрыты. Помолившись Богу, отецъ невесты спрашиваетъ жениховыхъ родителей и жениха: «любо-ли наше дитя?» отвѣчаютъ: «любо, очень хорошо». «А вамъ наше любо ли?» «Любо». Послѣ этихъ спросовъ, женихъ выходитъ изъ-за стола и становится вядъ съ

женихъ даетъ подмогу невестѣ отъ 20 до 30 р. на здарье, если она бѣдна, а жениху взять нужно. Бѣда, если дары не по праву родителямъ, тогда молодые много должны потерпѣть. Мнѣ случилось слышать у одного крестьянина, что онъ рѣшался было записаться на смерть, потому собственно, что за худое здарье не было потомъ житья отъ родителей, ему и его жевѣ.

*) Говорятъ еще, что это же пиво подаютъ поѣзжанами за столомъ.

невестомъ. Отецъ невесты благословляетъ ихъ иконою, а мать хлѣбомъ.

Женихъ и невеста другъ друга поздравляютъ поцѣлуемъ. Потомъ даютъ невестѣ въ руки подносы съ рюмками, а женихъ наливаетъ братыню водки и кличутъ *на чарку* родню невестину, сосѣдей и всѣхъ присутствующихъ по парно. По окончаніи клички на чарку, женихъ поцѣловавъ невесту, уходитъ за столъ; а невеста подноситъ дары родителямъ жениха, жениху и всѣмъ поѣзжанами. Когда всѣхъ невеста одаритъ, женихъ отдариваетъ: подаритъ невестѣ красныя башмаки, серебряныхъ монетъ и чего-нибудь на сарафанъ или на шубку.

Невеста, получивши отъ жениха дары, уходитъ въ кругъ дѣвицъ и плачетъ дѣвичій плачь.

Поѣзжане и родственники невесты другъ друга подчуютъ стаканами водки, поютъ, чокаются, закусятъ и уѣзжаютъ.

Невеста, оставшись съ дѣвицами, садится за брачныя столы, раздастъ дѣвицамъ большой пирогъ. Большой пирогъ дѣлается около 1½ ар. длиною. Всѣ дѣвицы стараются получить отъ невесты пирога, чтобы не остаться отъ ней по выходу въ замужество и подчуютъ въ свою очередь молодцовъ этимъ пирогомъ. По раздачѣ большаго пирога, невеста за столомъ, въ кругу дѣвицъ начинаетъ оплакивать *повязку-дѣвичью красоту*.

Плачь невесты.

Ты свѣтла заря утрення,
Ты родима, моя матушка!
Подвигайся ты, родимая,
Въ скрутныхъ столамъ дубовымъ,
Объ чемъ я тебѣ
Со низкими поклономъ,
Со жалкимъ причитаньемъ:
Не снимай съ меня ты, заря утрення,
Сей молодой дѣвѣй красоты,
Ужь ты дай мнѣ, заря утрення,
Походить, покрасоватися
Со милыми подружками.

(Дѣвицы въ это время снимаютъ повязку съ невесты).

Невеста продолжаетъ:

Какъ у тебя поднялись руки бѣлыя,
На мою буйну голову
Снять съ меня молодой дѣвѣю красоту?
Посмотри, моя родимая,
По всѣмъ милымъ подружечкамъ,
Онѣ сидятъ, какъ бѣлыя лебеди
Веселымъ веселешеньки.
У нихъ свѣтлѣютъ дѣвѣи красоты.
Посмотри, моя родимая,
На меня, младу кручинную

На мою-то дѣвью красоту.
Какъ моя-то дѣвья красота
Похудѣла, потемнѣла вся,
Какъ земля подорожная,
Какъ трава подкочоная.

Беретъ повязку въ руки принимаетъ къ груди и продолжаетъ:

Я возьму свою дѣвью красоту
Во свои да руки бѣлыя,
Онесу свою я дѣвью красоту
Во темные лѣса дремучіе,
Я повѣшу дѣвью красоту
На березу кудреватую,
Я запру свою дѣвью красоту
Въ сундуки окованные,
Я спущу свою дѣвью красоту
Въ синее море.
Се млада, дѣвья красота
Въ 30 лѣтъ бы не состарѣла,
Стара бабка женина старается
Въ три часа меня состарить,
Въ три минуты покручинить.

Въ день брака утромъ дѣвицы приходятъ къ жениху и застаютъ его на постели и будятъ пѣснями.

1. Гусли, гусли мои и проч.
2. Въ саду, саду

Что подъ яблонью кровать,
Подъ зеленой тесова
Кровать тесовая.
Ножки точеныя
Да позолоченыя,
На кровати перина,
На перинѣ простыня,
На простынѣ молодецъ
Первобрачный князь.
Князь молоденькой,
Князь хоробринькой.
Скороходъ къ нему пришелъ
Скороходъ молодой:
Ужь ты стань, пробудись,
Первобрачный князь:
Еще на морѣ корабль,
Съ краснымъ золотомъ идетъ,
Съ краснымъ золотомъ,
Да съ чистымъ серебромъ.
Не могу я, братцы, стать,
Да головы своей поднять:
Голова моя болитъ,
Да ретиво сердце болитъ;
Что подъ яблонью кровать
Подъ зеленой тесова.

(Повторяютъ до слова: «скороходъ къ нему пришелъ»).

Ужь ты стань, пробудись,
Первобрачный князь:
Еще на морѣ корабль
Съ красной дѣвицей пришелъ.
Онъ вскочилъ, побѣжалъ:
На босу ногу сапогъ,
На право плечо кафтанъ.
Вы, друзья, братцы мои!
Переймите вы корабль,
Дамъ я выкупъ вамъ большой!

Въ церковь съ женихомъ и невѣстой прѣзжаютъ только: тысяцкой, сватья и дружки. Въ ящикѣ привозятъ ватрушки и раздають народу. Невѣсту, послѣ брака *крутятъ* т. е. переодѣваютъ въ повойникъ и везутъ закрытую платкомъ въ домъ жениха. Послѣ перваго стола, молодыхъ отводятъ на *подкльть*, угощаютъ тамъ приглашенныхъ родныхъ и оставляютъ молодыхъ для отдыха. На другой день у родителей невѣсты бываетъ сборный столъ подъ названіемъ *горячихъ*. Тамъ и кончается свадьба. Черезъ три дня привозятъ приданое невѣсты.

Далѣе помѣщаемъ свѣдѣнія о свадебныхъ обрядахъ, существующихъ между крестьянами Тулгасскаго прихода Шенкурскаго уѣзда.

Свадьба начинается въ Тулгасскомъ приходѣ обрядомъ, называемымъ „*закриванье*“. Обрядъ этотъ начинается такъ: по прѣздѣ жениха съ такъ называемыми поѣзжанами, невѣста со своими подругами-дѣвицами уходитъ женщиной родственницей, или знакомой, если есть другая комната, то въ нее, а если нѣтъ, то въ клѣтъ и одѣвается тамъ, или въ *крашенинникъ*, или *ситникъ*. Въ первый костюмъ одѣваются невѣсты бѣдныя и нежелающія выйти въ замужество за помоявленнаго жениха потому, что онъ или бѣденъ, или не красивъ собою, или же худъ характеромъ. Въ послѣдній костюмъ, т. е. ситникъ одѣваются тѣ, которыя изъ богатаго житья выходятъ за жениховъ богатыхъ и во всѣхъ отношеніяхъ нравящихся имъ. Во время одѣванія невѣсты, женихъ и его поѣзжане угощаются разными яствами и питіями отъ родителей, если они есть, или родственниковъ невѣсты. Одѣвши невѣсту, ведетъ ее жена-родственница или знакомая и приводитъ въ ту комнату, гдѣ сидятъ женихъ и прочіе гости закрытую куколемъ, сшитымъ изъ бѣлаго холста съ разными прикрасами, и, вошедшіе, молятся святымъ иконамъ. Невѣста, помолившись св. иконамъ, если есть священникъ, котораго почти всегда приглашаютъ для этого, проситъ у него благословенія, а если нѣтъ, то у отца своего и матери. У священника проситъ благословенья обыкновенно, т. е. о. Н. благослови! у отца же и матери слѣдующими словами:

«Батюшка и матушка! благословите *мыкать горе великое*

И со слезами горючими,
Отведите вы горя великаго за три горы высоки,
А горючихъ-то слезъ за три Дунай-рѣки быстрыи.

Точно также просятъ благословенія у братьевъ и другихъ родственниковъ, если отца и матери нѣтъ въ живыхъ. По окончаніи означенныхъ выше словъ, отецъ и мать благословляютъ, изображая крестъ на просящей благословенія. Повидимому дѣло начинается какъ нельзя лучше, но что же дальше? Невѣста, получивши благословеніе, проводится до лавки своими подругами, которыя сажаютъ ее среди себя, начиная приплакивать. На этомъ свадебномъ обрядѣ приплакиваютъ только одному сватовцу—такъ:

«Что у насъ у батюшка за пиръ, за праздничекъ,
годовой, да настоящей?

Зачѣмъ у насъ у батюшка за столомъ сидятъ гости
незнакомые и незнакомые?

Ко батюшку родимому по-зву званные гости,
Ко матушкѣ родимой долго жданные гости,
А ко мнѣ красной дѣвицѣ не минующіе гости.
Гости не минующіе будутъ не миновать.

По что ты, большой сватовецъ, лѣшій носилъ не пу-
темъ, не дорогою,

По утру по ранному, да по позднему вечеру?
Мнѣ отъ больша сватовца все горе привязалось.
Да тебѣ на сто локоть достанется, да не цѣлая ты-
сяча,

Сколько тѣ достанется что одна мѣрна искосянка,
Той тебѣ искосянкой не одѣтиса и нагнѣмъ находится.
У больша у сватовца жена не ткаха, да не пряха,
сухая безпоряха.

Изъ того большой сватовецъ видно вялся, лукавился
да на кривдѣ божилися».

При этомъ не лишнимъ будетъ замѣтить, что когда дѣвушки поютъ сію пѣсню, невѣста плачетъ, какъ можетъ, и ударяетъ кулаками о колѣни, какъ позволяютъ ей силы. Это дѣлается у нихъ, какъ онѣ говорятъ, по модѣ. Отступи отъ этой моды невѣста—скажутъ: «рада, не реветъ и не бьется». Боясь этого, всѣ невѣсты, выражаясь языкомъ здѣшняго простонародья, «ревать», какъ могутъ и убиваются до того, что руки и колѣни дѣлаются синими и опухаютъ. Когда кончатся приплакиваніе сватовцу, женихъ начинаетъ угощать водкой прежде всего невѣсту, потомъ *всю родню* ея и свою, а наконецъ и всѣхъ кто есть въ той комнатѣ, гдѣ онъ сидитъ. Поподчивавъ такимъ образомъ всѣхъ отъ мала до велика, женихъ прощается съ родными невѣсты и уходитъ, или уѣзжаетъ съ поѣзжанами во свояси. Тоже дѣлаютъ и прочіе гости, исключая *дѣвушекъ*, которыя

остаются по просьбѣ невѣсты для подтвержденія себя пищею и питіемъ; послѣ чего также расходятся.

Этимъ и оканчивается такъ называемое „*закрываніе*“.

Наканунѣ вѣнца бываетъ *дѣвичникъ*, который начинается съ 5 часовъ вечера и продолжается до 2—3-хъ и далѣе часовъ по полуночи. Предъ дѣвичникомъ готовить для невѣсты баню. Приготовляя ей баню, подружки ея опять приплакиваютъ такъ:

«Если у ты батюшка сыновья ясны соколы,
Что моей буйной головушкѣ соколы братцы родимые,
Подойди ко мнѣ ты, братялко, близко неподалеку,
Стану падать братялку въ рѣзвые-ноженьки,
Насѣки-ко ты мнѣ братялко сухихъ березовыхъ дровъ,
Кормилица ты моя родимая матушка,
Тако есть у ты дочери и сизыя голубушки
Зарученой красной дѣвицѣ, да сестрицы родимыя,
Подойди ты, моя сестрица близко неподалеку,
Истопи ты мнѣ, сестрица, теплу жаркую банечку
Помыться да пожариться, на бѣло поумываться,
Не ради чужи стороны, а ради порогу церксвнаго
Святой церкви Божьей, да вѣнца золотаго».

Когда баня будетъ совсѣмъ приготовлена, тогда дѣвушки подружки невѣсты становятся среди комнаты, берутъ въ руки длинное полотенце и поютъ:

«Ты, кормилица моя, моя родимая матушка,
Неси моя кормилица тонко бѣло полотенышко,
Отпусти меня кормилица въ теплу парную баньку,
Голубушки сизыя, мои сестрицы родимыя,
Становитесь, мои сестрицы, среди высока терема:
Правая праворучица, моя крестовая сестрица,
Становись ты, сестрица, ко сестрицамъ родимымъ;
Лѣвая-то лѣворучица моя крестовая сестрица
Становись ты, моя сестрица, ко крестовой ко сестрицѣ;
Мои милыя, любимыя, мои любыя подружнички,
Становитесь вы, подруженьки, среди высока терема,
Вы берите во бѣлы-руки шитой, браной платочикъ,
Низко мнѣ вланийтесь и ласково говорите:
Добро жаловать зарученная въ теплу парную ба-
нечку,

Мнѣ помыться, да попариться, да бѣло поумываться.
Ясно мое солнышко, сударь солнышко-батюшка,
Подойди ты, мое солнышко, близко неподалеку.
Безъ вашего благословеньца нигуда я не ходила,
Слована и связана сижу я въ брусовой во лавицѣ,
Не могу стати, не поднятиса на рѣзвыя ноженьки.
У меня-то на-во рѣзвыхъ ногахъ да колоды дубовыя,
Благослови ты меня солнышко идти на широкую улицу
На улочьку на широкую, да въ тепло парную ба-
нюшку.

Не утица плавучая изъ гнѣзда вылетала,

За собою она выводила сердечныхъ маленькихъ дѣ-
точекъ,

Выходила заручена на широкую улицу
Со радостью вышла со племенемъ,
Съ честными родителями,
Со милыми подруженьками».

По окончаніи сей пѣсни, отецъ и мать изображаютъ на невѣстѣ крестное знаменіе и сопровождаютъ ее до выхода изъ дома, а подруги до самой бани. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея всѣ останавливаются и поютъ:

«Стой ты, банька парная, стой не перепадайся,
Не король идетъ со силою, да не война подступаетъ,
Идетъ-то заручена въ теплу парную баньку,
Иде мыться и париться, да бѣло умыватися и хорошо
снаряжаться;

У насъ хороша божена, тепла парная банюшка
На косякъ сѣнцы забираны, да по угламъ кисти на-
вѣшены.

У насъ каменна хрустальная, камешки самоцвѣтные,
У насъ квашеночки дубовыя, да обручки березовыя,
У насъ помы двоедубныя, да стѣны двоетесаны».

Пропѣвши это, невѣста отправляется въ баню съ сестрою, если есть, а если нѣтъ, то съ одною, или двумя изъ своихъ подругъ. Во все время, пока она моется въ банѣ, дѣвицы стоятъ у бани и поютъ разныя пѣсни, подобнаго же содержанія. Когда невѣста вымоется и выйдетъ изъ бани, дѣвицы опять припѣваютъ:

«Мнѣ сказали люди добрые таковыя рѣчи:
Не ходи ты зарученая въ теплу парную банечку,
Смоешь ты съ головы дорогу дѣвью красоту,
Намоешь ты на голову старую бабью кибалу.
Сомыла я съ головы дорогу дѣвью красоту,
Падется на чужой сторонѣ мнѣ мѣсто нежданно,
Семья мнѣ не по обычю, не по своей да душѣ черной
сынъ отечкой,

Последній разъ сходила въ теплу парную баньку,
Душой да красной дѣвицей, съ дорогой дѣвьею кра-
сотою.

Коль не судить Богъ бывать душой красной дѣвицей
Не въ дорогой дѣвьею красотѣ,
Раскатись тогда ты, моя банечка,
Покатись тогда ты, моя банечка,
Покатитесь вы бревешечки подъ-круту гору высокую
Во Дунай рѣку быстрюю,
Унесетъ тотъ Дунай рѣка во глухи темны лѣса.
Становитесь вы, бревешечки, на стары пенечки,
Разсыпсья ты, хрустальная каменка, по одному на-
мешечку,

Покатитесь камешечки на старыя мѣстечки».

По окончаніи сей пѣсни, невѣста и всѣ ея спутницы отправляются на могилы своихъ родныхъ и поютъ:

«Спыхните, вѣтры буйныя, съ понизовую сторону

Понесите вы мой зыченъ голосъ въ поверховную
сторону *)

На Буево, на Власьевско,
На Климанску площадь

У меня не всѣ въ скопѣ; въ собраньицѣ мои честны
родители,

У меня дѣдушка и бабушка въ скоромѣ помираньицѣ.
Разступись ты, мать сыра земля,
Отставай ты, гробова доска, отъ нова домовищица,
Бѣло-савано-полотенышко да во трубу завивайся,
Ты лѣвой-то рукой подопрись, а правой-то перекрестись,
Выходите, мои родители, да изъ сырой земли матери,
Дайте мнѣ, родители, велико благословеньицо.

Плотно спать, не пробуждаются мои честны родители,
Не дають мнѣ родители велика благословеньица,
Не сумятся, да сряжаются на тихъ дѣвѣй вечерь.
Безъ тѣхъ честныхъ родителей у меня пиры не пи-
руются,

Я съ тоской бѣдна загинула, да съ горя загоревалась».

Съ могилъ своихъ родныхъ невѣста съ сопровождающими ее дѣвицами отправляется къ своимъ родственникамъ и знакомымъ на кашу, приготовляемую изъ ячменной муки и называемую въ простонародіи *густой кашей*. Поѣвши этой каши, невѣста выходитъ изъ-за стола, благодаритъ за нее хозяйку и приглашаетъ ее къ себѣ на вечерь, или по ихнему, на дѣвичникъ. Все это повторяется во всѣхъ домахъ, гдѣ невѣста побываетъ. Отправивши дѣвичій послѣдній визитъ своимъ родственникамъ и знакомымъ, невѣста идетъ въ свой домъ и, приближаясь къ нему, дѣвушки начинаютъ пѣть:

«Пойду я заручена къ доми ко солнышку батюшку
да ко родимой ко матушкѣ.

Встрѣчаетъ меня батюшка со пути да со дороженьки:
Мое все да приходилося сердечное дитятко!
Во рукахъ онъ выноситъ скринку зеленого вина
Да пей ты, чадо милое, ставанъ зеленого вина».

Во время пѣнія сей пѣсни отецъ и мать невѣсты выходятъ на крыльцо, подають ей ставанъ сивухи и просятъ выкушать. Исполнивши просьбу отца и матери, невѣста входитъ въ ту комнату, въ которой будетъ играть дѣвичникъ, и останавливается у дверей, а спутницы ея поютъ:

«Ты кормилица моя, моя родимая матушка,
Ты тани, моя кормилица, срядны золоты столы,
Ты стели на столы шиты браныя скатерти,
Ты неси на золоты столы много ситнаго хлѣба,
Ты сяди моужъ подружечекъ за срядны золоты столы
Вы уже пойте-чествуйте своего роду племени, своихъ
честныхъ родителей».

*) Такъ припѣваютъ тогда, когда невѣста живетъ ниже церкви, а если выше, то на оборотъ.

Мать, слушаясь своей дочери, действительно приготовляет обѣдъ для ея подружекъ и сажаетъ ихъ за столы, убранные яствами и питьями разнаго рода. Во время стола дѣвушка-невѣста кланяется имъ, проситъ покушать и угощаетъ русскими горячими. — Поѣвши и попивши почти до опьянѣнія, дѣвушки расходятся до вечера (дѣвичника) по своимъ домамъ, а невѣста отправляется на отдыхъ.

Часовъ въ 5 или 6-ть по-полудни начинается такъ называемый нашими крестьянами и крестьянками *дѣвичникъ*.

Дѣвичникъ, или *дѣвичий вечеръ*, обыкновенно начинается съ 5 или 6 часовъ вечера и продолжается до 12 часовъ вечера и даже до 1 и 2-хъ по-полуночи. На немъ преимущественно присутствуютъ дѣвицы, которыя собираются со всей волости и раньше другихъ гостей.

Собравшись, гости-родственники невѣсты, около означеннаго выше времени, начинаютъ праздновать дѣвичникъ. Празднованіе дѣвичника всегда и у всѣхъ начинается сажаніемъ своихъ родныхъ и близкихъ знакомыхъ за набранный разными яствами столъ, хлѣба соли покушать, и пѣніемъ дѣвицами нижеслѣдующихъ такъ называемыхъ по ихнему *припликиваній*: дѣдушку и бабушку со отцовской стороны, которыхъ невѣста на сѣняхъ, или повѣти встрѣчаетъ съ рыданіемъ и паденіемъ въ ноги:

«Добро жаловать дѣдушку и бабушка
На тихъ на дѣвій вечеръ!
Садите вы, родители, моихъ дѣдушку и бабушку,
За срядны золоты столы».

Это же самое поется, когда приходятъ дѣдушка и бабушка съ *манериной сторони*.

Не на всякомъ дѣвичникѣ припликиваютъ дѣдушкамъ и бабушкамъ, хотя они и въ живыхъ еще, по той причинѣ, что старики и старухи въ нашей мѣстности большею частію раскольники, а раскольники не только что старые, даже и молодые не ходятъ на подобныя празднованія. Этого требуетъ ихъ правило, чтобы «неизамѣршиться».

Когда соберутся всѣ гости, родственники невѣсты и близкіе знакомые ея родителямъ, и усядутся за столъ, тогда посылаютъ лошадь за священникомъ и его женою. Священникъ и его жена, входя на повѣть, или, если есть корридоръ, встрѣчаются невѣстою съ толпою подружекъ, послѣднія поютъ первоначально священнику:

«Добро пожаловать, духовной батюшко, да свѣтъ Н. Н.
На тихъ, на дѣвій вечеръ
Ко мнѣ красной дѣвицѣ
Спобѣдныхъ пѣсенъ слушать,
Ко батюшку, ко матушки
Хлѣба-соли кушать,
Садите, родители, духовнаго батюшка

За срядны золоты столы,
Пойте вы и чествуйте духовнаго батюшка».

Потомъ его женѣ:

«Добро пожаловать, духовная матушка, да свѣтъ Н. Н.
На нашъ на дѣвій вечеръ».

Прочее все тоже, что и священнику.

Во время пѣнія означенныхъ стиховъ отецъ невѣсты, мать, или братъ приглашаютъ священника и его жену войти въ ту комнату, гдѣ празднуется дѣвичникъ. Священникъ и прочіе, бывшіе въ корридорѣ, или повѣти, входятъ въ комнату, наполненную народомъ разнаго пола и возраста до того, что едва можно пробраться. Священника и его жену по входѣ въ комнату, просятъ сѣсть за убранный разными яствами столъ, хлѣба соли покушать. Невѣста же и близкія ей дѣвицы садятся на *лавку*, такъ называемую *женскую*, а прочія по скамьямъ, или же стоятъ. Когда все это прекратится, дѣвицы начинаютъ пѣть, а невѣста убиваться и ревѣть такъ же, какъ было въ закрыванье. Припѣваютъ первоначально родственникамъ невѣсты, послѣ которыхъ и чужимъ — знакомымъ только. Припѣванія родственникамъ особеннаго вниманія не заслуживаютъ, потому мы на нихъ и не обратимъ онаго, а скажемъ, какъ припѣваютъ парнямъ изъ богатаго житя, красивымъ собою и хорошо одѣтымъ, женщинамъ, дѣвицамъ и парнямъ изъ плохаго житя — небогатымъ. Вотъ эти припѣванья:

1. Парню изъ богатаго житя.

«Изъ-за горья-горья тихой вѣтерокъ подуваетъ,
Да корабль выбѣгаетъ,
О двѣнадцати, о парусахъ,
О полтринадцати о якоряхъ,
Бѣжить, подбѣгаетъ, да къ бережку приставетъ,
Подъ Тулгосску волость, да подъ Власевску церковь.
Мостили да со корабля
Выстилали да со корабля втрое сукно дорогое,
Выводили да съ корабля коня-добра лошадь.
Обузданъ конь-добра лошадь черкасскимъ сѣделышкомъ,
На конѣ доброй-лошади дорогой добрый молодець
По *платью*, да по *цвѣтному*
Кабыть сынъ *купца*, гостя дорогаго,
По низкимъ по поклонамъ сынъ попа, отца духовнаго.
По рѣчамъ, по пословицѣ молодца обознавали,
По говорѣ тихой-смирной именемъ называли:
Жалостливый брателко Н. Н.,
Дороденъ добрый молодець
Добрымъ людямъ на *завидость*,
Лихимъ на *вздиленье*,
Ты не ѣздилъ добрый молодець
На гульбу молодецку,

У тя поступочка бурлаца,
Честь хвала *молодеца*;
Ты много наживалъ злата, серебра,
Средиъ на могучи плеча дорого свѣтло платицо.
Ко бѣлу тѣлу пристанеть бѣла бумажна рубашка,
Ко рубашечкѣ пристанеть да галунецъ золотой,
На ноженки пристануть сафьяны сапожки,
На рученьки пристануть радужьи перчаточки,
На головушку пристанеть соболинова шапочка.
Лежить слава про молодца,
Что *молодецъ на женитьбѣ*.
Женись ты, добрый молодецъ,
У Архангельска города.
Возьми ты, добрый молодецъ,
Да купеческу дочь.
Со купеческой дочерью тѣ приданаю мною:
Города да съ *пригородками*,
Терема съ *притеремками*,
Цѣлы лавицы съ *товарами*
Да *рамы* окованные.
Далеко тебѣ вести, ясенъ соколъ,
Крестоваго батюшка, да крестовую матушку,
Далеко тѣ подыматися съ молодымъ бранымъ поѣз-
домъ,
Да съ молодыми поѣзжанами.
Женись ты, доброй молодецъ, славной Тулгасской во-
лости,
Возьми ты, добрый молодецъ, у богатаго отца одну
дочь одинокую—
Зрелу. хорошую, бѣлую, да кудрявую,
Было-бы тебѣ съ кѣмъ явитися
Ко отцу да ко матери,
Было-бы чѣмъ похвастати
При друзьяхъ да при товарищахъ.

Когда будетъ приближаться эта пѣсня къ концу, тогда тотъ парень, которому припѣвали, подходить къ невѣстѣ кланяется и дарить ей 10, 15 и даже болѣе копѣекъ, а дѣвушкамъ за то, что онѣ такъ его выхваляли и на-обѣщали ему разныхъ небылицъ, бросаетъ пряники, закуски или калачи. За такіе гостинцы дѣвушки отъ лица невѣсты и себя благодарятъ его слѣдующими словами:

«И спасибо тѣ, добрый молодецъ,
На добрыхъ честныхъ гостинечкахъ,
На рублѣ денегъ, на полтинѣ
На цѣлой золотой гривнѣ».

Всѣ, кому приплакиваютъ, приходя къ невѣстѣ: если мужчина, то дѣлаетъ такъ, какъ выше опи-сали, а если женщина замужняя и дѣвица, то кланяются, обнимаютъ невѣсту, а также дарятъ что-либо. Кто что подаритъ невѣстѣ, того такъ и благодарятъ.

2. Женищинамъ.

Не утрення заря-зелена занималася
Да высоко вознималася,
Выше церкви Божьей-святой,
Выше шатра полотянаго
Да креста животворящаго,
Опускалася заря утрення
Ниже церкви Божіей-святой,
Ниже темнаго лѣсу,
Не быть да зарѣ утренней
Молодой молодежию.
Бѣлая лебедушка
Да молодая молодушка N. N.

Благодарятъ за гостинцы:

Спасибо, лебедь бѣлая,
На любыхъ честныхъ гостинечкахъ,
На многомъ приношеньицѣ,
На медовомъ сладкомъ пряничкѣ.

3. Дѣвицамъ.

Каталася жемчужина
По торгамъ, по базарамъ
Во великій день говеньица
Въ Евдокіевску ярманку,
Изъ Евдокіевской ярманки въ Алексіевску;
Да не быть земляникѣ-ягодкѣ,
Быть душѣ красной дѣвицѣ.
Милая, любимая, дорогая подруженька
Подруженька любимая N. N.
Тебѣ сряжено, снаряжено много цвѣтнаго платица,
Твоя буйная головушка въ грамоту поучена,
Прибита рука права ко перу лебединому,
Приложена лѣва рука къ листу бѣлой грамоты,
Присмотрѣны очи ясныя къ скорописчатой грамотѣ.
Пойдутъ, да поѣдутъ съ чужой стороны
Большіе сватовцы.
За тебя схоже солнышко (отецъ) дорого дорожится,
Матушка родимая горою становится.
«Цѣло мнѣ родители мѣсто выбираютъ,
Выбрали мнѣ родители не по уму, не по разуму
Чужу дальну сторону;
Мнѣ не по уму не по разуму
Чужи честны родители,
Не по своей душѣ вѣрцкой
Ссужай сынъ отецкой.
Вы лучшии такъ отказывали,
А за худаго давать поизволили.
Вы чего убоилися, да чего утрашилися,
Мои честны родители:
Знаю схоже мое солнышко, моя родимая матушка».

Благодарять:

«Спасибо тебѣ, подруженька,
На любыхъ честныхъ гостинечкахъ
На италянскомъ платочкѣ».

4. Парню изъ небогатаго житья.

Не пень въ радѣ чернѣть,
Да не гнилая колодина
Чернѣть во теремѣ,
Де удалой добрый молодецъ Н. Н.
Нѣтъ у тебя добра молодца
Ни злата, ни серебра,
Не на што тѣ средить дорого свѣтло платье,
Ты ходишь добрый молодецъ
На долги вечеренечки,
Тебя дѣвицы-то не любить
И женочки не голубить.

Благодарять:

«Спасибо тебѣ, доброй молодецъ,
На любыхъ честныхъ гостинечкахъ,
На пяти мѣдныхъ копѣечкахъ».

(Последнія слова благодарности произносятъ, чтобы больше сконфузить, какъ можно громче).

Вромѣ напечатанныхъ здѣсь «приплакиваній» поются на дѣвичникѣ разныя простонародныя пѣсни. Когда кончатся дѣвичникъ, невѣстѣ и ея подругамъ дѣвицамъ хозяйка дома собираетъ ужинъ. Во время приготовления ужина дѣвицы отъ лица невѣсты поютъ отцу ея, стоящему предъ своею дочерью съ братыней пива, слѣдующее:

«Въ забытьѣ позабыли, на умѣ не подержали,
Подожелъ да схоже солнышко близко не подалеку,
Благословясь-то стала я да поранному утрицу,
Тутъ умъ за умъ ходить; дума думу спобиваетъ:
О чемъ меня матушка въ забытьѣ позабыла,
Во многихъ-то дочеряхъ, да во числѣ помѣшалась.
Сама собой я вышла изъ новорубленой горенки,
Заходила зарученная въ новый высокой теремъ
Я бѣло не умывалась, да хорошо не наряжалась.
Попросила я у батюшки мѣдныя рукомоечки, да таза
полуженаго,
У сестрицы у родимой свѣжей воды ключевой,
У братенька роднаго тута пѣннаго мыла,
У невѣстушки любимой тонка бѣла полотенышка.
Ничего мнѣ не сказываютъ да путь дорожку показываютъ.

Сидеть мое схоже солнышко на брусовой лавочкѣ
Говорить онъ рѣчи—таково слово:
Откажу сегодня дочери я отъ хлѣба, отъ соли,
Отъ хлѣба отъ соли отказываютъ, да путь дороженьку
указываютъ,

Отказываетъ мнѣ кормилица отъ дѣла, отъ работушки.

Сидятъ мои братья на брусовой лавочкѣ,
Говорятъ мои братья рѣчи—таково слово:
Откажемъ сегодня сестрицѣ въ теремъ мѣсто,
Ни во теремѣ мѣста, ни во лавкѣ бесѣды.
Вамъ спасибо, мои родители, во очи и за очи!
Какъ у тя схоже солнышко уста-то отворилися:
Вы къ чему мнѣ отказываете отъ хлѣба отъ соли?
Я ваше чадо милое, ваше сердечное дитятко.
Я пошла зарученная на широкую улицу.
На широкую на улицу, подъ круту гору высокую,
Въ Двинѣ рѣкѣ быстрой, бѣло умыватися да хорошо
снаряжатися.

Плывуть по славной по Двиночкѣ бѣлы скоблены барочки,

Плывуть на этихъ барочкахъ купцы гости торювые,
У купцовъ плывуть работнички да добрые молодцы;
Бричатъ они молодцы рѣчи—таково слово:
«Тутъ три вдовы оставалось, да горя наоставляли,
Первая вдова умылася, да поповская дочь,
Другая вдова умылася, горе-горькая солдатка,
Третья вдова умылася, крестьянская дочь».
Я тутъ да не умылася да назадъ воротилася,
Я слезами да умылася, да тоской утерлася,
Я пойду да провѣдаю въ чужу дальнюю сторону.
Стоитъ темна темница между горами высокими, да
ручьями глубокими,

По праву руку у темницы глухи-темные дѣса,
У ней сучье не обрублено, да кора не оскоблена,
Углы у ней неотесаны, да околени брюшныны,
Я зашла въ темну темницу да увидѣла:
Въ большомъ углу на лавицѣ лютой змѣй извивается,
Прямо печи на лавицѣ люта змѣя извивается,
На печномъ столбѣ дикой голубь воркуеть;
Прямо малаго угла по лавицѣ сороки щекочуть,
Подъ порогомъ у окошечка кокушка кокуеть.
Сидитъ чужь отецкой сынъ на брусовой лавицѣ,
Въ карточки играетъ, да въ ладыжки цатаетъ».

По пропѣніи этой пѣсни невѣста начинаетъ приготовляться къ встрѣчѣ жениха съ поѣзжанами—умываться и одѣваться... Когда же пріѣдетъ женихъ за ней и зайдетъ въ комнату, родители невѣсты садятъ его со всею свитой за набранный разными яствами и питіями столъ, а дѣвицы поютъ пѣсню:

«На чистомъ полѣ не туманъ занимался,
На прекрасномъ крылечкѣ да не громы загремѣли,
На вѣтяной повѣточкѣ громко заговорили.
Откуда палачи напали, да гонцы нагонили?
Гонцы эти нагонены да изъ сырой земли матери,
Они правятъ челобитную, отъ дѣдушки отъ бабушки

Да отъ умершихъ родителей.
Корминица моя, родимая матушка!
Тяни моя корминица дубовые столы,
Стели ты на дубовые столы рогожны скатерти,
На столы ты носи дробиннаго квасу,
Да изъ бочекъ воды ржавчины,
Несите *утицу плавучу*, да жорава долгоногога,
Мнѣ-ка на чужой на сторонѣ будетъ укора великая,
Мнѣ отъ стараго отъ малаго, отъ рѣдоваго.
Тяни моя корминица золоты столы,
Стели на золоты столы браны скатерти,
Несите вы на бранны скатерти ситнаго хлѣба,
Приставляйте къ золотымъ столамъ бочку хмѣльнаго
пьянаго пива,
Несите на золоты столы скрюнку вина зеленого,
Ниже нынѣ кланяйтеся, ласковѣе говорите,
*Идите честуйте чужаго роду племени, чужихъ
родителей.*
Гордо княжаго тысяцкаго, да гордо княжую сватью.
Дай мнѣ схоже солнышко правую праворучицу,
Матушка родимая лѣвую лѣворучицу.
Попросить мнѣ у родителей великаго благословенія
Дай мнѣ, схоже солнышко, велико благословеньице:
*Твое-то благословеньице (будеть) на водѣ праги-
телемъ,*
А на сырой земль матушкѣ сохранителемъ.
Дай и ты мнѣ матушка таковое же благословеньице!
Куда меня одѣли, да хорошо снарядили?
.....
Это свѣтло платьице мнѣ раньше не приставало:
Въ ширину было широкое, въ длину было долгое.
Не бывала я столько хорошо снаряжена ни о Хри-
стовѣ-днѣ, ни о праздничѣ...
Не вставляйте мои братьицы со брусовой лавицы,
Не молитесь вы, не кланяйтесь Свѣту Господу Богу,
Не благословляйтесь мои братьицы
У чужаго роду племени, у чужихъ честныхъ роди-
телей,
Не вознимайте меня, братьицы, да подъ могучія плечи.
У меня у братьицовой-родимыхъ шелковыя рученьки,
На шелковыхъ-то рученькахъ бумажныя перчаточки.
У чужа сына отца желѣзныя рученьки, да булат-
ныя перстишки,
Поднесъ во бѣлыхъ рукахъ столовую братенечку,
Во братынечкѣ подносить хмѣльно, пьяно пиво.
Стой ты, схоже солнышко, на вѣтляномъ повѣточкѣ,
Придержи ты ручки бѣлыя да ко столовой братынечкѣ
Присмотри ты очи ясны на сердечнаго дитятка,
Какое чадо милое было ростомъ и дородствомъ,
Какое да чадо милое бѣлиствомъ и румянствомъ?
Ростомъ вѣточка луговая, лицомъ наливная ягодка.
Схоже мое солнышко—сударь, солнышко батюшка!

Я съ тоски затосковалась, съ горя загоревалась:
Мнѣ-ка жалъ стало тошнешенько дѣвья житья кра-
сованья,
У васъ часы часуются, да времена временуются.
Какъ за грѣхъ, да не въ часъ приду въ чужу даль-
ную сторону,
Надо мною станеть крятаться, да собою возвышаться.
Какъ *уйдетъ да сынъ отецкій* по царевымъ кабакамъ,
Долгимъ вечеренечкамъ, да по душамъ краснымъ дѣ-
вицамъ,
Мнѣ посидѣтья будетъ бѣдной по позднему вечеру,
Мнѣ пождаться бѣдной будетъ вѣчнаго мужа.
Изъ кабака идетъ шатается, да надо мною разѣзжается,
Стромко и грозно идетъ, стромко отворяетъ ворота
Да полотяныя двери, да по терему срядны золоты
столы,
Бѣдна я тутъ испужалась, бѣдна я вся перепалась,
Не могу стать-поднявшись на рѣзвыя ноженьки,
Не несутъ да рѣзвы ноженьки по высокому терему.
Я сегодня у Господа безъ числа согрѣшила,
Я сегодня у чужихъ людей безъ вины виновата,
Я въ ступени приступилась, въ словѣ проговорилась.
Такъ спасибо схоже солнышко въ очи и за очи,
Ты выбралъ мнѣ не по уму да не поразуму...
Такъ спасибо, схоже солнышко, на столовой братынечѣ,
На хмѣльномъ пьяномъ пивѣ»...

Проглѣвши отцу невѣсты эту цѣсню, дѣвицы начинаютъ
пѣть ей матери, если она есть, тоже стоящей передъ
дочерью съ братыней пива.

«Не въ колоколъ ударили, да не въ звоны прозвонили,
Со мною матушка родимая рѣчи заговорила.
Ты корминица моя, родимая матушка,
Посмотри, моя корминица, по скамьямъ да по лавицамъ:
Веселы, да радостны сидятъ мои любныя подруженьки,
Свѣтла у нихъ на головахъ дорога дѣвья красота,
Одна сидитъ не весела, одна душа красна дѣвица
На брусовой лавочкѣ, да подъ кручиннымъ окошечкомъ,
На ней платьице печально, да слезенно покрывальцо.
Ты не сына женишь матушка, да не невѣстку берешь,
Свою дочь, да любиму со двора провожаешь,
Хоть вы меня избудете, да небогатѣе будите;
Вамъ не два свѣту освѣтять, да не два солнышка
проглянетъ,
Корминица моя, моя родимая матушка!
Только вы меня избудете, въ терему да не увидите,
Сорокъ недѣль матушка во утробѣ меня носила,
Тридцать недѣль матушка въ пелены пеленала,
Полтора года корминица къ сердцу прижимала,
Полтретья года матушка въ зыбочкѣ качала,
До пяти годовъ корминица со бѣлыхъ рукъ не спу-
скала.

До десятиа годочковъ изъ усть не опускала,
 До 15-ти годочковъ слугой не называла,
 16-ти годочковъ стала слугой называти,
 17-ти годочковъ стала замужь выдавати,
 Молодымъ я молодехонька, да зеленымъ зеленеонька,
 Да не въ годы привязалось мнѣ великое горюшко,
 Не на недѣлечки приходили зло горючія слезы.
 Страшна мнѣ кажется чужая дальня сторона,
 Мнѣ страшнѣе того кажется чужой сынъ отечкой;
 Учить онъ будетъ переучивать, да торить, переторивать,

Не учена, не торена душа красная дѣвица.
 У чужа сына отецкаго гроза молодецка,
 Поступочка бурлацка, да честь хвала молодецка,
 Придутъ вѣсточки не радостны на родимую сторону,
 Сегодня чадо милое бранено и бито,
 Сегодня чадо милое не тило, да не тло.
 Ты кого моя матушка побудишь рано по ранному утрицу?

Кого же нарядишь на дѣло, на работу?
 Спасибо тебѣ матушка въ очи и за очи.
 Ты побей челомъ, поклоняйся на правую руку,
 Ты сади, моя кормилица, за срядны золоты столы,
 Пой ты чествуй любыхъ моихъ подруженекъ».

Послѣ двухъ этихъ пѣсень невѣста и дѣвица сходятся ужинать. Поужинавши послѣднія поютъ нижеслѣдующую пѣсню, а пропѣвши, уходятъ по своимъ домамъ, впрочемъ, многія остаются у невѣсты по той причинѣ, что бывають довольно выпивши *).

Пѣсня послѣ ужина.

«Мнѣ на всю свѣтлау недѣлечку не пиалось, да не влоось,
 Мнѣ сегодня у родителей попиалось, да повлось;
 Я сидѣла у схожа солнышка да въ болшемъ углу на лавицѣ,
 Говъ попы да сидятъ діаконы, идъ суды, да начальники.

Я не ѣденаго наѣлась, не питаго напилась.
 Вамъ спасибо золоты столы, что на ногахъ постояли,
 Вамъ спасибо бранны скатерти, что на столахъ по лежали,
 Вамъ спасибо хлѣбы ситные, что во уста покатились,
 Спасибо пиво пьяное, что до пьяна напоило...
 По конецъ стола мнѣ насидѣться на чужой сторонѣ,
 Мнѣ натого напатися до того поѣстися»...

Послѣ этой пѣсни совершенно оканчивается дѣвичникъ. На слѣдующій день ни-свѣтъ, ни-заря, какъ говорится, дѣвицы-подруги невѣсты, если расходились по своимъ

* Дѣвицы въ нашей мѣстности почти всѣ съ 15-ми лѣтъ пьютъ довольно хорошо водку.

домамъ, приходять къ ней, а если тутъ же спали, то встають и, не успѣвши, можно сказать, умыться и перекреститься, поютъ отъ лица невѣсты, которая не умылась еще и не одѣлась въ свадебный костюмъ:

«Я спала, спала у батюшки въ новой рубленой горенкѣ,

На тесовой кроваточкѣ, да на пуховой периночкѣ,
 Дожидалась я отъ матушки ранняго пробужденница,
 Отъ батюшки родимаго—частаго покликаньяца,
 Отъ батюшки духовнаго свѣтлы рання заутрени,
 Отъ дьякона пресвѣщеннаго—пресвѣщенны обѣдни,
 Отъ пономаря церковнаго звону-благовѣсту.

Не могла я отъ духовнаго батюшки дождаться свѣтлы рання заутрени,

Отъ родимаго отъ батюшки частаго покликаньяца.

Сидѣніе жениха и его свиты за столомъ продолжается небольшо полоторыхъ часовъ. Въ концу сидѣнья кто либо изъ родственниковъ невѣсты беретъ ее за полотенце длиною въ 3 ¹/₂ арш., привязанное къ правой рукѣ, приводитъ къ жениху, сидѣвшему за столомъ и поднимаетъ какъ можно выше. Женихъ долженъ взяться за полотенце нѣсколько повыше руки того, кто привелъ къ нему невѣсту; этимъ обыкновеніемъ означается у простаго люда то, что женихъ, какъ будущій супругъ приведенной невѣсты, будетъ во всѣхъ случаяхъ жизни выше своей жены, будетъ, какъ выражаются, командовать ею. Женихъ, поймавши поднятое полотенце повыше руки приведеннаго, ведетъ свою будущую жену за столъ, обводитъ трижды кругомъ себя и толкаетъ ее, чтобы она не сѣла и упала на лавку; когда такъ сдѣлано будетъ, тогда поѣзжане жениха кричатъ какъ могутъ: «ура, ура, ура!.. Побѣдилъ.... Сватовець табаку! Женихъ княжьяго пива и вина» дѣвицы, подруги невѣсты поютъ:

«Не ступай комнѣ на рѣзвыя ножени,
 Не толкай подъ могучія плеча,
 Не давай грозы великой въ дому у солнышка батюшка.»
 «Мнѣ-ка хаять чужа сторона—не расхаята будетъ,
 Мнѣ-ка тужить чужа сына, да не утужить будетъ.»
 И такъ называемый дружжа *) вынимаетъ изъ запазухи двѣ восковыя свѣчи, соединяетъ ихъ винтообразно **) зажигаетъ и ставитъ къ той иконѣ, которою благословлена невѣста и которая повезется въ церковь, потомъ беретъ въ руки хлѣбъ, изображаетъ на себѣ крестное знаменіе и рушаетъ его и наконецъ угощаетъ поѣзжанъ пивомъ, а прочихъ гостей, такъ называемыми сочнями, которые не попадаютъ имъ, а бросаются во всѣ четыре стороны.

*) Знахарь, хранитель брачущихся.

**) Винтообразное соединеніе свѣчъ означаетъ, чтобы молодцы хорошо любили другъ друга.

Женихъ исполняетъ требованіе своихъ *поѣзжанъ*, представляетъ имъ *боцку пива* и *седра-два вина*; все это поѣзжанами и близкими знакомыми жениха и невѣсты впродолженіе часа рѣшается до капли, почему означенныя лица *почти* всегда приѣзжаютъ въ церковь *совершенно пьяными*.

По совершеніи таинства брака новобрачные изъ церкви отправляются въ домъ родителей, куда приглашаютъ и священника съ причтомъ. Здѣсь особеннаго ничего не дѣлается и не бываетъ кромѣ того, какъ вскрываютъ молодую и какъ *дарятъ священника*, отца, мать, братьевъ и сестеръ молодого. *Скрываніе молодой* дѣлается такъ: когда приѣдутъ изъ церкви молодые супруги и пройдутъ за столъ, за которымъ не сидятъ, а стоятъ, *тогда мать молодого* супруга снимаетъ шаль съ головы молодой и сильно кланяется сватовцу, говоря: «спасибо тебѣ, сватовецъ, ты ѣздилъ не гористо, вывезъ добристо!...»

Дарятъ прежде всего *священника*, если онъ есть, и дарятъ такъ: *наливаютъ стаканъ пива*, въ который полагаютъ какой-либо *платокъ* и *подносятъ все это* священнику и просятъ принять. Священникъ, принявъ дары и выпивши стаканъ пива, долженъ *отдарить молодую* (потому что подносятъ она) положить въ стаканъ *какую либо монету*. Также подносятъ подарки отцу, матери, братьямъ и сестрамъ молодого. Отдаривши всѣхъ, молодые садятся и кушаютъ, а покушавши, уходятъ на отдыхъ до слѣдующаго дня.—Въ слѣдующій день рано утромъ молодой съ родителями и родственниками начинаетъ собираться къ тещѣ на *блины*, или по ихнему—*хлѣбины*.

На хлѣбныхъ, или *красномъ столѣ*, особенно достойно замѣчанія слѣдующее обыкновеніе: теща, подавши на столъ послѣ нѣсколькихъ перемѣнъ блиновъ и масла, проситъ зятя кушать ихъ. Когда же онъ возьметъ блинъ и начнетъ окунать его въ масло, тогда кто либо изъ гостей, сидящихъ за столомъ, старается подмѣтнуть этотъ моментъ для того, чтобы *виѣстѣ* съ блиномъ окунуть въ масло у молодого и руку. Впрочемъ не всегда удается желающему сдѣлать это, по той причинѣ, что молодой, такъ какъ *видалъ* и знаетъ это обыкновеніе, ловить ту минуту, въ которую всѣ ротозѣйничаютъ и окунаетъ въ масло блинъ въ одно мгновеніе. За такое проворство и ловкость называютъ молодого *острымъ человекомъ*: — *острый*, говорятъ, онъ *человѣкъ*.

Этими хлѣбинами у Тулгаскихъ крестьянъ совершенно оканчиваются свадебные обряды.

Но когда женихъ съ поѣзжанами приѣдетъ за невѣстой въ *вѣнчальный* день, первоначально они не впускаются въ домъ невѣсты. Друзки или сторожъ свадьбы, пришедши къ закрытымъ воротамъ дома невѣсты, говорятъ:

Господи Іисусе Христе, Сыне Божій помилуй насъ. Аминь. Если у васъ супротиво нашего молодого князя молитву сотворить, или *Аминь* отдать».

Отвѣчаютъ родные невѣсты: «Аминь вашей молитвѣ», и говорятъ: «что вы за люди, зачѣмъ приѣхали?» Приѣхавшіе въ лицѣ дружки отвѣчаютъ: «мы люди Божіи да государевы: *два посла посланника, два дружки перепѣжгіе*. Посланы мы отъ князя первобрачнаго; мы приѣхали къ вашему дому нешално, не нахально, *по первому зву, по сватовству, по второму—зву данью рукоданью. по третьему зву—рукобитью*, ѣхали мы не путемъ не дороюю, а *зелеными лугами*, чистыми полями, поволочными мѣстами, дремучими лѣсами, зыбучими болотами, чрезъ грязи топучія, чрезъ тихія озера глубокія, чрезъ быстрыя рѣки широкія, черезъ ручьи ребеновы, чрезъ мосты калиновы, черезъ узки переулки. *Искали мы кунницы лисицы* и ничего не нашли, только одинъ *куній слѣдъ*. Тѣмъ куннымъ слѣдомъ мы ѣхали, палили, лошадей своихъ притомили; ѣхали-палили изъ Москвы до Сибири въ *врасныхъ саняхъ* подъ синими полстями. Доѣхали мы до бѣлаго шатра, до вашего дому; есть-ли въ вашемъ домѣ господинъ хозяинъ, *куній слѣдъ. отводи куда ушелъ, или красную дѣвицу выводи*; наши кони прибились, молодцы притомились, давайте нашимъ конямъ сѣна зеленого, овса ядреннаго, чтобы сѣна до колѣна, овса до глазъ.»

«Есть вашимъ конямъ солома ржаная, да и тая гнилая, а овса своего зачѣмъ ни привезли?»

«Господинъ хозяинъ! мы приѣхали къ тебѣ не по рожь и пшеницу, а по красную дѣвицу.»

«Какія на вашей дѣвицѣ примѣты?» — «На нашей красной дѣвицѣ примѣты: бѣлобисерной *пчелокъ*, стоятъ въ кругу народа, въ высокомъ терему, въ бѣломъ шатрѣ, въ бабьей бесѣдѣ, въ дѣвьемъ порядкѣ, на брусовой лавкѣ, головой покачиваетъ, руками подъ черной фатой *помахиваетъ*, подъ бѣлымъ платкомъ *умильно причитываетъ*, своимъ родителямъ *припѣваетъ*, насъ *молодцовъ* дожидаетъ... Еще, г. хозяинъ, есть-ли у васъ *уворотъ приворотники*, у дверей *придверники*, у стола *пристольники*, у пива *наливники*, у печи *стряпки*?»

«Стряпка отъ печи бросилась, на курьемъ полѣ *раскатилась*, за полъ *зубами* ухватилась.» — «Есть-ли *нашимъ конямъ караульные люди*, чтобы тѣ *караульные ворота* отпирали, *высокія подворотницы* вынимали, дабы наши кони *ногъ* не переломали и *копытъ* не заломали?» — «Своихъ *приставьте*.» — «Отпирай и отворяй *ворота*, г. хозяинъ?»

Хозяинъ открываетъ ворота и впускаетъ *приѣзжихъ* гостей, которые входя въ ворота, говорятъ: «г. хозяинъ, въ этотъ день ты не хотѣлъ *воротъ* заперать и *дверей* затворять; почему же ты *ворота* заперъ и *двери* затворилъ! Кто тебѣ приказалъ?»

«Я потому ворота запыралъ, что весь вашъ княжескій поѣздъ въ одно время ждалъ.» — «Это все ваши не отговорки, нашъ княжескій поѣздъ не въ рассорѣ» (заходить въ избу).

Вошедши въ избу и помолившись иконамъ, говорятъ: «здравствуйте, молодыя молодилы, красныя дѣвицы! Подберите рѣзвыя свои ноженки, дайте свѣту изъ окошечка подойти къ сударынѣ и подать ей гостинчики.... Ты, сударыня, прими мои гостинчики, на бѣлыя бѣлила, на красный румяничекъ за то, что *только прала, ситко ткала* т. е. бѣло бѣлила, на камешкѣ колотила, намъ, молодцамъ норвила. И ты, сударыня, не плачь, не воли, ни о чемъ не тужи, — у нашего батюшки горы низеньки, ушатки маленьки, коромысла тоненьки; ты, сударыня, не будь горда и спѣсива, а будь всегда говорлива, гордость и спѣсь спрячь, лѣнь потяготу кинь въ подполье; ты не ломайся, сама разувайся, у насъ побудешь и насъ разуешь, ежели ты будешь горда и спѣсива, то тебѣ будетъ плеть учлива». Послѣ этого дружки обращаются къ хозяину дома и говорятъ: «здравствуй, господиный хозяинъ!... Нашъ князь первобрачный сего числа стоявалъ, пировалъ, не поломавъ ли какой посуды каменной, оловянной, щепеной, деревянной? Если что поломавъ, то завтрашняго числа раскланяется золотомъ и серебромъ, нескатнымъ жемчугомъ, а теперь у насъ денегъ нѣтъ, просимъ не осудить.»

Хозяинъ, выслушавши послѣднія рѣчи, сажаетъ всѣхъ прѣхавшихъ за столъ, набранный разными явствами и питіями *).

*) Поясненіе словъ, преимущественно употребляемыхъ крестьянами и встречающихся въ настоящемъ описаніи свадебныхъ обрядовъ:

Клѣть—кладовая

Крашаниникъ—сарафанъ, сшитый изъ окрашеннаго черной краской холста.

Ситникъ—сарафанъ, сшитый изъ ситцевой матеріи.

Приплакиваніе—пѣть заунывно, пѣть пѣсни грустнаго содержанія.

Сватовецъ—этимъ именемъ называютъ того, кто высватывалъ невѣсту.

Немилюющіе гости—весьма не нравящіеся гости.

Не столокотъ (портна) или очень много достоинствъ за трудъ сватовцу.

Одна мѣрка искосинки—весьма мало и то отрѣзанное нанское.

Дѣвичникъ—дѣвичій вечеръ, на которомъ мушкетъ почти не бываетъ.

Праворучица—крестовая сестра по крестному.

Лѣворучица—крестовая сестра по крестной.

Иде идетъ, всѣ глаголы въ нашей мѣстности употребляются подобнымъ образомъ, а иногда съ прибавленіемъ шю напр иде-шо, ѣде-шо, дѣлае-по.

Квашеночки—шашечки, употребляемая въ бакъ для мытья.

Кибала—иначе комошингъ, женскій головной уборъ.

Домовище—гробъ.

Загнула—сдѣлалась хуже.

Въ описаніи народнаго быта въ селеніи Зимней Золотицѣ, что на зимнемъ берегу Архангельскаго уѣзда, составленномъ священникомъ Влад. Розонымъ, находимъ слѣдующія данныя о свадебныхъ обрядахъ, существующихъ въ этой мѣстности:

«Женихъ подговариваетъ невѣсту на вечеринкѣ; если она даетъ ему честное слово, сначала уговорятся между собою и, чтобы не обмануть другъ друга, — *подарятся*. Потомъ, когда настанетъ время жениться, женихъ, падая отцу и матери въ ноги, говоритъ: *благословите меня, батюшко и матушка жениться*, — при этомъ женихъ поминается имя *избранной*. Отецъ и мать, если избранная невѣста любима имъ, говорятъ: *Богъ благословитъ, дитятко*. Получивши дозволеніе родителей и *священника*, женихъ посылаетъ въ домъ невѣсты свата. *Сватъ* бываетъ большею частію изъ *близкихъ родныхъ*, *рядко* изъ дальнихъ или вовсе чужихъ. Сватъ приходитъ въ домъ невѣсты утромъ, а болѣе вечеромъ. Вошедши въ избу, сватъ становится вдоль полу, шапку и рукавицы держитъ въ рукахъ, потомъ вызвавъ отца невѣсты на сѣни, тихонько переговаривается о дѣлѣ, за которымъ пришелъ. Невѣста, почувявши себѣ невзгоду, забирается на печь и тамъ плачетъ. А если женихъ не по уму, тотчасъ же по уходѣ свата *падаетъ* въ ноги *отцу, а особенно матери, чтобы не отдавали за нелюбаю*. — *Отецъ мать иногда и слушаютъ* невѣсту. Если же захочетъ отецъ отдать дочь, то назначаетъ свату еще *срока два, или три*, въ которые онъ долженъ придти затѣмъ же къ отцу невѣсты. *И здѣсь уже назначаютъ время рукобитья и смотрѣнья; на рукобитьи пьютъ женихово вино родные невѣсты. Въ смотрѣнье выводятъ невѣсту на показъ жениху* и при этомъ спрашиваютъ: *Люба-ли, любя ва-ша, нелюба наша?* Родные жениха и женихъ отвѣчаютъ: *очень хороша*. На смотрѣнье впереди ходитъ *сватъ* и всегда съ фонаремъ — *поискать человѣка*. На смотрѣнья *будущіе сватовья бьютъ* по рукамъ. *Отецъ жениха беретъ* за руку по выше локтя отца невѣсты, при чемъ оба прихватываютъ собственные рукава рубашекъ и казачинъ, — *неголой* рукой. Когда станеть бить по рукамъ *мать невѣсты* съ будущими сватомъ и сватьею, прихвативши тоже рукава своей рубашки, *ущипнетъ* каждою изъ нихъ и очень больно. А для чего? По своему разумѣнію, чѣмъ сильнѣе она ущипнетъ свата и сватью, тѣмъ сильнѣе свекоръ, а особенно свекровь будутъ *любить ея дочь*. Во время вѣнца новобрачные *не стаются* всею ногою на *подножія*, а только касаются его пальцами. Кто стоитъ на подножіи, у того

Густая каша кипяченая вода, смѣшанная густо съ ячменной мукой

Скрылка—полштофъ.

Ситный хлѣбъ—хлѣбъ изъ муки просѣянной чрезъ-сито.

Пойте-чествуйте—какъ можно лучше угощайте.

заболать зубы; во время вѣнца женихъ *держитъ свою руку всегда выше руки невесты*, чтобы быть *большимъ*, а невеста жметъ ближе къ жениху, чтобы жить согласнѣе. Провожаютъ къ вѣнцу и встрѣчаютъ отъ вѣнца новобрачныхъ выстрѣлами; за каждый выстрѣлъ женихъ и невеста благодарятъ поклономъ. Послѣ вѣнца по приходѣ домой, покрывало съ молодой всегда снимаетъ отецъ или вѣстный, при чемъ осыпаетъ головы молодыхъ житомъ. — Послѣ свадьбы бываетъ на другой или третій день почесье. На почесыѣ пируютъ уже родные невесты въ домѣ жениха. Подъ конецъ стола молодая ходитъ съ чаркою, въ которую кладутъ деньги. Послѣдній пиръ — распивка банника. На этотъ пиръ приглашаютъ только самыхъ близкихъ родственниковъ жениха отецъ и мать его; послѣ пира каждому бывшему на немъ молодая даритъ по ложкѣ.

Столь же краткія свѣдѣнія о свадьбахъ, находятся въ описаніи Курейско-Сергіевского прихода Холмогорскаго уѣзда:

«Великая свадьба начинается обыкновеннымъ сватовствомъ, для чего почти въ каждой деревнѣ суть особыя лица совершенно чужія жениху: свать и сватья. По просьбѣ жениха свать идетъ въ указанный домъ и проситъ у ховлина его согласія и благословенія на выдачу дочери въ замужество за такого-то молодца. По обычаемъ угощеніи свата, родители невесты просятъ его *дать времени подумать*, а сами въ это время у каждого встрѣчнаго и поперечнаго производятъ *обыскъ о женигѣ*. По собраніи нужныхъ свѣдѣній прибывшему въ назначенный день свату родители невесты объявляютъ, что нужно посмотрѣть бытъя-житыя жениха (пожалуй хотя бы то былъ и сосѣдъ). — Въ назначенный день (по вечеру) ѣдутъ родные и любезные сосѣди невесты (особенно любящіе выпить) къ жениху. По встрѣчѣ честныхъ гостей, женихъ показываетъ имъ все свои *пожитки* въ чуланахъ и анбарахъ, въ сундукахъ и кошелякахъ, на дворѣ и на повѣти *). По осмотрѣ богатства, родители невесты изъявляютъ свое согласіе, или несогласіе на выдачу дочери. При несогласіи ѣдутъ домой, а при согласіи угощаются отъ жениха чаемъ, кофе, сладостями, виномъ и пивомъ, и условливаются о днѣ свадьбы, приданомъ и *приносахъ* (подаркахъ родителямъ). На пирѣ семь вина бываетъ много, и пьютъ его сколько хотятъ и сколько могутъ; гостыба сія называется *пропитаніемъ невесты*. Затѣмъ идутъ обыкновенныя приготовленія къ свадьбѣ.

Канунъ брачнаго дня *бываетъ смотренье*; въ этотъ день дворъ, сѣни и повѣти дома невесты бываютъ бит-

*) Видные женихи нерѣдко наносятъ въ свой домъ кучу чужихъ пожитковъ, которые послѣ свадьбы уносятся, и бѣдняки не принимая остаются голыми.

комъ набиты народомъ, который рано собирается посмотрѣть жениха, а болѣе поплясать и пѣсеню попѣть. — Около 9-ти часовъ (по вечеру) ѣдетъ на богатоубранной парѣ коней съ колоколцами и колокольчиками женихъ съ гостями; ворота дома невесты нарочно запираются. Свать колотитъ до трехъ разъ и проситъ принять гостей; на гомось пляшущаго народа: «женихи пріѣхали», родители невесты отворяютъ ворота, встрѣчаютъ гостей и усаживаютъ за столъ, который бываетъ убранъ яствами и питіями. По занятіи мѣстъ гостями, выводятъ изъ другаго покоя (дѣвичника) родители заплаканную невесту, одѣтую всегда въ русскомъ нарядѣ (штофной юбкѣ съ полушубкой и повязкѣ), что называется *на ставку*, и спрашиваютъ жениха и его родителей: *любали?* Женихъ, переглянувшись съ своими родителями, отвѣчаетъ: *люба*, очень *люба*, — выходитъ изъ за стола, и становится рядомъ съ невестой. Родители невесты благословляютъ ихъ иконою и хлѣбомъ съ солью; затѣмъ невеста подноситъ гостямъ по рюмкѣ водки и уходитъ въ дѣвичникъ. Вскорѣ послѣ ухода невесты, женихъ съ друзьями (шаферами) идетъ въ дѣвичникъ и несетъ ей подарки (на бѣлила). По приходѣ жениха и невесты начинается ужинъ, который продолжается иногда едва не до утра. По отъѣздѣ жениха съ гостями, невеста угощаетъ (ужиномъ) своихъ подружекъ-дѣвушекъ.

По утру невеста принимаетъ *приносы* отъ своихъ родныхъ и *свадебниковъ* и каждому изъ нихъ плачетъ, — въ знакъ благодарности за любовь и подарки.

Около полудня съ тысяцкимъ и друзьями пріѣзжаетъ женихъ, и даритъ свою невесту кольцомъ и пряниками, а невеста отдариваетъ ему платокъ (стрѣтный), и ѣдутъ къ вѣнцу. Впереди ѣдутъ дружки съ банникомъ *) и *кисомъ* **), за ними женихъ съ тысяцкимъ, невеста со сватьей, *проводники* (гости) и наконецъ сватья (*запостельная*) съ постелью и коробьями.

Бракъ совершается обыкновеннымъ порядкомъ. По совершеніи брака тутъ-же въ церкви совершается обрядъ *крученія невесты*. Уводятъ невесту въ уголокъ, сажаютъ на скамью и закрываютъ платкомъ. Кручельщицы, особо назначенныя женихомъ для сего дѣла женщины, расплетаютъ дѣвью косу, расчесываютъ длинные волосы и собираютъ ихъ въ двѣ косы, одѣваютъ повойничекъ и косынку. Невѣста плачетъ; по окончаніи сего обряда, молодые приглядываются къ иконамъ и ѣдутъ въ домъ жениха.

*) При отправкѣ невесты къ вѣнцу, родители зашиваютъ въ скатерть хлѣбъ, соль, рыбу, пироги и пр. для завтрака молодымъ на другой день брака послѣ бани.

***) Въ кисѣ хранятся калачи, пряники и др. сладости, и это свадебное дружки бросаютъ народу во время провада жениха въ церковь и отъ церкви.

По приѣздѣ изъ церкви родители благословляютъ первобрачныхъ иконою, хлѣбомъ, сыплютъ на нихъ зерновой хлѣбъ (жито, къ богатому житю) и сажаютъ за столъ. За столомъ до обѣда первобрачная даритъ своихъ новыхъ родителей условными приносами, и всѣ провожаютъ молодыхъ отдыхать (на подлѣтъ), хотя бы то было часу въ 3-мъ дня, а гости обѣдаютъ. Подъ конецъ обѣда молодые приходятъ и подносятъ гостямъ вино.

На завтра поутру молодые идутъ въ баню, испрошенную друзьями, и ожидаютъ сватью съ блинами.

Днемъ бываетъ обѣдъ (будильный). Съ гостями обѣдаютъ и молодые; предъ сладкимъ пирогомъ молодые подносятъ гостямъ по рюмкѣ водки и общимъ хоромъ поютъ тропарь: Спаси Господи люди твоя.... всѣ до конца три раза, пьютъ рюмки и цѣлуется мужъ съ женою, и это вторится для каждой пары, такъ что приходится иногда просидѣть за однимъ пирогомъ болѣе часа и прослушать поющійся тропарь до ста разъ.

Отъ описаній сельскихъ свадебъ Архангельской губернии обращаемся къ описанію свадебъ городскихъ. Переходомъ отъ сельскихъ къ городскимъ обрядамъ послужитъ намъ свадьба посадская, въ Сумскомъ посадѣ Кемскаго уѣзда. Здѣсь сватовство идетъ такимъ порядкомъ.

Парень, задумавшій жениться, подговариваетъ себя невесту на вечеринкѣ. Если она дастъ ему честное слово, что идетъ за него, или согласіе свое подтвердитъ *злагомъ*, *) то онъ посылаетъ къ роднымъ ея свата.

Если свать высватаетъ, т. е. если не получитъ отъ родителей невесты отказа, то извѣщаетъ объ ономъ жениха и въ тотъ-же день идетъ съ нимъ и съ его родителями и ближними родственниками къ невестѣ на рукобитье.—

Тутъ женихъ даритъ невесту кольцомъ, а та отдариваетъ его *платомъ*; иногда невеста при рукоданьѣ даетъ подарки и родственникамъ жениха.

Послѣ рукоданья невеста съезжаетъ къ себѣ подругъ и дѣлаетъ вечеринки, на которыя собираются холостые играть съ дѣвцами *шестеркой и утушкой* **) и приходятъ женихъ въ сопровожденіи дружки съ *истинцами*, которые подаетъ невестѣ. Вечеринки продолжаются два и три дня.

Наканунѣ вѣнчальнаго дня у невесты бываетъ *рукобитье* ***), на которомъ женихъ даритъ невесту и ея родственниковъ, а та отдариваетъ какъ жениха, такъ

*) Залогъ заключается въ нѣсколькихъ платьяхъ, въ жемчугъ и т. п.—

**) При игрѣ шестеркой нередко мужики пляшутъ подъ русскую скрипку.

***) Послѣ рукобитья въ тотъ же день иногда бываетъ столъ у жениха, на который приглашаются всѣ родственники невесты мужескаго пола.—

и всѣхъ его родственниковъ, это бываетъ во время стола. Когда столъ кончится, женихъ уходитъ изъ дома невесты, а та начинаетъ «вопить.» Кромѣ того еще прежде, нежели начнется рукобитье, утромъ того же дня невеста идетъ на *могилица* и тамъ вопить на могилахъ своихъ родственниковъ и поклоняется мощамъ Св. Елисея, причѣмъ бываютъ и подруги.

Того же утра она тоже въ сопровожденіи подругъ ходитъ также вопить въ дома къ своимъ родственникамъ, а нѣкоторыя изъ невестъ вопятъ даже у *воротъ родственныя* домовъ.

Въ вѣнчальный день женихъ посылаетъ дружку звать къ себѣ въ домъ дѣвицъ въ *чесны*.

Чесныя въ сопровожденіи дружки изъ дома жениха идутъ въ домъ невесты, которая дѣлаетъ *имъ столъ*.

Послѣ стола пѣвицы играютъ шестеркой и утушкой.— Въ тоже время какъ женихъ съезжаетъ чесныхъ, невесты посылаетъ посла къ своимъ родственникамъ и ближнимъ знакомымъ и приглашаетъ ихъ женскаго пола въ *приставницы*.

Приставницы приходятъ къ невестѣ съ *альбомъ и соломъ* и разными подарками, а та имъ вопить *) *каждой особо*.

Потомъ приходятъ женихъ съ поѣзжанами и садится за столъ виѣстъ съ поѣзжанами и родственниками невесты; за столъ подаютъ *рыбички* и булки съ водной и ромомъ.

Во время нахождения жениха за столомъ приводятъ изъ другой комнаты невесту, которая и садится по лѣвую руку жениха **); по окончаніи закуски невесту закутываютъ въ шаль и ведутъ, или везутъ виѣстъ съ женихомъ къ вѣнцу.

При выходѣ изъ избы, въ сѣняхъ, жениха и невесту родители послѣдней *благословляютъ иконою*, которую и *несутъ* въ церковь впереди жениха и невесты. Во время вѣнчанія ***) дѣвицы, бывшія на свадьбѣ по приглашенію, ѣдутъ на лошади въ домъ жениха съ постелью, при чемъ поютъ пѣсни.

Послѣ небольшого угощенія со стороны жениха, дѣвицы гуляютъ на лошадяхъ кругомъ посада, а послѣ этого возвращаются въ домъ къ невестѣ, откуда расходятся по домамъ,—иныя на другой день, а иныя спустя 3—4 дня. Находясь въ домѣ молодой, дѣвицы не играютъ уже утушкой и шестеркой, а только сидятъ по вечерамъ «вечины», которыя ничѣмъ не отличаются отъ ежедневныхъ вечеринокъ.

*) Каждая приставница приходитъ сама по себѣ, а не виѣстъ съ другими.

**) Иногда женихъ не приходитъ получать невесту въ ея домъ, а прямо идетъ въ церковь, куда приходятъ и невеста.

***) Обрученіе совершается въ церкви за нѣсколько минутъ до вѣнчанія.

Изъ церкви молодые сопровождаются священникомъ, дьякономъ и дьячкомъ до дома съ церковными пѣсно-пѣніями.

Во всѣхъ домахъ, мимо которыхъ проходятъ молодые, владѣльцы ставятъ въ окна свѣчки, чтобы оказывать молодымъ почетъ.

По приходѣ изъ церкви молодыхъ, *дружка* зазываетъ какъ родственниковъ молодого, такъ и родственниковъ молодой, на *приводный* столъ.

Но случается и такъ, что приводный столъ бываетъ не въ вѣнчальный день, а спустя 2—3 дня.

Изъ городскихъ свадебъ въ матеріалахъ, доставленныхъ въ этнографическій отдѣлъ общества любителей естествознанія находятся описанными: Онежскій и Мезенскій.

Свадебные обряды мѣщанъ города Онеги.

(Записаны были со словъ одной мѣщанинѣ въ Онежской тюрьмѣ бывшимъ студентомъ Фризе и изложены въ такомъ порядкѣ:)

1. *Свадьба*.—Женихи парни и невѣсты дѣвушки слюбляются между собою больше на вечеринкахъ и хороводахъ, описаніе которыхъ будетъ помѣщено въ слѣдующей книгѣ, ятобы можно было видѣть, насколько вообще молодежь близка другъ къ другу при встрѣчахъ, и насколько тверда нравственная сторона горожанъ Онеги. Чтобы случился *промахъ*, или вообще тайное любовное сожительство между молодыхъ парнемъ и дѣвушкой—невѣстой, намѣревающимися хотя мысленно вступить другъ съ другомъ въ законный бракъ, до сватовства,—этого почти вовсе не случается; но что по сторонамъ, т. е. не съ тѣми парнями, на которыхъ имѣется расчетъ, какъ на жениховъ, или же даже съ женатами кутлами,—у дѣвушекъ невѣсты сношенія бываютъ очень у многихъ, за малыми развѣ исключеніями; парня же, въ послѣднее время, чтобы онъ былъ цѣломудренъ до женитьбы—изъ тысячи одного невозможно найти. На это впрочемъ и смотрѣть стоить сквозь пальцы; честность и допорядочность считается за такой невѣстой—дѣвушкой, которая, слюбившись, умѣетъ хорошо скрываться и не рождаетъ ребятъ.

И такъ, когда молодежь, какъ парни, такъ и дѣвушки, придутъ въ возрастъ, считающійся достаточнымъ для женитьбы, они стараются заранѣе выбрать другъ друга по сердцу. Въ тоже время родители, найдя уже возможнымъ собирать свадьбу, начинаютъ раздумывать о томъ. Начинается дѣло тѣмъ, что отецъ и мать парня—жениха, разсудивъ промѣж собою, что пора Петрушу поженить, и придя къ положительному заключенію, объявляютъ о томъ самому Петрушѣ; его

обязанность въ этомъ случаѣ—желаетъ-ли, или нѣтъ онъ душевно разстаться съ холостой жизнью,—состоитъ въ томъ, чтобы нѣкоторое время отнѣживаться и за тѣмъ уже, исполнивъ церемонію отнѣживанія, упасть въ ноги батьшкѣ и матушкѣ съ изъявленіемъ своей покорности. Тогда собираются на совѣщаніе имѣющіеся родные и родственники и изъ нихъ избираютъ болѣе расторопнаго человѣка, все равно будетъ-ли это мужикъ или женка, въ *большіе сваты* и чаще всего—божитку (крестная мать) или сестру; изъ мужчинъ-же крестнаго отца или брата-жениха. Когда разсудятъ желанія жениха о томъ, въ какой домъ идти свататься и къ какой дѣвушкѣ, зажигаютъ свѣчи или лампаду передъ образомъ въ переднемъ углу, молятся всѣ вмѣстѣ за начатіе дѣла и, въ видѣ послѣдняго и главнаго начала дѣла, свать бьетъ съ женихомъ по рукамъ, безъ чего сватовство не начинается. Въ то время какъ большой свать (положимъ на этотъ разъ будетъ божитка), отправляется за своимъ дѣломъ, оставшееся дома собраніе родныхъ занимается своего рода волхвованіемъ: копаютъ *замитой* (лучиной) уголья въ *жараткѣ* (углубленіе на шесткѣ печи, съ лѣвой руки, куда загребаются угли, для очистки печи для печенія хлѣбовъ и проч.) и волочатъ по избѣ столъ,—все это дѣлается для того, чтобы получить со стороны сватовей невѣсты и ея родныхъ согласіе. Съ этою же цѣлью бойкіе, т. е. знающіе свое дѣло, большіе сваты, походя (отправившись) съ сватовствомъ, берутъ въ карманъ пѣтушиную голову; это впрочемъ явленіе изъ рѣдкихъ.—

Большой свать, зная всю точность, необходимую при подобномъ дѣлѣ, выбираетъ, во-первыхъ, время для своего перваго визита,—вечеръ или сумерки—и во-вторыхъ—случай, чтобы встрѣтить гдѣ нибудь по дорогѣ отца или мать дѣвушки, за которую намѣревается свататься, если же подобнаго случая не выдается, то не входя въ избу, а только постучавшись, вызываетъ къ себѣ того, или другаго сосѣда—и все это въ виду того, чтобы скрыть по возможности сватовство въ началѣ не только что отъ сосѣдей, или постороннихъ людей, но и отъ прочихъ домашнихъ—родныхъ невѣсты. Иногда же прискиваетъ большой свать какой либо хитрый предлогъ, входитъ какъ будто за постороннимъ дѣломъ въ самую избу; исправивъ это постороннее дѣло, пустится въ разговоръ о новостяхъ дня, и уже во время своего ухода, когда хозяинъ или хозяйка провожаютъ его въ до выходныхъ дверей, въ это только время, наединѣ съѣн передаетъ главное, почему приходилъ. На этотъ вопросъ отвѣтъ всегда и во всѣхъ случаяхъ бываетъ одинъ и тотъ-же: «понавѣдайся-ка утромъ.» Причина тому заключается въ желаніи передать роднымъ, близкимъ и семьѣ не вскорѣ предложеніе свата, перетолко-

вать и поразсудить прошежь себя, какъ вообще о сватовствѣ, такъ и о женихѣ въ частности,—что и исполняется обыкновенно въ промежутокъ времени до того часу, когда нужно ждать втораго посѣщенія свата. Отецъ или мать невѣсты ходитъ въ это время по домамъ родныхъ, т. е. къ замужнимъ дочерямъ, женатымъ сыновьямъ, братьямъ, сестрамъ, дядьямъ, теткамъ и проч., спрашивая совѣта по поводу явившагося сватовства: отдавать ли за этого жениха, или нѣтъ. Даже въ случаѣ если бы женихъ сразу, по одному имени, не подходилъ къ невѣстѣ и самъ отецъ и мать это знали бы изъ первыхъ словъ свата, отвѣтъ на первый визитъ остается непремѣннымъ т. е. все таки просятъ понавѣдаться на другой день.

Въ назначенное время, на другой день, большой свать является снова въ домъ невѣсты. Возьмемъ первый случай,—если нужно дать отказъ, въ избѣ остается по уговору между собою, для приѣма свата, одинъ изъ хозяевъ, отецъ или мать. Ставится самоваръ и прибывшій свать приглашается садиться, начинается чаепитіе, за нимъ разговоры, сначала о томъ да о другомъ, а потомъ, когда свать напоминаетъ, что онъ *опять* за *старымъ дѣломъ пришелъ*,—высказывается отказъ и, преимущественно въ извѣстныхъ уже формахъ, чтобы не охудить чѣмъ жениха; говорятъ что или невѣста молода еще слишкомъ, или въ настоящее время не могутъ собраться устроить необходимое ей приданое, или что жаль еще ее, по молодости, отдавать въ большую трудную работу и проч. т. под. Между тѣмъ чаепитіе кончилось, большой свать начинаетъ откланиваться, *прося прощенія за напрасное утружденіе ихъ своимъ приходомъ*, на что обыкновенно въ отвѣтъ получается политическій комплиментъ въ такомъ родѣ, что женихъ своимъ предложеніемъ сдѣлалъ ихъ дому много чести, что просятъ благодарить его и проч. Въ отмщеніе за свое неудачное сватовство, большой свать обыкновенно выдѣлываетъ слѣдующую штуку съ домою гордой невѣсты: выходя съ сѣней, онъ идетъ задомъ, спиной напередъ; перешагиваетъ такимъ образомъ порогъ сѣней, и если случится, спускается по всѣмъ ступенкамъ лѣстницы тѣмъ-же способомъ, но принимаетъ мѣры, чтобы это дѣйствіе не было замѣчено хозяевами. Штука эта дѣлается съ той цѣлью, чтобы въ тотъ домъ не ходили болѣе сваты отъ другихъ жениховъ,—есть повѣрье, что это сбывается.

Теперь второй случай, когда предложеніе принимается. Въ противность предыдущему случаю, всѣ домашніе встрѣчаютъ большаго свата, когда онъ явится на другой день утромъ, весело, радостно: усаживаютъ его, начинаютъ пить чай, а во многихъ случаяхъ кофею. Идутъ разговоры, въ которыхъ даютъ свату положительный отвѣтъ, т. е. что женихъ любъ и роди-

тели согласны отдать за него свою дочь. Затѣмъ иногда является и полштофикъ, за которымъ—развязные языки—родители и большой свать заводятъ рѣчь о дарахъ со стороны невѣсты, т. е. о подаркахъ свадебныхъ отцу, матери, теткѣ, сестрѣ и проч. имѣющимъ близкимъ родственникамъ. При этомъ интересно замѣтить, что между здѣшними мѣщанами, хотя приданое и дается за всякой невѣстой, смотря по состоянію, но о немъ заранѣе ни условій, ни распросовъ со стороны жениха не бываетъ: что придетъ съ невѣстой, то и ладно.—Дары бываютъ такого рода:

а) Отцу женихову (свекру) ситцевая рубаха, портки полотняныя съ гашникомъ изъ тесьмы, платокъ на шею бумажный (у богатыхъ шелковый).

б) Матери (свекрови) сорока (головной уборъ замужнихъ женщинъ и старухъ, нынѣ выходящій изъ употребленія) изъ широкаго позумента (плетня золотого) и золотной парчи, рубаху всю коленкоровую, сарафанъ ситцевый.

в) Брату (деверю) рубаха ситцевая, портки, какъ свекру, платокъ такой-же (изъ трехъ вещей смотря по состоянію, даютъ двѣ только).

с) Сестрѣ (золовкѣ) рубаху съ полотнянымъ низомъ (станомъ) и съ коленкоровымъ верхомъ и рукавами, платокъ гарусный.

д) Женѣ женихова брата (снохѣ) тоже что и золовкѣ.

Другимъ же, не такъ близкимъ родственникамъ, отъ невѣсты даровъ не идетъ, но послѣ свадьбы они обдариваются молодикомъ по приѣздѣ отъ вѣнца уже заранѣе заготовленными родителями жениха подарками.

Разсужденіе о дарахъ между большимъ сватомъ и родителями невѣсты во время сватовства имѣютъ большое значеніе: такъ что бываютъ случаи, что свадьба или сватовство изъ за большаго или меньшаго количества даровъ окончательно расходится. Когда родители выскажутъ, какіе дары они въ состояніи будутъ сами справить, и когда большой свать выскажетъ требованіе съ жениховой стороны, то обыкновенно сторона невѣсты спрашивается:

— А сколько будетъ *поданаю* отъ васъ?

Поданое—это значитъ денежная помощь, подмога, для покупки даровъ. Большой свать возражаетъ на то: сколько желаете получить?

Количество денегъ въ видѣ подмоги обыкновенно назначается по возможности больше, опять же смотря по богатству обѣихъ сторонъ: рублей 15, 10 и даже 7. Свать обыкновенно не даетъ и начинается торгъ. Когда уже ниже извѣстной цифры родители невѣсты не спускаютъ, свать самъ не оканчиваетъ дѣло, а рѣшается объяснить о томъ лицамъ, пославшимъ его. Когда же однако дѣло обошлось съ обѣихъ сторонъ согласно, то

при отходѣ свата домой—межь нимъ и родителями невѣсты бываетъ такъ называемое *маленькое рукобитье* т. е. засвѣчаютъ передъ образомъ лампаду или свѣчу, берутся за руки, молятся и затѣмъ условливаются, когда должно быть рукобитье. Стараются однако время рукобитья назначить передъ рынокомъ, т. е. вторникомъ, съ тѣмъ, чтобы быть увѣренными, что уже свадьба не разстроится и что закупаемая на свадьбу провизія на рынокѣ не пропала даромъ.

2) *Рукобитье*. Если однако большой свать при переговорахъ о дарахъ и подмогѣ не рѣшится окончательно согласиться на какое либо условіе, то, не окончивъ еще уговора, возвращается домой къ жениху, гдѣ и передаетъ, какіе дары хотять дѣлать и сколько просять подмоги. Въ такихъ случаяхъ, если невѣста, особенно нравится жениху и самое сватовство начинается по его желанію, большой свать,—передавая родителямъ жениха, сколько просять подмоги—говоритъ не всю сумму, чтобы только скорѣе получить согласіе; а что не достаесть по желанію невѣстиныхъ родителей, онъ беретъ то у жениха. На пр. положимъ просять подмоги 15 р. большой свать говоритъ старикамъ, что подмоги нужно 10 руб., а остальные 5 р., не говоря о нихъ родителямъ, беретъ у жениха изъ его скопленныхъ денегъ.

На рукобитье отправляются всѣ имѣющіеся родственники жениха, кромѣ его самого. Крестный отецъ, или, если есть расторопный братъ жениха, несутъ съ собою обыкновенно четверть вина (бываетъ у богатыхъ и больше, но меньше не несутъ), которая берется за деньги жениховой стороны, т. е. родителей. Въ невѣстиномъ домѣ прибывшихъ на рукобитье встрѣчаютъ всѣ родные невѣсты, ея же самой не бываетъ; она обыкновенно прячется гдѣ нибудь въ задней комнатѣ, или же у сосѣдей и по обязанности *ревитъ* (плачетъ) благимъ матомъ.

Между тѣмъ въ избѣ столъ уже покрытъ скатертью и на немъ лежитъ *макушка* (коровая) ржаного хлѣба, съ солонкой наверху и по обѣимъ сторонамъ коровая по рыбьей кудеблякѣ, около каждого рыбника по вилокъ: все это заранѣе приготовлено для закуски послѣ выпивки вина, которое обязаны принести родители жениха. Гости разсаживаются съ помощью приглашеній большого свата; четверть, завернутая въ платокъ, становится на столъ и большой свать проситъ тотчасъ у хозяйшки поднось и пару стакановъ. Большой свать держитъ за тѣмъ поднось со стаканами, а братъ, или крестный отецъ жениха наливаютъ изъ четверти стаканы: оба они стоятъ за столомъ. Начинается угощенье съ невѣстиной родни; приглашаются во-первыхъ батка и матка (отецъ и мать), они берутъ по стакану,

отецъ пьетъ прямо, приговаривая только: «благослови, Господи, начать и окончить дѣло въ благополучіи.»

Матка же отпиваетъ сначала немного, съ тѣмъ же приговоромъ и собирается недопитый стаканъ поставить на поднось, въ виду приличій, если-бы даже она извѣстна была за хорошую пьянчугу; но угощающіе и прочіе жениховы родные не дозволяютъ ей этого, безсчетное число разъ кланяются и просятъ:

— По пальчиковъ-то, по пальчиковъ-то откушайте, просимъ покорно, насъ-то полюбите по первости, наше-го-то жениха полюбите и т. д. Матка, послѣ многихъ отпѣкиваний, дѣлываетъ вино.—

Угощенье продолжается затѣмъ по порядку старшинства: крестнаго отца, божитву, тетку, дядю, брата, сестру, двоюродныхъ и остальныхъ всѣхъ. Затѣмъ идетъ «по другому стакану», начиная тостъ съ главныхъ лицъ невѣстиной стороны и кончая прочими присутствующими на рукобитьи. Если кто вина принесть много, то достаесть по третьему стакану. Каждый выпившій, послѣ каждаго стакана обращается къ одной изъ кудеблякъ, закусывая съ вилки.

По окончаніи угощенія батка невѣсты засвѣчаетъ передъ образомъ лампаду или свѣчу: всѣ начинаютъ молиться за благополучіе начатаго дѣла. Потомъ уже совершается самый обрядъ рукобитья: большой свать со стороны жениха, и батка со стороны невѣсты, каждый захватываетъ правой рукой двумя пальцами рукавъ рубахи, или кафтана, въ чемъ одѣтъ, и протягивая другъ къ другу руки, тремя свободными пальцами каждый беретъ за верхнюю часть выше локтя руки противустоящаго; при этомъ каждый говоритъ:

— «Теперь будемъ другъ на друга надѣяться, чтобы наше—вѣрно.» Тотъ же обрядъ повторяется и прочими родственниками парно съ каждой стороны по представителю.

Большую частію тутъ же и расходится по домамъ; и тогда останутся только женихъ и займутся пѣніемъ пѣсенъ, общихъ или хороводныхъ.

Утромъ слѣдующаго дня большой свать получаетъ отъ родителей жениха, а иногда и отъ самого его выдѣльникъ, условленную сумму на подмогу заготовки даровъ невѣстиной сторонѣ и несетъ деньги въ домъ невѣсты. Тутъ онъ узнаесть отъ родителей невѣсты, когда они намѣрены отправиться къ торговцамъ за покупкою даровъ и проч. Ему говорятъ что, сего-дня же. Онъ, возвратясь домой, говоритъ о томъ родителямъ жениха, которые въ большей части случаевъ идутъ для своихъ закупокъ, тоже даровъ или подарковъ, о которыхъ узнаемъ впоследствии, въ тоже время, когда намѣреваются идти невѣстины родители, чтобы закупать вмѣстѣ, такъ какъ обыкновенно при большомъ заборѣ можно купить дешевле, что нибудь выторговать. Въ это

же время родители обѣихъ сторонъ уговариваются межъ собою, чтобы *вечеру* (т. е. вечеромъ того же дня) и женихъ съ кольцомъ шелъ.

3) *Женихъ съ кольцомъ*. Собираясь идти вечеромъ къ невѣстѣ, женихъ заготавливаетъ въ тотъ же день шелковую розовую косынку, которая назначается для повязки головы молодой; такъ же вѣнчальное кольцо (серебряное или золотое) и разнаго рода сластей (здѣсь говорятъ — десерту): обыкновенно орѣхи, конфеты леденцы и сортовъ двухъ *закуски* (пряники). Кольцо и косынку онъ оставляетъ при себѣ, а сласти отдаетъ божиткѣ, которая считается въ то же время *свахой жениха*.

На этотъ разъ идутъ съ жениховой стороны немногие: онъ самъ, большой сватъ, божитка, крестный, братъ, сестра, человѣкъ 5—7 не больше. Батъка и матка не ходятъ. Впрочемъ въ нынѣшнее время стараются играть свадьбу возможно скорѣе, — большую часть *рукобитые и женихъ съ кольцомъ* бывають одно вслѣдъ за другимъ, въ одинъ вечеръ, и тогда отецъ и мать жениха, бывшіе на рукобитной, присутствуютъ и на этотъ разъ.

Войдя къ невѣстѣ со всей своей свитой, женихъ, по обыкновенію молится образамъ, раскланивается на всѣ стороны присутствующимъ и, когда по просьбѣ свата ему вручается тарелка, онъ кладетъ на нее косынку, а сверху кольцо и кланаясь передаетъ невѣстѣ, которая стоитъ уже посреда избы въ ожиданіи даровъ. Невѣста, принимая съ тарелки вещи, кланяется: кольцо надѣваетъ на средній палецъ правой руки, а косынку передаетъ кому-нибудь изъ близъ стоящихъ родныхъ. Тарелку изъ жениховыхъ рукъ въ то же время беретъ его божитка и передаетъ ее невѣстѣ. Та въ свою очередь кладетъ на тарелку шелковый шейный платокъ мужской съ разводами и даетъ невѣстѣ, которая съ поклономъ передаетъ его жениху. Женихъ кланяется, благодаритъ, беретъ платокъ съ тарелки, отираетъ имъ два раза губы и кладетъ въ карманъ. — Затѣмъ послѣ напоминаній родныхъ — онъ цѣлуются и невѣста беретъ за руку жениха и ведетъ его за столъ. Столъ стоитъ посреда избы подъ печнымъ воронцомъ; въ большемъ же углу помѣщаются дѣвушки подружки невѣсты. Когда пара зайдетъ за столъ, то цѣлуются три раза крестъ-на-крестъ, дѣвушки же затягивають первую пѣсню жениху съ невѣстой. Тутъ же невѣстѣны родные приносятъ и ставятъ на столъ двѣ тарелки съ ягодами — морошкой и брусникой, которыя посыпаны сверху сахаромъ и кладутъ у каждой тарелки по деревянной ложкѣ. Между тѣмъ божитка жениха проситъ поднось, накладываетъ на него въ отдѣльныхъ кучкахъ жениховы сласти.

Дѣвушки поютъ:

1.

Полькомъ, полечкомъ
Уторена дорожка конечкомъ *),
Уѣжена широка саночками,
Кто эту дорожку уторилъ,
Кто эту широку уѣздилъ?
Уторилъ эту дорожку Григорій господинъ,
Уѣздилъ широку — Ивановичъ;
Все хожучи къ Марьѣ своей
Все ношучи гостинцы:
Первый гостинецъ изюмецъ,
Другой гостинецъ пряничекъ,
Третій гостинецъ — бѣлъ сахаръ,
Четвертый гостинецъ
Не тесанъ теремъ, не скобленъ,
Только хорошо разкрашенъ,
Всякими, разными красками наведенъ;
Неучень Григорій, не школенъ,
Неучень, Ивановичъ, не школенъ,
Только хорошо снаряженъ
Во всякое платье цвѣтное;
Не шелкова ленточка къ стѣнкѣ льнетъ, —
Григорій передъ батюшкой челомъ бьетъ,
Благослови сударь батюшка жениться
На душѣ, на красной дѣвицѣ,
На молодой, на Марьѣ Ивановѣ!
Ой сборы, сборы Марьюшкины!
Ой сборы, сборы Ивановнины!
Собирала Марья всѣхъ подругъ,
Собирала Ивановна всѣхъ сестрицъ,
Садила подружекъ за свой столъ,
Сама садилася выше всѣхъ,
Клонила буйную головушку ниже всѣхъ,
Думала крѣпкую думушку крѣпче всѣхъ,
Сестрицы мои, да подруженьки
Придумайте вы мнѣ, да пригадайте,
Какъ будетъ называть люта свекра,
Какъ будетъ называть свекровушку,
Какъ будетъ называть деверьщевъ,
Какъ будетъ называть золовущекъ?
Мнѣ свекромъ называть да безчестно,
Батюшкомъ называть не хочется!
Убавлю я спѣси гордости,
Прибавлю смирности, кротости,
Назову я люта свекра батюшкой,
Назову свекровушку — матушкой
Назову деверьщевъ — братьицами
Назову золовущекъ — сестрицами,

*) Каждый стихъ поется дважды.

Назову я Григорья да ягодою,
Назову Ивановича душечкою.

2.

Въ Сентябрѣ, во первомъ мѣсяцѣ
При дѣвичьемъ было вечерѣ,
На горѣ, на великія,
На красы на великія,
Въ полатѣ бѣлокаменной,
Чтой на стугѣ, на бархатѣ,
На коврѣ, на красномъ золотѣ,
Противъ зеркала хрустальнаго,
Противъ чистаго заморскаго,
Андріанъ чесалъ кудри,
Свѣтъ Семеновичъ расчесывалъ,
Къ кудрямъ приговаривалъ:
«Катерина, завей кудри,
Васильевна, завей русы
По едину русу волосу.»
Не твоя я теперь служанка,
Не тебя я хочу слушаться,
Я послушаю батюшки
Я сударыню матушку.—
Въ Сентябрѣ, въ первомъ мѣсяцѣ
При дѣвичьемъ было вечерѣ,
и проч. и проч. до:
По едину русу волосу,
Что по маленькой по маковцы,
По золоченой по жемчужинѣ.»
Я твоя теперь служенька
Я тебя хочу слушати:
Серебромъ кудри перевию
Жемчугомъ русы высажу.

3.

Во соборѣ Михайла—Архангела,
Виноградіе краснозеленое.
Что у ранней воскресной заутрени
Виноградіе, краснозеленое.
Не женатый молодецъ Богу молится
Виноградіе, краснозеленое.
Богу молится низко кланяется,
Виноградіе и проч.
Ужъ онъ вѣстѣ-отъ кладетъ по писанному,
Виногр. и проч.
Онъ поклонѣ-то кладетъ по ученому.
Виноградіе
Впереди его стоятъ попы—діяконы,
Виноградіе
По праву руку стоятъ князья, бояре,
Виноградіе
По лѣву руку стоятъ друзья—братія,
Виноградіе.

Позади его стоитъ православный людъ.

Виноградіе
Еще князья—бояре дивовались молодцу,
Виноградіе
Еще гости—торговцы нарадовались.
Виноградіе
Не заря-ли тебя, молодецъ, спородила на свѣтъ?
Виноградіе
Что не часты мелки звѣзды воспеленовали?
Виноградіе
Не свѣтель-ли тебя мѣсяцъ восполь, воскормилъ?
Виноградіе
Ужъ вы, глупые князья—да бояре,
Виноградіе
Неразумные гости—торговые,
Виноградіе
Что на свѣтъ-то спородила родна-матушка,
Виноградіе
Воспеленовали няньки—мамушки,
Виноградіе
Восполь-воскормилъ сударь батюшка,
Виноградіе
Что чесала буйну голову родна сестра,
Виноградіе
Завивала русы кудри богосуженая,
Виноградіе
Богосуженая Анна Ефимовна
Виноградіе

Въ то время, когда дѣвушки поютъ жениху пѣсни, межъ прочими происходитъ слѣдующее: женихъ, принявши отъ своей божитки поднось съ десертомъ, подчуетъ имъ невѣсту, передаетъ весь поднось ей въ руки и шепотомъ говоритъ, чтобы она подчивала гостей. Невѣста встаетъ, подноситъ гостямъ, сидящимъ по близости вкругъ стола, десертъ, угощаетъ ихъ, проситъ, кланяется, не выходя изъ застола. Когда отпочиваетъ десертомъ, такимъ же способомъ онъ беретъ обѣ тарелки ягоды и угощаетъ ими, начиная съ жениха. Подчиванье повторяется нѣсколько разъ съ небольшимъ промежуткомъ. Въ то же время, въ сосѣдней комнатѣ разливается чай и затѣмъ разносится чашками гостямъ, кроме дѣвушекъ, которыя права на чай лишены, равно какъ и вообще на особенное вниманіе невѣсты: на пр. десертъ и ягоды имъ передаются уже въ концѣ, послѣ того какъ нѣсколько разъ обнесутъ главныхъ гостей, когда остается немного. Занятіе же почетныхъ гостей, пока дѣвушки надрываются пѣснями, заключаются главнымъ образомъ въ прихлебательствѣ чая и пересудахъ, разумѣется шепотомъ, такъ что, или никакъ сдѣлано, или чего мало изъ угощеній и проч., безъ чего не обходитъ

ся ни одна свадьба; вообще подобное встрѣчается межъ женскимъ поломъ, уже въ замужествѣ состоящимъ.

Дѣвушки, пропѣвъ подрядъ всѣ три пѣсни жениху, не вставая съ своихъ мѣстъ, кричатъ молодымъ:

«Поздравляемъ васъ, Андрианъ Семенчъ (имя жениха), съ Катериной Васильевной и васъ Катерина Васильевна съ Андрианомъ Семеновичемъ». Молодые встаютъ, кланяются дѣвушкамъ и благодарятъ. Вслѣдъ за тѣмъ дѣвушки поютъ пѣсню невестиному батькѣ, пѣсню жениху и маткѣ, какъ называются подобныя пѣсни въ отличіе отъ *холостыхъ*, какія поютъ жениху:

4.

Дымно—дымно въ полѣ,

Чадно—чадно въ чистомъ!

У Лаврентьева двора

Были трой ворота,

У Матвѣевича трой широкихъ

Дымно и проч.

Какъ въ первыя ворота

Соколы пролеталъ,

Дымно и проч.

Какъ въ другія ворота

Сворый конь прогналъ,

Дымно и проч.

Какъ во третья ворота

Да Лаврентій проѣзжалъ,

Дымно и проч.

Свѣтъ Матвѣевичъ

Въ трой широкія.

Дымно и проч.

Катерина-то его

Выходила на крыльцо,

Дымно и проч.

Свѣтъ—Никитишна

На прекрасномъ стояла,

Дымно и проч.

На прекрасномъ стояла,

Правой ножкой топнула,

Дымно и проч.

Правой ножкой топнула,

Лѣвой ручкой махнула:

Дымно и проч. . .

«Воротить, воротись,

«Мой надежда—господинъ!

Дымно и проч. . . .

«Воротись, воротись,

«Я тѣ радость скажу,

Дымно и проч.

«Я тѣ радость скажу,

«Тебѣ сына рожу,

Дымно и проч. . .

«Я другую скажу,

«Тебѣ дочь я рожу.»

Дымно и проч.

Ужъ я для ради сына

Не ворочусь назадъ,

Дымно и проч. . . .

Ужъ я ради дочери

Ворочусь назадъ;

Дымно и проч.

Ужъ какъ сынокъ у меня

Всегда домашній гость,

Дымно и проч.

Ужъ какъ дочь у меня

Всегда гостыюшка;

Дымно и проч.

Воспою ей, вскармлю

Ей и замужъ отдаю!

Дымно и проч.

За пѣсней идетъ поздравленіе въ той же формѣ, какъ жениху съ невестою, невестинимъ батькѣ и маткѣ.

5). Пѣсня свекру и свекрови.

Жениховымъ родителямъ)

Во горницѣ, во новой

Во новой;

Во свѣтлицѣ паровой,

Паровой;

Стоять столы дубовы,

Дубовы;

На столахъ ковры шелковы,

Шелковы;

На коврахъ чара золота,

Золота;

Полная меду-то налита,

Налита.

А кто чару наливалъ,

Наливалъ;

Бто золотую дополнялъ,

Дополнялъ?

Наливалъ чару Алексѣй—господинъ

Алексѣй—господинъ!

Дополнялъ чару Филатьевичъ

Филатьевичъ.

Онъ до милой доходилъ,

Доходилъ;

Онъ раздумья говорилъ,

Говорилъ:

—Катерина, другъ моя,

Другъ моя;

Ужъ ты Павловна, сердце мое,

Сердце мое;

Ты любишь-ли другъ меня,
Другъ меня?
Прими чару ты отъ меня,
Отъ меня;
Выпей ты чару-то всю до дна,
Всю до дна,
Спороди сына ясна сокола,
Ясна сокола,
Возрасти-то во меня,
Во меня
Бѣлымъ лицомъ во себя,
Во себя!
Спороди дочь—бѣлую лебедь
Бѣлую лебедь,
Возрастишь-то во себя,
Во себя!
Бѣлымъ лицомъ во меня
Во меня!
Женимъ сына у попа,
У попа,
Отдамъ дочь за дьячка,
За дьячка—
Пусть причетнички всѣ родня
Всѣ родня!

Поздравляютъ свекра съ свекровью и начинаютъ пѣть
тысячкому (обыкновенно крестный отецъ жениха).

6.

По сѣнечкамъ, сѣнечкамъ
По частымъ переходочкамъ,
Туда ходила—гуляла
Молодая боярыня,
Молодаго боярина,
Да Никиты Ивановича,
Молодая боярыня
Татьяна Ивановна.
Во рукахъ она носила
И два яфонта всячешные,
Двѣ алмазныя запоны.
Чтой сама она говорила:
«Ужъ вы, яфонты, яфонты,
«Двѣ алмазныя запоны!
«Полежите вы малешенько,
«Докуль я молодешенька
«Схожу во свѣтлую свѣтлицу,
«Во столову нову горницу,
«До споряду дубова стола,
«Гдѣ сидитъ мой любезный мужъ
«Со друзьями, со товарищами,
«Сидитъ пьетъ проклажается,
«Онъ музыкой забавляется
«Онъ женою похваляется:

«У меня жена умная,
«У меня душа разумная,
«У ей походка павлиная,
«Тиха рѣчь лебединая!
«Она ходитъ тихошенько
«Говоритъ по малешеньку,
«Очи яснаго сокола,
«Брови чернаго соболя,
«И чернаго Сибирскаго,
«У Сибирскаго, заморскаго,
«У яснаго, перелетнаго,
«У дародѣя, добра молодца
«У Никиты Ивановича,
«Молодой боярыни
«Татьяны Ивановны». *)

Поздравляютъ тысяцкаго съ его женою. Затѣмъ, если
у жениха есть женатый братъ, поютъ ему женатую
пѣсню:

7.

Не бушуй, не бушуй холоденъ сѣверь!
Не раскачай, не раскачай звонки колоколы!
Не разбуди, не разбуди у Андрея жены:
Вечоръ Палагея, вечоръ Палагея со пиру пришла
Семеновна, Семеновна со пиру пришла;
По утру рано, по утру рано сына спородила
Башка, баушка была съ Трубецаго двора,
Кумъ-отъ былъ, кумъ-отъ былъ да свѣтлѣйшій князь,
Кума то была, кума-то была государыня сама**).

Продолженіе этой пѣсни составляетъ повтореніе ея-же
сначала до конца и съ тою только разницею, что во
второй разъ вмѣсто словъ: «сына спородила, поется—
дочь спородила». По окончаніи пѣсни такое же позд-
равленіе, какъ и въ предыдущихъ пѣсняхъ. Замѣтить
слѣдуетъ, что невѣстинымъ роднымъ, какъ вообще хо-
зяевамъ, не поется пѣсень, кромѣ только отца и мате-
ри невѣсты, какъ выше приведено. Какъ примѣръ хо-
лостой пѣсни возьмемъ пѣсню неженатому брату жени-
ха, въ случаѣ если таковой имѣется:

8.

Какъ ходилъ, гулялъ по улицѣ,
Удалой да добрый молодець,
Алексѣй да Александровичъ.
Загулялъ онъ въ свѣтлу—свѣтлицу
Во столову, нову горницу
И за липову за грядочку,
За берчатную за занавѣсъ—
Ко душѣ, ко красной дѣвицѣ
Свѣтъ Авдотѣ Матвѣевнѣ.

*) Строка повторяется дважды.

***) Строка повторяется дважды.

Ужъ онъ бралъ да руку правую
Во свою руку, во лѣвую,
Прижималъ руку объ руку,
Изломилъ злеченный перстень
Съ тремя вставками алмазными,
Съ четвертымъ драгимъ камушкомъ.

Тутъ Авдотья расплакалася
Свѣтъ Матвѣевна растужилася:
«Ужъ я какъ скажу да батюшкѣ,
Я сударынь матушкѣ?»
Алексѣй то хитеръ,—да мудеръ
Александровичъ догадливъ былъ:
—Ты скажи, скажи Авдотьюшка,
Ты скажи, скажи Матвѣевна,
Я ходилъ во зеленый садъ гуляти,
Я упалъ о сыру мать, о землю,
Изломилъ злеченный перстень
Съ тремя вставками алмазными
Съ четвертымъ драгимъ камешкомъ.—

«Ужъ вы няюшки, мамушки мои
Вы хороши верховски дѣвушки!
Вы берите золоты мои ключи,
Отмыкайте кованы сундуки,
Вынимайте одицовое сукно,
Отдавайте швецамъ—мастерамъ,
Государевымъ закройщикамъ,
Ужъ вы кройте Алексѣю кафтанъ,
Ужъ вы шейте Александровичу,
Ай чтобы ему не дологъ былъ,
Ай чтобы ему не коротокъ былъ,
По подолу былъ раструбленный,
Противъ сердца перестишистый,
Чтобы легче на добра коня скакать,
Поскорѣ со коня сходить,
Передъ короля ставиться
Передъ короля Турскаго (?),
Передъ князя—друга царскаго,
Покраснѣй у вѣнца постоять.

Въ этой пѣснѣ строки повторяются дважды; слово-же «верховски дѣвушки», встрѣчающееся при этомъ, есть названіе мѣстное, зависящее отъ той части города, гдѣ живетъ невѣста и гдѣ слѣдовательно играется свадьба, — по этому смотря по частямъ города, поютъ также: «низовскія дѣвушки», «почищенскія дѣвушки» и проч.

Когда всѣмъ болѣе важнымъ лицамъ пѣсни спѣли, одна изъ дѣвушекъ идетъ съ тарелкой собирать за пѣснями: начинается съ домохозяйна, отца невѣсты, затѣмъ къ жениху съ невѣстой и кончая младшими лицами. Ко всякому она подходит со словами: «пожалуйте за пѣсню», и каждый по желанію и состоянію глядя, бросаетъ отъ себя мѣдную монету въ 3, 5 коп. и рѣдкіе больше, только женихъ даетъ коп. 15—20.

Затѣмъ старики и женатые большею частію расходятся по домамъ и остаются только женихъ съ холостомъ молодежью и дѣвушками, которыя тутъ-же сочиняютъ вечеринку, въ продолженіе которой уточка, игры и танцы подъ пѣсни смѣняютъ другъ друга, забавляя молодыхъ. Только особенное уваженіе оказывается жениху съ невѣстой: когда затѣвается игра; какой—нибудь изъ молодежи начавшій игру паренъ беретъ себѣ пожеланію одну изъ дѣвушекъ, а та другою рукой непременно беретъ жениха, а женихъ невѣсту и т. далѣе. Вечеринка идетъ часу до втораго, потому что это послѣдній вечеръ женихова посѣщенія, и онъ больше не долженъ ходить до самого *смотренья*; да и для невѣсты это собственно послѣдняя дѣвическая вечеринка.

Передъ уходомъ дѣвушекъ по домамъ, невѣста проситъ кого нибудь изъ родителей поставить самоваръ для жениха, а иногда у богатыхъ для него же готовится и ужинъ. За чаемъ, или заужиномъ находятся только невѣста, женихъ и одна—двѣ дѣвушки, самыя близкія невѣстины подруги, прочіе же гости и дѣвушки всѣ уже разошлись, а всѣ домашніе невѣстины родные уже спятъ. За чаемъ идетъ самая непринужденная беседа, любезности между молодой парочкой, смѣхъ и шутки общія; нерѣдко раздаются поцѣлуи между женихомъ и невѣстой; женихъ же непременно имѣетъ для этого случая сласти въ карманѣ и подчууетъ теперь ими невѣсту. Провожаетъ жениха невѣста въ самыя сѣни, со свѣчей и на прощаньи цѣлуются.

4. *Заплачка*. На другой день, съ утра собираются къ невѣстѣ дѣвушки подружки и одна изъ нихъ, часа за два до полдня, принимается чесать ей голову; эта дѣвушка должна быть невѣстѣ ближе другихъ, другомъ невѣсты. Разчесавъ волосы, она начинаетъ ихъ на этотъ разъ заплетать *особеннымъ образомъ въ косу*, именно заплетаетъ косу какъ можно туже, навязываетъ до *семи*, восьми узловъ, натываетъ въ нее нѣсколько булавокъ и въ заключеніе привяжетъ къ концу, по здѣшней мѣщанской модѣ, широкую ленту; дѣлается это, какъ позднѣе будетъ видно, съ тѣмъ, чтобы долше нельзя было расплетать, да и вообще, чтобы тѣмъ, кто будетъ расплетать досталось, на долю какъ можно больше узловъ и труда, затѣмъ дѣвушки ожидаютъ *стиховодницу*, за которой уже съ утра было отправлено.

Стиховодницей бываетъ обыкновенная женка (замужняя женщина) расторопная и опытная, бывшая на своемъ вѣку на множествѣ свадебъ и слѣдовательно узнавшая до тонкости всѣ обряды заплачекъ и стиховъ, т. е. какими образомъ невѣста должна оплакивать, покидая дѣвичество, свое вольное житье, и какія должна произ-

носить при этомъ тирады. *На всю Оньгу стиховодницъ не больше 3—4-хъ.*

Часу въ первомъ является наконецъ стиховодница, которая и садится гдѣ нибудь на лавкѣ. Въ то же время невѣста изъ сосѣдней комнаты, или изъ за завѣсы входитъ въ избу уже въ повязкѣ и одѣтою, хотя не особенно парадно, въ ситцевомъ или гарусномъ сарафанѣ, даже безъ фартука, поклонится на всѣ четыре стороны, а потомъ молится въ передній уголъ и садится, обрѣженная всѣми дѣвухами, исключая заплетавшей ей косу,—на лавку межъ двухъ оконъ, обращенных на улицу. Когда всѣ услдутся по сторонамъ невѣсты, она обращается къ дѣвухкѣ, сидящей по правую руку, склоняется головой къ ней на колѣна, захватываетъ и заматываетъ на свою руку косу, насколько можетъ крѣпко, не давая ее расплестать дѣвухамъ; дѣвухи же, окруживъ ее, стараются сначала отнять ея руку, для чего бьютъ по рукѣ, а потомъ, забравъ поскорѣе косу, отвязываютъ ленту и расплетаютъ косу на перекладинѣ; по повѣрью, *что если которая раньше расплететъ, та раньше и замужъ выдетъ*; невѣста же съ той минуты, какъ садится на лавку начинаетъ истинно-ли, притворно-ли плакать, — *реветъ* по здѣшнему выраженію и причитать нижеслѣдующій стихъ, еще пока безъ помощи стиховодницы и самымъ растяжистымъ образомъ: этотъ стихъ она должна знать сама, иначе подвергается насмѣшкамъ и пересудамъ присутствовавшихъ. Присутствующихъ же постороннихъ любопытныхъ, сосѣднихъ женокъ, дѣвокъ и ребятъ набирается довольно много.—И такъ невѣста начинаетъ причитать:

а) Что за чудо это, что за диво великое
По сегодняшнему-то
Что за сборъ-то родни, природы сердечной,
Моимъ милымъ подружкамъ—сердечнымъ,
Моимъ ближнимъ-то сусѣдамъ поряднымъ?

Хоша собираются родня природы сердечной,
Прежде этой поры, прежде времени,
О честныхъ, о господнихъ, о праздникахъ;
Хоша собираются мои милыя подруженьки любовны,
Мои ближнія-то сосѣдки порядовыя,—
Ужь вы не троньте, мои милыя подружки любовныя,
Моей миленькой, часто плетеной косы русой.

(Дальше идетъ различіе, какъ поетъ богатая невѣста и какъ бѣдная; возьмемъ стихъ бѣдной невѣсты, *нужнаго жителя*.)

б) Моя маленька частоплеть коса русая,
Не успѣла я, глупа сиза-голубушка,
Приотраститъ своихъ вольныхъ, сердечныхъ волосовъ,
Ходила-ко по робамъ, казачихамъ *нахльбницамъ* *),

*) Т. е. жила въ работникахъ.

По пыльнымъ-то заводамъ, мусорнымъ *),
Нажигала мою несчетку золоту казну,
Заводила себѣ *покруту* **) покрасу великую,
Я и *хорошимъ-то жемчужомъ* переелгану.
Какъ чесала-то мою да буйну голову
Изъ подругъ-то моихъ подружка любовная,
Изъ сестрицъ-то моихъ сестрица родимая,
Голубушка Катерина да Семеновна;
Заплетала-то она частоплеть косу туго,
Посерединѣ-то моей косы русыя
Вонъ тридевять булавокъ буланатыхъ,
Подъ конецъ-то моей частоплеть косы русыя
Вплетали семи шелковый гайтанъ (снурокъ),
Вплетали тридевять узловъ шелковыхъ,
Подъ конецъ моей частоплеть косы русыя
Ввязати семи-шелковая ленточка.
У васъ ручки бѣлыя, у васъ ручки бѣлыя;
Ужь вы не *трудницы* будете, не работницы
Своимъ да сердечнымъ родителямъ,
Ужь вы не держите надѣи-то ***) крѣпкія,
На своихъ-то сердечныхъ родителей;
Ужь какъ взыщутся лихіе люди, ненавистныя,
На вину-то на печальную млада буйну голову,
Отдають насъ-же глупыхъ, сизыхъ голубушекъ
За эту-же *злую неволю великую*.

в) стихъ невѣсты богатой.

Моя маленька частоплеть коса руса,
Не успѣла я глупа, сиза-голубушка
Приотраститъ своихъ вольныхъ, сердечныхъ волосовъ,
Ужь я спала млада сиза-голубушка
До обѣда, до поздняго, полуденнаго,
Не знала я, млада сиза-голубушка
Въ коей сторонѣ выкатается доброть солнце красное.

(Далѣе также какъ и предыдущей со словъ: «Какъ чесала-то мою буйну голову» и проч. до конца).

Къ концу этого стиха противъ невѣсты становится скамья, на которой и помѣщается стиховодница. Кончивъ стихъ, невѣста приподнимается съ расплетеной уже ко-сою съ колѣнъ своей подруги, а стиховодница затягиваетъ слѣдующій стихъ, невѣста съ дѣвухами подтягиваютъ.

г) Благослови-тко доброть солнце красное,
Мой батюшко, Петръ Васильевичъ,
Благослови моя матушка, Агафья Кондратьевна,
По сегодняшнему, по долгому, по денечку,

*) Т. е. была въ работѣ на какомъ, либо гласномъ заводѣ.

**) Покрута, одежда вообще.

***) Надежда.

Что по тихому, по позднему, по вечеру
 Попустить мнѣ шибкозычные голоса
 По родительскому дому, тепловатому по гнѣздышкѣ,
 Сослужитка нонѣ мнѣ ручка правая,
 Положить мнѣ какъ чуденъ крѣсть:
 Сперва-на-первы, глупа сиза-голубушка,
 На печальную мою младу буйну голову,
 Съ печальной-то младой буйной головы
 Противъ зяблага сердца ретиваго,
 Что отъ зяблага-то сердца
 На плечико-то на правое,) творить три раза
 На второе-то на лѣвое,) крѣсты.

Ты послушай моя слезинка доброхотная,
 Моя матушка, Агафья Кондратьевна,
 Что я стану говорить, разговаривать
 Своимъ *слупымъ дѣвскимъ умомъ*, своимъ разумомъ.
 Ты сходитко, моя желанная доброхотница
 Во свою да въ ново-рубленую клѣточку,
 Готовы-ли-теа золотые ключи ланцы *),
 Отмыкай-ка мои кованные сундуки,
 Тамъ не садъ стоитъ съ виноградомъ,
 Тамъ стоитъ моя жемчужная перевязочка,
 Принеси ты-ко, моя желанная доброхотница,
 Во дѣвью тихую бесѣду смиренную.
 Во вторыхъ-то, принеси-тко рыбной гребень дорожныхъ
 гостей,

Разчеси мою младу, буйную голову,
 Положи-ко мнѣ жемчужную перевязочку.

Въ это время мать приноситъ изъ влети, изъ дочер-
 няго сундука, ея лучшую перевязку, большею частію
 украшенную дутымъ жемчугомъ и рѣдко настоящимъ, и
 гребень: садится къ дочери, которая прося ея разчесать
 себѣ волосы, съ плачемъ и причитаньемъ кланяется ма-
 тери въ ноги; затѣмъ мать чешетъ ей голову и онѣ
 причитають уже вмѣстѣ:

д) Сама-то мнѣ говори, да разговаривай.
 Ты держись крѣпче, жемчужна перевязочка,
 За мою, за печальную, за молодую, буйну голову.
 Тебѣ спасибо, моя желанная доброхотница,
 Принесла мнѣ жемчужну перевязочку
 Во дѣвью тихую бесѣду смиренную:
 Зачесала мнѣ младу, буйну голову,
 Пробрала наждый волосъ къ единому волосу,
 Положила мнѣ жемчужную перевязочку.

(Въ это время постороннія присутствующія жени
 уговаривають мать уйдти отъ невѣсты, чтобъ не раз-
 дражать ее лишними слезами, говоря: «ну! иди, иди,
 мамка, будетъ ревѣть-то, примучишь дѣвку и проч.).

Сослужитко мнѣ, моя ручка правая,
 Положить мнѣ какъ чуденъ крѣсть:

*) Ключъ, ланецъ—однозначадія слова

(и проч., какъ въ предыдущемъ случаѣ, при чемъ
 невѣста три раза крестится).

е) Помолилась я, печальна сиза-голубушка
 Во родительскомъ тепломъ во гнѣздышкѣ,
 На стѣны, да на ограды бѣлокаменны:
 Богу Спасу, Пресвятой Богородицѣ, —
 Нонѣ помилуй меня, Божья мать Богородица,
 Нонѣ меня-то печальну, сизу-голубушку.
 Я еще-то помолюсь, глупа сиза-голубушка,
 Въ родительскихъ новыхъ сѣняхъ,
 Помолюсь я Николѣ многомилостивому, —
 Нонѣ помилуй меня, Божья Мать Богородица,
 Слугой служи мнѣ глупой сизой-голубушкѣ
 Отъ своихъ свѣтовъ, сердечныхъ родителей.
 Есть на славномъ-то синемъ соленомъ морѣ,
 По край славной Дунай рѣчки быстрыя
 Есть отстойчиво, чистомелкое знаменье,
 Тамъ стоять-то Божія церкви пресвященныя,
 Воздвиженіе Креста Животворящаго,
 Помилуй меня нонѣ, Божья Матерь Богородица,
 Воздвиженье Крестъ Животворящей *).

ж) Случилось мнѣ слышати, глупой сизой голубушкѣ,
 Отъ своихъ свѣтовъ, еердечныхъ родителей,
 Есть за три губы синя, солена моря,
 Есть чистое мелкое отстойчиво знаменье **),
 Стоять Божія церкви пресвященныя,
 На церквахъ-то главы золочены, —
 На главахъ-то крѣсты чудѣны,
 Помолилась я, глупа сиза-голубушка,
 Соловецкіимъ чудотворцамъ, Зосимъ и Савватию,
 Нонѣ помилуй мя, святые угодники Зосимъ и Савватій,
 Нонѣ помилуй мя, Божья Матерь Богородица;
 Теперь дай-ка мнѣ, Божія Мать Богородица,
 Много участи, закону великаго
 За этой же злой неволей великой ***).

з) Нонѣ послушай-ко доброхотъ солнце красное,
 Мой батюшко, Петръ Васильевичъ,
 Что ласкательница моя и доброхотница
 Моя матушка, Агафья Кондратьевна,
 Что-то я стану говорить, разговаривати
 Своимъ глупымъ, дѣвичьимъ умомъ, своимъ разумомъ:
 Выберите вы мнѣ, сердечные родители,
 Вы сторожей, вы сбережателей,

*) Тутъ невѣста обращается къ монастырю, во имя Воздви-
 женія Животворящаго Креста, который находится на Кій-островѣ.
 **) Островъ.

***) Виродженіе всего этого стиха невѣста, не вставая съ
 лавки, постоянно крестится.

По сегодняшнему, по долгому денечку,
По глухому, позднему вечеру,
Не по зрячему выбирайте, не по багачеству;
Выбирайте вы по роднѣ своей сердечной!

(Этимъ стихомъ она проситъ дать ей, въ видѣ подружки, или помощи *дѣвушекъ сподручныхъ* для того, чтобы онѣ ее унимали отъ слезъ и кручины; взяли подъ руки и *подвели къ образамъ*,—что далѣе, по мѣрѣ ея стиховодства и приводится въ исполненіе):

и) Подъ правую руку меня дитя милое
По крещенью-то мною *крестно дитятко*,
Я и *кресненку* свою, Анну Ивановну *)
Подъ лѣвую-то руку меня дитя милое,
Поласкатница-ли ея добротница, Агафѣя Кондратьевна,

Племяненка Катерина Андреевна.

Сама-то я про то знаю, да вѣдаю:
Ноньче маленькой вотъ умъ, въ буйной въ головѣ,
Ноньче маленьки вышли годы робячи,
Ужь подъ праву-то руку меня дитя милаго,
Свою милую сестрицу, родимую, Пелагею Федоровну,
Подъ лѣву-то руку меня—дитя милое,
Двоуродну милу сестрицу, родимую, Катерину Федоровну.

Ужь стою вытевши, мои милыя сестрицы, родимыя,
Не неситесь-ка многимъ богатствомъ, богатымъ,
Хорошими, жемчужными перевязочками.

(Дѣвушки при этомъ сильно плачутъ, и затѣмъ берутъ ее подъ руку и становятся посреди избы, обращаясь къ образамъ въ передній уголъ).

i) Утулись-ка тоска, кручина великая,
Уймитесь вы, слезы горькія, горючія,
Дайте мнѣ волю глупой сизой-голубушкѣ,
Усмотрѣть глупой сизой-голубушкѣ,
За толпой-ли свѣчъ воску яраго, передъ Матерью
Божіей.

Ты послушай, мой добротъ, солнце красное,
Мой батюшка, Петръ Васильевичъ,
Пожалѣлъ ты много несчетной золотой казны,
Меня поить, кормить, заводить мнѣ *покруту*, *покругу* великую.

Тебѣ спасибо, добротъ, солнце красное,
Что затеплялъ-ли свѣчу воску яраго, передъ Матерью
Божіей.

Помолилась я глупа, сиза-голубушка,
Я и за блага-то на земли, я и за царя-батюшку,
Я и за матушку-царицу,
Имъ дай Божья Матерь Богородица,
Имъ царствовать на царствѣ,
Имъ добра много, здоровья великаго (земной поклонъ).

*) Сестра и вѣсть крестница.

Я еще да помолилась за полки за солдатъ,
Имъ дай Божья Матерь Богородица,
Служить имъ вѣрою, да правдою (земной поклонъ).
Я еще помолилась за добротота, красно-солнышко,
Я за батюшку, Петра Васильевича,—
Ему дай, Божья Матерь Богородица,
Что и добро много, здоровья, много участи, да талана;
Я и помолилась печальна сиза-голубушка,
Я за матушку, Агафью Кондратьевну,
Ей дай Божья Матерь Богородица
Ей добра много, здоровья, много участи, да талана,
Я еще да помолилась глупа сиза-голубушка,
Я и за братца, Петра Андреевича,
Ему дай да Божья Матерь Богородица...

(И т. д. въ тѣхъ же словахъ о всѣхъ имѣющихся только въ наличности живыхъ родныхъ, если есть умершіе, любившіе родители: отецъ, мать, или божитка—молятся и о нихъ).

Я и помолилась печальна сиза-голубушка,
Я и за вторую крестную божитку,—
Ей дай, да Божья Матерь Богородица,
Ей въ будущемъ вѣкѣ, ей Царство Небесное.

(Объ умершихъ, прожившихъ долго, оставившихъ въ народѣ по себѣ память, невѣста молятся такимъ же образомъ):

Помолилась я глупа сиза-голубушка
За васъ, милыя подружки любовныя,
Я и за всѣхъ вѣсть—за одно за единое.
(Остальное какъ у другихъ).
Вы послушай-те, мои милыя подруженьки, любовныя,
Нонѣ, что-то я у васъ спрошу:
Чего-ко мнѣ спросить себѣ у Господа Бога,
Добраго-ли мнѣ здоровья, или много участи, талана
великаго?

Али скорыя мнѣ-ка смерти скоропостижны?
Ужь сама-то я про то знаю, про то вѣдаю,
Что придетъ мнѣ-ко скорая смерть скоропостижная,
На тайнкомъ-то почасочку.
Ужь помолюсь я развѣ глупа сиза-голубушка:
Дай мнѣ-ко Божья Матерь Богородица,
Мнѣ добра много, здоровья великаго;
Мнѣ за *этой жить злой неволей великія!*

(Тутъ невѣста, окончивъ всѣ нужныя въ этомъ случаѣ молитвы, поворачивается лицомъ къ печи, около которой стоятъ ея отецъ, мать, родные и сосѣди).

Отворочусь я, глупа сиза-голубушка,
Лицемъ къ красному-то солнцу угрѣвному,
Ко батюшкѣ, ко Петру Васильевичу.

(Блжается ему въ ноги и ведетъ стихъ одна, безъ помощи стиховодницы).

Ты послушай-ко доброту, солнце красное,
Что-то я стану говорить, разговаривать,
Своимъ глупымъ дѣвкамъ уможь, я разумомъ:
Ты на что нынче солнце красное приобидѣлся,
Сталъ меня давать, да прочь отсѣвать,
Ужь я не трудница развѣ тебѣ была, не работница,
Ужь не ловка я была свѣжей рыбкой животрепещущей *)
Я была виноградомъ хорошимъ людямъ.

Цѣлуется много разъ отца, обнимаетъ его, падаетъ къ нему въ ноги и едва въ силахъ оторваться отъ избытка своихъ дочернихъ чувствъ. *Если же отца нѣтъ дома*, что случается въ здѣшней мѣстности почти по-постоянно, если онъ гдѣ нибудь въ далекой работѣ, въ Петербургѣ, или въ сосѣднихъ губерніяхъ, и свадьба играется безъ него, то невеста послѣ первыхъ трехъ строкъ своего обращенія къ отцу, причитаетъ слѣдующее:

Ужь идь-то ходитъ мое солнце угрѣвное,
Ужь что за чудо, за диво великое,
Не могу призвать, глупа сиза-голубица,
Моего батюшку, Петра Васильевича?
Видно нѣтъ въ своемъ дому тепловатомъ, во гнѣздышкѣ,

На трудахъ онъ, на работкахъ тяжелыхъ,
Наживаетъ онъ многу, несчетну золоту казну!
(Обращается къ матери:)

Гдѣ-то ходитъ моя желанная добротница,
Моя матушка, Анисья Кондратьевна?

(Далѣе говорить совершенно то же самое, тѣ же слова, что и отцу).

Невеста обращается тогда къ самой близкой ей, по души, личности, именно къ крестной матери (говорить также *крестовая мать*, а чаще *божитка*).

к) Я прилячу, призову свою *крестную*,
Втору-божитку, Александру Ивановну,
Въ дѣвью тихую бесѣду смиренную.

(Кланяется ей въ ноги; *божитка* поднимаетъ ее, беретъ въ объятія и сажаетъ ее вмѣстѣ съ собою на лавку).

Ужь ты послушай-ко восприемна втора-божитка,
Ужь мы сядемъ на одну, на брусовую лавочку,
Промежь два свѣта окошечковъ косячатыхъ,
Приходить мое солнце красное, угрѣвное,
Мой батюшка, Петръ Васильевичъ:
Спросилса-ли у тебя, моя втора крестна-божитка,
Какъ *задумалъ* меня *давать* за эту злу неволю великую,

Ужь *притокнула-ли* **) ты меня *давати*, *божитка*?

*) Этотъ стихъ вѣрно указываетъ обязанности въ семьѣ мѣщанской дочери.

**) Притокнуть—согласиться, сказать. токъ.

Ужь приходитъ твое солнце красное, угрѣвное,
Да ужь притокнула я, глупи сиза-голубица,
Отдавали тебя за эту злу неволю великую.
(если женихъ бѣденъ)

Вы на что же нынѣ приобидѣлись,
Вы на зрячество-ли, въ недородство?
Али на покругу-то, на покрасу великую,
Али на домъ, на тепловатое на гнѣздышко,
Али на хорошіе, роскошныя поминки,
Али на чистыя, широкія поля?

(Если же женихъ пьющій):

Вы на что же нынѣ приовзорились?
Охота же этой злой неволѣ великой,
Ходить по кружкамъ, по деревнямъ, по кабакамъ,
Испить много хлѣбнаго зелена вина.
Да ужь какъ мнѣ-ка надо обживатися,
Надо держати мнѣ рѣзвыя ножки на дорожкѣ,
Бѣлыя-то ручки на золожкѣ.

Ужь вошкитна-же *) *эта зла неволя великая*,
Столбовой мнѣ-ка надо умъ и буйную голову,
Ужь теперь маленьки мои годы, ребячьи,
Не учена моя млада, буйна голова,
Не тороно мое зябло, ретиво сердце.
Вотъ жила я, глупа сиза-голубица
У простыхъ, у своихъ сердечныхъ родителей.
Ужь приходилъ твое красно солнце, угрѣвно!
Да ужь не присовѣтовала я, глупа сиза-голубица,
Прочь давать, да прочь отъ себя откидывати,

Божитка отвѣчаетъ:

Ужь теперь-то тебѣ мое крестное дитятко,
Столбовой тебѣ умъ въ голову въ буйную,
Ужь какъ придетъ-то это зла неволя великая,
Со кружковъ, со царевыхъ, со кабаковъ,
Да ужь прирасходится надъ тобою мое дитятко!

(Дальнѣйшія слова тарады *божитки* суть тѣже, какія идутъ отъ нея же въ отвѣтъ на предыдущіе упреки невесты).

Такъ ужь ты не сказывай про свою про обиду великую,
Не держи сто подругъ возмествивныхъ,
А держи одну лишь подруженьку, пуховую подушку.
(*Божитка*, поклонившись и попричитавшись вмѣстѣ съ невестой, которая нѣсколько разъ падаетъ ей въ ноги, или сама наконецъ отходитъ, или ее отрываютъ).

Затѣмъ невеста встаетъ съ лавки и начинаетъ призывать далѣе:

л) Я прилячу, призову въ дѣвью, тихую бесѣду смиренную.

Свою милую сестрицу, Елену Петровну.

* Т. е. женихъ любитъ уходить изъ дома на работу въ Петербургъ и др. мѣста.

Сестра подходит; невеста падает ей въ ноги, та поднимает ее и сама кланяется, какъ невестѣ, такъ и причитавшимъ дѣвушкамъ, благодарящимъ за причитанье.

Тоже самое происходитъ и со всѣми прочими имѣющимися на лицо родными и родственниками, равно какъ и ближайшими сосѣдами, которымъ подобное вниманіе очень правится и которые въ противномъ случаѣ сердятся на семейство невесты.

Въ заключеніе заплачки, ближніе къ невестѣ закрываютъ ей голову небольшимъ платкомъ и стараются унять ея страшно разстроенные нервы отъ рыданій, причитаній, слезъ,—такъ какъ все это продолжается непрерывно часа 4—5.

Затѣмъ лишній народъ и любопытные всѣ расходятся, и невеста съ стиховодницей и дѣвушками садится пить чай; стиховодницу угощаютъ особенно: ей ставятъ водки, а потомъ спустя немного кормятъ ужиномъ. Вообще здѣсь будетъ къ мѣсту сказать, что *стиховодницъ въ это время большой почетъ, безъ нея нельзя и свадьбы играть. до самой свадьбы она присутствуетъ почти все время при невестѣ и ея кормятъ и угощаютъ тутъ на столько, что, какъ выражаются, пшь—не хочу.*

Сверхъ угощеній, платой стиховодницѣ обыкновенно бываетъ *золотой платокъ, или ситецъ на рукава* (здѣшнія мѣщанки осенью и вообще въ холодное время, когда однако надѣваютъ шубы, носятъ *ватные рукава*, поверхъ рукава рубашки, чтобы защитить часть руки отъ холода).

5. *Вечеринка съ женитьбою барина и боемъ быка:* Вечеромъ того же дня, когда производилась заплачка, дѣвушки составляютъ въ домѣ невесты вечеринку, на которой однако сама невеста или вовсе не бываетъ, или если бываетъ, то покрывшись большимъ платкомъ, хоронится отъ гостей и не принимаетъ никакого участія въ удовольствіяхъ и играхъ молодежи. *Жениха тоже не бываетъ.*

Когда, какъ и на обыкновенныхъ вечеринкахъ, собирается нѣсколько дѣвушекъ и парней, молодежь ходитъ «уточкой», составляютъ кадрили подъ пѣсни: «Эхъ, Карлуша не робѣй» и друг., играютъ «въ царева сына», въ «столбичекъ» и другія игры, поютъ пѣсни и танцуютъ. Особенности же этой вечеринки встрѣчаются во многихъ мѣстностяхъ Россіи въ деревенскихъ свадьбахъ и стоящая изъ нихъ того, чтобы быть упомянутой, состоитъ въ двухъ свадебныхъ шуточныхъ играхъ, именно:

а) *Женитьба барина.* Парни, желая повеселиться, просятъ у хозяина, или хозяйки позволенія *барина женить*, и если они дадутъ обѣщаніе хозяину, что особенныхъ неприличій и безобразій при этомъ у нихъ не будетъ (если хозяинъ не отличается особенною пуритан-

скою строгостью нравовъ, то обыкновенно дается имъ на то разрѣшеніе), тогда они уходятъ на сарай, гдѣ и выбираютъ въ роль барина самыхъ отчаянныхъ, такъ сказать—отпѣтыхъ шалуновъ парней, и барина ради смѣха одѣваютъ самыя ненужныя морхны, т. е. *тряпье*: достаютъ заброшенный совершенно *розный* (изорванный) кафтанника, такого же роду шапку и покрываютъ съ головы *грязной подстилкой*, т. е. холстомъ грубымъ, который обыкновенно кладется у дверей въ избѣ, чтобы вытирать ноги. Онъ нахлобучивается на лобъ, спину и укрываетъ такъ, что оставляетъ одинъ только глазъ незакрытымъ, чтобы его не могли узнать; затѣмъ сажаютъ барина на чунки, т. е. маленькія санки и берутъ въ избу, гдѣ собрались дѣвушки, при общихъ крикахъ: «барина везутъ, барина везутъ»...

При въѣздѣ въ избу чунки съ баринкомъ, останавливаются передъ близъ сидящей дѣвушкой и одинъ изъ находящихся при баринѣ парней провозглашаетъ имя дѣвушки, наприм. Алѣна Климовна.

Тутъ шутовской баринъ начинаетъ измѣненнымъ, пискливымъ голоскомъ, выкрикивать всеуслышанье то, что онъ знаетъ, наслышанъ самаго скандальнаго и непозволительнаго объ этой дѣвушкѣ, а чаще и самъ прикладываетъ ради общаго смѣха и удовольствія разныя *небылицы* на ея счетъ, при этомъ ни дѣвушки, ни близкія лица не могутъ вступить за ея честь, или обижаться, потому что такъ заведено съ искони въка. Это обличеніе всегда бываетъ такъ грязно, сквернословно, что невозможно привести его цѣликомъ; но вотъ небольшія выдержки изъ него и его сущность:

«А, Алѣна Климцева! пищитъ баринъ: о, о, о! она съ *Кутыриной* (мелкимъ чиновникомъ) Иваномъ Дурмановымъ давнымъ давно водится, все съ себя на него издержала и кольцо послѣднее въ ходъ пошло».

Или: «А, Матрена Иванова! о, о, о! и съ Мишурой Гавриловымъ подъ возомъ застали, всего-то, его, млягу она»...

И такъ далѣе, все въ томъ же родѣ, снисходя только въ выраженіяхъ, въ отношеніи къ богатымъ и уважаемымъ невестамъ.

То что баринъ говоритъ, остальная молодежь выкрикиваетъ во все горло, чтобы всѣ слышали. Постепенно чунки съ баринкомъ подѣзжаютъ и останавливаются предъ каждой дѣвушкой по порядку сидѣнья съ *провозглашеніями* ея *тайныхъ, явныхъ и воображаемыхъ* пороковъ. И ни одна дѣвушка не можетъ избѣгнуть такого сраму; если убѣжить, то должна знать, что за глаза про нея наговорится въ десятеро болѣе.

Обѣхавъ всѣхъ дѣвушекъ, подъ предлогомъ, что баринъ *выбираетъ себѣ невесту и не находитъ* себѣ по вкусу, останавливается предъ послѣдней, обыкновенно еще дѣвочкой-подросткомъ, о которой нечего сказать и

спрашивают барина: *люба-ли эта?* Отвѣчает баринъ наконецъ: «люба». Затѣмъ барина сводятъ съ чунокъ и ведутъ за столъ, гдѣ онъ садится на мѣстѣ жениха, и гдѣ съ нимъ вмѣстѣ сейчасъ же насаживаются сами собой избранные поѣзжане: большой свать, тысячкой, дружки и проч. Въ тоже время выбранная имъ дѣвушка въ невѣсты, оставшись въ своемъ обыкновенномъ нарядѣ, надѣваетъ только на голову какую нибудь старенькую заброшеную повязку и закрываетъ голову платкомъ. Сваты ведутъ тогда ее къ столу, гдѣ дается ей въ руки какое нибудь деревянное или оловянное блюдо со стаканомъ, который наполняется водой; она съ поклономъ подноситъ сначала барину-жениху, тотъ осушаетъ его до дна. Затѣмъ пьетъ сама и подноситъ всѣмъ поѣзжанамъ поочередно.

Въ это время между тѣмъ дружка жениха достаетъ какой нибудь обрубокъ доски и раскладываетъ на ней, принимая ее за поднось, жениховы дары, какъ это поздиѣ увидимъ, бываетъ на смотрѣнн: опорки старыхъ сапоговъ (башмаки невѣстѣ), кусокъ битого стекла (зеркало), разное тряпье (изображаетъ чулки и проч. дары). Тогда женихъ подаетъ невѣстѣ дары, а дружка перечисляетъ ихъ такимъ же образомъ, какъ это будетъ видно далѣе на смотрѣнн. Невѣста принимаетъ дары, кланяется, и швыряетъ ихъ куда нибудь въ уголь, или къ двери. Невѣстина же сватья приготовила между тѣмъ невѣстины дары, т. е. набрала тоже разнаго тряпья, начинаетъ дарить съ жениха, и именно слѣдующимъ способомъ: владетъ назначенное ему тряпье на лопату, употребляемую обыкновенно при печенн хлѣбовъ, и съ поклономъ подноситъ ихъ; женихъ беретъ, а сватья тутъ же хлопаетъ ему по головѣ опростанной лопатой. Такимъ-то образомъ она даритъ и всѣхъ жениховыхъ поѣзжанъ, т. е. мужчинъ, которые какое бы слово и даръ ни получили, не претендуютъ на то, потому что это считается оплатой за недавнн позоръ присутствующихъ дѣвущекъ. Одаривъ поѣзжанъ, сватья бьетъ тогда лопатой во всѣ стороны, по всѣмъ присутствующимъ и тѣмъ заканчивается женидба барина.

б) *Битие быка.* Когда всѣ обряды бариновой женьтыбы кончаются, дѣвушки начинаютъ снова пѣть свои пѣсни, заводятъ ходить уточкой, молодежь же, парни съ баринномъ идутъ обратно въ сарай, чтобъ снарядить быка на бой. Обряжаютъ быка очень просто: выворачиваютъ мѣхомъ вверхъ полушубокъ, надѣваютъ на кого нибудь, подобнаго же подростка—парня, какой былъ и въ роли барина, подпояшутъ кушакомъ, а голову и лице стараются замаскировать какой нибудь мохнатой шапкой и обвяжутъ также подстлалавой. Играющн роль быка идетъ тогда въ избу на четверенькахъ, а одинъ изъ провожающихъ его парней, хозяинъ быка, взявши за

кушакъ, ведетъ его при общихъ крикахъ: «быка ведутъ, быка ведутъ!»

Быкъ останавливается среди избы, хозяинъ предлагаетъ присутствующимъ купить быка и запрашиваетъ большую цѣну, рублей напр. 20, начинаютъ торговаться съ нимъ при общихъ шуткахъ: одинъ даетъ 10, другой 7, третнй 5 руб., и т. д.; хозяинъ не уступаетъ. Тогда онъ вынимаетъ приготовленный имъ заранѣе безмѣнъ, т. е. кушакъ, свернутый въ видѣ жгута и предлагаетъ зрителямъ мяса въ розницу: для этого требуется сперва убить быка. Достаютъ глиняный горшокъ, надѣваютъ на палку, которая помѣщается около головы быка, затѣмъ бьютъ по горшку обухомъ топора, представляя, что бьютъ быка въ голову, горшокъ разлетается въ мелкіе куски, а воображаемый быкъ падаетъ на полъ, изображая предсмертныя агонн убитаго. Хозяинъ и торговецъ обращается снова къ публикѣ и проситъ купить говядину, расхваливая и выставяя на видъ всѣ достоинства быка и его мяса. Находятся покупатели, но напередъ просятъ кушца дать имъ для проверки его безмѣнъ; онъ вручаетъ имъ скрученный кушакъ, а они пробуютъ безмѣнъ на его спинѣ, не щадя ни спины, ни безмѣна.

Оставшись довольными вѣрностню безмѣна, покупатели передаютъ его обратно купцу, сами же по одиночкѣ подходятъ выбирать себѣ нужныя мѣста изъ туши быка. — «Взять мнѣ-ка гузенную кишку на большую струну! говорить одинъ. — А мнѣ рогъ подъ табакъ! кричитъ другой. — Я никакъ ноги на студенъ возьму, говорить третнй». Буець же, между тѣмъ, каждому покушнику тѣмъ же безмѣномъ отвѣшиваетъ по спинѣ достаточное число фунтовъ покупки. Когда всѣ парни, волею или неволею купятъ говядины по нѣсколько фунтовъ, тогда сговариваются нѣкоторые изъ нихъ, которые посмѣлае, увести быка: они хватаютъ быка за поясъ и тащутъ его вонъ; буець за концы пояса его удерживаетъ и бьетъ парней безмѣномъ безъ милости, пока быкъ не будетъ выпровоженъ.

По окончанн этихъ двухъ игръ (которыя, мимоходомъ сказать, исполняются нынѣ весьма рѣдко, — все рѣже и рѣже), вечеринка идетъ своимъ чередомъ и совершенно ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной вечеринки.

Послѣ вечеринки нѣкоторые близкія къ невѣстѣ по-други дѣвушки ночуютъ у нея.

б) *Невѣста по юстамъ идетъ.* На слѣдующнй день въ домѣ невѣсты съ утра поднимается стряпня и другія приготовления къ вечеру, когда должно быть *смотрѣнне*. Невѣста же просыпается и сидитъ, еще не одѣваясь, съ подружками на постели и ждетъ посѣщенн божитки. Божитка же между тѣмъ, *обрядившись* съ утра, съ при-

готовленными угощеніями невѣсть съ подружками, приходятъ къ невѣсть и зоветъ ее къ себѣ.

«Пожалуй-ка, милое мое крестовое дитятко, со всѣми любящими подружками своими ко мнѣ въ гости» — и затѣмъ слѣдуетъ поясной поклонъ. Невѣста на то отвѣчаетъ:

Тебѣ спасибо, моя *вторая* крестная божитна,
Что ты позвала меня глупу, сизу-голубушку,
По сегодняшнему, по долгому по денечку,
Со всѣми моими милыми подружками, любезными.

Божитна уходитъ домой, а невѣста съ дѣвушками начинается одѣваться. Шубейка невѣстой надѣвается самая лучшая и перевязка тоже, именно та самая, въ которую обрядила ее мать на заплачкѣ, и которую она носитъ постоянно вплоть до свадьбы; сарафанъ же въ этомъ случаѣ берется простенькой, гарусный. Одѣвшись, невѣста съ дѣвушками идетъ въ большую избу (т. е. переднюю комнату), гдѣ и садятся на томъ же мѣстѣ, на которомъ сидѣла во время вчерашней заплачки. Стиховодница находится также здѣсь и онѣ завоютъ снова стихи:

Ты, послушай, мой добротъ, солнце красное,
Мой батюшка, Петръ да Васильевичъ,
Моя ласкашница, моя добротница,
Моя матушка, Агафья Кондратьевна,
Отпусти-же-ка меня глупу, сизу-голубушку,
Меня въ гости, да на гостѣище любовное,
Меня ко вторымъ крестнымъ божитущимъ,
По сегодняшнему, по долгому по денечку,
Со всѣми милыми подружками, любовными.

Затѣмъ поднимаются на ноги вмѣстѣ съ невѣстой, *дѣвушки подходятъ къ образамъ и молятся.*

Выходя на улицу, невѣста-дочь обращается къ родителямъ съ слѣдующими стихами:

Ты, послушай-ка, мой добротъ, солнце красное,
Мой батюшка, Петръ Васильевичъ,
Моя ласкашница, моя добротница,
Моя матушка, Агафья Кондратьевна,
Ужь не буду я, подлая, въ домъ, тепловато во
гнѣздышко,

По сегодняшнему, по долгому по денечку,
По тихому, по позднему, по вечеру,
Приведу я васъ во стыдъ, во срамоту великую,
Продавшись глупа, сиза-голубушка
Ко вторымъ крестнымъ божитущимъ,
Но рыбы, казачихи, со похльбницы.
До поста я, до говѣнья великаго,
Повзбуду я тогда глупа сиза-голубушка
Той неволи великия.

Зимой, когда можно легко достать лошадей, невѣста съ стиховодницей и съ дѣвушками садятся въ сани и въ этихъ случаяхъ рѣшительно не стѣсняются величиной

и вмѣстительностію саней: на двухмѣстныхъ сани, гдѣ обыкновенно съ трудомъ помѣщается ящикъ и два сѣлона, садятся иногда до 15 дѣвушекъ. Лѣтомъ же невѣста отправляется по образу пѣшаго хожденія.

Свадьба же мѣщанъ города Мезени описана бывшимъ студентомъ Никольскимъ. Описаніе это даетъ слѣдующіе матеріалы:

Прежде чѣмъ парень началъ свататься на той дѣвушкѣ, *которая ему приглянулась*, — онъ идетъ къ своему отцу и матери, *падаетъ имъ въ ноги, объявляетъ о своемъ желаніи и проситъ ихъ благословенія навѣки нерушимаго. Получивши его, они съ общаго согласія выбираютъ свата*, котораго и посылаютъ къ роднымъ невѣсты. Сватъ въ праздничной одеждѣ является въ домъ невѣсты, становится подъ матицу и говоритъ: я пришелъ за добрымъ дѣломъ, за сватовствомъ на вашей дочери за такога то. Не давая свату никакого положительнаго отвѣта о своемъ согласіи, говорятъ ему, что онъ можетъ получить отвѣтъ только тогда, какъ объ этомъ посоветуются родные невѣсты, и просятъ его придти за отвѣтомъ, или вечеромъ того же дня, или на другой день, а иной разъ и чрезъ нѣсколько недѣль. Между тѣмъ свата, пришедшаго съ предложеніемъ, *угощаютъ* какъ только могутъ.

По истеченіи *назначеннаго* орока, сватъ снова является къ родителямъ невѣсты и, если они согласны отдать свою дочь за того жениха, отъ котораго онъ ходитъ, то «кладутся со сватомъ на слово» и приглашаютъ чрезъ него жениха съ ближайшими родственниками; по приходѣ этихъ гостей «бьютъ поручамъ» т. е. окончательно условливаются обо всемъ, что относится къ предстоящей свадьбѣ. Во все время этого посѣщенія женихъ сидитъ рядомъ съ невѣстой и они обмѣниваются между собою подарками: женихъ обыкновенно даритъ ей ситцу на сарафанъ, а невѣста ему платокъ. За тѣмъ до самой свадьбы бываютъ «вечера» въ домѣ невѣсты, — и тѣмъ чаще, чѣмъ богаче ея родные. На всѣхъ вечеринкахъ бываютъ женихъ съ братомъ, или кѣмъ либо изъ *близкихъ родственниковъ* (который все таки въ этомъ случаѣ *называется братомъ*) и каждый разъ приноситъ невѣстѣ подарки, *которая* въ свою очередь *отдариваетъ* его чѣмъ либо.

Какъ только дѣвушка объявлена просватанной, на *всѣхъ вечеринкахъ* и др. собраніяхъ, гдѣ приходится быть въ виду постороннихъ, — она *считаетъ долгомъ плакать*. Этотъ плачъ *продолжается* до самой свадьбы; во всѣхъ подобныхъ случаяхъ она закрываетъ лице платкомъ и, качаясь изъ стороны въ сторону, начинаетъ реветъ, насколько хватаетъ силъ; уже черезъ нѣсколько минутъ отъ этого крика лице наливается кровью, а такъ какъ иной разъ приходится ей проплакать часовъ 6—7, то подъ конецъ вечера она не можетъ говорить, до того

ослипеть ей голосъ. Рѣвъ невѣсты усиливается тогда, какъ дѣвушки, находящіяся на вечеринкѣ, запоютъ какую нибудь свадебную пѣсню; если бы невѣста рѣшилась не плакать, то это было бы поставлено ей въ величайшую вину, и даже женихъ считалъ бы себя почему то обиженнымъ.

Вскорѣ послѣ битья по рукамъ бываетъ посѣдка, во время которой съ невѣсты снимаютъ повязку, особый головной уборъ, надѣваемый на дѣвушку на вечеринкахъ и т. п., какъ только она просватана. Снявши повязку, расплетаютъ у ней косу. При всей этой церемоніи невѣста плачетъ навзрыдь, а дѣвушки, нанятые ея родными, поютъ отъ ея лица, обращаясь къ матери. «Подойди моя денна печальщица, ночная богомольщица, родная моя матушка, подыми свои руки бѣлыя на мою на буйну голову, на дорогу да на дѣвью красоту, на повязку красна золота съ присадкой скатна жемчуга». Когда повязка снята — «ужъ и какъ подвинулись твои руки бѣлыя на мою буйну голову, на дорогу дѣвью красоту, на повязку красна золота съ присадкой скатна жемчуга?» Обращаясь къ сестрѣ, или замѣняющей ее ближайшей родственницѣ: «Подойди комнѣ, сестрица ты родная, ужъ ты выплети изъ трубчатой косы да ленту алую, расплети трубчатую косу, какъ моя трубчатая коса всему городу краса». Къ ней же «придетъ весна красна, разольются рѣки быстрыя, ужъ какъ вырастетъ шелкова трава, разцвѣтутъ цвѣты алые, пойдешь моя милая, пойдешь по наливны сладки ягоди, вспомяни меня младшеньку;» если же невѣста сирота, то: «злосчастную, или горюху горегорюкую, или кулушу безпомощную, разпрегорюку птицу пташицу, я охоча была ходить, ѣздить по наливны сладки ягоди со подружками со любезными, со дѣвками со красными, со сосѣдками порядовными, я охоча была шутить ирать». Если же невѣста имѣла до свадьбы ребенка, то прибавляется: «пристыдила я, прибезчестила всѣхъ своихъ родителей». Когда коса расплетена, то на распущенные волосы снова надѣвается повязка, при чемъ поется: «подойди подружка, полюбовная, сосѣдка порядовная (такая то), наложи на мою да буйну голову дорогу дѣвью красоту, хоть повязку красна золота, со присадкой скатна жемчуга, наложи ее плотношенько, привяжи ее ладнешенько, чтобы вѣкъ она не свалилась». Передъ всѣмъ этимъ плаканьемъ мать благословляетъ невѣсту на плачь: «Благослови моя мати родная, благослови мнѣ оказать голосъ трубчатый, причеть лебедный».

Передъ самой свадьбой у невѣсты бываетъ *рукобитие*; оно бываетъ обыкновенно вечеромъ, и на него приглашаются всѣ родные невѣсты. Женихъ приходитъ со своими родными, садится рядомъ съ невѣстой, родня же размѣщается у стола, за которымъ сидятъ женихъ и невѣста, по старшинству. На столѣ разставлены различныя сласти, орѣхи, пряники и т. п.; во весь вечеръ продол-

жается угощеніе и родные невѣсты стараются пещальнуть этимъ угощеніемъ такъ, чтобы не ударить лицомъ въ грязь. Невѣсту выводятъ сватья и отецъ; она кланяется сначала жениху, потомъ на всѣ четыре стороны; женихъ, а за нимъ всѣ, находящіеся за столомъ, встаютъ, — первый кланяется невѣстѣ и всѣмъ роднымъ. За тѣмъ невѣста подноситъ жениху рюмку вина, тотъ принимаетъ ее, кланяется на всѣ стороны и выпиваетъ. Возвращая рюмку невѣстѣ, онъ даетъ ей какой либо подарокъ, напр. ситцу на сарафанъ или же деньги. Невѣста отдариваетъ его (обыкновенно платкомъ), за этотъ подарокъ женихъ долженъ снова положить что либо на поднось, за тѣмъ невѣста подноситъ вино сначала родственникамъ жениха, а потомъ и своимъ. Обошедши всѣхъ родственниковъ, невѣста становится посреди комнаты, женихъ же выходитъ изъ за стола, подходитъ къ ней, кланяется на всѣ стороны и цѣлуетъ ее три раза; потомъ беретъ за руку, ведетъ за столъ и сажаетъ рядомъ съ собою. Тогда начинаютъ подавать всѣмъ сидящимъ за столомъ чай; прежде всѣхъ подносятъ жениху, онъ беретъ одну чашку, — ставитъ невѣстѣ, (а иной разъ даже нальетъ ей на блюдце), — потомъ беретъ себѣ. Послѣ чаю подаютъ водку.

Во все время пока родственники жениха и невѣсты сидятъ за столомъ, — въ другой комнатѣ бываетъ вечеринка. Вблизи же стола сидитъ нѣсколько дѣвушекъ и женщинъ, которыя поютъ различныя свадебныя пѣсни.

Подъ конецъ вечера невѣста выходитъ изъ за стола, становится на средину комнаты и плачетъ. Отъ ея лица поется: «поворочусь я млада отъ столовъ дубовыхъ, отъ скатертей перчатныхъ, отъ кушаній сахарныхъ, отъ питей разноливатыхъ». Женихъ тоже выходитъ изъ за стола, подходитъ къ невѣстѣ съ тѣмъ, чтобы ее поцѣловать. По обыкновенію невѣста упирается и тогда онъ беретъ ее одной рукою за косу, другой поднимаетъ платокъ, которымъ закрыта, и цѣлуетъ, — потомъ отступаетъ шага на три назадъ, снова подступаетъ и цѣлуетъ, — это повторяется три раза. Понятно, что иной разъ, когда невѣста сильно сопротивляется, — женихъ сильно надеваетъ ей волосы. Во время цѣлованья поется: «пристыдила, да прибезчестилъ чужой сынъ отеческій дѣвицу красную при компаньи, при собраньи людей добрыхъ.» Послѣ жениха съ невѣстой цѣлуются всѣ женщины, находящіяся въ комнатѣ, и при этомъ даютъ невѣстѣ, кто сколько можетъ (среднимъ числомъ 5 — 10 коп. сер. каждая). Простившись съ невѣстой, женихъ уходитъ съ родственниками, родственницы же остаются на ужинъ. Во все время ужина невѣста ничего не ѣстъ, сидитъ, закрывшись платкомъ. При началѣ ужина, когда уже поставлено на столъ первое кушанье, выходитъ на средину одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ невѣсты, кланяется невѣстѣ и говоритъ: «дѣвица душа красна, кнѣ-

гния первобрачна, невѣста заручена (такая-то), просимъ покорно у нашей невѣсты хлѣба соли покушать, дѣвицы красны, молодцы удалы, сосѣди порядовны.» Всѣхъ присутствующихъ онъ перечисляетъ поимянно, потомъ обращается ко всѣмъ вообще съ тѣмъ же приглашеніемъ. Когда онъ окончить свою рѣчь, встаетъ невѣста, кланяется въ ту сторону, гдѣ сидятъ гости со стороны жениха, потомъ своимъ гостямъ, но все это дѣлаютъ молча; при подаваньи каждаго новаго кушанья повторяется таже исторія. Такъ какъ иной разъ бываетъ подано до 20 блюдъ, то ужинъ продолжается до самаго утра.

Прежде былъ обычай, что когда подавали на столъ «шти», то прежде чѣмъ приступать къ ихъ ѣдѣ, миску, въ которой онѣ налиты, закрывали тарелкой, затѣмъ объявляли, кто варилъ ихъ (эта женщина называется *штиница*), и варившая ихъ должна была *поцѣловаться со всеми, сидящими за столомъ*, и уже только тогда начинали ѣсть. Когда подавали кашу, то тоже *кашница* должна была со всѣми *поцѣловаться*. При подаваньи дичины кухарка *отдѣляла у гуся заднюю часть* (при хвостовыхъ позвонкахъ) и передавала ее одному изъ гостей; тотъ отправлялся къ какой либо дѣвушкѣ, — родственницѣ жениха и передавалъ ей. При этомъ необходимо было поцѣловаться, иначе заставляли съѣсть данный кусокъ, что считалось крайне неприличнымъ дѣломъ. Дѣвушка должна была передать мужчинѣ и т. д., такъ что кусокъ обходилъ всѣхъ обѣдающихъ.

Обычай этотъ остался и до сихъ поръ, но уже примѣняется не на *рукобитель*, а на *почестномъ*.

При концѣ ужина невѣста встаетъ и начинаетъ снова плакать. *Плакальщицы* отъ ея лица поютъ новый плачь, въ которомъ благодарятъ гостей за приходъ, просятъ не осуждать за то, что это послѣдній дѣвій вечеръ и ужинъ; вспоминаютъ всю молодость невѣсты, какъ ей весело было жить на волѣ у отца-матери; затѣмъ, обращаясь къ родителямъ, благодарятъ, что вспомни, вскормили, одѣли въ цвѣтное платье и т. под.; благодарятъ родственниковъ и подружекъ. Этотъ плачь продолжается до конца ужина, послѣ котораго всѣ гости, поцѣловавшись съ невѣстой, расходятся по домамъ; съ невѣстой же остаются ближнія ея подруги на всю ночь. По уходѣ гостей невѣста снова плачетъ, а отъ ея лица поется ея отцу и матери плачь, въ которомъ упрекаются они за то, что выдаютъ ее такъ рано замужъ, не дали ей натѣшиться привольной дѣвичьею жизнью и т. п.; наплакавшись вдоволь, невѣста ложится спать.

По утру мать невѣсты приходитъ будить ее и сама плачетъ, говоря: «вставай мое дитяtko милое съ своей со постели со пуховья, сряжайся подъ вѣнцы золоченые, убирайся во цвѣтное платье, готовься ко чужому, незнакомому добру молодцу.» Невѣста, проснувшись, на-

чинаетъ плавать, а за ней и оставшіяся на ночь подружки.

Во все время *сватовства* при женихѣ находятся двое молодыхъ дружокъ. Въ самый день сватъбы *женихъ* угощаетъ ихъ чаемъ, кофе и водкой, послѣ чего *посылаетъ въ домъ невѣсты* поблагодарить за угощенье, бывшее наканунѣ и спросить невѣсту про здоровье и готова-ли она подъ вѣнецъ. Дружки отправляются туда въ лучшемъ своемъ платьѣ и непременно на лошади. Ихъ встрѣчаютъ родственники невѣсты, проводятъ въ горницу, гдѣ плачетъ невѣста. Они обращаются ко всѣмъ присутствующимъ и говорятъ: здравствуйте, молодцы удалы и дѣвицы красны. Есть ли у вашей невѣсты батюшка и матушка? Имъ отвѣчаютъ: — есть. — Нельзя ли ихъ позвать среди свѣтлой свѣтлицы? — Отецъ и мать являются на сцену, — дружки имъ кланяются, называютъ по имени и отчеству и говорятъ: «извольте насъ прислушивать, мы будемъ вамъ сказывать. Мы посланы посланники отъ Бога вышняго, отъ царя земнаго, отъ батюшки, отъ матушки, отъ князя первобрачнаго (отъ такого-то). Нашъ князь первобрачный послалъ насъ, дружекъ, къ вамъ: честь воздать и поклонъ отдать и приказалъ поблагодарить за вчерашнюю веселую бесѣду, за винныя чарки, за пивныя стаканы, за чайныя чаши, за кушанье сахарное, за напитки разноливатые, за хорошее принятіе, за ласковыя рѣчи, за учтивую поговорку, за низкіе поклоны, за дорогіе подарки, за веселыя пѣсни, за всю вашу веселую бесѣду и за весь вашъ пріятный разговоръ. Нашъ князь первобрачный (имя) приказалъ намъ доходить до дѣвицы души красной, до княгини первобрачной, до невѣсты зарученной и приказалъ про свое здоровье объяснять, а про ея спросить. Сами ли у ней спросите, или намъ прикажете?» Отецъ и мать отвѣчаютъ: «сами спросите, только теперь не время.» Дружки отправляются домой, и черезъ нѣсколько времени возвращаются за тѣмъ-же; родственники невѣсты, какъ только завидятъ ихъ издали, запираютъ ворота. Дружки, подъѣхавши, *колотятся у воротъ*. Ихъ спрашиваютъ со двора: *кто тамъ?* — *Люди.* — *Чьи люди?* — *Люди Романовы, Государя Романова.* — *Зачѣмъ стучитесь?* — *Идемъ отъ князя новобрачнаго до княгини первобрачной, прося здоровье спросить.* — *У насъ нѣтъ невѣсты, обернулась лисицей, убѣжала въ чистое поле, — не знаемъ гдѣ взять.* Дружки уѣзжаютъ обратно, проѣзжаютъ раза 2 или 3 по городу, — показывая видъ, будто ѣздили къ жениху и затѣмъ снова подъѣзжаютъ къ воротамъ и стучатся въ нихъ говоря: «ѣздили, гуляли ко князю первобрачному; есть у нашего князя первобрачнаго псы кормленые, бѣгали, рыскали по чистому полю, увидѣли въ полѣ лисій слѣдъ, увидѣли и лисицу, — забѣжала къ вамъ въ теремъ, надо быть у васъ въ терему. Извольтежь доложить и допустить до дѣвицы души красной, до княгини перво-

брачной и дозвольте намъ про свое здорье объяснить, а про ея спросить». Имъ отвѣчаютъ: «унасъ послѣ этого обернулась невѣста бѣлой лебедью и улетѣла; не знаемъ, гдѣ взять.» Снова уѣзжаютъ дружки не надолго, снова ворочаютъ домой къ невѣстѣ и колотятся у воротъ говоря: мы ѣздили, гуляли ко князю первобрачному; есть у князя ясныя соколы, летали они по синимъ морямъ прекраснымъ, по вешнимъ заводьямъ и налетали на лебедушку въ чистомъ полѣ и догоняли до высоко терема. Извольте допустить до княгини первобрачной, про ея здорье спросить». — Тогда дружекъ ведутъ къ невѣстѣ, которая сидитъ и плачетъ въ лучшей комнатѣ, сюда же набирается обыкновенно множество постороннихъ. Подойдя къ невѣстѣ, дружки говорятъ: «здравствуй, дѣвица душа красна, княгиня первобрачна, невѣста зарученна.» Невѣста встаетъ и кланяется имъ низко. Дружки продолжаютъ: «Извольте отъ насъ прислушивать, мы будемъ вамъ сказывать. Мы посланы посланники отъ Бога вышняго, отъ царя земнаго, отъ батюшки отъ матушки, отъ свата, отъ тысяцкаго, отъ князя первобрачнаго (отъ такого-то); нашъ князь первобрачный приказалъ намъ, дружкамъ, подходить къ вамъ близко, кланяться вѣжливо и низко, приказалъ стоять прямо, говорить браво. — Нашъ князь первобрачный приказалъ поблагодарить за вчерашнюю веселую бесѣду, за винныя чары, за пивныя стаканы, за чайныя чаши, за кушанья сахарныя, за напитки разноливатые, и за низкіе поклоны, за дорогие подарки, за ласковыя рѣчи, за пріятную встрѣчу, за весь вашъ пріятный вечеръ и за все ваше пріятство. Нашъ князь первобрачный Божією милостією, царскою свѣтлостію, батюшковымъ и матушкинымъ благословеніемъ, при семъ часу времени оставался отъ насъ живъ и здоровъ, и благополученъ. Нашъ князь первобрачный приказалъ про свое здорье объяснить, а про ваше спросить; вы же, дѣвица душа красна, княгиня, первобрачна, не извольте сами себя трудить, а насъ дружекъ поминать, просимъ покорно о своемъ здорьѣ объяснить, мы же будемъ князю первобрачному про ваше здорье доносить и низко кланяться.» Невѣста все время плачетъ и чрезъ довольно большой промежутокъ времени плакальщицы отвѣчаютъ за нее: «здорова млада, да не весела.» Дружки, получивъ такой отвѣтъ, обращаются къ отцу и матери невѣсты. «Мы посланы посланники отъ Бога вышняго, отъ царя земнаго, отъ батюшки, отъ матушки, отъ князя, отъ первобрачнаго. Нашъ князь первобрачный послалъ насъ, дружекъ, къ вамъ, къ пріѣзду его князя первобрачнаго къ вашему высокому терему за невѣстою, чтобы были у васъ отперты ворота и приворотни, чтобы были налажены конямъ стойла, хомутамъ влѣтки, ременкамъ *) спички, чтобы

*) Ремень—кнутъ

намъ дружкамъ съ козелъ не сходить и воротъ вашихъ не отворять; чтобы были у воротъ приворотники, у дверей придверники, среди двора со свѣтомъ дворники. Когда нашъ князь первобрачный придетъ къ вамъ на высокоій теремъ и пройдетъ по бѣлымъ сѣнямъ и проступитъ въ свѣтлую свѣтлицу и станетъ за столы за дубовые, не вѣкъ вѣковать, не годъ годовать, одинъ часъ часовать; и въ кою пору, въ кое время дѣвица душа, красна княгиня первобрачна ключевой водой умывается, во цвѣтное платье сваряжается и въ божию церковь сподобляется; немного времени минуется, дайте честь и мѣсто *свату* и *тысяцкому* и князю первобрачному со всѣмъ *княжескимъ* поѣздомъ и съ нами *нижайшими дружками*».

Имъ говорятъ: «Просимъ покорно.» Далѣе дружки обращаются къ присутствующей при этомъ молодежи: «здравствуйте, удалые молодцы, женатые и холостые, и красныя дѣвицы. Посланы посланники отъ Бога вышняго, отъ царя земнаго, отъ батюшки, отъ матушки, отъ свата, отъ тысяцкаго, отъ князя первобрачнаго. Нашъ князь первобрачный послалъ насъ, дружекъ, къ вамъ; когда нашъ князь первобрачный приѣдетъ къ вамъ на широкій теремъ и вступитъ въ свѣтлую свѣтлицу и станетъ за столы дубовые, дайте честь и мѣсто, — передній уголъ свату и тысяцкому и князю первобрачному со всѣмъ княжескимъ поѣздомъ и съ нами дружками. А вы, красныя дѣвицы, подайтесь въ куть половицы, за печатныя новыя завѣсы, сами себя потыните, другъ друга не вердите, на столахъ напитокъ не расплещите, столовъ не пошатните, брюхатыхъ жонокъ не раздавите и дайте честь и мѣсто свату и тысяцкому и князю первобрачному со всѣмъ княжескимъ поѣздомъ и съ нами дружками.» Обращаются къ невѣстѣ: «дѣвица душа красна, княгиня первобрачна невѣста, зарученный нашъ князь первобрачный приказалъ тебѣ мыться бѣлешенько, ходить хорошенько, *гордость* и *спесь* *подальше* *спрячь*, *дѣвич* *поступки* *дома* *оставляй*. *низки* *поклоны* *съ* *собой* *запасай*. У нашего князя первобрачнаго горница нова, въ горницѣ новой есть кровать тесова, на кровати тесовой есть перина пухова, надъ периной пуховой есть спичка дубова; *на* *спичкѣ* *дубовой* *есть* *плетка* *шелкова* *о* *трехъ* *долгихъ* *концахъ*. *Первый* *конецъ* *доложь*, *второй* *доложь*, *третій* *до* *вашей* *брата* *очень* *ловокъ*. — *идѣ* *хвостетъ*. *тутъ* *и* *кровь* *брызнетъ*. У нашего князя первобрачнаго есть горы круты, коромысла толсты, ушаты большы: носи воду не лѣнись, *насъ* *молодцей* *не* *бесчести*.» Затѣмъ обращаются къ старухамъ: «Вы что, старыя старухи, зачѣмъ здѣсь? Вы-бы сидѣли дома на печи, грызли калены кирпичи, пили-бы кислый квасъ, а здѣсь мѣсто не про васъ, — тѣсно и безъ васъ.» Если есть кухарки, то къ нимъ: «Вы что, молодыя молодницы? Мы видимъ надъ вами большую не-

исправность: у васъ блины съ заплатками и пироги съ заплатками, хлѣбы перепечены, рыбники вовсе недопечены».

Пока невѣста одѣвается, *дружки приносятъ ей подвенечные башмаки и чулки, а также зеркало. Потомъ пряникъ и разныя сласти, которыя невѣста беретъ съ собою въ новую свою семью. Это называется передать. Передать дается и всѣмъ родственникамъ невѣсты.*

Какъ скоро невѣста одѣлась, она подходитъ къ столу. Является женихъ, беретъ за руку и заводитъ за столъ. Отецъ *передаетъ ее жениху и говоритъ: «пой корми, одѣвай, обувай, добру научай, а ты, дочи, слушай.»*

За тѣмъ отецъ и мать благословляютъ невѣсту и женихъ *уводитъ ее.* Отправляясь въ церковь, женихъ съ братомъ садится на отдѣльныя сани или роспуски, — и ѣдетъ впереди, а уже за нимъ *невѣста съ тысяцкимъ.*

По окончаніи обряда вѣнчанія новобрачная выходитъ въ трапезу и здѣсь волосы ея, оставшіеся во все время *вѣнчанья распущенными, заплетаются уже въ двѣ косы, а на голову надѣвается повойникъ.*

По пріѣздѣ изъ церкви молодые получаютъ *благословеніе отъ родителей* новобрачнаго и при этомъ молодой дѣлается ими какой либо подарокъ. — Затѣмъ начинается угощеніе, послѣ котораго молодыхъ уводятъ въ особую комнату. Черезъ нѣсколько времени туда явятся отецъ и мать мужа и они *обязаны выпить четыре рюмки водки* отъ двухъ новобрачныхъ, отъ тысяцкаго и сватей, и послѣ *этого поятъ виномъ* всѣхъ родныхъ, какъ мужа, такъ и жены.

За этимъ угощеніемъ бываетъ ужинъ, на которомъ бываютъ самые близкіе родственники и проводники.

Утромъ на другой день бываетъ завтракъ для *ближайшей родни*, послѣ котораго всѣ гости (обыкновенно сильно подкутившіе) катаются по городу съ пѣснями на тройкахъ. Какъ при этомъ, такъ и при всѣхъ поѣздкахъ дружекъ съ начала сватовства къ дугамъ лошадей привязываются колокольчики.

Послѣ катанья *почетный* столъ, на которомъ родъ *невѣсты садится уже выше рода жениха.* Во время этого обѣда спиваются всѣхъ гостей, такъ что въ концѣ его уже нельзя найти ни одного трезваго.

На третій день молодая ходитъ по всѣмъ родственникамъ мужа и зоветъ ихъ въ баню. Собираются обыкновенно только ближайшіе родственники и моются въ банѣ послѣ выхода оттуда молодыхъ.

Тысяцкимъ выбирается обыкновенно крестный отецъ жениха, или вообще кто-либо изъ ближайшихъ его родственниковъ. *Сватья* — ближайшая родственница невѣсты.

Родственники жениха *дарятъ невѣсту*, а ея родственники *дарятъ жениха.* Подарки передаютъ обыкновенно *въ день рукобитья* и состоятъ по большей части изъ *състныхъ припасовъ.*

Молодая даритъ въ тотъ день, какъ идти въ баню: мужу портки и рубаху, тоже самое и свекру; свекрови рубаху и повойникъ; этотъ послѣдній наворачивается на ручьку вѣника, которымъ будетъ париться свекровь; — сестрамъ незамужнимъ на рукава, замужнимъ повойники; деверю платокъ.

ГЛАВА VI.

ОБРЯДЫ И ИГРЫ ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА.

Обычаи, соблюдаемые въ Пинежскомъ уездѣ: при полевыхъ работахъ,—при родинахъ, крестинахъ и именинахъ.—Таковые же обычаи въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ.—Пинежскіе обычаи при новосельи, при смерти и похоронахъ.—Похоронные обряды въ Тулгасскомъ, Хаврогорскомъ и Курейско-Сергіевскомъ приходѣхъ.—Годовые празднества въ Пинежскомъ уездѣ и приуроченные къ нимъ обычаи. Святки, Брещенье, масленица, вербица, Святлая недѣля, радушница, весенній играшъ и сборища, Егорьевъ день, Троицынъ день, Аграфена купальница, Иваны-купалы, Петрово заговѣнье и богомолье, круги и хороводы, борода, игра въ столбы, въ пары, катуны, братчины, конный праздникъ, Ильинъ день, Спасовъ день, Рождество и Покровъ Богородицы, вечерники и игры на оныхъ, бесѣды, день пятницы—Параскевы, Филиповки, посидки и супрядки съ ихъ играми, Никола зимній, день Рождества Христова и Новый годъ, славенье, виноградь.—Повседневныя игры и забавы: сконги, въ золото, въ кики, въ шопотки, въ хошлы, качели, скаканье, въ мячъ, изъ—за сухой трески, въ Самофды, кружалами, въ жернова, катанье, въ бабки, въ орлянку, изъ—за попа, въ рюхи, въ бѣгале, въ прятки.—Обрядъ „боромъ“ въ Усть-Пуѣ.—Народныя игры въ Тулгасскомъ приходѣ.—Народныя увеселенія въ Сумскомъ посадѣ.—Святочныя обряды тамъ же.—Праздники въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ.—Обряды при закладѣ дома и при входѣ въ него на житье тамъ же.—Нѣкоторые обряды въ Хаврогорскомъ приходѣ.—

Въ этой главѣ мы относимъ всѣ матеріалы, какіе только можно было выбрать изъ описаній отдѣльныхъ мѣстностей касательно обычаевъ и игръ, соблюдаемыхъ при празднованіи какихъ либо особенно чтимыхъ въ году дней. Сюда же отнесены и обряды крестинные и похоронные, такъ какъ по скудости доставленныхъ о нихъ свѣдѣній послѣдніе не могли составить изъ себя особой главы. Но даже и остальные обряды, соблюдаемые въ годовые праздники, описаны съ нѣкоторою обстоятельностью лишь въ Пинежскомъ уездѣ П. А. Ивановымъ. Съ нихъ мы и начнемъ, печатая ихъ, какъ это принято нами и въ другихъ главахъ, въ томъ самомъ порядкѣ, какой нашли у автора.—

Предъ посѣвомъ. Отправляясь сѣять, крестьянинъ беретъ корзинку, кладетъ въ нее хлѣбъ и соль, молится Богу и ѣдетъ на поле съ сохою.

Нѣкоторые пекутъ небольшіе *хлѣбцы* въ видѣ известныхъ колобовъ. При посѣвѣ ихъ раскладываютъ по одному на каждый изъ четырехъ угловъ поля.

При случившихся праздникахъ *посль посѣва*, по полямъ съ колосовыми хлѣбами, носятъ хоругви и иконы, гдѣ есть приходскія церкви. Съ этими крестными хожденіями отслуживаются, по просьбамъ владѣльцевъ полей, духовенствомъ молебствія и нивы орошаются св. водою.

Время уборки хлѣбовъ и сѣна называется, вообще, *страдаю*, или *страднимъ временемъ*; убирать хлѣба и травы—*страдать*, а все время работъ *бабимъ лѣтомъ*.

Кожить жатву хлѣбовъ на поляхъ значитъ *обжаться*.

При хорошемъ урожаѣ хлѣбовъ и, даже при посредственномъ, труды свои жители Пинежскаго уѣзда отпразднываютъ кашею. Впрочемъ, каша бываетъ не у всякаго поселянина, а у болѣе зажиточныхъ и у тѣхъ, у кого недостаточно на полевныя работы семейныхъ рукъ. *Каша* бываетъ тогда, когда уборка оставшихся несжатыми хлѣбовъ на поляхъ производится *помочью*. Помочь эта составляется изъ созданныхъ *жнеей*, женщинъ. Обязанность ихъ придти съ утра на поля званыхъ хозяевъ съ своими серпами и, при пѣсняхъ, окончить въ одинъ день недоконченную жатву и связать колосья въ снопы. Обыкновенно *конецъ* жатвы всегда приходится вечеромъ. Тогда на поляхъ кричатъ всѣ въ голосъ: *Слава Богу, слава Богу, обжался* (такой-то, хозяинъ), и затѣмъ съ пѣснями и серпами отправляются въ хозяйскій домъ.

Въ домѣ этомъ, между тѣмъ, топятъ печи и пекутъ множество *шаней*. По приходѣ *кашницъ* горячихъ; сѣ *ошя* (такъ говорятъ), шаньги кладутся на огромныхъ

блюдахъ на столѣ и выставляется водка, которую, обыкновенно, подносятъ. Тутъ женщины напиваются почти такъ-же, какъ напиваются изрядно мужчины и, закусивъ шаньгами, отправляются по деревнѣ пѣть пѣсни, захватившись рука за руку. Иногда жнеямъ даются лошади, и съ пѣснями онѣ ѣздятъ по улицамъ на нихъ. Не мало времени эти пьяныя женщины бродятъ или ѣздятъ по улицамъ съ своими монотонными и неразборчивыми напѣвами, и потомъ заходятъ снова въ домъ хозяина, гдѣ для нихъ устраивается столъ. Тогда онѣ *ужинаютъ*. Главнѣе за ужиномъ каша и шаньги. На столѣ для добра иногда кладутъ снопъ колосоваго хлѣба. Послѣ ужина опять поютъ и расходятся. (Пѣсни, употребляемыя при кашахъ, собраны Арсениемъ Николаевичемъ Симановскимъ, студентомъ университета, живущимъ въ Пинежѣ, и печатаются во второмъ выпускѣ). При первой сушкѣ хлѣба въ овинахъ оставляютъ въ немъ пукъ *не выбитаю* (невыволоченнаго) въ колосьяхъ хлѣба. Это дѣлается для того, чтобы на будущій годъ былъ хорошій умолотъ.—

Кромѣ того, изъ перваго вымолота пекутъ *албцы* и кладутъ по нѣскольку на *божицы* и *въ клѣти*, гдѣ есть въ застѣвахъ хлѣбъ. Такіе хлѣбцы стряпаютъ еще въ Великій четвергъ на страстной недѣлѣ Великаго поста. Ихъ то и раскладываютъ на поляхъ при посѣвахъ.

Часто случается, что уборка сѣна у крестьянъ копчается помощью, бесплатно, за одно угощеніе; о согласіи на это оглашаются хозяиномъ свои односельцы и желающіе изъ нихъ собираются на пожни съ косами въ праздничный день.

Разумѣется, сѣнокосъ бываетъ оконченъ тогда же въ домѣ хозяина, за закуской. Окончаніе косовицы празднуется попойкой водкою, выраженной при уговорѣ помощью въ косьбѣ. Тутъ то бываетъ русское веселье: участвовавшіе напиваются до пьяна и бродятъ по улицамъ съ криками и пѣснями.

Что касается обрядовъ и обычаевъ, соблюдаемыхъ въ Пинежскомъ уѣздѣ, по словамъ г. Иванова, при родинахъ и крестинахъ, то они суть слѣдующіе:

Рожденіе людей у жителей Пинежскаго уѣзда не сопровождается особенно торжественными обрядами. Умень или глушь, счастливый или несчастливый родился человекъ, угадываютъ, смотря по времени рожденія.

Послѣ родовъ родильницу вмѣстѣ съ ребенкомъ, водятъ въ баню. Тамъ обѣихъ ихъ обмываютъ.

Восприемниками отъ купели выбираютъ болѣе изъ родственниковъ, кого либо изъ односельцевъ, преимущественно замѣтныхъ. Бываетъ, что восприемниковъ ставятъ за очно, что восприемникъ бываетъ иногда

одинъ: либо крестный, либо крестная. Восприемникъ называется кумомъ, а восприемница кумою.

Священники даютъ имена новорожденнымъ по желанію родителей, несмотря на то, что будетъ или былъ день его святаго, который нареченъ ангеломъ. Имя заявляетъ мать.

При крещеніи, на шею младенца крестнымъ отцомъ надѣвается на гайтанѣ мѣдный или серебряный крестъ. Онъ остается на немъ во всю жизнь. Потеря сего креста предзнаменуетъ большое несчаствіе.

На ручки купели съ одной стороны привязывается полотенце для утиранія рукъ совершающаго таинство крещенія, а съ другой—платокъ, который отъ крестной матери назначается въ даръ ему. При крещеніи соблюдается обрядъ постриженія т. е. остригаютъ немного волосковъ съ дитяти.

Послѣ крестинъ у родителей бываетъ крестинный столъ. Къ столу на угощеніе приглашаются родственники. Тогда крестный и крестная даютъ деньги, какъ бы початкомъ, подъ названіемъ: роженецъ въ кашу и бабѣ на зубокъ.

При именинахъ держатся слѣдующихъ обычаевъ:

Въ день своего ангела тезоименный одѣвается въ лучшее платье.

День ангела—у него свой праздникъ. Онъ ходитъ къ литургіи, если церковь не очень далеко; въ тотъ день не работаетъ. Отъ именинниковъ и именинницъ носятъ житные и крупчатые пироги къ родственникамъ, особенно, если есть въ живности, къ крестнымъ отцу и матери. Въ припасахъ того дня всего главнѣе пироги, называемые растягаями.

Именинники, находящіеся въ служеніяхъ, приносятъ своимъ хозяевамъ калачи и крендели. Хозяева отдариваютъ ихъ деньгами, початками и иными подарками.

День ангела проводится, по силѣ возможности, въ празднествѣ. Именины празднуютъ обѣдомъ и другимъ угощеніемъ. Въ гости приходятъ родные, съ кѣмъ именинникъ ведетъ знакомство и тѣ, у кого именинникъ или именинница сами бывають на именинахъ.—

Куманекъ (крестный отецъ) и кумушка (крестная мать), послѣ воспріятія младенца, дѣлають другъ другу подарки, т. е. передаривають недорогими бумажными платками. При состоятельности же, кумъ даритъ кумѣ ситцу на платье, а кума отдариваетъ шелковою матерію на жилетъ, и черезъ кумовство считается въ родствѣ съ нимъ.

До полученія отъ духовнаго отца очистительной молитвы, родильница не выходитъ изъ дому и не ѣстъ вмѣстѣ съ другими. Но работать она начинаетъ иногда по прошествіи недѣли послѣ родовъ.

Въ дополненіе къ сказанному объ обрядахъ родильныхъ въ Пинежскомъ уѣздѣ можемъ привести здѣсь небольшую замѣтку о таковыхъ же обрядахъ въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ Холмогорскаго уѣзда, занимающаго оную изъ статьи священника Таратина:

«Родильница ходитъ до послѣдняго часа, не давая домашнимъ замѣтить своихъ болѣзней, и для сего иногда скрывается въ скотскій дворъ, гдѣ и разрѣшается отъ бремени. Когда родитъ, мужъ идетъ за бабкой (до родинь бабки рѣдко приходятъ), и затопливаетъ баню. По истопкѣ бани, родильница съ бабкой и младенцемъ идетъ (въ нее) и парится отъ 4 до 6 часовъ (это паренье повторяется завтра и послѣ завтра, непременно въ трехъ баняхъ), а мужъ приглашаетъ кума и священника, и совершается святое крещеніе. Послѣ крестинь непременно бываетъ обѣдъ или ужинъ, на которомъ необходимое и главное блюдо составляетъ пшенная каша. При подачѣ на столъ каши, бабка подноситъ находящимся въ домѣ по рюмкѣ воды, за что получаетъ отъ всѣхъ деньги (отъ 1 до 10 копѣекъ); обычай этотъ называется «класть въ кашу».

Что касается обычаевъ, соблюдаемыхъ въ Пинежскомъ уѣздѣ при новосельѣ, то они вытекаютъ изъ народнаго вѣрованія въ домоваго. По такому суевѣрью, при переходѣ на житье въ новопостроенный домъ, семейные хозяева приходятъ въ старый домъ и раскланиваются во всѣ четыре угла избы, говоря: «хозяинушко—господишь,—пойдемъ въ новый домъ, на богатый дворъ, на житье бытѣ, на богатство.» Если такъ не позвать двороваго значитъ неминуемо навлечь гнѣвъ его на себя и несчастье (при мѣры см. въ статьѣ Селиверстова, Губ. В. № 45—1865.) Въ новый домъ нѣкоторые хозяева, въ видахъ гаданія, вносятъ пѣтуха и пускаютъ его по полу въ комнатахъ. Если пѣтухъ пойдетъ въ большой уголъ избы—знакъ добрый. Если же онъ устремится назадъ—худо: кто нибудь изъ семейныхъ скоро умретъ и жизнь ихъ будетъ несчастна.

Новоселье у крестьянина есть нѣсколько торжественное событіе. Входящій въ новопостроенный домъ приглашаетъ духовенство освятить его и созываетъ родныхъ и знакомыхъ. По освященіи дома, устраивается столъ, ведется угощеніе и идетъ попойка.

Идущій поздравляетъ новосельца, по обыкновенію, приноситъ въ домъ что либо хозяйственное: хлѣбъ и др. Иные, чтобы не быть безъ ничего, приносятъ даже по полѣну дровъ. Обряды, соблюдаемые при смерти и похоронахъ, таковы. Крестьяне замѣчаютъ: 1) если на кровлѣ дома, въ которомъ есть больной, сидитъ и кричитъ воронъ—это предсказываетъ больному смерть; 2) если носъ чешется по переносью—то будетъ изъ среди односельцевъ покойникъ; 3) если черезъ отворенное ок-

но залетитъ въ комнату ласточка, то въ томъ домѣ будетъ покойникъ въ томъ же году; 4) въ которомъ году случатся два покойника изъ одного дома, то въ томъ же году умретъ и третій.

При смерти умирающій составляетъ свое завѣщаніе. Подробности его идутъ въ отвѣты на программу обычнаго права. Благочестивыми дѣлами при смерти почитаются: 1, прощать вины; 2, прощать долги и 3, каяться въ своихъ винахъ и прегрѣшеніяхъ, открывая тайны. При смерти—исповѣдываются и приобщаются св. Таинъ.

Остающихся въ живыхъ своихъ родственниковъ умирающій изъ своихъ рукъ благословляетъ иконою. При предсмертномъ томленіи читается отходная.

По смерти, мать или жена покойника, ничего не дѣлаютъ изъ обычныхъ занатей. Ихъ дѣло плакать съ жалобными рыданіями. Коль скоро человекъ умеръ т. е. потерялъ признаки жизни, его обмываютъ водою и облачаютъ въ чистую одежду: рубаху, подштанники или же саванъ и чулки, сшитые изъ холста.

Облеченіе покойника шьется и одѣвается чужими людьми. Шьется впередъ иголкою, т. е. напротивъ того приѣма, съ какимъ шьется только одежда для живаго человека. Не рѣдко бываетъ, что все облеченіе заготовляется самимъ умершимъ за нѣсколько даже годовъ до времени смерти. Покуда гробъ бываетъ не сдѣланъ, покойника кладутъ на скамью противъ иконъ, у которыхъ затепливается лампадка и зажигаются свѣчи.

При положеніи этого руки у умершаго складываютъ крестъ на крестъ, правая на лѣвую; изъ пальцевъ правой руки слагаютъ изображеніе креста и кромѣ того, на грудь кладутъ икону, болѣе литые изъ мѣди створцы (собраніе изображеній всѣхъ годичныхъ или нѣкоторыхъ великихъ праздниковъ), на ротъ иногда кладется мѣдная монета.

Гробъ, въ который кладутъ покойника, называется гробомъ и домовищемъ. Онъ дѣлается непременно на улицѣ изъ досокъ, околоченныхъ желѣзными гвоздями. Крыша бываетъ такаяже. Гробы украшаютъ очень рѣдкіе.

Стружки при дѣланіи гроба не разсариваются, а складываются въ гробъ же съ прибавленіемъ вѣничнаго листа (листьевъ березы.)

Гробъ вносятъ въ комнату и кладутъ почему то болѣе на лавки, а не на столъ. Затѣмъ въ него постигается полость, какъ бы простыня, и кладется обыкновенная, или набитая березовыми листьями подушка и переносится самый покойникъ. Гробъ съ покойникомъ кладется головою къ иконамъ на востокъ.

Вскорѣ по извѣстію, собираются сосѣди, мушны и женщины. Распросивъ о послѣдней волѣ покойнаго и предсмертныхъ слѣдствіяхъ, женщины начинаютъ оп-

лавивать потерю покойнаго, т. е. въ мѣрныхъ пригѣвахъ жаловаться на несчастія, какія постигаютъ семейство съ смертію его. Жена же умершаго импровизируетъ о добродѣтеляхъ его во все горло тянущуюся прозою.

Чтобы не тосковать по умершемъ, ближніе родственники отрѣзываютъ ножницами нѣсколько прядей волосъ съ его головы и привязываютъ себѣ къ гайтану на шеѣ съ крестомъ.

Покуда покойникъ находится въ домѣ, приставляютъ къ нему читальниковъ или читальницъ. Это — грамотѣи, которыхъ приглашаютъ единственно для чтенія надъ усопшими въ домѣ до 9 дней. Ихъ иногда называютъ могильными мухами.

Въ комнату, гдѣ положенъ умершій, ложатся спать близъ него никто другой, какъ одни родственники. Но на постелю, на которой скончался покойникъ, не ложатся долго и по смерти.

Во все время пребыванія покойника въ домѣ, а также когда и понесутъ, воютъ (плачутъ) и голосятъ (причитаютъ) женщины изъ родственницъ и особо нанимающіяся плакальщицы, онѣ ужасно гнутъ какіе то пригѣвы. Въ послѣдній день нахождения покойника въ домѣ приходятъ на проводины не только родные, имѣвшіе свойство и бывшіе въ дружбѣ съ умершимъ, но и не такъ знакомые.

Въ домѣ духовенство по приглашенію отслуживаетъ панихиды. Во время ихъ всѣ бывающіе стоятъ съ зажженными восковыми свѣчами, — а по окончаніи панихиды прикладываются къ мертвому (цалуютъ его руки).

Хоронятъ умершихъ черезъ два, три и болѣе дней по смерти.

Покойника въ гробъ выносятъ изъ дому съ незакрытою крышкою.

Гробъ несутъ люди руками на веревкахъ, либо полотенцахъ, либо на палкахъ, или же везутъ на дровникахъ (саняхъ), хотя бы время похоронъ было лѣтомъ; послѣднее случается у кого мало родни и въ бѣдности живутъ.

При выносѣ тѣла, за гробомъ бываетъ всегда большое или малое шествіе родныхъ и постороннихъ безъ шапокъ; встрѣчающія ихъ тоже снимаютъ шапки и крестятся. По отпѣвѣ въ церкви съ наложеніемъ вѣнчика и съ пѣніемъ: вѣчная память, — крышка прикладывается къ гробу и гробъ съ покойникомъ уносится или увозится на кладбище. На кладбище ходятъ не всѣ, кто бываетъ при выносѣ: одни уходятъ обратно, а другіе уходятъ въ домъ, гдѣ бываютъ похороны.

Духовенство не всегда напутствуетъ гробъ въ священномъ облаченіи. Оно прибываетъ потомъ.

На кладбищѣ бываетъ послѣднее прощанье и затѣмъ гробъ опускаютъ въ могилу, которую зарываютъ.

Могилы устраиваютъ родные умершаго, или за плату особые могилкопы. Всякій, кто бы не былъ при погребеніи умершаго, долженъ бросить на гробъ въ могилѣ отъ себя хоть горсть или кусокъ земли. А чтобы не тосковать по покойномъ, родственники берутъ съ могилы немного земли и кладутъ ее себѣ въ карманъ.

Палки, на которыхъ былънесенъ гробъ покойника до кладбища, по зарытіи его въ землю, втыкаются къ ногамъ во гробъ преставившагося.

На кладбище и отъ него не всѣ ходятъ пѣшіе, а ѣздятъ на лошадяхъ. Ихъ поставляютъ домашніе умершаго.

Расходы на погребеніе падаютъ или только на семейныхъ, или и другихъ неодномныхъ, но усердныхъ родственниковъ.

Послѣ похоронъ, въ той комнатѣ, гдѣ лежалъ покойникъ во гробѣ, накрывается большой столъ, за который усаживаются всѣ проводники, по предварительномъ совершеніи священникомъ съ причетниками молитвословія. Въ похороны ѣдятъ сколько влѣзетъ и пьютъ водку до совершеннаго опьяненія.

Главнѣе похоронный столъ составляютъ: хлѣбъ, соль, вода, щи, каша и блины; но бываетъ и другая пища и другіе напитки.

При похоронахъ подаютъ всѣмъ просящимъ деньги и хлѣбъ: печеный, измолотый и зерновой.

Послѣ смерти большака семьянина семейные соблюдаютъ трауръ до года. Кромѣ того: 1) если умеръ отецъ, сынъ не можетъ жениться, а дочь выдти замужъ до истеченія одного года по смерти главы; 2) когда умретъ мужъ, овдовѣвшая жена не заплетаетъ волосъ въ косу шесть недѣль и не можетъ выдти за другаго въ замужество до истеченія года; 3) если умерла жена, овдовѣвшій мужъ не ходитъ въ баню шесть недѣль и не можетъ жениться на другой ранѣ минутія цѣлаго года по смерти первой жены.

Умершихъ, для отрады душъ ихъ, поминуютъ часто. Особенныя поминовенія объ усопшихъ рабахъ Божиихъ совершаются въ 3-й, 6-й и 9-й и наконецъ очистительный 40-й дни по смерти.

Въ дни поминовеній служатъ похоронные молебны, отправляютъ панихиды на могилахъ съ окуреніемъ оныхъ, прочитываютъ поминники; подаютъ особенно нишей братіи денежные и хлѣбныя подаванія и даютъ себѣ льготу отъ работъ.

Кромѣ означенныхъ дней, поминки бываютъ: чрезъ годъ послѣ смерти умершаго, въ день ангела покойнаго и въ родительскія субботы. — *Родительскими суббота*ми называются субботніи дни передъ заговѣнями,

а также субботы: Дмитриевская (приходящаяся между 16—24 числами октября) и Троицкая (предъ праздни-комъ св. Троицы).

Сверхъ священнаго поминовенія, поминаютъ усопшихъ блинами, оладышами (оладьями), шаньгами салыными, саламатомъ и кутьею. Кутьею ѣдятъ по благосло-веніи священника.

Г. Вальневъ говоритъ (Губ. Вѣд. № 25 за 1865 г.), что и славяне поминали умершихъ блинами, и вообра-жали, что покойные въ это время встаютъ изъ гро-бовъ и виѣстъ съ живыми ѣдятъ блины.

Жители вѣрятъ въ фантастическіе призраки, призна-вая ихъ за дѣйствительныя и страшныя явленія.

Говорятъ, что привидѣнія являютъ въ самую пол-ночь.

Утопленниковъ, самоубійцъ и вообще погибшихъ отъ своихъ рукъ т. е. умершихъ неестественною смертію, не отпѣтыхъ, не хоронятъ на общихъ кладбищахъ.

Народъ вѣритъ, что такіе умершіе являютъ жи-выми и бродятъ по ночамъ, потому что требуютъ ис-полненія христіанскаго долга.—Идя мимо кладбищъ въ ночное время, всякій творитъ молитву и крестится.

Я знаю коротко одного почтеннаго старичка, кото-рый былъ поднять на дорогѣ и лежалъ больнымъ очень долго. Онъ разназывалъ вотъ что. Зимомъ въ какой то день, по случаю, онъ долго пробылъ въ г. Пинегѣ и оттуда отправился въ свой домъ, версты за полторы, уже ночью. Ночь была несвѣтла и идти нужно было какъ разъ мимо городскаго кладбища. Шелъ онъ все какъ слѣдуетъ по подгорью (по льду рѣки около гори-стаго берега), и немного объ чемъ то и призадумался. Но, поровнявшись съ кладбищемъ, осѣнилъ себя крест-нымъ знаменіемъ и продолжалъ путь. Отошелъ онъ не далеко, оглянулся и видитъ, что на угоръ вышелъ ка-кой-то мертвецъ весь въ бѣломъ. Старикъ оробѣлъ, но не останавливался. Посмотрѣлъ онъ еще разъ назадъ и увидѣлъ, что мертвецъ спустился съ горы и идетъ по-зади его не очень подалеку; старикъ пустился бѣжать, а мертвецъ въ бѣломъ саванѣ за нимъ... Наконецъ, старикъ въ изнеможеніи и безъ чувствъ упалъ на дорогу, гдѣ и былъ поднять сыновьями, которые начали без-покоиться о долгомъ отсутствіи отца. Да и не переслу-шаешь всѣхъ розказней объ этомъ.

Жители исповѣдуютъ о безсмертіи души и имѣютъ хотя не совсѣмъ ясное понятіе о будущей жизни; но вѣрують и въ то, что мертвые въ домахъ и въ моги-лахъ слышатъ относящіеся до нихъ слова. По этому то бывають припѣвы и причеты; по этому же въ поминки ходятъ къ могиламъ и плачутъ у нихъ; потому же нѣ-весты ѣдятъ на могилахъ родителей и просятъ ихъ бла-гословенія на выходъ въ замужство». —

Свѣдѣнія о похоронныхъ обрядахъ въ другихъ мѣст-ностяхъ Архангельской губерніи въ остальныхъ мате-ріалахъ, доставленныхъ П. С. Ефименкомъ,, имѣются самыя скудныя. Мы отыскали въ нихъ лишь три крат-кія замѣтки, относящіяся къ этому предмету.

Вотъ одна изъ нихъ, касающаяся Тулгасскаго прихо-да Шенкурскаго уѣзда:

«При погребеніи всякаго лица особеннаго ничего не дѣлается Тулгасскими крестьянами и крестьянками, ис-ключая одного суевѣрнаго обряда, именно: когда погре-бають кого либо изъ членовъ семейства, то какая либо изъ близкихъ знакомыхъ, лишившихся любимаго серд-цу чловѣка, старушка, а иногда и пожилая женщина, беретъ съ могилы горсть земли и кладетъ на шею за рубашку.—Это означаетъ то, чтобы лишившаяся лю-бимаго своему сердцу женщина не скучала о немъ и не боялась его».....

Другая, болѣе подробная, относится къ Хаврогорско-му приходу Холмогорскаго уѣзда:

«При похоронахъ употребляются причитанія, каковыя до того пронзительны и оглушительны и не вытны, что изъ слышаннаго нельзя усвоить ни одного слова; исполняются оныя нанятою для того *плачею*, при чемъ родные во весь голосъ, съ криками: «Охъ!» и «Ахти мнѣ!», поднимаютъ плачь, падая на полъ и во всю силу хлопая руками. Еще сильнѣе раздается плачь, когда *процессія съ умершимъ слѣдуетъ* мимо какой либо *деревни*. Приближаясь къ ней, плачешъ позади гро-ба напѣваетъ свои причеты, а родные, крича во весь голосъ и ударяя руками въ гробъ, иногда и съ при-творно намѣренными слезами, проходятъ мимо деревни, выражая симъ дѣйствіемъ, что очень скорбятъ о не-возвратной потерѣ, и если не выполнить этого,—то почтется отъ людей осужденіемъ и порицаніемъ род-ныхъ умершаго, что они не сожалѣютъ и не хотятъ поплакать. Причитанія прилагаются ко всѣмъ вещамъ и предметамъ, особенно любимымъ оплакиваемымъ, какъ при свадьбахъ, такъ и при похоронахъ, неисчислимо. При провозженіи на кладбище, въ селахъ священникъ не всегда провожаетъ умершаго до могилы и въ это время, какъ окончательное на семь свѣтъ для умерша-го, такъ и послѣднее для лицедрѣнія родныхъ, бываетъ причитаніе дорогою, а въ другомъ обращеніи къ свя-щеннику, которое начинается такъ: «Вы отцы попы духовны, вы причетники церковны, попойте, почитайте, поболѣе и подолѣе, дайте мнѣ насмотрѣться, нагля-дѣться на моего на желаннаго, на сердечнаго, въ оста-ночны послѣдніи дни, съ той, съ той пути дорожки, нѣтъ яи вѣсточки, ни грамотки, нѣтъ словесно челобитья; осталась я какъ кокуша горе горька, ахти мнѣ-ченно, тошнехонько.» Умершіе въ деревняхъ рѣдко бывають

носимы на рукахъ до могилы, а всегда лѣтомъ и зимою сопровождаются на лошади, заложеной въ дровни, чему служатъ причиною путевыя неудобства и незаботливость самихъ крестьянъ о исправленіи проселочныхъ дорогъ, особенно въ Хаврогорскомъ приходѣ по его мѣстоположенію. По преданіи умершаго землѣ, на могилѣ—тѣже причитанія съ крикомъ и ревомъ, но оныя выполняются только однѣми женщинами, и преимущественно пожилыми, а мужчины остаются хладнокровны и въ своей скорби умѣренны. По возвращеніи въ свой домъ, сопровождавшимъ умершаго бываетъ поминальный обѣдъ, а также и для нищихъ подаваніе печенымъ хлѣбомъ и малою частію зерноваго; но отличительною чертою на сихъ обѣдахъ служить то, что на оныхъ нѣтъ мѣста довольному угощенію водкою, и въ слѣдствіе этого шуму и разгулу; но впрочемъ не какъ съ упрекомъ, а въ родѣ шутокъ иногда за столомъ и высказывается къмъ либо при принятіи чарки: «помянуть покойника, любилъ выпить чарку.» При чемъ вторятся другими, въ подтвержденіе сказанныхъ словъ: «да, любилъ, и со мною бывало!»..... Но всѣ эти воспоминанія происходятъ тихо, и столъ заканчивается молитвою о умершемъ, а оставшимся въ семействѣ пожеланіемъ добраго здоровья и терпѣливаго перенесенія постигшаго ихъ горя. По выходѣ изъ дома сосѣдей и бывшихъ на поминкахъ, въ тотъ часъ же готовится баня, въ которой моются семейные дома, въ которомъ былъ умершій, и оканчиваются водою, въ которую всыпается земля, принесенная съ могилы умершаго, въ знакъ того, чтобъ много не скорбѣть и смыть съ себя тоску—печаль; таковое дѣйствіе не остается безъ нашептыванія знахарокъ—старухъ, и называется «*унять тоску*,» и принадлежитъ къ ремеслу повивальныхъ бабокъ.»

Третья замѣтка относится къ Курейско-Сергіевскому приходу Холмогорскаго же уѣзда и гласитъ слѣдующее:

«Умершаго поверхъ рубахи одѣваютъ въ длинный до пятъ портянный халатъ, а женщину въ таковой же сарафанъ и портянные калашки, кладутъ на лавку, закрываютъ портяннымъ покровомъ и читаютъ псалтырь. Предъ выносомъ въ церковь умершаго кладутъ въ гробъ, всегда не крашенный, и несутъ, а иногда и везутъ на саняхъ. Во время цѣлованія, по каждомъ умершемъ чинятъ женщины, иногда совершенно чужія, причитанія безъ слезъ,—громкія, раздрающія сердце и слухъ присутствующихъ. При зарытіи могилы дѣти берутъ земли, чтобы не тосковать по умершемъ родителѣ. На поминальный обѣдъ идутъ всѣ—знаемые и незнаемые, и всѣмъ дается по новой деревянной ложкѣ, на память объ умершемъ.» —

Возвращаемся по общему описанію всякаго рода обрядовъ и обычаевъ существующихъ въ Пинежскомъ

уѣздѣ и описанныхъ П. А. Ивановымъ.—Свѣдѣнія, сообщаемыя имъ по этому поводу, отличаются однакожъ нѣкоторою отрывочностью. Держась правила: не измѣнять ни содержанія, ни порядка изложенія въ матеріалахъ, нами издаваемыхъ, мы и на сей разъ посылаемъ за самою рукописью г. Иванова.

Прежде всего онъ касается годовыхъ празднествъ и къ нимъ приуроченныхъ обычаевъ. По его словамъ, жители сами говорятъ, что празднества, обряды, обычаи и игры, соблюдаемые ими, суть: досельныя, старинныя, коренныя, заведенныя. Слова эти приняты для того, что они показываютъ большую отдаленность времени введенія тѣхъ обрядовъ. Если народъ говорить, что это старинное, значитъ оно очень древнее, стародавнее, потому что у него мало что измѣняется.

Святки. Святочнымъ временемъ называется время отъ 26 декабря на второй день Р. Х. по 5 Января (канунъ крещенія).

Въ святки переряживаются. Этотъ обычай состоитъ въ томъ, что дѣлаются шуликонами, т. е. мужчины мѣняются одеждою своею съ женщинами, а женщины съ мужчинами, кромѣ того маскируются иные: надѣваютъ звѣринныя шкуры, лице свое мараютъ сажею, представляютъ живыя чучелы: быковъ, коровъ, лошадей и т. п.

Вообще шуликонство грубо, невѣжественно, исполняется кое-какъ безъ всякаго значенія. Масокъ не носятъ изъ боязни дьявола, такъ какъ надѣтъ маску—значитъ одѣтъ лице черта.

Въ святки занимаются гаданіемъ.

6 Января. Праздникъ Богоявленія Господня въ народѣ именуется просто *Крещеньемъ*.

Канунъ дня Богоявленія Господня называется сочельникомъ. 5 Января многіе не вкушаютъ ни хлѣба, ни соли до вечерней звѣзды. Въ сочельникъ священники ходятъ по домамъ съ крестомъ и съ освященною водою. Кромѣ того, народъ вечеромъ этого дня ходитъ въ церкви къ вечернѣ съ тусками для взятія воды, которую почитаютъ цѣлебною въ болѣзняхъ.

Жители вѣрують, что въ полночь накануне Крещенія Господня, ангелъ сходитъ съ неба и освящаетъ воду въ рѣкахъ.

Въ Богоявленіе Господа, какъ и вездѣ у православныхъ, исполняется тоже торжественная религіозная церемонія: бываетъ крестный ходъ къ Иордану, у котораго совершается Богослуженіе съ погруженіемъ въ воду Распятія Христова.

Послѣ молебствія, всѣ находившіеся у Иордана обмываютъ свои лица св. водою. Которые же ходили въ святки *шуликонами*, тѣ раздѣваются до нага и купаются въ прорубяхъ (майнахъ), на мѣстѣ Иордана, не смотря ни на какую суровую погоду, дабы освященною водою смыть съ себя личину бѣса.

Въ крещенье всѣхъ лошадей хозяева водятъ на рѣки чтобы напоить св. водою.

На масляницѣ, катаясь на горахъ, поютъ пѣсни.

Последнія недѣли межговѣнья послѣ Филиппова поста: *сплошная* (мясопустная) и *пестрая*. называются въ народѣ еще мясною и масляною, а послѣдняя еще называется безпорточною (если можно такъ сказать).

Погулять о масляницѣ, особенно въ послѣдніе дни, или другими словами проводить масляницу почитается необходимостію. Даже есть поговорка: «послѣднюю юбочку заложить, а маслену проводить»..

Масляница и въ городѣ, и въ деревняхъ, сопровождается наибольшимъ разгуломъ. Она проводится въ празднествахъ своеобразно, весело и какъ то дружелюбно въ обществѣ, чего не замѣчается въ другое время гуляній.

Разумѣется, пиры тянутся съ утра до вечера и позже, а главное угощеніе—вино, котораго заготавливается довольно, и за нимъ пиво.

Хлѣбъ и соль—символь гостепріимства, а вино—елей радости. Впрочемъ пиво и вино—суть главные праздничныя развлечения низшаго класса, повсюду на русской землѣ, да и русскій народъ издавна славится любовью къ попойкамъ, у него самого даже есть пословицы: «Русакъ—дуракъ пьетъ съ горя и съ радости;—что Русскому здоровье, то нѣмцу смерть;—молодецъ тотъ, кто идетъ не торопится, и пьетъ не морщится;—для праздника Христова выпить рюмочку простаго;—рюмочку вина да стаканчикъ пивца—куда хорошо;—выпить въ честь—рюмочекъ пять, шесть;—перва рюмочка то коломъ, а вторая соломомъ».

Вообще хозяинъ, у котораго идетъ пиршество, заботливо старается какъ можно лучше угостить гостей, т. е. накормить до сыта и напоить до пьяна, до упаду.

Пища о масляницѣ бываетъ праздничная.

Въ праздники, общій столъ составляется изъ нѣсколькихъ столовъ, придвинутыхъ одинъ къ другому. Накрытыя бѣлыя скатерти аккуратно раскладываются: разрушенный ломтями ржаной и житный хлѣбъ, ножи, ложки, всякаго рода шаньги, булки и пироги. Все это закрывается утиральниками (полотенцами), подаваемыми вмѣсто салфетокъ, пона не подадутъ кушаній на столъ на столько персонъ, сколько предполагается откормить особъ.

Всякій приготовляющійся къ транезѣ, т. е. передъ ѣдою омываетъ руки водою, вытираетъ ихъ ручникомъ (полотенцемъ), молится Богу и садится за столъ.

За столомъ, рабы обычаевъ—мужчины и женщины, посаживаются чинно; ну хоть первоначально то. Во время обѣда за столомъ соблюдается мѣстничество. Большой уголъ—высокое мѣсто за столомъ принадлежитъ

духовному отцу—священнику, возлѣ него усаживаютъ прятъ, а за тѣмъ (по правой рукѣ) садится старшій домохозяинъ или отецъ семейства; хозяинъ обряжается и подаетъ на столъ ѣду (пищу). Блиней, сподрядъ съ хозяиномъ, сидятъ мужики по старшинству родни, свойства и дружбы. По лѣвой сторонѣ сидятъ женщины, смотря тоже по близости родственной связи и дружбы.—Всѣ они кушаютъ за однимъ столомъ, и если кушающихъ не очень много—то они ѣдятъ изъ одного сосуда.—

Столъ праздничный состоитъ не иѣнее 10—15 перемѣнъ кушаньевъ. Сперва подаютъ горячія жидкія кушанья, потомъ жаренныя и печеныя и наконецъ въ прикуску—холодныя.

Кто пришелъ во время стола, говоритъ: «хлѣбъ да соль,» а ему отвѣчаютъ: «милости просимъ съ нами хлѣба ись,» или: «просимъ покорно съ нами отобѣдать.»

Столъ ведется необыкновенно долго. И до стола и во время стола, и послѣ обѣда (говорятъ при подчиваніи—выть позолотить) идетъ постоянная попойка. Подчиваніе бываетъ на подносахъ вдругъ: и пивомъ въ стаканахъ, и водкою въ рюмкахъ.

Послѣ обѣда всѣ кушавшіе встаютъ вдругъ со скамей и молятся Богу, а потомъ благодарятъ хозяевъ и хозяекъ: «спасибо за хлѣбъ за соль.»

Есть еще прибаутка: «благодаримъ за хлѣбъ за соль, за щи спляшемъ, за кашу пѣсенку споемъ, а за кисло молоко выскочимъ высоко.»

Но и послѣ обѣда столъ не убирается почти всегда во весь день.

Чай для гостей въ употребленіи у поселянъ только у нѣкоторыхъ близгородныхъ: въ отдаленныхъ же отъ города всякъхъ и деревняхъ его не употребляется жителями, съ исключеніями нѣкоторыхъ привыкшихъ къ чаепитію, какъ къ необходимой потребности въ домохозяйствѣ.

Чай пьютъ до обѣда; вечеромъ же рѣдко.

О кофеѣ въ деревняхъ болѣе говорятъ съ отѣнкомъ отвращенія, относя потребление его къ необузданной роскоши комфортабельныхъ людей. Въ масляницу, сверхъ обыкновеннаго праздничнаго приготовленія для стола, варятъ пиво, пекутъ блины, сочни, шаньги, готовятъ кисели.

О масляницѣ ѣздятъ для гостѣбы по окольнымъ, не только ближнимъ, но и дальнимъ деревнямъ.

Въ каждой извѣстной деревнѣ празднество ведется одинъ день. Такъ напримѣръ: въ мясное заговѣнье (въ воскресенье мясопустной недѣли) гостятъ изъ окрестныхъ деревень и г. Пинеги въ Цимоочкѣ;—въ понедѣльникъ—на Холму и Заборѣ; во вторникъ—въ Кулогарахъ; въ среду въ Валдускурѣ; въ четвергъ въ Вонгѣ; въ пятницу въ Воснагѣ; въ субботу въ За-

Пасхальная недѣля называется *светлою недѣлею*.

Къ Пасхѣ варить и красить куриныя яйца, дѣлають сыры и стрѣпають *куличи*.

У немногихъ есть придурь: въ Христовъ день, при первомъ ударѣ въ колоколъ къ утрени и къ обѣднѣ стрѣляютъ изъ ружей съ колокольни, или съ чердаковъ и изъ оконъ домовъ. Въ утрени *Свѣтлаго Христова Воскресенія*, нѣкоторые носятъ съ собою въ церковь крашенныя яйца.

Когда священникъ выходитъ съ крестомъ на амвонъ, тогда всѣ *христосуются*, а равно при встрѣчѣ, и при посѣщеніи. При этомъ отдаривають другъ друга яйцами. Есть пословица: *дорого яичко въ Христовъ день*.

Въ Пасху священники ходятъ по домамъ и съ священной водою.

Во всю недѣлю Пасхи малые и большіе парни и даже женатые мушны, бьются на улицахъ яйцами. Какъ во всю недѣлю Пасхи бывають цѣлодневные звоны на церковныхъ колокольняхъ, то у мушнъ и женщинъ, холостыхъ и женатыхъ, замушнъ и дѣвушекъ, есть обычай ходить послѣ перваго дня на церковныя колокольни толпами.

Остающіеся отъ Паски несѣданными шаньги, пироги, калачи и проч. съѣстные изъ хлѣба, высушиваються и хранятся до Пасхи въ другой годъ. Тогда пасху (сухари) сѣдаютъ наголодно.

Въ пасхальную недѣлю качаются на качеляхъ.

Вторая пасхальная недѣля у туземцевъ называется *Оминою* и *Радоницею*.

По вечеру субботы Свѣтлой недѣли, по верховью Пинегъ, ребята бѣгаютъ безпорядочно и съ крикомъ по улицамъ, держа въ рукѣ каждый палку, съ привязанными колокольцами. Дѣлать это значитъ встрѣчать *Ому*.

Въ *Омино* воскресенье, по верховью Пинегъ, крестьяне ѣздятъ на лошадахъ, запряженныхъ въ сани съ дугами и навѣшенными къ нимъ во множествѣ колокольчиками, бубенчиками и шаркунами.

Есть еще старинная прибаутка: *я спѣю не такой, какъ Ома за рѣкой; блины пекъ и безъ ужина спать легъ*.

Лѣтнія гулянья, начинающіяся съ Пасхи, называются здѣсь: *игрищами* и *сборищами*.

Игрища бывають по одному дню въ каждой деревнѣ, по заведенному каждый годъ порядку.

Но въ нѣкоторыхъ, большихъ селеніяхъ гулянья продолжаются нѣсколько дней: одинъ день въ томъ окологдѣ, другой—въ другомъ—и т. д. Такъ наприимѣръ: въ Кулегорскомъ селеніи проводится играми въ разныхъ околосдахъ вся Свѣтлая недѣля; въ Воспалѣ и на Сѣрой горѣ Николинъ день; въ Вознесеневѣ

день—въ Запольѣ, Заврагѣ, въ Крестной горѣ и на Великому дворѣ; въ Троицынъ день—въ Усть Воспалѣ; въ мясное заговѣнье въ Цимогѣ; въ чистое заговѣнье—въ Пинегѣ; въ Ивановъ день въ Вешкомѣ; въ Петровъ день—въ Кулогорахъ и Юровѣ; въ горній праздникъ—на Молатинѣ; въ Прокопьевъ день въ Воисѣ; въ Ильинъ день—въ Воспалѣ, Великому дворѣ, Запольѣ, Заврагѣ и на Крестной горѣ и проч.; въ Богословъ день—на Гбачѣ; въ Покровъ въ Соселѣ.

Годичный кругооборотъ времени составляетъ здѣсь какъ бы три промежутка гуляній: лѣтніе праздники съ Пасхи до страды, масленица и празднества Рождественскія.—О масленицѣ и частію о послѣднихъ празднествахъ мы уже сказали; о гуляньяхъ же лѣтнихъ будетъ сказано подробнѣе подъ рубрикою «богомолье».

23 Апрѣля. Егорьевъ день. Въ день св. Великому ченника Георгія совершаются крестные ходы. Хоругви и иконы носятъ вокругъ деревень, полей и пашень.

Тоже бываетъ и въ *Преположеніи* по Пасхѣ.

Троицынъ день. У нѣкоторыхъ въ деревняхъ, а въ городѣ почти у всѣхъ, есть обыкновеніе въ день праздника св. Троицы обсаживать дома стволами срубленныхъ березокъ. Онѣ стоятъ тутъ и Духовъ день и долѣе... Кроме того, березки получаютъ жителями въ церквахъ освященныя и кладутся въ домахъ за иконы, какъ вербы.

23-ю Іюня. День этотъ отмѣчается *Агриппиною купальницею*.

Въ этотъ день, нарочно, многіе вытапливають бани. Вымывшись и выпарившись въ нихъ вѣнниками, идутъ къ рѣкѣ и мокрые вѣнники бросаютъ въ воду. Замѣчаютъ при этомъ: если вѣникъ всплыветъ, то тотъ, кто бросилъ его настоящей годъ проживетъ здорово, а ежели вѣникъ утонетъ—то умереть. (58 примѣта Силвер. № 44—1865 г. Губ. Вѣд.) Но случается, что если бани расположены около озеръ, то, оставляя въ сторонѣ стыдливость, всѣ моющіеся выходятъ нагіе и вѣнники бросаютъ въ озеро, подобно тому какъ въ рѣки.

24 Іюня. Ивановъ день или Ивана-Купала, такъ называется день празднованія Рождества Св. Іоанна Пророка, Предтечи и Крестителя Господня.

Въ ночь на сей день собирають цвѣты и травы.

Г. Вальневъ говоритъ, что собираніе травъ на Ивановъ день есть воспоминаніе языческаго празнника богу Купалѣ, въ который славяне-язычники собирали травы, купались, зажигали костры и прыгали черезъ нихъ (Губ. Вѣдом. № 25—1865 г.). Намъ извѣстно, что у Славянъ Купала былъ богъ—плодородія, а Ладо богъ—жизни и всякаго благополучія. Славяне дѣлали Купалѣ кумиры и имъ поклонялись.

Говорятъ, что кто въ ночь на 24 Іюня дождется того, какъ станетъ раздвѣтывать папортникъ, тотъ получитъ огромнѣйшее счастье.

Также раздвѣтаетъ на одну минуту въ Ивановскую ночь растеніе *разрыль*. Кто успеетъ его сорвать въ *полномъ цѣлту*, то ему не будетъ преградъ; когда онъ спрячетъ разрыль въ разрѣзанную ладонь: *домего лишь только дотронется, то и полетитъ прочь*.

Въ Ивановъ день ходятъ на воду кресты; этотъ день считается постнымъ, хотя бы праздникъ пришелся не въ понедѣльникъ, среду или пятницу. Въ народѣ есть пословица: *Иванъ постный укралъ овенъ молочный*.

Въ Ивановъ и Ильинъ дни, по укоренившемуся обычаю, многіе ничего не работаютъ, и хотя нѣтъ престольнаго праздника—празднуютъ по обыкновенію.

Въ Ивановъ день особенно купаются въ рѣкахъ и купаютъ лошадей.

Петрово заговѣнье. Въ послѣднюю молочную субботу Петрова заговѣнья, т. е. въ предпоследній день межговѣнья, къ Петрову посту, по заходѣ (закатъ) солнца, въ ночь на Воскресенье, по обычаю издревле, въ деревняхъ почти всѣ жители варятъ и ѣдятъ во множествѣ куринныя яйца 29 Іюня. Въ Петровъ день духовенство получаетъ отъ прихожанъ ругу. Петровская руга состоитъ изъ масла и смѣтаны.

Богомолье.—Это есть особый отъ храмовыхъ праздниковъ праздникъ въ городѣ Пинегѣ. Такіе же праздники бывають и въ деревняхъ, но тамъ они не называются *богомольями*, а *гуляньями*, *ирищами*, *сборищами*, *кругами* и *праздниками*.

Въ г. Пинегѣ богомолье бываетъ въ первое воскресенье *Петрова поста*. Въ тотъ день бываетъ торжественное хожденіе съ хоругвями и иконами.

Праздники эти празднуются, какъ мы еще ранѣе замѣтили, по установленному издавна порядку въ околныхъ мѣстностяхъ. Въ другихъ деревняхъ они приведены въ дни ихъ храмовыхъ праздниковъ.

На праздники эти съѣзжаются пароватъ мужики, бабы и дѣвки изъ очень дальнихъ деревень. Такъ напр. въ городъ пріѣзжаютъ на гулянье и въ гости изъ Кулоя (за 55 в.) изъ Немнѣги (за 70 в.) Такая отдаленность здѣсь не составляетъ для туземцевъ большаго затрудненія.

Праздники эти отличаются трехдневною гулянкою. Тогда, сверхъ обыкновеннаго угощенія, гостей кормятъ: завтраками, обѣдами, паужинами и ужинами.

Вообще же въ лѣтніе праздники народъ, особенно молодежь, высыпаетъ на улицу толпами.

Въ богомолья, или просто въ лѣтніе праздники, дѣвушки (съ 16 лѣтъ) *водятъ круги*, т. е. *хороводы* (по туземному *каравалы*), и играютъ въ другія игры.

Вообще увеселенія начинаются послѣ молитво-приниженія. Такъ: кругъ водится послѣ полудня перваго праздника. Въ остальное время трехдневнаго праздника, дѣвушки съ мужчинами играютъ въ пары и столбами; въ первый день съ 8 час. вечера и до 4 утра, а въ другіе дни какъ отъ обѣда до паужны, такъ и съ вечера до утра.

Кругъ. Мѣсто, гдѣ играютъ на улицахъ лѣтомъ и водятъ круги, пережѣняется съ каждымъ праздникомъ, хотя бы деревня съ деревнею находилась бокъ о бокъ.

Въ теплую погоду собираются болѣе на холмахъ или на ровныхъ лугахъ, а въ дождливую собираются въ гумны. Обычай водить дѣвушками кругъ есть ни что иное, какъ выставка живыхъ вещей изъ сельскихъ произведеній на показъ публикѣ.

Кругъ водится шириною на самое незначительное пространство, потому что огромное стеченіе зрителей мало по малу стѣсняетъ и заполняетъ дѣвушекъ вокругъ въ неширокое мѣсто, такъ что едва только можно поварачиваться ходящимъ. Только энергическая баба или пьяный мужикъ иногда пособляютъ давать свободу кругу.

Во главѣ, вождемъ круга стоитъ дѣвушка, извѣстная своею непорочною и богатствомъ родителей. Но и на это право установлены свои дѣвичьи правила; наприм: когда богомолье бываетъ въ городѣ, тутъ передовою дѣвушкою бываетъ не изъ городскихскихъ, а изъ какой нибудь деревни (напр. изъ Вонги), по преимуществу; горожанка же бываетъ первою въ деревнѣ (напр. въ Цимолѣ) и т. п.

Разставиваніе въ кругу дѣвушекъ, по степенямъ ихъ значенія и репутаціи, зависитъ отъ самихъ круговодницъ потому, что всякая знаетъ свою степень знатности, степень преимуществъ другихъ передъ нею и славу про себя.—За вождемъ конечно слѣдуютъ и войска. Такъ и тутъ весь женскій полкъ выступаетъ одна за другою скромно и безмолвно, безъ пѣсенъ, на извѣстномъ разстояніи вокругъ, т. е. взадъ и впередъ. Извѣстно уже положеніе женщинъ среди народа, и потому нѣтъ надобности распространяться о томъ, что для видимой скромности губы бывають сжаты, глаза безъ движенія, члены неповоротливые, станъ недвижимъ, по ступь—льстиво рабская.... По приближеніи времени къ паужны круговодницы уходятъ въ дома, а съ уходомъ ихъ удаляется и любопытный народъ, остаются только нѣкоторые мужики и парни. Съ окончаніемъ круга—мущины борются, а у замужнихъ бабъ заводится трактация о дѣвушкахъ; тутъ то и сплетни. Пошлыя сплетни, какъ и вездѣ, отъ нечего въ деревняхъ дѣлать—суть главная забава народа при встрѣчѣ и въ бесѣдѣ.

Извѣстно уже, что въ томъ обществѣ, гдѣ каждый знаетъ всѣ подробности жизни другаго, самыя незначительныя по видимому слова получаютъ большое значеніе.

Борьба. Мужчины остаются послѣ круга для борьбы.

Забава у крестьянскихъ геркулесовъ состоитъ въ борьбѣ—*съ носка*.—

Борьба есть проба силы: два человѣка схватываются одними руками другъ за дружку, а другими за шворотъ (за воротники верхней одежды), заносятъ назадъ ноги, барахтаются и расходятся. Но, почти всегда, тутъ же бывають и кулачные бои, оканчивающіеся тѣмъ, что у кого нибудь бываетъ *разбитъ съ кровью носъ*. у другаго подѣланы *подлазницы* или *подлазные фонари*. у третьяго разорвана хорошая бекешка, рубашка, выдраны волосы, нанесены увѣчья и т. п. послѣдствія.

Игра столбами. Игра эта проста и походить на игру въ *юрьлки*.

Становится въ обширный обозначенный кругъ человѣкъ двадцать парней и дѣвушекъ, которые расходятся по парамъ, одна отъ другой въ нѣкоторомъ разстояніи. Потомъ изъ каждой пары по очереди, выбѣгаетъ одинъ человѣкъ въ сторону по солнцу, приставая къ другой парѣ т. е. къ другому столбу, такъ чтобы безъ пропуска стать на свое мѣсто. Между тѣмъ, въ кругу бѣгаетъ парельщикъ, стараясь стать ранѣе кого нибудь на праздное мѣсто, т. е. къ тому столбу, который представляетъ одинъ только человѣкъ, за уходомъ другаго къ слѣдующему столбу и по невякѣ новаго изъ предъидущаго столба. Если онъ успѣетъ занять чужое мѣсто, то и останется на немъ игрокомъ; неуспѣвшій же завладѣть тѣмъ мѣстомъ отправляется исполнять обязанность парельщика. При этой игрѣ поются пѣсни.

Игра въ пары. Состоитъ изъ очень простаго обыкновенія.

Дѣвица беретъ молодаго парня и становится на ряду съ нимъ, на удобномъ мѣстѣ, захватившись за его руку или за выкинутый имъ собственно для того платокъ; беретъ также и другая дѣвушка, другаго парня, третья, четвертая и т. д. и всѣ становятся въ парную ширинку.

Между тѣмъ, одинъ мужчина съ названіемъ *парельщика*, становится поодаль глазами противъ нихъ, иногда съ свитымъ платкомъ.

Устроившись такимъ образомъ, первая пара изъ строя, т. е. первая молодежь и дѣвушки выходятъ, и разцѣпившись, разбѣгаются по разнымъ направленіямъ. Тогда то стараются быть по прежнему парю, но лишній мужчина въ ту же пору препятствуютъ этому, бѣгая и стараясь поймать дѣвушку.

Если дѣвушку рабилъ (поймалъ, догналъ, дотронулся) тотъ мужчина, который стоялъ съ ней парю

ранѣе,—то они снова становятся въ строй, только не напередъ прочихъ уже, а назади ихъ.

Если же урабитъ дѣвушку парень-парельщикъ, то уже тотъ и становится съ нею парю, а обзѣвавшійся идетъ париться.

Затѣмъ, съ такимъ же обыновеніемъ выходитъ другая пара по порядку, третья и проч., пока не прекратится игра, т. е. не перестанутъ играть этою игрою.

Если молодежь бываетъ въ игрѣ мало противъ дѣвушекъ, то ихъ въ парахъ и парельщикахъ замѣняютъ налицныя дѣвушки.

Сверхъ храмовыхъ и нехрамовыхъ праздниковъ, въ селеніяхъ Пинежскаго уѣзда празднуютъ такъ называемыя *кануны*.

Они празднуются въ переходное время. Такъ: 21 іюня въ Соляѣ; 24 іюня въ Чушелѣ; 24 іюня въ Гбачѣ; 29 іюня въ Вонгѣ; 9 іюля въ Цимолѣ; 10 іюля въ Великомѣ; 19 іюля въ Кулогорахъ; 20 іюля на Оленаевѣ.

Кануны посвящаются болѣе угодникамъ Божиимъ: Николаю чудотворцу, великомученику Георгію, Илиѣ пророку, Іоанну Предтечи, Флору и Лавру и проч.

Празднованіе кануновъ въ деревняхъ установлено съ давнихъ временъ по обѣтамъ, даннымъ предками въ бѣдственныя у нихъ времена и въ память чрезвычайныхъ случаевъ или происшествій: мора людей, падежа скота, необыкновеннаго нашествія медвѣдей, волковъ или другихъ хищныхъ звѣрей, ужасныхъ пожаровъ, гибельныхъ урагановъ, совершеннаго побитія хлѣбовъ и др. Но во многихъ деревняхъ забыты преданія въ память чего празднуются ими кануны.

Въ дни кануновъ носятъ изъ приходскихъ церквей въ празднующія деревни хоругви и иконы. Тогда дома, поля, пожни и скотъ окропляются св. водою.

Кануны импровизируются не всегда каждымъ домохозяйномъ въ деревнѣ особо, а цѣлою общиною деревни въ чьемъ-либо домѣ.

Это бываетъ поочередно, или и не по очереди, а съ добраго согласія крестьянина, который можетъ имѣть средства. Въ такой домъ приносятъ изъ всей деревни матеріалы и изъ складчины этой варится довольно пива.

Составивъ братчину, пиво изъ *братынь*, а вино изъ *рюмокъ* и *оловянниковъ* (стакановъ) въ канунъ же распивается въ томъ домѣ.

Въ этомъ участвуютъ только старые и пожилые мужчины и женщины. Люди эти, угостившись вдоволь, захватившись рука за руку выходятъ на улицу, шлеются мимо домовъ до вечера и напѣвають монотонныя, заунывныя, русскія пѣсни; разужьется, охмѣлѣвшіе шатаются то въ ту, то въ другую сторону.

18 іюля. *День Фролу и Лавру*, называется *коннымъ праздникомъ*. Въ этотъ день не работаютъ на лошадяхъ и въ нѣкоторыхъ деревняхъ празднуютъ по обыновенію.

20 июля. *Ильин день*. Въ этотъ день бываетъ торжественное хожденіе со крестами по нивамъ и лугамъ.

1 августа. *Спасовъ день*. Бываетъ крестный ходъ на Иорданъ.

Въ этотъ денькупаютъ въ рѣнахъ лошадей и особенно водятъ ихъ къ рѣкамъ на пойло.

8 сентября. *Рождество Пресвятой Богородицы*. День этотъ замѣчается срокомъ работниковъ, нанимающихся съ *Прокольева дня*.

1 октября. *Покровъ* (Пресвятой Богородицы). Въ этотъ день кончается срокъ работницамъ.

Около Покрова покрываются иногда льдомъ рѣки. Тогда перевозчики въ деревняхъ ходятъ поздравлять народъ со льдомъ.

Въ праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы бываетъ необыкновенное стеченіе дѣвушекъ къ слушанію литургіи. Въ моленіи онѣ произносятъ особую молитву: *Пресвятая Богородица! покрой мою голову краснымъ кокошникомъ, золотымъ подватыльникомъ*. Объ этомъ же молятся на сей день *всю ночь на пролетъ!*

Съ Покрова начинаются *вечеринки*.

Вечеринки называются *вечереньками* и *пирищами* (сходбищами).

Они устраиваются въ зимніе вечера, въ межговѣнья (не посты) съ Покрова до Филиппова поста и съ Рождества до Великаго поста. Собираются въ домахъ, принадлежащихъ одинокимъ старухамъ, или бѣднымъ поселянамъ за нѣкоторую плату. У зажиточныхъ въ домахъ не дозволяется *собирать вечеринокъ* потому, что допустить это—значитъ впустить въ домъ нечистую силу на три года (62-я примѣт. Селиверст.).

Вечеринки бываютъ въ дни: понедѣльникъ (если только бываетъ праздникъ), вторникъ, среду (въ праздникъ) и въ воскресенье.

Вечеринки собираютъ по большей части молодые ребята, дѣлая на уплату денегъ за наемъ квартиры и за нѣсколько свѣчь *складчину*, т. е. сборъ на расходы, но иногда собираетъ на свой счетъ молодецъ.

Чтобы пришли на вечеринки дѣвушки, посылаются съ приглашеніями малыя ребята зазывать или заколачивать (оглашать). Молодцевъ не заколачиваютъ: они должны, какъ говорится имъ, *сами знать по духу*.

Сходятся на такой сельскій вечеръ около 6-ти часовъ по полудни, а расходятся въ 12, въ часъ, въ два, и три часа по полуночи.

Свѣчи становятся на грядки въ видѣ люстръ.

Игра парами и *вечеринкахъ*. На вечеринкахъ поютъ и ходятъ парами. Дѣвушка приглашаетъ въ первыхъ. Она приглашаетъ молодца знаками, указывая на него рукою или платкомъ; впрочемъ *зовутъ* (предлагаютъ) и словами, называя кавалера по имени и отчеству.

Игра съ сосѣди. На вечеринкахъ играютъ еще сосѣдями. Въ эту игру играютъ или особенно или же и въ ту пору, какъ играютъ въ короли (будетъ послѣ сказано). Всѣ сидятъ по лавкамъ; только одинъ, или одна ходитъ по полу. Этотъ спрашиваетъ по порядку каждаго сидящаго: *любъ-ли сосѣдъ*, или *люба-ли сосѣдка?* Если кто либо можетъ сказать: *нелюбъ*, или *нелюба*, продолжаетъ вопрошать: *кто по праву?* По указанію отвѣчающаго, спрашивающій призываетъ садиться подлѣ желавшаго. Самъ парельщикъ садится на мѣсто отозваннаго, а отозванный заступаетъ мѣсто парельщика.

«О вечеринныхъ пѣсняхъ и обыкновеніяхъ, была приготовлена статья Г. Силиверстовымъ; по этому я мало собиралъ свѣдѣній о нихъ. Такъ какъ статья его не вышла изъ печати, то можно обратиться прямо къ нему. На сколько я знаю, прибавляетъ г. Ивановъ, Г. Силиверстовъ, старательно собиралъ полныя свѣдѣнія».

Впрочемъ, мы помѣщаемъ слѣдующую пѣсню:

У воротъ, у воротъ,
Да воротъ у батюшкиныхъ,
 Дунай мой Дунай, веселый Дунай;
Воротъ батюшкиныхъ,
Да воротъ матушкиныхъ,—
 Дунай мой Дунай, веселый Дунай;
Хоть украдуся,
Да нагуляюся,—
 Дунай мой Дунай, веселый Дунай;
А что струна-то говорить,
Да мнѣ жениться велить,—
 Дунай мой Дунай, веселый Дунай;
Мнѣ жениться, раззориться,
Да стару вдовушку взять,—
 Дунай мой Дунай, веселый Дунай;
Стару вдовушку взять,
Да на печи въ углу держать,—
 Дунай мой Дунай, веселый Дунай;
На печи въ углу держать,
Да киселемъ ее поить,—
 Дунай мой Дунай, веселый Дунай;
Хоть во корень раззорюсь,
Да на вдовушкѣ не женюсь,—
 Дунай мой Дунай, веселый Дунай;
Хоть въ растяжку повалюсь,
Да на вдовушкѣ не женюсь,—
 Дунай мой Дунай, веселый Дунай.

(Конца этой пѣсни нѣтъ оттого, что я слышалъ ее только одинъ разъ и безъ окончанія).

Игра веревочкою. На вечеринкахъ не всегда играютъ ходя только парами и сосѣдями, а водятъ веревочку.

Гуляя веревочкою—ходятъ круто, взявшись рука за руку каждый играющій по порядку; тутъ ходятъ всѣ,

а не нѣкоторые. Кругъ этотъ водится хитростными извилинами. Повода его, первые постепенно отстаютъ отъ веревочки и садятся. Но когда такъ отцѣнятся много, тогда берутся въ игру снова сидящіе, хотя бы они уже прошли нѣсколько разъ.

Веревочка иногда составляетъ столь огромная, что бываетъ играющимъ тѣсно въ избѣ, и потому если нѣтъ другой комнаты въ смежности съ избой, толпа тянется въ сѣни, изъ сѣней въ избу, изъ избы въ сѣни и т. д.

Пѣсни при этой игрѣ поются вечериночныя обыкновенныя; но есть и особая на тотъ случай пѣсня:

Ужъ я улчкомъ шла,
Да переулчкомъ шла,
Клубокъ ниточекъ нашла, —
А клубокъ катится,
Да нитка тянется,
Клубокъ далѣ, далѣ, далѣ,
Нитка долѣ, долѣ, долѣ,
А я за ниточку взялась;
Моя нитка сорвалась.

При послѣднихъ словахъ отцѣпляются по одиночѣ.

Еще играютъ иначе: Куча собравшихся молодецвъ и дѣвушекъ раздѣляется на двѣ стороны; на каждой сторонѣ бываетъ по ровну человекъ; всѣ они, каждый въ своей партіи, цѣпляются цѣпью рука подъ руку. За тѣмъ сторона къ сторонѣ попеременно подходитъ, кланяясь, и поетъ пѣсню:

1-я сторона идетъ къ другой, которая стоитъ въ ожидательномъ положеніи.

А мы просо сѣяли, сѣяли,
Ой ди *) младо, сѣяли, сѣяли,

Сказавъ, 1-я сторона ретируется обратно вспять.

2-я сторона подходитъ къ 1-й, которая стоитъ въ строю, выслушивая:

А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ,
Ой ди младо, вытопчемъ, вытопчемъ,

Сказавъ, 2-я сторона уходитъ на свое мѣсто.

1 со 2-й Да чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоптать,

Ой ди младо, вытоптать, вытоптать?

2—1. А мы коней выпустимъ, выпустимъ,

Ой ди младо, выпустимъ, выпустимъ,

1—2. А мы коней переймемъ, переймемъ,

Ой ди младо, переймемъ, переймемъ,

2—1. Да чѣмъ же вамъ перенять, перенять,

Ой ди младо, перенять, перенять?

1—2. А шелковымъ поводомъ, поводомъ,

Ой ди младо, поводомъ, поводомъ.

*) Должно быть, испорченныя слова: Дядя и Ладо, языческіе боги.

2—1. А мы коней выкупимъ, выкупимъ,
Ой ди младо, выкупимъ, выкупимъ.

1—2. Да чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить,
Ой ди младо, выкупить, выкупить?

2—1. А мы дадимъ сто рублей, сто рублей,
Ой ди младо, сто рублей, сто рублей.

1—2. А намъ не надо тысячи, тысячи, —
Ой ди младо, тысячи, тысячи.

2—1. А мы дадимъ молодца, молодца,
Ой ди младо, молодца, молодца.

1—2. А намъ не надобно молодца, молодца,
Ой ди младо, молодца, молодца.

2—1. Да что же вамъ надоть-то, надоть-то,
Ой ди младо, надоть-то, надоть-то?

1—2. Намъ надобно дѣвицу, дѣвицу,
Ой ди младо, дѣвицу, дѣвицу. —

2—1. Объ этомъ и слова нѣтъ, слова нѣтъ,
Ой ди младо, слова нѣтъ, слова нѣтъ.

(Между этимъ уходитъ дѣвица отданная, а иногда и не одна, т. е. сколько пресать).

1—2. А мы скакали, скакали,

Ой ди младо, скакали, скакали;

2—1. А о чемъ же вы скакали, скакали,
Ой ди младо, скакали, скакали?

1—2. А нашего полку прибыло, прибыло,
Ой ди младо, прибыло, прибыло.

2—1. А мы плакали, плакали, —
Ой ди младо, плакали, плакали.

1—2. А о чемъ же вы плакали, плакали,
Ой ди младо, плакали, плакали?

2—1. А нашего полку убыло, убыло,
Ой ди младо, убыло, убыло.

По окончаніи такой сценической комедіи должно быть древняго творенія, молодецъ выбираютъ дѣвушекъ для паръ и всѣ кружатся то въ ту, то въ другую сторону; но танцы эти бываютъ не всегда. Порядокъ и конецъ много однообразенъ съ игрой при пѣсни: *золуй*. Если еще такая игра продолжается, то съѣтъ и дасть выкупъ прежняя 2-я сторона, и получаетъ 1-я.

Бесѣды. Бесѣды собираются въ домахъ въ тоже зимнее время, когда бываютъ вечеринки. Бесѣды или дневныя вечеринки собираются тогда, когда нельзя играть на вечеринкахъ по вечерамъ; такъ напримѣръ: случись въ пятницу праздникъ, въ пятницу бываетъ вечерняя вечеринка, въ субботу—дневная, а въ воскресенье—опять вечеромъ. Игры и пѣсни въ дневныя вечеринки тѣ же, какія и на вечеринкахъ по вечерамъ.

28 Октября. День св. Параскевы нареченной пятницею. Въ день этотъ, какъ и въ Покровъ Пресвятыя Богородицы, собирается въ церковь къ литургіи много дѣвушекъ.

Св. Великомученицѣ Параскевѣ посвященъ предѣлъ церкви Валдоскурскаго прихода; тамъ бываетъ большое стеченіе народа въ престольный праздникъ. Любопытнаго немедленно поразитъ удивленіемъ снопище въ церкви дѣвицы. Дѣвушки молятся между прочимъ: *Св. Парасковея, пошли жениха поскорѣе*, или: *Пятница-Парасковея! пошли жениха поскорѣе*.

Въ продолженіе Филиппова поста, съ 15 ноября по 25 декабря чуть не каждый день бываютъ: *посидки*, такъ называются *супрядки* или *посидѣлки*.

Посидки бываютъ въ каждой деревнѣ особо. Тутъ дѣвушки, а бываетъ что и замужнія женщины, сходятся съ работою вѣроятно для веселья, кто пряхъ, кто шить, кто вязать; но и молодцы къ нимъ приходятъ. На посидкахъ не бываетъ тѣхъ увеселеній, какими сопровождаются вечеринки въ межговѣнья. На нихъ уже не играютъ и не поютъ вечериночныхъ пѣсенъ. Дѣвушки тутъ бываютъ заняты работою, а молодцы, пошучивая между прочимъ съ ними, ведутъ *промежду собой разговоры о разныхъ разностяхъ*, рассказываютъ сказки, тянутся палкою, выводятъ петлю изъ ножницъ и проч.

Г. Силиверстовъ вообще собираетъ всякія народныя пѣсни и вѣроятно написалъ и обыкновенія, я же бывалъ на посидкахъ мало.

Но однако-жъ изъ-за работы дѣвушки и парни играютъ *съ короли*.

На студя, или на неподвижныя скамейки, садятся въ кружокъ, сколько бы захотѣло поиграть молодецъ и дѣвушекъ, придвинувшись другъ къ другу. — Боторый или которая нибудь во первыхъ кладетъ свою правую руку на свое или чужое колѣно. За ней, или за нимъ, кладетъ свою руку другой, или другая на верхъ, и за ними и всѣ прочія, все на верхъ, выше и выше. Наконецъ, когда складутъ свои ладони рука на руку всѣ участвующіе въ этой забавѣ, нижняя рука должна выдаться изъ подъ низа и полагается наверхъ. Затѣмъ, также, выходитъ наверхъ другая, третья и выбираются такъ вся колода рукъ.

При этомъ считается: перва, друга и т. д. до числа десяти; при выговорѣ же 10 и при переимѣнъ десятой руки, выговоръ смѣняется счетомъ: нижня, задня, верхня, краля, король. При последнемъ словѣ тотъ или та признается за короля, а остальные получаютъ приказанія его, что либо дѣлать. Такъ наприм. парню прогуляться нѣсколько разъ по полу взадъ и впередъ съ назначенною дѣвушкою; другому король велитъ поцѣловать такую-то дѣвушку; иной приказываетъ подрать за ухо или за волосы какого нибудь молодца; или: молодцу велитъ поклониться къ ногамъ дѣвушки и т. н.

Разумѣется, потѣшныя выдумки ложнаго короля исполняются въ точности, иначе виновный въ ослушаніи отрѣшается отъ компаніонства. Мнѣ случилось видѣть такия

выходки въ приказаніяхъ, какъ наприимѣръ: королева говорила другой рабѣ—достать нупомъ потолкавъ; король приказывалъ одному парню привезти сорокъ-сороковъ воды, и исполнитель по этому дѣлалъ скринь тельги подъ тяжестью бочки съ водою своимъ лбомъ, по неровной бревенчатой стѣнѣ избы, сорокъ разъ; или: королева секретно приказывала спросить (у такого-то) не любитъ ли онъ (такую-то?)

При переимѣнъ складочныхъ рукъ существуетъ такое обычное правило, что если человекъ, чья рука получила призъ короля, тою же рукою прихлопнетъ прочія руки, т. е. уже въ излишкѣ положить ее въ вучу, то въ ту же минуту лишается полученнаго званія, а имъ пользуется слѣдующій.

Когда желающихъ потѣшаться игрою въ короли бываетъ мало, то въ такомъ случаѣ изъ состязателей на верховное величество употребляютъ каждый обѣ свои руки въ вучу другихъ.

Но когда желающихъ бываетъ много, тогда игра въ короли разводится на нѣсколько особняковъ.

Исполненіе этой игры существуетъ впрочемъ иногда и на вечеринкахъ между тѣми, которыя не водятъ паръ.

Вмѣсто пѣсенъ, на супрядкахъ припѣваются стихосилетенія тутъ же посидѣлокъ; каждая изъ нихъ представляетъ свое двустишіе.

Собраніе такихъ стишковъ есть немалое счастье этнографу. Они ясно показываютъ то, какъ думаютъ одни о другихъ и какіе, по ихъ разумѣнію, нужно принимать мѣры съ порочными, строптивыми уродинами. Одинъ изъ такихъ стиховъ мы сообщаемъ здѣсь.

Стихъ.

Объясненіе.

Ивану коромысло,
Жена его не корыстна.

Назначается такой бабѣ только носить локани къ скоту и обряжаться съ нимъ.

Александрю палка,
Жена его бахвалка.

Указывается мѣра: за бахвальныя слова бить и колотить.

Прокопью плеть,
Жена его блѣдь.

Изъ пѣсни слова не выбросишь, говорится къ тому, что прибрать покрѣпче къ рукамъ невѣрную союзу.

Кузьмы-то ларь,
Жонка враль.

Забывать все, что жена вретъ мужу.

Алексѣю-то мушка,
Жена его чернушка.

Обращаться снисходительно, какъ съ существомъ небольшимъ.

Михаилу безъ ушна,
Жена его навлаушка.

Митрою туась,
Жена его урась.

Ватю хлѣвецъ,
Онъ ходитъ вдовецъ.
Меркурью-то дорога,
Жена его чернонога.

Матюшкѣ борона,
Жена его мудрена.

Семену-то доска,
Жена его баска.
Федору лопата,
Жонка горбата.

Евдошму осока,
Жонка предъ нимъ высокая.

Ефрему три пылы,
Жона до пылы.

Григорью-то молодка,
Жена такъ молодка.

Трофиму-то два куба,
Жена толстогуба.

Василью панюжало,
Жена убъжала.

Алексью-то дуга,
Жена его слуга.

Дорофею хрѣнъ,
Жонка его дренъ.

Никифору ремень,
Жена его лѣнъ.

Упрать нузу, что онъ
не слышитъ и не знаетъ
о развратномъ поведеніи
жены.

Урась значить упрямство
со всмыслчивостію
или капризь. Велится
взять туась холодной воды
и обмыть его.

Тутъ уже понятно безъ
объясненія.

Насмѣшка надъ неряшествомъ.
Говорится мужу сдѣлать
для жены дорожку, чтобы
она не пачкала свои ноги.

Изъясненіе, что съ благо-
разуміемъ жены отлично
повелось хозяйство.

Срисовать портретъ кра-
савицы и любоваться имъ.

Совѣтуютъ быть женѣ
за печью, гдѣ лопаты и
проч. или очищать лопатою
грязь въ хлѣву.

Сравненіе: если мужъ
зайдетъ въ осоку, то жена
не увидитъ его.

Даютъ совѣтъ употре-
бить жену въ пылованье,
потому что ей не нужно
сгибаться.

Желаютъ ему такихъ
же хорошихъ дѣточекъ,
какъ хороша жена.

Отнять губы и въ каж-
дый кубъ положить по
одной; думаютъ, что изъ
нихъ наварится много щей.

Наказать еще, чтобъ не
убъжала болѣе.

Т. е. такая добрая и
послушная, что запрягай
ее мужъ въ сани и она
будетъ таскать.

Указывается средство
вывести жену изъ непо-
воротливости въ живость.

Понуждать къ трудамъ
пословица: лѣнъ за ремень.

Винну крауха,
Жена толстобруха.

Ефиму топорнице
Жена ворница.

И проч. и проч.

6 декабря. *Никола-зимній*. Около этого времени бы-
ваетъ въ г. Пинегѣ Никольская ярмарка. На ней за-
купаются *обкомы*, чтобы прибаситься о великомъ праз-
дникѣ Р. Х. Болѣе всего на этотъ счетъ претензіи у
женщинъ.

Съ ярмарочнаго времени женщины бываютъ заняты
шитьемъ. За четыре или за три дня до Рождества на-
чинается уже обыкновенный домашній обиходъ.

25 декабря. *Рождество Христово*. Къ Рождеству:
1) стряпаются изъ ржаного тѣста хозули (козули); изо-
бражаютъ овецъ съ рогами и безъ роговъ, коровъ, оле-
ней съ вѣтвистыми рогами, 2) болванятъ изъ тѣста
уточки въ видѣ куръ, 3) стряпаютъ, или покупаютъ
крупчатые витушки и денежные калачики; тѣ и другіе
формой похожи на человѣческій пупъ. Въ народѣ во-
дится прибаутка, должно быть перечеть забытаго поряд-
ка празднованія: *Рождество на Матиюрахъ (въ Хол-
моторскомъ уездѣ)*, *Рождество на Пильюрахъ*, *Рож-
дество на Марьелорахъ*, *Рождество на Шетюрахъ*,
Рождество на Кулюрахъ.

Банунъ перваго дня праздника Р. Х. называется *со-
чельникомъ* 24 декабря, тогда многіе не вкушаютъ ни
хлѣба, ни соли до *вечерней звѣзды*. Должно быть это со-
блюдается въ память звѣзды, явившейся волхвамъ, по
которой они нашли лежащаго въ Вифлеемскихъ ясляхъ
Исуса Христа.

По какому-то предубѣжденію слушать Божественную
службу во время утрени о Р. Х. не ходятъ дѣвушки.
Въ три дня, посвящаемые празднеству, на церковныхъ ко-
локольняхъ звонятъ въ колокола.

Въ Рождество Христово священники ходятъ по домамъ
съ освященною водою. Въ праздникъ этотъ у жителей
есть обыкновеніе дарить работниковъ и работницъ плат-
ками, или ситцами на рубашки и на платья. Работницъ
дарятъ еще при отелѣ коровъ.

Нѣкоторые полученныхъ козуль не ѣдятъ отъ *Рож-
дства до Рождества*. На другой годъ, въ первый день
Рождества, ихъ съѣдаютъ *наолодно*, какъ бы просфоры.

Какъ въ первый, такъ и въ слѣдующіе дни Рожде-
ства Христова до *Новаго года славятъ Рождество*.
Славить Рождество было въ обычаѣ еще въ XVII вѣкѣ.
Петръ I-й самъ ѣздилъ *славить Христа*. *Славленіе*
онъ обратилъ въ лицедѣйство для осмѣянія обычаевъ

*) Вообще въ крестьянскомъ быту считается, и въ дѣвиче-
скихъ состояніи особенно, некорошнѣе есть столько, сколько
требуетъ желудокъ по ан-стету.

старшины. Славить Рождество ходятъ изъ дома въ домъ мальчики и дѣвочки богатыхъ и бѣдныхъ родителей. Они такъ бывають рады этому празднику, что еще до отхода утрени толпами и съ мѣшочками въ рукахъ бросаются подъ окна домовъ съ своимъ *лекоченьемъ*; послѣ же литургіи *христославцы* славятъ не по *подоконьямъ*, а въ домахъ или сѣняхъ. Славятъ Рождество или просто безо всего, или со звѣздой. Если ходятъ безъ звѣзды, то поютъ: «*Рождество Твое Христе Боже нашъ*» и «*Дѣва днесъ*». По окончаніи этихъ церковныхъ пѣсень прибавляется прибаутка: «*хозяина съ хозяйшккой съ праздникомъ, — рюмку вина, да пива стаканъ,*» или «*господину нашему да приятелю, да подателю, да подай ему Господь-Богъ многа мѣтъ на здравье со есмь благодатнымъ домоу, — будь же здоровъ, самъ многа мѣтъ*». Когда все это перечитывается круто и въ хорѣ ребятишками, нѣтъ возможности разобрать, что такое они поютъ, потому что все сливается въ одну общую дисгармонію.

Звѣзда дѣлается изъ палокъ, бумаги и сляды. Въ срединѣ бываетъ склеенный изъ бумаги кругъ, въ которомъ бывають и зажигаются восковыя свѣчи. Отъ круга протянуты по тонкимъ палкамъ *рожки* (лучи). Для украшенія звѣзда оклеивается цвѣтами разноцвѣтною бумагою, и даже отъ конфетъ. Звѣзда прикрѣпляется къ большой палкѣ, такъ что она прикасается пола, на которой обращается около освѣщеннаго круга, отъ движенія руками, дѣлаетъ безпрестанные обороты, за которыми освѣщаются пустые внутри изъ бумаги рожки, и представленіе выходитъ привлекательное. Со звѣздой христославцы поютъ хоромъ рождественскіе гимны: «*Рождество Твое*» «*Дѣва днесъ*» и странно рифмованную прозу: «*РАЧЕЯ,*» вотъ она:

«*Изыде звѣзда отъ Іакова, свѣтъ возсія отъ Израиля, — Дѣва Бога раждаетъ, ангели удивляются, Персидстѣи цари дари приносятъ, избранному младенцу поклоняются; — онъ съ небесъ сходитъ, небесныхъ возводитъ — возрадуемся! Народился нашъ Спаситель, всему міру искупитель, пойте, воспойте лики во вѣки, торжествуйте, ликоствуйте, возликуйте, воспѣвайте, возыграйте!*»

«*Пророки предъувѣданы суще клятвы; во вселенной днесъ, прежде вѣкъ, се Богъ-человѣкъ воплотися, родися, во плоти явися и во ясляхъ сповися. Звѣзда глянетъ отъ востока на рожденнаго пророка, — триє цари преблагіє дари во смиренному дають, цѣнны пребогато. Отецъ будущаго вѣка, пришелъ спасти человѣка, — днесъ прежде вѣкъ, сей Богъ-человѣкъ, воплотися, родится, во плоти явися и въ ясляхъ сповися. Достоинно есть удивленію и духовному веселію: нынѣ на небеси звѣзда явися, паче свѣтъ свѣта произвѣщаетъ, нашего Бога на землѣ проявляетъ, яко дождь на руку — тако да снидетъ смиренный Христось, на землю придетъ, днесъ соП речі-*

стоу Дѣвой Маріей, — родился яко младенецъ, пеленками сповиванъ, — горніи чини дивятся, земнородніи человѣци о томъ веселятся; мы же вкупѣ возрадуемся. — День Христова рожденія, веселимся здѣсь, благодать вездѣ, Хвала Богу! печи наши полны. — На звѣзды ангель-вѣстырь возвѣстилъ нарожденнаго, Бога нашего, царь же Иродъ всѣхъ возвѣстилъ, младенцевъ побилъ. Они билися и ругалися, яко убійцы, злы разбойницы: кличуть дѣтки, плачуть матки, яко насмѣшницы; отъ персей ихъ отрывали; — волосы деруть, малыхъ не даютъ. Гласа въ небѣ испугались, сердечно кричали. Новая радость во всемъ мірѣ! намъ явися, Богъ, Царь славы, отъ Дѣвы Маріи, въ вертепѣ родися; родился тамъ — ангели на небесѣхъ дивятся, дивятся; земнородни же человѣци о томъ веселятся, веселятся, вкупѣ радуются; мы же тако вопіемъ вѣрнымъ Отцомъ: — Слава въ вышнихъ Богу, мы же вопіемъ: торжествуйте, славу Богу дайте, воспѣвайте, возыграйте».

«*Дай Богъ вамъ, господамъ, господиновымъ женамъ вообще-вкупно здравствовать. Вивать, вивать! многая лѣта, многая лѣта, многая лѣта.*»

«*Маленькій юночикъ, отъ Пречистой Дѣвы Маріи воспѣвочикъ... Былъ я во градѣ Виленемѣ, видѣлъ я чудо великое: Ангели на небѣси возгремѣли; съ этого грому падъ на землю, не могъ я встати, по дорогѣ убѣжати. Вы, господа, подивитесь; златомъ, серебромъ, подѣлитесь. — Маленькій отрочекъ, Божій червячекъ, — книгу я не знаю, читать не разумѣю; я не для того пришелъ, а Христа прославить, васъ проздравить, съ честнымъ вашимъ домоу, благодатнымъ родомъ, съ всѣми дѣточками, голубяточками, какъ хозяйка въ дому, да такъ Адамъ въ раю, а хозяйка въ дому, да какъ аладья на меду. Вивать! вивать! многая лѣта, многая лѣта, многая лѣта.*»

Со звѣздой ходятъ и днемъ, и по вечерамъ. Съ нею ходятъ человѣка по три и по четыре; но, если звѣзда очень замѣчательна по своей величинѣ, устройству и много въ ней сляды, то къ ней причисляется человѣкъ до десяти взрослыхъ парней.

Выславленное партіи христославцевъ дѣлятъ между собою уравниательно, давая пай дѣлежа болѣе тѣмъ, кто дѣлалъ звѣзду, кто доставлялъ на постройку ея матеріалы, кто носилъ ее въ славеннѣ, кто былъ мѣшоношей, т. е. *казначеемъ*, или завѣдывающимъ общемою калыгою и кто былъ лучшимъ запѣваломъ.

Христославцамъ подають христославное: ржанья калачи, крупчатые и ржаные калачи, витушки и пряники, а также: всякія шаньги, муку и деньги. Бываетъ, что одна партія со звѣздой набираетъ въ день денегъ до 4-хъ руб. сер.

Славить по домамъ ходятъ еще старики и старухи. Кромѣ церковныхъ пѣсень, они поютъ стихи:

«ВИНОГРАДЬ».

Какъ у свѣта у Михаила Архангела
На правую крѣпость
Передъ чудными святыми передъ образами
Горятъ свѣщи воску яровымъ,
Тутъ стоитъ богомолецъ
Со слезами Богу молятся,
И этому молодцу дивовались господа,
Кто его молодца на свѣтъ породилъ,
Кто его молодца спонилъ и вскормилъ,
Кто этому молодцу голову чесалъ,
Кто ему кудри завивалъ,
На первый рядъ чистымъ серебромъ,
На второй рядъ краснымъ золотомъ,
А на третій рядъ свѣтлымъ жемчугомъ.
Не утрення-ли заря породила молодца?
Не красное-ли солнышко вспоило, вскормило?
Не ясный-ли мѣсяцъ выслѣялъ его?
Не часты-ли звѣзды, кудри завивали?
Не вечерняя-ли заря приукрасила его?
Вышелъ молодецъ на улицу гулять,
Дивовались его красотѣ господа и крестьяне,
Отвѣчаетъ добрый молодецъ:
Гаупы вы крестьяне, а неразумны господа!
На свѣтъ породила меня матушка,
Вспомятъ и вскормилъ родной батюшка,
Голову чесала красна-дѣвица,
Красна дѣвица родна сестра,
На первый рядъ завивала кудри родна сестра,
На первый рядъ завивала чистымъ серебромъ,
На второй рядъ краснымъ золотомъ,
На третій рядъ свѣтлымъ жемчугомъ,
А платя заводятъ самъ на себя.

По морю, морю Синему, по Хвалынскому,
Выходяго, выплывало 30-ть черныхъ кораблей съ
однимъ кораблемъ.

Какъ одинъ же корабль напередъ выходилъ,
Напередъ забѣгалъ, какъ соколъ леталъ,
Онъ хоботы бросаетъ по зѣбному,
У корабля бока сведены по туринному,
Несъ да корма, по зѣбному,
Мѣсто же по намешку драгоцѣнному,
Мѣсто бровей у корабля по соболу по сибирскому,
На корабль бесѣда приукрашена,
Приукрашена бесѣда ритымъ бархатомъ,
Приколочена бесѣда золотымъ звѣздешемъ,
Покрѣта бесѣда чистымъ серебромъ,
Позолочена бесѣда краснымъ золотомъ,

Приувѣшена бесѣда свѣтлымъ жемчугомъ.
На этой бесѣдѣ добръ удалъ молодецъ,
Добръ удалъ молодецъ, Петръ Савичъ,
Во правой рукѣ держалъ булатный ножъ,
Въ лѣвой держалъ кипарисъ дерево,
Онъ стружечку строгалъ во синее море,
И уронилъ П. Сав. златъ перстень съ правой руки
Съ небольшого пальчика мизинчика,
Закричалъ П. С. громкимъ голосомъ своимъ:
Есть ли при мнѣ слуги вѣрные мои?
Опускайте парусы полотнянные,
Берите якоря булатные,
Опускайте въ синее море,
Берите сходную дубовую,
Опускайте на желтыя пески,
Выходите по сходенкѣ на круту гору,
На круту гору, къ моему батюшкѣ въ высоту
теремъ,

Попросите у батюшки шельнова невода.
Не ослушались друзья, братья, товарищи его,
Опускали парусы полотняные,
Брали якоря булатные,
Опускали въ синее море,
Брали сходенку дубовую,
Бросали сходенку на желтыя пески,
Выходили по сходенкѣ на круту гору
Къ его, моему батюшкѣ, Н Н въ высоту те-
ремъ,

Попросили у него шельнова невода,
Притянули неводъ къ синему морю.
Приказалъ П. С. закинуть тѣни рыбныя,
Первую закинулъ—нѣтъ ничего,
Другую закинулъ—и не выловилъ,
А третью закинули и выловили три рыбыцы гла-
топерчатыя,

Перва рыбаца въ пятьсотъ рублей,
Втора рыбаца во тысячу,
А третья рыбаца—цѣны ей нѣтъ.
Обцѣнщики каменной Москвы и въ славномъ Питерѣ,
А закупщики въ Архангельскомъ и славныхъ Хол-
могорахъ.

Перва рыбаца батюшка,
Втора рыбаца матушка,
Третья рыбаца Петръ Савичъ
У Пѣлехова въ дому моюзкахъ,
Во высокомъ терему,
На имя молодецъ, П. С. соколъ.
Затѣмъ этому молодцу
На житье, на бытѣе и на богатство—
Полтора ста коровъ и полтретья быковъ,
Они на пойву идутъ помывиваютъ,
Съ пойвы идутъ поигрываютъ,

Дай Богъ господину Петру Савачу
На житье, на бытье и на богатство.

У Никола во соборѣ,
У Святителя Христова,—
Виноградѣ красно-зеленое.
Со слезами богомолецъ
Богу молится стоять,—
Виноградѣ красно-зеленое.
Въ три ряда кудри
Завивались на главѣ,—
Виноградѣ красно-зеленое.
Въ первый рядъ завивались
Чистымъ серебромъ,
Виноградѣ красно-зеленое.
Во второй рядъ завивались
Краснымъ золотомъ,—
Виноградѣ красно-зеленое.
Въ третій рядъ завивались
Скатымъ жемчугомъ;—
Виноградѣ красно-зеленое.
По праву руку стоять друзья,
Братья, товарищи его,—
Виноградѣ красно-зеленое.
Друзья, братья
Товарищи его, дивовалися мудрями;—
Виноградѣ красно-зеленое.
Не утрення-ли заря
Спородила молодца?—
Виноградѣ красно-зеленое.
Не младъ ли свѣтелъ мѣсяцъ
Воспомлъ да воскормилъ?—
Виноградѣ красно-зеленое.
Не часты ли мелки звѣзды
Возлежють молодца?
Виноградѣ красно-зеленое.
Спроговорить, смолвить
Удалой молодецъ,—
Виноградѣ красно-зеленое.
Да еще имя-то
Прокопій Алексѣевичъ,
Виноградѣ красно-зеленое.
Когда же утрення заря
Спородитъ молодца?—
Виноградѣ красно-зеленое.
Когда же свѣтелъ мѣсяцъ
Воскормитъ да вспоитъ?—
Виноградѣ красно-зеленое.
Когда же мелки звѣзды
Возлежють молодца?—
Виноградѣ красно-зеленое.

Спородила молодца
Родна матушка,—
Виноградѣ красно-зеленое.
Воскормилъ да вспоилъ,
Родной батюшка;—
Виноградѣ красно-зеленое.
Возлежють молодца
Да родны сестрицы,—
Виноградѣ красно-зеленое.
Затѣмъ бы-те Прокопьюшко
Жениться здорово,—
Виноградѣ красно-зеленое.
Гдѣ бы ты задумалъ,
Тамъ невѣста тебѣ;—
Виноградѣ красно-зеленое.
Подай Богъ Прокопьюшкѣ,
На житье, на бытье, да на богатство;
Виноградѣ красно-зеленое.
Приданого бы съ ней
Да пятьсотъ рублей;—
Виноградѣ красно-зеленое.
Злата-серебра
Хоть лопатами гребь,—
Виноградѣ красно-зеленое.
Скаченого жемчугу,
Хоть полибрами мѣрь;—
Виноградѣ красно-зеленое.
Затѣмъ бы те Прокопьюшко
Въ Божьей церкви сходить.—
Виноградѣ красно-зеленое.

(Конца нѣтъ и я не могъ нигдѣ найти знающаго).
Сельскія *мыры* бывають въ домахъ, на улицахъ и на лугахъ, въ присутствіи пожилыхъ и старыхъ людей. Старые люди обыкновенно ищуть удовольствія въ покоѣ, любятъ вести серьезныя разговоры и чтеніе св. книгъ; но по праздникамъ выходятъ на игрища и гулянья.

Женатые мужчины любятъ въ праздники кутнуть за всѣ рабочіе дни. Для этого они гостятся въ своей деревнѣ и ѣздятъ по праздникамъ въ другія деревни; между же собою водятъ разговоры болѣе про житейское. Замужнія женщины находятъ развлеченіе въ гостѣбѣ и разговорахъ, также гостятся и поютъ пѣсни дома, въ кануны и на свадьбахъ. Кроме того въ посты ходятъ по сосѣдямъ съ работою, прялками и вязаньемъ. Дѣвушки играютъ и забавляются на скопкахъ, вечеринкахъ, бѣседахъ, супрядкахъ, на лѣтнихъ гуляньяхъ, костюмируются, катаются съ горъ, качаются на качеляхъ, скачутъ на доскахъ, играютъ въ мячикъ, водятъ хоробы. При этомъ распѣвають пѣсни.

Молодые парни препровождаютъ время зямою: игра-

ютъ въ скопкахъ, на посидѣлкахъ, вечеринкахъ, бесѣдахъ, ѣздятъ на лошадяхъ въ бѣги, катаются съ ледяныхъ горъ и по льду на конькахъ, маскируются, играютъ въ карты и шашки (въ древности они назывались тавлен); малолѣтнія дѣти играютъ зинною: изъ за бабы, шарикомъ (въ лунки), изъ за сухой трески, самоѣдами, катаются съ горъ, таскаются на саняхъ, играютъ въ кружала и жернова, славятъ Рождество, катаются на коникахъ, бьются яйцами. Лѣтомъ: въ бабки, орлянку, въ городки, изъ за попа, въ рюхи, въ мячики, прятки, бѣглыми, бѣгаютъ съ кружалами, взапуски, таскаются на тележкахъ, играютъ въ бабушки и куклы, пускаютъ бумажн, зифѣи, стрѣляютъ изъ самострѣловъ, строятъ конуры, удятъ рыбу, купаются. Сверхъ того врываются туда, гдѣ бывають увеселенія старшихъ.

На игры молоды и дѣвушки стараются одѣться въ лучшее платье. Инструментальная музыка здѣсь не въ употребленіи, исключая гармоникъ, и танцы не въ обыкновеніи. О костюмированіи, славленьи Рождества, празднивахъ, канунахъ, хороводахъ, лѣтнихъ гуляньяхъ, катаньи съ горъ и играхъ: столбами, въ пары, на вечеринкахъ въ сосѣди, веревочкою, въ короли, и увеселеній на вечеринкахъ, бесѣдахъ и сунрядкахъ — сказано уже при описаніи праздниковъ и обычаевъ кри нихъ.

Теперь намъ предстоитъ сказать объ остальныхъ играхъ, о которыхъ мы могли составить себѣ понятіе.

Скопки. Скопкою называется собраніе играющихъ дѣвушекъ, а иногда и молодыхъ съ ними. Они бывають въ какомъ либо домѣ, гдѣ есть дѣвушка или нѣсколько, въ которыхъ приглашаютъ и приходятъ гости — дѣвушки. Определеннаго времени скопкамъ не полагается, а собираются они случайно.

Обыкновенно дѣвушки на скопкѣ, между прочимъ препровожденіемъ времени, поютъ пѣсни, и играютъ въ короли, золото хоронятъ; въ жмурки, въ шопотки и въ хохлы.

Игра съ золотомъ. Здѣсь она называется «золото хоронить» (у чеховъ же золото: «въ золото и перстень» Руск. Вѣсти. XXXVII). Она очень не хитра, а именно: на лавкахъ, которыя дѣлаются всегда кругъ набы, усаживается налчное число молодыхъ и дѣвушекъ. Съ перваго ряда изъ нихъ выходитъ на середину набы два дѣйствующія лица. Одному завязываютъ глаза платкомъ и отводятъ къ порогу въ уголь; другой же беретъ свое или чужое кольцо, и съ нимъ опускаетъ свои руки въ платки, растянутые на когѣняхъ каждого изъ сидящихъ и прикрытые руками, кладетъ между этимъ кольцо въ чей либо подошъ, такъ чтобы отгадывающій не могъ замѣтить кому оно отдано, иногда мордашъ этотъ повторяется два раза. Когда золото будетъ захоронено съ припѣвомъ: «ужъ я золото хороню, хороню, — чисто сере-

бро берегу, берегу», — говорятъ парельщику (который въ углу). Онъ поворачивается лицомъ къ кубикѣ, на удачъ связывается, у кого въ когѣняхъ похоронено золото. Но иногда парельщику не завязываютъ глазъ платкомъ, а просто отводятъ къ углу, тогда онъ при словѣ *пора*, неговоря ни чего, подходитъ къ подозрѣваемому, гдѣ, по его мнѣнію, сирывается отыскиваемое и требуетъ выдачи его. Если онъ, или она такъ или сякъ не отгадаетъ мѣста спрятаннаго кольца, то выходитъ по порядку изъ сидящихъ другой, хоронящій золото, и причетъ кольцо также, какъ оно было прятано въ первый разъ; также точно причутъ въ случаѣ неотгадыванія, всѣ прочіе. Но если парельщикъ истинно угадаетъ, у кого хранится золото, то тотъ или та, у кого хранилось кольцо, заступаетъ мѣсто парельщика; отгадавшій хоронитъ золото, а предвѣстникъ его садится на мѣсто поступившаго парельщика.

Игра съ ижки (жмурки). Избирають парельщика и ему завязываютъ глаза платкомъ, такъ чтобы онъ не могъ видѣть ничего дѣлающагося. Потомъ завязаннаго берутъ съ той и съ другой стороны, обводятъ нѣсколько разъ кругомъ комнаты, или просто то туда, то сюда, такъ чтобы онъ заблудился и остановился напр. у дверей, спрашиваютъ: гдѣ стоишь? Онъ, разумѣется, замуржаннымъ совреть. За тѣмъ, похлопавъ по спинѣ парельщика, оставляють его, а всѣ играющіе разбѣгаются въ равныя стороны, чтобы спрятаться отъ его пошековъ.

Парельщикъ, бредя безсознательно, дѣлаетъ руками круги, дабы поимать кого нибудь. Между тѣмъ, спрятавшіеся то и дѣло снуютъ близъ него и пошачиваютъ его въ спину, или же притаются гдѣ нибудь, прислонившись за стуломъ, за столкомъ, въ уголку и т. и. Поимавъ кого либо, парельщикъ одною рукою задерживаетъ его, а другою снимаетъ съ себя завязку и навязываетъ ее на глаза поиманнаго. За тѣмъ, идетъ таже сцена покуда не устануть и не надоѣсть игра.

Игра съ шопотки. Вокругъ всей комнаты, игорныхъ сборищемъ, садятъ тутъ находящіеся всѣ налицо. Тогда избирають изъ среды своей того, кому слѣдуетъ быть парельщикомъ. Такому выбранному завязываютъ платкомъ глаза и ставятъ наприи. къ порогу. Затѣмъ, кто нибудь изъ сидящихъ приходитъ къ нему и шепчетъ на ухо что нибудь. Потомъ также съ шопотками приходятъ другой или другая и, сказавъ парельщику, садится на лавкѣ въ прежней позѣ. — Только лишь первый шепнулъ парельщику слово, парельщикъ, не отвязывая завязки, долженъ отгадать, кто ему сказалъ и догадку свою объявить вслухъ. Если онъ дѣйствительно отгадаетъ, кто ему шепталъ, тому онъ сдаетъ службу парельщика, а самъ садится на его мѣсто. Но покуда этого не сдѣлаетъ, до тѣхъ поръ долженъ носить завязку и отгадывать.

Игра со хохлом. Составляется кругъ изъ парней и ребятъ и они сдѣлаются рука за руку. На средину круга выходитъ парень, за кругъ, другой. Последний подходитъ къ кругу и по сдѣланнымъ рукамъ мочолочиваетъ, спрашивая: колъ, колъ, колъ, — дома-ли хохоль? Ему отвѣчаютъ на это: нѣтъ хохла, поди прочь отъ окна. За этимъ онъ идетъ и, также мочолочивая, приговариваетъ: стухъ, стухъ, стухъ. Его спрашиваютъ: кого тебѣ надо? Онъ отвѣчаетъ хохла, а ему: нѣтъ хохла, поди прочь отъ окна. Но наконецъ они должны уже сказать, что хохоль дома. Тогда сдѣланныя руки расдѣляются противъ сыщика и онъ впускается въ средину круга. Стоявшій же все время въ кругу (будто бы не видалъ его) хохоль живо проснакиваетъ подъ цѣпь, убѣгаетъ изъ круга и бѣгаетъ около его. Спрашивавшій хохла, какъ бы ища его въ кругу, выбѣгаетъ изъ него. Между тѣмъ хохоль забѣгаетъ въ кругъ. Наконецъ, хохоль попадаетъ въ руки сыщика и онъ становится сыщникомъ, а сыщикъ дѣлается хохломъ.

Пчелы. Бачлы, а по здѣшнему прада, зѣнаются очень просто. Черезъ бревно мостъ на улицѣ, на новѣтцахъ черезъ перегадины дерева, во дворахъ, или черезъ веревки въ избахъ перегадываются неньковья или мочальныя веревки, а иногда и канаты; концы ихъ расставиваются и на нихъ прирѣпляются концы доски. На доску садятся нѣсколько человекъ, свѣсивши ноги; одинъ на ту, другой на другую сторону, чтобы началъ не косилась, а двое становятся на концы и раскачиваютъ доску съ сидящими. Всѣ поютъ пѣсни. На каролахъ начинаютъ съ Маски и, кончатся, до Вознесеньева или до Троицына дня.

Скачутъ. Начиная съ Свѣтлой недѣли, кроме началъ, у дѣвушекъ принята игра: скачутъ на доскахъ. Берутъ деревянную плаху (полѣно) или что либо другое, не шатающееся на землѣ, и на него кладутъ въ равновѣсн доску. На каждый конецъ доски становится по дѣвушкѣ, а на средину садится третья. Каждая изъ сидящихъ попеременно вскакиваетъ къверху и потомъ снова отпрыгиваетъ сверху скатими ногами свой конецъ доски.

Игра съ мячикомъ. Мячикъ здѣсь называется мячомъ. Собирается напередъ нѣсколько человекъ играть и они собираются въ условленномъ мѣстѣ, гдѣ бы можно расклевывать мячикъ широко. — Приводятъ такъ, чтобы играющихъ было четное число: 4, 6, 8, 10 и д., изъ нихъ по большинству голосовъ избираются двѣ мати, которыя преимущественно ловки въ игрѣ. Въ маткамъ присоединяются равно къ каждой число дѣтенышей, — напр. къ одной маткѣ—4 и къ другой—4. Но и дѣтеныши отдѣляются не какъ нибудь, а по жребію, именно, они расходятся по парамъ, берутъ напр. одинъ щепку, другой сорванную травку и идутъ къ маткамъ, которыя стоятъ въ ожиданіи и говорятъ: матки, матки, щепки

или травки (угодно). Мати избираютъ по счастью, какъ заблагоразсудится получить травинку или щепку. По изъявленному желанію поступаютъ къ маткамъ и дѣтеныши. Конечно, другой разъ, къ одной маткѣ попадаютъ удалцы, а къ другой мелюга, — но ужъ таковы правила и пословица: играть не плакать и отцу и матери не жаловаться. Для игры устанавливается два сала, т. е. по два пункта упражненія, въ прирѣдномъ разстояніи, болѣе по знакамъ: такъ напр. отъ столба до столба. Въ каждому салу становятся раздѣленные партіи, т. е. по маткѣ и поровну дѣтенышей. Впрочемъ вмѣсто сала называютъ: откуда гоняютъ мячикъ мѣстомъ, и гдѣ за нимъ бѣгаютъ — полемъ. Кто первѣе долженъ клеветать мячъ, уговариваются стороны или мечутъ жребію. Перѣе другихъ мячикъ клеветъ матка и 2 раза. Блеснувъ во второй разъ, она кидаетъ палку, которою ударяла въ мячикъ, и послѣдній улетаетъ далеко: или въ высоту, или по поверхности земли. Бинувъ палку, она бѣжитъ къ тому салу, гдѣ поле. Тутъ то находящіяся въ полѣ ловчіе стараются ловить его и ударить скваченнымъ мячомъ для того то парящіяся расставляются въ полѣ по разнымъ направленіямъ.

Но часто случается, что въ чужую матку попадаютъ мячкомъ. Иной разъ матка клеветаетъ мячикъ палкою такъ далеко, что добѣжить до сала полешниковъ и уфѣжить обратно къ своему, а столція въ полѣ не успѣваютъ бинуть мячикъ въ бѣгущаго ловчака; этою выходною матка приобретаетъ право клеветать мячъ еще послѣ дѣтей. Послѣ матки клеветутъ дѣтки. Они имеютъ право клеветать мячикъ палкою только одинъ разъ. Блеснувъ мячикъ, игроки бѣжатъ вслѣдъ за нимъ къ полю. Оттуда выбѣгаютъ рѣдкіе и потому остаются у чужаго сала до выкупа. — За первымъ дѣтенышемъ клеветаетъ мячикъ второй, и бѣжитъ также въ другому салу. Между тѣмъ, засѣвшій т. е. находившійся до выкупа въ чужомъ краѣ, бѣжитъ къ своему, а парящіяся стараются угодить въ котораго нибудь изъ перебѣжчиковъ бинутымъ мячкомъ. Если дѣтенышей не осталось болѣе т. е. такихъ, которые бы не клеветали, или если во время игры полешники не изловили мячика руками съ полета, то очередь снова начинается съ матки, которая и прежде клеветала. — Между тѣмъ у него дѣтеныши въ плѣну. Онъ выбѣгаетъ тотчасъ, какъ только матка уклеветаетъ мячикъ. За тѣмъ гонка мячика пойдетъ тѣмъ же порядкомъ. Поймать мячикъ руками, пока онъ на лету, а не упалъ на землю, значитъ поймать доробку. Если такъ схватятъ полешники, они идутъ клеветать, а клеветаніе идутъ въ поле париться. Они клеветутъ такъ же, какъ и бывшіе, начиная съ матки. Иногда дѣвушки вмѣсто гонки мячика палкою, — варятъ кашни, т. е. партіи расставляются на двѣ противоположныя стороны, а на средину между ними становится дѣвушка. Она стоитъ и

вскидываетъ къ верху мячикъ и потомъ схватываетъ опять руками, не давая упасть ему на землю, а другія съ которой либо стороны (только не вдругъ съ обѣихъ, а попеременно) перебѣгаютъ отъ сала къ салу. Ваньшица торопится схватить мячикъ и его кидаетъ въ бѣгушихъ. Если она попадетъ, то идетъ къ салу и уловленный варитъ кашу.

Игра изъ за сухой трески. Самое названіе игры разумѣется глупое, данное ребятами. Оно только безъ подробностей и интересуется любителей, а на самомъ дѣлѣ игра эта довольно неприятна. Скопище грязныхъ ребятшекъ (хорошихъ родителей дѣти не допускаются) выбираетъ себѣ для игры мѣсто на улицѣ, напр. около кабака, и находитъ голикъ, метлу, вѣнникъ, или другую вещь, названную сухой трескою. Окончивъ предварительно маленькія и нетяжелыя приготовленія ребята вызываютъ зачинщика игры. Ну, вотъ онъ нашелся, стоитъ на мѣстѣ пареня и у ногъ его къ его услугамъ лежитъ голикъ, а вокругъ парельщика толпа кричащихъ ровней съ нимъ. Съ размаху парельщикъ бросаетъ сухую треску ногою съ намѣреніемъ попасть ею въ кого либо, тотъ (въ кого попала треска) какъ ни прискакиваетъ, чтобы брошенный по землѣ голикъ не задѣлъ его, долженъ пихать его такимъ же порядкомъ. Тогда ребята съ быстрымъ налетомъ нападаютъ на парельщика и бьютъ его кулаками, вѣроятно для того, чтобы онъ былъ половчѣе; парельщикъ, замѣшанный въ кричащую толпу, уже не въ силахъ бросать сильно свое неприятное орудіе. Но кое-какъ, съ трудомъ и слезами, приступомъ отражаетъ крикуновъ и со всею горячею ребячею силою кидаетъ наугадъ въ нихъ голикъ. Положимъ что голикъ ударился о ноги Петрушки, — теперь также борется съ неприятелями онъ бѣдненькій, какъ въ поту и съ горемъ пополамъ бились Митька, Васяка и Пашка и друг. Конецъ такой игрѣ приходитъ съ темнотою вечера, тогда отцы или матери утащатъ весело разыгравшихся дѣтей за волосы, или же съ потасовкою, а не то, еще и съ поволочкою.

Игра съ самоюдомъ. Похожа на игру въ прятки. Также прячутся ребята, но на половину, а другая половина ходитъ для разыскиванія ихъ; конецъ же заканчивается такъ-же, какъ въ игрѣ бѣглыми. Въ игрѣ этой употребляется нижеслѣдующее четверостишіе, когда идутъ искать:

Пойдемъ Самоядъ искать,
Самоядочку трепать;
Ужъ мы Самоядъ найдемъ,
Пополамъ разорвемъ.

Нельзя ли допустить предположенія, что это отрывокъ либо сочиненія древняго, либо собственнаго созданія народной поэзіи по случаю покоренія дикарей, Самоядовъ.

Игра кружалами. Въ ледъ на рѣкѣ, или на озерѣ, вбиваютъ колъ и его замораживаютъ тутъ. Но этотъ

коль надрѣзають черезъ дыру на серединѣ доску. На одинъ конецъ доски привязывается конецъ веревки отъ салазокъ или дранчатыхъ самоѣ, на которыхъ садится мальчикъ. Силою другаго мальчика, другой конецъ доски постепенно шибче и шибче подвигается, вертится на колѣ, мальчикъ бѣгаетъ съ концомъ доски вокругъ кола, а сани съ сѣдокомъ кружатся. Мѣсто кружала на льду бываетъ чисто и гладко, потому что отчищаютъ нанесенный и натоптанный снѣгъ.

Игра съ жернова. Вырубають ребята изъ льда на рѣкѣ или озерѣ двѣ круглыя льдины. Въ серединѣ ихъ выдалбливаютъ дыры. Потомъ ихъ кладутъ одна на другую и дырами просовываютъ палку, замороженную во льдѣ. За тѣмъ, верхніе жернова пускають въ верченіе около палки, подвигая пѣшенкою, которою управляетъ мальчикъ. Тогда отъ звука тренія поднимается шумъ и всѣ ребята кричатъ и скачутъ.

Катанье. На конькахъ бѣгаютъ малые ребята и подростки — парни по установившемуся лишь на лужахъ, озерахъ и рѣкахъ, льду, покуда не занесетъ его укрѣпляющимъ снѣгомъ. Коньки суть деревянные подковы во всю ступню ноги, съ узенькими, кованными, желѣзными полосами, называемыми укладами, которые напередѣ загибаются къ верху. Коньки привязываются къ ногамъ кожаными и веревочными ремнями, въ переплетъ. Иные бѣгуны при катаньи на конькахъ берутъ съ собою копья — пѣшенки.

Игра съ бабки. Игра въ бабки или суставы, т. е. въ кости — повсемѣстно наврядъ ли извѣстна не каждому, поэтому я не нахожу необходимости вдаваться въ подробности, тѣмъ болѣе, что игра эта очень затѣйлива и для описанія ея надо много мѣста. Мѣсто стави т. е. гдѣ поставляютъ бабки, называется кономъ; мѣсто, откуда слѣдуетъ бить въ конь — сало; положеніе ногъ, когда надобно бить — приступъ; если сдѣлалось во время мета (снаровки) неловко — говорятъ чуръ, наново; состязаніе на призъ — казаться; бить конь — сшибать; сбить его — сшибчи, собью, сбилъ; не сбилъ — промахнулся, даль промаха; играющіе — бабошникъ — ни; сообщничество въ выигрышѣ или проигрышѣ — кальяга, а участвующіе въ ней — однокалещники; кости — бабки; одна бабка — шляха (когда остается лишнею отъ гнѣздъ); двѣ бабки — гнѣздо; болѣе паръ, столько и гнѣздъ; бабки продаются здѣсь по 1, коп. 2 гнѣзда, на деньгу — 4 гнѣзда, на копѣйку 8, на 2 в. — 16 и т. д. Бьютъ поставленные бабки такими же бабками, камнями, кирпичами и желѣзными плитками. Бабка, которою бьютъ — битокъ; такая же бабка, но со впушеннымъ въ средину ея свинцомъ — свинчатка. Большинство принимается, когда камутелъ, т. е. бросаютъ битки наугадъ, какъ случится имъ упасть: 1 — король, 2 — орлоца (вѣроятно выдуманно такое прозвище въ шутку надъ мастеровыми), 3 — жохъ (староякълъ),

4—днка. При этомъ принимается въ расчетъ, чей битокъ далѣе и чей ближе и говорится: дальній, дальняя, т. е. если у васъ жохъ далѣе, а у меня ближе къ кону—такъ вы бьете ранѣе меня, а я за вами уже; также старшимъ признается и надъ дальними королемъ, если бабка не ляжетъ, а станетъ; въ дикѣ же различается такъ: если бабка лежитъ на правомъ боку, та старше той, которая расшперилась, т. е. легла не бокомъ, а на спину.

Игра орлянка. Это денежная у ребятъ игра. Выигрыши состоятъ тутъ въ счастіи, т. е. если угадаетъ, что выпадаетъ, когда бросятъ монету на столъ или на полъ: орель (гербъ) или рѣшетка (цифра цѣны). Есть еще другая денежная игра. Собирается толпа оборванныхъ ребятъшекъ около крѣпкой стѣны поиграть по копѣечкѣ ($\frac{1}{4}$ к. с.) Каждый ударяетъ о стѣну своею деньгою. Первый изъ нихъ, т. е. тотъ, чья монета ближе къ стѣнѣ всѣхъ другихъ, мѣряетъ четвертью (растянутыми большимъ и указательнымъ пальцемъ) до первой; если хватить четверть тотъ, кому принадлежитъ монета, отдаетъ коп. ассигнац. и т. д.; отсюда онъ измѣряетъ четвертью до другой ближней монеты и тоже получаютъ $\frac{1}{4}$ к., если пальцы хватять.

Игра изъ-за пона. Играть изъ за чижа, какъ говорится въ другихъ краяхъ, здѣсь называется изъ за пона, или въ пона. Чиждѣляется величины въ $\frac{1}{4}$ арш. длины, изъ толстой палки, съ вострымъ къ верху концомъ. Передъ игрою берется взголовье, т. е. хламнина или плаха изъ дровъ. На нее владется однимъ концомъ доска такъ, что одинъ конецъ на землѣ, а другой выше и показывается скать. На высоту, т. е. на самый кончикъ ставятъ пона. Изъ за чижа играютъ молодые парни и ребята.

Всякій, желающій играть въ него, отыскиваетъ себѣ въ аршинъ или болѣе палку. Всѣ становятся къ лобной доскѣ для метанья жребія; поворотившись глазами по скату доски отъ ней, они кидаютъ всякъ свою палку черезъ свою голову. За тѣмъ повѣряется, чья палка упадетъ далѣе и чья ближе. По освидѣтельствованію, кому принадлежитъ ближняя палка, тотъ долженъ париться, т. е. бѣгать за ускочившимъ отъ удара чижомъ, а кому принадлежитъ дальняя палка, тому бить ранѣе другихъ.

Для битья чижа отмѣривается мѣсто, за которое битокъ не долженъ переступать далѣе шага; мѣра бываетъ такова: сколько игроковъ, на такое разстояніе отводится мѣсто, полагая далѣе и далѣе по длинѣ палки на каждого человѣка. Если ударившій чижа палкой ударитъ его такъ хорошо, что онъ улетитъ далѣе, чѣмъ улетѣла палка, онъ бѣжитъ, чтобъ опять взять палку; воспользовавшись этимъ случаемъ—онъ имѣетъ право кле-снуть пона опять послѣ другихъ, не бившихъ до сего. Но если не бываетъ возможности выбѣжать къ доскѣ съ палкою, то оставляетъ ее до выкупа, т. е. выручки

изъ этого положенія хоронимъ биткомъ другихъ. Бѣгушій съ схваченною имъ своею палкою долженъ ударить концемъ ея о доску, на которую становится чиждѣ. Парельщикъ же между тѣмъ, схвативъ скорѣе брошеннаго чижа, бѣжитъ къ доскѣ и старается бросить его въ доску ранѣе, нежели бѣжавшій ударитъ палкою. Если это случится, то париться долженъ тотъ, кто не успѣлъ ударить палкою; но ежели случится напротивъ, то парится старый парельщикъ. Случается, что онъ освобождается отъ этой трудной, погонной обязанности слѣдующимъ случаемъ. Всякій старается попарить парельщика и, въ огражденіе себя, сгоряча кидаетъ палку въ пона, но дѣлаетъ промахъ: чиждѣ останется на доскѣ, а палка улетитъ далеко, или же она задѣнетъ чижа не сильно и чиждѣ лишь только свалится, слѣдовательно не бываетъ возможности выбѣжать, не рискнувъ видимо принять изъ за смѣлости должность парельщика. Такимъ образомъ палки отдаются на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ пали, а послѣдній битокъ чаще нарочно бросаетъ палку на авось помимо пона, будто бы съ промаха и для той выгоды, что палка улетитъ далѣе другихъ. Когда палки всѣ въ бездѣйствіи, въ полѣ, парельщикъ отмѣриваетъ три шага отъ доски и взятымъ въ руки чижомъ старается ударить въ ближе всѣхъ лежащую палку.—Потомъ если не попалъ въ палку, онъ продолжаетъ цѣлить въ другія слѣдующія палки, но уже не отъ доски, а отъ мѣста, гдѣ лежала палка, въ которую онъ мѣтилъ только что предъ тѣмъ. Тотъ, въ чью палку парельщикъ попадетъ чижомъ, долженъ париться, но нерѣдко случается, что онъ попадаетъ въ нѣсколько палокъ, когда онѣ однѣ отъ другой не подалеку; тогда хозяева этихъ палокъ мечутъ жребій—счастіе, т. е. кидаютъ черезъ головы палки. Чья палка упадетъ ближе къ доскѣ, чѣмъ другія—тотъ закабаливается париться, а игра начинается снова, какъ было въ началѣ. Вотъ и все.

Игра въ рюхи. Рюха есть отпиленный круглый кусокъ дерева, въ $1\frac{1}{2}$ верш. толщины въ роспилѣ, съ обоихъ концовъ толщиной равный, а длиною вершка 3 или $3\frac{1}{2}$. Рюхи имѣетъ не всякій парельщикъ, а преимущественно матушкины сынокъ изъ зажиточнаго семейства. Игрою въ рюхи занимаются, неупомянувъ уже о малолѣтнихъ, довольно взрослые парни: 17, 18 и 19 лѣтъ. Затѣвающіе эту игру, разумѣется, бываютъ въ сговорѣ и соглашаются играть въ нее для развлечения.

Положимъ въ примѣръ для этой игры 8 челов. (всегда бываетъ ихъ четное число). Изъ нихъ избираются 2 матки, безспорно сильныхъ, ловкихъ и большерослыхъ; остальные же шестеро расходятся по сторонамъ на 3 партіи по 2 человѣка. Одни, первые двое, берутъ кто щепку, а кто травку, и идутъ парю, взявшись подъ руки, къ маткамъ говоря: матки, матки (чего вамъ надо)—щепинки ли травинки? Матки выпрашиваютъ любое. Другіе двое, подобно

первымъ двумъ, берутъ: одинъ вичу (прутъ—значитъ метлу, другой широкую щепку, разумѣя лопату), тоже приходятъ къ маткамъ и спрашиваютъ: матки, матки метлы или лопатки? Третья пара тождественно, придумавъ что либо взять, является къ маткамъ и поступаетъ къ нимъ какъ бы работниками. Наконецъ, каждая сторона составляется изъ четырехъ человѣкъ: одной матки и трехъ подмогъ или дѣтенышей. Иногда допускается, что если на которой либо сторонѣ дѣтеныши все ребята мелочь, то для уравненія причисляется въ помощь еще одинъ сверхъ-штатный.

Составивши двѣ стороны, каждая партія палками чертитъ на землѣ, въ известномъ разстояніи одинъ отъ другаго, два города, противоположно, одинъ противъ другаго, въ видѣ рисунка квадратнаго плана. На серединѣ между городами вколачивается въ землю небольшой колы, означающій половину рекогносцировки. На первой чертѣ каждаго дѣтскаго города поставляются рюхи стопкомъ; онѣ ставятся: или попарно черезъ всю черту, или кучей на серединѣ ея и сверху кладется рюха, попь съ острою верхушкою. Сочтемъ, что города готовы къ осадѣ, что рюшное войско въ ожидательномъ военномъ порядкѣ и что стоитъ непріятелю только двинуться и города загорятъ, запылаютъ. Но нѣтъ, и тутъ еще пойдутъ переговоры о томъ, чьей сторонѣ зажигать напередъ. Для этого берутъ палку, которыхъ бываетъ по двѣ у каждаго мальчика, какъ двѣ руки, и по ней выводятъ, кому бить сперва, а именно: одна matka бросаетъ палку въ руки другой, и по которому мѣсту та захватитъ палку, попеременно оттуда къ верху пережимаетъ, до самаго конца, кулакъ возлѣ кулака, то та, то другая matka; — наконецъ, видя что уже нельзя того дѣлать болѣе, захватившій палку въ послѣдній разъ, въ такомъ положеніи какъ ее держать, долженъ обнести поверхъ, головы вокругъ себя и потомъ, вскинувъ ее вверхъ, схватить на паденіи. Если во время такого дѣйствія палка упадетъ на землю, или когда кинута и тотъ не успѣетъ ее схватить на лету, то онъ не можетъ быть въ рюхѣ въ первыхъ, а зажигаетъ та matka, которая оставалась въ бездѣйствіи. Но ежели случится благополучный выводъ, то зажигаетъ конечно та сторона, matka которой мастерски управлялась съ палкою. Отъ города (своей постройки), который будетъ бить другая (противная) сторона, передовая matka, бросаетъ палку (въ чужой) городъ, назначенный ей жечь, но палка не сплибла ни одной изъ поставленныхъ рюхъ; бросаетъ и другую, но и тутъ безуспѣшно. Теперь выходитъ дѣтенышъ и со всѣмъ мужествомъ бросаетъ свое орудіе въ черту осаднаго города, дабы попасть, но хотя онъ и попалъ въ кучу рюхъ, да такъ плохо, что не вышибена изъ города, т. е. не выкатилась изъ черты, — это значитъ навасилъ или наварилъ кашу; онъ же выдаетъ туда другую палку, отъ

того же мѣста, и вотъ выкатываются изъ города двѣ или три рюхи. Тогда уже другая подмога бьетъ городъ съ половины; онъ бросаетъ палку и даетъ промахъ, бросаетъ другую, но палка, двинувъ изъ кваса лежащую рюху, заставила ее повалиться на боковую черту города, значитъ сдѣлалъ попа. Этого попа становятъ въ стоячку и тогда уже третій подручный, за прегрѣшеніе втораго отправляется бить отъ другаго города, и ежели направленною со всею силою палкою собьетъ попа, то идетъ бить съ другой руки (т. е. другою палкою) съ $\frac{1}{2}$ между городами. Такимъ же образомъ зажигаетъ чужой городъ большакъ, matka другой стороны и бьютъ также дѣтеныши ея. Такъ ведется попеременно до тѣхъ поръ, пока въ которомъ либо городѣ не остается ни одной невынесенной рюхи; въ такомъ случаѣ matka съ дѣтенышами, которые не могли вышибить остальныхъ рюхъ изъ города, который все били, за столько же разъ, за сколько очистила другая сторона, за этотъ неуспѣхъ должны поставить въ прежнее стоячее положеніе оба города, и сверхъ того, они не могутъ въ первыхъ бить или зажигать городъ; первенство въ этомъ принадлежитъ выигравшей. Зажигъ партій, которая потерпѣла неудачу, по уговору замѣняется другимъ наказаніемъ, именно: люди, принадлежащіе обанкротившейся сторонѣ, обязаны на плечахъ своихъ коварешками переносить тѣхъ, которые у нихъ отыграли партію, нѣсколько разъ отъ города до города: тогда каждая сторона строитъ по одному городу. Но если же обиженная сторона, по спору или почему либо, не захочетъ исполнить обычая игры, то, сверхъ безчестія называться килю виновники кладутся на палки, разложенныя по землѣ, одна отъ другой не подалеку, и таскаются на нихъ требователями исполненія, будучи подергиваемы то въ ту, то въ другую сторону, и за головы, и за ноги; затѣмъ прогоняются битьемъ и считаются негодными въ товариществѣ, какъ тусы и спорники.

Добавимъ, что городъ бить дается одной сторонѣ не одинъ и тотъ же, а попеременно тотъ и другой: первая сторона бьетъ въ тотъ городъ, который ранѣе былъ битъ второю, а вторая жжетъ городъ, битый до нея первою стороною.

Игра съ бѣлками. Предварительно готовится нѣсколько пучковъ розогъ, въ примѣръ для наказанія бѣглыхъ. Потомъ въ условленномъ мѣстѣ мальчуганы собираются въ партію и послѣ шума раздѣляются на сыщиковъ и бѣглыхъ. Сыщики остаются на мѣстѣ у сала, а бѣглые убѣгаютъ спрятаться. Спустя немного времени, сыщики нускаются въ погоню за бѣглецами, и поймавъ котораго нибудь, тащатъ на арканѣ къ салу.

Тутъ дезертира кладутъ на землю и сыщикъ, наложивъ на его грудь колено свое, спрашиваетъ: смерти или живота? или захвативъ за носъ, тянетъ его крѣпко къ себѣ, спрашивая: дубъ или квасъ?

Если бѣглець скажетъ на первый разъ: живота, а на второй отвѣтитъ: ни дубъ, ни квасъ, ни прочь отъ насъ, то онъ тогда же отпускается на волю.

Но ежели онъ скажетъ только, что ему не надо смерти, то его мнутъ до тѣхъ поръ, пока онъ, уже изнеможенный, не скажетъ имъ: надо живота. Или буде лежащій скажетъ «дубъ», то его тянуть къ низу со смѣхомъ: дубъ такъ тани до губъ. Въ случаѣ же отвѣта: «квасъ», тянуть носъ къ верху съ насмѣшкою: квасъ—такъ тани до глазъ. Но тѣ, которые сами явятся изъ бѣговъ, освобождаются отъ наказанія.

Перебравъ такимъ образомъ всѣхъ бѣглецы дѣлаются сыщиками, а бывшіе сыщиками бѣглыми.

Игра въ прятки. Собирается довольно значительное число мальчиковъ и всѣ они строятся во фронтъ. Большой изъ нихъ — начинщикъ (ловкій) дѣлаетъ указанія приложеніемъ руки на грудь каждаго, составляющаго общество игры прятками, начиная съ себя, и провозноситъ:

- (себѣ) Анка
- 2—Дранка
- 3—Унтеръ
- 4—Чмока
- 5—Ень
- 6—Бень

7—Бобъ. Кого приведется прихлопнуть въ словѣ «бобъ» тотъ удаляется изъ круга, значить вышелъ. Потомъ, тотъ же предводитель и съ тѣми же словами дѣлаетъ рукоприкладство на остальныхъ, начиная со слѣдующаго за бобомъ.

- 1—Анка
- 2—Дранка
- 3—Унтеръ
- 4—Чмока
- 5—Ень
- 6—Бень

7—Бобъ. Значить 7-й уходитъ тоже; за тѣмъ, остается не вышедшихъ пять человѣкъ. Мы беремъ для примѣра партію въ 7 чел., но играютъ мальчиковъ иногда, до 20-ти. — Чаше случается, что изъ строя выходитъ бобомъ тотъ, кто начальствуетъ. По выходѣ его замѣняетъ другой, по желанію всѣхъ. Это продолжается дотолѣ, пока останется не вышедшихъ два мальчика. Въ этомъ случаѣ удовлетворяются, кому прикладывать руку себѣ или къ своей груди напередъ. Послѣ этого тотъ, кому пришелся ударъ съ словомъ бобъ; пристааетъ къ другимъ, получившимъ боба, а послѣдній долженъ остаться у сала. Когда ребятъ бываетъ много, тогда они становятся вокругъ распорядителя и причитаній дѣлается болѣе, а именно:

Анка,	Бобъ,	Кто,	Вышелъ
Дранка,	Уирынцы,	Его,	Духомъ
Фина,	Трынцы,	Подниметь,	Вогъ,
Дрона,	Волинцы,	Тотъ,	На убогъ
Унтеръ,	Яблочекъ,	Воевода,	Домъ,
Чмока,	Катился,	Воеводскій,	Съ золотымъ,
Ень,	Вокругъ,	Сынъ,	<i>Костылемъ.</i>
Бень,	Огорода	Шинель,	

Или:

Перводанъ,	Поди,	Кони	Сладкой
Другопанъ,	Пятьсотъ,	Новы,	Вицей,
На четыре,	Судья,	Чѣмъ,	Подполицей,
Угадай,	Пономарь,	Погонять,	Нижній,
Палець,	Ладья,		

За печь. Тогда выходитъ изъ круга при ударѣ съ словомъ *за печь*.

Саломъ у ребятъ называется то назначенное мѣсто, у котораго остается парень, не получившій «боба» или «костыля», или «запечья». Мѣсто такое бываетъ: или высокій столбъ, стоящій наединѣ, или болѣе уголъ какаго нибудь зданія. Сало заплевывается слюною всѣми участвующими въ игрѣ и къ нему приказывается стать парельщику (не бобу) лицомъ къ салу такъ, чтобы онъ не могъ видѣть, въ которыя стороны и куда кто забѣжалъ спрятаться.

Спрятавшись, всѣ онъ кричатъ: пора! Тогда парельщикъ отправляется искать по всѣмъ переулкамъ, заулкамъ, закоулкамъ, на хоромахъ и вездѣ разыскиваетъ ихъ. Между тѣмъ нѣкоторые изъ спрятавшихся высматриваютъ: если парельщикъ отошелъ далеко отъ сала—то немедленно выбѣгаютъ къ нему изъ своихъ убіжищъ и плюютъ слюною въ сало съ приговоркою: чуръ я бить.

Иногда парельщикъ, завидя бѣгущаго къ салу, старается приближать и плюнуть въ него ранѣе того. Тогда неуспѣвшій сдѣлать сего скорѣе парельщика считается телицею и остается до времени у сала; у него же остаются и тѣ, кто ранѣе успѣетъ плюнуть, чѣмъ парельщикъ и телица, пока не явятся тутъ всѣ. Впрочемъ, если парельщикъ видитъ, что телица у него есть, а тѣмъ болѣе ежели еще и не одна, то онъ вызываетъ неотысканныхъ крикомъ: «на быка», которыхъ онъ уже никакъ не можетъ заплевать.

Послѣ этого телица остается парельщикомъ, а бывшій имъ убѣжить съ другими прятаться.

Но если телицъ набралось много, то заплывавшій ихъ парельщикъ имѣетъ право оставить на мѣсто свое изъ нихъ кого его угодно. Однакожъ такое право распространяется не на всякаго парельщика; инымъ нѣтъ въ этомъ довѣрія, а напротивъ, когда парельщикъ по одной лишь

зубъ оставляет париться такого, который уже парился разъ, либо болѣе. Въ такомъ случаѣ парельщикъ беретъ щепки и плетъ сляну на нее, а одинъ изъ кандидатовъ на должность парельщика спрашиваетъ другаго, чего ему надо: суха или моря, если тотъ скажетъ, что нужно: моря, а кинутая на произволь вверху лучина повернется стороною безъ сляны, сухою, то желавшій моря долженъ париться. Или же, вмѣсто того, выдаютъ къ верху и рукавицу; поджеребьевый проситъ верхоньки, а упавшая рукавица повернется къ верху съ пальцемъ то несчастливый долженъ париться. —

Дополненіемъ къ краткому описанію обряда «Бороды», представленному П. А. Ивановымъ, приводимъ здѣсь болѣе подробное, заимствуя его изъ описанія села Усть-Пун Шенкурскаго уѣзда.

Нѣкоторые изъ зажиточныхъ крестьянъ, остающіеся для сжатія уже послѣднихъ полювъ, разсѣвомъ на пять и болѣе четвериковъ, — сжинаютъ ихъ въ нѣсколько часовъ, собирая для сего со всей деревни знакомыхъ дѣвицъ. Сжатіе такимъ образомъ поля послѣдняго у хозяина называется «борода». Жать приходятъ дѣвицы въ хорошихъ нарядахъ, жнутъ съ пѣснями, и когда будутъ дожидать, то жавшая съ правой руки первая дѣвица оставляет на полѣ горсти съ три не сжатого ячменя, связывает солому ячменя лоскуткомъ или лентой, самые колосья срываетъ, солому до связки разгибаетъ на стороны, кладетъ въ средину на солому горсть земли, — и тогда начинается завитіе бороды, состоящее въ томъ, что всѣ дѣвицы съ веселыми пѣснями собираютъ на межахъ около полей разные цвѣтки, украшаютъ, убираютъ ими кругомъ всю оставленную и связанную горсть соломы и на ней землю. По завитіи такимъ образомъ бороды, всѣ дѣвицы съ пѣснями идутъ съ поля въ домъ хозяина, гдѣ угощаются чаемъ, а женщины, если онѣ были приглашены на бороду, и водкою. При питіи первой чашки чая, каждая дѣвица поздравляетъ хозяевъ словами: «будьте здоровы, съ ведромъ и отрадой, съ счастливою бородой, съ бѣлымъ хлѣбомъ и съ зеленымъ сѣномъ». Послѣ чаю, пока хозяевами собирается на столъ обѣдъ, дѣвицы у дома хозяина водятъ хоробы, поютъ пѣсни. За обѣдомъ угощаются — въ скоромные дни — мясомъ въ разныхъ видахъ, кашею, сладкимъ пирогомъ, пивомъ; — въ постные дни мясо замѣняютъ разнаго рода рыбы. Вообще обѣды на бородахъ довольно роскошны; за ними бываетъ до восьми пережѣнъ. Послѣ обѣда дѣвицы, поблагодаривъ хозяевъ за хлѣбъ-соль, отправляются съ пѣснями въ свои дсны.

Объ *Ирагъ* въ Туягасскомъ приходѣ, въ матеріалахъ П. С. Ефименка имѣются слѣдующія данныя:

Во всю свѣтлую седмицу парни и дѣвки ходятъ съ колобанами и ящичками по колокольнѣ, гдѣ, позвонивши часа два-три, собираются въ притворѣ церкви биться и катать

лицами и угощать другъ друга колобанами. Въ Петровъ день (29 іюня) дѣвицы и парни собираются на лугу въ веротѣ отъ деревень играть въ *мышку*, т. е. всѣ парни и дѣвицы становятся парами одна подѣ другой и лишній становится впереди всѣхъ и, изъ разбѣжавшей первой пары, должны ловить которое либо одно лицо. Если поймаетъ, то становится самою послѣднею парюю, а оставшійся безъ пары долженъ тоже дѣлать. Поигравши въ мышку, ходятъ хорободомъ съ пѣніемъ пѣсенъ и *рутуъ рѣдску*, т. е. всѣ сколько есть, дѣвицы и парни захватываются другъ за друга подѣ мышки и первое лицо (довольно сильное) бѣгаетъ во всѣ стороны, чтобы разорвать схватившуюся вереницу.

Въ празднованіе Флору и Лавру (18 августа) всѣ домохозяева, исключая раскольниковъ, приводятъ своихъ лошадей къ часовнѣ означенныхъ святыхъ, для кропленія святаго водою.

Касательно увеселеній въ Сумскомъ посадѣ, вотъ что говорится въ его общемъ описаніи: Сумляне большую часть года проводятъ вдаль отъ своихъ семействъ на трудныхъ и опасныхъ морскихъ промыслахъ; по этому въ зимнее время они, при меньшихъ трудахъ, какъ бы отдыхая въ своемъ родномъ уголѣ, по своему веселятся.

Любимая прогулка Сумлянъ по посаду въ 8 или 9 часовъ вечера, толпами отъ 20 до 30 человекъ, съ громкими пѣснями, которыя иногда одновременно раздаются во всѣхъ концахъ посада.

Въ толпахъ этихъ гуляютъ кромѣ холостой молодежи и молодыя женщины со своими мужьями.

Послѣ этой прогулки молодежь идетъ къ дѣвицамъ на вечеринку. Чтобы быть на ней, необходимо по обыкновенію «подаватца» (попроситься). Желающій быть на вечеринѣ стоитъ въ простѣлкѣ у окна того дома, гдѣ вечерина, царапаетъ руками по ставню или по рамѣ и мяукаетъ, или поддѣльнымъ голосомъ въ умоляющемъ тонѣ прозноситъ на распѣвъ: «а на вечеринку!» Получивъ по знаку изъ избы дозволеніе, молодецъ входитъ въ избу, и у порога дверей, снявъ съ головы шапку, помолясь въ передній уголъ иконамъ, идетъ къ лавкѣ, и, садясь на нее, привѣтствуетъ вечеринщицъ словами: «дѣвицамъ краснымъ», а если до него пришли сюда же подобные ему товарищи и сидятъ на вечеринѣ, то и къ нимъ: «молодцамъ удалымъ». Развязный вечеринщикъ не сидитъ на вечеринкѣ камнемъ. Онъ находчивъ здѣсь въ разговорѣ и смѣшитъ вечеринщицъ. Варакоситъ имъ, что попало (вретъ, что на умъ сбрело), а дѣвки галянятъ до переса (смѣются до изнеможенія).

При этомъ случаѣ онъ сводитъ знакомство съ тою, которая ему больше нравится, мѣняется въ тихомолку кольцомъ, такимъ образомъ заручается на взаимность и дѣлается названнымъ. Не рѣдкость здѣсь встрѣтить дремлющихъ, полуспящихъ вечеринщиковъ, которые въ болѣе

бойкой дѣвушкѣ вызываютъ такъ называемую шутку «морона колоть». Для этого свертываютъ шерстяную нитку, и всовываютъ ее въ ноздри сонни, который очнувшись платитъ за эту шутку неумѣстною, непривѣтливою фразою и чрезъ нѣсколько времени снова всхрапываетъ. Такимъ рѣзкимъ невѣжествомъ и грубостію подшутившая дѣвушка, ни мало не оскорбившись, скажетъ только: «Досугъ! *нашикаю*», другими словами: «не велико дѣло! наплевать!»

Таковы зимніе повседневныя вечеринки. Но вотъ наступаютъ Святки; дождались и Рождества Христова, — Сума становится болѣе оживленною, начинается разгулъ. Съ перваго дня праздника, днемъ и вечеромъ Сумляне ходятъ хухольниками *) (наряженными). Каждый вечеръ устраивается вечеринка, но эта вечеринка имѣетъ совершенно другой характеръ, чѣмъ будничная или повседневная; сюда дѣвушки являются въ самыхъ лучшихъ своихъ платьяхъ.

Чтобъ болѣе дать понятія о вечеринкахъ, зайдете въ домъ и посмотримъ на нихъ поближе. Изба полна народомъ, зрителями, хухольниками и ребятишками. Тепло въ ней, душно и тѣсно; русская печь, съ боковою стѣною, къ которой тѣснится народъ, въ видѣ предупредительныхъ мѣръ, на скорую руку обита досками. По передней стѣнѣ поставлено вмѣстѣ одной высоты нѣсколько столовъ, покрытыхъ бѣлыми скатертями, и на нихъ въ одинъ рядъ разставлено нѣсколько зажженныхъ свѣчъ въ подсвѣчникахъ (пропорционально числу вечеринщицъ). Въ промежуткахъ между огнями, показываются на тарелкахъ кедровые и каленые орѣхи, изюмъ и закуски. За такимъ составнымъ длиннымъ столомъ, ярко освѣщеннымъ, сидятъ вечеринщицы дѣвицы, какъ гости; у каждой въ рукахъ по бѣлому носовому платку, который довольно часто служитъ вмѣсто вѣера. Противъ нѣкоторыхъ дѣвушекъ, болѣе привлекательныхъ наружностію или дочерей зажиточныхъ родителей, лежитъ на столѣ по кучкѣ новыхъ веретенъ. Это сюрпризы отъ хухольниковъ, почитающихъ избранныхъ дѣвицъ.

Но вотъ начинается игра въ «утушку». Молодецъ подходитъ къ одной изъ дѣвицъ, сидящихъ за столомъ, и молча кланяется ей; та выходитъ, молодецъ беретъ ее за руку и ходитъ съ нею взадъ и впередъ по комнатѣ. Между тѣмъ сидящія дѣвушки поютъ въ это время пѣсню, и, когда пѣсня кончается, дѣвушка, вызванная молодцомъ, благодаритъ его поклономъ, послѣ чего онъ тотчасъ же оставляетъ ее, а она уже выбираетъ изъ среды молодцовъ другаго и, прохоривши съ нимъ до конца

*) Маски не употребляются, ихъ замѣняютъ платки. Одѣваются же женщины въ платье мужчинъ, а мужчинамъ въ платье женщинъ итг какое кому достать сподручно.

начатой пѣсни, оставляетъ его и садится на свое мѣсто; а выбранный ею молодецъ заступаетъ ея мѣсто и приглашаетъ другую дѣвушку и они поступаютъ точно такъ же какъ и первые. — Въ этомъ заключается сущность «утушки», и молодежь забавляется ею до 4 или 5 часовъ утра.

Къ тому же Сумскому приходу относится замѣтка, описывающая хожденіе со звѣздою на Рождество Христово: Въ первый день Рождества, послѣ утрени, нѣсколько мальчиковъ и подростковъ, отдѣльными маленькими партиями, по изстари сохранившемуся обычаю, слѣзая изъ дома въ домъ, предлагая почти въ каждомъ: «не угодно ли Христа прославить? Это христораславцы». — Одинъ изъ нихъ всегда ходитъ вмѣсто звѣзды съ фонаремъ.

Получивъ на предложеніе согласіе, христораславцы поютъ ирмосъ: «Христосъ рождается», тропарь: «Рождество Твое Христе Боже нашъ» и кондакъ: «Дѣва днесъ пресущественнаго рождаетъ». Но этихъ еще не заканчиваютъ. Подъ управленіемъ главнаго изъ нихъ, христораславцы поютъ «рачен или рацен», которыя предлагаемъ здѣсь буквально съ гелоса.

«Достоинъ днесъ удивленія и духовнаго веселія. Нынѣ звѣзда на небеси явися! Паче свѣта свѣтаетъ и тѣмъ провозвѣщаетъ Бога нашего, и на землю проявляетъ: Яко нашъ наруночный приидеть, принесетъ Пречистая Дѣва Маріа! Радуйся, яко младенецъ пеленами обвиванъ; горніи чины дивятся, вкупѣ возрадуются. Ты же, господинъ хозяинъ, вкупѣ съ супругою своею и съ чадами своими утѣхи насладися! Тому же господину хозяину отъ всѣхъ восторжествуемъ, велегласно поздравляемъ!»

«Изыде звѣзда отъ Іакова и свѣтъ возсія отъ Израиля, Дѣва Бога рождаетъ, Ангели удивляются, персидскіе цари приходятъ, рожденному младенцу дары приносятъ. Тотъ же Богъ съ небесъ нисходитъ и небесная возводитъ, затѣмъ будь здоровъ, господинъ хозяинъ на многая лѣта!»

«Многая лѣта! Новая радость, во всемъ мірѣ нынѣ намъ явися, явися! Богъ, царь славы отъ Дѣвы Маріи въ вертепѣ родился, родился! Тому же Ангели на небеси дивятся, дивятся! Земнородніи челоувѣцы о томъ веселятся, веселятся! Мы же тако вопіемъ Вышнему Творцу: Слава Вышнихъ Богу! мы же вопіемъ: торжествуйте, ликоствуйте, Хвалу Богу дайте, вослѣвайте, възграйте! Дастъ Богъ вамъ, господамъ, госпожамъ, господиновымъ женамъ, во всѣ вкупѣ здравствовать! Вивать, вивать, многая лѣта!»

«День Христовъ, веселимся здѣ! благодать вездѣ! Хвала Богу пѣти нашему полу на звѣздѣ! Ангелъ пастьряиъ возвѣстилъ нарожденнаго Бога нашего. Царь же Иродъ всѣмъ возвѣстилъ, младенцевъ побилъ. Били-билися и кляли ругалися, яко убивцы, злы разбойници! Кричатъ дѣти, плачутъ матки, яко разбойници

отъ ихъ персей отрывали, рубили ихъ, и топтали ихъ, съ матерями попрощались, жалко плакали».

За все это пѣніе, три или пять человекъ христославцевъ бываютъ довольны, если дадутъ имъ на всѣхъ 5 коп. и связокъ маленькихъ олонскихъ калачей, известныхъ подъ названіемъ баранокъ.

О праздникахъ Курейско-Сергіевскаго прихода въ матеріалахъ П. С. Ефименна говорится:

Съ праздника Введенія во храмъ Богородицы хозяйки начинаютъ стрипать козули: замѣшиваютъ густо ржаную муку на водѣ, и изъ сего прѣснаго тѣста дѣлаютъ барашковъ, коровъ, быковъ, пѣтуховъ и проч. Въ праздникъ Рождества Христова, тотчасъ по отходѣ обѣдни, дѣти обонхъ половъ славятъ подъ окнами домовъ Христа, поютъ страннымъ напѣвомъ и нарѣчіемъ тропарь праздника, или ирмосъ 1 пѣсни, и за свое христославленіе получаютъ отъ домохозяина козули или крупчатые калачи (барашки). По вечеру славятъ Христа дѣвцы съ молодцами, и особенно отъ нихъ мужчины со звѣздой; послѣдніе поютъ *рацци*. Славленіе это продолжается два дня.

Послѣ христославленія начнутъ ходить «наряженные». Молодые парни одѣваются въ женскіе наряды, самоѣдскую и цыганскую одежды, принимаютъ видъ волковъ, медвѣдей; лице мараютъ сажей и закрываютъ платкомъ. Наряженные купаются 6-го января въ Іорданѣ. А дѣвцы о своихъ суженыхъ-ряженныхъ гадаютъ по банямъ, льютъ воскъ, олово, слушаютъ въ баняхъ, подъ окнами домовъ, у амбаровъ, на перекресткахъ дорогъ, для чего, очертившись ножикомъ, закутываются одѣваль-

ницей и замѣчаютъ по звону колокольчиковъ, лаю собакъ и проч. о своей судьбѣ-кручинѣ.

Въ описаніи того же Курейско-Сергіевскаго прихода упоминаются еще *Обряды при закладкѣ дома и при вхождѣ въ него на житѣе*:

«При закладкѣ дома на первый рядъ бревенъ кладутъ серебряныя или мѣдныя деньги и сыплютъ зерновой хлѣбъ (жито). При входѣ въ полночь въ новопостроенный домъ на житѣе, несутъ икону, хлѣбъ и пѣтуха, и всѣми силами заставляютъ его пѣть; а хозяйнишку (домовому) вланиются, чтобъ онъ, «господинъ принялъ ихъ въ новый домъ, на богатый дворъ, на житѣе, на бытѣе, на богатство». Сосѣди несутъ на новоселье полѣно дровъ, или хлѣбъ. Точно также при началѣ молотбы, овинъ окуриваютъ ладономъ, и просятъ хозяйнишку сбереечь овинъ отъ несчастія».

Наконецъ о сельскихъ обрядахъ въ Хаврогорскомъ приходѣ, Холмогорскаго уѣзда, въ общей запискѣ о немъ сказано:

«Обряды — общіе всему Холмогорскому уѣзду; но частный въ Хаврогорскомъ приходѣ, есть только тотъ, что во Фроловъ день, какъ храмовой приходскій праздникъ, со всего селенія къ церкви приводятся лошади, и послѣ литургіи окропляются святою водою. Цѣль сего обряда болѣе религіозная, но отчасти и удовольственная послѣ страдной работы: какъ бы за трудъ отъ родителей дѣлается удовольствіе молодымъ людямъ, исключительно мужикамъ, прокатиться на лошади по всему приходу въ праздничномъ платьѣ и показать удалство своей лошади».

ГЛАВА VII.

ПРАВЫ, ВѢРОВАНІЯ, СУЕВѢРІЯ, ГАДАНІЯ, ПРИМѢТЫ.

Общая характеристика нравственной природы Архангельскаго населенія вообще и Пинежскаго въ особенности. — Вліяніе суровой природы и скудной обстановки на нравы жителей. — Замкнутость и молчаливость сѣвернаго человѣка. — Формы обращенія къ другимъ людямъ. — Положеніе женщины. — Воспитаніе дѣтей. — Ученіе. — Чтенія грамотѣвъ. — Вѣрованія Пинежанъ. — Нечистая сила и средство для борьбы съ ней. — Дѣшій и рассказы о немъ. — Домовой и дворовой хозяйнушко. — Нѣжить. — Байнушко. — Водяной. — Баба-яга. — Знахари, колдуны. — Ворожба. — Гаданія и разные виды ихъ. — Повѣрья о легкихъ и тяжелыхъ дняхъ. — Народныя представленія о солнце, лунѣ, звѣздахъ, громѣ, молніи, дождѣ, землѣ, водѣ. — Клады. — Повѣрья о животныхъ. — Суевѣрныя примѣты. — Вѣрованія жителей Тулгаскаго прихода: — о Богѣ, святыхъ, твореніи міра, душѣ. — Представленія ихъ же о небѣ, свѣтилахъ и небесныхъ явленіяхъ, — о землѣ и подземныхъ царствахъ, знахаряхъ, богатыряхъ, о животныхъ и растеніяхъ, о нечистой силѣ, о человѣкѣ. — Сельскохозяйственныя и другія примѣты, суевѣрія и гаданія. — Повѣрья, гаданія и примѣты жителей Курейско-Сергіевскаго прихода. — Повѣрья жителей Зимняго Берега. — Гаданія жителей Сумскаго посада. — Повѣрья жителей Хаврогорскаго прихода.

Въ этой главѣ мы отнесли всѣ данныя, какія только нашлись въ матеріалахъ, находившихся у насъ подъ руками, относительно вѣрованій русскаго населенія Архангельской губерніи. Большая половина этихъ данныхъ принадлежитъ П. А. Иванову и касается Пинежскаго уѣзда; остальные свѣдѣнія доставлены изъ пяти мѣстностей. Г. Ивановъ предпослалъ своему изложенію народныхъ повѣрій и суевѣрій общую характеристику нравственной природы Архангельскаго населенія, въ особенности же въ Пинежскомъ уѣздѣ. Съ этой характеристики мы и начинаемъ настоящую главу.

Народъ Пинежскаго уѣзда любитъ уединенную замкнутость. Пустыя и отдаленныя отъ центра уѣздной жизни мѣста въ Архангельской губерніи благопріятствуютъ уединенной жизни. Предоставленные самимъ себѣ, жители здѣшніе склонны болѣе къ задумчивости, чѣмъ къ веселью и шуму. Преобладаніе думы обнаруживается изъ угрюмаго вида и спокойнаго, тихаго характера, свойственнаго меланхолическому темпераменту. Самая жизнь идетъ глухо и однообразно. Но она имѣетъ свою родственную прелесть.

Обстановка деревень здѣсь замыкаетъ удрученнаго судьбою человѣка въ незавидныхъ жилищахъ, въ одномъ мѣстѣ, и дѣлаетъ небожкимъ. Сильный холодъ замедляетъ біеніе сердца, сжимаетъ органическіе сосуды и имѣетъ вліяніе на ростъ человѣка. Отъ холода, доходящаго въ суровую зиму до невыносимой крайности,

цѣпенѣетъ всякая жизнь, какъ и жизнь человѣка! Лѣсная же жизнь способствуетъ одичанію человѣка.

Крестьянинъ потому самому остается при своихъ невѣрныхъ дѣйствіяхъ, теряетъ способность самосознанія, суевѣрится въ своихъ неправильныхъ дѣйствіяхъ, что называется грубымъ невѣжествомъ, ему никто не откликнется въ дикой и глухой сторонѣ, ничто не встрепенется мыслию въ домѣ. У него нѣтъ духовныхъ убѣжденій, съ которыми бы онъ боролся и которыми бы онъ занимался съ увлеченіемъ. По этому-то онъ обращается въ спокійствіе и размышленіе, задумывается о себѣ, становится недовольнымъ самимъ собою и окружающею его природою, желаетъ бѣжать... Но таинственная привязанность къ родинѣ и семейству, привязываетъ къ суровой отчизнѣ, неблагодарной землѣ и неудачнымъ промысламъ!...

Онъ остается на мѣстѣ навсегда, привыкаетъ къ уединенію, привязывается къ непріятной жизни, сродняется съ апатичнымъ терпѣніемъ, усваиваетъ себѣ отсутствіе желаній *) и удобствъ и совершенно свыкается съ выпавшею долею, по пословицѣ: живи пока живется, обживешься — такъ и въ аду хорошо!

Но вліяніе обстановки жизни крестьянина выказывается почти во всемъ. Онъ набоженъ, богобоязливъ,

*) Крестьянинъ ограничиваетъ, повидимому, всѣ житейскія требованія двумя предметами — ѣдой и тепломъ, все другое считается лишнимъ.

спиритъ, очень трусливъ изъ болѣзни, скрытенъ, застѣнчивъ и недоувѣрчивъ. Подъ кроющимся сомнѣніемъ къ искусному, изящному, недосыгаемому для его собственнаго понятія и вкуса. Уничтожая себя, онъ остается невѣждою.

Получивъ прямое наслѣдіе отъ древнихъ и кровныхъ соплеменниковъ Новгородцевъ, жители здѣшніе рабы обычаевъ и имѣютъ сильно—слѣпую приверженность къ старинѣ. Многіе не только не благоволятъ къ нововведеніямъ, но негодуютъ, и мысленно злятся на нарушение заведеннаго порядка.

Живутъ крестьяне *всѣмъ своимъ умомъ*, а примѣры берутъ съ людей *), имѣющихъ на нихъ вліяніе, конечно рутинеровъ, и оказывается, что они живутъ какъ жили предки, праотцы ихъ, съ небольшимъ развѣ измѣненіемъ, вѣря, что человѣческій родъ съ теченіемъ времени становится безнравственнѣе и слабѣе. Многіе вѣкъ свой проживаютъ дома, около себя; многіе не совсѣмъ понимаютъ жизнь внѣ своей деревни; многіе очень далеко отъ деревни, не знаютъ куда и какъ проѣхать; но однако многіе молодые стыдятся сидячей жизни. Разединеніе населенія на большомъ пространствѣ дѣлаетъ жителей покорными, съ смиреннымъ характеромъ.

Вся жизнь крестьянъ проходитъ въ постоянныхъ заботахъ о семействѣ, хозяйствѣ, землѣ и скотѣ,—къ чему употребляются всѣ ихъ труды. Ведя же скромный образъ жизни, здѣшній крестьянинъ скряжничаетъ. При томъ замѣчено, что онъ корыстолюбивъ и жаждетъ къ прибыли. При всѣхъ этихъ качествахъ, поселяне здѣшніе живутъ, нельзя сказать, что бѣдно... Но они не имѣютъ понятій объ изящномъ и не отличаютъ внѣшняго и наружнаго отъ внутренняго; алчность закрываетъ глаза отъ прекраснаго, высокаго, нравственнаго...

Къ тому же есть много семействъ, чрезвычайно бѣдныхъ. Несчастные годы въ промыслахъ и урожаяхъ хлѣба привели и поставили ихъ въ крайне тягостное положеніе.

Но и при всемъ томъ нельзя сказать, чтобы жители были глупы и лишены смысленности, переимчивости, благоразумія, смѣтливости и вѣрныхъ соображеній.

Они имѣютъ, хотя медленный, но основательный умъ, дѣльную опытность; судятъ просто, но здраво и толково. Надо же, впрочемъ, сознаться, что холодность и несообщительность удерживаютъ ихъ отъ увлеченія къ любознательности, а потому они не очень развиты.

Опытность и знанія обыкновенно составляютъ гордость надѣленнаго такими преимуществами. Такъ и нашъ крестьянинъ имѣетъ свойственную жизни своей

*) Въ крестьянахъ всегда слишкомъ сильна потребность опереться на другихъ, равно какъ и держаться своихъ старинныхъ обычаевъ.

самонадѣльность и самоувѣренность, хотя это ничто иное, какъ узкій эгоизмъ.

При замкнутости и молчаніи, у нихъ нѣтъ возвышенной, человѣческой общезнательности, и Богъ вѣсть когда человѣчество достигнетъ совершенства.

Отъ недоувѣрчивости къ незнакомымъ людямъ и отъ невѣжества, народъ здѣшній несообщителенъ. Въ своемъ же обыкновенномъ кругу обращеніе его отзывается простотой и естественностію, свойственными русскому человѣку; различіе только то, что у молодыхъ природная веселость, свобода мыслей и обращенія, а у пожилыхъ сдержанность, если не упоминать о томъ, что расположеніе духа тѣхъ и другихъ непостоянно. Столько намъ удалось узнать въ семь лѣтъ пребыванія въ обществѣ здѣшнихъ крестьянъ, сношенія наши оставляютъ не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе потому, что сельчане постоянно кажутся недовольными.

Въ обращеніи допускается самая задушевная русская уважительность на *ты*; когда же относятся къ неровному (чиновному) лицу, или хотятъ польстить, выучились звать *вы, они, васъ, ихъ* и т. под.

Замѣчательно, что крестьяне нѣдко не знаютъ своихъ сосѣдей по родовой фамиліи, потому что они носятъ *приватныя прозванія*. Прозвища эти по своей странности, во-истину изумительны. Клички даются по немочамъ, безобразію, рѣдкимъ замѣчательностямъ. Названія, даннымъ народнымъ кликомъ, не могутъ не поразить всякаго, мало видавшаго всю грубость деревенскаго люда. Напримѣръ: Васька - Васильицъ, Олека - сколотной, Николко-Матвѣевъ, Тереха-толстобрюхой, Митѣла-хромой, Микита-киланъ, Агашка хромушка, конь, князь, царь, цыганъ, пошѣивъ и т. под. Деликатное обращеніе, въ родѣ Иванъ Петровичъ, Бузьма Миколаичъ, можно услышать рѣдко, и только тогда, когда говорящее лице желаетъ оказать другому уваженіе, обращается къ неровному лицу, или заискиваетъ у того или другаго расположенія къ себѣ. Себя же тогда говорящій называетъ уменьшительномъ полуименемъ. Вообще очень непріятно видѣть раболопство и подобострастіе здѣшнихъ крестьянъ, особенно, когда они себя унижаютъ и говорятъ: «мужикъ—деревня, голова тетерья, ноги уточья, ж. а курочья».

О положеніи женщины въ средѣ крестьянскаго населенія кажется довольно сказано подъ рубрикой «обычное право». Остается сказать, что, при неправильномъ настроеніи понятій о женщинѣ, и почтеніе къ прекрасному полу, какъ говорится, *узенькое, малынькое*. Никогда не снимаетъ шапки мужчина передъ женщиной напередъ; напротивъ, женщина скромно склоняетъ предъ нимъ свою голову и тогда только мужчина поднимаетъ фуражку, а нѣтъ и такъ проходитъ, безъ отданія чести на поклонъ. Но бываетъ еще и то, что въ критическія минуты, какъ напр.: когда *попадетъ жинка мужику подъ пилу*

руку, онъ, пожалуй несправедливо, *посылаетъ бабу на чѣмъ сѣсть только стоитъ.*

Крестьянскія женщины добры, смиренны, сострадательны и чувствительны матери.

Отцы обязанность воспитанія дѣтей слагаютъ исключительно на матерей, а себя предъ дѣтьми держатъ строго.

Дѣтей воспитываютъ нерадиво, неправильно, невѣжественно и грубо. Ухода большаго за ними нѣтъ.

Пеленаютъ до извѣстнаго возраста не свивальникомъ, а поясами, обрывками, рубцами, покроями, а нерѣдко простою веревкою, обоими концами вкругъ и на груди непремѣнно крестомъ.

Въ пеленкахъ дитя находится до году, а чаще — гораздо долѣе. Сверхъ того держать въ зыбкахъ. Грубыя тряпичныя служатъ ребенку постелью и одѣяломъ.

Дитя кормить сама мать. Но, вслѣдствіе бѣдности, недосуга, тѣсноты — такое воспитаніе постоянно невозможно, и потому парятъ въ печахъ коровье молоко, или вскармливаютъ ребенка сырнымъ молокомъ, которое искусственно даютъ ему чрезъ *титку* — простую соску, или костяной *рожокъ*, съ привязаннымъ къ нему сосцемъ коровы.

Воспитаніе идетъ безъ присмотра и особеннаго вниманія. Няньками бываютъ сами матери, или подростки-дѣвочки и парни, свои или нанятые для того, чтобы качивать въ *зыбкѣ* и *водитцѣ*, если кричитъ дитя, и вообще качаютъ каждый разъ, какъ только оно расплачется. Если же ребенокъ уже вышелъ изъ люльки, его кладутъ на печь или на палаты, а между тѣмъ *татки* и *мамки*, или матери, уходятъ изъ дому, дѣти падаютъ, ушибаются и остаются на вѣкъ *стройниками* (увѣчными). Но зачастую и *зыбочки* оставляютъ безъ старшихъ съ соскою или рожкомъ. Не смотря на холодную погоду, женщина, уходя въ гости или по дѣлу, несетъ съ собой и дитя, кое какъ завернутое въ свою *шубейку*, или — просто въ корзинѣ.

Подростившихъ дѣтей держать въ заперти, или напротивъ даютъ имъ полную, безграничную волю. Только тогда, на вольномъ просторѣ и ничѣмъ неудержимой свободѣ, дѣти развиваютъ свои способности. Иначе бываетъ то, что за небольшой проступокъ, а иногда ни за что ни про что, бьютъ дѣтей, дѣлаютъ подневольными мучениками, пугаютъ, устраиваютъ, и дѣти, разумѣется, наконецъ, представляютъ вырожденный и выхоленный типъ тупоумія и суевѣрной боязни.

Чтобы слѣдить за тѣмъ, что дѣти дѣлаютъ и отстранить ихъ отъ дурнаго, этого не водится въ крестьянствѣ; о внушеніи же чувствъ и говорить нечего. Да и какое же можетъ быть возбуждено чувство высокое, когда дѣти присутствуютъ при всякихъ кровавыхъ зрѣлищахъ, внушающихъ страхъ.

Въ чистотѣ и опрятности родители приучаютъ дѣтей мало. Но они считаютъ себя въ правѣ осмѣять ребенка бранью за замаранье новыхъ сапоговъ, новаго кафтаника и т. под.

Не давъ окрѣпнуть въ смѣхъ, ребятъ заставляютъ ѣздить на лошадахъ, рубить дрова, носить тяжести и пособлять отправлять тяжелыя работы.

И, не смотря на это, спросите крестьянъ, каково воспитаніе у нихъ дѣтей, — и они вамъ отвѣтятъ: и мы вѣдь съ ребятами обходимся ласково и балуемъ ихъ. И это правда потому, что таково ихъ пониманіе, таково родительская любовь.....

Большаго влеченія къ ученю въ здѣшнихъ жителяхъ нѣтъ, но нельзя сказать, чтобы потребность образованія не увеличивалась. Крестьяне чувствуютъ, однако, антипатію не потому, чтобы отвергали пользу ученія, а просто потому, что ужъ *«такъ предки жили и безъ этого,»* или *«ужъ такъ на роду написано»* (жить дикаремъ). Да они, по правдѣ сказать, такъ и живутъ и нѣкоторые боятся ученія; а между тѣмъ, говорятъ *«мы темные люди, ничего не знаемъ»*.

Жители, живущіе близъ города и по тракту отъ Холмогоръ къ Пинегѣ, болѣе любятъ грамотность. Въ верхъ же по рѣкѣ Пинегѣ ученіе принимается не такъ охотно, потому что тамъ существуетъ наиболѣе расколъ, или народъ недоброй нравственности.

Хорошею нравственностію хвалятся крестьяне Никитинской волости (жители древней Кевроли), а самую худую — прихожане Чакольскаго и Перемскаго (Перема въ переводѣ Погоста, чертова земля) приходоу.

Кромѣ трехъ сельскихъ читальныхъ училищъ, существовали здѣсь до конца Управленія Государственныхъ Имуществъ въ церковныхъ трапезахъ элементарныя школы грамотности почти при каждой приходской церкви и учащихся было довольно. Обученіемъ крестьянскихъ дѣтей въ нихъ занимались мѣстные причты. На содержаніе школъ особой суммой назначено не было, а существовали таковыя на счетъ пожертвованій разныхъ лицъ. Въ настоящее время такихъ школъ, ни содержимыхъ обществомъ, ни благотворительностію частныхъ лицъ нѣтъ нигдѣ. Не имѣя ни малѣйшей матеріальной поддержки къ существованію и содержимые единственно пожертвованіями весьма немногихъ учащихся, эти расадники умственной пищи — постепенно закрывались и ученіе прекратилось наконецъ во всѣхъ.

Не мало учится еще дѣтей у разныхъ грамотѣевъ: поповъ, дьяконовъ, дьячковъ и писарей. Читать и писать женщины умѣютъ очень немногія, такъ что численность ихъ предъ числомъ грамотныхъ мужчинъ какъ 1: 10.

Въ народѣ есть охота слушать чтеніе печатныхъ книгъ. Въ воскресные дни, когда рѣдкіе гостятся, му-

заставили и заставили бы... что и
нибудь армо... — книжкина. чини

Тогда можно увидѣть въ употребленіи и книгъ, и вещи самыя народныя изъ книжннго тогъ въ родѣ книжекъ съ заглавіями: «О славномъ и синомъ витязѣ Еруслаѣ Лазаревичѣ», «О славномъ гатырѣ Полканѣ», «О славномъ и храбромъ витязѣ Муромцѣ и Соловѣ Разбойникѣ», «Прекрасногосюжетанна», «Исторія о храбромъ рыцарѣ Франца Венціанѣ», «О славномъ, храбромъ и непобѣдимомъ витязѣ Бовѣ Королевичѣ и о прекрасной супругѣ его Королевицѣ Друженѣ», «О Иванѣ Богатырѣ, жарѣ птицъ и о сѣромъ волкѣ», «О славномъ богатырѣ Иванѣ Царевичѣ», и проч. и проч. Такия книжонки распространяются въ городѣ и по деревнямъ въ ярданни, на рынкахъ, торжкахъ и ярмаркахъ. Главнымъ же развлеченіемъ посредствомъ чтенія у русскаго крестьянина служатъ священныя книги, какъ-то: «Псалтирь», «Житія святыхъ», «Изреченія Пророковъ», «Евангеліе» и др. При чтеніи ихъ сидятъ тихо, смиренно, или—кто молится, кто рассказываетъ въ грѣхахъ своихъ, кто плачетъ, кто охаетъ, кто тяжело вздыхаетъ....

Народъ сильно увѣренъ въ существованіе духовъ въ человѣческомъ образѣ.

По понятіямъ жителей здѣшнихъ, чертъ является и исчезаетъ невидимо.

Отъ вѣрованія въ чертей—жители имѣютъ ужасную боязнь, не только отъ призраковъ, но и отъ разсказовъ.

Суевѣріе въ демоновъ поддерживаютъ лубочныя, цензурованные картины: страшнаго суда, съ огненными змѣями, драконами, геенами, сковородани, огнемъ, съ изображеніемъ чертей и сатаны; также картины съ изображеніями искушеній святыхъ злыми духами въ лицахъ. Такия картины охотно покупаются на ярмаркахъ. Да ихъ и привозятъ очень много и продаются онѣ очень дешево. Въ рѣдкомъ домѣ нельзя увидѣть подобныхъ картинъ.

Жители вѣрятъ въ чертей: *домовою, байлушка, овинишка, туменною, водяною, лѣсною*. Подъ такими же названіями, по народнымъ повѣріямъ, водятся: *домовици, байлци, овиничици, водяничци, лѣшачици*.

Изъ такихъ вѣрованій можно заключить, что значить у чертей есть и семейства; изъ разсказовъ уже видно, что видаютъ лѣшачихъ съ ребятами.

Общій образъ чертей обозначается: человѣческій видъ, весь покрытъ мокнатою шерстью, на головѣ рога, назади хвостъ, у пальцевъ когти.

Чертацца или лѣшачатцца, т. е. упоминаетъ слова: чертъ, лѣшій, водяной и пр., почитается великимъ грѣхомъ и *притчами болельей*. При произношеніи слова «чертъ», многіе крестятся, а когда въ ругани го-

да и вообще все, изъ чего коутся, считается нечистымъ: тазы, ладки, ушаты, шайки, ковни въ баняхъ.

Пить въ банѣ воды, приготовленной для мытья, хотя ч она была чистая—нельзя. Также вода въ рукомопч почитается нечистою и ею нельзя даже вынолапосуду, а не только что пить.

тъ, что если есть охота увидать черта въ зайти въ нее въ ночное время и, заступогою за порогъ, свинуть съ шеи крестъодъ пату ноги.

въ баню *въ третій паръ*, т. е. безвыходно послѣ каждаго при третій паръ оставляется байтоже и моется, и парится.чу и вѣники.

кош... того нельзя... громко. Иначе, квернилось.

2. Въ *спдѣмъ*, что будто бы... *спасибо те*, на себя видъ животныхъ: кошки, ильи и злыми. Слово *спдѣмъ* и лѣяется въ брани въ примѣненіи къ злымъ животнымъ. Орудіями противъ нечистой силы у крестьянъ...

а) *Крестъ*. Кресты ставятъ въ избахъ, надъ окнами, надъ воротами, надъ дверями, на разныхъ мѣстахъ около дорогъ, при вѣздахъ, по краямъ улицъ, на перекресткахъ, на поляхъ, на высокихъ берегахъ, надъ могилами и пр. Крестъ на гайтанѣ носятъ жители на шеехъ, начиная съ дѣтства до смерти; такое распатіе на груди иногда называется *чертоономъ*. Крестъ съ кружкомъ налѣпляютъ на праздничномъ или свадебномъ пирогѣ; это принято въ обыкновеніе даже и образованными людьми. Крестомъ ограждаютъ себя въ разныхъ случаяхъ: при порывѣ, при произношеніи слова чертъ, при испугѣ и т. под. О крестѣ, въ старинной рукописи (отосланной мною въ Губернскій Статистическій Комитетъ) написано такъ: «Крестъ—хранитель всей вселенной, крестъ красота церковная, крестъ царемъ держава, крестъ вѣрнымъ утверждене, крестъ—ангеломъ слава, крестъ—бѣсомъ язва» (См. заклинанія).

б) *Талисманы*. Они зашиваются въ тряпкахъ, въ мѣшечкахъ, или въ кожаныхъ пуговицахъ, пришиваемыхъ на одинъ гайтанъ, съ крестомъ на шею; талисманы даются родителями дѣтямъ тогда еще, когда бываетъ первое возложеніе креста на шею ребенка.—Талисманы эти будто-бы ограждаютъ отъ всякой порчи въ здоровьѣ человѣка, съ которой непременно связано участіе нечистой силы.

в) *Полсъ*. Онъ считается и теперь священнымъ предметомъ и талисманомъ противъ нечистой силы и не сн-

мается ни днемъ, ни ночью, исключая такъ случаевъ, когда нужно идти мыться въ баню. Говорятъ, что еще лучше носить около живота, вмѣсто тесемчатого пояса, вязанныя сѣточки, такъ какъ изъ нитокъ какъ вывѣиваемы бываютъ молитвы.

г) *Головня*. Головня и теперь, по вѣрованію жителей, имѣетъ силу противъ дьявола. Ее носятъ по полямъ предъ сѣвомъ хлѣбовъ. Головней очертываются при гаданіяхъ на разстаняхъ; черти не могутъ перейти черты круга.

д) *Пистушеская палка*. Она и теперь имѣетъ то значеніе, что если перебросить ее черезъ скотину—она не будетъ уходить отъ дому далеко, куда уводить лѣшій.

е) *Молнія*. О силѣ ее сообщено ранѣе.

ж) *Звонъ* (звукъ) колоколовъ. Заслышавъ звонъ церковныхъ колоколовъ, дьяволъ бѣжитъ прочь отъ человека. Замѣчаютъ еще, что если выйти изъ дому, войти въ него, кончить что либо въ самое начало звона—есть предвѣстіе добра.

з) *Пѣніе пѣтуха*. Если пѣтухъ запоетъ ранѣе полуночи, т. е. ранѣе обыкновеннаго, то значить, что онъ видитъ дьявола и пѣніемъ своимъ прогоняетъ его.

и) *Иконы*. Ихъ вносятъ въ дома и обносятъ вокругъ деревень, чтобъ отогнать злыхъ духовъ. Священники окропляютъ водою въ домахъ и на улицахъ тоже для того.

Лѣшій. Тотъ же дьяволъ называется еще *лѣснымъ*, *лѣсовикомъ*, *лѣшакомъ* и *полесикомъ*.

Лѣшій — хозяинъ лѣсовъ. Онъ живетъ въ лѣсной трущобѣ и непроходимой чащѣ.

Раздается по лѣсу эхо, т. е. отдается голосъ на голосъ. значить *откликается лѣшій*.

Народъ вѣритъ, что если человекъ сбился съ известнаго пути, то значить его *обвелъ лѣшій*; онъ будто бы затмѣваетъ память.

Лѣшій похожъ на человека.

Онъ старается лишить путешественника разума и ввести его въ заблужденіе.

Лѣшій показывается иногда выше лѣса.

Обманувъ человека, лѣшій хлопаетъ въ ладоши и громко смѣется.

Говорятъ, что заплутавшагося человека *зверь не тронетъ* потому, что его охраняетъ лѣшій, которому *захотѣлось пошутить*. Чтобы избавиться отъ блужданій, заплутавшій долженъ выворотить свое платье и надѣть его на изнанку.

Лѣшій — злой. Онъ садится въ сани къ проѣзжающимъ, особенно къ пьяному ямщику, править лошадами и завозитъ туда, откуда трудно выдраться. Или когда промышленники находятся въ промысловыхъ избушкахъ, приходитъ къ нимъ посмотрѣть, и если ему не понравится тамъ, ломаетъ, бьетъ что попало и шутитъ.

Что лѣшій гонитъ зѣрей—и теперь въ то вѣрують. Такъ, если является много рожущихъ волковъ—значить *волкъ идетъ на войну; а лѣшій потылается*.

Рассказъ о лѣшемъ (подлинныя слова): «Человѣкъ около шести или семи собирали на лѣсномъ болотѣ, знаете, ягоды; все были мужики, нужно знать. Собирали они долго и набрали ягодъ множество, а время стало эдакъ на сумеркахъ. Черту жалко что-ли стало, вотъ онъ и явился. Такъ таки человекъ да и только, худо и различить, но ужъ большой и въ какомъ то красномъ невиданномъ нарядѣ. Онъ не шелъ, а ѣхалъ на ворономъ большущемъ конѣ, да и очень скоро. Не, только поровнялся съ огородами, не поѣхалъ вѣдь въ ворота, а они были отперты,—отворотилъ и конь перескочилъ черезъ огороду, знать потому, что пораньше немножко проѣхалъ старый старикашка, тутошный крестьянинъ, да передъ самыми то воротами перекрестился,—былъ онъ, знаешь ли, больно набожной».

Злыхъ духовъ боятся особенно ночью.

Запаху ладона приписываютъ силу отгонять духовъ. Вслѣдствіе этого и курятъ ладонъ въ известные дни, случаи и праздники, неся курящаяся кадильца по всемъ комнатамъ и въ сѣни.

Домовой, еще называется *дворовикомъ*, *хозяйничкомъ* и *дѣдомомъ*.

Нѣтъ дома безъ него, безъ его призора и ухода.

Онъ не считается злымъ. Онъ дѣлаетъ хозяйствамъ пользу въ несчастіяхъ.

Домовой даетъ знать о какомъ нибудь счастливомъ или несчастномъ приключеніи тѣмъ, что давить кого нибудь изъ односельянъ во время ночнаго сна.—Онъ если любитъ хозяина: 1) ложится на грудь поперекъ длины человека, давить и душить такъ, что тотъ не можетъ поворотиться (это—вашемаръ, болѣзнь); чтобы узнать—о предстоящей ли радости или печали извѣщаетъ домовой, нужно спросить домового къ *добру или худу онъ давитъ*, или же можно узнать потому, теплый или холодный онъ: теплый — къ радости, а холодный — къ худу.

2.) Извѣщаетъ такъ: если на подволоку, въ амбаръ или хлѣву будетъ ревѣть хозяйнушко, то онъ этимъ даетъ знать, что въ домѣ приключится несчастіе.

3.) Передъ бѣдою: передъ пожаромъ, передъ смертью, извѣщаетъ тѣмъ, то будитъ хозяина ночью своимъ воємъ или сильно ущипнетъ.

4) Кого любить, тому дворовикъ навиваетъ ночью на головѣ и въ бородѣ кинны (косы) изъ *волосъ съ*, такъ что ихъ не расплетешь.

Домовой смотритъ за хозяйскимъ скотомъ. Которое животное любитъ хозяйнушко, то бываетъ здорово, гладко, чисто,—тому онъ навиваетъ въ гривѣ *космы* (тоже косы). Но когда свистятъ съ *жилой хороминъ*,

чего не любить *домовой совошки*, случается, что и любимая свотинна заболѣваетъ; значить, что хозяйнушко откладываетъ попеченіе о ней. Когда домовой не любить домашнюю свотину, напримѣръ лошадь—гоняетъ ее не двору всю ночь, такъ что она потѣетъ и фыркаетъ; у ней онъ крадетъ кормъ и подвладываетъ его той, которая *ко двору*; послѣдняя ежедневно жирѣетъ, а первая постепенно чахнетъ, и напослѣдокъ остается только одна кожа да кости и, наконецъ, умираетъ.

Есть еще повѣрье, что лошадой *заговариваютъ*, такъ что хотя бы купившій ее жилъ за 300 верстъ, она прибѣжитъ къ старому хозяину, пренебрегая всякими опасностями. Вѣруя въ это, покупающій старается чрезъ знахаря *снять съ лошади угодъ*.

Но есть особаго рода нечистая сила, всеяющаяся въ дома, называемая *нежить* (злой духъ).

Народъ думаетъ, что черти всего болѣе обрѣтаются въ пустыхъ, пежилыхъ домахъ, особенно въ тѣхъ, въ которыхъ случались несчастные случаи, какъ-то убійство, повѣсившіеся; говорятъ, что въ нихъ *пузаетъ*. Но есть и такіе дома, мимо которыхъ въ темное время бояться ходить много. Да и вообще, воображеніе суевѣрять наиболѣе среди темноты и тишины.

Жители также думаютъ, что плотники имѣютъ секретъ въ постройкѣ, т. е. могутъ построить зданіе къ худу и къ хорошему, какъ имъ захочется. Такъ чтобъ закласть домъ *на чью нибудь юлосу*, т. е. чтобъ кто нибудь умеръ изъ хозяевъ новаго дома, ставятъ водочему только поставить къ верху коленъ то дерево, которое считается въ основаніи дома *малымъ*.

Замѣчаютъ, что если въ домѣ нерѣдко бываютъ покойники, тотъ домъ несчастный, въ немъ пребываетъ *нежить*, хозяйнушко не любитъ живущихъ. Въ такомъ домѣ опасаются жить.

Если по ночамъ что нибудь постукиваетъ на чердакѣ, то думаютъ, что въ домѣ *заговилась нежить*. Это же означаетъ, что *домовой выколаетъ жилища изъ дому, что ужъ нѣтъ больше жиры*.

Когда появится въ домѣ много крысъ и мышей—квартирантъ *не уживается* долго въ немъ. Это тоже означаетъ, что *напущенная тварь домовымъ выжигаетъ желтцевъ*.

Байнушко. Бани совершенно считаются нечистыми зданіями. Но ходить въ баню мыться долженъ всякій. Кто не моется въ нихъ, тотъ не считается добрымъ человекомъ.

Въ банѣ не бываетъ иконъ и не дѣлается крестовъ.

Съ крестомъ и поясомъ не ходятъ въ баню, они снимаются и оставляются въ домахъ. Также дѣлается женщинами предъ мытьемъ половъ.

Да и вообще все, изъ чего моются, считается нечистымъ: тазы, надки, ушаты, шайки, ковши въ баняхъ.

Пить въ банѣ воды, приготовленной для мытья, хотя бы она была чистая—нельзя. Также вода въ рукою-кахъ почитается нечистою и ею нельзя даже выполаскивать посуду, а не только что пить.

Говорятъ, что если есть охота увидать черта въ банѣ, надо зайти въ нее въ ночное время и, заступивъ одного ногою за порогъ, скинуть съ шеи крестъ и положить его подъ пята ноги.

Жители не ходятъ въ баню *въ третій паръ*, т. е. послѣ двухъ разъ мытья безвыходно послѣ каждаго приготовления бани, потому что третій паръ оставляется *байнушко*, который будто бы тоже и моется, и парится. Иные оставляютъ для этого воду и вѣники.

Въ банѣ нельзя стучать и говорить громко. Иначе, байнушка разсердится и напугаетъ.

По выходѣ изъ бани благодарятъ такъ: *«спасибо те, байнушко, на парной байночкѣ.»*

Баня называется испорченно *байною*.

Водяной, такой же черный и мохнатый, какъ и лѣшій. Водяника имѣетъ большія отвислыя груди и длинныя волосы.

Разсказываютъ, что много видали, какъ водяника выходитъ на камень расчесывать длинныя волосы свои.

Водяной живетъ въ глубочайшихъ ямахъ, въ оврагахъ или рѣвахъ. Надъ тѣми ямами *вертятся вода*. Такія мѣста называются *чертовыми домовищами*. Следственно водяной *живетъ домамъ*, т. е. имѣетъ семейство.

Водяника изъ воды выходитъ нагою въ полночь и садится на камень; тутъ она расчесываетъ свои волосы большимъ гребнемъ.

Народъ вѣритъ, что утонувшій утонулъ не самъ собой, нечаянно постигнувъ смертію, а *сталили его водяной*. Говорятъ, что и тонуть люди болѣе тамъ, гдѣ есть домовища. Водяной сперва утягиваетъ человѣка въ воду, потомъ *заверчиваетъ* до смерти. Иногда же всовываетъ въ хворостъ, въ верши, подъ камень, сдираетъ кожу, свертываетъ голову и т. под. Въ конецъ же всего, *напавшишисъ*, водяной выбрасываетъ мертвого.

Народъ представляетъ изуродованія предсмертной agonіей утопленника въ истерзаніи водянымъ.

Водяной шраетъ, т. е. дурачится болѣе лѣтомъ въ Ивановскую и Ильинскую недѣли. Тогда онъ *ради шутки*,—ждетъ всяческихъ жертвъ.

Доказываютъ, что случаи утонутія больше всякаго времени случаются въ эти недѣли.

Въ старину, въ случаѣ бури, для умириженія, бросали людей по жеребію. Нынѣ этотъ суевѣрный обычай замѣнили *перечетомъ* извѣстныхъ *машинистъ*; число ихъ означаютъ зарубками на палочкѣ, и палочку эту съ прищепомъ бросаютъ въ рѣку или озеро, гдѣ застигла буря.

Баба яга. О ней водится въ народѣ слѣдующая *пересудка* (прибаутка).

Баба—яга,
Поротая нога,
Она спить, пердить,
Колесомъ вертеть,—
Линь пуговицы рвутся,
Прорѣхи дерутся.

Баба-яга почитается воровкою дѣтей, по этому и пугаютъ дѣтей: «у! у! хамъ-те..... баба-то яга.... схватить.... подико, поди.... вотъ она, тутъ и есть за дверями». Или пугаютъ ребятъ и просто *букою*; ее считаютъ черною, оборванною женщиною;—у молдаванъ же *букою* называются полевья крысы (Сѣверная Почта № 117. 1862 г.)

Малороссійскую пословицу: баба да чертъ, то себе рідня,—здѣсь замѣняетъ пословица: *мужь да жена—одна сатана.*

Въ *знахарямъ* деревенскіе жители обращаются во многихъ случаяхъ. Суевѣріе, со всею своею нелѣпостью существуетъ не только въ деревняхъ, но и въ городѣ. Оно велико и обнимаетъ почти всѣ отношенія и соприкосновенія человѣка въ жизни.

Но вѣра въ *знахарей* обща простому сельскому народу. *Случится ли покража, пропадетъ ли у коровы молоко, заберетъ ли ревность, захочетъ ли прилюбить (присушить), случится ли болѣзнь,—*мужикъ и, особенно, женщина бѣжитъ къ знахарю или ворожеѣ, и тотъ или другая *поворожитъ* или *покудесничаетъ.*

Народъ вѣритъ и просьбы бываютъ удовлетворены безотказно. Знахари способны на все, все знаютъ, всесмѣльны и содержатъ всѣ способы сохраненія здоровья и всѣ пособія на разные случаи: отъ бѣдъ, золъ, напастей.

Чародѣйствія приписываютъ сверхъестественной силѣ.

Знахари суть люди очень обыкновенные, но проныры, лгуны, шарлатаны и отъявленные злодѣи. Посмѣяться, сдѣлать зло—такая праятика, таково сужденіе у другаго во всю его жизнь; да и такъ какъ *колдуны* состоятъ всю жизнь въ зависимости отъ дьявола,—то что можетъ сдѣлать слугитель злаго духа?

Предсказавшему или пособившему въ горѣ чародѣю дѣлается особенное уваженіе, *възмилость* (въ истинномъ значеніи слова), и нѣтъ почти конца благодар-

ностей: ему *почтять* о праздникахъ и на свадьбахъ какъ главному лицу, вездѣ онъ—какъ говорится—*правая рука.* Вѣкъ его не забываютъ и дарятъ.

Они въ народѣ называются: *знатками, знающими* (отъ того, что *знается* съ дьяволомъ), *знахарями, шептунами, заговорниками, лекарями, ворожбами, икотниками, колдунами.*—Въ древности знахарь назывался *кудесникомъ.*

Говорятъ, чтобъ узнать силу и искусство колдуновъ, т. е. *сповкашася* и *водиться* съ чертями, нужно снять съ шеи крестъ, положить его въ сапогъ подъ пяту и ходить такъ нѣсколько времени, говоря слова: *отрекаюсь Бога и Животворящаго Его Креста, отдаю себя въ руки дьяволамъ;* кромѣ того, нужно отказаться отъ родныхъ. Вѣрятъ, что колдунамъ непременно содѣйствуютъ дьяволы, которыхъ они выдаютъ въ лицахъ.

Потеря знанія колдуна составляетъ еще для насъ нѣкотораго рода секретъ. Бываетъ, что колдунъ теряетъ свое знаніе тогда, когда противъ его дѣйствій пойдетъ болѣе сильный знахарь, или если постараться разбить носъ колдуна мужицкимъ кулакомъ такъ, чтобы вытекла кровь.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о колдовствѣ здѣшнихъ знахарей можно найти въ главѣ о заклинаніяхъ, наговорахъ и оберегахъ, помѣщаемой въ слѣдующемъ выпускѣ.

Крестьяне вѣрятъ и нынѣ, что болѣзнями, особенно лихорадками, являются женщинами во время сна.

Они говорятъ и вѣрятъ, что смерть предъ кончиною жизни человѣка, назначенной судьбою, яляется въ видѣ человѣческаго скелета, а иногда и свазываетъ, что *пришла погитить такою-то.* Вѣрованію въ это способствуютъ картины, гдѣ смерть показывается безтѣлесною и съ косою, на подобіе *литовки* (русской косы).

Заклинаніе, или *наговоры, заговоры* и *подходы,*ываютъ въ властямъ, на любовь (дѣвушка, на разлуку замужней, на любовь всѣхъ),—на исцѣленіе отъ ранъ, недуговъ и болѣзней (отъ урока, сглаза, отъ вередовъ и чирьевъ, отъ нечистоты, отъ истеченія крови, прикоса, призора, отъ ожога, отъ грыжи, отъ пьянства, отъ ушибовъ, на притчи, отъ стрѣлъ, отъ полунощницы, отъ зубной боли),—на полученіе уваженія, счастья, корысти.

Обереги бываютъ разные отъ всѣхъ золъ и напастей (на сохраненіе скота, живота, при родахъ, при поѣздѣ свадьбы).

Напуски и *порчи* бываютъ на болѣзнь, на учиненіе всякаго зла (*насадить прыщю, килу, стрѣлы, икоту, останавливать свадьбы, прятать незаметно вещи, угонять скотъ отъ вида*).

Ворожба бываетъ въ случаяхъ воровства, для узнавннн вора. Кроме того употребляютъ *отрикоом*, или заклинаннн отъ глазу и порчи, *травила* промышленникамъ и охотникамъ на звѣря, птицу и рыбу. Смотри подробннѣ въ слѣдующемъ выпускѣ сего Сборника.

По мнѣнннмъ знахарей, болѣзни бываютъ двухъ родовъ: однн рождаются отъ воды, отъ лѣсу, отъ могилы, отъ земли и т. п., другн же происходятъ отъ *порчи* недобрыхъ людей.

Чтобы узнать, отчего произошла болѣзнь, колдунъ беретъ крестъ отъ больного и опускаетъ въ воду, въ которой разсматрываетъ по своему искусству.

Болѣзни въ простонароднн подраздѣляются на *скорбь*, *черную больсть*, *падучую бользнь*, *болльчъ*, *немочь*, *призоръ*, *прикосъ*, *сглазъ*, *урокъ*, *исполохъ*, *вудъ*, *оѣву*, *икоту*.

Порча, въ обширномъ смыслѣ, разумѣется вообще нанесенн вреда человѣческому здоровью отъ злоумышленнн или зложелательства. — Порча бываетъ и тогда, когда кто идетъ, *да перешапнетъ* чрезъ порогъ *не благословясь*, т. е. не перекрестившись и съ худыми мыслями.

Скорбь — сердечная болѣзнь.

Черная болѣсть — холера, а также сифилитическая.

Немочь — вообще естественно рождающнися болѣзни.

Сглазъ, или урокъ. *Иной разъ захвораетъ или слепнетъ те чирей отъ худого глаза*, слышалъ я разговоръ крестьянъ. Они, по этому, стараются скрывать отъ посторонняго взора ребятъ, больныхъ, невѣсть; думаютъ, что могутъ случиться съ ними болѣзни отъ дурныхъ глазъ злыхъ и хитрыхъ людей.

Урокъ значить сухота.

Призоръ, или прикосъ, по мнѣнню суевѣрныхъ, происходитъ отъ недоброжелательнаго, завистливаго взгляда чужаго человѣка. Объ этомъ случаѣ говорятъ: *ему съ глазъ пришло* (нездоровое), — *ужь его спрно кто нибудь отприкосилъ*. — Когда хвалять родство или красоту, или, напротивъ, ругать — *оговариваются* и *отплевываются*.

Озена происходитъ тоже отъ *сглазенья*, отъ дурнаго недобраго глаза, или отъ словъ, сказанныхъ кѣмъ либо *въ сердцахъ* про другаго съ досадою, со злобною завистью, или же отъ *злѣоты* и *потяоты* при одолѣнн лѣности на кого нибудь. Есть что-то (прибаутка или наговоръ): *«лль потяота, поди на Оедота, съ Оедота — на Якова, а съ Якова — на всякаю.»*

Оговоръ напускается также отъ какихъ либо словъ завистливаго чужаго человѣка, сказанныхъ хотя отъ добраго сердца и даже ласковыхъ, но не въ добрый часъ. Оговореннаго вспрыскиваютъ чрезъ уголь холодной водой.

Исполохъ — есть мгновенный испугъ. Испугавшагося обрызгиваютъ водою, или *исполохъ* *ушмапнетъ* знахарь.

Леченн больныхъ фокусниками — знахарями производится въ одно и тоже время врачеванными средствами и заклинаннми, т. е. остатками древннхъ языческихъ молитвъ, по мнѣнню народа, съ волшебными участнемъ нечистой силы.

Врачеваннемъ у знахарей служатъ болншею частнмъ травы, такъ напримѣръ, какой-то *соронецъ* отъ ушибовъ, *плакуль* отъ неоты, настой въ винѣ изъ *исюна* и *полухилома* отъ всякой болѣзни; однакомъ идутъ въ дѣло кошачье сало, сорочьи мозги и проч. Но главная сила какъ въ леченн, такъ и въ заговорахъ, оберегахъ, подходахъ и *напускахъ*, состоитъ въ *нашептыванн*.

Нашептыванн производится въ воду, квасъ, пиво, вино, сканидаръ, соль, сливки, деревянное и коровье масло, въ хлѣбъ, калачи, пряники, въ перчатки, въ скатерти, платье, на кольцо, кресты. Чтобы получить желаемую пользу отъ *колдовства*, надобно воду, квасъ, пиво, вино, сливки — выпить, — сканидаръ, соль, масло — вытереть на тѣло, — а изъ одежды одѣть или положить около себя. Водой еще сбрызгиваютъ и оканиваютъ; при этомъ нерѣдко употребляется ножъ или ножицы. Отъ того, изъ суевѣрной боязни получить напускъ, крестьяннн, начавъ что либо пить, *одулетъ* питье кресто-образно и сотворитъ Иисусову молитву; жидкое все, молоко, воду и другое — закрываютъ, если *не покрывками*, то двумя лучинками, на крестъ положенными.

Народъ вѣритъ отчасти, что мущина, выпившнй *спитки* (остатки отъ чего нибудь жидкаго) воды, кваса, пива, водки и др. послѣ питья женщины, привяжется къ ней и будетъ волочиться за нею. Бываетъ тоже — говорятъ — и наоборотъ съ дѣвушкою, или замужней женщиною, выкушавшею опитки мущины. — По этому, всегда почти, остатки тѣ выливаютъ изъ сосуда вонъ, чтобы и въ самомъ дѣлѣ не сдѣлаться оттого такъ, что безъ женщины, или ей — безъ мущины, нельзя будетъ ни жить, ни быть.

Кромѣ наговоровъ и подходовъ на любовь дѣвиць, есть еще магическня средства. Такъ, носятъ коровью кость, составляющую проходъ съ лопечкою дѣтороднаго уда; когда, въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ, выползаютъ лягушки и кричатъ, должно взять на желѣзный крючекъ тѣхъ, которыя будутъ въ совокупленн, и повѣсить въ соединительномъ положенн, чтобы онѣ такъ ошолѣли и высохли; потомъ, такня лягушечьи скелеты, носятъ припртавши съ увѣреннемъ, что которые ихъ ииѣютъ, тѣмъ ни въ чемъ не откажетъ ни одна дѣвушка.

Ворожба. Чтобы узнать кто укралъ, знахарь беретъ рѣшето, ноженки, ковригу хлѣба и икону. Первѣе на столъ кладетъ хлѣбъ, а на хлѣбъ икону; рѣшето же обечкою налагаетъ на ножицы, а расширенныя ножицы

береть въ руки, и, приспособляя, устанавливаетъ, чтобы онъ съ рѣшетомъ держался на ногтяхъ пальцевъ рукъ. Потомъ произносятъ имена тѣхъ людей, которыхъ подозреваютъ въ винѣ. Когда, изъ прикосновенныхъ по подозрѣнію въ кражѣ, подходитъ къ хлѣбу съ стоящей на немъ иконою, смотря на нее (какъ бы присягая), рѣшето должно тогда же качнуться въ которую либо сторону. Если оно качнется прочь отъ обвиняемаго, — то значитъ, что онъ не причастенъ въ разясняемомъ преступленіи; но ежели рѣшето наклонится въ сторону приводимаго, то онъ виновенъ въ воровствѣ. Этому вѣрять болѣе, чѣмъ бы застать вора на его дѣяніи.

Въ другихъ случаяхъ ворожбы гадаютъ различными способами: смотрятъ въ чашки съ водою, бросаютъ въ рѣку стружки, дѣлаютъ какіе-то знаки на лучинкахъ, бросаютъ въ огонь бересту. Тогда, узнавая вора, знахарь не называетъ имени его, а только рассказываетъ въ общихъ чертахъ примѣты, платье, обувь.

Въ дополнительныхъ замѣткахъ къ статьѣ объ обычаяхъ г. Иванова, находимъ еще слѣдующія данныя:

— Когда бываешь на лѣтнихъ гуляньяхъ въ деревняхъ, то, по расходѣ дѣвичьяго круга и борьбы мужчинъ, знакомые приглашаютъ васъ къ себѣ такими словами: «просимъ поужинать». Если же вы переждете въ деревнѣ и вечернюю и ночную пору, то васъ позовутъ такъ: «просимъ поужинать съ нами, да переночевать».

— Точно какъ передъ сѣвомъ, такъ и передъ просьбой хозяйки приготовляютъ обыкновенные колоба на маслѣ.

— Въ день праздничный многіе уходятъ изъ домовъ слушать обѣдню въ мѣстныхъ церквахъ, гдѣ праздничача отъ. Послѣ этого расходятся по гостямъ и живутъ до закатамаго т. е. до самой ночи; другіе же ночуютъ.

— На Покровъ Пресв. Богородицы, дѣвушки вымаливаютъ жениховъ еще такъ: «*Господи! наведи миль мужа умнаго-разумнаго!*»

— Въ Михайловской волости вмѣстѣ съ гробомъ покойника везутъ хлѣбно съ шаньгами, пирогами и колюбакой. По отпѣваніи этой провизіей пользуются священно-церковно-служители. Трапеза совершается въ церкви. Остатки отъ стола раздаются нищимъ.

— Въ день «Сорока Святыхъ» (мучениковъ, 9 марта) есть обычай печь изъ чернаго и бѣлаго тѣста (конечно, особо изъ каждаго) печенья въ видѣ птички или, какъ говорятъ, «уточки». Это означаетъ прилетѣть жаворонка. Брошѣ того въ этотъ день пекутъ сочни не изъ тѣста, а изъ опары на ягодахъ брусники, и непремѣнно 40 числомъ, или дважды 40.

— Въ праздники ничего не дѣлаютъ, а бражничаютъ, потому что если работать — «Богъ руки отниметъ», если заниматься умственно — «Богъ разумъ отниметъ».

— Въ свадебные дни двѣри дома, гдѣ празднуется свадьба, остаются открытыми. Лишь въ домѣ невѣсты запираютъ ворота, когда благословляютъ родители передъ отъѣздомъ.

— Въ переломъ говѣнья, т. е. на 4-й недѣлѣ великаго поста, пекутъ колобы на постномъ маслѣ.

— При ходбѣ съ «кашными пѣснями» схватываются руками и идутъ женщины впереди, а мужчины (отдѣльно) позади.

— Кончивъ на послѣднемъ полѣ жатву, кашницы собираются вокругъ и становятся глазами на востокъ. Затѣмъ всѣ въ голосъ и громко кричатъ, крестясь при томъ: «слава Богу, слава Богу, (такой-то) обжался, (такой-то) обстрадался». Потомъ берутъ серпы и женщины отправляются къ хозяину на пиръ съ пѣснью, которую поютъ и передъ домою поле-хозяина, пока онъ не растворитъ у себя воротъ и не попроситъ войти въ избу.

— Въ первый день Пасхи не метутъ половъ и не варятъ каши, даже не завариваютъ скоту парева, по тому суевѣрію, что иначе: выпашешь изъ дому, или сваряшь Христа.

— О Пасхѣ на колокольни дѣвки собираются около полудня. Прежде, сказываютъ, на колокольняхъ водили круги, а въ церковныхъ оградахъ упражнялись въ разныхъ играхъ и забавахъ.

— Въ «чистый понедельник»: а) рано утромъ скатываются по три раза съ ледяныхъ горъ: «на ленъ и коноплю», т. е. на урожай ихъ; б) моются въ баняхъ-очищаются; в) не варятъ «горячаго», — не приготовляютъ вареной и жареной пищи; г) не зажигаютъ весь вечеръ огня для своего освѣщенія.

— Послѣ мытья въ банѣ, въ церковь въ тотъ день не ходятъ, ибо это грѣшно.

Басательно гаданій въ Пинежскомъ уѣздѣ читаемъ слѣдующее въ статьѣ П. А. Иванова:

Въ настоящее время гаданіе есть ничто иное, какъ одна бабья философія; прошло много времени и древнія творенія потеряли значеніе, потому что потеряли силу въ глазахъ людей съ понятіями.

Главные гаданія бывають о святкахъ, въ святые вечера. Такими вечерами называются вечера 22, 23, 24 и 31 декабря и 5 января; святыми же называется періодъ времени отъ Рождества до Крещенья. Также гадаютъ и въ переломъ великаго поста, т. е. въ ночь съ среды на четвергъ 4-й недѣли.

1). *Льютъ воскъ и олово*. Верутъ кусокъ олова или воска и растапливаютъ на огнѣ; а потомъ горячее оно опускается въ холодную воду. Какая фигура образуется изъ слитка, то и означаетъ будущее: выльется круглая пуговка, въ видѣ головки, — родится дитя; сольется

олово или воскъ въ пластинку, — значить гробъ — смерть и т. п.

2). *Смотрятъ въ зеркала.* Для этого иконы убираются изъ предназначенной комнаты, окна съ улицы заслоняются ставнями или завѣшиваются изънутри, крестъ скидывается съ *воротъ* (съ шеи) и кладется подъ пяту. На средину комнаты ставятся два стола, на нихъ полагается по одному большому зеркалу и передъ ними зажигаются восковыя свѣчи. Гадающая раздѣвается въ сорочку, садится въ средину межъ столами и въ такомъ положеніи ожидаетъ полуночи. Въ 12 часовъ по полуночи, будто бы является въ зеркалахъ тѣнь того самаго жениха, который возьметъ гадальщицу въ замужество, — или придетъ покойникъ, — или же покажется гробъ. Говорятъ, что этотъ способъ очень страшенъ и что не мало гадавшихъ лишилось отъ страха жизни.

3). *Жгутъ бумагу.* Берутъ примѣрно поллиста бумаги (мягкой и тонкой) писчей и ее складываютъ какъ мѣхи у гармоникки. Сложенную такъ бумагу устанавливаютъ въ стоячку на гладкомъ мѣстѣ (на столѣ, на подносѣ) ближе къ стѣнѣ. Свѣчу съ огнемъ опускаютъ ниже, такъ чтобы свѣтъ показывался не много изъ подъ стола или чего другаго. Поставленную бумагу зажигаютъ сверху, во всѣхъ направленіяхъ вдругъ. При тишинѣ она постепенно горитъ и сгараетъ въ трутъ, который свертывается въ разнообразныя виды. Виды эти показываютъ отъ тѣни рисунокъ на стѣнѣ; по нимъ-то и узнаютъ, что будетъ въ жизни слѣдующаго года. Мнѣ не разъ случалось видѣть гаданія всякаго рода и показалось, что всегда имъ болѣе выливается, показывается и слышится то, о чемъ настроены мысли, и какъ челоуѣка постоянно занимаетъ не одинъ предметъ, или не одна мечта, хотя всѣ думы не въ одинаковой степени воображенія, то непременно предугадыванія кажутся согласными съ бродящими въ головѣ планами.

4). *Гадаютъ на зерно.* Каждая изъ собравшихся дѣвушекъ беретъ *приоршню* зерноваго хлѣба и высыпаетъ ее изъ рукъ на полъ кучкою. Такихъ кучекъ высыпается на полъ въ разныхъ мѣстахъ столько, сколько гадаетъ дѣвушка; всякая знаетъ свою. По полу пускаютъ пѣтуха. Замѣчаютъ: чью кучку напередъ станетъ клевать пѣтухъ, — та выйдетъ замужъ ранѣе прочихъ.

5). *Слушаютъ на разстаняхъ,* (мѣстахъ, гдѣ сходятся, или расходятся вѣтви дорогъ). Вотъ разсказъ объ этомъ гаданіи. Не очень давно собралось нѣсколько дѣвушекъ послушать *въ святой вечеръ на разстани.* Взяли они съ собою не трусливой руки парня и вышли *на разстаню.* Тутъ они зажгли взятую лучину и углемъ отъ нея очертили по снѣгу кругъ, такъ около себя, въ чертѣ котораго всѣ и усѣлись. Сидѣли всѣ съ трепетомъ, боясь проговорить одно слово. Кресты съ шеи у нихъ были сняты и остав-

лены въ домѣ, гдѣ стоваривались идти слушать. Вотъ подходитъ полночь, — слышатъ звукъ колокольчика, гдѣ-то далеко. Вдуть, сказали, и всѣ переглянулись, подумавши, что будетъ свадьба, — значить, которая нибудь изъ дѣвушекъ выйдетъ *замужъ.* Наконецъ, видятъ: ѣдетъ на лошади баринъ, весь въ латахъ, — за нимъ катятся коляски и въ нихъ народу *тыма-тымуца.* Всѣ ѣдущіе были вооружены: кто ружьемъ, кто пистолетомъ, кто саблею, а кто и штыкомъ. Вотъ подѣхали они къ тому мѣсту, гдѣ *слушальницы* и подняли такой вой и крикъ, что Боже упаси; всѣ вдругъ кинулись на нихъ, но перейти за очертанный кругъ не могутъ *да и только,* оттого, что онъ сдѣланъ со *святыми словами,* да и *оружья* занести не могутъ, какъ бы и въ воздухѣ *дьяволенку* сдѣлана стѣна. Долго такъ бѣсы пугали *слушальницъ* нашихъ и говорили «вотъ, вотъ ту стрѣлай» ничего не могли сдѣлать. А дѣвки-то всѣ и трухнули, прижались другъ къ дружкѣ, и лежатъ ни живы, ни мертвы, — знать *первой* случилось. Подъ конецъ всего стала *заниматься заря* и всѣ черти удрали. Въ послѣдствіи одна дѣвка померла съ *испуку,* а изъ другихъ ни одна не вышла *замужъ* въ тотъ годъ, да и парень-то долго поминалъ *про это,* и бредилъ *во снахъ.*

6). *Слушаютъ у прорубей* на рѣкахъ и озерахъ. Вечеромъ, ближе къ полуночи, дѣвка одѣваетъ на ноги чулки и бѣжитъ къ *проруби.* Выслушавъ, что ей надо было, она возвращается домой, и, не снимая съ ногъ чулковъ, ложится на печь спать. Замѣчаютъ: если ночью чертъ потащитъ чулокъ съ правой ноги, мужъ у дѣвушки будетъ хорошій, *путный,* — а ежели тащитъ чулокъ съ лѣвой ноги, — мужъ будетъ худой, пьяница.

7). *Слушаютъ у замковъ при церквахъ.* Тутъ отгадываютъ по гулу или звуку, отдающемуся въ церкви: звенить, — къ *хорошу,* — шумить — къ *худу,* — гремитъ — будетъ что нибудь еще опаснѣе.

8). *Слушаютъ у домовъ* подъ окнами. Замѣчаютъ: если слышится ревъ дѣтей, — въ тотъ годъ у слушающаго родится ребенокъ; — если говорятъ о поѣздкѣ куда либо, будетъ *дальная дорога,* — если поютъ — жить въ году будетъ весело и т. п.

9). *Слушаютъ у пустыхъ строеній.* Замѣчаютъ: если слышится, что пересыпается жито, — годъ будетъ хорошій; — катаются бочки — къ худому году; — тешется или пилится тесь, — къ покойнику.

10). *Слушаютъ за тынами* (оградами). Тутъ, дождавшись перваго проходящаго, не выходя изъ-за забора, спрашиваютъ: кто идетъ? т. е. какъ зовутъ мужчину. Примѣчаютъ дѣвушки при этомъ, какое будетъ имѣть имя тотъ мужчина, съ такимъ же именемъ будетъ у слушавшей дѣвушки мужъ.

11). *Ходятъ ночью на шумо.* Тутъ, зашмура глаза дергаютъ зубами изъ овина ромъ. Замѣчаютъ: если выдерется полный волосъ—знакъ богатой жизни въ будущности, тощій—напротивъ.

12). *Строятъ на ночь подъ постелью мосты.*

13). *Гадаютъ по дровамъ.* Задумавшей погадать дѣвухѣ завязываютъ глаза платкомъ. Потомъ ее ведутъ къ костру дровъ, съ тѣмъ чтобы она вынула одно полѣно изъ середины костра.—Замѣчаютъ въ избѣ: если полѣно попадаетъ гладкое—мужъ у дѣвушки будетъ чистый лицомъ, *красавчикъ*; ежели же суковатое и съ кривыми сердцевинами, лице будущаго мужа будетъ шадровитое или нечистое: угреватое, съ пятнами, съ веснушками, или будетъ онъ красивой, но косой.

14). *Замѣчаютъ съ святые вечера.* Отправляясь нарочно по дорогѣ, дѣвушка узнаетъ, что мужа ея (въ мечтахъ) будутъ также звать, какъ зовутъ перваго встрѣтившагося мужчину; такъ и у мужчинъ—жена будетъ съ такимъ именемъ, какое имѣетъ первая встрѣчная женщина.

Кромѣ такихъ гаданій *съ святки*, которыя имѣютъ цѣлью преимущественно узнать сужаго, или суженую,—бываютъ еще особыя на разныя случаи, которыхъ и называютъ *примѣтами*.

Вотъ еще потѣшный способъ отгадыванія. «Если, напримеръ ты (такъ слушалъ я исторію фокуса) хоть, захочешь узнать счастье въ своемъ положенномъ на умшихъ намѣреніи, возьми не глядя (закрывать вѣками глаза), а пальцы у рукъ сожми въ кулакъ,—и оставь не сжатыми только средній палецъ у каждой руки, и руками верти вокругъ (безграничнаго круга) какъ можно шибче; потомъ сведи ихъ мгновенно вдругъ. Если угодишь такъ, что палецъ щелкнетъ о другой палецъ, то намѣреніе твое сбудется счастливо; а если пальцы проскочутъ мимо другъ дружки—то неудача будетъ.

Сверхъ всего вѣрять, особливо женщины:

1) въ сны и грезы, съ придачею имъ значенія;

2) изреченіямъ же-народныхъ дураковъ и дуръ;

3) шарлатанственнымъ ясновидѣніямъ цыганъ, подобнымъ тому, какъ слѣдующая глупая отгадка: у кого природныя черты на ладоняхъ рукъ направлены промежъ-пальцы,—тотъ никогда не будетъ богатъ и напротивъ—деньги *пройдутъ прахомъ*. У кого же онѣ идутъ въ самые пальцы,—тотъ узнаетъ расчетъ въ деньгахъ, у того будутъ копиться деньги, тотъ будетъ имѣть счастье быть богатымъ;

и 4) ворожбѣ знахарей съ ихъ кудесничаніемъ, которое должно составлять отдѣльную категорію.

Льютъ слова, гадая о своей судьбѣ по той формѣ, какую принимаетъ слитокъ; такъ наприм. походить на телегу—гадалица представляетъ себѣ: будетъ путь,—кажется поѣздъ повозокъ—у гадалицы будетъ свадьба и т. п.

Часто слитокъ принимаетъ неопредѣленную форму и тогда завязывается общій споръ о значеніи слитка.—Слитки сохраняютъ до другихъ святокъ.

Поварья о легкихъ и тяжелыхъ дняхъ.

Мы знаемъ только, что въ понедѣльникъ:

1). Не отправляются въ дальній путь потому будто-бы, что онъ будетъ несчастливый.

2). Не дѣлаютъ труднаго и не начинаютъ важнаго. Говорятъ, что если дѣлать въ понедѣльникъ что либо трудное и великое, придется всю слѣдующую недѣлю биться въ трудахъ съ неуспѣхомъ и не дѣлать начатаго.

3). Особенно не дадутъ въ долгъ, а стараются какъ бы деньги получать, потому что, если давать въ долгъ въ понедѣльникъ, все раздашь, что имѣешь, и не получишь въ возвратъ, а ежели получать будешь деньги въ понедѣльникъ—онѣ прибывать будутъ.

4). Замѣчаютъ, что если въ этотъ день случится что нибудь, выходящее изъ круга скромной обыденной жизни, то тоже самое будетъ повторяться въ послѣдующіе за понедѣльникомъ дни.

5). По понятіямъ русскаго человека понедѣльникъ вообще почитается тяжелымъ днемъ, по преимуществу рабочимъ, трезвымъ днемъ.

Замѣтимъ, что обычай ничего не дѣлать въ понедѣльникъ, т. е. почти праздновать, происходитъ изъ Тюрингена, съ 16 столѣтія (Сѣверная Почта № 62. 1862 г., Истор. Очерки церковныхъ установленій въ Западной Европѣ. Статья Штакельберга).

Пятница считается вообще несчастнымъ днемъ; но если Благовѣщеніе случится въ день пятницы, то совершенно не предпринимаютъ и не говорятъ важнаго. *)

Прибавляемъ двѣ прибаутки:

1-я Въ воскресенье—на веселье.

Въ понедѣльникъ—на похмѣлье.

Во вторникъ—на торгъ **).

Въ среду—на мѣру.

Въ четвертокъ—на посадъ ***).

Въ пятницу—на мельницу.

Въ субботу—на работу ****).

2-я Суббота—на бабъ работа, на дѣвокъ сухота, на ребятъ вертежъ, на старухъ пердежъ...

*) Въ другихъ краяхъ считаются несчастными 7 и 13 числа.

***) Въ г. Архангельскѣ.

****) Въ узкихъ городахъ Арх. губерніи базары бываютъ почти вездѣ по четвергамъ.

****) Въ субботніе дни не ходятъ въ гости.

Солнце, мѣсяць, падвыгі звѣзды, громъ, молнія, стрѣлы.

(*Смѣты на программу мимическихъ сѣднй*).

— Солнце далеко менѣе земли.

— Мѣсяць (луна), тоже что и солнце; она замѣняетъ солнце на ночь.

— Видимое паденіе звѣздъ признается за дѣйствительное; при видѣ падающихъ звѣздъ повторяютъ три раза *аминь* (истинно).

— *Слооси* (сѣверное сіяніе) считаются ночными свѣтилами неба. Частая *мира* ихъ (постоянное и ужасное переливаніе яркихъ и исполненныхъ смѣлаго блеска лучей сѣвернаго сіянія) признается предвѣстникомъ войны за отечество.

— Громъ гремитъ отъ того, что по небу ѣздятъ на огненныхъ коняхъ въ колесницѣ святой Ильи Пророка.

— Чтобы избавиться отъ удара грозы нужно имѣть при себѣ *громовую стрѣлу*; (это камушекъ, на подобіе стрѣлы и въ видѣ грифеля, употребляемаго учениками для письма на аспидныхъ доскахъ); ее находятъ болѣе въ камняхъ при берегахъ рѣкъ.

— Молнія — *Божья благодать*, (называютъ *молоньей*) и громовая стрѣла. Она, по повелѣнію Вышняго гоняется за дьяволами, такъ: она убивала праведниковъ потому, что около нихъ были дьяволы, искушавшіе угодниковъ Божіихъ въ святой ихъ жизни; она производитъ лѣсные пожары отъ одного дерева сосноваго или лиственнаго, о которое она ударяется и гдѣ прячется злой духъ; дерево это колетъ въ вершинѣ, отбиваетъ въ куски, превращаетъ въ щепки, средину сверлитъ нагою и вылетаетъ опять къверху; молнія проходитъ въ трубы и окна потому, что ищетъ убѣгающаго чорта; убиваетъ она людей и скотъ тоже потому, что видитъ въ нихъ бѣса.

Пятна на лунѣ, олицетвореніе времени года,

На лунѣ обозначается картина злаго убійства Каиномъ брата Авеля, для указанія людямъ прегрѣшенія человѣка перваго рода.

О борьбѣ времени года, я не получалъ ни отъ кого свѣдѣній, но слышалъ только, что когда открывается весна — то значить, что *бурка идетъ на юрку, а сивка бѣжитъ подъ юрку*, а когда наступаетъ осень съ морозами, — то значить, что *сивко* (снѣгъ) *идетъ на юрку* (нападаетъ сверху), *а бурко идетъ подъ юрку* (земля поступаетъ подъ снѣгъ).

Времена года, затмѣнія, луна, звѣзды, пожаръ отъ молнии, дождь, земля.

Въ какихъ образахъ представляются у жителей Пинежскаго уѣзда времена года — я тоже не знаю. Слы-

шалъ лишь только, что говорятъ: — *весна красна лето красное, — зима бѣла, — осень черная*.

Какъ затмѣній небесныхъ свѣтилъ ожидаютъ *переломы сѣмта*, т. е. втораго пришествія Иисуса Христа.

— Появляется не полная луна — *нарождается*.

— Съ явленіемъ луны наступаетъ холодъ.

— Въ новолуніе хорошо клесть на удочки рыба въ озерахъ.

— Изъ звѣздъ въ народѣ извѣстны: *Медведица*, *Лось* (созвѣдіе Большой Медведицы) и *Зорница*.

— Пожаръ, происшедшій отъ молніи нельзя потушить ничѣмъ, какъ только молокомъ.

— Дождь, падающій когда сіяетъ солнце, — *благодѣтель* для произрастенія.

— Земля плоска.

— Стоитъ она (иные такъ толкуютъ) т. е. земной шаръ, на трехъ огромной величины китахъ; одинъ изъ нихъ уже умеръ.

Подземное царство, теплая сторона, востокъ, земля, вода, блуждающіе огни.

Подъ землей еще есть земля и на ней живутъ люди; землю нашу люди тѣ считаютъ небомъ.

— Теплая сторона та, гдѣ былъ земной рай и окрестности его нахождения.

— Востокъ — пребываніе Бога на небѣ наиболѣе. По этому и церкви строятся фасадомъ къ Востоку, да и дома болѣе туда *глазами*.

— *Мать — сыра земля. Земля — матушка, кормилица наша*.

— Вода употребляется какъ лѣкарство: брызжутъ отъ испуга и чародѣи *маговариваютъ* колдовства отъ болѣзней; а какъ очистительное средство: моются въ баняхъ, моются съ утра отъ сна,купаются въ рѣкахъ или оначиваются водою послѣ водоосвященія съ крестными ходами.

— Блуждающіе огоньки, къ которымъ боятся подходить, въ лѣсу, на кладбищахъ, въ заповѣдныхъ рощахъ, гдѣ были прежде поселенія, или разрушенныя строенія, вообще же на холмахъ — показываютъ *клады*, о которыхъ повѣрье сохранилось въ народныхъ преданіяхъ доселѣ.

К Л А Д Ы.

Огни показываются сіяніемъ изъ подъ земли, или съ блескомъ золота; такъ, будто бы, горятъ на мѣстахъ *клады воскуяровыя сѣпки*, стоятъ *золотые пѣтухи*, нажуютъ *золотыя карты* и т. п. неправдоподобщины, чарующія въ грезахъ сувернаго мужика, который принимаетъ тѣ явленія за сверхъестественныя, чудесныя. Когда покажется счастливцу кладъ, онъ долженъ проговорить: *чуръ, чуръ, свято мѣсто, — чуръ Божье*,

да мого» и накинуть на мѣсто открытаго клада шапкою съ головы, что значить оставить въ залогъ голову и никому не повѣдать о тайнѣ; потомъ проговорить: *аминь, аминь, аминь—рассыпья*. Говорятъ, что клады сохраняютъ золото и серебро, деньгами и вещами. Ихъ находятъ въ желѣзныхъ и мѣдныхъ котлахъ, въ глиняныхъ горшкахъ, въ берестяныхъ коробкахъ, въ деревьяхъ, и просто въ землѣ.

Начало кладовъ относятъ ко временамъ Чуди. Отыскиваютъ ихъ потому, что прежде Чудь бѣжала отъ Новгородцевъ въ лѣса; тамъ она скрывала свое имущество отъ непріятелей, тамъ же погребала своихъ покойниковъ, съ которыми зарывала и часть ихъ богатства; въ лѣсахъ же, люди изъ Чуди погребались живыми въ глубокихъ рвахъ со всѣмъ своимъ имѣніемъ. Находятъ древности и въ глиняныхъ горшкахъ.

Далѣе слѣдуютъ отрывочныя замѣтки, также предназначенныя къ главѣ о суевѣріяхъ. Помѣщаемъ ихъ здѣсь въ томъ же порядкѣ, какъ онѣ расположены самимъ авторомъ.

— *Праведно*: такъ величается солнце.

— *Порогъ*—какъ бы стража. На немъ сидѣть или стоять нельзя. Подавать, брать или разговаривать чрезъ него тоже нельзя.

— На осинѣ—говорятъ—повѣсился Иуда, предавшій Спасителя. Листья на осиновомъ деревѣ трепещутся—означаютъ предательскую трусость Иуды; осенью они дѣлаются красными—означаютъ напрасно пролитую кровь Иисусомъ Христомъ.

— Родительское проклятіе—непремѣнно исполнимо.

— Споръ до слезъ, а объ закладъ не бейся, потому что будешь подобенъ Иудѣ предателю.

— Медвѣдь былъ прежде человѣкомъ, но, по повелѣнію Господню, за убійство родителей, сдѣлался хищнымъ лѣснымъ звѣремъ.

— Лягушка была человѣкомъ; но, будучи—заклята угодниками Божиими, превратилась въ тварь. Къ ней, какъ къ несчастному существу, питаютъ жалость въ убійствѣ, какой не бываетъ къ другимъ пресмыкающимся.

— Рябчикъ былъ прежде огромная птица, но какимъ-то чудомъ по жалобѣ тетеревей, половина блага его мяса перешла къ тетерямъ. Оттого рябчикъ сталъ малъ, а тетери большіе и у послѣднихъ выходитъ разительное несходство мяса.

— Черные тараканы (въ родѣ жука) своимъ появленіемъ приносятъ въ домъ счастье, и потому ихъ не убиваютъ какъ другихъ таракановъ.

— Горноста, появившагося на жительствѣ подъ домомъ, тоже не убиваютъ, вѣря, что при нахожденіи его въ домѣ увеличивается богатство хозяина.

— Голубь почитается священнымъ существомъ. Его не убиваютъ, а нарочно прикармливаютъ, чтобы води-

лись въ домахъ, вѣря, что гдѣ водятся голуби, тамъ водится и счастье отъ Божественной благодати.

— Вѣроны—предвѣстники смерти.

— Воробы—предвѣстники дождя.

— Сороки—предвѣстники гостей.

— Повѣрья о мѣологическихъ или вымышленныхъ животныхъ поддерживаютъ въ народѣ дубочныя, нецензурированныя картины.

— Выпавшіе зубы дѣтей бросаютъ за печь съ приговоркою: «мышка, мышка, на тебѣ зубъ костяной, дай коренной». Пожилые люди выпавшіе зубы сохраняютъ въ тряпкахъ.

— Стриженныя или выпадающіе при причесѣ волосы собираютъ въ кучки и кладутъ въ небольшія печурки. Говорятъ, что нельзя выбрасывать волосъ на улицу; иначе, заболѣть головы.

— Утерять съ шеи крестъ—къ покойнику.

— Двойчатый орѣхъ (сросшіеся два орѣха)—счастливый. Его держать при себѣ въ карманахъ или у крестовъ.

— Также найти луговую травинку, обыкновенно съ двумя круглыми листочками, на которой три листа: значить найти счастье. (Луговой трилистникъ или клеверъ).

— Крестить ротъ для того, чтобы туда какъ нибудь не залетѣла нечистая сила.

— Число 13-ть—«*Чертова дюжина*». Этотъ предразсудокъ занесенъ изъ Петербурга.

— О лунѣ есть такое вѣрованіе, что мѣсяцъ изображаетъ вѣсы и на этихъ вѣсахъ вѣшаются Каинъ и Авель; Авель перетягиваетъ Каина.

Примѣты у Пинежанъ.

1). Западъ (вѣтеръ) съ дождемъ, и лѣтникъ (югъ) съ напастью (болѣзнями).

2). Если на востокѣ небосклона покажутся на ночь *синевицы* (облака тускло-синяго цвѣта) и солнце станеть *перекрывать* (скрывать облаками) будетъ на завтра: лѣтомъ дождь, а зимою мокрая погода (снѣгъ).

3) Если послѣ вѣтра слѣдуетъ иней, переходящій въ туманъ, то погода будетъ не хорошая, ненастная.

4). Вѣнцы или бѣловатые круги вокругъ солнца луны или звѣздъ—признаки дождя.

5). Если зимою мало снѣга, мало будетъ и дождей лѣтомъ.

6). *Ивановски дожди, лучше золотой юры*. Они бывають очень благоприятны росту хлѣбовъ.

7). Замѣчаютъ перемену погоды по вакушамъ (лягушкамъ): если у лягушки кожа сѣраго цвѣта—будеть дождь, а если у *клоктуши* кожа желтая, передовое время будетъ *вѣдро*.

8). Если ласточка летает над е., обривомъ скожь
детъ дождь. о., тотъ бываетъ

9). Плящие (трескучіе) мороз-
скихъ, Предтеченскіе (послѣ 7-го
скіе (послѣ 18 января). оуться; ина-

10). Зимнія оттепели замѣчаю-
тсѣ 8 ноября. а къ

11). Если человѣку рожденіе
закипитъ слра въ ухахъ, то: еж
послѣдуетъ переѣна атмосферы
а если въ лѣвомъ—холодъ пройдетъ.
Если же человѣкъ былъ рожденъ
ческое предсказаніе у него бываетъ
вытеченіе слры въ правомъ ухѣ пр-
тепло, а въ лѣвомъ—холодъ.

12). Избныя двери скрипятъ къ

13). Самоваръ визгомъ пищить—

14). Чрезвычайно красное уголье

15). Когда надумывается быть
томъ—соль и табакъ, мажорка въ
очень сухи; отсырѣваютъ же къ теп-

16). Мухи жужжать въ радостяхъ.

17). Крикъ гагары предвѣщаетъ ве-
для уборки сѣна погоду.

18). Вороны ходятъ по дорогѣ—къ теплу.

19). Захожденіе солнца при обширномъ ярко-багро-
вомъ заревѣ, т. е. при безоблачномъ горизонтѣ, въ
отсутствіе вѣтра, предвѣщаетъ ведріе.

20). На Егорья (23 апрѣля, день св. Великомуче-
ника Георгія) варя съ зарей сходятся, т. е. солнце
не успѣетъ закатиться за горизонтъ, показывается на
востокѣ опять свое сіяніе.

21). Когда, по осени, нальется каждая лунка, т. е.
когда земля та насыщена будетъ внутри и залита сверху
дождевою водою, такъ, что она будетъ вся въ ледяной
корѣ и вода та будетъ заморожена вдругъ сильнымъ мо-
розомъ по осени—то слѣдующій годъ будетъ хорошій.

22). Если въ Богоявленіе Господне (6 января) на
Иорданѣ ледяная прорубь наполнится водою чрезъ края—
наступившій годъ будетъ хорошій; а если вода набѣ-
житъ только въ половину проруби—будетъ злосчастный
годъ.

23). Курицы кудахтаютъ къ бурѣ.

24). Когда мухи сильнѣе кусаются обыкновеннаго и
дѣлаются докучливѣе—будетъ гроза.

25). Яенный день, или пасмурный въ мясное заго-
вѣнье, слѣдующее передъ Великимъ постомъ,—таковъ
будетъ и въ Пасху.

26). Сельскій календарь:

5-е марта—Колона-градяра.

9-е марта—40 мучениковъ, 40 утренниковъ.

91. Появленіе бѣлыхъ пятнышекъ на ногтяхъ лѣвой
руки предсказываетъ напраслину (наговоръ). Пятныш-
ки эти называются напрасливыми.

92. Встрѣчи съ священникомъ или покойникомъ нужно
набѣгать, потому что послѣ этого будетъ несчастіе:
или ногу переломишь или руку вывернешь, вообще по-
страдаешь физически.

93. Правый глазъ чешется значить приходится радо-
ваться, лѣвый же наоборотъ.

94. Правая ладонь чешется передъ полученіемъ де-
а лѣвая—напротивъ.

Если усы чешется, то призванъ того, что быть
и пить вино или ѣсть гостинцы, смотря по-
тотъ, у кого чешется усы, или нѣтъ.

Счастливаго человѣка бываютъ различны:
къ, покрытый по всему тѣлу шерстью,
шіяся брови у основанія носа и,
ть несколько.

и утромъ лѣвой ногой, про-
расположеніи духа.

къ верху, передъ по-

нечастіе тому

У, голодъ,

14 сентября—Воздвиженъе. Отправляются въ
промыслами.

1 октября—Покровъ. Загоняютъ съ конюшны
въ хлѣвы.

14—Параскева-грязная. Въ нѣкоторые годы, въ т.-у.
должительную осень, бываютъ большіе
дождей грязи.

28—Митрій-теплый. Бываетъ оттепель отъ стужи.
8 ноября. Михаил-теплый. Тоже оттепель послѣ хо-
лодовъ.

6 декабря. Никола зимній. Ярмарка въ г. Пинежъ.

27). Если холостой много спитъ—тотъ наспитъ себя
жену кривоглазую.

28). Кто любитъ класть ноги на скамейки или на
стулья, у того теща добро кормитъ зятя блинами.

29). Кого обметутъ вѣникомъ, которымъ пахнутъ
поль, того не стануть люди полюбивать.

30). Поднять вѣникъ—значить, накликаеть въ домъ
раздоръ.

31). Кто будетъ ходить въ одномъ сапогѣ, или одномъ
башмакѣ, почему нибудь, у того помретъ мать.

32). Въ потемкахъ (когда стемнится) нельзя дер-
жать на что бы ни было денегъ; иначе—онѣ все бу-
дутъ держаться, а никогда копиться.

33). Утромъ—навеселѣ, вечеромъ—въ скуѣ и на-
оборотъ: если утромъ бываешь не навеселѣ, то веселый

духъ возвратится къ вечеру. Говорятъ: «утромъ смѣ-
шись—вечеромъ досыта заплачешься».

34. Чтобы растомствѣть, надо покупать у нищихъ
христародныя куоки и ѣсть ихъ.

35. Читая изъ книги, ее нельзя оставлять не за-
крытою, потому что будетъ читать тогда дьяволъ и
читатель все позабудетъ прочтенное.

36. Когда кошка предварительно смотритъ въ окно—
значитъ поджидаетъ прибылаго.

37. Известно, что *чизнуть* во время увѣреній или
разговора, есть подтвержденіе, что говорящій выска-
зываетъ правду. Но это подразумѣвается еще такъ,
если *чизъ* вышелъ вдоль пола въ комнату—правда, а
если поперекъ пола—кривда (ложь).

38. Рѣдкозубый человѣкъ—навѣрное враль.

39. Злой, хитрый и о себѣ думецъ тотъ человѣкъ,
у котораго волосы на головѣ и въ бородѣ рѣдкіе.

40. Если кто въ чужой квартирѣ оставитъ что-ни-
будь изъ своей собственности и забудетъ о томъ, а
вернется по уходѣ за порогъ—значитъ тотъ опять
будетъ когда нибудь въ той самой квартирѣ, хотя бы
объ этомъ тогда и не предполагать.

41. Несчастенъ тотъ человѣкъ, у котораго длиненъ
первый (толстый) палецъ у ноги.

42. Кто очиститъ рѣнную кору, начиная отъ *борта*
до хвостика однимъ разомъ, вырѣзывая кору непра-
вильно-образною лентою и лента эта не сорвется въ
кору очистивъ, то тотъ жить будетъ долго; а у кого
порвется и тѣмъ не менѣе еще не одинъ разъ, тотъ
не можетъ долго зажитья.

43. Обрѣзанные или обритые волосы слѣдуетъ со-
жигать въ печи. Если вынести ихъ съ полу и выне-
сти на улицу—будетъ постоянно болѣть голова, въ
особенности весной, оттого что тогда птичка собираетъ
волосы себѣ въ гнѣздушко.

44. Не доливать чашку чаемъ—значитъ имѣть жену
толстогубу.

45. Если собаку будешь удерживать или другимъ
образомъ держать за хвостъ, то она будетъ *на-*
костить.

46. У кого изъ человечества тѣло бываетъ обросшее
густою шерстью—счастливецъ тотъ.

47. Кто прощается пожатіемъ руки чрезъ порогъ—
съ тѣмъ случится бѣда.

48. На которомъ дому соберется на посидку множе-
ство галокъ или воронъ, то въ томъ домѣ будетъ
свадьба.

49. У кого инается послѣ обѣда или ужина, тотъ
скупой человѣкъ.

50. Имѣть Георгіевскій грошъ (старинную монету
съ изображеніемъ Св. Великомуч. Георгія) хорошо для
коллекціи денегъ.

51. Если за столомъ у кого-либо останется несѣ-
денный кусокъ хлѣба и тотъ, не замѣтя этого куска,
будетъ ругать себѣ цѣлый ломоть отъ краюха, то
у того кто нибудь изъ родныхъ сидитъ голоднымъ.

52. Кто будетъ ходить ступая ногами на чужіе
слѣды, тотъ не получитъ роста болѣе имѣющагося.

53. Тяжеловѣсный человѣкъ недолговѣченъ.

54. Крошить крошево или *крошанины* въ горячія
щи надобно всякому, ибо у того, кто не будетъ кро-
шить, убѣжитъ жена.

55. Стоитъ только потрясти скатертью на столѣ, ско-
ро приобрететъ тотъ, кого ожидали къ обѣду, но кото-
рый не пришелъ къ началу его.

56. Если вертѣть шапку на головѣ или на чемъ
нибудь другомъ, то у хозяина шапка разболится го-
лова.

57. Если болить голова, значитъ предстоитъ какая
нибудь забота.

58. У кого каріе глаза—тотъ пьяница.

59. Если *кмычится* не за столомъ, то значитъ кто
нибудь ругаетъ.

60. Оставлять кусочки хлѣба отъ своего ломтя послѣ
ужина значитъ оставлять свое счастье.

61. Если какое-либо кушанье будетъ пересолено,
т. е. слишкомъ положено будетъ въ него соли, то
стрижка въ кого нибудь влюбилась.

62. Если при игрѣ въ карты, карты у *масовщика*
выпадутъ изъ рукъ, то это значитъ будущую ссору.

63. Если при высѣченіи огня кремнемъ объ огниво, или
фосфорною спичкою, долго не получаютъ искры, то
у того, кто *добываетъ* огонь будетъ немослужная жена.

64. Непредвидимое потушеніе огня на свѣчѣ, ког-
да идешь въ двери, означаетъ прибытіе гостя, а по-
гашеніе свѣчи отъ *нагара*—извѣщаетъ о предстоящей
брани.

65. Когда чешется подошва ноги—значитъ занодо-
бится идти куда нибудь непредвидимо. При этомъ еще
замѣчается: если чешется подошва у правой ноги—то
дорога будетъ пріятная, а если у лѣвой—то худая.

66. Если нечаянно упадетъ на одежду самими плю-
нутая слюна, то будетъ въ народной молвѣ какая ни-
будь напраслина про-того.

67. Кто идетъ сзади человѣка и ступаетъ своими
ногами на чужіе слѣды—тотъ скоро помретъ.

68. Если начнетъ кто какую либо работу—не дол-
женъ спать послѣ обѣда, потому что иначе работа не-
дойдетъ ладомъ.

69. У кого на головѣ много *перхотины* (сыпи), у
того накопилось много печали о *важномъ дѣлѣ*.

70. Появленіе мышей осенью болѣе обыкновеннаго
предзнаменуетъ дороговизну хлѣба.

71. Кто родится въ мать, т. е., образомъ схожъ и лицомъ и прочимъ всею съ матерью, тотъ бываетъ счастливъ.

72. Послѣ бани въ зеркалѣ нельзя смотрѣться; иначе будетъ жена коса.

73. Дымъ изъ трубы несеть къ низу—тепло, а къ верху высоко—къ холоду.

74. (Къ сельскому календарю) 1) на Федосью (29 мая) птица прилетаетъ. 2) Кузминна (1-го ноября) начавшъ сходы на бесѣду.

75. Борись и Глѣбъ (2 мая)—добры люди съютъ хлѣбъ.

76. Курица или пѣтухъ прячуть ноги въ крылья—къ холоду.

77. Кто спитъ и *харчитъ* или *аранитъ* (производить шипящія звуки) тотъ недолго будетъ жить.

78. Утратить крестъ съ шом—къ покойнику.

79. Три свѣчи зажженныя и поставленныя на столъ обозначаетъ, что въ домѣ будетъ покойникъ.

80. Если иконы, мебель и стѣны трещать, то тоже будетъ покойникъ; трескъ этотъ бываетъ также предъ выходомъ съ квартиры.

81. Собака, наклонившись къ землѣ, завоюетъ всегда передъ покойнымъ.

82. У того, на кого ворона бросила свой пометъ, умретъ отецъ или мать, точно такъ же и у того, кто ходитъ въ одномъ сапогѣ или въ одномъ чулкѣ.

83. Если чешется переносье, то будетъ въ роднѣ покойникъ. Унеся нечаянно свѣчу съ панихиды, человекъ лишается кого нибудь изъ родныхъ.

84. Если кошка перебѣжитъ путь, то путешествіе кончится несчастливо, а если собака то напротивъ.

85. Соль разсыпать—передъ ссорой между домашними, гдѣ рассыпана соль.

86. Чтобъ иголку, булавку, ножъ и вообще острое орудіе подарить, то нужно предварительно уколоть палецъ тому, кому даришь—иначе расстроишься.

87. Признакомъ обновки есть то, что нечаянно плюнешь себя на платье; а также появленіе на ногтяхъ правой руки бѣлыхъ пятнышекъ.

88. Въ томъ домѣ будетъ свадьба, если четыре человекъ здороваясь или прощаясь подадутъ руки одинъ другому такъ, что образуютъ крестъ.

89. Холостой мушкетеръ, если сядетъ на порогъ, то не женится, потому предупреждаютъ сѣвшаго на порогъ словами: «не садись на порогъ невесты *ульдутъ*»; съ дѣвницей же будетъ то, что у ней женихъ *ульдутъ*, если она сядетъ на порогъ.

90. Появленіе черныхъ таракановъ въ комнатѣ—знакъ наступающаго богатства и счастья,

91. Появленіе бѣлыхъ пятнышекъ на ногтяхъ лѣвой руки предсказываетъ *напраслину* (наговоръ). Пятнышки эти называются *напрасливыми*.

92. Встрѣчи съ священникомъ или покойникомъ нужно избѣгать, потому что послѣ этого будетъ несчастіе: или ногу переломишь или руку вывернешь, вообще пострадаешь физически.

93. Правый глазъ чешется значитъ приходится радоваться, лѣвый же наоборотъ.

94. Правая ладонь чешется передъ полученіемъ денегъ, а лѣвая—напротивъ.

95. Если усъ чешется, то признакъ того, что быть въ гостяхъ и пить вино или ѣсть гостинцы, смотря потому пьетъ ли тотъ, у кого чешется усъ, или нѣтъ.

96. Примѣты счастливаго человека бываютъ различны: родившійся въ *сорочкѣ*, покрытый по всему тѣлу шерстью, имѣющій близко сошедшія брови у основанія носа и, наконецъ, не умѣющій пѣть нисколько.

97. Ступивши съ кровати утромъ лѣвой ногой, проведешь тотъ день въ дурномъ расположеніи духа.

98. Собака авоетъ, поднявъ рыло къ верху, передъ пожаромъ.

99. Воронъ возвѣщаетъ своимъ крикомъ несчастіе тому дому, надъ которымъ онъ прокричитъ.

100. Появленіе кометы возвѣщаетъ войну, голодъ, моръ и язву.

101. Предъ гостемъ вылетаетъ при топленіи вѣтъ уголь; кошка болѣе опредѣляетъ гостя: смотря потому съ которой стороны умываешь, водить по мордѣ лапкою, съ той и гость придетъ.

102. Волоса падаютъ на головѣ означаетъ, что произойдетъ какая нибудь перемена.

103. Жалующійся на то, что укололъ при шитьѣ палецъ, изобличаетъ себя въ любви.

104. Признаками плодороднаго года будутъ служить: если въ Филишовъ постъ проглянетъ солнце хотя на одинъ день, пушится верба къ Вербному Воскресенью и если осенью будутъ туманные дни и деревья покроются инеемъ.

105. Если наступишь нечаянно на ногу другому, то покумишься.

106. Гнусь (мышь) приноситъ несчастіе, если забѣгаетъ въ одежду людей: въ сапогъ, въ карманъ и т. ед. Несчастіе состоитъ преимущественно въ потерѣ скота.

107. Берегитесь, дѣвушки, смотрѣть на молодыхъ людей чрезъ зажженную свѣчу.

108. Число кружковъ на макушкѣ головы, называемыхъ вихорками, опредѣляетъ число женидѣлъ, напр. если мушкетеръ имѣетъ два такихъ кружка, то будетъ вдовцомъ и женится на другой женѣ.

109. Волосы на головѣ трещать, испрыскаются—признакъ страстной природы.

110. Въ путешествіи водою мельницы не поминають т. е. о мельницѣ не говорятъ, чтобы не наливаетъ на себя бѣды, а бѣда эта есть буря, сильный вѣтеръ.

111. Если ворона будетъ вить гнѣздо на деревѣ высоко, то говорятъ, что разлитіе рѣки будетъ больше и наоботоръ.

112. Трещаніе кузнечика въ стѣнѣ означаетъ перемежу квартиры, но если это трещаніе похоже на стукъ молотка, то означаетъ, что въ этомъ домѣ будетъ покойникъ.

113. Коровы, лежащія на землѣ, предвѣщаютъ теплую погоду; точно также и вороны предсказываютъ погоду своимъ купаньемъ въ лужахъ или снѣгу.

114. Ласточки летаютъ низко надъ землею всегда передъ дождемъ. Это по той причинѣ, что ласточки питаются мухами, а какъ начинается небо заволакивается тучами, то мухи спускаются ниже къ землѣ. Слѣдовательно примѣта эта очень естественна.

115. По числу кукованія кукушки человѣкъ узнаетъ сколько еще лѣтъ онъ проживетъ на свѣтѣ. Кукушку называютъ вѣщею.

116. Кошка, грѣясь на печкѣ, предсказываетъ холодъ.

117. Первую пойманную рыбу рыбакъ всегда съѣдаетъ самъ, чтобы рыба въ сѣти больше попадалась.

118. Если найдутъ трилистникъ о четырехъ листкахъ (что случается очень рѣдко), то это растеніе зашиваютъ въ тряпку и привязываютъ ко кресту на шеѣ, или кладутъ въ кошелекъ, потому что съ этою находкою весь годъ будешь счастливъ. Растеніе это называется въ простонародіи *счастъемъ*, которое ищутъ на Иванъ-день.

119. Примѣчаютъ, что если человѣкъ наканунѣ большихъ праздниковъ веселится и смѣется, то въ праздникъ будетъ плакать и скучать.

120. Страшно огорчаются старики и старухи, когда дѣти при вскрытіи рѣки отъ льда бросаютъ въ нее камешки. Они не позволяютъ имъ это дѣлать, на томъ основаніи, что рѣкѣ отъ этого бываетъ тяжело, трудно, точно такъ же, какъ родильница мучится при родахъ въ присутствіи хитраго, злаго человѣка. Хозяинъ скотины иногда самъ призываетъ посидѣть въ своей избѣ *простаю* человѣка, пока его скотинушка разрѣшится благополучно.

121. Чтобы узнать, любитъ ли *хозяйинъ* лошадь, стоитъ только взглянуть на хвостъ и гриву, волосы которыхъ бывають такъ спутаны и перевязаны, что нисколько не уступятъ Гордіеву узлу.

122. Близость дороги въ лѣсу узнается по муравейнымъ кучамъ, которыя стоятъ всегда покатою къ дорогѣ.

123. Въ понедѣльникъ денегъ не отдають изъ опасенія, чтобы съ *лежаю денъка понедѣльника*, деньги не таяли, яко воскъ въ продолженіе всей недѣли.

124. Забѣчательна примѣта и та, что въ какомъ состояніи духа находитесь человѣкъ въ свои именины, въ такомъ и будетъ находится въ продолженіе всего года.

125. Вихрь, образующійся отъ столкновенія двухъ и болѣе вѣтровъ, многіе называютъ чертовой свадьбой.

126. Ножъ, поставленный на обухъ, лезвиемъ къ верху и острымъ концомъ на человѣка, поспорить того, кто поставилъ такъ ножъ съ тѣмъ, на кого онъ поставленъ острымъ концомъ.

127. На новорожденного младенца заботливая мать не позволитъ посмотрѣть лукавому чловѣку изъ опасенія, что малютка ея будетъ уродомъ. Очень жалѣетъ мать, когда ея ребенокъ — уродъ, и говоритъ: *смазилъ* кто нибудь.

128. Если паука убить мизинцемъ правой руки, то отпускается сорокъ грѣховъ.

129. Если ѣвши, поперхнешься въ горлѣ, то это есть знакъ того, что кто то торопится.

130. Когда икнется, тообы иновенно говорятъ: «кто-то вспоминаетъ». Но если вспоминають кого нибудь съ другой стороны — то примѣта этому такая, что начинаютъ щеки горѣть.

131. На Ильинской и Ивановской недѣлѣ не купаются, *боясь водянаю*, который преимущественно въ эти дни недѣлѣ ловить купающихся, и когда вытаскать утопшаго, то всегда находятъ синія пятна, которыя образуются отъ того, что водяной, захватывая своими желѣзными руками, оставляетъ такіе знаки.

132. Залетѣвшая сова въ комнату знаменуетъ свадьбу въ томъ домѣ, куда она залетѣла. «Сижу я — такъ у она, рассказывалъ мнѣ одинъ знакомый крестьянинъ, вдругъ въ окно влетаетъ совеннокъ и прямо въ печь, думая, что тутъ дупло какое, да уноровилъ въ горшечъ, тутъ и изжарился. Предъ чѣмъ? думаю, а не много погода, приходитъ сватья и говорятъ: отдай Стеху-то за нашего Федьку... А! думаю, вотъ передъ чѣмъ сова-то залетѣла, и отдалъ Стешку».

133. Снимая нагаръ со свѣчи, да потушишь ее, есть знакъ того, что кто нибудь придетъ (къ прибылому); точно также если уронишь вилку со стола, то тоже къ прибылому, — придетъ женщина, а если ножикъ — муштина.

134. Крикъ гагаръ предвѣщаетъ дождь.

135. Надъ пойманною мышью не *галлется* т. е. ее не мучатъ, а прямо убиваютъ или топятъ; иначе ихъ разведется въ домѣ очень много. Чтобы избавиться ихъ, пойманную мышь опалатъ и пустятъ.

136. Рыболовы попавшуюся маленькую рыбу сънутъ, приговаривая: пошли отца, пошли мать, пошли тетку и такъ далѣе отпускають опять въ рѣку, думая, что уже таяя мелочь не будетъ попадаться на удочки, а попадутъ болѣе крупныя рыбы.

137. Пастухъ, пася скотъ, не ѣсть въ лѣсу ягодъ, опасаясь, чтобы медвѣдь не задралъ одну изъ скотинъ, отданныхъ ему подъ присмотръ.

138. Когда начинаетъ звонить въ которомъ нибудь ухѣ отъ накопившейся тамъ сѣры, то въ то время загадываютъ что нибудь, и сбудется ли то, о чемъ загадываютъ, спрашиваютъ у другаго: въ которомъ ухѣ звонить? Если отвѣтъ будетъ не такъ, то тому добродушно и повѣрятъ.

139. Въ Троицкомъ Укр-островѣ есть старинный каменный крестъ, поставленный въ часовнѣ, который предсказываетъ больному смерть или здоровье: крестъ этотъ обмываютъ водою, и если на немъ будутъ водяные пузырьки, какъ потъ на тѣлѣ человека, то больной поправится, а напротивъ, если вода сбѣжитъ съ него досуха, то больной умретъ.

140. При вѣнчаніи жениха и невѣсты замѣчается, что если у кого изъ нихъ болѣе сторить свѣчи, то тотъ прежде и умретъ.

141. Свѣчи вѣнчальные уносятъ домой и зажигаютъ тогда, когда гремитъ громъ, чтобы *стрѣла* (молнія) не залетѣла въ комнату.

142. Волосы у дѣвушки раздвоются передъ замужествомъ, у холостаго мушины передъ женитьбою.

143. На пути встрѣтится трубочистъ — путь кончится благополучно.

144. Признакомъ того, что домовая любитъ скотину, служитъ то, что у скотины изъ шерсти сыпятся искры съ трескомъ.

145. Въ ставанѣ налитомъ чаемъ, если будетъ плавать пѣнка, то тотъ, кто пьетъ этотъ ставанъ чаю, получитъ *корысть* (прибыль).

146. Крестьяне никогда не ѣдятъ съ ножа изъ опасенія быть сердитымъ.

147. За обѣдомъ или ужиномъ не смѣются, потому что бѣсъ станетъ въ кушанье испражняться.

148. Надальника своего не поминаютъ часто изъ боязни, чтобы онъ не пришелъ сердитымъ.

149. Чтобы выпросить у кого нибудь что нибудь, то должно того сперва обойти кругомъ три раза.

150. Еще признакомъ счастливаго человека служить его широкая ступня.

151. Если сахаръ, при кусаніи расколется не пожелаю, то это служитъ признакомъ того, что будетъ гость.

152. Кошку бояться держать близко себя, чтобы она не чихнула въ носъ и ротъ, отъ чего зародятся въ головѣ человека или лягушки, или маленькія змѣи.

153. Падающая звѣзда съ неба обозначаетъ кончину праведника на землѣ, почему и говорятъ въ то время до трехъ разъ «аминь» и крестятся.

154. Чтобы была въ любви удача всегда, то для этого находятъ самца на лягушкѣ самкѣ, кладутъ въ буракъ со множествомъ просверленныхъ на немъ дырочекъ и ставятъ на муравейную кучу. Муравьи заходятъ въ отверстія бурака и лягушекъ съѣдаютъ такъ, что останутся однѣ кости. Въ то время какъ муравьи ѣдятъ лягушекъ, сіи послѣднія производятъ страшный пискъ, такъ что положившій ихъ на муравейникъ, если не заткнетъ уши пальцами и не отойдетъ, не оборачиваясь назадъ, то оглохнетъ. Потомъ изъ оставшихся костей лягушекъ выбираютъ косточки, похожія по формѣ на крючекъ и петельку. Если задѣнешъ этимъ крючкомъ понравившуюся дѣвушку или кого другаго, то непременно эта дѣвушка полюбитъ, напротивъ, если надоѣсть ея любовь, то стоитъ только задѣть петелькой.

155. Если слышишь въ первый разъ кукованіе кукушки свади себя, то умрешь.

156. При кукованіи кукушки держать въ рукахъ деньги, чтобы онѣ не издерживались и размножались.

157. Для того же держать въ рукахъ серебряную монету и глядеть ее при рожденіи луны.

158. Чтобы была *попутерь* (попутный вѣтеръ), то для этого навистываютъ.

159. Тотъ гребень, которымъ причешутъ покойника, кладутъ или въ гробъ, или бросаютъ на улицу.

160. Замахнувшійся ножомъ лишается покровительства Ангела-хранителя на три года.

161. Число морщинъ между бровями надъ носомъ обозначаетъ число разъ овдовѣнія.

162. Съ кладбища ничего не уносятъ изъ боязни, чтобы покойникъ не пришелъ ночью за своею собственностію.

163. Большіе сосцы у мушинъ свидѣтельствуютъ о его счастьи.

164. Тотъ, кто боится щекотанія, ревнивый.

165. Туловище длинно, а ноги коротки — признакъ человѣка лѣниваго.

166. Чтобы перестать лѣниться, то стоитъ только, при конвульсивномъ потягиваніи сказать на человека: лѣнь — потягота, поди на Федота, съ Федота на Якова, съ Якова на всякаго.

167. Если въ домѣ умерло два человека въ одномъ году, то въ томъ же году нужно еще ожидать и третьяго покойника.

168. Если человекъ въ своей жизни три раза тонулъ, да не утонулъ, то хоть и случится еще тонуть — не утонетъ.

169. Тотъ недолго проживетъ на свѣтѣ, у кого, если онъ купается да выйдетъ, не образуется водяныхъ капель на тѣлѣ, а все тѣло всплошь мокро.

170. Чтобы сжить бородавки съ тѣла, то для этого берутъ нитку и навязываютъ на ней столько узелковъ, сколько бородавокъ, и потомъ эту нитку бросаютъ на

улицу, и кто через нее перешагнетъ, къ тому и перейдутъ бородавки.

171. Для узнанія суженой—ряженой, или суженаго-ряженаго берутъ стаканъ съ чистой водой и ставятъ на столъ; въ стаканъ кладутъ кольцо, а подъ стаканъ монету. Такъ уставивъ смотреть въ кольцо до тѣхъ поръ, пока не покажется человѣческая фигура. Это гаданіе происходитъ о святкахъ, особенно вечеромъ на новый годъ.

172. О святкахъ же лютъ растопленный свинецъ, стеаринъ или воскъ въ воду. Вылитое въ воду принимаетъ весьма разнообразныя изображенія, такъ что тѣнь отъ вылитаго изображаетъ иногда лошадь, возокъ, гробъ и т. под. Такъ жгутъ бумагу, остатки которой тоже представляютъ своею тѣнью разныя формы, изъ которыхъ также выводятъ (какъ и изъ тѣни вылитаго въ воду воска, стеарина, свинца) заключенія.

173. Вечеромъ наканунѣ новаго года дѣвушки доятъ солому. Это производится такъ: берутъ небольшую связку соломы, кладутъ на столъ, а на солому ставятъ мѣдникъ (мѣдный горшокъ) дномъ къ верху. Потомъ начинаютъ доить; солома издастъ звуки, въ которыхъ дѣвушки стараются отличить имена. Если солома выговариваетъ имя Федоръ, то у той дѣвушки мужъ будетъ по имени Федоръ.

174. У котораго ребенка на рукахъ ясный, природою созданный *перезимъ* у кистей—тотъ *не жиуць*.

175. Если положить ножъ такъ, что остріе лезвія будетъ на верху—то случится что нибудь дурное.

176. Зима снѣжная—быть урожаю.

177. Съ поля снѣгъ сходить, а по дорогамъ *черепомъ* держится—къ неурожаю.

178. Вода весною идетъ въ гору, а не держится въ своемъ ложѣ—плохой будетъ годъ.

179. Малоснѣжная зима и ранняя весна служатъ предвѣстниками жаркой погоды лѣтомъ.

180. Вороны часто кричатъ—къ бурной погодѣ.

181. Если кошка лежитъ къ верху носомъ, (а иногда и лапами) будетъ на завтра *седриѣ* (сухая погода).

182. Ломота въ поясницѣ (колики) и боль въ увѣчныхъ мѣстахъ тѣла у пожилыхъ людей—предвѣстники переменъ погоды съ хорошей на худую.

183. Мѣсяцъ (луна) рожками книзу (когда она не полна бываетъ)—къ теплу.

184. Ласточки летаютъ низко—къ дождю.

185. Если дождь пошелъ (началъ выпадать) съ полудня, то будетъ продолжаться до полуночи.

186. Чтобъ узнать, какой завтра подуетъ вѣтеръ, нужно опустить въ воду (на улицѣ) указательный палецъ руки и поставить его къ верху такъ, чтобы онъ торчалъ. Съ которой стороны почувствуется по пальцу холодъ, съ той будетъ и вѣтеръ.

187. *Безплатый* (у котораго пяты у ногъ не выдаются назадъ, т. е. замѣтно) ребенокъ *не жиуць*.

188. Та худая будетъ корова, когда въ первый разъ отелясь принесетъ телку; хорошею же бываетъ та, которая сначала въ три раза родитъ три бычка.

189. Жители хотя имѣютъ понятіе о часахъ (впрочемъ не всѣ—другіе не знаютъ различать знаковъ циферблата), но опредѣляютъ мѣру дня иначе по теченію солнца, луны и по другимъ свѣтиламъ небеснымъ.

За снѣгъ выписаны у г. Иванова на отдѣльныхъ лоскуткахъ еще кратчайшія замѣтки:

— *Сколотныя* дѣти бываютъ счастливы въ жизни.

— Крупный комаръ—къ доброму (урожайному) году.

— До Иванова—дня (24 іюня) убьешь комара—рѣшето прибудетъ, а послѣ Иванова дня—рѣшето убудетъ.

— Пришелъ Борисъ-Глѣбъ (24 іюля): поспѣлъ хлѣбъ (въ полѣ).

— На Глѣба и Бориса за хлѣбъ не берися: не начинай такъ рано употреблять новаго хлѣба, чтобъ потомъ не было недостатка.

— Горло ноетъ: либо къ питью (вина), либо къ битью.

— «Илья лѣто кончаетъ»....

— Если курица запоетъ пѣтухомъ—это предвѣщаетъ покойника или другое большое несчастье.

— Спотынутся, зацѣпятся, значить встрѣтитъ задержку, быть остановлену какимъ либо препятствіемъ.

— Волковъ появится въ необыкновенномъ числѣ—война возникнетъ.

— Заяцъ, перебѣжавшій дорогу, предвѣщаетъ неудачу и несчастье.

— Кошка умывается (облизывается и утирается лапкой)—къ гостямъ въ домѣ хозяина.

— На кого потянется собака (иные примѣчаютъ тоже и за кошкой)—тому придетъ корысть.

— Встрѣча съ собакою признается счастливою.

— Если собака роетъ яму на дворѣ, то непременно къ покойнику: выратая ею яма намекаетъ на скорую необходимость въ могилѣ.

— Собака брасается, на пришедшаго въ избу человека—знакъ, что онъ пришелъ не съ добрымъ намѣреніемъ.

— Февраль (мѣсяцъ) враль.

— Никому не слѣдуетъ подавать ничего остраго (ножа, ножницъ, вилки, иглы, булавы и пр.) острымъ концомъ, не то—поссоришься.

— Если въ ночь на Егорьевъ день пойдетъ заморозокъ, то будетъ еще сорокъ морозныхъ утренниковъ *).

*) Это испытывали старики. Они набирали сорокъ щепокъ, клали ихъ въ корзинку и съ каждымъ утренникомъ выбрасывали по одной щепкѣ.

— Восточный вѣтеръ, по примѣтамъ Пинежанъ, есть здѣсь: и ледеколь, и рѣвоставъ.

— Чтобы не быть пьяницей, никогда не слѣдуетъ допивать остатковъ вина другой osoby, — а должно выливать ихъ на полъ на *опмашь*.

— Чтобы узнать, дѣйствительно-ли былъ вредоносный морозъ, смотри на грибы: если почернѣли — былъ таковъ, а если нѣтъ — пустяки.

— Если по ночамъ въ стѣнахъ вуютъ безпрестанно насѣкомыя, то тотъ, въ стѣнахъ коего вуютъ эти музички, или nebudeтъ жить въ томъ домѣ или умретъ.

— У кого въ день имянинъ сломаются чашка или рюмка, то имянинникъ, въ тотъ годъ, будетъ жить хорошо, безбѣдно.

— Имяне означаетъ, что кто нибудь вспоминаетъ отомъ, у кого это дѣлается. А что бы узнать, кто вспоминаетъ, помачиваютъ мизинецъ правой руки слюною и проводятъ имъ по правой брови загадавъ напередъ на кого либо: если на перстѣ окажется волосинка отъ брови, то признается, что поминать тотъ, на кого было загадано.

— Если въ церкви при бракосочетаніи, что нибудь случится, то есть упадетъ ли образъ, или свѣча и т. п. то обручающіеся будутъ жить не хорошо.

— Шерсть на тѣлѣ — признакъ богатаго житья на старости лѣтъ.

— Радуга зимою — къ морозу, либо къ снѣгу.

— Обыкновенные угли дѣлаются твердыми и звучными — къ холоду.

— День холодный и ясный въ Николу (6 Декабря) означаетъ будущій годъ хлѣбороднымъ.

— Если идущаго человѣка признаютъ по ошибкѣ за другаго, то ему будетъ какая нибудь прибыль.

— Говорятъ: «ѣшь горѣлый хлѣбъ, на водѣ не потонешь».

— *Бабье лето* (время страды) — также у Русиновъ въ Галичинѣ (Отечест. Зап., 1867 год. № 23, 498).

— Соль просыпать — къ холоду; а чтобы отъ этого худаго не случилось, надо виновнаго ударить по синиѣ въ шутку.

— Уха сварится черная съ пригарью — къ теплой погодѣ, а чистою — къ холодной, — ясной.

— Если Митрій на конѣ, то Вторій въ лодкѣ. (Упоминаемые: Дмитрій Селунскій и Георгій Великомученикъ. Первому празднуется 26 октября, а второму 23 апрѣля. Оба почитаются побѣдителями и оба изображаются всадниками на коняхъ).

— Если опаздать ноги другаго вѣшникомъ, то у него будетъ неласковая теща.

— У кого много на тѣлѣ родимыхъ пятенъ, — тотъ счастливый человѣкъ.

— На Новый годъ дня прибываетъ на курчій шагъ.

— На Илью (20 іюля) до обѣда лѣто, а послѣ обѣда осень.

— Пришелъ Федоръ Студить (11 ноября) землю студить.

— У кого изъ мужчинъ на рукавѣ или ногахъ пальцы налегаютъ другъ на друга, — у того жена (будущая) будетъ большичать надъ нимъ.

— У кого голова (т. е. волосы) гладка, тотъ отцу не кормилецъ (нестарательный).

— Апрель — берегамъ прѣль.

— Звать двумъ вдругъ — вмѣстѣ водку пивать.

— Съ Ильина дня первый *лучь*, т. е. первый огонь съ лученіемъ рыбы, и съ тѣмъ вмѣстѣ въ жилищахъ.

— Съ Ильина дня — *сива-кона въ полъ не видно*.

— Если мужъ и жена будутъ ѣсть въ потемкахъ, то у нихъ ребенокъ родится съ пороками вора.

— Катать палками бѣлье на человѣка, примѣта: желать ему скорой смерти.

— Холостому мужчинѣ негодится сидѣть на дверномъ порогѣ: не пойдетъ за него въ супруги никакая дѣвушка.

— Зашивать одежду, надѣтую на человѣкѣ, нельзя, такъ какъ съ заштопаньемъ дыры на платьѣ зашивается и умственное развитіе хозяина его.

— Затмѣніе солнца или мѣсяца, а также всѣ кометы, предвѣщаютъ войну и моръ людей.

— Коли ягодно, то и хлѣбно *).

— Поймать вошь на ногѣ — узнать новость.

— Есть мушка (муха), — будетъ и мучка (хлѣбъ).

— Петъется за обѣдомъ, значить, ѣда въ тукъ ему идетъ.

— Рыба не клюетъ въ рѣкѣ послѣ грома, на озерахъ ничего, клюетъ.

— Если залетитъ въ растворенное домовое окно птичка (только не ласточка), значить къ прибыли.

— 3-й Спасъ (16 августа). Съ этого дня начинаютъ всѣ ѣсть огородные овощи. Другіе же начинаютъ съ Преображенія (6 августа).

— Небесная радуга (свѣтовое явленіе) представляетъ благоприятный признакъ, обещающій хорошую погоду.

— Полагаютъ, что при возрастаніи луны увеличиваются и возрастаютъ растенія и вообще развивается жизнь въ природѣ.

*) Г. Носовичъ сообщивъ Бѣлорусскую пословицу: „Кто съ календаря сѣецъ, мало вѣецъ“, объяснилъ, что такъ говорятъ вопреки замѣчаніямъ экономовъ, держащихся календаря въ сѣяніи, имѣя въ виду собственные земледѣльческіе опыты. (Зап. Геогр. Общ., 1867 года, т. I, 459).

Пухляк... (text continues)

На вода (дальше, на вода на вода на вода...)

Видна... (text continues)

Видна... (text continues)

Видна... (text continues)

Видна... (text continues)

Видна... (text continues)

Видна... (text continues)

Видна... (text continues)

Видна... (text continues)

Видна... (text continues)

Видна... (text continues)

Видна... (text continues)

Видна... (text continues)

Видна... (text continues)

Видна... (text continues)

Видна... (text continues)

Видна... (text continues)

Видна... (text continues)

Видна... (text continues)

Видна... (text continues)

— Видна... (text continues)

— Видна... (text continues)

— Видна... (text continues)

— Видна... (text continues)

— Видна... (text continues)

— Видна... (text continues)

— Видна... (text continues)

— Видна... (text continues)

— Видна... (text continues)

— Видна... (text continues)

— Видна... (text continues)

— Видна... (text continues)

— Видна... (text continues)

— Видна... (text continues)

— Видна... (text continues)

— Видна... (text continues)

«Алексея-Фалалея» (20 мая мученика Фалалея и обрѣтеніе мощей св. Алексѣя митрополита) бываетъ сильный холодъ. Падеть морозъ—бѣда, и такъ говорятъ здѣсь: «Тепло, хоть на колодѣ носѣй, такъ выростеть хлѣбъ».

— Сѣверуха (вечерняя бабочка) летаетъ въ комнатахъ—къ сѣверу (сѣверному вѣтру).

— Долго передъ утромъ спится—къ дождю день.

— Ребенкомъ, употребляющимъ въ игрѣ подобія церковныхъ обрядовъ и церемоній, умираетъ до совершенности.

— Если имянникъ въ день св. своего ангела получаетъ на руки деньги, а тѣмъ паче долгъ, то будетъ получать ихъ цѣлый годъ.

— Въ старой постройкѣ нельзя дѣлать пристройку, какъ нельзя и прорубать дверей; иначе умретъ хозяинъ скоро.

— Рѣдкіе крики чаекъ и видимый страхъ животныхъ (напр. овецъ, коровъ) предвѣщаютъ бурю.

— Если у дѣвушки руки не красивы по формѣ, то у ней будетъ мужъ—красавецъ.

— Когда облака густы и всѣ одного цвѣта, тогда скоро будетъ дождь.

— Когда же облака стануть разсѣиваться, т. е. покажутся свѣтлыя мѣста, дождь вскорѣ прекратится.

— Дождь будетъ, если рыбы выскакиваютъ изъ воды и плаваютъ по поверхности ея.

— Тоже, когда мухи не даютъ покоя, кусаютъ и скрываются въ дома съ жужжаніемъ.

— Когда ласточки залетаютъ низко—жди дождя.

— Обильная утренняя роса—обѣщаетъ бездождіе.

— Не будетъ дождя, если облака *идутъ* съ одной стороны и противъ вѣтра.

— Когда покажется радуга двухъ цвѣтовъ: краснаго и желтаго—конецъ дождю.

— Пѣтухъ не въ обыкновенную пору поетъ—къ *ведрию*.

— Отрыгается—къ питью, либо къ битью.

— Чешетъ незамужняя женщина волосы вечеромъ—выйдетъ за пастуха.

— По субботамъ гостящихъ называютъ «*симиыми гостями*».

— Короткорукія бываютъ счастливы.

— Самоваръ нечаянно заглохнетъ или перестанетъ кипѣть, значить, дожидается кого нибудь приходящаго гостя, который и будетъ непременно.

— Кто испечетъ луговицу прежде, чѣмъ уберанъ весь лукъ съ грядъ, у того онъ весь засохнетъ.

— Кости болятъ и подкожные свербятъ—къ дурной погодѣ.

— Глазъ свербить—плакать.

— У того горятъ уши, того гдѣ нибудь хулить или хвалить, т. е. придется ему услышать худой или хорошій о себѣ отзывъ.

— Губы чешутся—кушать гостинцы.

— Если чешется лобъ—клянутся съ пріѣзжими.

— Кто изъ молодой четы, женихъ или невеста, вступить, во время вѣнчанія, прежде на разостланный на полу ситецъ, тотъ и будетъ властвовать въ домѣ.

— Остриженныхъ волосъ нельзя кидать зря, какъ попало; иначе послѣдуетъ головная боль (потому, волосы собираютъ, свертываютъ вмѣстѣ и затыкаютъ въ печурки).

— Чешется ладонь правой руки, значить получать деньги или имѣть прибыль; лѣвая ладонь чешется—отдавать (убытокъ).

— Отдавать деньги къ ночи—не хорошо: они не будутъ водиться въ запасъ.

— Разбитіе зеркала—зловѣщая примѣта.

— Черный глазъ—опасный (Бойся чернаго да ряго глаза).

— Если дымъ стелется по землѣ, то смотри по времени, будетъ зимою оттепель, лѣтомъ—дождь.

— Частыя сѣверныя сіянія предвѣщаютъ крѣпкіе морозы.

— Кто играетъ своею шапкою, у того заболитъ голова.

— Замѣчаютъ, что тотъ сдѣлается богатъ, кто виданный не разъ, хотя бы однажды не узнавъ сразу.

— О хорошемъ или худомъ годѣ для хлѣбовъ узнать по числу яицъ, владущихся воронами въ гнѣздахъ весною (въ апрѣлѣ и началѣ мая). Когда въ одномъ гнѣздѣ находятъ одно или два яйца—къ худу, болѣе—къ добру. Въ нынѣшній (1869) годъ любопытные нашли по 5 яицъ въ гнѣздѣ, и поэтому заключаютъ, что годъ будетъ урожайный.

— Около котораго дома ребята бѣгаютъ въ запуски, подражая свадебному поѣзду, быть въ немъ свадьбѣ.

— Земледѣльцы боятся, если случится морозъ 20-го мая. Въ этотъ день въ 1869 году былъ холодъ ночью, до мороза, и потому заключили, что урожай будетъ не такъ хорошъ, если еще не будетъ неурожая.

— Флинтъ *шукать* передъ дурной погодой. При томъ онъ лишается аппетита.

— Родиться въ сорочкѣ—величайшее счастье.

— Если звенить въ ухѣ—слышать неожиданныя новости и при томъ: если въ правомъ—хорошія, а если въ лѣвомъ—непріятныя.

— Если черезъ открытое окно влетитъ въ комнату птица и вылетитъ—предвѣщаетъ смерть кому нибудь въ томъ домѣ.

— Дарья (19 марта) прозывается «говноморубкой» потому, что въ проруби на рѣкахъ начинается стемнѣть всякая нечистота.

— Свойственные географическому положенію здѣшняго края вѣтры приносятъ: а) Сѣверный и Сѣверо-Западный — холодъ; б) Западный — влажность и дождь; в) Юго-Западный и Юго-Восточный — теплоту и немного влажности; и г) Восточный и Сѣверо-Восточный — сухость.

— Кто любитъ съѣсть накипѣвшую на молокѣ *плыку*, тотъ на видѣ скоро состарѣтся.

— Не будетъ града, а будутъ губны дожди, и ягодъ и грибовъ будетъ вдоволь.

— Въ сельскому календарю: Власьевскіе морозы (3—10 февраля).

— 12 декабря *Спиридонъ солнцеворотъ* (поварачивается солнце на лѣто, а зима на морозъ).

— *Бабе лѣто* — осень (доканчиваніе сѣнокосовъ, жатва хлѣба, сборъ грибовъ и ягодъ и заготовка вѣшниковъ).

— Въ перемѣну погоды съ нарожденіемъ мѣсяца — сильно вѣрять.

Изъ примѣтъ, которымъ вѣрять жители Холмогорскаго уѣзда вообще, были записаны гг. смотрителемъ мѣстнаго уѣзнаго училища Базилевскимъ и учителемъ онаго Елизаровымъ слѣдующія:

Безвѣтріе во время святокъ и много инея на вѣтвяхъ деревь — предвѣщаетъ добрый годъ. Если на снѣгу будетъ много звѣздочекъ, то годъ будетъ *людный*.

Какое день (ясный или пасмурный) въ мясное заговѣнье, т. е. Воскресенье передъ Сырной недѣлей, таковъ будетъ и въ Пасху.

Если первый день Великаго поста хорошъ, то весна будетъ прекрасная. По второму дню Великаго поста судятъ о состояніи лѣта, а по третьему — объ осени.

Если 1 марта вѣтеръ, то лѣто скоро наступитъ; но если 25 числа того же мѣсяца подуетъ сѣверный вѣтеръ, то весна протянется еще на долго.

Если на Срѣтеньевъ день будетъ вьюга и перенесетъ снѣгомъ дорогу, то цѣны на сѣно возвысятся, такъ что въ веснѣ сдѣлается оно очень дорого.

Сколько на Благовѣщеневъ день останется снѣгу на крышахъ строеній, столько же въ Георгіевъ день (23 апрѣля) будетъ его на землѣ.

Ничего важнаго не должно предпринимать въ тотъ день, въ который былъ праздникъ Благовѣщенія. Напримѣръ: если этотъ праздникъ былъ въ субботу, то во всѣ субботы въ теченіе года до слѣдующаго Благовѣщеняго дня ничего важнаго не должно предпринимать.

Если въ Георгіевъ день будетъ утренникъ, то послѣ него еще будетъ 40 утренниковъ; а если въ этотъ день

по утру будетъ тепло, безъ примороки, то все время слѣдующее будетъ стоять теплое.

Если весной ручьи бѣгутъ шумно, то годъ будетъ добрый, хлѣбородный; и на оборотъ, если они бѣгутъ тихо спокойно.

Если рѣка вскрыется, или пойдетъ ледъ, въ скоромный день, то коровы въ этотъ годъ молока будутъ доить, за то рыбы мало будетъ въ уловѣ; если же въ постный, то коровы недоины будутъ, а рыбы много будетъ въ уловѣ.

Если птицы рано прилетятъ съ Юга, то скоро настанетъ весна; если онѣ по прилетѣ, *не говорятъ*, т. е. не кричатъ или не поютъ, то продлится еще холодъ, или, какъ говорятъ, будетъ еще *засиверка*.

Если озимъ не вездѣ взойдетъ, а останется на полосахъ много пустыхъ мѣстъ, то годъ этотъ будетъ *убный*.

Примѣчаніе. Подъ именемъ *убъ* здѣсь разумѣютъ грибы: рыжики, грузди, волнушки и проч., всѣ вмѣстѣ взяты. Отдѣльно же взятый родъ этихъ произведеній природы называютъ собственнымъ именемъ.

Дождь съ большими пузырями предвѣщаетъ, что во всю ту недѣлю онъ непрестанно будетъ идти.

Облака, являющіяся красными передъ восхожденіемъ солнца, предвѣщаютъ вѣтеръ; если онѣ красныя и черныя, то будетъ дождь. Облака же красныя передъ закатомъ солнца предвѣщаютъ ясную погоду.

Гуси, или утки, или вороны — моющіеся — предвѣщаютъ дождь.

Солнце, выходящее ясно и жарко — предвѣщаетъ ясный день; но если оно выходитъ блѣдное, то значитъ, что будетъ дождь.

Если собака на кого тянется, то она общается тому прибыль.

Если собака воетъ, подыавни вверхъ рыло, или роетъ яму, то предвѣщаетъ либо покойника, либо пожаръ.

Если малыя дѣти, играя, закрываются платкомъ, то они этимъ предвѣщаютъ, что будетъ свадьба въ той деревнѣ, или непременно въ сосѣдней.

Дѣти, играющія на улицѣ солдатами — предвѣщаютъ войну.

Если кто намѣренъ идти куда нибудь, и нечаянно на дѣнетъ на себя что-либо изъ платья на лѣвую сторону, то это значитъ, что онъ встрѣтитъ для себя что-нибудь непріятное.

Воронъ, сидящій на кровлѣ дома, въ которомъ есть больной, и кричащій — предзнаменуетъ больному смерть.

Сорока, сидящая близъ окна и кричащая, общается гостей, а если есть больной въ томъ домѣ, то — здоровье.

Если у кого чешется лобъ, то это знакъ, что будетъ еще съ кѣмъ нибудь здороваться; а если затылокъ, то быть бранину.

Когда правая бровь чешется, то хвалить того; а лѣвая—хулять.

Если лѣвый глазъ чешется, то значить чему нибудь радоваться; а если правый—плакать.

Если у кого либо звенить въ правомъ ухѣ, то это знакъ слышать ему хорошія вѣсти; а если въ лѣвомъ—непріятныя, дурныя. Также означаетъ хорошіе или худые о немъ разговоры.

Если кто родился осенью или зимой, и у того въ которомъ нибудь ухѣ закипитъ сѣра, то это знакъ, что будетъ холодъ. Напротивъ же, кто родился весной или лѣтомъ, и у него въ какое бы то нибыло время года закипитъ сѣра въ ухѣ, то это знакъ, что будетъ тепло *).

Если носъ у кого чешется по срединѣ, тому слышать о покойникѣ; а если у кого конецъ чешется, то это знакъ, что онъ скоро будетъ пить гдѣ-нибудь вино или водку.

Если у кого случится быть прыщину на языкѣ, то это знакъ, что его злословятъ.

Бѣлыя пятнышки на ногтяхъ той или другой руки, время отъ времени появляющіяся, означаютъ слѣдующее: на ногтѣ мизинца—счастіе, на ногтѣ второго отъ мизинца—несчастіе, на ногтѣ средняго—радость, на ногтѣ указательнаго—печаль, на ногтѣ большаго пальца—обновку.

Если кто будетъ вытирать руки о скатерть, то непременно пристанетъ заусеница.

Когда хозяинъ дома купленную имъ лошадь или корову приведетъ и поставитъ въ свой хлѣвъ или конюшню, тогда непременно долженъ раскланяться во всѣ четыре угла, съ прозяношеніемъ слѣдующихъ словъ: хозяйнушко! (такъ называютъ домоваго) вотъ тебѣ скотинка! люби ее да жалуй, пой, корми, рукавичкой гладь, на меня не надѣйся *).

Заяцъ, повстрѣчавшійся съ кѣмъ нибудь на дорогѣ, и особенно перебѣжавшій оную, велитъ остерегаться чего нибудь худаго.

Иголкою, ножикомъ и булавкою не дарить, чтобы не поссориться. Въ отвращеніе ссоры надобно, чтобы принимающій ножикъ купилъ его какою нибудь монетою, а принимающій иголку или булавку позволилъ себя уколоть немного той или другой.

*) И такъ у инаго сѣра кипитъ въ ухѣ къ теплу, а у другаго—къ стужѣ, смотря потому, кто въ какое время родился.

*) По понятіямъ простонароднымъ, домоваго крадетъ кормъ у той скотинки, которую не любитъ, подглядывая оныи той, которая ему мила. Сія послѣдняя ежедневно жрѣветъ, а у той на послѣдокъ останутся кожа да кости.

Косица унывающаяся предвѣщаетъ гостей. Если она садится на шестокъ или въ печурокъ, то предзнаменуетъ стужу, а если бѣсится, бросаясь изъ угла въ уголъ, то брань и ссору.

Муха попавшая въ кушанье или питье означаетъ подарокъ. Тоже самое означаетъ, если попадется и уголь.

Если пѣтухъ поетъ раньше полуночи, то значить, что онъ видитъ нечистую силу, т. е. дьявола, и пѣніемъ своимъ прогоняетъ его.

Если кто нибудь двое скажутъ одно и то же слово вмѣстѣ, вдругъ, то значить, что будутъ гости, или крайней мѣрѣ кто нибудь посторонній придетъ за чѣмъ нибудь.

Если нечаянно упадетъ съ лопаты или хлѣбъ, или пирогъ, или шаньга, или ватрушка, во время сажанія ихъ въ печь, то вѣрный знакъ, что будутъ гости.

Соль нечаянно просыпанная предзнаменуетъ ссору и брань. Въ отвращеніе сего должно велѣть себя выбранивать или ударить по лбу щелчкомъ.

Когда женихъ и невѣста идутъ къ вѣнцу и встрѣтять на пути идущій возъ съ дровами, то нельзя ожидать въ жизни новобрачныхъ счастія.

Когда женихъ и невѣста пойдутъ къ налою, и когда кто нибудь изъ нихъ первый станетъ правой ногой на подножіе, то это знакъ, что тотъ во всю жизнь будетъ первенствовать надъ другимъ; но если ступить много или всею ногой, тотъ подверженъ будетъ вередамъ или чирьямъ.

У кого изъ бракосочетающихся во время вѣнчанія свѣча сгоритъ болѣе, чѣмъ у другаго, тотъ изъ нихъ прежде умретъ.

Когда новобрачные въ первый разъ двое останутся въ своей комнатѣ (наединѣ), то одинъ изъ нихъ вѣроятно начнетъ какой-нибудь разговоръ, и кто первый начнетъ говорить въ это время, тотъ непременно будетъ во всю жизнь первый же и заговаривать съ своей половиной *).

Иваніе, или икота, означаетъ, что кто нибудь вспоминаетъ объ инающемъ.

Если начнутъ сѣять, косить или жать, или другую какую работу, то въ этотъ день не должны тѣ послѣ обѣда спать; иначе не будетъ никакой удачи, никакого успѣха въ томъ дѣлѣ, или работѣ.

Женщина, во время беременности, не должна злостно браниться, ибо новорожденное ею дитя будетъ или злое, или съ другими какими нибудь пороками.

*) Знатки этого дѣла стараются одинъ другаго перемолчать, или прибѣгаютъ къ такимъ способамъ, по которымъ одинъ изъ нихъ непременно заговоритъ первый.

Когда въ знакъ почтенія подносятъ кому нибудь хлѣбъ-соль, то, не смотря ни на какое лице подносящаго, не должно отказываться отъ принятія; ибо кто отказывается отъ хлѣба-соли, тотъ отвергаетъ отъ себя счастье.

Кошка, умываясь, одну лапу выставляетъ вверху костьюль и если, пощупавъ этотъ костьюль, находятъ его холоднымъ, то замѣчаютъ шутя: «гость будетъ изъ дороги дальней»; а если костьюль былъ тепелъ, то гость будетъ изъ своихъ кто либо.

Кошка сидитъ на столѣ или на окнѣ и смотреть въ окно—къ прибылому.

Когда же кошка моется на срединѣ полу на противъ дверей, то къ нечаяннымъ и небывалымъ гостямъ.

Когда хлѣбы садятъ въ печку, то, въ это время, избѣгаютъ ходьбы дверьми, для сохраненія своего семейства, для этого же, во время обѣда неподметають полу.

Во время печенія хлѣбовъ, не становятся спиною къ нестку печки, изъ опасенія, чтобъ не сдѣлаться горбатымъ.

Послѣ ужина всего стола не моютъ, а оставляютъ часть его сухою. Это дѣлается для того, чтобъ на морѣ не потонулъ кто-либо изъ своихъ.

Дѣвушка, имѣющая привычку ѣсть, сидя за прялкою, будетъ имѣть воркотливую (брюзгливую) свекровь.

Если дѣвица, хлебавъ что либо, отъ неосторожности льетъ съ ложки на скатерть,—то у нея будетъ мужъ пьяница.

Когда дѣвушка пашетъ полъ и, неподметя его, отбѣгаетъ къ другому дѣлу не надолго, или по какой нибудь надобности, то у той дѣвушки мужъ будетъ буйнаго характера, т. е. жена будетъ терпѣть отъ него частые побои.

Если женщина оставляетъ вехоть въ помояхъ, или сбрасываетъ соръ въ подолъ послѣ подметанія пола, то у нея родятся своробливыя (нечистоплотныя) дѣти.

Женщина, имѣющая середній перстъ очень длинный, имѣетъ власть надъ мужемъ.

Если кто либо послѣ ужина чихнетъ, то замѣчаютъ, что счастливый чихаетъ къ прибылому въ домъ человѣку, а несчастливый чихаетъ къ убылому.

Глаза чешутся къ слезамъ, а переносье къ покойнику; конецъ же носа, пиковица къ вѣстямъ о роженницѣ (родильницѣ).

У той дѣвушки, которая нечасто подметаетъ полъ, будущій мужъ будетъ имѣть много долговъ и будетъ въ бѣдной жизни.

Если осенью ночью дождь, а днемъ солнышко пекетъ (грѣетъ), то къ тяжелому болѣзненному году. Или если листья падаютъ осенью съ деревъ лѣвою стороною (нижнею) верхъ отъ земли, то также къ болѣзненному году.

Зимою въ избѣ на ночь для тепла открываютъ у печки заслонъ и на мѣсто его, посреди устья, ставятъ

вертикально лучинку, примѣчая отъ старшихъ людей, что печку не должно оставлять открытою безъ пристановки къ ней лучины, чтобъ домовою не пошутить.

Когда страшаютъ, то на томъ столѣ недопускають, чтобъ были рогатки (мутовки), опасаясь семейной ссоры.

Изобильный урожай рябины—къ мокрой осени и къ богатымъ сельдянымъ промысламъ.

Въ годовые праздники испортить или неосторожно поломать что нибудь изъ посуды, значить—къ несчастію которое постигнетъ кого либо изъ семейства.

Крыса упадетъ въ квашню, или во что либо изъ посуды—не къ добру.

Ключей не должно влечь на столъ или ложе всѣхъ въ кучѣ полоскать, чтобъ не было въ семействѣ ссоры.

Мутовокъ послѣ киселя не обливаютъ женщины и дѣвицы для того, чтобы не ошибиться при вышивкѣ на полотенцахъ узоровъ; а дѣти чтобъ не быть тупоумными при обученіи грамотѣ.

Малыя дѣти не спятъ долго ночью передъ вѣтренными людьми т. е. тѣми, которые прїѣдутъ изъ дороги.

Голикомъ (вѣнникомъ) лавокъ не должно подметать—раздоръ отъ этого въ семьѣ живетъ (бываетъ).

Если подметаютъ полъ и кто нибудь не сойдетъ съ своего мѣста, а его обметутъ вокругъ, то послѣ, того человека будутъ обходить люди (т. е. чуждаться, презирать).

Лѣтомъ по закатѣ солнца не матають нитокъ, чтобъ не продлилась дорога въ морскомъ пути—за противными вѣтрами.

Скотъ, пока пасется на покотинѣ (пастбищѣ), не бьютъ для мяса. И если случится, что какая нибудь скотина пропадетъ, то съ нея и шкура не снимается, а зарывается въ мохъ. Это соблюдается въ предосторожность отъ того, чтобъ медвѣдь скота не обидѣлъ.

Послѣ отъѣзда кого либо не пашутъ полъ въ комнатахъ три дня, если же вымести, то тотъ, кто уѣхалъ, не воротится болѣе.

Если идешь и на встрѣчу попадется дѣвка, то путь, куда идешь, будетъ дурень, если же встрѣтится нищая съ корзиною, то хорошъ.

Мифология народа Тулгасскаго общества и прихода, что въ Шенкурскомъ уездѣ.

Небо, свѣтила и небесныя явленія.

Тулгасскій народъ, находясь на той степени развитія и образованія, на какой онъ стоитъ въ настоящее время, имѣлъ, имѣетъ и будетъ имѣть о мірахъ невидимомъ и видимомъ вѣрованія и убѣжденія, не согласныя съ законами—религиознымъ, нравственнымъ и естественнымъ.

Вѣрованія и убѣжденія его о небѣ, свѣтилахъ и небесныхъ явленіяхъ вотъ какого рода:

Небо.

Небо, по понятію Тулгасскихъ обывателей, есть нѣчто матеріальное, состоящее не изъ металла какого либо, или стекла, но изъ чего то неопредѣленно-чистаго и свѣтлаго. На небѣ этомъ находится свѣтила небесныя — солнце, луна и звѣзды и кружатся (обращаются) вокругъ плоской земли.

Солнце. Солнце — кругъ, наполненный отъ Бога огнемъ и отъ того огрѣвающий въ продолженіе дня землю и живущихъ на ней, а ночью уходящій подъ землю и отдающій свой свѣтъ лунѣ (по народному — мѣсяцу).

Луна. Луна — кругъ, находящійся поближе къ землѣ, чѣмъ солнце, и вращающійся тоже около земли.

Пятна на лунѣ. На лунѣ живутъ Каинъ и Авель съ того момента, въ который Каинъ убилъ Авеля, и смотрятъ на земныхъ, убивающихъ другъ друга, отъ этого и пятна на лунѣ. Переменны луны происходятъ отъ солнца и называются новолуніе — маленькая краешечка, полнолуніе — цѣлый кругъ.

Затмѣнія свѣтилъ. Затмѣнія какъ луны, такъ и солнца, происходятъ отъ нечистой силы — діавола, который, летя на землю мимо этихъ свѣтилъ, затемняетъ собою ихъ и тѣмъ предвѣщаетъ живущимъ на землѣ какое либо несчастіе: — войну, или голодъ, или моръ людей и скота. О затмѣніяхъ луны есть вѣрованія другаго рода — затмѣнія мѣсяца, говорилъ мнѣ одинъ крестьянинъ, дѣлаются отъ колдуновъ, которые, если затемнить мѣсяцъ, могутъ портить людей.

Фазы луны. При переменнахъ луны, народъ особеннаго ничего не наблюдаетъ, а замѣчаетъ только въ погодѣ, напр. въ лѣтнее время, какова погода при рожденіи луны, такова, убѣжденъ онъ, простоятъ всю половину мѣсяца, и потому боится косить траву, если при рожденіи была погода дождливая. Также самое замѣчается и при полнолуніи.

Звѣзды. Звѣзды народъ считаетъ зажженными у Бога свѣчками.

Воздушные камни. Воздушные камни — есть наказаніе Божеское. Богъ, оскорбившись на людей за дѣланіе худаго, Ему противнаго, повелѣваетъ своимъ Ангеламъ бросать на землю камни, чтобы избить людей, творящихъ беззаконіе. На этомъ основаніи старухи — няньки говорятъ дѣтямъ, когда тѣ, ѣвши кусокъ хлѣба, бросятъ его: — «Богъ камнемъ убьетъ».

Столбы, круги и кресты. Столбы, круги и кресты, появляющіеся около солнца и луны суть предвѣстники того же, что предвѣщаютъ затмѣнія солнца или луны, именно: войну, или голодъ, или моръ, но только

не отъ діавола, а по Божьему велѣнію. *Громъ и молнія; зримова стрѣла.* Громъ происходитъ отъ огненной колесницы св. пророка Иліи, катающагося въ ней по небу, а молнія — искры отъ подковъ коней Святаго Иліи. Молнія здѣсь называется *моломъ*, ищется и находится въ землѣ, около расщипнутыхъ ею деревъ и столбовъ, въ видѣ каменнаго пирошка, который, если цѣль, при появленіи грозы снова улетаетъ на небо. — Бывало на вѣкахъ, рассказывала мнѣ одна старушка: двѣ женщины пришли на полюсъ жать и нашли стрѣлу. Одна изъ нихъ взяла да и положила стрѣлу въ рукавицу, а на это время поднялась тученька, стрѣла вмѣстѣ съ рукавицей и улетѣла на небо. — Стрѣлы гоняются за нечистой силой вообще и, желая поразить ее, онѣ не щадятъ даже изображенія Божія. Говорятъ: стрѣла, бывало, гонялась за діаволомъ; ему пришлось некуда дѣваться, такъ онъ за божницу, за образъ спрятался, — думалъ, что стрѣла больше не погонится за нимъ. «Образа Божія, сказала стрѣла, не пощажу, да діавола поражаю», и поразила. На томъ основаніи, что стрѣла гоняется за діаволомъ, народъ во время грозы, чтобы бѣсъ не прятался за него, изображаетъ на себѣ крестное знаменіе.

Пожаръ отъ молніи. Пожаръ, причиненный молніей, не иначе можно загасить, какъ — молокомъ только.

Дождь, снѣгъ, градъ, иней, туманъ и роса. Дождь, снѣгъ, градъ, иней, туманъ и роса посылаются на землю Богомъ. Въ дождь, падающій при солнцѣ бываетъ *раковъ пожаръ*: — раки, говоритъ народъ, горятъ въ это время. На этомъ основаніи, поймавшій рака, безъ клешни, говоритъ о немъ: былъ въ пожарѣ. — Какъ и отчего происходятъ раковъ пожаръ — народу неизвѣстно.

Какъ узнается пожаръ отъ поджога. Чѣмъ тушатъ пожаръ вообще. Онъ хорошо узнаетъ причину пожара, происшедшаго отъ поджога. Если пожаръ произошелъ отъ этой причины, то въ пламени горящаго вещества показывается человекъ, но какой именно — узнать невозможно, потому что фигура человеческая представляется очень неясно; а если пожаръ произошелъ отъ зарона, то человекъ никогда не показывается. Сильно распространившійся отъ сихъ причинъ пожаръ хорошо и скоро гасится, если въ него будешь бросать сырыя куриныя яйца.

Кометы. Явленіе кометъ бываетъ непременно предъ великой войной. По этому, говорятъ, предъ 12-мъ годомъ явился *юликъ-звѣзда*, предъ австро-итальянской войной явилась звѣзда съ хвостомъ. — Словомъ явленіе кометъ есть предвѣщаніе всеобщаго какого либо несчастія.

Земля, по понятію народа, какъ я выше замѣтилъ, имѣетъ видъ плоскій и конецъ ея находится далеко, далеко тамъ, — гдѣ съ земли люди ходятъ на небо. Вѣрованіе въ хожденіе людей на небо «тамъ гдѣ то да-

жего» поддерживается и распространяется чрез сказки, напр. чрез сказку *Конек-горбунокъ*, которая существуетъ въ народѣ съ разными, противъ печатнаго, измѣненіями. Земля, окруженная небомъ, держится на семи большихъ и шести маленькихъ китахъ, которые вѣкъ должны носить ее на себѣ, и когда пошевелитъ хвостомъ или хребтомъ, производятъ землетрясеніе. На восточной сторонѣ земли находится теплая сторона, въ которой, ближе къ намъ, живутъ православные христіане, за ними арабы, за тѣми маленькіе (карлики) и одноногіе люди, а на западной—холодная сторона такая же, какая на сѣверѣ, въ которой живетъ все нехристь: — нѣмцы, агличане, французы.

Востокъ и Западъ. Первый считается жилищемъ Бога, а послѣдній жилищемъ сатаны, — почему, говоритъ народъ, мы и не обращаемся съ молитвой на западъ, а на востокъ, и церкви наши устроятся алтаремъ на востокъ.

Уваженіе къ землѣ. Земля не олицетворяется, а матерью называется по той причинѣ, что первый человекъ Адамъ взятъ изъ земли. На этомъ же основаніи народъ питаетъ къ ней такое уваженіе, что если бы кто вздумалъ въ шалости стегать плетью землю, то тому старшіе непременно бы замѣтили, чтобы онъ пересталъ наказывать мать сыру землю. Изъ этой матери сырой земли берутся всѣ воды, текущія по рѣкамъ и ручьямъ въ моря, въ которыхъ есть ямы (пучины), величиною въ діаметрѣ 25-ть верстъ, и если какой корабль попадетъ въ эту яму, то ужъ никогда не воротится.

Вода. Вода какъ лѣкарство, употребляется въ обурочиваніи, сглазеніи въ болѣзни лица. Въ послѣднемъ случаѣ вода преимущественно употребляется дѣвками и при вскрытіи льда. Весною сего 1866 года мнѣ случилось видѣть, какъ только ледъ тронулся на Двинѣ, тотчасъ десятки дѣвицъ побѣжали на берегъ мыться. — Для чего, спросилъ я у одной попавшейся мнѣ старушки, дѣвицы ваши бѣжать такъ скоро къ Двинѣ—«Мыться, батюшка, отвѣчала она. Вѣдь эта-то вода лучшіе всякаго зелья, чтобы лицо сдѣлать бѣлымъ да красивымъ. Старые люди намъ бывало говаривали, что первая весенняя вода лучше всякаго зелья».

Подземныя царства. Въ нѣдрахъ земли или подъ землей находятся разныя царства,—золотыя, серебряныя и мѣдныя, которыми управляютъ—Вихорь, летучій Змѣй и Яга-баба. Въ царствахъ этихъ на вѣкахъ—когда-то бывали люди — Иванъ Царевичъ, Иванъ крестьянскій сынъ, Иванушка Медвѣжья уши и друг. Върваніе въ подземныя царства, ихъ управителей и бываніе въ нихъ людей поддерживается также старушками, бабками и няньками и стариками-дѣдами посредствомъ сказокъ.

Огонь. Первый огонь данъ человеку Богомъ, а живой огонь и огонь на болотахъ—кладъ показывается.

Кладъ, большое количество денегъ, положенное въ разныя мѣста жившею нѣкогда Чудью съ разными заговорами и условіями напр. такими: въ такомъ то мѣстѣ говорятъ старожилы, есть кладъ и онъ достанется пятой головѣ т. е. четыре лица одинъ за другимъ, достаютъ кладъ, должны непременно уже рыть тутъ же. Кладъ, чтобы достался и пятому лицу, долженъ быть очурканъ трижды: «чуръ мой кладъ съ Богомъ на пополамъ»....

Огоньки на кладбищахъ. Огоньки на кладбищахъ суть знаки, даваемые отъ Бога людямъ, что тѣ лица, на могилахъ которыхъ они выдаются, скоро будутъ прославлены. Въ нашей мѣстности явленіе огоньковъ на кладбищахъ, особенно на раскольниковскомъ въ Кургоминскомъ приходѣ, заставляетъ раскольниковъ ожидать скорого явленія мощей своихъ собратьевъ. Они если услышатъ, что такой то крестьянинъ видѣлъ огонь на кладбищѣ, то непременно придутъ къ нему, подробно распросятъ о мѣстности, на которой показался огонекъ, и въ заключеніе всѣхъ своихъ сужденій выведутъ, что огонекъ показался на могилѣ такого-то старца—раскольника, всю свою жизнь не бывшаго въ еретической церкви т. е. нашей, и никогда не принимавшаго еретическаго причастія.

Вихрь-чертъ. Вихрь—есть нечистая сила, которая, увидѣвши, что поднимается гроза, бѣжитъ отъ нея дальше, чтобы не ворила стрѣла. Желающій видѣть нечистую силу — вихрь, какъ учатъ старики и старухи малыхъ дѣтей, должны, снявши съ себя крестъ, смотрѣть въ наклонномъ положеніи межъ ногъ. Смотрящіе такимъ образомъ, будто бы, видѣли вихрь въ видѣ огромнѣйшаго человека, машущаго руками и бѣжащаго *каждъ мога*....

Эхо—откликъ нечистой силы—въ лѣсу лѣшаго, около домовъ — домоватаго, около бань—банника или баннаго, мельницы—мельника, овинновъ—овинника.

Видѣнія. Блазнитъ и чудится — происходитъ также отъ нечистой силы и есть предсказаніе чего либо будущаго. Между ними различія почти не существуетъ въ народѣ. Преимущественно блазнитъ и чудится народу съ Николаина дня (6 декабря) до Крещенія (6 января), такъ какъ въ этотъ промежутокъ времени сатана повѣлываетъ своимъ слугамъ ходить по землѣ и предсказывать людямъ ихъ судьбу, чтобы больше и лучше любить ихъ народъ.

Еретики. Еретики слыветъ въ настоящее время у насъ тотъ, кто совершенно не вѣруетъ въ Бога и отвергаетъ его законы, или кто еще не раскольникъ. Такое понятіе объ еретикѣ распространено и поддерживается въ народѣ раскольниками и раскольницами. — Бы-

вали же такіе люди, которые ходили ночами по деревнямъ, хватали людей и ѣли. Еритики—были люди не живые, а умершіе, почему, если они сильно надоѣдали людямъ, то народъ собирался днемъ къ могилѣ извѣстнаго въ жизни колдуна, раскалывалъ ее, доставалъ ницъ лежащаго еритика и жегъ на кострѣ, или же забивалъ ему въ спину осиновый колы, не позволявшій еритику болѣе вставать и выходить изъ могилы. Одинъ и тотъ же человекъ — кудесникъ, знахарь и порчельникъ называется въ жизни колдуномъ, а по смерти, если бы онъ заходилъ по ночамъ и сталъ бы ѣсть людей,—что бывало на вѣнахъ,—еретикомъ.

Знахари и колдуны. Кудесники, знахари, порчельники уважаются народомъ, который въ случившихся несчастіяхъ — у кого что потеряется, или кого кто испортитъ, обращается съ просьбами о помощи необъяснимо рабски. Чары этихъ людей народу совершенно неизвѣстны по той причинѣ, что они всѣми мѣрами стараются скрыть обманъ свой отъ народа и при передачѣ секретовъ чародѣйства другому, не позволяется никому передавать одной іоты, въ противномъ случаѣ чары будутъ недействительны. Секреты чародѣйства передаются передъ смертію и принимающій ихъ не иначе должепъ поступить при приѣмѣ, какъ снять съ себя данный при крещеніи крестъ и положить его въ сапогъ подъ пяту.

Богатыри—люди очень рослые и обладающіе такой силой, что толпа обыкновенныхъ людей на одного изъ нихъ ничего незначитъ. Богатырь Никита (sic!) Поповичъ обладалъ, еще въ молодыхъ годахъ, такой силой, что кого изъ парней, однихъ съ нимъ лѣтъ, схватитъ за голову—голова прочь, за ногу—нога прочь. Ерусланъ Лазаревичъ размахомъ метлы убивалъ цѣлыя тысячи войска. Вѣрованіе въ таковыхъ людей,—каковы Никита Поповичъ и Ерусланъ Лазаревичъ, поддерживается и распространяется въ народѣ посредствомъ картинъ Суздальской работы, которыя можно найти въ каждомъ крестьянскомъ домѣ подлѣ изображенія Святыхъ.

Случалось видать, во время хожденія по крестьянскимъ домамъ съ крестомъ и святою водою, что къ изображенію Еруслана Лазаревича, прибитаго близъ святыхъ иконъ, поставлена зажженная восковая свѣча.

Изба и ея принадлежности. Постройку первой избы и прорубку въ ней оконъ приписываютъ Богу—«Богъ, говорятъ, научилъ человека.» Тоже говорятъ о домашней утвари, сохѣ, боронѣ, телегѣ, саняхъ, ихъ употребленіи и объ одеждѣ; а объ украшеніяхъ — кольцахъ, серьгахъ, вѣнахъ и друг. напротивъ, т. е. что носить ихъ научилъ человека самъ сатана.

Вѣрованіе Тулгасскихъ обывателей въ происхожденіе животныхъ и растеній, исключая табаку, рѣдки и чесно-

ку, болѣе согласно съ религіей; а вѣрованіе въ свойства и принадлежности животныхъ, впрочемъ не всѣхъ, и растенія хмѣля рѣшительно противно здравому смыслу. Табакъ произошелъ отъ сѣмени дѣвницы, блудодѣйствовавшей съ дѣволомъ; рѣдка и чеснокъ сотворены сатаной; а одуряющее свойство хмѣля дано бѣсомъ, которой имъ искушалъ (когда-то?) Невву жену, и изъ котораго научилъ человека дѣлать хмѣльно-пьяное питье на пагубу душъ христіанскихъ. Касательно происхожденія табака и одуряющаго въ хмѣлѣ свойства существуютъ въ народѣ, преимущественно между раскольниками, легенды, изъ которыхъ одну прилагаю при семъ (см. 2 вып.) Козель первоначально сотворенъ былъ безъ бороды, но за нарушеніе Ноя ѣсть виноградъ до опьяненія награжденъ сатаной бородою. Летучія мыши происходятъ изъ обыкновенныхъ мышей, къ которымъ за съѣденіе на престолѣ крошечки оставшейся отъ агнца, прирастаютъ крылья. Сороки, бывшія Кіевскія вѣдмы, имѣющія свойство предсказывать своимъ щекотаньемъ прибытіе гостей.—Воронъ, сова, филинъ, кукушка и пѣтухъ со свойствами предвѣщать несчастія.... Воронъ, если сядетъ на церковь, то передъ покойникомъ; если сядетъ на тотъ домъ, гдѣ есть больной, то тотъ больной непременно умретъ.—Сова и филинъ, если прилетятъ въ деревню и будутъ кричать, то предъ пожаромъ.—Крикъ кукушки, если кто услышитъ въ первый разъ,—въ лѣвое ухо, то тотъ оглохнетъ, въ правое—получитъ какую либо радость;—въ глаза—будетъ плавать,—въ затылокъ—умретъ. Пѣтухъ если рано сядетъ на сѣдало и запоетъ, непременно будетъ покойникъ..... Осина еще по сіе время мучится за то, что удавился на ней Іуда предатель. Мученіе осины народъ находитъ въ дрожаніи листьевъ, при совершенно тихой погодѣ.....

Изъ чародѣйскихъ травъ въ устахъ народа существуетъ ломъ и цвѣтокъ невидимка. Первая и послѣдній находятся въ полночь на Ивановъ день (8 мая), въ которую первая вырастаетъ, а послѣдній цвѣтетъ; чтобы достать ихъ, не слѣдуетъ въ означенную ночь спать, и сидѣть тамъ, гдѣ онѣ растутъ, чтобы никто не зналъ. Растутъ эти травы, говорятъ старухи, на сухихъ высокихъ мѣстахъ и только въ означенную ночь. Завладѣвшій травою-ломъ можетъ пройти подъ всякій замокъ: стоитъ только приложить къ замку ломъ траву, потому что она имѣетъ силу разрывать желѣзо; а завладѣвшій цвѣткомъ-невидимкой можетъ ходить по всѣмъ магазинамъ и лавкамъ среди бѣлаго дня и брать изъ товаровъ что и сколько ему вздумается потому, что цвѣтокъ невидимка скрываетъ человека.—

Изъ лѣкарственныхъ травъ собираются народомъ и употребляются въ болѣзняхъ: дикая трава, грыжа, ты-

священникъ, листъ репейника, подорожника и другихъ.

Животныя народомъ нашей мѣстности не употребляются въ пищу тѣ же, которыхъ не позволяетъ употреблять и Моисей въ своемъ законѣ (Второзак. 14 глава) только съ небольшимъ исключеніемъ именно: Моисей не позволяетъ ѣсть удавленныя, а у насъ она употребляется въ пищу, на пр. птицы. Законъ Моисеевъ о неупотребленіи въ пищу животныхъ, кромѣ сказаннаго исключенія, строго содержится преимущественно раскольниками, чрезъ которыхъ распространяется и на прочій народъ... Всѣ вообще животныя находятся подъ покровительствомъ Господа; въ частности рогатый домашній скотъ: быки, коровы и овцы находятся подъ особымъ покровительствомъ Святаго Священномученика Власія Епископа Севастійскаго (11 фев.) а лошади подъ покровительствомъ Флора и Лавра (18 августа). Перваго и послѣднихъ народъ называетъ богами домашняго скота, и въ случаѣ потери или болѣзни его обращаются къ этимъ святымъ угодникамъ. Въ ра въ покровительство животнымъ означенныхъ Св. Угодниковъ Божіихъ укоренилась въ народѣ чрезъ ихъ жизнеописаніе.... Изъ животныхъ—птицъ особенно любимы колдунами всѣ, такъ называемыя народомъ вѣшція птицы—сороки, совы, филины, кукушки и др....

О духѣ нечистомъ народъ говоритъ то, что онъ, какъ дьяволъ,—не красивый, черный, съ рогами, когтями и хвостомъ; ростомъ выше лѣсина, пугаетъ людей крикомъ и рукоплесканіемъ—это дѣшій; черный, съ длинными волосами, играетъ съ подобными себѣ въ карты, и, если проиграется, дерется съ обыгравшимъ его, засыпаетъ его жилище пескомъ, и беретъ скотъ—это чертъ. Нечистые духи, по мнѣнію народа, обитаютъ въ лѣсахъ, рѣкахъ, домахъ, баняхъ, овинахъ, поляхъ и друг. мѣстахъ, отъ которыхъ они и носятъ свое названіе, на пр. нечистый духъ, живущій въ лѣсу, называется лѣшимъ и лѣшакомъ; въ водѣ—водянымъ и чертомъ; въ банѣ—банникомъ, въ овинѣ—овинникомъ. Всѣ эти нечистые духи выдаются народомъ, что видно изъ рассказовъ не старухъ, или малыхъ дѣтей, но людей здравомыслящихъ. Слышалъ я рассказъ о видѣніи черта и его скота. Въ Тулгаскомъ приходѣ протекаетъ рѣчка Тулгасъ, отъ которой приходъ получилъ свое названіе. Выше отъ прихода по рѣкѣ Тулгасу есть мельница, принадлежащая крестьянину Ивану Гагарину. У этой мукомольни годъ назадъ крестьянинъ села Кузьминскаго, теперь умершій, Алексѣй Скорняковъ видѣлъ цѣлое стадо бурога скота, пасомага самимъ чертомъ—человѣкомъ толстымъ, съ длинными черными, какъ смола волосами. Только что чертъ замѣтилъ этого крестьянина, очень скоро началъ гонять скотъ въ воду. Чрезъ нѣсколько минутъ стадо бурога скота и чертъ скрылись

въ водѣ.—Разница между чертомъ, бѣсомъ, сатаной, дьяволомъ, лѣшимъ и другими та, что чертъ и лѣшій не искушаютъ людей; а бѣсъ или дьяволъ, по приказанію начальника своего, сатаны, прилетаютъ въ міръ для искушенія рода человѣческаго и дѣланія ему разныхъ пакостей. Всѣ означенные нечистые духи прогнаны съ неба Архангеломъ Михаиломъ за возстаніе противъ Бога; они имѣютъ способность производить дѣтей, почему народъ вѣритъ, что у всѣхъ нечистыхъ духовъ есть жены, которыя называются—чертихой, лѣшухой, дьяволицей; а дѣти—чертенки, лѣшенки, дьяволенки и бѣсенки.

Въ категоріи нечистыхъ духовъ принадлежатъ—Яга-Баба, Полудница, или Ржица. Яга-баба—нечистая сила женскаго пола, не имѣющая мужа, ростомъ большая, собой столь корпусна, что, какъ говорится въ сказкахъ, сидитъ въ избѣ на печномъ столбѣ, ноги на лавкахъ, груди на полкахъ, голова на кожухѣ; ѣздитъ въ ступахъ и пожираетъ людей.—Полудница есть таже Ржица. Ржицею называется потому, что живетъ во ржи; а полудницею—ходятъ во ржи въ полдень..... Рокъ и судьба одно имѣютъ значеніе у народа, а понятія объ нихъ народъ рѣшительно не имѣетъ никакого....

Полканъ—великанъ и богатырь имѣющій верхнюю половину туловища человѣческую, а остальное все кониное. Этихъ чудовищъ теперь нѣтъ. Жили они въ теплой сторонѣ и очень давно и воевали съ богатырями—Ерусланомъ Лазаревичемъ и разными царями. Кромѣ силы полканы обладали свойствомъ дѣлать по полуверстѣ прыжки. Вѣрованіе въ нихъ также, какъ и въ богатырей Еруслана Лазаревича и другихъ, поддерживается и распространяется въ народѣ посредствомъ картинъ суздальской работы.

Въ превращенія людей въ медвѣдей, сорокъ и другихъ животныхъ народъ вѣруетъ и вѣру свою подтверждаетъ бывалымъ на вѣвахъ. Такъ когда-то и чей-то купецъ, отправляясь на ярмарку съ большою суммою денегъ, побоялся ѣхать безъ товарищей; дорогой, чтобы не убили, превратился въ медвѣдя и побѣжалъ прямымъ путемъ чрезъ лѣса и болота, но дорогою напалъ на охотниковъ и былъ ими убитъ. Снявши шкуру, охотники увидѣли, что убитый ими медвѣдь, былъ обвортень человѣкъ, одѣтый въ жилетъ и брюки и несшій съ собою нѣсколько тысячъ денегъ.—Въ сорокъ превращались и превращаются колдуны и колдуньи. Секреты превращенія людей въ животныхъ и наоборотъ—народу неизвѣстны.

Въ силу родительскаго проклятія, посыланія къ черту и лѣшему—народъ крѣпко вѣритъ и подтверждаетъ вѣру свою разнаго рода рассказами:—неблагоденствіемъ того человѣка, который за что либо былъ проклятъ отцомъ или матерію; безвозвратною потерей то-

го, который отправляясь куда либо без согласія родителей, получалъ отъ нихъ напутственное слово—поноси лѣшій, или иди къ черту.

Вотъ повѣрья, относящіяся къ людямъ и ихъ хозяйственнымъ работамъ.

Собственно о челоѣкѣ повѣрій не существуетъ, а есть повѣрья о жидкостяхъ его, находящихся въ носу и ртѣ. Слизистыя носовыя жидкости и слюни даны челоѣку по просьбѣ сатаны, собакой, которая въ вознагражденіе за то, получила на тѣло шерсть..... Младенцы, родившіеся глупыми, по мнѣнію народа, есть обмѣнныи или обмѣненные нечистой силой, которая дѣлаетъ обмѣнъ тогда, когда младенцы бываютъ непросвѣщены святымъ крещеніемъ и остаются матерью, во время ея отлучекъ по дому, безъ благословенія.—Рожденіе младенцевъ слѣпыми, хромыми, безрукими и другихъ родовъ уродами—приписывается Богу и есть отъ него наказаніе родителямъ родившагося урода.

Повѣрье объ огненныхъ змѣяхъ въ народѣ есть такого рода, что были они когда-то и жили не на землѣ, а надъ землей въ своихъ царствахъ. Повѣрье это вошло въ народъ и поддерживается въ настоящее время посредствомъ сказокъ, въ которыхъ огненные змѣи изображаются царями подземныхъ царствъ, выходящими на землю для хватанія только и пожиранія людей.

Въ сельско-хозяйственныхъ работахъ повѣрья есть:—при началѣ посѣвовъ, кошенія травы и жатвы народъ наблюдаетъ и у знающихъ людей спрашивается: не празднуетъ-ли церковь въ тотъ день, въ который онъ хочетъ начать свою работу Апостолу какому либо, Святому Іову многострадальному (6 мая), Преподобному, или Священномученику, или не въ тотъ ли день было Благовѣщеніе (25 марта)? И если ему скажутъ, что въ тотъ день, въ который онъ хочетъ начать свою работу, празднуется Апостолу или Священномученику, то ни за что не начнетъ своей работы въ тотъ день. Впрочемъ не наблюдается это, когда работа хоть немного, но была начата раньше.... При концѣ посѣвовъ яровыхъ наблюдается, чтобы они кончены были до дня Дороея распрягальника (5 іюля), а озимыхъ, чтобы покончить ихъ до *третьяго Спаса* (16 августа). При довлѣ рыбъ, птицъ и звѣрей тѣ лица, которыя занимаются этимъ, ни за что и никогда спрашивающему о вознагражденіи трудовъ не скажутъ правды, сколько они уловили. Если же сказать правду, то, по мнѣнію ихъ, больше ужъ ловиться такъ не станетъ.

Переходимъ къ примѣтамъ, извѣстнымъ Тулгасскимъ жителямъ.

Вечеромъ если небо будетъ багроваго цвѣта, то передъ ясною погодой.

Если солнце закатится не въ морокѣ, также передъ ясною погодой.

Туманъ если поднимется, а не падетъ на землю, то передъ дождемъ.

Если старые люди чувствуютъ вечеромъ ослабленіе въ тѣлѣ, то передъ дождемъ.

Если домашній рогатый скотъ сильно будетъ рычать, не смотря на то, что кормомъ доволенъ, то передъ пожаромъ.

Если гагара зареветь, то передъ сѣвернымъ вѣтромъ и дождемъ, а если закричитъ, то передъ ведромъ.

Если воробьи будутъ летать стаей, то передъ сѣвернымъ же вѣтромъ.

Скотъ, спущенный осенью на волю, если будетъ рвать-ся во дворъ, то передъ холодомъ или снѣгомъ.

Зажелтѣвшій лѣсъ предвѣщаетъ скорое паденіе снѣга.

Красныхъ ягодъ если въ лѣсу будетъ много, то передъ всеобщими слезами, на пр. передъ наборомъ.

Если черныхъ ягодъ будетъ много, то передъ тѣмъ, что синіе льны будутъ хороши.

Рябины много—передъ хорошимъ урожаемъ ряби; рябины мало—передъ худымъ.

Если льду много останется по берегамъ рѣкъ весной, то передъ тяжелымъ для людей годомъ, если же не останется, на оборотъ.

Чтобы не былъ лѣтомъ въ паствѣ звѣрь—медвѣдь, нужно сходить ночью на Георгіевъ день (23 апрѣля) въ паству и покричать какъ можно сильнѣе.

Если въ святки нехорошая погода, то рожь не выцвѣтетъ.

Мышь если во что либо изъ посуды упадетъ и найдена будетъ мертвою, то непременно передъ бѣдой.

Въ Варваринъ день (4 декаб.) рѣшета въ руки не берутъ по той причинѣ, что будто бы Варвара Велико-мученица укрывалась отъ отца подъ рѣшетомъ.

Въ Саввинъ день (5 декабря) не берутъ въ руки иголки и не шьютъ ничего, чтобы не зашить Саввы.

Ворона реветъ къ теплу и дождю.

Столъ въ комнатахъ долженъ стоять вдоль по полу, чтобы дольше прожить на одномъ мѣстѣ.

Много бѣлки и птицъ въ лѣсу означаетъ то, что война у лѣшаго съ другимъ лѣшимъ.

Чтобы выросъ хорошій и длинный ленъ, женщины должны скатиться съ горки на доскѣ въ чистый понедѣльникъ т. е. въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ великаго поста.

Чтобы бѣлой ленъ въ слѣдующее лѣто былъ хорошъ, женщины должны въ чистый же понедѣльникъ очесать нѣсколько горстей льну, оставшагося отъ прошлаго лѣта.

Сорока щекочетъ къ гостямъ, а углы домовъ конопатить своимъ клювомъ—къ холоду.

Въ новый годъ ничего не покупаютъ; въ противномъ случаѣ цѣлый годъ будешь покупать что либо.

Въ Крещенье, когда пойдутъ крестнымъ ходомъ на Иордань, понесетъ снѣгъ—передъ урожайнымъ годомъ.

Въ Срѣтеніе (2 февр.) если перемететъ дорогу—сѣна той весной будутъ дороги.

Въ Пасху не подаютъ скоту корма вилами, въ противномъ случаѣ Христа заколешь.

Не должно качать люльки безъ ребенка, въ противномъ случаѣ ребенокъ мало будетъ спать.

Не должно ребенка шупать за подошвы потому, что онъ въ полночь не будетъ спать.

Въ чистый понедѣльникъ въ амбаръ (житницу) не ходить; въ противномъ случаѣ не хватитъ на годъ хлѣба.

На новый годъ если звѣздочекъ на снѣгу будетъ много, то въ лѣсу ягодъ будетъ много.

Весной на озими если будетъ много плесени, то въ наступающее лѣто въ лѣсу много будетъ рыжиковъ.

Чтобы рождались ягнята бѣлые, нужно на великій четвергъ къ дверямъ поставить бѣлое полѣно, а чтобы—черные, то головню.

Если на Пасху будетъ лаять собака, то лѣтомъ много будетъ звѣрей въ лѣсу, на пр. медвѣдей, волковъ и другихъ хищныхъ.

А вотъ мѣстная легенда о созданіи кота: Когда родъ человѣческій долженъ былъ погибнуть отъ потопа, ему способствовалъ болѣе всего дѣволъ, желая истребленія рода человѣческаго. Господь захотѣлъ сохранить породу человѣка и всѣхъ звѣрей, скота и птицъ. Для этого Богъ велѣлъ Ною построить ковчегъ и войти туда самому съ семействомъ и съ животными. Чортъ, видя, что Богъ хочетъ сохранить людей, рѣшился во что бы то ни стало погубить Ноя съ ковчегомъ и для этого придумалъ такую штуку. Не имѣя силы творить животныхъ чистыхъ, онъ создалъ *гносовъ*, т. е. мышь, крысу и крота, давъ имъ возможность скрываться въ землѣ тайно и ночью взобраться въ ковчегъ. Гнусы должны были, когда ковчегъ будетъ плавать по водѣ, прогрызть и источить его дно дырами, и такимъ образомъ потопить. Когда Ной вошелъ въ ковчегъ со всѣмъ живымъ, которое должно было сохраниться отъ потопа, тогда онъ замѣтилъ невиданныхъ имъ до того времени гносовъ, зашедшихъ въ ковчегъ; онъ понялъ, чья это была проделка, но поймать и истребить гносовъ не было возможности, такъ какъ они были очень малы и скрывались въ кучахъ корма, приготовленнаго для животныхъ и людей. Тогда одинъ изъ звѣрей, именно левъ, взявъ со всѣхъ звѣрей по клочку шерсти, а таи-

же и своей, и все это проглотилъ. Черезъ нѣсколько времени левъ вырыгнулъ кота, много подобнаго себѣ, только очень маленькаго и безъ гривы, но такого же свирѣпаго, легкаго и съ острыми когтями. Вотъ этотъ, какъ только былъ готовъ, тотчасъ бросился на гносовъ и истребилъ ихъ, а послѣ потопа онъ вмѣстѣ съ куною произвелъ разношерстную породу кошекъ. Вотъ почему у кота шерсть, какъ взятая отъ всѣхъ звѣрей, чиста; а какъ онъ ѣсть гносовъ, то внутренность его не чиста; за шерсть и услугу онъ допускается въ алтарь, а какъ питается гнусами, твореніемъ чорта, по этому считается не чистымъ и въ пищу не употребляется. Звѣрь левъ за выдумку свою поставленъ Ноемъ царемъ всѣхъ звѣрей вообще и скотовъ въ особенности.

Изъ гаданій приводимъ слѣдующее:

Желающій узнать свою судьбу отправляется съ разными препаратами въ какое либо мѣсто, раньше прісмотренное или придуманное. Молодежь болѣею частію отправляется узнавать свою судьбу цѣлою толпою. Пришедши на мѣсто, узнаватели своей судьбы усаживаются другъ передъ другомъ, очуркиваются, очеркиваются трижды столовымъ ножикомъ, кладутъ передъ собою укругъ хлѣба и покрываются скатертію.—Касательно узнаванія судьбы помѣщая сюда рассказъ одного молодого человѣка.—Въ одинъ изъ декабрьскихъ вечеровъ 1865 года зашелъ ко мнѣ въ квартиру одинъ молодой парень, которому я, между прочими разговорами, предложилъ вопросъ: чѣмъ молодежь занимается по вечерамъ?—Какъ чѣмъ, отвѣтилъ мнѣ молодой дѣтина.—Чѣмъ же именно?—Вздемъ по вечеринкамъ, ходимъ слушать..... гадаемъ (о гаданіяхъ сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ).—Куда же вы ходите слушать и для чего?—Какъ куда?... то на растани (перекрестки), то къ амбарамъ, то къ жилымъ домамъ, то въ бани, и овны..... и мало-ли кто куда вздумаетъ и гдѣ себѣ мѣсто приберетъ.

— Для чего?

— Чтобы узнать, не женится ли кто изъ партіи, не умретъ ли кто, въ солдаты не возьмутъ ли.....

— Какъ же вы узнаете все это?

— Какъ узнаете!.. Если кому почувется колокольчики, тотъ значитъ женится въ этотъ годъ; если же почувется, что идетъ полкъ солдатъ,—въ солдаты возьмутъ; если—тешутъ доски,—умереть.

— А къ житницамъ зачѣмъ ходите?

— Чтобы узнать, каковъ будетъ годъ—хлѣбородный или нѣтъ, и дорогъ ли будетъ хлѣбъ.

— Будто сбывается то, что вамъ представляется, или какъ по вашему *чудится*?

— Знаю дѣло, что сбывается..... Лопотъ (въ прошедшемъ году) Петрушѣ нашему (двоюродному брату)—почудилось—тешуть доски—и умеръ въ четвертокъ предъ великимъ заговѣньемъ *).

Гаданія преимущественно совершаются народомъ въ святки съ 25 декабря до 6 января. Гадаютъ вотъ какъ:

Бесѣдующій со мною въ одинъ изъ декабрьскихъ вечеровъ прошедшаго года молодой дѣтина, говорилъ на мой вопросъ: гадаете-ли вы? слѣдующее:

— Гадаемъ—льемъ изъ олова разныя фигурки, смотримъ въ зеркало, выносимъ на морозъ ложку съ масломъ или водой. Гадаемъ такъ для того, чтобы узнать каково будетъ жить въ этотъ годъ. Если изъ олова выльется фигурка хорошая, то передъ хорошимъ чѣмъ нибудь, а если некрасивая, на пр. яма, то передъ худомъ. Въ зеркало смотрятся для того, чтобы увидѣть свою *суженую* (будущую жену), или не умрешь ли въ тотъ годъ. При смотрѣннн въ зеркало нужно отворить не благословясь двери, ворота и трубу и не отвертываться безъ зачуранья въ случаѣ, если покажется что либо страшное на пр. смерть въ видѣ изсохшаго человѣка.—Въ холодное мѣсто выносятся налитыя ложки съ масломъ или водой съ тою цѣлю, чтобы узнать, не умретъ-ли кто изъ гадающихъ. Если въ той ложкѣ, кому она принадлежитъ, налитое масло или вода,—замерзнетъ съ ямкой на срединѣ, то тотъ умретъ, если безъ ямки, то напротивъ.

Переходимъ къ повѣрьямъ жителей Курейско-Сергѣевского прихода, Холмогорскаго уѣзда.

Олицетворяя природу въ живыхъ образахъ, народъ во всемъ находитъ таинственное значеніе, у него все имѣетъ живой смыслъ. Такъ напр., народъ вѣрять встрѣчѣ человѣка и животныхъ; вѣрять въ полетъ птицъ, крикъ животныхъ, примѣчаетъ шумъ вѣтра, шелестъ древесныхъ листьевъ, журчаніе ручья, и проч. и проч.;—и все это свидѣтельствуетъ о какомъ нибудь духѣ, невидимомъ миическомъ существѣ въ образѣ дерева, птицы и такъ далѣе,—все это знаменуетъ что либо таинственное. Этихъ языческихъ суевѣрій въ народѣ много множество, и многія изъ нихъ уже записаны въ «Архангельскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ».

Замѣчу лишь тѣ суевѣрія и воззрѣнія, которыя еще не описаны, а болѣе тѣ, которыми опутанъ нашъ народъ въ области религіозной жизни, и которыя надобно полагать, достались ему отъ язычествовавшихъ пред-

*) Великимъ заговѣньемъ—простой народъ называетъ последнее воскресенье предъ Великимъ постомъ—недѣлю сыростную.

ковъ, а впоследствии приправлены въ нихъ тенденціями нашей доморощенной, апокрифической и раскольнической литературой.

Такъ напр. вмѣсто языческаго Перуна—громовержца нашъ народъ чтитъ теперь громовержцемъ св. Пророка Илью; вмѣсто языческаго Велеса—скотья бога, чтитъ скотьямъ покровителемъ святаго священномученика Власія; покровителями лошадей—святыхъ Флора и Лавра; врачами—святаго Антипа, Сесинія и проч. Естественно, что при этомъ неизбѣжно должны были сохраниться, и сохранились въ простонародіи и нѣкоторые обряды изъ славяно-языческой религіозной практики. Такъ напр.:

Входитъ хозяинъ въ новый домъ и входитъ непременно въ полнолуніе и въ полночь; несетъ святую икону и вмѣстѣ съ нею пѣтуха, котораго заставляетъ пѣть; молятся Господу Богу «о сохраненіи отъ всякаго вреда невредимыми восхотѣвшихъ въ немъ жити,» и раскланивается во всѣ четыре угла хозяйнушку, чтобъ онъ «господинъ, принялъ ихъ на богатый дворъ, на бытѣ, на житѣ, на богатество.»

Купилъ хозяинъ скотину и молятся вмѣстѣ съ продавцомъ Господу Богу, и не возьметъ голыми руками вязанъ или узды; творить молитву Іисусову, а самъ три раза обводитъ вокругъ себя коня и кланяется хозяйнушкѣ: «пой, корми, рукавичкой гладь.»

Носить на шеѣ святой крестъ, и вмѣстѣ съ нимъ на той же ленточкѣ узелокъ съ ртутью, травами и разными своедѣльными словами, записанными на бумагѣ, и этимъ узелкамъ приписываетъ силу, отклоняющую и прекращающую всякую болѣзнь и всякое другое бѣдствіе, безъ всякаго содѣйствія иныхъ средствъ.

Послѣ св. причастія, считаетъ непростительнымъ грѣхомъ плевать на землю въ продолженіе шести недѣль изъ опасенія «выпаунуть св. причастіе.»

Плевать считается у народа дѣломъ опаснымъ для нравственности и въ теченіе всего говѣнья, потому что по слюнкѣ злой духъ узнаетъ сокровенныя помышленія человѣка, и въ такомъ случаѣ употребляетъ всѣ свои старанія, чтобъ навести на умъ человѣка грѣховныя помыслы, а слюнамъ даютъ чудесную способность говорить за людей, оставляющихъ она.

Привыкнувъ смотрѣть на болѣзни и другія несчастія, какъ на слѣдствіе колдовства или очарованія, помощь противъ болѣзней и несчастій полагаютъ въ заговариваніяхъ, направляемыхъ на разочарованіе колдовства; и для сего берутъ воду, иногда святую, богоявленскую, и ножомъ творятъ въ ней крестъ, молятся за раба Божія (Ивана) Богу, призываютъ при этомъ и бѣса.

Предъ самымъ исходомъ души, близъ головы умирающаго ставятъ въ чашкѣ воду, и это для того, чтобъ «душа, вылетая изъ тѣла, могла въ чашкѣ съ водою омыться отъ грѣховъ своихъ, а живымъ видѣть, какъ вода заколыхается въ чашкѣ, когда душенька, выходя изъ воды, обмывается.» И этимъ замѣняется нерѣдко предсмертное напутствованіе. Затоскуютъ и загорюютъ родные, что душа улетѣла, не омывшись отъ грѣховъ: —пропала! говорятъ, хотя бы умершій предъ смертію и исповѣдался, да не было воды близъ головы.

При ѣздѣ по водѣ, молятся святому Николаю, и вмѣстѣ съ нимъ бросаютъ въ воду хлѣбъ на повѣтеръ, — для того, чтобы подулъ попутный вѣтеръ.

При несогласіи мужа съ женой соединяются двѣ свѣчи и ставятъ ихъ святому.

Для отысканія потеряннаго или украденнаго ставятъ святому Іоанну свѣчу «вверхъ ногами» (свѣтильню внизъ).

Тоже дѣлаютъ, чтобъ получать вѣсть объ отсутствующихъ родныхъ.

При встрѣчѣ со священникомъ — путь будетъ не хорошъ, и плюютъ въ сторону.

Вставая на молитву, обдуваютъ персты правой руки, для очищенія ихъ отъ всякой нечистоты.

Берутъ святую книгу (большую частію псалтирь), переворачиваютъ три раза на головѣ, разгибаютъ и читаютъ: изъ прочитанныхъ первыхъ строкъ узнаютъ свою судьбу — кручину.

Въ день Аграфены-купальницы народъ, на зарѣ Иванова дня, умывается росой, собираетъ травы для очищенія отъ недуговъ, порчи и вліянія злыхъ духовъ, связываетъ изъ листьевъ вѣникъ, парится въ банѣ, купается въ рѣкѣ, и бросаетъ вѣникъ въ воду, замѣчая: если утонетъ вѣникъ, то не жить болѣе бѣднягѣ на бѣломъ свѣтѣ.

Въ Великій четвергъ въ каждый домъ закупаютъ непременно, хотя съ фунтъ, соли, и хранятъ ее въ теченіе цѣлаго года, назначая ее для скотины, въ случаѣ какойнибудь немочи на нее. Иногда пользуются этою солью и люди больные.

Спать нужно головою къ святымъ иконамъ; а если спать будешь къ порогу, а не къ образамъ, то, пожалуй, отправишься на тотъ свѣтъ.

Берутъ изъ подъ церкви (алтаря) земли, завязываютъ въ тряпку, и поятъ нездоровыхъ дѣтей, чтобы скорѣе померли.

Совѣтуютъ хранить извѣстныя 12 пятницъ въ году, и придають имъ большое значеніе въ дѣлѣ душевнаго спасенія, напр. кто не вкушаетъ пищи въ пятницу предъ Благовѣщеніемъ, тотъ заслужитъ у Ангела Хранителя откровеніе дня своей кончины; а кто ѣстъ въ Великую пятницу скоромное, того считаютъ антихристомъ.

Въ какой день былъ праздникъ Благовѣщенія, въ тотъ день въ теченіе цѣлаго года не нужно начинать никакой работы, иначе не будетъ успѣха въ начатомъ дѣлѣ.

А на Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы не начинаютъ никакого дѣла, потому что въ этотъ день птица гнѣзда не завиваетъ.

Въ именины тѣсто-неудача, — знакъ нехорошей жизни въ теченіе всего года.

Въ новопостроенномъ домѣ ктонибудь долженъ умереть (зн. обновить домъ), и съ безпокойствомъ живутъ на новосельѣ, пока не умретъ ктонибудь, или не падетъ животное.

Воронъ кричитъ на церкви или на дому, — къ покойнику.

По уносѣ умершаго въ церковь для отпѣва, тотчасъ же моютъ полъ въ избѣ, гдѣ лежалъ покойникъ, чтобъ очистить домъ отъ смертности; изгнать смерть вонъ, и тѣмъ избавить отъ нея оставшееся семейство, а вмѣстѣ и заградить доступъ покойнику изъ могилы; — и метутъ на улицѣ соръ къ дому, чтобы жильцы не вывелись изъ дома.

При зарытіи покойника, берутъ съ могилы земли, чтобы не тосковать по немъ.

Воротясь съ похоронъ, дома нужно ухватиться за печь, чтобы въ домѣ не было мертвеца.

Если у покойника открыты глаза или ротъ, то въ скоромъ времени ктонибудь изъ родныхъ его умретъ.

Выдергиваютъ изъ савана покойника нитки, и ими укрошаютъ жены неспокойныхъ своихъ мужей, зашивая эти нитки въ одежду ихъ.

Широко вырытая могила предвѣщаетъ другой гробъ родственнаго лица погребенному.

Хранятъ мыло, которымъ омывали покойника, и этимъ мыломъ моютъ дѣтей, чтобы они были спокойнѣе, и моются сами, чтобы казаться нездоровыми, напр. во время рекрутскаго набора.

Маленькимъ дѣтямъ на голову кладутъ соль, чтобы пришедшія съ улицы лица не оприкосили ихъ.

Болѣанъ лихорадку дѣлать на 12 родовъ или видовъ, представляя ихъ подъ образомъ 12 сестеръ «Иродовыхъ дочерей», и отъ этой боли въ большемъ ходу у народа разнаго рода заговоры и чудесныя симпатическія вещи, напр. обвязываютъ около больнаго — по брюху мертвую змѣю, кладутъ въ изголовье больнаго зубатку (рыбу), и читаютъ слѣдующій заговоръ: «во городѣ во Ставѣ, стоитъ дерево самолично; подъ тѣмъ деревомъ самоличнымъ стоитъ Сисиній Пр. Онъ пошелъ во путь во до-рогу, на встрѣчу ему попалися 12 дѣвъ — 12 сестеръ, косыя, кривыя, косоротыя, косоробрыя... Сисиній Пр. спросилъ ихъ: «что вы есть за люди?» Онѣ ему отвѣчали: «мы есть люди — Иродовы дочери». «Буда идете?» «Во святу Русь». «Зачѣмъ?» «Тѣло знобить, кости

ломать, во гробъ забивать». Сисиній Пр. на нихъ прогнѣвался, — пошелъ вырѣзать сто прутовъ, ударилъ ихъ по сту разовъ. Онѣ ему возмолвились: «Сисиній Пр. не бей насъ: кто эту молитву будетъ знать и въ дому читать, не станемъ въ тотъ домъ ходить, тѣло знобить, кости ломать, во гробъ забивать».

При совершеніи таинствъ святой церкви народъ, при недостаткѣ умственнаго развитія, не обнимая и не возносясь мыслію къ освящающимъ и спасающимъ дѣйствіямъ ихъ, останавливаетъ свое вниманіе исключительно на одной внѣшней, символической сторонѣ, и здѣсь, въ этихъ символахъ ищетъ совсѣмъ не того смысла, какой даетъ святая церковь. Такъ, при совершеніи Таинства Крещенія примѣчаютъ: если младенецъ, когда воспріемникъ принимаетъ его отъ купѣли на ризки, громко плачетъ или чихнетъ, то значить жить новорожденному на свѣтѣ.

Слѣдятъ за воскомъ, въ который завертываютъ волосы и опускаютъ въ купель, и замѣчаютъ: если воскъ потонетъ, то младенецъ умретъ; а не потонетъ, будетъ жить. И не смотря на безчисленные опыты, что воскъ никогда не тонетъ, все продолжаютъ подмѣчать.

Воспріемники новорожденного тотчасъ послѣ крещенія не садятся, но ходять, чтобъ крестникъ ихъ скорѣе заходилъ; а если сядутъ, то крестникъ ихъ долго не заходить, и, пожалуй, будетъ сѣдунъ.

По выходѣ священника отъ больнаго послѣ напутствованія, домашніе гасятъ на божницѣ свѣчу, и если дымъ со свѣчи бросится на избу за священникомъ, больной помретъ.

При причащеніи больнаго Святыми Тайнами замѣчаютъ, если вложенная въ потиръ частица потонетъ на днѣ, больному суждено умереть, и напротивъ, когда больному предопредѣлено свыше выздоровѣть, тогда эта частица будетъ плавать на верху.

Если больной послѣ причащенія уснетъ, то это знакъ выздоровленія; а не будетъ сна — знакъ смерти.

Причастники непременно должны блюсти себя отъ грѣха, по крайней мѣрѣ 6 недѣль; иначе принятіе сего Таинства дѣлается не только бесполезнымъ, но и вреднымъ для спасенія души.

Новобрачные не могутъ причащаться, потому что не могутъ сохранить себя въ теченіе 6 недѣль отъ плотскихъ супружескихъ отношеній.

Если въ церкви при бракѣ что нибудь случится: образъ или свѣча упадетъ, то брачующіеся будутъ жить несчастливо.

Который изъ брачующихся прежде ступитъ на подножье во время брака, тотъ ранѣе и умретъ.

Если подъ вѣнцомъ невѣста уронитъ платокъ, а женихъ подниметъ, то самъ скоро помретъ.

Особорованный все равно что отиѣтый (живой мерт-

вецъ), — и кто бы онъ ни былъ, мужчина, или женщина, старый или молодой, если послѣ особорованія выздоровѣетъ, то ни въ какомъ случаѣ не долженъ никогда ходить въ баню, на браки, и долженъ навсегда разлучиться съ брачнымъ ложемъ, а жить мужу съ женой, какъ брату съ сестрой; дѣвица и молодецъ не должны вступать въ бракъ. И это нелѣпное вѣрованіе до того вкоренилось въ народѣ, что Таинство Елеосвищенія у насъ почти не въ употребленіи.

О суевѣріяхъ и предрасудкахъ народа въ Курейско-Свергивскомъ приходѣ, Холмог. уѣзда.

Трудно обозрѣть всѣ многоразличные виды суевѣрія и предрасудковъ у народа. — По понятію его, вся природа, всѣ стихіи и явленія ея олицетворяются въ живыхъ образахъ — существахъ, и имѣютъ непосредственное, роковое вліяніе на судьбу человѣка, въ рукахъ которыхъ находится счастье и горе людей. Каждое изъ этихъ таинственныхъ существъ, называемыхъ духами, имѣетъ свою опредѣленную сферу дѣйствія и вліянія. А потому народъ вѣруетъ въ различныхъ духовъ, и куда бы ни пошелъ, въ поле, въ лѣсъ, къ рѣкѣ, къ озеру или на гору, — вездѣ воображенію его представляются эти невидимыя мнѣшескія существа, отъ которыхъ онъ не можетъ никуда уйти. Вѣря въ могучую силу этихъ мнѣшескихъ существъ, и боясь гнѣва ихъ, суевѣрный народъ всегда старается не раздражать ихъ, угождать имъ, умилоустивить ихъ, и чествуетъ ихъ поклонами и, пожалуй куреніемъ. Такъ, построивъ хозьянъ домъ, и при вхождѣ въ него накрываетъ столъ, и раскланывается во всѣ четыре угла съ промнѣшеніемъ словъ: «хозяинушко господинъ, прими насъ на богатый дворъ, на бытѣ, на житѣ, на богатство». И когда нравятся хозяинушку жильцы дома, — все обстоитъ благополучно, хозяинушко смиренъ, его не видать, не слышать; а когда жильцы не нравятся, тогда онъ застучитъ, загремитъ въ сѣняхъ, покояхъ, на чердакѣ (говорятъ: завязалась нежить — нечистая сила), и выживаетъ хозьяневъ изъ дома. Быть скоро бѣдѣ въ домѣ, — хозяинушко зареветъ на подолокѣ, въ амбарѣ, въ хлѣву.

Купилъ хозьянъ скотину (коня, корову) и при вхождѣ во дворъ приговариваетъ «мохнотой звѣрь на богатой дворъ; пой, корми хозьянушко, рукавичкой гладь». И смотритъ: если скотина тогда не гладна, то не ко двору, — хозьянушку не любя, и старается скорѣе, хотя бы за полцѣны, продать ее.

Моется хозьянъ въ банѣ: остерегается громко стучать и говорить, чтобы не оскорбить байнушка, и не навлечь на себя неприяностей и гнѣва его; вымывшись, оставляетъ ему вѣникъ и воду, чтобы онъ попарился и помылся. По выходѣ же изъ бани благодаритъ: «спасибо тебѣ, байнушко, на парной банничкѣ».

Купается хозяинъ въ рѣкѣ: боится хозяйнушка водѣ (водянаго), котораго онъ видалъ въ рѣкѣ со всѣмъ его семействомъ играющимъ на водѣ, расчесывающимъ длинные волосы и проч.; въ Ивановскую и Ильинскую недѣли ни за что не будетъ купаться въ рѣкѣ, потому что тогда играетъ водяной и жаждетъ всяческой жертвы.

Зашелъ хозяинъ въ лѣсъ: въ чашѣ его видитъ лице духа лѣсовъ (лѣшаго), остерегается громко смѣяться и особенно свистать, чтобы не раздражить этого сильнаго-могучаго богатыря, который чрезъ рѣки и озера шагаетъ, и, въ гнѣвѣ, все, что попадаетъ ему на дорогѣ, ломаетъ и уноситъ; при вихрѣ говорятъ: «лѣшій идетъ».

Идетъ хозяинъ изъ гостей и сбился съ пути-дороги, вмѣсто «Соломбалы» очутился у городской заставы, говоритъ: «лѣшій пошутить».

Собирается хозяинъ хлѣбъ молотить, скромно мететь овинъ и курить въ немъ ладаномъ для умиловленія хозяйнушка гуженнаго.

И этихъ мнѣческихъ духовъ, хозяинъ видитъ и во снѣ, и на яву, и всегда гадаетъ о милости или гнѣвѣ ихъ.

Сбился въ влокъ волосы въ бородѣ или головѣ; это дѣло хозяйнушка, — знакъ любви его.

Улегся спать хозяинъ, и что-то душитъ его (чрезъ необычайное нажиманіе на грудь); этимъ способомъ хозяйнушка извѣщаетъ о предстоящей ему (хозяину) радости или печали, и если домовый — теплый, то будетъ радость, если холодный — къ богатству, а голый — къ бѣдности.

Ночью при входѣ на повѣтъ (сѣнникъ), видитъ въ сарафанѣ своей жены хозяйнушка, который кормитъ и холитъ его чернуху, и моритъ пеструху (жорову), или по утру во дворѣ находитъ своего бурка (коня) всего мокраго въ пѣнѣ, и вѣрятъ, что всю ночь хозяйнушко мучилъ его.

Разскажетъ: «у такого-то хозяина бывало хозяйнушко по ночамъ поилъ скотъ, и на себѣ возилъ воду, а однажды, въ гнѣвѣ на хозяина, передалъ весь скотъ».

— «Въ банѣ съ бабы, которая бранила и посылала своихъ дѣтей къ чорту, байнушко сорвалъ кожу съ ногъ до головы».

— «Годовъ пятнадцать назадъ, водяной три дня поутру и по вечеру гялилъ (игралъ) въ рѣкѣ предъ головою нашего Никола».

— «Одинъ лѣшій влюбился въ бабу, и отъ любви такъ измаялся, что не могъ дѣлать ничего, и женился на ней. Старуху Маланью онъ возилъ на себѣ бабить новорожденнаго у него сына, за труды бабкѣ раздѣлялся честно».

— «Въ прошломъ году ходила я въ лѣсъ по ягоды. Настигъ меня мой муженѣкъ; собирали мы съ нимъ ягоды въ одно мѣсто, и пошли домой; вдругъ мужъ мой

захоталъ, да и прыгнулъ въ лѣсъ, а въ коробу очутились сосновыя шишки».

— «Дядя Андрей срубилъ жильѣ лѣснаго (вѣковую елку), и не радъ былъ; надъ нимъ долго гялилъ лѣшій и провожалъ его до деревни, а на другой годъ овинъ сжогъ у него».

Подобными этимъ анекдотами опутанъ въ своей жизни народъ, и долго, кажется, не освободится отъ нихъ. Почти всѣ несчастія въ домѣ, въ лѣсу, въ пути и проч. онъ приписываетъ шуткамъ или гнѣву одного изъ мнѣческихъ существъ, или извѣстному классу людей, которыя, находясь въ сообществѣ съ злымъ духомъ, приобрѣли чрезъ то волшебную способность, или сверхъестественное искусство, при произнесеніи нѣкоторыхъ словъ и проч., разрушать по произволу имущество и всѣ пожитки челоуѣка, разстроивать здоровье его и т. п.; ихъ называетъ колдунами, знахарями, колдуньями и знахарками.

Далѣе слѣдуетъ сказать о примѣтахъ или случайныхъ предсказаніяхъ, которымъ вѣрятъ въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ едва-ли не всѣ жители.

Урожай — жизнь и счастье для народа, неурожай — голодь, бѣдствіе; а потому крестьяне наши съ особеннымъ вниманіемъ слѣдятъ за приближеніемъ весны, и подводятъ многіе дни ея, по характеру погоды, подъ какое нибудь мнѣческое замѣчаніе на счетъ будущаго урожая или неурожая. Такъ для 1-го дня марта, для самаго начала весны, есть слѣдующая примѣта: если этотъ день хорошъ, — красный, то вся весна будетъ хороша, благоприятна для посѣвовъ.

Если въ чистый понедѣльникъ погода будетъ ясная, то весна будетъ сухая и теплая; вторникъ показаваетъ лѣто; среда — осень.

Если 23 апрѣля, въ Георгіевъ день будетъ утренникъ (морозъ), то будетъ еще 40 утренниковъ.

Если на 29 іюня на засѣянныхъ поляхъ будетъ колось, то на 20 іюля — колобъ.

Темная на Пасху ночь и тихія рождественскія святки предвѣщаютъ хлѣбородный годъ.

Если во 2-е февраля, или чистый понедѣльникъ перенесетъ (погодю) дорогу, то весною будетъ сѣно дорого.

Если на 23 апрѣля сломается ледъ, то 9-го мая будетъ для скота подножный кормъ. Говорятъ: «Георгій съ водой, Никола съ травой».

Если въ 26-е октябрю поѣдешь по рѣкѣ на конѣ, то въ 23-е апрѣля — въ лодкѣ. Говорятъ: «Дмитрій на конѣ, Георгій въ лодкѣ».

Если въ 4-е августа (Евдокія — сѣногнойки) будетъ дождь, то страда будетъ мокрая — дождливая.

Столько снѣгу на кровляхъ домовъ въ 25-е марта, столько будетъ его на землѣ въ 23-е апрѣля.

Если лѣтомъ задуеъ восточнѣ (востокъ), то будетъ всячина (дождь и солнце).

Если кукушка застанетъ сѣмяна въ засѣвѣ (амбарѣ) т. е. до начала сѣва закукуетъ, то будетъ неурожай.

Громъ и молнія растутъ на полѣ хлѣбъ.

Корова во время сна держать во рту соломенку (сѣна), кротъ рветъ по осени луга,—къ дорогому сѣну.

Ледъ несетъ (весною) изъ рѣки Курополки въ рѣку Курью; крупная игра въ весенней шугѣ—къ хлѣбородному году.

Гнусъ бьетъ въ зернѣ хлѣбъ; мало густеги (снѣгу) на лѣсу,—къ неурожайному году.

Паденіе густеги въ лѣсу, предвѣщаетъ близкую весну.

Ледяныя сосульки на крышахъ домовъ во время весенняго снѣготаянія общають продолжительную весну.

Сѣянъ (хлѣбъ) горстью и собирать нужно горстью; станешь косить, земля не станетъ родить.

Нужно оставлять въ амбарѣ зерно; иначе выведется (не будетъ) хлѣбъ.

Обильный урожай рябины предвѣщаетъ мокрую осень.

Если листь долго не падаетъ по осени, то годъ будетъ болѣзненный.

Мужчины во время косьбы кладутъ за голень сапога траву, а женщины во время жнива—за спину колосья, чтобы не устать на работѣ.

Если отъ жатъя (хлѣба) распухнетъ рука, то стоитъ только перевязать ее ниткою, которую должна взять изъ своей косы женщина, родившая двойниковъ, и боль пройдетъ.

Замѣчаютъ по днямъ первой недѣли великаго поста: если первый день хорошъ, то весна хороша; второй день показываетъ лѣто, а третій—осень.

Если 1-е ч. марта бываетъ вѣтряно, то весна не продлится, скоро наступитъ лѣто. 25-е марта красный день общаеъ прекрасную погоду весной; а горній вѣтеръ *) (одинъ изъ южныхъ), въ скоромъ времени теплое лѣто. Если же вѣтеръ дуетъ съ моря т. е. сѣверный, то весна будетъ продолжительна; тоже предзнаменуютъ большія ледяныя сосульки, по туземному выраженію, свѣчки, образовавшіяся при таяніи на кровляхъ домовъ снѣга.

Когда курицы, не говоря о старыхъ, долго не несутся весной, то не скоро будетъ теплое лѣто. Когда онѣ кырлы даютъ (стонуть) и кошатся (чистятся въ перьѣ своемъ), то будетъ стужа. Если кошка приютится на печкѣ, то, значить, чуетъ (предчувствуетъ) холодъ.

Когда лѣтомъ осы вьютъ гнѣзда на деревѣ, то будетъ мокрая (дождливая) осень; а если на землѣ, то къ сухой осени.

Замѣчаютъ о скоромъ направленіи вѣтра съ той стороны, на которую ложатся спиною животныя, какъ-то:

*) Дующій съ материка или суши, который въ Архангельской губерніи называется горой.

собаки, лошади, овцы и проч., или отиуда облака на чистомъ небосклонѣ начинаютъ показываться. Игра морскихъ звѣрей, во время тишины на морѣ, служитъ вѣрною примѣтою близкой бури, и вѣтра на-встрѣчу играющимъ морскимъ животнымъ. Вечерами замѣчаютъ весною, на которой сторонѣ небосклона болѣе облачно, отиуда на другой день будетъ вѣтеръ; а осенью—ждутъ на другой день вѣтра съ той стороны, гдѣ болѣе небо, на сумеркахъ, ясно.

Если 6-е января, во время освященія воды на Иорданѣ, послѣ тишины подуетъ горній вѣтеръ, то предзнаменуетъ хлѣбородный годъ, а если сѣверный,—то обильные морскіе промыслы.

Тихія святки (безъ вѣтровъ) и множество на деревьяхъ густеги (снѣгу),—къ хлѣбородному году.

Когда на св. Пасху ночью бываетъ видно много звѣздъ на небосклонѣ, то много будетъ морошки; если же темно, то къ хлѣбородному году; если же темнота или звѣзды не на всемъ горизонтѣ, а въ сторонѣ, ближе къ морской поверхности, то къ лучшимъ морскимъ промысламъ.

Крикъ воронъ, галокъ и блѣяніе овецъ—къ дождю. Сорока прилетаетъ къ жилью и стрекочетъ—къ вѣстямъ.

Уголь выпрыгиваетъ изъ печки во время ея топле-нія—къ гостямъ.

Собака валяется въ снѣгу (катается по снѣгу)—къ снѣжной погодѣ, къ мятели.

Кошка блюетъ (рвота у кошки)—къ сырой погодѣ.

Воронъ кричитъ на церкви—къ покойнику.

Тоже предзнаменуетъ, если кошка спитъ вверхъ турбою (мордою), или пѣтухъ запоетъ ночью ранѣе обыкновеннаго, или когда курица во время сна отбрасываетъ крыло, или завоетъ собака.

Собачій вой и лай, во время освященія воды на Иорданѣ, признается зловѣщею примѣтою немалого несчастія.

Самымъ удобнымъ временемъ для совершенія гаданій считаются у жителей Сумскаго посада Святки т. е. періодъ отъ 4 декабря до 6 января.

Чтобы лучше познакомить читателя, съ нѣкоторыми изъ нихъ, мы считаемъ удобнѣе раздѣлить ихъ на вечернія, полуночныя и на сонъ грядущій.

Вечернія гаданія начинаются съ появленіемъ вечернихъ огней подслушиваніемъ и подсматриваніемъ.—Потомъ: зажуривъ глаза, берутъ изъ костра (дровъ) полѣнья. Не гладкое полѣно знакъ богатаго жениха *).

Льютъ воскъ или олово въ снѣгъ или холодную воду, или выливаютъ яичный бѣлокъ въ стаканъ съ водою, и, по вылитымъ фигурамъ, разгадываютъ грядущее. Наливаютъ ложки водою и замораживаютъ: если вода

*) Въ Пинежскомъ уездѣ не гладкое полѣно—знакъ не красиваго жениха.

замерзла на ложкѣ буддырешъ, то къ жизни, напротивъ углубленіемъ, къ смерти, а если горизонтальною ровною поверхностію, то къ неудачной жизни.

Дѣлаютъ изъ кудели кружки, въ видѣ колецъ, и въ срединѣ поджигаютъ. При горѣніи этого кольца замѣчаютъ, гдѣ прежде покажутся воротцы, (т. е. раздѣленіе)—въ той сторонѣ замужемъ быть.

Нѣсколько подругъ дѣвушекъ—дѣлаютъ изъ хлѣба по катышку, или насыпаютъ по кучкѣ жита (ячменя) и выпускаютъ въ нимъ пѣтуха. Чей катышекъ или кучку пѣтухъ начнетъ клевать прежде, той изъ подругъ раньше замужемъ быть.

Въ полночь три подруги отправляются на прорубь. Двѣ изъ нихъ погружаютъ въ воду лучины и потомъ обѣ вмѣстѣ лучины свои зажигаютъ у третьей подруги, принесшей огонь. У которой, послѣ купанья, прежде загорится лучина, той раньше замужемъ быть.

Нѣкоторыя болѣе смѣлыя гадальщицы, смотрятся въ зеркало, узнавая своего суженаго.

При этомъ гаданіи ворота и двери гадальщица растворяетъ и въ то же время запираетъ съ приговоромъ: «не благослови Господь», снимаетъ съ себя крестъ и поясъ; и садится за ранѣ накрытый ею столъ и смотрится пристально въ зеркало, предъ которымъ горятъ сальные свѣчи,—до появленія ожидаемаго призрака.

Также поодиночкѣ смотрятся въ оловянную воду (такъ называется вода, въ которую раньше вечеромъ было лито олово), перевалившись чрезъ столъ и накрывшись скатертью—надъ котломъ съ водою, къ которому прилѣплена восковая свѣча.

Въ полночь же бѣгаютъ на прорубь въ чулкахъ мочить ноги и, прибѣжавъ домой, ложатся въ мочныхъ чулкахъ спать, приговаривая: «кто суженой будетъ, тотъ и разуетъ». Или берутъ наперстокъ воды, наперстокъ соли и наперстокъ муки, смѣшавъ все вмѣстѣ, берутъ въ ротъ съ приговоромъ: «кто суженой будетъ, тотъ и шить принеси». Или наматываютъ тридевять (27) лучинокъ, ложась спать, кладутъ ихъ себѣ подъ подушку и замѣчаютъ: какой домъ во снѣ покажется, въ такомъ домѣ и въ замужствѣ быть.

Почти всѣ жители Хаврогоръ не отрицаютъ бытія *льшицъ, омовыцъ, банныхъ, водныхъ* и другихъ, съ назначеніемъ мѣсто-жительства всякому изъ нихъ въ своемъ, опредѣленномъ самой природою кругѣ. Въ преданіи особенно при собраніяхъ много рассказовъ передается отъ одного къ другому, и въ настоящее время есть очевидцы и испытатели дѣйствій надъ ними самого лѣшаго, который, какъ выражаются обыкновенно, въ такое-то время пошутилъ надо мною такимъ-то образомъ, и начинается рассказъ. Болѣе всего

шутки лѣшаго осуществляются тогда, когда человекъ въ лѣсу бываетъ одинъ. Если случится ему мочевать въ лѣсу въ избушкѣ, *) и, войдя въ оную, онъ не спроситъ позволенія у хозяинушка, то непременно долженъ встрѣтить пытку за дерзновенный входъ, каковая состоитъ изъ ворочанія крыши на избушкѣ, отверстія дымника, дверей и другихъ безпокойныхъ дѣйствій. Но не менѣе сего лѣшій выказываетъ свои шутки надъ человекомъ, встрѣчаясь съ нимъ въ видѣ знакомаго, водить по лѣсу, занимаясь тѣмъ же предметомъ съ нимъ, оставляетъ на незнакомомъ мѣстѣ, съ вихремъ и смѣхомъ удаляясь, такъ что весь лѣсъ затрещитъ. Такіе же и подобные рассказы есть и о другихъ духахъ; но домовому дается названіе *олбка*: замѣтится что либо въ домѣ надъ скотомъ, или въ домѣ произойдетъ безпорядокъ и нестроеніе, то говорятъ и увѣрены, что надъ всѣмъ этимъ *олбка шутитъ, или не любитъ*.

Понятія Хаврогорцевъ о небѣ и землѣ и вообще о природѣ таковы, какъ каждому изъ нихъ хочется о сихъ предметахъ мыслить и думать; но всѣ увѣрены въ величіи Творца, и что все Его творческою рукою создано и по Его волѣ происходитъ. Въ лѣтнее время, когда стоитъ засуха или ненастье въ страдное время, это считаютъ наказаніемъ для себя и прогнѣваніемъ на нихъ Божиимъ. Но нельзя же сказать, чтобы не было также и суевѣрности; напр. громъ гремитъ, простакі и особенно женщины старыя скажутъ: «это кормилецъ Илія Пророкъ по небу катается на огненной колесницѣ».

По *птицамъ* и *рыбамъ* суевѣрія почти нѣтъ, а по нимъ любятъ предугадывать погоду, будущность лѣта, урожай хлѣба, ягодъ и проч., но довольно часто ошибаются; напримѣръ, при налетѣ въ весеннее время утокъ, гусей и проч., если они, налетѣвъ, много не кричатъ,—это считается добрымъ предзнаменованіемъ къ плодотворному лѣту, если же напротивъ, то въ малодушныхъ замѣтно уныніе и неуованіе на Бога, что Онъ печется о всѣхъ, и поговаривается такъ: «и *птица-то* *чуветъ, что холодъ будетъ*».

Но есть еще источникъ новыхъ суевѣрій,—это *открытие парогодства* по Двинѣ, которое своимъ появленіемъ породило новое предреченіе къ приближенію свѣто преставленія; это суевѣріе впрочемъ не самими мѣстными жителями составилось, а заимствовано отъ раскольниковъ, по мнѣнію которыхъ, пароходы и подаваемые оными свистки суть «*огненные змѣи*», а телеграфъ—связь всей земли желѣзными нитями.

*) Избушка въ лѣсу строится для промышленниковъ мельника, безъ печки, вмѣсто оной каменка; вмѣстятъ въ себя для ночлега можетъ человекъ пять.

ГЛАВА VIII.

НАРОДНОЕ ВРАЧЕВАНІЕ.

Свѣдѣнія о народномъ лѣченіи въ Архангельской губерніи, сообщенныя врачомъ Линницкимъ: Архангельскіе знахари и знахарки, собираемыя ими травы, способы лѣченія, средства противъ разныхъ болѣзней; взглядъ народа на происхожденіе болѣзней, участіе колдовства въ лѣченіи ихъ, икота и икотницы.—Свѣдѣнія о простонародномъ врачеваніи въ Шенкурскомъ уездѣ, доставленныя фельдшеромъ Костылевымъ: болѣзни отъ духа, отъ порчи, отъ животныхъ, отъ самого себя.—Свѣдѣнія о народной медицинѣ въ Пинежскомъ уездѣ, собранныя П. А. Ивановымъ: причины болѣзней, лѣчебныя средства, икота и икотницы.—О народномъ лѣченіи въ Челмохотскомъ приходѣ, Холмогорскаго уезда, по свѣдѣніямъ свящ. Глѣбовскаго.—Какимъ святымъ о избавленіи отъ какой болѣзни молятся въ разныхъ мѣстностяхъ Архангельской губерніи.

Исцѣленіе тѣлесныхъ недуговъ, болѣзней, само по себѣ принадлежитъ къ медицинѣ; но по связи народнаго врачеванія съ вѣрованіями народа, и этотъ вопросъ можетъ быть отнесенъ къ этнографіи. Въ главѣ свѣдѣній о народныхъ способахъ лѣченія разныхъ болѣзней въ Архангельской губерніи мы ставимъ сообщеніе, принадлежащее перу врача Линницкаго.

Онъ говоритъ, что въ Архангельской губерніи нѣтъ знахарей въ томъ значеніи, какое они имѣютъ въ другихъ губерніяхъ, то есть людей, обладающихъ секретными, имъ однимъ доступными и принадлежащими знаніями цѣлебныхъ силъ природы, и которые поэтому слывятся въ народѣ исключительными знатоками лѣченія болѣзней, составляя особенную и сказочную касту по своимъ знаніямъ и занятіямъ, передающимся по наслѣдству отъ одного лица къ другому. Правда, встрѣчаются старухи, занимающіяся собственно собираніемъ травъ, какъ промысломъ, но въ незначительномъ количествѣ; всего двѣ, три травы составляютъ весь ихъ гербарій. Польза въ различныхъ болѣзняхъ нѣкоторыхъ растений, употребляемыхъ, кажется, по всей Россіи и въ медицинѣ (и растущихъ здѣсь въ изобиліи), имъ вовсе не известна. Между тѣмъ на лучшихъ пашняхъ растутъ тысячелистникъ (*achillea millefolium*), чернобыльникъ (*artemisia vulgaris*), трилистникъ горькій (*trifolium febrinum*), многолечникъ (*polygala amara*), мать и мачиха (*tussilago farfara*), дикая рябина (*tanacetum vulgare*), буддырьянь, маунъ (*valeriana officinale*), и многія другія травы, знаніе свойствъ которыхъ составляетъ знахарство, благотворное для больного. Исландскій мохъ, который разводится по всей

Европѣ для медицинскаго употребленія, здѣсь идетъ на прокормленіе скота. Также неизвестна польза и употребленіе тресковаго жира. Нѣтъ также обыкновенія, распространеннаго въ Южной Россіи, настаивать водку на различныхъ извѣстныхъ цѣлебныхъ травахъ; здѣсь предпочитаютъ кабацкія.

Изъ травъ, собираемыхъ знахарками, большую роль играетъ такъ называемая по мѣстному—грыжная трава,—венеринны волосы (*capilli veneris*), она составляетъ предметъ промысла и торговли знающихъ мѣста ея произрастенія старухъ, потому что она растетъ не вездѣ, часто далеко отъ деревень на болотистой почвѣ. Потому не всѣ деревни могутъ имѣть, такъ сказать, собственную, а побольшей части покупаютъ у извѣстныхъ въ околдѣ старухъ; цѣлебная сила ея до того считается полезною, что каждая хозяйка считаетъ долгомъ имѣть эту траву въ запасъ; потому ей цѣна около рубля за фунтъ. Изъ этого можно видѣть, что употребленіе ея всѣмъ извѣстно, потому-то и сказано мною, что нѣтъ знахарства, такъ какъ и другія немногочисленныя средства и очень несложные способы леченія тоже распространены въ массѣ народа; они притомъ такъ просты, что и не заслуживаютъ названія способовъ лѣченія.

Грыжная трава употребляется вообще противъ болѣй, при различныхъ отравленіяхъ половыхъ органовъ у женщинъ, называемыхъ въ простонародіи (почему-то) грыжами, откуда и названіе травы. Такимъ образомъ она употребляется при красныхъ и бѣлыхъ грыжахъ (при недостаточной и обильной менструаціи), то есть при растройствахъ менструаціи и при бѣляхъ (*fluor albus*), для усиленія потугъ при родахъ, для остановленія по-

сладкого проточения и для отдаления всады. Съ подобно-же цѣлю употреблялось это трава въ старейшей индической и отчасти въ новой, особенно Французской, въ видѣ прибавленія къ другимъ средствамъ.

Употребляется, вѣроятно по аналогіи, также и въ другихъ боляхъ живота, называемыхъ тоже грызлами, при которыхъ предполагается, образование гнили внутренностей. Вообще понятіе объ этихъ грызлахъ такъ сбивчиво и неопредѣленно, что сближаются различныя боли, исключая воспалительныхъ, въ различныхъ органахъ живота. При большой слезѣ и разнотранненіи этой травы она входитъ также въ составъ сборовъ, о чемъ будетъ сказано ниже. При лѣченіи этихъ болей, какъ вспомогательное средство, употребляется различнаго рода растиранія и разминанія тѣла и живота руками, сукованія, преимущественно озершанія въ банѣ; приставляютъ также грѣтые горшки, въ видѣ сухихъ банокъ, что совершается обыкновенно старухами, которыя и называются знахарками.

Лѣченіе болей горячихъ, проступныхъ и сильныхъ горячекъ, воспалительныхъ очень просто: главную роль играетъ баня, печь и теплое согреваніе. Сопѣтъ горячечному больному лежать не на печи, а въ банѣ прохладнонъ нѣсть и не укрываться тепло, признается недоумѣрчиво, какъ несообразность.

Весь процессъ лѣченія такой: первоначально даютъ выпить рюмку воды, потомъ слѣдуетъ баня съ растираніемъ и разминаніемъ, послѣ бани выводятъ до издо- ровленія лежаніе на печи. Часто крение въ банѣ повторяется чрезъ день, два. При боли в животѣ прикладываютъ творогъ, глину, смоченную водой, угощаютъ больного чаемъ или кофеемъ, особенно кислымъ хлебнымъ квасомъ, заставляющимъ у нихъ все прохладительныя напитки; часто въ горячкахъ, соединенныхъ съ болью пощъ ложечкою отъ сочувственнаго страданія желудка, даютъ сокъ гертой рѣдки, творогъ, вещи не только безполезныя, но вредныя. Слабительными служатъ масло или вода съ солью; возбуждѣтъ рвоту не ипаютъ чаемъ, хотя часто сознаютъ полезное ея дѣйствіе. Другаго лѣченія въ сказанныхъ болѣзняхъ никакого нѣтъ; травы и коренья никакихъ не употребляютъ. Есть еще явленіе воспаленій органовъ, основанное на суевѣрномъ взглядѣ на происхожденіе болѣзни, о чемъ будетъ сказано ниже. Кромѣ менѣе дѣятельныхъ ихъ способъ лѣченія въ болѣзняхъ хроническихъ. Здѣсь полагается надежда не на время и Бога; въ случаяхъ, не успѣвающихъ времени, обращаются охотно къ врачу, если есть возможность; на лѣкарство смотрятъ съ суевѣрностію въ его непримѣнное, и при томъ немедленное дѣйствіе и помощь, и которыхъ ожидаютъ всегда немедленно

Наружныя болѣзни лѣчатся очень просто: рожистое воспаление обрабатываютъ листьями растеній, особенно подорожника (*plantago major*), тѣстомъ и т. п. Язвы хроническія, ожоги и другія лѣчатъ ежедневнымъ обмываніемъ мыломъ изъ мыла и перевязкою изъ намысленныхъ тряпичъ, прикладываемыхъ основной коры и т. п. Для размягченія язвы прикладываютъ лепешки изъ меду и луку. — лѣченіе общеупотребительное по всей Россіи. Раны, ушибы и т. п. размываютъ и примачиваютъ мочею.

Есть (назрѣвъ) специальное лѣченіе нѣкоторыхъ болей. Это дѣйствіе, составляющее специальность знахарковъ-старухъ, преимущественно городскихъ, часто пользовавшихся огромною извѣстностію и практикой. Такъ есть между ними кобрыовыя, другія лѣчатъ одиъ язвы, воспаление ноготнаго сустава, повитухи и т. д. Вообще язвы, по вѣртію народа, происходятъ отъ «волоса».

Интересно лѣченіе воспаления ноготнаго сустава (*paronychia*), называемаго въ народѣ *волосомъ*, причемъ предполагается, что все — воспаление, боль и опухоль — зависитъ отъ развитія червячка подъ кожей. Потому все лѣченіе направляется къ извлеченію предполагаемаго червячка, для чего всегда усилившия просьбу въ этомъ случаѣ произвести отверстіе въ кожѣ и дать мази, чтобъ прошло. Въ народѣ славится въ этомъ случаѣ такъ называемая травка противъ волоса, которая держится подъ секретомъ и извѣстна только специалистамъ по этой части. Это землястый черный порошокъ, въ которомъ трудно и зайти растительныя части и ѣдкій до того, что приложенный на кожу, обыкновенно въ видѣ тѣста со сливками, производитъ пузырь и омертвѣніе тканей. Вѣроятно въ составъ этого порошка входитъ волчье лыко *Daphne mezereum*, а можетъ быть и сулема, которая употребляется съ подобною цѣлью въ этой болѣзни и сама по себѣ; достигнувъ упомянутымъ порошокомъ или сулемою червяка, его присыпаютъ сулемою или мазью изъ нея и умерщвленный такимъ образомъ червякъ выходитъ на перевязку изъ спуска въ видѣ зеленого гноя.

Разбирая это лѣченіе, можно видѣть въ немъ своего рода рационализмъ: — они стараются вскрыть нарывъ, но средства, которыми они достигаютъ этого, нерациональны и уступаютъ разрыву ножомъ, болѣзнь обыкновенно длится долго и образующіеся рубцы обезображиваютъ палець.

Таже травка употребляется и при язвахъ гнилыхъ, гангренозныхъ, при язвахъ съ затвердѣлыми краями (налезлыхъ), обыкновенно въ видѣ мази со сливками для оживленія язвы и разрушенія частей омертвѣлыхъ.

Есть специалисты, занимающіеся собственно лѣченіемъ язвъ, при томъ каждая изъ нихъ имѣетъ свой методъ. Такъ мнѣ извѣстенъ слѣдующій способъ лѣченія. Дѣлается спускъ изъ слѣдующихъ частей: сосновой смолы, воску, пластырю изъ шанскихъ мушекъ, пластырю

изъ скотскаго жиру. Эта мазь употребляется для перевязокъ. Вообще при язвахъ круглой формы обсыпаютъ краемъ того края ихъ жжеными квасцами. Полагаютъ образованіе язвъ изъ общаго худосочія, потому всегда употребляется внутреннее лѣченіе декоктомъ изъ сбора травъ, числомъ до 12-ти, между которыми главныя — грязная трава и сарсапариль, далѣе слѣдуетъ ромашка, бузиновый цвѣтъ, трифоль, розовый цвѣтъ, мята, чистозванъ, романикъ, шалфей, полынь и тысячелистникъ. Этотъ сборъ признается полезнымъ во всевозможныхъ болѣзняхъ органовъ грудныхъ и брюшныхъ, при различныхъ худосочіяхъ. Поэтому травы эти продаются въ лавкахъ и покупаются старухами.

Но самымъ важнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ въ народѣ считается кровопусканіе, или по народному метаніе руды, оно есть средство предохраняющее или предупреждающее вообще болѣзнь. Обыкновенно говорятъ: кровь мучить, будетъ ли то ревматическое воспаленіе сочлененія съ жаромъ и лихорадкою или нарывы на тѣлѣ, воспаленіе грудныхъ или брюшныхъ органовъ, или параличъ нижнихъ конечностей, головная боль, хроническое расстройство пищеваренія или цынготное худосочіе — все подводится подъ одну категорію. Потому кровопусканіе распространено сильно. И рѣдко можно встрѣтить среднихъ и старыхъ лѣтъ мужчинъ и женщинъ, бросавшихъ кровь 10 и 15 лѣтъ сряду ежегодно, все отъ увѣренности, что рабочему человеку нельзя прожить безъ кровопусканія, иначе кровь замучитъ. Любятъ употреблять также кровососныя банки, но не вездѣ есть возможность пользоваться ими, обыкновенно банки эти состоятъ изъ концовъ воловьихъ роговъ; насѣчки дѣлаются бритвой или ланцетомъ, операцію производятъ всегда въ банѣ. Роль фельдшеровъ исполняютъ въ обоихъ случаяхъ по большей части Мезенскіе коновалы, которые образуютъ цѣлое сословіе ученыхъ этому искусству, расхаживаютъ по всѣмъ закоулкамъ и болѣе практикуютъ на людяхъ, нежели на скотѣ. Часто искусствомъ своимъ злоупотребляютъ. Потому, что искусство ихъ, собственно говоря, состоитъ только въ умѣннн производить эту операцію безъ всякаго понятія о показаніяхъ къ ней и о дѣйствіи кровопусканія. Ими руководитъ въ этомъ случаѣ только алчность и желаніе нажить нѣсколько копѣекъ. Мнѣ случилось однажды видѣть крестьянина среднихъ лѣтъ, хорошаго тѣлосложенія; на другой день послѣ метанія руды, онъ не могъ стоять, потому что его *обносило*, т. е. у него кружилась голова отъ малокровія. Слѣдить за этимъ злоупотребленіемъ и предотвратить его не можетъ никакая полиція, потому что, зная законное запрещеніе, кровопусканіе производятъ тайно, и оно остается тайной между пациентомъ и операторомъ.

Эти же коновалы считаются отлнчными докторами болѣзней сифилитическихъ, хотя способы ихъ лѣченія

извѣстны по всей Россіи въ народѣ: они даютъ растворъ сулемы (по народному бѣль) и облуриваютъ киноварью. Но за ними остается практика по преимуществу, потому что они всегда имѣютъ эти средства, которыми и снабжаютъ всякаго желающаго.

Растворъ сулемы употребляется очень сильный (золотникъ на штофъ), по ложкамъ; безвредность приема можно объяснить только поддѣлкою или нечистымъ приготовленіемъ препарата, неизбѣжнымъ при контрабандномъ его употребленіи. Въ этихъ же болѣзняхъ употребляется корень сарсапарили, настойка его на водкѣ, или крѣпкій отваръ, приготовляемый въ закупоренномъ сосудѣ. Впрочемъ не лишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ о томъ, что понимать подъ этими болѣзнями. Въ Пинежскомъ уѣздѣ эта болѣзнь въ первичной формѣ встрѣчается очень рѣдко. По большей части можно наблюдать застарѣлыя формы у людей, бывшихъ въ большихъ городахъ и столицахъ; между ними можно видѣть образцы страшнаго разрушенія организма. Потому народъ смотритъ на эту болѣзнь, какъ и вездѣ, съ ужасомъ и готовъ считать самый невинный прыщъ, ломоту и язву совершенно другихъ свойствъ за сифилисъ, если только больной имѣетъ какое нибудь столкновение съ сифилитикомъ. Этимъ объясняется обширная практика коноваловъ на этомъ поприщѣ, а также истребленіе въ огромномъ количествѣ сарсапарили, извѣстной подъ именемъ дорогой травы (фунтъ ея въ вольной продажѣ стоитъ около 2 руб.). Такимъ образомъ употребленіе сулемы и особенно дорогой травы стало народно. Сарсапариль стали употреблять при этомъ и въ другихъ болѣзняхъ: ломотѣ, язвахъ, параличѣ и даже при страданіи дыхательныхъ органовъ. О размѣрахъ употребленія ея можно судить изъ того, что двумя купцами въ Пинегѣ продавалось прежде около пяти пудовъ въ годъ. Нѣтъ деревни, гдѣ бы не знали дорогой травы и не пили бы ея. Изъ аптечныхъ препаратовъ въ народѣ извѣстны: тягучій пластырь, мушка, александрійскій листъ и тому подобное; случается услышать просьбу дать маковыхъ головокъ для усыпленія неспокойнаго дитяти — этимъ и ограничиваются ихъ свѣдѣнія по части фармакологіи, и такимъ образомъ можно видѣть, что въ народѣ нѣтъ ни медицины, ни знахарскаго искусства: что достаютъ немногіе, то достается и извѣстно всѣмъ, исключеніе составляютъ городскія знахарки спеціалистки, какъ пользующія секретными средствами.

Вѣрованіе въ силу колдовства, наговоровъ и т. под., какъ сверхъестественное, составляетъ принадлежность народовъ всѣхъ временъ и поколѣній. Насколько оно распространено въ Пинежскомъ уѣздѣ и участвуетъ въ лѣченіи болѣзней, мнѣ неизвѣстно: мнѣ не случалось никогда видѣть при больныхъ ни знахарокъ, ни колдуновъ, никакихъ нашептаваній, но они существуютъ. На-

родъ впрочемъ дѣлается больше на время и авось, что Богъ дастъ; въ случаяхъ, не уступающихъ времени, обращается какъ сказано охотно къ врачу, на лѣкарство смотритъ съ увѣренностію въ его непрежннее дѣйствие и помощь. Впрочемъ всегда отдаетъ предпочтеніе фельдшеру, какъ лицу нечиновному и болѣе, по понятіямъ народа, доступному.

Такимъ образомъ есть нѣсколько болѣзней, происхождение которыхъ приписывается колдовству; сюда относится такъ называемая икота, распространенная особенно въ Пинежскомъ уѣздѣ и извѣстная даже въ смежныхъ уѣздахъ; объ ней составилось опредѣленіе, употребляющееся какъ бранное слово: Пинежская икота. Колдовству же приписывается напущеніе *спръль*, наговоръ болячекъ или килы и другихъ язвъ, не говоря уже о порчѣ и болѣзняхъ съ *мизу*, — повѣрью, общемъ для всего русскаго народа.

Икота — болѣзнь, приписываемая народомъ особенному существу, которое напускается или вгоняется въ тѣло больного колдуномъ. Колдунъ или колдунья остаются всегда неизвѣстными, обратиться съ просьбой къ нимъ о помилованіи нѣтъ возможности; а потому и икота остается въ тѣлѣ всегда на всю жизнь, — лѣченіе никакое не поможетъ. Вообще про такихъ колдуновъ говорить, но ни на одного не укажутъ, между тѣмъ увѣренность въ напускъ этой болѣзни простирается до того, что народъ и слушать не хочетъ о другомъ происхожденіи болѣзни и ея лѣченіи. Сущность этой болѣзни и ея проявленія состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что больной при видѣ непріятныхъ для него предметовъ, слыша непріятныя слова, когда не соглашаются окружающія съ его желаніями и мнѣніями и т. п., икаетъ. т. е. издаетъ по большей части отрывистые звуки непроизвольно, судорожно, похожіе на лай, то протяжно завываетъ, — при этомъ злится, чувствуетъ головокруженіе, тошноту, ощущеніе такъ называемаго истерическаго шара (*globus hystericus*) и т. под. и всегда послѣдующее утомленіе.

Припадки икоты проявляются, на примѣръ: слабость, при видѣ курящаго табаку, при видѣ какихъ нибудь орудій, инструментовъ, что производятъ въ простомъ народѣ страхъ или отвращеніе. Иногда видѣ самыхъ обыкновенныхъ вещей (на примѣръ случилось видѣть, что одно названіе сайды, рыбы общеупотребительной), производятъ долгія икотныя завыванія.

Припадки эти продолжаются минуту, двѣ и три, но очень легко вызываются и повторяются.

Этой болѣзнию одержимы почти единственно женщины, часто ихъ бываетъ по нѣскольку въ одномъ домѣ и всѣхъ возрастовъ; подобныхъ мужчинъ мнѣ не встрѣчалось видѣть; но за то послѣдніе, рассказывая о болѣзни, на примѣръ: боли подъ ложечкою, о которой говорится

серце болитъ, вообще о болѣзняхъ брюшныхъ органовъ непрежнно предлагать вопросъ: не икота ли это? такъ какъ мѣстомъ жительства этой послѣдней предполагается брюшная полость. Между дѣвушками эта болѣзнь тоже встрѣчается рѣдко — вѣроятно изъ боязни жениховъ потерять; но за то можно видѣть, что на первый и второй годъ замужества онѣ приобрѣтаютъ ее.

Это объясняется тѣмъ вниманіемъ и ласковымъ обращеніемъ, которыми стараются окружить больную домашніе и всѣ знакомые: стараются не беспокоить непріятными словами, удалять предметы, которые могутъ вызвать припадокъ, предупреждать желанія, однимъ словомъ, не дразнить икоты, не желая мучить больной и боясь, чтобъ икота и самихъ не посѣтила. Развѣ иногда потѣшится молодой парень, поддразнивая старуху, любясь ея кривляніями, криками и злостью. Это предупредительное обращеніе съ икотницами, я считаю причиною, что икота часто встрѣчается, т. е. я полагаю, что болѣзнь эта часто притворная. Я постараюсь объяснить это, разобравъ сущность и причины этой болѣзни нѣсколько научнымъ образомъ.

Разсматривая припадки этой болѣзни, и ничтожныя причины, ихъ вызывающія, я нахожу большое сходство ихъ съ истерическими припадками женщинъ высшаго круга. Это та же увеличенная дѣятельность психической сферы (и преимущественно воображенія и чувствительности), соединенная съ явленіями отраженныхъ судорогъ и спазмовъ, происходящими, по теоріи Гассе очень вѣроятной, отъ одновременнаго разстройства питанія всей нервной системы. Въ обоихъ случаяхъ такой болѣзненности сильно поражаются чувствительность и воображеніе, что ведетъ за собою одинаковыя судорожныя припадки: кривлянья въ мускулахъ лица, спазмы въ грудобрюшной преградѣ и гортанной щели, отъ чего являются судорожное дыханіе, икота, крикъ и вой, при истерикѣ судорожный смѣхъ, вой, лай, а въ мускулахъ живота и желудка рвота, въ пищеводѣ — чувство давленія, и проч. Не могу сказать, на сколько сходны спазмы въ мочевыхъ путяхъ, мнѣ не приходилось спрашивать больныхъ объ этомъ; но впрочемъ я полагаю, что и здѣсь существуетъ большое сходство — такъ какъ замѣчалъ, что больные послѣ припадка тотчасъ-же выходили изъ комнаты.

Обыкновенно начало и причину истерики, такъ какъ она случается только у женщинъ и притомъ отъ времени развитія половой зрѣлости до прекращенія ея — полагаютъ въ разстройствѣ нервовъ половыхъ органовъ. Полагаю, что эти положенія примѣнимы во многихъ случаяхъ, и объясняю это такимъ образомъ: нерѣдко болѣзненные состоянія съ пораженныхъ мѣстныхъ нервовъ сообщаются другимъ нервамъ и вліяютъ на центральныя органы. Такимъ образомъ мѣсячное очищеніе у мно-

гихъ здоровыхъ женщинъ влечетъ за собою разныя легкія нервныя расстройства и особенное психическое настроеніе. Истерика при началѣ болѣзни отъ патологическаго состоянія половыхъ органовъ будетъ аналогична съ расстройствомъ во время менструаціи. Въ основаніи развитія истерики въ этомъ случаѣ могутъ лежать различныя патологическія состоянія «матки» и сосѣднихъ съ нею органовъ, язвы рыльца и всевозможныя раздраженія матки. Такимъ же образомъ наоборотъ, часто психическое вліяніе, при совершенно здоровомъ состояніи половой сферы, можетъ быть причиной истерики, — положимъ у непорочныхъ старыхъ дѣвъ, то есть, нервное расстройство здѣсь можетъ развиться отъ постоянныхъ волненій и сожалѣній, которыя испытываетъ женщина, видя неисполнимыми свои желанія и несбывшимся прямымъ назначеніемъ ея въ жизни. Всѣ остальные случаи можно подвести къ недостатку воли, вслѣдствіе изнѣженнаго, балованнаго воспитанія, вслѣдствіе неправильнаго образа жизни, отъ жизни такъ сказать нервной въ ущербъ физической. При чемъ часто встрѣчается холерина или анемія, кромѣ того эти послѣднія состоянія крови, ведутъ за собою всегда расстройство нервовъ, и могутъ быть сами по себѣ причиною истерическихъ страданій.

Теперь возвратимся къ икотѣ. Прежде всего я долженъ сказать, что мои наблюденія здѣсь поверхностны, такъ какъ ни одна изъ икотницъ не была въ моемъ пользованіи и подѣ долгимъ наблюденіемъ. Отдѣльные случаи, видѣнные мною, представляли женщины среднихъ лѣтъ съ изнуреніемъ отъ частыхъ родовъ, или тяжелой работы при скудной пищѣ, при неправильности отправленій, чаще же всего съ хроническими катарамъ желудка, болями подѣ ложечкою и т. п. Не могу сказать, на сколько вѣрно въ этомъ случаѣ предположеніе доктора Гросса о томъ, не зависитъ ли икота отъ *laenia soluta*, — мнѣ не представлялось наблюдать ни одного подобнаго случая.

Въ Пинежскомъ уѣздѣ солитеръ встрѣчается и быть можетъ условливаетъ икоту, но мнѣ не приходилось слышать ни отъ одной больной о выходѣнн ея.

Здѣсь обращаемъ еще вниманіе то, что икота поражаетъ почти всѣхъ старухъ — чѣмъ и отличается отъ истерики.

Нѣкоторыя старухи встрѣчались съ видомъ сильнаго изнуренія отъ разныхъ хроническихъ болѣзней. Во всѣхъ этихъ случаяхъ на почвѣ этихъ расстройствъ можетъ еще развиться страданіе нервовъ. Но все таки остается много случаевъ здоровыхъ, молодыхъ, полныхъ женщинъ икотницъ, у которыхъ причины болѣзней будутъ загадкою, — и этихъ послѣднихъ я считаю притворщицами ради того вниманія, которымъ ихъ окружаютъ.

Но все это не объясняетъ еще вопроса, почему икота встрѣчается болѣе всего Пинежскомъ и Мезенскомъ уѣздахъ, и почему ея нѣтъ въ другихъ — какъ на примѣръ

говорять въ Онежскомъ. Условія жизни кажется болѣе или менѣе одинаковы. Пища тотъ-же хлѣбъ, свѣжая и соленая рыба, молоко, — вода въ рѣкахъ Пинеги не имѣетъ ничего отличительнаго, — мѣстность селеній возвышена, берега рѣкъ глинистые и песчаные, кругомъ лѣсъ, съ множествомъ озеръ, болотъ и часто безконечной тундрой — однимъ словомъ картины, общія всей Архангельской губерніи. Гдѣ же скрывается тайна происхожденія этой болѣзни?

Уже не въ самомъ ли дѣлѣ это дѣло колдовства и икоты, какъ духа и существа невидимаго? Или же источникъ ея кроется въ самомъ духѣ народной жизни? Но такъ какъ леченія въ простомъ народѣ никакого нѣтъ, или же по русской пословицѣ «влинъ клиномъ выгоняютъ;» стало быть, излѣченіе икоты предполагается только возможнымъ для колдуновъ. Но ихъ никто не знаетъ, потому и икота у больныхъ остается на всю жизнь. Никакого лѣченія нѣтъ, кромѣ сказаннаго палиативнаго, то есть, что стараются не вызывать припадка.

Нѣкоторыя, уже болѣе частныя, свѣдѣнія о народной медицинѣ, и при томъ касающіяся только Шенкурскаго уѣзда, сообщилъ фельдшеръ Костылевъ, обратившій вниманіе и на суевѣрную сторону народнаго врачеванія.

Всѣ народныя преданія, говоритъ онъ, легенды и повѣрья доказываютъ, что древній сѣверный народъ много страдалъ отъ суроваго климата, отъ дремучихъ лѣсовъ отъ хищныхъ звѣрей и отъ разноплеменной междоусобицы. Находясь въ полудикомъ ростоаніи, онъ страдалъ и не зналъ, какъ пособить своимъ страданіямъ, потому что не зналъ физической природы и ея порядка. Правда его языческія вѣрованія и легендарныя преданія ему не позволяли наблюдать страданія просто, какъ они есть, и увлекали мысли его въ область духовнаго міросозерцанія; во всякомъ физическомъ явленіи онъ искалъ присутствія боговъ, во всякомъ физиологическомъ страданіи бѣдствіе отъ злаго духа. При такомъ возрѣннн на болѣзни, для лѣченія ихъ онъ считалъ достаточнымъ или умилюститивить и задобрить злой духъ, либо застрашать и прогнать его посредствомъ баснословной силы разныхъ заговоровъ, заклятій, камней, корней, травъ, цвѣтовъ и т. п. Остатки того повѣрія можно встрѣтить повсюду и въ настоящее время. И теперь еще простой народъ вѣритъ, что всѣ болѣзни происходятъ или отъ злаго духа (особыхъ мнѣческихкихъ существъ), или отъ порчи лихова человѣка (отъ колдуновъ), либо отъ зарожденія животнаго въ тѣлѣ, или наконецъ отъ себя самого.

1. болѣзни отъ духа.

Народное міросозерцаніе и легендарныя преданія создали особыя мнѣческія существа, которыя производятъ болѣзни у человѣка, называемыя вѣдуницами

или вѣщницами. Эти вѣщницы въ народномъ понятіи суть нѣчто среднее между чертомъ и оборотнемъ и скорѣе подходят къ послѣднему, съ тѣмъ различіемъ, что оборотня можно видѣть всегда простымъ глазомъ въ видѣ животныхъ — волка или медвѣдя, а вѣщницу можно видѣть только нарѣдка въ видѣ женщины; тождество же обоихъ состоитъ въ томъ, что сначала они были людьми, и потомъ первые въ слѣдствіе колдовства, а послѣднія въ слѣдствіе проклятій превратились въ нечистыхъ духовъ. Вѣщницы — болѣзни представляются старыми, безобразными и злыми женщинами съ котомками за плечами, какъ странницы, и больные знатоки, видѣвшіе ихъ лицомъ къ лицу во снѣ или въ горячечномъ бреду, увѣряютъ, что они, когда находятъ на человѣка, бываютъ привѣтливы и цѣлуются, а когда отходятъ, бываютъ сердиты, ругаются и часто сказываютъ больному, что имъ не по сердцу, чего они испугались и отъ чего уходятъ. Вѣщницы не имѣютъ ослѣдлага жгелства во вселенной, а странствуютъ изъ государства въ государство, изъ края въ край, и горе тому народу, который онѣ любятъ! О происхожденіи вѣщницъ народное воображеніе составило легенду, состоящую въ томъ, что всѣ онѣ сначала были простые смертные люди, дочери нечестиваго царя Ирода, которыя, наслѣдуя родительское нечестіе, жили душепагубно, особенно злѣйшая изъ нихъ — дѣвка чернавка, которая еще будто во плоти на землѣ выпросила у отца своего главу Іоанна Предтечи; за это онѣ были прокляты Богомъ и людьми и, какъ проклятыя, не были приняты ни матерью сырою землею, ни кромѣшнымъ адомъ, и стали скитаться по бѣлому свѣту и мучить родъ человѣчскій.

Главныхъ вѣщницъ 12-ть, изъ коихъ каждая имѣетъ по нѣскольку подручныхъ или подчиненныхъ, занимающихся отдѣльно всякою своею спеціальностію. Мнѣ случилось слышать слѣдующія имена главныхъ вѣщницъ: Огня или огневое, трясня или трясовица, мимохода, лихорадка и дѣвки чернавки.

Огня, или огнева, распалаетъ человѣка или, какъ говорятъ, человѣкъ въ огнѣ горитъ, хотя ушатъ воды выпей, не утешаетъ, при этомъ всякой суставъ распалается и умъ затмѣвается. Сюда относятся горячки всѣхъ видовъ и внутреннія воспаленія.

Трясея, или трясовица, производитъ трясеніе въ тѣлѣ и его членахъ. Сюда относятся перемежающіяся лихорадки и всякія болѣзни съ конвульсіями.

Мимохода есть болѣзь чистаго поля, которая поражаетъ человѣка какъ бы вѣтеркомъ въ мозгъ, отъ того дѣлается головокруженіе, затмѣніе разсудка и даже смерть. Сюда относятся: родимецъ, помѣшательство ума, апоплексическій ударъ, параличъ и пр.

Подъ именемъ лихорадки разумѣются всѣ грудныя страданія съ труднымъ дыханіемъ, колющемъ въ груди, кашлемъ и отхаркиваніемъ.

Говорятъ, когда лихорадка идетъ тогда ладно и когда найдетъ — не ладно, задавить.

Когда же трупъ начинаетъ разлагаться и отдѣлять сукровицу изъ рта, носа, ушей, тогда говорятъ — лихорадка выходитъ.

Болѣзнь дѣвки чернавки зѣло люта: какъ только коснется до человѣка, онъ умираетъ.

Сюда относятся эпидемическія болѣзни съ большою смертностію.

Впрочемъ холера въ понятіяхъ народа болѣзь спорная, и предметъ пока еще не рѣшенный: по мнѣнію однихъ она наущенная отъ порчи лихаго человѣка, а по мнѣнію другихъ отъ мнѣческаго существа. Болѣзь прикасается къ человѣку въ то время, когда онъ встанетъ не благословясь и пойдетъ не перекрестясь; когда же она вселится въ него, тогда, говорятъ, не выгонишь ее ни постомъ, ни крестомъ, только развѣ тѣмъ, чего она боится и отъ чего убѣгаетъ, на примѣръ: трясавица боится костей отъ головы зубатой рыбы или кобыльей, и для того эти вещи кладутся подъ постель больного, огнеча, смолы, можжевелника, ремени, оси тельжной и травы чертополоха. Впрочемъ этой послѣдней травы и всѣ болѣзни побаиваются, а потому вѣтку чертополоха можно видѣть подъ потолкомъ почти во всякой избѣ Шенкурскаго уѣзда. Подобно этому вѣщницы боятся извѣстнаго сна Богородицы.

Смолою намазанный крестъ надъ домовыми воротами дѣлается съ цѣлію не впускать болѣзни въ домъ.

Вотъ молятва отъ нечистаго духа, какъ предохранительное и заклинательное средство отъ всякаго недуга и скорби: Ангель мой, Сохранитель мой, сохрани душу мою, скрѣпи сердце мое, Маркъ да Лука, да Иванъ Богословъ, Никита мученикъ за Христа душу мучить, Крестомъ ограждаетъ, сатану проклинаетъ. Врагъ сатана, поди прочь отъ меня. Самъ Христосъ приступись ко мнѣ. Аминь.

2. Болѣзни отъ порчи.

Отдѣлъ этихъ болѣзней признается за произведеніе человѣческое.

Болѣзни передаются отъ лихаго человѣка посредствомъ колдовства, заговоровъ и наметываній въ видѣ пищи, питья, и спускаются по вѣтру. Сюда принадлежатъ болѣзни: озева, призоры, обурочилъ, сглазилъ, игота, напущена кила, привязана (абцессы, вереда, всякіе наросты, прыщи и часто сифилитическія язвы въ зѣвѣ), животь отнять и стрѣлы пущены (ревматизмъ лихорадочный и летучій). Отдѣлъ этихъ болѣзней лечится противодѣйствующею сильнѣйшею силою заговоровъ и нашептыванія. Знахари дѣлаютъ нашептыванья въ пищу, питье, соль, лѣкарство, обливанья, полосканья, и т. п. а одними лѣкарствами тутъ ничего не подѣлаешь, гдѣ надобно снять озѣвъ или призоръ заговорами. И на этотъ случай есть вѣрный талисманъ отъ всѣхъ колду-

новъ и ихъ заговоръ и порчи: стоить только носить поясъ изъ сѣти на голомъ тѣлѣ, и тогда не можетъ дѣйствовать никакое колдовство и никакая порча.

При накладываніи пояса говорятъ: Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Заговорю твое тѣло бѣлое, и закрѣплю крѣпче стали и булату, крѣпче мѣди и увладу крѣпче желѣза нѣмецкаго, крѣпче тугаго лука и наленой стрѣлы, и подпояшу своимъ заговорнымъ поясомъ, и запру, и замкну въ тридцать замковъ и тридцать ключей, и пушу ключи въ Окіанъ море, и взяла ихъ шука, какъ шуку въ морѣ не поймать, такъ и тебѣ раба Божія (имя рекъ) не отыскать, и кто ключи достанетъ тотъ и отомретъ. Аминь.

Заговоръ отъ призоръ и прикосовъ:

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, Аминь. Стану я рабъ Божій и благословясь и пойду перекрестясь, отцемъ своимъ прощенъ и матерью благословленъ, изъ избы дверьми, изъ двора воротыми въ домъ, въ чистое поле подь восточную сторону; течетъ огненная рѣка и есть черезъ огненную рѣку мѣдянной мостъ. и ѣздитъ мѣдянной мужъ на своемъ мѣдянномъ конѣ съ мѣднымъ войскомъ и съ мѣдными стременами. И помолюсь я рабъ Божій (имя рекъ) Спасу и Пресвятой Богородицѣ и мѣдянному мужу: ой еси ты мѣдянной мужъ! полно тебѣ ѣздить черезъ огненную рѣку по мѣдянному мосту, и поѣжай ты мѣдянной мужъ ко мнѣ р. б. N на правое плечо, а съ праваго на лѣвое, и съ лѣваго подь правую пазуху, подь лѣвую пазуху, а изъ подь лѣвыя въ мою сердечную утробу, и въ горячую кровь, и черную печень, и въ семьдесятъ суставовъ, и въ семьдесятъ жилъ и подь правое яйцо. И самъ ты мѣдянной мужъ вынимай изъ раба Божіяго N всякую скорбь и болѣзнь, и всякія притчи и призоры, и прикосы, и оговоры, и вѣтренны переломы, и вѣтренные пострѣлы и всякія грыжи, и самъ ты мѣдянной мужъ на конѣ выѣзжай, и конемъ своимъ выкармливай и очми своими высмотривай. Да въ чистомъ полѣ ѣдетъ встрѣчь черемневый мужъ и несетъ булатный мечъ, и додоша до черемнаго камня и разсѣкаетъ черемный мужъ булатнымъ мечемъ черемный камень на четыре части и раскинетъ на четыре стороны и развѣетъ буйными вѣтрами по чистому полю, по темному лѣсу, такожь дабы отъ раба Божія N разсыпалась, всякая скорбь, оговоры, призоры, прикосы, вѣтренные переломы и всякіе пострѣлы по чистому полю, по темному лѣсу, всегда нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ, аминь.

Указъ трижды на говорить на воду и эту воду отъдать пить больному.

3. Болѣзни отъ животныхъ.

Народъ вѣритъ, что въ тѣлѣ человѣка могутъ зародиться животныя, какъ то: змѣи, ищерицы, скокучи

(лягушки), блисты (глисты, которые и есть дѣйствительно) ройки и волосъ (въ наукѣ волосатикъ) или само собою или искусственно, напримѣръ: зарожденіе змѣи и лягушекъ можетъ произойти отъ питья стоячей воды, въ которой есть наливочныя животныя, либо отъ того, когда змѣю или лягушку высушатъ, превратятъ ее въ порошокъ и даютъ выпить съ живучимъ квасомъ, при этомъ если попадетъ змѣя самка, тогда навѣрное разведется гнѣздо въ брюхѣ.

Свищевые ходы, бываемые послѣ нарывовъ, означаютъ болѣзнь роекъ. Костоѣда съ выпаденіемъ косточекъ нарывається наркомъ, эти нарки бываютъ разной величины поодиночкѣ и гнѣздами. Всѣ хроническія язвы начинаются отъ зарожденія волоса въ тѣлѣ и лѣчатся щелочными ваннами въ томъ убѣжденіи, что волосъ выходитъ изъ тѣла въ щелочную воду. Подъ именемъ грыжи принимаются всѣ ненормальныя отдѣленія изъ проходовъ какъ то: кровавая моча, бѣлая, маточныя и геморроидальныя кровотеченія и, смотря по цвѣту отдѣленій, называются грыжею бѣлою, красною, желтою и проч. всѣхъ грыжъ много, вотъ и заговоръ уничтожить грыжу.

Господи Боже благослови. Во имя Отца и Сына, и Святаго духа. Есть море Окіанъ, въ томъ морѣ Окіанѣ есть бѣлой камень латырь, высота его въ сажень, толщина его 60 сажень; поперекъ его 60 сажень, на томъ на камени латыри стоитъ хрустальный теремъ. въ томъ хрустальномъ терему стоитъ золотой стулъ, на этомъ стулѣ сидитъ красная дѣвица, подпоясалась золотымъ поясомъ, подперлась золотымъ поясомъ. Государыня ты красная дѣвица! дай ты мнѣ рабу Божию N грыжныхъ словъ добрыхъ. Грызеть у меня раба Божія N вотчину золотная (маточная) грыжа, истовая грыжа, пуповая грыжа, мокрая грыжа, бѣлая грыжа, красная грыжа, отрочная грыжа, родимая грыжа, привязанная грыжа, кила грыжа, троетечная грыжа, сердечная грыжа, десная грыжа, поясовая грыжа, водяная грыжа, кровавая грыжа, пригнонная грыжа, суставная грыжа, нутренная грыжа, верхняя грыжа, ручная грыжа и ножная грыжа. Грызеть та грыжа вѣтха мѣсяца, и въ молода мѣсяца, и въ перекрой мѣсяца, по утреннимъ зарямъ и по вечернимъ зарямъ, и по всякой день и по всякой часъ и по всякое время.

И возговорить красная дѣвица: ой еси грыжа, вошла еси ты въ раба Божія N во вотчину шукою и ты выйди изъ него окунемъ, и поиди къ бѣлому камню, буди тамо до скончанія вѣка, да свѣи себѣ грыжа въ каменю гнѣздо круглое, а не грызи ты у меня раба Божіяго ни крови, ни тѣла, ни костей, ни мозговъ, грызи себѣ, злая грыжа, у тридцать рѣкъ головы, а не ѣшь ты, злая грыжа, у меня раба Божія N ни крови, ни тѣла и проч. грызи себѣ, злая грыжа, у тридцать горъ головы, а не ѣшь ты у меня раба Божія N и проч.

грызи себѣ злая грыжа у тридцать дровъ головы, а не ѣшь у меня и проч., **грызи** себѣ, злая грыжа горькое дерево осину, а не ѣшь у меня раба Божія N ни крови ни тѣла, ни костей, ни мозговъ, отъ нынѣ и до вѣку, и до гробовой доски, въ день и въ ночь, по всякой часѣ. Аминь. Указъ: говори трижды на сало ворвянное, или на кислыя шти, или на матерне млеко, или на щучьи **зубы** и мазать безъименнымъ перстомъ противъ того мѣста, гдѣ грызеть.

Этотъ отдѣлъ болѣзни лѣчится большею частію лекарствами, которыя имѣютъ силу замаривать живое.

Болѣзнь отъ самого себѣ—отъ думы.

Сюда относятся всякія раны порѣзанныя, порубленныя, колотыя и проч., ушибы, переломы и вывихи костей, ожогъ, отмороженія, хмѣлевикъ, ночной опой (брюшная водянка) и дѣтская сухотка, иначе собачья старость, банья нечисть, (чесотка), глазной переломъ, пупъ сорванъ (ко ики живота и часто поносъ), натуга и худая болѣзнь (syphilis).

Отъ свѣдѣній о народномъ лѣченіи въ Архангельской губ., сообщенныхъ людьми, имѣющими право считаться болѣе или мевѣ специалистами въ теоретической или по крайней мѣрѣ въ практической медицинѣ; перейдемъ къ свѣдѣніямъ о томъ же предметѣ, доставленнымъ обыкновенными собирателями этнографическихъ матеріаловъ. Здѣсь опять таки прежде всего встрѣчаемся съ П. А. Ивановымъ, такъ подробно описавшимъ Пинежскій уѣздъ. Онъ говорить:

Къ болѣзнямъ эндемическимъ и спорадическимъ, обыкновеннымъ въ Пинежскомъ уѣздѣ, должно отнести болѣзни ревматическаго и катарральнаго свойства, какъ то лихорадки простудныя, ревматическія и гастрическія, ревматизмъ острый и хроническій, катарръ грудной, воспаление внутренности, цыngu и грыжу. — Что же касается въ частности до женскаго пола, то въ немъ замѣчаются страданія истерическими болѣзнями.

Эпидемическія болѣзни, а въ народѣ—повѣтрія, посѣщаютъ здѣшній людъ не часто. Изъ нихъ являются болѣе: натуральная оспа, горячки, корь и кровавый поносъ. Такъ въ 1852 г. существовала въ уѣздѣ перемежающаяся лихорадка. Ею заболѣло 762 человека, изъ нихъ умерло 42, а остальные выздоровѣли. (Арх. губ. Вѣд. № 6—1854 г.). Въ 1864 г. въ Михайловской и Никитенской волостяхъ существовала съ мая корь съ эпидемическимъ характеромъ, а въ Тимошинскомъ обществѣ натуральная оспа. (Рус. Вѣд. № 95—1864 г.). Того же года въ Никитенской волости заболѣло оспою 135 ч., изъ нихъ 24 умерло, а остальные выздоровѣли (Арх. Губ. Вѣд. № 31—1865 г.).

Въ Бирючевскомъ обществѣ появилась на людяхъ съ октября 1864 г. натуральная оспа (Рус. Вѣд. № 5—1865 г.). Въ 1865 г. заболѣло въ Никитенской волости горячкою 21 чел., умерло 8, а выздоровѣло 13. Въ Леуновскомъ обществѣ заболѣло горячкою же 53 чел., выздоровѣло 50 и умерло 3.

Жители, съ раннихъ лѣтъ свыкаясь съ климатическими особенностями своего холоднаго края, не легко поддаются вреднымъ влияніямъ климата.

Причины болѣзней заключаются въ мѣстныхъ условіяхъ климата, въ его непостоянствѣ и сырости, зависящей отъ множества озеръ, болотъ и топей, гдѣ все гниетъ, а также и отъ вѣтровъ, съ перемежною конхъ быстро измѣняется температура воздуха. (Арх. Губ. Вѣд. № 6—1854 г.).

Широкіе разливы р. Пинеги заливаютъ при сухомъ лѣтѣ и тоже производятъ болѣзни.

Замѣчается, что болѣзни повальные свирѣпствуютъ болѣе весною и осенью и отчасти по лѣту.

Сами крестьяне примѣчаютъ: а) что южный вѣтеръ наноситъ въ здѣшній край болѣзни изъ другихъ мѣстъ, особенно весною. Они очень опасаются когда S дуетъ продолжительно; б) что если послѣ весеняго водо-разлитія остается на берегахъ рѣкъ ледъ — будутъ болѣзни; а чѣмъ болѣе останется льду, тѣмъ болѣе будетъ и смертность людей.

Съ общими атмосферическими явленіями, порождающими болѣзни, по нашему предположенію, наиболѣе могутъ быть пособниками здѣсь:

1. Скудная или худаго качества пища.
2. Тяжелый воздухъ.
3. Нечистота и неряшливость въ домахъ и несоблюденіе гигиеническихъ условій при постройкахъ.

Нечистота иногда доходитъ до того, что скотъ загоняется, пьеть и ѣсть и выдаивается въ тѣхъ же комнатахъ, гдѣ люди проводятъ день и спятъ ночь. Неряшливость обща простому народу.

Воздухъ въ комнатахъ стѣснительнъ и спертъ. Въ холодное время только печи однѣ служатъ единственнымъ средствомъ къ провѣтриванію квартиръ; двери, окна не отворяются, форточекъ нѣтъ; съ утра отъ черныхъ печей дымъ ѣстъ глаза; избы грязны, вымываются рѣдко и наполнены зловоніемъ, но и за привычнымъ обонаніемъ—сырость и миазмы вредны для человѣческаго здорovia.

4. Нечистоплотность. Моются не часто и худо; бѣлье стирается небрежно и смѣняется рѣдко.

5. Несоблюденіе незнакомыхъ гигиеническихъ правилъ. Ѣдятъ сверхъ дѣйствительнаго аппетита; напиваются до пьяна; употребляютъ въ пищу недозрѣлые плоды: хлѣбъ, рѣпу и ягоды; пьютъ отъ жара холодную воду безъ опасеній, озерную и дождевую съ крышъ воду.

6. Небрежность о себѣ. Въ нападѣи морозъ на-
лѣтѣи бѣгаютъ босикомъ по снѣгу, единственно въ
одной рубашкѣ съ голою грудью. Также и взрослые без-
заботно стоятъ нѣсколько часовъ на улицѣ въ трескучіе
морозы, еще и со спеленанными младенцами въ одномъ ле-
гонькомъ кафтанѣ или сарафанѣ, а нѣтъ—и безъ нихъ,
безъ шапокъ, безъ галстуховъ, въ сапогахъ и башма-
кахъ на босую ногу. — Весною, лѣтомъ и осенью, не
смотря ни на холодъ, ни на вредность воздуха и вѣтровъ,
ни на мокротъ, ни на женскую стыдливость: мужчины
въ рубашкахъ и подштанникахъ, а женщины нерѣдко
въ однихъ сорочкахъ ходятъ по обыкновенію по ули-
цамъ босыя. — Кромѣ того мужчины поднимаютъ чрез-
вычайныя тяжести, не соображаясь съ здоровьемъ и си-
лой, а на промыслахъ борются со многими неприят-
ностями; деревенскія же женщины вообще небрежны
своею беременностію. Только дня за два до разрѣшенія
женщина перестаетъ дѣлать тяжелыя работы, — ходить
же не перенося тяжести, не перестаетъ до послѣдней край-
ности, а по прошествіи недѣли послѣ родовъ, рѣдкая
баба не принимается за свое дѣло въ хозяйствѣ. Мнѣ
извѣстны были случаи, что женщины рождали, уйдя
изъ своего дома въ чужой, дорогою и на пожняхъ.

Собственные лѣкарственные средства.

Отъ головной боли. 1. Прикладываютъ ко лбу листья
кислой капусты.

2. Пьютъ холодную воду.

3. Во время жаровъ и страдныхъ работъ омачиваются
озерною, рѣчною и ключевою водою, или купаются въ
ней. Холодные купанья вообще составляютъ полезное
средство для сохраненія здоровья, уничтожая чувстви-
тельность кожи къ переменамъ температуры.

Отъ угара. 1. Даютъ угорѣвшему ѣсть мерзлыя яго-
ды: морошку, рябину, клюкву, или бруснику; ягоды та-
кія запасаются въ каждомъ домѣ и замораживаются.

2. На голову льютъ холодную воду.

3. Угорѣвшаго укладываютъ въ постели и окутыва-
ютъ теплою одеждою плотнѣе, а въ уши кладутъ хо-
лодную ягоду клюквы или брусники.

4. Но когда угаръ силенъ, больного вытаскиваютъ
взъ избы на холодъ, окладываютъ повсюду снѣгомъ,
поливаютъ водою и качаютъ, чтобы вырвало.

5. Даютъ угорѣвшему пить водку для той будто бы
пользы, что угаръ скорѣе проходитъ, когда умъ съ
разумомъ смѣшается.

Отъ бессонницы. Ъдятъ выкапываемые изъ земли
коренья; они иначе и не называются. Сладкое это ко-
ренья сушатъ на зиму; лѣтомъ же продаютъ ихъ ре-
бята и дѣвочки цѣлыми перенцами за малую цѣну.

Отъ бельма на глазу. Бельмо сгоняется крѣпкимъ
щелокомъ и нюхательнымъ табакомъ. Первымъ вымы-
вается глазъ, а табакомъ присыпается.

Отъ засоренія глаза. 1. Вытираютъ въ засоренномъ
глазу намоченнымъ слюною концемъ платка. 2. Сво-
дятъ языкомъ, т. е. очищаютъ засоренія пускаемымъ
въ глазъ языкомъ. На это средство бывають особен-
ные знатоки.

Ячмень на глазу. Въ народѣ болѣзнь эта называет-
ся сучьимъ—сучкомъ. На сучекъ прикладывается теп-
лый мякишъ только что испеченнаго ржанаго хлѣба.

Отъ золотухи. 1) золотушные мѣста обмываютъ
щелокомъ съ мыломъ, 2) золотушные выпариваются
въ баняхъ.

Отъ свороба и сыпи на голову. Употребляется
ртуть, замороженная въ сметанѣ, т. е. ртутная мазь.

Отъ боли въ ушахъ. Свертываютъ въ длинный уз-
кій тюрикъ писчую бумагу и кладутъ ее въ уши. По-
томъ бумагу зажигаютъ, чтобъ вытянуло дурь.

Отъ жабы. Пьютъ горячій, не густой чай изъ
шалфея.

Отъ зубной боли. 1. Жуютъ листовную сѣру са-
мотечку, особенно женщины.

2. Кладутъ на больные зубы чернильные орѣшки и
корни лихорадки.—Есть и заговоры:—

1-й. «Взять три земляничныхъ корешка, пустить въ
воду и смазать три раза: какъ земляника эта засыхаетъ
и увядаетъ, такъ чтобы и у раба Божія (имя его)
зубы замирали и занѣмѣли, чтобы черви и пути занѣ-
мѣли, по сей день, по сей часъ. И положить эти ко-
решки на зубъ и послѣ пить эту воду.»

2-й. «Во имя Отца и Сына и св. Духа. Аминь. Мѣ-
сяцъ (въ какой бываетъ заговоръ). Спрашивалъ я,
рабъ Божій (имя заговорщика) у Іоанна Богослова:
болятъ ли у мертвыхъ зубы? Іоаннъ Богословъ спра-
шивалъ у Самого Истиннаго Христа: болятъ ли у мерт-
выхъ зубы? Рече ему Истинный Христосъ: не болятъ у
мертвыхъ зубы до втораго Святаго пришествія Христова.
Также не болѣли бы зубы у раба Божія (имя его) до
втораго Святаго пришествія Христова.» Просить Антипу
зубнаго исцѣлителя, ставить къ образу его свѣчу и
молиться усердно.—

Отъ кашля (по крестьянски—кашлюха):

1. Ъдятъ пучки (луговое зонтичное растеніе).

2. Пьютъ вмѣсто чая: душианку (душицу), перечне-
вую мяту, шалфей и сушеную малину.

3. Лежать и парятся на высохшихъ полкахъ въ
баняхъ.

4. Чобъ избавиться отъ кашля закрываются мно-
жествомъ мѣховыхъ вещей, такъ чтобъ потъ на тѣлѣ
лилъ ручьями.

5. Когда надобно ложиться спать, привязывают къ шеѣ шерстяной чулокъ, нагрѣтый отъ накалиной печи.

Отъ насморка. Насморкъ почти не считаютъ вреднымъ для здоровья и не стараются много объ освобожденіи отъ него.

1. Стоитъ только сходить въ баню погрѣться и крестьянинъ здоровъ; 2) на ночь намазываютъ переносецъ и косицы (виски) свѣчнымъ саломъ; 3) есть еще и симпатическое средство: «Кому нужно избавиться отъ насморка. Возьми, высморкай носъ и намажь скобу у дверей,—знай, что кто первый станетъ отворять дверь за ту скобку, у того будетъ насморкъ, а кто намаралъ скобу, у того какъ рукой сниметь.»

Отъ простуды. Когда вспотѣетъ занемогшій, спину у него натираютъ сокомъ изъ истертой на теркѣ обыкновенной русской рѣдьки.

Отъ лихорадокъ. 1. Пьютъ отваръ вересовыхъ горячихъ (можжевеловыхъ) ягодъ; 2. Выпариваютъ еловую кору и даютъ пить больному этотъ отваръ; 3. Также—отваръ изъ осиновой коры; 4. Натираютъ тѣло больного сокомъ тертой рѣдьки; 5. Исполняютъ всѣ желанія и прихоти больного.—Есть и заговоръ: «На морѣ, на Окіянѣ, на островѣ Буянѣ, лежитъ камень алтырь. На томъ камнѣ сидятъ три старца съ желѣзными прутьями, идутъ къ нимъ на встрѣчу 12 сестеръ лихорадокъ.—Вы куда идете, грѣшныя, окаянныя, проклятыя? Идемъ въ міръ, у людей кости ломать да силу вынимать.—Воротитесь, грѣшныя, проклятыя, окаянныя!—Мы тогда воротимся, когда эти слова будутъ всѣ знать, да по три раза въ годъ читать.» 12 сестеръ лихорадокъ называютъ по именамъ 12 Иродовыхъ дочерей, отъ которыхъ будтобы она произошли: 1)—трясея или трясся, 2)—желгея, 3)—розея, 4)—знобея, 5), леденя, 6)—огнея или огнева, 7)—лашея, 8,—хрипуша, 9)—лихоманя, 10)—мокрота, 11)—сухея, 12)—довея. (Кеврола, ст. Постникова въ Арх. губ. Вѣд. 1865 г.).

Оспа.—Оспопрививаніе въ Россіи введено болѣе столѣтъ тому назадъ. По сочувствію къ расколу, народъ какъ то все еще не очень жалуетъ предохранительное оспопрививаніе скотскою оспою.—Мѣръ противъ натуральной оспы я не видалъ, кромѣ того что больному связываютъ руки.

Отъ кори. Средство одно то, что больной лежитъ до прохода болѣзни подъ теплымъ одѣяломъ.

Отъ рожи. На сивую сахарную бумагу нѣкоторые намазываютъ простое мыло, на него кладутъ наклю и сверхъ нее присыпаютъ скобленный мѣлъ съ камфорой и листъ бумаги прикладываютъ къ зараженному мѣсту.

Отъ наружныхъ болезненныхъ нечистотъ:

Отъ урей. При сбаченіи въ банѣ вытираться заднею частію грязнаго бѣлья.

Отъ веснушекъ. Говорятъ, что онѣ сходятъ отъ земляничнаго сока, но очищающемуся отъ веснушекъ запрещается ѣсть землянику.

Отъ бородавокъ. 1. Раскалываютъ желѣзную вещь и ее прикладываютъ къ бородавкамъ; 2. Срѣзываютъ въ баняхъ, когда бородавки сдѣлаются мягкими, или сдираютъ.—Есть и ложное средство: «Взять ленточку (должно быть ластную) и сколько больной имѣетъ бородавокъ, должно навязать столько же узелковъ, потомъ бросить на улицу, на произволяющаго; кто подниметъ тесемку, тому перейдутъ бородавки.»

Отъ нагару. Загорѣвшее лицо вымываютъ сывороткой отъ кислаго молока (творога).

Отъ мозолей. 1) Ихъ намазываютъ свѣчнымъ саломъ; 2) срѣзываютъ въ баняхъ, гдѣ онѣ размягчуются, или сдираютъ.

Отъ ноготоды. 1) Вмазываютъ въ больные ногти свѣчное сало. (Вообще свѣчное сало служитъ во многомъ большимъ пособіемъ у простаго народа). 2) Къ разболѣвшимся пальцамъ привязываютъ сырой картофельъ.

Отъ чесотки. 1) Отъ зуда (зудагса, чешетса) у дѣтей употребляется ртутная мазь. 2) Соль, распущенная въ водѣ и водѣй.

Отъ укушенія осы. 1) Опухнувшее мѣсто просто завязывается платкомъ. 2) Прикладываютъ къ нему сукно съ натертымъ на него мыломъ.

Отъ тресканія рукъ и ногъ. 1) Расстрѣванные руки и ноги натираютъ свѣчнымъ саломъ; 2) болящія трещины на ногахъ дѣтей (воровьи сапоги) вымываютъ теплою водою и потомъ человѣческою уриною.

Отъ обжога. 1) Крапивою — пострадавшія мѣста тѣла намазываютъ соплями; 2) кладутъ на обожженное мѣсто паутину; 3) прикладываютъ вату, напитанную постнымъ масломъ; 4) прикладываютъ теплый творогъ; 5) варятъ спускъ изъ соразмѣрныхъ частей: воска, еловой смолы и деревяннаго масла. Пластырь (такъ называется еще спускъ), намазанный на ветошку, подогрѣвается у печи и прикладывается къ обжогу; 6) варятъ спускъ изъ ольвяковаго масла, въ равныхъ частяхъ съ воскомъ, и его прикладываютъ съ корпиею.

Отъ отмороженія и помороженія. 1) Не входятъ въ тепло и оттираютъ пострадавшіе отъ мороза члены снѣгомъ; 2) кладутъ такіе члены въ холодную воду или обмываютъ ихъ ею; 3) оттираютъ холоднымъ сукномъ или шерстяными рукавцами, принесенными съ холода; 4) не дотрогиваются до отмороженнаго здоровыми руками, чтобъ не вслузырилось; 5) больныя мѣста обмазываютъ мозгами изъ головы убитой сороки; 6) мажутъ отмороженныя мѣста гусинымъ саломъ.

Отъ укушенія собаки. Бѣшеную собаку схватываютъ и отрѣзають нѣсколько ея шерсти. Шерсть эту прикладываютъ къ укушеннымъ мѣстамъ. — Другіе сожигаютъ собачью шерсть и прикладываютъ къ укушеннымъ мѣстамъ пепель (золу) отъ нея.

Отъ кровотечения изъ носа. Когда идетъ изъ носа красуха (сукровица), въ ноздри пускають теплую воду. Но кровотечения изъ носа не останавливаютъ ничѣмъ: пройдетъ самоходка — лучше будетъ, говорятъ крестьяне.

Отъ кровотечения. 1) Мѣсто, откуда течетъ кровь, завязываютъ тряпками; 2) укрощая кровотеченіе накладываютъ трута, употребляемаго для высѣканія огня; 3) накладываютъ также паутину и вату; 4) прибѣгаютъ къ заговору знахаря; 5) «летитъ воронъ черезъ Черное море, несетъ нитку, шелковинку; ты нитка оборвись, а ты кровь уймись.» Слова эти говорятъ шопотомъ надъ мѣстомъ истеченія крови до трехъ разъ и послѣ каждаго раза дуютъ надъ порубомъ или порѣзомъ.

Отъ всякаго рода ранъ: 1) Чирьи и вереда завертываютъ въ сухія холщевыя тряпки. 2) Парѣзы завязываютъ намоченными въ водѣ тряпками. 3) Намазываютъ ушибы, вереда, раны и ссадины свѣчнымъ саломъ. 4) Накладываютъ паутину. 5) Прикладываютъ на вереда сапожный или кабацкій варъ. 6) Помазываютъ чирьи, вереда, раны и ссадины деревяннымъ масломъ иногда съ ватой. 7) По зноженнымъ рукамъ и ногамъ прикладываютъ кислое — молоко (творогъ). 8) Къ заболѣвшимъ съ воспаленіемъ мѣстамъ прикладываютъ лястья подорожниковъ — 9) Вмѣсто пластыря, берутъ кусокъ самой тонкой бересты, какъ чайная хлопчатая бумага, и прикладываютъ, какъ корпию къ вередамъ и чирьямъ. 10) На раны и разрѣзы прикладываютъ скобленный порошокъ изъ чертова пальца. Это камень, находямый на берегу рѣкъ съ другими камнями. Онъ палочковаго формата, съ бѣлыми слоями и такъ мягокъ, что, при малѣйшемъ напряженіи и прикосновеніи къ нему, рассыпается иголкою и солью. 11) Къ увѣчьямъ прикладываютъ живучій (обыкновенный медицинскій) пластырь. 12) Къ нарывамъ прикладываютъ испеченныя и потомъ разрѣзанныя чешовки лука. 13) Къ занозамъ, вередамъ, нарывамъ, застарѣвшимъ ранамъ прикладываютъ разжеванную во рту еловую сѣру; ее дѣлають лепешкою и прикладываютъ съ ветошкою. Сѣра эта имѣетъ у крестьянъ цѣлебное свойство во множествѣ случаевъ; особенно она похваляется въ легкомъ и скоромъ вытягиваніи гноя и дури (матеріи). Ее запасаютъ съ осени и хранятъ въ тряпкахъ или берестяныхъ коробкахъ. 14) Отъ этого исчезаетъ опухоль, отъ уразины, полученной чѣмъ и какъ нибудь въ лобъ, безъ причиненія ранъ, прикладываютъ къ ушибу немедлен-

но что нибудь желѣзное, отъ этого исчезаетъ опухоль. 15) отъ сильныхъ порубовъ и ушибовъ, употребляютъ сало, вытапливаемое изъ шуровъ (навозныхъ червей, которые употребляются для наживки при ловлѣ рыбы). 16) При сильныхъ полученныхъ ушибахъ пускають жильную кровь.

Отъ опьяненія. 1) Льютъ на голову и на затылокъ холодную воду; 2) Разщеляють зубы и пускають въ ротъ человѣческую урину. 3) Вливають въ ротъ также молоко; 4) Щекотять въ носу птичьими перышками чтобы вырвать чихъ; 5) Подносятъ къ носу возбудительные: рѣдку, хрѣнь, горчицу и др.

Отъ рвоты и тошноты. Пьютъ чай изъ перечневой мяты, богородской травы (тиміанъ полевой — *Thymis vulgaris*).

Втры въ животъ. Весь животъ, отъ паховъ (отъ нижняго прохода) къ груди, разглаживаютъ на печи руками съ растертымъ коровьимъ масломъ. Также и въ дѣтской грыжѣ, съ выправленіемъ пупа. Дѣтей, еще вмѣсто бань, парятъ въ домовыхъ печахъ. Вообще постановленіемъ живота въ здоровое состояніе занимаються болѣе бабки — лѣкарки.

Пиносъ и боль въ животъ. 1) Бдятъ хлѣбные ржаные сухари; 2) Пьютъ отваръ изъ тѣхъ сухарей; 3) Бдятъ тресковую уху съ перцемъ и вообще уху изъ соленой рыбы: трески, палтусины и проч. 4) Пьютъ вино съ стручковымъ перцемъ; 5) Пьютъ водку съ поваренною солью; 6) Бдятъ высушенныя ягоды черемухи; 7) Даютъ больному отдыхъ и онъ забирается подъ теплое покрывало.

Отъ млистога. 1) Бдятъ пищу съ чеснокомъ; 2) Въ пищу болѣе употребляютъ конопляное масло; 3) Пьютъ коровье масло; 4) употребляютъ медъ: съ горячею водою, съ чаемъ, съ хлѣбомъ, съ калачемъ, съ киселемъ и въ сухомятку (безо всего).

Отъ водячки. Принимають нѣсколько разъ въ день рѣдечный сокъ.

Отъ цинги. 1) Дѣлають взваръ изъ еловыхъ шишекъ и пьютъ его; 2) прикладываютъ къ больнымъ мѣстамъ лястья лопуха и рѣпейника, перемѣняя ихъ, сколь скоро высыхаютъ; 3) привертываютъ къ ногамъ балаболки (лястья плауна).

Отъ ломоты и опухоли. 1) Парятся въ баняхъ и натирають тѣ мѣста, гдѣ ломоть, тертымъ хрѣномъ или тертою рѣдкою. 2) Страждущія мѣста мажутъ дегтемъ и вороннымъ саломъ (изъ морскихъ звѣрей). 3) Прикладываютъ къ нимъ жгучую крапиву (малую крапивку) иногда ее завариваютъ кипяткомъ; 4) Пьютъ въ видѣ чая можжевеловыя ягоды; 5) прикладываютъ теплые человѣческіе экскременты или скотный калъ; 6) лѣчатся муравейникомъ. Муравьевъ съ яичками набирають въ туесъ (буракъ);

тутъ же ихъ раздавливаютъ. Потомъ ихъ пересыпаютъ въ лаханъ или ушатъ или наливаютъ на нихъ кипятку. Въ процѣженный теплый и настоенный отваръ, такъ что можетъ терпѣть здоровый членъ тѣла, опускаютъ больныя руки и ноги, и держатъ, пока не остынетъ эта ванна.—7) обкладываютъ руки и ноги мокрицею, собираемою послѣ росы.

Отъ вывиховъ. Какъ можно скорѣе вывихнутые суставы раздвигаютъ и устанавливаютъ въ нормальное положеніе. Потомъ, натираютъ ихъ виномъ и мыломъ и кладутъ въ полукруглыя доски. Доски накрѣпко сжимаютъ увязкою веревокъ. За тѣмъ больнаго относить въ постель и онъ лежитъ запеленанный въ доскахъ недѣлю и болѣе.

Искусствомъ выправлять вывихи у крестьянъ славятся только рѣдкія, нѣкоторыя старухи.

Отъ сифилиса. Я слышалъ что отъ сифилиса вылѣчиваютъ нѣкоторые знатоки водкою, напитанною *бьялю* (такимъ же ядовитымъ веществомъ какъ и *сулема*) въ такой части, кака не приноситъ внутренняго вреда. Говорятъ, что и *сулема* идетъ въ составъ средства отъ сифилиса.

Если остановится моча, то ѣдятъ и пьютъ конопляное масло и ягоды водяницы.

Больнаго въ родимцѣ придерживаютъ, чтобы онъ не причинилъ себѣ какого либо поврежденія такъ какъ часто больной при сопровождающихъ припадкахъ судорожныхъ движеній колотится головою о полъ, рветъ на себѣ волосы и т. п.

При отмороженіи какой либо части тѣла не согрѣваютъ ее разомъ, а трутъ снѣгомъ, пока не возвратится чувствительность, движеніе и краснота, и не пройдетъ бѣлый ея цвѣтъ.

Отъ чесотки: кожа чесоточныхъ намазывается легкимъ слоемъ ртутнаго состава, но не втирается въ кожу, а только размазывается по ней.

Чтобы освободить глазъ отъ инородныхъ тѣлъ, отворачиваютъ нижнее вѣко и стараются извлечь тѣло это посредствомъ промываній холодною водою и лизаніемъ языкомъ.

Если попадаетъ въ ухо насѣкомое, то его задушаютъ помощію маслястой ваты, запикиваемой туда.

На обожженное мѣсто прикладываютъ вату.

Пузырь отъ ожоги прокалываютъ, чтобы выпустить воду.

Отъ обморока вспрыскиваютъ лице холодною водою. По приходѣ же въ себя человѣку даютъ напитокъ холодной воды.

Истрескавшіяся руки трутъ свѣжимъ саломъ.

Отъ зубной боли: а) приложеніе кусочковъ кипариснаго дерева; б) помазываніе зубовъ настоємъ гвоздики на ватѣ.

Отъ простуды и глухоты пьютъ чай изъ корней пырея, выкапываемыхъ въ прибранныхъ поляхъ.

Еловую сѣру добываютъ такъ: на высотѣ груди снимаютъ съ дерева двѣ или три полосы коры съ заболонью; чрезъ эти обнаженные мѣста выступаетъ самородная смола, которая сначала содержитъ эфирное масло, бываетъ жидка, а потомъ густѣетъ, по мѣрѣ улетучиванія масляныхъ частей.

Въ горячкахъ, для прохладенія, даютъ больнымъ воду, либо квасъ, когда больныхъ позываетъ на кислое.

При кашлѣ пьютъ отваръ сухой малины.

Летучій огонь засѣкаютъ искрами огня, высѣкаемыми огнемъ о камень.

Въ народѣ сильно распространено во многихъ случаяхъ употребленіе камфоры, разведенной въ водѣ.

На вередъ, чирья и стрѣлянья въ ушахъ или «верчу ушей», есть тоже особые заговоры.

Когда «вертитъ уши», или когда внезапно нападаетъ глухота во время купанья въ рѣкѣ, либо окачиваясь въ банѣ, натираютъ воскъ на бумагу и изъ нея свертываютъ подобіе восковой свѣчи. Затѣмъ, зажигаютъ ее съ одного конца, а другимъ приставляютъ къ больному уху или ушамъ.

Отъ простуды ногъ употребляется говяжье сало: ноги кладутъ въ тепло и потомъ натираютъ теплымъ саломъ.

Болѣзнь—недостатокъ столькоже физическій, сколько духовный, и потому побѣждается лишь свыше.

Когда заболѣваетъ глазъ, то пекутъ маленькій хлѣбецъ и горячій прикладываютъ къ больному глазу. Это значить попарить. Потомъ весь хлѣбецъ отдаютъ первой попавшейся на глаза собакѣ: собака съѣстъ и глазъ перестанетъ болѣть.

Если у кого либо «заложить ухо», то другой человѣкъ приставляетъ къ нему свой ротъ и тянетъ въ себя. Говорятъ, что это чудесное средство.

Говорятъ, что собачій языкъ (лизанье) имѣетъ большое цѣлебное свойство: онъ затягиваетъ раны, заживляетъ нагноенныя нарывы, прыщи, коросты, также высасываетъ дурную матерію.

Кила—это мѣстная болѣзнь въ пахахъ или грыжа подъ бородкомъ, происходящая отъ нечистоты и условій климата.

Медицины не употребляютъ, сколько отъ невѣжества, а столько и потому, что они дороги для бѣдняка и притомъ крестьянинъ знаетъ, что такое «снадобья» (домашняго приготовленія), а что за лѣкарства даетъ докторъ,—онъ не знаетъ и, не испытавъ на себѣ ихъ пользы, (хотя конечно легкомысленно) осуждаетъ ихъ, бра-

нить..... Врачагъ своя шкура дороже чужой, а мнительность, при положеніи поселянина, очень не удивительна, а потому и отзывы его должны быть простительны, какъ безсознательные.

Икота, Въ Пинежскомъ уѣздѣ всего болѣе развита болѣзнь икота. Она встрѣчается повсемѣстно, почти въ каждой деревнѣ. (Губ. Вѣд. № 23 за 1865 г.). Ею страдаютъ преимущественно женщины.

Икота еще въ началѣ XVIII столѣтія обратила на себя вниманіе Правительства и Духовенства. Такъ называемыя кликуши, обвиняющія кого либо въ порчѣ ихъ, или въ причиненіи имъ золь посредствомъ колдовства или злыхъ духовъ, по закону подлежатъ заключенію въ смирительномъ домѣ. По этому предмету съ 1737 по 1845 годъ послѣдовало восемь указовъ Правительствующаго Сената, вошедшихъ въ Сводъ законовъ. (13 ст. XIV т., изд. 1857 г. Уст. о преступл. и проступк.).

Объ икотѣ и икотницахъ вышла въ свѣтъ обширная статья г. Евфименки. Леваръ Кенигсфельдъ помѣстилъ важную статью объ икотѣ въ медицинскомъ отношеніи (Арх. Губ. Вѣд. № 23—1865 г.). Г. Постниковъ выписалъ изъ источниковъ для книги: «Годъ на Сѣверѣ» В. Максимова судебный актъ объ икотѣ, по дѣлу, происходившему въ Пинежскомъ уѣздѣ (Арх. Губ. В. № 30—1865 г.). Въ актѣ этомъ заключаются объясненія знахаря, какъ онъ напущалъ икоту и какъ самъ приобрѣлъ знаніе объ этомъ.

Всѣ употребленныя означенными лицами старанія довольно разяснили свойства болѣзни икоты, такъ что намъ нечего и присовокупить. Развѣ то:

1) что истерическій припадокъ съ икотницами доходить въ безсознательности до такой степени, что несчастныя женщины иногда хватаются за ножъ или другое острое орудіе, чтобъ нанести себѣ ударъ.

2) что икотница во время припадка (когда икота сильная, или какъ говорятъ простолюдины: вся жена — одна икота) бываетъ такъ сильна, что не могутъ удержать ее отъ движеній двое здоровыхъ мужчинъ.

3) что икотницы дѣйствительно прихотливы и неудовлетвореніе ихъ прихотей рождаетъ припадки. Онѣ отвращаются отъ иной пищи и непремѣнно желаютъ другой. Такъ, какъ я замѣчалъ, нѣкоторыя нервѣдія любятъ пищу болѣе прокислую, но въ икотѣ отъ этого отвращаются. Я зналъ еще одну женщину, которая во множествѣ ѣла береговой песокъ.

4) что нѣкоторыхъ изъ икотныхъ раздражаетъ звукъ гармоники или гортанный свистъ.

5) что крики икоты женщины не издають при видѣ начальственной особы, облеченной правительствомъ властію.

6) что если икотница захочетъ скрыть конвульсіи своего припадка, тогда задерживаетъ воздухъ зажатіемъ

рта и ноздрей и достигаетъ своего старанія. Тогда припадокъ проходитъ однимъ позѣвомъ и больная засыпаетъ.

и 7) что люди другихъ уѣздовъ губерніи и даже другихъ губерній, называютъ Пинежанъ икотниками. Они опасаются ихъ, какъ колдуновъ, потому (будто бы), что напускаютъ разныя болѣзни, отъ которыхъ скоро не выльчаться. —

Я признаю однакожъ, что икота болѣзнь притворная, и могу прибавить только, что икотница ругается сперва медленно, потомъ все болѣе горячась; что чина икотница помнить каждое изъ словъ, произнесенныхъ ею въ припадкѣ; что припадки сказывающихся больными икотою бываютъ вообще однообразны; что фizioномія икотницъ предъ припадкомъ, повидямому, показываетъ внутреннее возбужденіе; но случается, что икотница на затрогиваемое ея чувство отвѣчаетъ грустной миною. Наконецъ замѣчу, что икотницы просятъ удовлетворить ихъ прихоть такъ: червя заморить, словно пьяницы, когда просятъ опохмѣляться.

Многіе изъ крестьянъ на болѣзни вообще смотрятъ какъ на Божеское наказаніе, какъ на кару, неисполненную высшими силами и считаютъ ихъ недоступными для человеческого искусства.

Крестьяне въ болѣзняхъ уповаютъ слѣпо на авось, небось, да какъ нибудь, — или на милость Божию и задаютъ себѣ обѣты пилигримствовать по святымъ мѣстамъ для поклоненія чтимымъ угодникамъ.

Но, во многихъ случаяхъ, деревенскіе жители обращаются къ знахарямъ. Кромѣ того, по суевѣрію, прибѣгаютъ къ разнымъ симпатичнымъ и магическимъ средствамъ. Такъ на примѣръ: скелетъ водяного воробья держать въ домахъ отъ болѣзней людей, а трупъ горностая — отъ болѣзней лошадей. —

О народномъ лѣченіи въ Челмохотскомъ приходѣ Холмогорскаго уѣзда имѣются немногія свѣдѣнія, доставленныя священникомъ Глѣбовскимъ.

Изъ болѣзней, существующихъ въ народѣ, говоритъ онъ, извѣстны нѣ волосы, тресся, грыжа, стрѣлы, родимецъ, сучій сучекъ и утинъ. Лѣчатся онѣ первоначально знахарями и знахарками, которые если не помогутъ больному своими словами и травами, то позволяютъ призвать фельдшера. Волосси — волосы въ ногахъ или рукахъ, входящія въ означенныя части тогда, когда человекъ бродитъ въ стоячей водѣ босикомъ, напр. въ луговыхъ озерахъ, въ которыхъ лѣтомъ бродятъ лошади и оставляютъ отъ хвостовъ своихъ волосныя, на слѣдующее лѣто оживающія. Чтобы вышли изъ означенныхъ членовъ живые конинные волосы, больной ими человекъ долженъ держать болящій членъ свой въ щелону — въ водѣ, скипяченой съ золой.... Тресся — лихорадка, какъ она лечится, не знаю. Грыжа — болѣзнь, прогрызающая дыры въ паху. Лѣчится

она травой грыжей, которой не видалъ и потому не могу дать ей настоящаго названія. Болѣзнь *стрѣлы* напускается людьми, а вылѣчивается чрезъ глаженіе больного въ банѣ и будтобы вытираются изъ тѣла разныя колючія вещества—иголочки, стеклышки и песокъ. Родимецъ—падучая болѣзнь, появляющаяся въ человѣкѣ отъ испуга во время сна. Свойство ея то, что больной изъ совершенно здравоумнаго въ одно мгновеніе дѣлается рѣшительно безсознательнымъ, падаетъ какъ и гдѣ не попало и трясется нѣсколько минутъ, послѣ чего засыпаетъ, проспавши минутъ 15—20, встаетъ совершенно здоровымъ. Такіе припадки у больного родимцемъ повторяются въ сутки 6, 10 и 15 разъ. Лечится родимецъ словами и травами; названія послѣднихъ не знаю и по народному.—Сучій сучекъ—ячмень на рѣсницѣ глаза, появляющійся отъ посмотрѣнія на *сучью свадьбу* т. е. когда за сучой гоняется стая псовъ. Лѣчатъ эту болѣзнь прикладываніемъ теплаго хлѣба, который когда остынетъ бросается собакамъ.—Утинъ—спинная болѣзнь. Лѣчится утинъ преимущественно старухами слѣдующимъ образомъ: больной спиной долженъ лечь ницъ черезъ порогъ и когда онъ такъ ляжетъ, лѣкарка—старуха кладетъ на спину его листоватикъ вѣникъ и ударяетъ по нему остриемъ топора. Послѣ каждаго удара топоромъ по вѣнику, больной долженъ спрашивать: что съчешь? Утинъ съку, отвѣчаетъ лѣкарка. Съки вѣриче, говоритъ больной. Это повторяется до трехъ разъ. Вѣникъ, лежащій на спинѣ больного утиномъ, долженъ быть вынесенъ имъ на улицу и брошенъ «на отмашку».

Наконецъ изъ разныхъ мѣстностей Архангельской губерніи были доставлены свѣдѣнія о томъ, какимъ святымъ о избавленіи отъ какой болѣзни обыкновенно молятся въ народѣ. Вотъ общій сводъ этихъ свѣдѣній:

О прозрѣніи ослабшихъ очесъ молитесь Пресвятей Богородицы Казанской іюля 8. О исцѣленіи болѣзни очныхъ святому мученику Минѣ египтенину ноябрю 11 дня, о томъ же святому мученику Лаврентію архидіакону, августа 10 дня, о томъ же святому мученику Логину сотнику октябрю 16 дня, о исцѣленіи отъ главныя болѣзни святому пророку Іоанну Предтечѣ августа 29 дня.

О исцѣленіи зубныя болѣзни священномученику Антипѣ, апрѣля 11 дня.

О исцѣленіи отъ трясовичной болѣзни преподобному Марону, февраля 14 дня, о томъ же мученицѣ Фотинѣ Самарянынѣ, марта 20 дня.

О томъ же преподобному Василию новому, марта 26 дня; о исцѣленіи грыжной болѣзни великому Артемію, октябрю 20 дня.

О разрѣшеніи неплодства и безчадія преподобному Роману чудотворцу, ноябрю 27; о томъ же преподобному Платію, марта 31 дня.

Освобожденія отъ труднаго рожденія жаѣтъ просить у Пресвятой Богородицы Федоровской, августа 16 дня, тоже у великомученицы Екатерины, ноябрю 24.

Аще возненавидитъ мужъ свою жену неповинно—святымъ мученикамъ Гурію, Самону и Авиву ноябрю 15 д.

О сохраненіи здравія младенецъ—Пресвятой Богородицѣ Тихвинской, іюня 26 дня; о томъ же праведному Симеону Богопримцу, февраля 3 дня.

О избавленіи младенца отъ родимца—святому мученику Никитѣ, сентября 15.

О изцѣленіи младенца отъ оспы—святому мученику Конону Саврійскому, марта 5 дня.

О просвѣщеніи разума къ ученію грамотъ—святымъ безсребренникамъ Козмѣ и Даміану, ноябрю 1 дня.

О изученіи иконнаго писанія—святому апостолу Іоанну Богослову, сентября 26 дня.

О сохраненіи отъ внезапной безъ покаянія смерти священномученику Сидору, октябрю 19 дня; о томъ же великомученицѣ Варварѣ, декабря 4 дня—о томъ же священномученику Харлампію, февраля 10 дня; о томъ же преподобному Онуфрію великому, іюня 12 дня.

О избавленіи отъ муки умершихъ безъ покаянія преподобному Паисію великому, іюня 19 дня.

О прогнаніи лукавыхъ духовъ отъ человѣка и скотовъ—преподобному Нифонту декабря 23 дня, о томъ же Маруфѣ, февраля 16 дня.

О избавленіи отъ блудныя страсти—преподобному Мартиніану, февраля 13 дня, о томъ же преподобному Іоанну многострадальному, іюля 18 дня; о томъ же преподобному Моисею Угрину, іюля 25 дня; о томъ же святой мученицѣ Фомаидѣ, апрѣля 13 дня.

О избавленіи отъ виннаго запойства—мученику Вонифатію, декабря 19; о томъ же—преподобному Моисею Мурину, августа 28 дня.

О сохраненіи отъ пожара и молніи—Пресвятой Богородицѣ—неопалимой купинѣ, сентября 4 дня; о томъ же святителю Никитѣ новгородскому, января 31 дня.

О бездождіи и о ведрѣ святому пророку Іліи, іюля 20 д.

О избавленіи отъ потопленія на водѣ, либо печали—святителю Николаю чудотворцу, декабря 6 дня.

О избавленіи скотскаго паденія, святителю Модесту—декабрю 18 дня; о томъ же священномученику Власію февраля 3 дня.

О избавленіи надежа конскаго—мученикамъ Фролу и Лавру, августа 18.

О сохраненіи скота отъ съѣденія звѣрей—святому великомученику Егорью, апрѣля 23 дня.

О обрѣтеніи украденныхъ вещей и бѣжавшихъ рабовъ—мученику Теодору Тирону, февраля 17 дня; о томъ же—мученику Іоанну Вонну, іюля 30 дня.

О сохраненіи отъ злаго чарованія—священномученику Капріану и мученицѣ Устиніи, октябрю 2 дня.

ГЛАВА IX.

РАСКОЛЬ СРЕДИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНІЯ.

Свѣдѣнія, сообщенныя П. А. Ивановымъ, о раскольникахъ Пинежскаго уѣзда: причины усижковъ раскола, мѣста его наибольшаго распространенія, число въ 1841—1865 годахъ, ихъ книги, иконы, перстосложеніе, обряды во время молитвословія, богослуженіе, пѣніе, посты, зазвѣіе лжепастыри, отходъ въ расколъ, браки, погребеніе, отношеніе къ православнымъ, брадобритіе, пища и питье, табакъ, посуда, стряпня, одежда, занятія, ожиданіе антихриста и свомчанія міра.— Свѣдѣнія, доставленныя священникомъ Вахрамѣевымъ, о раскольникахъ Кяхотскаго прихода Архангельскаго уѣзда: число ихъ, совлеченіе православныхъ въ расколъ, отношеніе къ православной церкви.— Слободскій раскольническій скитъ.— Расколъ въ Сумскомъ посадѣ Кемскаго уѣзда, по свѣдѣніямъ г. Шешенина.— Свѣдѣнія о раскольникахъ въ Лисестровскомъ приходѣ Архангельскаго уѣзда, сообщенныя свѣщ. Федоровымъ.— Свѣдѣнія свѣщ. Макарова о раскольникахъ въ Тулгаскомъ приходѣ, Шенкурскаго уѣзда.

Свѣдѣнія, помѣщаемыя въ этой главѣ, касаются той части русскаго населенія Архангельской губерніи, которая, не отличаясь отъ массы въ племенномъ (этнологическомъ) отношеніи, отдѣляется отъ нея религіозными особенностями, повліявшими и на самый ея бытъ. Въ своей жизни раскольникъ во многомъ чуждается православнаго, и потому настоящая глава является необходимымъ дополненіемъ къ предшествовавшимъ. По обычаю и здѣсь начинаемъ съ Пинежскаго уѣзда.

Расколъ развился въ Пинежскомъ уѣздѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Архангельской губерніи, несмотря на то, что историческихъ причинъ къ тому доискаться трудно. Къ расколу расположены почти всѣ жители Пинежскаго уѣзда. Одни открыто принадлежатъ къ нему, другіе находятся только подъ сильнымъ вліяніемъ раскола, третьи живутъ убѣжденіями раскольниковъ, а четвертые— пребываютъ въ дружелюбныхъ отношеніяхъ къ послѣдователямъ раскола. Расколомъ заражаются люди обрего пола и не только изъ крестьянъ, но и изъ мѣщанъ, купцевъ и чиновниковъ, предавшихся въ отставкѣ размышленіямъ о *суетѣ міра сего*. При постоянномъ рвеніи къ внушеніямъ и толкованіямъ со стороны устарѣлыхъ людей и вслѣдствіе вліянія зажиточныхъ людей, отстаивающихъ прежнія охранительныя начала, не удивительно, что жители поддались вліянію проповѣдниковъ издавна, такъ сказать, зачерствѣли въ содержаніи старообрядческаго ученія, распространяя расколъ не только въ своихъ семействахъ, но и между посторонними, идущими по примѣру предковъ. Затѣмъ пропаганда, пагубное дѣло въ духовномъ отношеніи, насадила цвѣты на хорошей

почвѣ, разрослась и окрѣпла. Отдаленность жилищъ отъ храмовъ Божіихъ, рѣдкое посѣщеніе даже донынѣ церковныхъ богослуженій и слѣдовательно малыя христіанскія понятія были причинами и благопріятствовали введенію раскольническихъ заблужденій на слабой почвѣ, находившейся въ зависимости отъ силы.

Въ ближнихъ отъ города деревняхъ, кажется, какъ будто нѣтъ раскола; за 175 же верстъ отъ города Пинеги вверхъ поражаетъ картина приверженности жителей къ расколо-ученію, и отъ Веркольскаго монастыря до самой границы уѣзда подошло народонаселеніе, насквозь проникнутое жалкимъ духомъ старообрядства.

Раскольниковъ прежде было и теперь находится болѣе всего изъ жителей церковныхъ приходовъ: Соальскаго, Вонгскаго, Валдоскурскаго, Перемскаго, Ивардомскаго, Неюхченскаго и еще того болѣе—Лавельскаго, Веркольскаго и Сурскаго.

Скитовъ, раскольническихъ молеленъ и раскольническихъ вожаковъ въ здѣшней мѣстности нѣтъ. Однакожь въ 1865 году становой приставъ открылъ молельную въ деревнѣ Заозерской, въ домѣ крестьянина Небритова. Говорятъ, что здѣсь были прежде скиты и молебни, но разрушены, а раскольники разогнаны преслѣдовавшими ихъ властями. Не имѣя притоновъ для общинъ, къ которымъ такъ склонна братія-раскольники, они отправляются въ скиты Архангельскаго уѣзда: Бѣлозерскій и Ануфриевскій. На содержаніе скитчиковъ, туземные жители даютъ вспомошествованія, а скитчики сверхъ того посылаютъ своихъ членовъ объѣзжать за подаяніями.

По официальнымъ свѣдѣніямъ, число раскольниковъ въ Пинежскомъ уѣздѣ было въ 1841 г. 1347 *); въ 1851 году: приѣмлющихъ священство 35 мужскаго, 70 женскаго, и безпоповщинской секты 306 мужчинъ, 271 ж. = 794 **), въ 1852 г. 325—432=757 ***), въ 1853 году: терпимыхъ сектъ 793 *), въ 1863 году: 157—245=402 ***), въ 1865 г. 173—301=474 *).—Разумѣется мы не завѣряемъ этихъ свѣдѣній, но беремъ только для приблизительныхъ статистическихъ данныхъ. Невѣрность цифръ сама собой показываетъ, что писалось не всегда вѣрно. Однако-жь и изъ того уже можно заключить, что расколъ преобладаетъ надъ женщинами, воображеніе которыхъ беретъ верхъ надъ рассудкомъ.

Здѣсь раскольники (по всемъ официальнымъ свѣдѣніямъ)—принадлежатъ къ сектѣ *безпоповщины*, *Филипповскаю соглася* (толка), по ученію котораго не принимаются священники и всѣ совершаемыя ими таинства, кромѣ крещенія и брака.

Къ православнымъ священникамъ раскольники на *духъ не ходятъ*, къ себѣ ихъ не принимаютъ и вообще питаютъ неуваженіе къ духовенству.

Чтобы раскольники не сознавали пользы отъ грамотности, нельзя скрывать. Они очень старательно обучаютъ другъ друга, между собою, или въ какомъ либо скиту, читать печатному и письменному, на славянскомъ (церковномъ) языкѣ. И потому, чуть не всѣ раскольники умѣютъ читать церковныя книги; пишутъ же они своеобразно-искусно, на манеръ печатно-книжнаго шрифта. У нихъ, въ бумагахъ, письмахъ и вообще всякихъ письменахъ, почти всегда въ началѣ и концѣ бывають написаны молитвы, напримѣръ: 1) «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Аминь. Любезному моему благопріятелю N N, первымъ долгомъ считаю пожелать тѣлеснаго здравія, душевнаго спасенія, благополученія, благоденствія, земныхъ и небесныхъ благъ, всякаго благополучія, низжайше кланяюсь и молюсь о здравіи вашемъ и сродниковъ вашихъ... Доброжелатель N N». 2) «Господи Иисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ, Аминь. Сожительницѣ моей N N, желаю добраго здравія, душевнаго спасенія и прочее. Теперь живъ и здоровъ, а впредь уповаю на Бога и на святыхъ ваши молитвы. N N».

И говорятъ раскольники болѣе серьезно и книжнымъ слогомъ. Разговоръ ихъ сходитъ болѣе на тему о смерти и душевномъ спасеніи. Въ частности же раскольники не словоохотливы.

Изъ книгъ у раскольниковъ чаще обрѣтаются: святцы, часовники (часословы великіе и малые), псалтыри про-

*) По свидѣтельству Окружнаго Управленія.

***) Губ. Вѣдом. 1854 г. № 3.

***) Памятной книги 1864 года.

стыя, требники, каноники, акафистники, молитвословы, четьи-минеи, минеи общія, служебныя и праздничныя, цвѣтники, обиходы, евангелія, прологи, кормчая книга, уставы, апостолы, ирмосы пѣвчіе, ирмосы старинныя, житія и чудеса святыхъ отецъ: Ефрема Суріина, Николая Чудотворца, Изосимы (Зосимы) и Савватія Соловецкихъ, также синодикъ, тріодъ постная, тріодъ цвѣтная. Кромѣ того держатся сочиненія о житіи и страданіи раскольническихъ вожаковъ: Аввакума, Лазаря, Никифора, Епифанія, Трифилія и Перфилія, которые раскольниками причислены къ лику святыхъ *), а также о ереси (отступничествѣ отъ раскола, напримѣръ: «о Никонѣ зломѣ патриархѣ и его смодвижникахъ»), Стоглавникъ и прочія книги, которыя раскольники держатъ при себѣ и называютъ богодухновенными книгами.—Какъ святцы хранятся книги церковныя старинныя, писанныя (будто бы только, хотя попадаются фальшивыя) до Никона. И потому съ благоговѣніемъ чтутся книги по заглавію съ индуктомъ «въ благополучное царствованіе Благовѣрнаго Государя и Великаго князя Михаила Феодоровича Всея Великія и Малыя Россіи». За такой антикъ платятъ отъ 10-ти до 100 рублей.—Кто не имѣетъ книгъ настоящихъ, (т. е. дѣйствительно писанныхъ до исправленій Никона), тотъ имѣетъ древніе списки съ нихъ. Я самъ тому бывалъ свидѣтелемъ, какъ эти отпадшіе отъ единой церкви, промышляютъ чрезъ своихъ коммисіонеровъ, не продаются ли гдѣ старинныя книги или иконы. И всѣ старанія употребляютъ для того только, чтобы святцы сіи не попали въ нечестивыя руки и не были поруганы неправовѣрующими, по тому увѣренію, что они будутъ отвѣчать за небреженіе на страшномъ судѣ. Другія же, пользуясь расположеніемъ прочихъ, подъ видомъ усердія, ведутъ въ такихъ случаяхъ отличныя спекуляціи; корыстолюбіе же особенно свойственно раскольникамъ. И это ничего, не грѣхъ!

Читать «книги Никоновскаго исправленія», составляетъ для раскольника великій грѣхъ.

Иконы на божницахъ въ домахъ раскольниковъ бываютъ болѣе, чѣмъ у православныхъ, и украшаются онѣ лучше.—Иконы деревянныя, преимущественно, старинной лико-живописи. Раскольники говорятъ, что иконы новаго Суздальскаго письма черезъ чуръ нарядны, соблазнительны и написаны табачниками. Изъ любимыхъ иконъ стараго письма, раскольники избираютъ себѣ въ покровители тѣ, которыя отличаются рѣзкимъ очертаніемъ или суровымъ и грознымъ выраженіемъ изображаемыхъ святыхъ лицъ. За мнимо-древніе образа, безъ щепотей и съ словомъ Исусъ Христосъ (вмѣсто Иисусъ Христосъ), платятъ также баснословно дорого, какъ и за старыя книги. Кромѣ

*) Я имѣлъ случай видѣть тропарь имъ и молитвоприношеніе простое, списанное на бумагѣ

деревянныхъ иконъ, у раскольниковъ биваютъ и лѣтыя мѣдныя иконы, называемыя створцами, которыя по большей части изображаютъ свѣтлыя образы годовыхъ великихъ Господнихъ и Богородичныхъ праздниковъ, но биваютъ и отдѣльныя, изображающіе одинъ или нѣсколько главныхъ праздниковъ; распятіе изображающее Іисуса Христа по срединѣ, а по сторонамъ Богородицу и Іоанна Крестителя. Воздвизательныя же и осѣнятельныя кресты обыкновенно мѣдныя. Православный осѣмиконечный крестъ именуется «Честнымъ крестомъ»; крестъ же католическій, четвероконечный — «латинскимъ крестомъ». Теоластикъ, то есть изображеніе Божества, или представленіе Бога на картинахъ, не принято раскольниками, и они тѣмъ похваляются говоря, что картины, въ строгомъ смыслѣ, искажаютъ лико-писаніе. Однако-жь, нерѣдко можно увидѣть и у раскольниковъ картины «страшнаго суда», «рая», легендарной «райской птицы», сирены и прочихъ.

Кромѣ крестовъ мѣдныхъ и створцевъ, въ домахъ старовѣровъ можно видѣть: деревянныя распятія (рѣдко), образа: Вседержителя, Воскресенія Господня, Сочествія Спасителя во адъ по Воскресеніи, Богоявленія Господня, Спасителя, Нерукотворенный образъ Спаса, Богоматери, Пресвятой Богородицы по чуднымъ явленіямъ иконъ ея: Владимірской, Иверской, Казанской, Смоленской, Тихвинской, Архистратига Михаила, Николая Чудотворца, Великомученика Георгія, Зосимы и Савватія, Іоанна Предтечи и другихъ; биваютъ и Ангела-хранителя, по имени, носимымъ хозяевами. Но иконы Митрофанія Воронежскаго Чудотворца нѣтъ у раскольниковъ...

Иконы большею частію раскольниками держатся въ жюстахъ за стеклами, чтобы отъ поклоненія имъ православныхъ они не лишились благодати Божіей, если бы не были за стеклами. Равно, и книги мало держатся на виду, они хранятся въ крѣпкихъ сундукахъ за замкомъ.

У иконъ вѣшаются мѣдныя или стеклянныя лампады, втыкаются кадильницы, висятъ лѣстовки-четки, сплитыя изъ черной кожи и становятся восковыя свѣчи. Свѣчи къ иконамъ ставятъ купленные у частныхъ лицъ, потворствующихъ расколу, или просто заботящихся о своей выгодѣ. Свѣчь же церковныхъ они никогда не зажигаютъ у себя, и почитаютъ ихъ нечистыми. Также не стоятъ на божницахъ въ ихъ домахъ ни вербы, ни просфоры.

Раскольники ограждаютъ себя большимъ лѣстовымъ крестомъ, почитая его стариннымъ (дониконовскимъ) изображеніемъ креста, на которомъ распятъ Спаситель міра. Въ изображеніе знаменія креста, персты сжимаются двойнымъ сложеніемъ (можно видѣть по иконамъ). Крестъ же въ троеперстномъ сложеніи, признаваемый православною церковью, называютъ «щепотью», съ ироническимъ прибавленіемъ, что щепотью нюхаютъ табакъ, и щепотью же молятся Богу. Вотъ какъ они говорятъ диктаторскимъ

тономъ: «а кто щепотью знаменуетъ лице свое, той отвѣрнется Христа Ісуса и предастся сатанѣ, занеже та есть антихристова печать».

Молитвословіе старообрядцы приносятъ поособь отъ мірскихъ. И потому комната (изба), ради богослуженія раскольниковъ, раздѣляется на двѣ половины завѣсомъ или деревянною перегородкою. Для богомолья избираютъ даже чердаки, чтобы не было въ то время никого изъ постороннихъ. Они придерживаются пословицы: «что люди не видятъ — то Богу въ честь»...

Прежде всякихъ разговоровъ, по входѣ въ жилище, старообрядецъ снимаетъ шапку и моетъ руки; — молитва, приносимая не совершенно чистыми руками, по ихъ мнѣнію, не чиста. Затѣмъ, беретъ въ лѣвую руку лѣстовку и обращается къ молитвѣ предъ иконами, крещеніемъ правой руки съ земнымъ поклономъ, который владется въ *подручникъ* (небольшой коврикъ или мягкая подстилка, иной разъ какъ бы подушка, подосланная на полъ предъ собою, на которую преклоняетъ колѣна, опирается руками и прикасается головою молящійся), и даже въ *коробейку* (глубочный ящикъ, который обыкновенно стоитъ вблизи подъ иконами, наполненный священными книгами). Но когда уставомъ не положено земныхъ поклоновъ, тогда старообрядецъ склоняетъ голову на подручникъ, положенный уже на коробейку, — а не на полъ. Если же придется молиться тамъ, гдѣ нѣтъ ни подручника, ни коробейки, съ земными поклонами преклоняются на подолъ своего платья, или же подручникъ замѣняютъ рукавицы молящійся.

Вмѣсто аналоя предъ иконами, у раскольниковъ употребляютъ небольшой столикъ.

Во время молитвы, старовѣры всегда стоятъ чинно; при томъ нога возмѣ ноги, которыя биваютъ ровно прижатая одна къ другой.

Во время бдѣнія также не допускается никогда не только шуму, но и разговоровъ. Если же бываетъ что либо необходимо нужно сдѣлать или сказать, то раскольникъ, оставая на время молитву, отходить отъ иконъ, дѣлаетъ что нужно, и потомъ опять приходитъ для продолженія пріостановленнаго моленія.

Какъ дѣлается знаменіе, уже извѣстно изъ прежде-сказаннаго. Осѣненіе же крестомъ такъ: сперва *персты* полагаютъ на лобъ, возмѣ самага пробора волосъ, на пупъ и потомъ первоначально на правое, а далѣе — на лѣвое плечо; при томъ какъ можно далѣе затягиваютъ правую руку. Осѣненіе дѣлается не круто, какъ многіе изъ христіанъ дѣлаютъ, а тихо, съ разстановкою на каждомъ изъ четырехъ мѣстъ каждаго положенія креста. Когда же молитва творится про себя (мысленно), руки слагаются на груди: лѣвая подъ низъ, а правая наверхъ. Послѣ этого обряда и бываетъ колѣнопреклоненіе съ опущеніемъ рукъ на *земь*.

Во время молитвы у старообрядцев соблюдается правило—обращаться другъ къ другу и падать взаимно въ ноги, съ произношеніемъ словъ: прости Христа-ради меня грѣшнаго,—грѣшную;—Богъ тебя проститъ. Затѣмъ опять молятся.

Богослуженіе (невседневное) при собраніи въ воскресные и праздничные дни нѣсколькихъ старообрядцевъ бываетъ въ домахъ, гдѣ болѣе иконъ и книгъ *).

Особенно долго продолжающееся моленіе у раскольниковъ происходитъ съ кануна—дня передъ мяснымъ заговѣньемъ къ Великому посту.

Богослуженіе у раскольниковъ совершается не въ одно время съ православною церковію, а всегда ранѣе, будто бы по *небесному* и потому, что «молитва въ одно время съ мірскими неприятна Богу». У нихъ даже твердо убѣжденіе, что на томъ (въ будущемъ) *святѣ* они будутъ по правую, а *козлицу* (мы, православные)—ошую (лѣвую руку).

Въ богослуженіи у нихъ полагается признавать правильнымъ семь просфоръ, вмѣсто пяти, какъ установлено священными обрядами православной церкви.

Аллилуія у раскольниковъ повторяется только дважды, а не троекратно. Въ протестъ ихъ на этотъ счетъ было сказано: «не трегубите аллилуія. сія нѣтъ православныхъ преданія, но латышская евра;—не славятъ бо Троицу, но четвергъ». Вмѣсто «Господи помилуй», въ молитвѣ произносятъ «О, Господи помилуй»... Есть и другія несогласія въ формулахъ; но пускаться въ объясненія по этому предмету, значить коснуться богословія, что намъ неудобно...

Хожденіе у раскольниковъ *посолюнъ*; православное же хожденіе противъ солнца признается ими ересью. Такъ: когда молятся предъ иконами и обращаются къ другимъ кланяться то поворачиваются съ лѣва на право, также отмолившись, поворотъ дѣлаютъ по *солнцу*, а не на лѣвый бокъ.

Старовѣры очень сердятся, если названіе дневнаго свѣтила небснаго произносится солнце, а не по ихнему—*солнице* (напр. въ Рождественской пѣснѣ: тебѣ кланяемся солнцу, а не солнцу праведному).

У раскольниковъ новогодіе считается не по Юліанскому лѣтосчисленію, то есть начинается Новый годъ не съ 1-го числа января мѣсяца, а по какой-то старой эрѣ, съ дня Семена-Стопника, то есть съ 1 числа сентября мѣсяца.

Пѣніе во время Богослуженія собравшихся старовѣ-

*) Разумѣется у богатаго раскольника или раскольницы, начетника,—начетницы. Владѣтель такого драгоценнаго достоянія раскольниковъ чтится у нихъ правовѣрующимъ и правоправящимъ

ровъ переходить внутри избраннаго зданія; но не лѣвное—а тихое, протяжное, унылое, носовое, неприятное для слуха. Для большей способности къ строю такого страннаго пѣнія многіе натягиваютъ на носы старинныя очки съ огромными стеклянными кругами, не исключая и женщинъ-старухъ, которыя поютъ по книгамъ. Разумѣется, которые не умѣютъ читать, тѣ безъ очковъ.

Постъ раскольниками соблюдается строже, воздержанія отъ излишествъ «тѣлесной плоти» у нихъ болѣе, чѣмъ у православныхъ и чаянно они ничѣмъ не нарушаютъ этой зановѣди; соблюдая же по такимъ правиламъ, (непонятнымъ для нихъ вполне), нѣкоторую часть гигиены, раскольники доживаютъ до глубокой старости... Когда раскольникъ начинаетъ поститься, то предварительно побываетъ у всѣхъ своихъ единовѣрцевъ для прощенія во грѣхахъ.

Хотя и считаютъ всѣхъ здѣшнихъ раскольниковъ, принадлежащими къ терпимой безпоповщинской сектѣ, но мнѣ удалось самому видѣть, что въ здѣшній уѣздъ пріѣзжаютъ изъ Олонецкой и Вологодской губерній коноводы сектаторовъ, заѣзжіе ихъ попы, извѣстные у нихъ подъ словомъ *болышаки*. Эти исправляютъ требы, собираютъ отъ раскольниковъ приношенія и переходятъ изъ уѣзда въ уѣздъ. Раскольники всячески стараются скрыть присутствіе ихъ у себя и избѣгаютъ вообще полицейскаго надзора, а потому не удивительно, что ни духовенство, ни мѣстныя власти не доносятъ о расколоучителяхъ и причинахъ распространенія раскола... Лже-пастыри эти одѣваются одинаково съ мірянами, оказываютъ гдѣ нужно подобострастіе и умѣютъ быть знахарями (лѣкарями). Архи-мошеники эти, своими тремя ремеслами, отлично наживаются насчетъ своихъ адептовъ: они много увозятъ восвояси хлѣба и денегъ, и тамъ живутъ приѣзжаями...

Кромѣ такихъ таинственныхъ пастырей, здѣшніе сектанты имѣютъ изъ своей братіи уставниковъ. Уставникъ исправляетъ первые обряды до прибытія попа. Всѣ уставники пользуются патриархальнымъ уваженіемъ, потому что они бывають старожилы, начитанные грамотники, имѣющіе у себя много старовѣрскихъ книгъ и иконъ, и ведущіе очень строгую жизнь.

Раскольники учатъ, что причастившійся Тѣла и Крови Христовой не долженъ плевать слюны 40 дней, а предъ совершеніемъ Святыхъ Тайнъ, по крайней мѣрѣ, сутки не ѣсть и не пить ничего, особливо съ отпущенія грѣховъ.

Раскольники здѣшніе на молитвахъ молятся за спасеніе Государя; но у нихъ онъ титуруется не Императоромъ, а Царемъ.

Отходъ въ расколъ бываетъ наиболѣе съ 50 лѣтъ, то есть послѣ «мірскихъ похожденій». Малолѣтніе, къ счастью, остаются не тронутыми ересью, до достиженія

кольниковъ на мало и зѣнкихъ, которые не могутъ дать себѣ даже отчета, изъ-за чего они раскольничаютъ и поступаютъ въ расколъ, (кроме случаевъ, приведенныхъ выше) только потому, что де вѣра старообрядцевъ «старая-правая» (или истинная) и исполняется уважительнѣе, — не такъ какъ православными.

У отъявленныхъ раскольниковъ употребляется посуда больше деревянная и изъ красной горшечной глины, ибо они пренебрегаютъ другою. Посуда обмывается только снаружи по очистительной силѣ воды отъ «сиверности», съ внутри же она обмывается только въ такихъ необходимыхъ случаяхъ, когда въ ней была такая пища, которая можетъ присохнуть къ чашкѣ или блюду. Въ этомъ отношеніи раскольники негодные невѣжды. — На деревянныхъ ложкахъ иногда надписываются молитвы.... Прикасаться православному губами къ посудѣ раскольниковъ нельзя; а иначе-значить «оскверненіе» и посуда или неупотребляется послѣ, или обмывается какъ можно чище разными способами. — Изъ опасенія «опоганенія», раскольники не держатъ кошекъ и собакъ, по крайней мѣрѣ въ своихъ жилищахъ, какъ «погань». Вся та посуда, до которой лишь только дотронется кошка или собака — или разбивается, или выкидывается какъ негодная къ дальнѣйшему употребленію.*

Состряпанное, или что-либо сдѣланное руками послѣдователей антихриста (православными), покупаемое христианами (раскольниками), берется и употребляется безпріятственно, такъ какъ, по ихъ убѣжденію, и оно очищается куплею» (то есть издомствомъ антихриста,) и устною «Исусовою молитвою» благочестивыхъ старцевъ.

Извѣстно, что раскольники пьютъ и ѣдятъ особо отъ мірскихъ и изъ особой посуды; нѣкоторые православные изъ крестьянъ такъ деликатны къ раскольникамъ, что запасаютъ особую посуду (не мірскую) на случай, если бы привелось угощать раскольниковъ, которую и не употребляютъ для себя. Но еще раскольники, какъ молятся тайно, такъ и питаются безъ присутвія постороннихъ людей, почему и говорятъ: «Богъ напѣталъ, — а никто не видалъ!»... Православные ѣдятъ, какъ извѣстно, три и четыре раза въ день; а раскольники только — дважды. При этомъ люди «по вѣрѣ» пищу употребляютъ болѣе суровую (хотя можетъ быть ѣдать болѣе количествомъ питательности) и вообще избѣгаютъ «сластолюбія» (но не сладострастія только)....

Нѣкоторые изъ раскольниковъ не могутъ въ одной банѣ съ православными, вѣроятно отъ болѣзни приличности «мірскаго» и «оскверненія».

Однимъ раскольникамъ...
пешное, но мало отапливаемое...
покрыя, какой была...
темнаго цвѣта, не...
что-то любимыи рисунки...
они называютъ «честными»...
бають украшать тѣло истинными...
только прикрыть члены, — а...
временныя прелести брениной жизни...
кольники.

Странно, почему раскольники молятся козырьковъ? Также странно, что шапки снимаютъ для отданія чести предъ большими облеченнымъ властію.

Изъ презрѣнія-ли, страха-ли къ нарядамъ и украшениямъ (мидокостіи), или изъ ненависти къ иноземному, старовѣры на счетъ новомоднаго и для поддержанія стариннаго выдумали преградою наказаніе Божіе, что «несчастія стали посѣщать болѣе, какъ стали заводиться въ простомъ народѣ заморски заведенья, заморски сюртуки, модные картузы, на высокихъ наблудахъ сапоги, да красно-платенное»... Впрочемъ, многіе въ преобразованіи одежды видятъ «иноземныя намяны и нѣмецкій обычай — путь нечестія».

Кто застегиваетъ нижнее и верхнее платье лѣвою рукою или стороною на верхъ правой или на правую, тотъ, какъ они полагаютъ, лишень благости Божіей....

У раскольниковъ есть обычай, или подраженіе «скитчицамъ», — дарить «добрыхъ начальниковъ» и особенно слугъ ихъ поясами и сѣточками, вѣроятно, съ вытканными или вывязанными молитвами....

Занимаются раскольники тѣмъ-же, чѣмъ занимаются православные; но упервыхъ болѣе духа промышленности и предпримчивости. А какъ они живутъ замкнотчѣе православныхъ, то въ рукахъ ихъ забрана вся торговля. Торгуютъ они и тѣмъ, что осуждаютъ правила ихъ; но хорошій барышъ въ виду склоняетъ на давно замѣченное въ Пинежскомъ народѣ корыстолюбіе *). странно-же: съ одной стороны раскольники ждуть скорого «смончанія міра», а съ другой — не упускаютъ выгоды настоящей жизни!

Вообще, раскольники вслѣдствіи стараются имѣть большой вѣсъ въ обществѣ примѣрною жизнью, (смиреніемъ и скромностью) строгими правилами, ложною философіей и мудростію, ссудою денегъ и хлѣба и вообще всѣмъ тѣмъ, что по ихъ расчету можетъ служить къ

* Отамъ А. Пошмана въ его описаніи Арх. губер.

макушку; но пробора на волосах не дѣлаютъ. — Кто носить волосы на головѣ съ косымъ проборомъ, тотъ, во мнѣніи раскольниковъ, «маймистъ» *) жалкій грѣшникъ, а кто въ добавокъ носитъ длинные волосы, на его счетъ прибавляютъ названіе «маритантъ».

Брадобритіе — грѣховное дѣло **). Брадобривецъ, по ихнему, «богоотступникъ», «армянинъ ***) отпавшій отъ чадъ Божіихъ» — «священныя правила православнымъ христіаномъ всѣмъ возбраняютъ не брить честныхъ бродъ и усовъ не постригати; таковая нѣсть православныхъ, но латынская и еретическая преданія». Раскольники въ стриженіи броды и усовъ еще видятъ искаженіе образа Божія въ человѣкѣ... Отъ того-то раскольники побаиваются рекрутской повинности. Въ этомъ случаѣ они дружно выкупаютъ погибающаго своего собрата, попадающагося въ руки «усо-брадо-власо-брейцевъ» и которому не можетъ быть свободно исповѣданіе вѣроученія среди православныхъ.

Вообще, раскольники не жалѣютъ ни слезъ, ни денегъ, почти рѣшительно ничего, если дѣло идетъ по ихъ дудкѣ. Но и надо сказать, что раскольники живутъ почти всѣ богаче и зажиточнѣе мірянъ. У нихъ можно найти хорошее гостепріимство, страннопріимство, послушаться разныхъ *словесовъ*. Но и въ жизни своей наврядъ ли не пуще всего стараются, какъ бы только побольше нажить денегъ и имущества, хотя бы «неправымъ путемъ».

Отъ дѣларствъ многіе изъ раскольниковъ отвращаются и считаютъ ихъ антихристовымъ ядомъ.

Картофеля многіе раскольники не употребляютъ въ пятницу, ибо ими найдено, что «овощъ сія стоитъ въ святомъ писаніи на одной строкѣ съ табакомъ». Картофель они называютъ «чертовыми яйцами».

Чай и кофе, тоже не въ употребленіи между раскольниками потому, что «чай — заморское зеліе, замариваемое змѣинымъ саломъ» и потому, что «чай проклятъ на 7-ми Вселенскихъ Соборѣхъ, а кофей — на 12 Соборѣхъ». Вмѣсто чая, раскольники пьютъ съ медомъ отваръ изъ «Богородичной-травки». Между тѣмъ, скорѣе у раскольниковъ, чѣмъ у православныхъ можно найти самоваръ или кофейникъ...

Сахаръ нѣкоторые изъ нихъ не употребляютъ потому, что въ составѣ его есть часть мясныхъ костей; а какъ жизнь они ведутъ подобно монахамъ, то и «не подобаетъ имъ вкушати сего лакомства»....

*) Въ переводномъ значеніи слова — маймистъ: Финнъ, Чухонецъ, долговолосый.

***) Въ иностранномъ произношеніи брадобритіе — поганотомія.

****) Армянинъ римско-католическаго вѣроисповѣданія.

Много есть раскольниковъ, пристрастныхъ къ «любому напитку» (водкѣ). Если гдѣ приходится выпить «зелена вина», у нихъ въ жарманахъ имѣются запасныя швальчики; вообще-же, раскольники, даже во время поголовнаго пьянства, пьютъ изъ своей рюмки. Но разумѣется, это соблюдается до извѣстнаго градуса опьяненія, когда уже пьютъ наравнѣ съ мірскими и изъ одной посуды съ ними....

Омѣрщиться въ безсознаніи своего проступка не считается большимъ грѣхомъ, ибо «содѣлалъ согрѣшилъ-бо пьяный, самъ не свой».... У нихъ «постъ и молитва очищаютъ все».... Пить много хотя и считается у раскольниковъ за «душепагубное», немалымъ грѣхомъ; но раскольники зачастую напиваются пьянѣе православнаго. Пьяный-же раскольникъ имѣетъ охоту пѣть, спорить, либо драться... Тутъ уже беретъ верхъ природа, а не привычки секты. — Та только особенность у раскольниковъ, что они не «опохмѣляются».

Табакъ рѣшительно не терпимъ у раскольниковъ. Гнушаются имъ потому, что табакъ «есть богомерзкое, бѣсовское зеліе, проклятое святыми отцами». Протѣхъ, кто куритъ или нюхаетъ табакъ, у нихъ есть поговорка, обратившаяся въ аксіому: «табачники — аду прикащики». Исторію рожденія табака всѣ раскольники рассказываютъ въ родѣ слѣдующаго очерка. Въ первое время челоуѣчества дѣвка двѣнадцати лѣтъ сотворила грѣховный блудъ, чрезъ что родилась у ней дочь; дочь эта тоже сдѣлала блудодѣяніе двѣнадцати лѣтъ и принесла дочь; опять и сія дѣвка тоже не побоялась — попустилась въ грѣхъ и сродила дочь-же. Вотъ, какъ эта то сблудовала двѣнадцати лѣтъ, отъ испражнения ея на землѣ разцвѣлъ цвѣтъ, «велие поганый»...

Инструментальная музыка, говорятъ раскольники, есть «дьявольское потѣшеніе», а всѣ театральныя представленія ни что иное какъ «бѣсовскія навожденія», отъ того что «ахтеры знаютъ (будто-бы) съ дьяволами»; маски-же — «дьявольскія личины и хари» (превращенія образа Божія въ образину дьявола). Телескопы, пароходы, телеграфъ и тому подобное, таже «хитрая выдумка дьявола». Такъ обо всемъ отзываются раскольники, кажушіеся святошами.

По духу нетерпимости, Великорусь гораздо упорнѣе въ своихъ предразсудахъ, нежели Южно-руссь. Такъ и раскольники здѣшніе, мрачныя и грубыя по характеру, непоколебимо упрямы въ своемъ. Воспитанные съ сосцевъ матери въ духѣ консерватизма и ненависти ко всему новому въ свѣтѣ, раскольники не ослабѣваютъ въ своихъ вѣрованіяхъ и понинѣ держатся погрѣшностей и заблужденій изъ одной привязанности къ старинѣ, и отъ души презираютъ тѣхъ, кто не держитъ завѣтнаго самаго пустаго обычая. Однакожь есть и исключенія, какъ и вездѣ во всемъ. Изъ рас-

возмужалости, но и это только ~~начало~~
 въ расколъ легко бываетъ тамъ, гдѣ ~~господствуютъ~~
 раскольники; они, умирая, на смертномъ ~~остатке~~
 дѣтямъ идти въ старую вѣру, и дѣти, какъ
 священною, исполняютъ завѣщаніе родителей.
 боясь дурныхъ послѣдствій, въ противномъ
 Также: а) когда старой дѣвѣ стукнетъ за 30
 овдовѣтъ женщина, и годъ, два сватовъ не по-
 онѣ «идуть по вѣрѣ», и б) во время болѣзни
 по убѣжденію сродниковъ, дають обѣты идти
 предковъ. Ученики всегда подражаютъ учителямъ
 мелочахъ, а влеченіе къ сектѣ конечно влечетъ
 принятіе всѣхъ ея привычекъ.

Поступленіе въ старую вѣру состоитъ
 шеніи ими на свой ладъ, или (по аргумента-
 няковъ) переправленіи. Оно происходитъ не
 но, а втихомолку, ночью, въ какомъ либо
 рѣчкѣ (текущей водѣ); обливанія же водою
 скается.

У раскольниковъ здѣшнихъ бракъ мужчины старовѣра
 съ дѣвицею мірскою не считается предосудительнымъ.
 Они въ этомъ отношеніи не совсѣмъ упорные форма-
 листы точнаго соблюденія старообрядства, по тому уче-
 нію, что «не въ томъ замыкается сила тайны брака,
 чтобы чрезъ попа оную отправить...

Если парню приходится жениться, а онъ переправ-
 лень въ старовѣры, то, очень просто, отлучается отъ
 раскольниковъ недѣль на шесть, то есть дѣлается на
 время православнымъ: ходитъ въ церковь, живетъ по
 мірскому, гоститъ и женится. Но, послѣ всего этого,
 на обручившагося старцами (начетниками) налагается
 шести-недѣльный постъ, и ни молодой, ни молодая не
 раздѣляютъ общаго стола ни вмѣстѣ, ни съ другими
 семейными нѣсколько времени. По исполненіи же та-
 кой эпитиміи, женившійся, безъ расторженія брака,
 снова обращается въ расколъ, и съ этихъ поръ пере-
 крещенецъ дѣлается окончательно *настоящій «по вѣрѣ»*.
 Бываетъ болѣе и то, что мужчина, вступивъ въ бракъ
 съ православною, *возвзываетъ супружеское сожитіе*,
 и, чрезъ нѣкоторое послѣ сего время, перекрещивается
 въ старую вѣру... Здѣсь нѣтъ того, чтобы вѣнчались
 безъ священнодѣйствія по обрядамъ церкви, или кре-
 стили безъ священниковъ дѣтей; а это на много умень-
 шаетъ мнѣніе о вредности раскольнической секты!

Но иные раскольники отвергаютъ вовсе бракъ, т. е.
 воспрещаютъ вступать въ законное бракосочетаніе, а не
 находятъ предосудительнымъ сходиться между собою ради
 любви не платонической, и за ней — чадородіе. У такихъ
 фанатиковъ, дурное поведеніе женскаго пола (то есть
 не проституція, а любовная связь) не имѣетъ нрав-
 ственнаго порока, какъ и блудодѣяніе мужчинъ; смѣшно

могутъ дать
 чинятъ и
 «нныя
 ста-

Цѣлительность ~~нравъ~~ — символъ грѣшнаго удовольствія;
 устарѣвшій же ~~покрой~~ платья считается неразумнымъ
 оъ набожностію.

Одѣжаніе раскольниковъ носятъ хотя не совсѣмъ мона-
 шеское, но мало отличающееся отъ него. Одежда всегда
 покрою, какой былъ еще при царѣ Горохѣ, — скромная,
 «много цвѣта, не свѣтащаго; черное или черно-крас-
 «любимый рисунокъ старовѣровъ. Носимое платье
 зываютъ «честнымъ».... «Краснымъ-бо неподо-
 «пашать тѣло истиннаго христіанина, надлежитъ
 «быть членамъ, — а цвѣтными украшенія суть-бо
 «чести бременной жизни.» говорятъ рас-

раскольники носятъ шапки безъ
 транно, что шапки раскольниковъ
 «сти предъ большимъ лицомъ,

«мъ нарядамъ и украше-

«зности къ иноземному,

«ля поддержанія ста-

«Божіе, что «не-

«ли заводиться

«порски сюр-

«сапоги,

«обра-

«щ-

Если старовѣры, ~~то~~
 раскольникъ», онъ ~~осужденъ~~
 лаешь еще что ~~нибудь~~ хуже. Онъ ~~не~~
 таютъ православныхъ врагами, а ~~считаются~~
 которой степени изъ предосторожности ~~и~~
 они и уклоняются отъ ихъ сообщества и ~~не~~
 «обра-

Не уважающаго старообрядства бранятъ «~~не~~
 вымъ ученикомъ», или слугою антихриста. ~~акъ~~
 стемъ и поганымъ (язычникомъ). Впрочемъ, ~~та~~
 ніе о вѣрѣ произносится только въ крайнихъ ~~случ~~
 деніяхъ и смотря по личности, на которую ~~сыплетс~~
 ругань, — когда раскольника задѣли за самое ~~чувств~~
 тельное, живое, когда попирается его авторитетъ и прочее.

Раскольники судятся судомъ формальнымъ, по своему
 желанію, очень рѣдко; это потому, что они не хо-
 тятъ имѣть «дѣлъ съ антихристами».

Гражданская печать — (книгопечатаніе), «печать анти-
 Христа», «душегубная печать», «сугубо грѣховное дѣло».

Раскольники не противорѣчатъ установленнымъ вла-
 стямъ, но уклоняются лишь отъ надзора полиціи и отъ
 тѣхъ распоряженій начальства, которыя могутъ нару-
 шить чистоту ихъ вѣры. Въ такихъ случаяхъ они от-
 зываются, что «все сдѣлаемъ, а вѣры не промѣняемъ
 ни за что». По мнѣнію раскольниковъ «перейти изъ
 старой вѣры въ новую» — погибнуть навѣчно, посту-
 пить въ муку вѣчную, въ адъ кромѣшній»...

Волосы у раскольниковъ обстригаются въ скобку, у
 лба и въ кружокъ, какъ у скопцовъ, по образцу Римскаго
 царя Тита *). Нѣкоторые еще выстригаютъ на головѣ

*) Полное собраніе иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ со-
 ставъ русскаго языка Изданіе Печаткина. С.-Петербург. 1861 г.
 Смотри: Титова голова

исполненію слова Евангелія: «просищему дай, нагаго обуи, больнаго посьти» и т. д. и къ чему не такъ усердствуетъ православный; но въ тоже время раскольники не любятъ служить на пользу общества въ службѣ по выборамъ и вообще въ государственныхъ интересахъ общества. И къ счастью ихъ и общества, состояніе въ расколѣ освобождастъ раскольниковъ отъ присяги и служебныхъ правъ по выборамъ, которыми такъ дорожатъ люди образованные....

Имѣя постоянное вліяніе на народъ и всегдашнее расположеніе его къ себѣ, ловкіе вожаки раскольниковъ и дѣйствительно не стараются убѣждать другихъ въ правотѣ своихъ дѣйствій. При этихъ средствахъ раскольники имѣютъ еще ловкость изрѣдка похаживать къ тебѣ, дѣлая видъ, что посѣщенія тѣ дѣлаются съ цѣлію благотворительности, а между тѣмъ толкуютъ «о томъ, о семъ и прочемъ», читаютъ въ праздничные дни священныя книги «въ потъ лица Твоего Господи», восклицаютъ оміамъ (лесть), стараются какъ бы такъ поскорѣе покончить.... и въ концѣ концовъ постараются же сбить тебя съ толку—и дѣлаютъ тебя своимъ единомышленникомъ..... За тѣмъ и полетятъ у старцевъ медовыя рѣчи объ антихристѣ, съ приложеніемъ на дѣйствительную жизнь человека.

По преданію старообрядцевъ, «въ нынѣшнюю восьмую тысячу (годовъ) родился антихристъ:—духъ богомерскаго отступленія отъ истинной вѣры», что теперь уже многое стало антихристово: начальство «неблагочестиво», устройство «по дьявольскому наущенію», шпигелъ, печатаніе, кокарды, печати на паспортахъ, лѣварства, орлы на монетахъ, гербы на бумагѣ, — все—«ядь и печать антихриста»; что дать присягу—значитъ «присягнуть антихристу», что записываніе въ списокъ, въ ревизскую сказку, въ мѣтаваніе—«подпаденіе подъ власть антихриста», а подписаться «подпись подъ антихристову печать»; что «во всѣхъ (во нашемъ мнимохъ) отступникахъ отъ старой вѣры вѣцарился антихристъ»; что теперь антихристъ забавлялъ много душъ и наложилъ на нихъ подушный окладъ; что «Папа Римскій—предтеча антихриста»....

Это явленіе не удивительно въ наше время. Еще тысячу лѣтъ спустя отъ Рождества Христова, «сна которыхъ связанъ былъ сатана», страшная мысль объ антихристѣ перепугала всю Европу!...

Раскольники очень исполнены мыслями о душевнѣсении и о загробной жизни и легаютъ мысль, что «второе пришествіе Господне» будетъ тогда, когда «Сіиѣи пещи» *) обратятся въ кровь и потекутъ рѣками, что

*) Песчанное пространство на тракѣ отъ Селецкой станціи въ Холмогорскомъ уѣздѣ.

подкрѣпляютъ тѣмъ, будто одинъ изъ трехъ вѣтовъ, на которыхъ держится земля, уже умеръ; что въ послѣднее время «слончанія вѣна» на землѣ явится всякаго рода зло и будетъ увеличиваться до «сѣита-представленія къ всемірному страшному суду Божию» (воскресенію), «сему бо царству расширится, а злодѣйству умножится. Охъ, увы!».....

Переходимъ къ свѣдѣніямъ о раскольникахъ, живущихъ въ Бѣхотскомъ приходѣ Архангельскаго уѣзда, доставленнымъ священникомъ Вахрамѣевымъ.

Между жителями Бѣхотскаго прихода, по духовной росписи, значится раскольниковъ мужскаго 7-мъ, женскаго 44 человека и вновь отпадшихъ, въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ и не бывшихъ подъ судомъ за отпаденіе отъ православныя вѣры, мужскаго 7-мъ, женскаго 40 человекъ. Всѣ раскольники безпоповщинскаго толка Федосѣевской секты. У нихъ, какъ и у другихъ безпоповщинскихъ сектъ, только два таинства: крещеніе и покаяніе. Православное крещеніе, по ихъ мнѣнію, не есть крещеніе, а паче еверженіе, и потому необходимо нужно перекрещиваться, и послѣ перекрещиванья простятся всѣ грѣхи, какъ содѣланные, такъ и будущіе; безъ изъ крещенія никому нельзя спастись. Но кто у нихъ крестить, не связываютъ,—даже и православные не проговариваются? Сами раскольники говорятъ, разумѣется, предъ священникомъ, что они не крестятся и не кому крестить перешедшихъ къ нимъ, или же сказываютъ, что крещены въ младенчествѣ, или такимъ лицемъ, котораго нѣтъ въ живыхъ. Есть правда въ Чевакинской деревнѣ раскольникъ крестьянинъ Илья Сидоровъ, который занимается требоисправленіемъ въ своей деревнѣ и въ Бняжестровскомъ приходѣ, а въ Бѣхтѣ ему не совсѣмъ довѣряютъ,—развѣ въ крайности,—и то правда, что безъ крайней нужды мало и крестятся,—а всегда въ болѣзни сильной или послѣ болѣзни. Въ теченіе 13-ти лѣтъ, я замѣчалъ, что всѣ раскольники, отпадшіе въ это время, отпадали послѣ болѣзни, особенно мушмы, и послѣ исповѣди православному священнику, и приобщенія Святыхъ Таинъ, какъ бы сознавая необходимость этихъ важнѣйшихъ таинствъ святой церкви, или—въ болѣзни болѣе дѣйствуютъ раскольники. Извѣстно, что они стараются особенно увлечь зажиточныхъ; и, если видятъ, что тотъ не поддается имъ то выжидаютъ его болѣзни и не отстаютъ отъ него до самой смерти, если не прямо сами то черезъ родныхъ и рѣшаются крестить тогда, когда человекъ теряетъ сознаніе. *) Крестятъ же старухи рас-

*) Одинъ крестьянинъ, умершій въ 1857 году, былъ исповѣданъ мною и приобщенъ Святыхъ таинъ за недѣлю до смерти, и увѣщанъ сохранять Святую Вѣру до конца жизни, зная,—что ему будетъ сильное искушеніе отъ раскольниковъ. По смерти

кольницы. — Думаю, что рѣшався и на это — по своей силѣй деревски, если не мушким то жещимъ. Что касается до исповѣдн, то заврное выдаю, что старухи раскольницы исповѣдываютъ за явные грѣхи, — особенно за смѣшеніе, то есть когда раскольникъ или раскольница соединяются съ православными, въ жизнь и питіи, или участвуютъ и благословляютъ дѣтей при бракахъ, — да кажется за этотъ одинъ только грѣхъ и полагается явная эпитимія при собраніяхъ; а до того съ таковыми не ѣдятъ и не молятся вмѣстѣ. Бракъ православной церкви признаютъ законнымъ, — и предъ бракомъ, если священникъ потребуетъ, чтобы лице православное было исповѣдано и приобщено Святыхъ Таинъ, то не отказываются отъ исполненія этого; а кто не желаетъ соединиться съ православною церковію, тотъ и остается *бесбрачнымъ*. Впрочемъ раскольниковъ, вступающихъ въ бракъ, очень мало; — уклоняются въ расколъ болѣе въ годахъ пожилыхъ; а до тѣхъ поръ ходятъ въ православную церковь, даже исповѣдываются и приобщаются Святыхъ Таинъ хоть изрѣдка.

Раскольники называютъ себя *христіанами староверами* и *по ступ* — такъ называютъ ихъ и другіе; а случается въ насмѣшку величаютъ ихъ и *купанцами*. Впрочемъ они вообще пользуются уваженіемъ; — для этого-то уваженія нѣкоторые и уклоняются въ расколъ; — а бѣдные уклоняются для того, чтобы болѣе получать пособія въ жизни и пользоваться подаваніемъ по смерти богатыхъ раскольниковъ.

Слободскій раскольническій скитъ.

Къ Кѣхотскому приходу относится слободскій раскольническій скитъ. Онъ основанъ во второй половинѣ прошедшаго столѣтія, при озерѣ Слободскомъ, — отстоящемъ отъ селенія около 25 верстъ. Озеро это въ длину до 7 — верстъ, а въ ширину 1 верста и болѣе; — изъ него вытекаетъ рѣчка Кѣхта, — очень изобильная рыбою. Первоначально при немъ была одна рыболовная избушка, въ которой по лѣтамъ проживалъ рыбоволь; къ нему поселился бѣглый солдатъ; къ нимъ то двоимъ и начали селиться и другіе — какъ изъ Кѣхотскаго прихода, такъ и изъ сосѣднихъ. Около 20-хъ годовъ поселился къ нему одинъ зажиточный крестьянинъ Иванъ Рѣшняковъ изъ Петербургскихъ артельщиковъ; онъ

его слухъ разнесся, что его окрестили. Но какъ окрестили?.. Такъ же послѣ напутствія одного старичка, тоже уже умершаго; желая узнать его твердость вѣры, я спросилъ: — а что А. М. вѣдь и ты крестился? — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, — развѣ окрестить такъ, какъ окрестили А. М.; и по просьбѣ моей за тайность рассказывалъ мнѣ, — что онъ хотя самъ и не видѣлъ, а слышалъ за вѣрное отъ своего зятя, — сосѣда покойнаго А. М. и бывшаго при крещеніи его, — что его вытаскили изъ токи мертвымъ, — и живъ окрестили насильно, — безъ его воли и едаки на жертваю?

много содѣйствовалъ къ устройству скита и распространенію раскола; былъ знакомъ съ знаменитымъ петербургскимъ раскольникомъ Зеленинымъ, который для этой цѣли послалъ ему заравъ будтобы 40 тысячъ рублей. Теперь послѣ строжайшаго воспрещенія селиться вновь и уничтоженія вымершихъ келій, въ немъ остается 16 живыхъ келій, въ которыхъ живетъ старухъ недавна поселившихся 14 старцевъ; старики всѣ вымерли, впрочемъ и въ лучшее время скита, когда въ немъ было постоянныхъ жителей до 40 человекъ, мушкнъ было не много, не болѣе 5 человекъ. И вновь, въ теченіе послѣднихъ двухъ годовъ, поселилось въ него двое мушкнъ и 4 женщины. *)

Среди скита находится отдѣльная деревянная молежня; она построена въ 1788 году; она внутри раздѣлена заборкою на двѣ половины — мужскую и женскую; — иконостаеъ составленъ болшею частію изъ мелкихъ иконъ и безъ всякаго разбора; иконы занимаютъ мѣста, не по изображенію на нихъ и не по достоинству письма, — а по древности письма и по принадлежности, предъ ними болшею частію возжигается масло, а также и восковыя свѣчи, которыя есть и въ продажѣ. Въ молежню собираются всѣ каждодневно, по три раза — къ утрени, часамъ и вечернѣ, которыя состоятъ изъ чтенія положенныхъ псалмовъ и молитвъ, и поученій изъ сборниковъ и пролога. — Поютъ панихиды и молебны, читаютъ псалтирь по умершимъ и о здравіи живыхъ; — читаютъ всѣ посѣбно и грамотные, и неграмотные, — неграмотные исполняютъ свои часы вмѣсто чтенія поклонами. Вѣрованіе въ скитѣ то же, — что и въ приходѣ, то есть, *Федосеевское согласіе*, и потому одни другихъ поддерживаютъ и материально и нравственно. Нѣкоторыя старухи раскольницы изъ деревень уѣзжаютъ въ скитъ на нѣсколько недѣль, — особенно въ великій постъ; а на праздники Рождества Христова, Благовѣщенія и Святую Пасху пріѣзжаютъ много раскольниковъ, а вмѣстѣ съ ними и православные, которые, во время молитвословій, а равно и раскольники сомнительной нравственности, стоятъ въ притворѣ, какъ древле оглашенные.

Живущіе въ скитѣ содержатся преимущественно подаваніемъ, которое доставляется изъ разныхъ мѣстъ, а болѣе изъ городовъ — Петербурга и Архангельска.

*) Не знаю, есть ли какое основаніе, — вновь селиться въ скиты? А Кѣхотское Волостное Правленіе, вѣдомо того, чтобы стараться объ уничтоженіи, населяло оный — выдавая вновь населяющимся въ оный на житальство вѣды, которые вѣды были сельскимъ управленіемъ выдать въ доказательство принадлежности раскольниковъ къ волости, и для отличія ихъ отъ всѣхъ постороннихъ и другихъ сословій; такъ въ 1853 году высланы были изъ скита Архангельскій ижецкимъ съ женою и дочерью, — отставной солдатъ и солдатская дочь.

По змѣ старухи прядутъ, а помолодежки полотна, старымъ пособляютъ тять родственницы изъ прихода; по лѣту садятъ по немногу картофель, рѣдку, лукъ, морковь, брюкву и сѣютъ рѣпу; — ловятъ на озерѣ рыбу удами и мордами и собираютъ довольно морошка, веторую и продаютъ.

Сообщеніе съ селеніями имѣютъ постоянное, — не только по лѣту и по осени, нока не промерзнуть болота и ручьи, пѣшеходное.

Расколъ въ Сумскомъ посадѣ болѣе распространенъ между женщинами, чѣмъ въ мужскомъ населеніи. Сумлянки почти всѣ заражены расколомъ. Онѣ называютъ себя христіанами старовѣрами; а православныхъ мирскими, Никоновцами и щепотниками.

Сумскіе раскольники Филипповскаго толка; они помѣшаны на убѣжденіи, что «которая вѣра гонима, та и права.» Удержаніе ихъ правительствомъ отъ совращенія въ расколъ они признаютъ за гоненіе. Главныя различія съ православными у Сумлянъ заключаются въ слѣдующемъ: а) Они признаютъ двухъ-перстный старообрядческій крестъ, называя его истовымъ. Въ немъ нѣкоторые изъ раскольниковъ понимаютъ соединеніе въ числѣ Божества и человечества; другіе же, ничего не зная, думаютъ только, что такъ лучше и потому этому двухперстному сложенію отдають святость, говоря: «такъ святые отцы молились и спаслись.» Трехперстнымъ же сложеніемъ, какъ они выражаются, можно только нюхать табакъ, а отнюдь не молиться. б) Они убѣждены, что хожденіе вокругъ купѣли, при совершеніи крещенія, дѣлается не съ той стороны. в) Они вѣрятъ, что многія слова въ молитвахъ умышленно измѣнены какъ напримѣръ: въ молитвѣ «Богородице Дѣво радуйся» вмѣсто «благодатная» употребляютъ «обрадованная» Матерь Марія, «въ седьмомъ членѣ символа Вѣры «Его же Царствію не будетъ конца» удерживаютъ «нѣсть конца», оспариваютъ, что Іисусъ неправильно произносится и пишется; правильно «Исусъ», Іисусъ же есть сынъ Іосифовъ. г) Проскомидію слѣдуетъ, по ихъ мнѣнію, совершать на семи просфорахъ, и д) не ѣдятъ изъ одной посуды съ православными и поклоняются особымъ иконамъ, для чего каждая баба-раскольница имѣетъ за печкою свой особенный образъ. При моленіи употребляютъ лѣстовки и подстилаютъ передъ собою на полъ платокъ, или сшитую подстилку, дѣлая на нее земные поклоны. При этомъ раскольники держатся страннаго предразсудка, по которому, молясь Богу, должно имѣть на себѣ поясъ ниже пупа.

На патріарха Никола существуетъ между ними наслѣдственная злоба и много страшныхъ на него наговоровъ, напримѣръ, говорятъ, въ исправленіи книгъ Никону помогалъ нѣкто Арсеню, но воображенію раскольниковъ, нѣчто въ родѣ злаго духа.

Не позволяютъ себѣ изъ прихотей курить или пить табакъ и нить кофе: Пьютъ чай и не чужды вина, но очень воздержны въ послѣднемъ.

Расколъ въ Сумѣ получилъ свое начало въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія отъ родственной связи одного Сумскаго семейства съ раскольничьимъ семействомъ деревни Сороки.

Почти въ одно и тоже время въ деревушку Пертозеро за 15-ть верстъ отъ Сумы поселилась закоренѣлая раскольница, вдова прапорщика Анна Карташева съ сыномъ и дочерью. Карташева въ короткое время успѣла собрать около себя приверженцевъ раскола и образовала скитъ. Зимой она выѣзжала въ Суму и проповѣдывала гонимую вѣру, за что и получила названіе матушки-наставницы о душевномъ спасеніи.

Карташева по отзывамъ образованныхъ людей, не говоря уже о раскольникахъ, была женщина умная, много начитанная, въ догматахъ вѣры столь убѣдительная, что возражать ей на нихъ нужно челоуѣку, специально знакомому съ богословскими науками. Къ тому же она, говорятъ, имѣла необыкновенно осмысленныя и правильныя черты лица. По всему этому она отлично могла дѣйствовать не только на довѣрчивыхъ женщинъ, но и на мужчинъ. Умирая на Пертозерѣ, Карташева завѣщала продолжать начатое ею дѣло дочери своей, которая вполне исполняла волю матери.

При Холмовской церкви Лисестровскаго прихода, въ Мало-Лаконскомъ скитѣ, или выселкѣ, есть раскольники — Даниловскаго толку. Въ сей мѣстности они завелись издавна и поселились при рѣкѣ Илоссѣ, и по западную сторону Холмовскаго озера. Какъ и откуда пришли сюда первые поселенцы, за давностію времени и понемѣннѣю вѣрныхъ объ нихъ свѣдѣній, неизвѣстно. Въ семъ выселкѣ находится молежня, въ которой они прежде отправляли по старопечатнымъ книгамъ заутреню, часы и вечерню. Но нынѣ, по отобраніи сихъ старинныхъ книгъ и обрядныхъ принадлежностей мѣстнымъ исправникомъ въ 1853 году, службы въ сей молежнѣ не отправляются. Наставникомъ у нихъ прежде былъ изъ ихъ среды крестьянинъ. Заблужденія въ вѣрѣ состояли, въ непризнаніи за истинныхъ пастырей правильно поставленныхъ священниковъ, и служащихъ не по старопечатнымъ книгамъ; а также въ непризнаніи брака, совершеннаго священникомъ, за истинный. Между тѣмъ какъ самъ наставникъ ихъ живетъ съ дѣвкою, не вѣнчанною съ нимъ православнымъ священникомъ, и другихъ влечетъ къ тому же заблужденію. Впрочемъ дѣтей незаконно-прижитыхъ подвергаетъ крещенію православнаго священника, и уклоняетъ, когда они прядутъ въ возрастъ, отъ исповѣди и Святаго Причастія въ православной церкви. Имѣетъ ли сношенія наставникъ ихъ

съ раскольниками другихъ мѣстъ—неизвѣстно. Инокордцевъ здѣсь также неимѣется.

Раскольники, которыхъ въ Тулгасскомъ приходѣ насчитывается до 60 лицъ обоого пола, принадлежатъ къ двумъ главнымъ сектамъ, къ Теодосіевщино-Филиповщинѣ и Авроновщинѣ, которыя въ свою очередь подраздѣлены на толки, носящія названіе отъ своихъ расколуучителей, такъ напримѣръ: Никифоровщина, Дерягиновщина, Киржавщина и другіе. Всѣ они называютъ себя православными христіанами древняго благочестія, —древле-Восточной церкви; а православные называютъ ихъ старовѣрами и раскольниками. Они появились въ этомъ приходѣ лѣтъ не больше ста назадъ чрезъ свращеніе Бургоминскими и Топецкими расколуучителями; а въ настоящее время поддерживаются ими же и разными изъ поморья проповѣдниками и посланіями. Заблужденія этихъ раскольниковъ состоятъ въ слѣдующемъ: въ православной церкви царствуетъ теперь антихристъ чувственно; второе пришествіе Христова будетъ черезъ годъ, а много черезъ два; православные храмы построены на седмиглавомъ змѣи и суть обиталище антихриста, потому лучше ходить въ кабакъ, или еще хуже куда, чѣмъ въ нихъ. Священники слуги антихристовы, потому ихъ слушать не слѣдуетъ, что бы они ни говорили. Чиновники, особенно пристава, суть приставники антихристовы. Солдаты и всѣ военные чины—воинство антихристово. Уважаютъ и молятся преимущественно мѣднымъ иконкамъ; любятъ иконы старинной живописи, по этому, проходя мимо церквей:—церкви святаго Климента, молятся, такъ какъ въ ней иконостаъ старинной живописи, а церкви святаго Власія не молятся—иконостаъ новый. Всѣ семь церковныхъ таинствъ называютъ еретическими, антихристовыми, на томъ основаніи, что они совершаются печатію антихристовою, а не истиннымъ крестомъ (ихъ сложеніемъ перстовъ для крестнаго знамени), а потому ихъ и принимать не слѣдуетъ, напримѣръ, лучше жить блудно, чѣмъ ходить въ церковь вѣнчаться. Перекрещивать въ настоящее время можетъ всякій—старикъ, мущина пожилыхъ лѣтъ, старуха, женщина и дѣвка, и перекрещиваніе имѣетъ силу снимать всѣ грѣхи, какъ чешую.

Съ православными вмѣстѣ не молятся и не ѣдятъ. Ѣдятъ и пьютъ на своемъ столѣ и изъ своей посуды, изъ которой лучше дать поѣсть и напиться собакамъ или кошкамъ, чѣмъ человѣку не ихъ вѣры. Молятся, не дотрогиваясь земли, для чего у каждаго раскольника есть такъ называемый подручникъ (маленькая подушечка). Каждый толкъ раздѣляется на три категоріи—чашки большую, среднюю и малую. Принадлежащія къ первой чашкѣ называются прочими святыми и уважаются не только своей братіей, а даже православными, и потому живутъ въ особыхъ домикахъ, не молятся вмѣстѣ съ принадлежащими къ остальнымъ двумъ чашкамъ и не ѣдятъ съ ними изъ одной посуды и за однимъ столомъ. Ложе ихъ голый полъ или камень.

Большечашники считаютъ за большой грѣхъ встрѣтиться со священникомъ, а съ православнымъ при встрѣчѣ здороваться. Строго содержать вообще всѣ посты въ пищѣ, а не въ употребленіи. Подобно золоту хранить, читаютъ и слушаютъ старопечатныя книги и разныя бредни расколуучителей. Новыхъ книгъ, особенно журналовъ и газетъ, совсѣмъ не слушаютъ. Не почитаютъ четырехконечнаго креста и изображенія Распятаго на немъ.

Сношеніе Тулгасскіе раскольники имѣютъ съ Бургоминскими, Топецкими и Заостровскими, а чрезъ нихъ съ Поморскими, но дѣла, касающіяся вѣры или избранія попа, рѣшаются на сходбищахъ, которыя бывають преимущественно въ Топсѣ. Въ Бургоминскимъ расколуучителямъ обращаются раскольники изъ нижняго конца Тулгова, къ Топецкимъ изъ верхняго, къ Заостровскимъ изъ одного дома Большаго Коневаловскаго села по той причинѣ, что раскольники того же дома Авроновцы съ первыми немолящіеся и невкушающіе, потому что допускають бракъ. Раскольниковъ Нижняго конца наставникъ Бургоминскій крестьянинъ Никифоръ (фамиліи не знаю), который на недавнемъ сходбищѣ едва ли не отставленъ; Верхняго Топецкаго—Дерягинъ.

Вотъ все, что я знаю касательно раскольниковъ Тулгасскаго прихода, замѣчаетъ г. Макаровъ.

175
176
177
178
179
180
181
182
183
184
185
186
187
188
189
190
191
192
193
194
195
196
197
198
199
200

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

- Глава I. Общія свѣдѣнія о населеніи:** Изъ какихъ мѣстъ получены свѣдѣнія?—Тулгасскій приходъ.— Село Усть-Пуѣ.— Курейско-Сергіевскій приходъ.— Хаврогорскій приходъ.— Челмохотскій приходъ.— Кажотскій приходъ.— Лисестровскія селенія.— Поселки на Зимнемъ Берегу.— Сумскій посадъ. Свѣдѣнія топографическія и историческія объ этихъ мѣстностяхъ.— Пинежскій уѣздъ.— Физическія свойства русскаго населенія поименованныхъ частей Архангельской губерніи 1—13
- Глава II. Внѣшняя обстановка:** Программа для собранія свѣдѣній о постройкахъ въ Архангельской губерніи.— Свѣдѣнія, собранныя П. А. Ивановымъ, о жилищахъ и постройкахъ крестьянъ Пинежскаго уѣзда: расположеніе селеній, улицы и ряды, овраги ильбы, части ихъ, внѣшняя и внутренняя отдѣлка, печь, солнышко, жалати, окна, украшенія, убранство горницъ; черныя избы, дворовыя постройки, хозяйственными олузбы, промысловыя постройки, заводы; освѣщеніе, топливо, мѣста для сна, для стирки бѣлья; домашняя утварь и посуда.—Церковныя постройки.—Дополнительныя свѣдѣнія, представленныя г. Ивановымъ.—Чертежи крестьянскихъ дворовъ и усадебъ, представленные А. Шадриннымъ.—Свѣдѣнія о постройкахъ въ селѣ Усть-Пуѣ, доставленные свѣщ. Ст. Павловымъ.—Его же свѣдѣнія о разнаго рода рукодѣльныхъ и хозяйственныхъ орудіяхъ.—Свѣдѣнія свѣщ. П. Павлова о постройкахъ въ Хаврогорскомъ приходѣ.—Свѣдѣнія свѣщ. А. Колчина о постройкахъ и домашней утвари въ селѣ Пингишахъ.—Свѣдѣнія свѣщ. В. Таратина о постройкахъ и утвари въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ.—Свѣдѣнія о томъ же свѣщ. І. Глабовскаго въ Челмохотскомъ приходѣ.—Такія же свѣдѣнія о Сумскомъ посадѣ, доставленные г. Шешенинымъ.—Свѣдѣнія свѣщ. Федорова о постройкахъ въ Лисестровскомъ приходѣ.—Свѣдѣнія свѣщ. Владимірца Розанова о постройкахъ и утвари въ селѣ Зимней Золотицѣ 14—48
- Глава III. Одежда и обувь:** Свѣдѣнія П. А. Иванова о крестьянской одеждѣ въ Пинежскомъ уѣздѣ: мужской и женской, лѣтней и зимней, праздничной и всѣдневной, о головныхъ уборахъ и другихъ украшеніяхъ; объ обуви.—Одѣянія: въ Усть-Пуѣ,—въ Тулгасскомъ,—Хаврогорскомъ и Челмохотскомъ приходѣхъ,—въ с. Пингишахъ,—въ Курейско-Сергіевскомъ, Лисестровскомъ приходѣхъ,—въ Зимней Золотицѣ,—въ Кажотскомъ приходѣ,—въ Сумскомъ посадѣ 49—66
- Глава IV. Пища и питье:** Крестьянская ѣда въ Пинежскомъ уѣздѣ: время ѣды, пища постная и скоромная, всѣдневная и праздничная, напитки, лакомства.—Употребленіе табаку. Пища и питье въ Усть-Пуѣ, въ Тулгасскомъ, Челмохотскомъ приходѣхъ, въ селѣ Пингишахъ, въ Курейско-Сергіевскомъ, Лисестровскомъ приходѣхъ, въ Сумскомъ посадѣ 67—73
- Глава V. Свадебные обряды:** Общее описаніе свадебныхъ обрядовъ, существующихъ въ Пинежскомъ уѣздѣ, составленное П. А. Ивановымъ.—Свадьба въ селѣ Сура, Бирючевской волости, того же уѣзда, описанная крестьяниномъ Гр. Хромцовымъ.—Три свадебныя причтанія: два изъ Пинежскаго уѣзда и одно изъ Шенкурскаго — Поздравленіе молодыхъ посѣтъ вѣнца въ Пинежскомъ уѣздѣ, сообщенное К. Шабуннымъ.—Свадьба въ селѣ Ракулѣ, Холмогорскаго уѣзда, описанная крестьяниномъ Дохтуровымъ.—Свадьба въ селѣ Кургоминскомъ, Шенкурскаго уѣзда, описанная крестьяниномъ Сысоевымъ —Свадебные обряды, соблюдаемые въ Турчасовскомъ приходѣ Онежскаго уѣзда, сообщенные свѣщ. Алексѣевымъ.—Свадьба въ селѣ Пингишахъ Холмогорскаго уѣзда, описанная свѣщ. Колчинымъ.—Свѣдѣнія о свадебныхъ обрядахъ, существующихъ между крестьянами Тулгасскаго и Шенкурскаго приходоѡвъ.—Свадьба на Зимнемъ Берегу Архангельскаго уѣзда, описанная свѣщ. В. Розановымъ.—Замѣтка о свадебныхъ обрядахъ въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ Холмогорскаго уѣзда.—Свадьба въ Сумскомъ посадѣ Кемскаго уѣзда.—Свадебные обряды мѣщанъ г. Онега, записанныя со словъ одной мѣщаники въ тюрьмѣ бывшимъ студентомъ Фризе.—Свадьба мѣщанъ г. Мезени, описанная бывшимъ студентомъ Никольскимъ 74—133
- Глава VI. Обряды и игры въ теченіе года:** Обычаи, соблюдаемые въ Пинежскомъ уѣздѣ: при полевыхъ работахъ,—при родинахъ, крестинахъ и именинахъ.—Таковыя же обычаи въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ.—Пинежскіе обычаи при новосельи, при смерти и похоронахъ.—Похоронные обряды въ Тулгасскомъ, Хаврогорскомъ и Курейско-Сергіевскомъ приходѣхъ.—Годовыя празднества въ Пинежскомъ уѣздѣ и приуроченныя къ нимъ обычаи: Святки, Крещенье, масляница, вербница, Святлая недѣля, радунница, весеннія игры и сборщица, Егорьевъ день, Троицкнй день, Аграфена-купальница, Иванъ-купала, Петрово заговѣнье и богомолье, круги и хороводы, борода; игры: въ столбы, въ пары;—кануны, братчины, конный праздникъ, Ильинъ день, Спасовъ день, Рождество и Повровъ Богородицы, вечерники и игры на омыхъ, бесѣды, день Пятицы-Нараскевы, Флапповки, посидки и супрядки съ ихъ играми; Никола зимній, день Рождества Христова и Новый годъ, славенье, виноградіе.—Повсѣдневныя игры и забавы: скопки, золото, въ мши, въ шопотки, хохлы, начеля, снаканье, въ мячъ, изъ-за сухой

троски, въ Самоиды, кружалани, въ жернова, катанье, въ бабки, въ орлянку, изъ-за пона, въ рюхи, въ бѣгме, въ прятки.—Обрядъ „бороды“ въ Усть Пуя.—Народныя игры въ Тулгасскомъ приходѣ.—Народныя увеселенія въ Сумскомъ посадѣ.—Святоточные обряды тамъ же.—Праздники въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ.—Обряды при закладѣ дома и при входѣ въ него на житье тамъ же.—Нѣкоторые обряды въ Хаврогорскомъ приходѣ 133—159

Глава VII. Нравы, вѣрованія, суевѣрія, гаданія, примѣты: Общая характеристика нравственной природы Архангельскаго населенія вообще и Пинежскаго въ особенности.—Вліяніе суровой природы и скудной обстановки на нравы жителей.—Замкнутость и молчаливость сѣвернаго человека.—Формы обращенія къ другимъ людям.—Положеніе женщины.—Воспитаніе дѣтей.—Ученіе.—Чтенія грамотевъ.—Вѣрованія Пинежамъ.—Нечистая сила и жертва для борьбы съ ней.—Дѣшій и рассказы о немъ.—Домовой и дворовый хозяйнушко.—Нѣжить.—Вайнушко.—Водяной.—Баба-яга.—Знахари, колдуны.—Воромба.—Гаданія и разные виды ихъ.—Повѣрья о легкихъ и тяжелыхъ дняхъ. Народныя представленія о солнцѣ, лунѣ, звѣздахъ, громѣ, молніи, дождѣ, землѣ, водѣ.—Клады.—Повѣрья о животныхъ.—Суевѣрныя примѣты.—Вѣрованія жителей Тулгасскаго прихода.—Представленія ихъ о небѣ, свѣтлахъ и небесныхъ явленіяхъ,—о землѣ и подземныхъ царствахъ, знахаряхъ, богатыряхъ, о животныхъ и растеніяхъ, о нечистой силѣ, о человекѣ.—Сельскохозяйственнымъ и другія примѣты, суевѣрія и гаданія.—Повѣрья, гаданія и примѣты жителей Курейско-Сергіевскаго прихода.—Повѣрья жителей Зимнаго Берега.—Гаданія жителей Сумскаго посада.—Повѣрья жителей Хаврогорскаго прихода 160—196

Глава VIII. Народное врачеваніе: Свѣдѣнія о народномъ лѣченіи въ Архангельской губерніи, сообщенныя врачомъ Липницкимъ: Архангельскіе знахари и знахарки, собираемыя ими травы, способы лѣченія, средства противъ разныхъ болѣзней; взглядъ народа на происхожденіе болѣзней, участіе колдовства въ лѣченіи ихъ, игота и иготницы.—Свѣдѣнія о простонародномъ врачеваніи въ Шенкурскомъ уездѣ, доставленныя сельдшеромъ Костылевымъ; болѣзни отъ духа, отъ порчи, отъ животныхъ, отъ самого себя.—Свѣдѣнія о народной медицинѣ въ Пинежскомъ уездѣ, собранныя П. А. Ивановымъ: причины болѣзней, лѣчебныя средства, игота и иготницы.—О народномъ лѣченіи въ Челмохотскомъ приходѣ Холмогорскаго уезда, по свѣдѣніямъ священника Глѣбовскаго.—Какимъ святымъ о избавленіи отъ какой болѣзни молятся въ разныхъ мѣстностяхъ Архангельской губерніи 197—210

Глава IX. Расколъ среди сельскаго населенія: Свѣдѣнія, сообщенныя П. А. Ивановымъ, о раскольникахъ Пинежскаго уезда: причины успѣховъ раскола, мѣста его наибольшаго распространенія, число раскольниковъ въ 1841—1865 годахъ, ихъ книги, иконы, перстосложеніе, обряды во время молитвословія, богослуженіе, пѣніе, посты, зазѣміе жепастыри, отходъ въ расколъ, браки, погребеніе, отношенія къ православнымъ, брадобртіе, пища и питье, табакъ, посуда, стряпня, одежда, занятія, ожиданіе антихриста и окончанія міра.—Свѣдѣнія, доставленныя свящ. Вахрамѣевымъ, о раскольникахъ Кѣхотскаго прихода Архангельскаго уезда: число ихъ, совлеченіе православныхъ въ расколъ, отношеніе къ православной церкви.—Слободскій раскольническій скитъ.—Расколъ въ Сумскомъ посадѣ Кемскаго уезда, по свѣдѣніямъ г. Шешенина.—Свѣдѣнія о раскольникахъ въ Лисе-стровскомъ приходѣ Архангельскаго уезда, сообщенныя свящ. Федоровымъ.—Свѣдѣнія свящ. Мамарова о расколь-
никахъ въ Тулгасскомъ приходѣ, Шенкурскаго уезда 211—221

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XXX, вып. 2.

Т Р У Д Ы
ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ
АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФІИ
ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

К Н И Г А V.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

подъ редакціей Н. А. Попова.
ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ОТДѢЛА.

ЦѢНА 3 РУБ. 50 КОП.

МОСКВА.

Типо-литографія С. П. Архипова и К°, Большая Кисловка, соб. домъ.
1878.

Печатается по опредѣленію Императорскаго Общества Любителей Естествознанія Антропологич и Этнографич.

Президентъ Г. Щуровскій.

Марта 10 дня
1878 г.

МАТЕРІАЛЫ ПО ЭТНОГРАФІИ

РУССКАГО НАСЕЛЕНІЯ

АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

СОБРАННЫЕ

П. С. ЕФИМЕНКОМЪ,

д. чл. Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

ЧАСТЬ 2.

НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

МОСКВА.

Типо-литографія С. П. Архипова в К^о, Большая Кисловка, соб. домъ.

1878

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Согласно опредѣленіямъ Этнографическаго Отдѣла, состоявшимся въ засѣданіяхъ: 19 Марта и 22 Декабря 1874-го, 9 Февраля, 23 Марта, 4 Мая и 30 Сентября 1875-го и 17 Апрѣля 1877 года, приступлено было въ прошломъ году къ печатанію «Матеріаловъ по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи», собранныхъ д. чл. Общества Любителей Естествознанія П. С. Ефименкомъ. Первый выпускъ, состоящій изъ девяти главъ и представляющій описаніе вѣшняго и внутренняго быта русскаго населенія вышеозначенной губерніи, вышелъ въ свѣтъ - въ прошломъ октябрѣ. Произведенія же народной словесности Сѣвернаго края рѣшено было помѣстить во второмъ выпускѣ, каковой нынѣ и издается въ свѣтъ.

Первую главу въ немъ занимаетъ статья Н. Д. Квашнина-Самарина: «О былинахъ, содержащихся въ сборникѣ П. С. Ефименка», читанная въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣла 22 Декабря 1874 года, авторъ которой весьма опредѣленно высказался о достоинствахъ печатаемыхъ нынѣ былинъ, а равно и о собранныхъ П. С. Ефименкомъ заклинаніяхъ, которыя, по необыкновенной полнотѣ и разнообразію, а также и по замѣчательной свѣжести языка, должны составить вмѣстѣ съ былинами драгоцѣнное приобрѣтеніе для науки.

Во второй главѣ помѣщено девять старинъ или былинъ про древне-русскихъ богатырей: изъ нихъ шесть былинъ записаны священникомъ Вл. Розоновымъ на Зимнемъ Берегу Бѣлаго моря, въ селѣ Зимней Золотицѣ, а три—А. М. Никольскимъ въ городѣ Мезени.

Въ третьей главѣ напечатаны стихи, распѣваемые нищею братією, счетомъ двѣнадцать: изъ нихъ первые десять записаны А. М. Никольскимъ, а послѣдніе два священникомъ Вл. Розоновымъ. Особенное вниманіе обращаютъ на себя, по полнотѣ заключающагося въ нихъ разсказа, два стиха: Еленинскій (еллинскій?) и Алексѣевскій.

Въ четвертой главѣ помѣщены записанныя тѣмъ же г. Никольскимъ въ г. Мезени пѣсни, которыя онъ раздѣлилъ на: наулочныя (всего 57), вечериночныя (75), свадебныя (24), винограды (3), рождественскія (4), причтанья (3) и рекрутскія (3).

Пятую главу составляютъ пѣсни, записанныя въ Пинегѣ и ея уѣздѣ И. Селиверстовымъ, А. Н. Симановскимъ, П. А. Ивановымъ, И. Костылевымъ, священ. Таратинымъ и г. Базилевскимъ. Въ ихъ число вошли: вечериночныя (31), пѣсни кашницъ, распѣваемые на помочахъ или общихъ работахъ (7), дѣвичьи (10) и колыбельныя (14).

Шестая глава заключаетъ въ себѣ описаніе Онежскихъ игръ и поющіяся во время ихъ пѣсни. Записывалъ ихъ г. Фризе. Тутъ описаны онежскія вечеринки, начинающіяся обыкновенно такъ называемою «уточкою», семь вечериночныхъ игоръ и приведены пѣсни, употребляющіяся какъ на вечеринкахъ, такъ и въ лѣтнихъ хоровахъ, всего до тридцати шести.

Седьмая глава содержитъ въ себѣ чрезвычайное любопытное собраніе народныхъ заклинаній, наговоровъ и обереговъ. Хотя этотъ отдѣлъ народной словесности обращалъ и прежде на себя вниманіе нѣкоторыхъ ученыхъ обществъ, редакцій разныхъ журналовъ и губернскихъ вѣдомостей, но до сихъ поръ народныя заклинанія печатались крайне отрывочно. Предлагаемое же здѣсь собраніе отличается значительно съ другими полнотою. Оно обязано этимъ единственно трудамъ П. С. Ефименка, который воспользовался не только сообщеніями двадцати восьми лицъ, но и нѣсколькими старинными рукописными сборниками,

присланными ему изъ разныхъ мѣстъ Архангельской губерніи. Кроме того онъ пополнилъ свое собраніе изъ старинныхъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Архангелогородской губернской канцеляріи, и изъ нѣкоторыхъ печатныхъ источниковъ, каковы: Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Памятная книжка Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Архангельскія Губернскія Вѣдомости. Всѣхъ статей въ этомъ отдѣлѣ помѣщено двѣсти пятьдесятъ пять, и при каждой изъ нихъ читатель найдетъ указаніе на источникъ, изъ котораго она заимствована.

Въ слѣдующей главѣ помѣщены три старинныхъ сказанія, которыя и до нынѣ ходятъ въ рукописяхъ между населеніемъ Архангельской губерніи, и двѣнадцать сказокъ, изъ коихъ нѣкоторыя очевидно переводныя и зашли въ народъ книжнымъ путемъ, иныя же—чисто народныя и притомъ мѣстнаго происхожденія и третьи не что иное, какъ стихи шуточнаго содержанія, рассказываемые въ забаву дѣтямъ.

Въ девятой главѣ напечатано: 190 загадокъ, 586 пословицъ и поговорокъ и 73 шутки и прибаутки. Въ надлежащихъ мѣстахъ указано, откуда заимствованъ матеріалъ, помѣщенный какъ въ этой, такъ и въ предъидущей главѣ.

Наконецъ въ послѣднюю или десятую главу вошелъ словарь мѣстныхъ рѣченій. Словарь этотъ выбранъ изъ матеріаловъ, собранныхъ П. С. Ефименкомъ и г-жею Ефименковою, а также П. А. Ивановымъ, г. Тустановскимъ и другими. Всѣ слова, помѣщенные уже въ словаряхъ: Академическомъ и Дала, были при этомъ устранены; оставлены только слова, или ненаходящіяся въ названныхъ словаряхъ, или хотя и показанныя въ нихъ, но съ другими значеніями или объясненіями; оставлены также нѣкоторые дополненія къ имѣющимся въ упомянутыхъ словаряхъ объясненіямъ. Замѣтки объ особенностяхъ Архангельскаго говора, найденныя въ вышеназванныхъ матеріалахъ, также не печатаются здѣсь, какъ не дающія особенно новыхъ свѣдѣній противъ имѣющихся въ предисловіи къ словарю Дала. Число словъ, имѣвшихся на карточкахъ собирателей, превосходило напечатанное здѣсь, по крайней мѣрѣ, въ двѣнадцать разъ, ибо въ нихъ было не мало повтореній. Въ концѣ объясненія каждаго слова обозначено, въ какомъ уѣздѣ оно записано.

Таковъ порядокъ, которому слѣдовала редакція при изданіи этого выпуска, —указанный отчасти самими собирателями ихъ.

Этнографическій Отдѣлъ не теряетъ надежды видѣть и въ слѣдующихъ книгахъ своихъ «Трудовъ» новые матеріалы по этнографіи Архангельской губерніи.

9 Марта 1878 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.		Стр.
ГЛАВА I. О БЫЛИНАХЪ, содержащихся въ Сборникѣ П.		9. Что ты парень такой бравый	52
С. Ефимовна,—чтеніе Н. Д. Квашнина-Самарина	1—9	10. Катюшечка душечна	—
ГЛАВА II. СТАРИНЫ ИЛИ БЫЛИНЫ.	10—37	11. Чесалъ милый мудри	53
1. Про Добрыню Никитича и Илью Муромца	0	12. Не ходилъ бы я по этой дорожечкѣ	—
2. Про Владимірову свадьбу	11	13. Нападетъ роса на темны дѣса	—
3. Про Иванушка Годенова	14	14. Размолодецкіе молодчки, дружки мои	—
4. Про Дюна Степанова	17	15. Отлетаетъ мой соколикъ	54
5. Про Илью Муромца	19	16. Въ хороводикѣ дѣвушки на лужу	—
6. Про Василья Огульева	21	17. По весны по красной	—
7. Про Алешу Поповича	25	18. Я мала была, да горя не было	—
8. Про Илью Муромца	32	19. Говорилъ я своей любимицѣ	55
9. Про Дюна Степановича	35	20. Житье мое житье	—
ГЛАВА III. СТИХИ НИЩЕЙ БРАТІИ	38—49	21. Часто ходишь, милъ, вкругъ моего двора	—
1. Свѣтлое Христово Воскресенье	3	22. Калина съ малиной не во время разцвѣла	—
2. Пречудная Царица Богородица	—	23. Дашь ты мой денечекъ	56
3. Ходилъ человекъ по Сионскимъ горамъ	—	24. Не бушуйте—тоску вѣтры буйные со чиста поля	—
4. Речь Божья Мати Пресвятая	39	25. На зорюшкѣ зарѣ, на вечерней	—
5. Съ восточной стороны летѣли два ангела	—	26. Что вы, дѣвушки, да призадумались?	—
6. Человекъ на землѣ живетъ, какъ трава растетъ	—	27. Выйду-ль я на рѣченьку	57
7. Инокъ идетъ по дорогѣ	40	28. Что кому за дѣло	—
8. Жили были два брата родные, два Лазаря	—	29. Ужь мы сидите, ребятунки, во единый кругъ	—
9. Елеинскій (еламинскій) стихъ	41	30. Размолоденькій дѣтнунка	—
10. Алексѣевскій стихъ	43	31. Ужь вы, дѣвушки подружки	58
11. Про пьянство и севернословіе	47	32. Полно, солнышко, изъ за-лѣсу свѣтитъ	—
12. О Михаилѣ Архангелѣ	48	33. Мимо Москвы проѣзжаемъ	—
ГЛАВА IV. ПѢСНИ МЕЗЕНСКІЯ.	50—97	34. Примили дѣвушки, придите къ намъ въ гости поспидѣть	—
A. Науличныя (50—65):		35. Навѣтись, навѣтись туча темна, грозна	59
1. Ты Надежничка, мой милъ сердечный другъ	50	36. Разливалася мати весенняя вода	—
2. Сировошу дружка во дорожечку	—	37. Не осень-то соколъ по горамъ летѣлъ	—
3. Отъѣзжаетъ милый во дорожечку	—	38. Любила я дружка, любезнаго любила	—
4. Я вечерь-то вечерь, добрый молодецъ, загулялъ	—	39. Товарищъ, ты товарищъ, другъ мой	—
5. Свѣтилъ, свѣтилъ свѣтелъ мѣсяцъ	51	40. Распечальное дѣвье сердце всегда занываетъ	60
6. Ты раздусечка удалый молодецъ	—	41. Что ты дѣвушка не парадна ходишь	—
7. Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго	—	42. При долнункиѣ есть калнунка	—
8. На лугахъ, да на лугахъ зеленыхъ	52	43. Размалышнѣка миленькій	—
		44. Я съ малешенька гулешенька росла	6

VIII

Стр.		Стр.
45.	За Дунаемъ, тамъ гуляемъ.	61
46.	Молодость молодая.	—
47.	Не бѣды-ли сѣвѣи выпадали.	62
48.	Во славною было во городѣ во Астрахани	—
49.	Ужь ты степь наша, степь Саратовска.	—
50.	Цвѣли-то цвѣли въ полѣ цвѣтныи, цвѣли да повали.	—
51.	Бага легонькѣ умонъ	63
52.	Край пути-дорожни.	—
53.	Полъ славнымъ вѣвнишь городомъ Архангельскомъ.	—
54.	Калинушка съ малинушкой лазуревъ цвѣтъ.	64
55.	Жена мужа любила.	—
56.	Премнехтъ, премнехтивая путь-дороженька.	—
57.	Не во далечонъ далечѣ, во чистомъ полѣ.	—
Б. Вечерничныя (65—85):		
1.	Кумъ-отъ ѣдетъ лугомъ.	65
2.	Молодость, ты молодость.	—
3.	Шла дѣвица за водой.	—
4.	Отдаютъ Федьку въ солдаты.	66
5.	Угна ты, угна моя.	—
6.	Соколы ты, соколы.	—
7.	Стояла рябинушка на города	—
8.	Саду, присаду въ зеленому саду.	—
9.	Простучала, прогремѣла.	67
10.	Заюшка мой бѣленькѣй.	—
11.	Въ государевой конторѣ.	—
12.	Ты Иванушка казань.	68
13.	Продай мужъ корову.	—
14.	Вечоръ дѣвн.	—
15.	Какъ задумалъ недоросточекъ жениться.	—
16.	Потянули вѣтры буйныи со горы	69
17.	Бычи гуся домои.	—
18.	За тонью, за рѣчкой за быстрой.	—
19.	Съ вечера хлѣбница незаборчива была.	—
20.	На улицѣ мужикъ со рассадой сидѣть.	—
21.	Сговорodka въ нечи	—
22.	По шерокаѣ шла.	70
23.	На плотъ было на меленѣ.	—
24.	Не намывай порохи.	—
25.	У воротъ дѣвнa стонѣть.	71
26.	Красна дѣвица коровъ докла.	—
27.	Не бѣги, не бѣги.	—
28.	Зночка, зина.	72
29.	На улицѣ диво.	—
30.	Пошла наши гусли.	—
31.	Полъ тымомъ было подъ тымочкомъ	—
32.	Ходилъ гулялъ Ванюша.	—
33.	Шелъ дѣтина изъ гостей.	—
34.	Торна, которна моя.	73
35.	Выходилъ душа полковникъ.	—
36.	Не рючкии по столу бречать.	—
37.	Во два верхака нѣмецанъ.	—
38.	Соловей мой, соловей.	74
39.	Сострой ты, любезный.	—
40.	По морю кораблиць.	—
	вздвненью приходилъ.	75
42.	Зелено вино въ карманѣ.	75
43.	Ужь ты вдовна, ты вдовна моя.	76
44.	Противъ солнца на востокѣ.	—
45.	Ужь я горькая злосчастна.	—
46.	Изъ Питера любезный	—
47.	Какъ у нашего сусѣда.	77
48.	По край быстрой было рѣчкн.	—
49.	Мнѣ во вѣкъ тоска не бывала.	78
50.	На горѣ калина.	—
51.	Изъ-за барскаго двора.	—
52.	Дѣвн шли поверъ, да вышивали.	79
53.	Угонъ шла, переугонъ шла.	—
54.	Собиралися ребатуши.	—
55.	Изъ-за лѣсу, съ крутыхъ горъ	—
56.	Заюшко по сѣнничамъ	80
57.	У нашего двора	—
58.	Вхалъ мальчикъ изъ Казани	—
59.	Черезъ рѣченьку шердиочка лемала.	—
60.	Мой миленькѣй, любненькѣй	—
61.	Куревушка, курева	—
62.	Дѣвица садочкомъ шла.	81
63.	Молодость, молодость дѣвнчья красота	—
64.	Ужь ты Танюша, Татьяна	—
65.	Я вечеръ въ гостахъ гостила.	82
66.	Ужь я по полю хожу—тамъ хожу.	—
67.	Изъ подъ дубу, дубу, дубу.	—
68.	На улицѣ морозъ	83
69.	Идетъ Ваи на угору	—
70.	Сорянется король	—
71.	Въ первой день поведѣвннъ	84
72.	Подѣ рѣчку, подѣ мостнъ.	—
73.	Дѣвнушко, сиротннушо.	—
74.	Соловей мой, соловей	—
75.	По мосту, мосточку, по калиновому.	85
В. Свадебныя (85—93):		
1.	<i>Невѣсты:</i> Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго	—
2.	<i>Жениху:</i> Что сказали не грозень.	86
3.	<i>Когда отдаютъ невѣсту на чужую сторону:</i> Что ты, что ты снѣ море	—
4.	Что не навушка по двору ходила.	—
5.	Во саду, саду да эхи	87
6.	<i>Если нмѣтъ у невѣсты родннлъ:</i> Много, много у сыра дуба.	—
7.	На горы на высокой	—
8.	Въ сентябрѣ, во первомъ мѣсяцѣ	88
9.	Течеть винная рѣченька	—
10.	<i>Холостымъ вѣвннмъ:</i> У воротъ веревннн	—
11.	<i>Вдовамъ:</i> Чья это ннва	89
12.	<i>Женатимъ:</i> Что по сѣнничамъ, сѣнничамъ	—
13.	<i>Новобрачннмъ:</i> Во горннцѣ во новой.	—
14.	<i>Когда женихъ приходитъ на вечерннку:</i> Долго, долго соколы не бывалъ	90
15.	<i>Женатимъ:</i> Дмнно, дмнно въ полѣ	—
16.	Ужь по мосту, мосту да рай, рай, рай.	—
17.	Свѣтъ наша обманнща	91

Стр.		Стр.
18.	Не отъ вѣтра, не отъ вихоря	91
19.	Что не павушка пава	—
20.	Видел хвѣль въ огородѣ	92
21.	Хитерь, мудерь невобрачный низь	—
22.	Катлася карета рѣю, рѣю, рѣю	—
23.	Въ ожиданіи жениха на' смотренье: Долго, долго соколя не бывалъ (вариантъ)	93
24.	По приѣзду невести отъ свинца: Изъ за гѣсу, гѣсу темнаго (вариантъ)	—
Г. Виноградье (93—95):		
1.	Для женатыхъ: мы ходили, мы гуляли	—
2.	Для холостыхъ: Во соборѣ у Михаила Архангела	94
3.	Для двушекъ: Во далечемъ далечѣ, во чистомъ полѣ	95
Д. Рождественскіе стихи (95—96):		
1.	Днесь пресвѣтлая	—
3.	Достойно есть удивленіе	—
2.	Днесь Христово рожденіе	96
4.	Новая радость	—
Е. Причитанья (96—97):		
1.	На могилахъ: Я пду бѣдна—злосчастлива	—
2.	Въ доми: родитель мой маменька	—
3.	Въ церквѣ: Вы, кони, отцы духовные	—
Ж. Рекрутскія (97):		
1.	Во деревнѣ злой народъ живетъ	97
2.	Воля ты моя, волюшка	—
3.	Ужь ты воля, наша воля (вариантъ)	—
ГЛАВА V. ПѢСНИ ПИНЕЖСКІЯ 98—119		
А. Вечериночныя (98—111):		
1.	Не нападавай, пороша	98
2.	Изъ подъ ели, ели, ели	99
3.	Вечеръ соколя	—
4.	На первой было на меленькѣ	—
5.	Съновось сѣно косилъ	—
6.	Подъ вустомъ олень	—
7.	На улицѣ диво	100
8.	Посѣяли дѣвки ленъ	—
9.	Изъ-подъ дубу, изъ-подъ визу	101
10.	Нападала порошница	—
11.	Я вечеръ въ гостяхъ гостила	—
12.	На улицѣ дождь поливаетъ	—
13.	Мнѣ во вѣкъ тоска не бывала	—
14.	Черезъ поле у сосѣда	—
15.	Ты угушка луговая	103
16.	Что, Ваня, не бѣлъ, не румянъ	—
17.	Зелено вино въ кармаши	104
18.	Какъ у моего милаго	—
19.	У воротъ дѣвка стоитъ	105
20.	Что подъ бѣлою, да подъ-березою	106
21.	Вы дѣвцы красавицы	—
22.	Простучало, прогрѣло	107
23.	Голубица надъ водицей	—
24.	Во саду-ли, въ огородѣ	—
25.	Бѣжала кума	108
26.	Мимо Пашеньку Шиннова	108
27.	За тмью	—
28.	Какъ спазали про дѣвицу	—
29.	Ужь ты змиушка зина	109
30.	Вдоль было по травкѣ	—
31.	Поѣду завтра въ городъ	110
Б. Пѣсни каминцы (на вѣсѣлахъ)—(111—113):		
1.	По сѣвничкамъ, сѣвничкамъ	111
2.	Какъ по горницѣ столовой	—
3.	Какъ по морю, морю снегу	112
4.	По морю, морю суденко бѣжить	—
5.	Ты гуляница-ли, наше гулянье	113
6.	У нашихъ было у воротъ	—
7.	Пѣсня во время страды: Маленькой мальчишко въ горникѣ сидѣлъ	—
В. Дѣвичьи пѣсни (113—117):		
1.	Сидѣла Дуношка въ гореникѣ одна	—
2.	Ахъ на посадѣ дѣвка взрошена	114
3.	Ахъ тонокъ, да дологъ	—
4.	Кустъ, кустъ	—
5.	Ахъ, голубица по водицу	—
6.	Ты раскуривилъ сельскій писарь	115
7.	У Макарова двора	—
8.	А я куда съ горы дѣваюся	—
9.	Что кому за дѣло	116
10.	Стояла рибнишка на городѣ	117
Г. Пѣсни колыбельныя (117—119):		
1.	Бай, бай	—
2.	Василька дружечень	—
3.	Катм по катм	—
4.	Байки по байки	—
5.	Тирунн, тирунн у Петруни	118
6.	Приди котикъ почевать	—
7.	Байки по байки, да матери китайки	—
8.	Спи, носки по ночамъ, да рости по часамъ	—
9.	Бай, бай, бай, лю, лю, лю	—
10.	Соболи, вунцы въ головкахъ спать	—
11.	Спи, Амнушка моя	—
12.	Спи, нога заботъ не знаешь	—
13.	Спи, спи мое дитятко	—
14.	Баюшки бай, люлюшки лю	119
ГЛАВА VI. ОНЕЖСКІЯ ПѢСНИ И ИГРЫ 120—138		
А. Уточка (120—124):		
1.	Уточка поплавай-ка	120
2.	Утка лебедку гонила—гонила	—
3.	Ходить гуляеть	—
4.	Не летай-ка соловьюшка	121
5.	Я найду-ли пойду, загулюю	—
6.	Не ходи, моя милая	—
7.	Во садку была я	122
8.	На ручью было, на мѣдвяномъ	—
9.	Что не штофникъ по горницѣ бречать	—
10.	Какъ у насъ въ горникѣ хороши	123
11.	Двое ходить не велики	—

12. Чивиль-чивиль, воробей	123
13. Деревня отъ деревни	—
Б. Игры (124—130):	
1. Царевъ смилъ	124
2. Не мовъ монастырь сгановился	125
3. Барина женить	126
4. Дружина	127
5. Столбичокъ	128
6. Косая огорода	—
7. По горамъ ходить	129
В. Вечеринки вообще (130—133):	
1. Шла брала поговоръ	130
2. По Дону гуляетъ	—
3. Ужь вы горы, горы высочія	131
Г. Лѣтніе хороводы (133—138):	
1. Безпечальное, беззаботное	134
2. Я единой дочкой у батюшки	—
3. Не весела помнаница	135
4. Объ чемъ мальчишъ сумнѣвался	—
5. Какъ цѣли-то, цѣли	136
6. Снѣжки бѣлые, пушистые	137
7. Вы, премилыя мои дѣвушки	—
8. Отлетаюшко, дѣвушки, запоємъ	—
ГЛАВА VII. ЗАБЛИНАНІЯ, НАГОВОРЫ, ОБЕ- РЕГИ	139—222
А. На любовь (26): Слова присушать дѣвицѣ,—тоску на- пустить,—подходы на любовь всѣхъ людей,—на прилу- ченіе,—навести красоту,—снять тоску,—на разлуче- ніе,—на уступку	139—145
Б. При бракѣ (12): Подходъ свата,—свадебные обереги,— свадебные отпуски,—слова отъ порчи	145—152
В. Подходящія слова на общественныя отношенія (17): На царскія очи,—ко властямъ,—къ начальству,—во всякому нужному человѣку	152—156
Г. Отношенія къ природнымъ и сверхъестественнымъ си- ламъ (32): Къ грому,—къ звѣздамъ,—къ дождю,—къ вѣ- тру,—къ домовому,—къ дворовому,—къ банному,—къ лѣшему,—къ нежиту,—къ нечистому духу,—при иснаніи кладовъ,—при собираніи напоротинна,—при купаніи,— при вышнаніи огня,—на сонъ	157—166
Д. На промыслы и домовое хозяйство (57): Правильно на- стуху скотъ пасти,—обереги скота отъ звѣрей,—чтобы скотина стояла,—отъ ляганья,—отъ падежа,—на нокоть,— отъ медвѣдя,—слова у скотина путь украсть,—отпустить пастуха лошадей пасти,—противъ конскихъ болѣзней,— пчелиныя слова,—на рыбную ловлю и уменье,—охотничьи слова,—на птичью стрѣльбу,—обереги отъ ворона,—отъ злаго человѣка на охотѣ,—приносныя слова на звѣря,— слова утечь,—слова горностаіе,—вѣкомъ ловить,—зая- чьи правила,—слова и прикосы	166—197
Е. Обереги человѣка отъ недуговъ, волшебства и витш- ной силы (111): Отъ всякой болѣзни,—при родахъ,—отъ роднища,—отъ полуношницы,—отъ чесотки,—отъ зу- бовъ,—отъ грижи,—отъ ячменя,—отъ сучьего сучья,— отъ озѣва	—

лія,—отъ стрѣль,—отъ сердечной тоски,—отъ трясавицы и лихорадонъ,—отъ вереда или пунша,—заговоры прови и на унятіе руды,—отъ ранъ,—на вѣрность тѣла,—отъ ура- зу или ушибу,—отъ ожогу или обвару,—отъ пьянства,— отъ дѣли и долгаго снанья,—отъ портежа съ вѣтра,—на манокось,—отъ оговора, сглаза, баенной нечисти и испугу, —отъ уроковъ, призоровъ и прикосовъ,—на притчу,—отъ колдуновъ,—отъ порчи и нюты,—отъ всякаго погубаенія. 197—222	Стр.
ГЛАВА VIII. СКАЗАНІЯ И СКАЗКИ	223—237
А. Сказанія (223—225):	
1. Сказаніе о муцѣхъ	223
2. Пятничныи свитокъ	—
3. Отчего уставился вино душенугубное	224
Б. Сказки (225—237):	
1. О молодцѣ и прекрасной дѣвицѣ, велащавой душѣ	225
2. Диво дивное, чудо чудное	226
3. О Марьѣ царевнѣ	227
4. О старикѣ и старухѣ и о сынѣ ихъ Одолорѣ Исаимовѣ	228
5. О солдатѣ Мартышкѣ	230
6. О разбойникѣ Колотыгѣ	232
7. О волкѣ и лисицѣ	233
8. О старухѣ волшебницѣ	234
9. Что случилось на островѣ Грумантѣ (Новой Землѣ)	—
10. Всего свѣта не поворотить	236
11. О похищеніи вихремъ дѣвицъ	—
12. Дѣтская сказка	237
ГЛАВА IX. ЗАГАДКИ, ПОСЛОВИЦЫ, ПРИБА- УТКИ	238—253
А. Загадки (190)	238
Б. Пословицы и поговорки (586)	243
В. Шутки и прибаутки (73)	250
ГЛАВА X. СЛОВАРЬ МѢСТНЫХЪ РѢЧЕНІЙ . 254—276	
Адамовикъ—Батманъ	254
Батогъ—Борада завить	255
Бородачь—Вальчагъ	256
Валявецъ—Галить	257
Галуха—Днище	258
Догнуть—Железные ворота	259
Жерновой зубъ—Запрошка	260
Залази—Ижъ	261
Избомытье—Клоцы морскіе	262
Клѣтка—Крещонный	263
Куглиня—Духимъ матомъ	264
Лопатить—Молочиво	265
Моржа колотъ—Накровъ	266
Палистникъ—Опльвъ	267
Опльвъ—Пикша	268
Пирожки—Подѣлъ	269
По заявью—Присвой	270
Прискать—Пустова	271
Пустоградъ—Сарай	272
Сарафанная почта—Стрѣляня	273
Стѣна—Ухайбать	274
Ухвоить—Шипульки	275
Шкивдорка—Ясачить	276

П О П Р А В К И.

На стр. 9, столб. 1, строка 16 снизу, напечатано: „накалкѣ“, слѣдуетъ читать: „на Калкт“.

Стр. 51, столб. 1, строка 1 снизу, напечатано: *Л. М.* вм. *А. М.*

Стр. 64, столб. 2, строка 11 снизу, стоять: 51 вмѣсто 57.

Стр. 85, столб. 1, строка 20 снизу, стоять: 85 вм. 75.

Стр. 97, столб. 1, стр. 10 сверху, въ вѣкоторыхъ экземплярахъ оставлено пустое мѣсто между словами: „въ“—„пожить“, слѣдуетъ читать: „въ любви пожить“.

Стр. 103, столб. 2, стр. 9 снизу, напечатано: „бѣлѣ“, вм. „бѣлѣ“.

Стр. 107, столб. 2, между строками 3 и 4 снизу, слѣдуетъ поставить: 24, такъ какъ третьей строкой начинается новая пѣсня.

Стр. 114, столб. 1, строк. 1 снизу, стр. 117; столб. 2, строк. 3 снизу и стр. 165, столб. 1, строк. 25сверху, вмѣсто *П. И.* слѣдуетъ читать *П. А.*

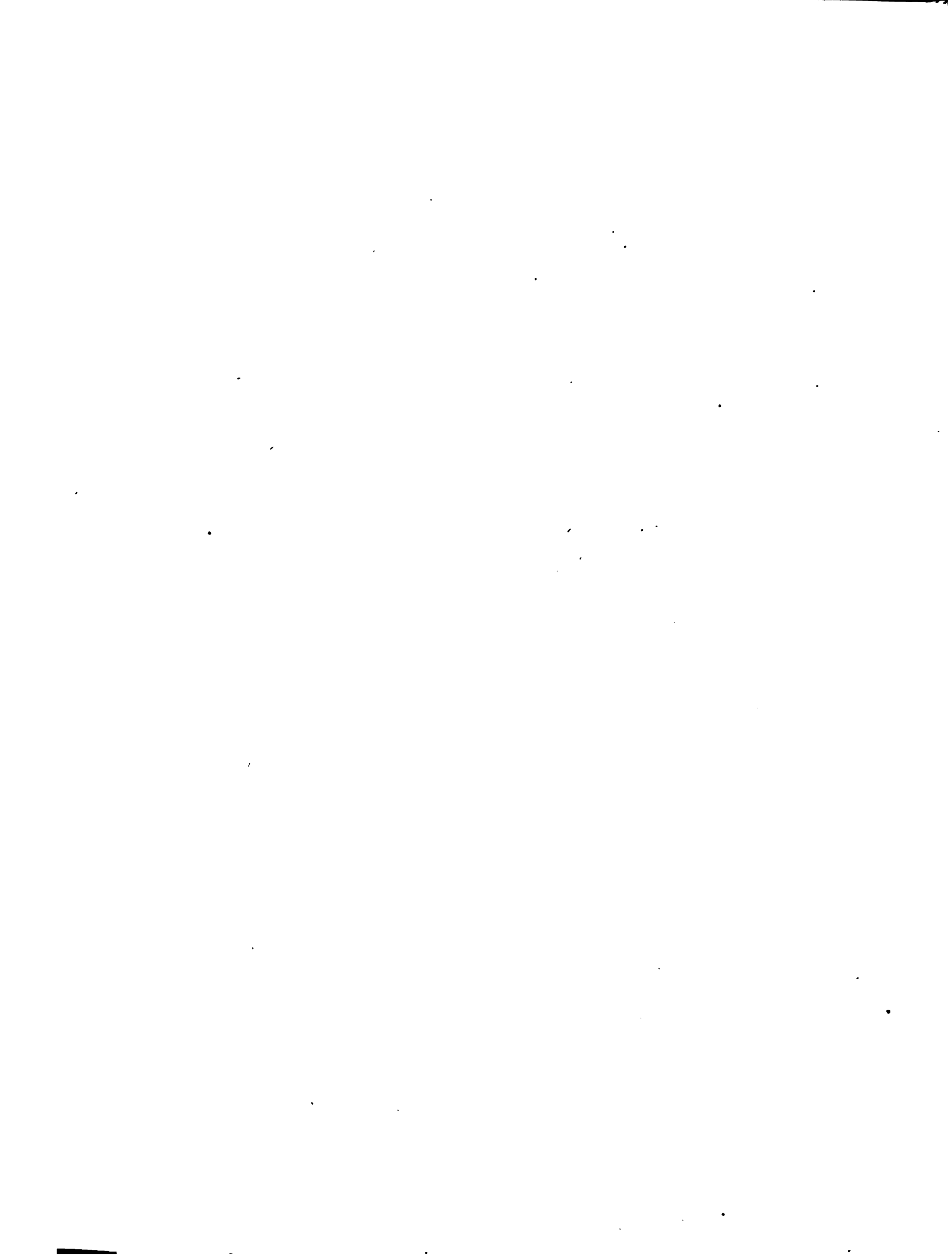
Стр. 123, столб. 2, стр. 7 снизу, напечатано: 3, вмѣсто 13.

Стр. 174, столб. 2, стр. 19 сверху, вм. „Нижне-озера“ слѣдуетъ читать: „Нижозера“.

Стр. 216, столб. 1, строки 10—11 сверху, вм. „Колчинскимъ“, читай: „Колчинымъ“.

Стр. 219, столб. 1, строк. 11 снизу, напечатано: „Тешенинѣ“, надо: „Шешенинѣ“.

І. О БЫЛИНАХЪ, СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ СБОРНИКЪ П. С. ЕФИМЕНКА.

(Читано въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣла 22-го декабря 1874 г.)

Узнавъ изъ отчета о засѣданіи 19 марта *), что въ нашъ Отдѣлъ доставлено П. С. Ефименкомъ значительное количество этнографическихъ матеріаловъ изъ Архангельской губерніи, и въ томъ числѣ десять былинь, я успѣшилъ познакомиться съ этими новыми научными сокровищами, что, благодаря нашему предсѣдателю, удалось мнѣ весьма легко. Всего болѣе привлекали меня былины и онѣ не обманули моихъ ожиданій. Каждый изъ нихъ представляетъ что нибудь новое, а нѣкоторыя имѣютъ великую важность для изученія русскаго эпоса. Въ настоящее время я считаю не лишнимъ предложить вниманію господъ членовъ Отдѣла нѣсколько замѣчаній о значеніи этихъ былинь для науки и о содержащихся въ нихъ новыхъ фактахъ.

Всѣхъ былинь въ сборникѣ 10: шесть изъ нихъ записаны священникомъ Розановымъ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, четыре остальные А. М. Никольскимъ въ городѣ Мезени. Мезенскія былины сохранились лучше и отличаются весьма значительнымъ объемомъ; вообще же и тѣ, и другія довольно близки по складу къ Олонецкимъ, представляя однако легкія отличія въ языкѣ и нѣкоторыя особенныя выраженія. Самый рассказъ иногда уклоняется отъ общепринятыхъ Олонецкихъ преданій, но разница выходитъ только въ частности; вообще мы имѣемъ дѣло съ тѣми же самыми личностями, съ тѣми же строемъ жизни, съ тѣми же богатырскимъ міромъ, какъ и въ Олонецкомъ эпосѣ, и остается только удивляться крѣпости богатырскихъ типовъ, которые, разъ сложившись въ народной жизни, безвредно проходятъ вѣка и остаются вѣрными древнѣйшимъ образцамъ, гдѣ бы ни была записана былина—на Бѣломъ ли морѣ, на Волгѣ, или на Уралѣ.

Мы займемся сначала Розановскими былинами. Всего важнѣе изъ нихъ первая: объ ней стоитъ подробно поговорить.

*) См. «Труды» Этнографическаго Отдѣла, кн. III, вып. I, с. 98—100.

Содержаніе слѣдующее. Въ городѣ Рязани у гостя торговаго Никиты Романовича родился сынъ Добрыня Никитичъ. Рано потерявъ отца, онъ достигаетъ полнаго возраста и начинаетъ совершать богатырскіе подвиги. Молва о немъ расходится по землѣ, доходитъ и до города Муромъ, до стараго козака Ильи Муромца. Илья хочетъ посмотрѣть, что за новый богатырь проявился. Ѣдетъ «Осударь» (такъ постоянно величаютъ Илью былина) къ городу Рязани и, подѣзжая, удивляется внезапной славѣ, пріобрѣтенной этимъ городомъ, и говоритъ съ недоумѣніемъ: «Досель Рязань слободой слыла, нонѣче Рязань слыветъ городомъ». Вспомните, что Рязань была пригородомъ Муромъ, долго уступая ему въ значеніи, такъ что слова эти особенно замѣчательны въ устахъ Муромца и намекаютъ на старинное соперничество старшихъ и младшихъ городовъ. Илья пріѣзжаетъ въ Рязань; дѣти, играющія на улицѣ, указываютъ ему домъ Добрыни. Кричитъ Осударь зычнымъ, крычнымъ голосомъ, такъ что палата съ боку на бокъ колыбается. Выходитъ Добрынина матушка и привѣтствуетъ Илью по имени. «Почему ты меня знаешь?», спрашиваетъ Илья.—«Я бывала у васъ въ Муромѣ, знаю тебя съ молодечества».—Чуть ли здѣсь нѣтъ намекъ на какія нибудь древнія преданія о происхожденіи Добрыни, но объ этомъ скажемъ ниже. Добрыни нѣтъ дома и Осударь ѣдетъ искать его въ поле. Выѣхавъ онъ на шеломя окатистое (это древнее слово очень обыкновенно въ Архангельскихъ былинахъ) и видитъ: въ полѣ богатырь потѣшается, тяжку палицу подбрасываетъ подъ облако. Точно также, по словамъ другихъ былинь, встрѣчается Илья со своимъ сыномъ Збутомъ-Борисомъ. Илья требуетъ поединка, а Добрыня поступаетъ опять таки сходно со Збутомъ: спускаетъ сокола съ руки и посылаетъ къ своей матушкѣ извѣстить ее, что онъ въ опасности. Въ пѣснѣ о Збутѣ послѣдняя черта впрочемъ изгладилась: бога-

тырь отпускает сокола просто потому, что ему теперь не до него, да и въ той былинѣ, которую мы разбираемъ, посылка сокола не приводитъ ни къ какимъ послѣдствіямъ; но эта самая незаконченность эпизода показываетъ, что были и такіе варианты, въ которыхъ являлась матушка Добрыни (а можетъ быть и Збута) и прекращала поединокъ своимъ вмѣшательствомъ. Какъ бы то ни было, богатыри вступаютъ въ бой. Описание его то же, что въ былинѣ о Збутѣ. Дѣло кончается рукопашной схваткой и въ ней Добрыня одолеваетъ Илью не силой, а искусствомъ, ибо онъ «мастеръ былъ съ крутой—съ носка спущать». Побѣжденный Илья, послѣ долгихъ отказовъ, наконецъ объявляетъ свое имя и тогда Добрыня падаетъ ему въ ноги и проситъ прощенья въ своей дерзости. «Богъ проститъ», отвѣчаетъ Илья и богатыри заключаютъ между собой братство. Затѣмъ, они ѣдутъ въ Рязань и пируютъ въ Добрыниныхъ палатахъ.

Въ такомъ видѣ сохранилась эта пѣсня. Главное достоинство ея въ томъ, что это единственная былина о Добрынѣ, въ которой вовсе не упоминается объ Кіевѣ. Не только Добрыня является исключительно Рязанцемъ, но и самъ Илья исключительно Муромцемъ. Былина эта не принадлежитъ къ циклу Владимира: это былина, Суздальскаго цикла, въ настоящее время единственная.

О существованіи въ древней Руси особеннаго круга Суздальскихъ преданій, весьма богатыхъ и еще болѣе историческихъ, чѣмъ Кіевскія, было извѣстно и прежде. Многія лѣтописи (всѣхъ болѣе Тверская) сообщаютъ намъ довольно подробные рассказы о Суздальскихъ богатыряхъ и рассказы эти имѣютъ довольно историческій характеръ, будучи весьма обстоятельны и не заключая въ себѣ ничего сверхъестественнаго. По словамъ ихъ богатырь Добрыня былъ не Кіевлянинъ, а Рязанецъ и носилъ прозвище Златой поясъ. Находясь онъ на службѣ у великаго князя Константина Всеволодовича, вмѣстѣ съ Александромъ Поповичемъ, Нефедомъ Дикунемъ, своимъ оруженосцемъ Торопомъ и многими другими героями, которыхъ преданія насчитываютъ до семидесяти.

Старшимъ между ними былъ Поповичъ. Всѣ эти «храбры», какъ называетъ ихъ лѣтопись, оказали большія услуги Константину, особенно при осадѣ его города Ростова братомъ и соперникомъ Константина Юріемъ Всеволодовичемъ и потомъ на Липецкомъ бою. Но когда, по смерти Константина, сѣверное ве-

ликое княженіе досталось этому самому Юрію, то «храбры» должны были перейти на службу къ великому князю Кіевскому Мстиславу Романовичу. Тотъ принялъ ихъ съ великою честью, но вскорѣ всѣ они вмѣстѣ со своимъ княземъ погибли на Калкѣ и въ мукахъ, такъ сказать, умерло русское богатырство.

Преданія эти, очевидно, были совершенно независимы отъ Кіевскаго цикла, но въ послѣдствіи Владиміръ заглушилъ въ народной памяти Константина и Мстислава и Суздальскіе герои или вовсе изгладились изъ былинъ, какъ на примѣръ Нефедъ Дикунъ, или слились съ Кіевскими богатырями, носившими сходныя имена. Александръ Поповичъ еще остался Ростовцемъ, но былъ перенесенъ въ Кіевскій кругъ; Добрыня Никитичъ и вовсе сдѣлался Кіевляниномъ и притомъ, не торговымъ гостемъ, а племянникомъ Владиміра по матери. Мы уже имѣли случай указать, что этотъ герой, по всему вѣроятію, замѣнилъ въ Кіевскихъ былинахъ древнѣйшаго богатыря Андриха Добренковича, о которомъ говоритъ Никоновская лѣтопись. Но только что разобранныя нами былина совершенно чужда этого смѣшенія личностей и потому крайне любопытна. Замѣтимъ впрочемъ, что и у Кирши Данилова одинъ рассказъ объ Добрынѣ начинается словами: «Доселева Рязань селомъ слыла» и проч., и тутъ же говорится о рожденіи Добрыни отъ богатаго гостя, но затѣмъ дѣйствіе немедленно переходитъ въ Кіевъ, а Добрыня оказывается племянникомъ Владиміра.

Что же касается до очевиднаго сходства нашей былины съ пѣсню о Збутѣ, то мы объясняемъ его тѣмъ, что какъ южный эпосъ присваивалъ себѣ сѣверныхъ богатырей, такъ и, наоборотъ, Суздальскія преданія занимали у Кіевскихъ богатырскія личности и въ особенности самые мотивы. Какъ кажется, древнѣйшій богатырь Илья Муромецъ, по общерусскому возрѣнію, дѣйствующій по преимуществу въ Кіевѣ, въ частномъ Суздальскомъ эпосѣ — былъ опять перенесенъ въ свой родной Муромъ и сдѣланъ отцемъ мѣстнаго Суздальскаго богатыря Добрыни Никитича. Приэтомъ, разумеется, были взяты образы и краски изъ былины о Збутѣ. По крайней мѣрѣ, сквозь теперешній видъ Розановской былины очевидно просвѣчивается, что-то древнѣйшее и уже непонятное теперешнимъ пѣвцамъ.

Во второй былинѣ говорится о свадьбѣ Владиміра Новаго то, что богатыря Дуная, который указываетъ невѣсту Владиміру, приводятъ не изъ царева кабака,

а изъ тюрьмы, куда онъ посаженъ за что-то княземъ. За-мѣчательно выраженіе — «Копье бусурменское» встрѣчающееся въ этой былинѣ и въ одной изъ слѣдующихъ. До сихъ поръ было извѣстно только копье мурзавецкое или мурзавецкое; изслѣдователи обыкновенно производили это прилагательное отъ мурза, что едва ли не противно духу нашего языка. Теперь, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что мурзавецкій есть искаженіе слова бусурманскій, или можетъ быть мусульманскій, хотя впрочемъ послѣдняя форма кажется не встрѣчается въ древнемъ русскомъ языкѣ. Отмѣтимъ еще хорошую подробность въ эпическомъ вкусѣ. Когда Дунай вышибаетъ изъ сѣдла Нѣпру корелевичну и она падаетъ на землю, тогда «приступилъ копытомъ его добрый конь», то есть придержалъ плѣнницу. Остальныя разпорѣчія представляютъ мало характернаго.

Третья былина о свадьбѣ Ивана Годиновича. Въ ней замѣчателенъ конецъ. Содержаніе ея извѣстно: Иванъ отправляется въ Черниговъ сватать Марью, дочь Черниговскаго князя, но получаетъ отказъ, ибо она уже сговорена за царя Кошея. Иванъ однако беретъ ее силой и ѣдетъ въ Кіевъ. На дорогѣ его догоняетъ царь Кошей. Единоборство кончается въ пользу Ивана, но Марья передается на сторону язычника Кошея и помогаетъ ему связать Кіевского богатыря. Ивана привязываютъ къ дубу, надъ его головой садятся два вѣщихъ голубя и человѣческимъ языкомъ пророчатъ гибель Кошею, тотъ пускаетъ въ нихъ стрѣлку, но она отскакиваетъ отъ дерева и попадаетъ ему въ сердце. Затѣмъ, по словамъ большинства вариантовъ, Иванъ общается Марьѣ прощеніе, употребляя при этомъ двусмысленныя слова, но, получивъ свободу, рубитъ ее на куски. Только одинъ вариантъ рассказываетъ, что Марья не повѣрила его обѣщаніямъ и хотѣла отрубить ему голову, но вмѣсто того перерубила веревку, которою онъ былъ связанъ. Но и этотъ вариантъ выражается довольно неясно. Въ нашей былинѣ напротивъ того, рассказъ совершенно отчетливый и прямо говорится, что Ивану грозила смерть отъ руки невѣсты и онъ спасся только случайно. Голуби объясняются двумя ангелами; самая развязка, то есть казнь Марьи, рассказана сходно съ однимъ, уже извѣстнымъ, Олонецкимъ вариантомъ, но при этомъ есть любопытныя подробности. По словамъ этого варианта Иванъ убиваетъ Марью не тотчасъ, а везетъ ее въ Кіевъ; по подѣхавъ къ рѣкѣ, приказываетъ ей сойти съ коня и принести

ему воды. Та отвѣчаетъ: «Не воду хочешь ты пить, а меня губить», и тогда Иванъ рубитъ ей голову. Въ нашей былинѣ прибавлена любопытная черта: Иванъ приказываетъ Марьѣ разуть ему сафьянный сапогъ и зачерпнуть воды. Спрашивается, зачѣмъ ему нужна вода? Соображая слѣдующія слова былинны, можно думать, что онъ хочетъ вымыть свою саблю послѣ убійства, но это упоминаніе о сапогѣ невольно заставляетъ искать во всемъ эпизодѣ какого нибудь болѣе древняго и общаго смысла. Извѣстно, что снятіе сапога было исконнымъ свадебнымъ обрядомъ, выражаемымъ подчиненіемъ жены мужу. Сравните лѣтописный рассказъ о Рогнѣдѣ, нехотѣвшей разуть Владимира и за это потерпѣвшей такое страшное наказаніе. Кажется, что въ древнѣйшихъ вариантахъ былинны объ Иванѣ Годиновѣ отказъ Марьи снять съ него сапогъ и выставлялся окончательною причиной ея смерти. Дѣло въ томъ, что, по словамъ былинны, Марья княжеская дочь, а Иванъ человѣкъ непатнаго происхожденія. Тотъ же самый мотивъ, что и въ легендѣ о Рогнѣдѣ; причемъ роль Ярополка играетъ царь Кошей. Замѣтимъ, что и въ этой и въ нѣкоторыхъ другихъ былинахъ, собственныя имена довольно перепутаны. Напримѣръ, Кошей названъ Вахрамеемъ, князь Черниговскій княземъ Ляховецкимъ, и пр. Отмѣчать этихъ очевидныхъ ошибокъ мы не видѣли надобности.

Убивъ Марью, Иванъ моетъ саблю въ Почай-рѣкѣ и возвращается въ Кіевъ; Алеша Поповичъ встрѣчаетъ его насмѣшками: «Здоровъ женился, не съ кѣмъ тебѣ жить». На что Иванъ отвѣчаетъ: «Я женилъ свою саблю вострую». Четвертая былина о Дюкѣ Степановѣ не представляетъ ничего особеннаго. Пятая говоритъ о борьбѣ Ильи Муромца съ Соловьемъ. Есть кое что новаго. Черниговцы, освобожденные Ильей отъ осады, зовутъ его на воеводство въ такихъ словахъ:

«Поди къ намъ, хоть царемъ служи,
Хоть королемъ слыви».

Выраженіе «княземъ служить» уже встрѣчалось въ одномъ вариантѣ, но представлялось чѣмъ-то единичнымъ. Въ Архангельскихъ былинахъ находится еще одно сходное мѣсто, о которомъ скажемъ ниже.

Соловей изображенъ людодомъ. Когда Илья везетъ его прикованнаго къ стремени, дочери разбойника говорятъ, что это должно быть ихъ батюшка везетъ какого нибудь плѣнника на съѣденіе малышъ дѣтушкамъ. Но всего замѣчательнѣе окончаніе былинны. До сихъ поръ

всѣ варианты утверждали, что Соловей былъ казненъ въ Кіевѣ, но, по словамъ нашей пѣсни, дѣло окончилось иначе. Илья взялъ выкупъ съ разбойника и раздѣлилъ его на церкви Божіи, на городъ Кіевъ и на «сиротъ православныхъ» (крестьянъ?). А Соловья отпустили домой, взявъ съ него «роту великую». Это древнее слово кажется первый разъ встрѣчается въ эпосѣ. Если, какъ многіе думали, историческимъ прототипомъ Соловья разбойника былъ лѣтописный Могуть, то нашъ вариантъ ближе другихъ подходитъ къ древнѣйшимъ преданіямъ; ибо, по словамъ Никоновской лѣтописи, Владиміръ помиловалъ Могута. Последніе стихи былины относятся къ страшному людоѣду даже съ какимъ-то особеннымъ добродушіемъ:

«Пошелъ Соловеюшко Рахмановичъ,
Пошелъ къ своему широку двору,
Оставался Осударъ Илья Муромецъ
Жить во городѣ Кіевѣ».

Шестая былина не принадлежитъ къ Кіевскому циклу. Рѣчь идетъ о царѣ Соломонѣ. Замѣчательнъ за пѣвѣ:

«Во Цареградѣ служилъ Соломонъ царь,
Во Новѣградѣ, прекрасный царь Василій сынъ
Окульевичъ».

Варианты былины о Соломонѣ довольно рѣдки и поэтому имѣютъ особенную цѣнность; что же касается до нашего, то онъ принадлежитъ къ числу лучшихъ, имѣя значительный объемъ и заключающая много хорошихъ подробностей. Особенно хорошо мѣсто, гдѣ говорится о морѣ и корабляхъ. Это объясняется мѣстностью, гдѣ записана былина. Врагъ Соломона прекрасный Василій посылаетъ Василя Пустоволосовича (новое имя) увести Соломону жену. Василій Пустоволосовичъ нагружаетъ три корабля сокровищами и, подъ видомъ купца, отправляется въ Царьградъ.

«Приходилъ онъ въ гавань корабельную,
Въ гавань входитъ—платить пошлину,
Якоря кладетъ—платить пошлину,
Паруса ронить—платить пошлину».

Затѣмъ, онъ зоветъ царицу Соломонида на корабль, чтобы оцѣнить грузъ. Тамъ онъ подноситъ ей питья забыдушаго.

«Заспала царица Соломонида
Во той каютѣ корабельной,
Выходитъ Василій изъ каюты корабельной,

На тую на палубу дубовую:

«Ужъ ты гой еси дружинишка хоробран,
«Отсѣкайте якори булатные,
«Выпускайте парусы полотняные».
Въ ту пору дружина не ослышалась,
Отсѣкала якори булатные,
Развивала парусы полотняны;
И пошли изъ гавани изъ корабельныя,
Падала тутъ повѣтеръ способная,
Выходилъ Василій на сине море,
И тутъ русская земля-то потапалася,
А невѣрная земля возвременилася».

Когда Соломона берутъ въ плѣнъ и ведутъ на казнь, то онъ, зная, что сейчасъ явится его дружина на встрѣчу, совѣтуетъ бѣгущему за нимъ народу разойтись по домамъ.

«Ужъ вы гой еси, народы православные,
Воротитесь вы паповья-улановья:
Соломонова-то смерть страшна будетъ.
Мудрый народъ воротилися,
А глупый народъ-то впередъ идетъ» и проч.

Окончаніе извѣстное: враговъ Соломона вѣшаютъ на приготовленной для нихъ висѣлицѣ.

Переходимъ къ первой Мезенской былинѣ—перлу всего сборника. Съ ней можетъ поспорить только былина о Добрынѣ Рязанцѣ, но если эта и представляетъ болѣе важности для исторіи русскаго эпоса, то Мезенская превосходитъ ее изяществомъ и обиліемъ подробностей. Самый объемъ ея замѣчательнъ: до 600 стиховъ.

Былина состоитъ изъ двухъ половинокъ: въ первой говорится о пріѣздѣ въ Кіевъ Алеши Поповича. Содержаніе совершенно новое. Извѣстно, что хотя объ Алешѣ Поповичѣ и весьма часто упоминается въ эпосѣ, но онъ является въ немъ почти всегда второстепеннымъ лицомъ и притомъ съ самою скверною ролью. Былинѣ специально ему посвященныхъ до сихъ поръ было извѣстно двѣ: одна о первомъ его пріѣздѣ въ Кіевъ, другая объ освобожденіи имъ своей сестры. Последняя, пожалуй, можетъ быть отнесена и къ Суздальскому эпосу, такъ какъ имя Кіева въ ней не упомянуто. Теперь къ ихъ числу присоединяется еще третій рассказъ. Онъ описываетъ тоже первый пріѣздъ, но совершенно иначе. У Левонтья, попа Ростовскаго, родился сынъ Алеша. Достигнувъ совершеннолѣтія, онъ проситъ у отца дружину хоробрую и отправляется съ ней во чисто поле.

Попъ Левонтій, такимъ образомъ, оказывается имѣющимъ дружину, что не должно насъ удивлять, ибо въ древней Руси протопопы большихъ городовъ близко подходили по значенію къ архіереямъ, а послѣдніе имѣли большой дворъ, иногда же (какъ въ Новгородѣ) и дружину. Алеша прѣзжаетъ къ тремъ дорогамъ: одна въ Кіевъ, другая въ Черниговъ, третья къ Синему морю. Замѣтимъ эти три дороги: онѣ имѣютъ великое значеніе въ эпосѣ, на этомъ-то перекресткѣ и совершилось большинство подвиговъ воспѣтыхъ былинами. Алеша колеблется между Кіевомъ и Черниговомъ, дружина отсвѣтываетъ ѣхать въ послѣдній городъ. «Во Черниговѣ вина заборчивы, калачницы хорошія, какъ заѣдемъ такъ и загуляемъ—и пройдетъ про насъ славушка не малая, дойдетъ до города Ростова, до Левонтя попа Ростовскаго. Лучше ѣхать въ Кіевъ, поклониться Божіимъ церквамъ». Ъдутъ къ Кіеву, но этотъ городъ осажденъ Василиемъ прекраснымъ. Богатыри разгоняютъ Татаръ и такимъ образомъ Алеша Поповичъ является освободителемъ Кіева отъ кочевниковъ, что согласно съ рассказомъ Никоновской лѣтописи о древнѣйшемъ богатырѣ Александрѣ Кіевскомъ. Они молятся въ церквахъ Божіихъ и уѣзжаютъ домой. Владиміръ не догадался позвать ихъ на пиръ. Но про ихъ подвигъ прошла славушка не малая:

«Отъ того ли города Ростовскаго
До того ли города до Кіева,
До тоѣ ли горы до Черниговки,
До того ли шелома окатиста,
До тоѣ березоньки кудрявыя,
До того шатра бѣлополотнянѣ,
До того ль удала добра молодца
А по имени до Ильи Муромца,
Что очистилась дорожка прямоѣзжан
Отъ того Алешиньки Поповича».

Ставка Ильи, знаменитая Кіевская застава богатырская, описана и въ другихъ былинахъ сходными чертами. Она стоитъ при трехъ дорогахъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, на горѣ Сорочинской и подъ «славнымъ сырымъ дубомъ Невидомъ». Дубъ этотъ въ нашей былинѣ замѣненъ сѣверной березонькой и эта замѣна очевидно поздняя. Что же касается до горы Черниговка, то хотя и можетъ съ перваго разу показаться, что это мѣсто искажено и что рѣчь должна собственно идти о городѣ Черниговѣ, но съ другой стороны и гора Сорочинская имѣетъ уже слишкомъ общее значеніе

и отзывается позднимъ временемъ. А потому весьма возможно, что древнѣйшее имя богатырской горы было именно Черниговка, аэпитеть—Сорочинская—образовался изъ худо разложеннаго стиха: со тоѣ горы да со Черниговской. Примѣры подобныхъ искаженій часты и даже слишкомъ часты въ нашемъ эпосѣ. Имя Черниговка нѣтъ причинъ ставить въ связь съ городомъ Черниговомъ, ибо самое названіе города очевидно происходитъ отъ именъ собственнаго Чернигъ (сравни Смолигъ). Чернигъ былъ вѣроятно какой нибудь мѣстный Сѣверскій герой, который могъ дать свое имя многимъ Сѣверскимъ урочищамъ.

Дружина Алеши, убѣждая его напасть на Татаръ, говорила, что когда про это узнаетъ Илья Муромецъ, то «не дошедши, старый, намъ поклонится». Илья дѣйствительно отправляется разузнавать про новаго богатыря и, прѣхавъ въ Кіевъ, спрашиваетъ Владиміра, заѣзжалъ ли къ нему Алеша. Князь наивно отвѣчаетъ: «Были добрые молодцы въ Кіевѣ, молились церквамъ соборнымъ и поѣхали домой; я ихъ тогда на пиръ не позвалъ». Илья приказываетъ устроить теперь пиръ и послать за Алешей Добрыню Никитича. Алеша долго ломается, наконецъ ѣдетъ послѣ того, какъ Добрыня зоветъ его отъ имени Ильи и всѣхъ богатырей поименно. Князь и княгиня встрѣчаютъ его съ великою честью. При этомъ былина, описывая нарядъ Опраксы, говорить, что у ней руки по локоть наряжены въ золото, ноги по колѣно въ серебро и на груди камень самоцвѣтный. Былина разумѣетъ нарядъ, но это описаніе напоминаетъ золотыя руки и серебряныя ноги миѳическихъ героевъ, какъ на примѣръ Ярилы, и, очевидно, зашло въ Кіевскій эпосъ изъ миѳическихъ пѣсней. Владиміръ спрашиваетъ Алешу,—какой онъ желаетъ награды, а тотъ требуетъ, чтобы его дружину даромъ поили въ Кіевѣ. Послѣ двухнедѣльнаго пира Илья забираетъ всѣхъ богатырей къ себѣ въ шатеръ и тамъ опять начинается пиrowанье. Этимъ и оканчивается первая половина былины.

Вторая сообщаетъ не столь новыя вещи, но въ сущности важнѣе, потому что дѣло идетъ о единственномъ любовномъ походе Ильи Муромца, походе, о которомъ въ былинахъ до сихъ поръ встрѣчались только намеки. По свидѣтельству множества пѣсней, у Муромца былъ сынъ равный ему силой. Имя его сильно искажено въ большинствѣ вариантовъ, только одинъ Кириша Даниловъ сохранилъ его въ чистомъ видѣ: Збуть-Бо-

рись королевичъ. Равнымъ образомъ, былины по большей части молчатъ и о происхожденіи этого героя съ материнской стороны, а Кирша называетъ его внукомъ короля Задонскаго, то есть вѣроятно Козарскаго. На Козарство указываетъ и двойное имя героя: Збутъ-Борисъ. Збутъ звучитъ вполне по Славянски, но Борисъ есть имя древне Болгарское или точнѣе Угорское, слѣдственно могло употребляться и у Козаръ. Какимъ образомъ произошло знакомство Ильи съ матерью Збута, этого и Кирша не объясняетъ.

Одинъ пѣвецъ рассказывалъ г. Рыбникову, что Илья побѣдилъ однажды паянницу Авдотью Горынчанку и что Збутъ былъ ея сыномъ, но онъ уже не могъ пропѣть объ этомъ былины. Въ одной пѣснѣ изъ сборника Киршевскаго мать Збута дѣйствительно говоритъ сыну, что Илья ее въ чистомъ полѣ побилъ и сдѣлалъ ея любовникомъ, но ничего болѣе нельзя извлечь и изъ этой пѣсни. Всѣ эти намеки сообщаютъ преданію какой-то варварскій оттѣнокъ и нѣкоторые изслѣдователи даже выражались такъ, что этотъ эпизодъ кладетъ тѣнь на имя Ильи Муромца, хотя съ другой стороны выходитъ страннымъ, что былины какъ будто приписываютъ Ильѣ такой поступокъ, въ которомъ не рѣшаются обвинять и Алешу Поповича. Новооткрытая былина полагаетъ конецъ всѣмъ этимъ недоумѣніямъ и, такъ сказать, завершаетъ нашъ эпосъ. Могутъ открыться пѣсни о новыхъ богатыряхъ, могутъ найтись неизвѣстные еще эпизоды о старыхъ, но въ общихъ чертахъ нашъ эпосъ можетъ уже и теперь считаться полнымъ и законченнымъ.

Илья выспался послѣ пира и, выйдя изъ шатра, смотритъ въ поле. Видитъ онъ, ѣздитъ паянница преудалая, тяжку палицу подбрасываетъ подъ облако. Занятно старому стало, долго онъ смотрѣлъ на гулянку паянницыну. Слово «паянница», слѣдуетъ замѣтить, нѣсколько темно. Олонецкіе пѣвцы объясняютъ его богатыршой, но употребляютъ и въ мужескомъ родѣ, и это употребленіе весьма древнее, ибо встрѣчается у князя Курбскаго. Да и въ нашей былинѣ Илья называетъ паянницу паяницей, еще не зная, что передъ нимъ женщина. Равнымъ образомъ, неясно и самое происхожденіе слова. Пѣвцы иногда произносятъ паянница, такъ что объ полѣ трудно въ этомъ случаѣ думать; впрочемъ существуетъ другое объясненіе отъ слова «палить». Если это такъ, то паянница вѣроятно было въ старину эпитетомъ какойнибудь богини и всего скорѣе Симарглы-сипей Молнии,

(сравни имя Зореница, которое дается Зарѣ), а въ послѣдствіи его стали примѣнять и къ земнымъ героинямъ. Но довольно объ этомъ. Илья посылаетъ Алешу Поповича спросить паянницу: «Кто она и что ей нужно?» Въмѣсто того Алеша насканиваетъ на нее съ поднятымъ копьемъ. Но паянница вырвала у него копье, забросила въ поле и говоритъ таковы слова:

«Ужъ ты гой еси Алешинька Поповичъ младъ,
Ужъ ты сялою не силенъ, да напускомъ смѣлъ,
А не спрашивалъ ни имени, ни вотчины,
А и хочешь я тебя смерти предамъ,
Поѣзжай-ко се ты ко бѣлу шатру
И пошли-ко се самого Илью Муромца:
Мнѣ-ка хочется съ нимъ поназваниться».

Пристыженный Алеша возвращается и ничего не говоритъ. Илья посылаетъ Добрыню, тотъ исполняетъ порученіе какъ слѣдуетъ. Паянница отвѣчаетъ ему въ такихъ словахъ:

«Поѣзжай-ко ты Добрынюшка Никитичъ младъ
И пошли-ко се ты ко мнѣ старого:
Про его прошла вѣдь славушка не малая,
Ото востока прошла слава и до запада,
До тоя орды великой, до того Мамаю сильного:
Сторожить-де старъ козакъ онъ три дороженьки
широкихъ».

Опять три дороги, которыя мы видѣли уже въ началѣ былины. Это тѣ же, по которымъ совершились три значительныя поѣздки Ильи Муромца. Одна по Черниговской дорогѣ: тамъ Илья нашелъ замокъ прекрасной королевичны. Другая по дорожкѣ къ синему морю, и къ землѣ Греческой, гдѣ онъ разбилъ разбойничью заставу. Третья — черезъ Кіевъ въ землю Латынскую: тамъ онъ нашелъ владѣ. На самомъ пересѣченіи дорогъ лежитъ бѣлы горючъ Латырь камень, на которомъ Муромецъ прочелъ извѣстную пророческую надпись. Этотъ Латырь камень не разъ упоминается въ былинахъ при описаніи богатырской заставы и помѣщается возлѣ сыра дуба Невиды. А самое поле, гдѣ по преимуществу дѣржатся богатыри, зовется въ былинахъ Куликовымъ, что конечно есть искаженіе. Встрѣчается другое имя поле Елескино, но объ древности и значеніи его покажѣтъ трудно чтонибудь сказать.

Илья, услышавъ дерзкое требованіе паянницы, приходитъ въ гнѣвъ и скачетъ въ чистое поле. Начинается бой съ чертами извѣстными изъ былины о Збутѣ. Отметимъ только одну подробность. Когда герои начи-

нають биться палицами, то «отъ ружь палицы загорѣлись, по спаямъ палицы распаялись». Илья наконецъ одолеваетъ и разстегиваетъ кольчугу у врага, чтобъ его заколоть, но видитъ, что это женщина. «Какъ на то старый былъ жалостливъ», замѣчаетъ пѣсня. Онъ спрашиваетъ имя, паяница не отвѣчаетъ, какъ и требуетъ богатырскій этикетъ, но Илья все таки подымаетъ съ земли, ведетъ въ свой шатеръ и сажаетъ за столы убранные, за яства сахарныя. Тамъ они проводятъ три дня и три noci. «И сами двоима забавлялися и тайными словами занимаяся». Ни объ какомъ насиліи такимъ образомъ нѣтъ и рѣчи. Приѣздъ паяницы на богатырскую заставу совершенно сходенъ съ классическимъ преданіемъ о томъ, какъ царица Амазонокъ приѣзжала къ Александру Македонскому, чтобы имѣть отъ него сына богатыря.

Отпуская паяницу, Илья даетъ ей перстень со ставкою драгоцѣнною, и подписью именною старого. Черта весьма обыкновенная въ сходныхъ преданіяхъ, но въ нашемъ эпосѣ встрѣчается еще въ первый разъ. Онъ говоритъ ей такія слова: «Если родишь дочь, то дай ей перстень въ приданое, если родишь сына, корми его до полного возраста, дай ему этотъ перстень и пошлай въ чистое поле, да скажи ему, что если увидитъ онъ въ чистомъ полѣ старого (то есть Илью), такъ не дошедши пускай поклонится». Уѣхала паяница къ синему морю, къ сѣрому камешку, къ палатамъ бѣлокаменнымъ, стала жить въ палатахъ бѣлокаменныхъ. Мѣсто означено правильно, ибо Хозарія лежала при Каспійскомъ морѣ. По словамъ нашей былины, въ ней, какъ мы уже видѣли, царствуетъ Мамай, его, то дочерью кажется и была паяница. У Кирилы Данилова вслѣдъ за истребленіемъ Мамаи и его войска является какая-то цаланица Мамаи и вызываетъ на поединокъ богатырей, впрочемъ наконецъ погибаетъ. Это очевидно одно лицо съ нашей паяницей преудалой. И родила она чадо милое, дала ему имя сильный, могучій богатырь Подсокольникъ. Въ другихъ вариантахъ правильно: Сокольникъ. Это впрочемъ прозвище, настоящее имя Збуть-Борисъ. Растетъ молодецъ до 7 годовъ; сталъ ходить на улицу широкую, съ малыми ребятами потѣшаться. И называютъ его ребята безотеческимъ: нѣтъ-де у тебя родна батюшка. Обидѣлся молодецъ, идетъ къ родной матушки: государыня родна матушка, отчего же у меня нѣтъ батюшка? Та даетъ ему въ утѣшеніе золотой перстень. Надѣлъ его богатырь на ру-

ку. А все носилъ этотъ перстень, не любя, а все зло несетъ на батюшка. Такъ рано зараждается въ немъ ненависть противъ отца. Очевидно, что здѣсь дѣло не въ мести за оскорбленіе матери, какъ думали иные, а въ оскорбленномъ самолюбіи молодого королевича.

Достигнувъ двѣнадцати лѣтъ, богатырь ѣдетъ въ чистое поле. Мать предостерегаетъ его на счетъ Ильи, не сказавъ впрочемъ, что это его отецъ; но богатырь не обращаетъ вниманія на предостереженіе и вступаетъ въ бой съ Муромцемъ. Дальнѣйшій рассказъ большею частью извѣстенъ. Есть и отличія. Збуть, одолевъ отца, заноситъ на него ножъ, и тутъ-то Илья узнаетъ свой перстень. Взмолился старый къ Господу и осилилъ врага. По разпросамъ онъ убѣждается, что это его сынъ отъ «той лютой Златогорки сильной». Въ другомъ мѣстѣ Златогорка, что напоминаетъ бабу Латыгорку, встрѣчающуюся въ другихъ былинахъ. Латыгорка объясняли отъ Латырь-гора; какая форма древнѣе, трудно сказать. Илья называетъ Сокольника сыномъ любимымъ и говорить таковы слова: «Гуляй, дитятко, по чисту полю, не проливай крови безвинныя, не губи силу напрасную; поѣзжай ко синю морю, поклонись отъ меня своей матушкѣ». У Кирилы Данилова Илья совѣстится признаться сыну и онъ ограничивается тѣмъ, что посылаетъ поклонъ. Этотъ стыдъ приличествуетъ Ильѣ, но и мѣстѣ сто, которое мы привели, имѣетъ свои достоинства. Козарскій богатырь приходитъ въ бѣшенство, узнавъ, что онъ незаконный сынъ Муромскаго крестьянина. Онъ ѣдетъ къ синю морю и подѣхавъ къ палатамъ, немедленно кричитъ громкимъ голосомъ: «Ужъ ты гой еси злолихо, паяница преудалая, встрѣчай сына изъ чиста поля». Выбѣгала паяница преудалая, встрѣчала сына любимаго. Встрѣтилъ ее молодецъ острымъ копьемъ, пала паяница на сыру землю. Богатырь ѣдетъ къ шатру Ильи и нападаетъ на соннаго отца. Но его конь сокрушается о чуденъ крестъ, а разъяренный Муромецъ вскакиваетъ, съ просонковъ подбрасываетъ сына подъ облако и разбиваетъ его на куски. По нашему варианту королевичъ является такимъ образомъ матереубійцею; другія былины молчатъ объ судьбѣ паяницы, только у часто поминаемаго Кирилы намекается, что она послѣдовала за сыномъ въ чистое поле, желая, вѣроятно, предворотить отцеубійство и погибла отъ руки Добрыни (сравни былинку о Добрынѣ Рязанцѣ). Но Кирила уже самъ не понималъ, что рѣчь идетъ о матери Збута, почему его рассказъ и вышелъ слишкомъ блѣденъ. Такъ

или иначе, но эпосъ долженъ былъ похоронить и мать героя: иначе не было бы надлежащей законченности.

Этотъ страшно трагическій разсказъ встрѣчается чуть не у всѣхъ народовъ, но убійство сына отцемъ происходитъ всегда по ошибкѣ и въ этомъ-то и заключается трагизмъ событія. Вѣроятно и наши древнѣйшія преданія объясняли дѣло такъ же, но Кіевскій эпосъ отнесся къ нему уже съ другой—религіозной точки зрѣнія. По общему строю нашихъ былинь, изъ незаконной связи великаго, и чуть ли не святаго, богатыря съ языческой героиней и не могло выдти ничего хорошаго. Похождения, которыя проходятъ даромъ Добрынь и другимъ богатырямъ, не могли пройти даромъ для первепствующаго героя и страшная кара, ниспосланная Ильѣ, необходима для примиренія эпоса съ его личностью.

Слѣдующая былина представляетъ вариантъ пѣсни о битвѣ богатырей съ царемъ Мамаемъ. Вариантъ впрочемъ весьма самостоятельный и очень изящный. Царь Мамай приходитъ подъ Кіевъ и посылаетъ своего зятя, царя Василя: этотъ герой по настоящему долженъ являться только въ пѣсняхъ о Соломонѣ и пожалуй о Михайлѣ Потыкѣ. Мамай приказываетъ зятю писать письмо Владимиру, да не простое: «Заголовье печатай краснымъ золотомъ, посередкѣ частымъ серебромъ, а ужъ мы подпишемъ, высадимъ скатнымъ жемчугомъ, по угламъ посадимъ по камню самоцвѣтному». Съ такимъ письмомъ Василій отправляется въ Кіевъ. Владиміръ не знаетъ, что дѣлать. Какъ водится пріѣзжаетъ Ильѣ и проситъ отстрочки. Посолъ послѣ долгихъ отказовъ соглашается и за это его дарятъ соболями и золотыми блюдами. Ильѣ посылаетъ Потаню хроменькаго (упоминается и въ предыдущей былинѣ: этотъ герой собственно принадлежитъ къ Новгородскому кругу) сзывать богатырей. Они перечислены по имени и почти тѣ же, что въ былинѣ о Збугѣ. Замѣтимъ, что въ числѣ ихъ упомянуть Михайло Игнатьевичъ съ племянникомъ. Это, какъ видно, братъ Данилы Игнатьевича, пошедшаго въ монахи; о сынѣ его, Михайлушкѣ Даниловичѣ, есть особая былина. Эти два богатыря Данило и Михайло суть, какъ мы уже имѣли случай показать, одно лицо съ мужиками Залѣшанами: Михайло въ другихъ вариантахъ обыкновенно называется Никитой. Въ нашей былинѣ упомянуты кромѣ того новые богатыри: два брата Шапы Иванычи и два брата Суздальцы. Изъ Шаповъ извѣстенъ по другимъ вариантамъ только Давидъ Шапъ, по прозвищу Поповъ, соперникъ Соловья Будимировича.

Суздальцы являются первый разъ, если не считать довольно загадочнаго Суровца Суздальца у Кириши. Богатыри говорятъ, что они рады стоять за Кіевъ, только изволь, Владиміръ, выставить въ чистое поле по сороку бочекъ хлѣба бѣлаго и чернаго и зелена вина, чтобы было богатырямъ чѣмъ утѣшиться по пріѣздѣ съ побойща. Но они принимаются утѣшаться и раньше. Наконецъ Ильѣ начинаетъ думать, кого бы послать осмотрѣть татарскую силу. Послать не кого: Самсонъ Колуванъ силенъ, да не поворотливъ, Дунай задоренъ; остальнымъ не сдѣлать этого дѣла; надо ѣхать самому. Касательно этого Самсона Колувана или Колыванова слѣдуетъ сдѣлать одно замѣчаніе. Въ нашей послѣдней статьѣ о былинахъ (въ 9 и 10 книгахъ «Русскаго Вѣстника» за нынѣшній годъ) мы, говоря о богатырѣ Самсонѣ, объясняемъ его имя библейскимъ заимствованіемъ, а отчество Колывановичъ сочли остаткомъ древнѣйшаго имени этого исполина. Но недавно Ѡ. А. Гиляровъ указалъ намъ мѣсто въ 4 й Новгородской лѣтописи, гдѣ упомянуто о Самсонѣ Колывановѣ. Оказывается, что это былъ Новгородецъ, ходившій въ XV-мъ вѣкѣ на Югру и погибшій со всею дружиной, изъ чего выходитъ, что ни въ имени Самсона нельзя искать чего нибудь библейскаго, ни въ имени Колывана чего нибудь древняго или тѣмъ болѣе мненческаго. Самсонъ Колывановъ есть позднѣйшій герой, котораго въ послѣдствіи перенесли въ Кіевскій кругъ, подобно многимъ другимъ богатырямъ. Возвращаемся къ разсказу. Ильѣ является въ станъ Мамайа передѣтый калѣкою. Мамай по обыкновенію спрашиваетъ его про Илью Муромца, что Ильѣ описываетъ весьма скромными чертами. Мамай смѣется: что же это за богатырь? вотъ у меня Рославнѣй Рославнѣвичъ ѣсть по быку за разъ. Такимъ образомъ Идолище поганое другихъ былинь получаетъ собственное имя хотя и не древнѣе (Ерусланъ). Ильѣ разсказываетъ извѣстную притчу о прожорливой собакѣ. Дѣло кончается дракой: Ильѣ убиваетъ Мамай и его зятя, вскакиваетъ на коня и начинаетъ расправляться. Слѣдуетъ превосходное мѣсто:

«И добрался до своего добра коня,
Скоро старый на коня вскочилъ:
И смутились у староба очи ясныя,
Разгорѣлось у староба ретивое сердце.
Не увидѣлъ, старый, свѣту бѣлаго,
Не узналъ тугъ, старый, ночи темныя.
Расходились у его плечи могучія,

Размахнулись у его руки бѣлыя:
Зазвенѣла его палица боевая
И зачивкала то сабля его вострая,
Затрубилъ тутъ старый да во турій рогъ.
И наѣхали удалы, добры молодцы,
Тѣ же во поли были кормлѣные,
Тѣ же сильные могучіе богатыри....»

Остальное понятно. Богатыри побили силу и ѣдутъ домой. Братьевъ Суздальцевъ оставили въ станѣ, чтобы было кому встрѣтить богатырей, но они не утерпѣли, приняли участіе въ битвѣ и послѣдними вышли изъ боя. Ѣдутъ они и похваляются: «Кабы была тутъ сила небесная, мы бы и съ ней справились». Только молвили, Татарская сила ожила и встала на ноги. Въ страхъ они догоняютъ богатырей и каются. Тѣ возвращаются, но не могутъ ничего сдѣлать. Наконецъ Илья молится Богу: «Ты прости насъ во первой винѣ, за тѣ слова глупыя, за тѣхъ братьевъ Суздальцевъ». Сила падаетъ опять на землю, а богатыри поѣхали молиться къ пещерамъ Киевскимъ и тутъ всѣ переставились. Былина эта переходитъ, такимъ образомъ, въ былинну о гибели русскихъ богатырей, но развязка всетаки смягчена. Герои умираютъ за свою вину, но по крайней мѣрѣ умираютъ по христіански: не каменѣютъ въ полѣ, какъ по другимъ вариантамъ.

Былина о гибели богатырей образовалась главнымъ образомъ на основаніи преданія о битвѣ накалкѣ, гдѣ по словамъ многихъ лѣтописей погибли всѣ богатыри и погибли именно за гордость. Эта битва на первыхъ порахъ прошла безслѣдно для русской земли, ибо Татары вернулись домой, но богатырство окончилось. Братья Суздальцы, изъ за которыхъ вышла бѣда, по древнѣйшимъ преданіямъ не были съ Александромъ Поповичемъ и Добрыней Рязанцемъ, которые, по увѣренію лѣтописей, пришли въ Киевъ изъ Суздальщины и считались сильнѣйшими между богатырями.

Третья былина о Дюкѣ не изъ лучшихъ, но представляетъ крайне странную вещь. При описаніи Дюкова двора говорится, что тамъ три церкви: первая Спасу, другая Богородицѣ, третья его Дюковой родной матушкѣ. Изъ этого грубо двоевѣрческаго мѣста слѣдуетъ, что матушка Дюка Степановича есть какъ бы богиня, да ниже

она и изображена съ божественными примѣтами: солнце во лбу и на затылкѣ мѣсяцъ. Выходитъ, что пѣсни о Дюкѣ не столь поздняго сложенія, какъ это обыкновенно думали, и что въ первоначальныхъ былинахъ его неслыханное богатство объясняли очень просто тѣмъ, что это богъ, являющійся въ кругу смертныхъ. Напротивъ того теперешняя редакция этихъ пѣсней конечно относится къ тому времени, когда уже стали проступать сословныя различія, то есть къ довольно поздней эпохѣ. Мезенская былина сохранила и другую любопытную черту. Во всѣхъ вариантахъ Дюкъ, превосходя другихъ богатырей, вовсе приниженъ передъ Ильей; здѣсь же этого нѣтъ. Дюкъ вмѣстѣ съ Ильей, Добрыней и Алешей отправляется скакать черезъ Нѣпру-рѣку. Этотъ скачекъ удается только Дюку: всѣ остальные богатыри погибаютъ. Замѣтимъ, что вслѣдствіе божественнаго происхожденія героя самое хвастовство его дѣлается понятнѣе, а то если видѣть въ немъ только Галицкаго боярина, то невольно приходится удивляться сочувствію, которое обнаруживаютъ былины къ этому привередливому щеголю.

Четвертая былина говоритъ о сорока каликахъ и ихъ атаманѣ Михаилѣ Потыкѣ. Она озаглавлена «Еленинскій стихъ»; въ текстѣ же былины говорится, что калики поютъ Владиміру Еленскій стихъ (Еллинскій?). Отъ пѣня князь чуть живъ сидитъ въ повозкѣ; увалился Алешенька извожичекъ, увалился Добрынюшка запятничекъ. Разсказъ очень полный; особенно подробно описываются искушенія, которымъ подвергала Потыка княгиня Опраксія и хитрость, употребленная ею съ цѣлью погубить героя. Чара Владиміра названа братиной.

По краткости времени мы не могли ознакомиться съ остальными матеріалами, какъ они того заслуживаютъ. Но уже и теперь считаемъ себя вправѣ заявить, что собраніе заклинаній, по необыкновенной полнотѣ и разнообразію, а также и по замѣчательной свѣжести языка, составитъ драгоценное приобрѣтеніе для науки. Равнымъ образомъ и въ остальныхъ частяхъ сборника найдутся цѣнныя вещи. Весь сборникъ заслуживаетъ напечатанія; былины же всего болѣе.

Н. Квашинъ-Самаринъ.

II. СТАРИНЫ ИЛИ БЫЛИНЫ.

1. СТАРИНА ПРО ДОБРЫНЮ НИКИТИЧА И ИЛЮ МУРОМЦА *).

Жилъ, былъ торговый гостъ
Никитушка Романовичъ.
Живучись-то Никитушка приставилси.
Оставалась у Никиты любимá семья,—
Любимá семья, молодá жена,
Еще оставалось чадо милое,—
Еще милое чадышко, любимое,
На имя Добрынюшка Никитичъ.
Сталъ-то Добрынюшка на возрастъ,
Какъ ясной соколъ на возлѣтъ.
Изучилъ Добрынюшка боротися,
Изучился онъ съ крутой,—съ носкá спущати.
Прошла про него слава великая
По всѣмъ землямъ, по всѣмъ украинамъ.
Дошла эта слава до славнаго города до Муромá,—
До старá козака до Ильи до Муромца.
Собирался Осударь нашъ Илья Муромецъ
На ту на славу на великую;
Поѣхалъ Илья ко славному городу ко Рязани.
Ѣдетъ Осударь Илья Муромецъ ко славному городу,
ко Рязани.
Самъ своимъ умомъ размышляетъ:
Досель Рязань—городъ слободѣй слыла,
Нонче Рязань слыветъ городомъ.
Заѣхалъ Илья Муромецъ
Во славный городъ во Рязань.
Ѣдетъ Осударь по Рязани
Спрашиваетъ у малыхъ ребяточекъ:
«Скажите про Добрынина про широкій дворъ».
Доводили тутъ малы ребяточки
До Добрынина широка двора.
Сидитъ Осударь на добромъ конѣ,
Кричитъ-то Осударь зычнымъ голосомъ.

*) Первые шесть старинъ записаны св. Вл. Розонымъ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, въ с. Зимней Золотицѣ. Поются онѣ протяжно, всѣ на одинъ голосъ.

Сыра-то земля потрясалася,
Съ боку на бокъ палата сколыбалася.
Отпирала Добрынюшкуна матушка
Окошечка немножечко;
Говорила съ Осударемъ потихошеньку:
«Ужъ ты здравствуй, старый козакъ Илья Муромецъ!»

Говоритъ Осударь Илья Муромецъ:
«Ужъ ты какъ меня знаешь, именемъ зовешь».
Говоритъ вдова благочестивая:
«Я была у васъ въ Муромѣ,
«Я видала тебя изъ молодчества.
«Еще знать молодца по поступкѣ,
«Еще знать сокола по полѣту».
Говоритъ: «добро жаловать ко мнѣ
Хлѣба-соли ѣсть».
Говоритъ Осударь Илья Муромецъ:
«У тея гдѣ чадо милое?»
Говоритъ вдова благочестивая:
«Уѣхалъ у меня чадо милое
«На тѣ ли на тихи вешни заводи
«Стрѣлять гусей и сѣрыхъ утокъ».
И пернастыхъ малыхъ утятъ».
Немного богатырь наговорилъ
Поѣхалъ изъ города, выѣхалъ на шеломя окáтисто.
Смотритъ Осударь Илья Муромецъ, —
Смотритъ по чисту полю.
Завидѣлъ во чистомъ полѣ
Богатырь потѣшается:
Высоко онъ мечетъ палицу по поднебесью,
На бѣлинки ручки подхватываетъ.
Поѣхалъ Осударь Илья Муромецъ,
Пріѣхалъ ко Добрынюшкѣ Никитичу.
Кричитъ-то зычитъ крычнымъ голосомъ:
«Тебѣ полно богатырь потѣшатися
«Намъ пора съ тобой потягаться!»

Снимаетъ Добрынюшка со правѣ плеча ясна сокола
Посылаетъ ко матери ко родимья:
Слажитко ясный соколъ: «наѣхалъ на меня бо-
гатырь».

Разѣхались богатыри по чисту полю
Сѣхались богатыри въ одно мѣсто,
Ударились палицами тяжелыми:
Они другъ друга не ранили.
Разѣхались братаны во второй наконѣ;
Ударились сабельками вострыми:
Сабли у нихъ пощербалися, —
Другъ друга богатыри не ранили.
Разѣхались братаны во третей наконѣ,
Коньями они ударились; —
Другъ друга богатыри не ранили.
Скакали черезъ гривы лошадиныя,
Брали за ремень за подбрудное,
По колѣнъ-то въ сыру землю втопталися.
По Добрынюшкину было по счастьюцу
У Осударя права ножка подвернулася, —
Лѣва ручька оскользнулася.
Мастеръ былъ Добрынюшка боротися,
Сшибъ Осударя Илью Муромца на сыру землю,
Сѣлъ Осударю на бѣлы груди.
Вымаетъ изъ цынгалища булатенъ ножъ.
Самъ сидитъ-то Добрыня прираздумался:
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«Ты коего города, коей земли?
«Какъ ты молодца именемъ зовутъ?»
Говорить Осударь Илья Муромецъ:
«Бабы былъ я у ты на бѣлыхъ грудяхъ,
«Не спросилъ я у ты ни про родину,
«Споролъ бы у тебя бѣлы груди».
Спрашиваетъ Добрыня во второй наконѣ.
Говорить Осударь Илья Муромецъ:
«Бабы сидѣлъ я у ты на бѣлыхъ грудяхъ,
«Споролъ бы я у тебя бѣлы груди,
Посмотрѣлъ бы у тебя рѣтивъ сердца».
Говорить Добрыня во третей наконѣ!
«Ты коегдѣ города, коей земли?
«Тебя, какъ молодца именемъ зовутъ?»
Говорить Осударь Илья Муромецъ:
«Я изъ славнаго города изъ Мурома,
«Старый козаць, Илья Муромецъ».
Соскачетъ Добрыня со бѣлыхъ грудей,
Береть его за ручку за правую,

Подымаетъ Осударя на рѣзвы ноги,
Падать Осударю во рѣзвы ноги:
«Прости меня въ таковой винѣ!»
Говорить Осударь Илья Муромецъ:
«Тебя Богъ простить, Добрынюшка Никитичъ,
Ужъ тутъ братаны побраталися,
Побраталися, покрестовалися:
«Ты будь Добрынюшка малый братъ.
А я Осударь, старшій братъ».
Поѣхали они ко родимой матушкѣ Добрыниной.
Вѣхали въ городъ во Рязань
Ко тому ко Добрынюшкѣ на широкой дворъ.
Встрѣчаетъ ихъ вдова благочестивая,
Встрѣчаетъ со чести, со радости.
Тутъ Добрыня сталъ пиръ пировать.

II. СТАРИНА ПРО ВЛАДИМИРОВУ СВАДЬБУ.

Заводился у Владиміра почестенъ пиръ.
Всѣ на пиру пьяны, веселы, —
Всѣ на пиру напивалися,
Ужъ какъ всѣ на пиру наѣдалися.
Ужъ какъ всѣ на пиру приразхвасталися:
Иной-то хвастаетъ широкимъ дворомъ,
Иной-то хвастаетъ золотой казной,
Иной хвастаетъ добрымъ конемъ,
Глупой-то хвастаетъ молодой женой,
А неразумной похваляется родной сестрой.
Ходить Владиміръ по палатѣ бѣлокаменной,
Бѣлыми руками приразмахиваетъ;
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«Всѣ у меня въ городѣ поженены,
«Всѣ красны дѣвицы исподаваны.
«Одинъ-то я Владиміръ холостъ хожу,
«Холостъ хожу, — не женать слыву;
«Не знаетъ ли кто мнѣ обручницы, —
«Обручницы мнѣ-ка сопротивницы,
«Чтобы возрастомъ не мала, умомъ, сверстна,
«Бѣлое лицо будто бѣлый снѣгъ,
«Ягодницы, будто маковъ цвѣтъ,
«А ясны очи, какъ у сокола,
«Черны-то брови, какъ у соболя,
«Чтобы было кому поклонитися?»
Спрашиваетъ Владиміръ во второй наконѣ:
«Не знаете ли мнѣ-ка обручницы,
Обручницы мнѣ-ка сопротивницы

«Чтобы возрастомъ не мала, умомъ сверстна».
Изъ за того стола изъ за окольного
Изъ за той изъ за скамьи бѣлодубовой
Выходитъ дородній добрый молодець
На имя Добрынюшка Никитичъ нашъ;
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«Благослови—тко се Владиміръ слово молвити,
«Не могитко се меня за слово скоро сказнати,
«Ужь я знаю тебѣ обручницу,
«Обручницу, знаю сопротивницу.
«Она возрастомъ не мала, — умомъ сверстна;
«Бѣло лицо будто бѣлый снѣгъ,
«Ягодницы будто маковъ цвѣтъ,
«А ясны-то очи, какъ у сокола,
«Черны-то брови, какъ у соболя.
«Ужь я самъ не видалъ, такъ отъ людей слыхалъ.
«Ужь я слышалъ отъ брата названого, —
«Отъ названого — отъ крестоваго —
«Отъ сильнаго Дунаюшка Иванова.
«Сидить-то Дунай въ темномъ погребѣ.
Сидить-то Дунай ровно три года».
«Бери-тко Добрынюшка золоты ключи,
«Отмыкай-ко темны погребы,
«Выпускай-ко Дунаюшка на бѣлый свѣтъ?
«У меня, право, Дунай въ забытѣи пришелъ».
Ужь беретъ-то Добрыня золоты ключи,
Отмыкаетъ Добрыня темны погребы.
Сидить-то Дунай въ темномъ погребѣ.
Читаетъ книгу Дунай Ивановичъ.
Самъ сидучисъ, прирасплакался:
«На что я Владиміру понадобился,
«Или хочеть сказнати меня, вѣсити?»
Говорить-то Добрынюшка Никитичъ:
«Добро жаловать ко Владиміру на почестень пиръ,
«На почестень хлѣба соли ѣсть,—
«Хлѣба соли ѣсть, пива меду пить».
Выходитъ Дунаюшко Ивановичъ,—
Выходитъ изъ темна погреба;
Идутъ-то Дунай въ палаты бѣлокаменны,—
Идутъ на почестень пиръ съ Добрынюшкой Ники-
тичемъ.
Идутъ во грядню княженецкую.
Зашель-то Дунай въ грядню княженецкую.
Онъ крестъ-то кладеть по писаному,
Поклонъ-то ведеть по ученому:—
Бьетъ-то челомъ князю Владиміру,

Всѣмъ русскимъ богатырямъ по обычаю.
«Садись-ко Дунаюшко за дубовой столъ—
«За дубовой столъ хлѣба соли ѣсть?»
Садилъ Дуная во больше мѣсто—
Во больше мѣсто во большой уголъ.
Наливали чару зелена вина,—
Зелена вина полтора ведра;
Другу наливали пива пьянаго,—
Пива пьянаго полтора ведра.
Принимаетъ вино Дунаюшко единой рукой,
Выпиваетъ Дунаюшко единымъ духомъ,
Запиваетъ Дунай пивомъ пьянымъ.
Хмѣлина у Дуная въ головѣ появилась.
Говорить-то Володиміръ стольно-кіевскій:
«Ужь ты гой еси Дунаюшко Ивановичъ!
«Не слыхалъ-ли ты мнѣ-ка обручницы,
«Обручницы мнѣ сопротивницы,
«Чтобы возрастомъ не мала, умомъ сверстна,
«Бѣло-то лице, какъ бѣлый снѣгъ,
«Ягодницы-то будто маковъ цвѣтъ,
«Ясны-то очи, какъ у сокола,
«Черны-то брови, какъ у соболя,
«Чтобы было кому поклонитися?»
Говорить-то Дунаюшко Ивановичъ:
«Ужь я знаю тебѣ обручницу,—
«Знаю тебѣ сопротивницу;
«Есть у короля Задонскаго
«Есть у короля двѣ дочери.
«Перва дочь Настасья королевична.
«Настасья королевична не тебѣ верста.
«Бзидить во чисто поле—полякуеть,
«Слыветъ паляницей преудалою.
«А есть Опраксея королевична.
«Сидитъ Опраксея въ новой горницѣ,
«Чтобы буйны вѣтры не завѣяли,
«Чтобы лишни-то люди не вазрили.
Говорить-то Владиміръ стольно-кіевскій:
«Ты гой еси Дунаюшко Ивановичъ!
«Ты бери силы, сколько надобно,
«Ты бери казны, сколько надобно?»
Говорить-то Дунаюшко Ивановичъ:
«Мнѣ не надо твоя сила великая,
«Мнѣ не надо твоя золота казна;
«Ужь я съ силой-то пойду не воевать стану; —
«Казной твоей не торговать стану.
«Ужь я силой возьму богатырскою.

А грозою возму княженецкою.
«Только дай мнѣ-ка два брателки названья; —
«Два названья крестовья:
«Во-первыхъ-то Добрынюшку Никитича,
«Во-вторыхъ Олешеньку Поповича».
Говорить-то Владиміръ стольно кіевскій:
«Беритко Дунай что тѣ надобно».
Сбирается Дунай, со братьями крестовыми».
Пошли да братаны на конюшенъ дворъ;
Беруть-то коней своихъ добрыхъ;
Уздають во уздицы во тесмянныя;
Сѣдлають во сѣделечка Черкасскія; —
Собираются богатыри, сряжаются.
Провождаетъ Владиміръ стольно-кіевскій
Провождаетъ со чести со радости.
Поѣхали братаны во чисто поле.
Во чистомъ полѣ курева стоятъ.
Ѣдутъ ко царству ко Задонскому.
Въ тому королю ко Задонскому, —
Заѣзжаютъ въ королевство Задонское,
Вѣзжаютъ къ королю на широкой дворъ.
Они мечуть коней на широкомъ дворѣ, —
Непривязанныхъ мечуть, неприказанныхъ, —
Не разнузданныхъ, не разсѣданныхъ.
Говорить-то Дунаюшко Ивановичъ:
«Ужъ ты брателко Олешенька Поповичъ,
«Останься-ко Олешенька на широкомъ дворѣ
«Сѣки-ко ты Татаръ стараго и малаго,
«Не покидай ни единого на сѣмена».
Пошли со Добрыней со Никитичемъ,
Пошли на новы сѣни.
Оставляетъ Добрынюшку Никитича,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«Съ боку на бокъ палата сколебається.
«Сѣжитко стараго и малаго,
«Не оставляй ни единого на сѣмена».
Пошелъ-то Дунаюшко Ивановичъ;
Зашель въ палату королевскую;
Кланяется чуднымъ образомъ;
Онъ крестъ-отъ кладеть по писанному,
Поклонъ-отъ ведеть поученому,
Челомъ бьетъ королю Задонскому:
«Здравствуй король земли Задонскія!»
— «Здравствуй Дунаюшко Ивановичъ!»
«Ты за чѣмъ ко мнѣ пріѣхалъ,
«Жить — служить по старому?»

Говорить-то Дунаюшко Ивановичъ:
«Я пріѣхалъ жить къ тебѣ не по старому —
«Не по старому — не по прежнему, —
«Я пріѣхалъ къ тебѣ сватомъ свататься,
«Что на той Опраксеѣ королевши —
«Да на той же на Настасѣѣ Королевиши».
Говорить-то король земли Задонскія:
«Бабы была Настасья Королевишна,
«На долонь бы посадила, другой сжала
«Межъ долонями мокро стало».
Лишь тутъ-то Дунаю за бѣду пало,
Горячя кровь раскипѣлася —
Лѣпота въ лицѣ пермѣнилася.
Хватилъ татарина онъ за ноги,
Сталъ татаринномъ помахивать;
Прибилъ всѣхъ пановей улановей —
Всѣхъ поганыхъ татаровей.
Вышелъ Дунай на новы сѣни,
На новыхъ сѣняхъ всѣ мертвы лежать.
Пошелъ-то Дунай во высокъ теремъ.
Свернулъ Дунай 12 замочиковъ висучихъ;
Онъ прибилъ тутъ всѣхъ крѣпкихъ сторожевъ.
Зашель-то въ горницу высокую
Ко той Опраксеѣ Королевиши.
Сидитъ Опраксея Королевишна
Вышиваетъ ширинку красна золота.
Встала Опраксея на рѣзвы ноги;
Береть-то Дунай за праву руку
Опраксею Королевишну;
Повель-то Дунаюшка Ивановичъ.
Идетъ-то Опраксея Королевишна
Идетъ по новымъ сѣнямъ.
Тутъ Опраксея прирасплакалась.
«Ты умѣлъ меня батюшка вспоить вскормить.
«Не умѣлъ меня батюшко замужъ отдать.
Отдаешь ты меня не съ чести, не съ радости, —
Не съ чести, не съ радости, — съ кровопро-
литыца.
Выходитъ король земли Задонскія,
Зоветь онъ Дунаюшка Иванова.
«Добро жаловать Дунаюшко Ивановичъ,
«Хлѣба соли ѣсть, вина съ медомъ пить».
Говорить Дунаюшко Ивановичъ:
«На пріѣздѣ гостя не учествовалъ,
«На отъѣздѣ гостя не уподчивать»;
Подходитъ Дунай ко добрымъ волямъ.

Садился Дунай на добра коня,
Опраксеюшку садилъ позади себя.
Поѣхали Дунаюшка Ивановичъ,
Поѣхали вонъ изъ города.
Ѣдутъ Дунай по чисту полю,
Наѣхали, Дунай ископыть глубокую.
Говорить-то Дунаюшко Ивановичъ:
«Ты братецъ Добрынюшка Никитичъ,
«Бери-тко Опраксею Королевишну.—
«Бери-ткось на добра коня.
«Я поѣду по ископыти глубокія».
Отдавать Добрынюшкѣ Никитичу,
Говорить: «поѣзжай-ко Добрынюшка Никитичъ
«Поѣзжай во красенъ Кіевъ градъ
«Со той съ Опраксеей Королевишной.
«Я поѣду по ископыти глубокія».
Еще тутъ братаны разѣхались.
Наѣхалъ Дунаюшко паянницу преудалую
Разѣхались съ паянницей преудалую.
Какъ ударилъ копьемъ Бусурменскимъ,—
Вышибъ паянницу преудалую—
Пала паянница на сыру землю,—
Приступилъ-то копытомъ его добрый конь.
Береть паянницу за бѣлы руки,
Садить паянницу на добра коня.
Поѣхалъ Дунаюшко Ивановичъ.
Наѣхалъ Добрынюшку Никитича.
Ѣдутъ ко городу ко Кіеву.
Заѣзжаютъ въ Кіевъ скорошенько.
Встрѣчаютъ ихъ во Кіевѣ,—
Встрѣчаютъ со чести, со радости:
Встрѣчаетъ Владиміръ стольно-кіевскій.
Повелось пированьице—почестенъ пиръ.
Пировали,—столовали по первой день
И законъ Божій приняли,—
Тутъ Дунаюшко обручился
Съ той Настасьей Королевишной.

III. СТАРИНА ПРО ИВАНУШКО ГОДЕНОВА.

Заводился у Владиміра почестенъ пиръ.
Всѣ на пирѣ пьяны—веселы.
Всѣ на пирѣ прирасхвастались:
Иной-то хвастаетъ золотой казной,
Другой хвастаетъ широкимъ дворомъ,

Новѣй хвастаетъ добрымъ конемъ,
Новѣй хвастаетъ сбруей лошадиною.
Владиміръ ходитъ по гриднѣ княженецкія,
Бѣлыми руками приразмахиваетъ
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«Ужъ что же ты Иванушко не пьешь,—не ѣшь,
«Не пьешь ты не ѣшь—не кушаешь?»
Выходитъ Иванушко Годеновичъ
Изъ того изъ за стола дубоваго
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«Бласлови-тко-се мнѣ Владиміръ жениться?»
Говорить Владиміръ стольно-кіевскій:
«Тебя Богъ бласловитъ Иванъ жениться,
«Хошь ты въ Кіевѣ женись, хошь въ Черниговѣ,
«Хошь у князя женись, хошь у боярина».
Говорить-то Иванушко Годеновичъ:
«Не хочу я жениться во Кіевѣ,
«Не хочу я жениться во Черниговѣ.
«Только дай мнѣ ка благословеньице—великое.
«Есть у короля Ляховинскаго,
«Есть Овдотья—лебедь бѣлая.
«Сидитъ-то Овдотья въ новой горницѣ,
«Чтобы буйны вѣтры не завѣяли,
«Чтобы лишни-то люди не зазрили,
«Бласлови мнѣ-ка туда ѣхати?»
«Богъ бласловитъ Иванушко жениться,
«Бери ты силы, сколько надобно
«Бери ты золотой казны, сколько надобно».
Говорить Иванушко Годеновичъ:
«Ужъ я съ силой пойду, не воевать стану,
«Съ золотой казной, не торговать стану;
«Ужъ я силой своей возьму богатырскою
«А грозой возьму княженецкою».
Пошелъ-то Иванушко Годеновичъ,
Пошелъ-то Иванъ на широкой дворъ.
Онъ беретъ коня,—лошадь добрую.
Поѣхалъ Иванушко изъ Кіева.
Провожаютъ Ивана съ чести, съ радости.
Поѣхалъ Иванушко по чисту полю
Ѣдетъ Иванъ по чисту полю.
Приѣзжаетъ къ царству Ляховинскому,
Ко тому королю Ляховинскому.
Заѣзжаетъ Иванъ на широкій дворъ,
Онъ мечетъ коня на широкомъ дворѣ,—
Не приказана мечеть, не привязана,—
Не разнуздана мечеть, не расѣдлана.

Пошелъ-то Иванушко Годеновичъ,
Зашелъ Иванъ во гридню княженицкую..
Крестомъ кладеть по писаному,
Поклонъ-то ведеть по ученому,—
Кланяется чуднымъ образамъ.
Бьетъ челомъ королю Ляховинскому:
«Ужъ ты здравствуй король земли Ляховинскія!
Отвѣчаетъ король земли Ляховинскія:
«Ужъ ты здравствуй Иванушко Годеновичъ!
«За чемъ Иванушко прѣхалъ,
«Или прѣхалъ съ данью—съ пошлиной,
«Или прѣхалъ посломъ пословать?»
Говорить-то Иванушко Годеновичъ:
«Я прѣхалъ къ тебѣ не посломъ пословать,
«А прѣхалъ сватомъ свататься,
«Что на душечкѣ Овдотьѣ лебедь бѣлая».
Говорить король земли Ляховинскія:
«У меня, право, Овдотьюшка засватана,—
«У меня, право, запоручена
«За того короля Вахромеища».
Говорить-то Иванъ во второй законъ:
«Отдай дочку за меня замужъ»
Говорить король земли Ляховинскія:
«У меня дочка просватана,—
«Просватана,—запоручена—
«Бѣлая ручки исподаваны,
«Злаченными перстнями не помѣнянось».
Говорить Иванъ во третьей законъ.
Говорить король земли Ляховинскія:
«У меня нельзя тебѣ Овдотью взять.
«Сидить Овдотья въ новомъ теремѣ
«За тридцать замочками висучими,
«За тридцать сторожами крѣпкими».
Горяча кровь въ Иванѣ раскипѣлася,
Лѣпота въ лицѣ перемѣнилася;
Хватилъ онъ поганого татарина,—
Татарина хватилъ за ноги.
Сталъ татаринѣ помахивать:
Куда махнетъ, тамъ и улица
Отмахнетъ назадъ, переулочки.
Прибилъ-то всѣхъ пановой улаповей.
Пошелъ Иванъ на новы сѣни.
Сдернулъ Иванъ двѣнадцать замочиковъ,
Прибилъ-то двѣнадцать крѣпкихъ сторожевъ.
Зашелъ-то во высокъ теремъ
Ко той къ Овдотѣ—лебедь бѣлая.

Сидить Овдотья въ новомъ теремѣ,—
Вышиваетъ Овдотья ширинку красна золота
Тому-то царицу—Вахрамеищу.
Скакала Овдотья на рѣзвы ноги,
Говорила Овдотья таковы рѣчи:
«Ужъ мнѣ ждатель-то гостя,—не дожидатися,
«Звать-то мнѣ гостя, не дозватися,
«Теперь ко мнѣ гость самъ пришелъ».
Береть-то Овдотью Иванушко за бѣлы руки
Цѣловалъ Овдотью во уста сахарныя.
Повелъ-то Иванушко Годеновичъ,
Повелъ онъ изъ того терема високаго;
Вывелъ Иванъ на новы сѣни,
На новыхъ-то сѣняхъ всѣ мертвы лежать.
Тутъ-то Овдотья прирасплакалась:
«Охти—хти мнѣ тошнешенько!
«Ты умѣлъ меня батюшко вспонть, вскормить,
«Не умѣлъ меня батюшко замужъ отдать».
Повелъ Иванъ на широкій дворъ.
Выходитъ король земли Ляховинскія:
«Добро жаловать Иванъ хлѣба соли ѣсть,
«Хлѣба соли ѣсть, чару съ медомъ пить!»
Говорить Иванушко Годеновичъ:
«На прѣздѣ гостя не учествовалъ,
«На отъздѣ гостя не учествовать».
Садился Иванушко Годеновичъ,
Садился Иванъ на добра коня,
Овдотьюшку сажалъ позади себя.
Поѣхалъ Иванъ изъ царства Ляховинскаго.
Ѣдетъ Иванъ по чисту полю.
Сустигала Ивана темная ночь.
Онъ разставилъ бѣлой шатеръ,—полотняный.
Съ Овдотьюшкой легъ подъ бѣлой шатеръ.
Тотъ король земли Ляховинскія
Посылаетъ гонца скоро—на скорѣ.—
Къ королю Вахрамею земли поганая:
«Что былъ-то Иванушко Годеновичъ
«Увезъ-то Овдотью—лебедь бѣлую»:
Господь ночь-то пронѣситъ,
Господь день даеть:
Спитъ-то Иванъ во бѣломъ шатрѣ.
Немного тому времени миновалося
Наѣхалъ поганое идолище.
Кричить-то рычить зычнымъ голосомъ:
«Тебѣ полно богатырь спать—прокладатися,
«Пора намъ съ тобой поборотися!»

Встаеть-то Иванушко Годеновичъ.
Выходитъ Иванъ изъ бѣла шатра;
Умывается Иванушко свѣжой водой;
Утирается тонкимъ полотенышкомъ;
Онъ молится Спасу пречистому
Матери Божьей—Богородицѣ.
Садился Иванъ на добра коня.
Разъѣхались богатыри по чисту полю;
Ударились палицами тяжелыми.
У нихъ палицы поломалися,
Они другъ друга богатыри не ранили.
Разъѣхались богатыри во второй наконъ,
Ударились сабельками острыми
У нихъ сабельки пощербалися,—
Они другъ друга богатыри не ранили.
Разъѣхались богатыри во третьей наконъ,
Ударились копыцами острыми,
У нихъ копыца по яблокамъ ломалися,
Другъ друга богатыри не ранили.
Скакали черезъ гривы лошадиныя,
Брали за ремень, за подбрудное.
По колѣнъ въ сыру землю втопталися.
По Иванушкову было по счастьюцу,
По Иванушковой по участи:
Какъ у татарина ножка подвернулася,
Права ручка окользнулася.
Сшибъ какъ Иванушко Годеновичъ,—
Сшибъ татарища поганого,—
Сшибъ царица на сыру землю.
Сѣлъ-то царицу на черны груди.
Забылъ-то Иванушко Годеновичъ свой булатенъ
ножь,
Забылъ свой булатенъ ножъ во бѣломъ шатрѣ.
Кричить-то зычить зычнымъ голосомъ:
«Ужь ты душечка Овдотья,—лебедь бѣлая,
«Неся-тко ты мой булатенъ ножъ,
«Забылъ-то я свой булатенъ ножъ,
«Забылъ во бѣломъ шатрѣ»!
Бѣжить-то Овдотья—лебедь бѣлая,
Несетъ Овдотья булатенъ ножъ.
Подошла Овдотья—лебедь бѣлая близехонько.
Говорить царице Вахромеице:
«Ужь ты душечка, Овдотья—лебедь бѣлая
«Спехнитко Ивана со моихъ грудей
«За Иванушкомъ ты будешь жить служаночкой,
«За мной будешь царицею;

«Будутъ тѣ люди поклонятися».
Тутъ Овдотья призадумалась;
У бабы волосы долги, а умъ коротенькой.
Спехнула Иванушка Годенова.
Скакаль-то царице Вахрамеице
Хочеть у Иванушка спороть груди бѣлые
Говорить Овдотья—лебедь бѣлая:
«Ужь ты гой-еси, царице Вахромеице!
«Ты опутай его въ опутыни шелковыя,
«Броси ты его подъ сырой дубъ».
Опуталь Иванушка опутами шелковыми,
Бросилъ его подъ сырой дубъ.
Самъ легъ опочивъ держать
Со того со устатку со великаго.
Лишь тутъ-то спить царице Вахромеице
Темну ночиньку осеннюю.
Господь ночь проносить, Господь день даетъ.
Выходитъ Овдотья—лебедь бѣлая
По утру ранымъ ранешенько,
Увидала Овдотья: два голубя
Сидить надъ Иваномъ Годеновымъ,—
Не два голубя сидить: два Ангела.
Говорить-то Овдотья—лебедь бѣлая:
«Ужь ты гой еси, царице Вахромеице!
«Ужь ты выди-тко царице изъ бѣла шатра,
«Затяни-тко свой лукъ разрывистой,
«Подстрѣлико-се мнѣ-на голубятинку.
«Захотѣлось мнѣ-на голубятинки».
Выходитъ поганое царице Вахромеице,
Выходитъ изъ бѣла шатра.
Затягиваетъ свой лукъ разрывистой,
Кладетъ стрѣлочку каленую.
Спустилъ какъ свой лукъ разрывистой,
Полетѣла стрѣлочка каленая
Падала царицу въ груди черныя,
Порола царицу груди черныя.
Стоить-то Овдотьюшка,—лебедь бѣлая,
Стоить Овдотья прираздумалась,
Тутъ-то Овдотья прирасплакалась:
«Охти мнѣ, ахти мнѣ тошнехонько!
«Отъ того бережку откачнулася
«Ко другому бережку не прикачнулася.
Еще слышитъ Иванушко Годеновичъ
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«Ужь ты душечка Овдотья — лебедь бѣлая,
«Ты распутай путни шелковыя,

«А не положу на тебя таковой вины,
«Только дамъ поученьице по женскому.
Лише хватила Овдотья саблю вострую,
Хочеть у Ивана отсѣчь буйну голову.
Какъ тюкнула Овдотья, лебедь бѣлая,
Пересѣкла Овдотья путыни шелковыя.
Скакаль Иванушко на рѣзвы ноги.
Пошелъ Иванъ ко добру коню.
Ко добру коню, ко бѣлу шатру,
Онъ Овдотьюшку ведетъ позади себя.
Садился Иванъ на добра коня
Овдотьюшку садилъ позади себя.
Поѣхалъ Иванъ по чисту полю;
Не доѣхавши Иванъ до города Кіева,
Самъ говорить таковы рѣчи:
«Ужъ ты душечка, Овдотья — лебедь бѣлая!
«Сойди-ко Овдотья со добра коня,
«Разуми ко у меня сафьянъ сапогъ,
«Захотѣлось мнѣ напитися»
Ужъ тутъ-то Овдотья прирасплакалась;
«Не пить-то ты хочешь, — кровь пролить»
Сошла то Овдотья со добра коня.
Соходить и Иванушко Годеновичъ.
Махнулъ-то Иванушко саблей вострой по бѣ-
лой шеѣ.

Онъ отсѣкъ у Овдотьи буйну голову.
Размѣталъ онъ Овдотью по чисту полю.
Пошелъ-то Иванушко Годеновичъ,
Пошелъ Иванъ на Пучай-рѣку
Омывать саблю вострую.
Садился Иванъ на добра коня
Поѣхалъ ко городу ко Кіеву.
Заѣзжаетъ во городъ во Кіевъ,
Встрѣчаютъ его русскіе богатыри.
Во глаза Олеша насмѣхается:
«Здорово! женился? тебѣ не съ кѣмъ жить.
Говорить-то Иванушко Годеновичъ:
«Я женилъ-то свою саблю вострую.

IV. ПРО ДЮКА СТЕПАНОВА.

Нѣту на силу Самсонову
Что того же Самсона Колыбанова,
Нѣтъ на счастье Осударя Ильи Муромца.
На вѣжество Добрынюшки Никитича,
На ярость Олешеньки Поповича,
На ивѣнье Садка — купца богатаго,

На злату казну Дюка сына Степанова.
Какъ у Дюка дворъ на семи верстахъ.
Крыть былъ мѣдью зеленою, —
Зеленою мѣдью козарскою,
Котора дороже красна золота,
Кругъ Дюкова широка двора
Оградушка ведена была булатная.
По той по оградѣ булатныя
Сажены были вѣнчики красна золота.
Во той вооградѣ булатныя
Надѣланы были бойни, — кузницы,
Теплы конюшни стоямыя;
Въ нихъ стоятъ жеребцы неѣжалые,
Пьютъ-то, ѣдятъ траву шелковую,
Запиваютъ водою свѣжей, ключевою.
Во той-то оградѣ булатныя,
Было триста столбовъ серебряныхъ,
Четыреста было золоченыхъ,
Мѣдныхъ и желѣзныхъ
Числа смѣты пѣтъ.
Хорошо-то было у Дюка устроено,
Крылечко у Дюка хрустальное,
Тетивка у Дюка позолочена.
Дворцы у Дюка хрустальныя,
Колечко у Дюка красна золота,
Подворотенка у Дюка рыбій зубъ;
Мостили у Дюка все казѣныя,
Печки у Дюка муравлены,
А топятъ дровами калѣными,
Помѣлышкомъ пашутъ самошелковымъ.
Въ сыту воду купаютъ медвяную.
Пекуть-то колачки крупичаты:
Колачикъ съѣшь, другаго хочется,
А третьяго колачика душа бѣжить.
Не бѣлинъка березка къ землѣ клонится
Ужъ какъ Дюко-тъ передъ матушкой
Челомъ бьетъ:
«Благослови меня матушка родимая
«Мнѣ-ка съѣздити во городо-тъ во Кіевъ-отъ
«Посмотрѣть мнѣ на князя со книгинею,
«Посмотрѣть мнѣ всехъ Русскихъ богатырей»
Говорить ему матушка родимая:
«Ты напьешься Дюкъ зелена вина,
«Во хмѣлю мое чадо неустройное.
«На рѣчахъ мое чадышко зашибисто,
«Похвастаешь Дюкъ широкимъ дворомъ,

«Похвастаешь Дюкъ золотой казной».
Говорить-то Дюкъ, сынъ Степановичъ,
Говорить во второй законъ:
«Благослови-тко се матушка родимая,—
«Съѣздить ко городу ко Киеву?»
Говорить ему матушка родимая:
«Ты похвастаешь широкимъ дворомъ,
«Ты похвастаешь золотой казной
«Ты похвастаешь родной матушкой».
Говорить-то Дюкъ во третьей законъ:
«Благослови-тко матушка родимая
«Съѣздить ко городу ко Киеву
«Посмотрѣть князя со княгиней.
Русскихъ могучихъ богатырей».—
«Тебя Богъ благословить, дятяtko,
«Ѣхать ко городу ко Киеву»,
Сбирается Дюкъ сынъ Степановичъ;
Ведеть-то лошадочку малешеньку,
Малешенька лошадочка, удалешенька.
Поѣхалъ Дюкъ, сынъ Степановичъ,
Поѣхалъ ко городу ко Киеву
На той на лошадочкѣ малешенькой,
На малешенькой лошадочкѣ, удалешенькой,
Она горы и доли промежъ ногъ беретъ,
Быстры рѣчки перескакиваетъ.
Заѣзжаетъ во городъ во Киевъ;
Ѣдетъ Дюкъ къ Божьей церквѣ;
Соходить со добра коня;
Привязываетъ ко злату кольцу.
Пошелъ-то Дюкъ, сынъ Степановичъ
Во ту церковь Воскресенскую.
Служать тамъ читають
Службу воскресенскую.
Зашелъ-то Дюкъ, сынъ Степановичъ
Во ту церковь во Божію.
Крестъ-то кладеть по писаному
Поклонъ-то ведеть по ученому.
Кланяется чуднымъ образамъ,
Еще кланяется на всѣ четыре стороны.
Ставился во мѣсто во удаленое.
Никто Дюка не можетъ признати
Служать,—поють попы церковные.
Отслужили обѣдню воскресенскую,
Пошли-то отъ обѣдни воскресенскія;
Пошелъ Владиміръ стольно-киевскій
Со своими русскими богатырями.

Пошелъ Осударь Илья Муромецъ,
Идетъ Осударь Илья Муромецъ;
Призналъ онъ Дюка Степановича.
Что быть-то Дюку Степановичу.
Зоветь Дюка на почестенъ пиръ;—
Зоветь Дюка Степановича.
Пошли-то изъ Божьей церкви.
Садилась они на добрыхъ коней,
Поѣхали они по городу.
Поѣхали они по городу по Киеву.
У нихъ кони скакомъ скачуть
А у Дюка идетъ ступью бродовою.
Говорить Дюкъ: «У меня такіа лошадочки водо-
возныя».

А говоритъ Осударь Илья Муромецъ:
«Ты не хвастай Дюкъ Степановичъ».
Приѣхали ко Владиміру на широкій дворъ.
Заходили ко Владиміру во палаты бѣлокаменны,—
Во гридню княжескую.
Повелся у Владиміра почестенъ пиръ;
Садилась-то Дюка во больше мѣсто,—
Во больше мѣсто,—во большой уголь,
Обносятъ по чарѣ зелена вина;
Хмѣлина во Дюкѣ появилась.
Сидить-то Дюкъ прирасхвастался;
Вотъ-то колачки крупичаты,—
Объѣдаетъ корочки верхнія,
Нижнія корочки подъ столъ спускаетъ:
«У васъ пахнутъ колачки на сосенку,
«У нашей у матушки
«Колачикъ съѣшь, другаго хочется
«О третьемъ колачикѣ душа бѣжитъ».
Говорить-то Дюкъ, сынъ Степановичъ:
«Есть-то у меня добрыхъ коней,—
«Добрыхъ коней наступчивыхъ,
«Есть-то у меня золотой казны».
Говорять-то бояра Владиміру:
«Что наѣхалъ мужикъ—засельщина».
Говорить-то Дюкъ, сынъ Степановичъ:
«Еще нѣтъ у васъ ишѣнья столько въ Киевѣ;
«Я ношу каждый день платице перемѣнное».
Говорять бояра Владиміру:
«Посадить надо его въ крѣпость высокую!»
Говорить-то Дюкъ, сынъ Степановичъ:
«Поѣзжайте ко матушкѣ родимыя,
«Берите бумага со чернилами,

«Опишите мой широкой дворъ;
«Накланяетесь вы служаночкамъ».
Тутъ поѣхалъ Михайлушко Петровичъ
Со Олешей со Поповичемъ.
Никто за Дюка не ручается.
Поручился за Дюка Илья Муромецъ.
Пріѣхали ко матушкѣ родимыя,
Заходятъ во палаты бѣлокаменны.
Идутъ-то Дюковы служаночки,—
«Здравствуй Дюкова матушка!»
Отвѣчаютъ Дюковы служаночки:
«Мы не Дюкова матушка,—
«Мы Дюковы служаночки».
Идутъ Дюковы портомойницы:
«Здравствуй Дюкова матушка!»
«Мы не Дюкова матушка,—
«Мы Дюковы портомойницы».
Идетъ-то Дюкова матушка:
«Здравствуйте русскіе богатыри!
«Гдѣ мое чадышко, Дюкъ Степановичъ?»
Отвѣчаютъ-то Михайлушко
Со Олешенькой Поповичемъ:
«Остался во городѣ во Кіевѣ.
«Хвастался Дюкъ широкимъ дворомъ,
«Хвастаетъ Дюкъ золотой казной,
«Хвастаетъ Дюкъ добрыми конями».
Говорить-то имъ матушка родимая:
«Опишите вы широкій дворъ».
Писали-то Михайлушко широкій дворъ
Что со тѣмъ Олешей Поповичемъ.
Не стало у нихъ чернилъ со бумагою.
Говорить-то имъ матушка родимая:
«Ужъ ты гой еси, Михайлушко Петровичъ!
«Свези Осударю Ильѣ Муромцу
«Сапожки обродочки
«Подъ пяты пяты, хоть яйцо кати,
«Подъ носки носки, воробей полѣти:
«То Дюковы обродочки».
Поѣхали Михайлушко
Съ Олешенькой ко Кіеву.
Пріѣхали Михайлушко ко Владиміру.
Отвѣчаютъ они Владиміру:
«Не стало-то у насъ бумаги со чернилами,—
«Не могли описать широка двора;
«Не пустымъ дѣтина похваляется».
Отдають сапожки Осударю Ильѣ Муромцу.

Тутъ Дюкъ съ Осударемъ поназванились,—
Поназванились, покрестовались.

У. СТАРИНА ПРО ИЛЮ МУРОМЦА.

Перва поѣздка Ильи Муромца
Изъ славнаго изъ города изъ Мурома.
Клалъ-то онъ заповѣдь великую,—
Клалъ на палицу тяжелую:
До славнаго до города до Кіева
Не отковывать отъ стремени булатнаго,
Еще клалъ онъ заповѣдь великую
На сабельку на вострую:
Неотковывать отъ стремени булатнаго.
До славнаго города до Кіева.
Еще клалъ онъ заповѣдь великую
На копье бурсоменское:
Не отковывать отъ стремени булатнаго,
До славнаго города до Кіева.
Собирался Илья Муромецъ
Изъ города Мурома.
Зазвонили честну раннюю заутреню,—
Читали третью каѳизму воскресенскую.
Еще ѣдетъ Осударь по чисту полюю,
Завидѣлъ подъ градомъ по Чиженцемъ:
Обступила кругомъ сила невѣрная.
Еще ѣдетъ Осударь Илья Муромецъ
Ко той силѣ да невѣрной;
Самъ говорить таковы рѣчи:
«Прости меня Господь въ таковыхъ грѣхахъ:
«Что клалъ я заповѣдь великую
«На ту же сабельку на вострую».
Поѣхалъ Осударь Илья Муромецъ
Во ту же силу да невѣрную,
Сѣкеть онъ стараго и малаго,
Не покидаеть ни еднаго на сѣмена.
Присѣкъ-то всю силу невѣрную.
Выходятъ мужики изъ Чиженца,
Отпирають ворота, стѣны городовныя,
Выносятъ чашу красна золота,
Сами говорятъ таковы рѣчи:
«Уже ли намъ послалъ Господь Ангела,
«Не ужъ-то послалъ Архангела,
«Или русскаго могучаго богатыря?»
Говорять мужики города Чиженца:
«Земля русской сильнѣй богатырь!
«Поди къ намъ, хоть царемъ служи,

«Хоть королемъ слыви,
 «Бери злата, сколько тебѣ надобно».
 Говорить Осударь Илья Муромецъ:
 «Миѣ не надо ваша золота казна
 «Скажите про дорожку прямоѣзжую, —
 «Куда ѣздить во красенъ Кіевъ градъ?
 Говорятъ мужики города Чиженца:
 «Прямоѣзжая дорожка, нечиста крѣпко;
 «Есть три заставушки великія:
 «Первая застава—грязи черныя,
 «Втора заставушка дремучи лѣса,
 «Третья заставушка есть рѣчишка, —
 «Рѣчишка, Смородинка.
 «У той рѣчишки Смородинки
 «Нѣтъ перескоку лошадиного, —
 «Есть-то у рѣчки каленый мостъ.
 «У того же мосту у каленаго
 «Сидитъ соловей на семи дубахъ,
 «Ни коному, ни пѣшему проѣзду нѣтъ;
 «Ни яеному соколу проѣзду нѣтъ.
 «Окольной дорожкой ѣхать три года».
 Поѣхалъ Осударь Илья Муромецъ
 По той дорожкѣ прямоѣзжія.
 Приѣхалъ къ первой заставушкѣ—грязи черныя
 Онъ лѣвой рукой коня ведетъ,
 А правой рукой мостъ моститъ,
 Проѣхалъ заставу — грязи черныя.
 Приѣхалъ къ заставѣ — дремучимъ лѣсамъ;
 Онъ лѣвой рукой коня ведетъ,
 А правой рукой дубы рветъ.
 Приѣхалъ ко третьей заставушкѣ—
 Ко той рѣчкѣ Смородинкѣ
 Ко тому мосту каленому:
 Сидитъ Соловей на семи дубахъ.
 Заревѣлъ Соловей по звѣриному,
 Засвисталъ по соловьиному,
 Подъ богатыремъ конь спотыкается.
 Спотыкается конь, ужагается.
 Ужъ какъ бьетъ Осударь добра коня—
 Бьетъ по тучнымъ бедрамъ:
 «Не слыхалъ ли ты крику богатырскаго,
 «Не слыхалъ ли ты свисту соловьиного?»
 Затягиваетъ Осударь лукъ разрывистой,
 Кладетъ стрѣлочку каленую.
 Стрѣльнулъ стрѣлочкой каленою.
 Пала стрѣлочка Соловью во правый глазъ;

Палъ Соловей со семи дубовъ,
 Палъ Соловей на сыру землю.
 Беретъ Осударь Илья Муромецъ.—
 Беретъ-то его на добра коня.
 Поѣхалъ Осударь Илья Муромецъ.
 Случилось ѣхать мимо Соловьина гиѣздышко
 Увидѣли Соловьины дѣточки:
 Большая дочь говоритъ:
 «Вотъ батюшко ѣдетъ, мужика везетъ».
 Средняя дочь говорила таковы рѣчи:
 «Батюшко ѣдетъ мужика, везетъ
 «На съѣденье малымъ дѣточкамъ».
 Меньшя дочь говорила таковы рѣчи:
 «Мужикъ-то ѣдетъ везетъ батюшка,
 «Приковалъ онъ ко стремени булатному».
 Большая дочьхватила подворотенку,
 А середняхватила коромысельце,
 Меньшяхватила помелышко.
 Говоритъ Соловеюшко Рахмановичъ:
 «Не гиѣвите-тко сердца богатырскаго,
 «Насыпайте телѣги красна золота,
 «Возите ко городу ко Кіеву,
 «Выкупайте родимаго батюшка».
 Поѣхали Осударь Илья Муромецъ
 Ко славному ко городу ко Кіеву,
 Заѣзжаетъ во городъ во Кіевъ.
 Разѣхался Осударь Илья Муромецъ
 Ко тому ко князю ко Владимиру
 На широкій дворъ.
 Онъ мечетъ коня среди двора,
 Оставляетъ Соловеюшка у стремени
 У стремени булатнаго.
 Пошелъ Илья Муромецъ
 Во гридню княженецкую.
 Крестомъ кладетъ по писаному,
 Поклонъ-отъ ведетъ по ученому,
 Бланияетъ чуднымъ образамъ,
 Бьетъ челомъ князю Владимиру
 И всѣмъ русскимъ могучимъ богатырямъ
 И всѣмъ боярамъ по обычаю,
 Понесли перву яству лебедь бѣлую,
 Садилъ Осударя во больши мѣста,
 Наливали чару зелена вина,—
 Не малу чару полтора ведра;
 Принимаетъ Осударь единой рукой
 Выпиваетъ единымъ духомъ.

Хиѣлина въ головѣ появилась.
Самъ говорить таковы рѣчи:
«Я ѣхалъ дорожкой прямоѣзжею,
«Очистилъ дорожку прямоѣзжую,
«Я привезъ Соловьѣшка Рахманова».
Говорять-то ему князи бояри:
«Наѣхалъ мужикъ засельщина,
«Засельщина деревеньщина,
«Пустымъ-то мужикъ похваляется»,
Говорить-то Осударь Илья Муромецъ:
«Пойдите на широкій дворъ».
«Пошли всѣ бояра на широкій дворъ;
Сидитъ Соловей у стремени булатнаго.
Говорить-то Владиміръ стольно-кіевскій:
«Засвисти Соловей по соловьиному»
Говорить Соловеюшко Рахмановичъ:
«Не твое я пью, кушаю, не тебя и слушаю».
Говорить Осударь Илья Муромецъ:
«Ужъ ты гой еси Соловеюшко Рахмановичъ!
«Засвисти Соловеюшко по соловьиному,
«Заревн Соловей по звѣриному»
Засвистѣлъ Соловей по соловьиному,
Заревѣлъ Соловей по звѣриному.
Съ боку на бокъ палата сколыбалася,
Ужасается Владиміръ стольно-кіевскій.
Самъ говорить таковы рѣчи:
«Не могу я слышать свисту Соловьиного»,
Подъ праву руку подхватывалъ
Добрынюшка Никитичъ,
Подъ лѣву Олешенька Поповичъ.
Всѣ-то князи бояра исподавали,
Отъ того свисту Соловьиного,
Отъ того рѣву звѣринаго.
Говорить-то Владиміръ стольно-кіевскій
«Ты гой еси Осударь, Илья Муромецъ!
«Закличъ Соловеюшка Рахманова»
Закликалъ Осударь Илья Муромецъ.
Натянули его дѣточки роженые
Натянули злата серебра,
Выкупать батюшку родимаго.
Береть Осударь Илья Муромецъ злата серебра.
Первую ношу кладетъ во Божью церковь,
Другую сиротамъ православнымъ,
Третью во красепъ Кіевъ градъ.
Выпускаетъ Соловеюшка Рахманова
Береть съ него роту великую:

«Не сидѣть то тебѣ на семи дубахъ».
Пошелъ Соловеюшко Рахмановичъ,
Пошелъ ко своему широку двору.
Остался Осударь Илья Муромецъ
Жить во городѣ во Кіевѣ.

VI. СТАРИЦА ПРО ВАСИЛЬЯ ОКУЛЬЕВА.

Во Цареградѣ служилъ Соломонъ царь,
Въ Новѣградѣ служилъ прекрасный царь Васи-
лій Окуловичъ.

Не было на силу Самсона Колыбанова,
Не было на смѣтку Осударя Ильи Муромца.
На вѣжество Добрынюшки Никитича;
На ярость Олеша Поповича;
На золоту казну Дюка Степанова;
На богатство Садка купца богатаго;
На хитрость, на мудрость Соломона Окульева;
На красоту Василья царя Окульева.

Заводился у Окульева почестенъ пиръ
На многихъ пановой-улановой,
На злыхъ проклятыхъ татаровой.
Всѣ на пиру сидятъ пьяны, веселы.
Василій царь по горницѣ похаживаетъ,
Желтыми кудрями потрививаетъ.
Самъ говорить таковы рѣчи:

«Ужъ вы гой еси, панове-уланове!
«Всѣ у насъ въ городѣ испожены;
«Красны дѣвицы исподаваны;
«Одинъ я Василій царь холостъ хожу,—
«Холостъ хожу,—не женатъ слыву;
«Не знаетъ ли мнѣ кто обручницы,
«Обручницы мнѣ, сопротивницы,
«Чтобы бѣло лице, какъ бѣлый снѣгъ,
«Ягодницы, будто маковъ цвѣтъ,
«Ясны-то очи будто у сокола,
«У того у сокола перелетнаго,
«Брови у ней какъ у соболя
«Того соболя Сибирскаго;
«Чтобъ возрастомъ не мала
«Умомъ сверстна,—
«Чтобъ было кому поклониться,
«Было кого чтобъ назвать царицею?»
Большой хоронится за средняго,
А средній хоронится за малаго,
А отъ малаго татарина отвѣту нѣтъ.
Говорить Василій царь во второй наконъ;

Говорить Василій во третій законъ;
Все большой хоронится за средняго,
Средній хоронится за меньшаго,
А отъ меньшаго татарина отвѣту нѣтъ.
Изъ за того изъ стола изъ за окольнаго,
Со той со скамейки бѣло-дубовой
Выходилъ удалый добрый молодець
По прозванью Василій Пустоволосовичъ
Младый Василій Таракашковъ сынъ.
Подходитъ Василій къ царю близехонько,
Самъ говоритъ потихохоньку:
«Прекрасный царь Василій Окульевичъ!
«Благослови мнѣ Василій, слово молвить
«Не могило меня за слово скоро сказати,
«А скорѣе того, чтобы повѣсити».
Говорить царю Василій Окульевичъ:
«Говори Василій, что тѣ надобно».
Говорить Василій Пустоволосовичъ;
«Я знаю тебѣ обручницу, —
«Обручницу знаю, сопротивницу;
«Бѣло лице будто бѣлый снѣгъ,
«Ягодницы будто маковъ цвѣтъ;
«Ясны очи будто у сокола,
«Того сокола перелетнаго;
«Черныя брови будто у соболя,
«Того соболя Сибирскаго.
«Ростомъ не мала и умомъ сверстна.
«Есть кому поклониться,
«Есть кого назвать и царицею.
«Есть у царя у Соломона
«Есть у него молода жена--
«Молодая царица Соломнида.
Говорить царь Василій Окульевичъ:
«Ты какъ можешь у жива мужа жену отнять?»
Говорить Василій Пустоволосовичъ:
«Ты гой еси, Василій Окульевичъ!
«Плохо у жива мужа жену отнять
«Дай-ко-се ты мнѣ три корабля,—
«Три червленыхъ;
«Нагрузи ихъ товарами заморскими:
«Первой нагрузи краснымъ золотомъ,
«Другой нагрузи чистымъ серебромъ,
«Третій скатнымъ жемчугомъ,
«Наклади еще напитоковъ забудущихъ
«Пойду я Василій во Святую Русь
«Привезу тебѣ царицу Соломниду».

Эти рѣчи царю во любви пришли,—
Во любви пришли, очень поглянулися.
Далъ ему три корабля, три червленыхъ;
Нагрузилъ ихъ товарами заморскими:
Первый нагрузилъ краснымъ золотомъ,
Второй нагрузилъ чистымъ серебромъ,
Третій нагрузилъ скатнымъ жемчугомъ,
Накладалъ напитоковъ забудущихъ,
Пошелъ тогда Василій на Святую Русь.
Приходить во гавань корабельную.
Въ гавань заходитъ—платить пошлину;
Якорь кладетъ—платить пошлину;
Паруса ронить—платить пошлину;
Беретъ онъ подарочки великіе.
Что во ту пору во то время
Соломнида дома не случилось.
Уѣхалъ во иностранныя горы
Собирать дани пошлины
За тѣ двѣнадцать годовъ вышедшихъ.
Взявши онъ подарочки великіе,
Идетъ ко царицѣ Соломнидѣ.
Отворяетъ Василій двери на пятау.
Не ксгитъ своо лица чернаго,
Не кланяется чуднымъ образамъ
Бьетъ челомъ царицѣ Соломнидѣ:
«Здравствуй царица Соломнида!»
Говоритъ царица Соломнида:
«Здравствуй Василій Пустоволосовичъ!
Зачѣмъ пришелъ, что просишь ты?
Говоритъ Василій Пустоволосовичъ:
«Ужъ ты гой еси, царица Соломнида
«Я пришелъ къ тебѣ съ подарками великими».
Подаетъ царицѣ Соломнидѣ
Тѣ подарочки великіе.
Принимала царица Соломнида
Тѣ подарочки великіе.
«Ужъ ты гой еси, царица Соломнида!
«Добро жаловать ко мнѣ на червленъ корабль
«Оцѣнить мои товары заморскіе,
«Чего мои корабли будутъ стоити?
Говорила царица Соломнида:
«Поди Василій къ себѣ на червленъ корабль,
«Буду я къ тебѣ на червленъ корабль,—
«Посмотрю твоихъ товаровъ заморскихъ.
Пошелъ Василій на червленъ корабль.
Пошла царица Соломнида

Къ Василю на червленъ корабль.
 Бьетъ челомъ Василій царицѣ Соломонидѣ:
 «Здравствуй царица Соломонида!»
 Бьетъ челомъ въ каюту корабельную.
 Заходитъ царица Соломонида
 Въ ту каюту корабельну,
 Напоилъ тутъ царицу Соломониду
 Тѣми напитками забудущими.
 Заспала тутъ царица Соломонида
 Во той каютѣ корабельныя.
 Выходитъ Василій изъ каюты корабельныя
 На ту палубу дубовую.
 «Ужъ ты гой еси дружинишка добраа!
 «Отсѣкайте якори булатныя,
 «Распушайте парусы полотняны!»
 Въ ту пору дружина не ослышалась:
 Отсѣкла она якори булатныя,
 Развивала парусы полотняны;
 Пошли изъ гавани каробельныя.
 Падала повѣтеръ способная.
 Выходитъ Василій на сине море.
 И русска земля потаилася
 А невѣрна земля возвременилася.
 Пробудилася царица Соломонида,
 Сама говорила таковы рѣчи:
 «Ужъ ты гой еси, Василій Пустоволосовичъ!
 «Ты куда меня везешь, куда повезъ?»
 Говоритъ Василій Пустоволосовичъ:
 «Ужъ ты гой еси, царица Соломонида!
 «Везу тебя къ царю Василю Окульеву,
 Везу тебя за него замужъ».
 Приходитъ Василій Пустоволосовичъ
 Во ту во гавань корабельную.
 Кладетъ Василій якори булатныя,
 Подвигъ парусы полотняны;
 Выдернулъ флаги шелковыя.
 Увидѣлъ Василій, царь Окульевичъ,
 Тѣ свои три корабля червленныя.
 Пошелъ встрѣчать Василій, царь Окульевичъ,
 Что того же Василя Пустоволосова.
 Увидалъ онъ царицу Соломониду.
 Беретъ онъ ее за бѣлы руки
 Цѣлуетъ въ уста сахарныя.
 Повелъ въ палату бѣлокаменну.
 У Василя повелся тогда почестенъ пиръ
 Со того со веселья со великаго.

Во ту пору во то время
 Прїѣзжаетъ Соломонъ, царь Давыдовичъ
 Во тѣже полаты бѣлокаменны,
 Не встрѣчаетъ его Царица Соломонида.
 Говоритъ Соломонъ Царь Давыдовичъ:
 «Ужъ вы здравствуйте князи, бояри!
 «Ужъ вы гой еси князи, бояра,
 «Что же не встрѣчаетъ меня молода жена,
 «Развѣ больна она у меня находится,
 «Или ее въ домѣ не случилось?»
 Говорили тогда князи, бояри!
 «Ужъ ты гой еси, Соломонъ, царь Давыдовичъ,
 «Приходилъ къ намъ Василій Пустоволосовичъ,
 «Приходилъ онъ на трехъ корабляхъ червленыхъ,
 «Увезъ твою царицу Соломониду
 «Къ тому царю Василю Окульеву,
 «Повезъ къ Василью за него за мужъ.
 Эти ему рѣчи не въ любви пришли,
 Показались за досаду за великую.
 Сталъ тогда Соломонъ собиратися,
 Сталъ онъ со дружиной собрунатися.
 Собралъ онъ дружину хоробрую,—
 Собралъ тридцать безъ единого
 Самъ былъ тридцатый.
 Отправились они сухимъ путемъ.
 Ъхать надо было три года;
 Переѣхали они въ три мѣсяца,
 Не доѣхали они до Новгорода,
 Становились они во чистомъ полѣ,
 Разставили они бѣлы шатры.
 Говорилъ-то имъ Соломонъ царь Давыдовичъ
 «Ужъ вы гой еси, дружина храбрая!
 «Я вамъ стану что наказывать:
 «Исполните вы мое наказанье,
 «Пойду я калѣкой перехожею,
 «Ко тому царю Василю Окульеву,
 «Просить я милостыни спасеныя
 «Для ради царя Христа небеснаго;
 «Только слушайте мое наказанье:
 «Я заиграю во дудочку во мѣдную,
 «Хватайте вы тогда коней добрыхъ;
 «Заиграю во дудочку въ серебряну,
 «Сѣдлайте вы коней добрыхъ;
 «Заиграю во дудочку во золоту,
 «Тогда скачите на добрыхъ коней,
 «Тогда рубите стараго и малаго,

«Не покидайте ни единого на сѣмена
Тогда пошелъ Соломонъ царь Давыдовичъ
Тою калекю перехожею.
Приходить ко гридни княженецкія,
Кричать зычнымъ голосомъ,
Просить милостыни спасеныя
Для ради Христа царя небеснаго.
Окульева тогда дома не случилось.
Услышала царица Соломѣнида,
Сама говорила таковы рѣчи:
«Не калѣка пришелъ со Святой Руси
«Пришелъ-то Соломонъ, царь Давыдовичъ.
«Добро жаловать ко мнѣ Соломонъ
«Хлѣба-соли ѣсть, пива-меду пить».
Пошелъ Соломонъ царь Давыдовичъ
Во ту во спальну во царевую.
Сидять, пьютъ, прохлаждаются.
Во ту пору во то время
Пріѣхалъ Василій царь Окульевичъ.
Говорять царица Соломѣнида:
«Ты Соломонъ, царь Давыдовичъ!
«Куда я тебя укрою,
«Есть у меня да окованъ сундукъ
«Ложись-косе ты въ окованъ сундукъ,
«Не увидитъ тебя Василій царь Окульевичъ?»
Легъ-то Соломонъ во кованъ сундукъ.
Замкнула его царица Соломѣнида.
Приходить Василій царь Окульевичъ;
Стали пить, ѣсть—прохлажатися;
Говорить царица Соломѣнида:
«Сказали про Соломона на Святой Руси:
«Что на Святой Руси Соломонъ хитерь-мудерь
«А теперь Соломона глупѣе нѣтъ,
«Лежить онъ въ сундукѣ кованомъ».
Говорить Василій царь Окульевичъ:
«Ужь ты гой еси, царица Соломѣнида!
«Выпущай-ко Соломона Давыдова,
«Сѣбку я у него буйну голову».
Отмыкала царица Соломѣнида окованъ сундукъ,
Скакалъ Соломонъ на рѣзвы ноги,
Береть Окульева за бѣлы руки;
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«У насъ на Руси не сѣжучь царей;
«Сдѣлай ты реинну высокую,
«Повѣсь на ней три петельки великія:
«Первую петельку варовую,

«Втору липову,
«А третью шелковую».
Говорить царица Соломѣнида:
«Ты гой еси, Василій царь Окульевичъ,
«Пора тебѣ на Соломона указъ чинить,
«Пора ему голову сказнить.
«Отойдетъ онъ хитростью и мудростью».
Говорилъ Василій царь Окульевичъ:
«Теперь Соломонъ у меня въ рукахъ».
Стали дѣлать реинну высокую,
Повѣсили три петельки великія:
Первую петельку варовую;
Втору липову,
Третью шелковую.
Повели Соломона на реинну высокую
Со той со славой со великою.
Говорилъ-то Соломонъ царь Давыдовичъ:
«Ужь вы гой еси, народы православные.
«Воротитесь вы панове-уланове,
«Соломонова смерть страшна будетъ».
Мудрой-то народъ воротилися,
А глупой народъ впередъ идетъ.
Говорить Соломонъ во второй законъ:
«Воротитесь панове-уланове,
«Соломонова смерть страшна будетъ».
Мудрый-то народъ воротилися,
А глупый-то впередъ идетъ.
Говорить Соломонъ во третей законъ:
«Воротитесь вы панове-уланове
«Соломону смерть страшна будетъ».
Мудрый-то народъ воротилися,
А глупой-то впередъ идетъ.
Пришли ко реиннѣ высокія.
Ступилъ Соломонъ на первую ступень,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«Благослови Василій царь
«Поиграть во дудочку во мѣдную,
«Царя съ царицей приутѣшити,
«А мнѣ край смерти взвеселитися».
Говорить Василій царь Окульевичъ:
«Играй-ко Соломонъ сколько тѣ надобно».
Говорить царица Соломѣнида:
«Пора тебѣ Соломону указъ чинить—
«Указъ чинить, голова сказнить,
«Отойдетъ онъ хитростью и мудростью».
Говорить Василій, царь Окульевичъ:-

«Теперь Соломонъ у меня въ рукахъ».
 Заигралъ во дудочку во мѣдную,
 Услыхала дружинишка хоробрая,
 Съдлали, нудзали коней добрыхъ.
 Ступилъ Соломонъ на втору ступень.
 «Благослови, Василий царь,
 «Сыграть во дудочку во серебряну
 «Тебя съ царицей приутѣшити,
 «А мнѣ по край смерти взвеселиться»
 «Играй-ко Соломонъ, сколько тѣ надобно».
 Говорить царица Соломонида:
 «Пора Соломону указъ чинить—
 «Указъ чинить—голова сказнить;
 «Отойдетъ онъ хитростью и мудростью».
 Говорить Василий, царь Окульевичъ:
 «Теперь Соломонъ у меня въ рукахъ».
 Заигралъ во дудочку серебряну.
 Услыхала дружинишка хоробрая—
 Легко скачетъ на добрыхъ коней.
 Вступилъ Соломонъ на третью ступень.
 «Благослови Василий царь
 «Сыграть во дудочку въ золоту».
 «Играй Соломонъ сколько тѣ надобно».
 Говорила царица Соломонида:
 «Пора Соломону указъ чинить.—
 «Пора ему голову сказнить.
 «Отойдетъ онъ хитростью и мудростью».
 Говорить Василий царь Окульевичъ:
 «Теперь Соломонъ у меня въ рукахъ».
 Заигралъ во дудочку во золоту:
 Услыхала дружинишка хоробрая,
 Съвуть стараго и малаго.
 Береть Соломонъ Василья за бѣлы руки,
 Кладеть Окульева во петельку шелковую,
 А царицу Соломонида въ варовую,
 А Василья *) во липову,
 Пускай виснетъ, а не давится.
 Вотъ тѣмъ дѣло окончилось.

VII. СТАРИНА ПРО АЛЕШУ ПОПОВИЧА **)

Во славномъ было во городѣ во Ростовѣ
 У того попа Ростовскаго
 Едино было чадо милое,

*) Пустовологовича.

**) Эта былина, вмѣстѣ съ слѣдующими за нею двумя, записана въ городѣ Мезени А. М. Никольскимъ.

Удалъ добрый молодецъ на возрастѣ
 По имени Алешинька младъ,
 И сталъ Алешинька конемъ владѣть.
 И сталъ Алешинька мечемъ владѣть,
 Приходить Алешинька ко своему родителю
 Ко тому попу Ростовскому
 И падаеть ему во рѣзвы ноги,
 И просить у него благословеньца
 Бхать да во чисто поле во раздолънице
 Ко тому ли ко сию морю,
 На тѣ-же тихи заводы
 Стрѣлять гусей бѣлыхъ лебедей,
 Перистыхъ пушистыхъ сѣрыхъ утицей.
 И стрѣлять во мѣрочки во польскія,
 Во то ли вострее ножевое.
 И просилъ онъ себѣ у роднаго батюшки
 У того ли попа Ростовскаго
 Себѣ дружинишку хорошую,
 Хорошую да хоробрую,
 И далъ ему Ростовскій попъ
 Своему чаду милому
 Благословенье съ буйной головы до рѣзвухъ ногъ
 И пошелъ же Алешинька на конюшенъ дворъ
 Со своей дружиною хороброю,
 И брали они коней добрыхъ,
 Надѣвали они на коней сѣделушка черкальскія,
 И затягивали подпруги шелковыя,
 И застегивали костылечки булатныя
 Во ту-ли кость лошадиную,
 И сами коню приговаривають:
 «Ужъ ты конь, ты конь лошадь добрая!
 «Не оставь ты конь во чистомъ полѣ
 «Сѣрымъ волкамъ на растерзанье,
 «Чернымъ воронамъ на възграенье,
 «А сильнымъ паляницамъ на восхваляенье».
 Надѣвали на коней узду тесмянную
 И сами коню приговаривають:
 «То не для-ради басы, — ради вѣрности,
 «А не для ради поѣздки богатырскія,
 «Для ради выслуги молодецкія».
 Надѣвалъ Алешинька латы кольчужныя,
 Застегивалъ пуговики жемчужныя
 И нагрудничекъ булатный.
 И бралъ свою сбрую богатырскую:
 Во первыхъ копье долгомѣрное,
 Во вторыхъ саблю острую,

Во третьихъ палицу боевую—
Въ налушничекъ тугой лукъ
Да двѣнадцать стрѣлочекъ каленныхъ;
Не забылъ чинжалище, свой острый ножъ.
Только видѣли удала, какъ въ стремена вступилъ.
А не видѣли поѣздки богатырскія,
Только видѣли—въ чистомъ полѣ куроно стоитъ,
Куроно стоитъ, да дымъ столбомъ валить. —
У рѣкъ молодцы не ставали,
Перевоза молодцы не крикивали.
Они ѣхали изъ утра день до вечера
И доѣхали до разстанюшка великаго
На три дорожечки широкія:
Первая дорожечка ко Кіеву градъ,
Друга дорожечка ко Чернигову градъ,
Третья дорожечка ко Синю морю,
Ко тому ко камешку ко сѣрому,
Ко тому ко бережку ко крутому,
На тѣ-же тихи вешни заводи,
И говорилъ тутъ Алеша Поповичъ младъ,
«Ужъ ты гой еси дружина добрая,
«Въ котору дорожку нашъ путь лежитъ,
«Въ Кіеву ли ѣхать, а въ Чернигову
«Аль къ тому морю Синему?»
И говоритъ дружина хоробрая:
«Ужъ ты гой еси Алеша Поповичъ младъ!
«Если ѣхать намъ да во Чернигову градъ,
«Есть во Черниговѣ вина заморскія,
«Вина заморскія да заборчивыя,
«По стаканчику выпьемъ, по другому хочется,
«А по третьему выпьешь, душа горитъ;
«Есть тамъ калашницы хорошія,
«По калачику съѣдимъ, по другому хочется,
«По другому съѣдимъ, по третьему душа горитъ.
«Есть тамъ дѣвушки хорошія,
«Если на дѣвушку взглянешь, такъ загуляешься,
«И пройдетъ про насъ славушка не малая,
«Ото востока слава до запада
«До того города до Ростовскаго,
«До того ли попа до Ростовскаго,
«До твоего батюшки родителя.
«Поѣдемъ ко мы Алешинька въ Кіеву градъ
«Вожьямъ церквамъ помолятся,
«Честнымъ монастырямъ поклонитися».
И поѣхали они ко городу ко Кіеву
Подъ тѣмъ подъ городомъ подъ Кіевомъ

Солучилося несчастье великое:
Обостала его сила невѣрпая
Изъ той орды да великія,
По имени Василій Прекрасный,
И страшно, грозно подымается
Нехорошима словами похваляется:
Хочетъ крашенъ Кіеву въ полонъ взять,
Святые церкви въ огонь спустить,
А силу Кіевску съ собою взять,
А князя Владиміра повѣсить,
Евпраксию Никитишну въ замужъ взять,
И говорилъ то тутъ Алеша Поповичъ младъ:
«Ужъ ты гой еси дружинишка хоробрая!
«Не поѣдемъ ко мы теперича во Кіеву градъ
«А напустимся на рать силу великую
«На того ли Василя Прекраснаго,
«И слободимъ отъ бѣды крашенъ Кіеву градъ;
«Выслуга наша не забудется;
«А пройдетъ про насъ слава великая
«Про выслугу нашу богатырскую,
«И узнать про насъ старый казакъ Илья Муромецъ
«Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
«Не дошедши старикъ намъ поклонится».
И попускалъ онъ съ дружинишкой хороброю
На ту силу рать великую,
На того Василя Прекраснаго,
И прибили тое силу рать великую
Кое сами, кое кони топчуть,
И разбѣжалась рать сила великая
По тому полю широкому,
По тѣмъ кустамъ ракивовымъ,
Очистила дорожку прямоѣзжую.
Заѣзжали они тогда во крашенъ Кіеву градъ
Ко тѣмъ же ко честнымъ монастырямъ.
И спросилъ то ихъ Владиміръ князь:
«И отгуль таки вы добры молодцы,
«И кони дорогами какимъ путемъ?»
«Заѣхали мы дорожкой прямоѣзжею».
И не просилъ ихъ князь на почестенъ столъ,
И сядились тутъ добры молодцы на добрыхъ коней
И поѣхали они во чисто поле
Ко тому-ли городу Ростовскому,
Ко тому-ли попу Ростовскому.
Прошла славушка не малая
Отъ того ли города Ростовскаго
До того ли до города до Кіева,

До тое ли горы до Черниговки,
До того ли шеломя окатистаго,
До тое ли березоньки кудрявыи,
До того ли шатра бѣлополотнянаго,
До того ли удала добра молодца,
А по имени Ильи Муромца,
Что очистилась дорожка прямоѣзжая
Отъ того ли Алешиньки Поповича;
И самъ же старый да удивляется,
Ужъ какъ ѣздили добры молодцы да по чисту полю,
А не заѣхали удалы добры молодцы ко старому
Хлѣба соли ѣсть, да пива съ медомъ пить.
Садится старъ да на добра коня,
Пріѣзжаетъ старъ да въ крашенъ Кіевъ градъ
Ко тому ли ко столбу точеному,
Ко тому ли колечку ко витому,
Ко тому ли дворцу княжевскому,
Ко тому ли крылечуку прекрасному.
Не ясенъ соколъ да опускается,
А то старъ казакъ съ коня соскакиваетъ,
Оставляетъ коня не приказана, не привязана,
Забѣгаетъ старъ на красно крыльцо
И проходитъ новы сѣни,
И заходитъ во свѣтлу гридню,
И приходитъ старый Богу молится,
На всѣ стороны поклоняется.
Челомъ бьетъ ниже пояса:
«Ужъ ты здравствуешь, князь стольно-Кіевскій!
«Ужъ ты здравствуешь, Апраксія Королевишна!
«Поздравляемъ васъ съ побѣдою немалою.
«Залеталиль сюды добры молодцы,
«По имени Алешенька Поповичъ младъ
«Со своей дружинюшкой хороброю?»
Отвѣчаетъ ему князь стольно-кіевскій:
«Заѣзжали добры молодцы ко тѣмъ честнымъ мо-
пастырямъ,
«Ужъ я ихъ къ себѣ въ домъ да не принялъ,
«И уѣхали они во далечо чисто поле».
И сказалъ тутъ старъ казакъ:
«Собериткося князь Владиміръ почестенъ пиръ,
«Позовиткося Алешу Поповича на почестенъ пиръ,
«Посадиткося Алешу во большо мѣсто,
«И уподчуйкося Алешу зеленымъ виномъ,
«Зеленымъ виномъ да медомъ сладкіимъ,
«И подариткося Алешу подарочкомъ великіимъ.—
«И прошла ужъ славушка не малая

«Про того Алешиньку Поповича
«До той орды до великія,
«До той Литвы до поганья,
«До того Батая Батеевича.»
— «Да кого же намъ послать за Алешинькой,
«Да попросить его на почестенъ пиръ?»
«И послать намъ Добрынюшку Никитича»
И поѣхалъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
Не дошедши Добрынюшка низко кланялся:
«Ужъ ты гой еси Алеша Поповичъ младъ!
«Поѣдемъ-ко ся во крашенъ Кіевъ градъ
«Ко ласкову князу ко Владиміру
«Хлѣба соли ѣсть, да пиво съ медомъ пить
«И хочеть тебя князь пожаловать».
Отвѣтъ держать Алеша Поповичъ младъ:
«На пріѣздѣ гостя не уподчивалъ
«На отъѣздѣ гостя не уподчивать».
Говорить тутъ Добрынюшка во второй накопъ:
«Поѣдемъ Алешинька во крашенъ Кіевъ градъ
«Хлѣба соли ѣсть, пиво съ медомъ пить,
«И подарить тебя князь подарочкомъ хорошимъ.
«Да еще звалъ тебя старой казакъ
«Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
«Да звалъ тебя Дунаюшко Ивановичъ,
«Да звалъ тебя Василій Касимеровъ,
«Да звалъ тебя Потанюшко хроменькій,
«Да звалъ тебя Михайлушко Игнатъевичъ».
Тогда садился Алеша на добра коня
Со той дружинюшкой хороброю,
Поѣхали они во далече чисто поле
Ко тому ко граду ко Кіеву,
И заѣзжаютъ они не дорожкой, не воротами,
А скакали черезъ стѣны городовыя,
Мимо тое башенки наугольныя
Ко тому же ко двору княженецкому.
Не ясенъ соколъ съ воздуху опускается,
А удалы добры молодцы
Со своихъ коней соскакиваютъ,
У того же столба у точенаго,
У того же колечка золоченаго;
А оставили коней неприказанныхъ, не привязанныхъ.
Выходилъ тутъ на крыльцо старый казакъ
Со княземъ со Владиміромъ, со княгинюшкой Ан-
раксією;
По колѣно-то у Апраксіи наряжены ноги въ золотъ
А по локоть-то руки въ скатномъ жемчугѣ

На груди у Апраксія камень и цѣны ему нѣтъ.
Не дошедши Апраксія низко поклонилася
И тому же Алешинькѣ Поповичу:
«Ужь многолѣтно здравствуй ясенъ соколъ,
«А по имени Алешинька Поповичъ младъ!
«Шобѣдиль ты не мало силы нонь,
«И слободилъ ты нашъ крашень Кіевъ градъ
«Отъ того ли Василя Прекраснаго;
«Чѣмъ тебя мы станемъ теперъ Алешу жало-
вать—
«Пожаловать намъ села съ приселками,
«А города съ пригородками!
«И тебѣ будетъ казна не затворена,
«И пожалуй ко ся ты къ намъ на почестень столъ».
И брала Алешиньку за бѣлу руку
И вела его въ гридни столовые,
Садилась за столы дубовые,
За скатерти перчатныя,
За кушанья сахарныя,
За напитки розналивчатые,
За тую же за матушку бѣлу лебедь.
Да сказалъ же тутъ Владиміръ стольно кіевскій:
«Слуги вѣрныя наливайте-тко-сь зелена вина
«А не малую чарочку,—въ полтора ведра;
«Наливайте-тко-сь еще меду сладкова,
«Наливайте-тко-сь еще пива пьянаго,
«А всего четыре ведра съ половиною».
И принимаетъ Алешинька одною рукою,
И отдаетъ чело на всѣ четыре стороны
И выпивалъ Алешинька чары до суха;
А особенно поклонился старику Ильѣ Муромцу.
И тутъ-то добры молодцы поназванились:
Назвался старый братомъ старшіимъ,
А середнімъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
А въ третьихъ Алешинька Поповичъ младъ,
И стали Алешиньку тутъ жаловать:
Села съ приселками, города съ пригородками,
А казна-то была ему не закрыта.
И ставалъ тутъ Алеша на рѣзвы поги
И говорилъ Алеша токово слово:
«Не надоть мнѣ-ко села съ приселками,
«Не надоть мнѣ города съ пригородками,
«Не надоть мнѣ золотой казны,
«А дай-ко мнѣ волю по городу Кіеву,
«И чтобы мнѣ-ко кабаки были не заперты,
«А въ трактирахъ чтобы гулять дозволялося».

И бралъ онъ тутъ свою дружинишку хорошую
да хоробрую,
И своихъ братицей названныхъ.
И гуляли они времени не мало тутъ—
Гуляли недѣлю, гуляли двѣ,
А на третью недѣлю просыпались,
И сажались удалы на добрыхъ коней,
Поѣхали во далече чисто поле,
Во то раздольице широкое,
Ко той же рѣки ко Черниговкѣ,
Ко той же горы ко высокія,
Ко той же шеломя окатистой,
Ко той же березонки кудрявыя,
Ко тому ли шатру бѣлополотняному,
И поставили они своихъ добрыхъ коней,
И раздёрнули шатры, столы убраные.
Начали молодцы пить, ѣсть, кушати,
Начали молодцы разговаривать.
Выходилъ же въ ту пору старъ козаць изъ бѣла
шатра
И смотрѣлъ старикъ изъ трубки подозорныя на всѣ
четыре стороны:
Во первыхъ глядѣлъ на сине море,
На тѣ же тихи заводья,
Во вторыхъ смотрѣлъ во чисто поле,
Да увидѣлъ во чистомъ полѣ во раздольицѣ кучу
не малую,
А потомъ усмотрѣлъ добра коня,
А на конѣ усмотрѣлъ паляницу преудалую
А и ѣдетъ она потѣшается;
На лѣвомъ-то плечѣ у ней ясенъ соколъ,
На правомъ-то плечѣ у ней бѣлый кречеть,
Да палица у ей боевая тридцати пудовъ,
Правой рукою она ее выкидывала выше лѣсу
стоячаго
Да пониже-то облака ходячаго,
Да другой рукою подхватываетъ,
А до земли палицу не допускиваетъ.
И тутъ старому занятно палоса
И долго старый позамѣшкался,
Засмотрѣлся на гулянку паляницы
И самъ тому удивляется.
Вскрикнулъ тутъ Алешу Поповича:
«Ужь ты гой еси Алешинька Поповичъ младъ!
«На тебя будетъ служебка накинута,
«Сяди-тко-сь Алешинька на добра коня

«Поѣзжай-ко-ся во чисто поле,
«Ко той же паляницѣ преудалыя,
«Ты спроси-тко-сь у ей: какой земли,
«Какого городу, какого роду, отца матери,
«И какъ зовуть тебя по имени, величаютъ по
изотчеству,

«И спроси-тко ты Алешинька Поповичъ младъ:
«Куда же ты ѣдешь, куда путь держишь,
«Али ты ѣдешь въ Кіевъ градъ, аль въ Черниговъ
градъ,

«Али ты посмотрѣть хочешь стара козака?»
И скочилъ тутъ Алеша скорешенько на добра
коня,

А полетѣлъ-то Алешинька во чисто поле.
Доѣхалъ онъ до паленицы преудалыя.
Не спрашиваетъ у ей имени, отчины,
Ни роду ни спрашиваетъ, ни племени,
Оборачиваетъ Алешинька востро копье
И хочетъ принять на его ту паляницу преудалую,
Да была Паляница на то ухватчива—
Ухватила у его востро копье,
Да убросила его во чисто поле,
Ахватила Алешинька за шиворотъ,
Да сбросила съ добра коня сдолой
И сказала ему таково слово:

«Ужь ты гой еси Алеша Поповичъ младъ!
«Ужь ты силой не силенъ, да напускомъ смѣлъ,
«Не спрашиваешь ни имени, ни отчины,
«Напускаешься на паляницу преудалую,
«А хочешь я тебя смерти предаждь;
«Поѣзжай-ко-ся ты ко бѣлу шатру,
«Пошли-ко-ся ты самого Илью Муромца,
«Мнѣ ка хочется съ нимъ поназваниться».

Садился Алешинька на добра коня и ѣхалъ ко бѣлу
шатру,

А что было то Алеша не сказывалъ,
Посылалъ тутъ старый Добрынюшку во второй на-
конь:

«Узнай-ко ся Добрынюшка, кто ѣздитъ во чистомъ
полѣ?»

Садился тутъ Добрынюшка на добра коня, да и
ѣхалъ во чисто полѣ;

Не доѣхавши Добрынюшка шапку складывалъ

И соходилъ съ добра коня низко кланялся:

«Ужь ты здравствуй-кось паляница преудалая

«Какого же ты города, какой земли,
«Какого же ты отца, матери,
«Какъ-же тебя звать по имени,
«Звеличать тебя по изотчеству,
«Куда же ты ѣдешь: въ Кіевъ градъ, аль въ Черни-
говъ градъ,

«Или ѣдешь отъ синя моря,

«И хочешь увидать стара казака?»

Отвѣчаетъ ему паляница преудалая:

«Поѣзжай-ко ты Добрынюшка Никитичъ младъ!

«Пошлиткось ты ко мнѣ стараго:

«Прошла про его славушка не малая,

«Отъ востока прошла слава до запада,

«Отъ той орды великія, отъ того же отъ Мамаю
сильнаго,

«Сторожить де старъ казакъ три дорожечки ши-
рокихъ».

Поѣхалъ ли тутъ Добрынюшка Никитичъ младъ

Ко тому ли шатру бѣлополотняному,

И не доѣдучи старому рассказывалъ;

И на то-ли старому за бѣду стало,

За великую досаду показалося,

Садился старый на добра коня,

ѣхалъ да во чисто поле ко той паляницѣ пре-
удалыя,

Разѣхались тутъ удалы въ первой разъ,

Кололися копыцами вострыми,

А по посадочки копыца ихъ свернулися,

И тѣмъ боемъ они другъ друга не ранили.

Рубилися потомъ сабельками вострыми,

И тѣмъ боемъ другъ друга не ранили.

Потомъ билися палицами боевыми;—

Отъ рукъ палицы загорѣлися,

По спаямъ палицы распаялися,

Они тѣмъ боемъ другъ друга не ранили.

Соскочили они съ добрыхъ коней,

И хватилися они боемъ рукопашнымъ,

Не много они времени поводилися,

А по колѣно въ землю утопталися;

По участи было по старого,

По злосчастыицу было паленицыну,

Правая рука у ей опустилася,

Хватилъ же ее старый за бѣлы груди,

Падала тутъ паленица на сыру землю.

Наскакивалъ тутъ старый на бѣлы груди къ ей,

Отстегивалъ пуговицы вальянскія,

Отворачивалъ латы кольчужныя,
Вынимаетъ чинжалище, вострый ножъ,
Хочетъ пороть ей груди бѣлыя,
Хочетъ смотрѣть ретиво сердце.
На то старый былъ жалосливъ:
Увидалъ у паляницы бѣлы груди,
А на бѣлы груди былъ упадчивый.
И почалъ онъ тутъ ее спрашивать:
«Откуль ты и какой земли?
«И какого ты отца матери,
«Какъ тебя именемъ зовутъ?»
Говорила же тутъ паленица преудалая:
«Была бы ужъ я у тебя на бѣлыхъ грудяхъ,
«Я не спрашивала бы имени отчества,
«Порола бы я бѣлы груди, да смотрѣла ретиво
сердце».

Бралъ же тутъ ей старый да за бѣлы руки,
И подымалъ ей на рѣзвы ноги,
И цѣловалъ ей въ уста сахарныя,
И обнималъ ей за шею бѣлую,
И садилъ ей на добра коня,
И велъ ей ко своему шатру бѣлополотняному,
И садилъ ей за столы убранные,
И пили ѣли они кушали,
И сами двоима забавлялися,
И тайными словами занималися,
И ночи по три они проспали,
И понесла она отрока.
И далъ ей съ правой руки злаченъ перстень.
Со ставкою со драгоценною,
Со надписью именною старою.
Самъ же ей онъ уговаривалъ:
«Принесешь если ты дочь заѣну,
«Отдай ей перстень въ приданое;
«А если принесешь удала добра молодца,
«Благослови его дорогимъ перстнемъ,
«Дай ему добра коня, да пошли его во чисто поле
«А пошли его, наказывай:
«Если увидить онъ во чистомъ полѣ стараго,
«Такъ не дошедши пусть поклонится.
Поѣхала отъ стараго Паляница преудалая
Ко тому же ко синю морю,
Ко тому же ко камешку ко сѣрому,
Ко тѣмъ же палатамъ бѣлокаменнымъ,
И почала жить у синя моря,
И ожидать себѣ время заѣною,

И спородила она себѣ чадо милое,
Не яснаго сокола, а удала добра молодца,
И дала ему имя сильный, могучій
И славный богатырь по имени Подсокольникъ.
Удалъ молодецъ не по годамъ растеть, а по ча-
самъ;

Сталъ же добрый молодецъ шести годовъ,
Сталъ онъ на улицу похаживать,
Сталъ съ ребятами поигрывать,
А ребята были не схватчивы,
Называли его безотеческимъ,
Называли его *сколотышсмъ* *)
Еще нѣтъ у тебя родна батюшка.
На этомъ молодцу за бѣду встаетъ,
За великую досаду ему кажется;
Подходилъ онъ къ матушкѣ родимой:
«Ужъ ты гой еси матушка родимая!
«Отчего же у меня нѣту батюшки родителя?» —
Подарила она ему тогда злаченъ перстень,
А на злачномъ перстиѣ имя, изотчина.
Наложилъ тутъ Подсокольникъ перстень на руку,
А все носить этотъ перстень нелюбя,
И все зло иесеть на батюшка;
Сталъ Подсокольникъ двѣнадцати лѣтъ,
Не ясенъ соколъ на возлетѣ,
Подсокольникъ сталъ на возрастѣ,
Сталъ Подсокольникъ мечемъ владѣть,
Сталъ Подсокольникъ и конемъ владѣть,
Да садился Подсокольникъ на добра коня,
Поѣзжаетъ Подсокольникъ во чисто поле.
Говорила тутъ ему матушка родимая:
«Ты поѣдешь да во чисто поле,
«Ты увидишь во чистомъ полѣ да стараго,
«Не дошедши старому да кланайся,
«А челомъ бей о сыру землю».
И поѣхалъ тутъ Подсокольникъ во чисто поле,
И прямо ѣдетъ ко бѣлу шатру.
Кричалъ тутъ Подсокольникъ громкимъ голосомъ:
«Ужъ ты гой еси, русскій богатырь
«Удалый добрый молодецъ, а по прозванью Илья
Муромецъ,

*) Въ Мезени слово *незаконнорожденный* не употребляется, а вмѣсто него — *сколотный*.

«Пріѣхалъ къ тебѣ непріятель невѣрный
«И хочеть онъ съ тобой поборотися»
Ото сна ли старый пробужается,
Садился старый на добра коня,
Сѣѣхались тутъ удалы да во чистомъ полѣ,
И ударилъ Подсокольничекъ стараго по правой щекѣ,
И подхватилъ копьемъ долгомѣрнымъ подъ правой
нахъ,
И вывихнулъ изъ сѣдла черкальскаго
Со добра коня со сивушка,
И палъ старый на сыру землю, какъ овсяный
спонъ,
И вышибъ онъ стараго изъ ума изъ памяти,
Садился Подсокольничекъ старому на бѣлы груди,
И отстегивалъ пуговики жемчужныя,
И отворачивалъ латы кольчужныя,
И вынималъ чинжалище острый ножъ,
И хочеть пороть бѣлы груди,
И хочеть смотрѣть ретиво сердце,
А тѣло хочеть разбросать по чисту полю.
Увидѣлъ тутъ старый на правой рукѣ именной
перстень,
И взмолился онъ Спасу пречистому и вздохнулъ
крѣпко:
«Стоялъ я за церквя божіи, за тѣ же честны мона-
стыри,
«И хранилъ я стоальной Кіевъ градъ,
«Да еще хранилъ я Черниговъ градъ,
«Да еще очистилъ я дорогу прямоѣзжую».
И слетѣлъ Подсокольничекъ у Ильи со бѣлыхъ
грудей,
И слетѣлъ Подсокольничекъ какъ овсяный спонъ,
Наскакивалъ тутъ старый ему на бѣлы груди,
Отстегивалъ пуговики жемчужныя,
И отворачивалъ латы кольчужныя,
И устраивалъ добра молодца, самъ его спра-
шивалъ:
«Ты какой земли какого рода племени,
«Какъ тебя молодца именовъ зовутъ?»
Тутъ молодець отвѣтъ держитъ:
«Кабы былъ я на твоихъ бѣлыхъ грудяхъ,
«Не спрашивалъ бы роду племени,
«Не спрашивалъ бы я отца матери,
«Породъ бы я бѣлы груди, смотрѣлъ бы ретиво
серце.
«Разбросалъ бы я бѣло тѣло по чисту полю,

«Сѣрымъ волкамъ на растерзанье,
«Чернымъ воронамъ на возграенье.,
«На славу всему міру, вѣмъ людемъ».
Говоритъ тутъ старый во второй наконъ:
«Ты какой земли, какого города?
«Какъ тебя молодца именовъ зовутъ?»
Отвѣтъ держитъ добрый молодець:
«Я отъ моря—моря синяго,
«Отъ камешка отъ сѣраго,
Отъ тѣхъ палатъ бѣлокаменныхъ
«Отъ той паяницы преудалыя,
«Отъ той отъ Златыгорки отъ сильныя.
«А батюшка себѣ не знаю я.
«И какъ поѣхалъ я во чисто поле,
«Тогда мнѣ-ко матушка наказывала:
«Какъ увидишь стара казака Илью Муромца,
«Не дошедши ему низко кланяйся.
«И велѣла она сойти съ добра коня,
«И велѣла бить челомъ сыру землю».
На то старый былъ жалостливъ,
Узналъ, что тотъ его Подсокольничекъ
Отъ той лютой отъ Златыгорки;
Бралъ онъ его за бѣлы руки,
И цѣловалъ его въ уста сахарныя,
Называлъ его сыномъ родимымъ,
Благословилъ его благословеньцемъ великимъ:
«Ты гуляй-ко, дитятко, по чисту полю,
«Не проливай крови безвинныя,
«Не губи силу напрасную,
«Повѣжай-ко ся да ко синю морю
«Ко своей матушкѣ родимой,
«И скажи-тко отъ меня низкій поклонъ,
«Низкій поклонъ отъ меня отъ стараго
«Отъ своего рѣдца батюшка».
И поѣхалъ добрый молодець ко синю морю,
Ко тѣмъ же палатамъ бѣлокаменнымъ,
Ко той же матушкѣ Златогоркѣ.
Подѣзжаетъ онъ ко красну крыльцу
И кричитъ онъ громкимъ голосомъ:
«Ужь ты гой еси, зла лиха паяница преудалая!
«Встрѣчай-ко меня добра молодца!»
Выходитъ тутъ Златогорка на красно крыльцо,
Встрѣчала его, низко кланялась:
«Ужь ты здравствуй дитятко родимое,
«Ты удалый добрый молодець, по имени Подсоколь
ничекъ».

А встрѣтилъ-то ее добрый молодець вострымъ
копьемъ,

И падала тутъ она на красно крыльцо.
Оборотилъ онъ коня да во чисто поле,
И подѣхалъ онъ, добрый молодець, ко бѣлу шатру,
И засталъ тамъ стараго да спящаго,
И оборотилъ онъ на стараго востро копье,
И ткнулъ стараго въ ретиво сердце .
Своимъ копьемъ вострымъ,
А у стараго былъ на груди чуденъ крестъ,
Вѣсу-то былъ онъ трехъ пудовъ,
И пало копье въ чуденъ крестъ,
По посадочку копье извернулося.
Тутъ ли старый отъ сна просынается,
Не отъ лютой ли хмѣлилки пробужается.
Ретиво его сердце загорѣлося,
А могучи плеча расходилися,
Бѣлыя руки подымалися,
И хватилъ онъ тутъ Подсокольничка
За буйну голову, за русы кудри,
И отхватилъ онъ буйну голову,
И разрубилъ его на части мелкія,
И разбросалъ по чисто полю,
И тутъ Подсокольнику славу поютъ.

VIII. СТАРИНА ПРО ИЛЮ МУРОМЦА.

Изъ за моря, моря сняго,
Изъ за тѣхъ же горъ, изъ за высокихъ,
Изъ за тѣхъ же лѣсовъ темныхъ,
Изъ за той же сторонушки восточныя,
Не темная туча поднималася:
Съ силой Мамай соряжается
На тотъ же на крашенъ Кіевъ градъ,
И хочеть крашешъ Кіевъ въ полонъ взять,
И бралъ онъ себѣ силы много множество—
Сорокъ царей и сорокъ царевичей,
Сорокъ королей и сорокъ королевичей,
И за всякимъ визиремъ по сту тысячей,
Да бралъ своего зятя любимаго,
Своего Василя прекраснаго,
И бралъ за имъ силы войска триста тысячей,
А за самимъ за собой войска счету не было.
И не матушка ли орда подымалася,
Мать сыра земля отъ войска потрясалася;
Въ конномъ топичѣ краснаго солнца не видать
было,

А свѣтлый мѣсяць отъ пару конскаго померкнулъ
весь,—

Замѣтно было въ городѣ во Кіевѣ.
Дошла до Мамай славушка не малая,
Будто въ томъ же городѣ во Кіевѣ,
Будто не стало Ильи Муромца,
Будто всѣ сильные богатыри во чисто поле разъ
ѣхались.

И подходила сила Мамаева ко тому же ко чисто
полю,

Ко тому ли раздольицу широкому,
Не дошедши они до города до Кіева въ двухстахъ
верстахъ

Развернули шатры бѣлополотняные,
Разостали они войскомъ въ лагерѣ,
И поставили они кругомъ войска стражу строгую,
И говорилъ тутъ Мамай таково слово:

«Ужь ты гой еси любимый зять, Василий Прекрасный!
«Ты садись-ко Василий на ременчатъ стулъ,
«И пиши-тко дитятко ты ярлыки скорописные,
«Не на бумагѣ пиши це перомъ, не чернилами,
«А пиши-тко ся ты на красномъ бархатѣ,
«Ты печатай-ко заголовья краснымъ золотомъ,
«А по самой середкѣ чистымъ серебромъ,
«А ужъ мы высадимъ, подпишемъ скатнымъ жем-
чугомъ,

«А на углахъ-то посадимъ по камню самоцвѣтному,
«Чтобы тѣмъ камнямъ цѣны не было;
«А пиши ты на бархатѣ не ласково,
«Со угрозами пиши съ великими,
«Пиши не давай сроку ни на время, ни на малое»
И писалъ тутъ ярлыки любимый зять.

И говорилъ тутъ любимый зять таково слово:
«Ужь ты гой еси батюшко Мамай, строгій царь!
«Мы кого пошлемъ посла во Кіевъ градъ?»

Говорилъ Мамай таково слово:

«Ужь ты гой еси, любимый зять!
«Тебѣ ка ѣхать во крашенъ Кіевъ градъ,
«А самому остаться въ бѣлополотняномъ шатрѣ
«Со своимъ войскомъ съ любимымъ».

Садился тутъ Василий на добра коня.

Поѣхалъ Василий во Кіевъ градъ,

Не дорогой ѣхалъ не воротами,

Черезъ стѣны скавалъ городовыя

Мимо башенки тѣ наугольныя;

Подѣзжаетъ ко двору ко княжескому

И соскакивалъ съ добра коня удалой,
Заходилъ же онъ на красно крыльцо,
Заходилъ же онъ во свѣтлу гридню,
И подходилъ онъ къ столамъ дубовымъ,
И клалъ ярлыки тѣ скорописчатые.
И подходилъ тутъ Владиміръ стольно-кіевскій
И бралъ ярлыки скорописчатые.
Какъ въ ту пору, да во то время,
Не ясенъ соколъ да подымается,
А пріѣхалъ старый во Кіевъ градъ,
Забѣгаетъ старый на красно крыльцо,
Заходитъ старый во свѣтлу гридню,
А Владиміръ стольно-кіевскій
Горючми слезами уливается;
Не подымаются у него бѣлы руки,
Не глядятъ у его очи ясныя,
Говорилъ же онъ тутъ таково слово:
«Ты бери-тко-ся старый ярлыки скорописчатые,
«Ты читай ко ихъ скоро на скоро,
«И что въ ярлыкахъ тѣхъ написано
«И что на бархатѣ напечатано».
И началъ старый читать скоро на скоро,
Самъ читалъ, а головушкой поматывалъ,
Даже горючи слезы покатилися,
И въ слухъ читалъ, всѣ слышали
А что же въ ярлыкахъ написано
И сроку въ ярлыкахъ не дано:
«Не спущу изъ Кіева ни стараго ни малаго,
«А самага Владиміра-буду тянуть очи косицами,
«А языкъ-то теменемъ,—съ живаго кожу драть буду,
«А княгинюшку Апраксию возьму за Василя Преподобнаго».
Тогда говорилъ старъ козакъ таково слово:
«Ужъ ты гой еси посланникъ, строгій царь!
«Ужъ ты дай-ко ся мнѣ сроку на три года».
«А не дамъ я вамъ сроку на три года».
«А дай ко ты намъ хошь на два года».
«А не дамъ я вамъ сроку на два года».
«Дайте сроку хошь на полгода,
«А безсрочныхъ, сказалъ старъ козакъ, и на землѣ нѣту».
Даваеътъ Василя сроку на полгода,
И угощать стали Василя Прекраснаго
Зеленымъ виномъ, пивомъ пьянымъ, медомъ
сладкимъ,
И начали дарить золотой казной:

Подарили одинъ кубчикъ чиста золота,
А другой-отъ подарили скатна жемчуга,
Да дарили еще червонцей хорошихъ,
Дарили еще соболями сибирскими,
Да еще дарили кречетами заморскими,
Да еще дарили блюдами однозолотными,
Да бархатомъ дарили краснымъ.
Принималъ Василя подарочки великіе,
И везъ къ Мамаю въ бѣлополотняный шатеръ.
Во ту пору, во то время пошелъ старый по Кіеву
граду,
Нашелъ дружинишку хорошую, того ли Потаюшку
Хроменьаго,
Писалъ ярлыки скорописчатые
Ко своимъ ко братьямъ ко названнымъ:
Во первыхъ-то къ Самсону Колувану,
Во вторыхъ-то къ Дунаю Ивановичу,
Во третьихъ-то къ Василю Касимерову,
Во четвертыхъ-то къ Михайлушкѣ Игнатьеву съ
племянникомъ,
Во пятыхъ-то къ Потоку Ивановичу,
Во шестыхъ-то къ Добрынюшкѣ Никитичу,
Во семыхъ-то къ Алешѣ Поповичу,
Во восьмыхъ-то къ двумъ братьямъ Иванамъ,
Да еще къ двумъ братьямъ, двумъ Суздальцамъ.
Поѣхалъ Потаюшка во чисто поле,
Собралъ всѣхъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
Русскихъ могучихъ всѣхъ богатырей.
Не ясны соколы солеталися,
Не славны добры молодцы соѣзжались,
Ко тому ли Владиміру собиралися,
И почали думу думати совѣтъ совѣтывать,
И началъ старый у ихъ спрашивать:
«Ужъ вы удалы добры молодцы!
«Постоймъ-ко ся мы за вѣру христіанскую,
«И зъ тѣ же за храмы за божіе,
«И за тѣ-же чесные монастыри
«И своею мы кровью горячею,
«И поѣдемъ мы въ далече чисто поле
«На рать силу великую,
«Поѣдемъ мы всѣ покаемся.
«А и ты Владиміръ стольно-кіевскій!
«Ты пошли ко намъ да во чисто поле
«Сорокъ возовъ хлѣба бѣлаго,
«Да сорокъ сороковъ зелена вина,
«Да сорокъ возовъ хлѣба чернаго.

«Ужь какъ мы живы прїѣдемъ изъ рать силы великия;

«Тогда вздумамъ позабавиться,

«И тогда не дошедши момъ ребятамъ низко кланяйся,

«А не прїѣдимъ изъ того побоища Мамаева, —

«Похоропи наши тѣла мертвыя

«И помяни русскихъ богатырей,

«И пройдетъ славушка про насъ не малая».

Садилась добры молодцы на добрыхъ коней,

Поѣхали добры молодцы во чисто поле,

И разставили они шатры бѣлополотныя,

Гуляли они трои сутоки,

А на четвертые сутки протрезвились,

И начали они думу думати, совѣтъ совѣтывати,

И сталъ старый у ихъ спрашивати:

«Ужь вы гой еси сильные русскіе богатыри!

«Кому же изъ васъ съѣздить въ рать силу великую,

«Ко тому же Мамаю богатому.

«Посмотрѣть войско изрядное, —

«Со которой стороны начинать намъ будетъ».

«На волю мы даемъ тебѣ, кого пошлешь въ рать силу великую:

И на то старому слово понравилось:

«Еще Самсона послать, — силой силенъ, да не поворотливый.

«Потеряетъ онъ у Мамаю буйну голову;

«А если Дуная послать, Дунай — онъ задорливый,

«Позадорится заѣхать во рать силу великую;

«Есть во рати три переката глубокіихъ,

«А наставлены въ перекатахъ копьа вострыя:

«Во первыхъ онъ потеряетъ добра коня;

«А во вторыхъ потеряетъ буйну голову;

«Не прїѣхать ко мнѣ Дунаю съ вѣсточкой.

«Если Добрыню мнѣ послать, Добрыня все не вы-
смотреть,

«И не узнать Добрыни силы Мамаевой;

«Если Василя послать — не сосчитаетъ онъ силу

«И не пересмотритъ ее со краю на край,

«Потеряетъ Василій буйну голову долой,

«Больше мнѣ послать и некого.

«Будетъ мнѣ-ка старому самому идти.

«Вы гуляйте-ко сутоки теперь первые

«И гуляйте вы други сутки,

«На третьи сутки соряжайтесь

«И къ ратному дѣлу поѣжайте,

«Какъ зазвенитъ палица боевая

«И зачивнаетъ моя сабля острая

«И затрублю я во турій рогъ.

«И во середку въ силу не ѣздите,

«А рубите силу со краю на край

«И не оставляйте силы ни стараго, ни малаго,

«И никого неоставляйте Мамаю на сѣмя».

И всѣ стали уалы добры молодцы на рѣзвы ноги

И поклонились всѣ низко старому,

И поѣхалъ старъ во рать силу великую

И пробивался старый до бѣла шатра до Мамаева,

Соскакивалъ тутъ старый со добра коня,

И заходилъ старый во шатеръ бѣлополотняный,

Идетъ старый казакъ, низко не кланяется.

Увидалъ тутъ Мамай, въ шатрѣ челоука стран-
наго,

Говорилъ же Мамай таково слово:

«Ужь ты гой еси, Личарда слуга вѣрная!

«И зачѣмъ ты ходишь, и что тебѣ надобно,

«И откуда ты идешь и откуда путь держишь,

«Изъ Кіева идешь, али изъ Чернигова?»

«Иду же я изъ города изъ Кіева».

«А и что же нонѣ во Кіевѣ то дѣется,

«Незнаешь ли ты то добрый молодець,

«И не слыхалъ ли ты да про стараго?

«Разскажика ты мнѣ, какой онъ ростомъ,

«И сколь широкъ онъ плечыи?»

Отвѣчаетъ тутъ калѣка переходная:

«Ужь ты гой еси Мамай, богатый царь!

«Довольно видѣлъ я Илью Муромца.

«Ты гляди на ево все равно какъ на меня же,

«Ростомъ онъ умѣренный, въ плечахъ не широкъ
былъ,

«Лицо у ево постное, пиво пьетъ онъ по стаканчику,

«А вино то пьетъ онъ всего по рюмочкѣ,

«А закусываетъ да по калачику.

«У стараго то бородушка сивая,

«Сивая бородушка да красивая».

А и тутъ Мамай да прирасхонулся:

«Напрасно же шла славушка великая про стараго,

«Отъ востоку шла и до запада,

«До той орды до великой,

«До меня ли Мамаю грознаго,

«Лучше меньше гонить бы силы войска,

«Еще есть-ко при мнѣ Рославни Рославниевичъ!

«Приготовь-ка для него говядины быка заразъ,

«А зелена вина пивной котель,

«А промежь глазъ у него калена стрѣла,
 «А промежь плечами двѣ сажени печатныхъ».
 Отвѣтъ держитъ тутъ старый казакъ:
 «Ты безумный богатый царь!
 «Какъ у насъ то во городѣ во Кіевѣ,
 «Собирался у князя Владиміра почестень нирь,
 «А была у Владиміра собака обжорлива,
 «По подстолю собака водилася,
 «Косьемъ та собака подавилася;
 «Тутъ собакъ и смерть пришла.
 «Не уѣхать тебѣ Мамай отъ города отъ Кіева,
 «Срубить у тебя старъ козакъ буйну голову».
 Тутъ Мамаю за бѣду стало,
 За великую досаду показалося,
 И хватилъ то Мамай чинжалище вострый ножъ,
 И шибъ въ старого вострымъ ножомъ,
 А на то старый увертливъ былъ, ухватку зналъ,
 И ухватилъ старый вострый ножъ въ бѣлы руки,
 И обратилъ старый острый ножъ,
 И закололъ старый Мамай, и срубилъ ему буйну
 голову.

И разбилъ палачей много множество,
 И добрался до своего добра коня
 Скоро старый на коня вскочилъ,
 И загрубилъ старый во турій рогъ,
 И сомутились у старого очи ясныя,
 И разгорѣлось у старого ретиво сердце;
 Не увидѣлъ старый свѣту бѣлаго,
 Не узналъ старый ночи темныя,
 И расходились у его плечи могучія,
 И размахнулись руки бѣлыя,
 И засвистѣла у его палица боевая,
 И зачивкала его сабелька острая,
 И наѣхали удамы добры молодцы,
 Тѣ же во поли быки кормленые,
 Тѣ же сильные могучіе богатыри,
 И начали силу рубить со краю на край.
 Не оставляли они ни старого, ни малого,
 И рубили они силу сутки пятеро,
 И не оставили они ни единого на сѣмена,
 И протекала тутъ кровь горячая,
 И паръ шелъ отъ трупья по облака.
 Оставались только во лагеряхъ у старого,
 Два брата,—два Суздальца,
 Чтобы встрѣтить съ пріѣзду богатырей, кому быть.
 Не утерпѣли тутъ два брата Суздальца
 И поѣхали во ту рать силу великую.

А и пріѣхалъ тутъ старъ козакъ со другомъ,
 А встрѣтитъ-то у лагерей и некому.
 И ѣхали отъ рать силы великая,
 Тѣ два брата, два Суздальца.
 И сами они похваляются:
 «Кабы была теперь сила небесная,
 «И всѣ бы мы побии ею по полю».
 Вдругъ отъ ихъ слова сдѣлалось чудо великое,
 Возстала сила Мамаева
 И стало силы больше впятеро.
 И пріѣхали они ко старому,
 И ко тѣмъ дружинишкамъ хорообрнымъ.
 И начали они рассказывать,
 Что мы ѣхали дорогой похвалялися
 И возстало силы впятеро,
 И сами имъ во всемъ повинилися.
 Тутъ поѣхала дружинишка хороброя
 Во ту рать силу великую,
 И начали бить съ краю на край,
 И рубили они сутки шестеро,
 А вставать силы больше прежняго.
 Узналъ старый предъ собой вину
 И покаялся старый Спасу Пречистому:
 «Ты прости насъ въ первой винѣ,
 «За тѣ же слова глупныя,
 «За тѣхъ же братовъ Суздальцевъ».
 И повалилася тутъ сила кроволитная,
 И начали копать мать сыру-землю,
 И хоронить тѣло да во сыру землю,
 И протекла рѣка кровью горячею.
 Садились тутъ удамы на добрыхъ коней;
 Поѣхали удамы ко городу ко Кіеву,
 Заѣхали они въ крашенъ Кіевъ градъ,
 Во тѣ же во честны монастыри,
 Во тѣ же пещеры во Кіевски;
 Тамъ всѣ они и представилися.
 Тутъ старому славу поють.

IX. СТАРИНА ПРО ДЮБА СТЕПАНОВИЧА.

Было у Дюка испостроено,
 Все было у Дюка исподѣлано:
 Домъ у его на семи верстахъ,
 А и крытъ онъ мѣдью казарскою,
 Еще котора была дороже красна золота;
 Огородочка была да на 70 верстахъ
 Еще триста столбовъ да серебряныхъ,

Еще 400 столбовъ да позолоченныхъ,
А и мѣднымъ да желѣзнымъ еще счету нѣтъ;
Въ дому его было три церкви, три божіихъ:
Еще первая церковь Спасу Пречистому,
Вторая церковь Богоматери,
Третья церковь Дюковой родной матушкѣ.
Просился Дюкъ сынъ Степановичъ:
«Пусти-ка меня мати ко князю ко Владиміру,
«Еще на людей посмотрѣть да себя показать».—
«Ужъ ты гой еси мое чадушко, родимое да любимое,
«Ты ешегодами молодешенекъ, а умою глупешенекъ;
«Поѣдешь ко Владиміру, еще прирасхвастаешься
«Своимъ житьемъ бытемъ да богатствомъ».—
А и поѣхалъ тутъ Дюкъ да не дорогою,
Выѣзжалъ ли Дюкъ да не воротами,
Горы да доли промежъ ногъ онъ бралъ,
Быстрыя рѣки перескакивалъ;
Пріѣзжаетъ онъ во крашенъ Кіевъ градъ,
Скакалъ онъ черезъ стѣну городовую,
Перескакивалъ черезъ башни наугольные,
Доѣзжалъ до князи до Владиміра,
Оставлялъ онъ коня не приказана да не привязана.
Заходилъ Дюкъ да на красно крыльцо,
Заходилъ онъ да во новы сѣни,
Новыя сѣни выгибалися.
Заходилъ тутъ Дюкъ да во свѣтлу гридню:
«Ужъ ты гой еси княгинюшка Апраксія!
«Ужъ и гдѣ у насъ Владиміръ да стольно-кіевскій»?
Владиміра да дома не случилось,
Владиміръ то былъ во Божьей церкви,
Во Божьей церкви да Богу молился,
Поѣхалъ тутъ Дюкъ сынъ Степановичъ
Ко той ли, да ко Божьей церкви.
Становилъ коня не приказана да не привязана,
Самъ пошелъ Дюкъ да во Божью церковь,
Становился Дюкъ во мѣстечко гостинное.
На отходѣ у Владиміра служба стала,
Посылалъ да Владиміръ своихъ слугъ вѣрныхъ:
«Ужъ вы гой еси, да слуги вѣрные!
«Вы спросите-тко да добра молодца:
«Какого онъ отчества, какого молодчества»?
Говорилъ онъ имъ: «зовутъ меня Дюкъ Степановичъ».
Подходилъ тутъ Владиміръ стольно-кіевскій
Ко тому ли да добру молодцу:
«Ужъ ты здравствуйка, Дюкъ Степановичъ!
«Просимъ милости ко мнѣ хлѣба соли ѣсть,
«Хлѣба соли ѣсть, да пиво съ медомъ пить»:

Пошли они изъ Божьей церкви,
Сѣли на коней своихъ добрыхъ,
Ѣдетъ Дюкъ ступью бродовою,
А Владиміръ ѣдетъ во всю рысь лошадиную,
Доѣхали до палатъ княжескихъ,
Заходили они на красно крыльцо,
Заходили они во новы сѣни,
Заходили они во свѣтлу гридню,
Садилась они за столы за дубовые,
Садилась они за скатерти за перчатныя,
Садилась они за кушанья за сахарныя,
Садилась они за столы за медвяные.
Принесла тутъ княгиня первую ѣству калачики;
Верхню-то корочку Дюкъ ѣстъ,
А исподню-то подъ столъ спускаетъ.
Говорилъ тутъ Владиміръ да стольно кіевскій:
«Что ты Дюкъ, да сынъ Степановичъ!
«Верхню корочку ѣшь, а исподню подъ столъ спу-
щаешь».

Говорилъ ему Дюкъ Степановичъ:
«Пахнутъ у васъ калачики да на сосенку,
«Пашутъ увасъ печи да помелышками сосновыми,
«Да купаютъ помелышки въ ключевой воды.
«У меня-то матушка да испечетъ калачики—
«Первый съѣшь да пуще хочется,
«И второй-то съѣшь да пуще хочется,
«На третьей—отъ калачикъ душа бѣжить,
«А и пашетъ она помелышками шелковыми,
«Акунатъ-то она помелышки да въ медову воду».
И распорилъ тутъ Дюкъ да со Владиміромъ:
«Проносу, говорить, три года нлатьена обновочку».
И высказалось тутъ три боярина у Владиміра:
«Проносимъ, говорятъ, и мы три года нлатьена об-
новочку».

Посили тѣ бояра нлатьена обновочку,
А носили они годъ да полгода.
А Дюкъ то Степановичъ носилъ три года,
А и кажанный день носилъ онъ обновочку,
А въ послѣдній день носилъ онъ сапожки шиты
краснымъ золотомъ,

Высажены сапожки скатнымъ жемчугомъ.
Посылалъ тутъ Владиміръ Алешеньку Поповича
Да еще того Илеюшку Муромца:
«Поѣзжайте-ка вы да ко Дюковой родимой матушкѣ
«Отнимите вы все его имѣнье богатство».
Ужъ и говорить имъ Дюкъ Степановичъ:

«Ужъ вы гой еси, Алешинька Поповичъ да Илею-
шка Муромецъ!»
«Ужъ накланяетесь вы моимъ да портомойницамъ
«Вмѣсто моей родной матушки».
Пріѣхали они да ко Дюкову дому,
Заходили они на красно крыльцо,
Заходили они да во свѣтлу гридню
И кланялись они Дюковымъ портомойницамъ
Вмѣсто Дюковой родной матушки.
Говорятъ имъ портомойницы
«Мы не Дюкова родна матушка
«Мы ли да портомойницы:
«Дюковой матушки дома не случилось,
«Дюкова матушка да во божьей церкви».
Пошли тутъ они да во божью церковь,
А на встрѣчу имъ идуць да портомойницы,
Они кланяются да тѣмъ портомойницамъ,
Да вмѣсто Дюковой родной матушки.
А Дюкова матушка позади идетъ;
По косичкамъ у ей часты звѣзды,
На затылкѣ у ей младъ ясенъ мѣсяцъ,
А во лбу у ей красно солнышко.
И кланяются они Дюковой родной матушкѣ.
Говорить-то имъ да Дюкова матушка:
«Ужъ вы здравствуйте удалы добры молодцы,
«Просимъ милости хлѣба соли ѣсть, да пива съ
медомъ пить». —

«Мы пришли къ тебѣ не хлѣба соли ѣсть,
«Мы пришли къ тебѣ имѣніе — богатство описы-
вать».

Заводила она ихъ да во первую комнату;
Не могли они описать всего имѣнія и въ одной
комнатѣ.

Тутъ приносила она имъ первую яству колачика:
Ужъ какъ первый съѣшь, пуще хочется,
И второй-отъ съѣшь да пуще хочется,
На третьей-отъ калачикъ душа бѣжить.
Тутъ поѣхали они ко князю ко Владиміру,
И рассказали ему все, что съ ними прилучилось
И похвасталъ тутъ Дюкъ Степановичъ:
«Ты продай, говоритъ, крашенъ Кіевъ градъ,
«Ты купи-ко бумаги со чернилами,
«Поѣзжай да описывай мой широкій дворъ.
«Ужъ вы гой еси, Илья Муромецъ, Добрынишка да
Алешинька,

«Поѣдемъ-ко скакать черезъ быстру рѣку
«На тѣхъ же коняхъ добрыхъ».
Приразѣхались удалы да на три поприща:
Скакалъ первый Дюкъ Степановичъ,
Добрый конь его горы промежъ ногъ бралъ,
Выскакивалъ онъ да черезъ быстру рѣку.
А и не могли тѣ выскочить черезъ быструю,
Тутъ де они и уходилися.

III. СТИХИ НИЩЕЙ БРАТИИ *).

1.

Свѣтлое Христово Воскресенье
Дошло до Христова Вознесенья.
Возносился Христось на небеса
Съ ангелами, съ херувимами,
Съ грозными серафимами;
Восплакалась тутъ нищая братья
Возрыдала убогая сирота:
На кого ты насъ Господи оставляешь,
На кого ты насъ убогихъ покидаешь,
Кто насъ обуесть, одѣжить,
Кто насъ тепломъ обогрѣть?—
Не плачь-те ка нищая братія,
Не рыдайте убогая сирота;
Оставлю я вамъ гору золотую,
Оставлю я вамъ рѣку медовую,
Оставлю я вамъ садъ съ виноградомъ;
Промежу собой горой подѣлитесь—
Всѣ будете сыты и пьяны,
И обуты, и одѣты,
И отъ темной ноченьки укрыты.
Юаннъ Злотоустъ возглаголалъ:
Истинный Христось Царь небесный
Нищимъ горой не увладѣть
Промежу собой горы не раздѣлить:
Наѣдутъ князи и боярѣ,
Наѣдутъ вси, пестрыя власти,
Отберуть у ихъ гору золотую,
Отберуть у ихъ рѣку медовую,
Отберуть у ихъ садъ съ виноградомъ.
Ты оставь лучше Христово имя
Ходить по селамъ, по городамъ
Ходять по городамъ, по пригородкамъ.
И всѣ будутъ сыты и пьяны,
Всѣ будутъ обуты и одѣны
И отъ темныя ноченьки укрыты.
Слава тебѣ Христу Богу!

2.

Пречудная Царица Богородица!
Услыши молитвы рабъ своихъ,
Прими наши слезы горячія,
Не лиши насъ царства небеснаго,
Избави насъ отъ муки отъ вѣчныя,
Отъ вѣчныя отъ муки, отъ безконечныя.
Земля ты сыроматерая!
Мы тобою земля—мати спороженые
Мы тобою земля будемъ спогребенные.
Гробы колоды бѣлодубовыя
Намъ домовища превѣчныя,
Превѣчны домовища безконечныя.
Долго намъ жить да помереть будетъ,
Велики богатства останутся;
Намъ слезами отъ смерти не отплакаться,
Чистымъ серебромъ отъ смерти не откупигися!
Я скажу человѣку чѣмъ душу спасти:
Душу спасти—постомъ, молитвою,
Въ рай—отъ дойти, да чистой милостиной.—
Грѣшны, вы грѣшны грѣшники
Вы подите-ка во пустыни во пустыя,
Постригитесь во ризы во черныя,
Наложите на себя схиму спасенную,
Вы молитесь-ка Спасу пречистому.—

3.

Ходилъ человѣкъ по Сіонскимъ горамъ,
Смотрѣлъ человѣкъ по всей землѣ, по всей Руси:
Чѣмъ это земля изукрашена,
Чѣмъ это земля изнаполнена,
Чѣмъ это земля изнасажена.—
Изукрашена земля церквами божьими,
Изнаполнена земля душами праведными,
Изнасажена земля душами грѣшными,—
Что про этихъ про грѣшныхъ протекала рѣка,
Протекала рѣка, рѣка огненная.
Черезъ огненну рѣку перевозчики стоятъ.
Михаилъ Архангелъ да Гавриилъ свѣтъ!

*) Записаны въ Мезени г. Никольскимиъ.

Перевезите вы насъ черезъ огненну рѣку,
Черезъ огненну рѣку къ своему Христу,
Къ Пресвятой мати Богородицѣ.
Не перевеземъ-то мы васъ черезъ огненну рѣку
Къ самому Христу, къ Пресвятой Богородицѣ—
Въ божью церковь вы не хаживали,
Пѣнья, чтенья церковнаго не слушивали,
Звону колокольнаго не вѣровали
Великаго поста не постовали,
Среды, пятницы Христовы не праздновали,
Земныхъ-то поклоновъ не споднивали.

4.

Речеть Божья Мати Пресвятая
Пречистая дѣва Марія:
Гдѣ ты ночью ночевала
Гдѣ ты ночью опочивала?
Во самомъ во городѣ Вилеємѣ
Во самомъ святомъ вертепѣ.
Мнѣ во истину мало слажся
Мнѣ много сновъ удался—
Какъ единое чадочко спородила,
Я во пелены пеленала,
Я во поясъ увивала.
Я во пелены берчатыя
Я во поясы шелковые,
На святой рѣки Ердани окунала,
Надъ святой рѣкой Ерданомъ
Выростало свято дерево,
Свято дерево кипарисное.
Явился на деревѣ чуденъ крестъ
Чуденъ крестъ, крестъ Господень—
Быть Христу на крестѣ распяту,
Быть Христу на крестѣ убиенну,
Отъ книжницъ, фарисеевъ,
Разбойниковъ, душегубцевъ.
На крестѣ Христа свѣта распинали,
Руцѣ, нози пригвоздиша,
Тростью голову проломиша,
Копьемъ ребра прободоша,
Горячую кровь проливаша,
На святое лице наплеваша,
Какъ земля то мати вся потряслася,
Красно солнышко потемнѣло,
Младъ свѣтель мѣсяцъ весь смеринулъ,
Звѣзды частыя всѣ потухли,
Небесныя облака весь свѣтъ совивали,
Церковныя завѣсы раздиралися

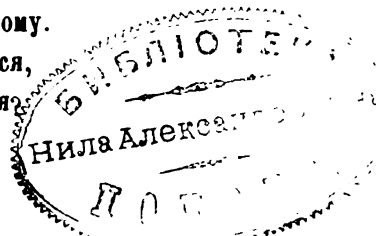
Съ верхняго конца до нижняго.
Какъ изъ раны его течеть кровь и вода.
И спровѣдала Божья Мать Христова,
Ко Христу Божья Мать пришла
Устами она глаголала:
Ужъ ты сладкое мое чадо дорогое!
Почто волею дался на распятыѣ
Впнижницамъ и фарисеямъ,
Разбойницамъ душегубцамъ?
Ужъ тутъ истинный Христосъ возглаголасть:
Не плачь мати, не возрыдай!
Не слези мати ясныя очи,
Не скорби мати свою утробу.
Моя мати,—моя смерть живоносна;
Ужъ я самъ мати по тебя буду,
Ужъ я самъ изъ тебя душу выну,
Спишу твой ликъ на икону,
Положу твою икону въ божью церковь,
Въ божью церковь да за престолѣ.
Начнутъ твоему лику молитися,
Начнутъ твоему лику поклонятися.

5.

Съ восточной стороны летѣли два ангела,
Летѣли два хранителя.
Ужъ вы гдѣ были, гдѣ летали?
Ужъ мы летали на разстаньюшкѣ,
Гдѣ душа съ тѣломъ разставалася,
Разставалася — не простилася,
Не простилася—воротилася.
Ты прости, прощай, тѣло грѣшное!
Тѣло грѣшное, грѣхи тяжкіе,
Ужъ тебя тѣло въ землю кладутъ,
А меня душу на отвѣтъ ведутъ,
На отвѣтъ ведутъ, отвѣчать велятъ
Самому Христу Царю Небесному.
Ужъ я чѣмъ буду оправдатися,
Ужъ я чѣмъ буду боронитися?

6.

Человѣкъ на земли живетъ, какъ трава растеть,
Всяко слово человѣческо яко цвѣтъ цвѣтеть:
Ввечеру человѣкъ, во бесѣдѣ сидеть,
А по утру человѣкъ во гробу лежитъ,
Ясны очи помрачмилася, — и языкъ умолче,

Бѣлы руки приложилися къ ретиву сердцу.
Самъ отходить и переходитъ въ незнакомый мѣръ,
Тамо зрять лице вещи преужасныя.
Вы помиляйте добрые ангелы!

7.

Инокъ идетъ по дорогѣ,
Черноризецъ по широкой;
Идучи, онъ слезно плачетъ,
Во слезахъ пути не видитъ.
На встрѣчу ему Царь Небесный.
Вопрошаетъ его Царь Небесный:
Очемъ иннокъ слезно плачешь
Во слезахъ пути не видишь?
Отвѣчаетъ молодой иннокъ:
Какъ мнѣ Господи не плакать,
Быль у меня ключъ церковный;
Потерялъ я этотъ ключъ,
Уронилъ его я въ сине море.
Утѣшаетъ царь небесный:
Не плачь, не плачь младый иннокъ,
Выкину я тебѣ ключъ церковный
На круть красенъ бережечикъ,
На желтенькій на песочекъ,
И возмушу я сине море
Превеликими волнами.

(Далѣ снова повторяются первыя 9 строкъ, а потомъ:)

Потерялъ я злату книгу.
Утѣшаетъ Царь Небесный:
Не плачь, не плачь младый иннокъ!
Нанишу тебѣ злату книгу
И своими я руками.

8.

Жили были два брата родные, два Лазари.
Первой-отъ братъ богатый, другой убогой;
Убогій къ богатому прихаживаетъ
Честную милостыньку выпрашиваетъ:
«Братъ ты мой братецъ, братенко родной,
«Подай-ро мнѣ братецъ честную милостыню,
«Напой, накорми, обуи и одѣнь
«Въ темную ноченьку притули».
Выходитъ богатый на красно крыльцо,
Говорить богатый таковы слова:
«Что ты мнѣ за братъ, что ты за родня,
«Есть у меня братьница,—князи бояра,

«Гости и торговли,—то мои родны;
«Есть у меня да два лютые пса,
«По подстолю крошечки посбирываютьъ,
«Горячія раны зализываютъ,
«То тебѣ братьница, то тебѣ родны».
Пошелъ убогій прочь отъ окна
Выходитъ убогій во чисто поле;
Взмолился убогій Господу Богу:
Господи, Господи Спасъ Милостивой,
Пришли мнѣ Господи лютыхъ ангеловъ,
Лютыхъ и свирѣпыхъ и немилосливыхъ,
Выняли бы душечку не честно, не хвално и не
бережно,

Посадили бы душечку на остро копье,
Понесли бы душечку на небеса,
Бросили бы душечку во кромешный адъ.
Услышалъ Господь молитву его,
Увидѣлъ Господь горячи слезы,
Послалъ ему Господь тихихъ ангеловъ,
Тихихъ и крѣпкихъ и милосливыхъ;
Выняли его душу чесно, прехвално и пребережно,
Посадили душечку на рамы свои,
Понесли душечку на небеса,
Посадили душечку въ пресвѣтлый рай.
Выходилъ богатый среди каменныхъ палатъ,
Смолился богатый Спасу многомилосливому:
Господи, Господи, пречистый Спасъ!
Пришли ты мнѣ Господи тихихъ ангеловъ,
Тихихъ и кроткихъ и милосливыхъ.
Услышалъ Господь молитву его:
Послалъ ему лютыхъ ангеловъ,
Лютыхъ и свирѣпыхъ, немилосливыхъ.
Взяли его душечку нечестно, нехвално и небе-
режно,

Посадили душечку на остро копье,
Понесли душечку на небеса,
Бросили душечку въ кромешный адъ,
Въ огонь неугасимый, въ смолу кипячу.—
Увидалъ богатый брата своего:
«Братъ, ты мой братъ, братенко родной!
«Посмотри братецъ на мое житѣ, на горе горькое,
«Обмокни-ка братецъ во мое житѣ конецъ перста
своего».

Говорить убогій таковы слова:
«Что ты мнѣ за братъ, что ты за родня,
«Есть у тебя братцы—князи, бояра,
«Гости и торговли—то твоя родня.

«Есть же у тебя два лютые пса
 «По подстолю крошечки собиравають
 «Горячія раны зализывають—
 «То мои братья, то моя родня!».

9. ЕЛЕНИНСКІЙ СТИХЪ *).

Отъ моря морюшка отъ синяго,
 Отъ синяго моря студеняго,
 Отъ озера Маслеева,
 Собиралися калики переходіе,
 Сорокъ каликъ со каликою.
 Собиралися ко кресту Леванидову,
 Еще клали они заповѣдь великую
 Великую заповѣдь тяжелую:
 «Не ходитъ намъ къ царямъ, царевичамъ,
 «Не ходитъ намъ къ королямъ королевичамъ;
 «Кто изъ насъ братцы заворуетъ,
 «Кто изъ насъ братцы заплутуетъ,
 «Кто изъ насъ братцы за блудомъ пойдетъ,
 «Намъ судить такового своимъ судомъ,
 «Намъ копать такового въ землю по поясу,
 «Рѣчисть де языкъ да тянуть къ теменю,
 «Очи де ясныя косицами,
 «Ретиво-то сердечушко плечьми».
 Пошли-то калики по чисту полю,
 День идуть и другой идуть.
 На встрѣчу каликамъ идетъ Владиміръ князь,
 Не доѣхалъ до каликъ, онъ съ коня сошелъ,
 Со коня сошелъ, низко кланялся.
 «Ужь вы здравствуйте удалы добры молодцы,
 «Вы калики переходіе,
 «Здравствуй-ко Дунай сынъ Ивановичъ,
 «Здравствуй-ко Касьянъ сынъ Ивановичъ,
 «Здравствуй-ко Михайло сынъ Михайловичъ!»
 Тѣхъ-то каликъ лучше краше пѣтъ.
 Платье на нихъ словно маковъ цвѣтъ,
 Сумочки были лита бархата,
 Подсумочки были хрустчатой камки.
 «Гой еси удалы добры молодцы!
 «Спойти-ко мнѣ Еленинскій стихъ;
 «Захотѣлося мнѣ отъ васъ послушати».
 Ужь и тутъ калики не ослушались,
 Во сыру землю копыца потыкали,

*) Его скорѣе нужно причислить къ былинамъ, но такъ какъ сами пѣвцы, отъ которыхъ и записалъ его, причислили къ этому разряду, то и я послѣдовалъ ихъ примѣру. Прим. Нивольскаго.

Запѣли калики Еленинскій стихъ,
 Запѣли, захотали въ полъ-крикъ
 Земля-то мати потрясалася,
 Во озерехъ воды всколыхалися,
 Темные дѣса пошаталися,
 На горахъ-де сыры дубы выгибалися.
 Не можетъ Владиміръ стоячи стоять,
 Не можетъ Владиміръ сидючи сидѣть,
 Не можетъ Владиміръ лежучи лежать;
 Увалился его Алешинюшко извощичекъ,
 Увалился его Добрынюшко запятничекъ.
 Говорилъ имъ Владиміръ таковы слова:
 «Ужь вы гой еси удалы добры молодцы,
 «Не могу я стоячи стоять,
 «Не могу я сидючи сидѣть,
 «Не могу я лежучи лежать,
 «Увалился мой Алешинюшко извощичекъ,
 «Увалился мой Добрынюшко запятничекъ,
 «Ужь вамъ полно пѣтъ Еленинскій стихъ».
 Вставали калики на рѣзвы ноги,
 Брали сумочки бархатныя,
 Пошли калики во чисто поле.
 Ужь и тутъ Владиміръ возговорилъ:
 «Ужь вы гой еси удалы добры молодцы!
 «Пойдете вы мимо крашенъ Кіевъ градъ,
 «Приворачивайте - ко къ молодой княгинюшкѣ Ап-
 раксіѣ.

«Милости просимъ хлѣба соли ѣсть,
 «Хлѣба соли ѣсть, да пива съ медомъ пить».
 Пошли тѣ калики по чистому полю,
 День они идуть и другой идуть,
 Доходятъ они до палатъ княжецкихъ,
 Ко тое-ли околенки стеклянныя.
 • Запросили они милостинку Христа-ради,
 Для ради Христа царя небеснаго.
 Попросили они въ полъ-крику:
 Земля-то мати потрясалася,
 На озерехъ вода всколыхалася,
 На столахъ-то кушанья всплескалися,
 Муравлены печки по митусились.
 Услыхала тутъ княгинюшка Апраксія,
 Высовывалась она въ окошечко по поясу:
 «Ужь вы здравствуйте, удалы добры молодцы!
 «Вы калики переходіе,
 «Здравствуй-ко Дунай сынъ Ивановичъ,
 «Здравствуй-ко Касьянъ сынъ Ивановичъ,
 «Здравствуй-ко Михайло сынъ Михайловичъ!»

«Просимъ милости хлѣба соли ѣсть,
«Хлѣба соли ѣсть да пива съ медомъ пить
«Ко молодой княгинѣ ко Апраксіѣ».
Заходили калики на красно крыльцо,
Ступешекъ до ступешка догибается;
Заходили калики на новы сѣни,
Новы сѣни выгибалися;
Заходили калики въ свѣтлу гридню,
Ужъ и крестъ кладуть они по писаному,
Ужъ и поклонъ ведутъ да по ученому.
«Ужъ ты здравствуй-ко княгинюшка Апраксіа!»
Заходили они за столы за дубовые,
За тѣ скатерти за перчатныя,
За тѣ же за кушанья сахарныя.
Тутъ калики поѣли, покушали,
Бѣлыя лебедушки порушали.
Выходили изъ за столовъ дубовыхъ,
Выходили изъ за скатертей перчатныхъ,
Ужъ и крестъ кладуть по писаному,
Ужъ и поклонъ ведутъ по ученому.
«Благодарствуй княгинюшка Апраксіа!»—
«Ужъ вы гой еси удалы добры молодцы!
«Ужъ и день идетъ ко вечеру,
«Ужъ и солнышко клонится къ западу,
«Не пора-ли вамъ калики опочивъ держать,—
«Выведу я васъ да по единому».
Стали калики да опочивъ держать,
Развела она ихъ да по единому.
Брала къ себѣ Михайла Михайловича,
Ложила его на кроваточку тесовую,
Ложила его на периночку пуховую,
На подушечки тяжелыя,
Подъ то одѣялышко соболиное.
Случилось ночи во первомъ часу
Сходила княгинюшка со печки со муравленія,
Ложилася на кроваточку тесовую,
На ту перину на пуховую,
На тѣ подушечки тяжелыя,
Подъ то одѣялышко соболиное,
Накинула на Михайлушка ручку правую,
Прижала Михайлушка къ ретиву сердцу.
«Ужъ ты гой еси, Михайлушка Михайловичъ!
«Ты влюбись-ко-ся въ меня княгиню Апраксію,
«Ты наймись-ко-ся къ князю Владиміру во ра-
ботники.
«Ужъ мы станемъ съ тобой за едино жить,
«За едино жить, да любовь творить».

— Ты поди-ко прочь княгинюшка Апраксіа,
У насъ складена заповѣдь великая
Великая заповѣдь тяжелая:
Не ходите намъ къ царямъ, царевичамъ,
Не ходите намъ къ королямъ, королевичамъ,
И кто изъ насъ зоворуется,
И кто изъ насъ заплутуется,
И кто изъ насъ за блудомъ поидеть,—
Намъ судить такого своимъ судомъ,
Намъ копать таково въ землю по поясу,
Рѣчисть де языкъ да тянуть къ темени,
Очи ясныя косицами,
Ретиво сердечушко плечми.
Ушла княгиня на ту печку на муравленную.
Случилось почи во второмъ часу
.
(То же, что и въ первомъ).
Случилось ночи во третьемъ часу,
Заспалъ тутъ Михайлушка крѣпкимъ сномъ.
Сходила княгиня со печки со муравленія,
Брала тутъ сумку лита бархата,
Разшила, разтягала сумку бархатную,
Клала въ нее братыню серебряную,
Изъ которой братыни князь съ пріѣзда пьетъ.
Зашила, застегала сумку по старому.
Вставали калики рано по утру,
Блючевой водой умывалися,
Тонкимъ, бѣлымъ полотенцемъ утиралися,
Снарядилися калики перехожіе,
Пошли калики во чисто поле.
Пріѣхалъ тутъ Владиміръ князь.
— Ужъ ты гой еси княгинюшка Апраксіа!
Гдѣ моя братынюшка серебряная,
Изъ которой я съ пріѣзда пью?—
«Ужъ ты гой еси, Владиміръ князь!
«Ночевали у насъ калики перехожіе,
«Украли у насъ братынюшку серебряную».—
Кому была служебка надмечена,—
Алешинькѣ была служебка явлена:
Поѣзжай-ко ты Алешинька во чисто полѣ.
Состыги ты каликъ да во чистомъ полѣ,
Отбери у ихъ братынюшку серебряную.—
Не видали поѣздки богатырскія,
Только видѣли во чистомъ полѣ курево стоять,
Курево стоять, дымъ столбомъ валить,
Изъ ушей, изъ ноздрей коня пламя огненное.
Выѣхалъ Алеша на шеломя окатистое,

Посмотрѣлъ Алеша въ трубку подзорную
 Да на всѣ четыре дальнія сторонки—
 И завидѣлъ каликъ да на чистомъ полѣ,
 Завылъ, закричалъ громкимъ голосомъ:
 «Ужь вы гой еси, калики перехожіе!
 «Ночевали вы у князя Владиміра
 «Украли братынюшку серебряную».
 Ужь и тутъ каликамъ за бѣду стало,
 За великую досаду показалося.
 Подождали Алешиньку близко—наблизко,
 Хватали Алешиньку со добра коня,
 Алешинькѣ штанишки пообтыкали,
 Нахлопали Алешинькѣ жопеночку сколько надобно,
 Посадили Алешиньку на добра коня,
 Привязали Алешиньку ко стременамъ.
 Едва-едва онъ на коя сидитъ,
 Идетъ конь ступью бродовую.
 Выходилъ Владиміръ на высокъ балконъ,
 Смотрѣлъ Владиміръ въ трубку подзорную.
 Увидаль, что Алешинька едва на коя сидитъ,
 Идетъ конь ступью бродовую.
 Доѣзжаетъ Алешинька ко Владиміру:
 «Ужь ты гой еси, Владиміръ стольно-кіевскій!
 Какъ догналъ я каликъ да во чистомъ полѣ,
 Зазычалъ я, закричалъ громкимъ голосомъ:
 Ужь вы гой еси, калики перехожіе!
 Ночевали вы у князя Владиміра,
 Украли братынюшку серебряную.
 Ужь и тутъ пождали меня близко-наблизко,
 Хватали меня со добра коня;
 Ужь и мнѣ штанишки пообтыкали,
 Нахлопали жопенку сколько надобно;
 Посадили меня на добра коня,
 Да и привязали меня ко стременамъ».
 Кому служебка была подмѣчена—
 Добрынюшкѣ была служебка явлена.
 Выѣхалъ Добрынюшка на шеломи окатистое,
 Завидѣлъ каликъ да во чистомъ полѣ.
 Обѣхалъ Добрынюшка дорожками посторонними,
 Ёдетъ онъ каликамъ на встрѣчу,
 Не доѣхалъ, со коня сошелъ,
 Со коня сошелъ, низко кланяся:
 «Ужь вы здравствуйте, калики перехожіе!
 «Не попалась ли какъ къ вамъ братынюшка се-
 ребряная,
 «Изъ которой братыни князь съ прїѣзду пьетъ».
 Тутъ калики другъ на друга осердилися,

И стали по сумочкамъ похаживать,
 Доходятъ до сумочки Михайлушки Михайловича,
 Распили сумочку лита бархата
 И вымали братынюшку серебряную,
 Отдали ее Добрынюшкѣ Никитичу,
 И уѣхалъ Добрынюшка Никитичъ младъ.
 И стали они казнить Михайлушку своимъ судомъ
 И копали его въ землѣ по поясу,
 Рѣчисть то языкъ тянули къ теменю,
 Очи ясныя косицами,
 Ретиво-то сердечушко плечми.
 И отѣхали они близко-наблизко,—
 Идетъ Михайлушка здоровешенекъ.
 Казнили они его во второй наконъ,—
 Идетъ къ нимъ Михайлушка по прежнему.
 Казнили они его въ третій наконъ,—
 Идетъ Михайлушка по прежнему.
 Подождали тутъ Михайлушку.
 «Ужь ты гой еси, Михайлушко Михайловичъ!
 «Ужь и какъ тебѣ попалася братынюшка сереб-
 рная».
 «Ночевалъ я у княгинюшки Апраксін
 И случилось ноци во первомъ часу:—
 (Повторяется тотъ же рассказъ, который былъ при-
 веденъ выше).

И положила она мнѣ братынюшку попасердкѣ».—
 Тутъ калики распростилися,
 Пошли калики во чисто поле,
 День идутъ и ночь идутъ.
 Дошли калики до Іерусалима града;
 Тутъ они Богу помолилися,
 На плакунѣ травѣ покаталися,
 Во Іорданѣ рѣкѣ искушались.
 Тутъ калики всѣ представилися.

10. АЛЕКСѢЕВСКІЙ СТИХЪ.

Во славномъ Римскомъ царствѣ,
 При младомъ царѣ при Анорѣ,
 Былъ жилъ князь благочестивый
 Богатый князь Ефимьянъ.
 У его жены не было плоду,
 Ни женскаго полу, ни мужскаго.
 Охочъ Ефимьянъ въ церковь ходить,
 Охочъ Ефимьянъ Богу молиться,
 Охочъ Ефимьянъ Господу трудиться.
 Молился Господу огъ желанья,
 Огъ великаго желанья со слезами;

Просить у Господа Бога:
«Создай мнѣ-ко Господи чадо,
Чадо милое, дитя любимое,
Сына либо дочь,
При младости лѣтъ на потѣху,
При старости лѣтъ на замѣну,
При смерти тѣла на погребенье,
Послѣ смерти души на поминанье».
Княгиня его просить къ тому же.
Богородица гласомъ прогласила
Великое чудо сотворило:
«Ужъ ты гой еси, Ефимьянъ князь богатый!
Ты поди-ко вонъ изъ Божей церкви,
Изъ того же великаго собору,
Въ свой домъ, бѣлокаменну палату».
Заходилъ онъ въ особливу теплу спальню.
Лежить его княгиня при постели
При мягкой перины пуховой;
Лежучи она сына породила.
Тутъ Ефимьянъ князь зрадовался,
Пошелъ по поповъ, патриарховъ,
Звалъ онъ дьяковъ, митрополитовъ,
Звалъ всѣ духовныя власти,
Звалъ себѣ кума со кумою.
Не изъ князей бралъ, не изъ бояровъ
Не изъ тѣхъ же кушечей, гостей торговыхъ;
Бралъ онъ убогую сироту,
Приводилъ онъ сына въ вѣру крещеную,
Нарекалъ ему имя Алексѣй,
Алексѣй святой Божій человекъ.
Сталъ Ефимьянъ пировати,
Сталъ Ефимьянъ столовати,
Сталъ Ефимьянъ сына
На много лѣтъ поздравляти.
Не мало тому времени минуло
Прошло того времени лѣтъ пяти, шти.
Задумалъ Ефимьянъ сына грамотѣ учить,
Отдавалъ онъ въ училище на три года.
Скоро свѣту грамота далася,
Скорѣй того въ умъ принялася,
Пошелъ Ефимьянъ, князь богатый,
Пошелъ Ефимьянъ сына выкупати
Давалъ учителямъ три златницы.
Учителя златницъ не принимали,
Такъ его свѣта отпушали.
Пошелъ Ефимьянъ, князь богатый,
Со возлюбленнымъ сыномъ Алексѣемъ

Во свой домъ, бѣлокаменны палаты.
Сталъ Ефимьянъ понъ пировати,
Сталъ Ефимьянъ понъ столовати,
Сталъ Ефимьянъ сына поздравляти.
Не мало тому времени проминуло;
Прошло тому времени года два, три,
Задумалъ Ефимьянъ сына учить
Во то же святое рукописанье.
Отдавалъ онъ въ училище на три года.
Скоро свѣту писанье далося
Скоро того въ умъ привилося.
Пошелъ Ефимьянъ, князь богатый,
Во свой домъ бѣлокаменны палаты,
Сталъ Ефимьянъ пировати,
Сталъ Ефимьянъ столовати,
Сталъ Ефимьянъ сына поздравляти.
Не мало тому времени проминуло,
Прошло времени всего лѣтъ двѣнадцать
Задумалъ Ефимьянъ сына женити,
Въ томъ же Индѣйскомъ славномъ царствѣ,
У того же короля у вельможи,
На той же младой княгинѣ,
На младой княгинѣ Катеринѣ.
Поѣхали въ Индѣйское славно царство
Къ тому же королю вельможѣ,
Ко той же младой княгинѣ Катеринѣ;
Златыми перстнями помѣнялися
Жемчужными кольцами обручались.
Поѣхали во славное римское царство
Ко тому же великому собору;
Заходили они да во Божью церковь
Становились они на единъ подножникъ,
Одѣвали имъ вѣнцы златые.
Принимали они законъ божій.
Пошли они вонъ изъ божей церкви,
Крестъ-отъ кладуть по писанному,
Поклонъ-отъ ведутъ по ученому.
Поѣхали они ко князю Ефимьяну,
У богатаго князя Ефимьяна
Не пиво варить, не вино курить;
Садилсь за столы дубовые,
За тѣ же скатерти перчатныя,
За тѣ же кушанья сахарныя,
За тѣ же питья розналивчатыя.
Алексѣй-отъ хлѣба соли не вкушаетъ,
Медвянаго питья да не испиваетъ,
Все горячими слезами слезно плачетъ.

Услыхалъ его батюшка родимый:
 «Ужь ты гой еси, мое чадо милое,
 «Что ты хлѣба соли не вкушаешь,
 «Медвянаго питья да не испиваешь,
 «Все горючими слезами слезно плачешь,
 «Али мы тя млада женили,
 «Али тебѣ княгиня не по мыслямъ?
 На то Алексѣй имъ не отвѣчаетъ,
 Бралъ свою княгиню Катерину
 За бѣлую правую ручку,
 За тѣ же перстни за злаченые.
 Пошелъ въ особливу теплу спальню,
 Ложилая княгиня на постелю,
 На мягкую перину на пухову,
 На маленьки подушечки тяжелыя,
 Подъ то одѣялышко соболинное.
 Засвѣтилъ Алексѣй свѣчу воску яраго,
 Молился Господу отъ желанія.
 Говорила княгиня таково слово:
 «Ужь ты гой еси, Алексѣй человекъ Божій!
 «Полно Алексѣй Богу молиться
 «Пора Алексѣй спать ложиться».
 Потушилъ Алексѣй свѣчу воску яраго
 И ложилая ко княгинѣ на постелю.
 Солучилося ночи во первомъ часу,
 Богородица гласомъ прогласила
 Великое чудо сотворила:
 «Полно Алексѣй тебѣ-ко спати,
 «Пора Алексѣй тебѣ вставати,
 «Пора путь дорожку коротати».
 На то Алексѣй не ослышался,
 Вставалъ Алексѣй со постели,
 Свѣжей водой ключевой умывался,
 Тонкимъ бѣлымъ полотенцемъ утирался,
 Засвѣтилъ онъ свѣщу да воску яраго,
 Господу Богу да помолился.
 Говорилъ своей княгинѣ обрученной:
 «Ужь ты гой еси, обрученная княгиня!
 «Какъ ты меня нонь называешь,
 «За кого ты меня нонь считаешь?»
 Говорила ему обрученная княгиня:
 «Ужь ты гой еси, человекъ Божій!
 «Называю я тебя нонь Алексѣемъ,
 «Почитаю тебя да аки брата».
 Бросился Алексѣй во книгу псалтирную,
 Нашелъ Алексѣй такое слово:
 Не подобаетъ брату съ сестрой спати,

«Пора брату съ сестрой раставаться».
 Скидовалъ тутъ съ правой руки злаченъ перстень,
 Отдавалъ своей обрученной княгинѣ Катеринѣ:
 «На моя, обрученная княгиня!
 «Хорошъ злаченъ перстень;
 «Когда нападетъ на тебя тоска кручина,
 «Ты наложь-ко хорошъ злаченъ перстень
 «И отпадетъ отъ тебя тоска кручина».
 Отпясалъ отъ себя хорошъ шелковъ поясъ,
 Отдавалъ своей обрученной княгинѣ:
 «Ужь какъ на, моя обрученная княгиня!
 «Хорошъ шелковъ поясъ;
 «Когда заберутъ худыя мысли,
 «Онояшь ты хорошъ шелковъ поясъ,
 «Отпадутъ отъ тебя худыя думы, мысли».
 Княгиня перстня, пояса не примасть,
 Все горючими слезами слезно плачетъ.
 Скидовалъ съ себя Алексѣй платье цвѣтное,
 Надѣвалъ на себя ризу власную.
 Складся Алексѣй свѣтъ во котомку;
 Пошелъ Алексѣй свѣтъ во дорожку.
 Шелъ онъ по чистому полю,
 Пришелъ ко сипему морю.
 Просился къ купцамъ-гостямъ на корабликъ.
 Купцы-гости на корабликъ не примаютъ,
 Господь имъ тишень не даетъ
 Способной имъ тишени и споносной.
 Отдавалъ имъ Алексѣй три златницы.
 Скоро приняли Алексѣя на корабликъ.
 Господь имъ тишень даетъ
 Способный имъ повѣтеръ и споносный.
 Изъ синя моря якори катали,
 Корабельныя сходенки обирали,
 Тонки паруса да поднимали;
 Пошли они да черезъ сине море
 Во славное индѣйское царство,
 Пришли они ко пристани корабельной.
 Алексѣй человекъ Божій съ кораблика сбѣгаетъ.
 Пошелъ онъ ко индѣйскому славному царству,
 Заходилъ онъ во божию церковь,
 Становился Алексѣй по правую руку,
 И молился онъ тутъ да лѣтъ двѣнадцать.
 На каждую субботу онъ покаялся,
 На каждый день воскресный причащался,
 И вкушалъ онъ по одной просвиркѣ на день;
 И о томъ Господу молился,
 Чтобы его родные не узнали

И обручная княгиня не признала.
 Богородица гласомъ прогласила:
 «Ужь ты гой еси Алексѣй человекъ Божій!
 «Ты поди-ко-ся во Римское славно царство;
 «Отець-матушка тебя да не узнають,
 «Что обручная княгиня не признаеть».
 На то Алексѣй не ослышался;
 Пошелъ онъ изъ божьей церкви,
 Крестъ-отъ владеть да по писанному,
 Поклонъ-отъ ведетъ по ученому.
 Сялался Алексѣй свѣтъ въ котомку,
 Пошелъ Алексѣй свѣтъ въ дорожку,
 Пошелъ Алексѣй свѣтъ во чистое поле;
 Шелъ онъ да ко снему морю
 Къ той же пристани корабельной,
 Просился къ купцамъ-гостямъ на корабликъ.
 Купцы-гости его не прималя.
 Господь тишени имъ не даетъ.
 Отдавалъ имъ Алексѣй три златницы;
 Скоро приняли его на корабликъ,
 Господь имъ тишень даетъ
 Способну повѣтеръ и поносну;
 Скоро якоря изъ моря каталя,
 Скоро корабельныя сходенки убирала,
 Скоро тонки паруса поднимала,
 Пошли они въ Римское славно царство.
 Собѣгаетъ Алексѣй да со корабликъ,
 Пошелъ Алексѣй по Римскому царству,
 И встрѣтился Ефимьянъ князь богатый.
 Даваетъ Алексѣю три златницы,—
 Калика златницъ не примаеть;
 Просить у Ефимьяна келейку подъ крылечкомъ
 Для ради сына Алексѣя.
 На то Ефимьянъ скоро прихватился:
 «Ужь ты гой еси убогая калика,
 «Какъ ты моего сына знаешь,
 «Почему ты его да почитаешь?».
 Говорить убогая калика:
 «Ужь ты гой еси Ефимьянъ князь богатый,
 «Какъ я твоего сына да не знаю,
 «Какъ я твоего сына да не почитаю,
 «Въ одномъ мы училищѣ училися,
 «Одну книгу псалтирную читала,
 «Съ одного плеча платье носили,
 «Съ одного блюда пили ѣли».
 Далъ ему Ефимьянъ князь богатый
 Келейку да подъ крылечкомъ.

«Ужь ты гой еси убогая калика,
 «Что я самъ буду нити, ясти,
 «То и тебѣ буду преставляти».
 Что самъ Ефимьянъ ѣсть и пьеть,
 То и каликѣ съ холопами преставляеть
 Холопы сами все съѣдятъ,
 Алексѣю одни кости приставляють,
 И за то Алексѣй Господа благодарилъ.
 Богородица гласомъ прогласила
 Великое чудо сотворила.
 «Ужь ты гой еси Алексѣй человекъ Божій!
 Ты бери-ко-ся бумагу и чернилы,
 Ты пиши все свое да похождение,
 Скоро тебѣ будетъ да свѣта-представленье».
 Послалъ Алексѣй холоповъ,
 Просить у Ефимьянъ чернилъ и бумаги,
 Да не на долгое время.
 Принесли ему чернилъ и бумаги;
 Писалъ онъ свое да рукописанье,
 Писалъ онъ свое похождение.
 Пришло ему свѣта представленье,
 Пошли по всей Ефимьяновой пустыни
 Демьянныи *) духи.
 Посылаеть Ефимьянъ князь богатый
 Своихъ слугъ и холоповъ
 По своей да пустыни,—
 Пѣтъ ли гдѣ въ пустыни святаго,
 Не лежать ли святаыя мощи,
 Не лежить ли гдѣ рукописанье.
 Ходила они по всей Ефимьяновой пустыни,
 Нигдѣ не нашли они святаго,
 Не лежать нигдѣ святаыя мощи.
 Заходили они въ келейку, подъ крылечкомъ
 Лежать тутъ святаыя мощи,
 Держать въ рукахъ рукописанье,
 Пашутъ отъ нихъ демьянныи духи.
 Господу Богу они помолились,
 Ко сватымъ мощамъ приложились,
 Сказали они князю Ефимьяну;
 Пошелъ онъ звать поповъ, патриарховъ.
 Пришли они въ келейку подъ крылечкомъ.
 Лежали тутъ святаыя мощи,
 Держать въ рукахъ рукописанье,
 Господу Богу помолились,
 Ко сватымъ мощамъ приложились,
 И брали они изъ рукъ рукописанье,—

*) Демьянныи—ладонныи, по объясненію пѣвца.

Рукописаньце имъ не удалося.
 Приходили отецъ съ матушкой родимой,
 Господу Богу они помолились,
 Ко святымъ мощамъ приложились,
 Брали изъ рукъ рукописанье,—
 Рукописаньце имъ отдалося.
 Читалъ Ефимьянъ рукописанье,
 Читалъ, самъ слезно плакалъ,
 «Рвалъ опъ съ себя ризу золотую:
 Ужь ты гой еси чадо милое,
 Пошто же ты чадо не сказалося,
 Кого ты чадо убоялося?»
 Прочитала его матушка родимая,
 Съ буйной головы волосы рвала:
 «Ужь ты гой еси чадо милое,
 Кого же ты чадо убоялося,
 Пошто же ты не сказалося?»
 Приходила его обручная княгиня,
 Слезно жалобно она рыдала:
 «Ужь ты гой еси Алексѣй человекъ Божій,
 Кого же ты да убоялся,
 И пошто же ты да не сказалося?»
 Сдѣлали ему гробъ серебряный,
 Нонесли его по чистому полю,
 Во ту же божью церковь.
 И кидаетъ Ефимьянъ князь богатѣй,
 Горстемъ опъ злато и серебро,
 Никто злато и серебро не беретъ;
 Всѣ къ мощамъ нападаютъ.
 Чудеса творилъ опъ великія:—
 Кто былъ безглазый,—тому давалъ зрѣніе,
 Кто былъ безногий,—тому поги,
 Кто былъ безрукій,—тому руки,
 Кто былъ глухой,—тому слышанье.
 Захоронили тутъ Алексѣя человекъ Божія.

11. СТИХЪ ПРО ПЬЯНСТВО И СКВЕРНОСЛОВІЕ *).

Слава есть Василью Великому
 Кесарійскому чудотворцу!
 Стоялъ Василій
 Двадцать пять лѣтъ
 Во божьей церкви, во паперти
 У притвора, на молитвѣ.
 Молился Василій

*) Стихъ этотъ, равно и слѣдующій, распѣваемые палками-перехожими, записаны св. сола Зимней Золотицы Вл. Розоновымъ.

Господу Богу отъ желанья,
 Со теплыми сердцами
 Съ горячими слезами.
 Свѣтъ Пресвятая Бородинца
 Съ небеси гласомъ гласила:
 Ты свѣтъ, Василій!
 Хошь молишься Господу Богу
 Со теплыми сердцами
 Съ горячими слезами,
 Господь молитвы твоей не принимаетъ:
 Пахнутъ отъ тебя
 Хмѣльнаго и злаго
 Кореня духи».
 Свѣтъ Василій
 На землю падаетъ:
 «Ты свѣтъ, Присвята Богородица!
 Хмѣльнаго питья
 Двадцать пять лѣтъ
 Я не вкушаю».
 Свою главу до крови
 Разбиваетъ.
 Свѣтъ Присвята Богородица
 Съ престола долой сходила,
 Отъ себя пречисты
 Руки отлагала,
 Василью Великому
 Подъ главу подлагала,
 Василю Великаго
 На ноги поднимала.
 И сама глаголетъ:
 «Ты свѣтъ Василій Великій:
 Великій Кесарійскій Чудотворецъ!
 Нѣтъ твоей молитвы
 Ко Господу больше,
 Стоны твои ко Господу
 Услышаны».
 О! горе тому человекъ,
 Кто въ пьянствѣ умретъ,
 Изъ того костя человѣческаго
 Двадцать пять лѣтъ
 Хмѣльнаго и злаго
 Корня, — духи
 Вонъ не выходятъ.
 Не велѣно съ пьяницей
 На дорогѣ встрѣчаться.
 Аще встрѣтишься
 Съ пьяницей на дорогѣ,

И станешь пьяницу
На добро учить,
И тутъ же пьяницу
Раздразнишь,
Пьяница пожемъ
Зарѣжетъ,
Либо палкой убьетъ,
И та душа его замѣнитъ
И въ адъ пойдетъ.
Не велѣно священнымъ
Архіереямъ и іереямъ, —
Попамъ и протопопамъ,
Хмѣльнаго въ уста
Внущати.
Только велѣно
Священнымъ
Архіереямъ и іереямъ,
И попамъ и протопопамъ
Божья литургія
Составляти.
Не велѣно пьяницу
Въ Божью церковь,
Внущати;
Пьяница идетъ
Въ Божью церковь
Смѣшитъ и галдитъ.
Пьяница стоитъ
На богомольи,
Не Богомъ страждетъ.
О, горе тому человѣку!
Кто глядитъ на пьяницу
И смѣется
И на свою душу
Грѣхъ перенимаетъ,
И того грѣха
На своей душѣ
Нespoлагаетъ,
Отцу духовному
На исповѣди не исповѣдаетъ.
О! горе тому человѣку,
Кто севернословится
И по матерну бранится —
Ту же мать оскверняетъ.
И поноситъ того,
Кой сотворилъ небо и землю
И тварь плодovitую
И родъ человѣческій.

Трижды небо и земля
Потресется, —
Аще ли женскій родъ
Севернословится,
Трижды небо и земля
Потресется,
Трижды кровью
Ея уста запекутся.
Есть у Господа Бога
Построено три покоя:
Рай пресвѣтлѣй,
Царство небесное
Для ради душъ
Много праведныхъ;
Адъ крошечнѣй —
Мука ти вѣчная,
Огни горящи
Котлы кипящи
Змѣи ядовиты
Для душъ многогрѣшныхъ.

12. СТИХЪ О МИХАИЛѢ АРХАНГЕЛѢ.

Слушайте, послушайте,
Про Божье писанье
Про небесно наказанье.
Течетъ рѣка,
Рѣка огненна
Отъ востоку рѣка
Вплоть до западу
Тутъ идетъ
Михаилъ Архангелъ:
Вы ставайте живы
Идущи мертвы,
Онъ вострубилъ
Трубою золотою.
Праведныя души по правую,
Многогрѣшныя души по ошую,
Многогрѣшныя души идутъ плачутъ:
«Зачѣмъ же, Михаилъ Архангелъ,
Насъ прочь отсылаешь,
Небеснаго царствія лишаешь!»
«Отойдите вы души
Грѣшны окаяны;
Жили вы на бѣломъ свѣту,
Что вы тогда не спасались,
Другъ друга не любили,

Братъ брата не почитали,
Сосѣдъ сосѣда не нарекали,
Нищихъ умершихъ
Въ церковь не провожали,
Нищихъ бѣдныхъ

Не помили, не кормили,
За то вамъ будетъ
Мука вѣчная
Да сама безконечная
Слава тебѣ Христу Богу!

IV. ПѢСНИ МЕЗЕНСКІЯ *).

А. НАУЛИЧНЫЯ.

1.

Ты надежинька, мой милъ сердечный другъ.
Побывай, радость, у меня въ гостяхъ.
Посмотри, радость, на мое житье,
На мое житье, на горе горькое,
Горе горькое несчастливое.
У меня ли дѣвицы журить, бранить—есть кому,
Любить, жаловать меня не кому.
Что единъ-то былъ задушевный другъ,
Но и тотъ со мной теперь не въ любви живетъ,
Не въ любви живетъ, не въ согласьицѣ.
Промежь нами со милымъ дружкой,
Извивается змѣя лютая, подколодная.

2.

Спровожу дружка во дорожечку,
Не во дальнюю; да жаль, тошненько:
Воротися, мой любезный, поскорешенько,
Не воротишься, такъ помереть съ тоски;
Надорвется сердце слезно плакавши,
Слезно плакавши, да рыдаючи,
Все тебя, мой милый, вспоминаючи.
Вспомяни, милъ, во дорожечки,
Ужъ я тебя вспомяну всегда:
Ужъ вы ласки, ласки дружка милаго,
Вы слова, слова къ сердцу пріятливы!
Со восточную, да со сторонушку,
Со петербургскую славу дорожечку
Пишетъ миленькій ко мнѣ грамотку,
Ко мнѣ грамотку, вѣсть нерадошну:
Не сиди-тко дѣвица, поздно вечеромъ,
Не просиживай до полуночи;
Ты не жги свѣчу, да воску яраго,
Ты не жди, не жди, гостя милаго;
Я не гость пришелъ, да не гостить къ тебѣ,
Я пришелъ къ тебѣ, радость, проститися,
За любовь твою да поклонитися,

*) Пѣсни эти записаны въ городѣ Мезени бывшимъ студентомъ Петербургскаго университета Л. М. Никольскимъ.

Ты дозвожь мнѣ-ко женитися. —
Еще тутъ дѣвушка испугалася,
Горючьми слезами уливалася,
Во слезахъ слово дѣвушка молвила,
Во рыданьицѣ да рѣчь говорила:
Ты женись, женись дуракъ безсовѣстный,
Ты возьми, возьми, да кого я велю,
Бого я велю, кого я люблю;
Ты возьми, возьми мою подруженьку.
Мнѣ подружку взять, да будешь гнѣвъ держать.
Ужъ мнѣ взять, да взять, самую тебя.

3.

Отъѣзжаетъ милый во дорожечку,
Не во дальнюю, да не во знаемую,
Ты прости, прощай, моя милая.
Ты еще прощай, моя любезная,
Во послѣдній разъ я цѣлую тебя,
Когда счастливъ былъ, со милой жилъ,
А теперь я злонесчастливъ сталъ,
Злонесчастливъ сталъ, отъ милой отсталъ,
Отъ милой отсталъ отъ любезныя,
Я ронилъ слезы, все горячія.
Сквозь темный лѣсъ зоря взошла,
Черезъ сѣрой боръ оредь летѣлъ,
Во когтяхъ несетъ востру сабельку,
Подъ правымъ крыломъ, скоро-письмеце,
Скоро-письмеце, челобитьице,
Своей Любушкѣ, низкой поклонъ.

4.

Я вечеръ-то вечеръ, добрый молодець загулялъ,
Я со любушкой, со своей сударушкой, долго за-
стоялся,
Я у любушки, у сударушки слова дожидался,
Ты скажи-ко, скажи любушка, сударушка,
Ты скажи-ко, скажи, кого любишь, обь комъ ту-
жишь;
Ничего то моя любушка на то не сказала—про-
молчала;
Только молвила любушка грубое словечко:

Ты отстань-ко, отстань добрый молодець, отстань
по любви,
По любви коли дружокъ не отстанешь, отстань
по неволи.
Что съ того-то Грубаго словечка былъ я добрый
молодець въ кручинѣ,
Во кручинѣ я былъ добрый молодець, въ горюшкѣ
несносномъ
Тосковалъ я добрый молодець цѣлую недѣлку;
Никто то, никто моему горюшку не пособить, не
поможеть,
Ни батюшка, ни матушка, ни братъ, ни сестрица,
Ни жена-то, жена моя хозяйшка молодая,
Потужить ли по мнѣ погорюеть красная дѣвица;
Не воръ-то я былъ добрый молодець, не разбой-
никъ,
Былъ я молодець, до красныхъ дѣвиць большой
охотникъ,
Я очень-то охочь былъ добрый молодець гуляти,
По улочкамъ, частымъ переулочкамъ стояти,
Какъ увидѣли, да запримѣтили добраго молодца,
да на большомъ переулкѣ,
У присушницы красной дѣвицы на новыхъ сѣняхъ.

5.

Свѣтилъ, свѣтилъ свѣтель мѣсяць,
Ноне сталъ споблекать,
Любилъ парень дѣвченокку,
Ноне пришлось покидать.
Ракитовы кусточки безъ вѣтра шумять,
Лавровые листочки во садочкѣ журять,
Не журите вы лазуревы, во зеленомъ саду;
Не давайте-тко надзолышки сердцу моему,
Ужъ я такъ мое сердечушко изныло во мнѣ,
Изныло все ретивое, не знаю объ чемъ.
За рѣченькой, за быстрою фонталики вьютъ,
Мою прелюбезную къ вѣнчанью ведутъ,
Женихъ ведетъ за рученьку, милый за другую.
Третій стоитъ слезы ронить;
Любилъ бы, любилъ да нельзя,
Поилъ, кормилъ до возраста, желалъ за себя.
Достялась прелюбезная иному не мнѣ,
Кабы мнѣ она досталась невѣстой была,
Невѣстушка голубушка, платкомъ дарила,
Уже я этотъ бы платочекъ любя износилъ,
Не въ шляпѣ не въ кармашкѣ,—на шеѣ галстуч-
комъ.

6.

Ты раздушечка удалый молодець,
Чернобровый, черноглазый душа мой!
Неразлучная наша любовь съ тобой,
Во дороженьку поѣдешь душа мой,
Во дорожкѣ тяжеленько вздохни,
Меня горькую, злосчастну вспомни,
Вспомни миленькій веселые часы,
Мы въ которы веселились съ тобой,
Веселились, забавлялись, мы по саду погуливали,
На зеленыхъ лужахъ посиживали,
Говорили сокровенныя слова,
Во саду слышали прекрасты дерева.
Я со тѣхъ со деревъ яблочки брала,
Я рвала, брала—милому дарила;
Я со тѣхъ со норъ сударушкой слыла
Сударушкой красной дѣвушкой
Я семи дружкамъ зазнобушку дала,
Я восьмаго то повысушила,
Девятаго повыкрушила,
Десятому спустила сухоту,
Спустила сухоту по всему л животу.

7.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за темнаго дремучаго,
Подымалася погодушка,
Что такая нехорошая
Со вѣтрами со погодами,
Со великими угрозами,
Что во ту пору, во то время
Дочь отъ матушки поѣхала,
Жалобно, слезно заплакала,
Во зеленый садъ заѣхала,
Среди саду становилась,
Подъ раки товъ кустъ садилась,
Съ соловьями думу думала,
Съ молодцами рѣчь говорила:
Соловей мой, соловьюшко,
Соловей мой, птица вольная,
Птица вольная бездомовая,
Полетай, мой соловеюшко!
На родимую мою сторонушку,
На родиму на любимую;
Скажи, мой соловеюшко!
Отцу, матушкѣ большой поклонъ,
Роду, племени челобитьяце,
Дружку милому большой поклонъ.

8.

На лугахъ да на лугахъ зеленыхъ,
На травахъ да на травахъ шелковыхъ,
На цвѣтахъ то цвѣтахъ лазоревыхъ,
Выростала тутъ грушица зеленая,
Разцвѣтала ли яблоня кудрявая,
Что подъ яблонью той было подъ кудрявою,
Что подъ грушицей той было подъ зелепою,
Молодецъ ли дѣвушку журилъ, бранилъ,
Онъ журилъ, бранилъ, дѣвѣ наговаривалъ,
Разговаривалъ, дѣвушку обманывалъ:
Не ходитко дѣвка молода взамужъ,
Молода дѣвка взамужъ за стараго,
Что за стараго, дѣвка, за сѣдатаго,
Не терийко, дѣвушка, своей красоты,
Не расплетывай своей трубчатой косы,
Не выплетывай ты ленты алыя,
Ленты алыя подаренныя,—
Подареньице друга милаго.
Не во пору дарилъ не во время,
На проходѣ то дарилъ весны красныя,
На пролетѣ то дарилъ лѣта теплаго,
На зачинѣ дарилъ осень грязныя.

9.

Что ты парень такой бравый,
Вдругъ за ласковый такой,
Вложилъ мысли въ мое сердце
И залилъ тоску печаль.
Скука злая, страсть большая
Не могу горя забыть.
При компаньи въ томъ собраньи
Парень дѣвушку обнялъ,
Тутъ дѣвицѣ стыдно стало,
Полились слезы изъ глазъ,
Молодцу то жалко стало,
Сталъ дѣвицу унимать,
Вынялъ розовый платочекъ,
Сталъ онъ слезы утирать:
Ты не плачь, не плачь дѣвица!
Не плачь душечка моя,
Не плачь милая моя,
Не забуду я тебя,
Не забуду, не покину,
Возьму взамужъ за себя.
Ужъ ты бѣденъ, я богата,

Нейду замужъ за тебя.

Хоть я бѣденъ, ты богата,
Я красавецъ предъ тобой,
Поровняемся съ тобой,
Обвѣчаемся пойдемъ.—

10.

Катюшечка душечка,
Единая въ горенкѣ сидитъ,
Шила, вышивала
Дружку милому платокъ,
Сошила рубашечку,
Сама къ батюшкѣ пошла:
Родитель мой батюшка!
Что ты думаешь обо мнѣ?
Дитя мое, Катинька,
Не моя воля—твоя,
Хочешь ты пооди взамужъ,
Не хощь дѣвушкой сиди.
Дитя мое, Катинька,
Пооди въ дѣвій монастырь.
Родитель мой, батюшка,
Въ монастырь я не гожа,
Кельи разворочаю,
Монастырь весь раззорю,
Молодыхъ монашеночкъ
Въ стыдъ, безчестье приведу,
Старой я игуменьѣ
Ризу раздеру.
Сваталися на Катинькѣ,
Изъ за моря купецъ,
Сказывалъ житья бытья,
Двѣсти тридцать кораблей.
Катя думала, подумала,
Я за этого нейду.
Сваталися на Катенькѣ
Изъ Питера купецъ,
Сказывалъ житья бытья,
Двѣсти тридцать душъ крестьянъ.
Катя думала, подумала
Я за этого нейду.
Сваталися на Катинькѣ
Изъ трактира музыкантъ,
Сказывалъ: житья бытья—
Стара скрипка да гудокъ.
Думала, подумала,

Я за этого пойду,
 Когда сыта, голодна,
 Всегда я весела,
 Всегда плясать пошла,
 Выйду я на улицу,
 Ото всѣхъ мнѣ честь, хвала:
 Кто идетъ по улицѣ?
 Музыкантова жена!

11.

Чесаль милый гудри,
 Расчесаль милъ русы,
 Пухову шляпу надѣль.
 Шляпочка пухова,
 Сибирочка нова,
 Панталоны триковы,
 Рубашечка красна,
 Манишечка бѣла,—
 Спорядился молодець,
 Самъ ко любушкѣ пошелъ
 Ходилъ милъ по бережку,
 Гулялъ по крутому,
 Перевозу милъ искалъ,
 Пашель милый жердочку,
 Нашель милый тоненьку.
 Самъ по жердочкѣ пошелъ.
 Жердочка сломилась,
 Шляпочка свалилась,
 И любезный потонулъ.
 Дѣвушки подружки,
 Собирайтесь вы ко мнѣ
 На горе великое,
 Выбирайте дѣвушки,
 Выбирайте красныя,
 Шелковые новы невода,
 Вынимайте дѣвушки,
 Вы бросайте, красныя,
 Во Дунай быстру рѣку.

12.

Не ходилъ бы я по этой дорожечкѣ,
 Не смотрѣлъ бы я на это окошечко,
 На окошечкѣ лежитъ примѣточка,
 Не примѣточка лежитъ, горюшко печаль моя,
 Не печаль горе лежитъ,—лежитъ сухота моя,
 Изсушилъ я искрушилъ, мальчикъ, красну дѣвушку,
 Безъ бѣлилъ, безъ румянъ щеки у ней алая,
 Свѣтло-русая коса у ней часто уплетеная,

Во русой ли во косы у ней лента алая,
 Лента алая, Дуня дѣвка бравая.
 Ваня Дунюшку любилъ, Ваня счастливъ былъ,
 Прочь отъ Дунюшки отсталъ,
 Вапюшка безсчастенъ сталъ.
 Что у кустышка было у ракитоваго,
 У колодечка было у студеного
 Молодець коня поилъ;
 Ванюша жену училъ,
 А жена-то жена мужу покорялася,
 Въ праву ноженьку ему поклонялася.

13.

Нападетъ роса на темны лѣса,
 На лѣса дремучіе на кудрявые,
 На станки поджаровые;
 Нападетъ тоска горюшко,
 На мила дружка на сердечнаго,
 Парня не здѣшняго на чуже-пріѣзжаго,
 На пріѣзжаго на Ванюшку бѣлаго,
 Что на бѣлаго Ванюшу кудряваго.
 Не во времячко бѣлы спѣжки выпали
 По весны по красной, по лѣту по теплому,
 По теплому — на наше гуляньице,
 На землю на палу, на траву мураву,
 Протекала рѣченька не широка, быстрая.
 Въ городѣ Саратовѣ у купца богатаго
 Росла дочь хорошая, Машинька пригожая.
 Звали нашу Машу за рѣку гулять,
 За рѣку гулять на ту сторону,
 На ту сторону, любить парня браваго,
 Любить парня браваго, Ванюшу кудряваго.
 Не хочу Ваню любить, хочу веспу такъ прожить,
 Веспу такъ прожить, — лѣто безъ гуляньица,
 Безъ гуляньица, безъ худой безъ славушки,
 Безъ худой безъ славушки, безъ тебя безъ Ва-
 нюшки.

14.

Размолодецкіе мелодчяки, дружки мои,
 Ужъ вы ласковыя распріятливыя къ сердцу слова,
 Безъ огоничька мое въ сердце разожгли,
 Безъ вѣтра-то мои мысли съ думой разнесли,
 Разнесли-то мои мысли по чистымъ широкимъ
 полямъ,
 По росейскимъ славнымъ городамъ.
 Кто бы, кто бы моему горюшку помогъ,
 Кто бъ помогъ, пособилъ, моего дружка воротилъ,

Воротися дружекъ разлюбзенькѣй, милый назадъ,
Наглядитесь очи ясны на дружка въ запасъ,
Что въ запасъ-отъ, въ запасъ на цѣлый круглен-
кѣй годъ.

Не сидѣла бы красна дѣвица въ горницѣ одна,
Не лежала бы бѣлой грудью на окнѣ,
Не ронила бы горючи слезы за окно,
Не глядѣла бы въ чисто поле далеко,
Не ругала бы чужу дальню сторону;
Злодѣй, ты злодѣй, чужа дальна сторона!
Разлучила меня съ отцемъ, съ матушкой родной,
Во вторыхъ-то меня съ любезенькимъ друж-
комъ.

15.

Отлетаетъ мой соколикъ
Высоко и далеко,
Онъ высоко и далеко.
Отъѣзжаетъ мой любезный
Жить во дальны города,
Жить во дальны, незнакомы,
Въ славный городъ Питербурхъ,
Я не мало слезъ ронила
По голубчикѣ своемъ,
Во слезахъ дружка молила:
Хошь немножко поживемъ,
Ужъ мы крошечку немножко,
Единъ кругленькѣй годокъ.
Ой, нельзя, нельзя немножко,
Нельзя любушка пожить,
Злые люди замѣчаютъ,
Всѣ сусѣдушки бранятъ,
Не совѣтуютъ любить
Меня горькую злосчастну,
Велятъ бросить позабыть.
Я тогда тебя забуду
Когда скроются глаза,
Призакроютъ тѣло бѣло
Тонкимъ бѣлымъ полотномъ,
Призакроютъ очи ясны,
Что желтымъ мелкимъ пескомъ,
Навалить-то сѣрый камень на меня,
Я на камень все срисую,
На бумажку все спишу,
Всѣмъ подружкамъ закажу:
Вы, подруженьки мои,
Не любите никого.

16.

Въ хороводикѣ дѣвушки на лужку
Сѣли; онѣ пѣсню запѣли.
Мальчикъ жалостну пѣсню внимаеъ,
Рѣчь забавну съ любушкой говоритъ,
Рѣчь забавную, такую похабную,
Все деревеньку нашу бранить:
Деревенюшка наша Ярославска!
Зачѣмъ молодца сушишь каждый разъ.
Не деревенька молодца засушила,
Сушить дѣвица мила дружка,
Сушить Сашенька ли черноброва.
Уродилась дѣвушка хороша,
Лицомъ бѣла, щеки алы,
Развеселеньки-ль ея глаза,
Взглянь-ко душа радость на меня,
Сдѣлай милость Сашенька для меня,
Сдѣлай милость такую радость,
Выйди взамужъ за меня.
Я радешенька бы взамужъ выйти,
У меня волюшка у дѣвушки не своя,
У меня есть воля поболь
Родной батюшка отецъ,
Если батюшка меня просватаеъ
Родна матушка взамужъ отдасть
Не отстану я отъ васъ.

17 *).

По весны по красной,
По лѣту по теплому,
На тихой на заводѣ,
На тихой лебединой,
Тутъ плывеъ-то сизый селезень;
У сизаго у селезня,
Въ три ряды косы заплеталися,
Во четвертый разъ косы по воды пловутъ.
У добраго у молодца,
Въ три ряды кудри завивалися.
Завивала кудри у добраго молодца,
Завивала кудри красна дѣвица.

18.

Я мала была, да горя не было;
Я повыросла, да горя прибыло;
Я куды съ горя дѣваюся,
Со печалюшки да подѣваюся?

*) Поеъ въ началѣ весны.

Пойду съ горя въ темны дѣса.
Во зеленыхъ-то дугахъ тамъ растеть трава,
Ростеть травонька шелковая,
Разцвѣли цвѣты лазоревые,
Разнеслись духи малиновые,
Все малиновые анисовые.
Я со той травы цвѣтокъ сорву,
Я цвѣтовъ нарву, вѣнокъ совью
Милу дружку на головушку.
Носи, миленькій, не уранивай,
Люби дѣвушекъ, не обманывай.
Какъ вѣночекъ спалъ, любить милый не сталъ.
Онъ любить не сталъ, смѣяться сталъ,
Надъ Дунюшкой смѣяться сталъ—
У Дунюшки слово тайное, рѣчь забавная:
Ужъ я всѣмъ дружку понравилась,
Бѣлымъ лицомъ подхожая,
Мыслями дружку прехитрая,
Во кампаньюшкѣ веселая,
Во дѣвицахъ красавица.

19.

Говорилъ я своей любушкѣ,
Говорилъ я своей сударушкѣ,
Говорилъ, крѣпко наказывалъ
Честью, лестью наговаривалъ:
Посмирные живи, любушка,
Посмирные живи, голубушка,
Наказу ты не повѣрила,
Наговору ты не послушала,
Со инымъ дружкомъ позналася,
Познавшись-то съ нимъ гулять пошла.
Ужъ я стала дружка выпрашивать:
Ужъ одну ли ты меня сушишь, крушишь?
Я сушу-то крушу семь дѣвушекъ,
Восьму вдову, девяту мужнюю жену,
Десяту тебя оставляю для себя.
Гулять хочется да воли нѣту,
Любилъ миленькій, да здѣсь его нѣту,
Една была во полѣ дороженька,
Но и та снѣгомъ западала.

20.

Житье мое житье,
Житье горькое житье,
Ты житье мое бѣда:
Мужъ старикъ, я молода,
Ему надобны палаты,

Мнѣ охота бы гуляти,
Погулять бы съ молодымъ,
Не со старымъ, со сѣдымъ.
Это все бы ничего,
Что старость-то его;
Намъ бы старость нипочемъ,
Какъ онъ сварливъ-то притомъ;
Какъ бы не былъ онъ сварливъ,
Онъ ревнуеть-то бѣда,
Не спускаеть никуда,
Запираеть ворота;
Это все бы не запоръ,
Запираеть онъ заборъ,
Впрочемъ заборъ нипочемъ,
Перескачемъ, перейдемъ.

21.

Часто ходишь, милъ, кругъ моего двора,
Мнѣ понравилась походочка твоя,
Походочка твоя молодецкая, заговорочка весе-
ленькая,
Знакъ-примѣта черна шляпа пухова,
Бѣлы лайковы перчатки со строкой.
Чтожъ ты, миленькій, не зайдешь посидѣть?
Разлюбезная не смѣю доложить,
Къ твоему двору, слѣдочка проложить,
Ввечеру приду—въ кампаньюшкѣ сидишь,
Въ полдень приду—тебя не изойду,
Въ полночь приду—жалѣю разбудить,
По утру приду—отецъ матери не спать,
Отецъ матушка не спать, съ укорствомъ говорить,
Меня молодца ругаютъ и бранять.

22.

Калина съ малиной не во время разцвѣли,
О ту пору времячко матери сына родила,
Вспоила, вскормила до 17 годовъ,
Мать сына во солдаты отдала.
Построй, построй, маменька, легкое суденышко,
Легкое суденышко, золотое донышко,
Мачтовы деревца, шелковы паруса,
Выйду я на горочку, посмотрю на рѣченьку,
Посмотрю на рѣченьку, погляжу на быструю.
Дитя мое дитятко, воротись дитя назадъ,
Родимая маменька воротиться мнѣ нельзя,
Легонько суденышко супротивъ воды нейдетъ
Шелковые паруса противъ вѣтра не берутъ.

23.

День ты мой денечекъ,
 День прекрасный веселой,
 Я не видѣла денечка,
 Когда денечекъ прошелъ,
 Я нигдѣ дружка не вижу,
 Ни въ долинахъ, ни въ лужкахъ,
 Я увидѣла милаго,
 У сусѣда ввечеру,
 У сусѣда во бесѣды,
 Унимала почевать:
 Ты ночуй, ночуй любезный,
 Ночуй ночьку у меня.
 Я радешенекъ остаться,
 Боюсь ноченьку просплю.
 Ты не бойся мой любезный,
 На зорюшкѣ разбужу.
 Я до утренней зорюшки,
 Тя далече спровожу.
 Я до тѣхъ поръ провожала,
 До зеленыхъ до лужковъ,
 Гдѣ кончалася любовь.
 Гдѣ кончалась разставалась,
 Слезно плакала по немъ,
 Слезно плакала рыдала,
 Со слезъ рѣчка протекала.
 Течеть рѣченька Казанка,
 Не широка глубока,
 Не широка есть глубока,
 Перевозу на ней нѣтъ,
 Хоша есть онъ, да не здѣсь,
 На другой онъ сторонѣ,
 На другой-то на сторонкѣ
 Лежитъ легонькій стружокъ,
 Раскрашенный карбасокъ,
 Раскрашенный, оснащенный,
 Тонки бѣлы паруса,
 Веселышки гибовы,
 Всѣ ребята молоды,
 Черны шляпы пуховы,
 Я по бережку ходила,
 По крутому гуляла,
 Ужь я стала молода къ рѣкѣ,
 Прижала руки къ сердечку,
 Грудью пала на воду,
 На воды рѣчь говорила:

По тебѣ дружокъ тону,
 По тебѣ ли, по себѣ,
 По любви по твоей.
 Полюбилъ парень дѣвченку,
 Лѣтъ 16-ти дѣвченку;
 Лѣтъ 16-ти дѣвченка
 За гульбой рано пошла.

24.

Не бушуйте-тось вѣтры буйные со чиста поля,
 Не мечите снѣгу буйнаго на мое подворье:
 Не травонькой, не муравонькой мой садъ заростаеъ,
 Не зелеными лапушечками зелень застилаеъ,
 Не ясенъ-то соколъ со тепла гнѣзда солетаеъ,
 Со фатерушки доброй молодець долой съѣзжаеъ
 Никто-то, никто добра молодца не спровожаетъ;
 Ни отецъ-то, ни матушка, ни родна сестра,
 Спровожаетъ его красная дѣвица, сама слезно
 плачеъ.

Сама слезно плачеъ. Разговаривалъ ей добрый
 молодець:

Ты не плачь, не тужи красна дѣвица, объ моемъ
 несчастьи,

Со здоровьицемъ наживеъш инаго любезнаго,
 Если лучше наживеъш, тагъ позабудеъш,
 Если хуже наживеъш—такъ воспомянеъш,
 Воспомянеъш, слезно заплачеъш.

25.

На зорюшкѣ зорѣ на вечерней,
 Вечеръ дѣвушка глупость сдѣлала,
 Глупость сдѣлала, дружка распримѣвала.
 Затѣмъ рано дружка запримѣтила;
 Назвала дружка: горькій пьяница
 Миленькій препица, милый безпокоица,
 Онъ и въ кабакъ—отъ идетъ шатаеъся,
 За полынь траву милый заплетается,
 По чернымъ грязямъ миленькій валяется,
 За полынь траву милый захватается,
 Полынь горькая съ корнемъ вырывается.
 Увидала изъ окошечка, увидала изъ косящатаго,
 Что не мой ли милый пьяница лягаеъся,
 Не доходя ворота да отпираются.
 У него у пьяницы кулави да засыкаются,
 Я скорѣ молодешенька да убираюся,
 За рѣшоточку да запрятаюся.

26.

Что вы дѣвушки да призадумались?
 Разкрасавицамъ жить не весело,

Жить не весело, любить не кого,
Изъ молоденькихъ ребятъ да выбрать не кого.
Выбирай-ка дѣвушка себѣ ровнюшку.
Себѣ ровнюшку да парня браваго,
Парня браваго да одинакаго.
Единаки-то да не одинакіе,
Не одинаки жить проклятые,
Единакъ-отъ горькій пьяница,
Горькій пьяница миленькій прощница;
Гдѣ онъ рубль-отъ наживетъ, въ кабакъ пропьетъ,
Гдѣ полтину наживетъ, дѣвкамъ отдастъ,
Краснымъ отдастъ, мнѣ-ко не несетъ.

27.

Выйду-ль я на рѣченьку,
Посмотрю-ль на быструю,
Не летитъ ли ко мнѣ соловейко,
Не несетъ ли мнѣ письма.
Откуль взялся сизенькій голубчикъ,
Началъ голубъ виться надо мной, —
Полно тебѣ сизенькій кружиться,
Опустися со мной на лужокъ,
Сядемъ вмѣстѣ съ тобой подъ кустокъ,
Подъ лавровый зелененькій листокъ,
Будемъ вмѣстѣ горе горевать,
Кого къ милому будетъ послать.
Припаду предъ голубочкомъ,
Стану голубя просить:
Полети-ко сизенькій голубчикъ,
Въ саму дальнюю сторонку;
Ты найди-тко сизенькій голубчикъ,
Мнѣ-ко милаго дружка,
Ты скажи про несчастье про мое,
Про такое про несчастье,
Сашу взамужь отдають,
Отдають-то не за милаго дружка,
Не за милаго Сашеньку дружка,
За стараго за сѣдаго старика,
У стараго было у сѣдаго,
Трое дѣточекъ было у него,
Первый Гриша, другой Миша,
Третьей Ванюшка щеголекъ.

28.

Что кому за дѣло,
Что я къ милому сѣла,
Сѣла Машенька, посидѣла,
Разговоръ имѣла,
Разговоръ-то красавица имѣла.

Гулять захотѣла,
Пѣсенки запѣла,
Пой-ко Машенька котора милая,
Коя лучше, красавица, всѣхъ.
Пойду, выйду я за ворота,
Гдѣ лужки болота;
Пойду, выйду за новые,
Гдѣ ужъ лужка зеленые.
Ходилъ Ванюша, Ваня по базару,
Все искалъ товару,
Купилъ Ванюша вострую косу,
Да для сѣнокосу,
Косилъ Ваня чужу травку,
Своя въ полѣ сохнетъ,
Любилъ Ваня чужу жонку,
Своя слезно плачетъ.
Но плачь, Маша, не печалься,
Сходи, дѣвушка, въ садикъ разгуляйся,
Посмотри на травоньку,
Не стелется травонька, вьется,
Не про насъ ли съ тобой,
Ваня славушка несется.

29.

Ужъ мы сядемте, ребятюшки, во единый кругъ,
Во единый кругъ на зеленый лугъ,
Мы подумаемъ-ко ребята думу крѣпкую,
Запоемте-ко ребята пѣсню новую,
Котору мы пѣли на синемъ морѣ.
Мы не пѣсенку братцы пѣли,—горе мыкали,
Что бывалъ-то нашъ полковничекъ на синемъ морѣ.
Что видалъ ли нашъ полковничекъ страсти-
ужасти.

Разыгрался погодушка на синемъ морѣ,
Расходилося сине море изъ краю въ край, изъ
конца въ конецъ,
Что ударила морска волна въ черенъ корабль;
Тутъ испугался нашъ полковничекъ, оспошился,
Поддомились ножки рѣзвыя, опустились руки
бѣлыя.

Покатилась буйна голова съ могучихъ плечь,
Что упалъ-то нашъ полковничекъ на черенъ корабль.
Тутъ металися матросики да въ легки шлюпочки,
Что вывозили-то полковничка на круту гору,
Хоронили-то полковничка на красну гору.

30.

Размолоденькій дѣтинушка,
Парень молодой!

Моему-то сердцу на свѣтѣ
Радость дорогой!
Не стой, не дожидай
Любезенькій мой.
Мнѣ не столь было тошнешенько
Дѣвушкамъ одной,
Сидѣть бы было въ горенкѣ одной.
Доведу я дружка,
До напасти до бѣды;
Я сама ли дойду,
Да любезнаго друга доведу.

31.

Ужъ вы дѣвушки подружки,
Вы придите, посидите у меня,—
Подумайте, погадайте про меня,
Обо мнѣ ли объ несчастной,
Только я одна сиротка,
Да безъ милаго дружка.
Я безъ милаго дружка,—
Одоляетъ грусть тоска (bi).
Кручинушка велика!
Я кручину прочь откину,
Печаль горе отложу,
Постоянно буду жить,
Постоянно, безобманно,
Една буду любить.
Мнѣ не воля не охота
Чужедальняя сторонка.
На меня милый сердить,
Мимо ходить, не глядить,
Ничего не говорить.
На дорожкѣ повстрѣчалъ
Пухову шляпу снималъ:
Здравствуй Сама, здравствуй Маша,
Здравствуй милая моя,
Не забуду я тебя;
Не забуду, не спокину
Возьму замужь за себя.

32.

Полно, солнышко, изъ за лѣсу свѣтить,
Полно, красно, въ саду яблоки сушить.
Полно, дѣвица, по молодцѣ тужить,
Полно, красная, по удаломъ тосковать.
Какъ мнѣ, дѣвушкамъ, не плакать, не тужить:

Такого дружка на свѣтѣ не найти.
Свѣтель мѣсяцъ на улицѣ просвѣтилъ,
Заря бѣла, свѣтъ въ окошечко взошли,
Хошъ бы миленькій на часъ въ гости пришелъ.

33.

Мимо Москвы проѣзжаемъ,
Во деревню заѣзжаемъ,
У вдовушки постушаемъ,
Ты вдовушка вдова,
Ты пусти-тко ночевать,
Ночевать да постоять.
Еще вдова отвѣчаетъ,
У мнѣ домъ-отъ не стоялый,
Фатерушка не больша.
Еще гости отвѣчали,
Не больша да хороша.
Гости силой ворвались,
На фатерку забралися,
Еще всѣ сѣли по лавкамъ,
А большой-отъ всѣхъ повыше,
Еще стала вдова къ печки,
Прижала руки къ сердечку,
А большой-отъ сталъ спрощать,
Ты давно-ль вдова вдовуешь,
Ты давно-ли сиротуешь.
Я вдовѣю лѣтъ пятнадцать,
Сиротую съ годомъ двадцать.
Подойди, вдова, поближе,
Поклонись-ко ты пониже,
Сними съ меня пухову шляпу,
Во шляпочкѣ есть платочекъ,
Во платочкѣ узелочекъ,
Въ узелочкѣ перстенечекъ,
Обручальный нашъ съ тобой.

34.

Премилы дѣвушки, придите къ намъ въ гости по-
сидѣть,
Нпопросите у батюшки меня въ гости къ себѣ,
У родимой матушки въ зеленъ садикъ погулять,
Есть у насъ во садикъ забавушка хороша,
Забавушка милая—на древахъ листьѣ шумить,
Подъ кусточкомъ птичечки шибко, громко говорятъ,
Молодой соловьюшко летить, свищеть мимо садъ,
Спрошу у соловушка, тужить-ли милый обо мнѣ?
Яли, красна дѣвица, каждый часъ объ немъ тужу.

Зайду въ нову горницу—уливаюся слезами,
Зайду въ теплу спаленку, лягу вниць я на кровать,

До тѣхъ поръ лежать буду пока два часа не бьетъ,
Два часа ударило, — ко мнѣ милъ въ гости придетъ,

Три часа ударило,—ко мнѣ миленькій пришелъ
Миленькій хорошенькій, до чего-жъ меня довелъ?
Довелъ красну дѣвушку до славушки до худой,
До худой до славушки, вынялъ краску изъ лица.
Милая, хорошая у васъ краски въ лицѣ не было
Хотя была краска,—бѣлыя бѣлила, румяна.

35.

Накатись, навались туча темна, грозна,
Повыпади изъ тучи стрѣла громова,
Ты убей, зарази постылаго мужа,
Сохрани, сбереги сердечнаго друга.
Накатилась, навалилася туча темна, грозна,
Повыпала изъ тучи стрѣла громова,
Убила, заразила сердечнаго друга,
Сохранила, сберегла постылаго мужа.
Ужъ я знала-бъ молода,—Богу не молилась,
Понапрасну свѣчь не становила-бъ,
Депегъ не губила-бъ.

36.

Разливалась мати весенняя вода,
Потопила всѣ зеленые луга.
Распроклятый воръ женатый,
Его жизнь очень бѣдна,
Есть хозяйшка вольна (bis)
Не спущаетъ никуда,
Хоша пустить, съ глазъ не спустить,
Все въ окошечко глядить.
Я не вѣрила подружкамъ,
Почему милаго жаль;
Я повзросла побольше,
Стала милаго жалѣть.

37.

Не ясенъ-то соколъ по горамъ летать,
Летать-то летать, лебедей искалъ.
Все лебедушекъ искалъ,
Онъ нашелъ-то нашелъ, на крутой горѣ
На всей красоты сидять,
Все сидять-то сидять, все бѣлешеньки,

Словно бѣленькій свѣжокъ,
Что една-то, една, лебедь бѣлая всѣхъ поспарядливѣй,

Поспарядливѣй, да подогадивѣй.
Изъ стада во стадо лебедь перелетывала,
Письма, вѣсточки перенашивала,
Что мой-отъ милый въ лужкахъ гулялъ,
Во лужкахъ гулялъ,
Все гулялъ-то, гулялъ, лебедей искалъ.
Все лебедушекъ.
Мнѣ не жаль-то, не жаль, самою себя,
Жаль саду зеленого,
Зеленаго саду жаль; въ садикъ трава росла,
Мурава трава росла,
Травонька муравая,—все лазоревы цвѣты.

38.

Любила я дружка, любезнаго любила,
Не въ долгое время, ровно три годочка,
На четвертой-то годочекъ пришло разставанье,
Разставанье—слезно уливанье.
Я слезами дѣвка уливалась,
Съ кручиной прощалася, съ другомъ разставалася:
Не простившись миленькій поѣдешь на чужу сторону.

Во дорожкѣ милый тяжело вздыхаетъ,
Тяжело вздыхаетъ,—Питеръ вспоминаетъ:
Прощай, прощай славный Питеръ,
Со питейными домами, со частыми кабаками,
Съ быстрою со рѣчкой,—съ матушкой Невою,
Съ матушкой Невою, съ дѣвицей душою,
Съ дѣвицей душою, съ бѣлыми грудями,
Съ русою косою, съ лентой голубою,
Съ ясными очами, съ черными бровями.

39.

Товарищъ, ты товарищъ, другъ мой,
Не съ единой-ли сторонки мы съ тобой,
Не поѣдешь-ли товарищъ, другъ домой,
Скажи любушкѣ нижайшій поклонъ,
Не ждала бы все лѣтичко домой,
Во все лѣтичко, до самой до зимы,
А замерзали быстры рѣчки и губы,
Западали всѣ дорожки и пути.
Мнѣ нельзя-сто ко дѣвушкѣ идти,
Среди города дорожка широка,

По загуменью тропиночка торна,
Торнымъ торна, пробита до песка;
Еще кто это дорожечку торилъ?
Молодой парень за дѣвушкой ходилъ:
Онъ не такъ ходилъ,—гостинички носилъ,
Гостинечки сладки,—прянички на меду,
Безъ расчета золотой казны носилъ,
Безъ разиѣра сладкой водочкой поилъ.

40.

Распечальное дѣвье сердце всегда занываетъ.
Тоскѣ придаваетъ, дружка наживаетъ;
Нажила я дружка по мыслямъ, по вѣрнымъ,
Что по мыслицамъ по вѣрнымъ, по любви по
прежней.

На что было дружка лучше,
До меня дружекъ былъ ласковъ,
Былъ соколикъ ясный.
Какъ соколъ, соколъ летаетъ,
Все меня-ль пытается,
Все разлуку чааетъ.
По разлукѣ моя радость
Самъ прочь отъѣзжаетъ.
Оставляетъ дѣвку въ горѣ,
Во слезахъ—что въ морѣ,
Оставляетъ во кручинѣ,
Што корабличекъ въ пучинѣ;
Молодецъ' во кручинѣ,
Во кручинѣ, во печали,
Пиши ко мнѣ письмо.
Напишу письмо слезами,
Отошлю съ друзьями,
Я со тѣмъ ли со дружечкомъ,
Съ сизымъ голубочкомъ,
Подъ правымъ крылочкомъ,
Что подъ правымъ подъ крылочкомъ,
Подъ сизымъ перочкомъ.
Стану голубя имать,
Стану сизаго хватать,
Стану письма отбирать,
Слова два, три прочитаю,
Назадъ отсылаю.
Я тобой дружокъ довольна,
Да гулять съ тобою полно.
Полно радость перестану,
Отъ тебя дружокъ отстану,

Ко яну дружку пристаю,
Любить его вѣчно стану.

41.

Что ты дѣвушка не нарядна ходишь,
Головунки не чешешь.
Скажи дѣвушка, скажи красотка,
Скажи: кого любишь?
Люблю я дѣвушка, люблю маіора,
Люблю полковаго.
Во вторыхъ-то я люблю сенатора,
Я съ которымъ, дѣвушка, водилась,
Вчера съ побранилась.
Палась съ миленькимъ дружкомъ побранка,
Палась небольшая.
Я не знаю какъ же мнѣ-ко быть.
Какъ съ дружкомъ мириться,
Распроклятое такое во мнѣ сердце злое.

42.

При долинушкѣ есть калинушка,
Она выростала;
При калинушкѣ есть малинушка,
Она разцвѣтала.
На малинушкѣ соловеюшко сидитъ,
Громко свищетъ;
По насвистушкѣ соловеюшко,
Громко выговариваетъ.
Во сыромъ бору, во темномъ лѣсу
Не кукушечка вскуковала;
Во неволюшкѣ добрый молодецъ,
Сидитъ письмо пишетъ,
Не къ отцу-то, не къ матери,—
Къ любушкѣ сударушкѣ:
Растоскуйся по мнѣ любушка сударушка,
По мнѣ разгорюйся.
Ужъ я самъ по тебѣ самъ я сгоревался,
Малешенекъ послѣ батюшки сынъ остался,
Родительницы матушки самъ я не запомню,
Еще ктожъ тебя, добрый молодецъ, вспоилъ, вскормилъ?
Вспоилъ, вскормилъ меня православный миръ.
Православный миръ, Волга матушка,
Снарядила молодца любушка сударушка.

43.

Размальчишка миленькій,
Такой парень разбесовѣстный,

Что ты сдѣлалъ надо мной,
Не своимъ ли глупымъ разумомъ,
Лишилъ дѣвушки покою,
Спокою дѣвка лишилась,
Я на свѣтъ еднова,—
Еднова ли дружка милаго,
Сердечнаго своего.
Страданье, мое страданье,
Страданье дѣвушкино,
Страдала ли разкрасавица
Во зеленомъ саду.
Приуснула на часокъ,
Страшенъ сонъ дѣвкѣ привидился.
Будто въ моемъ во саду,
Соловешко поетъ,
Поетъ свищетъ соловешко,
Мнѣ надзолушка даетъ.

44.

Я съ маленька глупешенька росла,
Я не слушала ни матери ни отца,
Не любила молодую молодежь,
Полюбила женатаго браваго;
У женатаго есть жена зубатая,
Она сойдется, ругается на меня,
При чужихъ братьяхъ наложницей зоветъ:—
Ты наложница, разлучница моя,
Разлучила съ молодымъ мужемъ меня,
Не дала ты единъ годичекъ прожить,
Единъ годичекъ прожить,
Да малыхъ дѣточекъ нажить.

45.

За Дунаемъ, тамъ гуляетъ
Казакъ молодой,
Тамъ есть дѣвица плачетъ,
За быстрой рѣкой:
Объ чемъ дѣвушка плачешь,
И кого тебѣ жаль?
Отца съ матушкой жалко,
Сестеръ своихъ.
Со своимъ роднымъ,
Не вѣкъ будешь жить,
Со мной молодцомъ,
Вѣкъ радостной быть;
За праву за ручку,
Цыганка брала,
Смотрѣла, гадала,

Качала головой:
Дѣвица потонетъ,
Въ день свадебный свой.
Ужъ я выстрою мостъ,
Длинный, чугунный,
На тысячу верстъ;
Ужъ я стражу поставлю,
Пятьсотъ на передъ,
Двѣсти въ то мѣсто,
И сто по бокамъ.
По чугунному мосту
Подковы гремятъ,
Прекрасна дѣвица
Ко вѣнчанью катитъ;
Раскатилась карета
Съ дѣвицей въ Неву;
Дѣвица вскричала:—
Прощай бѣлый свѣтъ!
Еще повторила:
Прощай милый мой.
Прощай, прощай милая,
Невѣста моя,
Осталась вторая
Совсѣмъ не така.

46.

Молодость молодецкая,
Молодецкая, безотецкая
Незапомню я когда ты прошла,
Прѣшла ты прокатилась,
Пора времячко скоро миновалось,
За единъ часъ показалась,
За единъ часъ за минуточку.
Свѣтлы празднички будутъ мнѣ не хаживати,
Цвѣтнаго платица не нашивати,
Все прошло мое прокатилось.
Не въ гульбахъ да въ прохладахъ,
Во работухахъ тяжелыхъ.
Въ чужихъ людяхъ добрыхъ,
Ужъ вы други мои пріатели,
Вы сусѣдушки мои порядовые,
Пособите мнѣ-ко думу думати,
Думу думати, да мысли мыслити,
Мнѣ жениться или холосту гулять,
Холосту гулять да не женатому,
Мнѣ женитьба-то палась не по счастью,
Молода жена палась не по разуму,

Малы дѣточки не по надоблю,
Отдають да добра молодца во неволюшку,
Во неволюшку да службу царскую,
Службу царскую да государскую,
Остается да молода жена.

47.

Не бѣлы ли снѣжки выпадали,
Со полуночи порошица землю покрываетъ,
Что не ржавчинка, не болотинка,
Бѣлый снѣгъ сѣдаетъ,
Ахъ! бѣлый поѣдаетъ.
Не печаль кручинушка добра молодца,
Печаль сокрушаетъ,
Что сушить, крушить добра молодца,
Чужа сторона,
Чужа да не знакомая,
И во-вторыхъ сушить добра молодца,
Красная дѣвица,
И куда мнѣ добру молодцу дѣваться,
Со бесѣдушки домой да собираться.

48.

Во славномъ было во городѣ во Астрахани,
Появился тутъ дѣтинушка, незнаемъ чловѣкъ,
Незнаемъ, незнакомый изъ новыхъ городовъ.
Онъ по городу дѣтинушка погуливаетъ,
Плисовый кафтанъ на распанечку таскаетъ,
Синій шелковый кушакъ на правомъ на плечѣ,
Сѣрая шляпа пуховая на буйной головѣ,
Онъ по городу дѣтинушка погуливаетъ,
Онъ военнымъ услужителямъ челомъ парень не
бьетъ,

А гражданскимъ обывателямъ не кланяется,
Астраханскому губернатору подъ судъ нейдетъ,
Подъ судъ нейдетъ, головы не гнетъ.
Услыхалъ нашъ губернаторъ про удалого молодца:
Ужъ вы слуги, слуги вѣрные мои,
Вы подите, приведите удалого мелодца:
Какъ схватили молодца среди Волги рѣки,
Среди Волги рѣки на царевомъ кабакѣ;
Еще началъ губернаторъ его строго спрашивать:
Ты откуль, скажи дѣтинушка, незнаемъ чловѣкъ,
Ты Казанецъ, аль Рязанецъ, или Астраханецъ,
Ты изъ-за моря купецъ или купеческій сынокъ.—
А не тебѣ-ли, губернаторъ, строго спрашивать,
Да не мнѣ-ли, добру молодцу, отвѣтъ держать,
Я со матушки со Волги, со Камы рѣки,

Атамана Сеньки Разина сынъ;
Хотѣлъ-то мой батюшка сюды въ гости побывать,
Не умѣть тебѣ встрѣтить, умѣть подчивати,
Умѣть подчивати, низко кланяться.
Что за эти слова да посадили молодца,
Не далече, далече въ бѣлокаменну тюрьму.
Что по матушкѣ по Волгѣ, по Камы рѣки,
Легка шляпочка скорешенько плыветъ,
Что во этой легкой шляпкѣ Сенька Разинъ ата-
манъ:

Вы подайте-ка ребятушки съ правой руки воды,
Какъ во славномъ во городѣ во Астрахани,
Мое дитятко посажено сидеть;
Погребайте-ка ребятушки по Волгѣ рѣкѣ,
Я гражданскому губернатору не стану челомъ бить,
Челомъ бить да кланяться,
Я гражданского губернатора въ полонъ сейчасъ
возьму.

А своего дитятко къ себѣ возьму,
Астраханъ городъ въ огонь спущу.

49.

Ужъ ты степь наша, степь Саратовска,
Далеко и ширако ты степь протянулася,
Протянулася наша степь отъ Москвы до Питера,
Отъ Москвы до Питера до села Царицина,
Отъ села Царицина до князя Голицина.
Что никто-то, никто по этой дорожкѣ не ѣзжи-
валъ,

Тутъ и шли прошли молоды извошичьки,
Млады извошичьки все коломенски,
Они везли-то везли бѣлу рыбицу,
Бѣлу рыбицу къ селу Царицину.
Солучилося у нихъ несчастье—
Заболѣлъ да захворалъ младай извошичекъ;
Заболѣла у него голова буйная,
Опустились руки бѣлыя,
Подломились ноги рѣзвыя.
Завязали буйну голову платкомъ тальянскимъ;
Дарилъ-то платокъ не батюшка, не матушка,
Дарила красна дѣвица;
Подарила приговаривала:
Ты носятко платокъ да не хвастай мной,
Когда выносишь похвастанся.

50.

Цвѣли-то цвѣли въ полѣ цвѣтики, цвѣли да повяли.
Любилъ парень дѣвушку, любилъ да спокинулъ.

Спокинувши красной дѣвицѣ въ глаза насмѣялся,
 При всемъ при народѣ, большомъ хороходѣ,
 Еще снялъ-то, сорвалъ съ красной дѣвицы шале-
 вый платокъ,
 Отпоясалъ съ красной дѣвицы шелковъ поясочекъ.
 Мнѣ не жаль-то, не жаль золотой казны,
 Мнѣ жаль-то, жаль мила дружечка.
 По городу по Саратову дѣвица гуляла,
 Не плису, не бархату дѣвка закупала;
 Закупала дѣвка гербовъ листь бумаги.
 Молодаго себѣ писаря въ гости зазывала,
 На мила дружка просьбу сочиняла,
 Что гражданскому губернатору просьбу подавала:
 Ты прими-тко мою просьбу, прими поскорѣ,
 Читай-ко ся мою просьбу читай повериѣ;
 Ты судитко мою просьбу, суди по закону;
 Если жь не обсудишь дойду до Сенату.
 Ужъ ты глупая красна дѣвица, глупа не разумна.
 Что безъ утренней зорюшки солнышко не взойдетъ,
 Безъ осенней. темной ноченьки мѣсяцъ не освѣтитъ,
 Безъ причинушки добрый молодець дѣвушки не
 задѣнетъ,
 Что безвинно-то, безвинно красной дѣвицы не
 задѣнетъ.

51.

Катя легонькій умокъ
 Твой глупенькій разумокъ;
 Было въ рукахъ счастьеце,
 Не умѣла содержать.
 Любила любезного,
 Не могла любовь признать.
 Стала прознавать
 Сталъ миленькій отставать,
 Миленькій, любезненькій,
 Ко иной въ гости гулять.
 Батюшка свѣтель мѣсяцъ.
 Свѣти во всю темну ночь;
 Просвѣти дорожечки,
 Буди милый мой поидеть.
 Пошелъ, пошелъ миленькій,
 Вдоль по улицѣ гулять;
 Зашелъ, зашелъ миленькій,
 Въ самый крайній новый домъ.
 Въ этомъ въ домигѣ,
 Молода вдова живетъ.—
 У этой у вдовушки

Хороша дочка растеть.
 Катюшечка душечка,
 Една въ горенкѣ сидить.
 Чесала головушку,
 Частымъ гребнемъ—гребешкомъ.
 Родимая маменька
 Русу косу заплела;
 Родимая сестрица,
 Въ косу ленту заплела;
 Эту алу ленточку
 Родимъ батюшка купилъ,
 Милый денежки платилъ;
 За эти за денежки
 Ровно три года ходилъ.

52.

Край пути дорожки,
 Край широкой было Московской
 Стояла зеленая еленка
 Не толста собою ровная
 Со вершиночки до самого комя.
 Что подъ той же зеленой еленкой
 Не кокушица звонко вскуковала,
 Вскуковала она, сгоревала,
 По зори то рано летала,
 Все летала, горевала,
 Все мила дружка искала;
 Нашла дружка не на долго,
 Не на долго на денечекъ,
 На одинъ часочикъ.

53.

Подъ славнымъ крѣпкимъ городомъ Архангель-
 скомъ,
 На Васильевскомъ славномъ островѣ,
 На приѣзжцѣ на Лодейномъ,
 Что на пристани корабельной,
 Тутъ построена изба новая,
 Изба новая караульная.
 Что во той избѣ новой,
 Восемьсотъ удалыхъ молодцовъ сидить,
 Межь ими то красна дѣвица,
 Она гораздна была играть въ шахматы.
 Обыграла удалаго добра молодца,
 Проигралъ то добрый молодець три черныхъ ко-
 рабля:
 Первый съ чистымъ серебромъ,

Второй съ краснымъ золотомъ,
Третій съ скатнымъ жемчугомъ.
Закручинился, запечалился добрый молодецъ,
Повѣсилъ буйну голову со могучихъ плечь,
Потупилъ очи ясныя во матушку сыру землю,
Что прижалъ да руки бѣлыя къ ретиву сердцу.
Разговаривала красна дѣвица добра молодца:
Не кручинься, не печалься добрый молодецъ,
Ты не вѣсь своей головы со могучихъ плечь,
Не тупи да очи ясныя во сыру землю!
Мы пойдемъ ко во Божью церковь,
Наложимъ да вѣнцы золотые,
Принемъ да законъ Божій;
Ужъ и будемъ съ тобой по закону жить. —
Отступаюсь я отъ черныхъ кораблей,
Я неиду съ тобой въ Божью церковь,
Не примаю законъ Божій,
Не хочу съ тобой по закону жить. —

54.

Калипушка съ малинушкой лазуревъ цвѣтъ,
Не веселая бесѣда, гдѣ милаго нѣтъ,
Веселая кампаньюшка, гдѣ любезный пьеть,
Онъ пьеть, не пьеть, за мной молодой шлетъ.
Я млада младешенька да призамѣшкалась,
За утками, за гусями, да за лебедями,
За вольною за птичкою, за журавонькою.
Журавонька птичка по бережку погуливала,
Мураву траву потаптывала,
Ключеву воду заклеывала,
За рѣченьку за быстрюю посматривала.
За рѣченькой за быстрюю слободка стоитъ.
Не малая слободушка четыре двора,
Во этихъ во дворикахъ четыре кумы.
Ужъ вы кумушки, голубушки, подружки мои,
Кумитесь любитея, любите меня,
Ужъ вы пойдете во зеленъ садъ, возьмите меня,
Ужъ вы будете цвѣточки рвать, сорвите и мнѣ,
Ужъ вы будете вѣнки свивать, совейте и мнѣ,
Ужъ пойдете вы на рѣченьку, возьмите меня,
Ужъ вы станете вѣнки спускать, спустите и мой.
Ужъ и всѣ вѣнки поверхъ плывутъ,
Только мой единъ ко дну ушелъ;
Всѣ дружки съ Москвы пришли,
Только мой единъ остался тамъ.

55.

Жена мужа любила,

Въ тюрьмѣ мѣстечко купила;
Дорого дала;
Она мужа извела:
Ужъ ты мужъ муженекъ,
Вотъ те вѣчный уголокъ.
Того больше не имѣю.
Одну ручку протяни,
Меня младу вспомяни!

56. *)

Прешпехтъ, прешпехтивая нуть дороженька;
Мнѣ по тебѣ будетъ не бывати,
Мнѣ мила дружка не видати,
Мнѣ любезнаго будетъ не любить;
Что задумалъ миленькій жениться:
Еще завтра будетъ у милаго рукобитье,
Послѣ завтра у милаго будетъ свадьба.
Куды мнѣ будетъ съ печали дѣвушкѣ дѣваться;
Обернусь я млада голубочкомъ,
Сяду я къ милому на окошко,
Что не взглянетъ-то милый, не увидитъ.
Наряжусь я млада *сиротинкой*:
На плечи-то надѣну кафтанишко,
На головушку надѣну треушишко
Въ праву руку возьму батожинско;
Пойду я млада да на свадьбу;
Ужъ я стану ко печному ко столбочку;
Ко кирпичному ко шесточку.
Отцу матушкѣ милый покерялся,
Вы попойте, покормите эту сиротину.
Путь дорожку ей уважите, впредь ей закажите,
Чтобы впредь эта сиротина болѣ не ходила,
Меня добраго молодца болѣ не стыдила,
Моего бы лица бѣлаго болѣ не страмила

51.

Не во далечемъ, далечѣ во чистомъ полѣ,
Что еще того подалѣ во раздольѣ.
Стоить-то постоитъ бѣлая березонька,
Бѣлая сама кудреватая;
По корешку береза она корениста;
По середочкѣ береза она кривлевата;
По вершиночкѣ она шипучиста:
Что подъ той-то березонькой,
Что подъ бѣлой кудреватой,

*) Поется, если любовники беретъ себѣ другую.

Не сизъ-то голубь со голубушкой сидитъ, воркуеть;
Дѣвица съ молодцомъ рѣчи говорила,
Что о душечкѣ, о красной дѣвицѣ.
Не дожичкомъ бѣло лицо смочило,
Не морозомъ ретиво сердце познобило,
Смочило бѣло лице слезами,
Познобило-то сердце тоской кручиной.

Б. ВЕЧЕРИНОЧНЫЯ.

1.

Кумъ-отъ ѣдетъ лугомъ,
Кума огородой,
Кумъ-отъ машеть черной шляпой,
Кума алымъ платкомъ.
Подойди кума поближе,
Поклонись пониже.
Подкати милый карету,
Сяду да поѣду;
Подкати милый вторую,
Сяду на любую;
Чтобы лугомъ не скрипѣла,
Мостомъ не гремѣла;
Чтобы люди то не чули,
Сосѣдка не знала;
Сосѣдушка узнала,
Батюшкѣ сказала.

2 *).

Молодость, ты молодость,
Премѣдая, молодость,
Чѣмъ тебя то молодость
При младости вспомнать,
При старости воздохнуть;
Спомяну я молодость,
Тоскою кручиною (bis),
Печалью великою;
Не пила-бы я не ѣла,
Все-бъ на милаго глядѣла,
Не дремала бы, не спала,
Въ гости мила друга ждала,
Ѣдетъ милый ввечеру
Не дорогой, по двору (bis).

* Подъ эту пѣсню пляшутъ.

Сама пойду подъ гору (bis),
По ключевую воду,
Съ ведрами, ушатами,
Съ новыми дубовыми,
Ведро брошу подъ гору,
Сама сяду на траву
Раскинусь я яблонью,
Яблонью кудрявою,
Грушицей зеленою;
Изъ подъ этой грушицы,
Да протекла рѣченька,
Неширока, быстрая,
Что по этой по рѣкѣ,
Да съѣзжались мужики,
Съѣзжались мужики,
Съ семьдесятъ городовъ,
Семьдесятъ молодцовъ.
Они сѣкли грушицу,
Да не подъ самый корешокъ,
Сдѣлали изъ грушицы
Звончатая гуслицы.
Кто по гуслиамъ играть,
Кто по мыслиамъ танцовать?
Играть будетъ Ванюша,
Плясать станеть Танюша.

3.

Шла дѣвица за водой,
За холодной ключевой,
Сзади парень молодой
Кричить: дѣвица постой,
Красавица подожди!
Ужъ ты парень, паренекъ,
Твой глупенькій разумокъ!
Не кричи во весь народъ,
Мой батюшка у воротъ
Зоветь, манить въ огородъ
Чесноку, луку полоть;
Во правую руку луку,
Во лѣвую чесноку,
Я по цвѣтикамъ пойду.
Я по цвѣтикамъ ходила,
По лазоревымъ гуляла —
Цвѣта алаго искала,
Не нашла цвѣту алаго
Противъ своего милаго.

Мой-отъ миленькій хорошъ,
Чернобровъ душа пригожъ,
Миѣ подарочекъ принесть
Подарочекъ дорогой,
Съ руки перстень золотой;
Не хочу перстни носить,
Хочу на воду бросить.
На водѣ перстень не тонеть,
На огнѣ онъ не горитъ,
Знать, что миленькій сердить.

4.

Отдають Федьку въ солдаты,
Не за деньги, не за плату,
Поймали на лужку,
Ручки, ножки сковали,
Въ ямки избы отправляли,
За дубовый столъ сажали,
Чаемъ, кофеемъ поили.
Какъ оружья забранчали,
Командиры закричали:
Ставьте Федора подъ мѣру,
Ему брѣйте волоса.
Федоръ плачетъ и рыдаетъ,
Свои волосы собираетъ,
Съ кораблями отправляетъ
Отцу, матери на горе,
Молодцамъ на похвальбу,
Краснымъ дѣвкамъ на печаль.

5.

Улка ты, улка моя,
Широка улка, нетоптаная,
Красна дѣвица не смотренная,
Молодица не цѣлованая!
Для чего люди въ людяхъ живутъ,
Для чего людей люди улаживаютъ,
Для чего свекровь унравливаютъ?
У меня была свекровушка лиха,
Она лиха была не ласковая,
Посылаетъ туда и сюда,
Въ темной погребъ, за пиво, за вино;
Въ погребу долго замѣшталася,
Зелена вина натрескалася,
Холостому стаканъ меду подала,
Не женатому зеленого вина.
Холостой-отъ стаканъ меду не принималъ,
Бѣлы рученьки ко сердцу прижималъ,

Цѣловалъ у ней колечушко,
Золото вито серебряное.
Для чего люди въ людяхъ живутъ?
Пособи Богъ вечерка дождать,
Вечерка дождать, сына сождать,
Не роднаго сына, пасынка;
Ты сходи-ка въ новый городокъ,
Ты купи-ка шелковую плеточку,
Поучи-ка свою молодую жену.
Миѣ не диво въ новой городокъ сходить,
Не убытокъ шелкову плетку купить,
Миѣ безчестье молодую жену учить.

6.

Соколъ ты соколъ,
Не летай ты соколъ высоко,
Не маши ты крыльемъ широко.
Много бояръ въ Москвѣ,
А и больше крестьянъ на Руси,
Нѣтъ таково молодца,
Дородна добра молодца:
На горы-то соболя убилъ,
Въ подъ горою лисицу задавилъ,
На заводѣ уточку,
На песочку лебедушку,
Въ терему ли красну дѣвицу.

7.

Стояла рябинушка на городи,
Сѣлаи рябинушку на четверо,
Сдѣлали рябиновы гуслицы.
Кто въ гусли играетъ, поигрываетъ,
Игры поигрываетъ (такой-то),
Тѣшитъ, потѣшитъ (такой-то).
Что же ты, дѣвица, не весело сидишь,
Что же ты, красная, не весело глядишь;
Я же тебя не насилу въ замужъ бралъ.
Напередъ отъ себя сватовей посылалъ,
Сваты сватались, низко кланялись,
Молитву творили, слова говорили.

8.

Саду, присяду къ зеленому саду,
Куды милый пойдетъ.—нико не обойдетъ.
Бабы съ миленькии гуляти, не кого впрагати,
Сивка и бурка, все въ Петербургѣ.
Сани въ Базани, хомутъ на базарѣ.
Дуги да оглобли спрашивай на Волги,
Худы завертки у (ниа река) на горки.

Простучала, прогрѣла,
 Сынъ дворянскій проѣзжалъ
 Балина, калина
 Балинушка моя *).
 Катя вышла на крылечко:
 Ты пожалуй, мой милой,
 На широкій дворъ со мной!
 Привяжи добра коня
 Ко точеному столбу,
 Къ золоченому кольцу.
 Ты пожалуй, мой милой,
 Въ нову горницу со мной,
 Скидывай шляпу, сертукъ
 Въшай, миленькій, на крюкъ,
 Ты пожалуй, мой милой,
 Въ нову спаленку со мной.
 Въ нову спаленку вошелъ,
 На ту пору, на тотъ часъ,
 Мужъ изъ Питера сейчасъ.
 Что у те Батюша,
 Что за конь вороной?
 Вечеръ въ рыночекъ ходила,
 Ворона коня купила,
 Триста семьдесятъ платила.
 Въ нову горенку взошелъ:
 Что у те, Батюша,
 Что за мальчикъ за такой?
 По тропинчкѣ я шла,
 Сиротинушку нашла
 Натъ сиротку напоить, накормить,
 Въ сертукъ, шляпу снарядить,
 На добра коня посадить.
 Дружка мила спровожала,
 Слезно плакала рыдала.
 Что у те, Катюша,
 Призаплаканы глаза,
 Призатерты рукава?
 Я у маменьки была,
 Да лежитъ она больна.

10.

Заюшка мой бѣленькій,
 Бѣленькій, самъ сѣренькій.
 Гдѣ ты, гдѣ ты зайка былъ,

*) Повторяется послѣ каждой двухъ строкъ.

Гдѣ ты сѣрый побывалъ?
 Заюшка кого видалъ,
 Сѣренькій кого видалъ?
 Видѣлъ, видѣлъ, парень мой,
 Двѣ дѣвицы хорошихъ,
 Двѣ красавицы пригожихъ.
 Заюшка бѣленькій,
 Не били-ль тебя,
 Не бранили-ль тебя?
 Били, били парень мой,
 Били, били сердце мой.
 Ты скажи чѣмъ били?
 По бокамъ кулаками,
 По плечамъ кирпичами.
 Заюшка ты не плакалъ ли?
 Плакалъ, плакалъ сердце мой;
 Плакалъ, плакалъ парень мой.
 А скажи, какъ плакалъ,—
 Хини, хини парень мой,
 Хини, хини сердце мой.

11.

Въ государственной конторѣ
 Сидитъ молодецъ въ уборѣ.
 Пришла дѣвица въ снаряждѣ,
 Во кисейной бѣлой юпкѣ,
 Во голубомъ полушубкѣ.
 Бѣла юбка съ вомбарями,
 Полушубокъ со хазами,
 Что на шеѣ шаль Бугарска,
 На головкѣ хазъ повязка,
 Въ ушахъ серьги зерновы,
 Черны глаза веселы.
 Чернымъ глазикомъ взвела,
 Изъ конторы вонъ пошла,
 Всю зазнобушку дала;
 Молодецъ то не стерпѣлъ,
 Дѣвкѣ въ слѣдъ онъ поглядѣлъ;
 Бросилъ письма и дѣла:
 Миѣ не дороги дѣла,
 Пришла дѣвица мила.
 Уродилась хороша,
 Во дѣтвинушку дружка,
 Въ Александрюшка *).

*) Или же какое либо другое имя одного изъ присутствующихъ.

12.

Ты Иванушка казакъ,
Вставай завтракати,
На работу поспѣвай,
На работу на тагу,
Да черну пашенку пахать.
Я пашу, пашу, пашу,
Да все на солнышко гляжу.
Стало солнышко сворачивати,
Какъ чужи то жены,
Мужьямъ ѣсть принесли.
Какъ моя курва жена,
Мнѣ обѣдать не несетъ.
Ужъ я выпрягу лошадку,
Да поѣду я домой,
Мимо рощи зеленой;
Ужъ я вырублю лозу,
На свою курву жену.
Пріѣзжаю ко двору,
Жена ходитъ по двору,
Набѣленная да нарумяненная,
Во кумачномъ сарафанѣ,
Во парчевыхъ рукавахъ.
Ужъ я брошу лозу,
Поцѣмлю жену.
Ужъ ты гдѣ жена была,
Мнѣ обѣдать не несла?
Я была да у попа,
Пила пиво и вино,
За твое сударь здоровье,
Стаганъ водки выпила.
Ой! спасибо жена,
Не забыла старика.

13.

Продай мужъ корову,
Продай мужъ кобылу,
Продай мужъ теленка,
Продай жеребенка.
Купи мужъ ты юбку,
Купи парчевейку,
Купи мужъ сережки,
Да со яхонтами,
Купи мужъ колечко,
Да со словечками,
Купи мужъ чулочки,

Да со стрѣлочками.
Какъ сусѣди-то вставають,
Коней запрягаютъ,
Во лѣсъ поѣзжаютъ,
Какъ и мой-то мужъ вставаетъ,
Жену запрягаетъ.
Тяни, тяни юбка,
Тяни парчевейка,
Тяните сережки,
Да со яхонтами,
Тяните колечки,
Да со словечками.
Ко двору онъ пріѣзжаетъ,
Во дворъ запускаетъ,
Сѣна надаваетъ.
Сяду я на печку,
Призадумаяся:
Продай мужъ ты юбку,
Продай парчевейку,
Продай мужъ сережки,
Продай и колечко;
Купи мужъ корову,
Купи мужъ кобылу,
Купи мужъ теленка,
Купи жеребенка.

14.

Вечоръ дѣвки (bis).
Вечериночкой сядятъ,
Пришелъ къ дѣвкамъ (bis),
Нежданный гость,
Нежданъ, незванъ (bis),
Добрый молодець,
Ужъ мы чѣмъ будемъ (bis).
Гостя подчивати,
Пивцомъ, винцомъ (bis),
Сладкой водочкой,
Една дѣвка (bis),
Суровешенька была,
Брала парня (bis),
За правую за руку,
Черезъ скамью (bis),
На разрывъ его тащить.

15.

Какъ задумалъ недоросточекъ жениться,
Какъ жена-то недоростка не любила,

Повела-то недоростка въ чисто поле,
Привязала недоростка ко березкѣ.
Три недѣли недоростка не смотрѣла
На четвертую недѣлю посмотрѣла,
Каково-то недоростково жированье,
Не корыстово жена да жированье.
Миѣ березова корочка да приѣлась,
Миѣ болотная водица припилася,
Отвязала недоростка отъ березки,
Побѣжалъ недоростокъ по дорожкѣ.—

16.

Потянули вѣтры буйны со горы,
Обронили шляпы добры молодцы,
Миѣ поднять шляпу не хочется,
Мое сердце не ворошится,
Покориться во миѣ того нѣтъ.—

17.

Кычи гуси домой,
Кычи лебеди домой
Со ржавченки,
Со болотинки,
Да со свѣжія воды,
Со Дуная со рѣки,
Этотъ нашъ (bis),
Этотъ нашъ гусенекъ,
Гусь сѣренькой,
Развеселенькой.
Я во всю зиму кормила,
Во все лѣто берегла,
Берегла стерегла,
Охорашивала,
Огораживала,
Отъ лютаго отъ звѣрища,
Да отъ волчища,
Вотъ пришелъ,
Вотъ увелъ,
Негдѣ взять,
Архирейскій зять.

18.

За топью за рѣчкой за быстрою,
Выгоню я пару сѣрыхъ лошадей,
Лошади у насъ держать не можно,
Кучеръ—отъ у насъ (—) господинъ,
Голубушка при немъ (—) госпожа,
Они сойдутся, обоймутся,

Свидятся, поклонятся,
Поклонятся, поцѣлуются.—

19.

Со вечера хмѣлинка незаборчива была,
Забрала меня хмѣлинка,
Полюбилъ парень дѣтинка,
Парень дѣвушку любилъ,
Золото кольцо купилъ.
На рукѣ кольцо горитъ,
Родна маменька бранить,
Гулять ей не велитъ,
Не велитъ во садѣ ходить,
Молода парня любить.
Ужъ ты парень молодой,
Спроводи дѣвку домой,
Не дорогой,—стороной,
Подъ голубой подъ полой,
Да подъ лѣвой стороной.

20.

На улицѣ мужикъ со рассадой сидитъ,
Немножка рассадушки на денежку даетъ;
Купить, не купить миѣ на весь пяточекъ,
Разсадить ли миѣ рассадушку на весь огородъ:
Расти, моя рассадушка, тонка и высока,
Тонка и высока,—перомъ широка.
Всѣ люди капусту заламывають,
Только я молода въ огородѣ не была,
Бѣлая капусты не заламывала.

21.

Сковородка въ печи,
Сковородникъ на печи,
Блиновъ испечи
Десяточка два, три.
Двое ходитъ,
Двое бродитъ,
Двое сойдутся,
Обоймутся,
Поцѣлуются,
По старинному закону,
По 400 на кону.
Пришелъ нонича указъ,
Пѣловаться одинъ разъ,
Цѣловать въ уста,
Ноне нѣтъ поста,
Время заговенье,

Пора масляница.
Куплю сахару на рубь,
Поцѣлую какъ нибудь;
Куплю ево на пятакъ,
Поцѣлую дѣвку такъ.
Сколько на печи печины,
Столько на сердцѣ кручины;
Сколько на гряды моркови,
Столько на сердцѣ любви;
Сколько на морѣ трески,
Столько на сердцѣ тоски.
Ой, спать тоска на годовыхъ доскахъ,
На голенькихъ дощечкахъ,
На полатинкахъ.
На что щегольно ходить,
Когда некого любить?
На что мыломъ умываться,
Когда не съ кѣмъ любоваться?
На что платомъ утираться,
Когда не съ кѣмъ цѣловаться?
На что мягко спать,
Когда не съ кѣмъ спать?

22.

По жердочкѣ шла
Да по тоненькой,
По сосновенькой,
Тонка жердочка не гнется,
Не ломается,
Хорошо съ милымъ живется,
Не стоскнется,
Хоша стоскнется
Разгуляется.
Пойду выйду молода
За новые ворота,
За новые, клееновые,
За рѣшотчатые;
Стану, стану молода,
Ко притворному столбу,
Туды, сюды погляжу,
Я милаго не вижу.
Счастливый выходъ мой,
Что на встрѣчу мой милой.

23.

На плотъ было на меленкѣ,
На вторая на серебряной

Золота была черпаница,
Дѣвица воду черпала,
Душа (имя рекъ) воду черпала.
По бережку конь бѣжить,
По крутому сивой рыжій;
На кони сидитъ удалый молодецъ,
Удалый молодецъ (имя рекъ),
Ко двору приворачиваетъ.
Онъ плеточкой посвистываетъ,
Уздой пошевеливаетъ,
Ко двору ко батюшкову,
Къ терему ко матушкину,
Ко лугу то ко дѣвушкину. (иногда поется имя).
Красна дѣвица выйди на дворъ,
Ты возьми коня за поводъ,
Ты отдай коня конюхамъ,
Пусть накормятъ да пшеницею,
Напоятъ ключевой водой.

24.

Не наметывай порохи
Что на талую землю,
На злое коренье
Въ Петрово говѣнье,
Во перво воскресенье.
Что по той бѣлой порохѣ
Шель Ванюша хорошій
Шель Иванушка хорошій,
Бѣлый кудреватый.
Онъ бѣлый кудреватый,
Холость не женатый.
Припадаетъ вдругъ Ванюша
Ко бѣлому ко снѣгу.
Онъ кидаетъ да бросаетъ
Ко Паранѣ во окошко:
Выйди, выйди вонъ Параня,
Види Парасковья.
Миѣ нельзя идти Паранѣ,
Нельзя Парасковѣ,
Есть у батюшки то гости,
Да у матушки гости;
Есть у братыщей подъячи,
У сестеръ дѣвицы,—
То мои подружки.
Я тутъ Ванюшѣ сказала
Взаболѣ отказала.

Пошелъ Ванюша печаленъ
Головой качаетъ,
Самъ головушкой качаетъ,
Себѣ размышляетъ:
Какъ же мнѣтѣа быть,
Кого полюбити?
Мнѣ мужня жена любить—
Прибитому быть,
Мнѣ вдовушку любить—
Казною дарить,
Красну дѣвицу любить—
Щегольно ходить,
Хоть не щегольно ходить,
Красну дѣвицу любить.

25.

У воротъ дѣвва стоитъ,
Въ бѣломъ лицѣ жаръ горитъ,
Знать что миленькій сердить,
Ничего не говорить,
Въ зеленый садъ манить;
Пойдешь дѣвица во садъ
Раскрасавица плясать,
Сорву съ травоньки цвѣтокъ
Со муравоньки алой.
Завяжу этотъ цвѣтокъ
Во тальянскій во платокъ,
Во нѣмецкій узелокъ.
Ужъ я брошу то платокъ,
На кроватку въ уголокъ,
Гдѣ узеликъ-отъ лежитъ,
Тесова кровать дрожить,
Я помѣшкаю часокъ,
Развяжу да узелокъ,
Посмотрю я на цвѣтокъ,
Ужъ онъ виветъ ли не виветъ,
Мой лазоревой цвѣтокъ;
Ужъ онъ тужить ли не тужить,
Онъ мой миленькій дружокъ,
Мой онъ миленькій дружокъ
На чужой онъ стороны,
Во матушигѣ во Москвы,
Во нѣмецкой улицы.
Сидятъ дѣвки въ горницы,
Они судятъ рассуждаютъ,
Мила друга снаряжаютъ,

На добра коня садятъ.
Ноги въ стремена кладутъ,
Въ руки поводъ подають,
Дружку навазываютъ,
Наговариваютъ:
Ты гуляй, гуляй дѣтина,
Да не загуливайся,
На хорошихъ, на пригожихъ
Не заглядывайся.
Хороши то пригожи,
Часовы не вѣковы,
Ужъ я худенька худа,
Да вѣковѣчная твоя.
Вѣковѣчная твоя,
Да подвѣчная жена.

26.

Красна дѣвица коровъ доила,
Скрозь тряпичку молоко цѣдила,
Молокомъ молодца поила,
Поила наговаривая:—
Не женись, не женись молодецъ,
Не женись, не женись удалой,
Промежъ нами ты такъ проживешь,
Промежъ нами дѣвушками,
Промежъ нами голубушками.

27.

Не бѣги, не бѣги,
Красна дѣвица душа,
Полюби, полюби,
Ты меня молодца,
Если ты меня полюбишь,
Будешь счастливая,
Будешь тѣльнистая;
Я люблю тебя душой,
Подарю казной,
Каждый праздникъ обновкой,
Буду милую дарить,
По пирамъ, по *каштетамъ*
Буду дѣвицу водить.
Ради радости такой
Есть особенный покой:
Зеркалами и цвѣтами,
Вашу спальню уберу,
Красна дерева кровать
На коврѣ будетъ стоять,
Что на бархатной перинѣ

Будеть Саша почивать.

28.

Зимочка зима,
Холодная зима морозливая,
Хорошая жена
Мужа выучила,
Въ полуночи-то будила,
На работу посылала,
На работу на такую
Въ лѣсъ дрова идти рубить.

29.

На улицѣ диво,
Чернецъ варилъ пиво.
Чернечикъ ты мой,
Чернечикъ молодой *)
Я пиво сливала,
Меня разбирало,
Спускалася хмѣлинка
Въ ручки, въ ножки,
Въ буйную головушку.

30.

Пошли наши гусли,
Пошли звончатые,
Дошли наши гусли,
До молодца пана,
До бѣла румяна,
Тутъ гусли упали,
За рученьки брали,
Въ уста цѣловали,
Милымъ называли.

31.

Подъ тыномъ было подъ тыночкомъ,
Подъ зеленой было сосенкой,
Дѣвки мылись, умывались,
Хорошо они сряжались,
Обойду я двоетынъ, троетынъ,
Я любого себѣ выберу,
За собою парня выведу.

32.

Ходилъ гулялъ Ванюша,
Вдоль по улицѣ,
На Паранино окошечко,
Часто взглядывалъ

Про Паранино здоровье

Часто спрашивалъ,
Ужъ ты спишь, не спишь Параша,
Али такъ лежишь?
Ужъ я спать не сплю, Ванюша,
Боле такъ лежу,
На умѣ держу,
Научить ли те, Ванюша,
Какъ ко мнѣ ходить (bis),
Какъ меня любить;
Ты не днемъ ходи,
Да поздно вечерами,
Ты не голосомъ кричи,
Да соловьемъ свищи,
Чтобы я красна дѣвица
Вздогадалася,
Со бесѣдушки сдомой
Да собиралася.
Я подружечкамъ скажу,
Что голова болитъ;
Отцу матушкѣ скажу,
Скажу—вся больна;
Ко милу другу пойду
Да здоровешенька,
Отъ мила друга пойду
Да веселешенька.
Я умоюсь, соряжусь,
Я къ обѣденѣ пойду,
Напередъ всѣхъ становлюсь,
Чтобы видѣлъ весь народъ.
Со слезамъ Богу молюся,
Бога милости прошу:
Ты, слеза моя горячая,
Пади къ милому на грудь.
Позади его стояла
Его маменька родна,
Со насмѣшкою сказала:
Не твоя ли тутъ горюха
По тебѣ слезы ронить?
Полно маменька смѣяться,
Пуста твоя пословица
Вѣчно дѣвушекъ бранить.

33.

Шелъ дѣтина изъ гостей,
Со великихъ радостей;
Онъ торопится бѣжить,

*) Припѣвъ этотъ поется послѣ каждыхъ двухъ строкъ.

Въ своему двору спѣшить;
 Сзади дѣвица бѣжить,
 Кричить: молодець, постой!
 Не женатый, холостой,
 Не женатый, вожеватый,
 Разголубчикъ, любчикъ мой!
 Ты не смѣйся надо мной,
 Надъ дѣвшкой молодой,
 Назадъ парень обернулся,
 На дѣвшку разсмѣхнулся;
 Сталъ дѣвицу дожидать,
 Съ ноги на ногу ступать,
 Ума разума пытатъ:
 Ты скажи, скажи, Катюша!
 Скажи лапушка моя,
 Едино-ль любишь меня?
 Я по правды то скажу:
 Едино тебя люблю;
 Я по совѣсти скажу:
 Семерыхъ съ тобой люблю.

34.

Торна, маторна моя,
 Фигурна, мигурна моя,
 Брасно золото не тягивала,
 Серебро не волаживала.
 Что желты пески разсыплются,
 Быстры рѣченьки разольются,
 У молодца кудри разовьются;
 Завивала кудри лапушка,
 Завивала кудри сударушка,
 Завивала приговаривала:
 Что не думала сегодня угорѣтъ;
 Пришелъ вечеръ,—голова стала болѣтъ,
 Расшумѣли самовары на столѣ,
 Расходился угаръ въ головѣ.

35.

Выходилъ душа полковникъ
 На красно крылечко,
 Выносилъ душа полковникъ
 Молодковы карты,
 Еще клалъ душа полковникъ
 На дубовый столъ;
 Приглашалъ душа полковникъ
 Красну дѣвицу въ компанью.
 Меньша большой говорила,
 На добро учила:

Не играйка-ся сестрица
 Въ молодковы карты,
 Ты не пейко-ся сестрица
 Дорогова вина.

36.

Не рюмочки по столу бренчатъ.
 Не стаканы выговариваютъ;
 Еще кто же ходить по терему,
 Еще кто же ходить по высокому.
 Дѣвица ходить по терему,
 Душа красная по высокому;
 Она бѣлится, румянится,
 Очень модно сваряжается,
 Погулять ей хочется.
 У кого же она спросится,
 У кого же она доложится?
 Она у (имрекъ) молодца спросится,
 Она у (отчество) удалова доложится:
 (Имя) душечка,
 (Отчество) ягодка!
 Ты спусти въ гости ко батюшкѣ,
 Ко родимой моей матушкѣ.
 Ты (имя дѣв.) душечка,
 Ты (отчество) ягодка,
 Посиди у меня въ теремѣ,
 Посмотри на мою красоту,
 На удала добра молодца,
 На (имя и отчество).

37.

Во два верхала нѣмецкихъ,
 Сидятъ два молодца турецки.
 Калина, малина *).
 Они сидятъ у стола,
 Писать очень мастера;
 Подмастерье съ мастерами
 Цвѣтно платье составляли,
 Двѣ цѣпочки золотыя.
 Музыканты молодые,
 Заиграли въ струны.
 Струны серебряныя;
 Утѣшали, увѣщали,
 Красну дѣвку въ терему:
 Не плачь дѣвица мила,
 На тѣ лента голуба (bis).—
 Подаренье паренька.

*) Припѣвается послѣ каждой двухъ строкъ.

Парень дѣвushку любилъ,
По часту въ гости ходилъ (bis),
Да сладки пряничка носилъ.
Въ семнадцать дѣвка лѣтъ,
Полюбила парня ввѣтъ (bis),
Что нигдѣ такого нѣтъ,
Ни въ Казани, ни въ Рязани,
Нѣтъ ни въ Астрахани;
Откуль взялся, проявился?
Во Мезени городу (bis),
Во гостиновомъ двору (bis)—
У вдовушки у вдовы
Есть три дочки хороши.
Ужъ какъ первая милѣе,
Втора лучше, веселѣе;
Еще третья черноброва,
Завсегда плясать готова.
Пляшучи дѣвка упала,
Парию на руку попала.
Постой молодецъ пе чура,
Я сама дѣвка не дура,
Петербургская натура;
Я во Питерѣ была,
Три науки поняла.
Ужъ и первая наука—
Я купила соловья;
А вторая-то наука—
Полюбила молодца;
А и третья-то наука—
Раззорила до конца.
Раззорился парень бѣдный,
Купилъ дѣвкѣ перстень мѣдный;
Раззорился подъ конецъ,
Купилъ дѣвкѣ семь колецъ:
Три витыя золотыя,
Три серебряныя,
А четверто позолоченое,
Продавъ худенько дворышко,
Купилъ аленько платишко,
Завидуетъ вся деревня
На солдатское житье:
Солдаты подати не платить,
Буды денежки дѣвать.

38.

Соловей мой соловей,
Голосистой соловей!

Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
За синія моря,
На чужіе берега;
Не найти тебѣ милой,
Горемычнѣе меня.
У меня ли у молодой,
Крупенъ жемчугъ на руки,
Жаръ-колечко на груди.

39.

Сострой ты, любезный,
Да червончатый корабль;
Я найму тебѣ любезный
Гребцовъ—молодцевъ,
Да десять пѣсельничковъ;
Всѣ ребятушки гребутъ,
Веселы пѣсни поютъ;
По червончату корабляку,
Да погуливаютъ,
Съ ножки на ножку
Переступываютъ;
Сапогъ о сапогъ
Поколачиваютъ,
Ко любезной ко своей
Да приворачиваютъ.
Ты, любезная моя,
Не забыла ли меня (bis)?
Не болитъ ли голова?
Ужъ я рада бы забыть,
Не могу тебя избыть.

40.

По морю корабличекъ
Бѣжалъ, таки бѣжалъ,
По корабличку Васильюшка
Гулялъ, таки гулялъ,
Въ звончаты гусельцы
Игралъ, таки игралъ.
Поиграйте гусли въ мысли,
Вы теперича при мнѣ,
При Васильѣ молодцѣ,
При Ивановичѣ.
А Василья материна
Таки рѣчи говорила:
Полно Ваня перестань,
Прочь отъ дѣвushекъ отстань!
Родимая моя мать!

Да тебя меня не унять (bis),
За быстру рѣку гулять (bis),
Ко вдовушкѣ спобывать;
У вдовушки есть Катюша.
Ей любить таки любить,—
Брови черны соболины,
Очи ясны соколины,
А походочка павина,
Тиха рѣчь лебедина,
Она баетъ, рассуждаетъ,
Сверхъ погодой посыпаетъ.

41.

Милъ позднеенько приходилъ,
Гостинечки приносилъ,
Гостинечки прянички,
Корешочки яблочки.
Я гостинечки взяла,
Друга въ горенку свела;
Ужъ какъ въ горенку свела,
На постельку уклала.
Стала выспрашивать,
Стала вывѣдывать:
Почему ты милый любишь,
Али по дому моему,
По богатству большому?
Я за то тебя люблю,
За то жаловать хочу,
За умъ разумъ дорогой,
За обычай молодой.
Съ утра барочка въ отвалъ,
Ты сударушка прощай,
Ко Петрову дни не буду,
Къ Ильину дни подожди,
Привезу тебѣ подарокъ,
Подарочекъ дорогой,
Гранитуровый платокъ,
Не тащи другъ живота,
Не купи дѣвкѣ плата,
Купи золото колечко,
Чтобы ноню сердечко,
Занывало, замирало,
Тоски сердцу придавало.
Раззорился парень бѣдный,
Купилъ дѣвкѣ перстень мѣдный.—
Раззорился до конца

Купилъ мѣдныхъ два кольца:
На сударушка носи,
Золотаго не проси,
За мной взади не ходи,
Болѣ меня не люби.
Не любовница твоя,
Не любила никогда.

42.

Зелено вино въ карманѣ,
Сахаръ во бумажкѣ.
Зеленое вино пью,
Сахаръ на закуску,
Знаю у моего милаго,
Два сада зеленыхъ;
Во первомъ саду, садочкѣ,
Кукуеть кукушка,
Во второмъ саду садочкѣ,
Поеть птичка пташка,
Поеть пташечка прекрасна,
Разнымъ голосочкомъ.
Спишу пташинъ голосочекъ
На тонкой листочекъ,
Что на тоненькѣй листочекъ,
На бѣлу бумажку;
Отошлю я голосочекъ,
Въ дальный городочекъ,
Что во дальный городочекъ,
Своему милому:
Ты велишь-ли моя радость,
Щегольно ходить,
Ты умойся, уберися,
Баско снаряжися.
Не ходи, моя милая,
Къ сусѣду въ бесѣду;
У сусѣда во бесѣдѣ
Все сидятъ холосты,
У холоста глаза востры,
Сами завидуци,
Холость ходить,
Глазомъ вопить,
Изъ ума выходить,
На траву ступаетъ,
Разума нѣтаетъ,
Ума разума нѣтаетъ,
На дворъ вызываетъ,

Подарочекъ желаетъ,
Подарочекъ дорогой,
Персидскій платочекъ,
Во персидскомъ во платочкѣ,
Золото колечко.

43.

Ужъ ты вдовка, ты вдовка моя,
Вдовья, вдовина, побѣдна голова,
Твое личико разгарчивое,
Ретиво сердце доносливое.
Подяѣ рѣчку, подяѣ быстрюю рѣчку,
Стоялъ кустышекъ ракитовый,
На кусту-то соловеушко,
Соловей птица пѣсни поетъ,
Молодой принасмиваетъ,
Холостой приговариваетъ:
Поиграйте вы, дѣвушки,
Поиграйте молодушки,
Во своей волѣ у батюшки,
Что во нѣгѣ у матушки;
Скоро Сашу въ замужъ отдадутъ,
Скоро волюшка минуется,
Красота съ лица стеряется.
Ты каморочка, каморочка моя,
Мелкотравчатая, узорчатая,
Недавайся ты развертываться,
Что не князю, не боярину,
Не саму сыну купеческому;
Что купеческій сынъ,
Онъ и волюшку беретъ,
Онъ каморочку развертываетъ,
Вси узоры высматриваетъ.

44.

Противъ солнца на востокѣ,
Монастырь колья стоитъ,
Въ этой келейѣ монашенко спасается,
По утру рано встаетъ да наѣдается.
Что пошелъ чернецъ въ кабакъ.
Да свою ризку пропивать,
Свой клобукъ закладать,
Цѣловальникъ не прималъ,
Чернеца въ шею толкалъ:
Поди вонъ к а л у г е р ь ,
Твоя келейка пола,
Да незаперты ворота.

Незаложенные.
Дѣвка въ рошѣ грибы брала,
Чернеца-то не видала,
Ходитъ чернецъ по тропы,
Да въ высокому клубуки.

45.

Ужъ я горькая злосчастлива,
Уродилася несчастна,
Какъ же мнѣ-ка быть,
Во несчастьѣ жить,
Во несчастьицѣ мнѣ жить?
Печаль горе отложить,
Не стану тужить,
Я объ томъ тужить не стану,
Болѣ плакать перестану.
Една въ тебѣ лествъ,
Бить-любить тебя не буду,
Замужъ выдать-то не чаю,
Нѣтъ те жениховъ.
Сватался женихъ,
Изъ-за моря старикъ,
Девяносго лѣтъ,
Зубовъ во рту нѣтъ:
Хошъ люби, хошъ нѣтъ,
Эдака бѣда,
Любить старика.
Я бѣла свѣта отстану,
Любить старика не стану,
Либо утоплюся,
Либо удавлюся.

46.

Изъ Питера любезный
Письмецо мнѣ присылалъ,
Пишетъ милый дорогой
Объ любви объ своей.
Пишетъ милый ко мнѣ знать,
Чтобы я вышла гулять.
Я у батюшки спросилась,
У матушки доложила;
Позволенье мать дала,
Гулять съ миленькимъ пошла
Лишь успѣла выйти вонъ
Милъ стоять передо мной
Разговаривать со мной:
Много ждалъ я, дожидался,

Во дорожку отлучался,
 Не печалься, не тужи,
 Я сейчасъ буду сюды,
 Изъ Питера приѣду,
 Подарокъ привезу
 Атласу для прикрасу,
 Синетюру на салоппъ,
 На бѣлаю грудь цѣпочки,
 А на шею жемчугу.
 Благодарствуй, другъ любезный,
 Любишь, жалуешь меня,
 Не теряй своей любви,
 Мнѣ обида дорога.
 Я вѣчоръ была больна.
 На вѣтру долго стояла,
 Простудилась молода,
 Съ той простуды груди ломить,
 Голова моя болитъ,
 Безъ огня лицо горитъ.
 Ужъ мы сядемъ, посидимъ,
 На подружекъ поглядимъ:
 Ужъ вы дѣвушки,
 Подружки несчастливья,
 Только я една счастлива,
 Молода парня любила.
 По поступкѣ парень бравъ,
 По природѣ веселой,
 Онъ на личико красивъ,
 Гулять въ гости не спѣсивъ
 Чисто ходишь, гдѣ берешь,
 Дай расписку, съ кѣмъ живешь?
 Я росписки не даю,
 Съ кѣмъ гуляю не слажу.

47.

Какъ у нашего сусѣда
 Собрана была бесѣда
 Очень хороша,
 Весьма пригожа.
 Мнѣ случилось идти,
 Я не могъ мимо пройти,
 Постучаться сталъ.
 У окошка постучался,
 Со опасностію,
 Со великою,
 Дѣвки бросились въ окно,

Отвѣчали за едно:
 Съ кѣмъ ты тутъ стоишь,
 Съ кѣмъ ты говоришь?
 Я умѣлъ сказать: единъ,
 Ко воротамъ приходилъ;
 Дѣвки отперли ворота,
 Красны впустили меня.
 Въ свѣтлу свѣтилицу вошелъ,
 Все весельице нашель;
 Веселиться сталъ,
 Что по прежней по любви
 Забавляться сталъ,
 Дѣвка шутокъ не випла,
 Парня въ шоку оплела:
 Этакой дуракъ,
 Да разбессовѣсный,
 Ты проиграешь, просиѣешь,
 Меня въ замужъ не возмешь.

48.

По край быстрой было рѣчки,
 На прекрасномъ на мѣстечкѣ
 Стоялъ зеленъ садъ,
 Стоялъ виноградъ,
 Въ саду дѣвицы гуляли,
 Алы цвѣтики срывали,
 Вьютъ себѣ вѣнки,
 Вьютъ дороги;
 Свила дѣвица вѣнокъ,
 Во рукахъ держитъ цвѣтокъ.
 За рѣкой рѣкой
 Калиновый мостъ;
 По калинову мосточку
 Бѣжалъ Ванька, торопился,
 Калинъ мостикъ подломился.
 На сію бѣду,
 На Ванюшину,
 Перва мила подбѣжала,
 Бѣло платье поджимала,
 Зоветь во лѣсокъ:
 Пойдемъ Ваня во лѣсокъ
 На единый на часокъ
 На минуточку,
 Погуляемъ Ваня здѣсь,
 Пока воля для насъ есть,
 Съ полуночи часъ придеть,
 У насъ платье сухо будетъ,

Пойдемъ ко дворцу
Ко батюшкову.
Не дошедши до дворца
Цѣловала молодца:
Ты прощай, прощай милая,
Прощай радость дорогая,
Не забудь меня.
Я тогда тебя забуду,
Жива на свѣтѣ не буду;
Али въ замужь отдають,
Отдавають молодцу
На чужую сторону
Не заровнюшку
За старенькаго;
Мнѣ ко стараго любить
Горючи слезы ронить,
Плакать навсегда.

49.

Мнѣ во вѣкъ тоска не бывала,
Да вечеръ тоска напала,
Во всю ночь молода не сыпала,
Тесовая кровать простояла,
Соболиное одѣяло продержалось,
Все мила дружка да дождала,
Я насилу его да дождалася,
Я изъ горницы во горницу гуляла,
Я изъ свѣтлыя во свѣтлую ходила,
Всю хрустальную посуду разбирала,
Поболѣ стаканчикъ выбирала,
До полна я сладкой водкой наливала,
Я милу дружку да подавала,
Милу дружку да Иванушку:
Прими, выкушай душа радость, молодець,
На меня на красну дѣвку не надѣйся,
У меня красной дѣвицы безвременье,
Безвременье да раззоренье;
Меня батюшка да въ замужь отдаеть,
За такого за сякаго за урода,
Что ему ли уроду мной владѣть,
Что ему ли въ узорочье снаряжать,
Владѣть ли, не владѣть милу дружку.

50.

На горкѣ калина,
Въ подгорьѣ малина;
Тамъ дѣвица гуляла

Малинушку ломала,
Въ пучечки вязала,
Въ козаченька бросала.
Козаченька душа радость,
Дружекъ мой!
Слышу ѣдешь, душа радость, во походъ,
Ты возьми меня съ собой,
Я тебѣ буду слугой,
Пару коней уберу,
Овса, сѣна задаю,
За дубовъ столъ посажу,
Чаемъ, кофеемъ напою,
На кровать спать укладу,
Поцѣлую, обойму.—

51.

Изъ за барскаго двора
Выѣзжаетъ самъ халуй.
Дунай мой Дунай
Веселый Дунай *).

На встрѣчу халую
Сама барыня идетъ
Сама барыня идетъ,
За собой дочку ведетъ,
За собой дочку ведетъ
Сама спрашиваетъ:
Ты, разсукинь сынъ, халуй,
Ужъ ты гдѣ побывалъ,
Ужъ ты гдѣ побывалъ,
Да ты гдѣ ночевалъ?
Сударыня барыня,
Я у васъ на дворѣ,
Я у васъ на дворѣ,
Во высокомъ терему,
Во высокомъ терему,
Во горницѣ во новой,
Во горницѣ во новой,
На кровати тесовой,
На кровати тесовой,
Съ вашей дочерью родной.
Ты, разсукинь сынъ, халуй,
Зачѣмъ сказываешь?
Сударыня барыня,
Зачѣмъ спрашиваешь?
Ты, разсукинь сынъ, халуй,

*) Припѣвается послѣ каждой двухъ строкъ.

Со двора я вонь сгоню.
 Сударыня барыня
 Самъ съ охотою пойду,
 Самъ съ охотою пойду,
 Вашу дочку уведу.
 Сударыня барыня!
 Я вамъ дровецъ наколю,
 Я вамъ дровецъ наколю,
 Въ спальнѣ печку истоплю.
 Разукинъ сынъ, халуй,
 Я блиновъ те испеку.

52.

Дѣвки шили коверъ, да вышивали,
 Вышивали коверъ да говорили:
 Ты не вей гнѣзда да при долинь,
 Ты совей гнѣздо да при бесѣды,
 При которой бесѣды дѣвица сидѣла,
 Гдѣ-ко дѣвицы сидѣли, молодцы гуляли.

53.

Улкомъ шла, переулкомъ шла,
 Клубокъ ниточекъ нашла
 Клубокъ катится,—нитка тянется
 Клубокъ долѣ, долѣ, долѣ,
 Нитка тоне, тоне, тоне;
 Я за ниточку взялась,
 Моя нитка сорвалась,
 У заюшка, да у бѣляюшка
 Что ушки были долги
 Да ножки тоненьки,
 Зайка въ сторону скочилъ,
 Много золота хватилъ.—

54.

Собиралися ребяташки
 На одну они улицу,
 На единое крылечушко,
 Что одну думу думали,
 Единъ совѣтъ совѣтывали:
 Гдѣ-бы, гдѣ-бы намъ дѣвицу увидать,
 Гдѣ-бы, гдѣ-бы намъ красавицу увидать.
 Единъ молодецъ догадивъ былъ,
 Нарядился сѣрой козовькой,
 Пошелъ къ милой подъ окошечко.
 Увидала красна дѣвица-душа
 Увидала изъ косяцата окна:

Ужъ ты маменька, родимая моя,
 Пусти козу на надворьице,
 Ко матушкѣ въ нову горницу,
 Ко мнѣ молодой на тесовую кровать.
 Я не буду ни спать, ни дремать
 У козы была не козья стать,
 У козы молодеческой взглядъ,
 Рубашечка ситцевая,
 Жилеточка матерчатая,
 На шейкѣ гранитуровый платокъ.

55.

Изъ за лѣсу, съ крутыхъ горъ
 Подымались туча громъ
 Со великимъ дождемъ;
 Что со этаго дождя
 Да стала улица грязна (bis),
 Стала, Сашенька, дурна,
 Мнѣ пѣшкомъ идти нельзя.
 Я пѣшечкомъ не пойду
 Я извоичка найму,
 Я извоичка лихаго,
 Сама найду скрипача.
 Я не сяду съ тобой рядомъ,
 Я сердита на тебя,
 Хотя сяду съ тобой рядомъ,
 Въ глаза выговорю,
 За вчерашнюю обиду
 Дружка выругаю:
 Я за что тебя люблю,
 За что жаловать хочу?
 Ты послушай-ко невѣжа,
 Погадай-ко негодяй!
 Я за то тебя люблю,
 За то жаловать хочу:
 Я сидѣла за цвѣтами,
 Уливалася слезами,
 Уливалась, увѣрялась,
 Куда миленькій идетъ.
 Пошелъ, пошелъ мой милой
 Недалече ко иной,
 Ко Машенькѣ Долиной.
 Черезъ три поля бѣжала
 Безъ стыду ему кричала:
 Воротися, воротися!
 Воротися милый ко мнѣ,
 Язабыла те сказать, —

Если къ маменьгѣ пойдешь,
Не садись возлѣ меня,
Не гляди миль на меня,
Не гляди миль, не смотри,
Не любовница твоя.
Радъ бы, радъ бы не глядѣть,
Да мои глаза глядятъ,
Подлюбить тебя хотятъ.

56.

Заюшко по сѣнничкамъ
Дыбы таки, дыбы,
Сѣренькій по новенькимъ
Гулялъ таки, гулялъ,
Некуда заюшкѣ таки выскочити,
Некуда сѣрому выпрыгнуть.

57.

У нашего двора
Полно озеро воды.
Ай люли ай люли *)
Полно озеро воды
Съ берегами наровень,
Что во этомъ озерѣ
Молодецъ коня поилъ,
Молодецъ коня поилъ,
Ко воротамъ приводилъ,
Ко воротамъ приводилъ,
За колечико вязалъ,
За колечико вязалъ,
Красной дѣвицѣ сказалъ:
Красна дѣвица душа,
Сбереги добра коня,
Сбереги добра коня,
Не сорвалъ бы повода,
Не сорвалъ бы повода,
Повода шелковые,
Повода шелковые,
Удила серебряныя.
Красна дѣвица идетъ,
Словно павушка плыветъ,
Что на дѣвицѣ перо
Восемьсотъ рублей дано,
Восемьсотъ рублей дано,
Издальча везено,

*) Припѣвается послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

Издальча везено,
По любви дарено,
По любви дарено,
Да пожаловано.

58.

Ъхалъ мальчикъ изъ Казани,
Полтора ста рублей сани,
Восемьсотъ рублей дуга,
Мальчикъ дѣвушкѣ слуга.
Вы позволите, господа,
Мнѣ въ магазинъ сходить,
Плису, бархату купить,
Мнѣ-ко милой подарить.

59.

Черезъ рѣченьку жердяночка лежала,
Черезъ быструю жердяночка лежала.
Еще что въ торгу сдешевѣло?
Сдешевѣли въ торгу да мужиченки,
Еще сто мужиковъ да на одну колѣйку,
Полтора ста даютъ да на полушку.
Еще что же на торгу да вздорожало?
Еще сто рублей да една дѣвица,
Полтора ста да русокосая,
Полтретьяста да черноглазая.

60.

Мой миленькій, любименькій,
Брутымъ бережкомъ идетъ,
Радость пѣсенки поетъ,
Ко душѣ красной дѣвицѣ
Въ теремъ голосъ подаетъ,
Чтобы слышала мила,
Не дремала не спала,
На крылечко выходила,
Съ молодцомъ рѣчь говорила:
Здравствуй душечка молодчикъ,
Удалая голова!
Про насъ люди говорятъ,
Вси сусѣдушки бранятъ,
Любить дружка не велятъ.
Земляночка во дѣсѣ,
Остаюсь я видно здѣсь.
Отъѣзжаетъ миль въ Москву,
Оставляетъ всю тоску.

61.

Куревушка, курева
Закрутила, замела

Всѣ дорожки и пути,
Нельзя къ милому идти.
Я пошла по дрова,
Съ милымъ свидѣлася,
На ключъ по воду пошла,
Да поздоровалася:
Здравствуй, мой миленькій!
Въ гости гости,
Да не подалеча садись;
Люди нынѣшніе догадливые,
Накутять, накутять,
Съ милымъ дружкомъ разлучать.

62.

Дѣвица садочкомъ шла,
Раскрасавица зелененькимъ,
На ней платъе бѣлешенько,
Косыночка алешенька,
Въ правой рукѣ розовый цвѣтокъ,
Во лѣвой нѣмецкій аверокъ (вѣерокъ?),
Иверомъ дѣвка помахиваетъ.
На ней молодець поглядываетъ,
Со дѣвицей поговариваетъ:
Здравствуй, нѣжная, манежная моя,
Красота неучиненная твоя!
Ужъ я сколько бесѣдъ перешелъ,
Тебя лучше—краще не нашелъ;
Хоша лучше—краще тебя есть,
Во моемъ сердцѣ желанной такой нѣтъ,
По тебѣ моя сударушка,
Душа красна дѣвица.

63.

Молодость, молодость, дѣвичья красота,
Я не думала молодость измыкати тебя,
Измыкала молодость чужая сторона,
Чужа дальняя сторонка:
Въ чужихъ людяхъ живучись,
Много горя видучись;
По утру рано встають,
Да долго ѣсть не даютъ.
Я у бабушки, у матушки
Тѣшена дочка была;
Я безъ спроса безъ велѣнья,
Не ходила ни куда,
Я безъ рыбки ужъ не сяду,
Безъ калачика не съѣмъ,

Безъ милаго спать не лягу,
Безъ надежды не усну,
Хотя усну, во снѣ вижу,
Что сказали про милаго—
Милый не живъ не здоровъ,
Что сказали про милаго—
Милый безъ вѣсти пропасть;
Что недавно мой милой,
Вдоль по улицѣ прошелъ,
Шибко, громко просвисталъ,
На окошко проглядѣлъ.
На моемъ ли на окошкѣ,
Тамъ лежала да примѣтка,
Съ винограда вѣтка.

64.

Ужъ ты Танюша, Татьяна,
Таня горькая, несчастна,
Уродилася безчастна,
Не знаю какъ быть
Безъ милаго жить,
Безъ милаго безъ дружка,
Нападетъ печаль тоска.
Кину, брошу грусть—тоску,
Постоянно буду жить,
Единоа дружка любить,
Во несчастьѣ молодой жить,
Печаль горе отложить.
Не буду тужить,
Да себя крушить,
О пустомъ тужить не стану,
Слезно плавать перестану.
Все это пусты—наносны слова,
Не боюсь наносныхъ словъ,
Пошлю къ милому пословъ,
Чтобы побывалъ,
Хотя на малый часъ.
Идетъ милый въ вечеру
Огородой ко двору;
Шляпою махнулъ,
Головкой качнулъ.
Я завидѣвши милаго,
Не терявъ часу втораго,
Во зеленъ садъ пошла,
Къ милому зашла.
Поклонъ милому отдавши,

Цѣловались съ нимъ обнявши.
Сѣли на траву
Подъ яблонь въ саду,
Ужь я тѣмъ себя сгубила
Другу тайность объявила,
Что многихъ любила,
Впрежь да его.
На то милый осердился
Пошелъ, со мной не простился,
Сталъ меня бранить:
Эка дура навязалася,
Отдалъ бы тебя въ замужь,
Нѣту жениха,
Хоть стараго старика.
Какъ посватался женихъ,
Изъ Романова старикъ;
Девяносто лѣтъ
Зубовъ во рту нѣтъ.
(и т. д., какъ въ № 45).

65.

Я вечеръ въ гостяхъ гостила,
Во компаньицѣ была;
Я хорошаго молодчика
Во любовь себѣ взяла.
Мнѣ не стыдно съ нимъ водиться,
Можно радостью назвать (bis),
Въ компанью себѣ взять;
Въ поступкахъ политичень,
Тароватъ во всѣхъ дѣлахъ,
Въ убранствѣ, чистомъ срдѣ,
Право веселъ и хорошъ;
Онъ хорошъ пригожь и счастливъ,
Разговористъ на словахъ.
Между прочимъ разговоромъ
Прежде въ рѣчь меня водилъ;
Онъ пріятнымъ своимъ взоромъ,
Грудь мнѣ бѣлу прострѣливъ;
Прострѣливши, заразивши,
На колѣнки посадилъ.
Со колѣней меня снявши,
Танцовать съ собой просилъ:
Я не долго танцовала,
Милый руку больно жалъ.
Ужь я рукъ не отнимала,
Появился въ лицѣ жаръ.
Вышла въ сѣни простудиться,

Чтобы жаръ съ лица согнать;
Не слыхала, какъ жаръ вышелъ,
Милъ стоять предо мной,
Говорить рѣчи со мной,
Зоветь въ горницу съ собой:
Во горницу—въ свѣтлицу,
За дубовъ столъ посажу,
Стаканъ водки поднесу.
Чаю кофею не пью,
Во любовь съ тобой нейду,
Съ кѣмъ гуляю не скажу.

66.

Ужь я по полу хожу-таки хожу,
Я по миленькомъ тужу, таки тужу,
Я не знаю къ чему дружка приложить
Жемчугъ-дорогъ вѣсовой, вѣсовой,
Мой миленькій часовой, часовой.
Примѣню дружка къ перстенюку,
Перстенечекъ на руки, на руки,
Мой миленькій на уми, на уми.
Примѣню дружка къ соколу,
Соколъ птица вольная,
Мой миленькій у меня, у меня.

67.

Изъ подъ дубу, дубу, дубу,
Изъ подъ липова кореня,
Мое горе разоренье
Протекало скрозь рученье.
Что во этихъ ручеечкахъ,
Дѣвки мыли тутъ платочки:
Они мыли колотили,
Платокъ въ воду упустили.
Откуль взялся паренекъ,
Подавъ дѣвушкамъ платокъ.
Спасибо другъ тебѣ,
Ты помогъ моей бѣдѣ.
Завтра поздно въ вечеру,
Приди къ моему двору;
Что у нашего двора
Есть гулянье завсегда.
Въ саду дѣвушки гуляли,
Про любовь нашу не знали.
Отворяли ворота,
Запускали молодца.
Есть батюшка во пиру.

Есть матушка въ торгу;
Братецъ во гостяхъ,
Невѣстушка въ горестяхъ,—
Отъ того же въ горестяхъ.
У ей мужъ былъ, во гостяхъ.
На улицѣ дождь поливаетъ,
Въ теремъ дѣвокъ прибываетъ.
Хозяинъ волю даетъ,
Хозяюшка дозволяетъ.

68.

На улицѣ морозъ,
На печи-то лѣто;
Ты зачѣмъ сюда пришелъ,
Тебѣ дѣла нѣту.
Здѣшни дѣвки кралечки,
Любятъ сладки прянички,
Молодицы—сухари,
Всѣ ребята водку,
Водку пили, булку ѣли,
Гулять захотѣли.
Я на горочки стоялъ,
Да слезы катятся,
Мнѣ женитья велятъ,
Да мнѣ не хочется,
Мнѣ невѣсту даютъ,
Да мнѣ не глянется,
Хошь и глянется,
Да мною чванится.
Еще дюжъ мой-отъ мужъ,
Выѣхалъ на рѣчку,
Я молила кабы сдохъ,
Я поставлю свѣчку,
Я поставлю свѣчку салну.
Сама пойду въ спальну,
Въ спальнѣ сидитъ любчикъ,
Сизенькій голубчикъ,
Мы совѣтъ совѣтали,
Жеребій метали,
Кому деньги, кому платъе,
Кому красна дѣвка,
Иванушку щеголюшку,
Красна дѣвушка.
Что сказали про дѣвицу,
Не былъ не былицу,
Что сказали про дѣвицу,
Я но молодцу тужу.

Не тужи моя милая,
Я те не забуду,
Случай будетъ въ Питеръ ѣхать,
Привезу подарокъ,
Кумачу, китайки.
Кумачу я не хочу,
Китайки не надо,
Что китаечка не къ моду,
Кумачъ не на згону,
Привези мнѣ, сынъ отечкой,
Золото колечко
Ко красну крылечку,
Чтобы юкало колечко,
Взвеселило бы сердечко.

69.

Идетъ Ваня по угору,
На плечѣ несетъ кокору,
Эдаку матѣру,
Не для Саши, не для Маши,
Ради душечки Катюши.
Катерина выходила,
Веретена выносила,
Веретены не точены,
Не точены золочены,
У бурлака подарены.
Еще, Саша, бурлаки
Сертуки носятъ модные,
Верхохона то грязные,
Верхохона то въ артели,
Всѣ артели то проѣли,
На закускахъ всѣ проѣли,
На орѣшкахъ прощелкали,
На бесѣду поѣзжали,
На бесѣды заплясали,
Каблуки у ихъ отпали,
Домой уѣзжали,
Каблуки пришивали,
Къ сударушкамъ заѣзжали.

70.

Соряжается король,
Сподобляется животь,
Встаетъ въ утряхъ,
Раненько, ранешенько,
Утирается бѣленько,
Бѣлешенько,

Трется платочкомъ,
Бѣлымъ полотенцемъ,
Взявъ въ руки полотены,
На войну пошелъ,
Дѣвицъ смотрѣть,
Красныхъ примѣчать:
Котора же мила,
Котора дорога,
(имя) мила,
(отчество) дорога.

71.

Въ первой день понедѣльникъ,
Развеселый день во вторникъ,
Сива, сива середѣ свѣтъ,
Полевое въ четвертокъ,
Соловая была пятница,
Въ субботу во коверъ, во коверъ,
Въ воскресенье выводилъ, выводилъ.
Красна дѣвка горожаночка,
Въ городу дѣвка родилася,
Во посадѣ была взрошенная,
Пряниками она выкормленая,
Въ деревеньку въ замужъ выданная,
За хрестьянина богатаго,
За дѣтину тароватаго,
За (имя рекъ)

72.

Подлѣ рѣчку, подлѣ мостикъ,
Трава росла муравая,
Шуровая, шелковая.
Ужъ я въ три косы косила,
Ради дружка, ради гостя дорогаго,
Ради своего милаго, любезнаго.
Ты поѣдешь, моя радость,
Другъ жениться
Не на душечкѣ, на красной на дѣвицѣ,
На злощастной на вдовицѣ.
Какъ поѣдешь другъ жениться,
Приворачивай проститься,
Если ты не приворотишь
Другъ проститься,
Черезъ рѣченьку поѣдешь,
Другъ потонешъ,
Черезъ быструю поѣдешь
Обернешься,

Обернешься моя радость,
Захлебнешься,
Что тогда меня младешеньку вспомянешь:
Какова я молодешенька бывала,
По утру ранымъ ранешенько вставала,
На плечики салопчикъ надѣвала,
На головушку платочекъ навязывала,
На босу ногу башмачекъ надѣвала,
Я скорѣ того на рѣченьку бѣжала,
Черезъ рѣченьку платочикомъ махала,
Черезъ быструю голобочекъ подавала,
Чтобы ты мой милый догадался,
Догадался, воротился.

73.

Дѣтинушко, сиротинушко,
Будряватая головушка,
Будряватая, гладенькая,
Ты зачѣмъ поздно шатаешься,
Сиротиной называешься?
Вто-бы, кто-бы сиротинушку любилъ,
Кто-бы, кто-бы, ночевать пустилъ?
Сиротинушку дружка я люблю,
Сиротинушкѣ рубашку шью,
Тонку бѣленьку полотняную,
Дружку милому галунокъ золотой,
Что на свѣтѣ мой милый дорогой,
Сиротину на кровать спать поваю,
Сама-жъ лягу возлѣ его.
Сиротинкѣ много можется,
Животу, сердцу хворается;
Сиротинкѣ Богъ полегче даетъ,
Сиротинка сталъ похаживать,
Сталъ на дѣвушекъ посматривать,
Сталъ по плечикамъ потяпывать,
Что котора дѣвка бѣла и баска,
Стала у той дѣвки по молодцу тоска;
Что котора румянешенька,
Всегда молодцу радешенька;
Что котора дѣвка сбурится,
То дѣвка молодцу прилюбится;
Что котора поколачивать скобой,
Вы берите-тко ту дѣвку съ собой.

74.

Соловей мой, соловей,
Сизокрылый, молодой,
Чернобровый, веселой,

Соловей гнѣзда не вей
Край дорожки, край пути,
На ракитовомъ кусту,
На малиновомъ листу.
Кабы кустышекъ не милъ,
Соловей гнѣзда не вилъ,
Малыхъ дѣтокъ не плодилъ;
Кабы дѣвка не мила,
Не любилъ-бы я тебя,
Цѣловалъ и миловалъ,
Колечушкомъ подарилъ,
Серебряно колечко,
Перчатное сердечко,
Съ подзолотой перстенецъ,
Сушить крушить друженецъ.
У меня-ли у молодой,
Три забавы великихъ,
Есть три ленты широки:
Перва лента алая,
Безпечальна малая,
Втора лента вишная,
Прошла слава лишная,
Третья лента со кистями,
Идетъ милый со вѣстами:

85.

По мосту мосточку, по калиновому,
По калинову мосточку, по малиновому,
Тутъ и шелъ, прошелъ дѣтина,
Голубой на ѣмъ кафтанъ,
Изъ семи шелковъ кушакъ,
Да опоясался не такъ,
Золотымъ кистьемъ назадъ,
Пола машутся,
Разкамзетовый кушакъ,
Раздувается на ѣмъ.
Шиты-бранныя манжеты
Накрахмалены стоять,
Кругъ шейчки платокъ,
Словно аленькій цвѣтокъ,
Во карманчикъ второй,
Во тольянскій голубой,
Въ правой рукѣ тросточка камышевая,
Вокругъ тросточки ленточка пакетовая,
Молодецъ тростьемъ подпирается,

Пакетовой лентой похваляется:
Эта лента, эта лента,
Эта ленточка ала,
Да мнѣ сударыня дала.
Не ты-ль меня сударушка повысушила,
Повысушила, повыкрушила,
Спустила сухоту по моему животу,
Разсѣяла печаль, по моимъ яснымъ очамъ,
Заставила сударыня гулять по почамъ,
Что ночамъ, ночамъ, ночамъ,
Да по позднимъ вечерамъ,
Приневолила сударыня гостинички посить,
Гостинички сладки, прянички.

В. СВАДЕБНЫЯ.

1. Невѣстѣ.

Изъ за-лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за темнаго, дремучаго,
Тутъ летаетъ стадо сѣрыхъ гусей,
Сѣрыхъ, маленькихъ утицъ,
Какъ второе бѣлыхъ лебедей.
Неумѣла лебедушка
По мелкимъ ручьямъ да плавати,
По гусиному да кивати,
Лебединымъ тонкимъ голосомъ;
Еще начали сѣры гуси
Какъ бѣлу-то лебедь щипати,
Чго бѣла-то лебедь кивати:
Не щиплите вы сѣры гуси,
Сѣры маленькія утицы,
Не сама я къ вамъ залетала,
Не своею я охотою,
Злой великою неволею,
Занесли да вѣтры буйные,
Злы погодушки великія:
Не умѣла (имя невѣсты)
На головушкѣ управити.
Злой свекровушки уладити,
Еще начали чужи люди,
Богоданные родители,
Журить, бранить (невѣсту);
Какъ дѣвица стала плакати:
Не журите вы, чужи люди,
Богоданные родители,
Не сама я къ вамъ во дворъ пришла,

Что завелъ меня самъ младъ князь,
На своихъ онъ добрыхъ коняхъ,
На добрыхъ, на ступчивыхъ,

2. Жениху.

Что сказали не грозенъ (женихъ),
Что сказали не страшень,
Онъ грозенъ, грозенъ, немилостивъ,
Что гроза его великая,
Красота его неизрѣченная.
Онъ ходилъ, гулялъ по улицѣ,
Онъ ходилъ, гулялъ по широкой;
Заходилъ онъ ко тестю во дворъ,
Что ко тещѣ на новы сѣни,
Со новыхъ сѣней во горницу,
Во горницу за завѣсу
Души красной дѣвицы,
Ко княгинѣ первобрачной,
Ко невѣстѣ нареченной;
Бралъ ее за правую за руку,
Прижималъ рука о руку,
Целовалъ у ей значень перстень,
Съ дорогой модной ставочкой.
Тутъ дѣвица испужалася,
Душа красна перепалася:
Ужъ я какъ скажу батюшку,
Ужъ я какъ скажу матушкѣ?
Ужъ ты такъ скажи батюшкѣ,
Ужъ ты такъ скажи матушкѣ, —
Я брала свои золоты ключи,
Отмыкала окованы сундуки,
Вынимала черно плисово сукно,
Я кроила (жениху) кафтанъ,
Чтобы ему не дологъ былъ,
Чтобы ему не коротокъ былъ,
По подолу былъ растрюбистый,
По серѣдкѣ пережимистый,
По подпazuшкамъ перехватистый,
Чтобы онъ легко на коничка скагалъ,
Хорошенько разѣзживалъ.

3. Когда отдають невѣсту на чужую сторону.

Что ты, что ты сине море
Стоишь, не колыблешся?
Что ты, что ты березонька,

Стоишь, не шатаешься?
Что ты, что ты красна дѣвица (невѣста),
Сидишь, не разсмѣхнешся?
Мнѣ чему же разсмѣяться,
Мнѣ чему же радоваться.
Мнѣ ночесъ молодешенькой,
Мнѣ ночесъ мало спалосъ,
Мало спалосъ, во снѣ видѣлось,
Что на нашей улицѣ,
Что на нашей, на широкой,
Есть пустая хоромина,
Есть пустая, не крытая:
Углы прочь отвалилися,
По бревну раскатилися,
Отецъ мать отступилися,
Родъ племя отказалися.
Вы, подружечки голубушки,
Посудите, пожалуйста,
Если вы не присудите,
Я сама знаю, вѣдаю.
Молода я догодалася,
Что пустая хоромина,
Чужа дальная сторона,
Что пустая некрытая, —
Злодѣйка незнакомая,
Углы прочь отвалилися, —
Богоданные родители,
По бревну раскатилися, —
То чужи незнакомые;
По полу ходить гусыня, —
То свекровушка матушка,
На нечи то котиче лежить
Богоданный свекоръ батюшка,
Что по лавочкамъ ласточки, —
То деверьина братьяца,
По окошечкамъ то голуби, —
То голубушки сестрицы,
А во горницѣ ясенъ соколъ, —
То мой богосуженный.

4.

Что не павушка по двору ходила,
Не павины сизы перья ронила.
Что (имя невѣсты) по горницѣ ходила,
Что (отчество) по свѣтлой гуляла,
Ко стеклянному шкапу да подходила,
Со нѣмецкимъ замкомъ да говорила:

Ты нѣмецкій замокъ да отприся,
Кипарисная двѣрь да отворися,
Отець матушка да пробудитесь,
Ты сударыня моя да разбудися,
Мнѣ не вѣкъ же да у васъ вѣковать,
Мнѣ не годъ же да у васъ годовать.
Не весну-то у васъ да весновать,
Не лѣто у васъ да лѣтовать,
Мнѣ не осень у васъ да снаряжаться,
Не зиму у васъ да проклягаться,
Одну ноченьку осталось почевати;
Ужъ я какъ-же ей буду коротати,
Ужъ не стоя-ли ей да простояти,
Ужъ не сидя-ли ей да просидѣти,
Ужъ не стать-ли да Богу помолитися,
Съ отцомъ матушкой думу думати,
Съ подружечками да рѣчь говорить.

5.

Во саду, саду
Да эхи *).
Во зеленомъ во саду
Что подъ яблонью кровать,
Подъ кудрявой тесова,
На кровати перина,
На перинѣ зголовье,
На зголовьи молодець.
(Такой-то).
Еще около его,
Слуги вѣрные его.
Они ходять вокругъ него.
Обувають, разувають,
Распоясываютъ,
Спать укладываютъ,
Уговариваютъ:
Ужъ ты спи-тко спи (имя),
Спи (отчество) сударь,
Скоро часъ ночи прошелъ,
Скороходъ скоро пришелъ,
Скору вѣсточку принесъ,
Вѣсть не радостную.
Шелъ изъ-за моря корабь,
Съ чистымъ серебромъ,
Съ краснымъ золотомъ,
Съ скатнымъ жемчугомъ,
Съ красной дѣвицей душой.

*) Послѣ каждаго стиха.

Не могу я братцы встать,
Голова моя болить,
Кругъ сердечушка щемить,
Глаза не глядятъ,
Уста не говорятъ,
Резвы ноги не несутъ,
Бѣлы руки не берутъ.

6.

Если нѣтъ у невѣсты родныхъ.

Много, много у сыра дуба,
Много, много вѣтвей и повѣтвей,
Много листу зеленого
Только нѣтъ у сыра дуба
Золотой вершинки, позолоченой маковки,
Много, много у (имя рекъ) роду, племени.
Ближнихъ родителей, Больше милыхъ подружечекъ,
Порядовыхъ сусѣдушекъ,
Только нѣтъ у (имя рекъ),
Нѣтъ родителя батюшки,
Родительницы матушки.
При нынешнемъ времени
При сегодняшнемъ вечерѣ
Спорядить то младу не кому,
Благословить то некому,
Благословляетъ молодешенку
Восприемный крестный батюшко,
Споряжаетъ молодешеньку
Восприемна крестна матушка,
Выводилъ молодешеньку
Родимый братлеко,
Становилъ молодешеньку
До спорядна дубова стола,
Отдавалъ молодешеньку
(Имя) на руки,
(Отчество) на вѣки.

7.

На горы на высокой,
На красы на великой
Что построенъ храмъ божій,
Что въ томъ храму божьемъ
Два отрока вѣнчаются
Молодець со дѣвицей
(женихъ съ невѣстой).
Говорила, сиромолвила

Красная дѣвица:
Ужь ты свашенька,
Восприемна хрѣсна матушка,
Попроси государя батюшку
Обо мнѣ молодешенькой,
Спорядилъ бы ладнешенько,
Спроводилъ бы хорошешенько
Онъ меня молодешеньку
Въ послѣдній разъ, въ остаточный,

8.

Въ сентябрѣ, во первомъ мѣсяцѣ
При дѣвичьемъ большемъ вечерѣ,
Во палатѣ бѣлокаменной,
На стулѣ красна дерева,
На подушкѣ шита бархата,
Противъ зеркала хрустального
Противъ чистаго заморскаго
Чесалъ кудри (имя рекъ),
Расчесывалъ русы,
На расчесъ кудри раскладывалъ:
Ужь вы кудри, вы кудри мои,
Золоты кудри, серебряныя,
Черезъ волосъ позолоченыя.
Онъ дѣвицу (имя рекъ) заставлялъ,
Красавицѣ приказывалъ:
Ты дѣвица, завей мои кудри
Сявозъ серебряно колечушко,
Золотымъ веретешечкомъ.
Я не ваша сударь служечка,
Я не васъ же сударь слушаю,

9.

Течеть винная рѣченька,
Сахарная источинка,
По сахару рѣка текла
По изюму разливалась,
Далеко рѣка во садъ прошла,
Не далече во зеленый протекла,
До родителя до батюшки,
До родительницы матушки.
У родителя у батюшка, (имя рекъ)
Было умное дитятко,
Было умное разумное,
Было тихое смиренное.
Оно ходило, похаживало,
Гуляло погуливало,

По высокимъ новымъ горницамъ,
Изъ горницы въ шатеръ вошло
Къ удалому добру молодцу:
Она будила пробуживала:
Ужи ты встань душа, умный мой,
Я пришла къ вамъ, ни пить, ни ѣсть,
Я не чаю, кофею кушивать,
Я пришла къ вамъ разгуляться,
Во игры играть, во шахматы;
Обыграла красна дѣвица душа,
Удалого добра молодца,
Проигрался удалой молодецъ,—
Со правой руки значенъ перстень
Съ дорогою модной ставочкой,
Со финистыма заморскими,
Со работою Московскою,
Съ подзолотою Ярославскою.
Обыгралъ и ей удалой молодецъ,
Проигралася красна дѣвица душа,
Удалому добру молодцу,
Проиграла свою вольну волюшку,
Свою буйную головушку,
Со головки кунью шапочку,
Хазъ новязку красна золота,
Со присадкой скатни жемчуга.

10.

Холостымъ гостямъ.

У воротъ верешки,
У широкихъ точены,
Точены, золочены.
Не сами становились,
Становили плотнички,
Плотнички работнички,
Мастера корабельные,
Стружечки заморскіе,
Топоры литовскіе.
У молодца (имя) то кудри,
(Отчество) то русые.
Не сами кудри вились,
Не сами завивались;
Завивала маменька,
На козняхъ держала,
Тремя мылами вымыла,
Приговоръ говорила:

Ты расти, расти чадо,
Рости сынъ мой любезный!
Будь уменъ и разуменъ,
Бо дѣвицамъ пригляденъ,
Бо невѣстамъ счастливъ.

11.

Вдовамъ.

Чья это нива,
Нива безъ огорода?
Чей это высокъ теремъ,
Теремъ верхъ непокрытый?
Чьи это новы сѣни,
Сѣни безъ потолка?
Чья это кунья шуба,
Шуба безъ паволоки?
Чья это бѣдна вдова,
Чьи это малы дѣти?
Сговорила, спромолвила (имя рекъ):
Моя это нива,
Нива безъ огорода,
Мой это высокъ теремъ,
Теремъ верхъ непокрытый,
То мои новы сѣни,
Сѣни безъ потолка,
Это я бѣдна вдова,
Млада овдовѣла,
То мои малы дѣти,
Отъ отца малы остались.

12.

Женатымъ.

Что по сѣничкамъ, сѣничкамъ,
По частымъ переходинкамъ,
Тутъ ходила, гуляла младая боярыня,
Младая боярыня (такая-то).
Она на блюдечкахъ носила
Два яхонта шарчатыхъ,
Два алмазные запона,
Приговоръ говорила:
Ужь вы яфнты, яфнты,
Два алмазные запона!
Полежите малешенько,
Пока я малодешенька
Я найду въ нову горницу
Въ своему другу милому,
Бо пріятелю сердечному.

Гдѣ сидитъ мой сердечный другъ,
За столами за дубовыми
За скатертями перчатными,
Что за кушаньемъ сахарнымъ
За питьемъ за наливчатымъ?
Онъ сидитъ забавляется,
Онъ женой похваляется;
У меня жена умная,
У меня жена разумная;
Она ходитъ тихошенько,
Говоритъ по малешеньку,
У ней походка павлиная,
Тиха рѣчь лебединая. —

13. Новобрачнымъ.

Во горницѣ во новой,
Во свѣтлой столовой,
Стоять столы дубовы,
На столахъ ковры шелковы,
На коврахъ чара золота,
Полна меду налита,
Полна сладкаго, полна.
Еще кто эту чару наливаль,
Кто златую дополняль?
Наливалъ чару (имя),
Дополняль злату (отчество),
По горницѣ проходилъ,
По свѣтлой проступаль,
До умной доходилъ,
До разумной доносилъ,
До (имя и отчество):
Прими чару отъ меня,
Выпей (отчество) душа,
Золотую всю до дна,
Спороди сына сокола,
Станомъ возрастомъ въ меня,
Бѣлымъ лицомъ, другъ, въ меня,
Брови черна соболя,
Очи ясны сокола.
По горницы проходилъ,
По свѣтлой проступаль,
До умной доносилъ,
Выпей чару отъ меня,
Золотую всю до дна,
Спороди дочеръ бѣлу лебедь,
Станомъ возрастомъ въ меня,
Бѣлымъ лицомъ, другъ, въ себя,

Брови черна соболя,
Очи ясны сокола.

14. Когда женихъ приходитъ на вечеринку.

Долго, долго соколъ не бывалъ,
Долго, долго ясенъ не бывалъ,
Видно соколъ на горы леталъ,
Видно ясенъ высоко леталъ.
Долго, долго (имрекъ) не бывалъ,
Видно молодецъ въ Москву уѣзжалъ,
Какъ теперича противъ тестева двора,
Противъ тестева высока терема,
Воткнулъ копьемъ широки ворота,
Разнесъ ворота среди широка двора,
Среди двора батюшкова.

Ужъ мы по двору похаживали,
Нянюшки, мамушки погуливали,
Ужъ вы нянюшки, мамушки,
Вы (имрекъ) подруженьки,
Сбѣгайте спровѣдайте.

Ужъ и спать ли, не спать,
(Имя и отчество жениха)?

Я ночесъ молода,
Во всю ночь не спала,
Все его прождала,
Все уборъ радилла,
Я коверъ вышила,
На коня-то уборъ,
Тѣ коню красота,
На саняхъ-то коверъ,
Молодцу похвальба,—
Подъ ковромъ молодецъ,
Цѣлы ему нѣтъ.

15. Женатымъ.

Дымно, дымно въ полѣ,
Чадно, чадно въ чистомъ (припѣвъ).
У (имрекъ) дворъ,
Были трои ворота,
Во первые соколъ пролеталъ,
Во вторые скору ногу прогналъ,
Въ третьи самъ (имрекъ) проѣзжалъ,
Выходила (жена его) на крыльцо,
Махала тонкимъ бѣлымъ полотномъ:
Воротись душа назадъ,
Тебѣ радость скажу,
Тебѣ сына рожу.

Я для сына своего,
Не ворочаюсь назадъ,
Еще сынъ-отъ у меня,
Завсегда будетъ въ дому.
Воротись душа назадъ,
Тебѣ радость скажу,
Тебѣ дочи рожу.—
Я для дочери своей,
Ворочусь душа назадъ,
Еще дочи у меня,
Честна гостыюшка въ дому.
Тебѣ сына рожу.

16.

Ужъ по мосту, мосту
Да рай, рай, рай (припѣвъ),
По калиновому,
Тутъ бѣжала карета,
Карета золотая,
Пара коней воронныхъ,
Уздилла были, да золотые,
Кучера были лакеи молодые,
Что на кучерахъ кафтаны голубые.
Что во этой во каретѣ,
Что во этой золотой,
Тутъ сидитъ, душа дѣвица,
Тутъ дѣвица заручена,
Бнягиня первобрачна,
(Имя и отчество невѣсты);
Она жалобно плачетъ,
Жалобно причитаеть,
Свою волю вспоминаеть,
Свою вольную волю,
Свою нѣжную нѣгу:
Я у батюшки во воли,
Я у матушки во нѣгѣ,
Я у братцей во снаряждѣ,
Я у сестрицей во прохладѣ.
Мимо ту, мимо карету,
Мимо ту золотую,
Не соколъ пролетаетъ,
Не ясенъ пролетаетъ,
Молодецъ (имрекъ) проѣзжаетъ,
Бо кареты припадаетъ,
Онъ дѣвицу утѣшаетъ:
Ты не плачь душа-дѣвица,
Ты княгиня первобрачна,

Невѣста заручена,
Я изъ воли везу въ волю,
Я изъ нѣги везу въ нѣгу,
Изъ прохлады во прохладу,
Изъ снаряды ко снаряду,
Изъ веселья во веселье.

17.

Свѣтъ, наша обманщица,
Зла велика подговорщица,
Намъ сказала (невѣста):
Я сего года въ замужъ не иду,
Я на новый годъ не думаю идти,
Я пойду млада во келейку,
Постригуся я во старицы,
Ужъ я васъ молодыхъ подружичекъ
Я къ себѣ возьму въ клюшницы,
Я во клюшницы, въ сундушницы.
Ужъ какъ понича, теперича,
Пошла, пошла (имрекъ)
Не за князя, не за боярина,
Не за гостя торговаго,
Не за кушца здѣшняго города,
Не за хрестьянина богатаго,—
За молодца тароватаго.
Ты на что душа прельстилася,
На орѣшки ли, на прянички,
На изюмны, сладки яблочки?
Я прельстилася, красна дѣвица-душа,
На дородна добра молодца,
На его же на русы кудри.

18.

Не отъ вѣтра, не отъ вихоря
Воротечки отпиралися,
Веренчки пошаталися.
Она только услышала,
Бакъ бояра на дворъ взѣхали,
Она только увидѣла,
Что (имя же) вступилъ въ горницу,
(Отчество) въ свѣтлую,
Она тутъ испужалася,
Она тутъ перепалася,
Подломилась ножи рѣзвыя,
Опустились руки бѣлыя,
Помутились очи ясныя,
Прокатились горячи слезы изъ глазъ,
Во слезахъ слово молвила,

Въ возрыданьи рѣчь говорила:
Вотъ идетъ раззоритель мой,
Вотъ идетъ погубитель мой,
Вотъ идетъ расплести косу;
Вотъ идетъ отнять волю.
Ужъ не я же раззоритель твой,
Ужъ не я же погубитель твой,
Раззоритель твой батюшка,
Погубительница матушка;
Отнимали волю друженьки.

19.

Что не павушка пава,
Не павино перье ронило,
Не куна жалобилася,
Сестра брату милому,
Брату милому, любимому:
Ужъ ты братъ, братецъ мой,
Удалой добрый молодецъ!
Попроси сударь, братецъ мой!
Ты родимаго батюшку,
Ты родимую матушку,
Зачѣмъ рано воскручинилася
На меня молодешеньку,
На мою же буйну голову,
На дорогую дѣвью красоту,
На повязку красна золота,
Съ присадкой скатна жемчуга?
Ты сестрица родимая,
Не клади судьбу, жалобу
Что на брата на родимаго,
Ты клади судьбу жалобу,
На злодѣйку сватью большую,
На большую, лукавую,
На лукавую, вилявую,
На змѣю седмиглавую;
Она ходила, похаживала,
Не путемъ, не дорогою,
Хоботами змѣиными,
Тропами собачьими,
Она хвалила, нахваливала,
Богоданнымъ-то родителямъ;
Богоданны то родители,
Они добры были, ласковы,
Они ласковы, пріятливы.
Ужъ какъ понича, теперича,
Богоданны-то родители,

Недобры они, неласковы,
 Неласковы, неприятливы.
 Чтобы тебѣ сватьюшкѣ,
 Тебѣ пивомъ-то запитися,
 Балачемъ задавитися,
 Отъ насъ бы те уѣхати,
 Домой бы не доѣхати,
 Въ лѣсу бы заблудитися,
 Сѣрымъ волкомъ навйтися,
 Бѣлымъ зайномъ наскатися.
 Чтобы тебѣ сватьюшкѣ,
 Во печь бы провалитися,
 Тебѣ щами обваритися.

20.

Вился хмѣль въ огородѣ,
 Ищетъ хмѣль пространства.
 У (имя рекъ) домъ пространенъ,
 Горницы были большія,
 Подвалы широкіе,
 Окошечки частыя,
 Околенни свѣтлыя,
 Малы дѣточки игривыя,
 Хозяюшка веселая,
 Будто кунюшка увитая.
 Наливаетъ чару золотую,
 Поятъ гостей до пьяна,
 Чтобы вси пьяны напились,
 Домой бы поѣхали.
 У чужихъ воротъ колотилися,
 Къ намъ бы воротилися,
 Это намъ было бы честно,
 Честно было, не безчестно.

21.

Хитѣрь, мудѣрь первобрачный князь,
 Хитрый, мудрый его не было;
 Онъ ходилъ въ торги, да закупалъ шолки,
 Закупалъ шолки, да разноличныя,
 Разноличныя шолки, да шамаханскіе.
 Онъ плѣлъ съ шолковъ колыбелюшку себѣ,
 Онъ вѣситъ колыбелюшку на улицу,
 На улицу, да на широкую,
 На дорожечку, да на проѣзжую.
 На проѣзжую дорожку противъ тестева двора,
 Противъ тестева двора, высока терема,
 Противъ суженія предъ окошечко.
 Противъ ряженія предъ носачатое.

Садился Иванъ въ колыбелюшку себѣ,
 Садился Ивановичъ, онъ самъ говорилъ,
 Самъ говорилъ таковы словеса:
 «Ой вы всѣ друзья, всѣ товарищи мои,
 Двѣ друженьки, двѣ хоробрыя,
 Два молодца, два отобраные,
 Два брателка, да два названые,
 Два щоголя жаравовскіе:
 Подите-ко сюда да поскорешенько,
 Раскачайте колыбель мою порыше всѣхъ,
 Чтобы видѣть мнѣ подалше всѣхъ.»
 Еще что же моя суженая посуживаетъ,
 Еще что же моя ряженая поряживаетъ;
 Она золотомъ шьетъ, жемчугомъ ижеетъ,
 Съ руки на руку колечко перебрасываетъ,
 Сама кольцу приговариваетъ:
 Водю-ли, водю-ли ко двору пришла,
 Павою-ли, павою-ли я во дворъ зашла.
 Я на лѣсенку взлетѣла перепелышкой,
 По сѣнямъ шла красной дѣвицею,
 Въ нову горницу зашла молодежию,
 Ко свекру батюшку пришла я невѣстужкой,
 Ко свекрови матушки пришла я служаночкой,
 Я ко мужу-то пришла молодой женой,
 Я ко всей семьи пришла слугой вѣрною.

22.

Катилася карета
 Рѣю, рѣю, рѣю *),
 Что карета золотая
 Нара коней—вороные,
 Кучера молодые;
 Мимо ту ли карету,
 Соколы пролетаетъ,
 Не ясенъ просвѣтаетъ,
 Ко кореты припадаетъ,
 Княгиню утѣшаетъ,
 Первобрачну утѣшаетъ:
 Ты не плачь, не плачь княгиня,
 Не тужи первобрачна,
 Я изъ воли везу въ волю,
 Изъ гулянья въ гулянье,
 Изъ прохлады въ прохладу.
 Княгиня отвѣчаетъ,
 Первобрачна отвѣчаетъ:

*) Этотъ вариантъ изъ № 16 записанъ въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ Холмогорскаго уѣзда.

Еще чортъ будетъ неволя,
И въ Святой — негулянье.
Что будетъ воля:
По утру рано вставати,
Печка топяти,
Да каша варити,
Всю семью кормити,
Свекра да свекровку,
Деверя, золовку,
Да пятого мужа.
Еще гдѣ воля дѣвалась,
Гдѣ утерлась,
Въ лугу-ль загулялась,
Въ лѣсахъ ли заблудилась?

23.

Въ ожиданіи жениха на смотрѣнье *)

Долго, долго соколъ не бывалъ,
Долго, долго ясенъ не бывалъ;
Вѣрно соколъ за горы улетѣлъ,
За высоки ускакалъ.
Какъ сказали, Иванъ зеленѣ вина не пьетъ,
Какъ сказали, Иванычъ въ ротъ не беретъ?
Еще мало по мало вѣсть на дворъ,
Вѣсть на дворъ, вѣсть не радощна
Къ тестю батюшку, да къ тещѣ матушкѣ.
Еще вашъ-то Иванъ въ царевѣ кабакѣ,
Зеленѣ вино пьетъ, безъ просыпу спитъ, не про-
будитце.

Мало по мало втора вѣсть на дворъ,
Вѣсть на дворъ, вѣсть та радощна
Ѣдетъ Иванъ съ каменной Москвы
Ѣдетъ онъ съ славной ярмарки;
Еще конь подъ нимъ полтора ста рублевъ,
Уборъ на кони пятьдесятъ рублевъ,
Боверъ на саняхъ-то другіе пятьдесятъ,
Молодецъ на саняхъ, то цѣны ему нѣтъ.
Въ правой руки илѣточка шолковая,
Во лѣвой руки копье, двадцать пять рублевъ дано
Заѣхалъ Иванъ средь ширѣка двора,
Средь двора середь батюшкова.
Онъ ткнулъ копьемъ въ широкіе ворота,
Онъ отнесъ ворота средь широка двора.
Онъ скрычалъ, скрычалъ громкимъ голосомъ своимъ:
Вы хорошія побойскія дѣвушки,

*) Вариантъ въ № 14, записанный также въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ.

Вы хорошія побойскія молодухи,
Вы сбѣгайте, попровѣдайте,—
Еще спитъ ли, нѣтъ Анна моя?
Ежели спитъ, не будите вы ей,
Ежели не спитъ, посылайте сюда.
Горазна Анна отвѣтъ держать,
Горазна Анна отщаживати:
Ужъ я сплю, не сплю и къ нему нейду,
Право Иванъ всю ночь не спала,
Все уборы рядилѣ, коверъ вышилѣ,
Этотъ уборъ-то коню красота,
Этотъ коверъ, молодцу похвальба,
Молодцу похвальба, людемъ завидость.

24.

По приѣздѣ невѣсты отъ вѣнца *).

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за темнаго, дремучаго,
Лѣтитъ стадо сѣрыхъ гусей,
Что второе бѣлыхъ лебедей.
Отставала лебедушка
Прочь отъ стада лебединаго;
Пряставала лебедушка,
Что ко стаду, ко сѣрымъ гусямъ;
Не умѣла лебедушка,
По мелкимъ ручьямъ плавати,
По гусиному кикати;
Начали гуси щипати,
Бѣла лебедь стала кикати,
Не щиплите вы, сѣрые гуси,
Не сама я къ вамъ залетѣла,
Занесло меня погодою,
Злой великою невзгодою;
Завезли меня добры кони,
Добры кони Михайловы,
Наступчивы Ивановичевы.

Г. В И Н О Г Р А Д Ь Е **)

I.

Для женатыхъ.

Мы ходили, мы гуляли,
По Мезени городу,
Мы ходили, мы искали,
Господиновъ дворъ,

*) Вариантъ къ № 1 записанный въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ.
**) Припѣвъ: виноградьє красно-зеленое.

Господиновъ дворъ,
На семидесяти столбахъ;
Что на каждомъ столбушкѣ,
По свѣчкѣ горить,
Что на каждой на свѣчкѣ,
По жемчужинкѣ.
Повелижь, сударь хозяинъ,
Ко твоему двору прійти,
На красно крыльцо взойти,
По новымъ сѣнямъ пройти,
Въ свѣтлу свѣтлицу взойти,
Противъ матицы встати,
Виноградѣ спѣти.
Что во далечемъ далечѣ, въ чистомъ полѣ,
Что еще того подалѣ, да на украинкѣ,
Тутъ стояла яблонь кудреватая,
Что подъ той ли же подъ яблонью кудреватую,
Испостроена кроватка слоновыхъ костей, зубья
рыбьяго,

Ножи точеныя, позолоченыя,
На кровати периночка пуховая лежить,
Зголовьице косецаемое,
На зголовьицѣ подушечка пуховая лежить,
Наволочки тафтяныя,
На перины одѣяло черныхъ соболей лежить,
Опочивъ держать (такой-то) господинъ,
Онъ съ своей, со душой, со (такой-то) госпожей,
Про межъ ними катается злаченъ перстень,
Дума крѣпкая, слово тайное,
Слово тайное, необъявленное.
Они думали думу заединую,
Ясна сокола сряжали,
По поднебесью пушали,
Черновыжлака сряжали,
Во темны лѣса спущали.
Черенъ корабль сряжали,
Во сине море спущали,
Черновыжлак-то бѣжить,
Онъ кунницъ, лисицъ тащить,—
Это моей госпожѣ, на кунью шубу;
Какъ ясенъ соколъ летить,—
Лебедь бѣлую тащить,
Это моему хозяину, на почестенъ столъ,
На возрушанье, на во вкушанье;
Какъ черенъ корабль бѣжить,

Живота много тащить,—
Это моему хозяину, на житье бытѣ, на богатство.
Хозяинъ во дому, какъ Адамъ во раю,
Хозяюшка въ дому, какъ аладейна въ меду,
Малы дѣточки въ дому, какъ пряженчки въ меду
За тѣмъ, здравствуешь хозяинъ,
Всему дому господинъ,
Со любезными гостями,
Хоть бы съ нами молодцами,
Хозяинушко, нашъ батюшко,
Ты раздѣлайся добромъ,
Принеси вина ведромъ,
Намъ по рюмочкѣ винца,
По стаканчику пивца,
На закуску калачка.
(На забаву дѣвицу,—припѣваютъ нѣкоторые).

2.

Для холостыхъ.

Во соборѣ у Михаила Архангела
Зазвонили часто раннюю заутреню Рождественскую,
Ото сну ли молодецъ (такой-то) просыпается,
Со великою хмѣлины пробуждается.
Онъ встаетъ молодецъ со кровати сотесовы,
Со перины со пуховы,
Во софьянныя сапожки обувается,
Ключевой свѣжей водой умывается,
Тонкимъ бѣлымъ полотенцемъ утирается,
Въ кунью шубу да одѣвается.
Надѣваетъ на главу да черну шляпу пухову.
Что пошелъ, то пошелъ добрый молодецъ да
Божию церковь.
Тамъ встаетъ молодецъ на правую на руку,
Да ко правому крылосу.
Онъ и крестъ-отъ кладетъ да по писанному,
Онъ поклонъ-отъ ведетъ да по ученому
Отъ желанья богомолецъ Богу молится,
На всѣ стороны четыре покланяется.
Въ три ряды тутъ завивались кудри молодца:
Во первой разъ завивались чистымъ серебромъ,
Во второй разъ завивались краснымъ золотомъ
Во третьей разъ завивались скатнымъ жемчугомъ
Вся бояра и купцы сдвигали молодцу:
Не заря ли добра молодца спородила,
Что не младъ ли свѣтелъ мѣсяцъ вспоилъ, вскормилъ
Не часты ли ярки звѣздки звосіяли молодца?
Ужь вы глуныя бояра, неразумны христіане!

Ужь какъ бы то заря спородила молодца,
Ужь какъ бы то часты звѣзды снарядили молодца?
Спородила молодца родна матушка (имя),
Вспоилъ вскормилъ роденъ батюшка (имя),
Снарядила молодца красна дѣвица (имя),
Знать те молодцу жениться пора,
На хорошей, на пригожей, красной дѣвицѣ-душѣ
(такой-то).

Намъ не дорого ни злато, ни серебро,
Дорога наша любовь молодецкая:
Злато серебро минуется,
Молодецкая любовь да не забудется,
Хоть забудется, да вспомнится.
Затѣмъ здравствуешь, хозяйнѣ
(и т. д. какъ въ предыдущей пѣснѣ).

3.

Для дѣвушекъ.

Во далечемъ далечѣ, во чистомъ полѣ,
Что еще того подалѣ по украинѣ, на приталинѣ,
На крутомъ бережку, на желтомъ песку,
Тамъ стоялъ, постоялъ бѣлъ полотнянъ шатеръ,
Бѣлъ полотняннй шатеръ, столы дубовые,
Столъ дубовый, ножки точеныя, позолоченыя,
Что за этимъ за столомъ сидитъ красна дѣвица
душа (имя).
Во рукахъ она держитъ тонко бѣло полотно о че-
тырехъ углахъ,
Первый уголъ вышивала: свѣтелъ мѣсяцъ со
звѣздами,
Второй уголъ вышивала: красно солнце съ ма-
ревами,
Третій уголъ вышивала: круты горы со лѣсами,
Со лѣсными со звѣрями,
Четвертый уголъ вышивала: сине море съ кораблями,
Со бѣлыми парусами, со алыми со флагами,
Съ удалыми молодцами,
Въ серединѣ вышивала всю Россію со людьми,
Со божьими со церквами,
Со попами, со дьяками, со причетниками,
Съ отцемъ съ матушкою.
На той стороны, на крутомъ берегу,
Тутъ и шель-то прошелъ удамой молодецъ (такой-то);
Онъ куницами, лисицами обвѣшался,
Онъ чернымъ бобромъ опоясаяся,
Вострымъ копьемъ подпирается,
Небылыми онъ рѣчами похваляется:

Ужь я былъ бы и былъ на той стороны,
На той стороны, на крутомъ берегу,
На крутомъ берегу, на желтомъ песку,
Разбилъ бы, разнесъ бѣлъ полотнянъ шатеръ,
Ужь я вывелъ бы, вывелъ красну дѣвицу душу,
Ужь я вывелъ бы, вывелъ за правую руку,
Я повелъ бы, повелъ во божью церковь,
Я принялъ бы принялъ законъ божій-отъ.
(Окончанье такое же какъ въ предыдущихъ пѣ-
сняхъ).

Д. РОЖДЕСТВЕНСКІЕ СТИХИ *)

1.

Днесъ пресвѣтлая
Небу и земли царица,
Христа царя рождаетъ,
И млекомъ его питаетъ,
Пеленами увиваетъ,
Въ ясли полагаетъ
Звѣзда пути являетъ,
Надъ вертепомъ сіяетъ;
Волсви же пониже
Христу царю придоша,
Трои дары принесоша:
Злато, ливанъ, смирную,
Вещь предивную.

2.

Достойно есть удивленія,
Духовнаго веселія,
Нынѣ звѣзда явился,
На востокъ остановился,
Паче свѣтъ свѣту произвѣщаетъ,
Бога нашего на земли являетъ,
Тако дождь нарушнѣтъ,
Тако смиренно Господь на землѣ приидеть,
Отъ пречистыя Дѣвы Маріи,
Родися яко младенецъ
Пеленами повиванъ,
Горніе дивятся,
Земные о томъ веселятся,
Вкупѣ возрадуются.

*) Поются дѣтми, которые ходятъ на Рождествѣ со звѣздою. Печатаемы здѣсь стихи, но замѣчанію записавшаго, лучшіе изъ слышанныхъ имъ; есть такіе, въ которыхъ нѣтъ никакого смысла.

3.

Днесъ Христово рожденіе,
Веселимся здѣсь,
Благодати есть.
Хвалу Богу начнемъ пѣть.
Въ полу на землѣ звѣзда,
Ангели пастыри
Возвѣстили новорожденнаго,
Бога нашего,
Царь же Иродъ,
Во всемъ мірѣ,
Мірѣ намъ явился,
Богъ царь, отъ дѣвы Маріи
Надъ вертепи родися.
Во всемъ мірѣ,
Младенцемъ побили,
Били, сѣкли, ругали,
Лежить тако воронковъ,
На поляхъ снопокъ,
Маткамъ ручки заломили,
Водосы деруть,
Мира мируютъ,
Жадостны матки,
Соболи дѣти.

4.

Новая радость,
Во всемъ мірѣ,
Мірѣ намъ явился,
Богъ царь, отъ дѣвы Маріи,
На земли родися,
Дайте, воспѣвайте,
Возыграйте,
Дай Богъ вамъ,
Вамъ господамъ
Господиновымъ женамъ,
Скупно здраствовать,
Вивать, вивать,
Многая лѣта.—

Е. ПРИЧИТАНЬЯ.

1.

На могилѣ.

Я иду бѣдна—злосчастна,
На крѣпкое домовище,
Во родителю ко матушкѣ,
Катеринѣ-то Ивановнѣ.

Расколися мать сыра земля,
Откройся гробова доска,
Раскинись саванъ бѣлой,
Росчепитесь руки бѣлы,
Отъ ретиваго отъ сердечка,
Вгляните очи ясны,
На меня бѣдну злосчастну,
Проговорите уста сахарны,
Со мной бѣдной злосчастной.
Немогла бѣдна злосчастна,
Не упросить, не умолить,
Закатилось солнце красно,
За круты горы высоки
И за лѣса дремучи.
Не освѣтитъ мѣсяць ясный,
Да не обогрѣетъ солнце красно,
Не проговорить родитель
Со мной бѣдною злосчастной.
Вѣрно съ той пути дороженьки
Нѣтъ ни вѣсти, ни павѣсти,
Ни коннаго, ни пѣшаго,
Ни скорописчатой-то грамотки.

2.

Въ домѣ.

Родитель мой, маменька,
Ты куда снарядилась,
Ты куда да сподобилась,
Въ котору путь дорожечку,
Въ котору да незнакому?
На кого меня оставила,
На кого меня спокинула,
На круту ли гору высокую,
На крѣпку-ли стѣну каменну,
На родителя на батюшка,
На Кипріяна Ивановича?
Ты родитель мой батюшка,
Неоставь меня, не сповинь.
Безъ денной моей печальницы,
Безъ почной богомольницы.

3.

Въ церкви.

Вы, попы, отцы духовные,
Церковные служители,
Вы попойте-ко подолѣ,
Почитайте-ко по болѣ,

Ужь намъ дайте наглядѣться,
Ужь намъ дайте пасмотрѣться,
На родителя, на маменьку,
На Ографену Киприановну
Въ останной разъ, послѣдній.

Ж. РЕКРУТСКІЯ.

1.

Во деревнѣ злой народъ живетъ,
Злой народъ, безсовѣстный,
Не дають-то съ дружкой въ пожить,
Въ любви пожить, живота нажить,
Кроватку купить, кровать новую тесовую,
Перину пуховую, одѣялышко черно-соболиное,
Занавѣсочки модно ситцевыя.
Запустѣла моя кроватушка
Безъ удаленькой головушки,
Безъ дородна, добра молодца,
Безъ надежиньки дружка милаго.
За три годика сердце слышало,
За недѣльку все спровѣдало,
За три деничька все сказало мнѣ:
Отдають-то дружка во солдатушки,
Во солдатушки новобраные.
Хорошо дружка снарядили,
Далеко его спроводили,
Что за три поля широкія,
Что за три моря глубокія.
Среди матушки каменной Москвы,
Что не братъ съ сестрой распрощаются,
Что не мужъ съ женой расставаются.
Разстается красна дѣвица
Съ удалымъ добрымъ молодцомъ.

2.

Воля ты моя, волюшка,
Отъ весны воля до осени:
На осень воля означится,

Волюшка призначится,
Время пристанется;
На осень будетъ солдатчина,
На три города російскихъхъ:
На первый городъ на Маморфисъ,
На второй городъ на Верейскій,
На третій городъ на Ворецкій,
На сиротскихъ малыхъ дѣточекъ,
На дѣтей на маленькихъ,
Что отдають ихъ въ солдаты новобраные,
Одѣвають въ мундирушки, шляпы солдатскія.

3 *).

Ужь ты воля, наша воля,
Со весны воля до осени,
Волюшка до-осени.
На осень будетъ большой наборъ,
На три города губернскіе,
На первой городъ Архангельской,
На другой городъ Саратовской,
На третей городъ на Вологду,
На Волынскіи славны вотчины,
На сиротскихъ малыхъ дѣтушекъ.
У сиротскихъ малыхъ дѣтушекъ
Ни огца цѣту, ни матери,
Повезуть ребятъ въ солдатушки,
Во казенную палатушку,
Забривать будутъ ребятушкамъ
Волосы кудрявые,
Скидывать будутъ сибирочки,
Надѣвать будутъ шинелочки,
И все сѣрья.
Ахъ прощайте дѣвки, бабы,
Намъ теперя не до васъ,
Во солдаты везутъ насъ,
Во солдатушки поѣдемъ,
Съ горя пѣсни запоемъ,
Съ горя ноженъки не носятъ,
Глаза на свѣтъ не глядятъ.

*) Вариантъ, записанный въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ.

У. ПѢСНИ ПИНЕЖСКІЯ.

А. ВЕЧЕРИНОЧНЫЯ.

Пѣсни эти исключительно поются на вечеринкахъ *).

Молодые ребята собираются въ домъ, гдѣ хотя-собратъ вечеринку, предварительно сдѣлавши складчину на покупку свѣчъ и на уплату за помѣщеніе вечеринки; посылаютъ малолѣтнихъ ребятъ закликать, т. е. приглашать дѣвушекъ. Часовъ въ 8 или въ 9 собираются дѣвушки. Обрядовая сторона вечеринки не заключается въ себѣ ничего особеннаго, далеко не сложна, а скорѣе монотонна и утомительна. Дѣвушки сидятъ въ нерѣшимости, посматриваютъ одна на другую, перешептываются и видимо желаютъ, какъ бы поскорѣ нашелся такой смѣльчакъ, или смѣльчанна, которые бы затянули пѣсню. Наконецъ, послѣ долгихъ колебаній, запѣвается пѣсня, лица оживляются.

Больше всѣхъ предпочитается игра въ пары. Она производится такъ: нѣсколько дѣвушекъ, выйдя на середину избы, выбираютъ каждая себѣ по личному своему вкусу и желанію молодца, и потомъ, взявшись съ молодцами рука за руку, запѣваютъ пѣсню, идутъ одна пара за другой и, когда одна изъ нихъ дойдетъ до конца комнаты, молодецъ оставляетъ дѣвицу, идутъ оба, по сторонамъ идущихъ впередъ паръ, назадъ, чтобы опять сойтись и идти за послѣднею парю и т. дал. По окончаніи пѣсни, тѣ дѣвушки, которыя приглашали молодцовъ, садятся на свои мѣста, а выбранные ими молодцы заступаютъ ихъ мѣсто и поступаютъ совершенно такъ же. Такъ идетъ весь вечеръ.

Существующія другія игры: «Заянко», «По морю» и проч. не пользуются ни репутаціей, ни особымъ расположеніемъ отъ матушекъ, которыя, отпуская дочерей своихъ на вечеринку, долгомъ считаютъ вдолбить имъ въ голову, что это непотребныя игры. «Вишь нонѣ

*) Предлагаемыя здѣсь вечериночныя пѣсни жителей Пинежскаго уѣзда суть по большей части собственно хороводныя пѣсни, утравшія свой первоначальный характеръ вмѣстѣ съ переходомъ веселыхъ и разнообразныхъ хороводныхъ игръ, приуроченныхъ къ этимъ пѣснямъ въ другихъ губерніяхъ, въ монотонныя вечериночныя игры жителей Пинежскаго уѣзда.

П. Ефименко.

какія дѣвки-то стали», говорятъ они при этомъ случаѣ «и въ пѣсняхъ-то у нихъ все дружки да душеньки».

Вотъ пѣсни, сопровождающія игры въ пары. Онѣ помѣщены здѣсь въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ поются:

1.

Не нападывай пороша 2
На талую землю, 2
Что на талую на землю, 2
Въ Петрово говѣнье, 2
Что въ Петровое говѣнье 2
Въ перво воскресенье. 2
Что по той бѣлой пороши, 2
Шель Ваня хорошій, 2
Шель Иванушко хорошій, 2
Бѣлой кудряватою, 2
Ваня бѣлой кудряватою, 2
Холость не женатой. 2
Зажимаетъ праву руку, 2
Ко бѣлому снѣгу, 2
Зажимаетъ, самъ бросаетъ, 2
Къ Парани въ окошко: 2
Ты поиди, выйди Параня, 2
Выйди Парасковья; 2
Есть у батюшка гости, 2
У матушки гостья, 2
Есть у братьяца подъячи, 2
У сестеръ дѣвицы, 2
У сестрицы есть дѣвицы, 2
У Парани Ваня. 2
Я шутя Вани сказала, 2
Взаболь отказала, 2
Пошелъ Ванюша не весель, 2
Голову повѣсилъ, 2
Пошелъ Ванюша печалень, 2
Головою качаетъ, 2
Самъ головушкой качаетъ, 2
Себѣ размышляетъ; 2

Ужъ я какъ буду жить, 2
Кого полюбити, 2
Миѣ стара баба любить, 2
Стыдно къ ней ходити, 2
Миѣ мужня жена любить, 2
Убитому быти, 2
Молода вдова любить, 2
Денежно носить, 2
Брасну дѣвицу любить, 2
Щегольно ходити, 2
Хоша щегольно ходити, 2
Дѣвицу любити. 2

2.

Изъ подъ ели, ели, ели 2
Течеть рѣчка быстра, 2
Течеть рѣченька быстренька, 2
Водица мутненька, 2
Миѣ нельзя воды пить, 2
Нельзя почерпнути, 2
Миѣ нельзя жены бить, 2.
Нельзя поучити, (2)
Ужъ я билъ жену часъ (2)
Самъ плакалъ недѣлю, (2)
Исприплакалъ ясны очи, (2)
По четыре ночи, (2)
По четыре темны ночи, (2)
Темныя осенни. (2)

3.

Вечеръ соколъ,
Вечеръ ясенъ
Сыры боры (3) облѣталъ,
Алексѣюшно,
Свѣтъ Яковлевичъ,
Свои нудри (2) свои русы расчесалъ;
Дарьюшкѣ,
Свѣтъ Матвѣевнѣ
Два словечка (2), полдесятка сказалъ: (2)
Дарьюшка,
Свѣтъ Матвѣевна,
Взгляни радость (3) на меня;
Коль я хорошъ,
Коль я пригожъ
Наливная ягодка, наливна сахарная. (2)

4.

На первой было на меленькѣ,
Да на второй на серебряной,
Золотая была черпаница,

Да серебрянна вычерпальница,
Да какъ Дарья воду черпала.
Да Матвѣевна вычерпывала.
Не побережку конь бѣжить,
Не по крутому сивой вороной,
На конѣ сидитъ удалой молодецъ,
Да по имени Алексѣй молодецъ,
По отчеству Яковлевичъ господинъ;
Онъ-то плеточкой посвистываетъ
Стременами пошевеливаетъ,
Ко двору приворачиваетъ,
Да ко двору, да все ко батюшкову:
Да ты Дарья отворяй ворота,
Да ты Матвѣевна встрѣчай молодца,
Ты бери коня за поводъ,
Ты отдай коня конюхамъ,
Накорми коня пшеницею,
Да напои его водицею.

5.

Сѣнокосъ сѣно косилъ,
Да водовозъ воду возилъ,
Ой калина, да ой малина!
Алексѣй то сѣно коситъ,
А какъ Дарья воду возитъ,
Ой калина, да ой малина!
Алексѣй-то приспотѣлъ,
Да испить воды захотѣлъ,
Ой калина, да ой малина!
Алексѣй-то таровать,
Да за чѣмъ долго не женатъ.
Ой калина, да ой малина!
А какъ Дарья лебедь бѣла,
Миѣ жениться не велѣла,
Ой калина, да ой малина!
Миѣ жениться не велѣла,
За меня за мужъ хотѣла.
Ой калина, да ой малина!

6.

Подъ кустомъ олень,
Люли, люли!
Подъ ракиновымъ олень,
Люли, люли!
Не озябъ-ли олень,
Люли, люли!
Не окутать ли олень?
Люли, люли!

Съ молодца рукавца,
Люли, люли!
Съ молодца эпанча,
Люли, люли!
Съ красной дѣвицы платокъ,
Люли, люли!
Потерялся перстенецъ
Люли, люли!
Со Дашинной руки.
Люли, люли!
Нроявился перстенецъ
Люли, люли!
У Якова во дому,
Люли, люли!
У Алексѣя на рукѣ,
Люли, люли!
Ты, Алепинка, соколъ,
Люли, люли!
Ты отдай перстенецъ,
Люли, люли!
Ты, Дашенька, душа, 2
Люли, люли!
Когда будешь уменя,
Люли, люли!
Перстень будетъ у тебя,
Люли, люли!

7.

На улицѣ диво,
На широкой было,
Чернечекъ ты мой,
Чернецъ молодой!
На широкой было,
Варилъ чернецъ пиво,
Чернечекъ ты мой,
Чернецъ молодой!
Я пиво сливала,
Меня разнимало,
Бросалась хмѣлинка,
Во ручьки, во ножки,
Во ручьки, во ножки,
Во буйну головку,
Во буйну головку,
Во ретиво сердечко,

Не дасть мнѣ стрехнуться,
Не дасть взворохнуться,
Я пойду стрехнуться,
Встану взворохнуться,
Пойду взворохнуса,
Съ милымъ распрошуся,
Чернечекъ ты мой,
Чернецъ молодой!

8.

Посѣяли дѣвки лень, 2
Ходи браво, гляди прямо, говори, что дѣвки лень
Посѣяли въ огородъ, 2
Ходи въ огородъ
Во частичкой во новой, 2
Ходи во новой
Повадилса въ этотъ лень, 2
Ходи лень
Дѣтинушка, парень молодой, 3
Ходи молодой
Со льну цвѣтискъ сорывалъ, 2
Ходи сорывалъ,
Въ Дунай рѣчку побросалъ,
Ходи побросалъ
Дунай рѣчка непримать, 2
Ходи непримать,
Во бережку прибивать, 2
Ходи прибивать,
Во бережку ко круту, 2
Ходи ко круту,
Во желтому ко песку, 2
Ходи ко песку,
Во сѣрому камешку; 2
Ходи камешку.
Въ сѣромъ камнѣ искры нѣтъ, 2
Ходи нѣтъ,
Въ своей жены правды нѣтъ, 2
Ходи нѣтъ;
Въ чужой жены правда вся,
Ходи вся:
Куплю своей жены лапотки, 2
Ходи лапотки
Чужой жены башмачки, 2
Ходи башмачки

Своей жены костычекъ, 2
Ходи костычекъ,
Чужой жены сарафанъ, 2
Ходи сарафанъ;
Носи, жена, береги, 2
Ходи береги.
По праздничкамъ годовымъ, 2
Ходи годовымъ,

9.

Изъ подъ дубу, изъ подъ вязу,
Изъ подъ липова коренья,
Ой калина, да ой малина!
Изъ подъ липова коренья,
Протекала сквозь рученье,
Ой калина, да ой малина!
Что во этомъ ручеенкѣ,
Мыли дѣвушки платочки,
. !
Онѣ мыли, колотили,
Платокъ въ воду обронули,
. !
Еще кто-бы-то тому,
Моему горю помогъ,
. !
Выискался паренекъ,
Подаль дѣвущикѣ платокъ.
. !
Какъ спасибо, другъ, тебѣ,
Что помогъ моей бѣдѣ,
. !
Завтра поздно ввечеру,
Ступай къ нашему двору,
. !
Какъ у нашихъ у воротъ,
Все гуляницы живѣтъ,
. !
Еще дѣвушки гуляютъ,
Про любовь нашу не знаютъ.
. !
Запускала молодца,
Въ домѣ не было отца,
. !
Какъ тятинька во торгу,
А маменька во пиру,
. !
Родной братецъ во гостяхъ,

Невѣстуха въ горестяхъ,
. !
Отъ того въ горестяхъ,
Что сидитъ мужъ во гостяхъ,
.
А сестрица въ терему,
Она не скажетъ ни кому.
Ой малина, да ой малина.!

10.

Нападала порошица,
Нападала молодинька,
Что на землю на талую.
На траву на муравую,
На цвѣточки лазуревы;
Что по той по порошицѣ,
Что по той по молодинькой,
Не бѣлъ зайшко скачетъ,
Не бѣляюшко пляшетъ.
Еще скокъ, поскокъ зайко,
Скокъ по чистому полю,
По широкому раздолю,
Еще хлынь по хлынюшки:
Выбирай селезюшки,
Себѣ ростомъ дородствомъ,
Себѣ нарвень обычемъ,
Брасотою дѣвичьей.
Зайко, зайко, загуляйко,
Загулай, душа, дѣтинка!
Въ саду ягода малинка.
Приходилъ вечеръ не рано,
Приносилъ даровъ не мало,
Двадцать пять рублей въ карманѣ,
По четыре рубля въ штофѣ,
Мнѣ на пару гранитуру,
На вторую дародору,
Мнѣ на третью каленкору,
Мнѣ на шею шаль бухарску,
На головушку платочникъ,
Модной, аленькой цвѣточикъ.

11.

Я вечеръ въ гостяхъ гостила,
Во компаніи была,
Я хорошаго молодчика,
Во любовь себѣ взяла;
Мнѣ не стыдно съ нимъ водится,
Можно радостью назвать,

Во кампанью себѣ взять,
Онъ хорошъ собою, славенъ,
Весьма ласковъ на словахъ,
Изъ поступки парень бравой,
Тароватъ по всемъ дѣламъ;
Между прочимъ разговоромъ,
Прежде въ рѣчь меня вводилъ,
Пріятнымъ своимъ взоромъ
Грудь мнѣ бѣлу прострѣлялъ,
Прострѣлявши, заразивши,
На колѣни посадилъ.
Я не много посадила,
Танцовать съ милымъ пошла,
Я не много танцовала,
Милой крѣпко руку жалъ,
И руки не отымала,
Проявился въ лицѣ жаръ.
Вышла въ сѣни простудиться,
Чтобы жаръ съ лица согнать,
Не успѣла выдти вонъ,
Милъ стоитъ передо мной,
Милъ стоитъ передо мной,
Разговаривать со мной:
Ужъ ты вѣжная, манежная сударыня моя.
Да не-ты-ль меня сударушка повысушила,
Безъ морозу ретиво сердце повызнобила,
Спустила сухоту, да по моему животу,
Разсѣяла печаль по моимъ яснымъ очамъ,
Заставила ходить по чужой сторонѣ,
Приневолила любить чужемужнюю жепу.

12.

На улицѣ дождь поливаетъ, 2
Во деревнѣ дѣвокъ прибываетъ, 2
Дѣвушки повграйте! 2
Молоды молодки не плошайте! 2
Вы, молодежь, не глядите! 2
Гляженьемъ дѣвушекъ не возмешь:
Взять, не взять съ полюбви, 2
Съ батюшкова дозволенья, 2
Съ матушкина позволенья. 2
Сохнетъ по дѣвушкамъ дружочикъ, 2
Тоненькой осиновою листочикъ, 2
Машинька дочь офицерска, 2
Вышла за мужъ за енерала 2
За енерала молодого, 2
За молодого, холостаго, 2

Иѣшъ опа къ обѣдни не ходить, 2
Все она на коничкахъ гуляетъ, 2
Конички вороные,
Извощички молодые, 2
На нихъ кафтаны голубые. 2

13.

Мнѣ во вѣкъ тоска не бывала, 2
Мнѣ вечеръ тоска нападала, 2
Во всю ночь молода не сыпала, 2
У тесовыя кровати простояла, 2
Соболино одѣяло продержала, 2
Все мила дружка дождала, 2
Все мила дружка Иванушка; 3
Я на силу его дождалася, 2
Я изъ горницы во горницу ходила, 2
Я изъ свѣтлицы во свѣтлицу гуляла, 2
Я раскрашены шкапы отпирала, 2
Я хрустальную посуду разбирала, 2
Я по больше стокашикъ выбирала, 2
Пополнѣ сладкой водкой наливала, 2
Я милу дружку подавала; 2
Поди, выкушай душа, доброй молодчикъ, 2
Отъ меня огъ красной дѣвки стаканъ водки,
На меня на красну дѣвку не надѣйся, 2
У меня у красной дѣвки безвременье, 2
Безвременье, разореньеце, 2
Раззоряетъ меня матушка родная,
Отдаваетъ за такого, за сякого, 2
Да ему-ли уроду мной владати? 2
Да ему-ли узорочьемъ снаряжати? 2
Ужъ владать, не владать кому иному, 2
Своему дружку любезному! 2
Я котораго во дѣвицахъ любила, 2
Золотымъ витымъ колечкомъ дарила; 2
За колечюшко маменька бранила, 2
За серебряно сударыня журила, 2
Ты куда, шельма, колечко дѣвала? 2
Прости, маменька, виновата! 2
Вечеръ долго по сядику гуляла, 2
Золоту, виту капустку поливала, 2
Между грядъ кольцо обронила, 2
Нелюба моя подружка находила, 2
Своему дружку подарила, 2
Своему дружку Иванушку. 2

14.

Черезъ поле у сосѣда,

Собрана была беседа,
Очень хороша!
Весьма пригожа!
Случилось мнѣ идти,
Я не могъ мимо пройти,
Сталъ до постояль! 2
У окошка постучался,
Во стекольце побречалъ,
Со опасностью,
Со великою!
Дѣвки бросились въ окно,
Отвѣчали за одно,
Съ кѣмъ милой стоишь?
Съ кѣмъ говоришь?
Я сказавшись, что единъ,
Къ воротикамъ подходилъ,
Дѣвки отперли!
Красны впустили!
Въ нову горницу зашелъ,
Все весельице нашелъ,
Веселиться сталъ!
Забавляться сталъ!
Стало молодцу обидно,
Едною дѣвицы не видно,
Котору желалъ,
Прежде цѣловалъ!
Я помѣшавши маленько,
Бѣжить дѣвица скоренько,
Ты моя милая,
Свѣтикъ дорогая,
Я по старой по любви,
Началъ шуточки шутить,
Заигрывать! 2.
Дѣвка шутокъ невзлюбила,
Во глаза парня ругать,
Что ты за дуракъ!
Что ты за свинья!
Ты проиграешь, просиѣшь,
Меня за мужъ не возьмешь,
Куда я пойду!
Куда побяду!
Отдають молодцу,
На чужу сторону,
Не заровнюшку!
Не заровнюшку!
Не заровней Машѣ жить,
Горючи слезы ронить,

Плакать завсегда!
Плакать завсегда!
Не плачь, Машенька моя,
Не забуду я тебя.
Возьму за себя!
Возьму за себя!
15.
Ты утушка луговая, 2
Луговая! 2
Ты молодка молодая 2
Молодая! 2
Гдѣ ты ночесъ ночевала? 2
Ночевала? 2
Ночевала во садочку, 2
Во садочку! 2
Подъ ракиновымъ кусточкомъ, 2
Подъ кусточкомъ! 2
Подъ малиновымъ листочкомъ, 2
Подъ листочкомъ! 2
Наши люди веселые, 2
Веселые 2
Пинежанки игромья, 2
Игромья! 2
Брали парня молодого, 2
Молодаго! 2
Не жената, холостаго, 2
Холостаго! 2
На улицѣ мятелица, 2
Мятелица! 2
Кутить, мутить, въ глаза мечеть, 2
Въ глаза мететь! 2
Меня милой дружекъ кличетъ, 2
Дружекъ кличетъ! 2
Василь, Василь, Васильчикъ, 2
Васильчикъ! 2
Василь миленькой дружочикъ, 2
Вотъ дружочикъ! 2
16.
Что, Ваня, не бѣлелъ, не румилъ?
Гдѣ, Ваня, румянецъ потерялъ?
А-ли на дорожки обронилъ?
А-ли красной дѣвкѣ подарилъ
Бѣлая румяная моя!
Все, радость печальна за все а:
Тужишь ли, плачешь обо мнѣ
Все я по тебѣ, милой, тужу,
Темные ночи мало сплю;

Вес я надзираю надъ тобой,
За твой за хорошій приговоръ,
Лапушка, за ласковы слова,
Свѣтель, за пріятливыя!
Помнишь, какъ гуляли мы съ тобой?
Щипали, ломали виноградъ,
Вѣточки бросали мимо садъ,
Летѣли соколы мимо насъ,
Видѣли въ садочку двое насъ.
Лапушка мнѣ до того:
Пилъ бы я пиво и вино,
Жилъ бы я съ милой хорошо.
Съ пивушка головушка болитъ,
Съ вина просыпанье тяжело.
Есть на насъ не другъ супостатъ,
Съ нами въ одной улицѣ живетъ,
Все на насъ кутить и мутить,
Все на насъ наказываетъ,
Свѣтикъ наговариваетъ:
Дуня такова и сякова,
Авдотьюшка этакова,
Дуня у чужихъ воротъ стоитъ,
Дунюша Ванюшу манитъ:
«Подъ, подъ Иванушко дружокъ,
Подъ, подъ малиновой душекъ,
Я тебѣ словечушко скажу,
Я тебя колечкомъ подарю!»
То Вани честь и хвала,
Дунюша три платка дала,
Авдотья пожаловала,
Первымъ платкомъ шелковымъ,
Вторымъ полушелковымъ,
Третьимъ миткалиновымъ платкомъ. 2

17.

Зелено вино въ кармашкѣ, 2.
Сахаръ во бумажкѣ! 2.
Зеленое вино выпьемъ, 2.
Сахаромъ закусимъ! 2.
Промежду собой братаны, 2.
Совѣтъ совѣтали, 2.
Они совѣтъ совѣтали! 2.
Жеребей метали! 2.
Кому деньги, кому платье, 2.
Кому красна дѣвка! 2.
Доставались деньги Мишкѣ, 2.
Цвѣтно платье Гришки! 2.

Иванушку щеголюшку, 2.
Красная дѣвица! 2.
Какъ у моего милого, 2.
Два сада зеленыхъ: 2.
Во первомъ саду, садочку, 2.
Дѣвица гуляетъ; 2.
Во второмъ саду, садочку, 2.
Поетъ пташка пѣсни, 2.
Она поетъ, воспѣваетъ, 2.
Разнымъ голосочкомъ. 2.
Кабы знала, я списала, 2.
Этотъ голосочикъ, 2.
Что на тоненькой листочикъ, 2.
На бѣлу бумажку, 2.
Что на бѣлу на бумажку, 2.
На гербовъ листочикъ; 2.
Я пошлю эту бумажку, 2.
Въ разны городочки. 2.
Ты велишь ли, моя радость, 2.
Щегольно ходити, 2.
Ты ходи, моя милая, 2.
Ходи наряжайся! 2.
Не ходи, моя милая, 2.
Ко сосѣду на бесѣду! 2.
У сосѣда на бесѣды, 2.
Все сидятъ холосты! 2.
У холостыхъ глаза востры, 2.
Сами завидущи! 2.
Холостъ глазынькомъ наводитъ, 2.
Изъ ума выводитъ! 2.
Черны брови подымаетъ, 2.
На дворъ вызываетъ! 2.
Онъ на дворъ-то вызываетъ, 2.
Подарокъ вымаетъ! 2.
Онъ подарочокъ вымаетъ, 2.
Персидской платочикъ! 2.
Во персидскомъ во платочкѣ, 2.
Золото колечко! 2.

18.

Какъ у моего милого, 2.
Четыре примѣты, 2.
Что первая то примѣта 2.
Его лице бѣло, 2.
Что втора его примѣта, 2.
Волосы кудрями. 2.
Что третья-то примѣта, 2.

Шубочка съ морхами, 2.
Что четвертая примѣта 2.
Шапка съ козыречкомъ 2
Загануть лите любезна 2.
Шесть загадокъ: 2.
Еще что же дѣвица, 2.
Выше лѣсу? 2.
Еще что же дѣвица, 2.
Краше свѣту? 2.
Еще что же дѣвица, 2.
Безъ кореня? 2.
Еще что же дѣвица, 2.
Безъ замочку? 2.
Еще что же дѣвица, 2.
Безъ цвѣточку? 2
Еще что же дѣвица, 2.
Безъ любви? 2.
Не прогнѣвайся любезной, 2.
Все я отгадаю: 2.
Выше лѣсу, любезной, 2.
Свѣтель мѣсяць 2.
Краше свѣту, любезной 2.
Красно солнце; 2.
Безъ кореня, любезной, 2.
Сѣрой камень, 2.
Безъ замочку, любезной, 2.
Быстра рѣчка 2.
Безъ цвѣточку, любезной, 2.
Полынь травка 2.
Безъ любви, любезной, 2.
Мы съ тобою 2.
Научить ли тя, любезна, 2.
Какъ ко мнѣ ходити? 2
Не дорогою ходи, 2.
Ходи переулкомъ; 2.
Не ступенями ступай, 2.
Соколомъ лѣтай 2.
Не воротами во дворъ, 2.
Ходи подворотней, 2.
Не языкомъ говори, 2.
Соловьешъ свищи. 2.

19.

У воротъ дѣвка стоитъ,
Да въ бѣломъ лицѣ жаръ горить.
Ай люли, ай люли!
Да въ бѣломъ лицѣ жаръ горить,

На што, миленькой сердить,
Да ничего не говорить,
Ай люли, ай люли!
Ничего не говорить,
Ничего неговорить?
Да въ зеленъ садъ гулять манить?
Ай люли, ай люли!
Да въ зеленъ садъ гулять манить.
Пойдемъ дѣвица во садъ,
Да раскрасавица гулять,
Ай люли, ай люли!
Раскрасавица гулять.
Сорвемъ съ травоньки цвѣтокъ,
Да со муравоньки алыи,
Ай люли, ай люли!
Да со муравоньки алыи,
Мы завяжемъ цвѣтокъ,
Да во тальянской во платокъ,
Ай люли, ай люли!
Да во тальянской во платокъ.
Во тальянскій ли платокъ.
Во нѣмецкой узелокъ,
Ай люли, ай люли!
Да въ нѣмецкой узелокъ.
Мы положимъ узелокъ,
Да на кроватку въ уголокъ,
Ай люли, ай люли!
Да на кроватку въ уголокъ.
Мы помѣшкаемъ немножко,
Попоровя часокъ,
Ай люли, ай люли!
Попоровя часокъ.
Мы развяжемъ узелокъ,
Да посмотримъ на цвѣтокъ,
Ай люли, ай люли!
Да посмотримъ на цвѣтокъ,
Еще вянетъ ли, не вянетъ ли,
Да нашъ розовый цвѣтокъ.
Ай люли, ай люли!
Да нашъ розовый цвѣтокъ?
Еще тужить-ли, не тужить-ли,
Мой миленькой дружокъ,
Ай люли, ай люли!
Да мой миленькій дружокъ?
Тужить, тужить обо мнѣ,
На чужой на сторонѣ,
Ай люли, ай люли!

На чужой на сторонѣ;
На чужой на сторонѣ,
Да во матушкѣ во Москвѣ,
Ай люли, ай люли!
Да во матушкѣ въ Москвѣ.
Во матушкѣ въ Москвѣ,
Да въ Нѣмецкой улицѣ,
Ай люли, ай люли!
Да въ Нѣмецкой улицѣ,
Во Нѣмецкой улицѣ,
Сидятъ дѣвки въ горницѣ,
Ай люли, ай люли!
Сидятъ дѣвки въ горницѣ;
Онѣ сидятъ, разсуждаютъ,
Дружка въ Питеръ спровожаютъ,
Ай люли, ай люли!
Дружка въ Питеръ спровожаютъ.
На добра коня садятъ,
Въ стремена ноги кладутъ.
Ай люли, ай люли!
Въ стремена ноги кладутъ.
Въ стремена ноги кладутъ,
Въ руки поводъ подають.
Ай люли, ай люли.
Въ руки поводъ подають,
Онѣ сами дружечку
Наказываютъ,
Ай люли, ай люли!
Да наказываютъ:
Ты гуляй, гуляй дѣтинка,
Не загуливайся,
Ай люли, ай люли!
Не загуливайся!
На хорошихъ да на баскихъ,
Не засматривайся!
Ай люли, ай люли!
Не засматривайся!
Какъ хороши да баски,
Часовы не вѣковы,
Ай люли, ай люли?
Часовы не вѣковы,
А я худинька, худа,
Вѣковѣчная твоя,
Ай люли, ай люли!
Вѣковѣчная твоя,
Вѣковѣчная твоя,
Да подвѣчная жена,

Ай люли, ай люли!
Да подвѣчная жена;
Ужъ я слушаю тебя,
Послушаю молодца,
Ай люли, ай люли!
Послушаюсь молодца.

20.

Что подъ бѣлою,
Да подъ березою,
Дѣвка съеть, высѣваетъ,
Рѣшетомъ конопле:
Уродися добрѣ,
Конопелышко;
Что не долго, не коротко,
Въ саду вишенье,
Да людямъ слышанье.
Захотѣли меня,
Что за стараго отдать,
За стараго, за сѣдатаго,
За семейнаго, за дѣтейнаго.
Кому тошно по насъ,
Тотъ и будетъ у насъ,
Кому не тошно,
Тому не по что.

21.

Вы дѣвицы красавицы,
Люли, люли!
Вы сидите, не дремите,
Люли, люли!
Молодежь скоро подкатить,
Люли, люли!
Молодежь непроста,
Люли, люли!
Все цыганы, да ваганы,
Люли, люли!
Нинежскіе братаны,
Люли, люли!
Алексѣюшко прикатить,
Люли, люли!
Еще Дарьюшку подхватить,
Люли, люли!
Поцѣлуешь, обойметъ,
Люли, люли!
Онъ своею назоветъ
Люли, люли!

Дарьюшка моя душа

Люли, люли!

Замѣню вездѣ тебя.

Люли, люли!...

22.

Простучало, прогремѣло,

Сыпѣ боярской проѣзжалѣ,

Калина, калина, калинушка моя!

Выходила Катерина

За новыя ворота.

Ты пожалу-ко милой

На широкой ко мнѣ дворѣ,

Ты пожалуй-ко милой,

Въ нову горенку со мной,

Ты пожалуй-ко милой

Въ теплу спаленку со мной;

Скинь-ко шляпу да сертукѣ,

Повѣсь, милицкой, на крюкѣ.

Какъ на эвототъ на злой часѣ

Мужъ изъ Питера тотчасѣ.

Что у тя, Катюша,

За конь вороной?

Что за конь вороной,

За уборѣ золотой?

Я вчера въ рынокѣ ходила,

Ворона коня купила.

Ворона коня купила,

Триста семьдесятъ платила.

Что у тя, Катюша,

За шляпа, за сертукѣ?

Вчера гости у мя были,

Сертукѣ, шляпу позабыли.

Въ нову спаленку зашелѣ

Молода парня нашелѣ

Что у тя, Катюша,
За купчикѣ молодой?

Вчера поздно вечерочкомѣ
Сиротинушка пришелѣ;

Неужели сиротинку
Не напоить, не накормить?

Напоила, накормила
Во дорожку спроводила;

Во дорожку проводила,
Слезно плакала по немѣ.

Что у тя, Катюша,
Призаплаканы глаза.

Вчера у маменьки была,
Моя маменька больна.

Калина, калина, калинушка моя!

23.

Голубица надѣ водицей,

Голубѣ надѣ водою,

Хорошая, любезная

Говори со мною.

Говори, радость, со мною,

Какъ братецѣ съ сестрою.

Говори, радость, не тайся,

Въ тоску не вдавайся.

Тоска придетѣ, горе найдетѣ,

Послы скоро будутѣ;

Послы будутѣ, вѣсти скажутѣ,

Что я самѣ прибуду,

Что я самѣ скоро прибуду,

Все самѣ перебаю.

Ужѣ ты все сидишь въ компаньи,

Ничего не знаешь.

Ужѣ мы пьемѣ, ѣдимѣ во здравье:

Здравствуй, моя радость!

Здравствуй радость дорогая,

Утѣха другая!

Во саду-ли, въ огородѣ

Дѣвица гуляетѣ:

Невозможно про то вѣдать,

Чья она такая.
Она писаря шветскаго *)
Всячески ругаетъ,
Молодого офицера
Весьма восхваляетъ.
Ты, раскурвинь шветскій писарь,
Что въ гости не ходишь?
Ужь ты, что въ гости не ходишь.
Гостинцевъ не носишь?
Радъ бы, Машинька, ходити,
Нечѣмъ мнѣ дарити.
Я поѣду, душа Маша,
Самъ въ Питеръ гуляти.
Привезу я, душа Маша
Дорогой подарокъ,
Дорогой парчи на юбку,
Глазету на шубку.

25.

Бжала кума,
Люли, люли!
Изъ за кумова двора,
Люли, люли!
Повстрѣчалася бѣда,
Люли, люли!
Поломалася дуга,
Люли, люли!
Сорвалися гужи,
Люли, люли!
Гужи шелковые,
Люли, люли!
Полушелковые;
Люли, люли!
Да еще мой-то мужъ дуракъ
Люли, люли!
За охотою ходилъ,
Люли, люли!
Перепелочекъ ловилъ;
Люли, люли!
Изловилъ голубка,
Люли, люли!
Сизокрыльнаго,
Люли, люли!
Сизоперинькаго.
Люли, люли!
Сизокрылой голубокъ

*) Вѣроятно, сельскаго.

Люли, люли!
Сизы перышки расправь,
Люли, люли!
Буда хошь полетай.
Люли, люли!

26.

Мимо Пашеньку Шинкова,
Мимо Сеньку Бузнецова,
Ай, люшеньки, съ полюли,
Мимо Сеньку Бузнецова.
Алексѣй тутъ проѣзжалъ,
Да Дарью просвѣщаль,
Ай, люшеньки, съ полюли,
Да Дарью просвѣщаль!
Онъ не столько просвѣтилъ,
Сколько Дарьи подарилъ:
Ай, люшеньки, съ полюли,
Сколько Дарьи подарилъ
Модну юбку, модну шаль,
На головушку платокъ,
Ай, люшеньки, съ полюли,
На головушку платокъ.
На головушку платокъ,
Да нарученьку перстенежъ.
Ай, люшеньки, съ полюли,
Да нарученьку перстенежъ!

27.

За тынью, 2
За тынью, за рѣчкой быстрою, 2
Выгоню я, 2
Выгоню я, пару голубей, 2
Голубь-то у насъ, 2
Голубь-то у насъ, Алексѣюшка, 2
Сизой-то у насъ, свѣтъ Яковлевичъ 2
Голубка при немъ 2
Голубка при немъ, свѣтъ Дарьюшка 2
Сизая при немъ 2
Сизая при немъ, Матвѣвна,
Сайдутся они, 2.
Сойдутся они, обоймутся, 2.
Свидятся они, 2.
Свидятся они, поцалуются, 2.
Они прочь пойдутъ, 2.
Они прочь пойдутъ, поклонятся.

28.

Какъ сказали про дѣвицу

Небыль, не былицу,
Будто я, красна дѣвица,
По молодцѣ тужу!
Не тужи, мая милая,
Тебя не забуду,
Случай будетъ въ Питеръ ѣхать,
Привезу подарокъ.
Привезу тебѣ подарокъ:
Кумачу, китаецъ.
Кумачу я не хочу,
Китайки не надо;
Привези-ко сынъ отецкой,
Золото колечко,
Золото-ли-то колечко.
Ко красну крылечку.
Пойду, выйду на крылечко,
Взвеселю свое сердечко,
Стукну, брякну околечко,
Взвеселю сердечко.
Заплету тоску кручину,
Коню сиву гриву,
Сивой конь бѣжить, подткнется,
Ушва растрехнется.
Сива грива растрехнется,
Тоска разойдется.
Разойдетъ тоска кручина
По чистому полю,
Обростетъ тоска кручина
Травой муравою,
Травой, травой муравою,
Алыми цвѣтами.
Ужъ какъ всѣ цвѣты алые,
Единъ всѣхъ алѣе;
Еще всѣ дружки милые,
Единъ всѣхъ милѣе.

29.

Ужъ ты зимушка зима,
Холодна, студена,
Зима морозливая!
Заморозила зима
Удалого молодца,
У удала молодца
Горить сердце и душа:
Есть дѣвица хороша!
Дѣвка малинькая,
Головка гладинькая!

Безъ бѣлиль дѣвка бѣла,
Безъ румянъ румяна!
Что безъ платица толстенька.
Безъ башмачекъ высока!
Задумала голова
Во всю ночь гулять една!
Въ ту ноченьку прогуляла
Любезнаго не видала!
Не видала, не слыхала,
Въ худу славушку попала!
Не боюсь я худой славы,
Здѣсь не городъ Ярославль;
Не боюсь никого,
Полюблю я одного.
Едного дѣвкѣ любить
На бѣлила не нажить!
Семерыхъ полюбить,
Голушки не сносить!
Полюблю я одного,
Своего любезнаго.
Я куплю своей сударышкѣ
Червончатой корабль!
Я найму своей сударышкѣ
Гребцовъ молодцовъ,
Славныхъ песельничковъ;
Гребцы грянуть и гребуть,
Веселы пѣсни поють!
Веселы пѣсни поють,
Въ теремъ голосъ подаютъ!
Чтобы слышала мила,
Не дремала, не спала!
Не дремала, не спала,
Дружка въ гости ждала!
Не успѣла сѣсть на лавку,
Милой стукъ у воротъ!
Подъ окошкомъ постукалъ,
Ульянушкой взвеличалъ!
Ульянушка, Ульяна,
Ульяна Васильевна!
Не про насъ ли съ тобой Яша,
Люди говорятъ!
Люди говорятъ?
Всѣ сосѣдушки бранять.

30.

Вдоль было по травкѣ

Вдоль по муравкѣ *)
 Ай люли, ай люли!
 Донской казакъ гуляетъ,
 Опъ ходитъ и гуляетъ
 Себѣ невѣсту выбираетъ
 Ай люли, ай люли!
 Себѣ невѣсту выбираетъ.
 Ты хороша, ты пригожа,
 Пойди за мужъ за меня **)
 Ай люли, ай люли!
 Пойди за мужъ за меня;
 Не пойдешь ты, спокоешься
 Воспомянешь—не возьму, ***)
 Ай люли, ай люли!
 Воспомянешь—не возьму.
 Пойду спрошу у сосѣдей,
 Про невѣсту про свою
 Ай люли, ай люли!
 Про невѣсту про свою.
 Сосѣдушки, собранушки,
 Похвалите мнѣ ее,
 Ай люли, ай люли!
 Похвалите мнѣ ее.
 Вамъ спасибо, сосѣдушки,
 Что женили вы меня ****)
 Ай люли, ай люли!
 Что женили вы меня.
 Благодарствуйте, собранушки
 За мужъ выдали меня,
 Ай люли, ай люли!
 За мужъ выдали меня *****)).

31.

Поѣду завтра въ городъ
 Да диво, диво
 Младо мое.
 Привезу женѣ подарокъ

*) Во время этой пѣсни ходитъ по комнатамъ молодецъ; всѣ прочіе сидятъ.

**) При этихъ словахъ онъ подходитъ къ одной изъ дѣвицъ и кланяется.

***) Тоже.

****) При этихъ словахъ онъ подходитъ къ выбранной дѣвушкѣ, беретъ ее за руки и кружится съ нею до конца пѣсни.

*****) Эта пѣсня составляетъ вариантъ пѣсни, которая въ другихъ великороссійскихъ губерніяхъ поется при хороводной игрѣ, называемой «Казачекъ удалой.» См. Быть русскаго народа, Терещенки, Вып. IV, стр. 153.

П. Ефименко.

Я гранापелю на платье,
 Ты прими, жена не чванься
 Надо мною не ломайся,
 Посмотрите, люди добры,
 Какъ жена мужа не любить,
 На передъ мужа гуляетъ
 Все подарочекъ бросаетъ.
 Я поѣду завтра въ городъ,
 Привезу женѣ подарокъ
 Ужъ я шелковую плетку,
 Ужъ я стану жену бити,
 Молоду жену учти.
 Посмотрите, люди добры,
 Какъ жена-то мужа любить,
 Позади мужа гуляетъ,
 Напередъ забѣгаетъ *)

Какъ всякая пѣсня имѣетъ свое значеніе и принаравливается къ извѣстнаго рода обстоятельствамъ, такъ и самыя «вечеринки» имѣютъ не одинъ и тотъ же харак-

*) Въ другихъ губерніяхъ вариантъ этой пѣсни сопровождается хороводная игра называемая «Лугъ лужечекъ.» Быть русскаго народа Терещенка. Вып. IV-й стр. 160. Въ шенкурскомъ уѣздѣ подобная пѣсня поется также при хороводахъ См. Труды Арх. Стат. Ком. за 1865 г. Кн. 1: лѣтн. и зимн. гулянья шенкур. народа. Стр. 95

П. Ефименко.

теръ, а подраздѣляются: на вечеринки домашнія и сѣзжія. Первыя, устроиваются за просто, по домашнему, безъ всякихъ предвзятыхъ ранѣ цѣлей; а послѣднія, начинающіяся послѣ Рождества и оканчивающіяся Великимъ постомъ, имѣютъ совершенно иной видъ. Эти вечеринки, такъ сказать, публичныя служатъ дѣвушкамъ и мужчинамъ ареною для побѣды сердець своимъ суженымъ ряженымъ. Такъ какъ на подобныя вечеринки собирается молодежь, женихи изъ всѣхъ окружающихъ ближайшихъ деревень съ сказанною уже цѣлью, то дѣвушки-невѣсты являюся сюда не какъ на домашнія вечеринки, а разряженные въ лучшіе свои наряды, и, угождая условіямъ своего быта, стараются казаться болѣе церемонными. Пріѣзжимъ молодцамъ оказывается большее вниманіе, чѣмъ мѣстнымъ, точно также богатому предъ женихомъ средней руки.

И. Селиверстовъ.

Б. ПѢСНИ КАШНИЦЪ (НА ПОМОЧАХЪ.) *)

1.

По сѣничкамъ, сѣничкамъ,
По сѣнямъ господиновымъ,
Вью-ли-лю-вью-ли-лю, вью-ли-лю-вью-ли-лю,
вьорью-ли, вьорью-ли вьорью-ли, вью-ли-лю **)
Господина ласковаго,
Да у свѣта пріятливаго,
Афанасія Семеновича ***)

(припѣвъ.)

Тутъ не павушка павывала,
Не павина перье ронила,
Тутъ и ходила и гуляла
Пожилая боярыня
Пожилаго боярина,
Анна Аникишна ****)

(припѣвъ)

Она ходила—гуляла
По всей свѣтлой свѣтлицѣ,
По столовой новой горницѣ.
Подошла млада къ окошечку:
«Посмотрю же я въ окошечко

*) Записаны въ городѣ Пинегѣ бывшимъ студентомъ А. Н. Симановскимъ въ 1862 году.

**) Припѣвъ этотъ повторяется въ продолженіе всей пѣсни, послѣ нѣсколькихъ стиховъ.

***) Имя хозяйки дома.

****) Имя хозяйки.

На улицу широкую,
На дорожку проѣзжую,
На млада свѣтелъ мѣсяць,—
Весель ли сударь, господишь
Афанасій Семеновичъ?»

(припѣвъ)

Ко кроваточкѣ тесовой подошла,
Ко постелюшкѣ пуховой,
Ко зголовьцу косящетоу,
Къ одѣялушку чернаго соболя.
Какъ спроговорить умная,
Какъ спроговорить разумная
Анна Аникишна:

(припѣвъ.)

«Ужь ты станько мой ласковый,
Ужь ты станько мой пріятливый!
Мимо нашихъ высокъ теремъ,
Пролеталъ тутъ ясенъ соколъ,
Мимо нашей-то горницы,
Мимо свѣтлой свѣтлицы
Проѣзжалъ православный князь
Во соборъ Богу молитися.»

(припѣвъ)

Какъ спроговорить ласковый,
Какъ спроговорить пріятливый
Афанасій да Семеновичъ:
«Отойди ты прочь умная,
Отступи прочь ты разумная
Анна Аникишна!

(припѣвъ)

У насъ все будетъ излаженное,
Будетъ Богомъ исправленное,—
У насъ извошки нарощенные
У насъ лошади накупленные,
Во коляску заложеныя
Только съѣсть намъ и ѣхати
Во соборъ Богу молитися,
До Николы Святителя,
Пресвятой Богородицы.»

(припѣвъ)

2.

Какъ по горницѣ столовой,
Какъ по свѣтлицѣ лировой,
Тутъ стоятъ столы дубовые,
На стѣнахъ ковры шелковые,
На ковръ чара золота

Какъ полна меду налита.
 Еще кто чару наливаль?
 И еще кто съ медомъ дополняль?
 Наливаль чару *) Гаврило господинъ,
 Дополняль съ медомъ Афанасьевичъ;
 Свою умную призываль,
 Свою разумную прикликаль,
 Александрюшку **) призываль:
 «Александрюшка другъ моя,
 Ты Гавриловна—мила,
 Ты дойди, радость до меня,—
 Ты любишь ли меня?
 Поцѣлуешь ли въ уста?
 Ты прими чару отъ меня.
 Выпей-выкушай всю до дна.
 Принеси сына ясна сокола,
 Что бѣлымъ лицомъ во меня,
 Умой, разумомъ во себя,
 Какъ ясны очи сокола,
 Какъ черны брови соболя.»—
 Александрюшка подошла,
 Гавриловна приняла,
 Выпила, высушила всю до дна,
 Принесла сына ясна сокола,
 Что бѣлымъ лицомъ во меня,
 Умой, разумомъ во себя,
 Что ясны очи сокола,
 Черны брови соболя ***)

3.

Какъ по морю, морю синему . . . 2
 Не здунай!
 По синему морю по Хвалынскому . . . 2
 Не здунай!
 Тутъ и плыло, выплывало тридцать кораблей—2
 Со единымъ кораблемъ.
 Какъ одинъ-то корабль напередъ забѣжалъ, 2
 Какъ соколъ залетѣлъ.
 Какъ на этомъ корабликѣ немножко людей
 Со единымъ молодцомъ — 2
 Федоромъ Афанасьевичемъ. ****)

Федоръ-то по кораблику нохаживаетъ,
 Афанасьевичъ по черному пегуливаетъ,

*) Имя женатаго сына хозяйна.

**) Его жена.

***) Послѣдніе пять стиховъ каждый поется дважды.

****) Имя холостатаго сына хозяйна.

Ужъ онъ съ ножки на ножку переступываетъ,
 Онъ сапогъ о сапогъ поколачиваетъ,
 Ужъ онъ стружечки строгаль,
 Во сине море бросаль,—
 Уронилъ съ правой руки златой перстень,
 Со любимаго перста—со мизинушка.
 Онъ кричалъ-то и зычалъ
 Громкимъ голосомъ своимъ:
 «Вы друзья и братья,
 Вы товарищи мой!
 Вы берите-ко товарищи шелковы невода,
 Вы мечите-ко тони во сине море,
 Вынеживайте мой злаченъ перстень.»—
 Какъ перву тоню закинули—

Не попало ничего,

Какъ втору-то они закинули—

Ни съ чѣмъ ничего,

Какъ третью-то они закинули—

Три окуня попали злато-перые:

Какъ первой-то окунь—стоитъ сто рублей,

Какъ второй-то окунь—стоитъ тысячу рублей;

Третьему окуню цѣны здѣсь нѣтъ,

Оцѣвники во славной Москвѣ,

Какъ закупщики во славномъ Пинежскомъ городу

Во Афанасьевскомъ во дому,—

Закупщикекъ Федоръ Афанасьевичъ....

Дай-Богъ Федору на житье, да на бытье,

Афанасьевичу на богатство на большо!

Гдѣ бы тебѣ задумать здѣсь невѣсту взять без-
 отказно,

Что приданаго съ ней на три тысячи рублей,

Злата, серебра хотъ лопатами гребн,

Скаченаго жемчугу возами вози.

4.

По морю, морю суденко бѣжить, 2.

На ефтомъ суденкѣ тридцать молодцовъ, 2.

Со единымъ молодцомъ,

Арсеніемъ Николаевичемъ!

Сзади молодца сорокъ красныхъ дѣвицъ, 2.

Пятьдесятъ молодницъ! 2.

«Накатись, накатись грозна туча, 2

Ушиби, ушиби тестя моего ласковаго, 2

Который съизмала меня зятемъ звалъ,

Выростилъ дочекъ—за винаго отдавалъ.» *)

*) Первыя двѣ пѣсни поются женатымъ, а послѣднія двѣ холостымъ.

5.

Ты гуляница ли, наше гулянье,
Молодецкое наше, безотцековое!
Я пойду ли да вдоль по улицѣ,
Вдоль по улицѣ самъ по гуляю,
И зайду ли въ гости ко сударушкѣ—
Самъ побываю!
Я спрошу ли у сударушки
Самъ про здоровье.
Во здоровьицѣ ли моя сударушка
Живешь—поживаешь?
Какъ отвѣтъ-то держать сударушка милому дружкѣ:
«Не корыстно-ли мое здоровьице жить безъ милаго,
Что безъ душечки, безъ добра молодца жить безъ
надежды?»
Со правой ли руки колечушко потеряла,
Со лѣвой ли значень перстень обронила,
Со окошечка яснаго сокола упустила,
Со постелюшки я добраго молодца дружка про-
водила...
Ужъ я все ли про все съ милымъ дружкомъ пе-
реговорила?
Я одно ли тайно словечушко сказать позабыла,
Со дорожечки я дружка милаго назадъ воротила.
«Ужъ ты душечка, добрый молодецъ, другъ не
женися,
Пока я замужъ невышла».

6.

У нашихъ было у воротъ
Стоялъ душечка—удалый—добрый молодецъ,
Не единъ стоялъ,—съ красной дѣвицей душой.
Красавица говорила молодцу:
«Тебѣ полно во компаньицу ходить,
Перестань, милъ, пусты рѣчи говорить,
Пусты рѣчи, не былыя словеса!
Прѣ насъ такъ, милъ, худа слава прошла,
Худа славушка—не очень хороша.
Что со той славы за мужъ дѣвка пошла,
За мужъ вышла за старого старика.
Не спускаеть старь на улицу гулять,
Хоша спустить, самъ въ окошечко глядить:
Не стоитъ ли молода жена съ милымъ дружкомъ?
Я стояла съ миленькимъ одинъ малый часъ,
Я ронила горячи слезы изъ глазъ,
Я ронила въ полотняный бѣлый платокъ,
Завязала во нѣмецкій узелокъ,

Положила ко милому дружкѣ во кармапѣ.
Ужъ я клала, приговаривала:
«Вы бѣлиличка—румяничка мой,
Вы сойдите со бѣла лица долой».
Какъ за рѣченькой было за рѣкой,
Что за быстрой было за Невой
Выпадали тутъ зеленые лужка,
Выростала тутъ шелковая трава.
Эту кто шелковую траву косилъ,
Онъ косилъ, косилъ, косу въ сторону бросилъ:
«Пропадай моя окладная коса!
Ты помри, помри постылая жена,
Взялъ бы дѣвицу красавицу за себя» *).

7.

Пѣсня во время страды.

Маленькой мальчишко въ горенкѣ сидѣлъ,
Въ горенкѣ сидѣлъ, самъ свое горе терпѣлъ.
Сушилъ, крушилъ сердце—знаю для кого,
Знаю для кого: для любезной своею.
Тамъ моя любезная далече живетъ,
Далече, далече межъ горъ высоко.
Тамъ мѣсто прекрасно, пріятень духъ несетъ.
Схожу я ко Аннушкѣ, спрошу самъ ее:
«Скажи, скажи Аннушка! любишь или нѣтъ?
Ежели ты любишь, возьму я за себя;
Ежели не любишь, убью я самъ себя,
Самъ себя убью, во сыру землю пойду;
Буду я молодчикъ во сырой земли лежать.
Пущай люди скажутъ, пущай говорятъ,
Пущай говорятъ, меня молодца бранять.

В. ДѢВИЧЬИ ПѢСНИ.

Сидѣла Дунюшенька въ горенки една,
Шила, вышивала дружку милому початокъ,
Она брала, собирала свѣчки сальны со стола,
Ждала, дожидала себѣ ясна сокола.
Тутъ пріѣхалъ Олешинька въ полночь на конѣ,
Стукнулъ Олешинька копьемъ въ ворота.
Вкнуло сердечушко Овдотьюшкино:
Что-же ты, Олешинька долго небывалъ?
Извини, Овдотья, призамѣшкался:
Молодаго шурина въ Питерь отряжалъ,
Молоду сволчину за мужъ отдавалъ.

*) Такою окончаніе пѣсни; на всѣ мои вопросы объ этомъ, была одна отвѣтъ «ужъ такъ поется».

2.

Ахъ на посадѣ дѣвка взрощена,
Кренделями дѣвка вскормленная,
Въ деревеньку отданая,
Въ деревеньку—на пустыньку,
За крестьянина богатаго,
За дѣтину тароватаго,
Толкучись,
Опихаючись,
Изъ овина небываючись.
Ужъ ты теща,
Ты теща моя,
Теща не ласковая!
У тебя дочь ученая была,
Она поставлена во станы красна,
Какъ девятая весна красна,
Какъ десятое лѣто теплое.
Сивозъ подножечки трава проросла,
Сивозъ набилочки цвѣты процвѣли.
Ужъ я ту траву повыкошу,
На печѣ траву повысушу,
На полатяхъ зароды намечу,
Подъ полатами сива коня вскормлю.
Распашу я въ избѣ пашенку
Среди полу рѣпки насажу,
А по подлавичью капустоньки,
По лавочьямъ рѣдечки,
Въ большой уголь луку
И чесноку насажу.

3.

Ахъ тонокъ, да дологъ,
Тотъ зароды метать.
Чернобровъ, черноглазъ,
Тотъ посвистывать гораздъ.
Бруглолицъ, бѣлолицъ,
Тотъ пѣсенъ пѣть гораздъ.
Толстота, охомяка—
Воду волочить;
Съ косыми-то глазами--
Овинъ молотить.
Овинъ загорѣлъ,
Тутъ косою заревѣлъ.
Идти было ко женушки позавтракати;
Недосугъ, всговорить жена:
«Надо хлѣбы катать,

Надоть ребенка качать
Ты баю, баю, дитятко,
Изъ колыбельки бы упасть
Да тебѣ во вѣки пропасть».

4.

Кусть, кусть,
Непорато густь.
Безполезенъ, другъ любезенъ,
Дружка милаго нѣтъ.
Сидятъ птички по кустамъ,
И всѣ овечки по мѣстамъ.
Онѣ спокойны и довольны,
До утра поздно спать.
Часты блохи, часты вздохи,
Почаще грызутъ;
Онѣ глазами-то сомкнуть,
Будто сонъ наведутъ.
Мужикъ—мужика,
Мужикъ—отъ космятъ;
Онѣ и въ зубы, онѣ и въ губы,
Мужикъ съ мосту упалъ.
Онѣ дубиною грозной
Онѣ желаетъ побить.
У насъ во деревнѣ,
Веселѣе будетъ жить.
На пеньи тамъ
Мой миленькой живетъ,
За всегда рожь продаетъ;
Солоду наростить,
Зачасту пиво варить;
Онѣ денегъ не куеть,
А денегъ въ люди раздаеть.

5 *).

Ахъ, голубица по водицу
Голубъ надъ водою,
Хорошая любазная
Говори со мною,
Говори радость, не тайся,
Въ тоску не вдавайся,
Тоска какъ найдетъ,
Дальше горе придетъ.
Послы скоро будутъ,
Послы будутъ побывають,
Все сами перебають.

*) Записани П. И. Ивановымъ.

*) Сличь эту пѣсню и послѣдующую съ № 23 предъидущаго от-
дѣла изъ числа записанныхъ г. Селиверстовымъ.

Мы всё сидѣмъ въ кампань,
Ничего не знаемъ;
Ужъ мы пьемъ, ѣдимъ за здравье:
Здравствуй моя радость!
Здравствуй радость дорогая,
Утѣха драгая;
Хочешь—любишь,
Дакъ и купишь золото колечко,
Золото колечко,
Золотомъ витое.
По красну крылечку
Пойду—выйду,
Растоскуется сердечко
На крылечко брякну,
О колечко стукну-брякну,
Взвеселю сердечко.

6.

Ты раскурвинъ сельскій писарь,
Что въ гости не ходишь,
Что гостинецъ не носишь?
Радъ-бы Машинька ходити
Да гостинецъ носить;
Я поѣду душа, Маша
Самъ во Питеръ гуляти,
Привезу я душа, Маша,
Дорогихъ подарковъ:
Дорогой парчи на юбку,
Гризету на шубку,
Алу ленту съ янтарями
На бѣлую шею.
Мнѣ-на тѣ дары не надо,
Камни не подъ-пару.
Заплету я вольну волю
Коню въ сиву гриву,
Отведу я добру лошадь
Во чистое поле;
Ты гуляй, гуляй
Добра лошадь,
Во чистомъ во полѣ!
Добра лошадь подопнется;
Грива сива растрехнется,
Тоска люта разоидется
По чистому полю.

7.

У Макарова двора
Есть укатана гора,
Есть укатана, увалена,

Водою улита,
Есть водою улита,
Каблуками убита,
Каблуками убита
Да башмачками занята. (2 раз.)
Маша скокъ на ледогъ,
На сафьяной башмачекъ;
Неслыхала какъ, упала,
Погляжу—млада лежу, (2 раз.)
На правомъ боку,
Я на правомъ и на лѣвомъ,
На кисейномъ рукаву.
Я туды—сюды сгляну
Меня не кому поднять.
Изъ гостинова двора
Шелъ мальчишко, точно я.
Я не знала какъ назвать,
Не умѣла взвеличать.
Получила два слова,
Павлушенькой назвала.
Ты, душа, Павлушенька,
Подыми за рученьку.
Радъ-бы, радъ-бы я поднять
Да со сторонъ люди глядятъ,
Глядятъ люди не чужіе,
Все товарищи мои.
Какъ семнадцать дѣвви лѣтъ,
Полюбила парня на вѣкъ;
Полюбила, говорила,
Что нигдѣ такаго нѣтъ (2 раз.),
Ни въ Казани, ни въ Рязани,
Нѣтъ ни въ Астрахани;
Проявился, учинился
Въ Еруславѣ городѣ,
Въ Еруславѣ городѣ,
Въ нижнемъ-земскімъ судѣ.

8.

А я куда съ горя дѣваюся,
Дѣваюся, до сопечаюшки потеряюся,
Потеряюся, а я пойду съ горя,
А я пойду съ горя, да во темны лѣса;
Во темны лѣса, да въ зелены лужка;
Въ зелены лужка, да тамъ ростеть трава,
А тамъ ростеть трава, да ростеть травонька,
А ростеть травонька, да все шелковая,
Шелковая; да расцвѣли цвѣты лазуревы,

А расцвѣли цвѣты лазуревы, да разнесли духи
анисовы,
А разнесли духи анисовы, да все малиновы,
А все малиновы; а ужъ я съ той травы,
А ужъ я съ той травы, да я сорву цвѣтокъ,
А сорву цвѣтокъ, да я сплету вѣнокъ;
А я сплету вѣнокъ, да милому дружку,
А милому дружку, да на головушку,
Да на головушку: да ты носи милой,
А ты носи мой милой, да не уранивай,
А не уранивай, да люби дѣвушекъ,
А люби дѣвушекъ, да не обманывай;
А какъ вѣночигъ спалъ, да милъ любить не сталъ,
А милъ любить не сталъ, да онъ смѣяться сталъ,
А онъ смѣяться сталъ, да все надъ Дунюшкой,
А вотъ надъ Дунюшкой, да крѣпкой думушкой.

9.

Что кому за дѣло,
Что я,
Что я къ милому сѣла,
Сѣла, посидѣла, (растяжно)
Сѣла Машинька,
Маша,
Сѣла посидѣла,
Посидѣла, (рас.)
Разговоръ,
Разговоръ имѣла; (раст.)
Разговоръ имѣла,
Да разговоръ,
Ахъ разговоръ имѣла,
Машинька имѣла, (р.)
Вотъ имѣла,
Гулять захотѣла, (р.)
Гулять захотѣла,
Да гулять-то,
Ахъ гулять-то,—
Батюшки-ли я
Боюся,
Вотъ боюся, (р.)
Матушки,
Матушки стыжуся, (р.)
Матушки стыжуся,
Да пойду я,
А пойду-выйду я,
Млада,
За ворота,
За ворота, (р.)
Въ тѣ лѣса,

Въ тѣ лѣса, болота, (р.)
Въ тѣ лѣса, болота,
Да пойду я,
А пойду-выйду я,
Млада,
За новья,
За новья, (раст.)
Въ лужка,
Въ лужка зеленые, (р.)
Въ лужка зеленые,
Да не про насъ-ли,
А не про насъ-ли
Та славушка худая,
Славушка худая,
Слава не хороша, (р.)
Слава нехороша.
Да ходилъ,
И ходилъ Ванюша,
Ваня,
По базару,
По базару, (р.)
Спрашивалъ,
Спрашивалъ товару, (р.)
Закупалъ товару,
Не нашелъ,
Ахъ не нашелъ то ли,
Ванюша,
Товару
Вотъ товару, (р.)
По всему,
По всему базару (р.)
По всему базару,
Да пошелъ,
Ахъ пошелъ Ванюша,
Ваня,
Во рыночигъ,
Во рыночигъ, (рас.)
Въ желѣзной,
Въ желѣзной рядочигъ (р.)
Въ желѣзной рядочигъ;
Да купилъ,
Ахъ купилъ Ванюша,
Ваня,
Востру косу,
Вострую косу, (р.)
Все для сѣна,
Все для сѣнокосу, (р.)
Все для сѣнокосу;
Да косилъ.

Ахъ росилъ Ванюша,
 Ваня,
 Чужу траву,
 Чужу траву, (р.)
 Своя въ полѣ,
 Своя въ полѣ вянеть, (р.)
 Своя въ полѣ вянеть.
 Да любилъ то-ли,
 Ахъ любилъ Ванюша,
 Ваня,
 Чужу жону,
 Чужу жонку; (р.)
 Своя дома,
 Своя слезно плачетъ, (р.)
 Своя слезно плачетъ.
 Да ты не плачь,
 Ахъ ты не плачь
 Ты моя хозяйка, (р.)
 Жонка,
 Жонка молодая, (р.)
 Жена молодая!
 Да поѣдуль,
 Вотъ поѣду,
 Вотъ поѣду, (р.)
 Пиши-ко
 Пиши ко мнѣ письма, (р.)
 Пиши ко мнѣ письма;
 Да я писать,
 А я писать-то,
 То ли млада,
 Не умѣю,
 Не умѣю, (р.)
 Пищива,
 Пищива не имѣю, (рас.)
 Пищива не имѣю,
 А писарямъ,
 Ахъ писарямъ толи млада,
 Млада я не вѣрю,
 Вотъ не вѣрю;
 Писаря-то,
 Ахъ писаря-то ребята,
 Ребята молодые, (р.)
 Ребята молодые,
 Плуты не худые, (р.)
 Плуты не худые,
 Да они письма,
 Ахъ они письма-то,
 Пишутъ,

Пишутъ,
 И плутуютъ, (раст.)
 Плутуютъ, всей правды,
 Всей правды не скажутъ (р.)

10.

Стояла рябинушка на городѣ,
 Срубили рябинушку на четверо,
 Сдѣлали рябиновы гуслицы:
 Этими-то вотъ гуслицамъ нѣту игрока.
 Игрывалъ, не игрывалъ,
 Удалой молодець,
 Прохожій—молодець,
 Тѣшилъ, потѣшилъ,
 Любушку свою.
 Что же ты
 Не весела сидишь?
 Что же ты
 Не ясно глядишь?
 Я вѣдь тебя
 Не насилу замужъ бралъ,
 Впереди себя да сватовъей посылалъ;
 Сваты сваталися.
 Да низко кланялися,
 Молитву творили,
 Слова говорили.

Г. ПѢСНИ КОЛЫБЕЛЬНЫЯ *).

1.

Бай, бай,
 Спи усни,
 Да угомонъ тебя возьми.

2.

Васинька дружечекъ,
 Не ходи ты на лужокъ,
 Потеряшь сапожокъ,
 Тебя мышка съѣстъ.

3.

Каты по каты,
 Женихи наши богаты;
 Бать катышекъ,
 Да богатой женишокъ.

4.

Байки по байки,
 Матери китайки,

*) Первые шесть записаны П. И. Ивановымъ, слѣдующія четыре И. Костылевымъ, однадцатая свящ. Таратиннымъ, послѣднія три г. Базилюкскимъ.

Отцу кумачу,
Брату ластовицу,
Сестрицы-рукавицы,
Бабки лапанцы,
Дѣдку катанцы.

5.

Тпруни, тпруни у Петруни,
Была сивая кобыла,
Сива, сива некрасива,
Заскочила въ огородъ,
Съѣла грядку огурцовъ,
Все Петра,
Да все Ивановича.

6.

Приди котикъ ночевать,
Приди Ванюшку качать,
Я те котикъ заплачу:
На недѣлю дамъ харчу,
Дамъ те рюмку вина
И конецъ пирога.

7.

Байки по байки да матери китайки,
Отцу кумачу да на ластовицу,
Братцу бархатцу на шапочку,
Сестрицѣ доброй купи штофъ дорогой,
Бабкѣ трехъ соболѣй пухъ,
Пѣстунѣ цѣпочка серебрянная.

8.

Спи, поспи по ночамъ, да рости по часамъ,
Выростешь большой, станешь въ Питеръ ходить,
Сребро, золото носить.

9.

Бай, бай, бай, лю, лю, лю!
Утѣшу царя въ Москвѣ,
Короля въ Литвѣ, старца въ кельѣ,
Младенца въ люлькѣ, красную дѣвицу въ высо-
комъ терему.

10.

Соболи, куницы въ головкахъ спать,
Соболи убають, куну да усыпить.

11.

Спи Аннушка моя,
Спи голубушка моя,
Баю, баюшки баю.

Сонъ да дрема накатись на глаза
Сонъ ходить по снѣгамъ, дрема по теремамъ.

Ищеть сонъ колыбели себѣ.
У Аниоши колыбель въ высокомъ терему,
Въ высокомъ терему, на гибкомъ очапу,
На гибкомъ очапу въ шитобранномъ пологу.

12.

Спи пока заботъ не знаешь
Баюшки баю.

Когда будешь ты больша
Все узнаешь ты тогда.

Баюшки баю.

Нынче Господу молись,
Уму разуму учись

Баюшки баю.

Въ церковь Божию ходи
И со всеми миръ веди

Баюшки баю.

Почитай отца и мать,
Ближнихъ бойся осуждать.

Баю, баюшки баю.

13.

Спи, спи мое дитятко,
Спи, спи мое сердечко!
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

Спи, спи, не лѣнись;
Сосни пробудись!
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

Ужъ ты выростешь большой,
Будешь въ золотѣ ходить!
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

Будешь въ золотѣ ходить,
Чисто серебро носить!
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

Будешь жить поживать,
Не лѣниться, работать!
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

Байте кота,
Укачайте дитя!

Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

Дрема то говорить:
(Имя мальчика) укладу!
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

Сонъ то говорить:
(Имя) усыплю!
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

Куницы спать,
Лисицы спать,
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

Одни голуби летали,
И тѣ уснули,
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

(Имя), дружекъ!
Не ходи на лужокъ!
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

Тебя мышка съѣсть,
Либо птичка уклонить!
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

Либо деревцо падеть
И тебя зашибеть,
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

14.

Баюшки бай, люлюшки лю!
Байки побайки, матери витайки.

Баюшки бай, люлюшки лю!
Отцу кумацу, да на ластовицу.

Баюшки бай, люлюшки лю!
Бабушкѣ тряухъ, соболиновой пухъ.

Баюшки бай, люлюшки лю!
Пѣстунѣ поцѣпочка серебряная.

Бай, бай (имя) спать,
Люлю, мое дитятко!

Баюшки бай, люлюшки лю!
Спи, усни, да великъ вырасти.

VI. ОНЕЖСКІЯ ПѢСНИ И ИГРЫ.

А. УТОЧКА.

Начало каждой вечеринки даетъ—уточка, т. е. парни берутъ дѣвушекъ и ходятъ по парѣ подъ пѣсни, вдоль по комнатѣ, взадъ и впередъ.

1.

Уточка, поплавай-ка,
Сѣрая со селезнемъ;
Молодецъ со дѣвицей:
Радъ бы я поплавати—
Угорѣлъ, голова моя болитъ:
Завяжу я голову платкомъ,
Плеточкомъ тальянскимъ,
Рукавцомъ бѣльянскимъ,
Самъ я изъ круга вонъ пойду,
По много-то по добра молодца,
По ну-то по красну дѣвицу.
Я по дѣвицу, пойду,
Я по красную пойду!
Зайду съ бочка,
Погляжу съ личка,
Какъ на яблочко!
Боя есть тонка, высока,
Изъ лица хороша,
Красна дѣвица душа;
Ужъ я ту возьму,
За собой поведу,
Молодой назову.
Не укажешь-ли,
Не навяжешь-ли?
Кому тошно по насъ,
Тотъ и будетъ у насъ;
Кому нѣ тошно,

*) Пѣсни эти записаны бывшимъ студентомъ Кіевского Университета Фризе въ Онежской тюрьмѣ со словъ мѣщанинъ А. И. Н. въ январѣ 1867 г.

Тому нѣ по что;
Кому хочется,
Тотъ сволочится,
Поклонится,
Отворотится.

2.

Утка лебедку гонила-гонила,
Александра N любила-любила.
Какъ его свѣта не любить:
Онъ мой свѣтъ басенекъ,
Онъ мой свѣтъ хорошенекъ,
Шапочка съ углами,
Головка съ кудрями,
Синь кафтанъ со сборами,
Бушакъ съ полосами.
Соколъ да Соколовичъ,
N да Метровичъ,
Приходилъ къ окошечку,
Говорилъ словечко:
Александра душечка,
Васильевна любка,
Проговори въ окошечко,
Пришли подарочекъ,
Ярославскій пряничекъ,
Самоваръ на тарелочкѣ,
Да рубль съ полтиной,—
Съ полтиною, съ гривною,
Съ четырема копѣчками,
Съ четырема колечками,—
Поѣдешь вѣнчаться,
Кольцами обручатся.

3.

Ходить гуляеть,
Мой милый хорошій,

Щиплетъ, ломаетъ, } 2.
Зеленъ виноградъ,

Вѣточки мечеть
Ко мнѣ на кровать,
Ой шуточки шутить,
Со мной молодой, 2.
Рѣчи мнѣ не молвить,
Слова не даетъ.

Охъ погляжу въ окошечко,
Куда мнѣ пойдеть? 2.
Пошелъ мой миленькій,
По улицѣ вдоль,
Зашелъ мой миленькій,
Въ самый крайній домъ, 2.

Въ самый крайній домъ,
Ко вдовушкѣ въ домъ.
У вдовушки доченьку
Сашенькой зовутъ,—2

Выходила Сашенька
На ново крыльцо,
Выносила Сашенька
Чайницу съ виномъ, 2.

Наливала Сашенька,
Чарку золоту,
Подносила Сашенька
Милому дружку! 2.

Выпей-ка, выкушай,
Мой милый хорошій,
Вспомни-ка, вдумай,
Какъ вмѣстѣ росли,
Да ночью, ноченьки,
Просиживали,

Забавныя рѣчиныки
Говаривали: 2.

Тебѣ не жениться,
Мнѣ замужъ нейдти!
Женишься, женишься
Мой милый, хорошій, 2.

Возьмешь ты, возьмешь,
Надежду свою.
Надежду свою,
Любезненькую. 2.

4.

Не летай-ка соловьюшка,
Не летай-ка, молоденькій:
Безъ тебя въ саду не весело.

Всѣ птички, всѣ пташечки,
Всѣ головушки повѣсили,
Брылья, перья припустили.
Ты заря-ли моя зорюшка,
Ты заря, позно-вечерняя,
По тебѣ-ли, моя зорюшка,
По тебѣ-ль, позно-вечерняя,
Я ходилъ, гулялъ ко дѣвушкѣ,
Я носилъ дѣвкѣ подарочки:
Я тафты, рамки на юбочку,
Гранитуру на шубечку,
На головушку тальянскій платокъ,
Околъ шеи алый галстучекъ.

5

Я пойду-ли пойду, загуляю,
Ай люли, люли загуляю, (2)
Бѣлую березку заламаю,
Ай люли, люли заламаю (2).

Выломлю два пруточка,
Ай люли, люли пруточка (2).
Сдѣлаю два гудочка,
Ай люли, люли гудочка (2).

Стану въ гудочки играть,
Ай люли, люли играть, (2)
Стараго мужа побужати,
Ай люли, люли побужати (2).

Вы гудки не гудите,
Ай люли, люли, не гудите, (2)
Стараго мужа не будите,
Ай люли, люли не будите (2).

Старый мужъ проснися,
Ай люли, люли проснися, (2)
Вотъ-те помои умойся,
Ай люли, люли умойся (2).

Вотъ тебѣ онучи утрися,
Ай люли, люли утрися, (2)
Вотъ тебѣ заслонъ, помолися,
Ай люли, люли помолися, (2)

Вотъ-те лопата, причешися,
Ай люли, люли причешися (2).

6.

Не ходи моя, милая
Къ сосѣду въ бесѣду, (2)
У сосѣда во бесѣдѣ
Все сидитъ холостье: (2)
У холостыхъ глаза остры,

Сами завидуши; (2)
Холостой глаза поводитъ
Изъ ума выводитъ; (2)
Черны брови подымасть,
На дворъ вызываетъ, (2)
На дворъ, на дворъ вызываетъ,
Платочекъ даетъ: (2)
Не хочу платокъ принять,
Хочу такъ обнять, (2)
Хочу, хочу такъ обнять,
Въ уста цѣловати. (2)
Знать у моего милаго
Два зеленыхъ сада: (2)
Во первомъ саду, садочку
Кукушка кукуеть, (2)
Во другомъ саду, садочку
Самъ, душа, гуляетъ. (2)
На головкѣ черна шляпа
Со алой, со лентой (2)
Что со алою, со лентой,
Съ желтымъ позументомъ (2).
Бабы знала, сповѣдала
Сашинъ голосочикъ, (2)
Я списала-бъ голосочикъ
На тонкій листочикъ, (2)
Что на тоненькій листочикъ,
На бѣлу бумажку. (2)
Отошла я тотъ листочикъ
Въ иной городочикъ, (2)
Что во иной городочикъ,
Въ питейный домочикъ, (2)
Во питейный во домочикъ,
Бъ батюшкѣ родному, (2)
Что ко батюшкѣ родному,
Бъ своему милому, (2)
Что ко своему милому,
Своему сердечному. (2)

7.

Во садикъ была Я,
Во садикъ была Я,
Ай! Была Я,
Ай! Была Я,
Ай! Была Я,
Ай! Была Я *).

* Удареніе во всѣхъ стихахъ на послѣднемъ слогѣ.

Воробышка видѣла (2),
Ай! Видѣла (4),
Воробышка молодца (2)
Ай! Молодца (4),
Петербургскаго купца (2),
Ай! Бупца, купца (4);
Бупчика, голубчика! (2)
Встань, встань, прибодрись (2).
Ай! ну, да прибодрись (4).
Цѣловать будутъ: садись (2).
Ай! ну, да садись (4).
Ты пожалуста садись (2),
Ты садись—таки садись (4).

8.

На ручью было, на мѣдвяномъ,
На ручью было серебряномъ,
Золотая была черпалка,
Серебряна почерпущечка,
Александра была душечка,
Да Васильевна была ягодка:
Александра воду черпала,
Свѣтъ Васильевна вычерпывала:
Тамъ-ли конь бѣжить по берегу,
Тамъ-ли сивый бѣжить по крутому;
За конемъ идетъ удалый молодець,
Свѣтъ по имени (имя) да (отчество),
Кричить громкимъ голосомъ:
«Александра, удержи добра коня,
«Васильевна, сиваго жеребца
«За узду, узду серебряную,
«За поводья позолоченые!

9.

Что не штофики по горницѣ бречать,
Не стаканы по подносамъ говорить:
Марья ходить по терему,
Ивановна по высокому.
Она бѣлится, румянится,
Въ чисто зеркальце смотрится,
У Павла въ гости просится:
«Ужъ ты Павелъ, буди—ягода,
«Да Васильевичъ, наливная,
«Отпусти въ гости ко батюшкѣ,
«Ко сударынѣ, ко матушкѣ!»
— «Дорогая, честна гостышка,
«Ужъ ты Марья, свѣтъ Ивановна,
«Посиди-тка у меня въ терему,

«Погляди-тко на меня молодца,
«На меня, на добра молодца,
«На Павла Васильевича».

10.

Кто у насъ въ горенѣ хорошій,
Ай, люшеньки-лю, ой люшеньки-люди?
Михайлушка, хорошій,
Ай, люшеньки, и т. д.
Ивановичъ, пригожій;
Ай, люшеньки, и т. д.
Ужъ онъ коничка сѣдласть,
Ай, люшеньки и т. д.
Конь—отъ съ нимъ играетъ,
Ай, люшеньки и т. д.
Ужъ онъ плеточкой машеть,
Ай, люшеньки и т. д.
Конь—отъ подъ нимъ пляшетъ;
Ай, люшеньки и т. д.
Къ воды подѣзжаетъ,
Ай, люшеньки и т. д.
Воды разливаютьъ;
Ай, люшеньки и т. д.
Къ лужкамъ подѣзжаетъ,
Ай, люшеньки и т. д.
Лужки зеленѣють;
Ай, люшеньки и т. д.
Къ салику подѣзжаетъ,
Ай, люшеньки и т. д.
Цвѣты разцвѣтають;
Ай, люшеньки и т. д.
Къ терему подѣзжаетъ,
Ай, люшеньки и т. д.
Дѣвица встрѣчаетъ,
«Ай, люшеньки и т. д.
Марфушка встрѣчаетъ,
«Ай, люшеньки и т. д.
Дмитріевна взвеличаетъ:
Ай, люшеньки и т. д.
Поди ты, мой хорошій!
Ай, люшеньки и т. д.
Поди ты, мой пригожій!
Ай, люшеньки и т. д.
А я тебя ждала,
Ай, люшеньки и т. д.
А я дождала,
Ай, люшеньки и т. д.
Въ уста цѣловала,

Ай, люшеньки и т. д.
Гостиницы давала,
Ай, люшеньки и т. д.
Ночевать унимала
Ай, люшеньки и т. д.
11.

Двое ходить не велики,
Настоящи двѣ валики;
Двое сойдутся,
Два обоймутся,
Поцѣлуются.
Еще въ старые тѣ годы
Не бывало такой моды,
Пришелъ нонѣче указъ
Цѣловаться сто-пять разъ:
Поцѣлуй въ уста.
На то нѣтъ поста
Нынѣче заговѣнье.

12.

Чивиль чивиль, воробей,
Чивиль чивиль, молодой!
Прививается воробей,
Прививается молодой
Къ Натальинымъ воротамъ,
Къ Петровиннымъ широкимъ.
Похваляется
Да Иванъ молодець,
Похваляется
Да Федоровичъ:
Воротечка отворю,
Приворотенку выломлю,
Наталяшну выведу
За рученьку.
За правую,
За перстни-тѣ
Злаченые.
Цѣлуя я тебя,
Милую я тебя,
Въ уста твои
Въ сахарные.

3.

Деревня отъ деревни
Неподалече стоитъ.
Эхъ, звонъ-трезвонъ,
Согласенъ попъ,
Согласна поподья
Согласилась за попа,

За попова козака,
За дородна молодца:
«Подя сватай у отца,
Сватай у батюшки,
Сватай у матушки.
Будеть батюшка отдасть,
Родна матушка отдасть,
Не отстану я отъ васъ,
Ни на малый часъ:
Буду я за вами,
За вашими пятами,
За толстыми кулаками».
Толстые кулаки
Принамякали бока!
Ты не ѣшь молока
Да по постнымъ днямъ,
Да по пятницамъ.

Б. И Г Р Ы.

Для начала игры составляется кругъ изъ дѣвушекъ и парней.

1.

Ц а р е в ь с ы н ь *)

На средину комнаты выходитъ одинъ изъ парней, порасторопнѣе, беретъ любую изъ дѣвушекъ за руку и ведетъ за собой; дѣвушка, затѣмъ, другой рукой должна взять другаго парня, этотъ парень беретъ опять дѣвушку и т. д., такъ-что составляется цѣлая вереница изъ дѣвушекъ и парней, и все парами; начавшій-же первымъ игру парень водить всю вереницу за собой, кружа по комнатѣ, и стараясь сдѣлать шествіе по возможности запутанными путями. Всѣ же присутствующіе, во время этаго шествія, т. е. сборъ лицъ играющихъ поютъ:

1.

Кичи гуси, домой.
Кичи лебеди, домой,
Со ржавченки,
Со болотенки,
Со свѣжія воды,
Со Дуная, со рѣки;
Этотъ нашъ, этотъ нашъ,
Этотъ нашъ гусенокъ;
Гусь сѣренькой,
Гусь бѣленькой.

Пѣсня повторяется нѣсколько разъ, или же переходятъ къ другой наборной пѣснѣ:

*) Изъ старинныхъ игръ.

2.

Ужъ ты хрѣнь, мой хрѣнь,
Садовой, полевой.
Ахъ не я тебя сажилъ,
Да не я поливалъ.
Сажилъ тебя Иванъ,
Поливалъ Селифанъ,
Селифанова жена
Присматривала;
Его дочь Катерина
Приговаривала:
«Вырву я хрѣннику,
Отрехну,
Выведу дѣвицу,
Усмотрю.
Я ко бабушки
Потеку,
У ней рѣдечки
По прошу.

Скажу: бабушка,
Добра, добра, добра!
У тя рѣдка,
Сладка, сладка, сладка,
Рѣдка рано посѣянная,
Часто поливанная,
Былъ у бабы, у дуры,
Новой возгородъ;
Сѣмяна были чужія,
Полупаемыя,
Вода ношеная,
Замороженная,
Тая и брошенная».

Ѣхали бояре
Изъ Нова-города;
Ай, увидѣли дѣвицу
На крутомъ бережку,
На крутомъ бережку,
На желтомъ песку:
Продай, дѣвица, хрѣнку,
Продай красавица хрѣнку.

Когда собирается достаточное количество играющихъ паръ, вся вереница останавливается, образуя кругъ. Двѣ пары отдѣляются: мужчины вдвоемъ выходятъ за кругъ, а двѣ дѣвушки остаются внутри круга. Какъ кругъ, такъ и отдѣлившіеся парни и дѣвки начинаютъ потихоньку ходить то въ одну сторону, то обратно. За тѣмъ начинается самая пѣсня, въ продолженіи которой

вышедшія на сцену пары должны дѣлать то, о чемъ поется:

Еще ходитъ царь,
 Да царевъ сынъ; (3)
 Еще ищетъ царь,
 Да царевъ сынъ, (3)
 Отпирайтесь ворота, *)
 Да царевъ сынъ, (3)
 Выступай душа царевна,
 Да царевъ сынъ (3)
 Выступай-ко правой ножкой, **)
 Да царевъ сынъ, (3)
 Ты бери за праву ручку, ***)
 Да царевъ сынъ, (3)
 Ужь вы кланяйтесь низенько. ****)
 Да царевъ сынъ, (3)
 Да еще того пониже, *****)
 Да царевъ сынъ, (3)
 Вы цѣлуйтесь-ка миленько, *****)
 Да царевъ сынъ, (3).
 Вы еще того милае, *****)
 Да царевъ сынъ, (3)
 Ужь какъ взялъ свою царевну,
 И повелъ свою царевну,
 Кругомъ города:
 Скачи моя царевна,
 Пляши моя царевна,
 Ужь какъ царь приказалъ,
 Молодой приказалъ—
 Скакать и плясать,
 Перемѣны искать,—
 Перемѣниваться.
 Съ красной дѣвушкою.

Вслѣдъ за послѣднимъ поцѣлуемъ обѣ пары входятъ внутрь круга, кругъ замыкается, идя снова въ ту и въ другую сторону; а попавшіе въ средину круга подъ послѣдній плясовой припѣвъ кружатся попарно сильнѣйшимъ образомъ.

За тѣмъ отдѣляются новыя пары и игра продол-

*) Кругъ расходится, дѣлается въ одномъ звенѣ и давая возможность стать другъ противъ друга двумъ парнямъ и двумъ дѣвушкамъ, которые были передъ тѣмъ отдѣлены между собою кругомъ.

**) Выставляютъ правую ногу.

***) Берутъ другъ друга за правую руку.

****) Кланяются.

*****) Кланяются ниже.

*****) Цѣлуются.

*****) Снова цѣлуются.

жается описаннымъ образомъ до тѣхъ поръ, пока всѣ перечередуются.

2.

Не новъ монастырь становился. *)

Игра начинается совершенно также, какъ и предъидущая: собирается кругъ подъ тотъ-же припѣвъ и съ тѣми же церемоніями, попарно-мужчины и женщины. Когда достаточное количество народу собрано, начавшій игру парень заходитъ внутрь круга, представляя собою чернеца, т. е. монаха, и вмѣстѣ съ хоромъ запѣваетъ пѣсню:

Что не новъ монастырь становился,
 Молодой чернецъ постригся, (2).
 Захотѣлось чернецу погуляти, (2)
 По заулкамъ, по межуткамъ полытати (3).
 Какъ на встрѣчу-то чернецу стары бабы, (2)
 Чернице колпачище напругаетъ: (2) **)
 Не мое было дѣло жениться, (2).
 Какъ мое-то было дѣло спастись (2).
 Что не новъ монастырь становился, (2)
 Молодой чернецъ постригся, (2)
 Захотѣлось чернецу погуляти; (2)
 По заулкамъ. по межуткамъ полытати (2).
 Какъ на встрѣчу чернечищу красны дѣвки, (2)
 Чернечище колпачище скидываетъ: (2) ***)
 Не мое было дѣло спастись, (2)
 Какъ мое-то было дѣло жениться (2).
 Я поѣду на Китай городъ гулять, (2) ****)
 Чего надобно хозяйкѣ закупати: (2)
 Я куплю-ль своей женѣ покупку,
 Саму лучшу предиковинную юбку (2).
 Ты примайка, молода жена, не чванься, (2)
 Душа сердце мое да не ломайся. (2) *****)
 Посмотритека, добрые люди, (2)
 Какъ жена-то меня молодца не любить, (2)
 Душа-сердце мое да не цѣлуется, (2)
 Я поѣду на Китай городъ гулять, (2)
 Чего надобно хозяйкѣ закупати: (2)

*) Изъ новыхъ, весьма недавняго времени.

**) Представляющій черница стоитъ въ шапкѣ; въ это время, находящійся въ кругу, надвигаетъ ему ее на глаза.

***) Чернецъ снимаетъ шапку.

****) Иногда поютъ: въ Новъ-городъ, вмѣсто „на Китай городъ“.

*****) Чернецъ, выбравъ одну изъ дѣвушекъ, стоящихъ въ кругу, которая была съ нимъ въ парѣ, останавливается противъ нея и бросаетъ ей платокъ; но дѣвушка, не желая принять подарокъ, выдаетъ платокъ ему обратно; и это продолжается до трехъ разъ. Тогда парень беретъ платокъ, и подъ припѣвъ: посмотрите-ка добрые люди и т. д. ходитъ въ кругу, машетъ платкомъ надъ головой, какъ бы показывая тѣмъ свою обиду окружающимъ.

Я куплю-ли своей женѣ покупку, (2)
Саму лучшую предиковинную шубку (2).
Ты примай-ка, молода жена, не чванься, (2)
Душа, сердце мое да не ломайся (2).
Посмотрите-ка, добрые люди, (2)
Какъ жена то меня, молодца, не любитъ, (2)
Душа, сердце мое да не цѣлуешь (2) *)
Я поѣду на Китай городъ гуляти, (2)
Чего надобно хозяйкѣ закупати: (2)
Я куплю-ль своей женѣ покупку. (2)
Саму лучшую предиковинную платку (2).
Ты примайка, молода жена, нечванься, (2).
Душа, сердце мое, да не ломайся (2).
Посмотрите-ка добрые люди (2)
Какъ жена-то меня молодца любить, (2)
Душа сердце мое да цѣлуешь (2).

Влѣдъ за словами: ты примай-ка молода жена и т. д. парень начинаетъ бить дѣвушку приготовленною имъ заранее платкой, свитой изъ того же платка; а дѣвушка начинаетъ его обнимать. Съ припѣвомъ: «посмотритека» и т. д. пара эта затѣмъ начинаетъ кружиться, и—игра кончена.

3.

Барина женигы! **)

Одинъ изъ болѣе расторопныхъ на вечеринкѣ мушницъ, представляющей барина-жениха, входитъ на середину комнаты, тогда какъ всѣ прочіе гости сидятъ кто гдѣ попало. Женихъ ходитъ вокругъ и вдоль комнаты, помахивая краснымъ или другаго цвѣта платкомъ, и въ то время, какъ общій хоръ съ нимъ вмѣстѣ поетъ нижепомѣщенную пѣсню, онъ долженъ набирать себѣ поѣзжанъ на свадьбу, а потому подходитъ къ разнымъ лицамъ, кланяясь имъ въ поясъ:

Ходилъ, гулялъ баринъ,
Вдоль по хороводу;
Искалъ баринъ (2)
Любимаго тестя къ себѣ: ***)
Пусть ты мнѣ тесть-отъ,
Я-ли тебѣ зять.
Всѣ добрые люди
Пожалуйте на свадьбу:****)

*) Парень и дѣвушка повторяютъ снова то же, что было при предыдущемъ припѣвѣ.

**) Изъ новыхъ палъ и предыдущая.

***) Подходить къ одному изъ парней, кланяется ему; тотъ беретъ его за ту руку, въ которой платокъ, и они начинаютъ уже ходить вдвоемъ.

****) Кланяются оба гостямъ, а преимущественно дѣвушкамъ.

У насъ пиво вареное
У насъ вино готово,
Сусло не сбѣжало.

Ходилъ, гулялъ баринъ
Вдоль по хороводу,
Искалъ баринъ (2)
Любимую тещу къ себѣ: *)
Пусть ты мнѣ теща,
Я-ль тебѣ зять-отъ.
Всѣ добрые люди **)
и проч.

Затѣмъ поется опять, какъ въ первомъ и второмъ куплетѣ, и припѣваютъ прочіихъ поѣзжанъ, какіе обыкновенно присутствуютъ на свадьбѣ: крестный отецъ, божатка (крестная мать), братъ, сестра, дядя, тетка, дѣдка, бабка, ключникъ, ключница и т. д.; затѣмъ поется:

Хожу я, гуляю,
Ищу, выбираю,
Свою младу, милую,
Невѣсту любимую. ***)
Покажи-ка зятюшка
Свои ножки рѣзвыя, (2)
Сапоги козловые,
Зайныка бѣленькій,
Сапоги козловые!
Изволь, люди добрые,
Мои ноги рѣзвыя (2)
Сапоги козловые.
Зайныка, бѣленькій.
Сапоги козловые.
Если такъ не вѣрите,
Во глаза увидите ****)

Покажи-ка зятюшка
Свои ручки бѣлыя, (2)
Кулаки здоровые,
Зайныка, бѣленькій,
Кулаки здоровые!

*) Останавливаются передъ одной изъ дѣвушекъ и кланяются ей оба; тесть беретъ ее за руку и идутъ втроемъ снова по комнатѣ.

***) Кланяются всѣмъ гостямъ.

****) Въ это время женихъ подходитъ къ невѣстѣ, кланяется ей, беретъ ее за руку и присоединяетъ къ кругу изъ поѣзжанъ; кругъ останавливается и женихъ расхаживаетъ снова внутри круга.

*****) Показываетъ, прикладывая, свои ноги и сапоги.

Изволь, люди добрые

и т. д.

Если такъ не вѣрите

Во глаза увидите. *)

Покажи-ка зятюшка

Свое лицо бѣлое,

Глаза развеселые,

Занька, бѣленькій,

Глаза развеселые!

Изволь люди добрые

и т. д.

Если такъ не вѣрите **)

и т. д.

Покажи-ка, зятюшка,

Твоего тестя батюшка!

Мой-отъ тесть-отъ батюшка,

Изволь люди добрые;

Если такъ не вѣрите,

Во глаза увидите. ***)

Далѣе повторяется тоже самое и со всѣми остальными поѣзжанами. Затѣмъ:

Покажи-ка, зятюшка,

Свою младу милую,

Свою младу милую,

Невѣсту любезную

Занька, бѣленькій,

Невѣсту любезную!

Изволь, люди добрые,

Мою младу, милую (2)

Невѣсту любезную,

Занька, бѣленькій

Невѣсту любезную.

Если такъ не вѣрите,

Во глаза увидите.

Показавъ свою невѣсту и походивъ съ ней вокругъ поѣзжанъ, женихъ, начинаетъ съ ней вертѣться, причемъ хоръ поетъ:

Ужъ какъ весело женили,

Да не съ кѣмъ спать.

4.

Дружина. ****)

Двѣ дѣвушки ходятъ, взявшись за руку посреди комнаты, а въ это время поется

*) Показываетъ руки, постукивая кулакомъ по кулаку.

**) Показываетъ лицо и глаза, поглаживая то и другое.

***) Беретъ за руку тестя и ходитъ съ нимъ по кругу, показывая его поѣзжанамъ.

****) Изъ болѣе новыхъ.

Походить было съ дружиночкой,

Походить было съ хорошенькой.

Ты дружина, милъ сердечный другъ (2)

Обоймемся-ка съ дружиночкой,

Обоймемся-ка съ хорошенькой; *)

Ты дружина, милъ сердечный другъ (2).

Ужъ поклонимся съ дружиночкой,

Ужъ поклонимся съ хорошенькой; **)

Ты дружина и т. д.

Поцѣлуемся съ дружиночкой,

Поцѣлуемся съ хорошенькой; ***)

Ты дружина и т. д.

Выбирай себѣ дружиночку,

Выбирай себѣ хорошеньку; ****)

Ты дружина и т. д.

Еще вотъ моя дружиночка,

Еще вотъ моя хорошенька.

Ты дружина и т. д.

Дѣвушки кланяются каждая своему избранному парню, берутъ ихъ за руки, становятся другъ противъ друга парами и начинаютъ ходить подъ нижеслѣдующую пѣсню такимъ образомъ, что обѣ пары доходятъ до середины комнаты, гдѣ встрѣчаются, а потомъ отступаютъ задомъ каждая на свое мѣсто и опять идутъ впередъ.

Вотъ спасибо сосѣдушки,

Что женили молодца;

Вотъ спасибо собранные.

Замужъ выдали меня.

При этой пѣснѣ обѣ пары начинаютъ вертѣться и кружиться, и чѣмъ сильнѣе и быстрѣе, тѣмъ парень болѣе предпочитается другимъ и считается ловкимъ, молодцоватымъ.

По окончаніи вышеписанной пѣсни, парни, избранные для игры дѣвушками, сажаютъ этихъ послѣднихъ на мѣста, а сами приглашаютъ вмѣсто ихъ другихъ двухъ дѣвушекъ, съ которыми и продолжаютъ ходить вышеписаннымъ образомъ подъ приведенную пѣсню, которая теперь только получаетъ свой настоящій смыслъ и значеніе ибо до тѣхъ поръ игралась лишь двумя дѣвушками, безъ парней, единственно для начала игры. Какъ игра, такъ и пѣсня, продолжаютъ столько времени, сколько того пожелаетъ компанія и пока нахо-

*) Обнимаются.

**) Кланяются.

***) Иногда цѣлуются.

****) Каждая подходитъ къ одному изъ парней, по желанію.

дятся желающіе на эту игру. Пары мѣняются постоянно съ окончаніемъ послѣдней строфы пѣсни, во время которой сильно кружатся, и если въ предъидущій разъ парни приглашали или брали, по мѣстному выраженію, дѣвушекъ, то вслѣдъ за тѣмъ мѣняются парни и уже вмѣсто ихъ дѣвушки берутъ другихъ парней; за тѣмъ мѣняются дѣвушки, а избранные ими передъ тѣмъ парни берутъ другихъ дѣвушекъ и т. д. Болѣе веселые и беззаботливые парни исполняютъ обрядъ поцѣлуя съ дѣвушками, когда о томъ поется, и къ заключенію пѣсни позволяютъ себѣ иногда прибавлять слѣдующее двустихіе:

Ужъ весело женился,
Да не съ кѣмъ спать!

5.

Столбичекъ. *)

Большую частію одинъ изъ парней, и очень рѣдко дѣвушка, садится посреди комнаты на стулъ, представляя собою *столбичекъ*. Одна, а иногда, если много на лицо, двѣ дѣвушки, поднимаются съ своего мѣста и начинаютъ ходить вокругъ столбика, или комнаты. Идутъ же начинается хоромъ пѣсни:

Еще кругъ столбика я хожу,
Еще кругъ дубова ли гуляю;
Еще чѣмъ столба будетъ дарить,
Еще чѣмъ дубова будетъ дарить:
Подарю столба животомъ,
Животомъ ли, красной дѣвицею,
Александрю Васильевною.

Послѣ того дѣвушка, ходившая первою подъ пѣсню и имя которой было пропѣто, передаетъ столбичку парню платокъ, или другую какую изъ мелкихъ вещей, садится на свое мѣсто. Тамъ пѣсня начинается снова, другая дѣвушка ходитъ такимъ-же образомъ, при чемъ уже припѣвается ей имя; за ней третья и т. д.

Когда уже всѣ дѣвушки, и даже болѣе веселыя молодыя женщины (женки), находящіяся на вечеринкѣ, поочереды обходятъ кругъ столба и каждая дастъ парню столбичку, у котораго бываетъ иногда стоящій сзади другой парень *подстолбичекъ*, какую нибудь вещь изъ мелочи: платокъ, серьги, кольцо, или что другое, тогда начинается *выкупъ* отданныхъ вещей. По той же очереди, какая была при хожденіи вокругъ столба, выходитъ дѣвушка, бывшая первою; ходитъ снова кругомъ парня столбичка и въ тоже время хоръ поетъ:

*) Изъ старинныхъ.

Выкупай-ка Александрюшка, вѣнокъ,
Выручай-ка, Васильевна, шелковъ;
Не отдамъ я вѣнка безъ выкупа,
Я безъ ста рублей, безъ тысячи,
Безъ удалаго добра молодца
Безъ (имя) да (отчество).
Мнѣ-ка хлѣба-то не ѣсть,
Мнѣ-ка (имя дѣвушки) любить
Мнѣ (отчество).
Еще кто ногой не топнетъ, *)
У того нога отсохнетъ
По косточки,
По ладыжечки.
Еще выскочи высоко,
Поцѣлуй столба
Въ золоты уста
И съ подстолбичкомъ.

Парень подымается на стулъ по возможности выше, для того чтобы дѣвушкѣ было труднѣе достать поцѣлуй; дѣвушка-же старается подпрыгнуть или *выскакать*, по мѣстному выраженію, повыше и цѣлуетъ парня три раза, равно и подстолбичка, крестъ-на-крестъ; тогда парень возвращаетъ ей ея закладъ.

За первой дѣвушкой идетъ выручать *вѣнокъ* или закладъ слѣдующая и т. д. до послѣдней; къ имени всякой дѣвушки, ходящей кругъ столба, припѣвается имя столбичка.

6.

Косая огорода. **)

Сущность этой игры очень проста: три дѣвушки становятся посреди комнаты, образуя собою треугольникъ, у каждой за спиной становится по парню; съ началомъ пѣсни, первая пара, впереди дѣвушка, назади парень, идутъ *въ ворота*, которыя образуютъ вторая и третья пара промежъ себя; пройдя по другую сторону воротъ они оборачиваются такъ, что парень уже будетъ впереди, а дѣвушка позади его: остальные пары дѣлаютъ не большой поворотъ на своихъ мѣстахъ съ цѣлью, чтобы всѣмъ стоять лицомъ другъ къ другу. Затѣмъ очередь за второй парой, которая идетъ въ ворота между первой и третьей парой, послѣ чего оборачиваются, какъ и прежде другъ къ другу лицомъ,—и идетъ въ ворота—между первою и второю парой—третья пара, поступая такимъ же образомъ, какъ двѣ предъидущія. Далѣе очередь опять первой пары и т. д.,—въ

*) Дѣвушка припадаетъ ногой.

**) Пѣсня изъ прежнихъ, нынѣ почти оставленная.

этомъ заключается вся игра. Названіе же *косой огоро-
ды*, т. е. неправильная ограда или заборъ, зависитъ
отъ того, что, отъ постоянныхъ переходовъ паръ съ
мѣста на мѣсто по настоящему, весь треугольникъ дол-
женъ описывать *косую* линію, но играющіе, чтобы не
упереться въ стѣну или уголъ комнаты, направляютъ
линію такъ, что она кружится около центра комнаты.

1.

Вася маленькой,
Вася коротенькой,
Вася коротенькой,
Плясать охоченькой,
Вася коротенькой,
Плясать охоченькой.
На немъ плисовы штаны,
Да рантовы сапоги,
На немъ плисовы штаны,
Рантовые сапоги;
На немъ шапочка,
Камилавочка,
На немъ шапочка,
Камилавочка;
Гранитуровый платокъ,
Онъ въ залогъ не кладеть,
Гранитуровый платокъ,
Онъ въ залогъ не кладеть;
Онъ въ залогъ не кладеть,
Лучше такъ отдаеть:
Родимая моя мать,
Тебѣ меня не унять,
Тебѣ меня не унять,
За рѣку ходитъ гулять.
Тебѣ меня не унять,
За рѣку ходитъ гулять,
Что за рѣченькой, за быстрой,
Я гулялъ—таки, гулялъ.
Что за рѣченькой, за быстрой,
Я гулялъ—таки, гулялъ,
Я свою радость—хорошую,
Я видалъ—таки, видалъ.
Я свою радость—хорошую,
Я видалъ—таки, видалъ,
Что моя радость—хорошенька,
Лицемъ бѣла, румянешенька.
Что моя радость—хорошенька,
Лицемъ бѣла, румянешенька,

Лицемъ бѣла, румянешенька,
На нее глядѣть милешенько.

2.

Жердочка тоненька,
Сама слабенька.
Я по жердочкѣ шла,
По слабенькой,
По слабенькой,
Я по тоненькой;
Тонка жердочка гнется,
Сама не ломится. 2
Хорошо съ милымъ живется,
Не стошнится,
Хошь и стошнится,
Разгуляемся поидемъ: 2
Какова, милый, пора,
Не болитъ ли голова,
Не болитъ ли головушка,
Не ноеть ли животъ; 2
Хошь и ноеть животъ,
Да лицо мило живетъ;
Что за варницами,
За поварницами, 2
Тамъ не въ гусельцы играютъ,
Не въ свирѣли говорятъ;
Говоритъ красна дѣвица
Со удалымъ молодцомъ: 2
Мы пошутимъ съ тобою,
Будто братъ съ сестрою,
Будто братъ съ сестрой,
Съ красной дѣвицей. 2

7.

По горамъ ходить. *)

Игра начинается тѣмъ, что мужчина беретъ дѣвушку
и идетъ съ ней вдоль по комнатѣ, за ними слѣдомъ
другая пара, за этими еще пара и т. д. нѣсколько паръ,
желающихъ играть, и строятся такимъ образомъ, чтобы
мужчина шелъ за женщиной, а дѣвушка за дѣвушкой,
составляя нѣчто въ родѣ *поломса*. Первая пара, дойдя
до стѣны, разнимаетъ руки: мужчина поворачивается
въ одну сторону, идя обратно къ прежнему мѣсту, а
дѣвушка въ другую сторону, также идя обратно; за
ними слѣдуютъ и остальные—мужчины за женщиной, а
дѣвушки за дѣвушкой составляя два теченія до тѣхъ
поръ, пока у противоположной стѣны, т. е. откуда на-

*) Изъ очень старинныхъ, давно уже позабытыхъ.

чалось шествіе, не встрѣтятся мушны и дѣвушки сначала первой пары, а за ними и остальные. Тутъ, шествіе идетъ какъ и въ началѣ, именно: рука въ руку идутъ пары мушны и дѣвушекъ, другъ за другомъ, до того мѣста, гдѣ снова приходится дѣлиться на двѣ струи—мужскую и женскую. Пѣсня поется слѣдующая:

По горамъ было, по высокимъ, (2)

По лужкамъ зеленымъ; (2)

Разцвѣтали тамъ цвѣточки, (2)

Все цвѣты алые. (2)

Еще всѣ цвѣты аленьки, (2)

Одинъ поалне всѣхъ (2).

Чѣмъ онъ, чѣмъ онъ поалне, (2)

Чѣмъ повеселѣе? (2)

Еще все дружи миленьки, (2)

Одинъ помиляе всѣхъ. (2)

Чѣмъ онъ, чѣмъ онъ помиляе, (2)

Чѣмъ повеселѣе? (2)

Ужъ я своему милому (2)

Стану, буду вѣнки плести; (2)

Своимъ бѣлыми руками, (2)

Алой лентой перенью, (2)

Надеженькой назову. (2)

«Ты, надежда, миль-сердечный, (2)

Что въ гости не ходишь?» (2)

—Ужъ я радъ въ гости ходить, (2)

Не своя неволя: (2)

Надо синь кафтанъ со сборами, (2)

Кушакъ съ полосами, (2)

Надо шапочка съ углами, (2)

Головка съ кудрами. (2)

V. ВЕЧЕРИНКИ ВООБЩЕ.

Когда на вечеринкѣ присутствуютъ парни, то сверхъ *уточек* и вышесказанныхъ *ищъ*, которыя въ последнее время стали выводиться, а нѣкоторыя трудно и встрѣтить совсѣмъ,—большею частію уже занимаютъ танцами, особенно кадрилию, а иногда являются уже знакомые и съ другими мелкими танцами. Когда же нѣтъ парней, или есть, но нерасторопные, или не танцующіе, то дѣвушки больше сидятъ по мѣстамъ, или обхватившись межъ собой прохаживаются по комнатѣ, занимаясь уничтоженіемъ чаю, сластей и закусокъ (пряниковъ) и пѣснями, большею частію общими, которыя поются при разныхъ работахъ, какъ то: рыбной ловлѣ, греблѣ въ лодкѣ, заводскихъ работахъ и т. д., а также и тѣхъ которыя лѣтомъ поются въ хороводахъ. Какъ одну изъ

пѣсенъ изъ разряда общихъ, замѣчательную по хорошей прогласитѣ (напѣву), приводимъ нижеслѣдующую:

1.

Шила брала коверъ, (2)

Шила, вышивала; (2)

Вышиваючи коверъ (2)

Рѣчи говорила: (2)

—Что кому этотъ коверъ, (2)

Коверъ достанется? (2)

Доставается коверъ (2)

Старому мужу; (2)

Старому мужу, негодлю. (2)

Первому злодѣю. (2)

Я могу-жъ ковра, (2)

Коврика убавить, (2)

Со всѣхъ четырехъ сторонъ (2)

Я-ли по узору, (2)

Шито-браному узору, (2)

Все по золотому. (2)

Когда поется эта пѣсня, дѣвушки, шая, а также и женки, которыя по моложе и по веселѣе, берутъ другъ друга за плечи, обратясь лицомъ къ лицу, и такимъ образомъ ходятъ, подпрыгивая то въ сторону одной, то въ сторону другой.

Также хороша одна изъ пѣсенъ *общихъ*, которая поется на вечеринкахъ, когда не составляется танцевъ или игръ, а равно и въ другихъ случаяхъ, гдѣ попадаетъ; она хороша какъ по содержанію, такъ и по прогласитѣ:

2.

По Дону гуляетъ

Кавказъ молодой, 2

Онъ на ворономъ конѣ,

Во збруѣ золотой. 2

Разкрасавица плачетъ

Надъ быстрой рѣкой, 2

—«О чемъ, Маша, плачешь,

О чемъ слезы льешь? 2

Коня-ли тебѣ жалко;

Али збруи золотой!» 2

—Не жалко мнѣ збруи,

Не жалю коня. 2

«Отца-ли тебѣ жалко,

Али матери родной?» 2

—Не жалко мнѣ матери,

Не жалю отца. 2

«Братца-ль тебѣ жалко,

Али сестеръ своихъ?» 2

— Не жалко мнѣ брата,
Не жалѣю сестрицъ. 2
Растопчихонько жалко
Тебя молодца! 2
Когда я млада-младшенька
Ребеночкомъ была, 2
Мнѣ бѣлая цыганочка
За ручку брала: 2
Смотрѣла на правую,
Качала головой; 2
Сказала: потонешь
Въ день ты свадебной своей. 2
— «Не вѣрь, не вѣрь хорошая,
Не повѣрь, душа моя! 2
Черезъ быструю рѣчку
Я-ли выстрою мостъ, 2
Предлинный мостъ, чугунный,
На тысячу версть; 2
Поставлю я стражу
Впередъ на пятьсотъ.» 2
По чугунной дороженькѣ
Карета бѣжить, 2
Карета бѣжить ли,
Колеса гремятъ. 2
— «Знать мою-ли расхорошую
Къ вѣнчанью везуть!» 2
Подъ невѣстой конь вороной
Споткнулся, упалъ; 2
Женихъ оглянулся;
Невѣста въ Невѣ!... 2
Успѣла, сказала:
— «Прощай, бѣлый свѣтъ!» 2
Какъ второй разъ говорила:
«Прощай отецъ и мать!» 2
Какъ въ третій разъ говорила:
«Прощай, любезный другъ!» 2
Приводимъ еще въ примѣръ общихъ пѣсенъ нѣсколь-
ко подобныхъ, такъ какъ онѣ поются и на вечеринкахъ:
3.
Ужъ вы горы, горы высокія;
Горы Воробьевскія (2)
Воробьевскія, — (2)
Горы подмосковскія, (2)
Подмосковскія. (2)
Ничего-то вы горы, горы не спородили (2)
Не спородили; (2)
Спородили вы, да горы, (2)

Да горы (2),
Сѣръ горючъ вы камешекъ (2),
Изъ подъ камня бѣжить (2)
Рѣчка быстрая; (2)
Подлѣ рѣченки стоять (2)
Часть ракитомъ одинъ кустъ; (2)
На кусточкѣ сидитъ, (2)
Сидитъ младъ-сизой орелъ; (2)
Во когтяхъ-то онъ держитъ, (2)
Чернаго ворона; (2)
«Ужъ онъ бить-то его, не бѣтъ,
Только спрашиваетъ:
Ужъ гдѣ ты, воронъ, ты леталъ,
Гдѣ, сизой, ты пометывалъ?
— Я леталъ-то, леталъ
По дикимъ, по степямъ,
Степамъ, по Саратовскимъ,
Ты кого же воронъ видалъ?
Видѣлъ я чудо-чудное,
Видѣлъ тѣло бѣдое:
Тѣло бѣдое лежитъ,
Лежитъ не устрѣлено.
Какъ ни кто-то по тѣлу,
По тѣлу-то не схватится?
Какъ схватились объ тѣлѣ,
Объ тѣлѣ да родители:
Прилетали къ тѣлу
Три ласточки,
Какъ первая ластка,
Ластка родная матушка;
Какъ другая-то ластка,
Ластка родная сестрица;
Какъ третья-то ластка,
Ластка-молодая жена.
Родная-то матушка сидитъ,
Сидитъ у головушки;
Родная-то сестрица сидитъ,
Сидитъ на бѣлыхъ грудяхъ;
Молода жена сидитъ,
Сидитъ на рѣзвыхъ ногахъ.
Родная матушка плачетъ,
Плачетъ, какъ рѣка течетъ;
Родна сестрица плачетъ,
Какъ ручья весной бѣжать;
Молода жена плачетъ,
Плачетъ, какъ рѣка падетъ,
Родная матушка плачетъ,

Плачетъ до гробной доски!

Родна сестрица плачетъ,

Плачетъ до замульца!

Молода жена плачетъ,

Плачетъ до мила дружка! *)

Оканчивая очерки вечеринокъ мѣщанъ города Онеги, нахожу нужнымъ присоединить къ тому еще нѣсколько необходимыхъ замѣтокъ.

Во 1-хъ съ вечеринкой не должно смѣшивать вечерка, упоминать о которомъ отдѣльно я и не подумалъ бы, но такъ какъ пришлось къ слову, то скажу, что вечерокъ мѣщанъ есть каррикатурное, подражательное обезьянничанье баламъ, вечерамъ и вечеркамъ мѣстныхъ чиновниковъ. А потому и можно себя представить, что послѣ того выходитъ. Нанимаются музыканты, больше на сладчину мушинъ; пѣсни, игры и словомъ все, напоминающее нѣсколько настоящее народное удовольствіе,—отбрасывается, а вмѣсто того является на сцену ангажированье на танцы, французскія кадрили, съ вывертами, притопываніями и круженіемъ паръ до окончательнаго паденія, разныя польки, **) вальсы и прочія балетныя штуки, кончая новѣйшимъ ляпсѣ. Все это уродливо, безобразно и пьютъ до отвращенія. Если въ этомъ и стоитъ на что обратить вниманіе, то во 2-хъ на шэнъ, или шинъ какъ здѣсь величаютъ этотъ танецъ, замѣчательный тѣмъ, что онъ произведеніе чисто почвенное, онежское, прикрѣпленное къ городу Онегѣ, и не встрѣчаемое за чертою города уже нигдѣ. Кто былъ творцомъ этого танца и время возникновенія его—забыто. Состоятъ онъ въ началѣ изъ точно тѣхъ же приемовъ и путешествій, какія узаны подробно въ игрѣ Царевъ сынъ. Когда собирется кругъ, то онъ распадается на пары, послѣднія стараются стать другъ противъ друга, и начинаютъ танцовать тогда какую-то смѣсь изъ второй фигуры французской кадрили, поклоновъ и еще другихъ фигуръ, не заслуживающихъ особеннаго упоминанія; по исполненіи этого обряда, пары сцѣпляются снова въ кругъ и дѣлаютъ уже настоящій шэнъ, какой танцуются въ заключеніи 6-й фигуры французской кадрили; затѣмъ слѣдуетъ опять разбиваніе на пары и исполненіе раска-

занной смѣси, послѣ чего снова шэнъ, и такъ далѣе до безконечности, то есть пока не надоѣстъ. Танцуются этотъ танецъ болѣе подъ обще-навѣстныя пѣсни какъ то: «Сѣни моя сѣни», «По улицѣ мостовой», или подъ музыку тѣхъ же пѣсней, если таковая имѣется.

Въ 3-хъ вечеринки составляютъ зимой въ продолженіе всего заговѣнья, то есть когда пѣтъ поста, очень часто; рѣдкая изъ дѣвушекъ, посѣщающихъ вечеринку не составитъ таковой хоть однажды у себя, охотницы же собираютъ и по нѣскольку разъ въ зиму. Да и обходится онѣ очень дешево, весь расходъ идетъ лишь на двѣ-три салныя свѣчи, сева ст о п о л ь с к і й, какъ говорятъ здѣсь, то есть едва желтѣющій чай дѣвушкамъ и для нихъ же самыя дешевыя сласти, большею частію орѣхи и закуски (то есть дешевыя пряники), и рѣдко конфеты. Для мушинъ угощенія во все не полагается: даже которые изъ нихъ были званы хозяевами лично, и тѣ не удостоиваются чашки севастопольца. Но напротивъ, чтобы доказать свою свѣтскость, умѣнье ухаживать за хорошенькими горожаночками, молодцоватость, мушины необходимо, собираясь на вечеринку по приглашенію или по слуху о таковой, должны запасти въ карманы по больше угощенія для тѣхъ особъ прекраснаго пола, вниманія которыхъ они добиваются. Если же сами пожелаютъ угоститься, то имъ разрѣшается для сего послать когонибудь изъ зрителей, мальчишку, дѣвочку или даже услужливую женку, въ расписочную за извѣстнымъ угощеніемъ (водкой), выше которой ничего болѣе мѣстными муштинами не можетъ быть и придумано; развѣ уже за особенную любезность кавалеровъ хозяйшка квартиры, гдѣ идетъ вечеринка, снесетъ въ особый чуланчикъ, играющей роль курительной комнаты, житничекъ, да пожалуй еще селедокъ или трески, коль имѣется въ излишкѣ.

Въ 4-хъ входъ на вечеринку доступенъ всякому желающему и для того не требуется ни вноса, нисообеннаго знакомства съ хозяевами: достаточно услышать, что тамъ то будетъ вечеринка, чтобы идти безъ церемоніи (то есть церемоніи). Вотъ только случай, когда приходится раскошеляваться пришедшему на вечеринку лицу не привилегированнаго пола, то есть муштинамъ; а именно если посвоей несчастной судьбѣ, онъ ступитъ въ комнату, гдѣ идетъ вечеринка, въ то время, когда тамъ не происходитъ ни игръ, ни пляски; тогда обыкновенно, дѣвушки сидятъ (многія помѣщая на своихъ колѣнахъ любимиыхъ парней) по своимъ мѣстамъ, то есть во кругъ

*) Эта пѣсня поется медленнымъ, заунывнымъ голосомъ; въ ней каждая строка повторяется два раза, а гласныя и послѣднее слово каждой строки поется два раза, какъ это показано въ началѣ пѣсни.

**) Но слѣдуетъ замѣтить, что полька въ п е р в о н а ч а л ь н о м ѣ с в о о м ѣ в и д ѣ была и есть до сихъ поръ народною славянскою пляскою, именно у племени чешскаго.

всѣхъ четырехъ стѣнъ комнаты и поютъ пѣсни, которыя я называлъ выше общими. Въ это время, на злосчастливаго, вповь прибывшаго обращается все вниманіе молодыхъ сребролюбицъ, которымъ мгновенно всѣмъ является мысль: надо NN пѣсню пропѣть, можетъ бросить что на тарелку, затѣмъ, послѣ короткаго шушуканья, затагиваютъ хоромъ какую либо пѣсню, въ которой злосчастному NN припѣваютъ имя дѣвушки, или женщины, имѣющей, или иногда и во все не имѣющей для NN значенія. Пѣсня пропѣта, и онъ слышитъ даже слѣдующее обращеніе къ себѣ, тоже хоровое:

- а) Ты пожалуй, господинъ,
 Намъ за пѣсенку—
 Виноградіе, красно-зеленое.
 Ужь ты рубль, либо два,
 Либо вина полведра.
 Виноградіе, красно-зеленое.

Просьба эта такъ ясна и настоятельна, что господинъ, къ которому она была обращена, долженъ уже непременно вынуть изъ кошелька сколько нибудь денегъ (само меньшее бываетъ 3 копейки серебромъ, и доходитъ до 15, а прежде давали и болѣе значительныя куши, 1 рубль сереб. и больше) и отдать дѣвкамъ на свѣчки, или же на лакомство. Но горе тому злосчастному, кто или не пойметъ желанія дѣвушекъ, а можетъ по скупости не раскошелится! тогда уже безъ милости, при общемъ хохотѣ, поется ему такая пѣсня, которая и въ печать не можетъ попасть, по своимъ черезъ-чуръ отборнымъ, очищеннымъ и рѣжущимъ ухо выраженіямъ. Такихъ пѣсенъ двѣ, и изъ начальныхъ я приведу по нѣсколь- ку строкъ:

- б) Фантатуры, фантатуры,
 На спичкѣ, да на лучинкѣ
 Мышка точится;
 Андріану молодцу
 Чего хочется?
 Катерина не дала,
 Только выругала,
 Андріану то котель,
 У Катерины большой хохоль,
 Андріану то квашня,
 У Катерины большая мошна

- в) Виноградіе, красно-зеленое,
 Какъ Наталья-то хохла
 Тридцать лѣтъ берегла!

Виноградіе, красно-зеленое.
 Что кому этотъ хохоль
 Достанется на позоръ?
 Виноградіе, красно-зеленое,
 Достается хохоль
 Да Ивану молодцу,
 Виноградіе, красно-зеленое,
 Что Ивану молодцу,
 Да Ефимовичу
 Виноградіе, красно-зеленое.

О внѣшней, форменной, обрядовой сторонѣ, какъ вечеринокъ, такъ и вечеровъ сказать больше нечего, — остается только упомянуть объ ихъ внутреннемъ, нравственномъ значеніи для народа.

Противъ вечеринокъ, вообще, какъ мѣста собранія молодежи для удовольствій, возставать было бы глупо; но нельзя не пожалѣть, что въ настоящее время вечеринки въ городахъ потеряли весь свой прежній невинный и вполне народный характеръ, а замѣнили его чѣмъ-то пошлымъ, развратнымъ и подражательнымъ. Замѣна пѣсенъ и игръ господскими танцами, равно какъ сидѣнье парней на колѣнахъ дѣвушекъ (иногда и на оборотъ), при чемъ разумѣется изъ подтишка дается большой просторъ рукамъ, и наконецъ — прогулка по большей части прямо съ вечеринки дѣвушекъ въ гости на домъ къ парнямъ, по парно, и даже куда нибудь въ другое по близости потайное мѣсто для извѣстной цѣли — все это такъ уронило вечеринку въ глазахъ самаго народа, что, матери, желающія сберечь нравственность и репутацію дочерей — невѣсть, почти вовсе не отпускаютъ ихъ на подобныя вечеринки, развѣ только въ знакомый, извѣстный своей строгой нравственностью домъ, и то при собственномъ надзорѣ и сопровожденіи.

Г. ЛѢТНИЕ ХОРОВОДЫ.

Лѣтомъ, которое начинается здѣсь съ момента, когда пройдетъ заторъ, то есть рѣка Онега освободится отъ льда, лѣтомъ въ каждый праздничный день, не разбирая — солнечный ли онъ, или пасмурный, только бы не было окончательной непогоды — дождя или снѣгу, весь городской людъ, обходявъ сначала знакомыхъ и всѣ улицы города вдоль и поперекъ, собирается въ извѣстныхъ пунктахъ. Этихъ пунктовъ довольно много, но главныхъ — три, по числу главныхъ частей города: на погостѣ, на самомъ нижнемъ концѣ города, гдѣ имѣлась прежде церковь, теперь уже несуществующая, — на

пирахъ или лужкахъ, уже въ самомъ центрѣ города, вблизи одной изъ трехъ—четырехъ лавокъ, или не вдалекѣ, на площади, передъ соборною церковію, на лужкахъ, и наконецъ на верховьи города, гдѣ для того есть нѣсколько пунктовъ. Когда въ извѣстномъ пунктѣ соберется достаточное количество народу, дѣвушки составляютъ хороводъ, то есть сдѣлаясь руками образуютъ кругъ, который въ продолженіе всего времени, пока поются хороводныя пѣсни, двигается то въ одну сторону, то въ другую. Молодцы же, или парни подходятъ къ кругу, приглашаютъ одну изъ дѣвушекъ, которая бѣжитъ сначала вокругъ круга, а затѣмъ далѣе по улицѣ, парень же въ догоню за ней, стараясь ее догнать или тронуть рукой или ударить платкомъ, тогда дѣвушка останавливается, и они оба возвращаются, разговаривая, къ хороводу. Подойдя къ кругу, дѣвушка ударяетъ платкомъ какого нибудь другаго парня, который затѣмъ бѣжитъ за ней по примѣру перваго; когда же они возвратятся, то дѣвушка становится въ кругъ, а парень въ свою очередь ударяетъ другую изъ круга, и такъ далѣе,—въ этомъ состоитъ вся игра хоровода. Пѣсни поются слѣдующія:

1.

Безпечальное, беззаботное
 Это дѣвушкамъ житье,
 Отъ родителей гулянице
 Очень вольно!
 Ходи, дѣвушка, гуляй,
 Своей воли, ты, дѣвка не теряй!
 Я гуляла-бы, млада,
 Со дѣвичьяго глупаго ума
 Потеряла-бы, млада.
 Всю прекрасную дѣвичью красу!
 Что-й-то за эту-ли вину
 Прощеньица дѣвушкамъ нѣтъ!
 Какъ задумали злые родители
 За мужъ отдавать,
 Со веселенькимъ, со гуляницецъ
 На вѣкъ разлучать.
 Я-то осмѣлилась словечико
 Батюшку сказать:
 Хоша выдашь за мужъ,
 Не начая я себѣ живой быть;
 Буду ли дѣвушка, я жива,
 Не забуду я-то дѣвичья житья.
 Въ житьѣ-то, да во бытьѣ

Есть тамъ молоденькій дружокъ мой.
 Ваши ласковы, столь пріятны
 Къ сердцу слова,
 Да безъ огня-то мое сердце,
 Да сердечко разожгли;
 Что безъ вѣтра-то моя мысли-то
 Съ думушкой разнесло.
 Разнесло мысли-та по чистымъ,
 Широкимъ полямъ,
 Чтой-та по тѣмъ-то-ли полямъ
 По ракитовымъ кустамъ!
 Кто бы моему горюшку,
 Да горюшку помогъ,
 Кто бы да великому
 Сей годъ пособилъ!
 Со пути-бы со дороженьки
 Дружка воротилъ:
 Воротися, воротися, воротися,
 Мой миленькій назадъ!
 Наглядитесь вы очи ясныя
 На дружка во запасъ
 На такой запасъ на кругленькой,
 На весь да годокъ,—
 Чтобы не ныло сердечико,
 Ни въ какой часокъ.
 Красное солнышко да негрѣеть,
 Солнце не печеть:
 Цвѣтное платье не влаеть,
 Платье не сушить.
 Мой-отъ миленькой не тужить,
 Любезной, обо мнѣ. (*)

2.

Я единой дочкой у бабушки
 Въ дѣвушкахъ росла.
 Была единешинька у матушки,
 Въ дѣвушкахъ была.
 Не сидѣла бы въ новой горницѣ,
 Безъ дружка одна.
 Не глядѣла-бы въ чисто поле,
 За лѣсъ далеко.
 Не ругала-бы чужой дальшой,
 Злодѣйки стороны:
 Ты злодѣй, злодѣйка чужая,
 Дальная сторона!
 Разлучила ты, развела съ отцемъ-матерью,

*) Въ этой пѣснѣ одно послѣднее слово каждаго втораго стиха повторяется два раза.

Дѣвушку меня;
Во вторыхъ-то развела со родимой
Ты меня стороной;
Ноньче, еще того тошнѣй, съ дружкой миленькимъ
Дѣвушку меня.
Ужъ вы, братцы, товарищи,
Вы братцы мои!
Не съ одной-ли сторонушки,
Вы братцы со мной?
Не поѣдите-ли по скорости,
Вы братцы домой?
Вы свезите моему дружку
Милому письмо.
Во письмыцѣ-то есть подписана
Съ миленькимъ любовь,
Чтобы милый иную дѣвку,
Дѣвку не любилъ;
Меня бы горькую, несчастную
На вѣкъ не сушилъ.

3.

Не весела компания,
Гдѣ милаго-то нѣтъ, (2)
Веселая бесѣдушка,
Гдѣ миленькой пѣть, (2)
Онъ да не пѣть, голубчикъ мой
За мной молодой шлеть, (2)
Какъ я-то млада младшенька
Замѣшкалася: (2)
За утками да за гусями,
За лебедями (2)
За вольною, за птицею,
За журочкою: (2)
Журавлюшка по бережку
Погуливаетъ, (2)
Шелковую травиночку
Поклевываетъ, (2)
Свѣжу воду, ключевую
Захлебываетъ, (2)
За рѣченьку, за быструю
Посматриваетъ. (2)
За рѣченькой, за быструю
Слободка стоитъ; (2)
Не малая слободушка—
Четыре двора, (2)
У каждого, у дворика
Четыре шатра; (2)

Въ каждомъ во шатричкѣ
Четыре окна;
У каждого окошечка
Четыре стекла; (2)
У каждого стеклышка
Четыре кумы (2)
Ужъ вы кумушки, голубушки,
Кумитесь вы,
Кумитесь-любитесь,—
Любите вы меня! (2)
Ужъ вы пойдете во зеленый садъ
Возьмите вы меня! (2)
Ужъ вы станете цвѣточки рвать,
Сорвите вы мнѣ! (2)
Ужъ вы станете вѣночки плестъ,
Сплетите вы мнѣ! (2)
Ужъ вы станете въ Дунай бросать
Бросьте вы мой! (2)
Еще всѣ вѣнки да поверхъ воды,
Одинъ мой на днѣ; (2)
Еще всѣ дружки съ Москвы ушли,
Мого то нѣтъ!

4.

Объ чемъ мальчикъ сумнѣвался,
Холость мало погулять? (2)
Онъ схватился,—что женился,
Не любую женушку взялъ, (2)
Не любую да не милую,
Не свою-то сударушку. (2)
Я не буду, я не стану,
По согласью съ ею жить! (2)
Ужъ я буду-ль, вѣрно-стану
Къ прежней любушкѣ ходить! (2)
Охочая, любезная
Въ лѣсъ по ягодки ходить.
Случилось, сиротинушкѣ,
Подъ березой ночевать. (2)
Стой, ну, береза не шатайся!
Въ рѣчку, во Пашу не свались, (2)
Рѣчка Пашенька глубока,
Осенняя ночь долгá; (2)
Что осення ночь долга,
Я одна спать не смѣла. (2)
Я одна, дѣвушка, спать боюся,
Товарища со мной нѣтъ, (2)
Еще нѣту со мной товарища,

Нѣту милаго дружка. (2)
Отколь взялся, проявился—
Стоитъ милый за рѣкой, (2)
Стоитъ милый за рѣкой,
Машетъ правою рукой: (2)
Стой-ты дѣвица не топися,
Красавица ты не давися: (2)
Не топися, не давися,
Своей души не губи! (2)
Свою ли душеньку погублю
Мила дружка изсушу. (2)

5.

Какъ цвѣли-то, цвѣли,
Въ саду цвѣточки,
Разцвѣли-да повяли.
Какъ любилъ-то, любилъ,
Парень дѣвушку,
Любилъ да покинулъ, (2)
По кидавши-то, парень
Красной дѣвушкѣ
Въ глаза насмѣялся, (2)
Насмѣялся-то парень
Надъ красною дѣвушкой
При всемъ, при народѣ. (2)
Какъ при всемъ-то, при всемъ
При народѣ
Въ большомъ хороводѣ, (2)
Какъ въ большомъ-то, большомъ
Хороводѣ,
Лѣтомъ на лужечкѣ. (2)
Ужъ онъ снялъ-то, сорвалъ
Съ красной дѣвушки
Шалевой да платочекъ,
Отпоясалъ-то, отпоясалъ
У красной дѣвушки
Шолковъ поясочекъ; (2)
Онъ стянулъ-то, сломалъ
Со правой рученьки
Золото ново колечко. (2)
Уливалась, уливалась
Красная дѣвушка
Горькими слезами, (2)
Утиралася да утиралася
Красная дѣвушка
Русою она, косою. (2)
Выходила-то, выходила

Красна дѣвушка
На круть бережечикъ, (2)
Выступала-то, выступала
Красная дѣвушка
На сѣрь каменечикъ, (2)
Умывалася-то, умывалась
Красная дѣвушка
Водой ключевой, (2)
Утиралася-то, утиралася
Красная дѣвушка
Бѣлымъ полотенцемъ, (2)
Смотрѣлася, смотрѣлася
Красная дѣвушка
Въ зеркалѣ хрустальномъ;
Что въ зеркало-то, въ зеркало
Въ хрустальное
Рѣчи она говорила:
Заростайте-ко, заростайте
Пути дороженьки
Горами да долами,
Заносите-ко, заносите
Милаго слѣдочки
Бѣлыми снѣгами!
Что по городу-то, по городу
По Саратову
Сашенька гуляла;
Дорогія себѣ, дорогія
Покупочки
Саша закупала,
Закупала себѣ, закупала
Покупочки—
Гербовъ лѣсть бумажки;
Что искала себѣ, искала
Молодчика
Писаря она искала,
Чтой-то-на своего, на своего
На любезнаго
Просьбу написала,
Астраханскому-то, Астраханскому
Губернатору
Просьбу подавала:
«Ой, ужъ ты батюшка, батюшка,
Астраханскій
Новый Губернаторъ!
Охъ, ты прими-тко, возьми
Мою просьбицу,—

Суди по закону!
Ой, неразумишь ты, неразумишь
По закону,
Подамъ сенотору.
Ужъ ты глупа, ты глупа,
Красная дѣвушка,
Глупа, не разумна;
Не сама-ли ты, не сама-ли ты
Красна дѣвушка,
Эфтому виновата!
Ой, какъ безъ утренней-то, безъ утренней,
Безъ зорюшки
Солнышко не всходитъ;
Безъ причинушки парень, безъ причинушки
Къ красной дѣвушкѣ
Въ гости не ходитъ,
Ой, безъ подарочекъ-то, безъ подарочекъ
Красна дѣвушка
Молодца не любить!

6.

Снѣжки бѣлые, пушистые
Все покрыли, поле все,
Едного лишь не покрыли (2)
Горя люта моего.
Есть кусточекъ среди поля
Единешенекъ стоитъ,
Онъ не клонитъ къ землѣ вѣтки
А листочковъ нѣтъ на немъ. (2)
Слеза канетъ, снѣгъ растаетъ—
Въ полѣ выростетъ трава.
Какъ на томъ прекрасномъ мѣстѣ
Всѣ цвѣточки разцвѣтутъ,
Никто травиньки не коситъ,
Никто ей не обомнетъ,
Никто дѣвушку меня не любитъ,
Никто замужъ не возьметъ.

7.

Вы премилая мои дѣвушки,
Вы придите въ гости ко мнѣ
Попросите вы у батюшки
Вы меня въ гости къ себѣ, (2)
У родимой матушки—
Въ зеленъ садикъ погулять, (2)
У меня въ садочку
Есть забава хороша, (2)
Забава премилая—

На древахъ листья шумать, (2)
Подъ кусточкомъ пташечки
Шибко, громко говорить, (2)
Молодой соловьюшко
Летитъ, свищетъ мною садъ. (2)
Спрошу я соловьюшка,
Тужить-ли милый обо мнѣ?
Я-ли по своему миленькомъ,
Каждый часъ объ немъ тужу: (2)
Зайду въ нову я горенку—
Уливаюсь слезьми, (2)
Зайду въ теплу спаленку—
Лягу вничъ я на кровать,
До тѣхъ поръ лежать буду (2)
До куль два часа не бьетъ. (2)
Часъ ночи да ударило
Ко мнѣ милый не пришелъ. (2)
Два часа ударило
Ко мнѣ миленькій пришелъ. (2)
Миленькій, хорошенькой
За чѣмъ долго ты не шелъ?
До чего-жъ ты меня довелъ, (2)
До славушки худой, (2)
До худой до славушки:
Вывелъ краску изъ лица! (2)
У любушки, сударушки—
Въ лицѣ краска не была: (2)
Бѣлыя бѣлаушки,
Накладныя румяна. (2)

8.

Отлетаюшко-дѣвушки запоемъ.
Отлетаетъ мой соколикъ,
Мой соколикъ, Вытегорикъ,
Изъ очей моихъ. (2)
Вздумалъ вхатъ мой любезный
Жить во дальняй городокъ,
Я не мало слезъ ронила, говорила,
Говорила тебѣ, голубчикъ мой, (2)
Во слезахъ дружка просила, говорила:
Хоть немножко со мной поживемъ
Хоть немножечкой, миленьки, хорошенькой
Единъ маленькій часокъ! (2)
Мнѣ никакъ нельзя, не можно,
не возможно
Нельзя, любушка моя, пожить!

Тамъ живутъ сосѣди, злые разлютые,
Не совѣтують тебя любить,
Велятъ душеньку, милую, дорогую,
Велятъ бросить—позабить. (2)
«Я-то тебя забуду, позабуду,
Когда скроются мои глаза,
Призакроютъ тѣло-бѣло
Тонкимъ, бѣлымъ полотномъ,
Призасыпаютъ очи лсны, глаза красны,
Съ гори желтымъ, мелкимъ пескомъ, (2)
На мою-ли грудь бѣлую
Сѣрый камень накатятъ.

Я-то на камешкѣ срисую, нарисую,
На бумажечкѣ напишу;
На той бѣленькой бумажкѣ,
На гербовомъ, на листу, (2)
Всѣмъ подружкамъ, дѣвушкамъ накажу:
Вы подруженьки мои голубуки,
Подруженьки, разголубынки
Не любите вы да мужиковъ! (2)
Что отъ этой, отъ любви
Приключается больша болеть,
Что отъ этой, отъ болести
Приключается скоро смерть. (2)

VII. ЗАКЛИНАНІЯ, НАГОВОРЫ, ОБЕРЕГИ.

А. НА ЛЮБОВЬ.

1. Слова присушить дѣвицу.

-Говорить въ питье и пищу:

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Стану, раба божей, благословясь, пойду перекрестясь, выйду въ чистое поле, въ широкое раздолье; на встрѣчу мнѣ среди чистаго поля и широкаго раздолья семдесятъ буйныхъ вѣтровъ и семдесятъ вихоревъ и семдесятъ вѣтровичъ и семдесятъ вихоровичъ. Пошли они на свитую Русь зеленаго лѣсу ломать и на полъ изъ корени вошь воротить и пещеры каменные розжигать. И тутъ я, раба божей (имя рекъ), помолюсь имъ и поклонюсь: о, вы есть 70 буйныхъ вѣтровъ и 70 вихоревъ и 70 вѣтровичъ и 70 вихоровичъ, не ходите вы на святую Русь зеленаго лѣсу ломать, изъ корени вошь воротить и пещеры каменныя розжигать, подѣте вы, разожгите у рабы божией (имя рекъ) бѣлое тѣло, ретивое сердце, памятную думу, черную печень, горячую кровь, жилы и суставы и всю ей, чтобы она раба божія (имя рекъ) не могла бы не жить, не быть, не пить, не есть, не слова говорить, не речи творить, безъ меня, раба божія (имя рекъ). Какъ меня она, раба божія (имя рекъ), увидитъ или гласъ мой услышитъ, то бы радовалось ей бѣлое тѣло, ретивое сердце, памятная дума, черная печень, горячая кровь, кости и жилы и всѣ у ней суставы веселились. И какъ ждетъ народъ божія владычнаго праздника, свѣтлаго Христова Воскресенія, и звону колокольнаго, такъ бы она, раба божія (имя рекъ), дождалась: на которой день меня она не увидитъ или гласа моего не услышитъ; такъ бы она сохла, какъ кошенная трава въ поли; какъ не можетъ быть рыба безъ воды, такъ бы не могла бы быть она безъ меня, раба божія (имя рекъ). Тѣмъ моимъ словамъ и рѣчамъ ключевыя слова, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогор. у.).

2. Присушить дѣвицу.

Молодой человекъ, желающій возбудить къ себѣ любовь непреклонной дѣвицы, идетъ къ знахарю, съ прось-

бой присушить къ нему ту, которая была къ нему равнодушна.

Колдунъ вынимаетъ пряникъ и, принявъ таинственный видъ, начиная, поводя глазами и расширяя по временамъ поздри, наговаривать на этотъ пряникъ: «Во имя Отца и Сына Святаго Духа, аминь. Стану я раба божій Н. благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле за дворами; взмолюся тремъ вѣтрамъ, тремъ братьямъ: вѣтеръ Моисей, вѣтеръ луна, вѣтеръ буйные вихори! Дуйте и винтите по всему бѣлому свѣту и по всему міру крещеному, распалите, разожгите и сведите рабыню Н. со мною, съ рабомъ божіимъ, Н., душа съ душой, тѣло съ тѣломъ, плоть съ плотью, хоть съ хотью, не уроните той моей присухи ни на воду, ни на лѣсъ, ни на землю и не на скотину: въ воду сроните—вода высохнетъ; на лѣсъ сроните—лѣсъ повянеть; на землю сроните—земля сгоритъ; на скотину сроните—скотина посохнетъ. Снесите и донесите, вяжите и положите въ рабыню божію (имя рекъ) въ красную дѣвицу, въ бѣлое тѣло, въ ретивое сердце, въ хоть и въ плоть: чтобы красная дѣвица не могла безъ меня раба Божія (имя рекъ) ни пить, ни быть, ни днать, ни часачасовать, о мнѣ, раба божіемъ (имя рекъ), тужила бы и тосковала и никогда бы не забывала. Есть въ чистомъ полѣ сидитъ баба сводница, у бабы у сводницы стоитъ печь кирпичная, въ той печи кирпичной стоитъ купганъ литръ, въ томъ купганѣ литръ всякая вещь кипитъ перекипаешь, горитъ перегораешь, сохнетъ и посыхаетъ. И такъ бы о мнѣ, раба божіемъ Н., сердцемъ кипѣла, кровію горѣла, и не могла бы безъ меня, раба божія Н., ни жить, ни быть, ни дня днать, ни часа часовать, ни пиетемъ отпитися, ни дутемъ отдутися и ни въ парной банѣ отпариться. Тѣмъ моимъ словамъ ключъ и замокъ, аки влючь на церкви. Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь, аминь, аминь.

«Стану я раба Божій Н. благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле на три розстанца, помолюсь я, раба божій,

трѣмъ братамъ, трѣмъ вѣтрамъ: первый братъ вѣтръ восточный, второй вѣтръ западъ, третій вѣтеръ сѣверъ! Внесите тоску и сухоту въ рабицу божию П., чтобъ она о мнѣ, рабѣ божиѣмъ, сохла и тоскнула; не могла бы и дня днѣвать, ни часу часовать, отнынѣ до вѣка и вовѣки, аминь, аминь, аминь.

Получивъ отъ колдуна пряникъ, парень долженъ отдать его своей возлюбленной. Если это ему удастся, она побѣждена.

(Записано А. Харитоновымъ въ Шенкур. уѣздѣ.)

3. На присушеніе.

Господи Іисусе Христе, Сыне Божій помилуй насъ, аминь.

На русской и на нѣмецкой земли есть огненная царь, высушилъ рѣки и езера и мелкія источины, — и какъ въ нынѣшнихъ вѣтрахъ (высушилъ), такъ бы сохла раба б. Н. по мнѣ рабу б. Н. двадцати четырехъ часу денныхъ и ношныхъ, на новцѣ мѣсяцѣ, и на ветхѣ мѣсяцѣ, и на перекроѣ мѣсяцѣ, и во вся меженны дни, и не могла бы не жить и не быть, ни истъ раба б. Н. безъ меня р. б. Н.: въ семидесять суставахъ и въ семидесяти жилахъ, въ подпятное жиліе и въ подколѣнномъ жиліѣ и во пространной жилы въ . . . и вездѣ бы сохло и болѣло, по мнѣ р. б. Н. Еще есть въ чистомъ полѣ стоитъ Феоклисть, да все высохло; днѣмъ при солнцѣ, а ночью при мѣсяцѣ и при частыхъ звѣздахъ, и при частыхъ дождикахъ, въ семидесяти суставахъ и въ семидесяти жилахъ и въ подколѣнномъ жилѣ и въ пространной жилѣ въ . . . и вездѣ бы сохло у рабы б. Н. дватцетъ четыре часу денныхъ и ношныхъ, на утренней зорѣ, на вечерней зорѣ, на новцѣ мѣсяцѣ, и на ветхи мѣсяцѣ и на перекроѣ мѣсяцѣ, во вся меженны дни, не могла бы она р. б. Н. безъ меня раба б. Н. не жить и не быть. Еще есть въ чистомъ полѣ печь мѣдная, наложена дровъ дубовыхъ, какъ отъ тѣхъ дровъ дубовыхъ сколь жарко разгорится, и такъ бы разгорялась раба б. Н. по мнѣ рабу б. Н. 24 часу денныхъ и ношныхъ, на новцѣ мѣсяцѣ и на ветху мѣсяцѣ, и на перекроѣ мѣсяцѣ, во вся меженны дни, на утренней зори, во вся меженны дни, не могла бы она р. б. Н. безъ меня р. б. Н. не жить и не быть. Всѣмъ моимъ словамъ ключъ и замокъ, аминь, аминь, аминь.

Трижды плюнь, а говорить на соль или на пиво, или на пряникъ, или въ вино.

(Списано со старинной тетрадки, доставленной изъ Пинежскаго уѣзда г. Хромцовымъ.)

4. Присушить дѣвку.

Выйду я на улицу, на божій свѣтъ, посмотрю въ чисто поле. Въ чистомъ полѣ есть 77 мѣдныхъ свѣтлыхъ каленыхъ печей, на тѣхъ 77 на мѣдныхъ, на свѣтлыхъ, каленыхъ нечахъ есть по 77 еги-бабъ; у тѣхъ у 77 еги-бабъ есть по 77 дочерей, у тѣхъ у 77 дочерей есть по 77 клукъ и по 77 метель. Помолюсе и покорюсе я р. б. Н. этимъ еги-бабовымъ дочерямъ: «ой еси! вы, еги-бабовы дочери, присушите и придуците рабу б. Н. къ рабу б. Н. метлами, слѣды запашите, клуками заклучите, бейте убивайте подпятную жилу, бейте убивайте подколенную жилу, бейте убивайте стантовую жилу, бейте убивайте корекористой дубъ, бейте убивайте мѣдны калены печи». Коль горять пылко и жарко мѣдны калены печи, такъ же бы раба б. им. пеклась и калилась по всяко время, по всякъ часъ, утра рано, вечера поздно, о середки дня, о полуноци, на утренней зори и на вечерней, на нову и на ветху мѣсяцу, и на перекроѣ мѣсяцѣ; немогла бы она безъ р. б. Н. не жить, не быть, не пить, не исъ, во снѣ не засыпала, во питіи не запивала, во ѣды не заѣдала, съ добрыми людьми во бесѣды не засиживала, все меня р. б. Н. на умѣ держала; и казался бы я р. б. Н. свѣтле свѣтла мѣсяца, красне красна солнышка, любе отца—матери, толще и матерѣй всего міру крещеного. Вѣтры вѣтерочки, буйны вѣхрочки! спушу и съ вами своя слова, свою статію, на свою сторону, гдѣ ее найдете, тутъ ее возьмите,—на широкой улицы, во мшаной хоромишѣ, во дверехъ, воротикахъ.

(Этотъ заговоръ, кажется не законченный, списанъ со старинной тетрадки, доставленной г. Хромцовымъ изъ Пинежскаго у.).

5. На разженіе сердца у дѣвицы.

Стану я, не благословясь, пойду не перекрестясь, изъ избы не дверями, изъ двора не воротами, въ чистое поле. Въ томъ полѣ есть огіань-море, въ томъ морѣ есть латырь камень, на томъ камнѣ стоитъ столбъ, отъ земли до неба огненный, подъ тѣмъ столбомъ лежитъ змѣя жгуча, опалюча. Я той змѣѣ поклонюсь и покорюсь: Ой еси, ты, змѣя! не жги, не пали меня, полетай подъ восточну сторону, въ высокъ теремъ, въ новы пкой, пухову перину, шелкову подушку, къ дѣвицѣ, Н., разожги и распали у той дѣвицы бѣлое тѣло, ретивое сердце, черную печень, горячую кровь, всѣ подпятныя и занокотныя жилы; чтобъ она дѣвица Н. не могла ни жить ни быть, часу часовать и минуты ми-

новать; поутру вставала—обо мнѣ бы вздыхала, пошла—на мнѣ Н. величала, ни съ кѣмъ бы она думы не думала, мысли не мыслила, плоду не плодила, плодовыхъ рѣчей не говорила, ни съ отцемъ бы, ни съ матерью, ни съ родомъ, ни съ племенемъ, кромѣ меня р. б. Н.; все бы она дѣвица Н. со мной р. б. Н. думу думала, мысли мыслила, плодъ плодила, плодовыя рѣчи говорила, на ветху и на нову мѣсяцу и на перекрѣ мѣсяцу. Будьте тѣ мои слова недоговорены, переговорены, всѣ сполна говорены. Ключъ симъ словамъ въ зубы, замокъ въ ротъ.

(Доставилъ П. А. Ивановъ изъ г. Пинеги.)

6. На роженіе дѣвичья сердца.

Встану я, рабъ божій имярекъ, благословясь, пойду перекрестесь, изъ избы дверями, изъ двора воротами, въ чистое поле, погляжу и посмотрю подъ восточную сторону; подъ восточной стороной стоить есть три печи: печка мѣдна, печка желѣзна, печка кирпична. Какъ онѣ разожглись и распалились отъ неба и до земли, разжигаются небо и земля и вся подселенная; такъ бы разжигало у рабы божей (имярекъ) къ рабу божію (имярекъ) легкое и печень и кровь горячу, не можно бы ей ни жить, ни быть, ни пить, ни исъ, ни спать, ни лежать, все на умѣ меня держать. Недоговорены, переговорены, прострѣлите, мои слова, пуще вострого ножа и рысьяго когтя.

(Записалъ помощ. миссіонера Батраковъ въ с. Ухтостровѣ.)

7. Слова тоску напустить, присушить дѣвокъ.

Четыре зорницы, четыре сестрицы: первая Марія, вторая Марфа, третія Марина, четвертая Макрида; подѣте вы, сымайте тоску и великую печаль съ гостей съ властей со кручинныхъ потюремныхъ людей, салдатовъ новобраныхъ и съ малыхъ младенцевъ, которые титьку сосали и отъ матерей остались; наложите ту тоску и тѣлесную сухоту, великую печаль, на рабу божію имя рекъ, чтобы она, раба божія имярекъ, безъ меня, раба божія имярекъ, не могла бы она не жить, не ходить, не лежать, не спать, все по мнѣ, рабѣ божіемъ имярекъ, тосковать, Тѣмъ словамъ и рѣчамъ ключевыя слова, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогор. у.)

8. Слова тоску напустить.

Во имя Отца и Сына и святаго Духа. Стану я рабъ

Божей имярекъ, благословясь, пойду перекрестесь, изъ избы дверями, изъ двора воротами, выйду въ чистое поле; въ чистомъ полѣ стоить изба, въ избѣ изъ угла въ уголь лежитъ доска, на доскѣ лежитъ тоска. Я той доски, рабъ божій имярекъ, помолюся и поклонюся: о, сія тоска, не ходи ко мнѣ, рабу божію имярекъ, поди тоска, навались на красную дѣвицу, въ ясныя очи, въ черныя брови, въ ретивое сердце, розожги у ней, рабы божіей имярекъ, ретивое сердце, кровь горячую по мнѣ, рабѣ божіемъ имярекъ, не могла бы ни жить, ни быть. Вся моя крѣпость аминь, аминь, аминь.

(Изъ стараго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогор. у.)

9. Навести тоску.

Встану я, рабъ Божій, благословясь, пойду перекрестясь изъ дверей въ двери, изъ дверей въ ворота, въ чистое поле, стану на западъ хребтомъ, на востокъ лицомъ, позрю, посмотрю на ясное небо; со ясна неба лѣтитъ огненна стрѣла; той стрѣлѣ помолюся, покорюся и спрошу ее: «Куда полетѣла, огненна стрѣла?»—Во темныя лѣса, въ зыбучія болота, въ сыроѣ коренья!—«Оты огненна стрѣла, воротись и полетай, куда я тебя пошлю: есть на святой Руси красна дѣвица (имя рекъ) полетай ей въ ретивое сердце, въ черную печень, въ горячую кровь, въ становую жилу, въ сахарныя уста, въ ясныя очи, въ черныя брови, чтобы она тосковала, горевала весь день, при солнцѣ, на утренней зарѣ, при младомъ мѣсяцѣ, на вѣтрѣ-холодѣ, на прибылыхъ дняхъ и на убылыхъ дняхъ, отнынѣ и до вѣка.»

(Шенкур. у.)

10. Присушать дѣвокъ.

Говорить въ пищу и питье:

Держитца, сохнетъ, прочь не отходить. Какъ малой младенецъ отъ матери прочь не отходить, держитца, сохнетъ по всякой часъ и на всякое время, какъ косякъ косяка держитца, прочь не отходить, такъ бы держалась раба божія, имя рекъ, крѣпко и плотно прочь отъ меня, раба божія имя рекъ, неотходила, держалась и сохла крѣпко; какъ двери отъ ободверины неотходятъ, держатца крѣпко, какъ печная доска отъ печи прочь не отходить, горитъ и сохнетъ, прочь не отходить, такъ бы не отходила раба Божія имя рекъ отъ меня, раба божія имя рекъ, сохла, горѣла, прочь не отходила по всякой часъ на всякое время. Стану я, рабъ божій имя рекъ, благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверями, изъ двора во-

ротами, выйду на широкую улицу, пойду въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ красное солнце грѣеть и огрѣваетъ сыроматерую землю; отъ краснаго солнца сохнеть и обсыхаетъ роса медвяная, такъ бы сохло и обсыхало ретивое сердце у рабы божіей имя рекъ по миѣ, рабѣ, божіемъ имя рекъ. Какъ красное солнце огрѣваетъ сыроматерую землю, щепитце и колитца и сохнеть, какъ хмѣль въетце и тянетце по сыроматерой земли, такъ бы вилось и тянулось ретивое сердце по миѣ, рабѣ божіемъ имя рекъ, на всякой часъ, на всякое время. Пойду я рабѣ божіей по зорю Марію, по зорю Маремъянію ко господню престолу, на господнемъ престолѣ мати Марія и Маремъянія, прійду я къ тебѣ, рабѣ божіей имя рекъ, низко помолюся и поклонюся, какъ на тебѣ петлѣнные ризы держатца, такъ бы держалась раба божія имя рекъ. Пойду я, рабѣ божіей имя рекъ, подле синее море: есть въ мори ковыль шука, безъ воды не можетъ ни жить ни быть, ни дня, ни ночи, ни малой часъ. Поди та тоска въ семьдесятъ жилъ и въ семьдесятъ суставовъ во становья въ двѣ жилы и въ едину, въ поядную и спиновую жилу. Тѣмъ моиѣ словамъ ключъ и замокъ, брошу замокъ въ морскую пучину, тѣмъ моиѣ словамъ ключа не бывать и того замка не отпирать, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогорскаго у.)

11. Подходъ на любовь дѣвицы.

Наговариваютъ на воду или на пряткъ или на что либо другое, и даютъ выпить или съѣсть той, которую хотятъ приворожить:

Стану я р. б. благословясь, пойду перекрестясь изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, выйду я въ чистое поле. Есть сидитъ въ чистомъ полѣ сама Пресвятая Богородица Мати Божія. Какъ она скрипитъ и болитъ по своему сынѣ, такъ бы по рабу б. Н. раба б. Н. скрипѣла и болѣла, и въ огнѣ горѣла, не могла бы она ни жить, и не быть, и не пить, и не исъ. Во имя О. и С. и Св. Д. Аминь.

(Запис. въ г. Онегѣ).

12. На любовь дѣвушекъ и всѣхъ людей.

Наговорятъ на кольцо или на крестъ, и положить его себѣ за пазуху или въ платокъ.

Собирайтесь народъ, люди добрые, ко честному Христову празднику. Какъ глядятъ на кресты, на маковки, на Мать Пресвятую Богородицу, на различный образъ; такъ бы на раба б. Н. глядѣли и смотрѣли старые ста-

рики, молодые мужики, старыя старухи, молодыя молодухи, красныя дѣвицы, малыя ребятка; такъ бы раба б. Н. глядѣла и смотрѣла; такъ бы рабѣ б. Н. (имя заговаривающаго) казался краше краснаго золота, чище чистаго серебра. Будьте мои слова тверды и крѣпки, на вѣки нерушими. Ключъ въ воду, а замокъ въ руки. (Запис. въ г. Онегѣ.)

13. Наговоръ на присушеніе.

Какъ рабѣ божіей Н., любить рабу божію Н., такъ чтобы и раба Божія Н., любила раба Божія Н. не могла безъ него ни жить, ни пить и не исъ; и любила и почитала его лучше отца и матери, бѣлаго мѣсяца и краснаго ясна соянышка, вѣки повѣки, отнынѣ до вѣку, аминь.

(Доставилъ П. А. Ивановъ изъ г. Пинеги.)

14. Д л я п р и с у х и.

Изъ свѣжаго вѣника беретъ прутокъ, который кладутъ у порога двери, въ которую пройдетъ тотъ, для кого назначена присуха. Какъ только перешагнуто черезъ пруть, онъ убирается въ такое мѣсто, гдѣ его никто не могъ бы видѣть. Потомъ берутъ пруть въ жарко истопленную баню, бросаютъ на полкъ и приговариваютъ:

«Какъ сохнеть этотъ пруть, пускай сохнеть по миѣ рабѣ божіей (такой-то)».

(Доставилъ г. Никольскій изъ Мезени).

15. Старинное заклинаніе на любовь.

Стану отрокъ, имя рекъ, не благословясь, пойду не перекрестясь, изъ избы не дверми, изъ двора не воротми, и пойду въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ стоятъ три и два и единъ: бѣсъ Сава, бѣсъ Колдунъ, бѣсъ Асаулъ, и я сойду поближе отрокъ им. р. и поклонюся пониже: а..... *) вы три деветъ бѣсовъ три, два, и единъ: бѣсъ Сава, бѣсъ Колдунъ, бѣсъ Асаулъ, и какъ вы служили Ироду царю, и такъ послужите миѣ отроку им., пойдите по городамъ и по уѣздамъ и по деревнямъ, избирайте тоску и сухоту, со звѣрей и съ птицы, и съ рыбы и со всякаго званія людей, и снесите ту тоску и сухоту въ отроковицу, имя рекъ. въ ясныя очи, въ черныя брови, въ румяное лице, въ сахарныя уста, въ горячую кровь, въ черную печень, въ тридевятъ жилъ, и въ одну жилу, во становую, въ подпятную....., чтобы отроковица (имя рекъ) не могла бы не жить, не быть ни день по солнцу, ночью по мѣсяцу. Какъ младенецъ

*) Здѣсь и въ слѣдующихъ мѣстахъ вырвано по одному слову въ рукописи.

безъ матернаго молока жить не можетъ, такъ бы жила отроковица и. р.: безъ воды не можетъ жить ни днемъ, ни ночью, ни въ которую пору. Есть въ чистомъ полѣ стоять дубъ сорочинской, и подъ тѣмъ дубомъ сорочинскимъ есть тридцать отроковицъ, изъ подъ того дуба сорочинскаго выходитъ Яга баба и пожигаетъ тридцать сажень дубовыхъ дровъ. И коль жарко и коль ярко разгоралось тридцать сажень дубовыхъ дровъ и столь жарко..... разгоралась отроковица р. б. (имя рекъ), разгорались ясныя очи и черныя брови, и румяное лицо, сахарныя уста, ретиво сердце и горячая кровь, черная печень, семдесятъ жилъ и семдесятъ суставовъ и семдесятъ одинъ суставъ, чтобы отроковица р. б. (имя рекъ) безъ отрока, имя рекъ, не могла бы съ себя тоски и сухоты спать, въ парной банѣ паритце, не могла бы въ чистомъ полѣ разгуляцца и прѣснымъ молокомъ нахлебатце, ни сномъ отоспатце, въ бесѣди не отсидѣтце. И тѣмъ моимъ словамъ ключъ и замокъ, и замокъ замкну, и снесу замокъ въ акіяпъ-море подъ латырь камень.

(Списанъ со старинной рукописи, доставленной изъ Пинежскаго у. г. Хромцовымъ).

16. Н а р а з о ж ж е н і е с е р д ц а у д ѣ в и ц ы .

Встану не благословесь, пойду не перекрестесь, въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ стоитъ тернѣвъ кустъ, а въ томъ кусту сидитъ толстая баба, сатанина угодница. Повлчюсь я тебѣ, толстой бабѣ, сатаниной угодницѣ, и отступлюсь отъ отца и отъ матери, отъ роду, отъ племени. Поди, толстая баба, разожги у красной дѣвицы сердце по мнѣ, рабѣ имя рекъ.

(Заговоръ этотъ выписанъ изъ стариннаго дѣла бывшей Архангелогородской Губернской канцеляріи. Дѣло значится по секретной описи подъ № 251-мъ 1734 года и названо: Присланный его Императорскаго Величества изъ С.-Петербургской канцеляріи Тайныхъ и Розыскныхъ Дѣлъ указъ Кехотской волости о крестьяннѣ Трофимѣ Поповѣ).

17. Н а п у с т и т ь т о с к у п а р н ю .

Пойти въ баню, послѣ паренья, стать на тотъ вѣникъ, которымъ парилась, и говорить:

Выйду изъ парной бани, стану своимъ бѣлымъ бумажнымъ тѣломъ на шелковъ вѣникъ: дну и плюну въ четыре вѣтра буйныхъ. Попрошу изъ чиста поля четырехъ братьевъ,—четыре птицы востроносы и долгоносы, окованы носы. Лети изъ чистаго поля бѣлый кречеть, неси бѣлый кречеть вострый пожъ и востро

копье; садись бѣлый кречеть рабу Божию (имя рекъ) на бѣлы груди, на ретиво сердце. Рѣжь же его бѣлы груди тѣмъ же вострымъ ножомъ, коли же его ретиво сердце тѣмъ же вострымъ копьемъ; вынимай изъ его рети-ва сердца, изъ черной печени и изъ всей крови горичей еще тоску и кручину. Полети бѣлый кречеть, понеси, бѣлый кречеть, всю тоску и кручину, на воду не опусти, на землю не урони, на стужѣ не позноби, на вѣтрѣ не посуши, на солнце не повянь; донеси всю тоску кручину, всю сухоту, чахоту и юноту велику до раба Божія (имя рекъ) гдѣ бы его завидѣть, гдѣ бы его слышать, хошъ бы въ чистомъ полѣ, хошъ бы при разстанѣ великомъ, хошъ бы при путяхъ—дорогахъ, хошъ бы въ парной банѣ, хошъ бы въ свѣтлой свѣтлицы, хошъ бы за столами дубовыми, хошъ бы за скатертами перчатными, хошъ бы за кушаньями сахарными, хошъ при мягкой постели, при высокомъ зголовьи, хошъ при крѣпкомъ сну. Садись бѣлый кречеть рабу Божию (имя рекъ) на бѣлы груди, на ретиво сердце, рѣжь его бѣлы груди тѣмъ же острымъ ножомъ, коли его ретиво сердце тѣмъ же острымъ копьемъ, клади въ его былы груди, въ ретиво сердце, въ кровь кипучую всю тоску кручину, всю сухоту, всю чахоту, всю юноту великую, во всю его силу могучую, въ грудь и спину, въ хоть его и въ плоть его, въ семьдесятъ семь жилъ, въ станову его жилу, въ семьдесятъ семь суставовъ, въ становой его суставъ, во всю буйну голову, въ лицо его бѣлое, въ брови черныя, въ уста сахарныя, во всю его красоту молодецкую. Рабъ Божій (имя рекъ) по мнѣ рабѣ Божіей (имя рекъ) чахъ бы чахотой, сохъ сухотой, вялъ вялотой въ день по солнцу, въ ночь по мѣсяцу, на новцу, на полну и на ветху, въ перекрой мѣсяцу во всѣ меженье дни, въ утренни и въ вечерни зори, во всякой часъ и минуту. Какъ Май мѣсяцъ мается, такъ бы рабъ Божій (имя рекъ) за работой Божіей (имя рекъ) ходилъ и маялся. Не могъ бы ее ходить и переходить, никонимъ словомъ обходить, вѣкъ по вѣки, и рабъ Божій (имя рекъ) по рабѣ Божіей (имя рекъ) не могъ бы ни жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть, ни на новцу, ни на полну, ни на ветху, ни на перекрой мѣсяца, во всѣ межны дни. Какъ Май мѣсяцъ мается, также бы рабъ Божій (имя рекъ) за работой Божіей (имя рекъ) ходилъ и маялся, и не могъ бы онъ ее пи-конимъ словомъ ходить и переходить, и не могъ бы безъ ее ни пить, ни ѣсть, ни жить, ни быть. Эти мои наговорны слова, которы договорены, которы переговорены, которы назади остались, — берите мои слова во-

стрѣй востраго ножа, вострѣй копья, вострѣй сабли, ярѣй ключевой воды. И этимъ моимъ наговорнымъ словамъ заключенныя слова ключъ и замокъ, ключъ щугѣ, замокъ въ зубы,—щука въ морѣ. Нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

18. На прилученіе парня.

Пойду я въ чисто поле, есть въ чистомъ полѣ бѣлый кречеть. Попрошу я бѣлаго кречета: слеталъ бы онъ въ чисто поле, въ синее море, въ крутыя горы, въ темныя лѣса, въ зыбучія болота и попросилъ бы онъ океанную силу, чтобы дала она ему помощи сходить ему въ высокій теремъ и застать его хошь бы середка темной ночи соннаго; и сълъ бы бѣлый кречеть на бѣлую грудь, на ретиво сердце, на горячую печень, и вложилъ бы рабу Божию (имя рекъ) изъ своихъ океанныхъ усть, чтобы онъ не могъ безъ рабы Божіей (имя рекъ) ни жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

19. На людскую любовь.

Стану я рабъ Божій поутру, благословясь и перекрестясь; выйду я въ чистое поле, погляжу на всѣ на четыре стороны: на восточной сторонѣ стоитъ святая церковь. Какъ на эту церковь смотреть и зарятся, такъ бы на раба Божія и смотрели и зарились старыя старушки, старыя старики, маленькія ребятка, красныя дѣвицы, молодыя молодницы, смотрели и зарились на раба Божія. Будьте слова мои крѣпки и емки, какъ ключи подземельные, аминь.

Это заклятіе употребляется для привлеченія любви какъ дѣвушекъ, такъ и всѣхъ вообще людей.

(Записано въ г. Онегѣ).

20. Навести красоту.

Чтобы навести красоту, или казаться красивѣе, берется платокъ, съ которымъ выходятъ на улицу, проносятъ ниже приведенныя слова и потомъ, придя домой, утираются тѣмъ платкомъ:

Стану благословясь, выйду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, выйду на широку улицу, стану на востокъ хребтомъ, на западъ глазами. На западной сторонѣ тамъ сидитъ обрученный Іосифъ, зреть и смотреть на Господу Пресвятую Богородицу, такъ и на меня бы рабъ Божій весь вѣкъ смотрѣлъ бы и глядѣлъ.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

21. Снять тоску.

Нужно взять въ какую либо посудину воды изъ трехъ ручьевъ. Наливаютъ ее ковшомъ, перекрестившись прежде всего три раза. Зачерпываютъ воду по теченью, считая ковши такъ: не разъ, не два, не три..... не девять.... (всего 27 ковшей, т. е. три раза по 9-ти). Нужно стараться брать столько воды въ ковшикъ, чтобы въ эти 27 разъ наполнить ровно половину посуды. Если же кажется больше или меньше, то выливается вонъ, на отмашь, говоря: тѣфу ты океанная сила! Если же налилосъ какъ разъ до половины, то становятся на развязанной вѣникъ и обливаются этой водой, произнося слѣдующія слова:

Стану я млада на шелковъ вѣникъ бѣлымъ тѣломъ, бѣлой грудью, черными бровями, ясными очами, ретивымъ сердцемъ, слабыми мыслями, попрошу я сѣраго зайца: прибѣжалъ бы ко мнѣ сѣрый зайшко, снялъ бы съ меня тоску—кручину,—печаль, и понесъ бы онъ ее въ чистое поле и спустилъ бы ее по буйному вѣтру, разнесло бы ее по разнымъ городамъ и вложилъ бы ее рабу Божию (имя рекъ), объ комъ я млада кручинна тоскую.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

22. Остудныя слова.

Эти слова употребляются для того, чтобы сдѣлать немилымъ кого либо или разлучить съ другимъ. Обыкновенно они наговариваются на землю, взятую между двухъ горъ или же изъ ручья (тогда оба берега считаются за горы). Эту землю даютъ въ какомъ нибудь кушаньѣ. Для большей дѣйствительности прибавляютъ въ нее мелко-изрубленные медвѣжьи когти.

«Стану не благословясь выйду не перекрестясь изъ избы не дверьми, изъ двора не воротами,—мышей норой, собачей тропой, окладнымъ бревномъ; выйду на широку улицу, спущусь подъ круту гору, возьму отъ двухъ горъ земельки. Гора съ горой не сходится, гора съ горой не сдвигается, такъ же бы р. б. (имя рекъ) съ р. б. (имя рекъ) не сходился, не сдвигался. Гора на гору глядитъ, ничего не говоритъ, такъ же бы р. б. (имя рекъ) съ р. б. (имя рекъ) ничего бы не говорилъ. Чуръ отъ дѣвки отъ простоволоски, отъ жонки отъ бѣлоголовки, чуръ отъ стараго старика, чуръ отъ еретиковъ, чуръ отъ еретницъ, чуръ отъ ящеръ ящерницъ».

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

23. На остуду.

Ручей съ ручьемъ сбѣгается, гора съ горой не сходится, лѣсъ съ лѣсомъ сростается, цвѣтъ съ цвѣтомъ слипается, трава развивается. Отъ той травы цвѣтъ сорву, съ собой возьму, выйду на долину, на такую большую тропину, возьму себѣ землю, сяду подъ лѣсину, выйду на широкій лугъ, посмотрю на всѣ четыре стороны: пойдетъ ли р. б. (имя рекъ), и вину и брошу и въ чисто поле; — и какъ гора съ горой не сходится, такъ бы и р. б. (имя рекъ) не сходилъ и не двигался. (Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

24. На разлученіе.

Зайду я во широкій дворъ во высокой домъ, запашу я (имя рекъ) остуду велику, остудился бы р. б. (имя рекъ) отъ р. б. (имя рекъ), чтобы онъ былъ ей не на глаза ни днемъ, ни ночью, ни утромъ, ни вечеромъ; чтобы онъ въ покой, она изъ покоя, онъ бы на улицу, она бы съ улицы; такъ бы она ему казалась, какъ люта медвѣдица. И въ какомъ бы она ни была платьѣ, хошъ въ цвѣтномъ, хошъ въ державомъ *), все бы онъ не могъ ее терпѣть, и кажинный бы разъ не сносилъ бы съ ея зубовъ своихъ кулаковъ. Хошъ бы ладно она дѣлала, а ему бы все казалось неладно, и хошъ бы поуму дѣлала, а ему бы казалось не по мыслямъ. Пошелъ бы онъ на улицу, разогналъ бы грусть тоску кручину съ чужими людьми, и пошелъ бы онъ домой и повалился бы на мѣсто, **) и есть у него подружка, почна подушка и разогналъ бы онъ съ ей грусть — тоску. (Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

25. Наговоръ на разлученіе.

Чертъ идетъ водой, волкъ идетъ горой; они вмѣстѣ не сходятся, думы не думаютъ, мыслей не мыслятъ, плоду не плодятъ, плодовыхъ рѣчей не говорятъ. Такъ бы и рабы божіи (такіе-то) мыслъ не мыслили, плоду не плодили, плодовыхъ рѣчей не говорили, а все бы какъ кошка да собака жили.

(Доставилъ г. Ивановъ изъ г. Пинеги).

26. На устудну.

Стану я рабъ б. N. не благословясь, и пойду не перекрестясь, изъ избы не дверьми, изъ воротъ не въ ворота, выйду подвальнымъ бревномъ и дымнымъ окномъ (трубою) въ чисто поле. Въ чистомъ полѣ бѣжить рѣка черна, по той рѣки черной ѣздитъ чертъ съ чертовкой, а водяной съ водяновкой, на одномъ челиѣ не сидятъ,

*) Державый — будничный, рабочій.

**) Мѣсто — постель, черна.

и во одно весло не гребутъ, одной думы не думаютъ, и совѣтъ не совѣтуютъ. Такъ бы рабъ б. N. съ рабой б. N. на одной бы лавки не сидѣли, въ одно бы окно не глядѣли, одной бы думы не думали, одного совѣта не совѣтовали. Собака бѣла, кошка сѣра — одинъ змѣиный духъ. Ключъ и замокъ словамъ мопмъ.

Заговоръ этотъ преимущественно употребляется въ г. Онегѣ и наговаривается или на воду или на съѣстное. Записалъ С. Огородниковъ *).

Б. ПРИ БРАКѢ.

1.

Въ праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы, т. е. 1 октября, бываетъ необыкновенное стеченіе въ церкви дѣвушекъ, для слушанія литургіи. При моленіи, онѣ провозносятъ особую молитву:

Пресвятая Мати Богородица! покрой мою голову краснымъ кокошникомъ, золотымъ подзатыльникомъ.

Объ этомъ же дѣвушки молятся на сей день всю ночьеньку на пролетѣ.

(Доставилъ П. А. Ивановъ изъ г. Пинеги).

2.

Въ день св. Парасковей нареченной Пятницею, 28 октября, какъ и въ день Покрова Пресвятыя Богородицы, собирается къ литургіи много дѣвушекъ. Онѣ вымаливаютъ себѣ жениховъ:

Пятница-Парасковей пошли жениховъ поскорѣе.

(Доставилъ Ивановъ изъ г. Пинеги).

3. Подходъ свата.

Желающій жениться на избранной невѣстѣ посылаеть, съ благословенія родителей, бойкаго свата, или сватью, къ родителямъ невѣсты. Для достиженія успѣха, свать встаетъ передъ иконой Божьей Матери, обтираеть ее чистымъ полотенцемъ и трижды шепчетъ:

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Стану я рабъ Божій имя рекъ, благословясь, пойду перекрестясь, войду въ чисто поле, встану на востокъ лицомъ, на западъ хребтомъ, помолюся Господу нашему Иисусу Христу и Матери Пресвятой Владычицы Богородицы и всѣмъ святымъ; надѣну утроранній бѣлый свѣтъ и застагаюсь утроранными мелкочастыми звѣздами, умоюсь мокрою росю Соломонію, утруся бѣлымъ полотенцемъ бѣлымъ свѣтомъ, положу царскій колпакъ, пойду къ рабу Божію ко властелину (имя рекъ), въ свѣтлыя очи и въ радостное сердце. Какъ рабъ Божій имирекъ зреть и гля-

*) Срав. труды Арханг. Стат. Ком. 1865 г. стр. 44.

дигъ на Мать Пресвятую Богородицу и на истиннаго Христа, Царя Небеснаго, такъ и на меня, бѣ (имя рекъ) раба Божія зрѣлъ, и глѣдѣлъ, и ярымъ окомъ не взбудиль, и зубомъ не скрипнулъ, и головой не тряпнулъ, и ногой не топнулъ, и зла-лиха не подумалъ. Будьте слова эти сполна и крѣпки на рабѣ Божіемъ (имя рекъ). Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь.

(Рукопис. описаніе свадьбы въ Турчасовскомъ приходѣ, Онежск. у. священника Алексѣева).

4.

На канунъ брака наряжаютъ невѣсту и моютъ съ ниже-слѣдующими словами, наговариваемыми на пиво, которымъ невѣста умываетъ свое лице:

Какъ ты, чисто злато-серебро, чисто и прилично; какъ на тебя, злато-серебро, всякъ зарится, заглядывается: старый и младъ, женатый и холостой, старыя старухи и молодыя молодцы, и красивыя дѣвицы и молодые молодцы; такъ бы на тебя, рабу Н., зарились бы и заглядывали всѣ, казалась бы ты имъ златомъ-серебромъ, глѣдѣли бы и смотрѣли бы и очей съ тебя не спускали.

(Доставилъ свящ. А. Колчинъ изъ села Пингишей, Холмог. уѣзда)

5. Свадебный отпущекъ.

Когда случится отпустить свадьбу, говорить предъ Богомъ въ платъ или въ воскъ:

Господи Иисусе Христе, Сыне Божій! Во имя Отца и Сына и Св. Духа аминь. Отъ чего тѣ слова говорятца? отъ евангелія Христова царя небеснаго. Михаилъ архистратигъ, свитый Петръ и Павелъ верховніи апостоли, ставте тридцать тыновъ мѣдныхъ отъ земли подошвы и до небесной до морской глубины, отъ восточныя и до западныя, отъ лѣта до сѣвера, отъ земли и до небеса и со всѣхъ четырехъ сторонъ стоитъ около меня раба Божія имя рекъ; у тѣхъ же у тридцати тыновъ есть тридцать воротъ, у тѣхъ же у тридцать воротъ есть тридцать замковъ, у тѣхъ же у тридцать замковъ есть тридцать ключей. Прииду я, рабъ божій имя рекъ, и затворю тѣ тридцать замковъ и брошу тѣ тридцать ключей во святое Хвалыинское море, и придетъ щука золотая, челюстію ухватитъ тѣ ключи и понесетъ во глубину морскую, въ пуповину, подъ колоду бѣлодубовую. И тѣмъ словамъ ключевыя слова, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогор. у.)

6.

При входѣ, послѣ вѣнца, въ домъ мужа молодая говоритъ:

Первая, другая, я иду третья, цицъ! всѣ вонъ, мнѣ одной домъ.

Этотъ приговоръ молодой употребляется ею вѣроятно для того, чтобы первенствовать въ домѣ надъ другими снохами.

(Записалъ свящ. Алексѣевъ въ с. Турчасовѣ, Онежскаго у.)

7.

Когда молодой идетъ въ домъ невѣсты на жительство (зять-пріемышъ), то, вступая въ избу послѣ вѣнца, произноситъ слова глядя на потолокъ:

Я иду звѣрь лапистъ и гордъ горластый, волкъ зубастый; я есть волкъ, а вы есть овцы мои.

(Записалъ свящ. Алексѣевъ въ с. Турчасовѣ, Онежскаго у.)

8.

Въ Шенкурскомъ уѣздѣ, въ заключеніе стола послѣ вѣнца, приносятъ горшокъ крупяной каши. Послѣдній изъ гостей, выхлебавъ всю и зачистивъ остатки, бросаетъ порожній горшокъ на печь съ приговоромъ:

Сколько черепья, столько ребятъ молодымъ!

(Шенкур. уѣзда).

9. Свадебный оберегъ.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Есть въ западной стороны море Черное; въ томъ же мори есть островъ; на томъ же острову выросло древо, на томъ же древѣ корень и вѣтвіе. На томъ же древѣ сидитъ желѣзень мужъ, осматриваетъ желѣзень мужъ всякаго вѣдуна, колдуна, кудесника, чтобы видѣти мнѣ сторожу колдуна и вѣдуна, мужика и женку, и дѣвку. Окажи мнѣ на всѣхъ четырехъ сторонахъ, окажи мнѣ сторожу въ избѣ или на улицы, въ пиру или на сварбѣ, или у заплота или за плахами или за рѣкою, вездѣ, кто гдѣ не стоитъ, какъ бы сторожа не тронуть. Тотъ же желѣзень мужъ, кабы на колдуна и вѣдуна тенеть онъ лукъ, отворачиваетъ недобрыя словеса и рѣчи колдунове и вѣдунове, иже онъ врагъ ими на меня вражитъ, онъ отворачиваетъ, тотъ же желѣзень мужъ. Или баба еси сътми же, тотъ же врагъ ее же, кабы она легонько въ зубы подолъ знала и подругу бы оказала, руки бы знала, своего дьявола звеселила, да тотъ же желѣзень мужъ въ избу привяжи ея къ печному столбу, а на улицы къ огороду. А мужикъ тотъ же колдунъ падо мною пыта-

етця; ты же желѣзень мужъ, кабы насъ не пѣла ево ни молитва, а ему колдуну не чѣмъ бы ему отъ меня не онятця; сведи его тотъ же желѣзень мужъ, сведи ево въ баню и поставь его въ каменицу головою. яже ево врага, кой вражить, и повесь ево же вверхъ ногами у стропиль ко одному углу, и броси ево же о сыру землю, да тотъ же желѣзень мужъ не отпущай меня раба божія (имярекъ); его врага о землю поразитъ, ево стречника. Или у князя молодова лошадь подтыкаетца отъ подтычки, или у свахи, у тысячково, у дружекъ, у сторожа, у всево княжева поѣзду прибору отъ воженія, которая врагъ повалить захочетъ о крѣпость, тотъ же желѣзень мужъ обороняетъ меня, раба божія имярекъ, сторожа и князя и княгину, тысецкаго, дружекъ и весь княжей приборъ, бросаетъ ево того же врага, какъ бы на насъ не думалъ, броси ево о сыру землю; во вѣкъ вѣковъ, аминь.

(Списанъ П. С. Ефименкомъ изъ старинной рукописи, доставленной крестьяниномъ Холмогор. у. Дохтуровымъ).

10. Свадебный оберегъ.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Есть святое море акеянь; на томъ море окіпане бѣлъ красенъ камень; на томъ бѣломъ красномъ камени, звѣрь лубимечъ, охватилсе и обогнулсе зверь лубимечъ зъ бѣлымъ каменемъ, не отходить прочь; и какъ охватилсе звѣрь лубимечъ, обогнулсе зверь лубимечъ и прочь не идетъ, такъ же бы охватиласе и обогнуласе та раба божія имярекъ съ тѣмъ рабомъ божіимъ имярекъ; и какъ лубимечъ звѣрь обогнулъ бѣлъ камень, и тако бы обогнулася та раба божія имя рекъ, и любилися между собою тѣ мужъ да жена другъ по другъ. Коль жарко разгораетца кирпичная печь, въ той огненной печи дубъ и дрова, коль жарко разгораетца дрова и уголь, коль жарко и пылко, столь же бы пылко, столь же бы жарко горѣло сердце и кровь, въ день бы она ходила, голова бы у ней болѣла, сердце бы щемило, хлѣба бы не ѣла, другъ безъ друга головы у нихъ болѣли, въ ночь сна другъ безъ друга не было. Коль ярко горитъ свитая свѣща предъ образомъ божіимъ, толь же бы ярко горѣло сердце у рабы божіей имярекъ по рабѣ божіемъ имя рекъ днемъ и ночью, и какъ всякая мати тужитъ и плачетъ по своему сыну, спусти на чужую сторону, неутѣшно плачетъ, такъ бы тужила и плакала та раба божія имярекъ по рабѣ божіимъ имярекъ: она глазомъ завидитъ, ухомъ слышитъ, усмотря сердцемъ возрадуется раба божія имярекъ по рабѣ божіемъ имярекъ душею своею и серд-

цемъ. И какъ идетъ сонцо къ вечеру на покатъ на западъ безотпятно, такъ же бы та раба божія по рабѣ божіимъ имярекъ безотпятно, и безъотворотно. Господи Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго, аминь, аминь, аминь.

(Списано П. С. Ефименкомъ со старинной рукописи, доставленной крестьяниномъ Холмогорскаго уѣзда Дохтуровымъ).

11. Свадебный оберегъ.

За молитвъ святыхъ отецъ нашихъ, Господе Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ и спаси. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Христосъ Царь Небесный, ангели небесни и архангели и вся силы небесныя сотворили небо, землю, море, оградили песками и рукою, ногами, оградите меня р. б. имярека каменнымъ градомъ о трехъ запорахъ и заборонахъ, поставите желѣзень тылъ въ небесную вышину и въ морскую глубину, поставите желѣзень тылъ, желѣзныя веревы и мѣдныя ворота, заворите замки тѣ, схороните въ двинскую вершину и въ камянную пещеру, отъ вѣдуна и отъ вѣщицы, отъ волхва и отъ кудесника и отъ всякаго злаго чловѣка, недобраго. Коли тѣ ключи найдеть вѣдунъ и вѣщица, а замки отомкнутъ, и ворота отворить и градъ потопить, ни вѣдуну, ни вѣщицы тѣхъ ключей не нахаживать, и воротъ ни замковъ не отмыкивать, и воротъ не открывать, а меня р. б. N. не порчивать, и тѣ слова говорить земляной силою и водяною во вѣки, аминь.

А ти слова говорить дважды:

Молитва первая: «Господи Исусе Христе Сыне Божій! Маркъ, Іоаннъ, Лука, Матвѣй писали евангеліе Христово и снесли и сложили во единое мѣсто, и въ той хоромины Пресвятая Богородица Христа родила, а я р. б. N. въ той же хоромины тутъ же былъ»; — а говорить тѣ слова на два куска на хлѣбъ, да на безущую новую недержанную иглу, да на булавку повуюжъ недержаннуюжъ, а булавку безущую тыкать въ воротъ въ рубашной, а тыкать ушми вверхъ, а востріемъ къ земли.

За симъ читается молитва воскресная:

Да воскреснетъ Богъ и разйдутся врази его и да бѣжатъ отъ лица его вси невидящи его, яко исчезаетъ дымъ да исчезнутъ; яко таетъ воскъ отъ лица огня, тако да погибнутъ бѣси отъ лица любящихъ Бога и знаменующихся крестнымъ знаменіемъ и вознеселятся ревуще: радуйся, кресте Господній, силою на тебѣ распятаго Господа нашего Исуса Христа и въ адъ сошедшаго и поправшаго на немъ всю силу діаволу и давшаго мнѣ

р. б. Н. крестъ свой на прогнаніе всякаго врага и супостата. О, пресвятый и животворящій крестъ Господень, помогай миѣ р. б. Н. со святою Господнею Дѣвою Богородицею и со архистратигомъ съ Михаиломъ и Гаврииломъ, и съ херувими, и съ серафими, и со всіми небесными силами, и со Иваномъ Крестителемъ Предтечею, и со евангелисты Маркомъ, и Матфѣемъ, и Лукою и Іоанномъ богословомъ, и со святыми со святители, и съ праведными уродивыми Христа ради, съ мученики, съ Георгіемъ страсготерпцемъ и со святителемъ Петромъ, митрополитомъ Алексіемъ, Іоною и съ Николою, и съ мученцами, съ великою прехвальною Варварою и Катериною и Парасковіею и Ульяніею, и со всіми мученицы и съ преподобными женами и со ангеломъ хранителемъ моимъ. Соблюди Господи домъ сей и живущихъ въ немъ (имярекъ) и всѣхъ православныхъ христіанъ, отъ всякаго видимаго и не видимаго врага и супостата и всякаго злаго лукаваго человѣка, отъ всякаго вражія злаго ухищренія и казни, силою честнаго и животворящаго Креста Господня и святыхъ ангеловъ хранителей нашихъ; Господи І. Хр. С. Б. помилуй насъ грѣшныхъ всегда и нынѣ и присно и вѣки вѣковъ, аминь. Господи І. Хр. С. Б., помилуй Господи насъ рабовъ своихъ; запрети Господи сатаны и злымъ его темнымъ и лукавымъ человѣкомъ, угодникомъ его, еже не прикасатися имъ къ симъ и къ сему нашему свадебному причету, къ намъ рабу б. ко миѣ рабу б. (имярек) и къ первобрачному Н. и къ первобрачной Н., и къ тысяцкому, и къ боярамъ, и къ друшкамъ, и свашеницамъ, и къ проводникамъ и сущихъ съ нами, ко всімъ православнымъ христіанамъ, и къ конямъ нашимъ, и къ кобыламъ, и къ санямъ, и къ сѣдламъ, никими ихъ злыми лукавыми мечтаніи. Постави Господи, Владыко, человѣколюбче, кругъ насъ рабовъ своихъ божіихъ свое храненіе силою и дѣйствіемъ св. Твоего духа, аки тынъ жедѣзень отъ неба до земли, а отъ земли и до неба со всѣ четыре стороны; огради Господи кругъ насъ рабовъ своихъ пламенемъ огненнымъ, аки щитомъ отъ земли до неба, а отъ неба и до земли, со всѣ четыре стороны; и послѣ Господи на сохраненіе насъ рабовъ своихъ божіихъ, послѣ Господи съ небеси отъ святаго жилища твоего и отъ престола славы твоея дванадцать своихъ учениковъ и апостолъ и четыре евангелисты: Луку, Марка, Матфѣя, Іоанна богослова, и небесныхъ силъ воеводъ Гавриила и Михаила со ангелы и со архангелы, съ херувими и съ серафими, и со всіми небесными силами и воинствѣ съ копыи, и со скипетры, и со вся-

кимъ огненнымъ оружіемъ, которымъ поразилъ сатану и діавольскіе бѣси, и съ тѣхъ оружіевъ повели Господи огражати и оберегати сей нашъ поѣздъ и насъ рабовъ своихъ (имярекъ) и миѣ р. б. (имярекъ) и первобрачнаго имярека и сущихъ съ нами всѣхъ православныхъ христіанъ и кошей нашихъ, и кобылъ и саней, и сѣделъ, и всего нашего свадебнаго причету, отъ всякаго злаго врага и супостата, въ день и въ ночь, на утренней зори, на вечерней зори, пьючи и ядечи, и путемъ ѣдучи, и въ стрѣчу, и по себѣ идущихъ, и со стороны, и съ сзади, и съ переди смотрячи, и съ подъ тыновъ и сквозь тыны смотрящихъ, и въ избахъ сѣдчимъ, и на дворехъ стоячи и спѣючи, и на всякомъ мѣстѣ владствія твоего. Сохрани, Господи, отъ всякія порчи и пытощи, и козней діавольскихъ, и злыхъ лукавыхъ человѣкъ, отъ колдуновъ и отъ колдуней, отъ вѣдуновъ и отъ вѣдуней, отъ блядуновъ и отъ блядуней, отъ еретиковъ и отъ еретицъ, и отъ иноземцовъ, и отъ всякаго плотсваго зараженія на земли, отъ седмидесяти двухъ языковъ, и отъ всякаго злаго ихъ гляженія и думы на всякій часъ, въ полдни и въ перекрой, въ новѣ, и въ ущерби, всегда, нынѣ и присно, и вѣки вѣковъ, аминь. Господи І. Хр. С. Б., помилуй насъ, аминь. Ты самъ, владыко, человѣколюбче, постави, Господи, кругъ насъ рабовъ своихъ имя реки, тынъ желѣзной отъ земли и до неба, отъ неба и до земли, кругъ сего нашего поѣзду со всѣ четыре стороны, и запрети, Господи, сотонѣ и лукавымъ его бѣсомъ и злымъ лукавымъ человѣкомъ, еретикамъ и еретицамъ, вѣдуномъ и вѣдуньямъ, колдуномъ и колдуньямъ, блядунамъ и блядуньямъ, и всімъ его сатанинымъ угодникамъ, и поспѣшникомъ не прикасатися имъ къ сему нашему поѣзду, къ намъ рабу божіму имя реки, силою и дѣйствіемъ св. твоего Духа, силою честнаго и животворящаго креста твоего и моленіемъ Пресвятыя Твоея Матери и всихъ святыхъ твоихъ, аминь, аминь, аминь.

Во имя О. и С. и Св. Д. Отъиди сатана и со всіми бѣси своими и со злыми лукавыми человѣки, угодники своими, изъ сея хранины отъ четырехъ угловъ и двухъ дверей и отъ всихъ отъ коней; въ сей хранины престолъ божій, на престолѣ сидитъ самъ І. Хр. Сынъ Божій, роспятий на крестѣ и во адъ сошедый и поправый всехъ слугу твою діаволю; окрестъ престола стоятъ четыре евангелиста: Лука, Маркъ, Матфѣй, Іоаннъ Богословъ, съ ними небесныхъ силъ воеводы Божіи, архистратигъ Гавриила и Михайла, со всіми небесными силами и воинства, и въ рукахъ держатъ скипетры и па-

лицы желѣзныя и всякое огненное божіе оружіе, бьютъ сатану и прогоняють и всю твою силу вражію отъ дому сего и отъ насъ рабовъ Божіихъ имиреки, вѣрующихъ ся честному кресту его; со крестомъ станемъ, со крестомъ поидемъ и печатаемъ печатью, симъ честнымъ и животворящимъ крестомъ, и крестомъ ся ограждаемъ, раб. бож., всегда и нынѣ, и присно, и вѣки вѣковъ, аминь. Искони бѣ слово и слово бѣ у Бога и Богъ бѣ слово, плоть бысть и вся тѣмъ быша (3-жды), Христосъ съ нами уставися вчера, днесь тойже и вѣки, (трижды).

Далѣе читается церковная молитва задостойникъ: О всепѣтая Мати, рождши всѣхъ святыхъ (см. заклинаніе при выпускѣ скота на пастбу).

Пошелъ изъ избы глаголи:

Христе свѣте истинный, иже просвѣщая и освѣщая всякого человѣка, грядущаго въ миръ, да знаменаетъ на насъ свѣтъ лица твоего, Господи, яко да въ немъ ходящія узримъ свѣтъ неприкосновенныя ти славы, исправи стопи наша къ дѣлаію заповѣдей твоихъ, яко благословенъ еси вѣки, аминь. *)

Со двора поѣхавъ, глаголи:

Стопы моя направи по словеси твоему, и да не одолѣетъ ми всякое беззаконіе, избави мя отъ клеветы человѣческія, и сохранию заповѣди твоя, лице твое просвѣти на раба твоего, и научи мя оправданіемъ твоимъ.

Господи благослови, св. Отче! какъ загорается ярый пчелый воскъ на свѣчахъ, такъ бы загорялися думы и мысли сердечныя у рабовъ божіихъ имя реки; какъ свиваются сіи брачныя свѣчи, и такъ бы свивалися и любялися думою и мыслию сердечною совѣстію рабъ б. имя рекъ и раба б. имя рекъ, и какъ си ярого воска свѣчи до конца згорять, вмѣсти совьючись, такъ бы имъ рабомъ б. им. р. и до смерти имъ жити бы любовію, и какъ огня никто того не можетъ терпѣть, такъ бы на нихъ, рабовъ б. им. р., никто не можетъ подумать ни вѣдовствомъ, ни колдовствомъ, ни какою разлукою, ни мужъ, ни жена, ни старъ, ни младъ, ни отрокъ, ни отроковица, ни вдовецъ, ни вдовица, ни чернецъ, ни черница, ни каковъ человѣкъ. Аминь, аминь, аминь.

Указъ: свивать свѣчи на посолонъ брачныя и говорить, и какъ совьешь, и поставъ предъ образомъ, и зажги, и до конца дай згорѣть, чтобы не осталось ничего, себя оградить: Господи Боже, благослови Отче!

*) Это извращенная молитва священника въ концѣ перваго часа.

Во имя О. и С. и св. Д. Востану язъ р. б. им. р. на сей день благословяся, поиду перекрестяся, по восточную сторону, ставлюсь на мѣдное гумно, покрываюся краснымъ солнцемъ и свѣтлымъ мѣсяцомъ, ограждаюся частыми звѣздами, что острыми стрѣлами, язъ р. б. им. р. отъ всякаго друга и недруга и отъ всякаго жива человѣка. Спасъ и Пресвятая Богородица, и св. Николай Чудотворецъ, Михайло архангелъ, Гавріиль и вси святые апостолы, пророци и мученики, Козьма и Деміянъ, dospѣйте около меня, р. б. им. р., на сей день три стѣны желѣзныя, три стѣны каменныя, три стѣны деревянныя, и замкните меня р. б. им. р. въ ти города за тридевять замковъ, и киньте ключи ти въ морскую пучину, подъ бѣлой камень; и какъ не могли тихъ ключей не добыть изъ морской пучины и съ подъ бѣлаго камня, и такъ бы меня р. б. им. р. не могли испортить на сей день и на всякой часъ, никакими ни врачами, ни порчами; и какъ колдунъ или вѣдунъ и колдунья или вѣдунья, или еретикъ, или еретица не могутъ выкусить естества своего черезъ плече, и такъ бы меня р. б. им. р. не могли на сей день никакими врачами, ни порчами испортить; и какъ велбуду не мощно проити сязове игольные уши, и такъ бы меня, р. б. N, не могли на сей день никакими ни врачами, ни порчами испортить, нынѣ и присно и вѣки вѣковъ, аминь (говорить трижды, ставъ по утру, какъ ставають, и плевать на землю). И какъ на сего свѣтодавца Христа не могутъ зрѣти херувими и серафими и вся небесныя силы, такъ бы не могли лиха подумать на раба б. им. р. и на его поѣздъ, ни вѣдунъ, ни вѣдунница, ни колдунъ ни колдунница, ни каковъ человѣкъ, ни старъ, ни младъ, ни мужской полъ, ни женской; и какъ на сего свѣтодавца Христа боятся и трепещутъ небесныя силы и земные человѣцы и проклятіи бѣсови, такъ бы отъ того моего поѣзду боялися ужасалися вѣдуны и вѣдуницы и всякіе лихіе люди, въ день и въ ночь, въ утри рано и въ вечера поздно; и какъ сему свѣтодавцу Христу Богу нашему и его честному образу и кресту Саспятія его и Матери Царицы и всѣмъ святымъ вѣру держать и молятся цари и князи и всякое православное христіанство и невѣрные языци, и такъ бы мнѣ рабу б. и моему поѣзду радовалися всѣ православныя христіане мужіе и жены, и младыя, и старыя и всякія люди. Коль сіе серебро честно царю и князю и всякому человѣку, толь бы язъ рабъ б. им. р. былъ честенъ и весь мой поѣздъ всѣмъ православнымъ христіанамъ, и были бы передо мною рабомъ б. им. р. вся

іе лихіе люди, аки передъ соколы дрозды. Указъ какъ говорить: положить въ воду непитную образъ Христовъ да сребро, и то судно поставитъ на хлѣбную квашню, говорить, и тою водою мазатися сохрани на чистомъ мѣстѣ, а лица не утирать, а достать воды выпить и вылить въ чистое мѣсто и въ харчу, и серебромъ утиратися по лицу, и сребро отдать на свѣчи къ церкви.

12. Слова отъ порчи.

Во имя О. и С. и Св. Д. Какъ сіе желѣзо во огни горитъ, и такъ бы горѣло сердце у вѣдуна и у вѣдуньи, у колдуна и у колдуньи, у еретика и у еретицы по мнѣ р. б. им. р.; какъ сіе желѣзо въ водѣ кипитъ, такъ бы кипѣло сердце у вѣдуна и вѣдуньи и у вѣдуницы, у колдуна и у колдуницы, у еретика и у еретицы, по мнѣ по р. б. им. р., какъ игольныхъ ушей никому не нахаживать, и къ сей иглѣ не прикладывать, такъ бы меня р. б. м. р. никому не испорчивать: ни колдуну, ни колдуницу, ни вѣдуну, ни вѣдуницу, ни еретика, ни еретицы, всегда, нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ аминь. — Говоритъ надъ иглою трижды, держать близко зубовъ, и откусить уши, и выплюнуть на землю, а иглу безъ ушей у себя держать въ рубашномъ въ вороту.

Указъ: Ащели прочтешъ, въ который день прочтено на имя свое, отступятся вси лукавіи бѣсы отъ раба б. имя река, аще кто хоцетъ свататце, или женитце, проговори на имя того предъ иконою, будетъ соблюденъ; ащели которому человѣку врагъ прикоснется, проговори трижды на воду и пити дай; аще ли ляжетъ одинъ во хранинѣ, проговори молитву сію, не прикоснется діаволь: Владыко милостивый, Господи Исусе Христе, призри на мое моленіе и помилуй мя раба своего, помоги мнѣ рабу своему, аминь. Отгоните врага отъ раба б. Н., аминь. Отступи сатана и доли и лукавые бѣси отъ раба б. Н. аминь, вскорѣ станете во хранинѣ сей окрестъ раба своего, надъ главою. Самъ истинный Исусъ Христосъ, Царь небесный, побѣдивъ враговъ желѣзомъ, заградилъ уста врагамъ, затворилъ путь крестомъ честнымъ, чтобы вамъ проклятымъ врагомъ во хранину сію не входить и раба сего божія не смущать, не мучить, аминь, аминь. Азъ, самъ Господь, надъ симъ рабомъ и Матерь моя Марія; сего раба б. Н. сотворилъ его азъ, Христосъ; роди мя мати моя Марія, въ семь рабѣ б. имя рекъ престоль Христовъ; около раба сего сила ангельская и архангельская и апостольская, поютъ херувими и славятъ серафими, аминь. Раба сего божія имя река уста глаголютъ и святаго Христа Царя

Небеснаго и Матерь мою Марію къ себѣ на помощь призываютъ, а врага прогоняютъ и проклинаютъ, отъ раба б. имя река; азъ Христосъ сею ста и Мати моя Марія во хранинѣ сей и съ рабомъ божіимъ имя рекъ. Слова сія, рабъ божій имярека, побѣда и пагуба на сатану и на діавола, сей же рабъ божій имярекъ отгонитъ врага и самага сатану и побіетъ тьму враговъ; духъ святый отдываетъ раба сего божія имярека; отъ сего святаго духа молнія опалаетъ, враговъ отгоняетъ отъ раба б. имярекъ, аминь. Плеваніе раба божія имярека и прысканіе сею водою и марскою и отпѣваніе на враговъ каменія горяща, и побіетъ враговъ до конца, аминь, и еще отъ самого Господа исполняю Христа Небеснаго: громы и молнія летятъ съ небеси, сила ангельская и архангельская, несутъ ангелы стрѣлы небесныя, ставаютъ ангелы и архангелы около раба б. имярека на крѣпко крѣпко, стоятъ и стреляютъ сатану и враговъ его, идолы отгоняютъ и прогоняютъ отъ раба б. имярекъ аминь, всегда нынѣ и присно, и вовѣки вѣковъ аминь. Се дано сему рабу б. отъ самага истиннаго Христа, Царя Небеснаго, на погубленіе врагомъ и на прогнаніе бѣсомъ, и идоламъ во вѣки, аминь, и нынѣ прогоняютъ отъ раба б. имярекъ силою истиннаго Христа, Царя Небеснаго, и Пресвятыя Богородицы Маріи, помощію силы небесныя, чиновначальныхъ хранителей, ангеловъ тьмы тысящи, и еще къ рабу б. Н. летятъ съ небеси отъ престола божія сила ангельская и архангельская, послана отъ самага Господа, Царя Небеснаго, на крѣпко крѣпко, хранятъ раба б. имярекъ, облакаютъ меня облаками, покрываютъ мя небесами, опоясываютъ поясомъ Пресвятыя Богородицы Маріи, во главѣ солнце, на серцы мѣсяцы, составы—частыя звѣзды, коль крѣпка луна солнечная силою ангельскою, столбы всѣмъ рабомъ божіемъ имяреки и около раба божія имярекъ сила ангельская крѣпка; какъ начнетъ призывать на помощь къ себе, а сіе прочтетъ и писаніе прочтется, а сила ангельская на крѣпко вооружится, да крѣпко на что призывается, и будетъ у раба б. имярекъ, аминь. Рабъ б. именемъ Господнимъ начнетъ проклинати лукавое дѣло, а божія ангелы начнутъ отгоняти и связати враговъ и сатану и идолы, вовѣки аминь и нынѣ. Еще молюся рабъ б. истинному Христу, Царю Небесному, и пресвятой Богородицы Маріи, о рабѣ болящемъ многими причами и портежами и грыжами, потвореніемъ діавольскимъ, отъ во зліянія мира на главу сему рабу б. имярекъ, аминь. Видитъ Господь болящаго и услышитъ молитву съ не-

бесм самъ истинный Христосъ, словомъ своимъ пошлетъ своихъ ангеловъ, иже стоятъ о крестъ его, свой жезлъ имъ даетъ, крѣпко имъ повелѣваетъ у раба б. имя река сего Боже стояти и желѣзомъ и жезломъ враговъ и сатану и идолы погубить до конца, аминь. И въ руку своя Христовы даетъ исцѣленіе мира, посылаетъ на главу и на сердце, на суставахъ раба. Всего имя рекъ, слышится сатана, убоятся лукави бѣси отъ посланія Господня и матери его Маріи, а разверглися небеса, летятъ силы ангельскія и архангельскія во мгновеніи ока, ставаютъ къ рабу б. имя реку, аки дождя небеснаго и до облака; толькѣ ставаютъ силы ангельскія около раба б. N., направлены крѣпко духомъ Божіимъ и вооружены на крѣпко крѣпко, стоятъ, не отходя отъ раба него божія, враговъ проклинаятъ, и прогоняютъ сатану силы ангельскія. Враги и сатана, аки дымъ, исчезаютъ, яко воскъ таетъ отъ лица Господня, аминь. Горе сатаны и демономъ и бѣсомъ и горе еретикомъ, который бѣсовскіе полки призываютъ, и имъ Господь заградить уста, аки у Вала-сама волхва, и аки Урія безбожнаго. Како не мощно еретику или кудеснику на солнце смотрѣть и красоты солнца снять, тако еретику не можно устами и мыслию зла сотворити мнѣ рабу б. аминь, аминь, аминь. Сильна есть сила ангельская и архангельская, и погубе сила дѣвольская и сатана противо ихъ избранныхъ полковъ лукавыхъ бѣсовъ, около раба б. им. р. стоитъ сила ангельская и архангельская, невидимая челоукомъ, запрещеніе еретикомъ, погубленіе бѣсамъ несмѣтна и неизглаголанная, дана на крѣпко, вооруженна неизмѣрно, врагомъ и сатаны и и идоломъ прикоснути къ рабу б. имя реку аминь, не свѣрхъ, не съ исподъ, ни совсихъ четырехъ странъ отовсюду; проклинаятъ Христосъ и ангели отгоняютъ аминь, замкнуть р. б. им. р. силою ангельскаго и архангельскаго на крѣпко крѣпко до втораго пришествія Христова, аминь, аминь, аминь. Ключъ на небеси у престола Христова, до вѣку, аминь, въ руки у самаго истиннаго Христа Царя Небеснаго и Матери его Маріи, аминь, аминь; повелѣніемъ божіимъ сколько стоитъ около солнца и мѣсяца и частыхъ звѣздъ ангеловъ божіихъ, и повелѣніемъ божіимъ стойте около раба б. N., ангели божіи, берегите и стерегите раба б. N., аки самаго Господа и Матерь Христову Марію. Азъ Христосъ здѣ и мати моя Марія во храминѣ сей и престолъ христовъ, и ангели, арханги мои христовы, отгоните враговъ и сатану, идолы, сохраните раба б., безъ отходу стойте, на голѣ оружіе держите на враговъ,

и сатану близко раба сего не пушайте, а враговъ и сатану побивайте, раба б. N не давайте; сей рабъ божій им. р. причтенъ у престола божія, побіетъ враговъ и сатану. Ангеловъ призываю азъ рабъ б. им. р. къ себѣ на помощь истиннаго Христа, Царя небеснаго, и мать его Пресвятую Богородицу Марію и ангеловъ хранителей чиноначальныхъ: Михаила и Гавріила, Уріила и Рафаила, и Ноиля, и Поманла, и Нафананла, и Самосаила и Ненафада, и Сасапія, на помощь ихъ ангельскую силу; убиваютъ врага ангели, по вся дни и часы и мгновенія ока. Еще азъ рабъ б. им. р. прошу у истиннаго Христа, царя Небеснаго, на помощь тмы тысящи хранителей ангеловъ, вооруженныхъ на враговъ его крѣпко стоятъ, надъ рабомъ им. р., раба сохраняютъ и связаютъ враговъ духомъ святымъ и исчезаютъ враги во мгновеніи ока отъ руки ангельскія, и ангели врагѣи запретятъ языкъ и духъ въ себѣ ради призыванія бѣсовскаго, заградить уста имъ посланъ отъ Господа Михаилъ архангелъ надъ главами ихъ со оружіемъ, аминь, аминь, аминь. Крѣпка стѣна, крѣпка и сила ангельская около раба б. им. р. и кругомъ дому его, аминь, аминь, аминь; во вѣки не погибнетъ рабъ б. аминь. Аще ли кто прочтетъ сіе писаніе надъ водою, рѣки и морсковою, или въ дому раба б. имя река, и спидетъ съ небеси сила ангельская къ рабу божію им. р., аминь. Аще прочтется вторый день, вторый законъ на имл, и спидетъ съ небеси истинный Христосъ, Царь Небесный, Царь съ Маріей съ матерью и съ Пресвятою Богородицею, аминь. Ста надъ рабомъ б., сохраняютъ отъ врага раба божія имя рекъ вскоре отступите, идетъ съ небеси Илья пророкъ на огняной колесницы, несетъ на языкѣ громъ великъ, и духъ его молнія великая, слово его стрѣла, плеваніе его каменіе горящее, на васъ враговъ окаянныхъ, отступите въ бездну преисподню окаянными и лукави бѣси отъ раба божія им. р. повѣлѣніемъ божіимъ, развергнется небеса и не затворяются, послана отъ Господа истиннаго Христа, Царя Небеснаго, и Пречистыя Богородицы Маріи на васъ окаянныхъ враговъ до конца седмичастый огонь, и пожжетъ васъ окаянныхъ враговъ до конца, аминь, аминь, аминь; и еще съ небеси летятъ на васъ окаянныхъ враговъ, посланы отъ Господа и матерію Марію, звѣри ядовитые и двоеглавые, и розрываютъ васъ враговъ и на свѣтъ не пукаютъ, гдѣ завидятъ близко раба б. имя рекъ аминь, аминь; и еще летятъ съ небеси птицы желѣзныя, а ногти у нихъ мѣдныя, а зубы булатныя, и посланы отъ Господа, посланы съ небеси отъ самаго Господа, Царя небеснаго

къ рабу б. Н, гдѣ завидятъ враговъ или слышатъ близко раба б. имя рекъ, сохранять отъ враговъ всегда, и враговъ погубити до конца, аминь на крѣпко; отъ сего писанія исчезнутъ враги со отцемъ своимъ сатаною, и во вѣки вѣковъ, аминь, исчезнутъ отъ сего моленія лукавыхъ бѣсовъ триста шестьдесятъ и пять видовъ, и которыя приходятъ въ миръ на престель всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь. Проговори трижды: Аминь.

Послѣ этого читаются молитвы ангелу хранителю находящіяся въ старыхъ капопикахъ:

1. Ангеле Христовъ, къ тебѣ припадаю, молюся.
2. Святыи ангеле, предстай окаинный моей души.
3. О божественный, любезный, сладчайшій живота предстателю мой, заступниче, хранителю.

4 Тропарь ангелу хранителю, гласъ 6-й: Ангельскимъ зракомъ сія и божественною славою озаряемъ.

5. Кондакъ, гласъ 4-й.

6. Подобенъ явился днесь.

(Оберегъ сей, вмѣстѣ съ предыдущимъ, списанъ П. С. Ефименкомъ со стариной рукописи, доставленной изъ с. Ухтострова, Холмогор. у. помощникомъ миссионера Ѡ. С. Батраковымъ).

В. ПОДХОДНЫЯ СЛОВА.

1. На царскія очи.

Господи благослови! Какъ утрення заря размыкается, божій свѣтъ разсвѣтается, звѣри изъ пещеры, изъ берлогъ выбираютъ, птицы съ гнѣздъ солетаются, такъ бы рабъ Б. Н. ото сна пробуждался, утренней зарей умывался, вечерней зарей утирался, краснымъ солнцемъ одѣвался, свѣтлымъ мѣсяцемъ подпоясался, частыми звѣздами подтыкался. Покорюсь и помолюсь: вы же кормилицы, царскіе очи, какъ служили царямъ-царевичамъ, королямъ-королевичамъ, такъ послужите рабу Б. Н., день послужите, и въ ночь послужите, поутру рано, и въ вечеръ поздно, въ каждый часъ, въ каждую минуту, вѣкъ по вѣку, и отъ нынѣ до вѣку. Ключъ и замокъ словамъ моимъ.

Подходъ ко властямъ.

Стану я рабъ б. им. благословесь, пойду перекрестесь, помолюсь и поклонюся Воскресенію Христову. Какъ къ тебѣ, Воскресеніе Христово, на праздникъ на христово воскресеніе ходятъ цари и царевичи, князи и

бояра и священны ереи, а вся православныя христіана, на тебя, на Воскресеніе Христово, не супающе, не сердяще, не ретующе, лиха не думаютъ, зла не творятъ, тебѣ, Воскресенію Христову, всегда радуются и веселятся и поклоняются тебѣ, Воскресенію Христову, тако же бы на меня раба б. им. цари и царевичи, князи и бояра и великіе велможи и священны ереи и вся православныя христіаны не супалисе, не сердились, не ретовались, лиха не думали, зла не творили, всегдабъ мнѣ рабу б. и. р. радовались и веселились и поклонялисьбъ мнѣ рабу б. и. по всякой день, и по всякой часъ и по всякое время. Стану я рабъ б. им. благо словясь, пойду, перекрестясь, помолюсь и поклонюся самому Іисусу Христу Царю Небесному. Самъ Господь Іисусъ Христосъ обвертитъ во оболочкѣ меня раба б. имр., попрыетъ краснымъ солнцемъ, подпояшетъ зорю утренюю, подтычетъ частыми звѣздами. Какъ тебѣ цари и царевичи, князи и бояра и великіе велможи, и священны ереи и вся православныя христіаны радовалисе и веселисе сонцу красному и свѣгу бѣлому, зорѣ утренній, дитити своему милому, маннѣ божи, хлѣбу и соли, тако же бы мнѣ рабу б. имр. цари и царевичи, князи и бояра, и великіе вельможи и священны ереи и вся православныя христіане радовалисе и веселилисе и поклонялися бы мнѣ рабу б. им. по всякъ день и по всякой часъ, на всякое время, всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь. Слава Тебѣ, Христе Боже, Упованіе Наше, Слава Тебѣ.

3. Подходъ къ начальству.

Спать и стать по утру рано не мывши, взять чистую воды и съ той воды вымыть Спасителей образъ и Богоматеринъ образъ съ Предвѣчнымъ младенцемъ, а какъ вымоешь, въ той воды наговаривай, а какъ наговоришь, вымой лицо свое, и той воды оставь ложки три, а какъ оставишь той воды и попрыши шапочной платъ, а какъ попрыщешь, приди ко властямъ и платомъ тѣмъ потри лицо свое и говори:

Во Имя Отца и Сына и Св. Духа, стану я рабъ Божій имрекъ, благословесь, по утру рано и пойду далече въ чистое поле, отъ отца благословець и отъ матери прощень, и отъ роду и отъ племени ближнего и дальнего, войду далече въ чистое поле и стану на востокъ лицомъ а на западъ хребтомъ. Земля мать, небо отецъ, зори Марія, заря Маремъянія; красное сонце въ очи вставляю, младъ свѣтелъ мѣсяць въ тылъ положу, часты-

ми звѣздами подтычуся, ризою Господню нетленною покроюся. И какъ зрять цари и князи, и бояра и всякіе пестрыя власти, и всѣ православные христіана, и какъ зрять сія власть на Господа Бога Саваофа, и на ангеловъ, и на архангеловъ, и на херувимъ, и на серафимъ, и на апостоловъ, и на пророковъ, и на всякіехъ святителей, и на красное солнце, и на младъ свѣтелъ мѣсяцъ, и на частые звѣзды, и на луну небесную и на вышнюю, и не думаютъ они цари и князи и бояра и всякіе пестрые власти и всѣ православные, и не думаетъ сія власть ни на Господа Бога Саваофа, и на ангеловъ, и на архангеловъ, и на херувимовъ, и на серафимовъ, и на апостоловъ, и на всѣхъ святыхъ святителей, и на красное сонце, и на младъ свѣтелъ мѣсяцъ, и на луну небесную, и на вышнюю ни зла, ни лиха и на меня раба Божія имрекъ, и казался бы я рабъ Божей властямъ нимъ въ очахъ краснаго солнца, свѣтлѣе свѣтлаго мѣсяца и частыхъ звѣздъ, всегда, нынѣ иприсно, и вѣкъ вѣковъ, вся крѣпость святаго духа, аминь, аминь, аминь.

(Всѣ три взяты изъ стариннаго сборника, полученнаго изъ села Ваймуги, Холмогор. уѣзда)

4. Подходъ къ властямъ.

Господи Боже благослови (трижды). Какъ озарится и замычетъ ранняя утренняя заря и взойдетъ обрадованное красное солнце, и возрадуется и возвеселится обрадованному красному солнцу царь государь и святѣйшій патриархъ, и всѣ судьи, и всѣ начальныя люди, и всѣ православные христіане, одождавши свѣтлаго Христова Воскресенія, такобъ возрадовался и возвеселился начальныи человекъ и судья праведный Іоаннъ по мнѣ рабъ Божіи Титъ, и дай ему, Господи, очи ангельскіе, сердце каменное, губы воловы, языкъ тетеревиной, и чтобъ супротивъ меня раба божія Тита не могъ не зинуть, не пикнуть, не слова промолвить и не выговорить, и буди со мной рабомъ божіимъ Титомъ Спасъ и Пречистая Богородица и св. архангелъ Гавріилъ и вся небесныя силы; како Петръ апостолъ замыкаетъ и запираетъ свой рай пресвѣтлы, тако замкни, Господи, у начальнаго человека и судьи праведнаго уста сахарныя и украти у него, Господи, отъ ярости ретивое сердце; како изъ гроба не возставаеъ мертвый мертвецъ и покрытъ матушкой сырой землей, такобъ не могъ возставать супротивъ меня, раба божія Тита, начальныи человекъ и судья праведный Іоаннъ. И тѣмъ моимъ словамъ ключъ и замокъ во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь.

Говорить сей приговоръ на чистый воскъ, три раза, и за каждымъ разомъ плевать, а держать во всякой чистотѣ, то всѣ судьи будутъ милостивы.

(Изъ дѣла 1753 года, выписано П. Я. Ефименкомъ).

5. Подходъ къ начальству.

Во имя Отца и Сына и св. Духа аминь. Христосъ воскреसे изъ мертвыхъ, смертію смерть поправый и выведый изъ ада праведныя и грѣшныя усопшія души, и какъ тѣ праведныя и грѣшныя усопшія души возрадовались и возвеселились трехдневному Христову воскресенію, такъ же возрадовалась и возвеселилась соборная апостольская церковь, всѣ ангелы и архангелы, херувимы и серафимы, мученики и мученицы, преподобныя и богоносныя отцы, пастыри и учителя вселенныя, также бы возрадовались обо мнѣ р. б. Н. всѣ начальныя и чиновныя люди и судьи праведныя; куда приѣду или приѣду, въ чемъ буду просить ихъ рабовъ б., тобъ ни въ чемъ не могли мнѣ отказать и не дѣлали бы мнѣ безъ пользы. Утренняя зоря радуется выходу краснаго солнца, вечерняя зоря радуется темной ночи, темная ночь радуется частымъ и яснымъ мелкимъ звѣздамъ младому (или вѣтхому) свѣтлому мѣсяцу, также бы возрадовались и возвеселились обо мнѣ р. б. Н. вси начальныя и чиновныя люди и судьи праведныя, куда приѣду или приѣду и въ чемъ буду просить ихъ, тобъ ни въ чемъ не могли мнѣ отказать и не сдѣлали бы просьбы моеи безъ пользы; тѣмъ моимъ приговорамъ и молитвамъ аминь.

6.

Во имя О. и С. св. Д. Аминь. Стану я р. б. Н. на сей день Господень благословесь и пойду перекрестесь изъ избы дверьми, изъ двора воротами, подъ духомъ святымъ и подъ страхомъ божіимъ, выйду я р. б. Н. въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ взойдетъ красное солнце обрадованное, освѣтитъ и обогрѣетъ всю подселенную, и такъ тому восходу краснаго солнца возрадуется царь и государь и святѣйшій патриархъ и весь миръ православный, вси начальныя и чиновныя люди и судьи праведныя, и дайже моимъ начальникамъ брюхо матеро, сердце каменно, уши тетеревины, очи свѣтлы, а языкъ мертваго человека, и будете мои слова смки и забористы во всякомъ мѣстѣ, аминь.

7.

Во имя О. и С. и св. Д. Аминь. Стану я р. б. Н. на сей день Господень благословясь и пойду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ двора воротами, подъ ду-

хомъ святымъ и подѣ страхомъ божіимъ, печать на мнѣ р. б. Н. Христова, лягу я р. б. Н. въ материю утробу, никтобы меня не нашель, къ царю Давиду пойду на смиренность, въ смѣлость и кротость, къ Александру Македонскому пойду на хитрость, а къ царю Соломону на премудрость, у начальниковъ и чиновниковъ и судей праведныхъ умъ и кротость ихъ у меня подѣ ногами, аминь.

8.

Помяни Господь Богъ царя Давида и всю кротость его, сколь былъ царь Давидъ смиренъ и кротокъ и милостивъ, такъ бы были у меня р. б. Н. вси начальныи и чиновныи люди и судьи праведныи смиренныи и кроткии и милостивыи. Аминь.

9.

Плюнь, помни, помяни и сохни по мнѣ р. б. Н. вси начальныи и чиновныи люди и судьи праведныи, смиренныи и кроткии и милостивыи. Аминь.

Молитва воскресная: Да воскреснетъ Богъ.

(Всѣ пять подходовъ записаны помощ. миссіонера Батраковымъ въ с. Ухтоостровѣ Холмогор. у.).

10. На подходъ ко властямъ.

Господи Боже, благослови! Отъ снѣга моря силу, отъ сырой земли рѣзвоты, отъ частыхъ звѣздъ зрѣнія, отъ буйна вѣтра храбрости ко мнѣ, рабу Божію (имя рекъ). Стану, рабъ божій (имя рекъ), благословясь и пойду передрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, пойду я, рабъ божій, на бѣлый свѣтъ, въ чистое поле, подѣ красное солнце, подѣ свѣтель мѣсяць, подѣ частыи звѣзды, подѣ полетныи облака. Стану я, рабъ божій (имя рекъ) въ чистое поле, на ровное мѣсто, что на престолъ Господа моего, облаками облачуся, небесами покрываюся, на главу свою кладу красное солнце, оболочу на себя свѣтлый младый мѣсяць, подпояшусь свѣтлыми зорями, облачуся частыми звѣздами, что острыи стрѣлами отъ всякаго злаго недруга моего. И буди у меня, раба Божія, сердце мое — лютаго звѣрѣ льва, гортань моя, челюсь-звѣрѣ волка порыскачаго. Буди у супостата, моего властелина (имя рекъ) сердце заячье, уши его тетерьи, очи его — мертваго мертвеца; и не могли бы отворятися уста и ясныи его очи возмущатися, не ретиво сердце бранитися, не бѣлыи его руки подниматися на меня, раба божія (имя рекъ). И помолюся я, рабъ божій (имя рекъ) Михаилу архангелу: «Государь небесный, воевода Михаилъ архангелъ, пристань ко мнѣ, рабу божію (имя рекъ), и дай мнѣ,

рабу божію (имя рекъ), сердце мое каменное, главу желѣзную, носъ жѣдныи, очи царскіи, языкъ золотой, и говорить рѣчи царскіи, щиты булатныи и грозу царскую, и какъ отъ великаго государя вси горды дрожать, вѣрныи и невѣрныи». Еще загради, Господи, у зла супостата, у властелина (имя рекъ), очи его, — стыдился бы на меня, раба, зло думать, и кто хочеть меня бити или убити, или смерти меня предати, и кости мое растерзати, и съ животомъ разлучити. Господи, Христость мой, Богъ милостивый и премного-милостивая моя Государыня, Госпоже Пресвятая Богородица, Дѣво Маріа, Мати вышняго Бога, Христова молебница, теплая заступница, скорая помощница! Какъ ты, Мати Пресвятая Богородица, родила Исуса Христа, Сына своего, Бога нашего, Царя небснаго, какъ ему покланяются и покоряются, Христу Богу нашему, Царю небесному, архангели и ангели, херувимы и серафимы, и вся небесныи силы, ему поклоняются пророки и ученики, — такъ бы мнѣ рабы покорныи и поклонныи, и послушныи цари и царицы, князи и княгини, бояра и боярыни, дѣлки и поддѣяки, и пестрыи власти, и вси приказныи судьи, мои супостаты (имя рекъ) ко мнѣ, рабу божію (имя рекъ). Какъ возрадуется темная ночь младому свѣтлому мѣсяцу, и какъ возрадуется утренная заря бѣлому свѣту, и какъ возрадуется бѣлый свѣтъ красному солнцу, — такъ бы возрадовались мнѣ, рабу божію (имя рекъ), моему приходу, цари и царицы, князи и княгини, бояра и боярыни, дѣяки и поддѣяки, и пестрыи власти, вси приказныи люди, судьи и всѣхъ чиновъ люди, мои супостаты (имя рекъ), отъ меня, раба божія (имя рекъ), въ лице или въ тыло и со стороны и смотрѣли бы на меня, раба божія (имя рекъ), какъ на красное солнце, и не могли бы насмотрѣтися душею и тѣломъ, и ретивымъ сердцемъ, ясныи очами, думой и помысломъ. Всегда нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ, аминь. Вси цари и царицы, князи и княгини, бояра и боярыни, и вси приказныи люди, и мои супостаты (имя рекъ) — вси овцы мои; я, рабъ, волкъ; своимъ яснымъ окомъ взгляну и поймаю, и въ руки возьму, и на зубъ брошу, раскушу и всѣмъ на полъ плюну, и ногой заступлю и растопчу. Вси мои слова, будьте благословенныи, сильныи и крѣпки, крѣпчае и жесточае желѣза и булату и востраго ножа, и ногтей орлиныхъ, и всѣхъ моихъ сильныхъ и крѣпкихъ словъ. Казанская Богородица печать свою приложила златымъ своимъ перстнемъ. Всегда отнынѣ и до вѣку. Замогъ камень. Аминь, аминь, аминь!

А говорить слова трижды въ воду да въ воскъ, да въ бѣлый платъ, да въ маленькій кусоць хлѣбца; водою мыться и пить воскъ; положи ко кресту и хлѣбець сей, платомъ трись, поди куда хошь.

(Изъ старинной рукописи).

11. Приговоръ, когда идешь къ начальству.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Стану я, рабъ божей имя рекъ, благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, стану на востокъ лицомъ, на западъ хребтомъ, обрещу ярово воску и сперва воззрю далече, Спасу помолюся, праотцамъ нашимъ Якову, Иосифу прекрасному. Какъ вы Яковъ и Иосифъ прекрасны пришли предъ Фараона царя Египетскаго и какъ онъ не могъ на мѣстѣ усидѣть и честь имъ воздалъ паче всѣхъ, такъ же бы супротивъ меня, раба божія имя рекъ, князи и бояра, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и всѣ пестрыя власти и всѣ православные христіане не могли бы на мѣсти усидѣть и честь бы имъ воздали паче всѣхъ, и казался бы нимъ милѣе всѣхъ я, рабъ божей имя рекъ, сердце бы нимъ укротилось, что у кроткаго Давида царя, виновность къ нимъ моя не была бы виновность, а казалась бы невинностию, вороги бы и злодѣи мои имъ супостаты казались, аки лютые звѣри, мою бы виновность клали на вороговъ и па злодѣевъ на моихъ супостатовъ; какъ на семь свѣти всякой живущей челоуѣкъ не можетъ жить безъ хлѣба и безъ соли и безъ питія, такъ же бы безъ меня, раба божія имя рекъ, князи и бояра, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и всѣ пестрыя власти и всякіе чиновъ люди и всѣ православные христіане не могли бы безъ меня, раба божія имя рекъ, не жить, не быть, не пить, не истъ, не ходить, дня прожить, ночи проспять, часу часовать. Какъ возрадовалась и возвеселилась Пресвятая Богородица востанію и воскресенію Христову, единопородному своему сыну, такъ же бы радовались и веселились князи и бояра, намѣстники, архіепископы, архимандриты, игумены, князи и бояра и всѣ пестрыя власти и всякихъ чиновъ люди имѣли бы они меня, раба божія имя рекъ, какъ душу въ тѣли своемъ, глазъ во лбу, по всякой день и по всякой часъ въ день и въ ночь, въ полни мѣсяцы, и въ новѣ мѣсяцы, и въ ущерби мѣсяцы, и на меженныхъ днѣхъ, всегда, нынѣ и присно, и вовѣки вѣковъ; вся крѣпость Святаго Духа во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогорскаго уѣзда).

12. Подходъ къ начальству.

Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его, царя Соломона и всю премудрость его.

(Запис. свящ. Лисестровскаго прихода, Арханг. уѣзда Фёдоровъ).

13. Тоже.

Придя къ дверямъ, ухватиться за скобу и говорить: вставайте волки и медвѣди, и всѣ мелкіе звѣри, левъ-звѣрь самъ къ вамъ идетъ!

(Запис. г. Огородниковъ съ Соломбалѣ).

14. Подходъ ко всякому нужному челоуѣку.

Стану р. б. Н., помолюся Матери Пресвятой Богородицы, Истинному Небесному Христу поклонюся; какъ на истиннаго небеснаго Христа никто не можетъ злой думы думать и мысли мыслить, ни зло творить, ни щои отворить, ни языка поворотить, такъ же какъ я р. б. N пойду куда, глядѣли бы на меня голубинимъ окомъ, материнимъ сердцемъ царя Давида, царя Константина кротость и смиренство. Казался бы р. б. N честнѣй хлѣба и соли, милѣе сну и дѣла, во всякое время, днемъ при солнцѣ, а ночью при мѣсяцѣ подъ частыми звѣздами и подъ темнымъ облакомъ. Будьте мои слова вострѣе востраго ножа, вострѣе востраго топора, вострѣе вострой сабли, крѣпче бухвальнаго слова, что ключъ языкъ замокъ, аминь.

Слова эти списавъ и закатавъ въ воскъ носить на крестѣ для подходу ко всякому нужному челоуѣку.

(Записано кр. Батраковымъ).

15.

Лягу я р. б. им. р. помолюся, встану я р. б. перекрестясь, умоюся святынею, помолюся Спасу и Пречистой Богородицѣ; пойду я р. б. изъ избы дверьми, воротами, на встрѣчу имѣ архистратигъ Михаилъ архангелъ со святыми своими съ ангелами и апостолами, и возмолюся я р. б. Михаилу архангелу: Михаилъ архангелъ, заслони ты меня желѣзною дверью, и запри тридевятью ключами, замками. И глаголетъ мнѣ рабу б. Михаилъ архангелъ: заслону я тебя раба б. желѣзною дверью, и замкну тридевятью замками, ключами, и дамъ ключи звѣздамъ: первый Маріи, второй Прасковью, третій Ериси (sic), возмите ключи стнесите на небеса и кто эти ключи достанетъ, тебя раба божія отмыкать станеть. Мати Божія Пресвятая Богородице, покрый мя омофоромъ своимъ. Иду я рабъ б. къ рабу б. имя рекъ: лежалъ ты у матери своей во чревѣ, тогда у тебя на меня не было ни думы, ни словъ, ни рѣчей ника-

внхъ, такъ и нынѣ я къ тебѣ иду, чтобы не было у тебя ни думы, ни словъ, ни рѣчей, ни мѣста, а хотя я р. б. хожу и пятами своими топчу, только бы у тебя на меня не было ни думы, ни словъ, ни рѣчей никакихъ. Какъ на небѣ мѣсяцъ лаялъ снѣги мертвы, такъ бы и тѣло твое было мертвое; ты предо мной еси лютый огонь, а я предъ тобой есть сильная вода; когда разгорится твое лютое сердце, то я твое лютое сердце залюю своею сильною водою, во вѣки вѣковъ, аминь. Боже, очисти мя грѣшнаго, яко николи же благое сотвори предъ тобою, но избави мя отъ лукаваго, да будетъ воля твоя, да неосужденно яко отвержу уста моя недостойный и восхваю имя твое, Отца и С. и С. Д. А.

Во и. О. и С. и Св. Духа. Аминь, аминь, аминь, видѣ идущимъ и вѣдущимъ все святымъ отцемъ Сисаніемъ, на горѣ Синайской стоять столбъ, въ томъ столбѣ сидитъ святой отецъ, селенія имать четыре.

(Изъ старой рукописи).

16. Подходъ ко всякому человѣку.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь. Какъ возрадуется вечерняя заря темной ночи, такъ же бы возрадовался рабъ божій имя рекъ рабу божію имя реку. Какъ возрадуется и возвеселится темная ночь частымъ звѣздамъ, такъ бы возрадовался и возвеселился рабъ б. им. р. рабу б. им. р. И какъ возрадуются и возвеселятся часты звѣзды свѣтлому мѣсяцу, такъ бы возрадовался и возвеселился рабъ б. им. р. рабу б. им. р. Какъ возрадуется свѣтлой мѣсяцъ утренней зарѣ Маріи, такъ бы возрадовался рабъ б. им. р. рабу б. им. р. И какъ возрадуется утренняя заря Марія бѣлому свѣту, такъ бы возрадовался рабъ б. им. р. рабу б. им. р. Какъ возрадуется бѣлой свѣтъ красному солнцу, такъ же бы возрадовался рабъ б. им. р. и зрилъ и смотрилъ, что солнце, и любилъ бы, имѣлъ, что душу въ тѣлѣ, какъ крестъ на церкви, не могъ ни жить, ни быть безъ меня раба б. им. р. И какъ мертвый человѣкъ не можетъ безъ земли жити, такъ бы тотъ рабъ б. им. р. не могъ безъ меня раба б. ни жить, ни быть, ни пить, ни есть. Какъ рыба безъ воды, и мало дитя безъ матери, и какъ сажа сохнетъ на потолкѣ, такъ бы тотъ рабъ б. сохъ о мнѣ рабъ б. им. р., сохъ на полную мѣсяцу, не перекроѣ мѣсяцъ и на межныхъ дняхъ, по всякой день, по всякой часъ; тѣмъ моимъ словомъ ключъ и замокъ, вовѣки, аминь.

(Извлечено П. С. Ефименкомъ изъ старин. рукописи).

17. Па властей.

Господи Исусе Христе сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго раба Твоего им. р., аминь; на мнѣ р. б. им. грамота отъ града Господня, приидеть ко мнѣ рабу б. им. р., — и ту сію грамоту возьму на лѣвую руку, подыму на свою главу крестъ животворящій, стану я рабъ им. р. на крестъ взирати, грамоту прочитати на всякъ день Господень, на воскресенье, на понедѣльникъ на святой, аще на сію ночь за очи меня сѣкутъ и рубятъ, пластають и вѣшаютъ; а во очи появлюсь я р. б. им. р. предъ князя боярина, и предъ судьями, и воеводами и предо старымъ и молодымъ, и обо мнѣ рабъ б. радуются и веселятся и съ мѣста встають; какъ же станеть около меча раба б. тынъ желѣзный и заборъ каменный, отъ юга до сѣвера, отъ земли и до небеси, отъ вѣрующихъ колдуновъ, горѣзовицъ летающихъ, отъ бѣсовскихъ ученицъ, отъ калника переходя, отъ и отъ всякаго злаго человѣка; какъ снидетъ ко мнѣ рабу им. р. самъ Господь нашъ Исусъ Христосъ со всеми евангелистами, Матвѣемъ съ Маркомъ, съ Лукою, и Иоанномъ и со всею силою небесною, и ведеть меня самъ Господь нашъ Ис. Хр., и ту вѣтку сладкую сорветъ, около главы моей трижды обнесетъ, отъ князя и боярина, отъ судей и воеводы, отъ всѣхъ христіанъ старыхъ и молодыхъ; бабамъ я рабочимъ своимъ паче злыхъ рабовъ и супостатовъ совѣмъ я рабъ б. и сердце у нихъ выну, а тѣмъ моимъ крѣпкимъ своимъ словамъ ключъ и замокъ, и во вѣки вѣковъ. Аминь. Запечаталъ самъ Господь нашъ Исусъ Х., Небесный Царь сильными печатями, положи образъ на образъ къ своему сатанѣ, съ тѣмъ моимъ крѣпкимъ словомъ слава тебѣ Царю Небесному. Аминь. День пройде, ночь настаетъ, ложится спать рабъ б. им. р., печать на мнѣ Христова и спасова рука, пресвятая Богородицы замокъ, крестомъ крещусь, крестомъ облекусь, крестомъ діавола прогоню, крестомъ ограждаюсь отъ врага и супостата, откажись отъ меня, тутъ тебѣ нѣтъ мѣста: на тебя евангелисты, Михаилъ архангелъ, Петръ и Павелъ верховные апостолы, св. Никита столпникъ врага прогоняетъ, враги ему заклинаются, мнѣ тутъ не бывать, на рабъ б. не стояти, учинили храмины печать, Петръ и Павелъ Константинъ и Елена, у ней архангелы и ангелы Божіи Аминь. Да воскреснетъ Богъ.

(Заговоръ сей извѣстенъ и на сѣверѣ у старобрядцевъ. Срв. Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1, ст. Щапова стр. 62).

Г. ОТНОШЕНИЕ КЪ ПРИРОДНЫМЪ И СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫМЪ СИЛАМЪ.

1. Молитва грому.

Сія молитва глаголати, егда громъ возгремитъ:

Святъ, святъ, святъ! сѣдый въ грому, обладавый молніями, проливый источники на лице земли, о владыка страшный и грозный! Самъ суди окаинному діаволу съ бѣсы, а насъ грѣшныхъ спаси, всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь. Умъ преподобенъ, самоизволенъ, честь отъ Бога, отечеству избавленіе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

(Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1, ст. Шапова: истор. очер. нар. міросоз. стр. 16. Извѣстна и на сѣверѣ.)

2. Молитва къ грому.

Боже страшный, Боже чудный, живый въ вышнихъ, сѣдый на херувимѣхъ, ходяй въ громѣ, обладая молніями, призывая воду морскую и проливая на лице всея земли. Боже страшный, Боже чудный! самъ казни врага своего діавола, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

(Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1, Шапова: Ист. очер. нар. міросоз. стр. 17. Извѣстна и въ Архангел. губ.)

3. При паденіи звѣзды.

Падающія звѣзды означаютъ кончину праведника; по этому при паденіи звѣзды говорятъ:

Аминь, аминь, аминь!

При этомъ крестятся.

(Сообщ. учит. холм. приходск. училища Елезаровъ.)

4. При дождѣ.

Приговариваютъ рѣчи: Мать Божья! не давай дождя, давай солнышка, да высоколышка.

(Запис. П. А. Ивановъ въ г. Пинегѣ.)

5. При дождѣ.

Чтобы дождь пересталъ, дѣти приговариваютъ:

Дождикъ, дождикъ, перестань, мы поѣдемъ на ердань, Богу молиться, Христу поклониться. Какъ у Бога сирота, затвори ворота, ключикомъ-замочкомъ, золотымъ платочкомъ.

(Сообщ. П. А. Ивановъ изъ г. Пинеги.)

6. Мольба въ тра.

Въ Поморьѣ Кемскаго уѣзда предъ возвращеніемъ промышленниковъ съ Мурманскаго берега домой, бабы цѣлымъ селеніемъ отправляются къ морю *молить оттеръ*, чтобы не серчалъ и давалъ бы льготу дорогимъ дѣтникамъ. Для этого онѣ предварительно молятся кре-

стамъ, поставляемымъ во множествѣ на всемъ Бѣломорскомъ побережьи. На слѣдующую ночь послѣ богомолья всѣ выходятъ на берегъ своей деревенской рѣки и моютъ здѣсь котлы; затѣмъ бьютъ полѣномъ флюгеръ, чтобы тянулъ повѣтерье и притомъ стараются припомнить и сосчитать ровно 27 (3×9) плѣшивыхъ изъ знакомыхъ своихъ въ одной волости, и даже въ деревнѣ, если только есть возможность къ тому. Вспоминая имя плѣшиваго, дѣлаютъ рубежекъ на лучинкѣ углемъ или ножемъ; произнося имя послѣдняго, 27-го, нарѣзываютъ уже крестъ. Съ этими лучинами все женское населеніе деревни выходитъ на задворки и выкрикиваетъ сколько возможно громко: «Востокъ да обѣдникъ пора потянуть! западъ да шалоникъ пора покидать! Тридевять плѣшей всѣ сосчитанныя, пересчитанныя; востокъ плѣшь напередъ пошла.» Съ этими послѣдними словами бросаютъ лучинку черезъ голову, обратясь лицомъ къ востоку, и тотчасъ же припѣваютъ: «Востоку да обѣднику каши наварю и блиновъ напеку; а западу шалоннику спину оголю. У востока да обѣдника жена хороша, а узапада шалоника жена померла!» Съ окончаніемъ этого припѣвка слѣзаетъ посмотрѣть на кинутую лучину: въ которую сторону легла она крестомъ, съ той стороны ждутъ вѣтра. Но если она опять провозвѣститъ неблагоприятный вѣтеръ, то прибѣгаютъ къ послѣднему, извѣстному отъ старины средству; сажаютъ на щепку таракана и спускаютъ его въ воду приговаривая: «поди тараканъ на воду, подними тараканъ сѣвера.»

(Годъ на Сѣверѣ, Максимова, I, 385.)

7. Призываніе домоваго на новоселье.

При переходѣ на житье въ новопостроенный домъ, семейные хозяева приходятъ въ старый домъ и раскладываясь во всѣ четыре угла избы, говорятъ: Хозяинушко-господинъ! пойдѣмъ въ новый домъ, на богатый дворъ, на житье, на бытѣ, на богатство!

(Зап. П. А. Ивановъ въ Пинежскомъ у.)

8. Къ домовому.

Переходя въ новый домъ, или на новую квартиру, прежде всего вносятъ образъ квашню съ раствореннымъ, тѣстомъ, а потомъ кошку, собственно для домоваго, приговаривая: Вотъ тебѣ, хозяинъ, мохнатый звѣрь на богатый дворъ.

(Барман. кн. для любит. землевѣд., изд. Геогр. Общ. въ 1848 г. Извлеч. изъ замѣтокъ о повѣр. и суев. жител. Арх. губ., Верещагина, стр. 312—320.)

9. При покупке скота.

Купивши скотинку, крестьянинъ молится вмѣстѣ съ продавцемъ Богу, творить молитву Иисусову, три раза обводитъ вокругъ себя коня, несмѣя держать узды голыми руками, и говорить: «Вотъ тебѣ, хозяйнушко, мохнатый звѣрь на богатый дворъ; пой, корми, рукавичкой гладь.»

(Запис. свящ. Таратинъ въ с. Курьѣ, Холм. у.).

10. Къ домовому.

Вводя вновь купленную скотину въ стойло, строго соблюдаютъ слѣдующій обрядъ: низко кланяются, обращаясь къ каждому изъ четырехъ угловъ хлѣва или стойла, и приговариваютъ: «Вотъ тебѣ, хозяйнъ. мохнатый звѣрь; моего (или моего) такого-то (кличка скотины) люби, пой да корми.»

(Барман. книга для любителей землевѣд. изд. Рус. Геогр. Общ. 1848 г. Извлеч. изъ замѣтокъ о повѣрьяхъ и суевѣр. жит. Арх. губ. Верещагина, стр. 312—320).

11. Къ домовому.

Когда приводятъ купленную скотину въ хлѣвъ, тогда употребляютъ слѣдующее воззваніе къ домовому;

«Дѣдушка Отаманушко! полюби моего чернѣюшка (или пестрѣюшка, смотря по шерсти), пой, корми сыто, гладь гладко, самъ не шути, и жены не спущай, и дѣтей уклікай.»

(Записано въ г. Онегѣ).

12. Чтобы увидѣть двороваго.

«Дядя дворовый, приходи ко мнѣ не зеленъ, какъ дубравный листь, не синь, какъ рѣчной валъ, приходи такимъ, каковъ я; я тебѣ христовское яичко дамъ.»

Кто хочетъ видѣть двороваго, долженъ первый получить отъ священника, по окончаніи заутрени на св. Пасху, красное яйцо и взять изъ церкви свѣчу, съ которою стоялъ у заутрени. За тѣмъ долженъ ночью, до пѣтуховъ, взявъ въ одну руку зажженную свѣчу, а въ другую красное яйцо, стать передъ отворенною дверью хлѣва и сказать приведенныя выше слова: дворовой выйдеть, по виду совершенно подобный произносившему заклятіе.

(Запис. А. Харитоновъ въ Шенкур. у.).

13. Къ банному.

По выходѣ изъ бани, благодарятъ баннаго словами: «Спасибо те, байнушко, на парной байнечгѣ!»

(Сооб. П. А. Ивановъ изъ г. Пинеги).

14. При знакомствѣ съ лѣшимъ.

Крестьянинъ, желающій снискать милость лѣшаго,

долженъ въ ночь передъ Ивановымъ днемъ отправиться въ лѣсъ, и, найдя осину, срубить ее такъ, чтобъ она вершиною упала на восточную сторону; на пнѣ срубленной осины, ставъ лицомъ на востокъ, онъ долженъ нагнуться, и, глядя въ отверстіе, образовавшееся между ногами, говорить: «Дядя лѣшій, покажись, не сѣрымъ волкомъ, не чернымъ ворономъ, не елью жаровою; покажись такимъ, каковъ я!»

(Зап. А. Харитоновъ въ Шенкур. у.)

15. Молитва Нежиту.

Святые Михаилъ-Гавриилъ грядите, возьмѣ железныя лукъ, железныя стрѣлы, стрѣлати хоте елена и елену, и не обрете ту елена и елену и обрѣте Нежита, иже сидеша на мырацѣливъ (sic) и вопросы его: что ты еси иже сѣдиши на мырацѣливъ? Отвѣщавъ ему: азъ есмь Нежить, иже челоуѣче глава расцѣплю, и мозыгъ истрѣчу, кровь ему пролею. И рече ему Михаилъ-Гавриилъ: проклеты, проклеты Нежите, не мозыга сръчи, ни главы расцѣпи, нѣди въ пустую гору, влѣзи въ елену главу, та ти есть трѣпѣлива, трѣпѣти те, аще ли же по семь дни обрѣшу, любо же посѣкну, любо же прострѣлю. И взмолился Нежить: не посѣци и не прострѣли мнѣ, да бѣжу въ гору и въ еленю главу, егда имать по три земле.

(См. Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 89, ст. Шапова, стр. 11. Извѣстна и въ Архангел. губ.)

16. Молитва Нежиту.

Сербская молитва, встрѣчающаяся въ рукописяхъ на сѣверной Руси:

Поиде 7 ангель, 7 архангелъ, 7 свѣщъ носеще, 7 ножъ остреще, и срете ихъ архангелъ Гавриилъ и рече имъ: камо идете 7 ангель, 7 архангелъ, 7 свѣщъ несеще, 7 ножъ остреще, и рѣче ему ии: идемъ Нежита осѣщи изыгнати.

(См. Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1, ст. Шапова.)

17. Молитва Нежиту.

Седмьдесятъ ангелъ, семдесять архангелъ, и срѣте и святыи Михаилъ и Гавриилъ и святыи Козма и Доміане. И рекоша ему: камо идеши Нежите. И рече имъ Нежить: иду челоуѣчу главу кости преломити, мозыга сръцати. Рекоша ему: иди въ пустую гору, и вышедъ въ еленю (оленью) главу и останися раба божіа (имя рекъ) и ту клятву да имаша, и иже смѣшаеть воду, подобне и есть егда станешъ добръ. Станешъ страхомъ, тако да станеть съ Нежить.

(Оттуда же.)

18. При исканіи кладовъ.

Когда покажется счастливцу кладъ онъ долженъ проговорить:

«Чуръ! чуръ! свято мѣсто,—чуръ Божье да мое!» или: «чуръ мой кладъ съ Богомъ на-пополамъ!»

Затѣмъ желающій пріобрѣсть кладъ долженъ накинуть на мѣсто клада шапку съ головы, что значить оставить въ залогъ голову и никому не повѣдать тайны. Наконецъ приговариваютъ:

«Аминь, аминь, аминь, разсыпья!»

Последнія слова говорятся по тому случаю, что клады обыкновенно являются въ видѣ огоньковъ, горящихъ воскуяровыхъ свѣчей, золотыхъ пѣтуховъ и пр.

(Зап. г. Ивановъ въ г. Пинегѣ.)

19. При собираніи папоротника.

Въ одномъ травникѣ о папоротникѣ сказано: «естъ трава черная попороть; растетъ въ лѣсахъ около болотъ, въ мокрыхъ мѣстахъ, въ лугахъ, ростомъ въ аршинъ и выше стебель, а на стеблѣ маленьки листочки, и съиспода большіе листы. А цвѣтетъ она на канунѣ *Иванова дня* въ полночь... Тотъ цвѣтъ очень надобенъ, если кто хочетъ богатъ и мудръ быть. А брать тотъ цвѣтъ не просто—съ надобностями, и очертясь кругомъ говорить: Таланъ божій, судъ твой; да воскреснетъ Богъ!

(Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1. ст. Щанова стр. 21.)

20. Противъ чорта.

Въ Святки отправляются на розстань, очертываются три раза, приговаривая за каждымъ разомъ: «за три черты чортъ не ходи!» Потомъ слушаютъ, что чудится.

(Записано въ г. Холмогорахъ.)

21. Отъ нечистаго.

Отъ Духа Святаго, причастника Христова, Спасова рука, Богородичинъ замокъ. Ангель мой, сохранитель мой! сохрани мою душу, скрѣпи сердце мое; врагъ сатана! поди прочь отъ меня. Есть у меня три листа, написаю все Маркъ да Лука да Никита великомученикъ; за грѣхи душу мучить, за меня Бога молить.

(Доставлено свящ. Грандильевскимъ изъ с. Емецка Холмог. у.)

Эта молитва отъ нечистаго духа, произносимая ежедневно на сонъ грядущій, составляетъ предохранительное и заклинательное средство отъ всякаго недуга и скорби.

22. Молитва отъ нечистаго духа.

Во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь. Облекомся во единого Христа и слова Божія; убойся діаволу, отыди

отъ меня, раба Божія имярека. Христось воскресе своею волею, имѣяй силу изгоняти тя, страшный и нечистый діаволу, имѣяй силу Вышняго Бога, отца невидимаго, Христось погребенъ бысть; Христось воскресе, бѣжи діаволу, побѣдою Отца и Сына и Св. Духа, и во вѣки вѣковъ, аминь.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь. Стану я рабъ Божій имярекъ, благословесь, поиду изъ западу въ востокъ. Поднимаетца царь грозная туча, и подъ грозною тучею мечетца царь громъ, царица молнія. Какъ отъ царя грома и отъ царицы молніи бѣжатъ враги и діаволы лѣсные, водяные и дворовые и всякая нечистая тварь въ свои помѣстія — подъ пень и подъ колоду, во езера и во омуты, и такъ бы бѣжали и отъ живущихъ во оныхъ хоромахъ, отъ меня, раба божія имр., бѣжали всякіе враги и діаволы, лѣсные, водяные и дворовые, всякая нечистая тварь въ свои помѣстія подъ пень и подъ колоду, во езера и во омуты безотпратно и безотворотно, вѣки по вѣку, отнынѣ и до вѣку, аминь.

Христось родися, и распяся, и воскресе, и въ третій день воскресеніе и животъ дарова всему міру, и мнѣ, рабу, Божію имярекъ, крестъ. Крестомъ человекъ родися, Богъ прославися, сатана связанъ бысть съ сильными своими бѣсы; отъ нынѣ и до вѣка, и до втораго пришествія Христова, аминь.

Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ, сѣдѣя въ вышнихъ, ходяй по громѣ, осѣняй силою небесною, призываяй воду морскую къ проливанію на лице всея земли, праведный самъ судія врагу нашему, діаволу, аминь.

Господи Боже благослови. Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь. Стану я, рабъ божій имя рекъ, благословесь, и поиду перекрестесь, изъ избы двери, изъ двора воротами, въ чистое поле задворми, подъ утреннюю зорю и подъ восточную сторону, ко истинному Господу Саваоѣу, Спасу Исусу Христу, Сыну Божію, Царю Небесному, и помолюся я, рабъ Божій имя рекъ, истинному Господу Богу Саваоѣу. Спасу Исусу Христу, Сыну Божію, Царю Небесному и святымъ архангеламъ Михаилу и Гавриилу, шестокрылатымъ херувимамъ и серафимамъ и прочимъ безплотнымъ небеснымъ силамъ, и святому честному пророку Предтечи и крестителю Господню Иоанну, и святымъ четыремъ апостоламъ и евангелистамъ Матвею, Марку, Лукѣ, Иоанну богослову, и святому пророку Ильѣ Фезвитянину: создай, Господи, свое божіе великое милосердіе отъ престола Господня гроз-

ную тучу и темную, каменную, огненную и пламенную, изъ тое тучи грозныя спусти, Господи, частаго дождика. На небесахъ, отъ престола Господня зачинается и подымается божія милость и грозная туча, сильный громъ и молнія; и спустилъ истинный Господь, Саваоѣъ Богъ, Спасъ Иисусъ Христосъ, Сынъ Божій, Царь Небесный, свое божіе великое милосердіе, отъ престола Господня святыи Духъ, царя грома и царицу молонію: царь громъ грянулъ, царица молонія огненное пламя спустила, молнія освѣтила, раскакались и разбѣжались всякіе нечистые духи. И какъ изъ тѣя божіей милости, изъ грозной тучи, сильного грома, отъ молніи вылетаетъ грозная громовая стрѣла, и сколь она грозно, и пылко, и ярко, и примичиво діавола изгоняетъ и нечистаго духа демона К., С., С., Н., и мамонта насыльного и нахожего у меня, раба б. им., изъ двора выганиваетъ, камень и древо разбиваетъ, и какъ отъ тое грозныя громовыя стрѣлы не можетъ камень въ одно мѣсто срастать, древо отрастать, и такъ же бы проклятыи діаволь и нечистый духъ демонъ К., С., С., Н., и мамонтъ насыльный и нахожій избѣжали бы отъ меня, раба божія имр., отъ сего мѣста прочь за 39 (въбройтно 3 × 9, или *тридевятъ*) земель, за 3. 9 городовъ и за 3. 9 морей, и не могли бы меня, раба божія им., видѣть и не могли бы слышать; и какъ ты грозныя огнянныя громовыя стрѣлы боится проклятыи діаволь и нечистый духъ демонъ К., С., С., Н., и мамонтъ насыльной и нахожій, и такъ же бы раба б. им. устрашилися и убоялися недруги и мои супостаты имя реки и всякіе нечистые духи раскакались и разбѣжались отъ меня раба б. им. во свояси: водной въ воду, а лѣсной въ лѣсъ подъ скрыпучее дерево, подъ корень, и вѣтряный подъ кустъ и подъ холмъ, а дворовой, мамонтъ насыльный и нахожій и проклятыи діаволь и нечистый духъ демонъ, на свои на старые на прежнія жилища. И какъ Господь умудряетъ слѣпцы, не видятъ, а все знаютъ, такъ же умудри, Господи, меня, раба б. им. на нечистыхъ духовъ; гласъ грома Твоего въ колеси, освѣтиша молнія твоя, вселенная подвижеса, и трепетна бысть земля, такъ же бы трепетны были нечистые духи отъ меня раба б. им; и какъ наши родители въ землѣ лежатъ, не чуютъ звону колокольнаго, ни пѣнія церковнаго, и такъ бы сей мой заговоръ и приговоръ былъ столь бы крѣпокъ и силенъ во всякое время до будущаго вѣку во вѣки, аминь.

Крестъ на мѣстѣ, крестъ по рабѣ божіемъ имя рекѣ, крестъ у меня, раба божія, и крестомъ Христовымъ

діавола проклинаяю, отступи бѣсъ и діаволь и нечистый духъ отъ меня, раба Божія им., отъ сихъ дверей, отъ четырехъ угловъ фатеры моеи; здѣсь сидятъ архангелы, ангелы, херувимы и серафимы, — Михаилъ архангелъ и Гавріилъ архангелъ, здѣсь сидитъ Пресвятая Богородица, родшая Творца плотию, Христа Бога нашего, Царя Небеснаго; силою Христовою діаволь буди проклять и нечистый духъ, всѣмъ седми соборами, всегда, нынѣ и присно, и вовѣки вѣковъ, аминь. Крестъ хранитель всея вселенныя, крестъ красота церкви, крестъ царемъ держава, крестъ и діаволомъ прогнаніе отъ раба б. им. Во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь. Крестъ креститель, Христовъ хранитель, крестъ красота, крестъ церковная высота, крестъ ангеломъ слава, крестъ царю держава, крестъ твердо утверженіе, крестъ бѣсомъ бо язва, крестъ и врагомъ прогонитель, храни мя и милуй раба б. им. въ ветху и въ молоду, и въ перекроѣ мѣсяцѣ, и ото всякаго врага и супостата, ото всякаго злаго чловѣка, скорби и болѣзни, ненавидящаго и обидящаго чловѣка.

Во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь. Стану я, рабъ б. им. благословесь, пойду перекрестись, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле за дворми, подъ восточную сторону, покорюсь и помолюсь Господу Иисусу Христу и святымъ архангеломъ и ангеломъ Михаилу и Гавріилу, шестокрылымъ херувимомъ и серафимомъ, и евангелистомъ Матвѣю, Марку, Лукѣ, Иоанну богослову: какъ васъ боится демонская сила и какъ смущаетъ небесная стрѣла, молнія и громъ, и такъ же бы устрашилися и убоялися меня раба б. им. во всякое, время и такъ бы мой заговоръ и приговоръ былъ столь силенъ и крѣпокъ, и какъ Господь умудрилъ слѣпцы, не видятъ, а все знаютъ, а такъ же бы у меня раба б. им. столь бы силенъ и крѣпокъ мой заговоръ, а сей приговоръ; и какъ наши родители въ землѣ лежатъ, не чуютъ звону колокольнаго, ни пѣнія церковнаго, и столь бы былъ крѣпокъ сей заговоръ, во всякое время до будущаго вѣку, вовѣки, аминь.

Во имя Отца и Сына и Св Духа, аминь. И ставитъ около меня, раба б. им., самъ истинный Господь Богъ Саваоѣъ, Спасъ нашъ Иисусъ Христосъ, Царь небесный, со своею Пресвятою Матерью Богородицею, Дѣвою Марією, и со всею небесною силою, со ангелами и со архангелами, съ херувимы и серафимы, со апостолами и пророками и со святителями, и съ врачами съ безсребрниками, съ мучениками и съ мученицами, съ страстотерпцами и съ страстотерпицами, съ преподобными,

и съ праведными, и со всѣми святыми тынъ желѣз-
ный, врата мѣдныя, веревъ булатныя, замокъ пре-
свѣтлаго рая, ключъ небснаго царствія, отъ земли
и до неба, отъ неба и до престола, и по земли отъ во-
стока и до запада, отъ запада и до сѣвера, отъ сѣвера
и до лѣта, со всѣхъ съ четырехъ сторонъ, и заграж-
даетъ самъ истинный Господь Богъ Саваоѣ, Спасъ нашъ
Исусъ Христосъ, Сынъ Божій, Царь небснй, меня
раба б. им. ото всякаго отъ злаго, отъ лихаго человѣка
и супостата: отъ угроватаго, отъ возгриваго, отъ сопли-
ваго, отъ шедливаго (вѣроятно шелудиваго), отъ ни-
ловатаго, отъ сутулатаго, отъ старца и отъ старицы,
отъ бѣльца и отъ бѣлицы, отъ чернца и отъ черницы,
отъ схимника и отъ схимницы, отъ женки долговолоска
и отъ дѣвки частоволоски, отъ черноволосыхъ, отъ
чернорусыхъ, отъ бѣловолосыхъ, отъ русоволосыхъ,
отъ сѣдоволосыхъ, отъ пестрыхъ, отъ рябыхъ, отъ
лысоватыхъ, отъ слѣпыхъ, отъ хромыхъ, отъ волшеб-
никовъ, отъ волшебницъ, отъ колдуновъ, отъ колду-
ницъ, отъ вѣдуновъ, отъ вѣдуницъ, отъ кудесниковъ,
отъ кудесницъ, отъ порчельниковъ, отъ порченицъ, отъ
лихоглазыхъ, отъ лихозубыхъ, отъ лихокровыхъ, отъ
лихошерстныхъ, отъ богоотступниковъ, отъ богоотступ-
ницъ, отъ богоотмѣтниковъ, отъ еретиковъ, отъ ере-
тицъ, отъ вѣщунновъ, отъ вѣщунницъ, и ото вся-
кихъ отъ злыхъ, отъ лихихъ отъ притчей, отъ скор-
бей и отъ болѣзней, отъ щипоты и отъ ломоты, отъ
12-ти проклятыхъ Иродовыхъ дочерей, отъ злыя отъ
лихія отъ лихорадки: отъ Листопахы, отъ Комухы, отъ
Лопухы, отъ Коршухы, отъ Каркуши, отъ Пухоты, отъ Хры-
поты, отъ Ломихы, отъ Знобихы, отъ Гнятятицы, отъ Огне-
вицы, отъ Трясавицы, отъ всякія вражія, неприязненныя
силы и ото всякаго мечтанія, сатанина угодія, затво-
ряетъ святыя верховныя апостолы Петръ и Павелъ тынъ
желѣзной вратами мѣдными и булатными веревями за-
пирають и замокъ пресвѣтлаго рая, ключемъ небснаго
царствія; и какъ не бывать въ пресвѣтломъ раю, въ
небснотъ царствіи окаянному проклятому діаволу и
волшебнику и волшебницы, колдуну и колдуницѣ, вѣ-
дуну и вѣдуницѣ, кудеснику и кудесницѣ, порченику и
порченицѣ, лихоглазому, лихозубому, лихокровому, лих-
шерстному, богоотступнику, богоотметнику, еретиву и
еретицѣ, вѣщуну и вѣщицѣ и злому человѣку, лихому
супостату, помышлятелю нашему, въ вѣкъ по вѣку,
отнынѣ и до вѣку, и такъ бы не бывать на мнѣ, рабѣ
божіемъ им., тѣмъ злымъ лихимъ притчамъ, скорбямъ и
болѣзнямъ, хрипотамъ и ломотамъ и 12-ти проклятымъ

Иродовымъ дочерямъ злой лихорадки; Листопахѣ, Ло-
пахѣ, Комухѣ, Коршухѣ, Коркушѣ, Пухотѣ, Хрыпотѣ, Ло-
михѣ, Знобихѣ, Гнятятицѣ, Огневицѣ, Трясавицѣ, и всякой
вражіей неприязненной силѣ и всякому мечтанію сата-
нину угодію вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку. И по-
ставляетъ Господь Богъ Саваоѣ, Спасъ нашъ Исусъ
Христосъ Сынъ Божій, Царь Небснй, у того желѣз-
наго тына у мѣдныхъ вратъ святаго своего великаго
святителя и теплаго заступника и скорого помощника
Николая, Мирликійскаго чудотворца, и святыи великій
святитель Христовъ, теплый заступникъ и скорый по-
мощникъ Николай Мирликійскій, чудотворецъ, стоитъ у
того желѣзнаго тына и у мѣдныхъ вратъ, натягиваетъ
свой мѣдный лукъ, накладываетъ булатныя стрѣлы и
стрѣляетъ; и отстрѣливаетъ отъ меня раба б. им. вся-
кія злыя, лихія притчи, скорби и болѣзни: щипоту и
ломоту и 12-ть проклятыхъ Иродовыхъ дочерей злую
лихую лихорадку: Листопаху, Лопуху, Коршуху, Комуху,
Коркушу, Пухоту, Хрыпоту, Ломиху, Знобиху, Гнятятицу,
Огневицу, Трясавицу и всякую вражью неприязненную
силу и всякое мечтаніе сатанино угодіе, стрѣляетъ и отстрѣ-
ливаетъ отъ того отъ желѣзнаго тына, отъ мѣдныхъ вратъ
и отсылаетъ вспять, откуда пришли отъ проклятаго са-
таны, изъ преисподней бездны, изъ ада; и назадъ вспять
возвратитесь въ преисподнюю, въ бездну, во адъ, къ
дѣду своему къ проклятому, къ сатанѣ.

Глаголи сіе трижды.

Христосъ воскресъ, адъ плѣнися, и проклятая сата-
нинская сила побѣдися, и впредь адовымъ замкамъ не
отмыкваться и вратамъ не отвариваться, и такъ же бы
впредь на мнѣ рабѣ б. им. тѣмъ злымъ лихимъ прит-
чамъ, скорбямъ и болѣзнямъ, щипотамъ и ломотамъ и
12-ти проклятымъ Иродовымъ дочерямъ, злой лихой ли-
хорадки: Листопахѣ, Лопухѣ, Коршухѣ, Комухѣ, Коркушѣ,
Пухотѣ, Хрыпотѣ, Ломихѣ, Знобихѣ, Гнятятицѣ, Огневицѣ,
Трясавицѣ и всякой вражіей неприязненной силѣ и вся-
кому мечтанію, сатанину угодію, вѣкъ по вѣку, отнынѣ
и до вѣку; уповающихъ на Господа Бога Саваоѣа, Спаса
нашего Исуса Христа, Сына Божія, Царя небснаго, со-
творившаго небо и землю, бѣлый свѣтъ, луну божію и
красное солнце, утреннюю зорю и вечернюю, младъ
свѣтель мѣсяцъ и частыя звѣзды, и птицы небсныя, и
рыбы морскія, и праотца Адама и бабу Еву, и всю
тварь небснкую, истинному Господу Богу Саваоѣу и Спасу
нашему Исусу Христу, Сыну Божію, Царю небсному,
и его непобѣдимой и непостижимой и божественной силѣ
слава и держава, честь и поклоненіе; вси возрадуемса

вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

Во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь. Во храмнѣ, въ домѣ своемъ возстану азъ рабъ б. им. благословясь, умоюся ключевою водою и говорю: буди вода сія чиста и свята, аки Иорданъ рѣка текущая, а въ ней крестился самъ Исусъ Христосъ во своихъ свѣтлыхъ ризахъ Исусовыхъ, утирался убрусомъ своимъ, самъ рекъ: буди рѣка сія чиста, свята, аки четыре рѣки Иорданскія Тиръ, Фимъ и Ефратъ, аки Иорданъ рѣка текущая; а въ ней крестился самъ Исусъ Христосъ въ своихъ свѣтлыхъ ризахъ Исусовыхъ, утирался убрусомъ своимъ, самъ рекъ: буди убрусъ сей, аки пелена нетлѣнная Іерусалимскія Богородицы. Украшаюся азъ, рабъ б. им., саваномъ свѣтлообразнымъ, фалетовы ризы, своей свѣтлообразною зорею, и стану предъ образомъ божинъ и святою иконою на мѣсто свое, аки на златый престолъ поднебесный и реку глаголомъ и творю молитву Исусову; изыди глаголъ мой изъ усть моихъ, аки громъ сильный съ каменіемъ, опальнымъ огнемъ, страшнымъ судомъ, изыди духъ изъ усть моихъ, скорые буйные вѣтры, драго да пахало и сушило, отъ златокованныхъ трубъ евангелистовыхъ. Помолюся азъ рабъ б. им. о своей многогрѣшной душѣ милости и о помощи, и упрашиваю и умаливаю по числу херувимовъ и пасущихъ мя, по числу серафимовъ стерегущихъ мя, и замкните меня раба б. им. въ редѣ семь отъ злыхъ чловѣкъ, и пушайте изъ убрусовъ своихъ на сырую землю на злыхъ чловѣкъ на мятежниковъ и на промышленниковъ и на мя глаголющихъ, испустите изъ убрусовъ своихъ вси погубительная и страшная по земли и по воздуху несчетныхъ тмы ангеловъ, возглаголите мнѣ, аки сильный громъ грянуаъ: не бойся, чловѣче. рабъ б. им., и утверждайся въ родѣ семь ангельскимъ утверженіемъ, вставъ силы небесныя и замкнувъ градъ въ вышнимъ замками; то вы замкните и ключи положите подъ врата, и стогны града того обтеките со огненными ударами, и около града того обтеките колесницы огненныя. Обѣхала конныя и воеводы небесныя силы Михаилъ и Гавриилъ, херувими и серафими, и Илія пророкъ, и апостолы, и Евангелисты съ трубы златокованными, обставъ испустивъ около меня, раба б. им., громъ и молнію огненную, скипетромъ стрѣлы булатныя и рѣки огненныя, отъ востока и до запада, отъ юга и до сѣвера, отъ земли и до воздуха; нача силы небесныя меня, раба б. им., любить и хранить, изъ всѣхъ оружій пламенныхъ, изъ убрусовъ и скипетровъ бити и палити, и

громъ мя ради слать, молнію пожигать, супостатовъ моихъ стрѣлять и кто испортить, порчи ихъ сжигать огнемъ, отъ моего спорожденія до исхода души моея, и донеси ю Господи, въ руцѣ живу, и сохрани меня раба б. им. отъ всякія непріязни діавольскія и много хранимо и во вѣки нерушимо аминь, аминь, аминь.

Говорить дважды.

(Извлечено П. С. Ефименкомъ изъ старинной рукописи.)

23. Молитва святаго священномученика Кипріана на прогнаніе сопротивныя непріязненныя сѣти и на имущихъ духъ нечистый, надо всякимъ инымъ.

Призываемъ Владыко невидимъ, благодѣтелю высокій мирный, Господи, Царю сотворивый небо и землю, отнюду же возсія сиречь начатокъ и конецъ, предавый чловѣкомъ четвероногая гадина и звѣриа земныя, ты покорила еси Господи, прострилъ Господи руку твою крѣпкую и мышцу твою святую, и посѣщеніемъ святымъ посѣти насъ и здравія подаждь и послѣ ангела тепла, тѣлу и души хранителя, иже запретить и отженеть отъ него духъ непріязненъ, яко ты еси Господь высокъ, отцу-утѣшителю благословенъ. Заклинаю тя, душе непріязненный, духомъ вдохнувшимъ чловѣкомъ животь вѣчный, его же имя страшно незмогають уста чловѣка изглаголати, заклинаю тя огнемъ горячимъ съ сѣрою и пепломъ и трубою, емуже явльшуся солнце побѣжить на западъ, и звѣзды спадуть на землю, и сплчются племена племеномъ и людіе людемъ; заклинаю тя сошедшимъ въ долняя части земли и разверзшимъ твердая веревя и разрѣшившимъ болязни смертныя, и благовѣстившимъ патріархомъ изъ мертвыхъ воскресеніе; заклинаю тя ходившимъ по морю, воскиѣти въ немъ съ топившимъ, и по земли, въ ней же лежащимъ мертвымъ Бѣгу на судищи; заклинаю тя повелѣвшимъ морю не преступати отъ предѣла своего, дондеже Господь прійдетъ судити миру; заклинаю тя вшедшимъ на Синайскую гору и глаголавшимъ Моисею и Аарону, явльшемся имъ во пламени огнемъ и въ столпѣ облачнемъ; заклинаю тя изведшимъ люди отъ земли Египетскія и давшимъ изъ пламени воду сладкую пити, превратившимъ воду въ кровь; заклинаю сидящимъ на престолѣ славы, предъ нимъ же стануть тмы тмами ангель и архангель, херувимъ и серафимовъ, воніющихъ: святъ, святъ, Господь Саваоѣ! исполнь небо и землю славы твоея; благословенъ еси вовѣки, аминь. И ты душе лукавый даде

славу имени его, идеже сидиши, или во удеси тѣла его, или во главѣ, или въ темени, или въ крови, или очесѣхъ, или въ ухахъ, или во устѣхъ, или во языцѣхъ, или въ шеи, или въ плечахъ, или между плечами, или въ мышцѣхъ, или въ персѣхъ, или въ душѣ, или въ сердцѣхъ, или въ селезени, и въ пелькахъ, или во чревѣ, или подъ чревомъ, или въ точилѣхъ, или во естественныхъ предѣлѣхъ, или въ крѣпости и во жилахъ, или въ костѣхъ, или въ мозгу, или въ крови, или во власѣхъ, отлучи душе лукавый, яко Богъ силенъ есть надъ всѣмъ, яко клятеся, иже аще призоветъ имя Господне, исчезнути вамъ. Заклинаю тя именемъ Господа Иисуса Христа, распятаго при Понтійстемъ Пилатѣ; заклинаю тя рекшимъ: небо ми престоль и земля подножіе ногама моима; заклинаю тя архангелы его, Михаиломъ и Гаврииломъ и Урииломъ и Рафанломъ; заклинаю тя великимъ именемъ Божиимъ, отлучися отъ созданія сего, заклинаю тя всеобщаго на злобу стремленіе, нападеніе дневное и полудневное и полуношное, отлучися отъ созданія сего и не изведи душа, ни разсыпати, ни разрушити тѣла, но устрой чисто живу Богу на судищи, заклинаю тя предъ идущимъ. Утвердите престоль между небомъ и землею, суди всякому роду грѣшныхъ и ужниковъ и ты, душе нечистый, убойся имени его святаго, отъиди отъ созданія сего, убойся огня негасимаго, убойся родства огнепаго, всеядущаго, убойся уготовавшаго тебѣ огнь и сѣру и пепель, убойся являшагося Моисею и Аарону на рѣцѣ Иорданстей, егоже видѣ рѣка уступися, и ты, душе лукавый; убойся, отступися отъ созданія сего; заклинаю тя одѣвающимся свѣтомъ, яко ризою единою, имѣяй безсмертнаго, яко тому подобаеъ всякая слава, честь и поклоненіе Отцу и Сыну и св. Духу, нынѣ и присно и вѣки вѣковъ, аминь. Христось градъ рубить около меня, раба Божія имярекъ, со всѣхъ четырехъ сторонъ, три стѣны желѣзны, четвертая каменная, крестъ Христось городъ небожь, замыкаетъ замки о пяти спицахъ, ключъ мечеть во синее море и сирозь тотъ желѣзной и каменной тылъ стрѣлы на прострѣлнѣ и птицы не пролетѣтъ; такоже бы у меня, раба божія имярекъ, не опортить и не опризорить вѣкъ повѣку, отнынѣ и до вѣку, аминь. Господи Боже благослови Отче. Во имя Отца и Сына и св. Духа аминь. Есть святое море акіанъ, среди святаго моря акіана есть бѣлъ камень, струи бѣютце денная и полуденная и полуношная, поутру рано и вечеромъ поздно и среди темныя ночи, такоже бы у меня, раба Божія имярекъ, жилы не были сѣ пуповая и станова ясердечная; и какъ того бѣ-

ла камень съ мѣста не ворохнуть, такъ бы у меня, раба Божія имярека, не уваливать пупа, нескрививать становой (жилы?), и меня р. б. им. не испарчивать вѣкъ по вѣку, отъ нынѣ и до вѣку. И тѣмъ моимъ словажь закрьна нынѣ и присно, и вѣки вѣковъ, аминь.

Да воскреснетъ Богъ и разыйдутся врази Его и т. д.

Начинаемъ глаголати молитву святаго священномученика Кипріяна въ день и часъ, въ оны же упражняеся сила сопротивнаго, ради славы живаго Бога сей святой священномученикъ Кипріянь моляшеся Господу Богу своєю душою глаголя:

Господи, Боже сильный, содержи вся, святъ еси, Господи, сый прославленъ, Царь царствующимъ и Господь господствующимъ, слава Тебѣ сидящему во свѣтѣ несочисленнымъ, Его ужасаются всяческая, Его же никто же видѣ, ни видѣти можетъ, иже тысячи тысячъ и тмою темъ святыхъ ангелъ и архангелъ предстоятъ предъ Тобою, Ты вся тайная раба твоего, яко не познавшу ми Тебе первые твари же сѣ держакъ, облаки не одождити древеса садовая, еже не сотворити плода, на праздныя же неражати и иныя еще не зачати, на огражденіе токмо винограда взирахъ и творяхъ розгнѣжь не цвѣтати, такоже и злакъ вертоградный, еже не прозябати, и рыбы морскія возбранихъ лежати и, просто рещи, всяко чародѣйство дѣяхъ и вси лукавія бѣси мнѣ работаху. Нынѣ убо Господи, Отче сильный и великій, благоволивый отъ недостойна достойну ми быти и причаститися священному Твоему стаду и преестественному величеству, милосердовавый о мнѣ грѣшномъ и не восхотѣ погубити мя со беззаконіи моими, знаемаго сотвори и недостойнаго раба Твоего, припадаю бо и прошу Твое пречистое имя о всѣхъ православныхъ християнахъ. И прочтеться сія молитва на котораго главѣ, яко да разрѣшится отъ вязанія и удержанія и зависти и нечисти злаго срѣтенія и дѣйственаго отравленія и языческаго яденія и клеветанія и клятвы, и кто убо стяжать будетъ молитву сію во своемъ дому, да будетъ соблюденъ отъ всякаго ухищренія, потвора и отравы лукавыхъ чловѣкъ.

Господи Боже, Отецъ нашъ всея твари, небу и земли услыши, Господи, гласъ раба своего, имярекъ, и молящегося тебѣ, азъ бо созданіе Твое и дѣло руку Твоею, молюся Тебѣ и милосердію: пошли, Господи, мнѣ на помощь небесныхъ воеводъ, Михаила и Гавриила, Рафаила и Уриила, херувимовъ и серафимовъ и всю небесную силу, и всѣ архангельски и ангельски полцы съ пламенными орудіемъ, съ покровомъ крикъ твоихъ, да после-

ши. Господи, съ ними небесными силами помощь и силу, десницу руку Твоею, еще же и пошли, Господи, ризу Твою святую, да насъ одѣешь ризою Твоею чесною, и наставятъ на путь истины, да стануть округъ и около всѣхъ насъ рабовъ Божіихъ во весь свѣтъ крѣпостію Твоею и помощію и заступленіемъ, яко столпи непоколебиміи, и утвердятъ стѣны недвижимыя отъ земли и до небесъ, да защититъ свѣтомъ не мерцающимъ отъ видимыхъ и невидимыхъ врагъ нашихъ, которые враги ополчатся на насъ; пошли, Господи, стрѣлы молнины на супостатъ нашихъ видимыхъ и невидимыхъ, враговъ нашихъ, да проженеши и побѣдиши и сокрушиши всѣхъ вскорѣ подъ ноги наша, яко прахъ предъ лицемъ вѣтра; который врагъ ополчится на насъ со бѣсовскою силою, начнетъ портити, бури вѣтренніи посылати или вѣтръ роздывать или стрѣлы вражіи посылати или дождь, или мразъ, или воды потопляти, и дороги засѣкать или мракъ темный посылать или къ дороги морозити, или изъ сѣделъ вышибати, или на дороги прожити, или горы и холми ставити или какія скорби посылати, или угорѣлыя паданцы, или умомъ обходная, или какіе иные напуски, или уветки, естественныя уды или недуги какіе посылати, или заворотки рвати, или супони верхныя и нижныя или оглобли ломати, или изъ гужовъ дуги выпрядывать и гужи рваться, или храмины разрушаться, или переды ломати, или землю колыбати, или половицы воздымати, вражіямъ привидѣніемъ казати, или черного звѣря въ избу пушати или волка пушати, или кошкою или собакою портити, или ножемъ, или стрѣлою, или копіемъ, или жеребей въ кашу метати, или въ питіе или въ яденіе или въ бани угаромъ или по вѣтру спущати . . . или собаки, или кошки, или съ копыя, или съ рогатины или какими видами вражьи казати жениха или не вѣсту, отъ тѣхъ всѣхъ сѣтей вражнихъ и привидѣній бѣсовскихъ отъ всякихъ насыльныхъ скорбей колдуновыхъ и колдунныхъ и сорокою, или вороною, или какою птицею воружатся, супостатъ нашъ найдетъ портити; Господи, Боже нашъ, Ты нынѣ и самъ приди, съ небесными воеводами и грозными силами, отжени отъ мене, отъ насъ всякаго врага и супостата нашего и со всею силою, вражью вскорѣ сокруши подъ ноги наша, яко прахъ предъ лицемъ вѣтра, и нынѣ же, Господи, осени насъ десницею Твоею, небеса добродѣтелию своею, подъ твердію тремя святыми полками и шестію столпами, крѣпостію Твоею непоколебимою или окрестъ враги наша, и даруй побѣду на нихъ и на нечистые духи ихъ во

имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь. Востани, Господи, въ помощь намъ пресвѣтлого лица Твоего, умываемся, Господи, свѣтомъ лица Твоего, утираемся, Господи, зарею разума Твоего, святого евангелія; сохрани насъ, Господи, въ утри рано и вечерахъ поздо, во дни и нощи, отъ колдуновъ и отъ колдуней, отъ вѣдуна, отъ вѣдуньи, отъ всякаго зла сохрани насъ, Господи, отъ старца, отъ старицы, отъ вѣдуницы, отъ молодежи, отъ рыжаго, отъ чернаго, отъ двоезубаго, отъ трезубаго, отъ плѣшиваго, отъ шелудиваго, отъ всякаго человѣка; а еще который человѣкъ начнетъ вооружаться со враги, портити насъ посылати лѣшихъ и водяныхъ, дворовыхъ или подпольныхъ или какихъ невидимыхъ, или насъ отсылати начнетъ невидимымъ, сохрани насъ, Господи, отъ тѣхъ всѣхъ враговъ насыльныхъ, видимыхъ и невидимыхъ, зракъ защиты ризою своею и нетлѣннымъ щитомъ отъ земли и до небесъ, и вкругъ около всѣхъ насъ во весь свѣтъ сохрани насъ, Господи, отъ всякія скорби отъ Огняней и отъ Гнетей, и отъ Коркуши и отъ Трясовицы, и отъ Трясуницы и отъ черной Плясовицы, и отъ Блядовицы и отъ Яровицы, и отъ мямоходящихъ и отъ малоходящихъ, отъ стрѣлы и отъ прострѣла, отъ ворогуши, отъ жабы, отъ закусу, отъ винокосу и кружачей, отъ вертячей и отъ уроковъ, отъ оговоровъ и отъ призоровъ, и отъ всѣхъ скорбей, отъ всѣхъ седмицати двухъ немощей насыльныхъ и отъ лихого глаза, и отъ лихой думы и мысли.

Крестъ хранитель всей вселенной, крестъ красота церковная, крестъ апостоломъ слава, крестъ царямъ держава, крестъ бѣсомъ язва, крестъ на враги побѣда и одоленіе, крестомъ ограждаемся, крестомъ врага прогоняемъ, крестная сила съ нами, крестъ Господень помогай намъ силою Иисусъ Христовою прогнати силу вражію, всегда и нынѣ, тойже и во вѣки, аминь. Хомада Мудросота. Комада Дромулота.

(Списано П. С. Ефименкомъ со старинной рукописи, полученной изъ г. Архангельска, отъ Ф. Ф. Вальнева).

24. Молитва Архангелу Михаилу, грозному воеводѣ небесныхъ силъ.

Господи Боже Великій, Царю безначальный, пошли, Господи, архангела своего Михаила, на помощь рабу своему N, изъяти мя отъ врагъ моихъ видимыхъ и невидимыхъ. О господень великій архангеле Михаиле, излей мира благого на раба своего N! О Господень, великій архангеле Михаиле, демоновъ сокрушителю, запрети всѣмъ врагамъ борющимся со мною, сотвори ихъ, яко овцы, и сокруши ихъ, яко прахъ, предъ лицемъ вѣтра. О Го-

сподень, великій Михаиле архангеле шестокрылатый, первый княже и воевода небесныхъ силъ, херувимъ и всѣхъ Святыхъ, о чудесный архангеле Михаиле, хранителю неизреченный, буди ми помощникъ во всемъ, въ обидахъ, въ скорбяхъ, въ печаляхъ, въ пустыняхъ и на рѣкахъ и на моряхъ тихое пристанище. Избави мя, великій Михаиле архангеле, отъ всякія прелѣсти дѣвольскія. Егда услыши мя грѣшнаго раба своего Н., молящагося тебѣ и призывающаго имя твое святое, ускори на помощь мою и услыши молитву мою. О великій архангеле Михаиле, побѣди вся противящіяся мнѣ силою честнаго и животворящаго креста Господня, молитвами Пречистыя Богородицы и святыхъ ангелъ и св. апостолъ, и св. великаго Николая Чудотворца, и св. пророка Іліи, и св. великомученикъ Никиты и Евстафія, и преподобныхъ отецъ и святыхъ святителей, небесныхъ силъ, аминь. О великій архангеле Михаиле, помози мнѣ, грѣшному рабу своему имя рекъ, избавитися отъ труса и потопа, отъ огня и меча, и отъ напрасныя смерти, и отъ всякаго зла, и отъ врага лъстиваго, и отъ бури наносимыя, и отъ лукаваго избави мя, великій Михаиле, архангеле Господень, всегда, нынѣ и присно и вѣки вѣковъ, аминь.

(Найдена между вещами богомолки московск. губ. умершей въ Холмогор. уѣздѣ. Такая же самая молитва записана была П. И. Ивановымъ и въ Пинежскомъ уѣздѣ).

25. Молитва архангелу Михаилу.

Аще человѣкъ котораго дни глаголетъ, то не придетъ на него никакое зло, ниже дѣволъ, но вся исчезнетъ яко прахъ; а по смерти того человѣка, душу адъ не приметъ:

Господи Іисусе Христе сыне Божій, великій Царю безначальный, не видимый, и не созданный, и сидяй на престолѣ со О. и С. и со Св. Д., славимый и отъ небесныхъ силъ, безплотныхъ вой, послѣ Господи архангела своего Михаила на помощь мнѣ, грѣшному рабу им. р., избави мя враговъ моихъ видимыхъ и невидимыхъ; великій господине архангеле Михаиле, излей море благо на раба твоего имя рекъ, ты еси демоновъ сокрушителю и бѣсовъ прогонителю, избави мя отъ бѣсовскихъ козней, на вѣтри и стужи, и человѣкъ лукавыхъ, и прири на мя недостойнаго раба твоего имя рекъ, и запрети имъ всѣмъ врагамъ, борющимся со мною, видимыхъ сотвори овецъ и не видимыхъ, яко прахъ предъ лицемъ вѣтра, и великій святой архангелъ Михаилъ, первый княже и воевода ангеломъ и архангеломъ, херувимомъ и серафимомъ и всѣмъ небеснымъ силамъ безплотнымъ,

буди помощникъ во всемъ грѣшному рабу твоему, въ бѣдахъ и въ скорбяхъ, и въ печаляхъ, а на расходнымъ, и на морѣ и на рѣкахъ, и на сухомъ пути тихое пристанище буди въ пустынѣ, и сохрани-спаси, сохрани-укрѣпи у всѣхъ человѣкъ въ чести, избавилъ прелести дѣвольскія и проч.

(Извлечена изъ старинной рукописи; см. Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1, ст. Щапова стр. 62. Извѣстна и на Сѣверѣ Россіи).

26. Молитва Пресвятыя Богородицы.

Шла Богородица по землѣ, шла, приустала; легла спать, приуснула. Привидѣла сонъ про Господа Бога, про Христа Небеснаго: завели на гору, руки и ноги гвоздемъ приковали, буйную главу весьма сшибли, горячую кровь разливали, тѣло Христово бѣло прободали. — Кто эту молитву прочитаетъ по утренней зори и по вечерней зори, избавленъ будетъ отъ мукъ вѣчныхъ, отъ огня палачаго, отъ смолы кипящей, отъ воды топящей.

(Записано въ с. Бмецкѣ, Холмог. уѣздѣ).

27. При купаніи.

Когда ребята купаются, то приговариваютъ: «Тройца велѣла, Богородица велѣла, трижды окурнутъ, ныркомъ пройти, и изъ воды вонъ идти».

(Зап. г. Ивановъ въ г. Пинегѣ).

28. При высѣканіи огня.

Когда высѣкаютъ огонь въ сажу чела печки, то говорятъ:

«Царь-огонь, достанься: не табакъ курить-каши варить!»

(Запис. А. Харитоновъ въ Шенкур. у.)

29. Молитва на сонъ.

Ангелъ мой, хранитель мой, сохрани мою душу, скрѣпи сердце мое; врагъ сатана, откачнись отъ меня, Спасова рука, Богородица сама. Стоять во градѣ три святыхъ: Ѳома, да Лука да Никита Великомученикъ; за насъ Бога молятъ денну и ночну, за грѣшную душу. Около нашего двора Іисусова молитва, Николина ограда—тынъ мѣдный, ворота желѣзны, аминемъ заперты, а на хоромахъ святая вода.

(Запис. г. Постниковъ въ Пинежск. у.)

30. Молитва на сонъ.

Ангеле мой, Хранителе мой, сохрани мою душу, скрѣпи сердце мое, а врагъ сатана откачнись отъ меня. Стоить храмъ; на храму написано три листа: се Марка, се Лука, се Никита Великомученикъ Христовъ. Душу мучать, за Христа, Бога молятъ за меня. На Церквѣ Крестъ, на Престолѣ Божіемъ Крестъ. Крестомъ кре-

щуся, Крестомъ гражуся; Крестомъ Христа призываю, Крестомъ врага отгоняю. Будь же врагъ проклять немемъ Господнимъ, Крестомъ Животворящимъ.

(Зап. П. Ивановъ въ г. Пинегѣ).

31. Молитва на сонъ грядущій
Занисана съ соблюденіемъ мѣстнаго выговора:

На хоромахъ свята вода. На порогѣ ножикъ. На окшкѣ тупича. Двери на крющѣ. Окошечки, Богъ съ вами! Во имя Отца и Сына и Св. Духу, я ныщъ и присна, и во вѣки вѣковъ, Аминь.

(Доставилъ стан. прист. Дьяконовъ изъ с. Емецка, Холмогор. у.)

32. Молитва о снѣ.

Спала еси и опочивала Мати Пресвятая Богородице во святомъ градѣ Внодемѣ Иерусалимсти, и видѣла еси сонъ страшень и дивень вельми зѣло. И прииде къ ней Господь Исусъ Христосъ нашъ, Сынъ Божій, и рече къ ней: Мати моя, Мати Пресвятая Богородице, спиши ли зриши? — Пресвятая Богородица отвѣча на гласъ Его, глаголя: видѣла еси я Тебя, Бога и Царя славы, у жидовъ, поимали въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ четвертомъ числѣ, и привели къ Понтійскому Пилату Игумену, на древѣ кипарисѣ распяли руцѣ и нози твои, ко кресту пригвоздиша, вѣнецъ и съ терніемъ на главу твою возложиша, тростію по главѣ твоей биша, уста желчіемъ напоиша, ребра твои копіемъ прободоша, изъ которыхъ потече кровь и вода на спасеніе всѣмъ православнымъ и во исцѣленіе душамъ и телеси. Нѣкто богатый Иосифъ жидовинъ и ученикъ его Никодимъ тайно пришли и просили у старѣйшиновъ тѣло твое со Креста снять и получили отъ Пилата позволеніе. Обвели тѣло твое бѣлѣйшимъ полотномъ со ароматы и положили въ новомъ гробѣ, изсѣченномъ отъ камня. На утрій же день приидоша къ нему благочестивыя мнроносицы и желали прикоснуться тѣлеси его, и оле чудесе таинства! Поразишася свѣтомъ необычнымъ и слышаша гласи: «что ищете живаго съ мертвыми, иѣсть его здѣсь, онъ воскресъ, раззорилъ адова царства и раздра Адамова рукописанія.» И рече Господь нашъ Исусъ Христосъ: «о превозлюбленнѣйшая Мати моя, Пресвятая Богородице, поистину неложень сонъ сей, не праведень можетъ быть отъ злыхъ людей и отъ жидовъ и Казылоаішей. И Азъ въ третій день воскресну имя твое и возвеличу паче всѣхъ родовъ, вѣрнымъ же христіаномъ животь вѣчный дарую». Аминь.

Аще который человекъ сонъ твой съ благоговѣніемъ

при себѣ держитъ, то его по смерти прииму на ложе Аврамово. Аще кто сонъ твой слышать и въ дому у себя держать и подъ изголовье класть и за пазухой носить будетъ, къ тому дому и человекъ не прикоснется татъ, ни разбойникъ, ни злый человекъ, ни демонъ лукавый духъ, и въ томъ дому будетъ изобиліе во всемъ. Аще кто его въ пути съ собою носить, сохранитъ его отъ всякой опасности и помилуетъ въ пиру сидящаго, въ судѣ судящаго. Аще кто при смерти про него вспомняеть, избавленъ будетъ отъ муки, и придуть Ангели Божіи и возьмутъ его душу и будутъ блюсти ее, дондеже совершится надъ ней судъ Божій, отъ вѣка уготованный. Аще же кто сему сну не повѣруетъ, тому анафема, проклять, и трясавица, лихоманка, и огневица, и моръ, и слѣпота, и глухота, и тоска тьмушая, во вѣки вѣковъ, Аминь.

(Достав. свящ. Ѳедоровъ изъ Лисестр. прих.)

Д. ПРОМЫСЛЫ И ДОМОВОЕ ХОЗЯЙСТВО.

1. Отпускъ пастуха скоть пасти.

Господи, Боже, благослови! во имя О. и С. и св. Д. Стану я, рабъ Божій (имярекъ), благословесь, и пойду перекрестесь, изъ избы дверми, изъ двора воротами, путемъ и дорогою, въ чистое поле, подъ восточную сторону, и стану я р. Б. (им.) на земь, на востокъ лицемъ, на западъ хребтомъ, покроюся я р. Б. и не бесными облаками и всѣми облаки, подпоюся поясомъ, умываюся росю, утираюся зорею, помолюся я р. Б. им. Господу Богу Нашему, Исусу Христу, Сыну Божію, и Пречистой Матери Божіей, Богородицы и Приснодѣвы Маріи, Апостоламъ, Архангеломъ и всѣмъ небеснымъ силамъ, Іоанну Крестителю, Михаилу архангелу, архистратигу Гавріилу, Петру и Павлу верховнымъ апостоламъ, Іоанну Богослову, Андрею первозванному, Луки, Филиппу святителю Христову, Василию великому, Николы, святителю Власію, святому Георгію стратотерцу Христову; ты, Господи, сотворилъ небо и землю и славное святое оіанъ море; ты, Господи, сотворилъ правдѣа намъ Адама и Еву, и ты, Господи, сотворилъ по правдѣа нашемъ Адамъ и Евѣ и насъ грѣшныхъ людей, и меня р. Б. им., и емлю я р. Б. себѣ скоть на руки, милой мой, любимой крестьянскій животь, всякую живущую домошерстную скотину (помянуть всякую шерсть), комолаго и рогатаго, быковъ холостыхъ, быковъ порозовъ, и малыхъ телковъ и подтелковъ.

Помолюся я р. Б. им. Господу Богу нашему Исусу

Христу, Сыну Божию, и Пречистой Его матери Божией Богородицы и Приснодѣвы Маріи, Ангеломъ, Архангеломъ, и всемъ небеснымъ силамъ, Иоанну Крестителю, Михаилу Архангелу, Архистратигу Гавриилу, Петру и Павлу верховнымъ Апостоламъ, Иоанну Богослову, Андрею Первозванному, Луки Евангелисту, Филиппу апостолу Христову, Василию великому, Николы святителю Христову, Власію, святому Георгію, страстотерпцемъ Христовымъ. Постави, Господи, около меня р. Б. и. и около скотины моей и около стада моего, милого, любимаго крѣстьянскаго живота и около всякія живущія домошерстныя скотины, комолаго и рогатаго, около быковъ холостыхъ и около быковъ порозовъ, и около малыхъ телковъ и подтелковъ (помянуть шерсть), мѣдной и булатной тыщъ, стѣну каменну совсѣхъ четырехъ сторонъ, отъ земли и донеба, отъ востока до запада, за тридцать за три версты, за тридцать сажень, глубина въ землю на тридцать локоть на три локтя, отъ чернаго звѣря широколапаго, отъ насылошнаго, и отъ нанущенного, отъ опрокидени, отъ переходящаго пакостника, волка рыскачаго и волчицы, и отъ всякія зміи и скорпіи, и отъ всякаго злаго и лихаго человѣка, чтобъ не ходилъ въ моей поскотинѣ черной звѣрь широколапый, и опрокиденъ, и насылошной, и переходящій пакостникъ, волкъ рыскачій и волчица, и всякая змія и скорпія, и всякой злой и лихой человѣкъ въ день и въ ночь и повсякой часъ, въ утро рано и въ вечеръ поздно, отъ нынѣ и вѣки вѣковъ. И вы запирайте и замыкайте тридевять булатные ворота тридевятью булатными замками, замыкайте и заваливайте пенемъ и колодіемъ и выскидѣемъ *) и бѣлымъ каменемъ, землею матерюю, отъ чернаго звѣря широколапаго и отъ насылошнаго, и отъ опрокидени и переходящаго пакостника, волка рыскачаго и волчицы, и отъ всякой зміи и скорпіи, и отъ всякаго злаго и лихаго человѣка, и чтобъ не ходитъ въ моей поскотинѣ черному звѣрю широколапому, насылошному и опрокидену и переходящему пакостнику, волку рыскачому и волчицы, и всякой зміи и скорпіи, и всякому злому и лихому человѣку, въ день и въ ночь, и по всякой часъ, по утра рано, и въ вечеръ поздно, отъ нынѣ и вѣки вѣковъ. И емлю я р. Б. им. тридевять булатные замки, запираюся и замыкаюся тридевятью булатными ключами, булатные ворота, отъ чернаго звѣря широколапаго, отъ насылошнаго, и отъ опрокидени, отъ переходящаго, и отъ пакостника волка рыскачаго и волчицы, и отъ всякой зміи и скорпіи, и отъ всякаго злаго

*) Выскидѣ—дерево вырванное изъ земли съ корнемъ буремъ.

и лихаго человѣка, чтобъ не ходитъ въ мою поскотину черному звѣрю широколапому, и насылошному, и опрокидену, и переходящему пакостнику, волку рыскачому и волчицы, и всякой зміи и скорпіи, и всякому злому и лихому человѣку, въ день и въ ночь и повсякой часъ, утра рано и въ вечеръ поздно, отнынѣ и вѣки вѣковъ. И емлю я р. Б. им. тридевять булатные ключи, и отношу я р. Б. им. къ синему морю и океану: стоитъ въ синемъ океанѣ-морѣ бѣлый камень латырь, что есть подъ тѣмъ бѣлымъ каменемъ латыремъ, стоитъ свѣжа рыба щука, очи бисерны, зубы желѣзны, и выходитъ та свѣжа щука рыба изъ синяго океана моря изъ подъ бѣлаго латыря камня ко мнѣ р. им., и принимаетъ та свѣжа рыба щука у меня р. Б. им. тридевять булатные ключи, и поядаетъ, и исходитъ, и приносить въ синее океанѣ море подъ латырь камень, и какъ той свѣжей рыбы щуки не бывать изъ синяго океана моря изъ подъ бѣлаго латыря камня съ тридевятью булатными ключами, и такобъ не бывать и не живатъ въ моей поскотинѣ черному звѣрю широколапому, насылошному, и опрокидену, и переходящему пакостнику волку рыскачому и волчицы и всякой зміи и скорпіи, всякому злому и лихому человѣку въ день и въ ночь, по всякой часъ, утра рано, въ вечеръ поздно, отнынѣ и вѣки вѣковъ.

Господи Боже благослови Отче. Во имя О. и С. св. Д. Стану я р. Б. благословесь и пойду перекрестесь, изъ избы дверьми: изъ двора воротами, путемъ и дорогою въ чистое поле подъ восточную сторону, и есть подъ восточной стороной, стоитъ лѣствица золотая отъ земли до небеси, степени у ней серебряны, исходитъ той лѣствицей съ небеси сама Мати Божія, Пречистая Богородица. Она глаголетъ со Архангелы и со всею небесною силою ко мнѣ р. Б. им. на пособъ и на помощь, ограждаетъ она Пречистая Богородица меня р. Б. им. своею нетлѣнною ризою, и на путь провождаетъ со своимъ скотомъ, съ милымъ любимымъ крѣстьянскимъ животомъ, со всею живущею домошерстною скотниною (помянуть всякую шерсть), съ комолыми и съ рогатыми, съ быки холосты, съ быки порозы, съ малыми телки и подтелки; укрываетъ она Пречистая Богородица, Мати Божія меня р. Б. им. и мой скотъ милой, любимой крѣстьянской животъ, всякую живущую домошерстную скотину (помянуть всякую шерсть) комолаго и рогатаго, съ быки холосты, съ быки порозы, съ малыми телки и подтелки; укрываетъ своей нетлѣнною ризою—небомъ и землею матерью, отъ чернаго звѣря широко-

лапаго, и отъ насылошнаго, и отъ опрокидены, отъ переходяго пакостника, волка рыскачюго и волчицы, и отъ всякаго злаго и лихаго чловѣка, въ день и въ ночь и по всякой часъ, по утру рано и въ вечеру поздно, отнынѣ и вовѣки вѣковъ. И какъ ходитъ духъ Божій тѣтеръ по земли, и поломаеть пеніе, колодія, и выскндіе, и всякое суховерное дерево ломитъ на земли, и тако бы ломало моего друга и не друга, и супостата моего и кто на меня, р. Б. им., подумаетъ зло и лихо порчею и пыточею, отнынѣ и вовѣки вѣковъ.

Святін Господіе, Петръ и Павелъ, верховніе апостоли, снидите ко мнѣ р. б. и. на помощь и на пособъ, оградите меня р. б. и. своею нетлѣнною ризою, и на путь проводите съ моимъ скотѣмъ, милымъ любимымъ крестьянскимъ животомъ, со всякою живущею домашнею скотиною (помянуть всякую шерсть) съ быки холосты, съ быки порозы, съ малыми телки и подтелки. Проведите около меня р. б. и. и около поскотины моей и около скота моего всякой живущей домошерстной скотины (помянуть всякую шерсть), комолаго и рогатаго, быковъ холостыхъ, быковъ порозовъ, съ малыми телки и подтелки, и вы проведите огненную рѣку отъ востока до запада, отъ лѣта до сѣвера, со вѣхъ четырехъ сторонъ, отъ чернаго звѣря, широколапаго и отъ насылошнаго, и отъ опрокидены, и отъ переходяго, и пакостника волка рыскачюго и волчицы, и всякой зми и скорпіи, и отъ всякаго злаго лихаго чловѣка, чтобъ не ходилъ въ мою поскотину черный звѣрь широколапый, и опрокидены, и переходей пакостникъ, волкъ рыскачій и волчица, и всякая зми и скорпія, и всякой злой и лихой чловѣкъ, всегда нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

И сколь жарко и ярко горять огни горячіе, паличіе, и не погасающіе, такъ жарко и ярко горѣло бы у всякой скотины поскотинно сердце, такъ же и ко мнѣ р. б. и., гдѣ услышать гласъ мой, сошли бы на гласъ сей и гортань мою, и на трубу мою, по утру рано и въ вечеръ поздно, по всякъ день и по всякъ часъ, всегда, нынѣ и присно, и вовѣки вѣковъ; аминь.

Указъ: Ходитъ кругомъ скота, волочитъ топоръ, а наговаривать на воскъ, а воскъ прилепить къ ножу, и какъ станешь читать, расклади огонь и положи въ заворницахъ на правую сторону ножикъ, а на лѣвую камешокъ, и замокъ на правую сторону, а на лѣвую душку, и по прочтеніи отпуска воскъ разнять на двое, и огонь положить по сторонамъ, и скота провести подъ образъ Богородицы, и когда скотъ войдетъ весь, тогда взять

замокъ, камень и воскъ, сложить въ одно мѣсто, и сокрыть въ тайномъ мѣстѣ, а замокъ въ ручей и камешки въ ручей же.

(Зап. свящ. Дьячковъ въ с. Лямцѣ, Онежск. у.).

2. Правила настуху.

Во имя Отца и Сына и святаго Духа аминь. Самъ Господь Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій помози мнѣ р. б. Н. и постави, Господи около моего скота, милаго моего живота, Власьева рода, кругомъ со вѣхъ четырехъ сторонъ, чернаго и бѣлаго, и краснаго, и пестраго, и бураго и сѣдатаго, рогатаго и комолаго, желѣзный тынъ отъ земли и до неба, отъ неба и до земли. И обыди ты, Господи, около того тына желѣзнаго еще рѣку огненную отъ востока и до запада, отъ запада, отъ запада и до сѣвера, отъ сѣвера и до лѣта, и со вѣхъ четырехъ сторонъ, отъ земли и до небеси, отъ небеси и до земли. Кабы не приходилъ сѣрый волкъ и сѣра волчица, и рыскуша и лютой звѣрь и люта волчица, и лютая черная медвѣдица. Кабы не обходили всякія звѣри милаго моего живота, Власьева рода, всякаго-чернаго и бѣлаго, и краснаго и сѣдатаго, и черемнаго, рогатаго, комолаго, быковъ, коровъ и телятъ, и подтелковъ. И невредили бы зубомъ и ногтемъ, и ничѣмъ его не враждалъ, по всякой часъ, и по всякой день, и по всякую ночь, вовѣки вѣковъ, аминь.

3. То же.

Истинный Христосъ Царь Небесный и Пресвятая Богородица, Георгій страсотерпѣць, милостивъ буди до меня до грѣшнаго р. б. Н. и сохрани и соблюди ты, Господи, по всякой часъ милаго моего живота, Власьева рода, и бѣлаго, и пестраго, чернаго, и черемнаго, рогатаго и комолаго, сѣдастаго и бураго, быковъ и коровъ, телятъ и подтелковъ, и всего моего скота, и сохрани, и соблюди во всякомъ мѣстѣ, гдѣ онъ ходитъ и спитъ или стоитъ; — и кажись онъ милый мой животъ, крестьянскій скотъ, Власьева рода, лютому черному звѣрю и лютымъ чернымъ медвѣдицамъ, и сѣрому рыскачюму волку и сѣрой рыскуночной волчицы, рыси и росомахи, и всякимъ звѣрямъ кажись: при водахъ—водою, при дворахъ—воротми, при огородахъ—огородомъ, при людяхъ—людьми, при щепѣ—щепою, при пескахъ—пескомъ, при пеньи—пеньемъ, при колодѣхъ—колодѣемъ, при кореньѣхъ—кореньемъ, при листу—листомъ, при пещерахъ—пищерами, кажись мой милый животъ, Власьевъ родъ, въ день, въ ночь, повсякой часъ, и по всякой день, и по всякую ночь: въ день подъ солнцемъ, а въ ночь подъ мѣся-

цѣмъ и подѣ частыми звѣздами, подѣ всѣмъ воздухомъ Господнимъ во вѣки вѣковъ, аминь.

4. То же.

Господи Боже, благослови, р. б. Н. Есть на семь бѣломъ вольномъ свѣтѣ, Боже Творецъ, мурашевъ сотворилъ еси. Какъ они расходятся по чистому полю и по дремучимъ лѣсамъ, на всѣ на четыре стороны, а въ ночи собираются въ свое мурашево и во свое жилище, безопятно, и безотворотно, къ своему царю муравью; такожъ со всѣхъ четырехъ сторонъ сбирался бы, и стекался бы, и сходился бы и мой милый животъ, крестьянскій скотъ, Власьевъ родъ, безопятно и безотворотно, по всякой вечеръ въ домъ бы свой ночевать радѣли и приходили. Какъ стекаются и сбѣгаются воды со всѣхъ четырехъ сторонъ и рѣки ко славному морю акіану безопятно и безотворотно, также бы мой милый животъ, крестьянскій скотъ, Власьевъ родъ, радѣли и приходили въ дома бы свои, во вѣки вѣкомъ, по всякой день и по всякой часъ, и по всякой вечеръ безопятно и безотворотно. Какъ всякая живущая скотина не можетъ жить безъ травы и безъ воды никакого дня, такъ бы мой милый животъ, крестьянскій скотъ, Власьевъ родъ, не могли жить дружка безъ дружки, по всякой часъ и не могли бы ночевать въ чистомъ полѣ и во дремучихъ лѣсахъ.

Говорить три раза передъ образомъ Господнимъ, шерсти имать отъ всякой скотины измежу роговъ, ту шерсть закатать въ воскъ, и съ воскомъ наговорнымъ ходить кругомъ скота, да съ образомъ Господнимъ, или Егоріемъ ходить около скота. Какъ обойдешь скота, скотъ выпусти изъ дверей скрозъ замокъ, да скрозъ огонь, да скрозъ воскъ. Наговорный воскъ положи на сторону, а замокъ положъ на другую сторону воротъ, ключъ спусти въ воду. (Всѣ три доставилъ П. А. Ивановъ изъ Пинежскаго у.).

5. Молитва пастуху скотъ пасты.

Господи, Иисусе Христе, Сыне божій, помилуй мя грѣшнаго раба б. им. пастыря. Иисусова молитва, Николаина ограда, тынъ желѣзной отъ небеси и до земли, отъ востока и до запада, отъ юга и до сѣвера, со всѣхъ съ четырехъ сторонъ, около меня раба б. им. пастыря и около моего любимаго стада крестьянскаго живота, аминемъ замкнута. Стану я, рабъ б. им., пастырь благословесь, и помолюся Спасу и Пресвятой Богородицы и Михаилу архангелу и Гавріилу архангелу, и всѣмъ святымъ небеснымъ силамъ и святителямъ Христовымъ Іоанну богослову и Козмы и Демьяну и святому Власію,

стану я р. б. им. благословесь, небожь покуюся, частыми звѣздами исподтычуся отъ всякаго врага и супостата и отъ лѣшаго звѣря, чернаго, широколапаго медвѣдя, отъ напущеннаго, и отъ опрокидня, и отъ прохожего, и отъ волка, и отъ волчицы, и отъ лѣшей собаки, и отъ дѣтей ихъ. Свѣтъ истинный Христось, Царь небесный, огради и постави около меня раба б. пастыря им. и около моего любимаго стада бѣлыхъ и черныхъ, и красныхъ, бурныхъ, и чернопестрыхъ и краснопестрыхъ и всякой пошерстной скотиною нетелей и быковъ и подтелковъ, тынъ булатной и концы три сажени въ небо и три сажени въ землю, чтобы не перелетѣтъ никакою видомъ птицею и ни которымъ образомъ звѣремъ, ни пробить, ни прогрысь ни какому злокозненному человѣку, не испортитъ никакому врагу и супостату, и черному звѣрю широколапому медвѣдю, и сѣрому волку и волчицѣ, и хорту и хортицѣ и дѣтямъ ихъ, и всякому гаду и ползуну, пресмыкающемуся по земли, не видѣтъ и не слышитъ, не вредитъ ни на водѣ, ни на землѣ и на всякомъ мѣстѣ. Постави, Господи, около меня раба б. им. горы каменные отъ небеси и до земли, со всѣхъ съ четыре стороны, аки въ мѣдномъ кольцѣ, отъ всякаго врага и супостата и недруга моего, и отъ чернаго звѣря широколапаго медвѣдя, и отъ волка и отъ волчицы, и отъ хорта и отъ хортицы и дѣтей ихъ; и постави, Господи, огненную рѣку со всѣхъ съ четыре стороны и сохрани, Господи, меня, раба б. пастыря им., и мое любимое стадо рогатой и кошлатой скотъ, милой крестьянскій животъ, всякую пошерстную скотину отъ срока и до срока, отъ весны и до осени и до бѣлаго снѣгу со всѣхъ съ четыре стороны аки въ мѣдномъ кольцѣ, и пошли, Господи, истинный Христось, сторожевъ ко мнѣ рабу б. своихъ вѣрныхъ слугъ, святыхъ ангеловъ съ пламеннымъ оружіемъ, и съ ними пошли тридесать борзыхъ кобылей съ острыми погтями и съ желѣзными зубами прогоняти всякаго врага и супостата моего, чернаго звѣря, широколапаго медвѣдя, насылочнаго опрокидня и сѣраго волка долгохвостаго, отъ моего стада, и чтобы черному звѣрю, широколапому медвѣдю и сѣрому волку, долгохвостому рыскуну и волчицы, хорту и хортицы и дѣтямъ ихъ невидѣти и не слышити меня, раба б. пастыря им., и стада моего. Самъ Всевышній Творецъ и Христось, царь небесный, своими пречистыми руками замыкай златыми замками и ключи въ окіанъ-море опусти, и тѣ ключи да погты шука-рыба, и опускается въ пупъ морской подѣ бѣлый камень и что станетъ, какой лихой. человѣкъ меня, раба божія пастыря, пор-

тить, моего любимого стада добывать и звѣрь напущать на меня, раба б. пастыря им., и на мое стадо думать и мыслить, и будетъ онъ можетъ около всего окіяна моря песокъ вызобать, и со древесъ хвою изглотать, изъ моря воду выпить и обсушить, и щуку потребить, и ключи изъ ней возьметъ, и замки тѣ отожметъ, и ворота отворить и тогда хотѣніе свое исполнить, и какъ не можно никакому человѣку крещеному около окіяна моря песокъ и хвою вызобать и воду выпить, море обсушить, и не можно щуки добыть, и ключей не вынуть, и замковъ не отожнуть, и воротъ не отворить, и меня раба б. им. не испортить, и моего стада не добыть, и въ невѣрные роды изгнуть и въ непроходимыя мѣста, чтобы ихъ колдуновъ и еретиковъ ненавистниковъ, портежниковъ и вышписанныхъ звѣрей и гадовъ, нечистаго смрада и дѣвольскаго налѣту ихъ и слыху не бывать; а гоняли бы и хранили бы святые ангелы мое любимое стадо, христіанской милой животъ, рогатой скотъ, изъ темнаго лѣсу ко всякой ночи домой изъ горъ, изъ болотъ, изъ осѣку и за осѣку, изъ всякихъ мѣстъ; и сколь мило и дружно живутъ малые черные мураши и приходятъ къ своему муравейнику, столь бы любезно ходила у меня, раба б. пастыря им., всякая скотина пошерсная, отъ сроку до сроку, отъ весны и до осени и до бѣлаго снѣгу, приходила бы на гласъ рога и трубы моея, и казалось бы и видѣлось мое стадо, крестьянской милой животъ, пеньемъ и колодѣемъ и каменіемъ и огнемъ, при воды водою и всякому, моему супостату гаду и ползуну и черному и бурому звѣрямъ, и широколапому медвѣдю и сѣрому волку и волчицы, хорту и хортицы, отъ весны и до осени и до бѣлаго снѣгу, въ новѣ мѣсяцѣ и въ ветхѣ и въ поліѣ, въ новцовомъ и ветховомъ перекрояхъ и въ межныхъ дняхъ, въ день и въ ночь и во вся часы, отныпѣ и до вѣка и во вѣки вѣковъ, аминь. (Говорить трижды).

Возьми у всякой скотины шерсти съ передней да изъ задней ногъ и приговори: «И какъ задняя нога отъ передней не оставалася и передняя задней не дожидалася,» и дрѣвцо возьми невелико, расколи на четверо: два по сторонамъ, третье въ исподъ, четвертое на верхъ, да положи промежъ ихъ тридевятъ камешковъ да мурашковъ и обвяжи, возьми воскъ и шерсть въ руку, положи на воротъ образъ божій, топоръ волочи и около скота на посолонь обойди трижды, на выпускѣ по сторонамъ расклади огни, и какъ приговоришь, шерсть закатай и сомни въ одно мѣсто съ воскомъ и положи треть въ древо, другую треть въ замокъ, третію треть заверти

въ рогъ, дрѣвцо положи въ дровяную кучу, замокъ запечатай инымъ воскомъ и замкни, и ключъ утопи въ воду, образъ положи надъ выпускомъ и поклоновъ бей:

1. Псаломъ: Господь пасеть мя,
2. Вѣрую во единого Бога Отца,
3. Воскресную молитву,
4. Милосердіе двери отверзи намъ,
5. Молитву Исусову трижды.

И выпусти скота.

(Списано въ г. Онегѣ со старинной рукописи).

6. П а с т у ш ѣ л ѣ м о л и т в а .

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Лягу я, рабъ божій имя рѣкъ, благословясь, стану перекрестясь, одѣюся свѣтомъ, опояшуся свѣтлою зорею, покрюся облаками, отычуся частыми звѣздами, и пойду я рабъ божій въ чистое поле, стану на востокъ лицемъ, на западъ хребтомъ, отрекуся отъ сатаны и отъ діавола, и пойду прочь на сторону, и предаюся Вышнему Творцу, Небесному Царю, самому Господу Исусу Христу, да Саваофу Богу со своимъ съ честнымъ стадомъ, съ милымъ животомъ, съ крестьянскимъ скотомъ, съ коннымъ и съ коровымъ и съ овчимъ и съ свиннымъ, съ разношерснымъ и съ разнокопытнымъ, на сохраненіе и на сбереженіе и въ мѣсто на слученіе и ко двору своему на прихождение, и милому животу крестьянскому скоту на легость, на здравіе, на Божію милость, на плодъ, на животъ. Истинный Христосъ и Богородица Мати Божія, Михаилъ архангелъ, архангелъ Гавриилъ грозный воевода небесныхъ силъ, Николай чудотворецъ, Власій епископъ Севастійскій чудотворецъ, Георгій храбрый, Флоръ и Лавръ, Меркурій Смоленскій, Аверкій Еропольскій, кievскіе и печерскіе чудотворцы Антоній и Феодосій, и вы святіи и честные евангелисты Лука и Маркъ, Іоаннъ и Матвѣй, херувимы и серафимы и всѣ небесныя силы научите меня, раба божія имя река, и помозите, пособите и благословите словѣ говорить, ограду ставити, оборону чипити на милой животъ на крестьянской скотъ, на коней и на коровъ, на овчин и на свиней, на разношерсныхъ и разнокопытныхъ, а милой животъ и крестьянской скотъ въ мѣсто случить, ко двору своему прилучить, огорода поставитъ, оборона чинить отъ сѣраго звѣря, отъ чернаго звѣря, отъ рыси и отъ росомахи, отъ рысучега волка, отъ ползучега гада, отъ нашлага и отъ насланнаго урока, отъ призору и отъ пострѣлу, и отъ прострѣлу и отъ порчи, и отъ падшія силы и отъ нечистаго духа, отъ еретика и отъ еретицы, отъ вѣщика и отъ вѣщицы, отъ портежника и отъ портежницы, отъ лихова

глаза и отъ лихой думы, и отъ всякія скверны земныя и лѣсныя, и отъ всякаго злаго человѣка, отъ лихаго супостата, отъ колдуна и отъ колдуньи, отъ чернца и отъ черницы, отъ нопа и отъ поповича, отъ дьяка и отъ парня и отъ дѣвки, и отъ однозуба и отъ двоезуба и отъ троезуба, со стороны видящаго, отъ постигущаго и отъ стретившаго и мимоидущаго, отъ суроволоса и отъ сѣроволоса и черноволоса, закрѣпляющаго рабъ божіи и заговариваючи свое честное стадо, милой животь крестьянской скоть, огороду поставить, оборону чинить; толь крѣпка огорода моя божіей милостію и словами моими, аки синей камень въ Сипемъ морѣ, аки черной камень въ Черномъ морѣ, аки арагъ камень въ Варяжскомъ морѣ, аки хвалынъ камень въ Хвалынскомъ морѣ, аки акіянь—камень въ акіянь морѣ, ни крошитца, ни ломитца, ни рознится, и сколь крѣпокъ сей огородъ и сей заговоръ кругомъ моего милого живота, крестьянскаго скота на сохраненіе и на соблюденіе и въ мѣсто на слученіе и ко двору на прихождение, а милому животу, крестьянскому скоту на легость, на здравіе, на божію милость на плодъ, на животь. И кто же на меня, раба божія имя река, на мой животь на крестьянской скоть думою подумаетъ, мыслию помыслить, тому человѣку съ окіяна моря воды выпить, пески позобать и каменіе проглотить; и кто же на меня, раба божія, думою подумаетъ и мыслию помыслить на мой животь, на крестьянской скоть, тому человѣку зубы со рта, очи со лба и кости съ тѣла; и кто на меня раба божія на мой милой животь, на крестьянской скоть, думою подумаетъ и мыслию помыслить, тому человѣку кругомъ окіяна-моря лѣсы подщипать и хвоя позобать, что ни есть на земли царей—огонь царь всѣмъ царемъ царь, и отъ меня раба божія отъ моего милого живота зжеть и палить всякаго звѣря, уроки и призоры и лихой глазъ и лихую думу, зжеть и палить завидниковъ и обидниковъ и еретиковъ и портешниковъ, зжеть и палить отъ меня раба божія и отъ моего милого живота, крестьянскаго скота. Какъ стекаются рѣки ко окіяну морю съ толкучихъ горъ, съ дремучихъ лѣсовъ, отъ мховъ и болотъ, съ поточинъ и съ пахомыхъ земель и съ сѣнныхъ покосовъ, и тако бы приходили мой милой животь, крестьянской скоть, сами ходили съ лѣсу домой съ толкучихъ горъ, съ дремучихъ лѣсовъ, со мховъ и болотъ съ паточинъ и съ пахомыхъ земель и сѣнныхъ покосовъ; какъ сходится міръ крещеной народъ божій ко звону колокольному и пѣнію церковному ко отцу духовному къ лицу Божію къ Богородицѣ, къ Матери Божіей, тако бы приходили мой милой животь крестьянскій скоть сами съ лѣсу домой. Какъ солнце на за-

падѣ, сколь крѣпко Фаворъ гора стоитъ на мѣстѣ она и держитца вмѣстѣ, сколь крѣпко синяя гора стоитъ на мѣстѣ она и держится вмѣстѣ, сколь крѣпко святая гора стоитъ на мѣстѣ она и держится вмѣстѣ, сколь крѣпко Аѳонъ-гора стоитъ на мѣстѣ она и держится вмѣстѣ, палестинскія іерусалимскія горы четыре горы и четыре страны не рассыпаются и не раздвигаются и вмѣсто не подвигаются, и такожь мой милой животь крестьянской скоть вмѣстѣбъ держался и не расходился, ни рознился; и сколь крѣпково святемъ градѣ Іерусалимѣ и во всякой святыни гробъ Господень на воздухѣ держитца духомъ святымъ Господнимъ и столь бы крѣпко мой милой животь крестьянской скоть плелся и вился и двора своего держался, и какъ гробу Господню на земли не бывать и такъ бы моего милого живота крестьянскаго скота урону не бывать ни притчѣ, ни порчи, ни въ лѣсу пашлѣгу (ночлегу). Еще помолюся я рабъ божій о своемъ миломъ животѣ крестьянскомъ скотѣ вышнему Творцу, Небесному Царю и Богородицѣ Матери Божіей, о конскомъ и коровьемъ и овчемъ и свиномъ о охраненіи и о сбереженіи и въ мѣсто на слученіе и ко двору на прихождение. Истинный Христосъ и Богородица Мати Божія, святые и честные Козьма и Даміанъ, Михаилъ архангелъ, ангелъ Гавриилъ, Николай чудотворецъ, Власій епископъ Севастійскій чудотворецъ, Георгій храбрый, Флоръ и Лавръ, Меркурій Смоленскій, Аверкій Еропольскій, Антоній и Феодосій киевпечерскіе чудотворцы и вы святые евангелисты Лука и Маркъ, Іоаннъ и Матвей, херувими и серафими и вси небесныя силы, ставьте кругъ меня, раба божія имя река, кругъ моего милого живота крестьянскаго скота, кругъ конного и коровья и овечья и свиного, кругъ разношерсныхъ и разнокопытныхъ на сохраненіе и на збереженіе и въ мѣсто на слученіе и ко двору на прихождение, отъ сѣраго звѣря отъ чернаго звѣря, отъ бураго звѣря, отъ рыси и отъ росомахи и отъ рыскучего волка и отъ ползучаго гада, и отъ нашлага и отъ насланнаго, отъ пострѣлу и отъ прострѣлу, отъ порчи и отъ отпаденія силы и отъ нечистаго духа, отъ вѣтра и отъ вихоря и отъ всякаго урона, повѣтрія, пострѣлу, падежу отъ еретика и отъ еретицы, отъ вѣщуна и отъ вѣщицы и отъ всякаго злаго человѣка и отъ лихаго супостата, ставьте двенадцать апостоловъ тынъ желѣзной, ворота мѣдныя, верей желѣзныя въ землю тридцать лакотъ отъ земли до небеси, отъ небеси до земли, отъ востока до запада, отъ запада до сѣвера, отъ сѣвера до сѣта со всѣхъ четырехъ сторонъ на три поприща, на три версты, и замыкайте тридцатью замками и тридцатью ключами, отдай-

тѣ тридцать ключей въ небесной рай самому Господу Иисусу Христу въ нетлѣнную ризу подъ правую назуху; еще ставте тынъ каменной, ворота булатныя, верей стальныя въ землю тридцать лакоть отъ небеси и до земли, отъ земли до небеси, отъ востока до запада, отъ запада до сѣвера, отъ сѣвера до лѣта со всѣхъ четырехъ сторонъ на три поприща на три версты, замыкайте тридцатью замками и тридцатью ключами, и отдайте тридцать ключей въ седмое небо самому Господу Иисусу Христу, Богу Саваоу на златой престолъ на златую мису. Еще ставте тынъ серебрянной, ворота златыя, верей укладныя съ огненнымъ пламенемъ и съ искрами и съ дымомъ и божію милостию, отъ востока до запада, отъ запада до сѣвера, отъ сѣвера до лѣта, со всѣхъ четырехъ сторонъ, куды мое око завидитъ и ухо слышитъ, за два поприща, за двѣ версты и замыкайте тридцатью замками и тридцатью ключами и отдавайте тридцать ключей Богородицѣ въ седмое небо на престолъ. Како здѣсь на земли седмаго неба никому не видать, небу съ землею не схаживатца, а земли съ небомъ вмѣстѣ не сталживатца, и тако звѣрю скотины не видать, въ чистомъ стадѣ не бывать, отъ нынѣ и до вѣка.

Ключь: хижѣ важе пурже каръ жакты саваръ кирже саваръ баръ юмиръ екью саваръ баръ каюръ баръ, небу по земли не хаживать, а земли по небу, и тако порчѣ не бывать отъ нынѣ и до вѣка, аминь.

(Доставилъ свящ. Колчинъ изъ с. Пингишей, Холмогор. у).

7. Оберегъ скота.

Господи Боже благослови Отче, во имя О. и С. и Св. Духа. Стану я, р. б. им. р. пастухъ, благословясь и пойду перекрестясь на добрыя дѣла коровъ пасти, и я у скота у миловаго живота крестьянскаго шерсть тереблю, шерсть у черныхъ у бѣлыхъ и у красныхъ и у чернопестрыхъ у бѣлопестрыхъ и у краснопестрыхъ у рогатыхъ и комолыхъ, у быковъ и коровъ и у нетелей и у подтелковъ и телятъ и у своего всего пастушья скота и милаго живота крестьянскаго, и скатываю и сваливаю шерсть вмѣсто, и какъ бы та шерсть свилась и свалилась вмѣсто, такъ бы ты мой пастушей скотъ сваливался вмѣсто и милой животъ крестьянской, черной и черемной бѣлой и красной и чернопестрой и краснопестрой, бѣлопестрой, рогатой и комолой, быки и коровы, нетели и подтелки и телята и весь пастушей мой скотъ и милой животъ крестьянской случался и сваливался и свикался бы вмѣсто на бору и на поскотины, на высокихъ горахъ и на бѣлокаменныхъ мѣстахъ, пещерахъ, свикался бы и

сваливался весь вмѣсто ко мнѣ, р. б. им. р. пастуху, на голосъ и на трублю и домовъ по всякой день, на нову и на ветху и на межныхъ дняхъ, и какъ къ царю муравьному муравьи въ муравьище схожуются и збѣгаются на зимное жилище, и такъ бы мой пастушей скотъ и милой животъ крестьянской сходился бы и стекался на бору и на поскотинѣ во едино мѣсто и во едину кучю и домой и милой животъ крестьянской скотъ ко мнѣ, р. б. имя рекъ пастуху, на голосъ и на трублю, и запечатаю азъ, р. б. им. р. пастухъ, ту шерсть въ чистой воскъ, и какъ тому воску не разваливаться и какъ тое шерсти не раскатываться и не разваливатца, такъ бы моему и милому животу крестьянскому, черному, бѣлому и красному и чернопестрому и бѣлопестрому и краснопестрому, рогатому и комолому быкамъ и коровамъ, нетелямъ и подтелкамъ и телятамъ и всему моему пастушью скоту и милому животу крестьянскому не росхаживатца и не розваливатца на бору и на поскотинахъ и на высокихъ холмахъ и на бѣлокаменныхъ мѣстахъ, пещерахъ и на всякихъ мѣстахъ не росхаживатца и не розсыпатца и всему вмѣстѣ держатца; держись передня за задней и задня передней и всѣ держись меня, р. б. имр. пастуха, и гласу моему и трубли и дворовъ своихъ по всякой день и по всякую ночь, на нову и на ветху и на всякомъ мѣсяцу, и вовѣки вѣковъ, аминь.

(Говорить трижды).

Господи Боже, благослови Отче. Во имя О. и С. и Св. Д. и меня, р. б. им. р. пастуха, какъ я радуюся солнцу красному, мѣсяцу свѣтлому и свѣту божію, и какъ я радуюся престолу божію и самому Господу Иисусу Христу, такъ бы радовался скотъ мой и милой животъ крестьянской меня, р. б. им. р. пастуха, и гласу моего и трубли радался бы по всякой день на нову и на ветху мѣсяцу и на перекроѣ и на межныхъ дняхъ, и сохрани мой скотъ и милой животъ крестьянской скотъ по водамъ, по землямъ, по поточинамъ, по источинамъ, по падунамъ о томъ по ранной зори и по вечерной, и сохрани мой скотъ животъ крестьянской, черной и бѣлой, красной, чернопестрой и бѣлопестрой, краснопестрой, рогатой и комолой, быковъ и коровъ и телятъ, сохрани Господи на нову и на ветху и по вся нощи и дни, и кажись тотъ мой скотъ и милой животъ крестьянской черному и бурому медвѣдю и медвѣци и рысучему волку и во вся дни кажись при воды вода, при камени камень, при травы трава, при огородахъ огорода, при щепы щепы, при людяхъ люди, при дворахъ дворы и какъ святому

дереву рябинѣ въ одной кучѣ и въ одной толпѣ, и такожь бы мой пастушей скоть и милой животъ крестьянской ходилъ бы у меня, р. б. им. р. пастуха, въ одной кучи и въ одной толпѣ, и такожь какъ въ одной кучѣ и въ одной толпѣ, и такожь бы мой пастушей скоть и милой животъ крестьянской чернопестрой и краснопестрой, черной, бурой и красной ходилъ бы въ одной толпѣ, шелся бы и не разошелся, ходилъ бы, а и расходился на бору и на поскотинахъ, на ходныхъ земляхъ, и какъ тѣ шерстины сошлись вмѣсто и нерозошлись, и съ воскомъ вмѣсто скатились и не роскатились, и тотъ бы мой скоть вмѣсто шелся бы и нерозошелся на бору и на поскотины и на пахатной, земли и такожь царь муравей о своемъ дому муравьица, такожь бы мой пастушей скоть и милой животъ крестьянской ночевалъ въ своемъ дому по вечеру поздо и по утру рано, аминь моей молитвѣ и вовѣки вѣковъ, аминь.

(Говорить сіе трижды).

Во имя О. и С. и Св. Д. Самъ Господь Богъ помози мнѣ, р. б. имр. пастуху, и постави Господи около меня, р. б. имр. пастуха, и около моего пастушья скота и милого живота крестьянскаго, черного и черемного, бѣлаго и краснаго, чернопестраго и краснопестраго, рогатого и комолого, быковъ и коровъ и нетелей и подтелковъ и около всего моего пастушья скота и милого живота крестьянскаго постави желѣзной тынъ отъ небеси и до земли, отъ востока и до запада, отъ сѣверъ и до лѣта и со всѣхъ четырехъ сторонъ, кабы не пришолъ черпой звѣрь и бурой и опрокидень и пакосникъ, и всякой медвѣдь и медвѣдица, и рысучей волкъ и волчица, и колдунъ и колдунья, мужикъ и женка и всякой злой и лихой человѣкъ, и не обронули бы моего пастушья скота и моего живота крестьянскаго, черного и бѣлаго, краснаго и черемного, чернопестраго и краснопестраго, рогатого и комолого, быковъ и коровъ и нетелей и подтелковъ и телятъ и всего моего пастушья скота и милого живота крестьянскаго, — черной звѣрь и бурой и опрокидень и пакосникъ и всякой медвѣдь и медвѣдица и рысучей волкъ и волчица ногтемъ и зубомъ, и не спортили бы колдуны и вѣдуны и вѣщицы и всякіе злые люди, меня р. б. им. р. и моего пастушья скота и милого живота крестьянскаго; обдерни Господи около меня, р. б. имр. пастуха, и около моего пастушья скота и милого живота, крестьянскаго черного и черемнаго, бѣлаго и краснаго, чернопестраго и краснопестраго, рогатого и комолого, быковъ и коровъ, нетелей и подтелковъ и телятъ и всего моего пастушья скота и милого живота крестьян-

янскаго, обдерни Господи огненную рѣку отъ востока и до запада, отъ сѣвера и до лѣта; кабы не пришелъ черной звѣрь и бурой и опрокидень и пакосникъ и всякой медвѣдь и медвѣдица и рысучей волкъ и волчица, ногтемъ и зубомъ не обронули бы моего пастушья скота и милого живота крестьянскаго, и не пришелъ бы колдунъ и колдунья и всякой злой лихой человѣкъ, мужикъ и женка, и не портили бы меня, р. б. имр. и всего пастушья скота ни порчами, ни словами, ни злыми помыслами на нову и на вѣтху, и вовсе теплое лѣто, вовѣки аминь.

(Говорить трижды).

Господи Боже, благослови Отче! во имя О. и С. и Св. Д. Стану я, р. б. им. р. пастухъ, благословясь и пойду перекрестясь со своимъ пастушьямъ скотомъ и съ милымъ животомъ крестьянскимъ, бѣлымъ и краснымъ, чернопестрымъ и краснопестрымъ, съ рогатымъ и съ комолымъ и со всѣмъ своимъ скотомъ и милымъ животомъ крестьянскимъ, по утру рано во свою любиму поскотину зеленой травы ясти, а свѣжей воды пити и не боюся язъ, р. б. имр. пастухъ, ни старца схимника, ни старицы схимницы, ни колдуна, ни колдуньи, и вѣдуна и вѣдуньи, и всякаго злаго человѣка; и какъ имъ злымъ лихимъ людямъ земли матери не пересилище неба имъ не скрасти и звѣздъ съ неба не пощипать, такъ бы меня р. б. имр. и моего пастушья скота не уркнуть и не испортить ни словами, ни травами; злой и лихой человѣкъ ѣшь себя и кровь свою, такъ и меня, р. б. им. р. пастуха, и моего пастушья скота крестьянскаго не испортить отъ нынѣ и до вѣка, аминь.

(Говорить сіе трижды).

Словеса говорить врьдѣ на шерсть и воскъ, и замокъ съ ключомъ и взять двѣ свѣщи, ходить со образомъ Георгиевымъ трижды, и образъ поставить и добыть огня, в сквозь огонь прогонить, и шерсть также и воскъ разрѣзать и положить на обѣ стороны, и прогонить и взять къ себѣ, ступай.

(Списано со старинной тетрадки, доставленной изъ с. Суры, Пинежск. уѣзда волостнымъ писаремъ Григ. Хромцовымъ).

8. Молитва скоть сводить.

Господи благослови, Отецъ, Сынь и святой Духъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь. Господи Боже благослови, во имя Отца и Сына св. Духа, и нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

Стану я рабъ Божій имярекъ, благословясь, и пойду

перекрестясь, изъ избы дверми, изъ двора воротами; и выйду въ чистое поле, подь восточную страну, стану лицомъ на красное солнце, на западъ спиной, и стану я, рабъ Божій имярекъ, свои слова красному солнцу говорить: какъ красное солнце на выхождение идетъ, такъ бы у меня, раба Божія имярекъ, скоть милой крестьянской животь, всѣ на поскотину пойдуть, вся въ похвалѣ и вся въ почести; и какъ то красное солнце на восхождение будетъ и на полдень станеть, то я, рабъ Божій имярекъ, на мѣсто стану и около меня, раба Божія имярекъ, скоть милой крестьянской животь, что мѣдное кольцо; какъ то красное солнце съ полудня поидеть на вечеръ-на покать, такъ бы у меня, раба Божія имярекъ, скоть милой крестьянской животь съ поскотины поидеть вся вкругъ, вся въ похвалѣ; и какъ по стороннымъ городамъ и по соборнымъ церквамъ въ колоколь на вечерню звонять, такъ мой скоть милый крестьянской животь на мѣстѣ въ перечетѣ сталъ. И еще въ томъ же чистомъ подѣ на восточной странѣ чистый чисть-бѣль-горючь камень, на томъ бѣломъ камени сидятъ три брата Христовы: Михаилъ Архангелъ, Гаврииль-Архангелъ, Лука залучникъ, и помолюся я, рабъ Божій имярекъ, образу Божію и святымъ тремъ святителямъ-братіямъ: пособите и помогите мнѣ, рабу Божію имярекъ, ходити и гуляти въ поли и за полемъ, въ поскотины и за поскотиной за скотомъ, за милымъ христіанскимъ животомъ. Ангели хранители и святіи святители и всѣ небесныя силы, Саваовъ Богъ Исусъ Христосъ, Вышній Творецъ, сохраните и соблюдайте, обгородите и оберегите меня, раба Божія имярекъ, и всего моего скота, милого христіанскаго живота, отъ колдуна и отъ колдуньи, отъ двоезуба и отъ трозуба, отъ двоєглаза, отъ двоєволоса и отъ троеволоса, и отъ бѣлаго и отъ чернаго, и отъ черемнаго и отъ стараго, и отъ молодого и отъ середовичъ и отъ холостого, и отъ женатаго, и отъ мужска полу и отъ женска и отъ всякого портежнаго, и отъ бѣльца и отъ бѣлицы, и отъ чернеца и отъ черницы, и отъ всѣхъ моихъ злыхъ вороговъ; храни Господи и люди меня, раба Божія имярекъ, и всего милаго крестьянскаго живота и постави мѣдный и желѣзный тынъ отъ ронка (?) мѣдную гору, огненное пламя, со всѣхъ четырехъ сторонъ, отъ востока и до запада, отъ земли и до неба, отъ всѣхъ моихъ вороговъ и супостатовъ; и кто на меня, раба Божія имярекъ, и на всего моего скота милаго крестьянскаго живота думою одумаетъ и мыслію помыслить, зла не сотворить, себѣ досадить, и впади тому человѣ-

ку злomu толста, безгромна туча, огненное пламя съ небеси, камень, огненная стрѣла въ буяну голову, въ ретивое сердце и черную печень, и помѣшай ему челоѳическое нутро, помѣшай ему умъ въ головѣ и его злымъ худымъ помышлениемъ; и закрѣплю я свои словеса въ окованъ ларецъ за тридцать замковъ, и мечу тридцать золотыхъ ключей въ синее море океанъ, и есть въ томъ мори океани бѣль камень, и подь тѣмъ камнемъ стоитъ щука и уноситъ мои золотые ключи въ синее море океанъ подь бѣль камень, и какъ тѣмъ моимъ золотымъ ключамъ на верхъ воды не выплывать, и такъ бы мнѣ рабу божію имярекъ испорчену не быть, ни моему скоту милому крестьянскому животу, отнынѣ и до второго пришествія Христова, всегда нынѣ и присно, и вовѣки вѣковъ, аминь.

Говорить трижды. Воскъ со скотинной шерстью въ сничатой замокъ замкнуть. Сія молитва скоть слушать.

(Доставлено священникомъ Дьячковымъ изъ Нижнеозера, Онеж. у., а имъ списано со старинной рукописи.)

9. Оберегъ скота отъ звѣрей.

Господи Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!

Стану я, рабъ Божій (имярекъ) благословясь, пойдю перекрестясь изъ избы дверми, изъ воротъ воротами въ чистое поле, въ зеленую дубраву, помолюся я, поклонюся на восточную сторону истинному Христу и Пресвятой Богородицѣ, Илию Пророку, великомученику Георгію храброму, Власію и Модесту. Господь нашъ Исусъ Христосъ, пресвятая Богородица, Илья Пророкъ, св. Власій и Модестъ и Великомученикъ Георгій Храбрый, государи мои! помилуйте скоть, христіанскій животь со всякими пестрипами и всѣми шерстями, а завалите мой скоть пеньками, и колодами и бѣлымъ камнемъ, что бы небыло ни приступу, ни проходу черному звѣрю медвѣдю, сѣрому волку рыкучему и злощей росомахѣ, ни всякому лихому злу челоѳку, вору и навѣтнику. Еще есть Божія тварь муравьи и какъ они въ день расходятся по темному лѣсу и по чистому полю, а къ ночи собираются въ свои муравьища—въ свои жилища, такожде бы расходился мой милый скоть, быки и коровы и телятка малы и рогаты со всякою шерстною, и сходились бы кучкою на свой дворъ, да соблюдеши и сохраниши пресвятое имя твое, всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Еще есть на семь свѣтѣ св. Божія церковь и сходится въ ней народъ Божій съ женами и дѣтьми, такожь сподобились-бы на семь свѣтѣ мой скоть и жи-

вотъ; еще есть на семь свѣтъ чистыя мухи, бѣлыя пчелки, летаютъ стадами по чистому полю днемъ и собираютъ медъ и воскъ, а къ ночи собираются къ своимъ жилищамъ, чтобы не было приступу темняку, сѣрому волку, ни злушей росомахѣ, ни всякому злу лиху человеку. Какъ св. Христову Воскресенью возрадуется народъ Божій, когда зазвонятъ въ колокола; такъ возрадовался бы мой милый скотъ христіанскій животъ, когда услышитъ мой голосъ и мою трубу, по вечеру поздно и по утру рано, изъ сыраго бору, изъ чистаго поля, изъ зеленой дубравы, домой сходилися къ домамъ и расходилися по дворамъ. Пеложу я, рабъ Божій (имя), воскъ недержаной на колокольню къ большому колоколу зазвонному между ушами, и пусть тотъ воскъ у колокола по три воскресенья у звону. Возьму я чистый воскъ съ колокольни и класть мнѣ на скота со всякими шерстинами и пестринами.

(Записано въ Сумскомъ посадѣ.).

10. Чтобы скотина стояла.

Помини, Господи, царя Давыда и всю крѣпость его; укроти, Господи, корову сію крѣпостями своими. Во имя Отца и Сына и святаго Духа, аминь. Утренняя зоря Марія, вечерняя зоря Маремьяніа, утолите мою тоску-кручину, нынѣ и присно и вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогорскаго у.).

11. Отъ ляганья коровы.

Господи Боже, благослови! Какъ основана земля на трехъ китахъ, на трехъ китицахъ, какъ съ мѣста па мѣсто земля не шевелится, такъ бы любимая скотинка (чернавушка, нестравушка и пр.) съ мѣста не шевелилась. Не дай ей, Господи, ни ножнаго ляганья, и хвостоваго маханья, ни роговаго боданья. Стой горой, а дой рѣкой, озеро сметаны, рѣка молока, ключъ и замокъ словамъ моимъ.

Наговариваютъ на воду, которою потомъ обмываютъ вымя коровы.

(Зап. г. Огородниковъ въ Соломбалѣ).

12. Для предохраненія теленка отъ падежа или болѣзни.

Помини, Господи, царя Давида, матери Елены до цернавина житья. Какъ бѣлая березонька стоитъ вѣки по вѣки, не трогнется не ворогнется; такъ бы и теляте жидо вѣки повѣки, не трогнулось и не ворогнулось.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

13. На покотъ скотины рогатой.

Берутъ мохъ изъ угловъ хлѣва и трутъ по спинѣ, приговаривая: «Какъ изъ угловъ мохъ, такъ изъ благословенной скотины покотъ вонъ!» Мохъ этотъ потомъ зарываютъ въ навозъ или въ землю.

(Доставлено крестьяниномъ Леонтьевымъ Холмогорскаго уѣзда).

14. На покотъ скотины рогатой.

Говорятъ на воду или въ хлѣбъ съ солью, три раза:

Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь. Покотъ ты, покотъ, у благословенной скотины (такой то масти)! поди въ поздри, изъ поздрей въ голову, изъ головы въ чемерну, изъ чемерной въ хвостъ, изъ хвоста въ землю.

Покотъ, по объясненію крестьянъ, родъ падучей болѣзни или родимца: скотина вдругъ падаетъ, заворачиваетъ голову, бьетъ ногами; иногда умираетъ.

(Запис. въ г. Холмогорахъ).

15. Прикосъ коровій.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа Аминь. Говори ты истинному Христу, Ангелъ святой Господень: поди и спроси: нѣтъ ли у раба божія Н. у рогатой коровы (черной—или пестрой, смотря по шерсти) не было ли ни скорби, ни болѣзни и ни прикосовъ, и ни призору, и ни вѣтрянаго прострѣла, и воденаго, и не тухло ли вымя и не болятъ ли титки, и неукрадено ли молоко, и не запретило ли проходу, или выходу въ 73 жилахъ и въ 73 суставахъ? Говори ты истинному Христу и Ангелу святому, Трифонъ святой: въ кое время на распятіи былъ повѣшенъ истинный Христосъ отъ жидовъ и не чулъ въ себѣ ни щелоты и ни ломоты и не удару; такожде и у раба божія Н. рогатая корова (такой то шерсти) не чула бы неприкосу, ни призору, и ни востреннаго прострѣлу, и не тухло бы вымя, и не болѣли бы титки, и не украдено бы молоко, и было бы все по старому и прежнему, всегда и нынѣ. Во имя Отца и Сына и Св. Духа Всѣмъ моимъ словамъ небо есть ключъ. Аминь, аминь, аминь.

(Записано помощникомъ миссіонера Батраковымъ въ Курь-островскихъ деревняхъ, Холмогор. у.)

16. О берегъ скота отъ медвѣдя.

Должно съ котемъ «Лева-звѣря» (за который не рѣдко выдають клювъ гагары) обойти кругомъ стада коровъ и при томъ шептать слѣдующее:

Обхожу я, рабъ божій, съ котемъ лева-звѣря мое милое стадо, крестьянскій животъ. Какъ мои коровуш-

ки до сей поры боялись медвѣдя, такъ теперь да боится медвѣдъ моихъ коровушекъ; а къ этому моему слову небо и земля—ключъ и замокъ; аминь.

(Запис: А. Харитоновъ въ Шенкур. у.)

17. Если у кого сдѣлается нездорова скотина.

Берутъ соли щепотку и наговариваютъ:

Стану я, рабъ божій N., благословесь, пойду перекрестесь изъ избыдверьми, изъ двора воротами въ чистое поле за воротами. Миѣ рабу божію на встрѣчу бѣжить тридевятъ рысей и тридевятъ лапъ и тридевятъ поктей. Призываю я, рабъ божій, къ своей скотинѣ крестьянской животинѣ, къ бурой (смотря по шерсти), вѣчнѣ упомяну я нокоть нутренной, сердечной, паховой, эдоховой, рудяной, костяной, зажилной, закожной, зашерстной и закопытный, и кладу я свои слова въ поздри, въ голову и хвостъ, и посылаю за быстрыя рѣки, за высокія горы, за темные лѣса, гдѣ ни птицы не залѣтають, сѣрой волкъ не зарыскиваетъ, вѣкъ по вѣку отъ нынѣ и до вѣку аминь.

(Рукоп. нарядъ Устьпадепскаго удѣльнаго приказа о доставкѣ въ Архангель. Удѣльную Коутору свѣдѣній для составленія этнографіи отъ 1847 г. по описи № 60).

18. Слова у скотины путь украсть.

Стану я, рабъ божій имярекъ, благословесь, пойду перекрестесь и стану я, рабъ божей имярекъ, на востокъ лицомъ, на западъ хребтомъ и посмотрю подъ восточную сторону. Есть домъ Господень, въ домѣ Господнемъ престолъ Господень, на престолѣ Господнемъ, самъ свѣтъ истинный Христосъ. Поставь, Господи, тынъ желѣзной отъ земли и до неба, отъ востоку и до западу, кругомъ поскотины моей, со всѣхъ четырехъ сторонъ моей скотины и крестьянской животины. Какъ отъ меня, раба божія имярекъ, отходитъ поясъ на малой часъ и на малое время, такъ же ты отходи, скотина крестьянская животина, на малой часъ и на малое время отъ двора моего. Тѣмъ моемъ словамъ ключъ и замокъ во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогор. у.)

19. У скотины путь украсть.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Откуда ты, скотина, ведена? Сзади топоромъ сѣкутъ и огнемъ палать, впереди рабъ Божей имярекъ кормлю и пою всю тя, и не знай ты скотина не пути и не дороги, не пройти, не пробѣжать опришенно меня, раба божія имярекъ,

станеть противъ пути твоего тынъ желѣзной, а другой мѣдной, третій огненной, и не знай ты не пути и не дороги опришенно меня, раба божія имярекъ. Старой хозяинъ умеръ и пропалъ и живота его нѣтъ; вся крѣпость святаго Духа, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогорскаго у.)

20. Отпущкъ пастуха лошадей пасти.

Говорить трижды и ходить кругомъ стада съ образомъ: Господи Боже, благослови Отче. Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Стану я, рабъ Божій, благословесь, пойду перекрестесь, отцемъ прощенъ, матерію благословенъ, и пойду въ чистое поле, подъ восточную сторону, покрываюся я рабъ Божій (имярекъ) небомъ, и облачаюся во облаки, и подпояшуся поясомъ, и умываюся росой, и утираюся зорью, и помолюся я рабъ Божій (имярекъ) Господу Богу, Иисусу Христу, Сыну Божію, и Пречистой Его Матери, и всѣмъ небеснымъ силамъ, ангеломъ и архангеломъ, и святому Власію и св. Георгію страстотерпцу: и Ты, Господи, закрой и защити меня, раба Божія (имярекъ), и поставь кругъ моего скота, милаго крестьянскаго живота, въ поли и за полемъ, въ лѣси и за лѣсомъ, кругъ всей моей поскотины, желѣзень и мѣдянь и булатень тынъ, отъ востока и до запада, отъ лѣта и до сѣвера, со всѣ четыре стороны, за тридевятъ за три версты, за тридевятъ за три сажени глубиною въ землю. И я рабъ Божій (имярекъ) призываю на помощь св. Власія и св. Георгія, страстотерпца Христова, съ тридевятъ замками и замыкають меня, раба Божія имярекъ, тридевятъ булатные ворота, сквозь за тридевятъ ключей, и я примаю тридевятъ ключей и отношу во святое океанъ-море. Есть во океанѣ-мори бѣлъ латырь-камень, и подъ тѣмъ латыремъ-канемъ стоитъ свѣжая рыба щука, очи бисерныя, а зубы желѣзные, и принимаетъ у меня, раба Божія имярекъ, тридевятъ ключей, и сходитъ, и сноситъ подъ бѣлъ латырь-камень отъ нынѣ и до вѣка; и какъ тѣмъ тридевятъ ключамъ на верхъ воды не выплывать, такъ бы не бывать у меня раба Божія и у моего скота, любимаго крестьянскаго живота, и у всякія живущія тупошерстные скотины, коней кладеныхъ и некладеныхъ и кобылъ карихъ и воронныхъ, рыжихъ и бурыхъ, гнѣдыхъ и пеганыхъ, и сѣрыхъ, и сивыхъ, и саврасыхъ, такъ бы не бывать въ моей поскотины и у моего скота звѣрю широколапому, медвѣдю и медвѣдицы съ дѣтями ея, насыльному и опрокидemy, прохожему, жировому и пагостнику, ни

волку, ни волчицы, ни зми и скорпиі; а начнетъ ходить чернѣй звѣрь и переходѣй по моимъ тропамъ и дорогамъ и по моей поскотины, и я на васъ напушу тридевятъ кобелевъ и не будетъ вамъ уходу ни въ поли, ни за полемъ; а подите вы, черные звѣри, съ моей поскотины за черное море, на фаворную гору и дамъ вамъ пятера гядера (?), ѣшьте зеленую траву, а пейте болотную воду, отнынѣ во вѣки, аминь. И я, рабъ Божій, помолюся Господу Богу, Иисусу Христу, Сыну Божию и Пречистой Богородицѣ Матери Его и св. Власію и св. Георгію страстотерпцу Христову: святой Власій и святой Георгій, страстотерпецъ Христовъ, покрѣйте и оберегите вы мой скотъ, любимой крестьянской животь, небомъ и землею по всякъ день и на всякъ часъ мѣсяца нова и ветха, и въ перекрои, и въ межныхъ дняхъ, отъ нынѣ и во вѣки, чтобъ тотъ мой скотъ, милой любимой крестьянской животь, казался пенемъ и колодемъ и каменемъ, по всякой день, всякому звѣрю широколапому медвѣдю и медвѣдицы и дѣтямъ ихъ, насыльному и опрокидню, и прохожему и жировому и пакостнику, и волку и волчицы, и змѣи, и скорпиі, въ день и въ ночь и по всякой часъ, отнынѣ и во вѣки, аминь. Какъ сему рабу Божию (имярекъ) мертвому не бывать на семъ бѣломъ свѣтѣ и не видать отца—матери, ни роду, ни племени, и такъ бы не бывать у меня, раба Божія имярекъ, ни у моего скота, милого любимого крестьянского живота, ни слѣду бы моего, ни скотинного не видать всякому звѣрю широколапому медвѣдю, ни медвѣдицы и дѣтямъ ихъ, насыльному опрокидню, прохожему и жировому пакостнику, ни волку, ни волчицы, отъ вѣку и до вѣка, аминь. Какъ не добыть у раба Божія мертваго человѣка ни крови, ни воды, такъ бы не испортить меня, раба Божія имярекъ, ни моего скота, милого любимого крестьянского живота, ни колдуну, ни колдунѣ, ни вѣдуну, ни вѣдунѣ, ни еретику, ни еретицѣ, ни какому злему человѣку, отнынѣ и до вѣка, аминь.

(Доставлено священникомъ Дьячковымъ изъ с. Нижмозера, Онежскаго у., а имъ списано со старинной рукописи).

21. При лѣченіи лошади.

Стану по утру по раннему, по вечеру по позднему, выйду на сильный вѣтеръ, на легкій воздухъ, возьму я осинову вичку *), пойду я къ доброму хозяину на чистень пирь. Изъ подъ лѣвой ноги, изъ-подъ праваго копыта обложу и обвяжу—кругомъ обнесу, чтобы былъ

*) Вѣтва, пруть.

по старому по прежнему чище и лучше, чтобы болѣе не чула, куда бы ни поѣхали.

(Доставилъ г. Никольскій изъ города Мезени).

22. Противъ конской болѣзни.

Говорить въ соль и дуть лошади въ поздри и посыпать на синну на лошади.

Господи Боже благослови. Стану я р. б. им. р. благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, пойду въ чистое поле, изъ чистаго поля пойду къ синему морю. Въ синемъ морѣ есть плита синяя, подъ плитой синей есть щука синяя, у щуки синей есть зубы желѣзные, зубы мѣдные, глаза мѣдные, хвостъ мѣдной, чешуя оловянная, поѣдаетъ та щука и ожираетъ 12 ноктей у коня, имя рекъ, своими желѣзными зубами: нокоть пуповой, нокоть сердешной, нокоть костяной, нокоть жильной, нокоть спиновой, нокоть гривной, нокоть глазной, нокоть носовой, нокоть ножной, всѣ тѣ 12-ть ноктей, въ молодѣ и перекроѣ и полнѣ мѣсяцахъ, на ветху мѣсяцъ и на межныхъ дняхъ, по всякой день и по всякой часъ, по всякое время, по вѣку, отнынѣ и до вѣку, во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь.

(Займствовано П. С. Ефименкомъ изъ стариннаго рукописнаго сборника заклинаній).

23. Червь умолвити въ конѣ, или въ нивѣ.

Какъ зайдетъ солнце, плюни на камень или на руку и говори сіе надъ масломъ или надъ солью:

Сѣдла гремятъ, узды бречать, въ порозномъ мѣхи, ѣхати по хмѣль по легкой товаръ, червемъ полетѣти за море; тамо у червей свадьба, а здѣсь червямъ огонь, сѣра горячая, смола кипячая. Трижды аминь.

Червь разгрызъ и плаюй, гдѣ черви.

(Изъ рукопис. лѣчеб. достав. свящ. Колчинымъ изъ с. Пингишей Холмогор. у).

24. Пчелиныя слова.

Изосимъ и Саватій Соловецкіе, которые, по преданію первые ввели пчеловодство даже на Соловецкомъ островѣ, признаны были распространителями и покровителями пчелъ и бортей во всей русской землѣ. Въ народѣ составилъ особый молитвенникъ, въ родѣ цѣлаго молебна, объ изобиліи и сохраненіи пчелъ въ ульяхъ пчеловеда. Уставъ чтенія этого молитвенника таковъ: «Сей молитвенникъ и свитокъ читать на праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, на вербное и свѣтлое Христово воскресеніе, между заутренями и обѣднями въ мшеникѣ или на пчельникѣ. И высѣки изъ громовой стрѣлы огня

и положи въ чистый сосудъ, и въ тотъ сосудъ положить роснаго ладону, и окружить на пчельникѣ или во мшеникѣ, и поставитъ съѣчу Изосимѣ и Саватію, Соловецкимъ чудотворцамъ, и помолитъсѣ имъ съ вѣрою, и держатъ сей свитоукъ въ самой чистотѣ, три раза аминь.»

Въ молитвенникѣ этомъ, послѣ «прославленія благодати Господа къ уповающимъ на него,» состоящаго изъ псалма: «живый въ помощи Вышняго» и пр. читается дважды молитва къ пчеламъ: Господи І. Х. С. Б., помилуй меня, грѣшнаго раба своего (им.). Господи благоволѣ, аминь,» затѣмъ слѣдуютъ самыя молитвы, ихъ всѣхъ семь. Первая изъ нихъ читается:

На морѣ-окнанѣ, на островѣ-курганѣ лежитъ камень алатырь отъ конца вѣка сего, и на томъ камнѣ сидитъ ангелъ и Спасъ-образъ съ ангелы и архангелы и со Пресвятою Богородицею Божію дѣво-владыцею Матерью Марією, и великіи помощники Божіи Изосимъ и Савватій Соловецкіе чудотворцы. Посла ихъ въ Нарименскія горы за силою пчелиною поймать крапчика и матку и посадити въ зезлѣ свой: подите дорогою, будетъ за вами погоня, то вы бросьте зезлѣ свой въ правую сторону. То они посланники Божіи, Изосимъ и Савватій Соловецкіе чудотворцы съ архангеломъ Гавріиломъ, по Божію велѣнію, пойдоша за силою пчелиною въ Папа-Рымскія земли, въ Рымскія горы, и пойдоша путемъ къ западу и до востоку, и дошедъ они посланники въ ту землю, Изосимъ и Савватій Соловецкіе чудотворцы, поймали крапчика и матку и посадиша въ зезлѣ свой и пойдоша путемъ къ западу и до востоку. Архангелъ Гавріилъ поднимаетъ отъ земли всю силу пчелиную. Какъ востокъ имай, облацы поднимаются, тако бы поднималася сила пчелиная и пошла за Изосимомъ и Савватіемъ, Соловецкими чудотворцами, силою небесною и Духомъ Святымъ. Идоша по надлежащимъ путемъ и по тропамъ, то учинилася погоня изъ невѣрній земли, тогда архангелъ Гавріилъ повелѣлъ Изосиму и Савватію броситъ въ правую сторону зезлѣ и крапчика и матку возгнаніе дороги. То учинилася погоня, невѣрные догнаша и обыскаша по надлежащимъ путемъ и тропамъ. И рече святыи отецъ милостивыи: посланники Божіи Изосимъ и Савватій, Соловецкіе чудотворцы, возьмите зезлѣ свой, благоволѣте и оградите путь сей и дорогу крестомъ и зезломъ съ востоку и до западу и со западу до востоку. И приведоша крапчика и матку со всею силою пчелиною и къ тому жъ собору Божію и ко Престолу Господню къ ножіямъ Спасителя. И рече святыи отецъ Изосимъ и Савватій: Господи! пришедъ еси по вашей сед-

мицѣ по твоему повелѣнію, сохраненъ и помилованъ вашими святыми молитвами. Ты еси Богъ нашъ и Спаситель, ты еси насъ спаслъ во всякой часъ и во всякое время. И приведоша къ нозѣмъ твоимъ крапчика и матку со всею силою пчелиною. Куда, Господи дѣвать и сажать? Господь же благословивъ и освятивъ духомъ своимъ святымъ, и преда и Господь Изосиму и Савватію Соловецкимъ чудотворцамъ, и велѣлъ пустити отъ востока и до запада во всероссійскую землю, въ темныя лѣса въ угодныя древа, православнымъ хрестіанамъ и ко мнѣ рабу б. (имя реку). Создай Господи милость свою, послѣ и надѣли мнѣ рабу б. во дворѣ, въ лѣсу и на пчельникѣ мои пчелы старыя и молодыя молитвами праведныхъ отцовъ Изосима и Савватія, Соловецкихъ чудотворцевъ. Какъ приведено по повелѣнію твоему Господи изъ невѣрной стороны во всю россійскую землю на канонъ и на воскъ, на фиміанъ и на всякую утварь церковную укрѣпленіе и утверженіе скончанія вѣка сего, такожде Господи утверди у меня р. б. (им.), въ пчельникѣ, во дворѣ, или въ лѣсу на пчельникѣ пчелъ старыхъ и молодыхъ, до скончанія вѣка сего Духомъ Святымъ и преподобныхъ отцевъ. Изосима и Савватій, помилуйте святыми своими молитвами у меня раба б. во дворѣ или въ лѣсѣ, на пчельникѣ пчелъ молодыхъ и старыхъ, на выставкѣ во всякомъ году, во всякомъ мѣсяцѣ, въ четверти и полчетверти. Около ограды пчельника моего обойду, духомъ Святымъ окурю отъ всякаго глаза, отъ мужскаго, отъ женскаго, отъ простоволосыхъ дѣвицъ, отъ черница и отъ черницы, отъ колдуна и отъ колдунницы, отъ еретика и отъ еретицы, отъ нечистоты и отъ лихаго человека и отъ чужихъ налетныхъ пчелъ въ ограду мою валитися, дабы отъ пчельника моего не отлетали старыя и молодыя до скончанія вѣка сего. Какъ по повелѣнію твоему, Господи, океану-морью всѣ моря покорны, рѣки и источники и потоки текутъ непрестанно денно и ночью, такъ бы, по повелѣнію Божію, чужая пчела моей пчелѣ покорна была завсегда, по всякъ день и часъ. Спаси Господи и помилуй меня раба своего (им. рекъ), на пчельникѣ мои пчелы старыя и молодыя отъ всякаго звѣря и отъ всякой птицы, и отъ водянаго потопленья и отъ нечистаго духа, и отъ лукаваго человека; покажи Господи милость свою, пришли и надѣли своимъ Божіимъ повелѣніемъ и надѣленіемъ моимъ пчеламъ, со всякаго дерева, со всякаго цвѣта стараго сухаго, и сѣраго, и со всякаго плоду брать на воскъ и на капонъ. Не повели Господи портить моихъ пчелъ ни колдуну, ни

колдуницѣ, ни еретику, ни еретицѣ, ни дьявольскимъ наученіямъ и всякому злему человѣку. Сохрани и помилуй отъ нынѣ и до вѣка (три раза) аминь. Земля замокъ, небо-ключь, трижды аминь.

(См. Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1: Шапова, Истор. очер. народ. міросоз. и суевѣрій, стр. 52—54. Встрѣчается и въ Архангельской губерніи.)

25. На рыбную ловлю.

Какъ ты, матушка Шорда рѣка, течешь быстро и яро, берега смываешь, травы омываешь, кореньище сдираешь, такъ смывай и сдирай съ моей, раба божія (имя рекъ), винтовки, съ рѣзки и съ мешени, съ огненного боя, со всей оружейной приправы ото всякого злого и лихого и отъ помышленнаго, отъ колдовства и отъ своей нечистой думы. Къ тѣмъ моимъ словамъ небо и земля—ключь и замокъ; аминь.

(Запис. А. Харитоновъ въ Шенкур. у.)

26. Рыбій прикосъ.

Говорить слова на уды и на рыбицу, какую Богъ дастъ:

Буди моя рыбица не прикослива и не урослива, иди ко мнѣ рабу божію скоро, безопятно и безповоротно, противъ быстрыя воды осеннія рѣки, назадъ не оглядывайся и въ сторону не отворачивайся, иди ко мнѣ рабу божію ежечасно, на утренней зори и на вечерней зори, въ мои желѣзные уды, рыбица налимъ большоголовой и востроносица щука, красная рыбица семга, иди ко мнѣ, рабу божію N., по всякъ день и по всякъ часъ, на утренней зори и на вечерней зори, въ день подъ солнцемъ, а въ ночь подъ мѣсяцемъ и подъ частыми звѣздами и подъ всею окружностію Божіею... Тѣмъ моимъ словамъ ключь я замокъ именемъ Господнимъ, Духомъ святымъ, во вѣки вѣковъ аминь. А которое я, рабъ божей, слово узабылъ, узапамятовалъ, то мое слово буди въ томъ же кругу, и вострѣе востраго ножа, булатнаго топора, быстрѣе ключевой воды, именемъ Господнимъ, Духомъ святымъ, во вѣки вѣковъ, аминь, за аминемъ аминь.

27. То же.

Для рыбной ловли и для налимовъ и для щукъ и для семги и для всякой, какую Богъ дастъ на уду.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Стану я, рабъ божей, благословесь, пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ дверей воротми, выйду въ чистое поле, подъ восточную сторону, въ зеленую дуброву и стану я рабъ божій на восточную сторону лицомъ и помолю-

ся и поклонюся истинному Христу, Царю Небесному, и буди я рабъ божей промышленникъ не уросливъ и не прикосливъ отъ своей крови, и отъ своей думы, и отъ буйнаго вѣтра, и отъ своего глаза, и отъ своего сердца, и отъ людской думы и отъ молвы, отъ людского глаза. А кто злой лихой человѣкъ подумаетъ на мой добытокъ и на промыселъ, и то бы ему себѣ да въ пазуху; а что онъ радѣетъ себѣ, то я мнѣ на мой добытокъ и на промыселъ, по всякъ день и по всякъ часъ, и по всяку ночь; и тѣмъ моимъ наговорнымъ словамъ и словесамъ ключь и замокъ, именемъ Господнимъ, Духомъ святымъ, во вѣки вѣковъ, аминь.

(Оба прикоса доставилъ кр. Леонтьевъ Холмог. у.)

28. На рыбную ловлю.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Небесной Троицѣ, Отцу и Сыну и Святому Духу, и всѣмъ святымъ Ангеламъ и Архангеламъ. Отступися, дьяволъ, отъ всѣхъ дверей и отъ всѣхъ угловъ храминны сія, и отъ всѣхъ узловъ ленныхъ и посконныхъ, и конопляныхъ и всякихъ разныхъ ловушекъ. Здѣсь тебѣ нѣтъ ни мѣста, ни части; здѣсь съ нами, съ рыболовами, рабами и рабынями (имя рекъ), честный Крестъ Господень; здѣсь Святая Троица: Отецъ и Сынъ и Святыи Духъ; здѣсь Мати Христа Бога нашего, Пресвятая Богородица, держитъ въ правой рукѣ цвѣтъ и траву и даетъ намъ, рыболовамъ, рабамъ и рабынямъ (имя рекъ), обкуриванія для сохраненія нашей рыбной ловли, льняныхъ и посконныхъ и конопляныхъ ловушекъ, красной рыбы, семги и бѣлой рыбы, рака и щуки и прочихъ. Здѣсь начальники силъ небесныхъ, Михаилъ и Гавриилъ, и Уриилъ и Рафаилъ, Херувимы и Серафимы и всѣ небесныя силы, здѣсь святыи Іоаннъ Предтеча, и здѣсь святыи апостолы Петръ и Павелъ и держать во правыхъ рукахъ Адамовъ крестъ, цвѣтъ и траву, и золотые ключи, и даютъ намъ, рыболовамъ, рабамъ и рабынямъ, для ради сохраненія нашей рыбной ловли, для красной рыбы семги, и бѣлой рыбы, рака и щуки и прочихъ разныхъ, всѣхъ бѣлыхъ рыбъ. И здѣсь всѣ святыи апостолы и три святителя и учителя: Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ честный; здѣсь съ нами, съ рабами и рабынями (имя рекъ), святыи Николай, великій хранитель, и здѣсь русскіи чудотворцы: Алексѣй и Іона; здѣсь мученикъ Агафонъ, здѣсь мученикъ Христовъ Никита. Здѣсь съ нами, съ рыболовами, съ рабами и съ рабынями (имя рекъ), мученицы Христовы, Екате-

рина и Варвара, держать ладонь и кадило и даютъ (имя рекъ) для обкуриванія льняныхъ сѣтей и всякихъ разныхъ нашихъ ловушекъ. И всѣ честные ангелы, хранители наши, берегите и стерегите нашу рыбную ловлю, на всякъ день, и на всякъ часъ, и на всяку ночь, въ ветху и въ новцу, и въ меженныхъ дняхъ перекройныхъ, на заживъ дней и на заживъ ночей. Силою Честнаго и Животворящаго Креста Господня сохрани насъ, Господи, рыболововъ, рабовъ и рабынь (имя рекъ), на семь дровъ крестномъ распятый Исусъ Христосъ. Аминь (трижды). По благословенію Господню идите, святые Ангелы, ко синю морю съ золотыми ключами, отмыкайте и колебайте синее море вѣтромъ и вихеромъ и сильною погодою, и возбудите красную рыбу семгу, и бѣлую рыбу, раки и щуку, и прочихъ разныхъ рыбъ, и гоните изъ-подо мху и изъ-подъ виченаго куста, и отъ крутыхъ береговъ и желтыхъ песковъ, и чтобъ она шла бы къ намъ, рыболовамъ, рабамъ и рабынямъ (имя рекъ), въ матушку рѣку быструю Двину, и въ разныя рѣки и озера, и во всякіе водяные протоки; и не застоилась бы на красномъ солнцѣ, и не загулялась бы съ охотной травы, и шла бы къ намъ, въ нашъ рыболовный заводъ, и не боялась бы и не петилась нашихъ ленныхъ и поконныхъ и конопляныхъ сѣтей, и всякихъ разныхъ нашихъ ловушекъ. Не дайте, святые Ангелы, очамъ ея виду, ушамъ ея слуху, и еще святые Ангелы, сохраните нашу рыбную ловлю отъ уроковъ и отъ прикосовъ, отъ еретика и еретицы, отъ клеветника и клеветницы, отъ мужной жены и отъ вдовицы и отъ дѣвни простоволоски, и отъ всякаго вѣтренаго проходящаго человѣка, отъ нынѣ и до вѣка. Аминь. Христосъ воскрес!

(Запис. А. Харитоновъ въ Шенкур. у.)

29. Слова рыбу лучить.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа аминь. Какъ да народъ Божій—православныи крестіана изъ церкви, зъ домовъ и изъ всякихъ мѣсть, и за Спасомъ и за Пресвятой Богородицей идутъ на ердань, и придутъ на ердань и стануть, съ мѣста на мѣсто не перехажируютъ и не погуливаютъ, такъ же бы ко мнѣ рабу божію имр. рыба въ лучъ всякая шла: лохи, семга, харьюсы, сига, щуки, налимы, ези, подъязки, окуни, сорогги и всякая рыба шла съ ямъ, съ плесь и съ травы, изъ лапуги, изъ крежьевъ, изъ ручьевъ, изъ всякихъ мѣсть на мѣсто дресвы и на росипи, и придутъ въ

лучъ и стали бы они, съ мѣста на мѣсто не перехажидали и не погуливали на утрянной зори, на вечерной зори и среди ночи темной, не боялись бы они ни козы, ни луча, ни лодки, ни острожья, ни шеста, ни меня раба Божія и., ни товарища моего кормщика (имрекъ)—всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

Говорить сіе трижды, какъ станешь лучить зажигать. Къ тому же:

Какъ престоль Господень стоитъ среди олтаря не шевелится, не похаживать, такъ же бы у меня раба Божія имрекъ рыба съ луча не шевелилась и не похаживала на утренней зори, и на вечерней и на среди ночи темной.

И говорить сіе трижды, и къ тому жъ: какъ попь стоитъ на ерданѣ не шевелится и не похаживаетъ, такъ бы и у меня р. Б. и. рыба съ лучу не шевелилась и не похаживала на утренней зори, на вечерной зори и среди ночи темной. Говорить сіе трижды.

Обережь какъ первую рыбу добудешь и съ остроги снимешь, и говорить въ ротъ сей трижды и плюнуть: чуръ моей рыбы и чуръ моего промыслу, чуръ моей думы крови, чуръ меня р. Б. и. промышленника, чуръ моего корщика.

И положить рыбу въ лодку и поѣзжай, Богъ въ помощь.

(Отъ Г. Хромцова).

30. Для удачнаго лова рыбы.

Пойду я на быстру рѣку, на ей есть рыбки потрепуши, и спустили бы мы неводъ, какъ шелковъ поясокъ, и въ этотъ неводокъ, въ каждый поводокъ, насакало бы рыбы, какъ чины (?).

(Доставилъ г. Никольскій изъ гор. Мезени).

31. При наживкѣ червей на крючекъ.

Когда наживляютъ на крючекъ червей, а иногда рыбу, то приговариваютъ;

Рыба свѣжа, наживка сальна, клюнь да подерни, ко дну потяни.

(Записано П. С. Ефименкомъ въ Холмогорахъ).

32. На уженье.

Для того, чтобы на удочку попадалась крупная рыба, поймавши маленькую рыбу, сѣкутъ съ приговоромъ: Пошли отца, пошли мать, пошли тетку, пошли дядю и т. д.

Думаютъ, что послѣ этой операціи малая рыба уже не будетъ идти на удочку.

(Записалъ г. Елизаровъ въ г. Архангельскѣ).

33. Для успѣха на охотѣ.

Нужно взять съ собою кусокъ хлѣба или мяса, на которые наговаривать:

Въ чистомъ полѣ, въ темномъ лѣсѣ, въ туманѣ великомъ есть птица полетуша, есть сѣрая гуси, сизыя утки. У нихъ бы крылья подломилось, сами бы опустились, перье оборвалось и сѣли бы на бугоръ высокій, чтобы меня раба Божія (имярекъ) не видѣли и стрѣльбы моей не слышали и долетѣла бы до ихъ дробь, какъ вольное перо.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

34. На птичью охоту.

Пойду я, рабъ Божій (имярекъ) къ церкви, погляжу, какъ православные собираются и празднуютъ, и радуются; такъ радуйся и веселися и летай ко мнѣ, всякая живущая птица, которая Богомъ Иисусомъ Христомъ создана намъ на жертву; такъ не убойся и не устрашись ни меня, раба Божія (имярекъ), ни лаюшекъ моихъ, кобелей; не мочи ты ногой переступить, ни крыломъ встрепенуться до выстрѣла моего. Какъ изъ-подъ Ивановской росы человѣкъ на конѣ не уѣзжаетъ, пѣшой не уходитъ, такъ не улетай отъ меня, ни какая благословенная птица. Слово мое крѣпко. Къ тѣмъ моимъ словамъ небо и земля—ключъ и замокъ. Аминь.

(Зап. А. Харитоновъ въ Шенкур. у.).

35. Охотничьи слова.

Такъ бы у меня, раба Божія (имярекъ), собака не отбѣгала, птица не улетаала, всякая живущая, которая создана у Господа Бога Иисуса Христа, Царя небеснаго намъ на жертву благословенная всякая птица: рябъ и рябушка, копада и тетерка и косачушка, сѣрая, малая утица,—какъ птица не можетъ летѣть отъ гнѣзда своего, отъ дѣтей своихъ, такъ не бойся и не страшись лаюшекъ кобелей моихъ, и меня раба Божія (имярекъ), не бойся и не страшись ни юку оружейнаго, ни дыму пороховаго, ни боя огненнаго. Радуйся, итица, и веселися по всякъ день, по всякъ часъ и по всякое время: утра рано, вечера поздно. въ ветхѣ мѣсяцѣ, въ новцѣ и въ меженныхъ дняхъ перекройныхъ. Къ тѣмъ моимъ словамъ небо и земля, ключъ и камень. Аминь.

(Зап. А. Харитоновъ въ Шенкур. у.)

36. Для удачи на промыслѣ.

По благословенію Господню, идите Св. Ангелы ко сиюю морю съ золотыми ключами, отмыкайте и колебайте сине море вѣтромъ и вихремъ и сильною погодою и возбудите красную рыбу и бѣлую рыбу и

прочихъ разныхъ рыбъ и звѣрей морскихъ, и гоните ихъ изъ-подъ мху и кустовъ, отъ крутыхъ береговъ и желтыхъ песковъ, и чтобъ они шли къ намъ—рыболовамъ и звѣроловамъ (перечисляются имена всѣхъ промышленниковъ) и не заставались бы на красномъ солницѣ, и не залеживались бы на льдинахъ среди моря, и шли бы въ наши заводи, сѣти и ловушки, и непятились бы нашихъ ленныхъ и конопляныхъ сѣтей, и всякихъ разныхъ ловушекъ, и не пужались бы нашихъ выстрѣловъ и колотушекъ. Не дайте св. ангелы, тѣмъ звѣрямъ и рыбамъ: очамъ ихъ—виду, ушамъ ихъ—слуху, и еще, святые Ангелы, сохраните нашу рыбную и звѣриную ловлю отъ уроновъ и отъ прикосовъ, отъ еретика и еретицы, отъ клеветника и отъ клеветницы, отъ мужней жены и вдовицы, и отъ дѣвки простоводоски, и всякаго вѣтреннаго проходящаго человѣка и порчельника, отъ цынѣ и до вѣка. Аминь. Христось воскресе.

37. Для удачи на промыслѣ.

Пойду я на сине море, на сине на волнистое. На синемъ морѣ, на синемъ на хвалынскомъ, на волинскомъ, въ Терской сторонѣ есть морскіе звѣри; чтобы они къ намъ приближались, погодушки бы не боялись, были бы они не чутки, не видки; насъ бы не боялись, духу бы нашего не слышали и дымнаго также.

(Эти два заговора доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

38. На стрѣльчую охоту.

Говорить трижды на воскъ:

Есть на восточной сторонѣ, есть пресвѣтлое царство и приказательное государство и среди того трисвѣтлаго царства и приказательнаго государства пресвѣтлыя великія свѣтлицы солнечныя. И какъ тѣ пресвѣтлое царство и приказательное государство, трисвѣтлыя великія свѣтлицы высокія кажутся, такъ бы и мнѣ, рабу Божію (имярекъ), на моей на стрѣльчей охотѣ стрѣльчею нищалью казались свѣтлы и велики, и высоки—и всякая полетушая птица большая и малая, синица и воробей, и всякій звѣрь порыскучій и ходячій и летучая птица, сѣдящая и летущая, на воды плывущая. Какъ я, рабъ Божій стрѣлецъ, жду по себѣ смерти по всякой день и по всякой часъ,—такъ бы всякій звѣрь и птица на моей стрѣчѣ и охотѣ, со моею стрѣльчею нищалью, ждали бы меня по себѣ. Какъ я, стрѣлецъ, съ тылу своего не вижу очей своихъ, такъ бы всякій звѣрь и птица не обозрѣли и не видѣли бы меня, раба Божія (имярекъ), съ моею стрѣльчей нищалью. И какъ

мертвый не видитъ свѣту Божіа и ничего не слышитъ, рукъ своихъ отъ груди не отводитъ, такъ бы всякій звѣрь и птица не видѣла бы и не слышала бы меня, раба Божія, съ моею стрѣльчею пищалью, и рѣчей бы моихъ, и не махала бы, и не ворошилась на моей стрѣльбѣ, на земли и на воды и на дровѣ сидячая и летучая. Исповѣдаю во вѣки вѣковъ, аминь.

39. Отъ ворона, мѣшающаго охотнику.

Господи, Боже, благослови! Стану я, рабъ Божій (имярекъ), благословясь; пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами; выйду на широкую улицу, съ широкой улицы въ чистое поле, съ чистаго поля въ зеленое лукоморье; пойду на свою милую тропу, на свой заводъ. Стану я, рабъ Божій (имярекъ), становить пѣсточки и силышки на благословенную птицу, которая создана намъ на жертву, на рябѣ и рябушку, копалу и тетеру, косача и косачушку. Проклятая птица, поганый, черный воронъ, полети съ моей тропы, съ моего сгодья, за синее море ко Ироду царю; тамъ Ирѣдъ царь бьется, дерется, кровь проливаетъ. Тутъ тебѣ, черный воронъ, столы разставлены, ѣства сподоблены. На моемъ лѣсѣ, на моей тропѣ, на моемъ заводѣ смоливая спица въ правый глазъ тебѣ! Къ тѣмъ моимъ словамъ небо и земля—ключъ и замокъ. Аминь.

(Оба заговора записалъ А. Харитоновъ въ Шенкур. у.)

40. Слова отъ ворона обережъ.

Господи Боже, благослови Иисусъ Христосъ, Сынъ Божій. Во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь. Отъ востока мгла и до запада мгла, отъ лѣта мгла отъ сивера мгла, полетитъ черной воронъ съ воронихой и ястребъ съ ястребихой, будь ты черной воронъ съ воронихой и ястребъ съ ястребихой слѣпъ и темень безъ ясныхъ очей и безъ станovýchъ костей, не увидится бы тебѣ черному ворону съ воронихой, ни ястребу съ ястребихой, ѣсть въ силъи и въ слопцахъ тетери и пеструхи и польника и польнюхи, куроуту и куроптихи, рябка и рябухи. Еще у меня, раба Божія имярекъ, есть на моемъ на путикѣ и угоды, ходитъ Пречистая Мати Божія Богородица, не даетъ ему ѣсть въ силъи и въ слопцахъ тетери и пеструхи, и полника и полнухи, куроуптиху, рябка и рябуху, и меня, раба Божія имярекъ, ризой укрываетъ и пламеннымъ оружіемъ опалаетъ. Полети ты черный воронъ съ воронихой, и ястребъ съ ястребихой на сине море, отъ меня, раба Божія имярекъ, и отъ моего путика угоды, и тамъ тебѣ проклятому именемъ Господнимъ много у заморскаго

царя свѣжаго мяса и горячей крови, и есть что тебѣ тамъ пить и есть по всякъ день, по утру рано по вечеру поздо, на ветху на молодую и на меженой перекрой; какъ желту пасыку не бывать въ рѣкѣ и въ сиемъ морѣ, и такъ бы не бывать черному ворону съ воронихой, ни ястребу съ ястребихой у меня, раба Божія, и на моемъ путикѣ и угоды, по всякъ день по всякъ часъ, по утру рано и по вечеру поздо, и на ветху и на молодую, въ межахъ на перекрой мѣсяцу, во вѣки, аминь.

Взять земли на своемъ угоды и съ трехъ пискурей въ платокъ и силъи приложить къ песку, говоритъ тѣ слова трижды и тое силъе разоставить, а послѣ того оной песокъ на своемъ угоды положить въ три мѣста при ловащихъ мѣстахъ.

(Отъ г. Хромцова изъ с. Суры, Пинежскаго у.)

41. Чтобы воронъ не ѣлъ попавшихъ въ ловушку животныхъ.

Стану я, рабъ Божій (имярекъ), благословясь, пойду перекрестясь, въ темные лѣса по своему путикю, по своему ухожью. Возарю я, рабъ Божій имярекъ, чернаго ворона и вороницу и слѣпыхъ его родителей; какъ ты черный воронъ и вороница не выдаешь въ июлѣ мѣсяцѣ воды въ рѣкахъ, въ ручьяхъ и въ озерахъ закліаіемъ Ноя праведнаго и жадуешь цѣлой мѣсяцъ, такъ бы ты не видѣлъ у меня, раба Божія имярекъ, на моемъ путикѣ, на моемъ ухожѣ уловныхъ моихъ тетеръ, рябовъ и куроуптей въ моихъ Пастяхъ, моихъ слопцахъ, въ моемъ силъѣ, ни сверхъ, ни съ испода. Полети ты черный воронъ и вороница съ моего путика, съ моего ухожья за синее оіянъ-море, тамо царь Соломонъ сына женить и дочь въ замужъ даетъ, убилъ на свадьбу 300 гусей, 300 лебедей, 300 яловичъ, 300 утей; тамъ тебѣ черный воронъ и съ воронихой много будетъ питенья и яденья; а на моемъ путикѣ, на моемъ угоды нѣтъ тебѣ ничего ни спать, ни съисъ, ни сверхъ, ни съ испода, ни въ день, ни въ ночь, ни на утренней зорѣ, ни вечерней зорѣ, млада и ветха мѣсяца, ни въ полдни и въ перекроѣ и въ меженые дни, ни въ ночные часы, во всѣхъ мѣсяцахъ и во всѣ 24 часа всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. (Трижды читается). Есть у меня раба божія (имярекъ) генеральный стрѣлецъ самъ Иисусъ Христосъ; у Господа нашего Иисуса Христа солнце лукъ, мѣсяцъ стрѣла стрѣляетъ, излучаетъ тебя, чернаго ворона, и вороницу и слѣпыхъ твоихъ родителей и въ ночь и по вяксу

пору. И гдѣ я рабъ божій (имя рекъ) тебя чернаго ворона и вороницу, на своемъ путикѣ и на своемъ угодѣ, увижу, тутъ тебя и подстрѣлю и ухода своего лишу, всегда, нынѣ и присно, во вѣки вѣковъ, аминь.

(Записалъ г. Шабунинъ въ Пинежскомъ у.).

42. Противъ ворона.

Стану я р. Б. им. благословесь, пойду перекрестесь по своему путику и по ворги, какъ черной воропъ и вороница сидѣли въ материномъ яйцѣ въ златины, не слышали звону колокольнаго, пѣнья церковного, такъ бы и у меня р. Б. и. не видѣли бы не ворги, не тесковъ, не силбища, не чухаря, не пеструшки, не полника, не полнушки, не реба, не ребушки, не куропта, не куроптихи на новцу, на ветху, на перекроѣ мѣсецѣ, на утренней зори и на вечерней, среди бѣлаго дни. Горите мои слова вострѣ вострого ножа, вострѣ булатнаго копья; моихъ словъ ключъ замокъ мать сыра земля Аминь, аминь, аминь.

43. Противъ злаго челоуѣка на охотѣ.

Стану я р. Б. и. благословесь и пойду перекрестесь, пойду по матери по сырой земли, небомъ покроюсь, зорею подпояшусь, звѣздами обтыцусь; злой лихой челоуѣкъ не можетъ неба покрыти и зори потушити и звѣздъ сощитати и на меня р. б. и. не зла подумать и лиха помыслить. Злой лихой челоуѣкъ зло подумать, поворотись къ нему на корень, положи между языкъ и щоки желѣзна спица: которое слово забыто на задѣ, будь на передѣ въ лучшемъ мѣстѣ; которое слово прибавлено, то бы къ нимъ пристало; И берите мои слова вострѣй вострого ножа, вострѣя булатнаго копья, вѣкъ по вѣки, Аминь, аминь, аминь.

(Оба изъ рукописной тетрадки, доставленной писаремъ Хромцовымъ изъ с. Суры, Пинежскаго у.).

44. На птичью стрѣльбу.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, Господу Богу помолюся, пойду изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле, на тихія заводи и въ темны лѣса стрѣлять всякія полетучія птицы; какъ я усмотрю, рабъ Божій, на тѣхъ тихихъ заводяхъ полетучихъ птицъ, гуся и лебедя, и жаравлей, и сѣрыхъ утиць, а на лѣсу чухарей, пеструхъ, марьюхъ, косачей, куроптей; какую сѣдячую и полетущую птицу глазъ мой завидитъ, и ухо заслышитъ на земли, и на воды, и на дереву сѣдячую,—и та птица сиди до моего вострѣлу на одномъ мѣстѣ, не соходи и не солетай

прочь изъ цѣли моей и со меня, раба Божія (имя рекъ), и у моей пристрастной пищали и гладкой дробовки. Помолюся я, рабъ Божій (имя рекъ), Михаилу архангелу: «Грозный воевода, Михаилъ архангелъ, архистратигъ Господень, укрѣпи ты сердце и у всякой полетущей птицы, чтобы она меня, стрѣльца, не видѣла и не обозрѣвала. бы меня и съ моей стрѣльчею пищалью и со всѣмъ снарядомъ пищальнымъ, и ясныхъ очей стрѣльцовыхъ не видѣла бы. Какъ мертвый мертвецъ съ мѣста и на мѣсто не переходитъ и на мѣсто съ мѣста не движется, такъ бы всякая птица не убоялася меня раба Божія (имя рекъ) скоропострѣльной пищали; и какъ глазъ мой птицу завидитъ,—и не отходи, не отлетай прочь изъ цѣли моей; и какъ очи мои отъ меня, раба божія, прочь не отходятъ и не отлетаютъ, такъ бы и ты, всякая птица, не отходила и не отлетала отъ меня, раба божія, (имя рекъ) и гласа моего, пищальнаго голку, и нынѣ и присно, во вѣки вѣковъ, аминь». И тѣхъ моихъ словъ не отомкнуть, не отгадать и ни какому челоуѣку, ни вѣдуну, ни вѣдуньи, ни колдуну, ни колдуньи, ни стару, ни младу, ни малу, ни велику. Аминь.

45. Слова утечи.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Какъ есть океанъ море бѣлой камень, на бѣломъ камени самъ Исусъ Христосъ, самъ бѣлъ и рукавицы бѣлыя, и кнутъ бѣлой, загоняетъ и залучаетъ всякую птицу. Стань и не уснй по утренней зори, по вечерней зори, святой Лука залучи и загони, святой Матфей замани и залучи, святой Еремей закрѣпи отъ всякаго зла и лиха челоуѣка, отъ зуба и отъ ногтя и отъ всякаго лиха челоуѣка. Вся крѣпость Святаго Духа, аминь, аминь, аминь.

(Оба заговора взяты изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогор. у.)

46. Слова стрѣлять утиць.

Господи Боже, благослови Отче. Во имя О. и С. и св. Духа, аминь. Святой Отче Симеоне, отверзи отъ меня, отъ раба Б. имя рекъ, всякаго злого лихого челоуѣка, отъ моей стрѣлчей пищали, отъ шурупа казеноваго, отъ гвоздей, отъ рѣшетки, отъ трехъ петель и отъ лжи, и отъ скамейки, отъ доски и отъ шуруповъ малыхъ, отъ прикладу, и тутъ тебѣ сатана и диаволь нѣтъ мѣста, тутъ почиваетъ самъ Исусъ Христосъ и святая Троица и четыре евангелиста: Лука, Марко, Матвѣй, Иоаннъ Богословъ и Никита Христовъ мученикъ, седятъ у замка и у пороха и у всей пищальной снасти у меня р. б. имр.;

отъ тое стрѣлчей пищали бѣгають бѣси и дѣволъ дѣвольскіе ученики, вѣдунъ-вѣдунья, колдунъ колдунья, еретикъ и еретича, волхвъ и волхвица, чернецъ и черница, и дѣвицы и женщины черноглазыя и бѣлоглазыя и карогазыя, и всякимъ волосомъ, отъ моей стрѣлчей пищали; куды я р. б. поиду, создаи меня раба божія крестъ и спереди меня крестъ, со всѣхъ четырехъ сторонъ кресты, куды я р. б. имр. поиду, крещуся небеси и на земли, нынѣ и присно, во вѣки вѣковъ аминь, аминь, аминь. На мори ключъ креста Христова.

(Изображеніе креста).

Кресту Твоему поклоняемся, святое воскресеніе Твое славимъ. Господи, благослови Отче. Во имя О. и С. и св. Духа. Отъ замка, отъ решетки, отъ казны и отъ петель, отъ гвоздей, отъ шенпура, — Симеоне Отче, моли Бога о мене о рабѣ б. — отойди сатана и дѣволъ, отойди отъ меня, отъ дула, отъ шенпура, отъ решетки, отъ решеточныхъ гвоздей, нѣту тебѣ мѣста; тутъ почиваетъ самъ Иисусъ Христосъ и святая Троица и Владычица Госпожа Богородица и четыре евангелиста, Лука, Маркъ, Матвѣй Іоаннъ богословъ, стойте у дула и у пороха и у всей пищальной снасти. Святитель Христовъ мученикъ Никита, за насъ муки претерпѣвый, отгони отъ меня отъ р. б., отъ моей стрѣлчей пищали сатану и дѣвола; бѣгаетъ отъ меня отъ р. б. золь человѣкъ и дѣволъ. Проклиная васъ я р. б. Богу молюся по вся дни и по вся часы, и по всякое время, и на всякую ночь, на молодую и на ветхую и на перекрой, и на ущербіе и на прибыломъ мѣсяцу и на убыломъ, во вѣки вѣкомъ, аминь. Господи благослови Отче, во имя О. и С. и св. Д. аминь. Сохрани Господи моего слова и лихія моя думы, и завидящаго глаза и думы и помышленія моего, а сохрани Господи отца моего и матери, роду и племени, и жепъ и дѣтей, и товарищевъ моихъ стачниковъ и всякого чину священническаго, иноческаго и всякого чину русскихъ людей иноземцевъ и о невѣрныхъ, мужеского полку и женского, сохрани Господи слова и лихіе ихъ крови и завидящаго глаза и думъ и помышлений ихъ, отъ бѣльца отъ бѣлицы, отъ чернца отъ черницы, отъ бѣлого, отъ русого, отъ черного, отъ черемного, отъ холостаго, отъ женатаго, отъ двоеженатаго, отъ троєженатаго, отъ двоезуба, отъ троєзуба, отъ сутула и на переди покляпого, отъ горбатаго. Стану я р. б. п. благословесь, поиду перекрестяся гуляти со своею пищалию скорострѣльною на тихіе плеса, заводи утишныя, какъ усмотрю я р. б. и гуси и лебеди и сѣрья утицы и жаравы и всякую птицу крылатую

и пернатую, сиди моя птица всякая крылатая и пернатая до моего пострѣду на одномъ мѣстѣ, какъ камень, алатырь лежитъ на одномъ мѣстѣ, не слышитъ, не видитъ, ни стуку, ни грому, ни пищального звуку не боится, такъ бы ты не боялась всякая птица пернатая и крылатая, высоко не отлѣтывалабъ отъ меня р. б. и., всякая птица пернатая и крылатая, по воздуху и по земли на ногахъ не отходила, и по водѣ не отплывала отъ меня р. б. отъ моей пищальной цѣли; какъ очи мои прочь отъ мѣня не отходятъ не отлетаютъ, такъ бы той птицѣ пернатой и крылатой, которую глазомъ увидѣть на земли ходячую и сидячую, и на водѣ плавающую и на всякомъ древи сидячи, которую глазомъ увидятъ, ухо мое услышитъ, и той бы моей птицы до моего велѣнія прочь не отлетывать, во вѣки вѣкомъ, аминь, аминь.

Взять на отпѣваніи у мертваго человѣка воску вмѣсто и наговаривать: Какъ тотъ мертвой умертвился до второго страшнаго пришествія Христова не вставати, очима свѣту не обезрѣвати, ногами по земли не хаживати, и рукъ отъ сердца не отымивати, такъ бы той моей птицѣ пернатой и крылатой, которую глазъ мой увидитъ ухо услышитъ, которую я р. б. вокругъ обѣжу на земли и на деревьяхъ сидячу, и той бы моей птицѣ изъ моего круга не вылетать, очима свѣту не видать, а крыльямъ по воздуху не махиваться, и ногами по земли не хаживать и отъ моей пищальной цѣли, во вѣки вѣковъ, аминь.

Крестъ Господень прогоня своей силой гонитъ силу дѣволу, прогоняетъ въ бездну, во дно адово, у того стиха ключъ съ неба сойдетъ, тогда меня р. б. стоять и мою стрѣлчую пищальну и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

Богородица Дѣво радуйся.

(Составлено г. Хрущовымъ).

47. Молитва прикосная на звѣря.

Стану я рабъ божіи Н. благословясь, поиду перекрестясь, изъ избы въ дверь, изъ дверей во дворъ, изъ двора въ ворота, подъ восточную сторону. Тутъ самъ Иисусъ Христосъ и Пречистая Мати Божія Богородица. Научи же меня, Господи, ловить и промыслять разныхъ звѣрей: кривоногихъ, черноухихъ, красныхъ, черныхъ лисицъ и бурнастыхъ, каждыя ловецкихъ звѣрей. Посылаетъ меня самъ Иисусъ Христосъ къ Егорію храброму чудотворцу: онъ тебя научитъ ловить и промыслять звѣрей кривоногихъ, черноушихъ, черныхъ, красныхъ и бурнастыхъ лисицъ. Я пришелъ къ Егорію храброму

чудотворцу; онъ сидитъ выше тридевяти апостоловъ: Научи же меня ловить и промышлять звѣрей кривоногихъ, черноушихъ, красныхъ, черныхъ и бурнастыхъ лисицъ, каждаго ловецкихъ звѣрей. По Христову велѣнію, не ослушайтесь меня р. б. Н. Егорій храбрый чудотворецъ беретъ отъ меня р. б. Н. веревки, капканы, тугіе луки и самострѣлы лонскаго году, снимаетъ и вновь становитъ, и самъ святымъ духомъ наказываетъ и наговариваетъ: Ой, еси звѣри лисицы, подьте, побѣжите отъ тридевяти дощцовъ, отъ тридевяти промышленниковъ къ рабу б. Н. по своимъ полевымъ тропамъ, продольнымъ и поперечнымъ, изъ подъ вычепу не видѣть ни пружинья, ни капканья, ни подхода моего, впередъ безъ ускуку, назадъ безъ усмотру, ушкоомъ не кивните, глазомъ не мигните, на сторону не скочите, назадъ не воротитесь, души ваши сквозь ловушки, а туши ваши въ ловушку; ой, еси звѣри кривоноги, черноухи, черны, красны лисицы и бурнасты; ой, еси ловецкіе звѣри лисицы, если не побѣжите сквозь петли и капканы сквозь тугіе луки и самострѣлы, Господь нашлетъ съ небесъ огненное пламя и васъ лисицъ сожжетъ и спалитъ, не будетъ вамъ уходу, ни въ гору, ни въ воду, ни въ каменны пещеры; вѣкъ по вѣку, до скончанія вѣка. Будьте мои наговорныя слова имки, яри на новчю и на перекрой мѣсяцу. Тѣмъ моимъ наговорнымъ словахъ ключъ и замокъ, ключъ щука, а щука въ море отъ лихихъ людей, отъ завидящихъ, отъ своей думы, во вѣки вѣковъ, аминь. Богъ моя надежда.

Какъ идуть съ ловли:

Какъ на мой булатной ножъ никто не можетъ думой подуматъ, мыслей помыслить, рѣчи выговорить, также на меня раба б. Н. на всѣ мои капканы и ружья дробовки и винтовки. Иду я р. б. Н. съ промысломъ звѣринымъ и птичьимъ за огнемъ забытомъ; ежели завидитъ человекъ черной, черемной, частозубой, рѣдкозубой, женка бѣлоголовка, дѣвка простоволоска, попъ, попадья, дьяконъ, дьяконица, дьячекъ, дьячица, пономарь, пономарица, чернецъ, черница, отъ своей думы, отъ своей молвы и помолвы, отъ товарищевой думы, отъ своей семьи, отъ товарищевой семьи, черъ моей думы, черъ *) моей рѣчи, черъ моей крови отъ колдуна, отъ колдуньи, отъ говедуна, **) отъ говедуни, отъ всякаго злаго человека и всякую злую завидищю кровь, злему лихому соли въ глазъ, смолы въ глазъ, дверсты ***) въ глазъ,

*) Черъ—чуръ.

**) Говедунъ—волшебникъ.

***) Дверста—камень толченый, дресва.

всегда, нынѣ и приспо и во вѣки вѣковъ, аминь. Тѣмъ моимъ словамъ небо—ключъ, земля—замокъ.

Говорить три раза на ножъ, или на сукъ дерева, или на комъ снѣга. Сей грамоты не показывать никому и не сказывать.

(Доставлена въ г. Холмогорахъ, Холмогорскимъ мѣщаниномъ Палеховымъ.)

48. Охотничьи заклинанья.

Господи, Боже, благослови! Стану я, рабъ божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ дверей воротами, въ чистое поле за воротами, изъ чистаго поля во темный лѣсъ. Въ темномъ лѣсу стоитъ кипарисъ-дерево; подъ тѣмъ кипарисомъ сидитъ сама Мать Пресвятая Богородица. Держитъ она во своей десной рукѣ три пруга: пруть желѣзный, пруть мѣдный, пруть серебряный. Ударю я первымъ прутомъ по сырмъ лѣсамъ, ударю я другимъ прутомъ по мхамъ, по болотамъ: сырые лѣса сшатаются, мхи-болота сколебятся; разбѣжата бѣлые звѣри горностая на всѣ на четыре стороны: побѣгите вы, кривоноги, чернохвосты! Ударю я третьимъ прутомъ бѣлаго мужа жубрила. Ай, ты, бѣлъ мужъ жубрило, самъ ты бѣлъ и конь подъ тобой бѣлъ; заѣзжай и залучай со всѣхъ четырехъ сторонъ, со стока и запада, и съ лѣта и сивера: идите со всѣхъ четырехъ сторонъ, бѣлые звѣри горностали; какъ идетъ солнце и мѣсяцъ и частыя мелкія звѣзды и вся луна поднебесная идетъ неотпятно, такъ идите на мой заводъ, на мои стодья, къ моимъ плашкамъ, бѣлые звѣри горностали, а минуйте, проходите мои силыа пасти; они не по васъ излажены. Кушайте по плашкамъ мои ѣствы: тѣ мои ѣствы лучше и слаще матерняго молока. Къ этому моему слову ключъ и замокъ отношу я къ окіанъ-мору. Есть на окіанъ-морѣ островъ великъ, къ берегу лежитъ бѣлъ-камень Алатырь; подъ камнемъ стоитъ живая щука, пожретъ тотъ мой ключъ и замокъ. Кто кругомъ окіанъ-моря обойдетъ, кто около окіанъ-моря песокъ вызолдетъ, кто изъ окіанъ моря воду выпьетъ, кто ту живую щуку добудетъ, ключъ и замокъ мой достанетъ, — тотъ мой промыслъ попортить.

(Записалъ А. Харитоновъ въ Шенк. у.)

49. Слова горносталие.

Стану я р. б. и. благословясь, пойду перекрестясь на добрыя дѣла, на промыслъ ловити бѣлыхъ звѣрей, горносталевъ чернохвостыхъ, помолюся Самому Иусу Христу Небесному Царю. Самъ Иусъ Христосъ Небес-

ный Царь меня р. б. и. не ослышается, посылаетъ св. Николу на пособъ и на помощь ловить бѣлыхъ звѣрей горносталя чернохвостыхъ, хитрыхъ и мудрыхъ слугъ посылаетъ ко мнѣ р. б. и., приходитъ ко святому Николы, моитъ свои бѣлыя руки, утираетъ своимъ бѣлымъ полотенцомъ, садится на золотый стулъ, рушаетъ и редитъ сахарныя ѣствы на бѣлаго звѣря, горносталя чернохвостаго на престолѣ: ѣште бѣлые звѣри горносталя чернохвостые, ѣште наживки, рябка и пеструшку и мышку, буде вы бѣлые звѣри горносталя чернохвостые, не станите ѣсть наживки, наложить той Никола на тебя бѣлаго звѣря горносталя чернохвоста тоску и сухоту, и велику тяготу, не можно тебѣ бѣлому звѣрю горносталяю не жити, не быти; отмываетъ святой Никола земную широту, небесную вышину и распускаетъ бѣлыхъ звѣрей горносталя чернохвостыхъ. Какъ идутъ и текутъ въ синее море быстрыя рѣки со всѣхъ четырехъ сторонъ, такъ же вы бѣлые звѣри горносталя чернохвостые безъ отпату и безъ отвороту на мое угодые къ моимъ плашкамъ, ѣште вы бѣлые звѣри и горносталя, ѣште въ моихъ плашкахъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, буде не станете въ моихъ плашкахъ наживки съ концовъ и съ боковъ и со всѣхъ четырехъ сторонъ, наложить святой Никола тоску и сухоту и велику тяготу, не можно тебѣ бѣлому звѣрю горносталяю чернохвостому безъ моихъ плашекъ и безъ моихъ наживокъ не пяти и не исти, знаю не знаю, помню и не помню, исполни Господи слова сія.

Придешь къ первой плашки, проговори: идетъ святой Никола, святой Георгій, бѣлому звѣрю горносталяю чернохвостому чуръ васъ бьетъ отъ земли и до неба, и до небесной высоты, кто злой, лихой человекъ, завидливой подумаетъ—мысль помыслить, порчами портить, уроками урочить, травами и словами, и кореньемъ и которыми злыми и лихими дѣлами, тотъ же лихой человекъ коломъ обидя, сычцу отпелсе, кровію отбѣлисе и будь у меня р. б. и. отъ моего лову и промыслу, отъ моихъ бѣлыхъ звѣрей горносталя чернохвостыхъ, и знаю и не знаю, помню и не помню, исполни Господи мои слова всѣ сполна.

Вымать горносталя изъ плахъ, приговоръ:

Приведи бѣлой звѣрь горносталя чернохвостый отца и мать, жену свою и дѣтей своихъ, и весь родъ родъ свой ко мнѣ р. б. и. ко всякой плашкѣ, ко всякому мѣсту, подо всякой елью больше стараго, Господи Христосъ, сколько мнѣ надобно р. б. и.

Сей вышеписанной приговоръ изъ плашекъ вымать

горносталя, какъ оной попалъ лежитъ отъ плашки, такъ его сквозь плаху принимать и назадъ оттягивая вышеписанные приговоры наговаривай въ медъ, а медъ бери у церкви о трехъ праздникахъ: о Благовѣщеніи Пресвятыя Богородицы и недѣлю о Пасхи и Троицынъ день, по толикому числу храни въ удобномъ мѣстѣ, наживы мажь чеснокомъ, мажь противъ наживы верхнюю половину весма, и бѣлка идетъ, какъ перваго горносталя упробылишь, то изъ него сердце и печень вынь совѣмъ и высуши въ чистой тряпки, вси слова наговори съ нею, и съ собой носи какъ промыляешь.

(Изъ старин. рукопис. сборника, присланнаго изъ с. Ваймуги).

50. Заговоръ о ловлѣ горносталя.

Сталъ я, рабъ божій (имярекъ), благословесь, пойду перекрестесь, изъ избы дверми, изъ двора воротами въ чистое поле, за дворами, въ зеленые луга, въ темные лѣса на свой добрый промыселъ, ставить свои ловушки и поставушки свои пасти, деревянныя сосновыя плашки на бѣлыхъ звѣрей горносталя черноглазыхъ, широкоухихъ, коротконогихъ, чернохвостыхъ, умывшись водою съ матушки рѣки Пѣжмы. Какъ матушка Пѣжма рѣка срываетъ и смываетъ красно крутые бережка и мелкосыпучіе пески, такъ бы срывало и смывало съ меня раба божія (имярекъ) и съ моихъ ловушекъ и поставушекъ сосновыхъ, и въ моихъ мышныхъ и мясныхъ и рыбныхъ наживокъ и насторожекъ; и какъ матушка Пѣжма рѣка утекаетъ и убѣгаетъ въ океанъ—синее море, взадъ не ворочается, такъ бы и ко мнѣ раба божію (имярекъ) и къ моимъ ловушкамъ и поставушкамъ, сосновымъ плашкамъ и къ моимъ наживкамъ и насторожкамъ, мышнымъ и мяснымъ и рыбнымъ, бѣлымъ горносталямъ черноглазымъ, широкоухимъ, коротконогимъ, чернохвостымъ взадъ неворочаться. Какъ матушка Пѣжма рѣка скоро течетъ и бѣжитъ быстрыми струями въ океанъ синее море, такъ скоро теките и бѣгите бѣлые горносталя черноглазые, широкоухіе, коротконогіе, чернохвостые со всѣхъ три-деяти рѣкъ, со всѣхъ три-деяти озеръ и со всѣхъ четырехъ сторонъ въ мои ловушки, поставушки, сосновыя плашки и къ моимъ столамъ поставленнымъ и ѣствамъ наложеннымъ, пейте и попивайте, ѣште и поѣдайте пиши медовыя сладкія и прѣсны, ѣствы сахарныя, черную, сѣрую, бѣлую, красную и полосатую мышъ и заячье, и птичье мясо и водяную рыбу безъ-отступно и безъ-отворотно, а назадъ не возвращайтесь, попускайте на свои буйныя

головы и на свои ретивыя сердца, по утру рано и вечеру поздно, днемъ и ночью, по вся дни и по вся часы, во всякое время, вѣдъ по вѣку, отъ нынѣ и до вѣку. Будьте мои слова хитры, мудры, дѣйствительны. Коль елико мечъ, сабля и ножъ булатный и коса преостра, мои слова сильныя меча, сабли и ножа булатна и косы преострой.

Будьте мои слова крѣпки и горносталямы лѣпки, какъ сосновая смола и еловая сѣра, моимъ словамъ ключъ и замокъ рѣва да песокъ.

(Доставилъ свящ. Карелинъ изъ с. Ровдина, Шенкур. у.)

51. Слова ловить векошъ.

Благослови Господи, Господь Иисусъ Христоръ, Сынъ Божій, во имя Отца и Сына и святаго Духа и во вѣки вѣковъ аминь. Стану я р. б. благословесь, поиду перекрестесь Христу на восточную сторону, на Божій свѣтъ осмотрю я р. б. на ясномъ небѣ первую звѣзду, противъ того осмотру на сырой земли порченика уросника или злаго призорника, злого завидящаго словесника или травеника или на меня р. б. или на товарища моего, или на мою собаку, или на мою всю лѣсну снасть, или на мой весь лѣсной промыселъ кто думать зломыслить, я р. б. возьму..... лукъ, накладываю мѣдну тетиву, емлю я р. б. и. костяну стрѣлу, пострѣлю я р. б. и. костяну стрѣлу, пострѣлю я р. б. на ясномъ небѣ первую звѣзду, противъ того пострѣлю на сырой земли порченика или призорника, злого завидника, словесника, травеника, или кто на меня р. б. и. или на товарища моего или на всю лѣсную снасть, или на мой весь лѣсной промыселъ лихо думаетъ, зло мыслить приговариваю я р. б. и. къ той костяной стрѣлѣ: полети ты костяная стрѣла въ чистое поле, въ темный лѣсъ, въ сырой боръ, въ сухое дерево лонгу, въ скрыпучее дерево, рошоби на мелкіе жеребки, и вышла та костяна стрѣла изъ сухіе лонги изъ скрыпучаго дерева. Еще я р. б. приговариваю къ той костяной стрѣлѣ: полети ты костяная стрѣла къ старому хозяину къ колдуну, къ вѣдуну и къ порченику, и къ урочнику или призорнику, злому завиднику словеснику или къ травенику ли, кто на меня р. б. и. и на товарища моего и на всю лѣсную снасть и на весь мой лѣсной промыселъ лихо думать, зло мыслить, и пади ты костяна стрѣла къ старому хозяину колдуну или къ вѣдуну, къ порченику къ урочнику, или къ призорнику злому завиднику, словеснику ли къ травенику въ сердце и печень и бѣлы груди, расколи ретивое сердце въ стѣновыя жилы и въ сердечныя и въ ручныя и въ нож-

ныя и въ подпятки и во всю его лѣсную снасть, въ оружіе и въ порохъ и въ свинцову пулю, собаку и въ товарища его, и какъ той сухой лонги скрыпучему дереву не отростать и не оживать, въ сырошъ бору не стоять, и такъ бы порченику, урочнику, призорнику, или злому завиднику словеснику, или травенику въ лѣсу не быть, промышленникомъ не бывать, съ оружіемъ не хаживать, не было бы ему приспоры ни въ хлѣбѣ ни въ соли, ни въ скотѣ ни въ животѣ, ни въ домашнемъ числѣ и въ лѣсномъ промыслу. Которыя слова въ оборотѣ и не въ договорѣ, будьте мнѣ р. б. въ помощь, а о помощь и впередъ поступайте; будь моя молитва во вѣки вѣковъ аминь.

52. На бѣлицью ловлю.

Господи Боже благослови, Отче. Во имя О. и С. и св. Д. аминь. Какъ родился сей рабъ младенецъ, не знаетъ себѣ ни имени ни вотчины, ни отца ни матери, ни роду ни племени, и не страсти и не боязни, не имѣетъ въ себѣ не ума и не разума, и на ногахъ скорого и тихаго хожденія, ставанія, скаканія и не пути и не дороги, не днины не ночи, и тако же бы меня раба б. не огне-наго моего оружія и свинцовой пули, ни пороху, не моей промышленной собаки бѣлые звѣри бѣлки и всякія поголовныя птицы не знали бы, и не имѣлъ бы о себѣ ни ума и не разума, въ ногахъ скаканія, въ крылахъ маханія и не страсти и не боязни, въ день подъ краснымъ солнцемъ въ ночь и подъ младымъ свѣтлымъ мѣсяцомъ, и находи на ихъ неумъ великой на древахъ, и будьте вы мои слова пушкой бѣлой звѣрю и бѣлой голубой бѣлкѣ и всякой поголовной птицы, будте крѣпки лепче клею, крѣпче синяго булату Святымъ Духомъ Божиимъ изволеніемъ Господнимъ благословеніемъ, всегда и нынѣ и приспо во вѣки вѣкомъ, аминь; и не пути и не дороги и не дни не ночи, всегда бы были тихи кротки и смиренны, какъ малой младенецъ передъ матерію смиренъ, такобъ передомною р. б. бѣлые звѣри и всякія поголовныя птицы кротки и смиренны.

(Извлечены изъ старинной рукописи, доставленной изъ Пинеж. у. кр. Хромцовымъ).

53. Отпускъ лисецъ ловить.

Молитва 1-я. Господи Боже благослови, есть трава во лузѣхъ Господаре, кто на миня р. б. и. то ¹⁾ по-думаетъ на мою лыжницу и на мой волокъ и на мой сахарной кусокъ ²⁾ и на моихъ лисокъ и лисавокъ и

¹⁾ Вар. тошъ.

²⁾ Сахарное кусе.

на мои ловецкія промыслы, и лиха бы на меня на р. б. и. не думали, а хто что подумаетъ и то ³⁾ ему кругъ ⁴⁾ головы да въ пазуху.

Молитва 2-я. Господи Боже благослови во имя О. и С. и св. Д. Свята Троица живоначальная и Георгій Стратотерпецъ Христовъ, покрываюся я р. б. и., оболочаюся ⁵⁾, подпоясываюся со оружіемъ, покрываюся еси я р. б. и. отъ всякихъ людей и супостатовъ, противъ меня солнице, надъ главою моею мѣсяцъ, звѣзда моя въ нееси, связалъ: вы есте на семь свѣтъ вольномъ семдесятъ князей силныхъ, также есте свежити, нашихъ лихихъ людей и супостатовъ колдуновъ и колдуньей, вѣшниковъ и вѣщицъ, порчениковъ и порченицъ, стрижныхъ и пострижныхъ ⁶⁾, черныхъ и черемныхъ и сивыхъ и русыхъ, самоѣдиновъ и самоѣдокъ, старцовъ и старицъ, поповъ и попадей, дьячковъ и дьячицъ, пономарей и пономарицъ, кузнецовъ и кузнечицъ ⁷⁾ посликовъ и лясниковъ ⁸⁾ и застниковъ и рыбниковъ, мужей и женъ ⁹⁾ и михоношъ своихъ и потъ ¹⁰⁾ свою думу и старыхъ и молодыхъ людей и лихаго челоуѣка отъ меня р. б. и. и отъ моей лыжницы и отъ моего волока и отъ моего сахарнаго кусья, за верховище ударьте его въ сырую землю, шибите его въ сильное гнѣздо, чтобы онъ лихой челоуѣкъ лежалъ 12 дней безъ ума и безъ памяти, свѣта бы божія не видалъ и рукъ бы своихъ не обозрилъ по всякой день; и тѣхъ моихъ молитвъ и словъ ни водою ни рососою не залить и дождямъ не смочить, аминь моимъ словамъ и молитвамъ ключъ и замокъ и вся крѣпость Святаго Духа, и нынѣ и присно и вѣки вѣковъ, аминь.

По утру оболочатца и говорятъ молитва 3-я:

Господи Боже благослови я р. б. и. оболочаюся солницею и свѣтлымъ ¹¹⁾ мѣсяцемъ, покрываюся оболочкомъ отъ земли и до небеси, около меня р. б. и. градъ Вифліемъ, а въ томъ градѣ породила Пресвятая Богородица Сына своего Господа нашего Исуса Христа, — ангелы и архангелы и всѣ лики святыхъ и св. Дмитрей Селунскій и св. Георгій храбрый, и тѣ мина оберегутъ и огородятъ своими скипетры, не дадутъ на мина р. б. и. и на мои промыслы и на мои ставушки и ловушки и на моихъ лисокъ и лисаковъ ¹²⁾ всякіе ловецкіе про-

мыслы иноплеменникомъ лихимъ людямъ лихими отговорами ¹³⁾ лихими призорами двигнути служебника своего меня р. б. и. на царя Александра Македонскаго, ни стару, ни молоду, ни черну, ни черемну, ни бѣлу, ни русу, ни смуглу, ни сѣдуну, въ годахъ, ни колдунамъ, ни еретикамъ, всѣ тѣ предо мною какъ птицы предъ соколомъ. Дажь совершеніемъ ¹⁴⁾ вѣки аминь. Завижу перейму мудрецамъ и черемисамъ ¹⁵⁾ татарамъ, еще я вамъ порченикамъ и порченицамъ, колдунамъ и колдуньямъ, вѣдуну и вѣдуню переспѣшнихъ и переспѣшницъ ¹⁶⁾ галилейцы ¹⁷⁾, одноженцы и двоеженцы и троюженцы, однозубы и двоезубы и троюзубы, одноглазы и двоеглазыя ¹⁸⁾, черныя и черемныя, русыя и смуглыя и желтыя не мощно ¹⁹⁾, вамъ мепя р. б. и. не уркнуть не испортить, но и метель не можетъ высоко летѣть не тяжело пасти, како ли ²⁰⁾ изъ роженицы дитя темянемъ выйдеть, тогда меня р. б. и. уркнуть и испортятъ и изурочатъ; какъ отъ роженицы дитя темянемъ родиться не можетъ, такъ не можно порчамъ прямо летать на мина р. б. и. отъ нашихъ супостатовъ и отъ лихихъ людей на мои ловецкіе промыслы ²¹⁾ по всякой день и по всякой часъ во младѣ мѣсяцѣ и въ ветху и на перекроѣ, и тѣхъ моихъ молитвъ и словъ водою и рососою не залить и дождемъ не смочить, аминь моимъ молитвамъ ключъ и замокъ и вся крѣпость св. Духа аминь.

Молитва 4-я. Господи Боже благослови. Во имя Отца и Сына и св. Духа. Стану я, рабъ божій имярекъ, благословясь, пойду въ чистое поле, въ темныя лѣса своихъ смотрѣть лоушекъ и ставушекъ; и встрѣчу я, рабъ божій имярекъ, св. Георгія Храбраго, ѣдетъ св. Георгій храбрый на своемъ сивосивомъ конѣ, плетной постигиваетъ, копіемъ погоняетъ черныя лисицы и лисавки, красныя лисицы и лисавки, бурнасты лисицы и лисавки, рыси и росомаки, волки и волчицы, бей болно и гони безпамятно и безотпратно и безотворотно и ²²⁾ моимъ ставушкамъ и лоушкамъ, по моей лыжницы по моему сахарному кусью во ²³⁾ всѣ четыре стороны по

3) Инобы.

4) Виругъ.

5) Оболокомъ.

6) Стриженныхъ и постриженныхъ.

7) Кузнечицъ.

8) Польниковъ и лясниковъ.

9) Проп. веселыхъ.

10) Подъ.

11) И свѣтомъ.

12) Лисавокъ.

13) Огородами.

14) Съ утвержденіемъ.

15) Черемисамъ.

16) Перешнихъ переспѣшницъ.

17) Галилеицы.

18) Проп. и троюглазыи.

19) Не можно.

20) Когда ли.

21) На мой ловчей промыселъ

22) и въ.

23) Со.

всякой день и по всякой часть тѣмъ моимъ словамъ замокъ святымъ духомъ, аминь.

Молитва 5-я. Господи, Боже, благослови. Стану я, рабъ божій имярекъ, благословясь, пойду перекрестясь въ чистое поле въ зеленую дубраву, смотреть на мнѣ потаенники и помышленники и забаенники, не смотрите вы на меня, раба божія имярекъ, на мои довецкіе промыслы всякіе, и какъ вамъ потаенникамъ и помышленникамъ и забаенникамъ и заугорникамъ ²⁴⁾ чревъ своихъ не видать и руды своей не пивать, такъ бы меня, раба божія имярекъ, и моего промыслу не уркнуть и не испортить и не изурочить порченникамъ и колдунамъ и вѣдунамъ, стрижному и постижному ²⁵⁾, сутулому и горбатуму, изъ лѣсу приходящему и съ поля видящему, на лѣсу лежащаго, сидяча и стоящаго ²⁶⁾, закрой и защити Господи, отъ всякаго человѣка и супостата и отъ всякія лихія горячія крови по всякой день и по всякой часть, а того моего огорода и тое моеи молитвы, ни водою ни росою не залить, и дождемъ не смочить, аминь моимъ молитвамъ, ключъ и замокъ и вся крѣпость св. Духа. аминь.

Молитва 6-я. Господи, Боже, благослови. Стану я, рабъ божій имярекъ, благословясь, пойду перекрестясь, выйду въ чистое поле, умоюсь водою и росою, утруси тканымъ преденомъ ²⁷⁾, и встану я, рабъ божій имярекъ, въ чистомъ полѣ между небомъ и землею, обтыкаюсь ²⁸⁾ частыми звѣздами, подпояшусь бѣлымъ свѣтомъ, замкнуся младымъ мѣсяцемъ, помолюся ²⁹⁾ Пречистой сущей Богородицы: Пресвятая сущая Богородица закрой и защити меня, раба божія имярекъ, ты своей ризой желѣзной и нетлѣнной, отъ колдуна отъ вѣдуна и отъ вѣдуновъ, отъ вѣшника и отъ вѣшницъ, отъ порченника и отъ порчениковъ ³⁰⁾, отъ стрижнаго и отъ постижнаго ³¹⁾, отъ дохтура и отъ дохтурицы, отъ чернаго и отъ черемнаго, отъ сиваго и отъ русаго, отъ бѣлаго, отъ бояръ и отъ гостей, отъ нѣмецъ и отъ татаръ, отъ самоѣдиновъ и отъ самоѣдокъ, отъ отрока и отъ отроковицы, отъ старцовъ и отъ старицъ, отъ

²⁴⁾ Забаешники и заугольники.

²⁵⁾ Стриженному и постиженному.

²⁶⁾ Лежача и сидяча и стоячаго.

²⁷⁾ Тканымъ преденомъ.

²⁸⁾ Отмычусь.

²⁹⁾ И поклонюся.

³⁰⁾ Отъ порченницъ.

³¹⁾ Отъ стриженнаго и постиженнаго.

веселаго и отъ михоноши ³²⁾, и отъ своего поту, и отъ своей думы, отъ старыхъ и молодыхъ людей, и отъ всякія лихія горячія крови, и отче, я тебѣ помолюсь, и отче, я тебѣ поклонюсь. Пресвятая сушая Богородица помолися же ты о мнѣ, рабѣ божьемъ имярекъ, Исусу Христу Небесному Царю, о моемъ промыслѣ. Исусъ Христосъ небесный Царь сотворивый небо и землю, и всѣ святители, святые Христовы, и сотворилъ Христосъ святаго Илію милостиваго, и св. Георгія Храбраго, и святаго бога Козму-Демьяна, я тебѣ св. Илія милостивому помолюся и поклонюся о себѣ, рабѣ божіимъ имярекъ, и о моемъ промыслѣ, и какъ ты, св. Илія милостивый, на своемъ савосивомъ конѣ ѣздишь во всѣ четыре стороны, по крутымъ краснымъ горамъ по желтымъ пескамъ; и какъ ты св. Илія милостивый своимъ святымъ духомъ одымаешь и очищаешь бѣлъ снѣгъ съ крутыхъ горъ, съ желтыхъ песковъ и берега омываешь, очисти же ты съ мнѣ, раба божія имярекъ, и съ моего угодія ³³⁾, и съ моихъ ставушекъ и ловушекъ всякихъ, всякую порчу и всякую притчу, и кое прежде сего бывало; и какъ ты св. Илія милостивый украсилъ ³⁴⁾ тридевятъ храмовъ, тридевятъ церквей — своихъ святыхъ божіихъ благодатію Божіею, такожде ты меня украси, раба божія имярекъ, въ чистомъ полѣ въ зеленомъ лузѣ ³⁵⁾, своимъ святымъ духомъ благодатію божіею въ моемъ ухожѣ, въ моихъ ставушкахъ и ловушкахъ, и какъ ты св. Илія милостивый, очищаешь тридевятъ храмовъ и тридевятъ церквей своимъ духомъ и какъ ты Илія милостивый убиваешь сатану и діаволовъ изъ своего огненнаго оружія, такъ же ты св. Илія милостивый — убей ³⁶⁾ же моихъ порчениковъ и порченицъ, колдуновъ и колдуній, вѣдуновъ и вѣдуницъ, стрижнаго и постижнаго, дохтура и дохтурицъ, чернаго и черемнаго и русаго, князя и боярина, гостя и нѣмецъ, и татаръ, и самоединовъ ³⁷⁾ и всякую лихую горячую кровь; и какъ ты Илія милостивый замыкаешь тридевятъ храмовъ и тридевятъ церквей божіихъ въ тридевятъ замковъ и въ тридевятъ ключей, отъ сатаны и отъ діаволовъ, такожде св. Илія милостивый замкни меня, раба божія имярекъ, ставушки и ловушки, въ тридевятъ замковъ и тридевятъ ключевъ моихъ

³²⁾ Лихошой.

³³⁾ Ухожья.

³⁴⁾ Упросилъ.

³⁵⁾ Лузѣ.

³⁶⁾ Убивай.

³⁷⁾ Самоѣдцовъ.

въ желѣзной тынѣ ³⁸⁾, отъ колдуновъ и отъ колдунницъ, отъ вѣдуновъ и отъ вѣдунокъ и отъ вѣдуницъ, и отъ всякаго злаго лихаго человѣка, крещенаго и некрещенаго, и кой колдунъ и колдунья, вѣдунъ и вѣдунья, и меня портить, кой сидитъ на печѣ и на воронцѣ и на голбечѣ, и на полатахъ на кутникѣ ³⁹⁾, на полу и на лавицы, на коникѣ и на шескѣ, на край поле на срединѣ, на почѣ ⁴⁰⁾ и на мосту, на дворѣ и на улицѣ и вытти гледеть ⁴¹⁾ и того убей, и будьте вы мои слова острѣе меча и саблѣи и всякаго оружія же желѣзнаго, и булату бритчае, и то моимъ словамъ ключъ и замокъ, и вся крѣпость святаго духа, аминь.

Молитва 7-я говорить надъ звѣремъ надъ посомъ ⁴²⁾.

Господи Боже благослови, посылай Христочъ сороковъ на тысячу атаману съ товарищи, аминь, аминь, аминь.

Да у перваго звѣря переломить нога передняя правая, а задняя лѣвая, а сердце вынуть, да краски взять на платокъ, да подкуритиа когда левъ потравитца.

Молитва 8-я: Господи Боже, Иисусе Христе, нашъ Вседержитель прообразилъ еси Мойсеовоу палицею честнаго и животворящаго креста образъ Господа нашего Иисуса Христа, его же далъ еси на соблюденіе душамъ и тѣлесамъ нашимъ на отгнаніе всякаго врага видимаго и невидимаго; Твоею, Господа, силою буду соблюденъ всегда я р. б. и. отъ всякаго злаго челдѣвѣка и отъ всякія пакости денныя и ношныя, и укрѣпи мя безъ пакости и безъ мятежа, сохрани мя недвижима ⁴³⁾ соблюди и спаси раба своего, яко благословися и прославися пречестное и великолѣпное имя Твое Отца и С. и св. Духа нынѣ и присно, и в. в. аминь.

Молитва 9-я говорить на поросу ⁴⁴⁾ послѣ 3-й молитвы:

Господи Боже благослови, помолюся и поклонюся я р. б. им. Иисусу Христу, есть чистое поле и есть въ чистомъ полѣ море акіянъ, среди святаго моря акіяна есть святой златой шоломъ ⁴⁵⁾ и есть стоять ⁴⁶⁾ златъ дубъ, кореніе златое и всяко ⁴⁷⁾ злато и весь дубъ златъ; подъ златымъ дубомъ есть тридевятъ братовъ, у тридевати

братовъ тридевятъ луковъ, у всякаго по три девять стрѣлъ, и помолюся и поклонюся я р. б. и. св. Георгію страсотерпицу и три девяти братомъ, пондите вы тридевятъ братовъ во всѣ четыре стороны, и святаго моря акіяна и святаго злата шолома, и во всѣ четыре стороны, въ восточную, въ полуденную, въ западную и въ ношную; заставляйте же вы и залучайте же вы всякіе ловчіе ⁴⁸⁾ звѣри, красныя лисицы и лисавки бурластыя, лисицы и лисавки, черныя лисицы и лисавки, рыси и росомаки, волки и волчицы, и всякіе ловецкіе звѣри заставляйте же вы и залучайте же вы; св. Георгію страсотерпець гони ко мнѣ, пристеливайте ко мнѣ къ р. б. и. къ моимъ ставушкамъ и ловушкамъ ко всякимъ изъ тридевати луковъ по тридевати стрѣлъ, отстрѣливай ⁴⁹⁾ же вы отъ тридевати ставшиковъ ⁵⁰⁾, отъ тридевати ловушниковъ, отъ тридевати колдуновъ, отъ тридевати вѣдуновъ; и св. Георгію страсотерпець гони ко мнѣ р. б. и. со всѣхъ четырехъ страшъ красныя лисицы и лисавки, черныя лисицы и лисавки, бурластыя лисицы и лисавки, рыси и росомаки, волки и волчицы ко мнѣ къ р. б. и. по всякой день и по всякую ночь и по всякой часъ, по утру рано и повечеру поздо, и какъ идуть сколь скоро и борзо большія рѣки и малыя рѣчки, ручьи и пачины и бѣжать сколь скоро и борзо ⁵¹⁾, безотпратно и безотворотно, и безовсякаго отступанія и ослушанія, и такъ же бы шли и бѣжали ко мнѣ р. б. и. всякіе ловчіе звѣри, красныя лисицы и лисавки, бурластыя лисицы и лисавки, черныя лисицы и лисавки, рыси и росомаки, волки и волчицы ко мнѣ р. б. и. къ моимъ ставушкамъ и ловушкамъ, по моему волоку къ моему сахарному кусью безотпратно и безотворотно по всякой день и по всякой часъ, по всякую ночь въ утрѣ рано и въ вечеру поздо, заставляйте же вы и залучайте же вы на утренней зори и на вечерней и на солнышномъ восходѣ; и еще я р. б. и. помолюся и поклонюся ⁵²⁾ св. Георгію страсотерпицу, вѣди же ты св. Георгію страсотерпець на своемъ савосивомъ конѣ, заставай же ты, государь, залучай же ты, государь, со всѣ четыре стороны: отъ тридевати моръ, съ тридевятъ полъ, съ тридевати озеръ, съ тридевати рѣкъ, съ тридевати болотъ, съ тридевати зеленыхъ луговъ шли бы и бѣжали всякіе

³⁸⁾ Въ желѣзномъ тынѣ.

³⁹⁾ На коникѣ.

⁴⁰⁾ На порогѣ.

⁴¹⁾ И выти глѣди.

⁴²⁾ Надъ мосовъ.

⁴³⁾ Не движима.

⁴⁴⁾ На порасу.

⁴⁵⁾ Шоломъ.

⁴⁶⁾ Святый.

⁴⁷⁾ И все.

⁴⁸⁾ Ловецкіе.

⁴⁹⁾ Острѣливаетъ же.

⁵⁰⁾ Стаушниковъ.

⁵¹⁾ Къ морю.

⁵²⁾ Помолюсь.

ловчіе ⁵³⁾ звѣри красныя лисицы и лисавки, бурнастыя лисицы и лисавки, черныя лисицы и лисавки, рыси и росомаки, волки и голцицы всякія ловчія звѣри ко мнѣ р. б. и.; какъ всходитъ красное солнце и младъ свѣтель мѣсяць и частые звѣзды безо всякаго отступанія и ослушанія, шли бы и бѣжали ко мнѣ р. б. и. къ моимъ ставушкамъ и ловушкамъ безотпратно и безотворотно, безо всякаго отступанія и ослушанія у ⁵⁴⁾ млада мѣсяца, слава тебѣ и слову моему во вѣки вѣкомъ аминь.

Обережная ⁵⁵⁾ молитва 10-я.

Господи Боже благослови, Христе Сыне Божій, и я р. б. и. стану благословесь, пойду перекрестесь, спускается съ небесъ Николай скорый помощникъ съ дванадцати учениками, садилъ ⁵⁶⁾ Николае на три пещеры каменные, емлетъ Николае скорый помощникъ три лука золотополосые ⁵⁷⁾ и три стрѣлы золотоперыя, стрѣляетъ Николае и берегаетъ меня р. б. и. отъ порченика отъ порченицы, отъ колдуна и отъ колдуньи, отъ черна и отъ черемна отъ бѣла и отъ руса и отъ килвата бѣса ⁵⁸⁾ и отъ плешиваго и шутливаго, отъ женки бѣлогловки, отъ дѣвки простоволоски и отъ своего помысла, младъ мѣсяць свѣтель ярки слова замокъ аминь, моимъ словамъ ключъ и замокъ и вся крѣпость св. Духа аминь.

И летять тридевятъ вороновъ въ восточную сторону на сннее море и несуть тридевятъ замковъ и тридевятъ ключевъ и стрѣтять Илія милостивый: куды вы есте воронье полетѣли, куды есте вы замки и ключи понесли; полетѣли мы, св. Илія милостивый, и понесли мы тѣ замки и ключи во святое море акіанъ отъ того р. б. и. и положимъ мы тѣ ключи и замки во святомъ морѣ акіанѣ подъ бѣль-святъ камень латырь, и какъ тѣ замки и ключи пескомъ замоетъ, водою замоетъ, и какъ тѣхъ замковъ и ключевъ не добыть изъ святаго моря-акіана изъ подъ латыря камня, и какъ того камня незгодать всякому челоуѣку и мепя р. б. и., и моихъ ловушекъ и ставушекъ, и моей лыжницы и моего волоченя, и моего сахарнаго кусья и моей добычи всякой лѣшебной не уркнуть и не испортить вѣдуну и вѣдунья, колдуну-колдунья, вѣщику и вѣщицы, порченику и порченицы, стрѣжиному и постижному и всякому челоуѣку крещеному и некрещеному, сиву волосомъ, русу

волосомъ, черну волосомъ, черенему волосомъ и всякой лихой горячей крови и меня р. б. и. и моихъ ловушекъ и ставушекъ и моей лыжницы и моего волоченя и моего сахарнаго кусья и моихъ лисокъ и лисавокъ красныхъ бурнастыхъ, черныхъ лисочекъ и лисавокъ и моей добычи всякой лѣшебной неуркнуть и неспортить, неузрочить по всякой день, по всякій часъ и по всякую ночь, по утру рано, по вечеру поздо, на утрянной и на вечерной зоряхъ, и кое слово забыто было и то слово впереди стало въ лутчемъ мѣстѣ, и кое слово прибавлено и то бы слово къ нимъ же пристало о младѣ мѣсяцѣ въ полнѣ и въ перекром; тѣхъ моихъ молитвъ и словъ не водою не росую не залить, не дождемъ не мочить аминь, моимъ молитвамъ ключъ и замокъ и вся крѣпость св. Духа отъ нынѣ и довѣка и вовѣки вѣковъ, аминь.

Надъ звѣремъ пришедь говоритъ: Г. І. Хр. С. Б., помилуй мя грѣшнаго р. б. и. въ день и въ ночь, я тебѣ не завидникъ, я тебѣ не отретчикъ, я тебѣ не урочникъ, я тебѣ не отговорщикъ, я тебѣ не призорщикъ, нѣтъ тебѣ не уговорщиковъ, нѣтъ тебѣ не завидниковъ, нѣтъ тебѣ не урочниковъ, не отъ мужескихъ плодовъ, не отъ женскихъ плодовъ, не отъ лихія крови, не отъ лихаго челоуѣка, не отъ колдуновъ, не отъ колдуньей, не отъ вѣдуновъ, не отъ вѣдуньей, не отъ порчениковъ, не отъ порченицы, не отъ стрѣшнаго, не отъ постижнаго, не отъ сутулага, не отъ горбатаго, не отъ самоѣдина и не отъ самоѣдокъ, не отъ веселыхъ, не отъ лихоношъ, не отъ путниковъ, не отъ лѣсниковъ, не отъ засчинниковъ, не отъ рыбниковъ, не отъ моего поту, не отъ моей думы, не отъ старыхъ, не отъ младыхъ, не отъ всякихъ людей, не отъ первоженца, не отъ двоеженца, не отъ троюженца, не отъ перевозубаго, не отъ двуезубаго, не отъ троезубаго, не отъ сива волосомъ, не отъ черна волосомъ, не отъ руса волосомъ, не отъ чернеца, не отъ черницы, не отъ схимниковъ, не отъ схимницъ, не отъ бѣлцовъ, не отъ бѣлицъ, не отъ отроковъ, не отъ отрочицъ, и такъ бы мой добытокъ не слышилъ, не видѣлъ не уроковъ, не уговоровъ, не прозоровъ, не стрѣчи, не притчи, не вѣдуновъ, не вѣдуньей, не вѣщниковъ, не вѣщицъ, не порчениковъ, не порченицъ, не старцовъ, не старицъ, не стречнаго, не постижнаго, не дохтура, не дохтурицы, не черныхъ, не желтыхъ, не цутниковъ, не лѣсниковъ, ни рыбниковъ, ни заешниковъ, ни мужиковъ, ни женокъ, ни веселыхъ, ни лихоношъ, ни моему поту, ни моей думы, ни моей крови, ни старымъ, ни младымъ, ни всякимъ людямъ, ни сиву волосомъ, и такъ бы мой добытокъ не слышилъ, не видѣлъ по всякой день, по всякой часъ, по всякую ночь, по утру рано,

⁵³⁾ Ловечіе.

⁵⁴⁾ Млада мѣсяца.

⁵⁵⁾ Обережная.

⁵⁶⁾ Садится.

⁵⁷⁾ Свой лукъ золотополосый.

⁵⁸⁾ Буса.

по вечеру поздно, на утренней зори и на вечерней зори, млада мѣсяца и вѣтха, въ полнѣ и въ перекрыѣ, и тѣхъ моихъ молитвъ и словъ ни водою, ни рососою не залить, не дождемъ не смочить аминь, моимъ словамъ ключъ и замокъ и вся крѣпость св. Духа, нынѣ и присно и вѣкъ вѣкомъ, аминь.

Говорить надъ звѣремъ надъ носомъ:

Господи Боже благослови, Отче посылай сорокъ ⁵⁹⁾ на тысячу атаману съ товарищи, и какъ та лисица шла со всѣ четыре стороны къ моей лыжницѣ по моему волочению ⁶⁰⁾ и къ моему сахарному кусью безотпратно ⁶¹⁾ и безъ отвороту, и такъ же бы шли и бѣжали со всѣ четыре стороны всякія ловчія звѣри, красныя лисицы и лисавки, бурнастыя лисицы и лисавки, черныя лисицы и лисавки, рыси и ресомаки, и волки и волчицы и всякіе звѣри дорогоцѣнныя ко мнѣ р. б. и къ моей лыжницѣ по моему волочению, къ моему сахарному кусью безотпратно и безъотворотно, по всякой день и по всякой часъ и по всякую ночь, въ утрѣ рано въ вечеру поздно, на утренней зори и на вечерней зорѣ, и какъ тое лисицы вѣкъ по вѣку не хаживать, по свѣту и по земли. Трижды.

(Списано съ двухъ старинныхъ тетрадокъ доставленныхъ изъ с. Суры, Пинежскаго у. волостнымъ писаремъ Гр. Хромцовымъ).

54. На заячью ловлю.

Господи Боже благослови, І. Хр. Сыне Божій, во имя О. и С. и св. Д. аминь. Стану я р. б. и. святыхъ молитвъ проговорить сеи Христовъ день—отъ чего свѣтъ зачинается: зачинается свѣтъ отъ небесныя высоты, отъ земныя широты, отъ морскія глубины,—отъ чего божіи словеси пойдутъ, божіи словеси пойдутъ отъ святыхъ апостоловъ, сами святые апостолы переняли; есть же на чистомъ полѣ стоитъ храмъ божественный, на храмѣ стоитъ престолъ Господень, на престолѣ сидитъ Исусъ Христосъ на небеси и здѣсь ликъ бываетъ. Выйду я р. б. и. изъ избы дверьми, изъ двора воротами и пойду въ чисто поле ставлю я р. б. и. ловушки, петли, веревки, капканы, самострѣлы еловы и сосновы и бѣлы березовы. И поставь же Господи около моего промыслу по одну сторону тынъ желѣзень, а по другу сторону мѣдень отъ

⁵⁹⁾ Сороковъ.

⁶⁰⁾ Волоченію.

⁶¹⁾ Безъ отпату.

небесъ до земли, отъ земли до небесъ, станетъ же бѣлой звѣрь заяцъ жить по вечерней зори, поздно въ полночь, по утреней зори, какъ онъ не боится опальной въ палинахъ травы и отъ сучья и отъ бѣлого березника, такъ же бы пусть не боялся моей ловушки и моей лыжницѣ тропы отъ меня р. б. и. Есть на томъ же храмѣ святой великій Егорей, есть у великаго Егорья конь бѣлой, плеть шелкова весьма долга, помолюсь и поклонюсь тебѣ св. Егорей: Ты еси, святой великій Егорей, встань же Господи на пособъ и на помощь, возьми же ты своего коня бѣлого и плеть шелкову, зайди же ты кругъ бѣлаго свѣту, найди же ты бѣла звѣря зайца и лесицы красны, черны, бурнасты и росомаки, выгони по своимъ по старымъ тропамъ по любимымъ, станетъ же бѣлой заяцъ по своимъ по старымъ тропамъ ити впереди идучи не поглядывать, и въ сторону не поглядывать, назадъ не воротитча, буди станетъ впереди идучи не поглядывать и въ сторону не поглядывать или назадъ думать, ино ты же святой великій Егорей плегью остегни выбуди, выстегай прытко, шибко и ярко по моимъ петлямъ и веревкамъ ловушкамъ и самострѣламъ безотворотно, вѣкъ вѣкомъ, аминь.

(Изъ старинной рукописи, доставленной изъ с. Суры, Пинеж. у. волостнымъ писаремъ Хромцовымъ).

55. Правила о заяцахъ.

а) Господи Боже, благослови! Во имя Отца и Сына и св. Духа. Стану я рабъ божій (имя рекъ) по утру рано, умоюсь ключевою водою, поклонюсь чуднымъ образамъ, пойду я рабъ б. им. на божій путь, на добрыя дѣла, въ чистое поле, въ темные лѣсы со своими ловушками. Стану я рабъ б. им. ставить свои ловушки на бѣлого звѣря, зайца, на всѣ на четыре стороны, возлѣ темные лѣсы, на полденную сторону, на западную сторону, на сиверную сторону, на восточную сторону, помолюсь Егорью храброму: Егорій храбрый свѣтъ, мой помощникъ! гони бѣлаго звѣря зайца ко моимъ ловушкамъ черезъ поля чистыя своему рабу божію имя реку, гони бѣлаго звѣря зайца со всѣхъ съ четырехъ сторонъ къ рабу божію имя реку жирового и набѣглого въ мои ловушки, бѣжи бѣлой звѣрь заяцъ ко моимъ ловушкамъ, пади бѣлой звѣрь заяцъ въ мои ловушки, ѣшь бѣлой звѣрь заяцъ мою насторожку, зеленую вичку осинку. Како же на сподъ трава мурава отъ косы отъ булатныя (падаетъ), такъ же палъ бѣлой звѣрь заяцъ въ мои ловушки къ рабу божію имя рекъ. Будьте мои слова крѣпки, во присно, во вѣки вѣковъ, аминь.

б) Отнынѣ и довѣку уговариваю свои слова отъ урокъ, отъ призоровъ, отъ чернаго глаза, отъ чернаго волосу, отъ сѣраго глаза, отъ руса волоса, отъ черемна волосу. Бѣжи бѣлой звѣрь заяцъ изъ-за рѣкъ изъ-за быстрыхъ, изъ-за лѣсъ изъ за темныхъ, чрезъ болота зыбучія, бѣжи бѣлой звѣрь заяцъ ко моимъ ловушкамъ, къ рабу божию имя рекъ въ мои ловушки, по своимъ по тропкамъ, не утрашись бѣлой звѣрь заяцъ отъ моихъ слѣдовъ, отъ моего дѹха, отъ моихъ бѣлыхъ рукъ. Прибѣжалъ бѣлой звѣрь заяцъ ко моей ловушкѣ, принялся за мою насторожку, за зеленую вичку за осинку. Пади моя ловушка на бѣлаго звѣря на зайца, на буйную главу, на ревные на ножи. Слава тебѣ, Отцу и Сыну и св. Духу, ни црисно и вовѣки вѣковъ, аминь.

в) И та моя молитва раба божія имя рекъ, — молился я рабъ божіи имя рекъ Егорью храброму: какожде ярова пчела вьется около маточки, такожде бы бѣлой звѣрь заяцъ вился около моей, раба божія имя рекъ, ловушки, шель бы въ мою, раба божія им., ловушку и ѣлъ бы мою насторожку, раба божія им.; есть же у меня, раба б. им., на тропакъ, на ухожьяхъ стоитъ бѣлая осинка. Пейте и ѣшьте въ моихъ ловушкахъ въ садкахъ и въ куломахъ бѣлые, чалые, сѣрые зайцы короткохвостые и кривоногіе и черноусые и черноушные и по утрянымъ зорямъ и по вечернимъ; и пьютъ, и ѣдятъ и въ саткахъ и въ куломахъ бѣлую осину съ комля и до вершины. Сколь сладка и паточна вамъ бѣлымъ, пчолымъ, ярымъ зайцамъ короткохвостымъ и кривоногимъ и черноушнымъ медвяная роса и травы сладки и паточны, и въ молодѣ мѣсяцѣ и сполна, въ ветху и перекроѣ и въ межныхъ дняхъ, по утрянымъ зорямъ и по вечернымъ по всякой день, по всякой часъ, и пейте и ѣшьте бѣлую осину съ комля и до вершины въ тѣхъ же ловушкахъ, въ саткахъ и въ куломахъ. Какъ изъ неба и снѣгъ и дождь падать и валится на землю безотпятно безотворотнo, какъ изъ лѣсу у меня, у раба божія имя рекъ листь, валится на землю безотпятно, безотворотнo, такъ же бы у меня раба божія им. пали бы и валились въ мои ловушки, въ сатки и въ куломы бѣлые, пчолые, ярые зайцы короткохвостые и кривоногіе и черноусые и черноушные безотпятно безотворотнo, ко мнѣ, къ рабу б. им., по всякой день и по всякой часъ и время, въ молодѣ мѣсяцѣ и ополни, и въ ветху и перекроѣ, въ межныхъ дняхъ; не утрашись бѣлой звѣрь заяцъ отъ моихъ слѣдовъ, отъ моего духу, отъ моихъ бѣлыхъ рукъ. И будте у меня у раба б. им. слова крѣпче бѣлаго горячаго камня и синя булату и въ заговорѣ, и

въ договорѣ, отнынѣ и до вѣку; въ морѣ глава моя у меня, у раба б. имя рекъ; и въ небѣ языкъ мой у меня, у раба божія имя рекъ, но вѣки вѣковъ, и всѣмъ словамъ крѣпость, аминь.

г) Господи, Боже, благослови. У меня, у раба божія имя рекъ (наприм. Іоанна Авдотыина сына), осина дерево слаще изюму и сахару и меду и патоки и истъ бѣлому звѣрю зайцу черноуху короткохвосту; подьте и потеките бѣлые звѣри зайцы ко мнѣ къ рабу божию Іоанну Авдотыину сыну, подъ мои подъ пастины и подъ куломы со всѣхъ четырехъ сторонъ, съ лѣта и съ сѣвера, съ востоку и съ западу, изъ ломовъ и со ржавчинъ, изъ за высокихъ горъ, кривыхъ наволоковъ ко мнѣ къ рабу божию, Іоанну Авдотыину сыну, подъ пастины и подъ куломы; подѣдайте и подсысайте на перу за сторожевой сукъ, по всякой день и по всякой часъ, по всѣ времена, въ день по солнцу, а въ ночь по мѣсяцу по частымъ звѣздамъ.

д) Господи Боже, благослови. Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Стану я рабъ божіи имя рекъ благловесь, и пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, выйду я рабъ божіи имя рекъ въ чистое поле, помолюсь и поклонюсь на восточную сторону и на всѣ четыре стороны. Есть у меня, у раба божія имя рекъ въ чистомъ поле кобыла дикая, есть у ея, у кобылы у дикія, тридевять жеребцовъ, три два и одинъ жеребецъ и какъ тебя, кобылу дику, три и два и одинъ жеребецъ подсысаеть и подѣдаетъ, такъ же бы у меня, у раба божія имя рекъ, прибѣгали бы бѣлые звѣри, зайцы криволапые, черноухіе со всѣхъ съ четырехъ сторонъ съ востоку и съ западу, съ лѣта и съ сѣвера, по всякой день и по всякой часъ подѣкали бы и подѣдали бы у меня, у раба божія имя рекъ, на передъ сторожиной прутокъ бѣлые звѣри зайцы, криволапые и черноухіе и не ослышались бы меня, раба божія имя рекъ, въ день по солнышку и въ ночь по мѣсяцу и по утру рано и по вечеру поздно, по утрянной зорѣ и по вечерней зорѣ, подѣкайте и подѣдайте у меня, раба божія имя рекъ, бѣлые звѣри зайцы безотходно и безотпятно. И кое мое слово назадъ и тое мое слово будъ напереди, и кое мое слово въ забытье и то же мое слово тутъ же будъ, и тутъ моимъ словамъ ключъ и замокъ отъ нынѣ и до вѣку во вѣки вѣковъ, аминь и тѣ мои слова трою заключены: слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Когда у тебя, у бѣлаго звѣря зайца нога сростется, тогда у меня, у раба божія имя рекъ, статья побьется.

е) Взять соли въ Великой Четвертокъ и та соль хранить до Покровской субботы, и въ ту соль пригваривать та статья, а въ избу той соли не носить:

Какъ къ тебѣ, Михайлъ Архангелъ, собирается народъ божій къ церкви, такъ бы ко мнѣ, къ рабу божію имя рекъ, сбѣгалися бы бѣлые звѣри зайцы, криволапые и черноухіе со всѣ четыре стороны, со востоку и съ западу, съ лѣта и съ сивера.

Брать ту траву канунъ Иванова дни въ вечеру, а ту траву трою дергать въ трехъ мѣстахъ, а окуриваться той травой трою.

ж) Господи Боже благослови. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Сѣку я рабъ божій имя рекъ медъ да патоку, сахарные ѣствы бѣлому звѣрю, зайцу черноуху и черноусу, пить да ѣсть, воскушать на здравіе, сѣку да рублю, тѣмъ словамъ ключъ и замокъ, аминь.

з) Стану благословесь, пойду перекрестесь, я рабъ божій имя рекъ изъ избы дверьми, изъ двора воротами, да поклонюсь и помолюсь на всѣ четыре стороны, пойду на божіи дѣла, на божій путь, стану ставить платочки, ловушочки на бѣлаго горносталя на чернохвоста. Бѣжи бѣлъ горносталя изъ-за рѣкъ изъ-за быстрыхъ, изъ-за лѣсъ изъ-за темныхъ, чрезъ болота зыбучіе, бѣжи ко моимъ ловушкамъ; прибѣжалъ бѣлъ горносталя ко моимъ ловушкамъ, только скочилъ, спрянулъ, завидѣлъ мою ловушку, поначалъ своимъ теплымъ гнѣздышкомъ, схватилъ бѣлъ горносталя въ моей ловушечкѣ, принялся за животцу, моя плашечка возбудилась, прихватила бѣлаго горносталя чернохвоста по нутру, по самому животцу, по рѣзвымъ по ножкамъ по буйной головѣ. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь. Привѣты выше сего.

и) Во имя отца и Сына и Святаго Духа. Стану я, рабъ божій имя рекъ, благословесь, пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, выйду я, рабъ божій имя рекъ, въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ какъ мертвецъ лежитъ въ сыро-матерой земли, не слышитъ и не видитъ колоколеннаго звона и попова пѣнья, такъ какъ же бы рыскачій звѣрь зайко не слышалъ и не видѣлъ моей шелковой петли и шелъ бы онъ, зайко кривоногий, черноухой и черноушой, безопятно въ день по солнцу, а въ ночь по мѣсяцу, по частымъ звѣздамъ, при буйныхъ вѣтрахъ, по всякой день и по всякой часъ, по вся времена; слава Отцу и Сыну и Св. Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

і) Во имя Отца и Сына и св. Духа. Стану, благословясь, пойду перекрестясь, я рабъ б. им. изъ избы

дверьми, изъ двора воротами, выйду въ чистое поле. Есть у меня раба б. им. въ чистомъ полѣ крѣпки веревки льняныя и конопляныя, есть же въ чистомъ полѣ синее море окіанъ, есть же въ синѣ морѣ окіанѣ тридевяты островыхъ, есть же на тридевяти островыхъ тридевяты лисицъ бурнастыхъ и тридевяты долгохвостыхъ, есть же въ синѣ морѣ окіанѣ тридевяты островыхъ, есть же на тридевяти островыхъ тридевяты бѣлыхъ, пчолыхъ и ярыхъ зайцовъ, короткохвостыхъ, кривоногихъ, черноусыхъ и черноушыхъ. Бѣжите и теките бѣлыс, пчолыс и ярыс зайцы, короткохвостыс и кривоногіс, и черноусыс и черноушныс, и бѣжите и теките лисицы бурнастыя, долгохвостныя и по утранымъ зорямъ и по вечернимъ, по своимъ по тропкамъ, по моему ухожью со восточную сторону въ сторону скачите: стоитъ желѣзный тынъ отъ земли и до небеси, назадъ попятиться вамъ бѣлымъ, пчолымъ и ярымъ зайцамъ короткохвостымъ и черноушнымъ, назадъ попятиться лисицамъ бурнастымъ долгохвостнымъ — и стоитъ храбръ Егорій и на сильномъ конѣ, самъ бѣлъ и кнутъ бѣлъ и рукавицы бѣлыя и борода бѣлая, и залучаетъ и загоняетъ лисицъ бурнастыхъ долгохвостыхъ, залучаетъ и загоняетъ бѣлыхъ, пчолыхъ, ярыхъ зайцовъ короткохвостыхъ и кривоногихъ, и черноусыхъ и черноушныхъ, по утранымъ зорямъ и по вечернимъ, по всякой день, по всякой часъ и время божіихъ, въ молодѣ мѣсяцѣ и сполни, въ ветху и перекроѣ, въ межныхъ дняхъ; въ морѣ глава моя, въ небѣ языкъ мой у меня у раба б. им. Не утрашисъ бѣлой звѣрь заяцъ отъ моихъ слѣдовъ, отъ моего духа, отъ моихъ бѣлыхъ рукъ; будьте у меня у раба б. им. слова во вѣки вѣкомъ, аминь, въ заговорѣ и въ договорѣ, отнынѣ и до вѣку, и крѣпче бѣлаго горячаго камня и синя булату, и всѣмъ словамъ крѣпость аминь.

к) Господи Боже благослови Иисусъ Христоръ. Во имя Отца и Сына и св. Духа. Стану я, рабъ божій, благословясь, пойду въ чистое поле подлѣ синее море, подлѣ святое море окіанъ, и помолюсь я рабъ. б. им. святому и праведному Мамантію: золотой кнутъ удари далеко, трони близко бѣлыхъ звѣрей зайцовъ и красныхъ бурныхъ черныхъ лисокъ, росомахъ и рысей; идите и бѣжите изъ-за тридевяты морей, изъ-за тридевяты ключеватыхъ ордъ; есть у меня, у раба б. им. яствы сахарныя, питья медвяныя, идите и бѣжите ко своему рабу б. им., льните и вѣсите въ мои нитки, въ новцѣ мѣсяцу, въ ветху и молоду, по всякой часъ, во всѣ времена, ключъ и замокъ и архангельско слово, аминь.

А нитки прясть изо льну не слинить; а скать по солнышку и вымыть ихъ въ водѣ и выморозить на морозѣ, чтобъ до бѣла, а потомъ напарить въ котлѣ или въ горшкѣ всякой хвои и вымыть въ той водѣ, а оправлять въ рукавицахъ, не пятиться и не оглядываться на заячью тропу.

д) Во имя Отца и Сына и св. Духа. Какъ въ веснѣ пройдутъ рѣки и ручьи и малыя поточкины, а ихъ не имуть ни уроки, ни оговоры, ни призоры и ни прикосы, и такъ меня раба б. им. не няли бы ни уроки, ни оговоры, ни призоры и ни прикосы, и моей пищали, свинцу и пороху, огненнаго оружья; и какъ рабъ божій лежитъ въ землѣ, отъ всего своего пришествія отшедъ, а не слышитъ и не видитъ, такъ птица тамъ сидѣла на землѣ и на водѣ, и на лѣсу, а не слышала бы и не видѣла, меня, раба б. им., и моей пищали, свинцу и пороху, до моего пострѣлу; и какъ я рабъ б. им. у тое птицы вышибу единое перо, не перо вышибу, вышибу ретивое сердце съ неченью и все нутро смѣшаю, какъ той птицѣ безъ сердца и безъ печени нельзя ни итти, не летѣть, такожъ и отъ тое раны нельзя ни итти и ни летѣть безъ единого пера, и отъ меня раба б. им. и отъ моей пищали огненнаго оружья, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

Сія говорить три раза.

м) Во имя Отца и Сына и св. Духа. Есть святое море окіанъ, въ святомъ морѣ окіанѣ есть пупъ морской, воду беретъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, а не имуть его ни уроки, ни оговоры, ни призоры и ни прикосы, и такъ же я рабъ б. им. беру птицу съ земли и съ воды и съ лѣсу, а не нялибъ ни уроки, ни оговоры, ни призоры и ни прикосы, и моей пищали, свинцу и пороху огненнаго оружья отъ всякаго человѣка по землѣ ходящаго, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

н) Во имя Отца и Сына и св. Духа. Есть святое море окіанъ, во святомъ морѣ окіанѣ есть камень латырь, на камнѣ латырѣ есть три брата родные, три друга сердечные: единъ судить, другой дѣла отправляетъ третій уроки заговариваетъ у меня, у раба б. им., и у моей пищали, свинцу и пороху, огненнаго оружья. Три брата родные, три друга сердечные ставили кругъ меня, раба б. им., тынъ желѣзень отъ земли и до неба, отъ востоку до запада, отъ лѣта до сѣвера, изъ моря глубины придетъ царь морской съ тридевятью замками, съ тридевятью ключами, тридевятъ ворота затворити и тридевятью замками замкнетъ и ключи въ море броситъ, изъ моря глубины изъ пещеры выйдетъ рыба щука, и

ключи пожретъ и въ море уйдетъ, што тое щуки взять нигдѣ ни ловцамъ и ни неводчикамъ, такожъ меня раба б. им. взять негдѣ и моей пищали, свинцу и пороху, огненнаго оружья взять негдѣ же и никому не испортить, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

о) Господи Боже. Во имя Отца и Сына и св. Духа. Стану я р. б. им. сѣчи и ронить осину бѣлому зайцу широколапому и короткохвосту у меня, раба б. им., и пить, исть сахарные ѣствы; и буди моя осина слаще сладкаго винограда, и подай Богъ вась мнѣ, рабу б. им., бѣлыхъ зайцовъ, широколапыхъ и черноухихъ и короткохвостыхъ, подай Богъ на всю ночь и на весь день, подай Богъ и укрѣпи Богъ въ колодѣ и въ кулемѣ, въ день при солнцѣ и въ ночи при мѣсяцѣ, ветха и молода, перекрону, въ межные дни, присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

(Списано П. С. Ефименкомъ со старинной рукописи.)

56. Заячьи слова.

а) Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Стану я, рабъ божій Н., благословесь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, выйду я на Двину рѣку, стану я р. б. на востокъ лицомъ, на западъ спиной, помолюся и поклонюся Царю Небесному и Матери Божіей Пресвятой Богородицы и буди я, рабъ божій Н. промышленникъ не уросливъ и не прикосливъ отъ своей думы и мысли, и отъ своей крови, и отъ буйнаго вѣтра, и отъ своего глаза, и отъ людской молвы, и отъ людскаго глаза. А кто злой лихой человѣкъ подумать на мой добытокъ и на промыселъ, тобъ ему самому давъ пазуху, а что онъ, радѣтъ себѣ, тобы и мнѣ на мой добытокъ и на промыселъ, во всякъ день и по всякъ часъ, тѣмъ моимъ словамъ ключъ и замокъ именемъ Господнимъ, духомъ святымъ, во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь.

Говорить слова на наживку и на зайца, какъ Богъ дастъ.

б) Буди мой заецъ и лисица не прикосливъ и не урасливъ, заецъ черноухій и бѣлохвостой, косолапой, бѣжи ко мнѣ р. б. Н., борзо, безотпятно и безотворотно, бѣжи, не оглядывайся назадъ, не отворачивайся и не отпрядывай, бѣжи ты, заецъ и лисица, ежечасно, по своимъ тропамъ, а по моимъ ухожьямъ, а въ правой руки есть черное море, а въ лѣвой руки есть огненная рѣка, вправо скочить утонуть будетъ, въ лѣво скочить въ огненной рѣки сгорѣтъ будетъ, бѣжи заецъ и лисица, по своимъ тропамъ, а по моимъ ухожьямъ, въ мои лр-

вушки и поставушки, въ лены конопляныя петли безотпятно и безповоротно, по всякъ день и по всякъ часъ, и на сторону не оглядывайся и назадъ не отворачивайся и не отпрядывай, а за тобой, заецъ и лисица, бѣжить ежечасно 40 кобелей, гонять тебя, заецъ и лисица, въ мои ловушки и поставушки, въ лены конопленныя петли, по всякъ день и по всяку ночь и по всякъ часъ и на утренней зори и на вечерней зори, въ день подъ солнцемъ, въ ночь подъ мѣсяцемъ, и подъ частыми звѣздами и подо всею окружностію божію, и и тѣмъ моимъ наговорнымъ словамъ и словесамъ ключъ и замокъ, именемъ Господнимъ, духомъ святымъ, во вѣки вѣковъ аминь.

Говорить на пленицы предъ образомъ божіимъ, когда свои пленицы ставить станешь.

в) Приговорить на зайца въ мырку какъ Богъ даетъ, провести хвонной по правому боку три раза:

Стану я р. б: благословесь, пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ двора воротми, и выйду я въ чисто поле, згляну на восточную сторону и на восточной стороны окіянь море, на окіяни мори лежить бѣлъ камень, на бѣломъ камню лежить гробъ Господень, у того гроба Господнего стоитъ Богородица съ четырьмя евангелистами: Иоаннъ и Лука, Матвѣй и Маркъ, и вся силы небесныя и отстреляйте отъ р. б. Н. уроки и прикосы, и откуда пришли и туда подите, и отъ царя и отъ царицы, и отъ старца и отъ старицы, и отъ попа и отъ попадьи, и отъ мужика и отъ женки, и отъ парня и отъ дѣвки простоволоски, отъ черноволоски, и русоволоски, и красноволоски, и отъ двоєглазаго, и отъ одноглазаго, отъ слѣпаго, и отъ своей лихой думы и мысли, и отъ чужой думы и мысли, и рабъ божій которыхъ словъ не доумѣю и тѣ слова въ число, которыя слова налишныя и неналишныя и ти слова не уменьшаютъ, и ти слова ключъ и замокъ отъ земли и до неба, отъ нынѣ и до вѣку и вѣкъ повѣку, аминь, за аминемъ аминь.

Приговорить на звѣря въ мырку, по правому боку провести хвонной три раза и приговорить: Слава Богу добрымъ людямъ на похвалбу, а завиднымъ на завидость.

(Рукопись доставл. крест. Леонтьевымъ.—Пленицы или плѣнки—волосыяя сляки.)

57. За ячій прикосъ.

а) Стану р. б. Н. благословесь, пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ двора воротми, выйду въ чистое поле и пойду подъ восточную сторону и стану я на

востокъ лицомъ, на западъ хребтомъ, покорюсь и помолюсь истинному Христу, царю небесному, и Пречистой Божьей Матери Пресвятой Богородицѣ, и постави Господи кругъ меня р. б. Н. тынь желѣзной, ограду каменну и гору кременну, отъ земной подошвы и до небесной высоты и до христова престола и со христова престола, и закрываетъ меня раба б. Н. ризой своей и пеленой нетлѣнной и неизреченной отъ колдуна и отъ колдунницы, и отъ еретика и отъ еретицы, и отъ попа и отъ попадьи, и отъ бѣльца и отъ бѣлицы, и отъ парня и отъ дѣвки простоволоски и отъ женки бѣдоголовки, и отъ всякаго злаго лихаго человѣка и отъ всякаго зловомысленнаго супостата, и отъ своей лихой думы и мысли, и кто на меня р. б. Н. зло подумать и лихо помыслить, и тому лихому человѣку пройди сквозъ языкъ и сквозъ щеки желѣзная спича, и на очи ему лихому человѣку наверхи бѣлое бѣльмо, да ему же Пречистая Богородица пропусти огненную рѣку отъ востока и до запада, отъ лѣта и до сѣвера, и который огонь отъ враговъ и супостатовъ, и какъ стоитъ тынь желѣзной и верей булатныя и двери укладныя и замки благословенныя и ключи Давыдовы, во имя О. и С. и Св. Д. аминь. Заключается ключъ въ мори, а замокъ въ роти, и будьте мои слова крѣпки и прытки во вѣки вѣковъ, аминь, и ни кто бы моихъ словъ не могъ не переговорить, и назадъ отговорить, аминь, за аминемъ аминь.

б) На лоушки говорить три разъ:

Стану я р. б. Н. благословесь, пойду перекрестесь изъ избы дверьми, изъ двора воротами, и выйду я въ чистыя поля, въ темныя лѣса ставить своихъ ловушекъ и поставушекъ ленныхъ, конопленныхъ петель для бѣлыхъ звѣрей зайцей и для красныхъ лисицъ бурнастыхъ, покорюсь и помолюсь Егорью храброму: ой еси Егорій храброй, поди ты въ чистыя поля, въ темныя лѣса со своей съ брудой богатырской, выганивай и вылучай бѣлыхъ звѣрей зацевъ и красныхъ лисицъ бурнастыхъ на узкія тропы и на любимыя его угодыя, бѣжите и скачите и глазами не гледите и ушами не тресите, назадъ не отпачивайся и неотворачивайся и не отпрядывай и въ сторону не отскакивай. Ѣздитъ Егорей храброй за тридевятъ землями за тридевятъ брынскими лѣсами за тридевятъ промышленниками за тридевятъ бѣлкосовъ, единъ Егорей храброй выганивать и вылучаетъ бѣлыхъ звѣрей зацевъ и красныхъ лисицъ бурнастыхъ ясъ подо всякой вичи и вершины, говорить Егорей храброй: ой еси бѣлые звѣри зайцы, красны лисицы бурнасты, бѣ-

жите и теките въ мои лоушки, постанушки въ конопленныя петля, и беретъ Егорей храброй свой тугой лукъ, натягиваетъ шелковую тетыву и стрѣляетъ своимъ тугимъ лукомъ, каленой стрѣлой, самъ Егорей приговаривалъ ко своей каленой стрѣлѣ: какъ отъ светаго Егорья летитъ каленая стрѣла, не отпачивается и не отворачивается и въ сторону не отскакиваетъ, и также вы заецы бѣлыя красны лесицы бурнасты нельзя вамъ ни отпачиваться и ни отворачиваться и въ сторону ни отскакивать, есть у меня для васъ обѣ стороны узкихъ тропъ поставленъ тынъ желѣзной, нельзя вамъ отпачиваться и отворачиваться и въ сторону ни отскакивать, и лъзя вамъ бѣжать въ мои ловушки, постанушки въ ленны, конопленныя петля, по моему прошенью, по Егорью благословенью, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь, за аминемъ аминь. Будьте мои слова крѣпче и зорче востраго ножа, булатнаго топора, быстрѣе ключевой воды, во вѣки вѣковъ, аминь. (Оттудаже).

Е. ОБЕРЕГИ ЧЕЛОВѢКА ОТЪ НЕДУГОВЪ, ВОЛШЕБСТВА И ВНѢШНЕЙ СИЛЫ.

1. Отъ всякой болѣзни.

Господи Боже благослови! Во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь. Какъ Госнодь Богъ небо и землю, и воду, и звѣзды, и сыроматерной земли твердо утвердилъ и крѣпко укрѣпилъ, и какъ на той сыроматерной земли нѣтъ ни которой болѣзни, ни кровныя раны, ни шипоты, ни ломоты, ни опухоли, такъ же сотворилъ Госнодь меня раба б. имр.; какъ сотворилъ Госнодь, твердо утвердилъ и крѣпко укрѣпилъ жилы моя и кости моя и бѣлое тѣло мое, также у меня раба б. имр. не было бы на бѣломъ тѣлѣ, на ретивомъ сердцѣ, ни на костяхъ моихъ ни которой болѣзни, ни крови и ни раны и ни шипоты, ни ломоты, ни опухоли. Единъ архангельскій ключъ; во вѣки вѣковъ, аминь.

(Выписано изъ старинной рукописи, доставленной изъ Шенкурска.)

2. То же.

Господи Исусе Христе, Сыне Божій помилуй, насъ. Стану и р. б. им. благословясь, пойду перекрестясь изъ избы въ двери, изъ двери въ ворота, въ восточную сторону; есть въ востокѣ, въ восточной сторонѣ стоитъ буевой островъ; на томъ буевомъ островѣ стоитъ святое дерево, изъ толстаго святаго дѣрева выходитъ булатный быкъ, булатными рогами гору бодеть, ногами скребеть; и какъ у этого булатнаго быка булатные ро-

га крѣпки не гнутся, и не ломаются, и не плющатся, также бы у меня р. Б. и станова я жила не гнулась бы и не ломалась, крѣпко бы стояла, какъ колъ, рогъ рогомъ стояла бы, столбъ столбомъ, стрѣла стрѣлой, копье копьемъ, ни задъ бы, ни передъ не ложило, ни шипоты и не ломоты, не въ денныхъ часахъ, и ни въ ноцныхъ часахъ, ни въ полуденныхъ и полуночныхъ, ни на молоду, ни на исходѣ мѣсяца, по моему животу до моей смерти, вѣки по вѣки и во вѣки вѣковъ аминь. Во имя О. и С. и св. Д. Какъ громъ грянетъ и молнія палитъ, такъ бы въ рукахъ моихъ огненное оружіе палило и гремѣло; какъ не можетъ никто тварь Божію, солнце и луну, громъ и молнію постановить, такъ бы не могли въ рукахъ моихъ огненное оружіе постановить. Аминь

(См. загов. извл. изъ рук. старообр. Ж. М. Н. Пр. 1865 г. № 1, статья Шапова стр. 60. Извѣстенъ и въ Архангельской губерніи.)

3. При родахъ.

а) Къ женщинѣ, начинающей мучиться родами, призываютъ повивальную бабку. Деревенская повивальная бабка, какъ только заходитъ въ двери къ больной говорить:

«Отпирайте, отпирайте! отперли, отперли. Запрягайте, запрягайте; поѣзжайте, поѣзжайте! Поѣхали, поѣхали; ѣдутъ, ѣдутъ».

Это говорится для того, чтобы больная скорѣе разрѣшилась отъ бремени. Послѣ этого бабка осматриваетъ больную и начинаетъ помогать ей своими средствами

б) Бабка беретъ квашню, замѣшиваетъ въ ней ржаное тѣсто и приговариваетъ:

«Я тебя, квашеночка, творю съ вечера до утра; такъ бы робицѣ Божіей (имя рекъ) мучиться одинъ часокъ минутный.»

И даетъ больной принимать это тѣсто съ ложки.

в) Если приведенныя слова не помогаютъ, то бабка наливаетъ въ какой либо сосудъ воды и шепчетъ про себя въ воду три раза слова:

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Изъ города Іерусалима идетъ Исусъ Христосъ, Мати Марія родила Сына, Исуса Христа, не болѣвши, не стонавши и люди не слыхавши. Такъ бы робицѣ Божіей (имя рекъ) родить младенца не стонавши, не болѣвши и люди не слыхавши.

И даетъ эту воду пить больной.

г.) Не помогаютъ и эти слова, также въ воду говорятъ другія:

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Стану я рабица. Божія (имя рекъ) благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чисто поле за дворами, въ восточну сторону. Въ восточной сторонѣ съ небесъ стоитъ серебрянная лѣстница, по серебрянной лѣстницѣ ползеть Мать Пресвятая Богородица съ золотыми ключами, съ шелковыми поясами, отпирать, отмыкать мясной ларецъ. Я рабица Божія помолюсь и покорюсь: Мать Пресвятая Богородица отпирай, отмыкай у рабицъ Божіей (имя рекъ) мясной ларецъ, выпускай отрока (или отрочиху) на Божью волю, на бѣлой свѣтъ».

д) Это заклинаніе въ городѣ Холмогорахъ произносятся такъ:

«Стану я рабъ божій (имя рекъ) благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами. Выйду я въ чистое поле, помолюсь и поклонюсь на восточну сторону. На той восточной сторонѣ стоитъ престолъ Господень. На томъ престолѣ Господнемъ сидитъ Пресвятая Мати Божья Богородица. И помолюсь, Пресвятой Матери Божьей Богородицѣ; Пресвятая Мати Богородица, соходи съ престола Господня и бери свои золотые ключи и отпирай у рабы Божіей (имя рекъ) мясные ворота, и выпускай младенца на свѣтъ и на божью волю. Во вѣки вѣковъ, аминь.»

Говорится трижды на воду, которую даютъ пить родильницѣ, или которою обкачиваютъ больную.

е) Еще средство при родахъ. Бабка идетъ за водой на рѣку, почерпаетъ ее въ свою посудину девять разъ и девять разъ говоритъ слова:

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Матушка рѣка Вага дала мнѣ ключи цѣяны, отпирала гору каменную, пропускала голову костяную.» И воду эту больная должна пить.

ж) Всѣ приведенныя здѣсь слова заканчиваются слѣдующимъ заклинаніемъ:

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Стану я, рабица божія (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чисто поле задворами, къ окіану морю. Въ окіанѣ морѣ есть сѣрый, бурый камень, на сѣромъ буромъ камнѣ сидитъ старъ матеръ человѣкъ, держитъ въ правой рукѣ желѣзный молотокъ, бьетъ побиваетъ, крѣпкія слова прибиваетъ. Я рабица божія (имя рекъ) помолюсь и покорюсь: «ты старъ матеръ человѣкъ, бей, побивай; мои крѣпкія слова прибивай. Возьми тридцать ключей, отпирай тридцать замковъ, положи мои слова, запри и замни, снеси эти слова въ окіанъ-море, положи эти ключи подъ сѣрый

бурый камень, чтобы люди не знали и рабы не слышали».

(Заклинанія эти записаны въ Шенкурскомъ у. Е. Ивановскимъ, кромѣ одного, которое записано П. С. Ефименкомъ въ Холмогорахъ).

4. Надъ новорожденнымъ.

а) Когда родится младенецъ, бабка обмываетъ его и кладетъ подъ образа приговаривая:

«Будь мое дитятко счастливо и талантливое; будь мое дитятко губернаторша или чиновница, попадья или протопопица.» А если младенецъ мужскаго пола, то говорятъ: будь губернаторъ, или чиновникъ и пр.

б) Послѣ этого, бабка беретъ у матери повойникъ, кладетъ его на пупъ новорожденного, беретъ его въ зубы и говоритъ:

«Грызу я загрызаю двѣнадцать грыжъ: грыжу пуповую, грыжу пуганую, грыжу сердцевую, грыжу шулятную.»

в) Послѣ родовъ бабка идетъ съ ребенкомъ и его матерью въ баню; въ банѣ беретъ кусочекъ хлѣба и говоритъ въ него слова:

«Какъ на хлѣбъ-на соль и на камешокъ ничто не приходитъ, такъ бы и на рабицу божію (имя рекъ), ничто не приходило: не притчи, не прикосы, не озѣвы, не оговоры и никакія скорби. Поставлю я кругомъ тебя (родильницы) тынъ желѣзный отъ земли и до неба, отъ востоку до запада.»

Хлѣбъ этотъ кладется въ пазуху родильницѣ.

г) Въ банѣ бабка въ воду, въ которой будетъ мыть младенца, кладетъ три камешка, которые беретъ изъ избы, съ улицы и изъ бани, и говоритъ:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Какъ эти камешки спать и молчать, никогда не кричать, не ревать и ничего они не знаютъ, ни уроковъ, ни призору, ни озѣву, ни оговору и никакой скорби, такъ бы и у меня рабъ божій младенецъ спалъ бы и молчалъ, никогда не кричалъ, не ревалъ и ничего бы онъ не зналъ: ни уроковъ, ни призору, ни озѣву, ни оговору и никакой скорби. Будьте мои слова плотно на плотно, крѣпко на крѣпко; къ моимъ словамъ ключъ и замокъ и булатна печать.»

д) Часть воды бабка наливаетъ на камень и говоритъ:

«Мою я младенца въ жару да въ пару, Какъ идетъ изъ камени жаръ, изъ дымника паръ, изъ сѣней дымъ, такъ бы сходили съ раба божія всякія скорби и болѣзни.»

(Эти заклинанія записаны въ Шенкурскомъ у. Е. Ивановскимъ).

5. Отъ родимца.

а) У каждаго ребенка непременно бываетъ болѣзнь названіемъ родимецъ. Всѣхъ же родимцевъ двѣнадцать. Они носятъ названіе по той части тѣла, которая болитъ у ребенка: родимецъ пуповой, сердцевой, спутренной, суставной, жиленой, костяной, волосяной, ножной, ручной, глазной, ревуны и говорунъ.

Ребенка, подвергшагося родимцу, поятъ и моютъ водой, въ которую говорятъ слова:

«Грызу и загрызаю, уйму я унимаю на рабѣ божіемъ (имя рекъ), двѣнадцать родимцевъ (слѣдуетъ перечисленіе ихъ). Какъ мертвый отъ могилы не ворочается, такъ бы и на раба божія (имя рекъ) эти двѣнадцать родимцевъ никогда бы не ворочались, вѣки по вѣки, отнынѣ и до вѣка.»

(Записалъ Е. Ивановскій въ Шенкурскомъ у.)

6. Отъ ночницы, или полуночницы.

Ночницей, или полуночницей называется болѣзнь ребенка, признакъ которой: бессонница, подошвы на ногахъ бываютъ блестящія, при этомъ ноги ребенка постоянно бываютъ въ движеніи. Крестьяне думаютъ, что эта болѣзнь происходитъ оттого, что мнѣшескія существа, ночницы, щекочутъ дѣтей подъ подошвы.

По зорѣ носятъ ребенка по улицѣ и, обращаясь къ зорѣ, приговариваютъ трижды:

«Зоря-зоряница! возьми бессонницу, безугомонницу, а дай намъ сонъ-угомонъ.»

(Записанъ въ г. Холмогорахъ).

7. То же.

Берутъ ножки ребенка, складываютъ вмѣстѣ, потомъ огаркомъ спички чертятъ крестъ на крестъ вдоль и поперекъ, приговаривая:

«Ариды и мариды, ариды и макариды, уймите и говорите у раба божія N ночницу и полуночницу, чтобъ она вѣкъ не была и не щупала, вѣкъ по вѣку и отъ нынѣ до вѣку. Будь мои слова крѣпки и заговористы, и тѣмъ моимъ словамъ ключъ и замокъ, во имя Отца и Сына и св. Духа.»

(Записалъ Огородниковъ въ Соломбалѣ).

8. Отъ полуношницы.

Берутъ больное дитя на руки, поднимаютъ его вверхъ

и трижды его ногами касаются матицы; при этомъ трижды плюютъ и приговариваютъ:

«Во имя О. и С. св. Д. Полуношница Анна Ивановна, по ночамъ не ходи, рабой божьей N. не буди! Вотъ тебѣ работа: днемъ играй пестомъ да ступой, а ночью матицей, вовѣки вѣковъ, аминь.»

(Записанъ въ г. Холмогорахъ).

9.

Въ банѣ трутъ ноги ребенка о потолокъ и говорятъ.

«Какъ эта матица съ потолочинами спитъ и молчитъ, никогда не кричитъ, не реветъ; такъ и самой ребеночекъ спать бы и молчалъ, никогда не кричалъ, не ревелъ.»

(Записалъ Е. Ивановскій въ Шенкурскомъ у.)

10.

а) Если ночницы беспокоятъ младенца мальчика, то берутъ нарочно сдѣланные стрѣлку и лучокъ и, втыкая въ колыбель, приговариваютъ:

«Вотъ тебѣ стрѣлка и лучокъ; играй стрѣлкой и лучкомъ, а не нашимъ дитемъ!»

б) Если больна дѣвочка, то втыкаютъ прялку, кудель и вертено подъ матицу, со словами:

«Вотъ те прялка, кудешка и веретешко; пряди, а не дитемъ играй.»

(Записано въ г. Холмогорахъ).

11.

а) Больному мальчику кладутъ въ ноги топоръ со словами:

«Ночная полуночна, утрення полуутренна, денная полуденна, вечерня полувечерня, не тѣшься моимъ младенцемъ, на тебѣ топоръ, сѣки и руби, отъ моего младенца отойди; дай моему младенцу спать и молчать, уснуть, умереть.»

б) Если дѣвушка, то кладутъ ей въ ноги прялку съ такими словами:

«Ночная полуночна, утрення полуутренна, вечерня полувечерня, не тѣшься моимъ младенцемъ, на тебѣ прялку; сиди да пряди (пряди), отъ моей дѣвушки отойди.»

(Записано Е. Ивановскимъ въ Шенкурскомъ у.)

12. Для чистоты тѣла младенца.

Обливаютъ или окачиваютъ младенца водою, приговаривая: «Съ гоголя вода, съ младенца N. вся худоба! вода подъ полъ, младенецъ на полъ.»

Это дѣлается большею частью бабкой въ банѣ.

(Записалъ свящ. Федоровъ въ с. Лисестровѣ, Архангельскаго уѣзда.)

13. Отъ чесотки.

Чесотку ребенка выводятъ такъ: мажутъ большое мѣсто сѣрой, смѣшанною съ сливками и дегтемъ; берутъ соръ изъ трехъ бань, пометъ курицы, листь отъ чесока, все это превращаютъ въ пепель, и мажутъ большое мѣсто. Или же берутъ однѣ сливки и говорятъ въ нихъ слова:

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Идетъ красна дѣвка съ сухимъ вѣникомъ, тушить, гаситъ банную нечисть, мокры коросты. Какъ у этого вѣника листки сухи, такъ были бы и коросты сухи; какъ у этого вѣника листки падутъ, такъ бы и часотка спала.»

(Записалъ Е. Ивановскій въ Шенкурскомъ у.)

14. Отъ зубовъ.

Выпавшій зубъ дѣти бросаютъ въ то мѣсто, гдѣ есть мыши, съ приговоромъ:

«На тебѣ, мышка, рѣнной (зубъ), дай мнѣ костяной.»
(Шенкурскаго уѣзда.)

15. Отъ дѣтской грыжи.

Повивальная бабка приговариваетъ: «Бабушка Соломонидушка у Пресвятой Богородицы грыжу заговаривала (или: заѣдала) мѣдными щеканами, желѣзными зубами, такъ и я заговариваю у раба б. Н.»

(Доставилъ священ. Федоровъ изъ с. Лисестрова, Арханг. у.)

16. На грыжу.

Станетъ р. б. (имя рекъ) благословесь и поидеть перекрестесь изъ избы дверьми, изъ двора воротами и станеть подъ восточную сторону и заглянетъ за тридевять земель и за тридевять морей. Тамъ есть вылѣтаетъ златъ илѣтухъ, садится къ рабу б. Н на голову и на темя, порхатъ и выпорхаетъ у р. б. Н золотымъ своимъ крыльемъ и золотыма своими коктями вси грыжи и грыжухи, родовы и напускны, уросны и прикосны, улетаетъ у р. б. Н изъ головы и съ темени; онъ уноситъ въ золотыхъ своихъ коктяхъ и въ золотомъ своемъ крыльи вси грыжи и грыжухи, родовы и напускны, уросны и прикосны, улетаетъ за тридевять земель и за тридевять морей. Въ томъ синемъ морѣ есть лютая змѣя, отдаваетъ златъ илѣтухъ той лютой змѣи изъ своихъ золотыхъ коктей вси грыжи и грыжухи, та лютая приѣдаетъ и

прижыраетъ, тѣмъ сыта пребываетъ. Во вѣки вѣковъ, аминь.

(Записано на Курь-островѣ Холмог. у. помощ. миссионера Батраковымъ).

17. Отъ грыжи.

Господи Боже благослови, Во имя О. и С. и св. Д. Есть море Окиянъ; въ томъ морѣ Окиянѣ есть бѣлой камень латырь, высота его 60 сажень, толщина его 60 сажень, поперекъ его 60 сажень. На томъ на камени латыри стоитъ хрустальный теремъ, въ томъ хрустальномъ терему стоитъ золотой стулъ, на томъ стулѣ сидитъ красная дѣвица, подпоясалась золотымъ поясомъ, подперлась золотымъ посохомъ. Государыня ты красная дѣвица, дай ты мнѣ р. б. и грыжныхъ словъ добрыхъ, грызеть у меня раба б. вотчину золотная грыжа, истовая грыжа, пуповая грыжа, мокрая грыжа, бѣлая гр., красная гр., родимая гр., привязанная гр., кила-грыжа, тазотеченная гр., отрочная гр., сердечная гр., десная гр., поясовая гр., водяная гр., кровавая гр., пригноная гр., суставная гр., нутренная гр., верхняя гр., ручная гр. и ножная грыжа. Грызеть та грыжа вѣтха мѣсяца и молода мѣсяца и въ перекрой мѣсяца, по утреннимъ зорямъ и по вечернимъ зорямъ, и по всякой день и по всякой часть и по всякое время. И возговоритъ красная дѣвица: ой еси грыжа, вошла еси ты въ р. б. Н. въ вотчину шукою, и ты выйди изъ него окунемъ, и поиди къ бѣлому камению, буди тамо до скончанія вѣка, да свей себѣ, грыжа, въ камени гнѣздо круглое, а не грызи ты у меня р. б. Н ни крови, ни тѣла, ни костей, ни мозговъ, грызи себѣ злая грыжа у тридевять рѣкъ головы, а не ѣшь ты, злая грыжа у меня р. б. Н. ни крови, ни тѣла, ни костей, ни мозговъ, грызи себѣ, злая грыжа, у тридевять горъ головы, а не ѣшь ты у меня р. б. Н. ни крови, ни тѣла, ни костей, ни мозговъ, грызи себѣ злая грыжа у тридевять древъ головы, а не ѣшь у меня р. б. Н. ни крови, ни тѣла, ни кости, ни мозговъ, грызи себѣ злая грыжа горькое древо осину, и не ѣшь у меня р. б. Н. ни крови, ни тѣла, ни костей, ни мозговъ отъ нынѣ и до вѣку и до гробовой доски, въ день и въ ночь по всякій часть, аминь.

Указъ: говори трижды на сало ворванное, или на кисляи шти, или на матерно млеко, или на щучьи зубы, и мазать безъименнымъ перстомъ противъ того мѣста, гдѣ грызеть.

(Изъ рукоп. статей Ив. Костылева: Простонар. медицина въ Шенкур. у.).

18. Отъ грыжи.

Бабушка Соломонія мыла, парила раба б. N. въ парной байнѣ, заѣдала, загрызала и заговаривала грыжные грыжи у раба б. N. въ становой кости, въ пуповой жилы, въ рукахъ и ногахъ, заноготные и чашальные грыжи; не троньте и не грызите раба б. N. ни въ день, ни въ ночь, ни въ утреню зорю, ни въ вечерню, ни на нову, ни на ветху и ни на перекрою мѣсяцу. Пойдите грыжи изъ сѣнницей воротами, изъ байни дверьми, въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ есть сѣръ камень, грызите грыжи сѣрый камень. Во вѣки вѣковъ, аминь.

Три раза приговариваютъ и за каждымъ разомъ трижды сплевываютъ.

(Записано П. С. Ефименкомъ въ г. Онегѣ).

19. Отъ грыжи.

Говорить въ теплую воду, обданую на дресвѣ:

Господи Боже, благослови. Стану я рабъ божій Іоаннъ благословесь, пойду перекрестесь, изъ избы дверми, изъ двора воротами, пойду въ чистое поле; есть въ чистомъ полѣ акіанъ море и есть на акіанѣ-морѣ бѣлой камень, и есть подъ бѣлымъ каменемъ шука золотая и перье золотое и кости золотыя, и зубы золотыя, и приди шука къ рабу божію нияреку и выгрызи у р. б. ниярека своими золотыми зубами грыжу вѣтряную, грыжу напущенную, грыжу жильную, грыжу костяную, сосцовую грыжу, красную грыжу, мокрую грыжу, отъ отца грыжу, отъ матери грыжу, всякую бывающую, и спустись грыжа къ поясу и выйди мочью и шулятами на дресвянъ камень, и поживи три часа денныхъ, и поиди грыжа съ дресвяна камени на пустое мѣсто, въ темное мѣсто, гдѣ солнце не огрѣваетъ, гдѣ люди не ходятъ и не бывають, гдѣ птицы не летаютъ, гдѣ звѣри не заходятъ, и поиди грыжа за быстрыя рѣки и поиди грыжа за гремучіе ручьи, и когда будетъ Христово второе пришествіе, обратись грыжа вспять, тѣмъ словамъ во вѣки вѣковъ, аминь:

(Выписано изъ стариннаго сборника заклинаній).

20. Зубныя слова.

Стану я р. б., благословесь, пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами въ чистое поле, подъ восточную сторону, къ синему морю. И есть въ чистомъ полѣ подъ восточной стороною лежитъ бѣлудубова гроб-

ница, и есть въ той бѣлудубовой гробницѣ Іюня мертвецъ, и какъ у того Іюня мертвеца зубы не болятъ, мясо не пухнетъ, червь зубовъ не точитъ, такъ же бы у меня раба б. N. зубы не болѣли, мясо не пухло и червь зубовъ не точила. Вѣкъ повѣки, отъ нынѣ и до вѣку. Будьте моя слова полны не договорны и не переговоры, которое слово учитель недоучилъ или самъ ученикъ позабылъ, то слово не отставай, въ тотъ же аминь приставай. Аминь.

(Изъ рукописнаго дѣла, доставленнаго изъ Шенкурскаго уѣзда: «Нарядъ Устьпаденскаго приказа о доставленіи въ Архангельскую уѣздную контору свѣдѣній для составленія этнографіи чиновникомъ особыхъ порученій г. товарища министра удѣловъ, 8 апрѣля 1847 года»).

21. Отъ зубной боли.

Если у какого человѣка болятъ зубы, то берутъ шепотки въ соль и кладутъ на зубы.

Стану я р. б. N. благословесь, пойду перекрестесь изъ избы дверьми, изъ двора воротами въ чистое поле задворами въ восточную сторону, по пути же мнѣ святыя Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, на супротивъ ихъ въ синемъ оліяніи морѣ плаваетъ утоплой мертваго человѣка трупъ, а по-подъ ясному небу летитъ ясною соколъ, и спрашиваютъ св. Авраамъ, Исаакъ и Яковъ: что ты утоплой мертваго человѣка трупъ, не болятъ ли у тебя зубы, не шипятъ ли шокы, не грызетъ ли алаковъ? Отвѣтъ имъ держать мертвой трупъ съ синяго моря: св. Авраамъ, Исаакъ и Яковъ, у мертваго человѣка не болятъ зубы, не шипятъ шокъ и не грызетъ алаковъ, а у яснаго сокола не пришеваютъ губы, такъ же у р. б. N. не болѣли бы зубы, не шипѣли бы шокы, не пришевели губы и не грызло бы алаковъ, вѣкъ по вѣку отъ нынѣ до вѣку. Будьте мои слова крѣпки, какъ камень на водѣ и на землѣ на хлѣбѣ и соли. Всѣмъ моимъ добрымъ словамъ небо ключъ земля замокъ, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

(Нарядъ Устьпад. удѣльн. приказа о доставл. въ Арх. Удѣл. Конт. этногр. свѣдѣній 1847 г. за № 60.)

22. Отъ зубной боли.

Берутъ листокъ луку и говорятъ въ него: «Стану я рабица божія (ния рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверми, изъ двора воротами, въ чистое поле задворами, въ восточную сторону. Въ восточной сторонѣ стоитъ Лазарева церковь, въ Лазаревой церкви, на средней лавкѣ, стоитъ дубовая гробница; въ боду-

вой гробницѣ лежить Иванъ мертвецъ. У Ивана мертвца не болѣла голова, не щипило зубы, не ломило кости, вѣка по вѣки отъ нынѣ до вѣка. Такъ бы и у р. б. (имярекъ) не болѣла голова, не щипило зубы, не ломило кости вѣки по вѣки, отъ нынѣ до вѣки. Будьте мои слова плотно на плотно, крѣпко на крѣпко, къ моимъ словамъ ключъ и замокъ булатна печать.»

Лукъ кладется на большой зубъ.

(Записалъ Е. Ивановскій въ Шенкурскомъ у.)

23. Отъ зубной болѣзни.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь. Стану я, рабъ божій им., до сходъ солнца, стану благословесь, и пойду перекрестесь; выйду въ чистое поле, въ широко раздолье. Въ чистомъ полѣ, въ широкомъ раздольѣ лежитъ бѣлый камень Латырь. Подъ тѣмъ бѣлымъ камнемъ лежитъ убогой Лазарь. То я, рабъ божій им., спрошу убогаго Лазаря: не болятъ ли у тебя зубы, не шепить ли щоки, не ломить ли кости.—И отвѣтъ держитъ убогой Лазарь: «рабъ божій имя рекъ, не болятъ у меня зубы, не шепить щоки, не ломить кости.» Такъ бы у меня раба божія им. не болѣли бы зубы, не щипило бы щоки, не ломило бы кости, въ день при солнцѣ, ночью при мѣсяцѣ, на утреней зори, на вечерней зори, на всякъ день, на всякъ часъ, на всякое время. Тѣмъ моимъ словамъ ключъ и замокъ: во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь.

(Зайствована изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ г. Шенкурска).

24. Отъ зубной боли.

Во имя О. и С. и Св. Д. Аминь! Мѣсяцъ Генварь (или другой, тотъ, въ который произносится заговоръ). Спрашивалъ я, р. б., Н. у Ивана Богослова: болятъ ли у мертвыхъ зубы? Иоаннъ Богословъ спрашивалъ у Самаго Истиннаго Христа: болятъ ли у мертвыхъ зубы? Рече ему Истинный Христосъ: не болятъ у мертвыхъ зубы до втораго святаго пришествія Христова. Также не болѣли бы и р. б. Н. до втораго святаго пришествія Христова.

(Доставилъ П. А. Ивановъ изъ г. Пинеги).

25. Слова зубныя.

Говорить въ соль, вино, воду и пр.

Во имя Отца и Сына Св. Духа. Стану я, рабъ божій имя рекъ, благословесь слова говорить: самъ Господь Исусъ Христосъ поди на помощь, явился Маіи мѣсяцъ,

восходить высоко и видить далеко въ чистомъ полѣ мертвыхъ много. Какъ у мертвыхъ зубы не болятъ, такъ бы у меня, раба божія имя рекъ, зубы не ныли и не унывали, черви не точили и не подтачивали. Какъ мертвый не слышитъ въ себѣ ни скорби, ни болѣзни, такъ бы я, рабъ божей имя рекъ, не слышалъ ни скорби, ни болѣзни, ни опухоли, ни щепоты, ни уразу отъ всякаго зла и лиха человекѣка вся крѣпость Св. Духа, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогор. у.)

26. Отъ зубной боли.

Стану я рабъ б. Н. благословясь, выйду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротми. Выйду я на широкую улицу, посмотрю и погляжу на младъ свѣтель мѣсяцъ: въ томъ млади мѣсяцу два брата родные, Кавель (sic) да Авель, какъ у нихъ зубы не болятъ и не шипятъ, такъ бы у меня раба б. Н. не болѣли и не щипѣли.

(Записано въ г. Холмогорахъ.)

27. Отъ зубной боли.

Четыре сестрицы Захарій да Макарій, сестра Дарья да Марья, да сестра Ульянѣя, сами говорили, чтобы у раба б. Н. щоки не пухли, зубы не болѣли, вѣкъ по вѣку и отъ нынѣ до вѣку,—тѣмъ моимъ словамъ ключъ и замокъ: ключъ въ воду, а замокъ въ гору.

Наговариваютъ на воду, которую потомъ и выпиваютъ. (Записалъ г. Огородниковъ. См. Труды Арх. Ст. В. 1865, стр. 41.)

28. Отъ зубной боли.

Взять три корешка земляники, пустить въ воду и сказать три раза: «Какъ земляника эта засыхаетъ и завядаетъ, такъ чтобы и у раба б. Н. зубы замирали и занѣмѣли, чтобы черви и пути занѣмѣли, по сей день, по сей часъ.» Положить корешки на зубъ, а воду пить.

(Доставилъ П. А. Ивановъ изъ г. Пинеги.)

29. Отъ зубной боли.

Говорить три раза на вино:

Яость есть островъ, Яость полонъ людей, венъ при своей простотѣ, и хвалитца Арханъ на Русь побывать и Русь (воевать?) И молюся, я рабъ божій имярекъ, Пречистой Богородицы, чтобы Архану царю на Руси не бывать, Русь не воевать; такъ бы у меня, раба божія имя

рекъ, зубному недугу не бывать, щекамъ не пухнуть, зубамъ не болѣть, въ полнѣ мѣсяцѣ и въ ущерби мѣсяцѣ. Моимъ словамъ небо и земля ключъ и замокъ, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогорскаго у.)

30. Отъ ячменя.

Господи благослови! Солнце на западъ, день на исходъ, сучекъ на глазу на изводъ, самъ пропадетъ, какъ чело *) почернѣетъ. Ключъ и замокъ словамъ моимъ.

Смачиваютъ указательный палецъ слюною, и мажутъ имъ больной глазъ, приговаривая на палецъ три раза слова заговора.

(Записалъ г. Огородниковъ. См. труды Арх. ст. ком. за 1865 г., стр. 44.)

31. Отъ сучьяго сучка.

Воспаленіе глазнаго вѣка (сучій сучекъ) лечатъ искрами, высѣкаемыми изъ огня прямо на больной глазъ. Искры высѣкаетъ на вечерней зорѣ старшій или младшій въ семействѣ. Больной спрашиваетъ: «что съчешь?» Ему отвѣчаютъ. «Огонь огнемъ засѣкаю рабу Б. Н.» Больной опять говоритъ: «сѣки горазне, чтобы въ вѣкъ не было!» Это повторяется три раза.

(Карм. кн. для любит. землев. изд. Рус. Геогр. Общ. 1848 г. Извл. изъ замѣт. о повѣр. и суев. жит. Арх. г., Верещагина стр. 312—320.)

32. Отъ боли глазъ съ озѣву.

Когда кто укорить другого какимъ либо недостаткомъ глазъ, съ пожеланіемъ еще худшаго, и если укоренный подумаетъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ не случилось съ нимъ этого, тогда непременно явится боль въ глазахъ. Отъ такой боли моютъ глаза водой, въ которую наговариваютъ:

«Сама себя озѣвала, сама себя окоркала, сама себя и пособлю.»

(Записалъ Е. Ивановскій въ Шенкурскомъ у.)

33. Отъ боли въ ушахъ.

Прикладываютъ дитя къ угловому кресту у избы, образуемому изъ древесной сѣры, отъ дѣйствія жара, и говорятъ:

*) Устье печи, откуда пламя и дымъ идутъ въ трубу.

«Уголь рубленъ и крестъ дубовъ. У того креста не болѣло, не щипѣло и уха не вертѣло; и такъ бы у раба Б. Н. не болѣло, не щипѣло и уха не вертѣло, ни въ день, ни въ ночь, ни въ утреннюю зорю, ни въ вечерню, ни на нову, ни на вѣтру, и ни на перекрою мѣсяцу. Вовѣки вѣковъ, аминь.»

(Записано П. С. Ефименкомъ въ Холмогорахъ.)

34. Утинъ прискать.

Утинъ, или спинную боль лѣчатъ, преимущественно старухи, слѣдующимъ образомъ: больной лежитъ ницъ черезъ порогъ и когда онъ такъ ляжетъ, лѣбарка-старуха кладетъ на спину его вѣникъ (листоватикъ) и ударяетъ по немъ остриемъ топора. Послѣ каждаго удара топоромъ, больной спрашиваетъ: — что съчешь? «Утинъ сѣку!» Отвѣчаетъ лѣбарка. — Сѣки крѣпче! — говоритъ больной. Это повторяется до трехъ разъ. Вѣникъ, лежащій на спинѣ больного утиномъ, выносятся имъ на улицу и бросается на отиашку.

(Доставилъ священникъ Макаровъ изъ Шенкур. у.)

35. Слова-заговоръ косить (чтобъ не болѣла спина).

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Стану я, рабъ божій имя рекъ, благословесь, пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, выйду въ чистое поле, и въ зеленые луга; и какъ растетъ въ зеленыхъ лугахъ трава и отъ Божей милости и отъ вѣтра колыбаецца и шатанецца и сгибаецца и не чувствуетъ въ себѣ никакія скорби и не болѣзани, также бы мнѣ, рабу божию имя рекъ, косю траву косилъ, шаталсе изгибаалсе и не чулъ бы въ себѣ устатку и въ спины своей никакія скорби и не болѣзани; и сколько она трава шатанецца отъ вѣтра и отъ всякой милости Божией и не чувствуетъ никакого въ себѣ устатку и болѣзани, также бы мнѣ, рабу божию имя рекъ, сколько бы не косилъ и не чулъ бы въ себѣ и въ спины своей никакія болѣзани, не скорби и не устатку отъ нынѣ и до вѣку и до втораго Христова пришествія; и тутъ моимъ словамъ ключъ и замокъ, ключъ въ мори, языкъ въ роти. Во имя Отца и Сына, и Св. Духа, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмог у.)

36. Противъ безсилія.

а) Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь. Есть святое аминь море, на домъ святомъ якианъ море

есть стоять островъ, на томъ острову стоять дубъ булатной, у того дуба булатнаго корени булатные, сучье булатное, вершина булатная; кругъ того дубу булатнаго вѣтромъ не согнетъ, вехоремъ не сломить, такъ бы у меня раба божія имя рекъ, стояли семьдесятъ жилъ и единая жила... на женской ликъ, на красныя дѣвицы, на старыя бабы, на молодыя молодницы, на сивыя кобылицы. Еще же подъ тѣмъ булатнымъ дубомъ кузовъ ярости и юности, и азъ, рабъ божій имя рекъ, возьму кузовъ ярости и юности, распущу ярость и юность на раба божія имя рекъ, въ ретивое сердце, въ 77 жилъ, въ едину жилу сердечную и въ единую жилу... Еще же на верху булатнаго дуба сидитъ веселая птица пѣтухъ, ставаеъ рано, голову дымаеъ и поетъ весело, столь же бы стояли у раба божія имрежъ, 77 жилъ и единая жила... ставали бы рано на женской полкъ и на мужской, на молодыя молодницы, на красныя дѣвицы, на старыя бабы; и злаго челоуѣка порчельника, кто на меня зло думаеъ и мыслить, ударъ его колени о камень, убей его; у меня, раба божія им., стали 70 жилъ и единая жила... стали лучше стараго, хоробрѣе прежняго, что турей рогъ, что еловой сукъ, толь бы тотъ рабъ божій имр., пылокъ и ярокъ на женскую похоть, на полое мѣсто, во вѣки вѣковъ, аминь.

б) Господи Боже, благослови Отче. Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь. И пойду въ чистое поле и помолюся Истинному Христу Царю Небесному, и какъ стоитъ путь желѣзный, жерновной не тряхнется, не ворохнется, не пошатается, такъ бы у раба божія имр., стояли 70 жилъ и единая жила... 70 суставовъ противъ полого мѣста противъ женскія, не погнулся бы, не ворохнулся бы, не пошатался. И какъ стоитъ желѣзное долото не сломится, не тряхнется; такъ бы у меня раба божія имр., 70 жилъ и единая жила... 70 суставовъ противъ полого мѣста, противъ женскія. Какъ стоитъ... острога не тряхнется, не ворохнется, не пошатается, такъ же бы стояли 70 жилъ и единая жила... 70 суставовъ противъ полого мѣста, противъ женскія, противъ нечистой и поганой, не тряхнулся бы, не ворохнулся бы, не пошатался бы, всегда нынѣ и присно я во вѣки вѣковъ, аминь.

Говорить трижды въ воду чистую, испить не много, достальною обкатиться въ бани на парное тѣло.

в) Во имя отца и сына и Св. Духа аминь. Есть оианъ море, на пуповинѣ морской лежитъ Латырь камень, на томъ Латырьѣ камени стоитъ булатной дубъ и

вѣтвие и корень булатной. Болъ тотъ булатной дубъ стоитъ крѣпко и плотно, столь бы крѣпко и плотно стоялъ бѣлой... ярый... п...ная жила на женскую похоть, на полое мѣсто. Изъ подъ того камени выйдитъ быкъ порозъ, булатны рога и копыта булатныя, и ходитъ около дуба булатнаго и тотъ дубъ бодеть и толкаеъ и не можетъ того дуба сломить и повалить. Сколь тотъ крѣпко булатной дубъ стоитъ и сколь крѣпки рога у пороза, столь бы крѣпко стояла ярая п...ная жила на женскую похоть, на полое мѣсто. Изъ подъ того Латыря камени вылетаетъ пѣтухъ, съ ними вылетаетъ тридевятъ куриць, и опъ пѣтухъ на тридевятъ куриць топчетъ и скачетъ пылко и ярко, сколь тотъ пѣтухъ пылокъ и ярокъ, столь бы тотъ рабъ божій имр., пылокъ и ярокъ на женскую похоть, на полое мѣсто, во вѣки вѣковъ, аминь.

(Списано со старинной рукописи, доставленной кр. Дохтуровымъ изъ с. Ракузы. Холмогор. у.)

37. Отъ стрѣль.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа аминь. Не отъ вѣтра не отъ вихоря пришла сія стрѣла въ раба Б. Н, и выходи сія стрѣла изъ раба б. Н на укладъ, на желѣзо и на масло, тенесь, не ломишь и не рвись. Всегда, нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ, аминь.

(Извлечено изъ старинной рукописи въ с. Ворзогорахъ, Онежск. уѣз.)

38. Аще у кого сердце болитъ.

Говорить трижды:

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Ъдетъ мертвъ въ полѣ, и рече ему: «далече ли, друже, ѣдешь?» Ъду за море на красныя дѣвицы, на бумажныя перины; тамо мертвые наши веселятся, сердца у нихъ ни болятъ, ни шипятъ, ни о чемъ не тоскуютъ; — и тако бы у раба Божія им рекъ, сердце на болѣдо, не шепило, ни о чемъ не тужило. Сколь скоро сіе слово измѣнится, столь скоро и борзо у имя река сердечная тоска болѣзнь измѣнилась, вовѣки вѣковъ, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго лѣчебника доставленнаго изъ с. Пингишей, Холмогор. уѣз. свящ. А. Колчинымъ).

39. О т ѣ т р а с ц ы.

Писать по ровну на бумаги три имена:

Анфака, Іугамы, Фатутей.

(Изъ стариннаго лѣчебника, доставленнаго свящ. А. Колчинымъ изъ села Пингишей, Холмогор. у.)

40. Отъ лихорадки, или дрожжалки.

Больной, если хватить силы, идетъ въ лѣсъ, находитъ осину, кланяется ей и говоритъ:

«Осина, осина, возьми мою тресину, дай мнѣ леготу!»

Послѣ этого перевязываетъ осину своимъ поясомъ.

(Записалъ Е. Ивановскій въ Шенкурскомъ у.).

41. Отъ лихорадки.

На морѣ на окиянѣ, на островѣ на Буянѣ, лежитъ камень алтырь. На томъ камнѣ сидятъ три старца съ желѣзными прутьями. Идутъ къ нимъ на встрѣчу 12 сестеръ лихорадокъ. — Вы, куда идете грѣшныя, окаянныя, проклятыя? — Идемъ въ мѣръ, у людей кости ломать да силу вынимать». — Воротитесь грѣшныя, проклятыя, окаянныя. — «Мы тогда воротимся, когда эти слова будутъ всѣ знать, да по три раза въ годъ читать».

(Доставилъ П. А. Ивановъ изъ г. Пинеги).

42. Отъ лихорадки.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. При морѣ Черномъ стоитъ столбъ каменный и всѣ тутъ стоятъ 4 евангелиста, Иоаннъ Богословъ, Лука, Матвѣй и Маркъ, и Ангелы Христовы, сами зрятъ на море. И вышедъ изъ моря 12 женъ сестеръ простовласыхъ и окаянныхъ видѣнїемъ и вопросиша ихъ святыя Отцы и Ангелы: что вы за жены окаянныя видѣнїемъ? куда идете? Онѣ же отвѣщаша, что идемъ искати и мучити рода человѣческа. Они же начаша ихъ самихъ мучити и давати имъ по 300 ранъ по хребтамъ ихъ. И начаша окаянныя видѣнїемъ молиться: Господіе, ослабите намъ, и гдѣ слышимъ имена ваша святія, то отъ того человека, раба Божїя, бѣжимъ прочь за семь поприщъ. И вопросиша ихъ святыя отцы и Ангелы Христовы, что суть имена ваша? Онѣ же окаянныя сказаша имена своя: мы дщери Ирода царя, а зовутъ насъ трясовицами, а имена наша: 1. Башея, 2. Овена, 3. Каса, 4. Орыста, 5. Оледья, 6. Ломеня, 7. Кашлея, 8. Горлея, 9. Пухлея, 10. Вертея, 11. Желтица, 12. Горница. И рекоша имъ святїя Отцы и Ангелы Христовы: съ нами Богъ, и гдѣ слышите имена наша святія и молитвы Исуса Христа, то отъ того человека, раба Божїя, бѣжите прочь въ крутыя горы, на семь рабѣ Божїемъ (имярекъ) Христово знаменїе, крестъ хранитель всея вселенныя, крестъ красота церкви, крестъ царямъ держава, крестъ вѣрнымъ утверженїе, крестъ Ангеламъ слава, крестъ демонамъ язва, крестъ прогонитель бѣсовъ, огневицъ, тря-

совицъ, и утреннихъ костоломныхъ жильныхъ корчуньевъ, крестъ избавляетъ всякаго человека вѣрующаго въ него. Аминь. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Рече Ангелъ Господень: Заклинаю васъ, окаянныхъ, грозными воеводами Михаиломъ и Гаврииломъ Архангелами и Святыми Апостолами и Евангелистами, Иоанномъ Богословомъ, Лукою, Матвѣемъ и Маркомъ, и преподобнымъ Сисинїемъ, всѣхъ огневицъ, трясовицъ и утреннихъ костоломныхъ жильныхъ корчуньевъ, да не прикоснется къ сему рабу божїю (имярекъ). Аминь. Да воскреснетъ Богъ (говорить до конца). Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Въ началѣ бѣ слово и слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ слово. Сей бѣ искони Богу, вся тѣмъ быша, и безъ него ничтоже бысть, еже бысть. Аминь. Крестъ хранитель всея вселенныя, крестъ красота церкви, крестъ царямъ держава, крестъ вѣрнымъ утверженїе, крестъ Ангеламъ слава, крестъ демонамъ язва, крестъ прогонитель бѣсовъ, огневицъ, трясовицъ и утреннихъ костоломныхъ жильныхъ корчуньевъ. Аминь. О, великій пророче Предтеча и креститель Господень Иоаннъ и святїи Апостоли, Христовы Евангелисты, Иоаннъ Богословъ, Лука, Матвѣй и Марко, и святїи Архистратизи Божїи Михайле и Гаврииле и святїи Возьма и Демьяне и святїи 9-ть мученикъ и преподобный отецъ Сесинїя и всѣ святїи, избавите сего раба божїя (имярекъ), отъ всякой болѣзни, отъ лихорадки, огневицъ, трясовицъ и утреннихъ костоломныхъ жильныхъ корчуньевъ и измените изъ сего раба божїя (имярекъ), изнутри и живота и сердца его. Аминь.

Стихъ сей прочитати трижды передъ иконою надъ водою и потомъ этой водою вымыть больного и напоить и потомъ будетъо здравъ.

(Списано П. С. Ефименкомъ со старинной рукописи).

43. Отъ трясавицы.

а) Напиши на служащемъ просфорѣ, дай ясти больному сію молитву.

Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Яко же святїи Аркадіи укроти львы въ пустыни, тако и ты, Господи, укроти трясавицу сію въ рабѣ божїемъ имя рекъ, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки, вѣковъ, аминь.

б) Молитву вторую напиши на бумагѣ, которую, когда болящїй выноситъ три дня, смечь, и тотъ пепелъ выпить, растворя святою водою:

Шедшу святому Сисенїю отъ горы Синайскїя, обрѣте бѣсица, имуща очи разжены и руде желѣзны и власы верблюжіе, и рече си святїи Сисенїи: — гдѣ идешь

нечистыя душе и откуда еси? — Она же отвѣща ему и рече: «азъ иду юность женску изсушити, млеко оставити, а младенцы погубити, очи возвратити чловѣкомъ, а другіе родятъ глухи и нѣми, и погублю во чревѣ матернемъ.» Тогда помолися святій Сисеній Господу Богу, и предста ему святій архангелъ Михаилъ, ухвати ея, вкова десною рукою своею, и рече ей: — аще ми не кленешися, не отъидеши отъ руки моея, — она же клятеся ему и рече тако: «мышца великаго Бога и непоколеблемая, яко не имать ти солгати, да аще кто можетъ изчитати дванадесять именъ моихъ, не имамъ приблизитися къ тому чловѣку, ни къ дому его, а имена моя: 1-е Вящица, 2-е Бѣсица, 3-е Преображница, 4-е Убийца, 5-е Елиня, 6-е Полобляющая, 7-я Имарто, 8-я Арія, 9-я Изъѣдущая, 10-я Негризущая, 11-я Голяда, 12-я Налукія». И рече ей архангелъ Михаилъ: — заклинаю, проклятая сатано, Исусъ Христомъ, Сыномъ Мариннымъ, той изгонитъ трясавицу отъ р. б. им. и отъ дому его, молитвами и заступленіемъ честныхъ небесныхъ силъ, безплотныхъ, и святія причистія преблагословеннія Владичицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи и святаго великомученика и побѣдоносца Георгія и всѣхъ святыхъ молитвами; оставися трясавица отъ р. б. им. Во имя Отцы и Сына и Св. Духа. Аминь.

(Списано П. С. Ефименкомъ со старинной рукописи въ Холмогорахъ.)

44. Описокъ о трясавицахъ.

Сей списокъ на пользу всякому православному христіанину отъ болѣзней трясавиць.

Когда бываетъ у чловѣка лихорадка, тогда надобно говорить надъ больнымъ чловѣкомъ трижды, и говорить въ крещенскую канунскую воду, и крестъ или распятіе въ ту же воду положить, и глаголя молитву сію:

Въ пречестномъ святомъ Окіанѣ морѣ стоитъ столбъ, на томъ столбѣ камень, и на томъ камени святій отецъ Сисеній, и узрѣ на морѣ видѣніе: возмутися вода до облакъ, изыдоша изъ моря 12 дѣвогъ простоволосыхъ и безпоясыхъ, и видѣніе ихъ діавольское. И спроситъ у нихъ святій отецъ Сисеній: — что вы за дѣвы? — Они отвѣчаютъ ему, окаянныи діаволѣ: «мы есть трясавицы, отца Филипа, брата Иродова, дщери, которой снялъ главу вашего Іоанна Предтечи. И рече имъ отецъ Сисеній: — почто вы пришли и куда идите? — Они же рѣща: «изъ рода христіанскаго людей мучити,

аще кто зло творитъ и клевететь, безмѣрно упивается виномъ и объядается, заутрени просыпаетъ, обѣдни прогуливаетъ, мы тѣхъ добираемся и мучимъ немилостиво; они есть угодницы наши».

И поча молится, Господу Богу и Отцу святій отецъ Сисеній: Господи, избави родъ христіанскій, сихъ діаволѣй. И послалъ Господь три архангела: Михаила, Сихаила и Агноса, и четырехъ евангелистовъ: Луку, Марка, Матфея, Іоанна Богослова; и повеле ихъ окаянныхъ мучити и бити тремя прутами желѣзными, по хребту и по чреву и по всему тѣлу, и даша по три тысячи ударовъ на каждый день; они же возмолишася: помилуйте ны святія отецъ Сисеній и три архангела Михаилъ, Сихаилъ, Агнось, помилуйте родъ христіанскій и рече окаянныи діаволѣ: «Господи и угодниче божіи! гдѣ мы васъ заслышимъ, въ которомъ городѣ или страны, то мы того города или страны станемъ боятса и побѣжимъ отъ васъ за сто версть, и къ тому чловѣку болѣе не придемъ.» Испросивъ у нихъ святій отецъ Сисеній и Михаилъ, Сихаилъ, Агнось, какія ваши имена окаянныи діаволѣ.

Они же рѣша:

1-я рече: имя мнѣ Тресѣя.

2-я рече: имя мнѣ Огнія кипучая, какъ въ печи смольнима дровами сжгу чловѣка.

3-я рече: имя мнѣ Недра, знобить чловѣка, не можетъ онъ и въ печи согрѣтиса.

4-я рече: имя мнѣ Ломѣя, ложиться на грудяхъ и подъ грудями и збираетъ у чловѣка утробу, всю перемутитъ.

5-я рече: имя мнѣ Усма губилица, та ложится у чловѣка въ грудяхъ, у сердца и находитъ хрепотою.

6-я рече: имя мнѣ Оглухища, уши затыкаетъ и голову ломитъ, ежели проминуеть годъ, тотъ чловѣкъ навѣчно будетъ глухъ.

7-я рече: имя мнѣ Тошея; та чловѣка такъ ломитъ, какъ буря сухое дерево.

8-я рече: имя мнѣ Пухея, та у чловѣка плечи и утробу пушитъ.

9-я рече: имя мнѣ Желтѣя, тогда чловѣкъ бываетъ желтъ, какъ въ куриномъ яйцѣ желтокъ.

10-я рече: имя мнѣ Окоркуща, та всѣхъ злѣе и проклятѣе, избираетъ ручныя и ножныя жилы, влечетъ.

11-я рече: имя мнѣ Гладя, та чловѣку въ ночи спать не даетъ, бѣси приступаютъ и съ умомъ раздѣляютъ.

12-я рече: имя мнѣ Невел, сестра большая и старшая

трясавица, при усѣиновеніи честныя главы Предтечи несла главу на блюдѣ и всѣхъ злѣе и проклятѣе, къ которому человекѣку пристанеть, тотъ не можетъ живъ быть.

Молитва надъ болящимъ человекѣкомъ подобаеть говорить въ канунъ-крещенскую воду священнику или простому мирянину:

Крестъ хранитель всея вселенныя; крестъ красота церквѣ; крестъ царемъ державы, крестъ ангеломъ слава, а діаволамъ язва. Во имя О. и С. и св. Д., аминь. Окаянныя трясавицы заклинаю васъ святымъ отцомъ Сисиніемъ и тремя архангелами: Михаиломъ и Сихаиломъ Агносомъ и четырьмя евангелистами: Лукою, Маркомъ Матфеемъ, Иоанномъ Богословомъ.

Ты еси окаянная Треся,
Ты еси окаянная Огнія,
Ты еси окаянная Недра,
Ты еси окаянная Ломѣя,
Ты еси окаянная Усма,
Ты еси окаянная Оглушища,
Ты еси окаянная Томея,
Ты еси окаянная Пухья,
Ты еси окаянная Желтѣя,
Ты еси окаянная Окоркуша,
Ты еси окаянная Гладѣя,

Ты еси окаянная Невѣя, сестра большая и старшая трясавица,—заклинаю васъ святымъ отцемъ Сисиніемъ и тремя архангелами Михаиломъ, Сихаиломъ и Агносомъ и четырьмя евангелистами, Лукою, Маркомъ, Матеемъ и Иоанномъ Богословомъ, и святыми безсребренниками Козмою и Даміаномъ, и страстотерпцемъ Георгіемъ побѣдоносцемъ, Димитріемъ мироточцемъ Артемономъ священномученикомъ. И побѣдите вы окаянныя діаволѣ прочь отъ раба или рабы божіа (имя рекъ); и призову на васъ святыхъ отцовъ Сисинія и Михаила и Сихаила и Агноса и четырехъ евангелистовъ: Луку, Марка, Матѣю и Иоанна Богослова, и начнутъ они васъ мучити и бити прутами желѣзными немилостиво и давати вамъ окаяннымъ по три тысячи ударовъ пруты желѣзными на каждый день, во вѣки, аминь.

И пей канунъ-крещенскую воду и глаголи молитву Исусову: Господи Исусе Христе, Сынѣ Бжій, помилуй мя грѣшнаго.

(Изъ старинной рукописи, доставленной помощникомъ миссіонера Батраковымъ, изъ с. Ухтострова, Холмог. у.).

45. Молитва кресту отъ болѣзней.

Въ близкомъ къ этому заклинанію вариантѣ, списанномъ П. С. Ефименкомъ изъ старинной рукописи, полученной изъ г. Шенкурска, помѣщена слѣдующая молитва кресту:

Крестъ хранитель всея вселенныя, крестъ красота церковная, крестъ царемъ держава, крестъ вѣрнымъ утвержденіе, крестъ ангеломъ слава, крестъ бѣсамъ язва, крестъ человекѣкомъ хранитель, крестъ рабу божію (имя рекъ) отъ бѣсовскія болѣзни избавленіе: отъ мимохода и отъ черной трясавицы и отъ икоты, отъ грыжи отъ всякія, и отъ шепоты, или кто съ ума собредеть и на свадьбу ѣхать; крестъ на главѣ и на очехъ, и на сердцѣ, и на рукахъ, и на ногахъ, и въ шею, и въ плечахъ, и въ колѣняхъ, и во утробѣ и на всѣхъ 72 суставахъ и во всѣхъ 72 жилахъ нашихъ... Евангелисты Матфей, Марко, Лука, Иоаннъ Богословъ даюше вамъ всѣмъ: мимоходѣ, икотѣ, трясцѣ и грыжи, свадебныя порчи, при зры и оговоры, всякому нечистому духу по четыре тысячи ранъ на всякій день и по другой тысячи на ночь, прогоняемъ васъ черную мимоходу, икоту и трясцу, и грыжу, и всякую порчу, уроки, прикосы, оговоры и всякія находныя и наводныя, и напущенныя, и всякую порчу, тяготы и позевоты, тоску, сухоту со всѣми нечистыми духи: идите вы, окаянныя, проклятыя со всѣми болѣзнями своими ко отцу своему сатанѣ на западъ, и подите въ тартарары, отпалиливыи (отпали ли вы?) есте славы божіа отъ Сына; на мнѣ рабѣ божіи опочиваютъ силы Господа и Спаса нашего Исуса Христа; крестная сила ангелъ хранитель, котораго далъ Господь Богъ отъ святаго крещенія, на всякъ день и ночь, на всякій часъ, на сохраненіе наше, и будетъ благодѣнье божіа на рабѣ божіи имя рекъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь. (Оттудаже).

46. Молитвы отъ двѣнадцати трясавицъ и лихорадокъ.

По обычномъ началѣ глаголемъ первѣе:

За молитвѣ святыхъ отецъ нашихъ, Господи Исусе Христе, сынѣ Божіе, помилуй насъ, аминь. Тресвятее и но Отче нашъ: Господи помилуй, 12. Слава и нынѣ. Приидите поклонимся Цареву нашему Богу, поклонъ. Приидите поклонимся Хр. Ц. и Б. нашему, поклонъ. Приидите поклонимся и припадемъ къ самому Г. Исусу Хр. Ц. и Б. н. поклонъ.

Молитва Кресту. Да воскреснетъ Богъ и разоидуща врази Его, (до конца).

а) Молитва на всяку немощь:

Владыко Вседержителю, врачу душъ и тѣлесъ, сми-
ряяй и возносяяй, наказуяй и пакы исцѣляяй, исцѣли
раба твоего имярекъ, немоществуяща, посѣти милостию
твоею, простри мышцу твою исполнену исцѣленія и
врачы, исцѣли его, возставляя его отъ одра немощи,
запрети духу немощи, отстави отъ него всяку язю,
всяку рану, всяку огневицу и трясавицу, аще въ немъ
есть согрѣшеніе или беззаконіе, ослаби, остави, прости
твоего раба ради твоего челоуѣколюбія. Ей Господи,
пощади созданіе твое, во Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ,
съ нимъ благословѣнъ еси съ пресвятымъ и благимъ и
животворящимъ твоимъ Духомъ и нынѣ, и присно, и
вовѣки, вѣковъ, аминь.

б) Молитва св. архангелу Михаилу:

Господи Боже великій, царю безначальный, пошли,
Господи, архангела своего Михаила на помощь рабу
твоему имярекъ, и защити мя отъ врагъ моихъ, види-
мыхъ и невидимыхъ. О, Господень великій архангеле
Михаиле, излей мира благаго на раба твоего имярекъ.
О, Господень великій архангеле Михаиле, демоновъ со-
крушителю, запрети всѣмъ врагамъ борющимся со мною,
сотвори ихъ яко овцы и сокруши ихъ яко прахъ предъ
лицомъ вѣтра. О, Господень великій архангеле Михаиле,
первый княже и воеводо небесныхъ силъ херувимовъ и
серафимовъ и всѣхъ святыхъ, о, чудный архангеле
Михаиле, хранителю не изреченный, буди ми помощникъ
во всемъ: въ обидахъ, въ скорбѣхъ и печалѣхъ, въ
пустыняхъ, на моряхъ и на рѣкахъ, тихое пристанище;
избави мя, великій архангеле Михаиле, отъ всякія пре-
лести дьявольскія; егда услышиши мя, грѣшнаго раба
твоего имярекъ, ускори на помощь мою и услыши мо-
литву мою. О, великій архангеле Михаиле, побѣди вся
противящіяся мнѣ силою честнаго и животворящаго
креста Господня и молитвами пречистыя Владычицы
нашей Богородицы и приснодѣвы Маріи и святыхъ отецъ
и архангелъ, и св. апостолъ, и св. пророка Іліи, и
св. Николы чудотворца, и св. великомученикъ Никиты
и Евстафія, и преподобнаго отца нашего Нифонта и пре-
подобныхъ отецъ и св. святителей и всѣхъ святыхъ,
аминь. О великій архангеле Михаиле, помози мнѣ, грѣш-
ному рабу твоему имярекъ, избави мя отъ труса, и
потоца, отъ огня и меча, и отъ напрасныя смерти; и
отъ всякаго зла, и отъ бури наносимыя, и отъ лука-
ваго избави мя, великій архангеле Михаиле Господень,
всегда и нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ, аминь. Аще
кто сію молитву чтеть на каждый день со усердіемъ и

со умиленіемъ, то аще преставленія отъ житія сего,
душу его и адъ не приметъ.

в) Молитва Господа нашего І. Христа отъ трясавиць
и отъ всякихъ причъ:

Во святую и великую пятницу, егда распяша жидове
Господа нашего І. Хр. С. Б., онъ же на крестѣ висяще
и дрожаше, а жидове у креста Господня стояще и му-
чаху Господа рекоша Исусу: «что дрожиши», Исусъ же
рече имъ: — дрожу ради великія немощи, студеныя тря-
савицы. — Исусъ же Христосъ моляся ко Отцу своему
глаголя: — Отче, молю тя о всѣхъ людяхъ страсть мою
поминающихъ и сею болезнью страждущихъ, избави ихъ
отъ тоя, и сію мою молитву кто при себѣ носяще отъ
всѣхъ трясавиць, да будетъ больнымъ Исусъ исцѣле-
ніе, грѣшнымъ спасеніе, немощнымъ избавленіе, и по-
семъ Исусъ рече: — заклинаю васъ окаянныхъ трясавиць
отцемъ моимъ святымъ Богомъ Саваоомъ и всѣмъ
воинствомъ ангелъ божіихъ, еще васъ всѣхъ сестеръ
дневныхъ и нудящихъ раба б. имяр. и неимете никакія
власти и не вредите его ничемъ; заклинаю васъ окаян-
ныхъ трясавиць и дьяволицъ именемъ отца моего Го-
спода Саваоа, отидите вы окаяніи отъ раба божія
имярекъ, и побѣдите дьяволицы, заклинаю васъ святымъ
отцемъ Сисиніемъ и св. архангеломъ Михаиломъ и анге-
ломъ Сихаиломъ и четырьмя евангелистами Матеемъ,
Маркомъ, Лукою, Іоанномъ Богословомъ и егда на одрѣ
лежаще святой апостолъ Петръ предъ враты Галилей-
скими и той боля трясавицею студеною, и приде къ
нему Исусъ Христосъ, рече же Петру: о чемъ лежиши?
Петръ же отвѣща ему: «Господи, боленъ есмь трясави-
цею студеною». Рече ему Исусъ: — возстани, Петре, отъ
трясавицы: — и воста Петръ и помолился Господу Богу:
«Господи Исусе Христе, Боже мой, молю тя, даждь
всѣмъ людямъ твоимъ такое же избавленіе отъ трясавиць
молящихся святому отцу твоему». Да аще кто сію
молитву при себе носитъ или по часту прочитывать бу-
детъ и востая рано и на тощее сердце пити будетъ
освященную воду, той воистину отъ всѣхъ трясавиць
избавленъ будетъ вовѣки вѣковъ, аминь.

г) Во имя Отца и Сына и Св. Духа аминь. Заклинаю
васъ окаянныхъ трясавиць и дьяволицъ Богомъ Вседер-
жителемъ и Господомъ нашимъ Исусомъ Христомъ и свя-
тымъ именемъ Его и святымъ архангеломъ Михаи-
ломъ и ангеломъ Сихаиломъ и четырьмя евангели-
стами Матеемъ, Маркомъ, Лукою и Іоанномъ и свя-
тымъ отцемъ Сисиніемъ, и положи крестъ въ воду
недержанную и погружай крестъ трижды съ молитвою

воскресноу: и давай пить болящему воду сію по многія утра на тоще сердце, проглагольвай сію молитву надъ водою тако:

Ты еси трясея окаянная, отъиди,
Ты еси гнетей окаянная, отъиди,
Ты еси злобея окаянная, отъиди,
Ты еси глаетя окаянная, отъиди,
Ты еси глушѣя окаянная, отъиди,
Ты еси ломея окаянная, отъиди,
Ты еси пухлея окаянная, отъиди,
Ты еси желтея окаянная, отъиди,
Ты еси неядея окаянная, отъиди,
Ты еси корчея окаянная отъиди,
Ты еси хрипушечя окаянная, отъиди,
Ты еси плясея окаянная, отъиди.

Заклинаю васъ окаянныхъ святымъ Богомъ Саваофомъ и возлюбленнымъ его сыномъ, Господомъ нашимъ І. Христомъ и всесвятымъ и благимъ и животворящимъ его Духомъ, и всѣми небесными его силами, и святымъ архангеломъ Михаиломъ, и ангеломъ Сиханломъ, и четырьми Евангелистами и св. отцемъ Сисиніемъ, победите вы окаянныхъ трясавицы и дѣволицы отъ раба Б. им. за 30 поприщъ; аще не побѣдите, то приведу на васъ окаянныхъ св. архангела Михаила и ангела Сиханла и четырехъ евангелистовъ, и начнутъ васъ бити и мучити желѣзными прутьями, дадутъ вамъ по 3 и 300 ранъ на день и прогонять васъ и отженуть окаянныхъ трясавицъ и дѣволицъ отъ раба Божіа им. въ землю мрачную, темную, непроходную и безводную, въ землю кипящую и горящую огнемъ и жупеломъ, навфою и смолою, на нейже человѣкъ не обитаетъ, а Богъ единъ презираетъ, и заключать васъ тамо въ безконечныя вѣки, вѣкомъ, аминь.

д) Молитва заклинательная на трясавицъ:

Въ мирѣ идушу святому отцу Сисинію и виде на горѣ синайстей столпъ огненный отъ земли и донесенъ, и съ того столпа изыдоша 12 дѣвъ простоволосыхъ окаянныхъ, и св. отецъ Сисиній вопроси ихъ: — кто вы есте за жены окаяныя волницы? — они же рекоша ему: «мы есмь трясавицы, Ирода царя дочери» и глаголюще имъ св. отецъ Сисиній:—вамъ окаяннымъ волницамъ дня не велѣно выходить изъ моря и почто вы сами вышли безъ веленія Божіа—рекоша же они окаяніи: «мы пришли въ миръ мучити родъ человѣческій, аще кто въ васъ упивается виномъ или кто заутреню просыпаетъ и Богу не молится часто со усердіемъ, и праздника Божіа не чтитъ, и блудъ творитъ, не чистъ во-

стаетъ, и рано пьетъ, той намъ есть угодникъ, того мы и мучимъ. Помолись св. отецъ Сисиній Господу Богу своему, дабы избавилъ отъ скорбей сей родъ христіанскій, отъ акаянныхъ трясавицъ и дѣволицъ. Исусъ Христосъ призва святаго архангела Михаила и ангела Сиханла и четырехъ евангелистовъ: Матѳея, Марка, Луку, Іоанна, повеле имъ бити ихъ окаянныхъ трясавицъ и мучити желѣзными прутьями, и даша имъ по 3 и 300 ранъ на день; окаяніа же начаша молитися архангелу Михаилу и ангелу Сиханлу и 4-мя евангелистамъ св. Матѳею, М., Л., І. вопіюще тако: Помилуйте ны рабы Христовы, оставите ны тако мучити, ибо мы побѣдимъ отъ сюду, отъ р. Божіа имярекъ бѣжимъ въ землю пусту непроходную и безводную, на ней же человѣкъ не обитаетъ, а Богъ единъ призираетъ и не возвратимся семо, и аще который человѣкъ въ болѣзни сей имена ваши помянетъ и васъ на помощь призоветъ и мы отъ того человѣка бѣжимъ и не возвратимся паки; и вопроси святыи отецъ Сисиній: како есть вамъ окаяннымъ имена? И рече ему 1-я: мнѣ имя трясея, 2-я рече: мнѣ имя гнетей, 3-я рече: мнѣ имя злобея, 4: мнѣ имя глаетя, 5 рече: мнѣ глушечя, 6 рече: мнѣ имя ломея, 7 рече: мнѣ имя пухлея, 8 рече: мнѣ у имя желтея, 9 рече: мнѣ имя неядея, 10 рече: мнѣ имя корчея, 11 рече: мнѣ имя хрипушечя, 12 рече: плясея, сестра ихъ старейшая, коего человѣка поймаю, той живъ небудеть, аще ли тогда прилучится православный или священникъ, да чтеть молитвы вышеписанныя надъ главою болящаго и потомъ налей въ сосудъ воды недержаной, и погружай свой крестъ, его же носиши на персехъ, трижды, съ молитвою воскресноу, и давай пить болящему воду сію по многія утра и на тошее сердце Во имя О. и С. и св. Д. аминь.

(Списано П. С. Ефименкомъ со старинной рукописи, доставленной крестьяниномъ Дохтуровымъ изъ с. Закулы холмог. у.)

47. Отрочныя.

Стану я, рабъ божій, Іоаннъ, благословесь, пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле, въ широко раздолье, къ окіанъ морю. Въ окіанъ морѣ сменъ камень, на камени престолъ, на престолѣ Богородица, и смываетъ и стираетъ съ меня р. б. имярекъ отъ старой старухи, отъ дѣвки чернавки и отъ бабы косматки, отъ двоезуба и троезуба, отъ троежена и отъ двоежона, отъ колдуна и отъ колдуніи, отъ двоеглаза и отъ троеглаза. Выйду я рабъ божій имя-

реку въ чистое поле. Есть въ чистомъ полѣ огненная рѣка и за той огненной рѣкой сіонская гора, и за той сіонской горой 77 церквей, и въ тѣхъ церквахъ единъ престолъ, и на томъ престолѣ Мати Пресвятая Богородица, и стрижеть съ меня р. б. им. и посылаетъ Мать самому истинному Иисусу Христу, и беретъ золотые ключи, отмыкаетъ и запираетъ, къ огненной рѣкѣ посылаетъ. Стоить тынь мѣдной и ворота желѣзны, замыкаю отнынѣ до вѣку, аминь.

Аминь, аминь, аминь. И выйду я въ чистое поле въ широко раздолье, подъ красное солнце, подъ частые звѣзды, подъ свѣтелъ месяц. Есть въ чистомъ полѣ стоитъ хранина, и въ той хранинѣ сидитъ старъ матеръ человекъ, разжигаетъ печь палющимъ огнемъ отъ меня р. б. им., печь розжигаетъ палющимъ огнемъ, жарю и сжигую. Какъ рыба безъ воды не можетъ ни жить, ни быть; есть на томъ озерѣ святые ключи, отпирю, замыкаю отнынѣ и до вѣка, аминь.

(Выписано изъ вышеназваннаго стариннаго сборника заклинаній.)

48. На начинающійся чирей.

«Не отъ угля, не отъ камня не отростаетъ отростель и не разцвѣтаетъ цвѣтъ: также бы и у меня р. б. им. не отростали бы на семь тѣлѣ ни чирьи, ни вереды, ни лыши и ни какіе пупыши.»

Слова эти шепчуть трижды надъ углемъ, кониъ три раза обводятъ чирей, перекрещиваютъ и тычутъ въ средину его, а послѣ бросаютъ на отмашь на улицу, приговаривая: «съ вѣтра пришло, на вѣтеръ поди, отколь пришло, туда и поди.»

(Запис. свящ. Алексѣевъ въ с. Турчасовѣ, Онежскаго у.)

49. Отъ вереда или нарыва.

Прикладываютъ репейный листъ, льняное сѣмя, мелко растертое и смѣшанное съ водой, и пьютъ настой травы медвѣжьи ягоды; проводятъ на нарывѣ черты ножемъ, а потомъ на сукѣ въ стѣнѣ, и говорятъ:

«Какъ у этого сучка нѣтъ ни плоду, ни роду, такъ бы и у этого попушка (нарыва) не было ни плоду, ни роду, вверхъ бы не поднимался и въ ширину не раздавался.»

(Записалъ Е. Ивановскій въ Шенкурскомъ у.)

50. Отъ вереда или чирія.

Берутъ въ чашку сливки и наговариваютъ на нихъ:

«Раба б. Н. (имя больного) вставалъ, благословясь, и пошелъ, перекрестясь, изъ избы дверьми, со двора

воротами, вышелъ въ чистое поле. Есть въ чистомъ полѣ сухая шалга; на той шалгѣ трава не растеть и цвѣты не цвѣтуть, и также у раба б. не было бы ни чирія, ни вереда, ни баенной нечисти. Очищается р. б. Н. Во имя Отца и С. и Св. Д. Аминь.»

Проговоривши эти слова, помазываютъ по три раза больное мѣсто сливками.

(Записано мною въ г. Онегѣ.)

51. На чирій или на нарывъ.

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа, Аминь. Зааминю, зааминю, зааминю: вси чирьи, вси вереды, всю баенную нечисть у раба Божія (имя рекъ).»

Говорятъ три раза. При наговорѣ очерчиваютъ надъ чирьемъ вокругъ, потомъ съ послѣднимъ словомъ дѣлаютъ надъ чирьемъ крестъ ножемъ и ищутъ маленький сучокъ въ стѣнѣ на деревѣ, въ который и вколачиваютъ ножикъ.

(Записалъ А. Шешенинъ въ Кемскомъ у.)

52. Отъ вереда или пупыша.

Обводятъ три раза чирей углемъ или безъимяннымъ пальцемъ, и, крѣпко прижавши его, приговариваютъ: «Ни отъ камня плоду, ни отъ чирія руды, ни отъ пупыша головы; умри, пропади!»

Послѣ этого бросаютъ уголь на опашку, съ приговоромъ: «откуль пришло, туда и поиди.»

(Записанъ П. С. Ефименкомъ въ г. Холмогорахъ.)

53. Чтобъ не шла кровь изъ раны.

При порубѣ, или при другихъ подобныхъ случаяхъ, когда кровотеченіе признается опаснымъ, три раза наговариваютъ шопотомъ нижеслѣдующія слова, и послѣ каждого раза на рану сплевываютъ:

«Лягу благословясь, стану перекрестясь; выйду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота; погляжу въ истое поле—ѣдетъ изъ чистаго поля богатырь, везетъ вострую саблю на плечѣ, сѣкетъ и рубитъ онъ по мертвому тѣлу, не тече ни кровь, ни руда, *) изъ ептово мертваго тѣла.

(Записалъ А. Шешенинъ въ Кемскомъ уѣздѣ.)

54. Заговоръ крови.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа аминь. Доселева было при Агаренѣ царѣ небо мѣдно и земля желѣзна

*) Руда—нечистая испортившаяся кровь; а иногда значить кровь—безъ различія. Отсюда слова рудометь, или рудометна, отирыватель крови.

и не дала плоду отъ себя. Какъ утихнулись и ужахнулись рѣки и ручьи и малые источники, такъ бы утихнулась у раба б. Н. кровь горячая и щепота и ломота, и много пособляешь всѣмъ моимъ словамъ, какъ ключъ небо, а замокъ земля, аминь, аминь, аминь.

(Записалъ помощн. миссіонера Батраковъ въ с. Ухтостровѣ, Холмогор. у.).

55. Заговорить кровь.

Фу ты, Боже мой! ни крови, ни раны,—чистая рана, ни снѣй опухоли. Ни ножомъ не сѣклося, ни топорошъ и никакимъ инструментомъ. И нѣтъ у раба божія (имя рекъ) ни щипоты, ни ломоты, ни снѣй опухоли.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

56. Чтобъ не шла кровь изъ раны.

Конь младъ, человекъ старъ. Ты, руда, стань, боже не капъ у раба божія (имя рекъ).

(Записалъ А. Шешенинъ въ Кемскомъ у.)

57. Чтобъ не шла кровь изъ раны.

Баба шла по дорогѣ, собаку вела за собой; баба пала—собака пропала; руда стань, больше не кань.

(Записалъ А. Шешенинъ въ Кемскомъ у.)

58. Для остановленія крови.

Летитъ воронъ черезъ Черное море, несетъ нитку, шелковинку. Ты нитка оборвись, а ты кровь уймись.

Слова эти говорятъ надъ раной до трехъ разъ и послѣ каждаго раза дуютъ надъ ней.

(Доставилъ г. Ивановъ изъ г. Пинеги.)

59. Заговоръ крови.

На островѣ на Буянѣ стоитъ столбъ, на этомъ столбѣ сидятъ три дѣвицы, всѣ родныя сестрицы; шьютъ вышиваютъ, кровавыя раны зашиваютъ. Ёдетъ Царь, подъ нимъ конь каръ; конь не прянетъ, руда не канеть, аминь.

(Доставилъ г. Ивановъ изъ г. Мезени.)

60. Отъ ранъ.

Надъ раной говорятъ:

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Шла красная дѣвка съ шелковой ниткой, булатной иглой зашивать, зажимать кровавую рану. Баба шла занялася, дѣвка шла оборвалася, въ ранѣ руда унялася. Нѣтъ въ камнѣ воды, нѣтъ въ ранѣ руды, нѣтъ на небѣ щели,

нѣтъ въ ранѣ щипи у раба божія (имя рекъ). Будь мои слова крѣпко накрѣпко, плотно на плотно; въ моимъ словамъ ключъ и замокъ булатная печать.

По прочтеніи сихъ словъ плюютъ на рану, читаютъ же ихъ до трехъ разъ.

(Записалъ Е. Ивановскій въ Шенкурскомъ у.)

61. Если какой человекъ посѣтитъ что нибудь у себя, то заговаривать кровь или щипоту.

Стану я, рабъ божій имр., благословесь, пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле за воротами. Въ чистомъ полѣ стоитъ святъ окіанъ камень, на святомъ окіанѣ камнѣ сидитъ красная дѣвица съ шелковой ниткой, рану зашиваетъ, щипъ унимаетъ и кровь заговариваетъ у раба божія имя рекъ, и чтобы не было ни щипоты, ни ломоты и опухоли, тѣмъ моимъ добрымъ словамъ ключъ и замокъ, отъ нынѣ до вѣку аминь.

(Нарядъ Устьнад. Удѣльн. Прав. о доставл. въ Арх. Уд. Конт. этногр. свѣд. 1847 г. По описи № 60.)

62. На остановленіе крови отъ порѣза.

Стану я, рабъ божій имр., (тотъ, кому нужно остановить кровь) благословесь, пойду перекрестесь, и выйду въ чисто поле, стану на востокъ лицомъ, на западъ хребтомъ и помолюся Господу нашему Иисусу Христу и Матери Пресвятыя Богородицы и всѣмъ святымъ. Есть въ чистомъ полѣ океанъ море, въ океанѣ море есть алатырь камень, на алатырѣ камнѣ сидитъ красная дѣвица и шьетъ золотой иглой и шелковой ниткой, а зашиваетъ всякія моря и рѣки и всякія мелкіе источники; также бы и у меня, раба божія имр., зашивала кровавую рану и кровь горячую и не текла и не капала, отъ кости не щипѣло, отъ жилъ не пухло. Кое слово я не договорилъ, то въ постѣнѣ (пользу) поди, и переговорилъ въ постѣнѣ поди. Будьте слова эти сполна и крѣпки на рабѣ бож. имр., во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь.

Слова эти трижды шепнуть надъ раной, надъ виномъ или надъ деревяннымъ масломъ; въ послѣднихъ двухъ случаяхъ этими веществами мажутъ рану.

(Изъ рукописной статьи: свадеб. обряд. въ Турча-совскомъ приходѣ Онежск. у. свящ. Алексѣева.)

63. Молитва руду унимать.

Шель Господь съ небесъ съ вострымъ копіемъ, ручьи, протоки запираетъ, руду унимаетъ, стрѣльную ру-

чебную, ножевую, топоровую. Выду я въ чисто поле на чисто море, на чистомъ морѣ чистый камень, на чистомъ камнѣ стоитъ дубъ краколистый, подъ тѣмъ дубомъ краколистымъ сидитъ твердая красная дѣвица, самоцвѣтные шелки мотааетъ, раны зашиваетъ, руду унимаетъ, не своими, Господи, мудростями, твоими Господи, святыми молитвами; на землѣ камень не растеть, у раба б. и. руда нейдетъ, крѣпче крѣпкаго камня, камень мѣсто ключа и замка, руду прикладываетъ, вода не канеть, не каменемъ руда не канеть. Аминь. Царя небеснаго Господа І. Хр. Сыне Божій помилуй насъ, Аминь.

(Заговоры, извлеч. изъ рукописи старобр. Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1 ст. Шапова: Истор. очер. нар. міросоз. в суев., стр. 56.)

64. У н я т і е р у д ы .

Господи Исусе Христе. Сыне Божій помилуй насъ. Аминь. Стану я, р. б., благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы во двери, изъ двора въ ворота, въ чистое поле на востокъ, въ восточную сторону подъ красное солнце, подъ младъ мѣсяцъ, подъ частыя звѣзды, подъ утреннюю зорю, къ окіану морю; у окіана моря, на крутомъ берегу лежитъ латырь камень, на латырь камнѣ церковь соборная, въ церкви соборной златъ престолъ, на златѣ престолѣ сидитъ бабушка Соломонія, Христа повивала, щепоты, ломоты унимала, садести и болѣзни, порѣзы и посѣки отъ удара и отъ укладу и булату унимала, и зашрала; какъ отъ латыря камня не воды, такожде изъ раба б. ни руды, ни садѣли, ни болѣзни, изъ курицы не молока, изъ пѣтуха ни яйца, не изъ раба б. и. ни руды; какъ Ілья пророкъ исушилъ рѣки, источники, такожде бы у р. б. м. твердо утвердились, руда заключись въ море, ключи на небесахъ, замки достану, эти ключи и замки святыми молитвами запру и укрѣплю, посѣки и удары, вовѣки вѣковъ. Аминь. Дерно вернись, рана въ мѣсто жмись, не отъ кости руды, не отъ камня воды, стань кровь запекись, гуще густаго клею; во имя О. и С. и Св. Д. Аминь, аминь, аминь.

(Заговоры, извл. изъ рук. старообр. Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1 ст. Шапова, стр. 60.)

65. С л о в а к р о в ь з а г о в а р и в а т ь .

Егда Мать Пресвятая Божія Богородица шла по камянному мосту, на рукахъ несла Превѣчнаго Младенца, подпиралась посохомъ желѣзнымъ. Отъ того посоха желѣзнаго нѣтъ ни крови, ни раны, ни щепоты, ни опу-

холи, ни костяной, ни жилиной. О мать земля, не пей крови моеи и не губи души моеи, вынь изъ тѣла моего болѣзни и сердца моего щепеть, пынь и присно и во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогор. у.)

66. З а г о в о р ь р у д у у н и м а т ь .

Во имя О. и С. и Св. Д. Стану я, р. б. Н., благословясь, и пойду перекрестясь, къ окіану морю. На томъ окіанѣ морѣ на островѣ есть камень. На томъ камнѣ сидѣла Пресвятая Богородица, держала въ рукѣ золотую иглу, вдѣвала шелковую нитку и зашивала рану кровавую. Тебѣ, рана, не болѣть и тебѣ, кровь, не бѣжать. Аминь.

(Изъ рукописн. ст. г. Костылева «Простонародная медицина въ Шенкур. у.»)

67. О т ь р а н ы .

Говорять надъ раной до трехъ разъ и послѣ каждого раза плюютъ на рану:

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Стану я рабища божія (имя рекъ) благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чисто поле за воротами. Въ чистомъ полѣ на восточной сторонѣ стоитъ серебряная лѣстница, по серебряной лѣстницѣ идетъ Мать Пресвятая Богородица. Истинный, Небесный Христосъ повелѣваетъ, Мать Пресвятая Богородица свои ризы утираетъ, своими ризами рану затыкаетъ, чтобы не было ни скорби, ни болѣзни, опухоли, чтобы бѣло тѣло не болѣло, кости не ломило, раны не щемило.

(Записалъ Е. Ивановскій въ Шенкурскомъ у.)

68. О т ь р а н ы .

Господи, Исусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ! Стану я рабъ б. благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ воротъ воротми, стану на востокъ лицомъ, на западъ кресцомъ. Сидитъ Мать Пресвятая Богородица, въ три золотыя пала шьетъ: шелкова нитка, золота иглолка. Зашей у меня раба б. Н. кровавую рану, чтобы не щипала и не болѣла—въ новый мѣсяцъ и въ полный мѣсяцъ, въ ветху мѣсяцу и въ самыя межныя дни, и вовѣки вѣковъ аминь.

(Выписано П. С. Ефименкомъ изъ старин. рукописи въ с. Ворзогорахъ, Онежск. у.)

69. З а г о в о р ь р у д у у н и м а т ь .

Пресвятая Мати Божья Богородица, укрывай меня р.

б. Н. своими нетлѣнными ризами, закрывай ты мою кровавую рану; у меня р. б. Н. стань руда и не кань руда и буди то мѣсто желѣзнымъ. Огъ нынѣ и до вѣку Аминь.

(Изъ рукописной статьи Костылева: простонародная медицина).

70. На крѣпость тѣла.

Лягу я, рабъ б. ния рекъ, помолюся переярестьясь, умоюся святою водою, утреннею росою, утруся бѣлымъ тканымъ полотенцемъ; пойду я р. б. им. изъ избы дворами, съ двора воротами на улицу на сіонскузирающи, крестомъ себя ограждающи; погляжу я р. б. и въ чистое поле, въ зелено поле: около моря, въ чистомъ полѣ, въ зеленомъ окоморьи стоитъ золотая святая лѣстница, и съ той возвращно по святой лѣстницѣ шель Божій ангелъ, Михаилъ архангелъ; и пойду я р. б. им. помолюся и поклонюся: батюшка Божій ангелъ, Михаилъ архангелъ, заговори мвѣ тѣло бѣлое, закрыто крѣпче стали и булату, крѣпче мѣди и укладу, крѣпче свинцоваго желѣза и нѣмецкаго, крѣпче тугаго луку, каленой стрѣлы, и подпояшь золотымъ своимъ святымъ поясомъ, и запри и замкни въ тридцать замковъ, и въ тридцать ключей; и рече ему рабу своему им.: поди ты на путь на дорогу, на пути на дорогѣ стоитъ святая апостольская соборная церковь; въ той соборной апостольской церкви на престолѣ стоитъ заступница мати Божія пресвятая владычица Богородица: поди рабъ б. помолись и поклонись, при семь р. б. им. помолился и поклонился, заступница матушка, пресвятая владычица Богородица, заговори мое тѣло бѣлое, и закрѣпи крѣпче стали и булату, крѣпче мѣди и укладу, крѣпче свицкаго желѣза и нѣмецкаго, крѣпче тугаго луку, каленой стрѣлы, и подпояшь золотымъ своимъ поясомъ, и запри и замкни въ тридцать ключей. И рече ему рабу своему и.: поди ты рабъ божій на путь, на дорогу; на пути на дорогѣ стоитъ апостольская, соборная церковь; въ той соборной апостольской церкви на престолѣ стоитъ самъ Господь Сынъ Божій, Исусъ Христосъ, подойди и поклонись: батюшка истинный Христосъ сынъ Божій, заговори мое тѣло бѣлое, закрѣпи крѣпче стали и булату, крѣпче мѣди и укладу, крѣпче свицкаго желѣза и нѣмецкаго, крѣпче тугаго лука и каленой стрѣлы, и подпояшу святымъ своимъ поясомъ, и запру и замкну въ тридцать замковъ и тридцать ключей, и пуцу ключи въ окиянь море,—и взяла ихъ щука; какъ щуку въ море не поимать, такъ и тебя рабъ б. не отмыкать, а кто

есть ключъ доставить, тотъ тебя р. б. отомкнетъ. На синемъ морѣ на большомъ камнѣ сидитъ стратимъ птица, а какъ стратиму птицы покарятся, какъ и лъву звѣри вси покарятся, такъ бы и тебѣ вси покорялися, други и не други покорялися, что ты говоришь, тебѣ бы и слушали, и твою волю творили. Во им. О. и С. и Св. Д. А.

(Загов. извл. изъ рук. старообр. Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1. ст. Шапова, Ист. очер. нар. мірос. и суев, стр. 57).

71. Отъ кровавыхъ ранъ.

Во имя О. и С. и Св. Д. Жиды Христа роспинали, на крестъ росковали, въ руки, поги гвоздѣ колотили, въ ретивое сердце желѣзомъ кололи. Какъ у истинна Христа не была кровавая рана и щипота и ломота, и опухоль, и какъ печь топится и изъ печи пламя пашеть; такъ бы у меня р. б. Н. кровь и рана утихала и переставала, и вовѣки вѣковъ, аминь

Приговариваютъ трижды и по три раза плюютъ въ рану.

(Записано П. С. Ефименкомъ въ Холмогорахъ).

72. Слова кровь заговаривать.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Лежитъ Захарей праведный между церковью и олтаремъ, и какъ у святаго кровь засыхала и замирала и окаменѣвала въ ручныхъ и въ ножныхъ и въ подпятныхъ жилахъ, щепь и грыжа и разная сѣченая и молодая, такъ бы у меня, раба божія ния рекъ, засыхала и замирала сѣченая, ветхая и молода, всегда, нынѣ и прясно, и вовѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогор. уѣзда.).

73. Слова кровь заговаривать.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Какъ Артемей праведный между церковью и олтаремъ разрубленъ и разсѣченъ, не подаетца не кровь, не руда, не изъ жилъ, не изъ суставовъ; такъ бы не подавалась у раба божія ния рекъ не изъ жилъ, не изъ суставовъ, на новы мѣсяцѣ, не на ущерби мѣсяцѣ, не на ветхи мѣсяцы, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогор. у.).

74. На рану.

Стану я, благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ воротъ воротами, выйду я въ чистое поле; въ чистомъ полѣ ѣдетъ человекъ старъ, подъ нимъ конь каръ, въ рукахъ держитъ саблю вострую, и съчетъ тѣло мертвое. Какъ не слышитъ тѣло мертвое ни грыжи, ни щепоты, ни ломоты, ни уразу и ни кровавой раны; такъ бы не слышалъ рабъ Б. Н. ни грыжи, ни щепоты, ни уразу и ни кровавой раны. Во вѣки камень стань, руда не кань. Ключъ и замокъ словамъ моимъ.

Повторить три раза и кровь вмигъ утихнетъ.
(Запис. г. Огородниковъ въ с. Соломбаѣ).

75. На рану.

Стану я благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ воротъ воротами, выйду я въ чистое поле, въ чистомъ полѣ ѣдутъ святыя скипетры на каремъ на конѣ, на золотомъ сѣдлѣ, унимаютъ щепоту, становятся кровь и руду. Во вѣки камень стань, руда не кань. Ключъ и замокъ словамъ моимъ (трижды).

(Записалъ г. Огородниковъ въ с. Солацбаѣ, возлѣ г. Архангельска).

76. Слова уразъ снять, или ушибъ.

Господи Боже, благослови и научи мя, раба божія имя рекъ, добрыхъ словъ оворить. Стану я, рабъ божій имя рекъ, благословесь, и пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, и выйду я рабъ божій имя рекъ на востокъ лицемъ, на западъ хребтомъ, и помолюсь я рабъ божей имр., истинному Христу Небесному и Пресвятой Его Матери Богородицы. Какъ жидове Христа распинали на трехъ древахъ на кедрѣ, и..... и кипарисѣ; и какъ вышній Творецъ Господь Саваофъ уговаривалъ свое чадо истиннаго Христа Царя Небеснаго: чадо мое возлюбленное, не убойся и не утрашись, не услышишь въ себѣ не раны, не болѣзни, не щепоты, не уразу, не крови и не руды и не сердечныя болѣзни, такъ же бы мнѣ, рабу божію имр., самому въ себѣ не услышать не раны, не руды и не сердечныя болѣзни отъ семидесяти суставовъ отъ трехъ и отъ двухъ и отъ единой жилы и отъ единого сустава; очи ясны, брови черны, мозгъ бѣлой, въ молодѣ мѣсяцѣ, въ полни мѣсяцы, въ новѣ мѣсяцы и въ перекрой мѣсяцы, и въ ветхи мѣсяцы и въ меженныхъ дняхъ, въ день при соньцѣ, въ ночь при мѣсяцѣ, по

всякъ день и часъ; сей день святъ, буди я рабъ божей имр., Здравъ и не вредимъ во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогорск. уѣз.).

77. Уразъ снять.

Говорятъ въ воду:

Господи Боже, благослови Господи Боже, и свѣтъ начался у самого Христа и ходитъ Адамъ новый, какъ жидови Христа распинали и всякими муками и всякими оружіями били древами и камнемъ и желѣзомъ, и какъ Господь Богъ Саваофъ Сына своего, единороднаго Иисуса Христа, заговаривалъ отъ всякаго оружія, отъ древа и отъ огня и отъ каменія и отъ желѣза, отъ ранъ и отъ руды, какъ Господь Богъ посылалъ съ небеси двухъ святыхъ угодниковъ Кузьму и Демьяна по всей земли учить меня раба божія заговаривать отъ всякаго оружія, отъ древа, отъ огня и отъ каменія, отъ желѣза, отъ раны, отъ руды и отъ щепоты, и отъ грыжи и отъ уразу и отъ всѣхъ скорбей и болѣзней, и какъ Господь Богъ Иисусъ Христосъ не чулъ въ себѣ, ни въ тѣлѣ своемъ и въ суставахъ уразу и никакой скорби, и такъ бы я рабъ божій (имя рекъ) не учулъ бы въ себѣ щепоты, ни уразу, ни какія скорби, ни въ тѣлѣ своемъ, ни въ жилахъ своихъ, ни уразу, ни щепоты, ни недугу, ни болѣзни, ни какія скорби, и какъ нашего Господа Иисуса Христа не няли никакія оружія, ни древа, ни каменіе, и какъ тотъ камень скаменѣеть жестокъ, былъ бы такъ я рабъ божій (имя рекъ) жестокъ нынѣ и присно; вся крѣпость Святаго Духа; аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогорскаго у.).

78. Молитва отъ уразу.

Говорить на воду три раза и окачиваться и пить, ходить въ чистотѣ, а не въ чистотѣ не ходить.

Господи Боже благослови Отче. Взыди на гору Сионскую Иисуса Христа отъ престола, окрестъ міра во имя Господа нашего Иисуса Христа; буди, Боже, со мною божія милость; о стрѣлатой, не ходи до меня раба божія (имя рекъ) моленіемъ Пречистыя Владычицы Богородицы и присно Дѣвы Маріи; о стрѣлатой, не ходи ко мнѣ рабу божію (имя рекъ) моленіемъ святаго пророка Ильи; о стрѣлатой, не ходи ко мнѣ рабу божію (имя рекъ) моленіемъ святаго пророка Предтечи Крестителя Господня

Іоанна и моленіемъ Михаила и Гавріила и святыхъ апостоловъ и исповѣдниковъ и всѣхъ святыхъ чудотворцевъ; о стрѣлатой, не ходи ко мнѣ рабу божію (имя рекъ) моленіемъ великаго чудотворца Николая и моленіемъ Петра, Алексѣя, Іоны и Филипа московскихъ чудотворцевъ всея Россіи и моленіемъ всѣхъ святыхъ отецъ и святителей, моленіемъ дѣвицъ; о стрѣлатой, не ходи ко мнѣ рабу божію (имя рекъ) моленіемъ Благовѣщенія Господа нашего Іисуса Христа и Пречистой Богородицы и присно Дѣвы Маріи и моленіемъ мученикъ и мученицъ и всѣхъ святыхъ молитвами и моленіемъ соблюди, Господи, помилуй, закрой и заступи и защити раба божія (имя рекъ) отъ стрѣлъ летящихъ и ото всякаго древа и ото всякаго желѣза ковананаго и некованаго, отъ булата и отъ увлада, отъ стрѣлъ каленыхъ и отъ простого желѣза, отъ мѣди, отъ красной, синей и зеленой, отъ проволоки, и ото всякаго звѣрнаго копія, и ото всякія птицы и отъ жилонустія, и ото всякаго древа русскаго и заморскаго, и ото всякія птицы пернатой, въ поли и въ лѣси, и ото всякаго роду человѣческаго и отъ татарскаго и черемискаго и чувашскаго и всѣхъ враговъ и супостатовъ; о стрѣлатой, не ходи ко мнѣ рабу божію (имя рекъ), поди чрезъ живаго Бога, кой сотворилъ небо и землю и чрезъ святыхъ, которые творили волю Божію отъ начала вѣка сего; о стрѣлатой, не ходи ко мнѣ рабу божію (имя рекъ) прежде помянутаго Господа нашего Іисуса Христа чрезъ терноваго вѣнца, которой былъ на главѣ его Господней; о стрѣлатой не ходи ко мнѣ рабу божію (имя рекъ), поди чрезъ гаданіе Господа нашего Іисуса Христа, сохрани и соблюди и помилуй, за добро защити и заступи раба божія (имя рекъ) всемогущія жизни; исцѣлитель, сохрани службою раба своего божія (имя рекъ), во едино совершеніе и утвержденіе святыхъ отецъ, вся крѣпость святаго Духа, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогор. у.).

79. Отъ ожогу или обвару.

Наплевать три раза на больное мѣсто и три раза произнести:

«Во имя О. и С. и Св. Д. Свѣтъ до зори, а зоря до свѣту, а ожогъ (или обваръ) до словъ. Во вѣки вѣковъ аминь».

(Записано П. С. Ефименкомъ въ г. Опегѣ).

80. Отъ обжога.

На обожженое мѣсто плюютъ и говорятъ слова: «Огонь

жжетъ, щука тереть, вода моетъ у раба Божья (имя рекъ).»

(Записалъ Е. Ивановскій въ Шенкурскомъ у.)

81. Отъ обжога.

На обожженое мѣсто плюютъ и говорятъ слова:

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Идетъ красная дѣвка съ мокрымъ вѣшникомъ, тушитъ, гаситъ огненную рѣку, огненные искры, огненное пламя».

(Записалъ Е. Ивановскій въ Шенкурскомъ у.)

82. Отъ пьянства.

Во имя О. и С. и Св. Д. аминь Хмель и вино отступись отъ раба б. Н. въ темные лѣса, гдѣ люди не ходятъ и кони не бродятъ, и птица не летаетъ.

Во имя О. и С. и Св. Д. (дважды). Хмель и вино выходи на быструю воду, на которой воды люди не ѣздятъ; отъ раба б. Н. хмель и вино поди на буйные вѣтры, которой вѣтеръ по дальности ходитъ. Во имя О. и С. и Св. Д. (дважды), зайди это вино за холмы горы. Во имя О. и С. и Св. Д., привяжись къ лихому человѣку, который на Н. лихо думаетъ, къ тому привяжись, которой добра не сдѣлаетъ, отъ меня во вѣки отвяжись. Во имя О. и С. и Св. Д. аминь.

(Выписано изъ старинной рукописи въ с. Ворзого-рахъ, Онежск. у.)

83. Отъ пьянства.

Чтобы пьющій запоемъ уснулъ, и поспѣ этого сна пересталъ пьянствовать, нужно взять у него воскъ, на который наговаривать:

Зоря зорница, красная дѣвица, сама мати и царица; свѣтелъ мѣсяцъ, ясны звѣзды, возьмите у меня безсонницу, бездремотницу, полуношницу, дайте сонницу, дремотницу, почную полуношницу. Среди ночи приди ко мнѣ хоть красной дѣвицей, хоть матерью царицей и сложи съ меня и отведи отъ меня окаянную силу и дай мнѣ Спасову руку, Богородицынъ замокъ. Ангелъ мой, архангелъ мой, сохрани мою душу, скрѣпи мое сердце, врагъ сатана откажись отъ меня. Крестомъ крещуся, крестомъ ограждаюсь, крестомъ ангела призываю, крестомъ лукаваго отгоняю. Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь. Знаю святые знаменья!

(Доставилъ Никольскій изъ г. Мезени).

84. Человѣку похмелье умоловать.

Господи хмель, буявая голова, не вейся внизъ голо-

вою, вейся въ посонъ *) подъ воргою, а язь тебя не знаю, гдѣ живешь, въ верхъ сыра древа, лѣзь къ своему государю въ медвенныя бочки и въ пивныя. Какъ не лежить на огнѣ, и такъ на семъ человекѣ лихана словеса у инярека: аще испиеша чашу сія, доколѣ изъ меня словеса сія изошли, а изъ сего раба б. н. похмѣлье. Господи хмель, какъ царь сидитъ на царствіи своемъ, тако и ты сиди на мѣстѣ своемъ, государь родись.

(Изъ старин. рукопис. лѣчеб., доставленнаго св. Колчинскимъ изъ с. Пингишей, Холмогор. у.)

85. Отъ лѣни и долгаго спанья.

Говорятъ лѣнныи и дѣтямъ, которые послѣ сна долго протягиваются на постели:

«Лѣнь петягота поди на Ѳедота, съ Ѳедота на Якова, и съ Якова на всякаго.»

(Запис. г. Ивановъ въ г. Пинега).

86. Составъ о голосу Ѳиламента философа Афинейскаго.

Взять отъ трехъ колодцевъ или отъ трехъ разныхъ источниковъ воды и на то устроить мѣсто и сосудъ, а окрестъ его поставить четыре свѣщи возженныхъ, и поверхъ сосуда положить два ножа, на-крестъ, и тогда лить воду въ сосудъ, да въ ту же воду положить мѣди тертыя зазвоннаго колокола, — и глаголати молитва сія трижды:

«Гласъ грома твоего освѣтиша, молнія твоя вселенную подвиже, и трепетна бысть земля, въ мори путіи твои и стези твои въ водахъ многихъ, и стопы твоя подвижутся, наставилъ еси овцы, люди твоя, рукою Моисевою и Ааронею.»

И та вода пить сквозь лебяжье горло, да тою же водою и окатиться. По сотвореніи сего глаголати поедобаетъ:

«И яко потрясеніемъ поколебаться всѣмъ удоиъ чловѣческимъ.»

(Изъ стариннаго рукописнаго лѣчебника, полученнаго изъ с. Пингишей, Холмогорскаго у. отъ священника А. Болчина.)

87. Отъ портежа съ вѣтра.

Берутъ изъ трехъ прорубей или колодцевъ воду, которую окачиваютъ больнаго по три раза. При черпа-

*) т. е. въ посонъ.

ни, воду всегда размахиваютъ на посонъ, а почерпнувши, приговариваютъ:

«Царь рѣчной! дай воды неболтаной, на леготу, на здоровье рабу божію имя режъ.»

Когда несутъ воду, со встрѣтившимися не здороваются и не говорятъ.

(Записалъ свящ. Розановъ въ с. Зимней Золотицѣ, Арханг. у.)

88. Н а м а н о к о с ь .

Слова эти шепчутъ трижды на воду, которою поить больнаго и обдаютъ на скотской трубѣ (отверстіе, черезъ которое подаютъ кормъ скоту); а если больной—младенецъ, то шепчутъ на молоко матери:

«Какъ вечерняя зоря развелась да разгорѣлась, да и скоро потухла; такъ же и у меня раба б. им. завелись скорби и болѣзни, уроки и манакосы, призоры и оговоры, и вѣтренные переломы, упажи, перепажи, родимцы и лихорадки, всѣ бы и потухли. Съ вѣтра пришло, на вѣтеръ и поди, и отъ людей пришло, къ людямъ и поди; откуда пришло, туда и поди.

(Зап. свящ. Алексѣевъ въ с. Турчасовѣ, Онежск. у.)

89. С ь г л а з у .

Господи Боже, благослови! Вода водица, красная дѣвица, какъ течешь, омываешь красны березочки, желтые песочки, пенья и коренья, часты пустовья и бѣлы каменя; такъ омой раба божія N. притчи и уроки, и монокосы и оговоры, вѣтряны переломы, изъ лицъ и изъ косицъ, и изъ ясныхъ очей, и изъ черныхъ бровей, изъ бѣлаго тѣла и изъ рѣтиваго сердца, изъ рѣзвыхъ ногъ и изъ бѣлыхъ рукъ. Ключъ и замокъ словамъ моимъ.

Повторяется три раза на воду, которую потомъ и выпиваютъ, или умываются ею.

(Зап. г. Огородниковъ въ Соломбалѣ).

90. Отъ оговора и дурнаго глаза.

Лучшимъ средствомъ отъ оговора и дурнаго глаза считается доскутъ отъ одежды или влочекъ волосъ, принадлежащихъ лицу, служившему причиною болѣзни. Добывъ эти вещи, надобно старшему или младшему въ въ семействѣ съечь ихъ на раскаленныхъ угольяхъ. При этомъ дѣйстви больнаго спрашиваетъ: «что куришь?» и ему отвѣчаютъ: «курю уроки, призоры, лихіе оговоры, отъ мужика русака, отъ бабы черноволосой, отъ дѣвки ростовой». Больной опять говоритъ: «кури горазне,

чтобы въ вѣкъ не было». Этииъ оканчивается обрядъ, который смотря по надобности, повторяется еще нѣсколько разъ.

(Карман.кн. для люб. землев. изд. Рус. Геогр. общ. 1848 г.: Извлеч. изъ замѣтокъ о повѣр. и суевѣр. жит. Арх. губ. Верещагина, 312—320).

91. Отъ сг л а з у, г р ы ж и и баенной нечисти.

Когда занеможетъ младенецъ, то моютъ въ банѣ и приговариваютъ:

Стану я рабъ б. Н. благословясь, выйду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротми; выйду я въ чистое поле; помолюсь и поклонюсь на восточную сторону. Подъ восточной стороной есть океанъ море, на океанѣ морѣ ходитъ щука бѣла, зубы укладны, хвостъ булатный, поѣдать и пожираетъ у раба б. Н. уроки и прикосы, и грыжи, и баенны нечисти, чтобы вѣкъ не бывали ни въ день, ни въ ночь, ни въ утренню зорю, ни въ вечерню, ни на нову, ни на ветху и ни наперекрою мѣсяцу; во вѣкъ вѣковъ, аминь. Будте мои слова замкомъ замкнуты, ключемъ заперты.

(Записано П. С. Ефименкомъ въ г. Онегѣ).

92. Отъ сг л а з у, г р ы ж и и баенной нечисти.

Во имя О. и С. и Св. Духа, аминь. Сходить Егорій съ небесъ, по золотой лѣстницы, сносить Егорій съ небесъ триста луковъ золотополосныхъ, триста стрѣлъ золотоперыхъ и триста тетивъ золотополосныхъ и стрѣляетъ и отстрѣливаетъ у раба б. Н. уроки, прикосы, грыжи, баенны нечисти и отдаваетъ черному звѣрю медвѣдю на хребетъ: и понеси черный звѣрь медвѣдь въ темные лѣса и затопчи черный звѣрь медвѣдь въ забучіе болота, чтобы вѣкъ не бывали ни въ день, ни въ ночь.... Во вѣки вѣковъ аминь.

Три раза произносятъ и за каждымъ трижды сплевываютъ.

(Зап. П. С. Ефименкомъ въ г. Холмогорахъ).

93. С ъ г л а з у, л е м о т ы и о т ъ и с п у г а.

Стану я рабъ б. Н. благословясь, пойду, перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ воротъ воротьми, выйду въ чистое поле, подъ восточную сторону, подъ бѣлый день, подъ красное солнышко, подъ свѣтелъ мѣсяцъ, подъ частыя звѣзды, подъ утреннюю зорю, подъ черную зорю. Стану я на океанѣ морѣ подъ бѣлый день, подъ красное солнышко, подъ свѣтелъ мѣсяцъ, подъ утреннюю зорю и подъ вечернюю зорю,—стану на

востокъ глазами, на западъ спинами, покорюсь и помолюсь: не ѣшь ты щука ни ржавчинки, ни болотинки, и ни рыбы гульбы. Засысай, загрызай, подъ сѣрый камень метай раба б. Н. щепоты и ломоты и уроки и прикосы, призоры и переполохи, и баенной нечистица, и привалища, и костоломища и переполохъ отъ жару и отъ пару, отъ похвального слова, отъ отцовой думы и отъ матерней, отъ дѣвки простоволоски, отъ женки черноголовки, отъ мужика скалозуба, отъ стараго, отъ малаго и отъ средняго, отъ всего міра крещенаго; въ рукахъ и ногахъ, и въ ясныхъ очахъ, въ коренныхъ зубахъ и въ могучихъ плечахъ въ ретивомъ сердцѣ, въ 77 жилахъ, въ 77 суставахъ безъ единой жилы,—а такъ бы раба б. Н. будь мои слова крѣпкіи и емки и заговористы вострѣе вострой сабли, востраго ножа, и тѣмъ моимъ словамъ ключъ и замокъ, крѣпкій заговоръ; ключъ въ воду, а замокъ въ гору.

Говорятъ надъ водой или надъ виномъ или надъ масломъ: водой умываются, вино выпиваютъ, а масломъ мажутъ больное мѣсто.

(Зап. г. Огородниковъ въ Соломбагѣ).

94. О т ъ с г л а з а.

Наговариваютъ на воду, которою окачиваютъ больного:

Всталъ рабъ б. Н. благословясь, пошелъ перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротми да вышелъ въ чисто поле: въ чистомъ полѣ есть синее море; на томъ синемъ морѣ тихая заводъ; на той на тихой на заводѣ плаваетъ сѣрый гоголь, на томъ на сѣромъ на гоголѣ не держится ни вода, ни роса. Также на р. б. Н. не держались бы ни уроки, ни призоры, ни лихіе оговоры, ни вѣтрены прострѣлы, и ни ночные переполохи. Во вѣки вѣковъ, аминь.

(Зап. П. С. Ефименкомъ въ г. Холмогорахъ).

95. О п р и к о с н ы я с л о в а.

Роки, прикосы, щипота и ломота, скорбь и болѣзнь, откудъ вы пришли, такъ и подите съ раба божія (имя рекъ) къ птицѣ синицѣ на пята.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

96. О т ъ о п р и к о с у.

Чтобы предохранить себя отъ дѣйствія дурнаго глаза, нужно постоянно имѣть при себѣ сѣтку. Поэтому-то поясъ дѣлаются въ видѣ сѣти. Если же кто либо пренебрегъ подобной предосторожностью и захворалъ отъ

дурнаго глаза, того нужно умыть водой, на которую наговорены слѣдующія слова:

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Откуль мнѣ-ка пришло: съ вѣтра ли буйнаго, съ погодой ли великою, со слова ли окаяннаго, отъ женки ли долговолоски, отъ дѣвки ли простоволоски, отъ мужика ли еретника, отъ старика ли волшебника, отъ старухи ли отъ волшебницы; и когда мнѣ-ка пришло, середка ли ночи, середка ли бѣла дня, когда бы не пришло, тогда и сойди.
(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

97. Слова на уроки и на прикосъ и на уразы и на зубную болѣзнь вопше (вообще).

Станеть рабъ б. Н. благословясь, и пойдетъ перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, степенъ подъ восточную сторону и зглянетъ на сіонскую гору. По сей сіонской горѣ ѣздитъ и розѣзжаетъ ростомъ матеръ челоуѣкъ на своимъ ворономъ кони, по колѣнъ ноги въ серебри, по локоть руки въ золоти, во правой руки тугой лукъ, а во лѣвой руки калена стрѣла; тугой лукъ натегаеть, калену стрѣлу спускаеть, во мертвеца въ бѣло тѣло бьетъ и сѣчетъ каленой стрѣлой. Тако лежитъ мертвой мертвецъ, истинной небесной Христосъ не слышитъ въ себѣ ни удару и ни уразу, и ни щепоты, и ни ломоты и ни синей опухоли и ни уроковъ, и ни прикосовъ, и ни вѣтренныхъ прострѣловъ, и ни людскихъ оговоровъ, и ни зубной болѣзни; откуль пришло, туда и поди: отъ бѣльца къ бѣльцу, отъ чернца къ чернцу, отъ троезубыхъ къ троезубымъ. Тѣмъ всѣмъ моимъ словамъ небо какучъ, земля замокъ. Во вѣки вѣковъ, аминь.

(Записано помощн. миссіонера Батраковымъ въ Куростровскихъ селеніяхъ).

98. Заговоръ отъ призоровъ и прикосовъ.

Во имя О. и С. Св. Д. Аминь. Стану я р. Б. благословясь, и пойду перекрестясь, отцемъ своимъ прощень и матерью благословленъ, изъ избы дверьми, изъ двора воротми въ далече въ чистое поле подъ восточную сторону. Течеть огненная рѣка и есть черезъ огненную рѣку мѣдянной мостъ и ѣздитъ мѣдянной мужъ на своемъ мѣдянномъ конѣ съ мѣдяннымъ войлокомъ и съ мѣдными стременами. И помолюся я р. б. Н. Спасу и Пресвятой Богородицѣ и мѣдянному мужу: ой, еси ты мѣдянной мужъ, почто тебѣ ѣздитъ черезъ огненную рѣку по мѣдянному мосту, и поѣзжай ты мѣдянной мужъ

ко мнѣ р. б. Н. на правое плечо, а съ праваго на лѣвое, а съ лѣваго подъ правую пазуху, подъ лѣвую пазуху, а изъ подъ лѣвой въ мою сердечную утробу, и въ горячую кровь, и черную печень, и въ семьдесятъ суставовъ и въ семьдесятъ жилъ и подъ правое яйцо. И самъ ты мѣдянной мужъ вынимаи изъ р. б. Н. всякую скорбь и болѣзнь, и всякія притчи и призоры, и прикосы, и оговоры, и вѣтренные переломы, и вѣтренные пострѣлы и всякія грыжи; и самъ ты мѣдянной мужъ на конѣ выѣзжай, и конемъ своимъ выкармливай и очми своими высматривай. Да въ чистомъ полѣ ѣдетъ встрѣчь черемный мужъ и несетъ булатный мечъ, и доидоша до черемнаго камня и разсѣкаетъ черемный мужъ булатнымъ мечемъ камень на четыре части и раскинетъ на четыре стороны и развѣетъ буйными вѣтрами по чистому полю, по темному лѣсу. Такожде бы у р. б. Н. рассыпалась всякая скорбь, оговоры, прикосы, вѣтренные переломы и всякіе прострѣлы по чистому полю, по темному лѣсу, всегда, нынѣ и присно, и вовѣки вѣковъ, аминь. Указъ: трижды наговорить на воду, и эту воду дать пить больному.

(Простонар. медицина; рукопис. ст. Ив. Костылева).

99. Отъ уроковъ и призоровъ.

Господи Исусе, помилуй насъ! Молюся азъ рабъ божій (имя) Истинному Христу Царю Небесному, и услышилъ Истинный Христосъ молитву, спускается съ небесъ и съ нимъ сиушается тридевятъ ангеловъ золотоперыя и золотокрылыя, и съ собою спускають тридевятъ луковъ и тридевятъ стрѣлъ золотоперыхъ и золотокрылыхъ, и стрѣляли они скрость семеры облаки и отстрѣливали отъ Н. рабы божіей уроки и призоры, какъ съ гоголя вода катится, такъ и съ ней рабы б. Н. уроки и призоры, всегда и нынѣ, и вовѣки вѣковъ, аминь *).

Наговаривалъ на воду, черти ножемъ по водѣ и пить ту наговорную воду. (Выписано изъ дѣла объ Осипѣ Баженинѣ и женѣ его 1714 года. Срв. статью Н. А. Попова: «Осипъ Андреевичъ Баженинъ» въ сборникѣ «Древняя и Новая Россія» за 1877 г. № 9.)

100. Отъ глаза.

Стану благословясь, пойду перекрестясь, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле къ окіанъ морю. На окіанѣ

*) Вариантъ: такъ бы катилась съ тоя рабы божія, съ ясныхъ очей, съ бѣла тѣла и съ ретива сердца, и вѣвъ по вѣву отъ нынѣ и до вѣку.

морѣ стоитъ золотъ стулѣ; на золотѣ стулѣ сидитъ св. Николай, держитъ золотъ лукъ, натягиваетъ шелковую тетивку, накладываетъ каленую стрѣлу, станеть стрѣлять уроки и призоры, станеть стрѣлять отцеву думу и материну думу и братьевы думы, всѣхъ людей думы, жолтучій, гнетучій и жомучій; отъ дѣвки отъ черноголовки, отъ стрѣшняго поперешняго. Во имя О. и С. и Св. Д. Аминь

(Извлечено изъ старицной рукописи въ с. Ворзого-рахъ, Холмогор. у.).

101. На притчу.

Станеть рабъ Божій (имярекъ), по утру и ввечерѣхъ, благословесь, умоется утренней зарей и вечерней, утрется бѣлымъ свѣтомъ, во лбу пекеть красное солнце, въ затылкѣ свѣтлый мѣсяцъ, по косицамъ частныя мелкія звѣзды разсыпаются; пойдетъ изъ дверей дверьми, изъ сѣней сѣнями, изъ воротъ воротами, выйдетъ далече въ чистое поле, станеть на четыре ростани, станеть во востокъ лицомъ, на западъ хребтомъ. Во востокѣ свѣтъ истинный Христосъ на синемъ морѣ бѣлый камень, на бѣломъ камни бѣлый человекъ, въ бѣломъ платьѣ, свѣтъ-Георгій храбрыи, у Георгія свѣта храбраго два молодца, два гораздо удалыхъ, великихъ стрѣльца: одинъ сынъ Симіонъ, другой Герасимъ, ходять со тугимъ лукомъ, стрѣляютъ по сырому дубу. Ой же вы, Семевонъ да Герасимъ! не стрѣляйте по сыру дубу, стрѣляйте по приточнымъ ранамъ, отстрѣливайте, откаливайте у раба Б. и притчи, призоры, приточны оговоры, вѣтренны переломы, отъ черной печени, отъ ретиваго сердца.

Послѣ этого должны быть сказаны ключевыя слова, которыхъ колдунья не сказала изъ опасенія, что если она ихъ передастъ, то ея заговоръ не будетъ дѣйствовать, что можетъ сказать только передъ своею смертию.

(Запис. А. Тешенинъ въ посадѣ Сумѣ, Кемскаго у.)

102. Озевны или призоры шепотки.

Стану я р. б. N. благословесь, пойду перекрестесь изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле за воротами. Въ чистомъ полѣ стоитъ свѣтъ окіанъ камень, на святомъ окіанѣ камнѣ святая Государиня Богородица, Николай милостивый, Зосима и Савватіи Соловецкіе чудотворцы, Варлаамъ, Феодосій тотемскій, Аванасій наволоцкій, Прокопій устьянскій, св. апостолы Петръ и Павелъ, помогайте, пособите, на добро поучите. добрыхъ словъ поговорить, онахивать и омахивать

своими золотыми ризами отъ р. б. N. отъ дѣвки черноголовки, отъ бабы бѣлоголовки, отъ колдуна, отъ колдуньи, соймите всѣ притчи, прикосы, озеvy, оговоры, съ буйныя головы, съ ясныхъ очей, съ ретиваго сердца. Будьте мои слова всѣмъ сполнымъ сполна, которое слово забудено, будь незабудено, которое слово неисполнено, будь исполнено, будьте мои слова вѣроче булатнаго ножа, вѣкъ повѣку отъ нынѣ и до вѣка аминь.

(Нарядъ Устьяд. Удѣл. кон. прик. о достав. въ Арх. Удѣл. конт. этногр. свѣд. 1847 г. № 60).

103. Прикосъ или оговоръ человеку.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь. Говори ты истинному Христу ангелъ святой господень: поди и опроси у р. б. N. нѣтъ ли у него скорби и болѣзни и прикосу или оговору, или вѣтренна прострѣла и воденнаго, и незапретило ли проходу или выходу въ 73 жилахъ и въ 73 составахъ; говори ты истинному Христу и ангелу святому Трифонъ святой: въ кое время на распятіи былъ повѣшенъ истинный Христосъ отъ жидовъ и не чюль въ себѣ ни щепоты ни ломоты, и ни удару, и ни прикосу, и ни людскаго оговору, и ни вѣтреннаго прострѣлу, такожде бы и у р. б. N. не было бы ни прикосу и ни призору, и ни людскаго оговору и ни щепоты или ломоты, и было бы все по старому и прежнему всегда и послѣ. Во имя О. и С. и Св. Д. Всѣмъ моимъ словамъ небо есть ключъ. Аминь, аминь, аминь.

(Записано помощ. миссіон. Батраковымъ въ с. Ухто-стровѣ, Холмогор. у.).

104. Слово прикосъ снять.

Говорить въ воду:

Стану я рабъ, божій имярекъ, благословясь, пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, на чистое поле; идутъ четыре жены Маріи къ церкви божей престолу Христову: первая святая жена Марія несетъ крестъ животворящей, а другая святая жена Марія несетъ святую воду, а третія святая жена Марія несетъ тиміанъ и ладанъ, четвертая святая жена Марія несетъ пелену нетлѣнную. Первая святая жена Марія огради крестомъ животворящимъ, вторая святая жена Марія окропи святою водою, третія святая жена Марія накади тиміаномъ и ладаномъ, четвертая святая жена Марія оботри пеленою нетлѣнною отъ призору, отъ прикосу, отъ оговору, чтобы у меня, раба божія имярекъ, не ще-

пило, не болѣло на всякъ день, на всякъ часъ; вся крѣпость святаго Духа, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогор. у.).

105. Отъ колдуновъ.

Стану я рабъ б. благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ воротъ воротами, въ чистое поле подъ восточную сторону, подъ восточной стороной, есть акіанъ сине море, на томъ на акіанѣ на синемъ морѣ лежитъ бѣлолатырь камень, на томъ бѣлолатырь камнѣ стоитъ святая золотая церковь, въ той золотой церкви стоитъ святъ золотъ престолъ, на томъ золотѣ престолѣ сидитъ самъ Господь Исусъ Христосъ, Михаилъ архангелъ, Гавріилъ архангелъ, Иванъ Богословъ, Иванъ Предтеча, Георгій храбрый, Николай святитель Христовъ угодникъ; я прійду рябъ б. и. въ чистотѣ, поклонюсь и помолюсь: о батюшка истинный Христосъ, Михаилъ архангелъ, Гавріилъ архангелъ, Иванъ Богословъ, Иванъ Предтеча, Георгій храбрый, Николай святитель Христовъ угодникъ, обставьте кругъ меня р. б. и. тынъ желѣзный, веревки булатны на 120 верстѣ, окомъ не окинуть, глазомъ не увидѣть; пропускайте огненную рѣку! Отговариваюсь я р. б. и. отъ колдуна, отъ вѣдуна, отъ колдуньи, отъ вѣдуньи, отъ чернова, отъ черемнова, отъ двоеженова, отъ троюженова, отъ двоезубовъ, отъ троюзубова, отъ трубинова, отъ окошечнаго, отъ сѣннова, отъ дѣвки пустоволоски, отъ бабы, отъ самокрутки, отъ всякаго злаго находы человѣка. Можетъ ли злой лихой человѣкъ заговорить громче громову стрѣлу, огненную молнію, можетъ ли испортить, изурочить мертваго? Не можетъ злой лихой человѣкъ колдунъ, колдунница, еретикъ, еретица, не можетъ громъ, громову стрѣлу и огненную молнію, не можетъ испортить, изурочить мертваго человѣка; бралъ бы злой, лихой человѣкъ колдунъ, колдунница, еретикъ, еретица, своими бѣлыми руками свой булатный ножъ, рѣзалъ бы онъ свое бѣлое тѣло своими бѣлыми руками, грызъ бы онъ свое бѣлое тѣло своими бѣлыми зубами; уста мои зубы, замокъ языкъ; во имя О. и С. Св. Д. Аминь.

(Заг. извл. изъ рук. старообр. Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1, ст. Шапова стр. 59).

106. При накладываніи пояса, какъ средства противъ колдуновъ и ихъ порчи.

Во имя О. и С. и Св. Д. Аминь. Заговорю твое тѣло бѣлое и закрѣплю крѣпче стали и булату, крѣпче

мѣди и укладу, крѣпче желѣза нѣмецкаго, крѣпче тугаго лука и каленой стрѣлы и подпояшу своимъ заговорнымъ поясомъ; и запру и замкну въ тридцать замковъ и тридцать ключей, и пушу ключи въ окіанъ море, а взяла ихъ щука, какъ щуку въ морѣ не поймать, такъ и тебя раба б. Н. не отмыкать, а кто ключи достанетъ, тотъ и отмыкнетъ. Аминь.

Отъ всѣхъ колдуновъ и ихъ заговоровъ и всякой порчи носить поясъ на голомъ тѣлѣ изъ сѣтки (шарфа), и при этомъ талисманѣ не можетъ дѣйствовать никакое колдовство и никакая порча.

(Простонародная медицина, рукоп. статья Ив. Костылева.)

107. Чтобы испортить, или навязать килы.

Чтобы испортить кого либо, необходимо взять шерстяную нитку и навязать на ней узлы. Эту нитку нужно бросить гдѣ либо въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ могъ бы наступить на нее тотъ, кого нужно испортить. При завязкѣ восьми двойныхъ узловъ говорятъ слѣдующія слова:

1) «Выйду я на улицу, 2) брошу въ чисто поле, 3) въ разстанье, 4) межъ двора, 5) въ луга, 6) въ моря, 7) въ лѣса, 8) въ зыбучія болота».

Когда завяжутся всѣ 8 узловъ, то говорится:

«Хоша и здѣсь оставлю; куды пойдетъ, тутъ и очутися.»

При завязываніи каждаго изъ 13 остальныхъ узловъ говорится:

«По позднему вечеру выйду я на улицу и откажусь я отъ Исуса Христа, отъ царя земнаго, отъ Бога вышняго, отъ вѣры православной, отъ бытешки, отъ матушки, предаюсь я къ нечистому духу, къ окаянной силѣ, прошу я ей помощи, чтобы она помогла мнѣ и пособила: поступаю я на вора разбойника, на деннаго грабильщика, на ночнаго полуночника, на (имя рекъ), и хочу я его свержить, хочу я его испортить: хоша среди дня, хоша среди ночи, хоша въ чистомъ полѣ, хоша въ темныхъ лѣсахъ, хоша въ зыбучихъ болотахъ, хоша соннаго, хоша дремучаго, хоша въ терому, хоша за столами дубовыми, хоша со явствами медовыми, хоша пошелъ бы онъ и запнулся бы, самого себя застрянулъ бы. Окайные духи! придайте мнѣ силы, помогите и пособили мнѣ, чтобы не было (имя рекъ) ни въ день житя, ни въ ночь спанья, ни въ часъ мототы, ни въ полчаса терпѣжу. Хошъ бы схватило его грыжами

или стрѣлами, взяло бы его въ минуту или въ двѣ и узналъ бы онъ всѣ скорби и печали.»

Заклинаніе произносится обыкновенно вечеромъ, причемъ заклинатель непременно долженъ быть безъ креста. Знатоки этого дѣла совѣтуютъ передъ началомъ убить совершенно чернаго кота или кошку. Коль скоро тотъ, для кого приготовлено подобное заклинаніе, наступитъ на наговоренную нитку, то онъ споткнется и если при этомъ скажетъ какое либо скверное слово, заговоръ начнетъ свое дѣйствіе.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

108. Икоту напускать

При самомъ началѣ, когда учиться напускать икоту, снять съ шеи крестъ, положить въ сапоги подъ пяту, продержатъ полсутки, говорить слова:

«Отрекаюсь Бога и животворящаго Его креста, отдаю себя въ руки дьяволамъ.»

Шептать въ соль, упоминая имя человѣка, коему зло намѣренъ сдѣлать, не иначе во-первыхъ (прежде всего), какъ родственницѣ, упоминать слова:

«Пристаньте сему человѣку скорби, подъ названіемъ икоты, трясите и мучьте (имярекъ) до окончанія жизни.»

Послѣ, вынувши изъ сапога крестъ, повѣсить на спину, въ то время будутъ дьяволы у тебя; помѣшкавъ сутки, переимѣнить по обыкновенному, напередъ, тогда дьяволы отъ тебя отойдутъ, а будутъ мучить того, на кого сіе учинишь. Соль же бросить на дорогу или въ другое мѣсто, коимъ тотъ человѣкъ ходитъ, съ приговоромъ:

«Какъ будетъ сохнуть соль сія, такъ сохни и имярекъ (тотъ человѣкъ, коему таковое зло учинишь). Отступи-те отъ меня дьяволы, а приступите къ нему.»

И не вдолгъ сходить, соль ту разрыть, и сказать:

«Поди, дьявольщина, отъ меня прочь!»

И тогда злой духъ (икота) начнетъ мучить то о человѣка.

(Выписано П. С. Ефименкомъ изъ дѣла Пинежскаго Уѣди. Суда, 1815 г.. о признавшемся чародѣй въ напускѣ болѣзней, подъ названіемъ икоты, крест. Пилъгор. волости Мих. Чупаревъ, апрѣля 13 дня 1815 г.; по генер. описи подъ № 985).

109 Оберегъ отъ оружія и отъ всякаго погубленія.

а) Ложуся я рабъ Б. имярекъ—Богу помолюся, встаю р. б. имярекъ—крестюся, умываюся я р. б. имярекъ — благословюся водою бѣлою, утираюся я р. б. им. пре-

стольною пеленою, иду я р. б. им.: далече бѣлая береза, подъ тою бѣлою березою стоитъ гробница, въ той гробницѣ лежитъ Афанасій чернецъ, старецъ Анисимъ патриархъ и послыхшеса именовъ, оставшеса камень, и слово неговорить; еще въ чистомъ полѣ стоитъ Іоаннъ Предтеча и Спасъ милостивый Пресвятая Богородица, Никита столпникъ, Гавріилъ архангелъ, Сергій чудотворецъ, Петръ и Павелъ святыя апостолы, Михаилъ архангелъ, Гавріилъ архангелъ, Георгій храбрый, Николай святитель чудотворецъ, помолюсь я р. б. им. 12-ти апостоламъ, Іоанну Предтечи, Спасу милостивому, Пресвятой Богородицѣ, Никитѣ столпнику, Гавріилу архангелу, Сергію чудотворцу, Петру и Павлу святымъ апостоламъ, Михаилу архангелу, Гавріилу архангелу, Георгію храброму, Николаю святому чудотворцу, одѣваюся я р. б. им. небомъ, подпоюся я р. б. им. облаками, частыми звѣздами, на главѣ держу крестъ Христовъ, зарею обмываюся, небесною силою очищаюся, Господа Бога на помощь призываю, какъ Афанасій чернецъ, старецъ схимонашъ, постриженъ и послыхшень, окаменень оставшеса и съ камнемъ въ гробницѣ лежа, также и противникъ мой онѣмѣлъ. Крестъ на мнѣ р. б. им., крестомъ я р. б. им. ограждаюся отъ сопротивника своего, еретика, еретицы, отъ клеветницы; замыкаюся я р. б. им. отъ грѣховъ девяносто позолоченными ключами, отъ колдунъ, отъ колдунницы, отъ волхвовъ и отъ волхвицъ, кину, кину я р. б. им. съ тѣхъ девяносто позолоченныхъ ключей въ окіанъ-море, и одинъ на днѣ лежитъ камень латырь, никому въ окіанѣ не бывать, и ключей моихъ не вынимать.

б) Во имя О. и С. и св. Д. аминь. Отъ земли до неба-ся около меня р. б. им. стоитъ, стоитъ градъ каменный; въ немъ породила пресвятая Богородица сына своего Господа нашего Ісуса Христа, ангела, архангела и великіе архангеліе: грозныхъ силъ воевода святыи архангелъ Михаилъ и архангелъ Гавріилъ, и святой стра-стотерпецъ Дмитрій святыи и храбрый Георгій, тѣ ме-ня р. б. им. берегутъ со всѣхъ четырехъ сторонъ ски-петры своими, не даютъ меня р. б. им. лихимъ людямъ стрѣлять и рогатиною колоти, ни чѣмъ бити, ни ко-пиемъ вергнуть, ни саблею сѣчь, ни ножемъ ни колоты, ни мечемъ лихимъ людямъ сокрушати и ни чѣмъ бити служеника своего ангельскаго, мученическаго р. б. им. предъ царемъ Александромъ Македонскимъ, и всякой птицы совершеніемъ и утверженіемъ, святыхъ вдовицъ умоленіемъ. Стой не ходи ко мнѣ рабу б. им. умолені-

емъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ, не ходи ко мнѣ раба б. им., умоленіемъ всѣхъ святыхъ, которые сотворили волю Божию отъ начала и до сего дни; умоленіемъ вдовицъ стрѣла стой, не ходи ко мнѣ раба б. им., черезъ Благовѣщеніе пресвятыя Богородицы и приснодѣвы Маріи, умоленіемъ всѣхъ святыхъ молитвами, аминь. Соблюди Господи и помилуй, загради и заступи и защити раба б. им. отъ стрѣлъ лѣтящихъ, и отъ всякаго желѣза, отъ булату и отъ укладу; и отъ камене, отъ стали и отъ мѣди зеленой, и отъ разныя проволоки желѣзныя, отъ всякаго древа русскаго и заморскаго, и отъ жимолости, отъ ружья ратнаго и воинскаго и отъ стрѣлъ и отъ пушекъ и отъ пищалки, и отъ самопаловъ и отъ пушекъ мѣдныхъ и отъ оловянныхъ, и отъ всякаго камене, отъ каменныхъ трескъ и оловянныхъ, и отъ свинцовыхъ, и отъ дробн всякой, и отъ всякаго пороху русскаго и заморскаго, и отъ всякаго древа, и отъ всякаго погубленія на семь свѣтѣ отъ востока до запада, отъ земли и до небеси, отъ всѣхъ четырехъ сторонъ, и отъ всякой птицы перья и отъ всякаго погубленія черемисскаго и татарскаго, бухарскаго и крезинскаго (віс), и отъ литовскаго и черкаскаго, и отъ латынскаго и нѣмецкаго, и отъ русскихъ людей не мирныхъ, и отъ всякихъ нечистыхъ родовъ, и отъ всякаго врага и супостата. Аминь. Крестъ хранитель, крестъ всея вселенныя крестъ креста церковнаго; крестъ царская держава, крестъ вѣрнымъ утверженіе, крестъ ангеламъ слава, крестъ бѣсамъ язва. О святой великій Іоанне пророче и предтече, крестителю Господень, отгони отъ меня раба б. им. Иродовыхъ 12-ти дочерей и сохрани меня грѣшнаго раба своего им. душу мою и тѣло цѣло издрово, до окончанія живота моего и во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь.

Читать по утрамъ и зарямъ трижды.

(Заговоры, извлеч. изъ рукописей старообрядческихъ Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1.; а также Шапова Истор. очерки народ. міросоз. и суетвѣрія стр. 54. Извѣстны и въ Архангельской губерніи).

110. Слова на кулачный бой.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Аминь. Стану я р. б. благословясь и пойду перекрестясь изъ избы двери, изъ двора воротами, умоюсь не водою, но росою и утруся шелковымъ полотенцомъ, помолюся Спасу пречистому и Матери Божіей Богородицы, Михаилу Архангелу и Гавриилу Архангелу, Петру и Павлу верховнымъ

апостоламъ; взойду я р. б. Н. краснымъ солнцемъ, облеку на себя свѣтлый мѣсецъ, опояшусь румянными зорями, обычусь частыми звѣздами, что острыми стрѣлами отъ недруга и супостата. И какъ жидове Христа распинали и били его деревомъ и копьемъ и веревкою, и какъ истинный Христосъ не чюлъ въ себѣ ни щепоты, ни ломоты, ни опухоли, ни въ кос(т)ыи, ни въ жилии, ни въ бѣломъ тѣлѣ, ни въ ретивомъ сердцу. И такъ бы я р. б. не чюлъ въ себѣ ни щепоты и ни ломоты и ни опухоли ни въ кости, и ни въ жилии, ни въ бѣломъ тѣлѣ, ни въ ретивомъ сердцу. И какъ въ свѣтлое Христово воскресенъе радовалось красное солнце и апостоли и вси святые и весь міръ православный, и какъ радуется зоря, ждетъ и дожидаетъ краснова солнца и какъ на красное солнце зрять и смотреть цари и князи и вси начальницы и весь міръ православный; также бы и меня р. б. Н. ждали и ждали, зрѣли и смотрѣли цари и князи и начальницы и весь міръ православный. И какъ далече въ чистомъ полѣ лежитъ кость отвердѣла и окостенѣла, какъ крѣпко и какъ твердо; такъ же бы и у меня р. б. Н. окаменѣло бѣлое тѣло и ретивое сердце и горячая кровь. И какъ далече въ чистомъ полѣ лежитъ сѣръ горячій камень окаменѣлъ, сколь крѣпко и твердо, и также бы у меня р. б. Н. окаменѣло бѣлое тѣло и ретивое сердце и горячая кровь, и буди мой кулакъ по семи фунтовъ. И тѣ мои слова будьте крѣпки и емки, и тѣмъ моимъ словамъ небо ключъ, а земля замокъ.

(Записано помощ. миссіонера Батраковымъ въ с. Ухтостровѣ, Холмог. у.)

111. То же.

Стану я р. б. благословясь, пойду перекрестясь изъ избы въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чисто поле въ востокъ, въ восточную сторону, къ окіану морю, и на томъ святомъ окіанѣ-морѣ стоятъ старъ мастеръ мужъ и у того святаго окіана-моря, сырой дубъ креховастый, и рубить тотъ старый мастеръ мужъ своимъ булатнымъ топоромъ сырой дубъ, и какъ съ того сыраго дуба щепка летитъ, такожде бы и отъ меня имр. валится на сыру землю борець добрый молодець, по всякій день и по всякій часъ. Аминь. (Трижды).

И тѣмъ замокъ моимъ словамъ, ключъ въ море, замокъ въ небѣ, отъ ныни и до вѣка.

(Загов. извл. изъ рук. староб. Ж. М. Н. П., 1863 № 1. ст. Шапова, стр. 60. Извѣстенъ и въ Архангельской губ.)

VIII. СКАЗАНІЯ И СКАЗКИ.

А. СКАЗАНІЯ *)

1. Сказаніе о муцѣхъ, ихъ же Михаилъ Архангелъ показа Пресвятѣй Богородицѣ.

Рече Пресвятая Богородица къ Михаилу Архангелу: поведи меня, гдѣ мучатся многи народы, и гдѣ тьма кромѣшная, черви несыпучіе и мука вѣчная.

И приведе ю ко древу желѣзному, стоитъ древо желѣзное, на немъ вѣтки огненныя, и тутъ многіе народы мучатся. И рече Мати Божіа: сіи люди за нѣя дѣла мучатся? И рече: сіи суть судіи неправедніе. О горе имъ, горе!

И приведе ю Михаилъ ко рѣкѣ огненной и въ ней людиѣ стоятъ: по колѣно,—то блудъ творящіе и отцовъ не почитаючи; по поясъ,—то отцы латыни дѣти свои учучи; по уста,—то свитокъ сей отметаючи.

И приведе ю къ рѣкѣ темной, въ ней вопль, пискъ и визгъ страшень зело, и въ ней сидятъ жидови дѣти, и брады брѣючи и кохтіа не сохраняючи.

И приведе ю къ огню великому, и въ немъ въ котлахъ кипятъ, иже пятницы несоблюдаючи, искры питаются, дымомъ напиваются и мучатся.

И приведе ю къ червямъ несыпучимъ и къ молю не насытному и ядятъ червіе и грызутъ моліе, иже въ среды на сырѣ разрѣшаючи, и въ дышло ѣздючи.

И приведе ю къ озеру смолью кипучему и въ немъ мучатся архіерей, попы и дяки и весь причетъ церковный, зане ругу и янца собираше, усы подстригаше, и съ бояры хлѣбъ-соль водаше, браги много испиваше, по долгу спаше, того ради тѣи мучатся.

И приведе къ зміямъ лютымъ многоглавымъ и тѣи

скрежутъ тѣлеса человѣчк, и то суть бояри злые, бояри жестокіе, и нѣмцы управители и сѣнныя клоушницы, иже батогами православныхъ отъ барскихъ погребовъ отгоняючи.

И приведе ю къ дракону змію, кохти желѣзны, языки огненны, и сосеть кровь человѣчу и кусками мяса заядаеть, а то прикащики и выборные, иже оброкъ собираше, на барску работу посылаше, и дѣти православныхъ въ науку обираше и въ солдаты иныхъ отдаваше, суціи мироѣды, за то имъ и мука.

И приведе ю, гдѣ діаволы жгутъ тѣло человѣка, и какъ пряжу на клубки мотають, и это зачѣмъ коладу намъ не вѣрили, за чѣмъ ворожбой не ворожили, за чѣмъ пива хорошаго не варили, сытой не сытили и православныхъ не честили.

И рече Мати Богородица со слезами: о горе бѣдному роду человѣческому! и возмолись къ Сыну своему: помилуй ихъ, Сыне мой! И рече къ ней Сынъ Божій: кто будетъ носить сей свитокъ, того помилую, сниму съ него всѣ грѣхи, а кій человѣкъ его отринеть и деньги за него грамотѣю не дастъ, тому мука беззутѣшная, скрежетъ зубовъ, мразъ, огонь, аминь.

2. Пятничный свитокъ.

Желающій угодить Господу Иисусу Христу долженъ соблюдать и поститься двѣнадцать пятницъ, и кто сіе соблюдаетъ, тотъ хотя и Богу не молится и въ церковь не ходитъ, и евангеліа не читаетъ, спасется.

Первая пятница, на первой недѣли великаго поста. Кій человѣкъ въ ту пятницу постится, внезапною смертію не умретъ, но и изъ воды сухъ, изъ огня не опаленъ, и изъ всякой бѣды чистъ выйдетъ, и если при смерти не будетъ священника, ангелъ причаститъ его.

Вторая пятница, предъ Благовѣщеніемъ Богородицы.

*) Печатаемыя здѣсь три сказанія записаны священникомъ Лисостровскаго прихода Федоровымъ.

Постящійся въ оную отъ напраснаго убійства сохранился, никакой грѣхъ ему не виѣнится, но все простится.

Третія пятница, на страстной недѣли. Постящійся въ оную отъ непріятеля избѣгнетъ и всякаго колдуна поѣдятъ, и бѣшеная собака никогда не укуситъ.

Четвертая пятница, предъ Сошествіемъ Святаго Духа. Бій отецъ не имѣетъ дочерей и ни одного сына, тотъ постись въ оную, и каѣ мать желаетъ дочери, та постись въ оную. *(За сямъ пропускъ).*

Шестая пятница, предъ Рождествомъ Іоанна крестителя. Постящійся въ оную не будетъ страдать головою и зубною болію, прострѣлъ его не ударитъ, и онъ ни въ чемъ скудѣть не будетъ.

Седьмая пятница, предъ днемъ Пророка Іліи. Постящійся въ оную избавленъ будетъ отъ муки и ада, отъ сего же разведутся хорошія лошади и легкіе роды.

Осьмая пятница, предъ Успеніемъ Божіей Матери. Постящійся въ оную получитъ смирную жену, красивыхъ дѣтей и не пострадаетъ отъ язвы.

Девятая пятница, предъ днемъ Козьмы и Даміана. Постящійся въ оную всякій судъ высудитъ, всякаго богача осилитъ и на войнѣ не поразится.

Десятая пятница, предъ днемъ Архангела Михаила. Имя постящагося въ оную напишется у Богородицы на престолѣ, и ангелы возьмутъ его душу.

Одиннадцатая пятница, предъ Рождествомъ Христо-вымъ. Постящійся въ оную, хотя годъ или больше пролежитъ на смертномъ одрѣ, но умретъ безъ страданія.

Двѣнадцатая пятница, предъ Богоявленіемъ Господнимъ. Постящійся въ оную будетъ знать всякую тайну и будетъ написанъ на Моисѣевѣ жезлѣ у самаго Іисуса Христа.

Кто сему вѣруетъ и помянутыя пятницы честить, тотъ блаженъ и преблаженъ, а кто сему, яко заповѣданію Божію не вѣруетъ, тому анаѣма, проклятъ, тарь-тарары и преисподняя, аминь.

3. Отъ чего уставился вино душепа- губное *).

Братіе, разумѣмъ хмѣльное питіе отъ бѣса сотворшаго на пагубу душамъ православнымъ христіанамъ и

*) Другое заглавіе: «видѣніе блаженныя памяти государя царя и великаго князя Івана Васильевича всея Россіи о хмѣльномъ питіи».

на вѣчную муку. По вознесеніи Господа нашего Іисуса Христа, ходяща ученицы Господни по земли и учаше люди заповѣди Господни, истинныя вѣры христіанскія: закону Божію. Сатана же, завистию своею распалемъ, позавидѣ доброму дѣлу Божію и нача съ бѣсы бесѣдовати, како бы уловити и погубити родъ человѣческій піянствомъ наипаче вѣрныхъ христіанъ, и выступи у нихъ единъ изъ собору піяный бѣсъ и глагола сатанѣ: «азъ вѣдаю, господине, отъ чего сотворить горѣлку-піяное вино». Сатана же даде ему власть піяную и нача съ нимъ бесѣдовати, и глагола ему бѣсъ: «еще азъ вѣдаю, господине, яко осталось тоещъ травы, что есмь прельстилъ Ноеву жену до потопа на Аравійскихъ горахъ, и азъ пойду по тую траву и прельщу человѣка нѣкоего, его же обрящу.» Воста сатана съ престола своего съ бѣсы и поклонися ему до земли, и воздаша ему честь великую, и посадиша его на престолѣ своемъ, и положи на главу его вѣнецъ, и облече его въ порфиру, и даде ему скипетръ царскій, и нарече ему имя, піяный бѣсъ. По мнозѣ времени поиде бѣсъ путемъ своимъ, и обрѣте человѣка нѣкоего въ Палестинѣ идуща изъ града во иный градъ, обнищавша зѣло, и рече бѣсъ человѣку тому: «куда идеши человѣче?» и глагола ему человѣкъ: «скитаюсь отъ бѣдности.» И рече бѣсъ человѣку тому: «возвратися вспять и поиди во градъ, изъ его же пришелъ еси сѣмо, во времени прииди на уроченное мѣсто сіе, иже приобрѣтоша себѣ; при рѣцѣ источникъ течеть, азъ ти сотворю предивную вещь и дамъ ти, и будеши у царя пожалованъ, чего ты не видалъ.» И поиде человѣкъ той въ путь свой, а бѣсъ тогда побѣжа скоро на Аравійскія горы и взя траву, еже есть хмѣль, и возвратися на прежде-реченное мѣсто и приготоуиша сосуды-кубы, трубы и кади. По времени прииде и человѣкъ той на уроченное мѣсто, идеже бѣсъ призывалъ. Научи его бѣсъ, како растить солодъ и варить брагу, дондеже выкиснетъ, и уготовиша горнъ и горшки и поставиша кубы и налиша браги, на крыши и окружа горшки и тестомъ замазаша, трубами сквозе роспустиша и налиша кади воды и положиша подъ кубъ огня, начаша варити. И поиде сквозе кади трубами, яко нѣкая хитрость-мудрость и на умъ человѣкомъ не възде. Такъ умудрилъ бѣсъ на погибель человѣкомъ и наипаче православнымъ христіанамъ и наливъ склянницы и даде человѣку тому, и посла его къ царю, яко дары честны, и по времени созва царь вельможъ своихъ и нача дивитися, каково сіе есть питіе, и налія чашу и испиша царь, и потомъ даде вельможамъ

своимъ и быша веселы, и начаша челоуѣка того дарити, чего ему на сердце не взыде, и глаголаше царь челоуѣку тому: «кто тебѣ указалъ питіе сіе сотворити, челоуѣка того во мнѣ пошли и азъ дамъ ему полцарства моего». А бѣсъ поиде тогда въ свое мѣсто и поклонися сатанѣ и сказа ему: «все потребно како сотвори піаное питіе и челоуѣка къ царю его отпусти, яко дары честны.» Радъ бысть сатана вельми и нача дивитися и даде ему власть царскую по обѣщанію своему. И еще даде ему сатана въ почете на помощь триста бѣсовъ ко піанству людей пригонять, а наипаче православныхъ христіанъ. И бысть честенъ и великъ той бѣсъ у сатаны. Челоуѣкъ той, коего бѣсъ научи дѣлати піано вино, приде отъ царя на прежде реченное мѣсто и не обрѣте бѣса, возвратися скоро къ царю: «не вѣмъ, царь, откуда челоуѣкъ еси пришелъ и како ушелъ. Не скорьби царь о семъ: азъ умѣю зеліе то сотворити.» И бысть той челоуѣкъ первый у царя въ палатѣ съ вельможами и другъ царю. Разнесося то піаное питіе въ Вессарію и Литву и по всѣмъ царствамъ и странамъ, и потомъ же на кончину вѣка сего и къ намъ, въ русскую страну, на погибель душамъ христіанскимъ и на муку вѣчную. Потомъ приде въ русскую страну злая брань матерная на оскверненіе земли и воздуха и всея твари. Затѣмъ приде въ русскую страну антихристово питіе сухое.

Б. СКАЗКИ.

1. О молодцѣ и прекрасной дѣвицѣ, величавой Душѣ.

Бѣ нѣкій молодецъ, дивенъ дворянинъ боярскаго рода, въ красотѣ юности и храбрости своей чуднѣ блистался корпусомъ, политическими науками паче германскихъ бывателей. Нѣкогда случилось ему бесѣдовать съ прекрасною дѣвицей, величавой Душой наединѣ. Рече молодой юноша: «о душа моя, милая, прекрасная Дѣвица! гулялъ я, молодой юноша, по многимъ землямъ и по многимъ городамъ, въ Цареградѣ великомъ, во Франціи премудрой, въ Гишпаніи прекрасной и Греціи прекрасной, и въ Италиіи во бодрой, и въ прочихъ городахъ немѣцкихъ, на восточную сторону и подъ западную, и не могъ я найти, какъ ты моя милая, душа прекрасная дѣвица. Дондеже зрѣніемъ благолѣпнѣйшія персоны вашей не усладился, точию слухъ былъ о красотѣ вашей, имѣлъ многія безпокойства о вашей красотѣ; ныне же, егда ваше лице зрительно узрѣхъ, въ подлинное увѣреніе пришелъ; ибо ты, украсившися юно-

стію своею, аки маковъ цвѣтъ, блистаешися природою твоей персоны румянностію, аки кринъ сельный, умеренностію возраста подобящися Елѣ троянской, премудростію спѣши, аки Венера избраннѣйшая, разумомъ цвѣтеши, аки Семирамида царица пречудная.» Слышавъ сіе отъ молодца величавая Душа посмѣяся рече: «кто неподвигнется твоему безумію, вѣдая, что не знаться лучше дворянину съ боярыною счастливою. Откуда ты пришелъ, чертъ ты знаетъ! Отъ глупыхъ ли ты, отъ безумныхъ молодцовъ, пещь ли тебя добывалъ? мѣняльница ли тебя родила? Свинья ли тебѣ баба? Медвѣдица ли тебя пестовала? Курица ли тебя воздоила? Коза ли тебя вскармила? Ъжовая кожа, рачья рожа, медвѣжьей взглядъ, облячье видѣніе, куніи носъ, налитыя губы, окуныя зубы, кобылья голова, собачій рыскъ, телячій умъ, овчій смѣхъ; кабы у тебя не уши, былъ бы ты вмѣсто ворогуши.» Сіе молодцу хотя и весьма горько, обаче въ ничто вмѣнивъ, сице рече: «о душа моя милая, прекрасная дѣвица, павлиное твое видѣніе, голубиное твое ступаніе, соколиное твое зрѣніе, бумажное твое тѣло, перепельныя твои кости, златовидныя твои власы, сахарныя твоя уста, ароматное твое дыханіе, сосцы твои яки яблоки въ саду, руки твои наполнены щедрости.» Но прехвальная дѣвица рече удалому молодцу: «откуда тебѣ таковая дерзость приде, яко хочешь меня музыкательными словами склонить въ любовь себѣ, ибо его мышья тропа Езопова притча, подподольная звѣзда, запечной свѣрчокъ, батанинъ столбикъ, адскій дворникъ, заугольный добытокъ, дьявольской прибытокъ, полудница худой ржи, ночной нетопырь, банный слизъ повисъ голову свой внизъ. Жилъ бы ты, бѣдный, дома, плелъ бы ты лапти, ѣлъ бы оскрепки, пилъ бы ты болотную воду со ржавчины.» Отчего молодецъ пришелъ во изступленіе своего разума; не можетъ отвѣчать противъ прекрасной дѣвицы. Обаче укрѣпшися рече: «видъ мой предражайшихъ очей укрытися не можетъ, тако же твоя красота не можетъ во всей подсолнечной. Аще мнѣ волей принять неизволиши, не то и по неволѣ принять будешь. Какъ стѣпь безъ краснаго солнца завсегда мраченъ есть, такъ твоя красота безъ любви друга своего въ мрачномъ рубищѣ; и какъ въ прекрасныхъ поляхъ апартаменты безъ покрововъ своихъ въ краткомъ времени разрушаются, такъ твоя красота, не имѣя любезнаго своего друга, скоро изгибнетъ; какъ дерево съ листвиемъ своимъ въ лѣтѣ слаще украшается, пришедшая зима, не имѣя прохладнаго Фавонія, вскорѣ лишается

красоты,— тако и ты, аще возлюбишь друга, аки въ лѣтѣхъ не преставъ украситься ими. Аще же имѣть не будешь вскорѣ лишиться красоты лица твоего; и яко корабль безъ оной погружается съ волнъ морскихъ, такъ и ты, не имѣя друга своего сладчайшаго, вскорѣ погрязнеша въ печалѣхъ лютѣйшихъ, и какъ пріятнѣйшей сладости растворенное музыками мое играніе, аще и въ пребезмѣрной горести пребываеши, увеселить, такъ твоя красота да будетъ въ радости на вѣкъ со мною». (безъ конца).

2. Диво дивное, чудо чудное.

Въ нѣкоторомъ градѣ иностранныя земли жилъ нѣкій богатый купецъ, по имени Славерь, и тотъ купецъ торговалъ дорогими и знатными товарами и отсылалъ также и въ нныя государства для лучшаго барыша. Въ нѣкое же время сдумалъ самъ туда ѣхать съ своими товарами, и когда началъ онъ собираться въ корабль, то спросилъ свою жену: «радость моя! что велишь купить тебѣ въ гостинецъ: я ѣду въ иностранныя земли.» Жена его на то ему отвѣчала: «другъ мой сердечной! ужъ я всѣмъ у тебя довольна и все у меня есть, такъ мнѣ ничего не надобно; а купи ты мнѣ диво.» Купецъ подумалъ и сказалъ женѣ: «хорошо.» Потомъ приказалъ одинъ корабль нагрузить лучшими своими товарами, и послѣ чрезъ нѣсколько дней поплылъ; и чрезъ три мѣсяца присталъ къ одному какому то незнакомому ему совсѣмъ городу, гдѣ пораспродавъ всѣ свои товары и послѣ, накупивъ тамошнихъ товаровъ, нагрузилъ опять корабль свой. Ходилъ тотъ купецъ по городу и думалъ, гдѣ найти ему купить диво, и попался ему навстрѣчу незнакомый человѣкъ и примѣтилъ, что сей купецъ гораздо призадумался, и сталъ ему говорить: «господинъ-купецъ! скажи пожалуй тоску, печаль свою; авось либо я тебѣ въ чемъ помогу сдѣлаю» — «Добрый человѣкъ, сказалъ ему въ отвѣтъ купецъ Славерь, какъ мнѣ молодцу не кручиниться, ищу я купить женѣ своей диво, да незнаю гдѣ». — «Ты давно бы мнѣ сказалъ, молвилъ ему незнакомый человѣкъ, поди со мной, у меня есть диво-дивное чудо-чудное, и ты краше меня ни гдѣ не найдешь.» Купецъ обрадуясь пошелъ съ нимъ. Незнакомый человѣкъ привелъ купца въ свой домъ и сказалъ: «видишь ли ты на дворѣ у меня гуся?» «Вижу», отвѣчалъ ему купецъ. «Такъ смотри же, что съ нимъ будетъ» — молвилъ незнакомый человѣкъ и, проговори сіи слова, закричалъ гусю: «гусь поди сюды!» Гусь тотъ

часъ пришелъ въ горницу; незнакомой взялъ сковороду, а потомъ сказалъ: «гусь, ложись на сковороду!» Когда гусь легъ на сковороду, тогда онъ взялъ сковороду и поставилъ въ печь и какъ скоро изжарился гусь, то незнакомой человѣкъ поставилъ его на столъ и просилъ купца, чтобъ онъ съ нимъ поѣлъ того гуся, но чтобъ костей его не бросать подъ столъ. Купецъ съѣлъ съ нимъ вмѣстѣ за столъ ѣсть гуся, и когда они всего его съѣли, тогда незнакомецъ, свернувъ кости въ скатерть, бросилъ на полъ и молвилъ: «гусь! встань, встрепенись и поди на дворъ». Гусь всталъ, встрепенулся и сталъ живъ по прежнему и пошелъ на дворъ. Купецъ тогда сказалъ: «подлинно, что есть диво-дивное и чудо-чудное;» а потомъ началъ того гуся торговать, и сторговалъ его за дорогія деньги, и взялъ его на свой корабль. И послѣ того скоро отправился во свое отечество купецъ, привозить гуся, сказалъ женѣ, какія чудеса съ тѣмъ гусемъ дѣлаются, что изжаривъ его и съѣвши, онъ опять оживетъ. Тогда жена его обрадовалась и говорила своему мужу: «вотъ у меня всякой день будетъ жаркое некупленное.» На другой день послѣ того пошелъ купецъ въ лавку свою торговать, а къ женѣ его пришелъ любовникъ. Купчиха рада была такому гостю и вздумала поподчивать его жаренымъ гусемъ, а печка тогда топилась. Она закричала: «гусь! поди въ горницу.» Гусь тотчасъ пришелъ, потомъ сказала: «гусь! ложись на сковороду!» гусь не слушаетъ ее и неидетъ на сковороду. Она осердилась на гуся, что не слушаетъ ее; ударила его сковородникомъ, тогда сковородникъ однимъ концомъ прильнулъ къ гусю, а другимъ къ купцовой женѣ такъ плотно, что никакъ оторвать его нельзя. Купчиха закричала своему любителю: «ахъ, дружокъ мой! пожалуй оторви ты сковородники отъ руки моей; конечно этотъ гусь проклятой непростъ, а заворожень». Любитель купчихи взялся было оторвать сковородникъ отъ руки ея, но и самъ тутъ же прильнулъ; тогда гусь потащилъ ихъ обоихъ къ лавкѣ купца Славера. Купецъ, увидя свою жену съ незнакомымъ человѣкомъ и всѣхъ вмѣстѣ сольнувшихъ, удивился и велѣлъ своему прикащику разнять. Тотъ тутъ же прильнулъ. Купецъ догадался тому диву, взялъ самъ и сталъ ихъ разнимать, и разнявъ всѣхъ, спрашивалъ свою жену о томъ человѣкѣ, который съ нею былъ сольнувши. Она принуждена была мужу своему признаться во своемъ проступкѣ; купецъ же незнакомаго человѣка любителя жены своей отпустилъ.

3. О Марьѣ царевнѣ.

Не въ какомъ царствѣ, не въ какомъ государствѣ, былъ жилъ царь съ царицею, и была у нихъ одна дочь, Марья царевна; а какъ умерла царица, то онъ взялъ Ягичну, и у Ягичны родилось двѣ дочери: первая двоеглазая, а другая троеглазая. Ягична падчерицы не любила; послала ее пасти коровушку буренушку, дала ей съ собой сухую краюшку хлѣбца. Она пошла въ чистое поле, въ праву ножку поклонилась, напилась, наѣлась, хорошо срядилась; за коровушкой буренушкой день ходитъ какъ барыня. День прошолъ, опять поклонилась въ праву ножку, разрядилась; пришла домой, краюшку положила на столъ: «чѣмъ сука сыта живеть?» спрашиваетъ Ягична. Прошелъ другой день, взяла опять ту же краюшку, и посылаетъ Ягабона большую дочь свою посмотреть, чѣмъ Марья царевна питается. Пришла; сестра говоритъ: «дай, сестрица, поищу въ головѣ!» Стала искать, говоритъ: «спи, спи, сестрица! спи, спи, спи родима! спи-спи вся». Стала и пошла къ коровушкѣ буренушкѣ. Поклонилась въ правую ножку, напилась, наѣлась и срядилась, и ходитъ день какъ кбарыня. Пришелъ вечеръ, говоритъ Марья царевна: «ставай, сестрица! ставай, родимая! пойдемъ домой!» — «Охти мнѣ! я все проспала, меня мати забранить, ни чего невидѣла». Пришла домой, спрашиваетъ мати; «что ѣла?» — «Я ничево не видѣла.» Стаетъ по утру, посылаетъ другую дочь; говоритъ: «подико, сука! что она пьетъ и ѣстъ?» Пришла въ чистое поле буренушку пасти; говоритъ Марья царевна: «дай я тебѣ, сестрица, въ головушкѣ поищу». — «Поищи, сестрица! поищи, родима!» Стала искать. «Спи—спи, сестрица; спи—спи родима! спи-спи глазокъ! спи-спи другой! спи-спи вся сестрица!» а третій глазокъ глядитъ, что робитъ сестрица. День проходитъ, поклонилась въ праву ножку, напилась, наѣлась и раздѣлась. «Ставай, сестрица! ставай, родима.» — «Ох-ти-мнѣ! Я все проспала, меня мати забранить.» Пришла домой, краюшку на столъ положила. Стала мати спрашивать дочь: что пьетъ и ѣстъ? Говоритъ: «пошли въ чистое поле, стала у меня въ головушкѣ искать: спи, сестрица! спи, родима! спи, глазокъ! спи, другой! а у меня третье-ть глазокъ и видитъ». Мать говоритъ: «рѣжь, старикъ, коровушку буренушку». Зарѣзалъ коровушку, Марья царевна говоритъ: «дай, дѣдушко родимой! хоть гузенную кишочку.» Бросилъ старикъ въ рожу. Посадила къ веревѣ, выросъ ракитовъ кустъ; всякія птички-пташечки поютъ пѣсни царскія и

крестьянскія. Прослышалъ Иванъ царевичъ про Марью царевну, пришелъ Иванъ царевичъ, положилъ блюдо на столъ; Ягична послала свою дочь ягодъ брать. Птички и близко не подпустили, не дали, а выпустили Марью царевну. Взяла блюдишко и пошла ягодокъ брать; она беретъ, а птички-пташечки вдвое да втрое на блюдо владуть, пришла положила на столъ и поклонъ отдала. Веселымъ пиркомъ да и свадебной. Взялъ за себя Иванъ царевичъ Марью царевну. Долго-ли, коротко-ли жили, родила сына; захотѣла къ отцу въ гости. Приѣхали въ гости, мачиха оборотила ее гусемъ, и свою дочь срядила Ивану царевичу въ жену. Приѣхалъ въ домъ пестуна старичка. Старичекъ стаетъ по утру ранехонько, умывается бѣлехонько и пошелъ въ чистое поле къ кусточку. Летятъ гуси. «Гуси! вы гуси! сѣрые гуси! гдѣ вы видали младенца?» Мать на землю скочила, кожу сдернула, другой сдернула, взяла младенца на руки, взяла сосать. Сама реветъ: «сегодня пососу, да завтра пососу, да послѣ завтра, и улечу за темные лѣса, за высокія горы.» Старичекъ пошелъ домой, паренекъ спитъ до утра безъ разбуду. По утру опять старичекъ стаетъ ранехонько, умывается бѣлехонько. У Ивана царевича жена бранится: «что старикъ всего заморилъ сына?» Пошелъ старичекъ въ чистое поле, а Иванъ царевичъ не видимо за старичкомъ идетъ. Съѣлъ къ кусту, а Иванъ царевичъ въ кустъ забрался. Летятъ гуси сѣрые: «гдѣ младенца матку видали?» — «Въ другомъ стадѣ.» Летитъ другое стадо, летитъ. «Гуси! вы гуси! гдѣ вы младенца мать видали.» Младенца мать на землю скочила, кожу сдернула, бросила на кустъ, стала младенца сосить. Стала прощаться съ нимъ: «улечу за темные лѣсы.» Младенца старичку отдала. «Что, говоритъ, смородомъ пахнетъ?» Хотѣла надѣвать космы, хватилась и нѣтъ ни чего. Иванъ царевичъ захватилъ Марью царевну. Она обернулась скакухой ящерицей и всякой гадной, повернулась веретешкомъ и переломилась на двое. Пяткой на задъ бросилъ, стало денегъ кошелекъ; носокъ предъ себя, стала молодая молодца. И пошли домой. Ягична реветъ: «разорительница идетъ.» И собралъ князей и бояръ; говоритъ: «съ которой одной прикажите жить?» Онѣ сказали: «съ первой.» — «Ну, господа! которая жена на ворота скорѣе скочитъ, съ той и жить стану.» Ягична какъ говоритъ влезла, а Марья царевна только цапается, а вверхъ не лезетъ. Тутъ взялъ Иванъ царевичъ свое ружье и застрѣлилъ Ягичну, а съ Марьей царевной сталъ жить, да поживать, да добра наживать.

4. О старикѣ и старухѣ и о сынѣ ихъ
Федорѣ Ивановѣ.

Не въ которомъ мѣстѣ былъ старикъ съ своей старушкой, у коихъ былъ одинъ сынъ по имени Федоръ Ивановичъ. Сдумали старикъ и старуха своего сына учить разнымъ наукамъ; отдали одному богатому купцу на три года. Послѣ трехъ годовъ купецъ говоритъ старику: «приходи по сына!» Старичекъ приходитъ, близко-то сынъ отца своего увидѣлъ и обернулся соколомъ, и прилетѣлъ ему на встрѣчу и сѣлъ ему на голову. А старикъ ужаснулся: «кто же меня прельщаетъ?» Соколъ съ головы соскочилъ и ударился о сыру землю и сталъ такой молодецъ, что такова въ свѣтѣ нѣтъ, и говоритъ ему: «здравствуй, батюшка! идешь сюда за мной, только трудно меня взять, да и трудно меня узнать. Купецъ выведетъ тридцать жеребцовъ, какъ одинъ; то ты смотри, я буду съ правой руки третій; ты не хватай за узду, а говори: мой сынъ!» — и обернулся опять соколомъ, улетѣлъ въ свое мѣсто. Такъ пришолъ старикъ къ купцу и постучалъ подъ окошкомъ и говоритъ: «господинъ купецъ! отдай моего сына!» Отвѣчалъ купецъ старику: «хорошо, старичекъ! только извольте помѣшкать съ полчаса». Идя на конюшню вывелъ купецъ къ старику тридцать жеребцовъ, какъ одинъ. Тутъ старичекъ къ жеребцамъ приходитъ поближе, жеребцы копытами бьютъ о землю. Старикъ съ правой руки третьяго жеребца хватилъ за узду и сказалъ: «это мой сынъ!» купецъ: «Да правда, сынъ твой Федоръ Ивановичъ; только я его отдать теперь тебѣ не согласенъ, а приходи завтра рано и выбери второй разъ, то и получить можешь». Старикъ ночь переночевалъ, по утру стаеъ ранешенко, умываетца бѣлешенко и снаряжается скорешенко, идетъ къ купцу подъ окошко, постучался и сказалъ: «господинъ купецъ! отдай моего сына!» Отвѣчалъ купецъ: «только извольте погодить съ полчаса времени, и приходи по сына сюда». Какъ полчаса миновало, старикъ опять подходитъ. Сынъ его обернулся соколомъ, полетѣлъ ему навстрѣчу и сѣлъ на голову; старикъ ужаснулся: «ахъ, кто меня прельщаетъ?» А соколъ соскочилъ съ головы, ударился о землю, сталъ такой красавецъ и говоритъ: «здравствуй, батюшка! пришелъ ты сюда по меня, только трудно меня взять да и трудно узнать; выведетъ купецъ тридцать дѣвицъ, какъ одну, я-жъ натычу назадъ булавогъ; то ты батюшка, ходи по всѣмъ дѣвицамъ по головамъ рукой, гдѣ уколетъ, ту и бери за руку и говори: «вотъ сынъ мой, Федоръ Ива-

новичъ!» Когда вывелъ купецъ въ садъ тридцать дѣвицъ и сказалъ: «выбирайте своего сына», старикъ пошелъ позаду, глядитъ по головамъ, разъ прошолъ, другой прошолъ и увололъ руку, взялъ за руку и сказалъ: «господинъ купецъ! вотъ сынъ мой!» Купецъ сказалъ старику: «да правда сынъ твой; только отдать тебѣ его несогласенъ, а приходи въ утрѣ и выбери, то и отдамъ тебѣ его». Старикъ пошелъ въ печали въ свое мѣсто, а купецъ говоритъ сыну Федору Ивановичу: «не отецъ твой мудеръ, а ты мудеръ», и началъ его бить, рвать и терзать такъ, что едва оставилъ живаго. Старикъ ночь ночевалъ, поутру стаеъ ранешенко, умывается бѣлешенко, сряжается крутешенко, идетъ скорешенко; пришелъ къ купцу, подъ окошкомъ постучался и скричалъ купцу: «господинъ купецъ! отдай моего сына!» — «Хорошо, хорошо старичекъ! только извольте помешкать полчаса и приходи по сына своего». Какъ полчаса миновало, старикъ пошелъ къ купцу. Сынъ его увидалъ, обернулся соколомъ и прилетѣлъ навстрѣчу, сѣлъ на голову, старикъ и ужаснулся: «ахъ, кто экой прилетѣлъ? что за мразь?» Соколъ скочилъ и ударился о землю: «здравствуй, батюшка! пришелъ сюда по меня, только трудно меня взять, да и сегодня меня не узнать. Купецъ обернетъ тридцать соколовъ, какъ одинъ. Я тебѣ имѣю сказать: онъ выведетъ на широкой дворъ и насыпетъ пшены бѣлойровой, а мы будемъ клевать и соберемся въ одно стадо. Я тогда начну бѣгать кругомъ и полетимъ и подыдемся высоко, а я выше всѣхъ и опустимся на землю и опять начнемъ клевать; я тоже буду бѣгать кругомъ, ты тогда меня хватай самъ». И обернулся соколъ и полетѣлъ въ свое мѣсто. И пришелъ старикъ къ купцу: «господинъ купецъ! отдай моего сына». Отвѣчалъ купецъ: «хорошо отдамъ! только прошу помѣшкать полчаса». Какъ полчаса миновало, то купецъ выпускаетъ тридцать соколовъ, какъ одинъ, и насыпалъ пшены бѣлойровой и всѣ въ одномъ стадѣ начали клевать, а одинъ бѣгаетъ кругомъ и полетѣлъ, поднялся высоко, одинъ выше всѣхъ и опустился на землю, и началъ клевать пшену, а одинъ кругомъ бѣгать; старикъ началъ подбираться поближе и ухватилъ сокола и сказалъ купцу: «это сынъ мой Федоръ Ивановичъ!» Купецъ: «ну, старичекъ! и поведи своего сына; мудеръ твой сынъ!» И пошли старикъ съ своимъ сыномъ, идутъ путемъ дорогой, долго-ли, коротко-ли, близко-ли, далеко-ли.

Скоро сказка скажится, а не скоро дѣло дѣлается, ѣздить господа охотники за охотой, промышляютъ звѣрей. Увидалъ старикъ съ сыномъ — бѣжить лисица. Сынъ

оворить отцу: «батюшка! я обернусь кобелемъ на схвачу лисицу; хотя охотники къ намъ прѣдутъ и станутъ отбивать лисицу, а ты говори имъ: господа охотники! у меня есть кучко свой, я тѣмъ голову свою кормлю; охотники скажутъ: продай намъ кучка! а ты продавай, проси два ста рублей». И обернулся кобелемъ, тотчасъ лисицу ухватилъ и паѣхали охотники: Увидя же лисицу, сказали ему: «зачѣмъ ты, старой, пришелъ сюда на нашу охоту?» Старикъ: «господ охотники! есть у меня свой кучко, я съ нимъ голову кормлю». Охотники говорятъ старику: «продай кучка!» старикъ: «купите!» «Дорогъ твой кучка?» — старикъ: «200 рублей». Охотники деньги заплатили, повели кучка съ собой, а старикъ отправился одинъ. Охотники увидѣли бѣжащую лисицу, гонять свои кобели, а догнать не могутъ, и говорятъ одинъ изъ охотниковъ «отпустимъ этого кобеля». Лишь опустими, кобель побѣжалъ, лисицу ухватилъ и убѣжалъ въ слѣдъ отца. Какъ отца догналъ и ударился о землю, сдѣлался молодцомъ и пошли въ путь далѣе; дошли до озера, охотники стреляютъ гусей-лебедей и сѣрыхъ утокъ. Летитъ стадо гусей, говоритъ сынъ отцу: «батюшка! я обернусь соколомъ, стану хватать гусей, придутъ охотники отбивать гусей; ты имъ отвѣчай: есть у меня соколъ свой, я тѣмъ и голову кормлю; охотники начнутъ торговать сокола, ты продавай, проси 300 рублей». И обернулся соколомъ, поднялся выше гусей, и началъ хватать гусей и на землю опускать, а старикъ лишь въ кучу собираетъ. Охотники увидѣли его добычу, прѣхали къ старику: «почему ты пришелъ на нашу добычу?» онъ отвѣчалъ: «господа тинохоки, у меня соколъ свой, я тѣмъ голову кормлю». Охотники начали у него торговать гусей и сокола. Старикъ: «купите!» Охотники: «что платить?» Старичекъ: «300 рублей». Охотники деньги заплатили, старичекъ пошелъ одинъ. Охотники увидѣвъ другое стадо гусей, одинъ охотникъ спустилъ сокола, соколъ поднялся выше стада гусей, убилъ одного гуся и полетѣлъ вслѣдъ отца, какъ догналъ отца, ударился о землю и сдѣлался молодецъ. Пошли далѣе. Какъ пришли домой въ свою самую ветхую хижину, и началъ сынъ отцу говорить: «батюшка, у насъ теперь денегъ есть, то построимъ себѣ новый домъ». Послѣ того пришла ярманка, сынъ отцу говоритъ: «батюшко, пойдемъ нынѣ въ ярманку, я обернусь жеребцомъ, ты меня продавай, проси 40.000 рублей; станутъ давать 40.000 рублей, ты меня продавай, а узды не продавай». Какъ

пришли въ ярманку, онъ обернулся жеребцомъ, старикъ началъ продавать и просить 40.000 рублей. Торговые люди не знаютъ оцѣнить жеребца, а купецъ, который его училъ, услышалъ, что этотъ жеребецъ самой его супостатъ, и пришелъ къ тому старику, началъ торговать жеребца: «старичекъ, продай жеребца». Старикъ: «купи, господинъ!» купецъ: «чего стоитъ?» старичекъ: «40.000 рублей!» купецъ: «возми тридцать тысячъ». Старикъ: «менѣе 40.000 рублей не отдамъ». Купецъ 40.000 рублей заплатилъ и сѣлъ на жеребца. Старичекъ хотѣлъ было узду снять, а купецъ сказалъ: «нѣтъ, старичокъ опоздалъ теперь», и побѣжалъ. Купецъ ѣздилъ три сутки, истомилъ жеребца до самаго худаго положенія, прѣхалъ домой, привязалъ его въ конюшнѣ передними ногами не опираясь земли. У купца были дочери, увидя коня на конюшнѣ привязаннаго: «ахъ у насъ батюшка какъ ѣздитъ и привязываетъ; а не то напоить и накормить». Отвязали, повели поить; конь шелъ, вдругъ бросился и вырвался у дочерей его изъ рукъ и убѣжалъ. Послѣ того купецъ пробудился, спрашивалъ: «гдѣ мой конь, который былъ привязанъ», дочери ему отвѣчали: «мы, отвязавъ его, повели поить; онъ у насъ вырвался и убѣжалъ.» Какъ услышалъ купецъ, что конь убѣжалъ, то обернулся конемъ и бѣжалъ въ погоню. Услышалъ Федоръ Ивановичъ за собою погоню, обернулся въ морѣ ершомъ, а купецъ щукой и побѣжали моремъ. Ершъ сунулся въ ракову нору и сказалъ щукѣ: «ерша съ хвоста съѣшь»; не можетъ щука и говоритъ ершу: «ершь! повернись сюда головой!» ершъ говоритъ: «щука съѣшь ерша съ хвоста»; и такъ стояли три сутки, наконецъ щука заснула, а ершъ выскочилъ изъ норы и бѣжалъ моремъ, и прибѣжалъ къ нѣкому царству. Въ то время вышла служанка къ морю почерпнуть воды, ершъ обернулся перстнемъ и попался въ ведро, а перстня такого во всемъ царствѣ не было; служанка подарила онымъ царскую дочь, которая днемъ носила его на рукѣ, а ночью спать съ молодцомъ. Какъ купецъ опять про этотъ услышалъ перстень. А Федоръ Ивановичъ наказалъ царевнѣ, что будетъ купецъ меня торговать, ты продавай, проси 80.000 рублей; какъ деньги получишь, въ то время урони перстень на полъ, а я рассыплюсь мелкимъ жемчугомъ; прикатитца одна жемчужина къ тебѣ, то ты ту жемчужину заступи своимъ башмакомъ; тогда онъ обернется пѣтухомъ и начнетъ клевать жемчугъ, какъ только весь покажетъ и скажетъ: «теперь я потребилъ своего супостата», тогда

ты съ той жемчужины свою ногу подними, я обернусь ястребомъ и разорву его на двѣ части. Какъ этотъ купецъ пришелъ къ царевнѣ, началъ уже торговать перстня и согласились за 80.000 рублей. Какъ деньги царевна получила, будто нечаянно уронила перстень на полъ, перстень рассыпался въ мелкій жемчугъ, припала одна жемчужина царевнѣ къ ногамъ, царевна заступила своимъ башмакомъ; а купецъ обернулся пѣтухомъ и началъ клеветать жемчужины; какъ поклевалъ все и сказалъ: «теперь я своего супостата потребилъ»; а царевна приняла ноги, жемчужина обернулась ястребомъ; разорвалъ пѣтуха на двѣ части и сказалъ: «теперь я своего супостата истребилъ». Послѣ того на царевнѣ женился и проводили жизнь свою благополучно. Я тамъ былъ, вино и пиво пилъ, пиво то текло по губамъ-то, текло, а въ ротъ не попало; мнѣ колпакъ давали, да вонъ толкали, я упирался, да вонъ убирался.

5. О солдатахъ Мартышкахъ,

Бывали, живали старикъ да старуха; у нихъ былъ одинъ сынъ Мартышка, а работы никакой не работалъ; да отецъ его никуда нарядить немогъ, и съ того отдалъ онъ сына своего Мартышку въ солдаты. А ему въ солдатахъ ученье недалось, и поставили одинъ разъ его на часы, а онъ Мартышка ушелъ съ часовъ домой, и положилъ свое оружие на грядку, сдѣлалъ палку и шаръ, и пошелъ на парадное мѣсто и сдѣлалъ буй, и сталъ играть шаромъ, и щелкнулъ шаромъ фельдфебеля въ лобъ. И говоритъ фельдфебель: «что ты, Мартышка робишь.»—Отвѣчаетъ Мартышка: «я вѣдь жилъ у батюшки своего, а все шаромъ игралъ», и спросилъ фельдфебель: «гдѣ у тебя оружие»; сказалъ ему Мартышка: «у моего батюшки десять оружьевъ, и всѣ на грядкѣ, и я свое оружие снесъ на грядку же», почему его и начали розгами бить. И послѣ битья заснулъ крѣпко, и привидѣлось Мартышкѣ во снѣ, что—Мартышка сбѣжи въ Испанское королевство, и тамъ тебѣ жира будетъ добрая, и дойдешь ты до Испанскаго королевства, и будетъ тутъ Испанка рѣчка, и за рѣчку мостъ, и возлѣ этаго моста стоитъ троеэтажной каменной домъ, и зайдя въ этотъ домъ; а въ томъ дому никого нѣтъ, а стоитъ на столѣ важнаго кушанья и разныхъ напитковъ довольно, тутъ ты напейся и наѣшься, и еще загляни въ столъ; а въ столѣ лежатъ однозолотныя карты, и возьми эти карты къ себѣ, и еще возьми; тутъ же кошелекъ съ деньгами, а изъ того кошелька, хотя

полну фатеру насыплю золота, а изъ него не убываетъ. Вотъ пробудился Мартышка ото сна и наладилъ сухарей, и сбѣжалъ изъ полку вонъ, и шолъ онъ дорогой, а больше стороной три мѣсяца, и пришелъ къ Испанскому королевству и къ Испанкѣ рѣчкѣ, и зашелъ въ троеэтажной каменной домъ, въ коемъ стоитъ на столѣ всякаго кушанья и питья довольно, онъ сѣлъ за столъ напился и наѣлся, и заглянулъ въ столъ, взялъ однозолотныя карты и съ золотомъ кошелекъ къ себѣ въ карманъ, и пошелъ съ картами и съ деньгами въ Испанское королевство, и зашелъ въ трактиръ. Въ томъ трактирѣ живетъ маркитантъ, камзолъ на немъ красной, колпакъ на головѣ красной, и сапоги на ногахъ красны, лице и носъ красные, и говоритъ солдатъ Мартышка маркитанту: «подай мнѣ съ устатку крѣпкой водки рюмку!» И поглядѣлъ этотъ маркитантъ на солдата, и налилъ ему рюмку воды, и солдатъ покушалъ, въ рюмкѣ вода, стегнулъ маркитанта и попалось въ носъ и разшибъ до крови. И завопилъ маркитантъ: «господа генералы и министры!—эдакой солдатъ меня всего прибилъ». Вотъ эти генералы и министры говорятъ солдату: «зачѣмъ въ нашъ пришелъ трактиръ? въ этотъ трактиръ простые люди и солдаты не ходятъ; въ этотъ трактиръ прѣзжаетъ Испанскій король, дамы, генералы и министры». Говоритъ солдатъ: «я, братцы, заведенія вашего не знаю; я—человѣкъ русской, и зашелъ въ вашъ трактиръ, и съ устатку похотѣлось выпить рюмку водки, и попросилъ у маркитанта крѣпкой водки рюмку, а онъ мнѣ подалъ рюмку воды, за то я осердился, ударилъ его въ лицо и попалъ по носу». И говоритъ маркитантъ: «экой ты впрямъ, гдѣ тебѣ деньги взять, у меня рюмка водки 2 руб. 50 коп., а на тебѣ платье худое». И вынулъ солдатъ Мартышка свой кошелекъ и насыпалъ изъ кошелька золота въ сѣнную кучу, и говоритъ: «бери, сколько тебѣ надо за водку!» И обвинили его маркитанта всѣ генералы и министры: «зачѣмъ воду продаешь», и взяли господа этого солдата понавать, и говоритъ солдатъ: «пейте, братцы! и мою водку, денегъ вамъ моихъ не пропить; неудобно ли, господа, со мной въ карты поиграть»,—и вынулъ изъ кармана свои однозолотныя карты, что эдакихъ картъ господа и на вѣку не видали, и стали съ нимъ въ карты играть, и Мартышка у нихъ всѣ деньги выигралъ, также лошадей и повозки, кучеровъ и фалетуровъ, и все платье до наготки, и говоритъ имъ: «ну, братцы господа! убирайте все свое, которое мнѣ проиграли, также и мои деньги». И напоили хмѣлемъ, и приказали подѣ

него послать постелю, а маркиганта заставили съ него смахивать мухъ, говоря ему: «ежели ты что возьмешь у солдата, кошелекъ ли или убавишь денегъ, и онъ пожалится: то тебя мы здѣшняго мѣста лишимъ». И прѣхали господа министры къ Испанскому королю, объявили, что есть въ нашемъ трактирѣ русскій солдатъ Мартышка; у него кошелекъ съ золотомъ полны твои палаты засыплетъ, а изъ кошелька не убываетъ, и есть однозолотныя карты, на вѣку ты эдакихъ картъ не видалъ. Приказалъ король шестерку лошадей подъ карету заложить, и взявъ кучера, фалетуря и запятника, и самъ сѣлъ въ карету и поѣхалъ въ трактиръ. Какъ прѣхалъ, вскричалъ: «что за человекъ спитъ», и скочилъ солдатъ на колѣни, «что ваше королевское величество надо?», говоритъ король: «что жъ ты за человекъ спишь здѣсь», отвѣчалъ ему: «я солдатъ Мартышка, я человекъ русской и сбѣжалъ изъ команды». И приказалъ король трактирщику поднести графинъ водки, и наливаетъ рюмку, и подаетъ солдату. «Опохмѣлся солдатъ!» Говоритъ ему Мартышка: «пейте сами, ваше величество! мнѣ своихъ денегъ не пропить будетъ»; король самъ выпилъ рюмку, а ему подавъ другую, и говоритъ ему король: «што, солдатъ, я слышалъ, што ты мастеръ въ карты играть». Вынималъ солдатъ однозолотныя карты, издивился король, што эдакихъ картъ и навѣку не видалъ, и стали играть. Тогда солдатъ Мартышка у короля всѣ деньги выигралъ, также платье и лошадей съ каретой, съ кучеромъ и фалетуромъ; послѣ того все выигранное королю взадъ отдалъ. Этого король возлюбилъ солдата Мартышку, и пожаловалъ его первымъ министромъ, и состроилъ ему троеэтажный каменный домъ, и живетъ солдатъ министромъ управно. И спросилъ короля на три года въ другую землю; то на мѣсто себя оставляетъ онъ король новаго министра Мартышку править его королевствомъ. И повелъ онъ Мартышка по своему, приказалъ онъ солдатамъ сшить шинели и мундиры изъ самова чистова сукна, какъ и на офицерахъ, и прибавилъ солдатамъ жалованья по 1-му рублю, а по разсмотрѣнiю другимъ и по 2 рубля, и передъ каждой вытью пить по стакану вина, и говядины, и каши вдоволь. А чтобы по Испанскому королевству нищая братія не была, приказалъ выдать изъ казенныхъ магазейновъ по кулю и по два на человека муки. И такъ за ево солдата и нищая братія Бога молятъ. А у того короля осталась въ дому дочь, Настасья Королевна, и посылаетъ она свою служанку позвать новаго министра Мартышку къ себѣ въ гости. «Поиди, скажи новому ми-

нистру, что у меня будетъ сегодня балъ, чтобы приходилъ ко мнѣ въ гости,» — и приходитъ служанка въ домъ къ новому министру: «господиный министр! наша королевна Настасья звала васъ къ себѣ въ гости». Сказалъ онъ ей: «ежели я нуженъ ей, можетъ она и сама придти позвать меня». Приходила служанка, отвѣщаетъ королевнѣ, что — сказалъ мнѣ новыи министр: ежели нуженъ я ей, то можетъ она придти комнѣ сама. Тогда надѣла королевна па себя салонъ, и пошла Мартышку звать, говорила: «господиный министр! пожалуй ко мнѣ въ гости; у меня сегодня будетъ балъ». Говоритъ министр: «хорошо, сударыня! сейчасъ одѣнусь и иду за вами въ домъ», и привела его къ себѣ въ домъ, и дѣвокъ набрала, танцю и балы завела. И говорила Мартышкѣ: «поиграй со мною въ карты», и вынулъ изъ кармана однозолотныя карты, что королевна эдакихъ картъ на вѣку не видала, и стали играть, и выигралъ у королевны всѣ деньги и платье, и говоритъ ей: «сударыня королевна! уберите вы свои деньги и платье обратно; у меня своихъ денегъ довольно, и не прожить мнѣ будетъ». Тогда она посадила министра Мартышку къ себѣ за столъ, и сама сѣла съ нимъ, пили ѣли и веселились, и сронили вилки подъ столъ. Говоритъ: «господиный министр! подай мнѣ вилки, пожалуста». Какъ наклонился онъ по вилки, тогда взяла она королевна его за уши и поцѣловала. И такъ не возлюбилъ Мартышка, стопталъ ногами: «видно я зашелъ въ б.....й домъ, хотя вытти изъ покоевъ вонъ»; начали его унимать: «посиди, посиди пожалуста, господиный министр!» Такъ укротилъ онъ свое сердце, сѣлъ за столъ и приказала она тайно служанкѣ поднести ему рюмку усыпающаго зѣлья; то какъ министр Мартышка выпилъ рюмку и уснулъ, и спалъ трои сутки. Тогда отобрала у него однозолотныя карты и кошелекъ, и приказала снять съ него платье оставила его въ одной рубашкѣ, и приказала бросить въ дужникъ. Тутъ Мартышка спалъ трои сутки, пробудился и говоритъ: «видно я въ добромъ мѣстѣ сплю», и разломалъ онъ дыру, и вышелъ вонъ на восходъ солнца, и пошелъ къ рѣчкѣ Испанкѣ. Вымылся бѣло думая: «куда же нынѣ мнѣ итти», и нашелъ смоляное солдатское платье, одѣлся и пошелъ вонъ изъ Испанскаго королевства. И шелъ онъ долгое время, и похотѣлось ему ѣсть, и увидѣлъ онъ на яблонѣ висящія яблоки, сорвалъ два яблока и сѣлъ, и съ того заболѣла у его голова и выросли въ головѣ рога и такіе большіе, что онъ не можетъ ихъ носить, и дошелъ до другой яблони и поѣлъ другихъ яблоковъ, съ того отпали

у него рога; то набралъ онъ съ собой этихъ яблоковъ обѣихъ сортовъ, воротился въ Испанское королевство, думая добратъся до той королевы, которая его въ тако мѣсто впястала. И пришелъ въ Испанское королевство, увидѣлъ: сидитъ въ лавкѣ старая старушка, вся трясется. Онъ сказалъ ей: «нако, бабушка съѣшь яблочекъ хорошаго сорту?» она съѣла яблочекъ и стала молодая и толстая. Говорила: «гдѣ ты, дитятко, взялъ эти яблоки?» говорить ей солдатъ Мартышка: «нѣтъ ли у васъ, бабушка, хорошаго маркитантскаго платья, пойду я этихъ яблоковъ продавать». Говоритъ старушка: «я для тебя хотя всю лавку отдамъ», и дала ему самое чистое платье и однозолотную тарелку. И пошелъ солдатъ Мартышка яблоковъ продавать; идетъ мимо королевскаго дома, кричитъ громко: «у новаго маркитанта сладкія яблоки въ кармашкѣ». И услышала королева, послала свою служанку: «спроси, почему продаетъ яблоки?» «Извольте сударыня, покупайте моего яблочка». Тогда она съѣла, то сдѣлалась молодая, красивая и толстая; и королева ее не опознала, говорила: «ты ли служанка?» Говорила ей служанка: «я сударыня королева,» то послала ее: «купи мнѣ этихъ яблоковъ одну парочку», и послала съ ней денегъ 200 рублей. Она купила ей этихъ яблоковъ и подала королеви, которыя она въ то время съѣла, и заболѣла у королевы голова и выросли у нея въ головѣ рога, лежитъ она на кровати, а надъ ней сдѣлали градки и положили на нихъ рога. Въ то время бѣжалъ этотъ маркитантъ къ той же старушкѣ, гдѣ взято было платье, отдалъ ей обратно а самъ срядился въ коновальское платье. Въ то время приѣзжаетъ Испанскій король въ домъ свой; объявили ему, что маркитантъ окормилъ нашу королеву, и приказалъ король собрать всѣхъ маркитантовъ, и посадить ихъ въ тюрьму. Между тѣмъ идетъ мимо государева двора коноваль, кричитъ: «нѣтъ-ли коновалу работы», и говорить король слугамъ своимъ: «зовите сего коновала ко мнѣ въ палаты» и говорить король коновалу: «ты, видно, не нашего королевства, и незнаешь-ли моей дочери Настасьѣ пособить, окормилъ ее какой-то маркитантъ яблоками; ежели ты пособишь, то тебя первымъ министромъ пожалую, и отдамъ за тебя свою дочку Настасью въ замужество; а при старости моихъ лѣтъ, поставлю тебя на свое мѣсто королемъ». Тогда говорить коноваль: «ваше величество! прикажите вытопить баню а я пойду въ рынокъ и куплю надобья». Пошелъ коноваль въ рынокъ, купилъ три прута, первый мѣдный, второй желѣзной и третій оловянный, и приказалъ ко-

ролеву вести въ баню, едва въ двери рога впихали. Отослалъ этихъ кучеровъ отъ бани прочь, говоритъ: «когда я вылечу, то самъ доставлю въ домъ», вынулъ пруть мѣдный и взялъ за рога, и почалъ драть говоритъ: «за грѣхи у тебя эти выросли рога, не убивала-ли ты кого, повинись! не обманывала-ли кого и не бирала-ли чего нибудь чужаго?» Она ему говорила: «батюшка коноваль! я навѣку никого не убивала и не обманывала и не бирала». Онъ взялъ другой пруть желѣзный и началъ также драть, и растяжилъ тотъ пруть до рукъ; и вынулъ третій пруть оловянный, тоже началъ драть. Тогда она говорила: «виновата я! бросила новаго министра Мартышку въ нужникъ, содрала съ него платье, взяла однозолотныя карты и кошелекъ». Говоритъ ей коноваль: «гдѣ карты и кошелекъ?» Она сказала: «у меня въ любимомъ ящикѣ.» «Отдашь мнѣ все это?» Говоритъ она ему: «я вся твоя, что хочешь, то и дѣлай надо мной». И далъ онъ ей изъ кармана яблокъ съѣсть. Какъ она съѣла, то у нея рогъ отпалъ; далъ ей и другой, тоже и другой отпалъ; далъ же съѣсть и третій яблокъ; и такъ она стала лучше и красивѣй стараго. И вскричалъ онъ кучерамъ своимъ, и съѣли съ ней на дрожжи и приѣхали къ королю въ домъ. То королю возлюбилось, пожаловалъ его первымъ министромъ, и отдалъ за его свою дочь Настасью королеву въ замужество, и начали они жить благополучно, и по старости тестя своего всталъ на мѣсто Испанскаго короля, во всякой радости и въ спокойствіи.

6. О разбойникѣ Колотыгѣ.

Въ древніе годы былъ разбойникъ Колотыга, имѣлъ съ собой шайку товарищей, состоящую съ нимъ изъ 40 человекъ. А тотъ Колотыга пришелъ съ своими разбойниками изъ Тарнянской волости въ Верхоледскую слободу, и началъ въ оной чинить грабежи. Придетъ къ богатому мужику, спроситъ: «давай, старикъ! деньги». Тотъ отзывается, что хошь, то надо мной и дѣлай, а у меня денегъ нѣтъ; то Колотыга прикажетъ своимъ товарищамъ раздѣть до нага: повалять на землю, одни держать за голову, за ноги и за руки, а другіе зажгутъ метлы и начнутъ бѣднаго старика жечь. Не хотя деньги скажетъ. Это чинилъ Колотыга надъ многими богатыми стариками. Жители видя себѣ отъ Колотыги крайнюю обиду и чрезвычайное огорченіе, что и проѣзду не было, не одинъ разъ хотѣли этого разбойника убить. Но онъ былъ злой колдунъ, увидитъ надъ собой невзгоду, то съ своими товарищами убѣжать въ

воду рѣки Леды, и уйдуть оною въ рѣку Вагу; оттуда опять придуть въ Верхоледскую слободу. Если какъ ничего не могутъ пошкродить, то свои одѣянія бросятъ на воду, сами сядутъ на нихъ и начнутъ играть въ карты. Былъ въ Верхоледской слободѣ на погостѣ крестьянинъ, по прозванію Пospѣлка; услышалъ, что Колотыга съ своими товарищами появился въ Верхоледской слободѣ, то, прискавъ себѣ семь то варищей, пошелъ Колотыгу истреблять. Колотыга это все зналъ прежде, сказалъ товарищамъ: «пойдемте, братцы! нѣтъ возможности здѣсь жить право». Подступаетъ Пospѣлка; лишь только вышелъ изъ своей деревни, услышалъ, что Колотыга съ шайкою разбойниковъ идетъ къ нимъ въ деревню съ верху волости. Сошлись обѣ артели и начали одна въ другую стрѣлять. Колотыга изъ тугихъ луковъ, а Пospѣлка изъ ружей и сей послѣдній побѣдилъ Колотыгу: семь человекъ изъ шайки до смерти убилъ, а съ остальными Колотыга убѣжалъ неизвѣстно куда; то Пospѣлка, видя свою надъ Колотыгою побѣду, захотѣлъ и всю шайку истребить, забѣжалъ на колокольню, началъ звонить, чтобъ изъ волости собирать народъ. Но тогда было время страдное, никого въ домахъ не было и остался Пospѣлка не причемъ. Видя Колотыга, что его въ конецъ побѣдить не кому, воротился назадъ съ остальными 33 человекъ въ деревню—погостъ; увидалъ, что у Пospѣлка никого нѣтъ, и началъ деревню эту разорять и всѣ дома и пристройки сожегъ; въ томъ числѣ сгорѣли заводы винный и кожевенный. Колотыга опасаясь, дабы его Пospѣлка какъ либо не истребилъ, побѣжалъ съ шайкою разбойниковъ въ Таринскую волость; тамъ пришелъ къ одному богатому мужику, приказалъ вытопить баню, выпарился, въ оной легли отдыхать. А тутешніе жители, видя удобное время, чрезъ окна съ улицы закололи рогатиной Колотыгу, потомъ и товарищей его разбили. Такъ и кончился этотъ атаманъ съ шайкою разбойниковъ.

7. О волкѣ и лисицѣ.

Волкъ и лиса жили въ одномъ мѣстѣ.—У Волка былъ домъ коряной, а у Лисы ледяной.—Вотъ пришла весна красная и у Лисы домъ растаялъ, какъ не бывало. Что дѣлать ей? но (лисицы хитры) пришла она къ волку подъ окошечко, да и говоритъ: «волченокъ-голубокъ! пусти меня горемычную на крылечко.»; а тотъ такъ толсто: «поди Лиса!»—«Волченокъ голубокъ! пусти хоть во дворъ.»—«Поди, Лиса!»—«Волченокъ-голубокъ!

пусти хоть въ избу»—«Поди Лиса!»—«Волченокъ-голубокъ! пусти хоть на приступочекъ.»—«Поди Лиса!»—«Волченокъ-голубокъ! пусти на печку»—«Поди Лиса.»—Вотъ Лиса и на печкѣ лежитъ, да хвостомъ вертитъ. Советъ бы она: да, вишь, трои сутки не ѣдала. — «Какъ узнать—она говорила—у Волка хлѣбъ?» И ну искать у Волка хлѣба: искала, искала да и нашла на избицѣ у Волка лукошко толокна, да кринку масла. А сама опять на печку. «Стукъ! стукъ! стукъ!» — Лиса подъ шубой говоритъ. А Волкъ: «Лиса, кто то стучается?»—Лиса въ отвѣтъ: «Волченокъ-голубокъ тебя въ кумы зовутъ, а меня въ кумушки.»—«Поди Лиса, а мнѣ лихо».—А Лиса тому и рада: съ печки скокъ, да на избицу скокъ, а тамъ масла лизнетъ, толоконца лизнетъ, лизала, лизала, да все и сзобала.—Съ избицы кокъ, да на печку скокъ—и лежитъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Волкъ спалъ, спалъ да ѣсть захотѣлъ, и въ избицу побрелъ. «Ахти бѣда! Волкъ завопилъ:—Ахти бѣда!—кто масло съѣлъ? толокно сзобалъ?» А Лиса: «Волченокъ-голубокъ! на меня не подумай!» — «Шолно ты кума, кто подумаетъ на тебя?»—И тѣмъ дѣло рѣшили, а голода не заморили.—«Поди кума на Русь,—Волкъ Лисѣ говоритъ,—что найдешь, то и тащи, не то съ голоду умремъ». А Лиса ни слова въ отвѣтъ и юштыкъ на Русь. Выбѣжала на дорогу; видитъ: ѣдетъ съ сельдями мужикъ; прикинулась и легла по перегѣ дороги, какъ умерла. Наѣхалъ мужикъ на Лису «Ай,—говоритъ,—лисица, что за шерсть! что за хвостъ?»—А самъ Лису и въ возъ; Лиса тому и рада, и ну рыть сельди; дорылась до дна: и ну грызть рогожу, — и ну грызть дно саней. Сельди всѣ въ дыру пропустила и сама ускачила. Мужикъ въ это время спалъ и ничего не зналъ.—А Лиса сельди собрала и къ Волку въ избу принесла.—«На, говоритъ,—Волченокъ-голубокъ ѣшь, веселись, ни объ чемъ не тужи!» Волкъ не можетъ и надивиться кумы своей ухватѣ—«Да какъ ты, моя кума, сельди-то имала?»—Волкъ Лисѣ говоритъ. «Ой-ты куманекъ-голубокъ! Я хвостъ-то какъ въ прорубь упусти: сельдь да-двѣ, сельдь да двѣ.» Волка такъ и забираетъ отпробовать это дѣло неслыханное. Вотъ онъ хлѣба себѣ наклалъ и отправился сельдей ловить, какъ кума его ловила, и какъ его учила. Пришелъ онъ къ рѣкѣ, упустилъ въ воду хвостъ, да и держитъ. А Лиса въ тоже время молить: «На небѣ ясни, ясни!» у волка хвостъ мерзани, мерзани.» И вотъ треснулъ морозъ, что у Волка хвостъ замерзъ! Пришли поповы дочки да и Волка кичигой зашибли и изъ шкуры себѣ шубы сши-

ли! А Лиса осталась жить одна и теперь живетъ и насъ переживетъ!

8. О старухѣ волшебницѣ.

Въ одной деревнѣ жилъ крестьянинъ; была у его престарѣлая жена, которая занималась чернокнижіемъ и волшебствомъ. Въ одно время былъ у того крестьянина праздникъ, на которомъ былъ священникъ. Во время праздника онъ ушелъ на повѣтъ спать того дома, прикрывшись одѣяломъ; туда же на повѣтъ сказанная женщина вышла, сняла съ себя все платье и упала на повѣтъ, превратившись въ сороку, и лѣтала этою птицею одни сутки. Священникъ, прибытія ее недождавшись, уѣхалъ домой. Послѣ этого старуха эта сдѣлалась больна и пожелала къ себѣ священника для напутствованія, который пріѣхавъ всѣ у старухи грѣхи разспрашивалъ, а старуха всѣ рассказала прегрѣшенія, кромѣ одного. Тогда священникъ спросилъ: «ой, окаянная! утаивать грѣхъ тотъ, отъ котораго должна ты идти на вѣки въ подземельную пропасть къ Плутону; помнишь, какъ я былъ у васъ въ праздникъ и лежалъ на повѣти подъ видомъ сна, а ты пришедши раздѣлась и превратилась въ сороку, и неизвѣстно мнѣ куда улетѣла; покаяйся, старуха! покаяйся.» На что старуха отвѣчала ему: «молчи, долговолосой калугеръ! я умру, такъ тебя вспомню.» Съ тѣмъ священникъ и домой уѣхалъ. Послѣ этого старуха та вскорѣ померла; привезли ее на погостъ, священникъ отпѣлъ и похоронили. Послѣ того спустя не много времени, въ канунъ праздникъ святаго Николая Чудотворца, бываемаго 6-го числа декабря, ночью, пришедши къ священнику, церковный сторожъ благословляясь благовѣстить къ утрени, котораго священникъ благословилъ, потомъ и самъ началъ сряжаться къ утрени. Какъ скоро зашелъ въ кладбище, увидалъ, что сторожъ звонилъ въ полной колокольной звонъ безъ всякаго порядка, подобно какъ женщина. Онъ не зналъ, что дѣлать: воротиться назадъ или идти впередъ; но рѣшился идти въ церковь, лишь зашелъ въ паперть, а звонарь бѣжитъ туда же; священникъ видитъ, что та самая окаянная женщина, которая прежде летала сорокою, то онъ поспѣшилъ скорѣе въ церковь; старуха въ паперть, а священникъ въ олтарь и взялъ святой животворящій крестъ. Старуха ему взяла за плеча, сказавши: «что — теперь то я добралась до тебя, раздѣлаюсь калугеръ! помни впередъ, какъ волшебницъ укоряютъ лжедѣйствіемъ!» — Священникъ же долженъ былъ обороняться

отъ этой еретицы: взявши животворящій Господень крестъ, простеръ рукою на сію окаянную старуху, которая отъ этого не могла священника не то, что чѣмъ либо изъязвить, но не смѣла дотронуться, стояла нѣ близко. Это приключеніе съ священникомъ происходило до слѣдующаго дня, а какъ ночь та прошла и наступило утро, то старуха упала наполь — мертва. Собравшіяся туда много народъ того мѣстечка къ обѣдни увидели мертвую старуху, и имъ священникъ все свое происшествіе рассказалъ; а потомъ взявши они старуху вывезли въ поле, тамъ вырыли глубокую яму, наклавши въ оную дровъ, зажгли огнемъ; на онѣ бросили старуху, которая превратилась въ гады: изъ нея поползли жабы, черепахи, змѣи, лягушки, мыши и тому подобныя гадины въ немаломъ количествѣ, которыхъ народъ сдѣланными изъ березовыхъ вѣтвей метлами срывали въ яму и этимъ способомъ сожгли старуху въ прахъ. Яму закопали пескомъ, а послѣ этого сказанная еретица болѣе никогда не стала пугать, можетъ быть прошаа въ адъ; а на которомъ мѣстѣ старуху жгли, того никто нынѣ не знаетъ: ибо въ древніе годы была такая колдунья, и никто не можетъ дать свѣдѣній.

9. Что случилось на о. Грумантѣ.

Одинъ молодой человекъ остался зимовать на Грумантѣ съ прочими товарищи. Во время этой зимы онъ имѣлъ пребываніе на гальетѣ т. е. въ суднѣ; каждый вечеръ игралъ въ гусли, а предъ нимъ невидимо кто то плясалъ; лишь только платье шумитъ. Этотъ молодецъ много разъ нечаянно освѣщалъ свое судно огнемъ, дабы увидѣть кто пляшетъ; но все оставалось безъ успѣха. Онъ это все рассказалъ своему товарищу, который сказалъ ему: «ты, пріятель, такъ сдѣлай: возьми салную свѣчку, поставь на стулъ, зажги огнемъ и закрой горшкомъ или чѣмъ другимъ, только бы свѣчка не могла потухнуть; самъ лягъ на койку, заиграй въ гусли, и если опять невидимка будетъ плясать, то въ ту же минуту открой свѣчку, и увидишь кто пляшетъ.» Поблагодаривъ молодой человекъ своего товарища за наставленіе, пошелъ на свое судно и по наступленіи, вечера такъ и сдѣлалъ какъ товарищъ велѣлъ, взялъ свѣчку, зажогъ огнемъ и закрылъ горшкомъ, а самъ началъ играть въ гусли, а передъ нимъ и ну! плясать кто-то невидимо, лишь платье шумитъ. Вотъ онъ свѣчку открылъ, увидѣлъ весьма прекрасную дѣвицу, подобной ей еще отъ роду своего не видалъ, эта дѣвица сказала ему: «ну, молодецъ догадался, меня

какъ увидать; то я тебя буду любить страстно,» — и легла на койку и начали любовно цѣловаться. А дѣвица стала къ ему ходить каждый вечеръ, только таилась, чтобъ его товарищи про ее не узнали и жили они въ любви цѣлые три года. Въ одинъ день сказала ему полюбовница: «ну, другъ любезной! намъ съ тобой не долго жить въ любви, а пришло время раставаться.» Любовникъ спросилъ съ жаромъ: «а что же такое насъ растроить?» — «А вотъ мой любезной, меня выдаютъ замужъ въ Петербургъ подь Калиновой мостъ за черта.» Любовникъ прервалъ: «отчего же ты поступаешь за чертей, и какъ къ нимъ попала, или ты сама такая же чертовка?» — «Нѣтъ, пріятель! Я родилась въ одномъ славномъ городѣ и были мои родители самодержцы; а я къ чертямъ попала отъ того, какъ еще была малолѣтна и въ одинъ прекрасной жаркой денъ подавала своему отцу стаканъ меду, нечаянно какъ-то стаканъ у меня изъ рукъ выпалъ на полъ, и отецъ за то меня прогнѣвалъ, сказалъ: унеси тебя чертъ! Я въ ту минуту въ морской глубинѣ очутилась, въ каменномъ домѣ у чертей; мнѣ хотя и хорошо жить у нихъ, но не такъ какъ съ крещеными людьми. Не одинъ разъ хотѣла я себя жизни лишитъ, но нѣкоторая невидимая сила до того меня не допускала. Я всякими средствами старалась отъ нихъ уйти, но все бесполезно осталось: изъ воды худо уйти; и такимъ образомъ въ этомъ пропашемъ жилищѣ препровождаю жизнь свою до сего часа. А я какъ выйду въ замужество, тогда уже къ тебѣ ни одинъ разъ не приду, потому что не будетъ возможности; а ты обо мнѣ будешь тосковать, то я тебѣ вотъ даю своими руками вышитую ширинку, и когда тебѣ будетъ обо мнѣ скучно, ты въ эту ширинку посмотри, тебѣ веселѣе будетъ. И то будетъ, что ты сію ширинку потеряешь, и загорюешь обо мнѣ, и начнешь вино пить такъ, что все съ себя платье пропьешь, завернешься въ рогожу; тогда приди въ Петербургъ на Калиновой мостъ и на отмашку бросься въ воду, тебѣ представится зеленой лѣсъ, лугъ и деревни съ каменными домами, ты въ первую деревню зайди, пройди мимо первой домъ и второй, а въ третій зайди; я тутъ и буду жить. Ну, другъ любезной! прощай, намъ болѣе несвободно съ тобой бесѣдовать. Если сюда зайдутъ черти и застанутъ съ тобой въ бесѣдѣ, то тебя лишать жизни, да и мнѣ не остаться безъ наказанія.» Еще въ послѣдній разъ лягли на койку, полюбовались и распростлились, молодецъ остался одинъ; и когда ему придетъ на умъ прежняя любовь, хочеть себя умерт-

вить, но тотчасъ придетъ въ разсудокъ и посмотритъ въ подаренную любовницею ширинку; и вся тоска исчезнетъ. Пожилъ онъ не болѣе какъ два года и сказалъ своему товарищу, что такая-то у меня имѣется ширинка; а товарищъ его послѣ того вскорѣ украдъ у него сказанную ширинку. Тотъ молодецъ не зналъ, куда дѣлъ ширинки, по которой началъ тосковать, и запилъ вино и до того допилъ, что все съ себя платье пропилъ. Завернувшись въ рогожу сказалъ: «пойду въ Питеръ на Калиновой мостъ, брошусь подь мостъ въ воду, хоть и утону, такъ того и стоялъ.» Пришелъ на означенной мостъ, на отмашку опустился подь мостъ въ воду. Въ ту же минуту представились ему въ глаза чистые поля, и зеленые луга съ благовонными цвѣтами, прекрасными ручейками и кустарниками, на которыхъ сидѣли разныхъ родовъ птицы и пѣли прекрасныя пѣсни. Онъ надъ этимъ долго стоялъ въ радости, наконецъ увидѣлъ большія деревни съ каменными домами удивительной работы, и въ ближайшую изъ нихъ пошелъ, первой домъ и второй прошелъ мимо, и идетъ къ третьему дому, смотреть въ окна и начала женщина кричать: «эй милой! приворачивай; я здѣсь живу.» Онъ зашелъ, на сѣни выбѣжала его встрѣчать та самая красавица, которую онъ на Грумантѣ любилъ, сказала «здравствуй, мой милой! давно тебя не видала и не чаяла болѣе тебѣ видѣть, но еще судьба привела, удостоила меня посмотрѣть тебя»; и въ тѣхъ разговорахъ погрузилась въ объятія ему и повела въ уготованную комнату и, посадивши за столъ, начала его угощать всякими напитками и стала любовно цѣловать. Въ то время пришедъ къ нимъ одна служанка и несла на рукахъ малаго младенца, тутъ сказала любовница своему другу: «вотъ, пріятель! отъ твоей любви родился младенецъ, и поди ты въ особливую комнату; я тебя тамъ скрою въ потаенное мѣсто, потому что скоро придетъ мой мужъ и закричитъ громко: зачѣмъ русакъ пришелъ? ты молчи; онъ спроситъ тоже и въ другой разъ, ты все молчи; а какъ онъ спроситъ въ третій разъ: зачѣмъ русакъ пришелъ? ты скажи, что въ зыбкѣ-то мой младенецъ. Онъ тебѣ за младенца станетъ давать сто руб., ты молчи; онъ станетъ тебѣ давать двѣсти рублей; ты молчи; то скричитъ съ сердца: что дуракъ молчишь? возьми за мальчика триста рублей;—а ты на то скажи что кабы жару кулекъ, *) то бы согласился взять, да

*) Буль золота и серебра.

еще меня съ этимъ представь, куда мнѣ хочется. Какъ ты согласишься взять 100, 200 и 300 рублей, онъ тебя обманеть, вмѣсто денегъ дастъ конинаго помету или другаго чего». Только лишь они успѣли свой разговоръ кончить, едва успѣлъ онъ скрыться въ потаенное мѣсто, тотчасъ пришелъ въ домъ мужъ ея т. е. чертъ; закричалъ: «зачѣмъ русакъ пришелъ?» тотъ молчить. Онъ тоже скричалъ и другой разъ, а русакъ все отмалчивается; чертъ скричалъ въ третій разъ: «зачѣмъ русакъ пришелъ?» а тотъ сказалъ: «что въ зыбкѣ, то мой младенецъ; я его хочу унести», то чертъ сказалъ: «возьми за его 100 рублей!» русакъ молчить; онъ скричалъ: «возьми 200 рублей!» русакъ все молчить; чертъ въ третій разъ вскричалъ съ горячности: «возьми русакъ 300 рублей!» а онъ сказалъ: «кабы жару кулекъ, взялъ бы!» Чертъ сейчасъ вынесъ изъ кладовой кулъ злата и сребра: «возьми, русакъ!»; а сей сказалъ: «да еще вынеси меня съ этими деньгами на Русь!» Чертъ взялъ кулекъ подъ пазуху, а русака посадилъ на колѣна и сказалъ: «закрой глаза!» Тотъ закрылъ себѣ глаза, а чертъ понесъ его вихоремъ на Русь. Вдругъ русакъ закричалъ: «постой, я шапку уронилъ!» На то чертъ сказалъ: «далеко твоя шапка осталась, за не одну тысячу верстъ», и въ тѣхъ разговорахъ представилъ его въ Петербургъ на Калиновой мостъ, и сказалъ: «возьми свои деньги, и болѣе меня не знай, и я тебя не буду знать!» Молодецъ этотъ сидѣлъ на мосту трои сутки, дожидался—не поѣдетъ-ли кто мимо его, потому что не могъ на себѣ нести кулька съ деньгами. Одинъ нищій ѣхалъ мимо его; молодецъ сказалъ: «наймись мой кулъ довести до такого-то дому». Нищій довезъ его куда слѣдуетъ, а молодецъ старику заплатилъ за работу сколько слѣдуетъ, и остался тутъ жить, женился на одной пригожей дѣвушкѣ и жилъ не малое время счастливо и окончилъ свою жизнь благополучно и хорошо.

10. Всего свѣта не поворачишь.

Бывало-живало, жили старикъ да старуха, а у нихъ было три сына и три дочери. — Большая изъ сестеръ сидѣла у окна и выстрчивала рукавца. Откуда ни бывало, возмись Вихорь-Вихоревичъ и прилетѣлъ Воронь-Вороновичъ, взяли да и унесли дѣвицу красную. — Пересидѣли у того же окна и вышивали рукавца другія двѣ сестры, и ихъ тоже унесли Вихорь-Вихоревичъ и Воронь-Вороновичъ. Послѣ этого, большой братъ и говорить матери: «мати, напекн мнѣ колобочковъ, я пойду сестеръ искать». Вотъ, мать напекла колобковъ и отпра-

вила старшаго сына въ путь, во дороженьку. Шелъ онъ, да шелъ и увидѣлъ, что предъ нимъ стоитъ столбъ, и за столбомъ стоитъ старинькой старичекъ. Старичекъ этотъ увидѣлъ тоже его и спросилъ: «куда ты, молодецъ, путь держишь? А молодецъ и отвѣчаетъ: «а вотъ, какъ бы мнѣ на желѣзную гору попасть?» Старичекъ въ свою очередь посовѣтовалъ: «ты поди сюда; вонъ тамъ лежитъ брусъ, чрезо всю Русь; ежели ты этотъ брусъ поставишь на конецъ, то и на желѣзную гору попадешь; а если тебѣ будетъ не поднять, то и на горѣ тебѣ не бывать». Пошелъ молодецъ дальше, поставилъ тотъ брусъ на конецъ и зашелъ на желѣзную гору, а по ней шелъ да шелъ и увидѣлъ дворъ мѣдный. Онъ къ этому двору подошелъ, зашелъ на крыльцо и поколотился. Отворила ворота ему большая сестра и сказала: «куда ты, брателко, путь держишь? вѣдь ты идешь не на жиру, а на смерть!» Такъ, оно и вышло: всѣ три сестры, три брата и тутъ-же старикъ и старуха пропали *).

11. О похищеніи Вихремъ дѣвиць.

Жилъ былъ царь да царица, у царя у царицы были три дочери. Попросились онѣ у отца въ садъ погулять; гуляли-гуляли и сѣли на скамейку отдыхать. Прилетѣлъ Вихоръ, схватилъ ихъ и унесъ за темные лѣса, въ подземное царство. Отецъ и мать хватились дочерей и послали слугъ за ними; слуги не нашли ихъ, и сказали царю, что дочерей нѣтъ въ саду. Царь нанялъ Ивана, крестьянскаго сына, искать дочерей. Иванъ, крестьянскій сынъ, отправился по дорожкѣ столбовой, и дошелъ до стеклянной горы, поднялся на гору, а на горѣ большой камень. Иванъ камень взялъ да и сдвинулъ съ мѣста, подъ камнемъ увидѣлъ яму, а въ ямѣ сѣраго коиа съ глазами хрустальными. Сталъ Иванъ просить кота, чтобы онъ сказалъ ему, гдѣ его царевны? Котъ сказалъ, что царевны его въ этой ямѣ, повелъ Ивана и довелъ до мѣдной избушки. Котъ въ избушку не зашелъ, а воротился назадъ. Иванъ, крестьянскій сынъ, зашедши въ избушку, сѣлъ на лавку. Марѣя царевна стала у него вѣстей спрашивать: чей онъ, и откуда, и какъ попалъ къ намъ? Онъ сказалъ ей: «Марѣя царевна напой, накорми, тогда вѣсти спрашивай!» Марѣя царевна напоила, накормила Ивана, и стала вѣ-

*) Изъ сказки этой заключается: а) что, у жителей деревень, вороны и вроны — есть предвѣстники близкой смерти, б) что смерть они сравниваютъ съ мгновеніемъ вихря, и в) что всего свѣта не поворачишь, а если пойдешь наперекоръ судьбы—погибнешь.

сти спрашивать—откуда онъ, и какъ попалъ къ нимъ въ подземное царство. Иванъ рассказывалъ ей, откуда онъ и какъ попалъ къ нимъ. Марѳа царевна послѣ этого сказала ему: «пойдемъ я тебя припрятаю,—Вихорь прилетитъ и съѣстъ тебя». Только что запрятала Марѳа царевна Ивана въ сѣно, Вихорь прилетѣлъ и говоритъ: «фу, фу! русскимъ духомъ пахнетъ». — «Нанюхался русскаго духу, сказала ему Марѳа царевна, да и спрашиваешь». Вихорь посидѣлъ немного въ избушкѣ Марѳы царевны и улетѣлъ. Иванъ, крестьянскій сынъ, вышелъ изъ сѣна и спрашивалъ у Марѳы царевны: гдѣ другія сестры? Она сказала ему, что еще ниже тамъ. Онъ отправился дальше и дошелъ до серебряной избушки. Въ этой избушкѣ жила Матрена царевна. Также поступила съ Иваномъ и эта царевна. Отъ Матрены царевны Иванъ отправился къ третьей сестрѣ Парасковѣ царевнѣ. Парасковья царевна жила въ золотой избушкѣ; тоже спрашивала Ивана, что спрашивали тѣ сестры. Парасковья царевна, чтобы избавить отъ Вихоря, сговорила съ Иваномъ сожечь его спящаго. Вихорь какъ только уснулъ, они взяли да и зажгли избушку. Вихорь сгорѣлъ и избушка свернулась въ шарикъ. Парасковья царевна взяла шарикъ и отправилась съ Иваномъ къ сестрамъ. Матрена и Марѳа царевны также свернули въ шарикъ свои избушки, и пошли домой къ отцу. Когда онѣ пришли домой отецъ и мать обрадовались, дали Ивану крестьянскому сыну полцарства своего, и стали жить, да быть, да добра наживать.

12. Дѣтская сказка.

- Вѣкошка, горожаночка,—гдѣ ты была?
- Была у города. *)
- Что тамъ дѣлала?
- Коней пасла.
- А гдѣ твой конь?
- За воротами стоитъ.
- А ворота тѣ гдѣ?

*) Въ народѣ Архангельскъ называется просто городомъ.

- Николка въ воду унесъ.
- А вода-то гдѣ?
- Были припили.
- А быки-то гдѣ?
- Въ Красную гору *) ушли.
- А гора та гдѣ?
- Черви выточили.
- А черви-то гдѣ?
- Гуси выклевали.
- А гуси-то гдѣ?
- Гуси за лѣсъ улетѣли.
- А лѣса тѣ гдѣ?
- Люди присѣвали.
- А люди-то гдѣ?
- Люди примерли.
- А могилки-то гдѣ?
- Травой заросли.
- А трава-то гдѣ?
- Коса выкосила.
- А коса-то гдѣ?
- Коса выломана.
- А обломки-то гдѣ?
- Къ кузнецу снесены.
- А кузнецъ-то гдѣ?
- На погостѣ **) живеть,
Колокольню куеть,
По семи, по восьми,
Да одиннадцати,
Ковалъ да ковалъ,
Звонилъ да звонилъ,
Да себѣ голову сломилъ,
Горшокъ накадилъ,
А кошки прибѣжали
Головку слизали;
Семишляпный конецъ
Да сѣнца съ кузовецъ,
Въ лѣсу подъ кокорой,
Не знаю подъ которой.

*) На Красной-горѣ Красногорскій монастырь.

**) Городъ Пинега былъ прежде погостомъ, да и теперь туземные жители говорятъ: «пошелъ или поѣхалъ на погостъ», т. е. въ Пинегу.

IX. ЗАГАДКИ, ПОСЛОВИЦЫ, ПРИБАУТКИ.

А. ЗАГАДКИ *).

1. На семь версть одинъ мостъ, а на концѣ золотой крестъ.—Великій постъ и Воскресеніе Христово.

2. Стоитъ сарай на семи верстахъ; сарай подломится, весь міръ поклонится.—Великій постъ.

3. Плетъ плетена, вверху ведена, о ста концовъ, о тысячи узловъ.—Церковь.

4. Гробъ ходитъ, а мертвецъ въ немъ поетъ.—Пророкъ Іона во чревъ кита.

5. Яко тлѣнь, яко плѣнь, яко платье на немъ, яко писанное.—Икона на холстѣ.

6. Полъ пройду и другой пройду, не могу пройти дубовой доски.—Икона.

7. Что въ избѣ за баса?—Образа.

8. Утка крекне, вси берега дрогнуть: собирайтесь дѣтки въ богоданную матку.—Благовѣсть къ обѣднѣ.

9. Живой мертвеца бьетъ, мертвецъ кричитъ и на крикъ его много народу стекается.—Колокольный звонъ.

10. Сидитъ пѣтухъ на воротахъ, косы до земли, а голось до неба.—Колоколь.

11. Летитъ птичка маленька, несетъ тафту аленьку; эта тафта самого Христа.—Лампадка.

12. Что меньше Бога, а больше царя?—Смерть.

13. Два стоящихъ, два ходящихъ, два минующихъ.—Небо и земля, солнце и мѣсяцъ, день и ночь.

14. Въ печуркѣ три чурки, три гуся, три утки, три тетерева.—Четыре времени года по три мѣсяца.

15. Вчера было, сегодня есть и завтра будетъ.—Время.

16. Я судился, да судился и высудилъ свинью одвѣнадцати титькахъ.—Годъ.

17. Выходило 12 молодцовъ, выносили они 52 сокола, выпускали 365 лебедей.—Годъ.

18. Лежитъ брусъ черезъ всю Русь, на этомъ брусѣ 12 гнѣздъ, въ каждомъ гнѣздѣ по 4 янца, а въ каждомъ яйцѣ по 7 цыплятъ.—Годъ.

19. По морю корабль катается, на томъ кораблѣ 365 работниковъ имѣется, 52 прикащика находятся, 12 хазяевъ распоряжается.—Годъ.

20. Летитъ 365 гусей, да слишкомъ 50 лебедей, да 12 орловъ.—Годъ.

21. Семь полосъ, семь бороздъ; каждой полосѣ разные имена.—Недѣля.

22. Надъ клѣткою коврига виснетъ.—Луна.

23. Бѣжали овцы по калиновому мосту, увидали зорю — скинулись въ воду.—Звѣзды на небѣ передъ утромъ.

24. На полѣ на Романовѣ, стоятъ кони отобранные, ѣдятъ траву шелковую, пьютъ воду ключевую.—Звѣзды на небѣ.

25. Царь ѣде по горы, царица по подгорью, царица мигне, царь крикне.—Громъ и молнія.

26. Изъ окна въ окно золотое бревно.—Солнечный лучъ.

27. Чего въ коробейку не запереть?—Солнечныхъ лучей.

28. Безъ рукъ и безъ ногъ, а двери отворнетъ.—Вѣтеръ.

*). Доставлены изъ пяти мѣстностей: большая часть П. И. Ивановымъ изъ Пинежскаго уѣзда и Н. Базилевскимъ изъ Холмогорскаго уѣзда, меньшая И. Костылевымъ изъ Шенкурскаго уѣзда, священникомъ Курейско-Сергіевскаго прихода Таратынскимъ и священникомъ Тулгаскаго прихода Мазаровымъ.

29. Безъ рукъ, безъ ногъ, на полу ползеть.—Вѣтеръ.

30. Заяяли собаки на Павловскомъ, завылъ медвѣдь на Даниловскомъ.—Вѣтеръ и ненастье.

31. У меня молодца четыре отца, пятый батюшка.—Отецъ Небесный, отецъ царь, отецъ духовный, отецъ крестный и отецъ родитель.

32. Что тако: двѣ картинки, а одна тропинка? — Мужъ и жена.

33. Одного отца и одной матери дитя, а никому не сынъ.—Дочь.

34. На морѣ плашка *) не сохнетъ, не мокнетъ, не куржавѣетъ.—Языкъ.

35. Подъ мостомъ мостище, подъ городомъ городище, двѣ трубы трубило, двѣ свѣчи свѣтило, два соболя играло.—Лице.

36. За лѣсомъ, за прилѣсьемъ, двѣ веревки холста висеть.—За губами зубы.

37. Что тако: полонъ подпечекъ бѣлыхъ лебедей?—Зубы.

38. У нашего купца полно подполье гусей да лебедей.—Зубы.

39. Въ ящечкахъ плашечки, бѣлы камешки, сини дежки.—Глаза.

40. Шерстка съ шерсткой сходится, спать хочется.—Рѣсницы у глазъ.

41. Около пушекъ, на середкѣ душекъ, на верху чѣпушекъ.—Борода.

42. Что такое: четыре брата, пятый дядя.—Рука.

43. Братъ брата бьетъ, а другой морщится.—Ягодицы.

44. Наѣхали Нѣмцы, растворили дверцы.—Ягодицы.

45. Сахарный кусокъ на блюдѣ не бывалъ, а всякъ его ѣдалъ.—Грудное молоко.

46. За стѣной, стѣной, да каравашекъ костяной.—Младенецъ въ утробѣ матери.

47. Текунчики текутъ, ревунчики ревутъ, сухо дерево несутъ: онъ не дышетъ, не пышетъ и души въ немъ нѣтъ.—Покройника несутъ.

48. По бѣлой землѣ ходить, трое работаютъ, двое надзирають, одинъ размышляють.—Человѣкъ пишеть.

49. Стоять палаты весьма богаты: въ этихъ пала-

тахъ есть и легкость и бодрость, и смерть недалеко.—Питейный домъ.

50. Стоитъ на пяти столбахъ море: душѣ пагуба, а тѣлу радуга.—Рюмка водки въ рукѣ.

51. Щука конура хвостомъ вернула, лѣсы пали, горы стали.—Жосять траву.

52. Загану загадку, брошу черезъ гридку, годъ пожду, годовикъ сойму.—Сѣять рожь *).

53. Сине море вокругъ кружится, бѣлый заяцъ спать ложится.—Мелютъ муку.

54. Брюхомъ тру, ногами пру, а что расширится, въ то и пихну.—Ткать на краснахъ.

55. Стоитъ мужикъ на бору, а самъ кричитъ за рѣку.—Пастухъ съ рожкомъ.

56. Пять пять овечекъ зародъ подѣдали, да пять пять овечекъ крупу **) подбирали.—Прястьдесятью пальцами.

57. Около пролубки все сидятъ голубки,—а у всякаго по кичишкѣ.—Сидятъ за столомъ съ ложками.

58. Одинъ говорить: побѣжимъ, другой говорить: положимъ, а третій говорить: покачаемся.—Вода камень и кусть.—Карбасъ, парусъ и мачта.

59. Сани бѣжать, оглобли стоять.—Рѣка и берега.

60. Самъ Сампсонъ мостъ мостилъ безъ топора, безъ клина безъ востра ножа.—Ледъ на рѣкѣ.

61. Шуба нова, на подбѣ дыра.—Прорубь.

62. Шла Божья къ обѣднѣ, ключи обронила; мѣсяцъ видѣлъ, солнце взяло; заря схоронила.—Роса.

63. Что тако: лѣтомъ дѣвка, зимой жена? ***).—Дерево.

64. Въ лѣсѣ оно, съ лѣскомъ ровно, а не видно его.—Сердцевина въ дулѣ дерева.

65. Зелено—кудряво, почто въ лѣсѣ побѣжало? Криво лукаво тебя берегу.—Огородъ.

66. Два братца однимъ поясомъ подпоясаны.—Колья въ огородѣ.

67. Кругло кругло, да не мѣсяцъ; зелено, зелено, да не вѣникъ; есть хвостъ, да не куній.—Рѣпа.

68. Росло повросло, изъ мошка повылѣзло, красно залупилось, всѣмъ дѣвушкамъ полюбилось:—Морошка.

*) Вариантъ: Загану загадку, да выброшу за гридку, пусть моя загадка въ годъ, да въ годъ да поумростеть.

**) Труха-Вариантъ: Пять—пять овецъ огородъ подѣдаютъ, другіе пять овецъ отъ огорода отбѣгаютъ.

***) Вар: Лѣтомъ дѣвка, зимой молодца.

*) Вариантъ: Дощечка.

69. Кругло кругло, да не мѣсячно; остро остро, да не мышій хвостъ; зелено зелено, да не сорочій хвостъ.—Р ѣ п а.

70. Безъ рукъ, безъ ногъ, на ботогъ ползеть.—Х м ѣ л ь.

71. Сидитъ баба, вся въ заплаткахъ; кто ни взглянетъ, всякъ заплачетъ.—Л у к ѣ.

72. Не окошекъ, не дверей, полна горница гостей.—О г у р е ц ѣ.

73. Мальчикъ съ пальчикъ въ землю ушелъ, синю шапку нашелъ.—Г о р о х ѣ.

74. По полу скокъ, по лавкѣ скокъ, сълъ въ уголъ—не ворохнется.—В ѣ н и л ь.

75. Что у насъ въ подпольѣ за медвѣжьей лапа?—П о м е л о.

76. Кабы не дѣдушкино ремесло, такъ и у бабушки бы заросло.—М е т л а и д в о р ь.

77. Съ локоть мохнато, съ локоть голо, да съ локоть въ г... ушло.—П р я л к а в о л ь н у.

78. По полу, по лавкѣ натканы булавки.—С у ч ь я.

79. Стоитъ баба подъ окномъ, покрыта полотномъ.—Б о с т е р ь д р о в ь п о д ь с п ѣ г о м ѣ.

80. Раскладу кострець, никому не скласть: ни попамъ, ни дьякамъ, ни чиновнымъ людямъ, ни вамъ жудрякамъ.—Р а щ е п а т ь п о л ѣ н о в ѣ л у ч и н у.

81. Разстелю я золото, не собрать ни мѣдникамъ, ни еребренникамъ.—Л у ч и н а.

82. Шелъ я погтыхты, на встрѣчу мнѣ барахтыхты, кабы да не ягтыхты, съѣлъ бы меня барахтыхты.—Ч е л о в ѣ к ѣ, м е д в ѣ д ь и с о б а к а.

83. Что же днемъ скамейкой стоитъ, а ночью калачикомъ лежитъ.—С о б а к а.

84. Четыре стучихи, четыре гремихи, два богомола, одинъ вихлецъ **).—Б о р о в а.

85. У рыкова четыре, а у козы двѣ.—С о с ц ы у к о р о в ы и к о з ы.

86. Подъ задомъ плетень, въ колѣняхъ ботень, въ рукахъ жалователь.—С к а м е й к а п о д ѣ к о р о в н и ц е й, п о д о й н и ц ь и в ы м я.

87. Выскочилъ ерышка въ бѣломъ балахонѣ, помы подтыкалъ, лобъ залощилъ, глаза вытарачилъ.—З а я ц ѣ.

88. Семьсотъ свищеть, четыре стучить а двое слушаютъ.—Х в о с т ѣ, н о г и и у ш и л о ш а д и.

89. Семьсотъ скачетъ, семьсотъ пляшетъ, четыре молотить, а одинъ поворотить.—С ѣ н о в ѣ в о з у с ѣ л о ш а д ь ю.

*) Вар: Одна макровка два бодна.

90. Три брата спорить между собой; одинъ говорить: мнѣ лѣтомъ хорошо, другой говорить: мнѣ зимой хорошо, а третій говорить: мнѣ все равно.—Т е л ѣ г а, с а н и, л о ш а д ь.

91. Шелъ мимо, видѣлъ диво: волкъ волка ѣсть; я разландакъ и выландакъ—заландакъ.—О в ц ы ѣ д я т ѣ т р а в я н у ю о з и м ь.

92. За лѣсомъ, лѣсомъ жеребята ржутъ, а домой нейдутъ.—В о л к и.

93. Подъ поломъ, поломъ сидитъ барыня съ коломъ.—М ы ш ь.

94. Летѣло турли—мурли, пролетѣло чрезъ когтево село, растворило мявинуницу, положило въ бѣльвинуницу.—Г у с и.

95. Бѣло да не снѣгъ, зелено да не лугъ, черно да не грязь.—С о р о к а.

96. Стоитъ бочечка да безъ обручечка, нѣтъ сучка, ни задоринки, пиво да вино не смѣшаются.—Я й ц о.

97. Чего на колъ не поставишь?—Я й ц а.

98. Стоитъ въ колѣ градъ, въ градѣ сидитъ царь, у царя много силы, пришелъ разбой—всю силу разогналъ.—Г н ѣ з д о м е д я н и ц ы.

99. Черенъ да не воронъ, не конь и не кобыла, не быкъ и не корова, шесть ногъ безъ копыта.—Т а р а к а н ь.

100. Сидитъ птица на кусту, она молится Христу: Боже ты мой, Боже! далъ ты мнѣ власть, Боже! надъ вѣми царями, надъ богатырями; не далъ ты мнѣ, Боже! только власти надъ рыбою въ морѣ.—Б о м а р ь.

101. Нарождался звѣрь отъ мая отъ мѣсяца, отъ красного солнышка; этаго звѣря убоялись: короли въ Литвѣ, старцы по кельямъ, малые ребята по зыбкамъ.—Б о м а р ы, о в о д ы, м о ш к и.

102. Что надъ нами вверхъ ногами?—Т а р а к а н ы и м у х и.

103. Чего на хоромы не забросишь? *)—П е р ы ш к а.

104. Панъ—пановичъ, упалъ въ колодезь,—самъ не утонулъ и воды не смутилъ.—Л и с т ь с ѣ д е р е в а.

105. На боръ идуть, клѣтки рубятъ; а съ бору идуть,—перерубливаютъ.—Л а п т и в я ж у т ь.

106. Кабы сталъ, кабы сталъ—такъ бы до неба досталъ, кабы руки да ноги—такъ бы вора связалъ, кабы ротъ да глаза—такъ бы все рассказалъ.—Д о р о г а.

107. Два волка бѣжатъ, оба на небо глядятъ.—П о л о в ь я у с а н е й.

*) Варианта: Чего съ сарая не бросишь?

108. Летитъ птица орелъ, несетъ въ зубахъ *) огонь; по конецъ хвоста человѣчья смерть.— Ружье и пуля.

109. Летитъ птица,—во рту спица, на носу смерть.— Ружейный выстрѣлъ.

110. Жилъ Старець, у него былъ ставецъ; прибѣжалъ къ нему заецъ: пошто ты, старецъ, имѣешь ставецъ?— Охъ ты, заецъ! Еслибъ ты былъ старецъ, у тебя бы свой былъ уставецъ.— Пустынникъ и гулящій человѣкъ

111. Бѣжитъ бѣсъ, подлѣ лѣсъ; несетъ хвостъ выше прясла, семи жердей.— Судно.

112. Дорога ровна, лошадь деревянна, везетъ хотъ до куля не кормя.— Лодка, корабль.

113. Лежитъ баба, на середкѣ ляга,—пришелъ кокорь, забилъ съ локоть; спасибо кокорь: по часту ходишь, да по многу носишь.— Лодка привязанная къ сваѣ.

114. Окупнешь сухо, а выдернешь—съ конца каплетъ.— Весло.

115. Клѣтъ дыровата, а выхода нѣтъ.— Верша.

116. Пойду я въ чашину, осѣку я лѣсину, за лѣсину волосину, наконецъ-отъ крюкъ, на середку жмакъ,— крюкъ то дернетъ, жмакъ повернетъ,—живо—три перне, душа изостанетъ и жить перестанетъ.— Рыболовный снарядъ: удилище, леса, наплавокъ и удочка.

117. Самъ конопляной, жиле липяно, голова деревянна, ноги каменны, коты берестяны.— Неводъ.

118. Встану я рано, пойду я въ поляну, встрѣчу Варвару,—насчетъ перевару, большой головы, съдатою бо роды.— Парово.

119. Божья по пожни идетъ, а кикимора въ остожь сидитъ. «Куда—ты, Божья, по пожни пошла?»— кикимора теби караулитъ.— Везутъ кучу (каплугу) сѣна,—стожары (палки) въ стогу и изгородь (осгожье).

120. Прилетѣла птица на Егорьевъ день: деревянный носъ, окованъ хвостъ.— Соха.

121. Криво лукаво въ лѣсъ бѣжало, зелено кудряво на встрѣчу ему: «криво, лукаво! куда побѣжало?»— Зелено кудряво! тебя стережи.— Серпъ и колосовой хлѣбъ.

122. Маленькой, горбатенькой всѣ поля обскакала, пришелъ домой: въ большой уголь всталъ.— Серпъ.

123. Стоятъ Егорій въ полугорѣ, копьемъ подперся, шатромъ покрылся.— Суслонъ изъ сноповъ.

124. Стоятъ церковь не церковь, колокольня не колокольня, часовня не часовня, а крестъ на боку.— Вѣтряная мельница.

125. Шелъ я мимо, видѣлъ диво: головы избиты, брюха пропороты, тѣла въ перевалъ валять, а души въ рай тащатъ.— Хлѣбъ молотятъ.

126. Сѣрый зайко вокругъ кружится, а бѣлый зайко спать ложится.— Мелютъ въ жернова и высыпается мука.

127. Кто же прежде Адама родился? Приѣхалъ къ нему нѣкакой человѣкъ, положилъ на свой конь, привезъ его въ свой домъ, посадилъ его на престолъ, далъ ему въ руки трость и сталъ ему кланяться, а онъ даетъ ему благодать.— Камень и жернова.

128. Ъде(тъ) скрипица, везе(тъ) златницу: свѣтъ берлогъ! Пусти ночевать! Погодка займе(тъ), недѣлю проживе(тъ). — Телѣга, на которой везутъ хлѣбъ въ овинъ сушить.

129. Божья идетъ по пожни, а кикимора въ остожь.— Возъ и стогъ сѣна.

130. Иде(тъ) свинья къ овину, съ обѣихъ концов о рылу.— Ночовки, которыми крупу полютъ.

131. Мать толста, дочь красна, сынъ храберъ въ поднебесье ушелъ.— Печка, огонь, дымъ.

132. Два бѣляка ведутъ черняка.— Дымовой выходъ у печи въ трубу.

133. Распашу, распашу чистое поле, нагоню бѣлаго скота, есть у бѣлаго скота золотой пастушекъ.— Печь, хлѣбы, огонь.

134. Два бѣльца ведутъ чернеца.— Челоу печки.

135. Что тако: полонъ колпакъ татарскихъ яицъ?— уголья въ горшкѣ.

136. День корпить, ночь корпить, а утромъ спать.— Печной заслонъ.

137. На устьѣ на устьинскомъ, на углѣ на углинскомъ, смѣшались вода съ пескомъ, разодрался Лука съ Петромъ.— Устье—устье печи, уголь— жаръ въ печи,—вода съ пескомъ—вода и крупа, Лука и Петръ—мука и горшокъ.

138. Съ вечера ширы, ширы, ширы, съ полуночи еры, еры, еры, къ утру всталъ—ничего не стало.— Растворъ.

139. Что выше лѣса подымается? — Тѣсто въ кашнѣ.

*) Вариантъ: на хвостѣ несетъ.

140. Берега желѣзны, вода дорога, рыба безъ костей.—
Пекуть блины на сковородѣ.

141. Выпашу, выпашу чистое поле; нагоню, нагоню
бѣлыхъ лебедей.—Въ печи хлѣбы.

142. Что изъ воды рдится, а воды бонется?—Соль.

143. Стоитъ Тимошка на одной ножкѣ, крошитъ кро-
шить крошанку ни себѣ, ни собакамъ, ни малымъ ре-
бятѣмъ.—Лучина горитъ.

144. Что же носить куроптево име?—Крупникъ.

145. У насъ въ избушкѣ красны бабушки.—Ложки.

146. Два лежатъ, два стоятъ, пятой ходитъ, шестой
водитъ.—Двери.

147. Марья на Марью глядя(тъ), онѣ вмѣстѣ не сой-
дутся, да и врознь не разойдутся.—Косыки у дверей.

148. Двѣ Марьи, двѣ Дарьи вмѣстѣ не сойдутся и
порознь не разойдутся.—Косыки въ дверяхъ.

149. Самъ безъ рукъ и самъ безъ ногъ, а на подво-
локу лезетъ.—Дымъ.

150. Хамъ ходитъ по лавкѣ, хамъ по подлавкѣ, до-
садлива женушка отворила окошко: Хамъ поди вонъ на
 боярскій дворъ!—Дымъ въ черной избѣ.

151. Хамъ ходилъ по грядкѣ въ шелковой рубашкѣ,
—догадливая невѣстка отворила окошко: поди, хамъ,
вонъ!—Дымъ въ курной избѣ и ставень.

152. Шестдесятъ поросятъ въ одинъ голосъ голо-
сятъ.—Камелекъ въ банѣ.

153. Чертова бабка вся въ заплаткахъ.—Каме-
лекъ въ банѣ.

154. Стульцы, ведульцы, по полу ведутся и всѣ из-
ведутся.—Клубы холоднаго пара въ избѣ,
когда отворять двери зимой изъ сѣней.

155. На улицѣ Петровъ день, а въ избѣ Рождество.—
Окно замерзшее въ избѣ и не замерзшее
съ улицы.

156. Полосы стеклянны, а ложки деревянны.—Рама.

157. Что тако: у насъ въ избушкѣ палагеино имя.—
Палати.

158. Сорокъ братьевъ на одной подушкѣ спя(тъ).—П о-
толокъ на матицѣ.

159. Что же носить вороново имя?—Воронецъ
въ избѣ.

160. Четыре молодца *) подъ одной шляпой стоятъ.—
Столъ на четырехъ ножкахъ.

161. Подъ однѣмъ крылышкомъ четыре голубушки.—
Столъ.

162. Что тако: четыре брата стоя(тъ) подъ одной
шляпой?—Столъ.

163. Самъ маленький, самъ удаленьвой, весь домъ
стерезеть.—Замокъ.

164. Въ небѣ дыра, въ землѣ дыра, а по серединѣ
огонь да вода.—Самоваръ.

165. Родился—бился, крестился—мучился, пошелъ—
запаялся, весь мѣръ засмѣялся.—Горшокъ (глиняный).

166. Маленькій невеличинькой, подпоясаяся вичинь-
кой (прутьями).—Ушатъ.

167. У туши уши, а головы нѣту.—Ушатъ.

168. Корова пестра, титька востра, ротъ на боку,
хороша къ молоку.—Лагунъ съ квасомъ.

169. Самъ не великъ, а дыра съ четверикъ.—Чу-
гунъ или мѣдяникъ.

170. Старикъ въ осяку, да сорвался со смѣху.—Чу-
гунникъ съ водою въ печи.

171. Четыре ноги въ одномъ сапогѣ.—Безмѣнъ.

172. Сухой ершъ пудъ тянетъ.—Безмѣнъ.

173. Идетъ человѣкъ, несетъ на боку диковинку, об-
тянута кожей.—Ножъ въ чехлѣ.

174. Пovyше колѣнца, пониже пупенца, выросло по-
лѣнце.—Ножны (футляръ ножа).

175. Ниже пуга, выше колѣна, виситъ какъ полѣ-
но.—Шашка у полицейскаго служителя.

176. Самъ нагъ, а рубашка въ пазушки.—Свѣча.

177. Пришло диво въ избу, стало диво въ углу, про-
ситъ дѣвки, либо женки, а мужика не надо.—Красна
(ткальный станокъ).

178. Чѣмъ больше я верчусь, тѣмъ больше я толстѣю
и богатѣю.—Веретенно.

179. Малинькой, свѣтлинькой, черезъ тынь скачетъ,
весь мѣръ краситъ.—Швейная игла.

180. Чего же на гору не затянешь?—Занитку
клубка.

181. Два кольца, два конца, на середкѣ гвоздь.—
Ножницы.

182. Расширю я мохнатку, засупу голыша.—Рука-
вицы.

183. Мохната продолговата, съ двухъ концевъ от-
верстiя имѣетъ и грѣетъ; кто вложитъ, тотъ согрѣться
можетъ.—Муфта.

184. Худа худышка, задавилась въ яслишкѣ.—Пу-
говица въ петлѣ.—

185. Подъ лѣсомъ, лѣсомъ колеса висятъ.—Серги
въ ушахъ.

*) Вар. брата.

186. Свѣтъ попихай, потихонько пихай,—рубашечку дерешь, перемишься ведешь.—Гребень.

187. Маленькій Трофимчикъ, скочилъ на овинчикъ—попорхался.—Гребень.

188. Пойду я въ лѣсъ и разгоню волковъ всѣхъ.—Гребнемъ вычесывать волосы.

189. Стучить, вертится, ничего не боится; ходитъ весь вѣкъ, а не человѣкъ.—Часы.

190. Денегъ: пять денегъ да рубль пять копѣекъ, денежка нова, да денежка стара,—дакъ много ли стало?—Столько же.

В. ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ. *)

Авось, небось, да какъ нибудь,—добра не будетъ.

А хоть день-то сиротскій, а ночь-то господска. (Говорится о супружескомъ счастьи).

Бабой больше, такъ дѣвкой меньше.

Бабьему хвосту нѣтъ посту.

Барышъ съ накладомъ въ однѣхъ саняхъ ѣздятъ.

Батюшка—Питеръ бога наши повытеръ, братцы—Заводы унесли годы, а матушка—Канавы и совѣмъ доканала.

Безстужій голову кормить, а остужій по міру ходитъ.

Безъ денегъ вездѣ худенекъ.

Безъ мужа жить, какъ безъ соли ѣсть; а съ мужемъ жить, какъ съ перцемъ ѣсть.

10. Безъ труда не вынешь и рыбки изъ пруда.

Безъ убытка—не достать и добытка.

Безъ умины спать—собачья статья.

Береги хлѣбъ для ѣды, а деньги для бѣды.

Берегись козла спереду, лошади сзади, а лихаго человека со всѣхъ сторонъ.

Богатому все богатина, а бѣдному—рогатина.

Богатому какъ хочется, а бѣдному какъ можетъ.

Богать, богать, да Богу-то не брать.

Богать; да плутовать; а и бѣденъ, да честенъ.

Богатый какъ хочетъ, а голый какъ можетъ.

20. Богъ далъ роточикъ, Богъ дастъ кусочикъ.

Богъ-не богатый: онъ наказываетъ да и милуетъ.

Богъ страдалъ и намъ тоже наказалъ.

Богъ терпѣлъ, да и намъ ведѣлъ.

Божья роса Божьей землю кропить.

Большая нажива, большая и прожива.

Большой да богатой—не живетъ виноватой.

Большой корабль много рыскаетъ, да все-же на якорь встаетъ.

Борода по колѣна, а дровъ ни полѣна.

Брань не чадъ, глазъ не ѣсть.

30. Братъ брату складчикъ, сынъ отцу сосѣдъ.

Братъ за брата не плательщикъ.

Брюхо болить, на краюху глядитъ.

Брюхо не зеркало, чѣмъ набилъ, тѣмъ и ладно.

Бываетъ и на Машку промашка.

Бывало Иванъ огороды копалъ, а нонѣ Иванъ въ воеводы поналъ.

Была бражка, да вышли барашки; теперь есть квасъ, да не про васъ.

Были бы кости, а мясо ужъ будетъ. *)

Были-бы крошки, а мышанки ужъ будутъ.

Былъ бы другъ, а время будетъ.

40. Былъ молодцу не укора, а небылъ—чести больше.

Бѣдному жениться,—ночь коротка.

Вертитъ онъ перомъ, какъ веретенкомъ.

Вешнюю корову отъ вѣтру поносить.

Взойдетъ солнышко и на наше задворье.

Видишь мило, да идешь мимо.

Видно сокола по полету, знатъ молодца по голосу.

Влюбился, какъ собака въ палку.

Волка и ноги кормятъ.

Волкъ одну пѣсню зналъ, а ты и ту спѣлъ (въ укору тому, кто не въ мѣру кричитъ).

50. Вольному воля, ходячему путь.

Вора повѣсятъ, на то мѣсто десять.

Вору по дѣлу, да мало пошло.

Воръ воруетъ, а самъ горюетъ (живетъ плохо).

Вотъ какая мнѣ родня-то: его то бабушка, моего-то дѣдушка, изъ Краснаго села пьянаго вела.

Врешь, какъ водой бредешь.

Все равно, что дерево, что бревно.

Все хорошо, что прибыльно.

Вспомнила бабушка дѣвичь вѣчеръ да и заплакала.

Всѣ люди, какъ люди; а мой мужъ какъ поршень.

60. Всѣхъ нищихъ не перещеголять.

Всякая лисица свой хвостъ хвалить.

Всякая птица свои пѣсни поетъ; кто чѣмъ можетъ, тѣмъ хлѣбъ достаетъ.

Всяки займы платежомъ красны.

*) Доставлены П. И. Ивановымъ, И. П. Базиловскимъ и священ. Таратинскимъ.

*) Эта пословица говорится о дѣтяхъ, вступающихъ въ юношескій возрастъ; но тѣхъ, которые художавы. Болѣе относится она къ дѣвушкамъ.

Всякое коренье примай съ благодареньемъ.
Всякой домъ потолокомъ крыть.
Всякъ скачетъ, да не какъ скomorохъ.
Выбирай корову по рогамъ, а дѣвку по родамъ (по роднымъ, по родственникамъ).
Выловилъ язя, да ѣсть только нельзя
Выпустишь съ воробышка, а вырастетъ съ коровушку.
70. Выпьемъ по одному, да не скажемъ никому.
Выше, да выше и въ буточки вышелъ.
Въ городѣ живешь, а колокольнѣ кланяешься.
Въ домѣ-то у нихъ какъ Мамай воевалъ.
Въ домѣ хозяинъ больше архирея.
Въ дѣлу не обидь, а послѣ дѣлу хоть все возьми.
Въ комъ добра нѣтъ, въ томъ и правды мало.
Въ людяхъ Ананья, а дома не найдешь.
Въ людяхъ Илья, а дома свинья.
Въ мужичкахъ Аеоняхъ, да въ голуныхъ копяхъ— мало толку бываетъ.
80. Въ одинъ прямъ вѣку не переживешь.
Въ одной рукѣ тонко, въ другой ничего.
Въ хорошей капустѣ много гнилыхъ кочней.
Въ чемъ къ обѣднѣ, въ томъ и по сельди.
Въ тихомъ озерѣ черти водятся.
Вѣкъ изжить, не рукой махнуть.
Вѣрю всякому звѣрю, погожу—ежу (тому, кто горачится, озарничаетъ).
Гдѣ блины, тутъ и мы; гдѣ алады, тутъ и ладно.
Гдѣ былъ?—У друга. А что пилъ? — Воду—показалась слаще меду.
Гдѣ городъ, тутъ и вѣра; гдѣ деревня, тутъ порядня (порядня, порядокъ).
90. Гдѣ есть попъ, тамъ въ ризу не одѣвайся.
Гдѣ живетъ, тамъ и пѣтухъ кладется.
Гдѣ какія ведутся, тутъ такія и берутся.
Гдѣ конь катается, тутъ шерсть останется.
Гдѣ коробъ, тутъ и милостыня.
Гдѣ черти ни бродили, вездѣ ихъ бранили.
Глаза-то страшатся, руки дѣлаютъ.
Глупой осудить, а умной рассудить.
Глупъ какъ тусецъ.
Гляди полуглазкомъ, говори полуроткомъ.
100. Гречная каша—мать наша, а хлѣбецъ аржаной— то отецъ нашъ родной.
Грѣхи не корюхи, не съѣшь.
Говори, да не проговаривайся.
Говорить по совѣту (по секрету), а выйдетъ по всему свѣту.

Годъ служи, а вѣкъ тужи.
Головка-воровка—денежки пропила, а сама болитъ.
Голодное брюхо, что неправедный судья,—и молча просить.
Господи! убей того до смерти, у кого женка хороша, а мужъ дуракъ.
Господи помилуй, да денегъ дай; мѣди съ рубль, да бумажекъ съ пудъ; серебра три ведра, а пятаконъ, да четвертаконъ—пять четверичковъ.
Губа толще, такъ брюхо тоньше.
110. Дай Богъ промышлять моржа на берегу, а ошкуя на водѣ.
Дай нагому холстъ, а ему еще толстъ.
Дастъ Богъ день,—дастъ Богъ и пищу.
Дастъ Богъ дождь—уродится рожь.
Дастъ Богъ ротокъ—будетъ и кусокъ.
Дающа рука устанетъ, а примуша не устанетъ.
Два чирка, тотъ-же селезень.
Двумъ любо, третій не суйся.
Денегъ нѣтъ, такъ рубль почнемъ; а дѣвокъ нѣтъ— такъ бабъ найдемъ.
Денежки есть, такъ и калачики ѣшь, -- а денежекъ нѣтъ, такъ и покалачивай въ плѣшь.
120. День съ колобомъ, да два голодомъ.
Деньги да животъ,—такъ и баба живетъ.
Деньги небольшие около себя поинци.
Деревенская родня, какъ зубная болѣзнь.
Для милаго семь верстъ не околица.
Для того кузнецъ клещи куетъ, чтобы рукъ не жгло.
Для чего и кузнецъ молотомъ куетъ, чтобы крѣпче было.
Добро-то и скотъ понимаетъ.
Домашняя копѣйка лучше отхожаго рубля.
Домашняя копѣйка—что посторонній рубль.
130. Домъ вести, не лапотъ плести.
Досталася гадинѣ виноградная ягода. (Т. е.—дурному мужу хорошая жена, и на оборотъ).
Довѣдай кумушка девятую шанежку: за одно быть ужъ мужемъ биты.
Души въ адъ не отдать, — такъ и богатымъ никогда не бывать.
Дѣвушка не травка,—не вырастетъ безъ славки.
Дѣла—какъ сама бѣла.
Дѣлай колѣно, чтобы брюхо не болѣло.
Дѣло-то не велико, да судъ-отъ большой.
Дѣти будутъ—сами добудутъ.
Дѣтки одной насѣдки.
140. Если хошь имѣть барыши, такъ рожь повороши.

Есть время плакать, есть и веселиться.
Есть квась, да не про вась.
Есть хлѣбъ—ѣдимъ, а нѣтъ его—глядимъ.
Жалѣю, что попъ тебя крестилъ, да не утопилъ
Ждалъ, ждалъ,—да и жданки съѣлъ.
Ждетъ какъ воронъ кости.
Женить-бы его не на красной дѣвицѣ, а на хорошей
рябиновой вицѣ (розгѣ).
Жену учи безъ дѣтей, дѣтей безъ людей.
Живется, такъ и пѣтухъ кладется; а не живется—
и курица не несется.
150. Живеть на болотѣ, ничего не молотить; кушанье
съ поварни, а дрова съ топора.
Живу по вѣры, а пью по полумѣры. (Отзывъ о рас-
кольникахъ, неодобряющій ихъ нравственности).
Живши и горшокъ съ горшкомъ столкнется.
Жиды да черти,—одной шерсти.
Жижа да квась—перемѣна у насъ.
За кого Богъ, за того и добрые люди.
За моремъ коровы дешевы, да провозы дороги.
За одинъ разъ дерева не срубишь.
Заварилъ кашу, не жалѣй масла.
Закинь калачъ на лѣсъ, назадъ пойдешь—найдешь.
160. Закипѣла въ морѣ пѣна—будетъ вѣтру перемѣна.
Запасливый лучше богатаго.
Застала зима въ лѣтнемъ платьѣ.
Захотѣлъ ты у калашника дрожжей.
Захотѣлъ ты у нищаго коробъ отнимать.
Зачѣмъ Богу молиться, когда ничего не болитъ.
Звалъ на честь, а посадилъ на печь.
Здравія желаю, съ похмѣлья помираю; нѣтъ ли гри-
венокъ шести—душу отвести.
Зерна мели, а много не ври.
Зимой и лѣтомъ—однимъ цвѣтомъ.
170. Зимой платье и лѣтомъ платье; будетъ платье
и нашей братьѣ.
Знаетъ курица свои яйца.
Знай больше, да говори меньше.
Зналъ бы что упалъ, тутъ соломки бы постлалъ.
Зять да шуринъ,—чертъ ихъ судить.
И въ Сибири солнце свѣтитъ.
И дуракъ кашу съѣстъ, было бы масло.
И на Машку бываетъ промашка.
И на погостѣ живутъ, да колокольніе молятся.
И не люблю, да смѣйся.
180. И радъ бы душой, да хлѣбъ то чужой.
И собака помнить, кто ее кормить.

И у голыша тоже душа.
И умной беретъ, когда гаупый даетъ.
Играть не плакать, и отцу съ матерью не жаловаться.
Идетъ пономарь, знай: деньги подавай.
Изъ большихъ денегъ и рубль не почемъ.
Изъ одной бани да не однѣ басни.
Изъ одной мучки, да не однѣ ручки.
Исправникъ—волчій сынъ, какъ же безъ него быть?
190. Испытать—деньги прожить, либо новыхъ нажить.
Кабы не выронилъ пера, не зналъ бы и двора.
Какова баба, такова и слава.
Каково на дому, такovo и самому.
Каковъ корень, такова и отростень.
Каковъ одѣтъ, такovu и везеть.
Каковъ покойникъ, такovy и поминки.
Каковъ самъ, такovy и дѣти.
Каковъ чортъ отъ люльки, такovъ и въ могилку.
Каковы сами, такovy и сапи.
200. Какой онъ отчестливой: скатертью трясеть, а
хлѣбъ въ шомышу несесть.
Какъ ни зови, только хлѣбомъ корми.
Какъ самъ плохъ, такъ не пособить и Богъ.
Какъ слѣпой подлѣ огорода идешь.
Какъ ѣсть пирожки, такъ и косить подлѣ корешки.
Книъ добро назадъ, оно очутится напереди.
Кобыла съ медвѣдемъ тягалась, а у самой хвостъ да
грива осталась.
Когда дрова горять, тогда и кашу варять.
Когда лыко дерется, тогда и дери.
Коли не милъ тѣломъ, не приобидься дѣломъ. *).
210. Конь горбать, да не кобылѣ брать.
Копѣйка къ копѣйкѣ, и то двѣ копѣйки.
Корова во хлѣву, какъ Адамъ въ раю.
Коровъ не видать, и быковъ не слышать.
Коса любить лопату, а косецъ—пирогъ.
Котель горшку не товарищъ.
Кошку бьютъ, невѣсткѣ навѣтки (намеки) даютъ.
Кресты да перстни,—тѣ же деньги.
220. Кручиной моря не переѣдешь.
Крѣпка тюрьма, да чертъ ее хвалить.
Кто вчера совралъ, тому и завтра не вѣрять.
Кто въ ляжкѣ не бывалъ, тотъ и до сыта не ѣдалъ.
Кто грамотѣ гораздъ, тому не пропасть.

*) Эту пословицу говорятъ жены тѣмъ мужьямъ, которые, не смотря на усердіе къ работѣ и къ хозяйству, равнодушны къ нимъ по чувству любви.

Кто живет тихо, тотъ не увидитъ лиха.
Кто жидя обманетъ, тотъ дня не проживетъ.
Кто кому указъ, когда праздничекъ у насъ.
Кто курить табаки, тотъ не наживетъ благодати (добра).

Кто курить табачекъ, тотъ святой мужичекъ; а кто не курить, тотъ проклята шея.

230. Кто любить щи наварны, а кто—жену нарядну.

Кто на моръ не бывалъ, отъ усердія Богу не маливался.

Кто не имать ничего, не сграшится никого.

Кто не лѣнивъ пахать, тотъ скоро будетъ богатъ.

Кто чего не любить, тѣмъ того и дразнять.

Куда кляпо, туда и гни.

Куда мать, туда и дитя.

Ласковое слово лучше мягкаго пирога.

Либо къ обѣднн ходить, либо обредню водить.

Либо сѣна влоктъ, либо вилы въ бокъ.

240. Ложью свѣтъ пройдешь, да не воротишь.

Люба, не любя, да судьба привела.

Люба не любя, да чаще взглядывай.

Любишь чужую бороду драть, люби и свою подставлять (т. е. если любишь гостить, ходить въ гости, люби и къ себѣ принимать, либо самъ угощать).

Любовь не морковь: не скоро, братъ, ее раскусишь.

Людей выручишь, себя выучишь.

Лѣнивъ какъ куль.

Лѣнь добра не дѣлаетъ, и безъ соли обѣдаетъ, и безъ ужины спитъ.

Маленькаго не упасешь, большаго не убережешь.

Мало говори: больше услышишь.

250. Малыхъ ребятъ, кошекъ да собакъ не переиграешь.

Медвѣдь по коровѣ сѣдаетъ, да голоденъ бываетъ; а кура по зерну клюетъ, да сыто живетъ.

Межь пальцами немного мяса.

Мелкихъ нѣтъ, такъ рубль почнемъ; дѣвокъ нѣтъ, такъ бабъ найдемъ.

Мертвый съ погоста не ворочается.

Мимо дѣвку, да мимо рѣпку не ходить.

Много желать, добра не видать.

Много клѣтннъ, да мало воротннъ.

Много сытно, а мало честно.

Молодостью не жить, а старостью не помереть.

260. Мудрой даетъ, такъ и глухой беретъ.

Мужикъ богатый, какъ быкъ рогатый.

Мужикъ годъ не пьетъ и два не пьетъ, а чертъ прорветъ—и все пропьетъ.

Мужикъ за порогъ, а женка за пирогъ.

Мужнее добро какъ зимнее тепло.

Мужъ жену долженъ почитать какъ на церкви главу, а жена мужа—какъ на кабакѣ метлу.

Мужъ зашьетъ—полдома загорить, а жена зашьетъ—весь домъ загорить.

Мужъ любить жену здоровую, а братъ любить сестру богатую.

Мужъ съ женой бранится, подъ одну шубу ложится (или: валится).

Мука дорога, такъ не ѣшь пирога.

270. Мы съ тобой, какъ гусь съ водой.

Мышикъ съ кошкой въ наладъ играть.

Мѣсяцъ свѣтитъ, когда солнца нѣтъ.

Мѣщане день торгуютъ, ночь воруютъ, недѣлю въ замкѣ сидятъ.

На вдовій домъ хоть щепку брось,—и за то Богъ помилуешь.

На вѣтеръ мякны не напашешь, не токмя живота.

На гнилой товаръ, да слѣпой купецъ (т. е. покупатель).

На другихъ лай, да просебя-то знай.

На живаго врать, вѣдь, не на мертваго.

На котормъ мѣстѣ бывала вода, тутъ и онять взольется.

280. На лѣченой кобылѣ не далеко уѣдешь (т. е. каждая вещь, бывшая въ починѣ, не можетъ долго простоять).

На огонь живота не напашешь.

На одно солнце глядимъ, да не ровно (неодинаково) ѣдимъ.

На погану яму не напасешь хламу. (Т. е. пьяницу, какъ ни поддерживай, ничто не поможетъ; все пропьетъ, промотаетъ).

На полѣ Никола общій Богъ.

На косулѣ, что на стулѣ: посиди, а не поѣшь.

На своемъ пепелищѣ и кура гребетъ, и пѣтухъ храбрится.

На суслѣ пива не угадаешь.

На урода все неугода.

На часту дружбу всегда раздружье.

290. Навяжется шаль, а покинуть жаль.

Надо пропить, такъ будутъ деньги водиться.

Надѣйся на него, какъ на вешній ледъ.

Наживи хлѣвину, а потомъ скотину,

Наказаннымъ умомомъ, да приданнымъ животомъ—не-
долго проживешь.

Напишешь перомъ, такъ не стешешь топоромъ.

Нашего слугу согнуло въ дугу.

Наѣлся какъ быкъ, не знаю какъ быть.

Не боги горшки-то обвариваютъ, а тѣжъ Куростровцы.

Не бойся той собаки, которая лаетъ; а бойся той, ко-
торая наподтишка хватается.

300. Не бывать курицѣ пѣтухомъ, а бабѣ мужикомъ.

Не бьютъ—сиди, а бьютъ бѣжи.

Не время дорого,—пора.

Не все на волка, иное и по волку.

Не все переймешь, что по рѣкѣ плыветъ.

Не всегда-же ненастье, проглянетъ и солнце.

Не вскачь по насту, осядетъ.

Не вѣкъ жить, а вѣкъ поминать.

Не гнѣви Бога ропотомъ, а молись ему шепотомъ.

Не говори, что «не могу», говори, что «не хочу».

310. Не дастъ Богъ, такъ не ѣсть и царь.

Не до обѣдни, коли много обредни.

Не дуйся коровушка, не быть бычкомъ.

Не ищи головы, не проси у жены.

Не зарудилась, а такова уродилась.

Не красиво, да спасибо.

Не можешь помогчи, такъ лучше помолчи.

Не мокра-бы губка, была бъ и шубка (т. е. не пьян-
ствовалъ, былъ бы и одѣтъ хорошо).

Не моли лѣта долгаго, моли лѣта теплаго.

Не названо—не ходи, пенастрано—не ложись.

320. Не отсохнеть голова, такъ будетъ борода.

Не паси дѣла, паси (припасай) хлѣба.

Не пей кума даровова вина.

Не пеняй на сусѣда, когда спишь до обѣда.

Не пилося бы, не ѣлось,—не куда бы и добро дѣлось.

Не посмотрѣвъ въ святцы, да и бухъ въ колоколь.

Не пей до пьяна, и не пропьешь кафтана.

Не радуйся найдишкѣ, смотри потеряешь.

Не родись богатый, а родись кудрявый.

Не слыхать, чтобы мужикъ какой чаемъ подавился.

330. Не смѣйся братецъ чужой сестрицѣ, своя въ
дѣвницахъ.

Не смѣйся горохъ, самъ не лучше бобовъ.

Не споживъ (не поживши вмѣстѣ) друга не узнаешь.

Не спрашивай здоровья, гляди на лицо.

Не суйся въ чужи оглобли, коли не спрашиваютъ.

Не та мать, которая родила, а та которая вскормила.

Не твоимъ ноздрямъ табакъ нюхать.

Не тогда плясать, когда гробъ стануть тесать.

Не торопись къ капустѣ, какъ люди донустятъ.

Не торопись на тотъ свѣтъ, тамъ кабаковъ нѣтъ.

340. Не торопись ѣхать, торопись кормить.

Не тужи о ржи, только мѣшокъ держи.

Не тѣсна изба углами, а тѣсна умами.

Не указывай на чужой зародъ вилами.

Не учи пекчи, не указывай подмазывать.

Не великъ звѣрь, да ланистъ.

Не званъ гость, не пасена и честь.

Не надобенъ и кладъ, когда съ женой у мужа ладъ.

Не путному сыну отцовское имѣние не впрогъ.

Нечего на чужую то кучу глаза пучить; пораньше
вставай, да свою приготавлий.

350. Нечего прясть, коли рубаха есть; а про другую
вѣсть есть.

Нищему жениться—и ночь коротка.

Новыхъ друзей наживай, а старыхъ не забывай.

Ноги волка кормить.

Нѣту талану, не пришьешь къ сарафану.

О кумѣ не жить, а безъ кума не быть.

Обвѣнчаетъ попъ худой, не развѣнчатъ хорошему.

Оглянись-ка назадъ, не горить ли посадъ.

Огонь горячо, а дитя болечѣ.

Огонь хуже вора: тотъ хотъ стѣны оставить, а огонь
все слагостить.

360. Одна слеза катилась, а другая воротилась.

Одной ногой въ гробъ стоитъ, *) а все еще зло тво-
рить.

Одному легко и пирожокъ ѣсть.

Окна холодны, а брюха голодны.

Око не видитъ, такъ и на сердце не въздетъ.

Орютъ—плачутъ, молотятъ—скачутъ.

Отрѣзанный ломоть къ ковригѣ не прильнетъ.

Отъ бездѣля и то рукодѣлье.

Отъ Коломоръ до Коломы сорокъ два Николы.

Отъ мужа поволька, жена самоволька.

370. Отъ Питера отрубокъ, отъ Москвы уголокъ: то
Щинегородокъ.

Отъ свиньи не живутъ бобрыта, а тѣже поросята.

Пакостливъ какъ кошка, трусливъ какъ заяцъ.

Пей пиво, не брагу; и люби дѣвку, не бабу.

Печка драть, дорожка учить.

Пиво пьютъ—поговариваютъ, огородъ городятъ—по-
колачиваютъ.

*) Вариантъ: самъ въ гробъ глядитъ....

Пивши вино не умудришься.
Пирог, да блин — въ крынкѣ погнбли: пути не
нашли и въ печь не зашли.
Пирогъ съ крупой, такъ всягъ съ рукой.
Писать, не дрова рубить.
380. Питерь бока повытеръ.
Пиши, что рѣка не по прежнему текла, красуха кра-
суху принесла. (Старушья поговорка).
Пишутъ въ два пера, а деньга не спора.
Платье сундуками, да кожа лафтуками. *)
По барину—говядина, по барынѣ—кислыя щи.
По дѣвицѣ и тряпица.
По готовой то дорогѣ и слѣпой бредеть.
По людямъ живи, а по вѣтру вѣй.
По мышкѣ и кошка звѣрь.
По нашему два алтына, а по русски шесть копѣекъ.
390. По удоямъ молоко считать, молока не видать.
По чьей рѣчкѣ плыть, ту и пѣсню пѣть.
Побываетъ овца на озими, не отучишь ходить ее до
зимы.
Побываетъ въ кувшинѣ деготь, такъ потомъ его не
выживешь оттуда.
Поди-ка обмани школяра: онъ сдѣлаетъ цифрой изъ
рубля полтора.
Подъ вѣсти подводы не надоть.
Поживи въ рабахъ, такъ будешь въ господахъ.
Полно баловаться, въ руки даваться.
Поминають двѣ, да незнаю гдѣ; поминала-бы одна,
такъ зналъ бы, что она.
Понуждай не дубиной, а полтиной.
400. Портной изгадитъ, а утюгъ разгладитъ.
Постой, да погоди—дважды будетъ.
Посушеное три года ждуть.
Пошелъ кормиться, нечего торопиться.
Поѣлъ, да на бокъ,—оттого и казакъ бываетъ голодь.
Правдой, да трудомъ нестроишь каменныхъ домовъ.
Праздники часты, а руки одинаки.
При пивѣ, при бражкѣ всѣ дружки, а при горѣ, при
бѣдности **) нѣтъ никого.
Привязался, какъ польскій солдатъ.
Про однѣ дрожжи не говорятъ трожды.
410. Прогуляешь, такъ и воду хлебаешь.

*) Лафтугъ — часть, вырванная изъ чего-нибудь. Напр., —
платье-то было съ иголочки, да вотъ какой лафтугъ вырвала, за-
цѣпившись за гвоздь (а по здѣшнему: уцѣнула за гвоздь). Эта по-
словица говорится о вышедшей замужъ за богатаго, а драчливаго.

**) Вар.: при нуждѣ.

Проживать, такъ и воду хлѣбать.
Просить у него—все равно, что просить у извощика
возжей, у валачника—дрожжей.
Просать пива не напиться, а дають—не залиться.
Противъ клѣтки и стопка, противъ стопки и клѣтка.
Пью квась, а вижу пиво,—да иду его мимо.
Пьянъ—еще не великъ изьянъ.
Пятеро осудять, а десятеро разсудать.
Работа не медвѣдь,—можно только поглядѣть.
Радуница (Фомино воскресенье), всѣ люди радуются.
420. Радъ бы душой, да хлѣбъ чужой.
Радъ бы плакать, да слезы не льются.
Разъ оболгалъ, и вѣкъ правды не имуть.
Ранняя птичка носокъ чистить, а поздняя крылышка
расправляетъ.
Раннего морозъ не бьетъ, а позднего не ждеть.
Раньше вставай, да самъ наживай.
Руби капусту зубами, когда озябъ.
Рубль пятакомъ красенъ.
Рука руку моетъ, обѣ бѣлы быть хотять.
Русскій глазамъ своимъ не вѣрять, ему все надо
пощупать.
430. Рыбки да рыбки,—потерять съ ними деньги.
Рыбу свѣжую перовари, а соленую недовари.
Рядой не вырядишь, работой не выробишь.
Самъ бы ѣлъ, да деньги надоть.
Самъ это не ѣдалъ, а отъ дѣдушка слыхалъ, какъ
его баринъ ѣдалъ.
Свой коренникъ (запасъ вообще) не обременить.
Свой коренникъ самый ближній родникъ.
Свой умъ—царь въ головѣ.
Свой хлѣбъ хоть въ полночь ѣшь.
Сегодня гули, да завтра гули, — берегись, чтобъ въ
лапти не обули.
440. Седни гули, да завтра гули, — тѣже гули и въ
лапти обули *).

Сегодня на деньги, а завтра въ долгъ.
Сердита собака волку корысть.
Сиди на печкѣ, точи верешка.
Сидитъ на печи, а бьетъ какъ съ города.
Силень чертъ, да воли нѣтъ.
Силка маленька, но зубокъ востеръ.
Сильному счастье помогаетъ.

*) Эта пословица говорится о тѣхъ, кто случаетъ быть дома, а
непремѣнно старается быть гдѣ-либо въ гостяхъ.

Сито, рѣшето: толи не посуда; Марья, да Дарья: толи не жена; пироги, да шаньги: толи не ѣда; ельничъ, да березничъ: толи не дрова?

Сколько пѣлъ, столько и просвиръ ѣлъ.

450. Скоро будетъ нечѣмъ куръ выкликать.

Скоро торопишься, назадъ воротись.

Скрипучо дерево два вѣка стоитъ.

Скупъ не глупъ, себѣ добра хочетъ.

Скученъ день до вечера, коли дѣлать нечего.

Сладокъ медъ, да не горстью въ ротъ; а и горько вино, да не лишиться его.

Слезы—не помочи.

Слово слово родить, третье само бѣжить.

Собака мясомъ торговать негодится.

Согрѣшили попы за наши грѣхи, а мы за поповы хотъ драться готовы.

460. Солдатъ безъ шага, хуже бабы.

Солнышко пригрѣло, такъ и дѣвушкамъ пристрѣло.

Сорока сороку и знаетъ, а ворона—ворону.

Сорока стрекочетъ, гостей пророчить.

Спасибо этому дому, пойдемъ къ другому.

Спереди-бы любить, а сзади—убить.

Среда не суйся впередъ четверга.

Сталь сытъ, такъ и взялъ стыдъ.

Стару собаку не батькомъ-же звать.

Старухи мрутъ оттого, что врутъ.

Старый долгъ платить, да отца-мать кормить: нѣтъ этого хуже.

470. Столъ поставятъ, такъ и работать заставятъ.

Стужи, да лужи,—нѣтъ ихъ хуже.

Суди не по годамъ, а по ребрамъ.

Судья любить поднось, земля любить навозъ.

Суженый уродъ будетъ у воротъ.

Сунется, да окупнется.

Схватилася мачиха о пасынкѣ, когда ледъ прошелъ.

Схватился грѣшной, какъ въ адъ-то пошелъ.

Схватился, какъ съ горы скатился.

Счастливыя дѣти, отъ которыхъ отецъ и мать радость могутъ имѣти.

480. Счастье пытатъ, только деньги бросатъ.

Счастье, такъ и дуракъ ѣздитъ въ каретѣ; а и умный, да ходитъ пѣшкомъ.

Счетъ чаще, дружба дальше.

Съ душой спускается. (Значить: умираетъ,—спустился: умеръ).

Съ нимъ говорить, что рѣшетомъ воду носить.

Съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись.

Съ трудовъ праведныхъ не настроишь домовъ каменныхъ.

Сѣла курица на свои яйца.

Тихой наѣдетъ, а бойкой и самъ наскочить.

Товаръ прилюбится, да умъ отступится.

490. То не бѣда, что во ржи лебеда; то бѣды, что ни ржи, ни лебеды.

Только славу ведешь, что рано встаешь.

Торопится, торопится, а ничего не родится.

Ты свисти, а я давно смыслю.

Ты сударь, да я сударь,—да кто же будетъ работать.

Ты язычекъ смалчивай, за тебя я бѣдку плачивалъ.

У богатаго чертъ робять качаетъ.

У вора воровать, только дни терять.

У всякаго въ дому, да невѣдомо никому.

У всякаго попа свой обиходъ.

500. У кого и рубль плачетъ, а у меня копѣйка скачетъ.

У кого не бывало, а у насъ ночевало.

У коровы во рту молоко.

У кошки котя тоже дитя.

У меня была сила, когда мать въ брюхѣ носила.

У меня съ нимъ и лень недѣлалъ.

У насъ такъ изстари ведется, что изба вѣнникомъ метется.

У него всегда такъ: одинъ сапогъ въ банѣ, другой въ амбарѣ.

У Сенюшки денежки — Семень, да Семень; у Сеньки ни деньги—Сенька, да Сенька.

У Сидора обычай, у Карпа свой.

510. У скупа, не у нѣта, есть что взять.

У скупаго за два тщивыхъ выйдеть.

У худой рожи, худой и обычай.

У чашниковъ, да у бражниковъ—много въ году *) праздниковъ.

Угорѣла барыня не въ топленой горницѣ.

Ужъ весь лежитъ въ грязи, а все кричитъ не забрызжи.

Умъ найдетъ, да пора пройдетъ.

Умѣй шутить, умѣй и перестать.

Ухо рѣжь, а кровь не канеть.

Учи жену до дѣтей, а дѣтей до людей.

520. Хвастливаго съ богатымъ не спознаешь.

Хвостъ да рога не даютъ молока.

*) Вар.: не пересчитаешь.

Хлѣба край, такъ и подѣ елью рай.
Хлѣба что въ брюхѣ, платя что на себѣ.
Хлопотъ полноз ротъ, а толку мало.
Хлѣбець-то нашъ, а похлебочки-то дашь.
Хлѣбы катай, а рукъ не марай.
Хлѣбъ-соль взаимно дѣло.
Ходить безъ пути, завсегда два пути.
Ходишь какъ будто слоновъ продаешь
530. Ходишь, только квасъ разводишь.
Хозяйкой все стоять.
Холодно, такъ неоводно.
Холодное пить—все равно, что мертваго цѣловать.
Хорошій хозяинъ сто головъ кормить, а худой и самъ
погибаетъ.
Хоша денегъ ни гроша, была бы слава хороша.
Хоша денежекъ на малѣ, завсегда руки въ карманѣ.
Хоша ѣсть нечего, да жить весело.
Хошь дождь не великъ, а стоять не велить.
Хошь на хвон, да на своей волькѣ.³
540. Хошь обѣдни не застать, а отъ походы не
отстать.
Хошь тресни, да пой пѣсни.
Хошь тряпичка, да тафтичка.
Хошь ѣсть нечево, да жить за то весело.
Худая грамота души пагуба.
Худая матка всему дому *) смятка.
Худо жить безъ жени на чужой сторонѣ.
Худо, какъ у вороны нѣтъ обороны (т. е. худое
житье безъ мужа).
Худо ловить рыбу подѣ чужимъ берегомъ.
Царь Давыдъ не велѣлъ тужить, а велѣлъ денежку
нажить, да подать положить.
550. Часомъ съ квасомъ, а порой съ водой.
Чай и кофе не понутру, была бы водка по утру.
Чего нѣтъ за кожей, не пришьешь на кожу.
Чего нѣтъ, то и дорого.
Чего самъ себѣ не желаешь, не желей и другому.
Человѣкъ не знаетъ, что съ нимъ завтра будетъ.
Честь приложена, а воля не отнята.
Чей берегъ, того и рыба.
Что будетъ брюху, то будетъ и хребту.
Что бываетъ въ людяхъ, то и намъ дѣлать велятъ.
560. Что въ людяхъ живетъ, то и насъ не минеть.
Что кому за дѣло, что жена моя не бѣла? я и самъ
не хорошъ.

*) Вариантъ: въ семьѣ.

Что купишь, какъ не на что.
Что лживо, то и гнило.
Что нальешь, то и выпьешь.
Что ступить, то ступнетъ.
Что судачить на зеркало, когда рожа крива.
Чужое дитя—волчище.
Чья сильнѣе, та и правѣе.
Чѣмъ хвалишься, тѣмъ и подавишься.
570. Шапочко знакомство не поидеть въ потомство.
Шиломъ моря не натрѣтъ, и отъ бурлачества не
разбогатѣтъ.
Школа и ученье, одно только мученье.
Шти капустѣ замѣна, капуста особая перемѣна.
Шутки шути, но людьми не мути.
Шути, да оглядывайся.
Щука хитра, а не съѣсть ей ерша съ хвоста.
Ѣшь больше, говори меньше.
Ѣшь варено, слушай говорено.
Ѣшь въ постъ рыбу, но не Ѣшь рыбака (срв. Ломо-
носова: постись духомъ, а не брюхомъ).
580. Ѣшь не тянись, а работай не лѣнись.
Ѣшь, не Ѣшь; а за выть сочтутъ.
Ѣшь пироги, хлѣбъ впередъ береги.
Этотъ горохъ не лучше грибовъ.
Этотъ изъянъ разложимъ на крестьянъ.
Языкъ болтаетъ, голова не понимаетъ.
Ясно солнышко пригрѣетъ, красна ягода добрѣетъ.

В. ШУТКИ и ПРИБАУТКИ *).

1. Сказка-присказка еловая подмазка, еловъ приснецъ заломилъ хвостецъ, побѣжалъ въ кустецъ по пироги, по шанежки, по лукъ, по чеснокъ, по рябиновый батогъ.
2. Сказать тебѣ сказку: связать тебя въ вязку, бросить подѣ лавку, лежать тебѣ три дня, и съѣдятъ тебѣ мухи съ комарами.
3. Бывало да живало куликъ да журавль, они пили да ѣли съ одного стола и спать отходили съ одного крыльца. Сказка не долга: баранъ да овца; опять съ конца,—бывало да живало и проч.
4. Два братца Мѣдвѣдъца строили баньку, Двѣ сестрицы Лисицы покрывали.
Комаръ пищитъ, въ баню дровъ тащитъ,

*) Помѣщаемыя здѣсь прибаутки до № 48 записаны въ Пензур-скомъ уѣздѣ И. Костылевымъ, а остальные въ Пинежскомъ уѣздѣ П. И. Ивановымъ.

- Комариха верещить, въ баню вениковъ тащить,
 Вошку парили да перепарили, съ перепару вошка пала,
 Ручку, ножку изломала, пальчикъ выставила.
 Побѣжала вошка съ блошкой къ мухѣ подъ окошко.
 Ужъ ты, муха, не бунчи, у вошки ножку излечи.
5. Толкуй, Фекла, про фунтъ портна.
 Аршинъ масла и кислаго молока три пасама.
6. Бей жену, какъ шубу, и люби въ пору какъ душу;
 Въ шубѣ будетъ больше тепла, а въ женѣ добра.
7. Сегодня на тощакъ, да завтра на тощакъ,
 А посмотришь со двора и корову потащатъ.
8. Есть вино, такъ пьемъ его, а нѣтъ вина, такъ
 пьемъ и воду; голодному хлѣбъ слаше меду.
9. Идетъ бурлака, стучится у окна: не надобно-ли
 холста? а когда взглянули, говорить: милостыньку ра-
 ди Христа.
10. Отецъ пришли денегъ: класть не во что, и хо-
 шель купить не на что.
11. Осенью и воробей пиво варить въ молотильной
 кашницѣ.
12. Вотъ свинья обожралась не своего корму.
13. Бывало баба съ похмѣлья хомутъ съѣдала; а по-
 утра встала и дровенъ не стало.
14. *) Лебединъ, да Лебединъ, по горамъ ходилъ одинъ,
 Лебедушка бѣлая, головушка сизая,
 По угоринку ходить, колокольчикомъ звонить,
 Да ребятъ къ себѣ манить. — Шестаковчанки
 (дер. Шестакова).
15. Поскакать, поплясать, — то За корженки и.
16. Скочить да прыгнуть, изъ ноги лодышки свер-
 нуть, — то Погостченки.
17. По дѣвичникамъ, да кумачники кроить, — то Бу-
 тырчанки.
18. Мезенски дѣвки — судомойницы.
19. Лемачьи отмѣтки — Мѣлогорочки.
20. Китасты, носасты — Цѣлегорочки.
21. Сиговъ продавать — дѣвки Майденки.
22. Баталашки крутить, на высокъ угоръ носить, —
 то Клычовчанки

*) Изъ усть народа можно слышать насмѣшливыя прозвища, упо-
 требляемыя для вызова красного слова, напр.: жителей Архангель-
 ской губернии вообще называютъ Моржедами, Вологодской — Те-
 лятинами, живущихъ по рѣкѣ Вагѣ — Ваганами кособрюхими, по
 рѣкѣ Тарѣ — Велшодами, обывателей нижней части Шенкурскаго
 уѣзда — Куда ходить? куда позовъ? и т. д. Подобно тому во многихъ
 мѣстностяхъ есть шуточные прибаутки, обращаемыя ими къ жи-
 тельницамъ какаго либо селенія вообще, или къ какой либо женщинѣ
 или дѣвицѣ въ особенности. Таковыя прибаутки подъ №№ 14—30.

23. Кислы парницы, печенки — казенные дѣвченки.
24. Кареты отпустить, да лакеевъ цѣловать — Ку-
 черы шенки (здѣсь станція).
25. Изъ окна рожу продать, табаномъ торговать —
 Херполянченки.
26. Сойдтись да побантъ, по головушкѣ погладить
 дѣвки Сорочински.
27. Высокіе подборы, низкіе поклоны — Горчанки.
28. Бѣлолицы, круглолицы Завьяловски дѣ-
 вицы.
29. Не чесаны косицы — Заколупински дѣвицы.
30. Въ Вакаринскомъ окологѣ нѣтъ ни карбасу, ни
 лодки; у нихъ дѣвки полоротки, красныи носятъ ко-
 ротки, не обрублены подола.
31. Калина да малина *) красная рубашка Гришкина
 Палашка.
32. По задворкамъ бѣгать, нюхать — Артюхина Анюха.
33. Черная рубаха — Спирихина Параха.
34. Не тлаха, не пряха — Оськина Степаха.
35. Рваная ширинка — Никитина Усгинка.
36. Нарумяненные щеки — у Гавриловой Матрехи.
37. Бай, бай юры, да гдѣ бай юры? Къ Василью
 перешли.
38. У Василья черная рубашка, да хозяйка безпорашка.
39. У Николка есть веревка, да жена воровка.
40. У Владиміра сѣна ключекъ, жена ходить на бочекъ.
41. У Никиты есть лодка, да жена самоходка.
42. У Козьмы хотя и есть вица, да жена пѣвица.
43. У Осипа есть солонка, да жена пустодомка.
44. У Петра собака лаетъ, да жена гуляетъ.
45. У Ивана есть хорошая коровка и женка торговка.
46. У Михайла много пива, да жена лѣнива.
47. У Петра Пенила, три года платя не мыла.
48. Одинъ женихъ на замѣчаніе, что у него нѣтъ ни
 одной коровы, говаривалъ: «коровъ шесть есть: корову
 купить да безъ коровы не быть; корова бура да ко-
 рова будетъ; корова есть да о коровѣ вѣсть — вотъ и
 шесть».
49. Собака, собака!
 Не ѣшь солдата:
 Солдатъ самъ собака.
 По три денежки даютъ въ день,
 Куда хочешь, тутъ и дѣнь.
 Что-бъ на баню, что-бъ на мыло,
 Что-бъ и дѣвушкамъ тутъ было.

*) Припѣвка къ каждой изъ слѣдующихъ женскихъ прибаутокъ.

Моя калина, моя малина.
50. Улитка, улитка!
Удой молочка,
Да изъ подойничка. ¹⁾
51. Божья коровушка,
Ума, ума, ума,—
Жить-ли мнѣ,
Помереть-ли мнѣ? ²⁾
52. Муха горюха,
Пьешь-ли вино?
А пью, непью,
Только честь люблю. ³⁾
53. Комаръ пищитъ,
Въ баню дровъ тащитъ,—
Комариха верещитъ,
Въ баню вѣнникъ тащитъ. ⁴⁾
54. Чайца, чайца,
Подай свои яйца,—
На тебѣ голышъ,
Буда хошь полетишь. ⁵⁾
55 Гагара, гагара,
Обернись-ко назадъ,
Твои дѣти горять,
На Матигорахъ, ⁶⁾
Смола жгутъ
Тебя сожгутъ. ⁷⁾
56. Утка, утка полетай,
Поди дома работай.
Ей, ей—немогу,
Потянули за ногу;
Вакъ въ Питерѣ вино,
По три денежки ведро.
Хошь-пей, хошь лей,
Хошь—обкачивайся. ⁸⁾
57. Троица велѣла,
Богородица велѣла,
Трижды окурнуться,
Ныркомъ пройти
И изъ воды вонъ ийти. ⁹⁾

¹⁾ При видѣ бузашки —

²⁾ При видѣ козявки.

³⁾ При видѣ мухъ.

⁴⁾ При видѣ комаровъ—толкачиновъ

⁵⁾ При полетѣ чаекъ.

⁶⁾ Въ холмогорскомъ уездѣ.

⁷⁾ При полетѣ гагаръ.

⁸⁾ При летѣ утокъ.

⁹⁾ Когда купаются ребята.

58. Мать Божья,
Недавай дождя,
Давай солнышка,
Да высоколышка. ¹⁾
59. Дождикъ, дождикъ перестань,
Мы поѣдемъ на ердань,
Богу молиться,
Христу поклониться,—
Какъ у Бога сирота,
Затвориай ворота,
Ключикомъ—замочкомъ,
Золотымъ платочкомъ. ²⁾
60. Горитъ баня, горитъ домъ,
Горитъ батюшки заводъ,—
Сохрани Боже овинъ,
А въ овинѣ дворянинъ. ³⁾
61. Крива рука проситъ,
Пряма подаетъ,
Кто подастъ,
Тотъ хорошій князь;
А кто неподастъ,—
Подпорожна грязь.
62. Открывается бочка,
Для милаго гостя.
Есть табачку
Въ одномъ бочку,
И это—на одну понюшечку.
Нашъ крестьянинъ—мужичекъ,
Садился на ключекъ,
И употребляя табачекъ.
Тьфу.... божья слинка,
Христовъ корешокъ. ⁴⁾
63. Кошкинъ даръ,
Подарушкинъ даръ:
Кошка дала,
И назадъ отняла. ⁵⁾
64. Тран-тран-ти-рѣ,
Былъ въ трактирѣ,—
Тран-тран-трушки,
Въ ватрушки
Съ кислымъ творогомъ.
65. Баринъ татаринъ,

¹⁾ При дождѣ.

²⁾ Тоже

³⁾ Дворянинъ—хлѣбъ.

⁴⁾ При понюшкѣ табаку изъ тавлинки.

⁵⁾ Поется тому, кто подарить что-либо и возъиметь обратно.

Дѣвку ударилъ,—
А дѣвка заревѣла,
Замужъ захотѣла,—
Баринъ неберетъ,
Дѣвка пуще реветъ.
66. Первой—пень,
Другой—день,
Три-четыре,
Прицѣпило,
Пять-шесть
Бьютъ шерсть,
Семь восемь—
Сѣно возять,—
Девять-десять,
Деньги вѣсятъ,—
Одиннадцать-двѣнадцать
На улицѣ бранятся,
Въ избахъ ссорятся.
67. Плакса—Олекса (Алексѣй),
Удой молочка,
Изъ подойничка.
68. Егорко на горкѣ
Кышки продасть;
Почемъ кышка?
По три денежки.
69. Ъдимъ да свой,
А ты подальше стой,—
А если волосы крѣпки,
Дать за столъ садись. *)
70. Сурикъ, сурикъ на двери,
Кто прискочить—тотъ дерн.
У сурика праздникъ,
Сурикъ шапочку шьетъ,—
Шапочка-то кругла,

*) Въ отвѣтъ на привѣтствіе: хлѣбъ да соль.

О-четыре угла:
Туды-сюды уголокъ
На середкѣ кистка,
Кто прискочить тисни (дерни). ¹⁾
71. Качанъ, качанъ, Волочанъ ²⁾
Ъдетъ дядя Полочанъ,
Тюкъ-или-качанъ?

72 ³⁾. Поздравляемъ хозяина съ любышъ животомъ,
съ холощенымъ конемъ.

Съ вашего живота, съ моего любимого крестника, водятся дары: платъ шитой, либо браной, а коли не вышили платка — отдерни тонкаго холста, по аршину съ ноги — четыре аршина, пятой — на гриву, шестой на хвостъ, а седьмой — чтобъ лучше животъ росъ. Намъ коноваламъ не для ради барыша, а для вашего милаго живота, было-бы по чемъ коню скакать, а намъ счастливо работать. Это коноваламъ водится: скляница вина, да пива ендова (братыня), чашка меду да пять рублей за работу.

73. Мы коновальщики,
Мы не обманщики—
Изъ моря воду пивали,
Съ камней лычье дирали;
Мы лекари,
Мы аптекари—
Лечимъ на славу
Хоть Ѡому, хоть Саву,
Мы въ банькахъ паримъ,
Мы въ банькахъ жаримъ:
Въ баню на ногахъ,
А изъ бани на дровняхъ.

¹⁾ При этомъ деруть за волосы: мальчишя, испортившаго воздухъ.

²⁾ Не Пинеманишъ-ли отъ Волова.

³⁾ Прибаутка коноваловъ, равно какъ и слѣдующая.

Х. СЛОВАРЬ МѢСТНЫХЪ РЪЧЕНІЙ *).

А.

Адамовикъ, а, сущ. м.—Бѣлый оленій мѣхъ. Онеж.

Алапера, ы, с. ж.—Кожа моржа или бѣлуги бываетъ покрыта сѣтчатою перепонною, опушеною мелкими волосками. Божаные пласты названной рыбы, склавъ въ кучу, зарываютъ въ тундру, въ коей держать ихъ до тѣхъ поръ, пока не отстаетъ помянутая перепонка или алапера. Далѣе, намазавъ саломъ, мнутъ пласты въ станкѣ до того, пока вся кожа побѣлѣетъ и, оскобливъ мязгу тупикомъ, употребляютъ затѣмъ кожу на изготовленіе шлей, уздечекъ, и т. п. Бем.

Аравушки, екъ, сущ. м.—Рабочіе, сплавливающіе барки по Сѣв. Двинѣ къ Архангельску. «Аравушки у меня обѣдали,—до картови такіе охотники, што папахать не можно». Шенк. Такъ подсмѣиваются надъ глуповатыми людьми: «Экой ты, подумаешь, аравушка; и на человѣка-то не похожь!» Пин.

Б.

Баба, ы;—Принадлежность ткацкаго станка. Пин.

Бабка и ѣмецка, — Повивальная бабка, женщина специально и съ разрѣшенія начальства занимающаяся акушерствомъ. Арх.

*) Словарь этотъ избранъ редакторомъ изъ матеріаловъ, собранныхъ П. С. Ефименкомъ и г-жею Ефименовою, а также П. А. Ивановымъ, г. Тустановскимъ, и другими. Всѣ слова, помѣщенные уже въ словаряхъ: Академическомъ и Даля, были при этомъ устранены; оставлены только слова, или не находящіеся въ названныхъ словаряхъ; или хотя и показанныя въ нихъ, но съ другими значеніями или объясненіями; оставлены также въ некоторыя дополненія къ нѣкоторымъ уже объясненіямъ. Замѣтки объ особенностяхъ архангельскаго говора, найденныя въ помянутыхъ выше матеріалахъ, также не печатаются здѣсь, какъ не дающія особенно новыхъ свѣдѣній противъ нѣкоторыхъ въ предисловіи къ словарю Даля. Число словъ, нѣвшихся на карточкахъ собирателей, превосходить напечатанное здѣсь, по крайней мѣрѣ въ двадцать разъ. Въ концѣ каждаго слова обозначено, въ какомъ видѣ оно записано.

Багайдать. — Блеять по овечьи. «Баранъ багай-дать». Онеж.

Бадья, и, с. ж.—Сосудъ, въ которомъ помѣщается деревянное масло и медъ; тулумъ. Шенк.

Базынить.—Кричать; ревѣть. «Што это съ коровой-то сдѣлалось? базынить, да базынить.» Холм.

Балака.—Перекладина (матца) въ домѣ; на балаки стелется потолокъ. Бимсъ въ суднѣ подъ палубою.

Арх. Онеж.

Баланжа.—Старый танецъ на святочныхъ вечерахъ, нынѣ забытый. Холм.

Балукъ, а.—Безтолковый человѣкъ. Шенк.

Балучить. — Баловать, бездѣльничать. «Се лѣта все лѣто пробалучилъ; денегъ домой не принесъ ни копѣйки!» Шенк.

Банки.—Панталоны или подштанники. Шенк.

Банта.—Всякая свѣтлая пуговица на платьѣ, но только не форменная. Пин.

Банточка, —уменьш. отъ банта. Пинеж.

Баранъ, а;—Обручный сгибъ, дѣлаемый на той сторонѣ бороны, куда смотрять зубья; въ баранъ вдѣваютъ два кольца, зацѣпляемые за огобли. Холм.

Барахло, а;—Крестьянское малоцѣнное имущество или рухлядь, какъ то: разная ношебная одежда, рубахи и проч. «А што, братъ, у него, кромѣ барахла, ничово хорошова нѣтъ». — «Только въ дому и добра-то, што одно барахло; у насъ и у самихъ тово много». «Убирай это барахло-то.... што въ немъ будетъ: только мѣшаетъ» Шенк.

Барашки.—Красныя ягоды кустарнаго шиповника. Шенк.

Батарейка, и.—Стружокъ или челнокъ, къ бортамъ котораго придѣланы толстые бруски,—противувѣсы, чтобы не опрокидывался. Мез.

Батары.—Длинные сапоги. Пин.

Батманъ.—Мѣра луку или чесноку, состоящая изъ 120 луковицъ сплетенныхъ лыками, такъ что 30 лу-

ковницъ составляютъ длину батмана, а 4 ширину. Арх., Шенк.

Б а т о г ъ. — Коль, на которомъ носятъ лоханки съ кормомъ скоту. Палка, съ которою ходять заколачивать: десятскіе, перевозчики, церковные сторожа, пролубники, а также для сбора вечеринокъ. Пин. Холм. Шенк.

Б а т о ж е к ъ. — Борода связывается въ клетку по пяти рядовъ въ обѣ стороны изъ батожковъ, по три въ одно мѣсто. Батожки связываютъ вересовою вицею, вкрѣпляя въ каждую клетку спицу или зубъ въ горизонтальномъ положеніи. Холм.

Б а х и л ы. — Мужская обувь съ круглыми голенищами, носками и безъ ранта, — подобно сапогамъ, только гораздо просторнѣе ихъ и не такъ красива. Кем.

Б а ч а г ъ. — Логоватое мѣсто, занесенное весеннею водою. Онеж.

Б е з д о н н и ц а. Растеніе изъ семейства зонтичныхъ. Холм.

Б е з ж а л о б н ы й, ая, ое. — Недостойный сожалѣнія. Холм.

Б е з к о р е н н а я т р а в а; с. ж. — Видъ плауна. Шен.

Б е з к о р о в н и к и. — Семейства крестьянъ, не имѣющія ни одной коровы. Пин.

Б е з л о ш а д н и к и. — Семейства крестьянъ, не имѣющія ни одной лошади. Пин.

Б е з п р о м ы с л и ц а. — Неуспѣхъ въ промыслѣ отъ лѣни и непослушанія рабочихъ. Кем.

Б е з у е м н ы й, ая, ое. — Не легко унимающійся. «Да перестаньте же, орать-то, безуемны вы эдаки!» Холм.

Б е з у т ы ш к о. — Безпрестанно, безъ отдыха. «Онъ ѣсть безутышко». Кем.

Б е р е ж е в о й, ая, ое. — Ближайшій къ берегу. Тотъ карбасъ, который находится первый отъ берега, называется бережевымъ. Арх. Онеж.

Б е р е ж и н а. — Сѣнокосное мѣсто около рѣчнаго берега. Пин.

Б е р е ж н и к ъ. — Рабочій на р. Печорѣ, которому во время ловли бѣлой рыбы или семги даютъ въ руки клечъ (см. у Даля это слово), чтобы онъ, держа ее, ровнымъ шагомъ шелъ по берегу, между тѣмъ какъ другіе рабочіе ѣдутъ въ лодкѣ съ неводомъ. Мез.

Б е с т у ж і й. — Охотливый; старательный; усердный; настойчивый. Наприм. — Бестужъ работать, просить, читать, писать и проч., а также бестужъ что либо и худое дѣлать: воровать, въ карты играть, по ночамъ ходить за худами дѣлами и проч. «Онъ, братъ, б е

с т у ж ъ работать — дож(д)ь не дож(д)ь, погода не погода, — все на работѣ». — «Нѣтъ парень, какъ побестужиссѣ, поработаешь когда хорошенько, дакъ не бось, и поѣшь славно, да и уснешь — не выдаешь ничто.» Арх. Шенк.

Б и л е т н а я в о т ч и н а. — Сѣнокосная или пашенная земля, расчищенная изъ подъ лѣса, на правѣ 40-лѣтняго пользованія ею по билету, выданному отъ лѣснаго начальства. Пин.

Б о б к и. — Луговой клеверъ (Кормовое растеніе). Пин.

Б о г о м о л ы е. — Особые сельскіе праздники, назначаемые по деревнямъ большею частію въ опредѣленные праздники. Арх. Холм.

Б о г о м о л ы ц а. — Эпитетъ матери въ свадебныхъ пѣсняхъ. Напр.

«Во день денна моя печальщица
Во ночь ночная богомольщица,
Ты, родима моя матушка!» Шенк.

Б о е к ъ, й к а. — Палочка съ ремнемъ у шерстобитовъ. Пин.

Б о ж і й б а р а ш е к ъ. — Горлица. *Columba turtur*. Арх., Зим. Золотица.

Б о ж і й к о н и к ъ. — Кузнички. Онеж.

Б о ж у л я, и, (Морск.) — Стрѣлы изъ бревенъ, посредствомъ которыхъ ставятъ мачты въ судно. Кем.

Б о ж ь я л а д о н ь. — Столъ. «Не бей стола, — столъ Божья ладонь.» Онеж.

Б о л ь ч ь. — Больное мѣсто тѣла. Арх. Пин.

Б о н ы. — Плоты или паромы съ лѣсомъ. Арх.

Б о р а й д а т ь. — Браниться, сердиться. — Онеж.

Б о р е ю ш к о. — Молоденькій баранъ. Ласкат. «Бореюшка, бореюшка, на кусочекъ!» Холм.

Б о р о д а з а в и т ь. — Окончить полевую работу, — убрать сѣно, сжать хлѣбъ, оттого борода бываетъ: сѣнная, хлѣбная. Хлѣбная борода завивается въ Шенк. уѣз. такъ: на послѣдней полосѣ оставляютъ кружокъ, который и сжинаютъ всѣ, походя вокругъ; а по окончаніи, завязавши въ снопъ, приносятъ его домой и ставятъ въ большой уголъ — подъ образа, гдѣ снопъ этотъ, простоявъ около недѣли, прикладывается къ мѣсту. Въ Покровскую субботу закармливаютъ этимъ снопомъ скота, давая каждой скотинѣ по немного. Подъ словомъ борода разумѣется также окончаніе какой-либо другой работы, также, если у крестьянина выдетъ весь хлѣбъ или харчъ, то онъ обыкновенно говоритъ: «у меня се

годня борода хлѣбу или такому-то харчу», т. е. къ завтрашнему дню ничего не остается.

Бородачъ. — Серебряной рубль старого чекана. Пинез.

Борщѣды. — Такъ называютъ Ижемцовъ, Усть-цылемовъ, Мохченцовъ. Мез.

Боязко, нар. — Страшно. Арх. Холм. Пин.

Бральница. — Палка, употребляемая въ игрѣ мячемъ. Кем.

Бральщики, с. м. мн. — Тѣ промышленники по морю, которые, не будучи въ состояніи пріобрѣсти рыболовные снаряды, покупаютъ свѣжую рыбу у другихъ или выманиваютъ у Лопарей и солятъ. Кем.

Бральщица. — Женщина, которая собираетъ или скупаетъ полотна и отвозитъ ихъ на продажу въ другіе города; торговка полотнами; перекупщица. Кем.

Бранець, ица, с. м. — Растеніе — молодило или очитокъ. Холм.

Браница. — Пристань для малыхъ судовъ въ Морскомъ заливѣ или въ бухтѣ. Въ Кемі у многихъ домохозяевъ есть свои браницы.

Братскій судъ. — Обсужденіе дурнаго поступка своимъ судомъ, безъ участія мѣстныхъ властей. Выраженіе: «онъ у насъ за то-то былъ наказанъ братскимъ судомъ», означаетъ, что онъ былъ наказанъ своими товарищами. Этотъ судъ существуетъ преимущественно на Мурманскомъ берегу. Кем.

Братъ. — Вышивать. Въ пѣснѣ поется:

Шили, брали коверъ,

Шили, вышивали.

Бродуля. — Человѣкъ, любящій пошляться, погулять или побродить; бродяга. Пин.

Бродчикъ. — Наемный рабочій при семужьемъ заборѣ въ Подпорожѣ Онежскаго уѣзда; получалъ названіе отъ того, что долженъ, при поправкѣ забора и ловлѣ рыбы, бродить въ рѣкѣ, которая тутъ довольно мелка. Онеж.

Бродъ, и. — Мѣсто, занесенное снѣгомъ, по которому, вслѣдствіе того, трудно пройти. «Не ходи тойды: тамъ страшна бродъ!» Холм.

Брызгальница, брызгалька. — Маленькій насосъ, дѣлаемый дѣтьми изъ ствола растенія *Angelica Archangelica*. Холм.

Брюдга. — Провожатая жениха. На берегахъ р. Ояти брюдги — женщины со стороны жениха. Шенк.

Брюковникъ. — Пирогъ, начиненный рубленою парепою брюквою. Шенк.

Брюковница. — Каша изъ брюквы. Шинк.

Бугра. — Шалашъ изъ ивняка, который дѣлаютъ для себя промышленники на р. Печорѣ во время ловли бѣлой рыбы. Мез.

Бузурунка. — Фуфайка у Коляногъ изъ грубой шерсти. Кем.

Буйко. — Парусъ у Устьинскихъ тюленьихъ промышленниковъ, патагиваемый на четыре тонкія строила надъ лодкой, для образованія крыши или палатки отъ холода и непогодъ.

Бульбочка. — Пузырекъ, вскакивающей на водѣ отъ дождя или человѣческаго движенія и сейчасъ-же исчезающей при малѣйшемъ колебаніи ея. Пин.

Буровить. — Чертить чѣмъ либо по землѣ, какъ бы подвигая оную впередъ, отъ чего дѣлаются увалы и неправильныя борозды. Напр., если ѣхать зимой по глубокому снѣгу, то предъ санями снѣгъ буровится, т. е. дѣлаются изъ него увалы, что знач. снѣгъ буровить и лошади отъ того тяжело. Если плыть по рѣкѣ въ лодкѣ и во время того опустить въ воду какую либо вещь, или хоть руку, — то отъ ней вода будетъ буровиться, и лодка пойдетъ уже не столь скоро. Шенк.

Бурса. — Временная артель промышленниковъ, соединяющихся для общаго лова бѣлуги обметными неводами. Зимн. берегъ.

Бучень. — Моховая пчела или дикая малая. Пин.

Бѣлоноги. — Толстыя жерди, поставленныя въ рѣку, когда она покроется льдомъ, въ нѣкоторомъ одна отъ другой разстояніи, поперегъ рѣки. Бѣлоноги эти, когда они вымерзнутъ, служатъ основаніемъ забираемаго подъ льдомъ еза для ловли рыбъ. Шенк.

Бѣлышъ. — Яичный бѣлокъ. Арх. Шенк.

Бѣльницы. — Небольшія поля, засѣваемые льномъ. Холм., Шенк.

В.

Вага. — Круглая оглобли бороны. Пин.

Валовой. — Говорится о содержаніи быковъ и знач. быкъ не откармливаемый, а кормящійся обыкновеннымъ кормомъ — валовымъ сѣномъ. Холм.

Вальчагъ. — Семга, долго бывшая въ рѣкѣ, избившаяся, исхудалая, тощая, съ пятнами на бокахъ и закорючившимся носомъ; такую она становится подъ осень. Кем.

В а л я в е ц ь.—Небрежный; негодный. Наиболее же прилагается къ слову пьяница и увеличивает обширность смысла этого слова. «Ахъ ты, пьяница—валявица, и весь ты въ грязи какъ свинья». Мез.

В а р а к а.—Каменная небольшая гора; крутой высокой бугоръ. «Пойдемъ на вараку», т. е. на бугоръ. Нѣмецкая варака—одинъ изъ острововъ, называемыхъ Кузовами, близъ Кемп.

В а р а к о с и т ь.—Болтать; говорить пустяки, вздоръ. Кем.

В а р з у г а.—Тотъ сортъ бѣломорской семги, который ловится въ р. Варзугѣ. Кем.

В а р и х а.—Двѣ перекладыны, идущія вдоль самодскаго чума. Мез.

В а р ь.—Сила; мочь. «Ужъ я во всю варь кричалъ, да нѣтъ—не слышитъ». «Эдакъ вѣдь онъ во всю варь ломить ворота—ти, поди отопрѣ». Пин. Шенк.

В а с ю х и.—Такъ наз. маленькая особаго рода рыба, обитающая въ лужахъ, лывахъ, лягахъ и т. п. водохранилищахъ. Пин.

В а я к с а.—Рыбы молоки, иначе вязига или макса. На Мурманскомъ берегу.

В е з е л ь.—Мышій горошекъ. Пин.

В е р е в к а.—Размѣриваніе земли при дѣлежѣ посредствомъ веревки. «Я помню, какъ первая веревка была». Холм.

В е р е в н ы я к н и г и или дѣлевья. — Книги, въ которыя записываются при разверстаніи полей между крестьянами, кому какія именно поля и на какомъ пространствѣ припались въ надѣлѣ. Шенк. Холм.

В е р е т е н ь я.—Четыреугольная корзинка съ глухой полукрышкой, въ которую кладутъ веретена бабы, или продаютъ ихъ носильщики. Пин.

В е р е т н о.—Стрекоза. Холм.

В е р е х ь.—Самая ничтожность. — «Все до вереха выграбастилъ». Пинеж.

В е р и г а.—Соръ въ зерновомъ хлѣбѣ. Пин.

В е р ш н а.—Верховая лошадь. Шенк.

В и н ь г а т ь с я.—Хныкать; просить сквозь слезы; не плакать, а лишь показывать плачь. Онеж.

В и ц е я.—Дира въ ручныхъ жерновахъ. Пин.

В л а д ч и к и, овъ. — Такъ называются въ Соловецкомъ монастырѣ дѣти, отданныя туда на временное жительство по обѣщанію родителей, которые вносятъ за нихъ вкладъ 100 руб., вслѣдствіе чего тѣ освобождаются отъ обязательной работы. Арх.

В о в к а.—Собака. Пинеж.

В о л о ч у г а.—Небольшой возъ сѣна, или нѣсколько кучъ травы, сложенный на телегу или на сани для того, чтобы увезти съ луга къ дому. — Въ Пингшескомъ приходѣ Холмогорскаго уѣзда, волочуга составляется изъ пяти кучъ сѣна.

В о р г а.—Мѣсто, занятое силками для ловли птицъ. Пинеж.

В о р о н ь и с а п о ж и.—Ноги, замаранныя въ грязи, отъ которой кожа разщелилась и иногда идетъ кровь,—болѣе у дѣтей. Пинеж.

В о р о т о в о й.—Мѣдный котелъ, въ которомъ варятъ пиво. Есть еще путишной котелъ, который по величинѣ менѣе воротоваго и берется промышленниками съ собой при отправкѣ въ лѣсъ на промыселъ птицъ и звѣрей. Шен. Пин.

В о р о т я ш ь.—Возвращеніе; отдача обратно. Пин.

В о с п ѣ н ы—пирогѣ—Продолговатые на тонкихъ, сканыхъ коркахъ, зубчато загнутыхъ по краямъ, изъ ячменной крупы, облитой пѣной или сметаной. Пин.

В о с я к ь.—Изгородь у покосовъ. Шенк.

В п р у н ь.—Великій плутъ. Пин.

В ы г а л ь н о.—Смѣшно. Холм.

В ы х о д и т ь.—Обольстить; имѣть женщину. Арх.

В ы щ е р б я к ь.—Окрайный отломъ у ножа, топора, вообще востраго; также отшибленный край чаши, рюмки и проч. Пин.

В ѣ к о, вико. — Брышка отъ бурака или лукошка. Шенк.

В ѣ т р е н н ы й к о л о с ь.—Дикая рожь. Шенк.

В ѣ т р е н н ы й, ая, ое. — Приплывшій при посредствѣ вѣтра. Вѣтренные гости—гости, прѣхавшіе въ селеніе моремъ, а не сухимъ путемъ. Вѣтренный корабль. Кем.

В ѣ т р и л о.—Родъ ямы, устраиваемой передъ входомъ въ соляную варницу. Въ эту яму, посредствомъ широкой трубы, проводится къ чрену воздухъ для раздуванія огня. Онеж.

В ѣ щ а т и п ь е, я. — Лѣкарство; снадобье.

В я з б а—Узоры, выметанные по ниткамъ основы полотна, изъ котораго выдернуты предварительно нитки утока. Шенк.

В я з б л е н ь е.—Дѣланіе вязбы. Шенк.

В я з к а.—Веревка, которая закладывается коровѣ или овцѣ за рога и за которую ихъ водятъ. Пинеж.

В я х ь.—Цикута. Шенк.

Г.

Г а л и т ь.—Лгаться; бить задними ногами. — «Лошадь галить,—не подходи!»—Въ переносномъ смы-

слѣ о человѣкѣ значить: удивлять, смѣшить, безчи-
ничать, выходить изъ благопристойности, — **г а л я т ь** —
с я. **К е м.**

Г а л у х а. — Посмѣшище. **П о т ѣ х а.** **П и н е ж.**

Г а л ь. — Верхъ; высота. «Бросить мячикъ, камешекъ
въ галь.» «Устрѣлить птицу на галу.» **А р х.**

Г л а д ь. — То же, что лапта; воронова гладь въ
Большеземельской тундрѣ. **М е з.**

Г л ы з к а. — Кусочекъ чего-нибудь. — Глызка саха-
ру — о г л ы з о ч е к ѣ (огрызочекъ). **К е м.**

Г н у ч к о й, а я, о е. — Гибкій. **Х о л м.**

Г о в о р к о. — Слишкомъ громко говорить. **П и н.**

Г о в о р к о й, а я, о е. — Разговорчивый. **П и н е ж.**
Х о л м.

Г о д о в щ и н а. — Часть рыболовныхъ угодій; въ
сел. Пингшѣ рыболовныя угодья раздѣляются между
поселянами на 4 годовщины, примѣнительно къ четы-
ремъ десяткамъ или отдѣламъ, на которые раздѣлено
все селеніе. **Х о л м.**

Г о л о в а. — Возвышенная часть острова или верх-
ній конецъ его. — «Онъ меня на головы ждеть.» **А р х.**

Г о л о в о й. — Всѣ до одного. «Ушли изъ дома всѣ
головой.» **К е м.**

Г о л о д а й. — Бѣдный человѣкъ, не всегда имѣющій
достаточное пропитаніе. Въ Пингшскомъ селеніи жи-
тели Зарѣчья называются въ насмѣшку голодаями:
«Зарѣчане — голодаи.» **П и н.** **Х о л м.**

Г о л ы ш ь. — Небольшая бѣленькая рыбка, въ родѣ
корюхи. **П е ч е р.**

Г о л ь т ь н и к а. — Тоненькая пластинка изъ сосно-
ваго дерева. Гольтинка употребляются на плетеніе ку-
зововъ и коробовъ. **Ш е н к.**

Г о м у л ь к а. — Большой платокъ, получаемый въ
даръ невѣстою отъ жениха. **П и н.**

Г о м ы л ь к а. — Большой платокъ, которымъ закры-
ваютъ невѣсту; — его дарить женихъ передъ отъѣздомъ
къ вѣнцу.

Свад. пѣсня: **П а л а г о м ы л ь к а**

На буйную головку,

Ее вѣтромъ не сдуетъ

И частымъ дождемъ не смочить.» **П и н.**

Г о р б ы л и с т а я. — Пахатная земля на возвышен-
ныхъ мѣстахъ, считающаяся лучшею, потому что она
защищена отъ дѣйствія морозовъ, какіе бывають часто
на низменныхъ мѣстахъ (отъ вліянія болотъ). **П и н е ж.**
Но, если она бываетъ на очень возвышенныхъ мѣ-

стахъ, не заливаемыхъ во время весеннихъ разливовъ
водою, и скоро высыхаетъ, то считается посредствен-
ною землею. **Х о л м.**

Г о р н я я а р т е л ь. — Артель рабочихъ, на обяза-
ности которыхъ лежить — относить товары изъ магази-
новъ въ барки и обратно. **А р х.**

Г о р ш о к ѣ, ш к а. — Большая яма въ землѣ въ
дѣтской уличной игрѣ «изъ-за ломъ.» **К о л.**

Г о р я ч и. — Почетный пиръ послѣ свадьбы. **А р х.**

Г р а н к а. — Швейная игра съ трехграннымъ кон-
цомъ. **К е м.**

Г р е б е н ь. — Одинъ изъ столбовъ, на которомъ со-
оружень амбаръ. **П и н е ж.**

Г р я д а, ы. — Не большое сухое мѣсто на болотѣ.
Х о л м.

Г р я д о ч к а, и. — Птичья западня. **М е з.**

Г у б н о й д о ж д ь. — Грибной, рѣдкій дождь. **П и н.**

Г у с е л ь. — Плесень. **П и н е ж.**

Г у с е л ы й, а я, о е. — Заплѣсневавшій. **П и н е ж.**

Д.

Д в о й н и. — Изба и горница, поставленная вмѣстѣ,
одна возлѣ другой. **Ш е н к.**

Д е в я т к а, и. — Девять фунтовъ хлѣба, которые
солдаты получаютъ изъ казны на три дня на прокорм-
леніе. **П и н е ж.** Сосновая доска, длиною въ 3 саж.,
толщиною въ 3 дюйма, а шириною въ 9 дюймовъ.
П и н е ж.

Д е д е л ю х а, и. — Плотная полная женщина. **Х о л м.**

Д е р е в у ж и п а. — Дерево чрезвычайной толщины. **П и н.**

Д е р ж а т ь. — Быть воспріемникомъ. «Онъ мнѣ кумъ;
я у него дочь держалъ.» **Х о л м.**

Д е с я т о к ѣ, и. — Отдѣлы, на которые раздѣлено се-
леніе для удобнѣйшаго пользованія рыболовными или
земляными угодьями. Десятокъ заключаетъ въ себѣ
различное число душъ. Напр., въ селеніи Тулгасскомъ
заключаетъ 50 душъ, въ Пингшскомъ $\frac{1}{4}$ всего на-
селенія.

Д е с я т с т в о. — Очередное отправленіе должности
десятскихъ. **П и н е ж.** **Х о л м.**

Д и к а. — Такъ назыв. ту бабку, которую бьютъ въ
конь, если она упадетъ плоскимъ бокомъ паружу.
Ш е н к.

Д н и щ е. — Пространство въ 20 верстъ, которое Са-
моѣдъ можетъ проѣхать въ одинъ день на тяжело на-
груженныхъ оленяхъ. **М е з.**

Догнуть.—Донять. «Он парень, сегодня насъ какъ да догнул о: неѣвши весь день до заката пробыли.» Или: «Догнетъ онъ уже васъ работой-то; у него не вывернитесь изъ рукъ-ту.» Или: «Такъ эта насъ ходьба то догнула, што просто, мы безъ ногъ сѣблялись.» Шенк.

Долбарь, и.—Рабочій, обязанность котораго состоитъ въ долбленіи льда на озерѣ при такъ называемой подледной ловлѣ рыбы. Холм.

Долгарь, я.—Длинное полѣно, изъ котораго выходятъ три обыкновенныхъ полѣна; долгарами обжигаютъ кирпичи. Кем. Мез.

Домашникъ, ница.—Сторожъ; караульщикъ; охранитель дома во время отсутствія хозяевъ его. Пин.

Допоконить.—Присматривать и кормить до конца жизни кого нибудь; напр. престарѣлыхъ родителей. Арх.

Доръ.—Хорошо сходить съ рукъ товаръ. «Ну ужъ какой сегодня доръ на рыбу, все расхватили.» Ярмарочное.

Доски.—Та же перегородка, которая иначе называется Солнышемъ. Вступить или положить—что въ солнышь: «за доски.» Пин.

Дояха.—Дойная корова. Холм.

Дудка.—Деревянный чубукъ, длиною отъ 1/2 до 3/4 аршина, употребляется морскими промышленниками при ловлѣ акулъ. Кем.

Дуровя.—Шала.—«Вамъ што не настряпай, вы дуровя все переѣдите, а къ обѣду и ѣтъ ничего.» Онеж.

Дурь, и.—Скопленіе матеріи въ нарывахъ. Кем.

Дѣлать рыбу.—Отрѣзать голову, вынуть внутренности и пр., — приготовить ее въ томъ видѣ, какъ употребляется она въ пищу. Кем.

Дѣлальщикъ, и.—Добросовѣстные крестьяне, выбираемые изъ среды общества для разверстки. Пинеж. Холм.

Дѣло, а.—Участокъ сѣнокоснаго луга, который долженъ, при ежегодномъ раздѣлѣ сѣнокосовъ, достаться на долю крестьянскаго десятка, который въ свою очередь передѣляетъ его между собою. Шенк.

Дягнуть.—Становиться лучше, здоровѣе. «Ребенокъ нисколько не дягнетъ», т. е. все слабъ, не растетъ. Мезен.

Е.

Екать, екнуть.—Колотить, ударять съ большою

силою. Прим.: «Ужъ я такъ заекалъ сваю-то, што у меня не добудешь.»—«Охъ, парень, какъ да екнуло... Это-то, видно, тамка выстрѣлялъ.»—«Онъ шель по льду столь круто, да и укатилсѣ, да какъ екнулъ головой-то, о ледъ-то, дакъ только голова мило спѣла!» Шнк.

Ела.—Четырехъ-весельный корбасъ, употребляемый на ловлѣ трески по Мурманскому берегу. Ела имѣетъ носъ и корму весьма острые и одинъ прямой парусъ. Кем.

Елуй, елуница.—Для просушки трески вбиваются въ землю бревна, на которыя кладутъ перекладины елуницы. На этихъ перекладинахъ утверждаютъ длинную жердь, на которую и развѣшиваютъ рыбу. Все это вмѣстѣ и называется елуй. Кем.

Емяо.—Сильно, чувствительно. «Ничего-таки: оно не порато, а емко—будешь поминить. Пин. Холм.

Ендана, ы.—Широкій ремень изъ черной, бѣлой или красной кожи, повязанный поперегъ оленя, по спицѣ и брюху. Мез.

Ера, ы.—Довольно густой ивовый кустарникъ. Зырянское.

Ератикъ.—Коль, къ которому привязываютъ лошадь, когда она пасется на огороженомъ лугу. Пин.

Ересной, ая, ое.—Относящійся къ колдовству. «Онъ ересно знаетъ: умѣетъ колдовать.» «Поскорѣшенько бросился къ ересной книгѣ.» Пѣсня Шнк.

Ересъ.—Сварливость; бранчивость. Пин.

Еровшикъ.—Крестьянинъ, завѣдывающій артелью при такъ называемомъ подледномъ ловѣ рыбы. Холмог.

Ессуй.—Врытые въ землю столбы, на которые кладутъ перекладины или жерди для сушенія на нихъ трески. Кем.

Ж.

Желѣзные ворота.—Тѣсный проливъ между островомъ и материкомъ или между одними островами, весьма глубокий и расположенный такъ, что въ немъ, во время морскихъ приливовъ или отливовъ, происходитъ стремительное теченіе воды. Такъ Мудьюжскій островъ, при низменномъ концѣ своемъ, который отстоитъ отъ берега не болѣе 200 сажень, имѣетъ весьма покатое къ открытому морю мѣсто, простирающееся въ длину сажень на 80, и потому при отливѣ здѣсь бываетъ непожѣрная быстрина. Сіе мѣсто и называется Желѣзными воротами; оно составляетъ узкій проходъ въ мелководный заливъ Бѣлаго моря, называемый Су-

х о е м о р е . Въ ономъ есть пристанище Монастырское, защищенное съ южной стороны длинною каменною грядою, отъ конца коей недалеко находится луда, — и сіе тѣсное мѣсто также называется Желѣзными воротами. Въ срединѣ Бѣлаго моря, между островами Соловецкимъ и Муксомы, лежащимъ отъ перваго къ востоку, также есть Желѣзные ворота. Таковыя-же ворота есть между Вайгачемъ и Новою Землею.

Ж е р н о в о й з у б ъ .—Коренной зубъ. Шенк.

Ж и в о й к а м е н ь .—Плодъ американскаго растенія мимозы; носимый долгое время водою и напитавшійся солями, плодъ этотъ получаетъ значительную твердость и тяжесть. Кем.

Ж и в о й р у к о й .—Живо; скоро. «Ужъ ты на счетъ этого не безпокойся: я живой рукой сбѣгаю!» Пин.

Ж и в у л ь к а , и .—Водяной жукъ. Пин.

Ж и р о в а я и з б а .—Избушка въ лѣсу, —временное жилище лѣсныхъ промышленниковъ. Пин.

Ж о л о б ъ , а .—Длинное, узкое углубленіе на днѣ моря. Кем.

Ж о х о м ѣ .—Не поѣвши. «Што жохомъ-то робить: поѣдимъ на перво.» Холм.

Ж о х ѣ .—Самый старыи; старожила; коренной житель. Пинеж. Холм.

З.

З а б о р и ц а .—При ловлѣ трески на Мурманскомъ берегу: отдѣленное мѣсто на маякѣ для укладки выловленной рыбы. Кем.

З а б о р о ч н и к ѣ , а .—Нанизанные на нитву стеклянные шарики разныхъ цвѣтовъ; ихъ носятъ крестьянки на шеяхъ. Шик. Кем.

З а б о й н и к ѣ .—Лѣсъ, употребляемый на рыбные заколы. Арх.

З а б о ч е ш н и к ѣ , а .—Рабочій въ карбасѣ на промыслѣ моржей. Мѣсто его на средней банкѣ карбаса. Ихъ два въ морской артели. Они управляютъ сборами, чтобъ они не запутались, притягиваютъ ихъ, когда звѣрь поднимется къ верху, и опускаютъ, когда онъ удаляется въ глубину. Ихъ же обязанность подавать другимъ носки, синцы, багры, хватать выпавшіе местини, на которыя насаживаются носки, спускать въ воду. Кем.

З а в а л ы .—Замыты въ рѣкѣ пни и корни деревъ, камня и др. предметы, препятствующіе ходу невода. Пин.

З а в ѣ с к и , о к ѣ .—Родъ ставныхъ сѣтей, располагаемыхъ особеннымъ образомъ у морскихъ береговъ, вдоль которыхъ идетъ семга, стремясь въ рѣки, именно, одинъ рядъ, утверженный на кольяхъ сѣтей ставится отъ самаго берега перпендикулярно къ его направленію: эта часть называется стѣною. Другой рядъ сѣтей примыкаетъ своей серединою къ первому, идя къ нему перпендикулярно, и, слѣдовательно, параллельно берегу; другими словами, образуетъ съ первымъ рядомъ фигуру, подобную буквѣ **Г**: это такъ-называемый заводъ или заводъ. Въ концѣ его приставляется тайникъ: сѣть, въ формѣ полукруга или многоугольника, обращенная отъ верстемъ къ стѣнѣ. Доступъ въ тайникъ суженъ двумя сѣтями, идущими косо, внутрь сего послѣдняго отъ обѣихъ его оконечностей, поставляющими между собою только узкій входъ—воротцы. Онеж. Мез.

З а в ѣ т и т ь .—Завѣчать. «Ну, завѣть, чтонибудь: я погадаю выйдетъ-ли, не выйдетъ?» Кем.

З а в ѣ ч а т ь .—Загадывать. Кем.

З а г л у з д а т ь с я .—Замѣшаться; оторопѣть. «Чево ты заглазудеся.» Онеж.

З а г р е б н ы й , а я , о е .—Заграбленный, незаконно присвоенный. «Загребный выгонъ.» Шик.

З а г у с ѣ т ь .—Заплеснѣвътъ. Пин. Холм.

З а д а т ч и к ѣ , а .—Должникъ, получающій продукты отъ торговцевъ въ счетъ будущихъ промысловъ. Холм.

З а д а ч а , и .—Дача денегъ и провизіи впередъ, подъ будущіе промыслы, покрутчину хозяиномъ Мурманскихъ тресковыхъ промысловъ. Кем.

З а д е р ж к а , и .—Занавѣска у окна. Пин.

З а д е р и х а , и .—Женскій повойникъ. Онеж.

З а д и с т ы й , а я , о е .—Задній; сзади слѣдующій. «Задистый возъ.» Шик.

З а д о р и т ь с я .—Завидовать. Холм.

З а д о р о г а , и .—Засовъ у двери. Шик.

З а е м н ы м ѣ ч и с л о м ѣ .—Займообразно. Холм.

З а з у б р а , и .—Остріе уды или серпа. Пин.

З а н и м а т е л ь , я .—Берущій въ долгъ. Онеж.

З а к а т и м о й , а я , о е .—О солнцѣ: закатающийся. Пин.

З а к о р ы ш ѣ , а .—Личинка жука, живущая подъ корою дерева. Холм.

З а к р о б к а , и .—Семга, попадающаяся съ половиною іюля до половины августа, болѣе крупная, чѣмъ та, которая попадаетъ лѣтомъ, поменьше осенней. Мез.

З а к р о й к а , и .—Семга, которая идетъ изъ моря въ рѣки, вскорѣ послѣ вскрытія льда, т. е. въ концѣ мая

и началъ іюня. Она преимущественно икрная. О не ж.

З а л а з и.—Верхушки деревьевъ, очищенные отъ вѣтвей, которыя оставляются только на самой верхушкѣ, на подобіе колпака. Очищается вершина дерева путешественниками, по мѣстному обыкновению, существующему въ нѣкоторыхъ пустынныхъ мѣстностяхъ Мезенскаго уѣзда, именно того дерева, около котораго разводятъ огонь. Мез.

З а л е д н ы й, ая, ое.—О рыбѣ: самый ранній, проявляющійся первымъ по вскрытіи воды. О не ж.

З а м а н и х а, и.—Мѣсто въ кулемѣ, гдѣ владется привода. Пин.

З а м е т л а,—Задвижка. (Арх. Губ. Вѣд. за 1870 г. № 91).

З а м к и.—Удила у возжей. Слово это старинное; такъ видно изъ Сборника актовъ Холмогорскаго собора, г. Хоревича, (Арх. Губ. Вѣд. за 1869 г. № 12) что въ старину возжи были съ замками.

З а м о р а, ы.—Крестьянинъ, бывший много разъ за моремъ. Арх. Шик.

З а м у х о р и т ь с я.—Опуститься, потерять энергію, сознание собственнаго достоинства. Шик.

З а п л а с о к ѣ, с к а—Соръ, выбрасываемый водою на отлогіе берега. Шик.

З а н о п у т ь е.—Встать; при случаѣ; при оказіи, по пути,—сдѣлать что либо. Примѣры: «За попутье и мнѣ отрѣжь хлѣба». «Давай, ужъ за попутье, и это возьму». Пин.

З а п р е ж ь е, я.—Упряжь. Холм.

З а п у с к ѣ, а.—При вываркѣ соли: когда образуется чрезъ выпариваніе морской воды засолъ, то огонь, до того ослабленный, усиливается, и потомъ начинаетъ постепенно и окончателно ослабляться, пока не исчезнетъ вода и не останется чистая соль. Эта послѣдняя часть процесса и называется запускомъ, который продолжается отъ 4—5 часовъ. Бем.

З а с л о в и т ь.—Тоже, что «з а л о ж и т ь с л о в о». Пин.

З а с о р и н а.—Тоже что з а в а л ы и з а д ѣ в ы. Пин.

З а с о ч к а, з а с а ч и в а н і е.—Въ началѣ весны, когда дерево начинаетъ наполняться сокомъ, крестьянинъ сдираетъ съ сосенъ кору, начавъ съ такой высоты, насколько его росту и руки съ топоромъ хватаютъ, а ежели высокъ стволъ,—то насколько приставленная къ нему троеступенная лѣсенка позволяетъ. Но какъ крупныя лѣса въ смолокурныхъ уѣздахъ вывелись, то

промышленникъ довольствуется мелкими, снимая кору съ нихъ отъ начала развѣтвленія дерева до самаго корня его. Съ сѣверной стороны оставляетъ на деревѣ ремешъ или поясъ коры шириною въ ладонь, или въ 3 перста, смотря по толщинѣ дерева, дабы оно не подсохло. Эта работа называется засочка. Шенк.

З а с т о р о н о к ѣ, н к а.—Мѣсто на русской печи по обѣимъ сторонамъ печной трубы. Холм.

З а т о р ь, а.—Ледъ при вскрытіи рѣки нанесенный въ одно мѣсто и ломающійся отъ напору новыхъ льдинъ. «Заторъ идетъ». О не ж.

З а у р е я, и. Полярная сельдь,—нѣжная, крупная и бѣлая; она заходитъ въ Печору, но и поднимается выше Пустозерскаго селенія, то есть верстъ на 100 отъ моря. Мез.

З а ф у р а й д а т ь—О вѣтрѣ; зашумѣть. Бем.

З а ф у р и т ь.—Очень дорого запросить. Пин.

З а х а л я в и т ь.—Заплакать. Бем.

З а х о р а й д а т ь.—Заскрипѣть. Бем. Холм.

З а х р е б е т н ы я д е н ь г и.—Капиталъ отдѣльнаго члена семьи; также общественная или церковная запасная сумма на черный день. Шен.

З е л е н ы й г о д ѣ.—Неурожайный годъ. Пин.

З м ѣ н ы ш ь, а.—Костоѣда на пальцахъ. Пин. Холм.

З н а т к и й, ая, ое; з н а т о к ѣ, т к а, т к о.—Видный, примѣтный. «Рубецъ на лицѣ и теперь знатокъ». «Пятно то еще знатко.» Шенк. Холм.

З о л о т а я к а ш а.—Ячменная каша, которую ѣсть невѣста съ подругами предъ началомъ смотрѣнья. О не ж.

З у б и т ь.—Спорить; отговаривать. «Онъ одно свое зубить». Шик.

З у б ь я.—Гранитные камни, прерывающіе песчано-землистую почву вокругъ Мезенскаго и Двинскаго заливовъ.

З у н ь я, и.—Вертушка. О не ж.

И.

И г р о м ы й, ая, ое.—Тоже что и г р о в о й. «У меня кошечка есть, да такая и г р о м а я.» Холм. Пин.

И ж е м к а.—Большая бочка, въ которую складывается крупная рыба: семга, сига и пр. Печерское.

И ж ь, а.—Большой рыболовный снарядъ, вмѣщающій до 30 пудовъ рыбы въ одинъ пріемъ. Онъ представляеть большой мѣшокъ изъ мелкой сѣти, а въ иныхъ

мѣстностяхъ изъ ивовыхъ прутьевъ. Въ немъ устраи-
вается 4 горла или помещенія для рыбы. Холм. Пин.

Избездечистить.—Обездечистить. «Онъ на меня жа-
лобу подасть: скажетъ избездечистила». Холм.

Избоитье, я.—Мытье избъ. Пин.

Изерги.—Серги. Шик.

Излѣшакнуться.—Промзнести слово: чертъ, лѣ-
шій; послать къ лѣшему. Пин.

Измырѣть.—Обжиться. Кем.

Исконвѣкъ.—Изстари; издавна. Холм.

Исперестись.—Нести или тащить сверхъ силы и
отъ того сдѣлаться нездоровымъ. Пин.

Исприбиться.—Очень устать. Мез.

Испристать.—Устать; потерять силу. «Я севодня
какъ сука испристала, едва ноги вомочу; вѣдь день-
деньской на ногахъ, да на ногахъ все». Холм.

Истоконно.—Тоже, что истоно. «Нечего спо-
рить вамъ ребята! истоконно, што межа здѣсь
была». Кем.

К.

Кабальные промыслы.—Такъ называются про-
мыслы семги въ Поморѣ вслѣдствіе того, что кресты-
яне подвергаются сильной эксплуатаціи со стороны бо-
гатыхъ, забирая у нихъ въ долгъ и расплачиваясь вы-
ловленной рыбой, которая идетъ такимъ образомъ гораз-
до ниже настоящей цѣны. Кем.

Кабачарово.—Кабакъ. Пин.

Кавалогий.—Человѣкъ, лишившійся отъ чего
бы то ни было пальцевъ у ногъ и потому ходящій не
такъ твердо, какъ здоровый. Пин.

Кавкаты.—Мяукать. Холм.

Кайковало.—Нерѣшительный. Арх.

Кайковать.—Разговаривать о своемъ горѣ; ту-
жить. «Да што они тутъ по пустякамъ то кайкують». Холм.
Недоумѣвать; нерѣшаться ни на что «Покайко-
вала, покайковала, да и руки опустила». Арх.

Калега, и.—1. Мѣсто въ морѣ, гдѣ ловить кам-
балу. 2. Неводъ для ловли камбалъ. «Уѣхали съ ка-
легой». Онеж.

Каличить.—Просить милостыню. «А сунь-се-ко въ
окно-то поглядь, много ли ихъ тамошки каличить». Шик.

Кальга.—Мѣшокъ, сумка. Арх.

Каменное морское дерево.—Поморы при-
возятъ изъ Норвежскаго залива, гдѣ его вытаскиваютъ
рыболовы на снастяхъ. Въ Архангельскѣ въ каждомъ

почти домѣ оно составляетъ украшеніе. Это не растеніе,
а вмѣстилище множества животныхъ.

Кандовый.—Кандовое дерево, мелкослойное съ
плотной древесиной. Арх.

Карасихи.—Морскія птицы на Новой Землѣ, слу-
жащія предметомъ промысла.

Карбасничать.—Заниматься перевозомъ товаровъ
на своемъ карбасѣ. Холм.

Каша, и.—Праздникъ жатвы; тоже, что въ другихъ
мѣстахъ волошья. Пинеж.

Кашница, ы.—Женщина, участвующая въ помочи
на житвѣ и въ празднованіи окончанія работъ. Пинеж.

Каяфа.—Тоже, что горланъ. Зимн. Берегъ.

Кеды.—Морскіе промыслы. Крестьяне Пинежскаго
уѣзда, отправляясь на морскіе промыслы идутъ по такъ
называемому Кедовскому пути, къ Кедовскому мысу;
отчего идти на кеды—стало употребляться въ смыслѣ
идти на промыслы. Пин.

Кейкала, и.—Деревянная дощечка, съ изображе-
ніемъ на ней особеннаго знака, привѣшиваемая на шею
олена на ремешкѣ—для распознаванія кому принадлежитъ
животное. Кемск.

Кемь, и.—Семга, вылавливаемая въ рѣкѣ Кемь.

Кидаситься.—Франтить. «Экъ кидасится, ужъ
будто и всѣхъ болѣе вынарядилась». Холм.

Кинжа, и.—Желѣзко, вставляемое въ топориче у
обуха, гдѣ въ него всаживается топоръ. Пинеж.

Кипитка, и.—Птица изъ семейства чаекъ. Зимн.
Берегъ.

Киричи.—Бубновая масть въ картахъ. Пин.

Киты, овъ.—Косы изъ волосъ на головѣ и бо-
родѣ. Пин.

Кичайдать.—Идти. Кем.

Кладовой, ая, ое.—О возѣ, большой; полный.
Кладовыми возами мѣряютъ сѣно. «Эта пожня на два
кладовыхъ воза.» «Я купилъ у него сѣна столько то
кладовыхъ возовъ». Холм.

Клетецъ, тца.—Домашній жерновъ. Шик.

Клопы морскіе.—Промышленники описываютъ
ихъ черными, шестиногими, величиною немного боль-
ше домовыхъ клоповъ. Въ лѣтнее время появляются и
страшно мучать моржей и др. звѣрей, такъ что моржи
выходятъ на берегъ и на льдины. Озерецковскій дума-
етъ, что это то самое маленькое жестокое, которое
у нѣкоторыхъ натуралистовъ описано подъ именемъ
китовой вши.

Клѣтка, и.—Маленькое крытое помещеніе на плотяхъ. Самый плотъ съ такимъ помещеніемъ.— «Много клѣтокъ наѣхало.» Шн к. Х о л м.

Ключикъ, а.—Водяной пузырекъ. П и н.

Ключовка, и.—Поваренная соль, вывариваемая изъ ключевой, а не изъ морской воды. О н е ж.

Клюшить. — Бить, колотить; щелкать. О н е ж. Ш н к.

Кобайдать.—Чесаться. «Кобайдать» — чешется. О н е ж.

Ксжа, и.—Стада моржей. «Сколько кожи въ морѣ, столько пня въ лѣсу». К е м. Промышленники, собравшіеся для ловли наживки, когда они отдыхая лежатъ рядами на берегу. К е м. Убитый морской звѣрь. «Што многи ли кожи пни? каковы промыслы?—А по десяти кожъ попало на лодку!» М е з е н.

Кѡзень, з н я.—Бабка въ извѣстной дѣтской игрѣ. П и н.

Кола, ы.—Такъ называется въ продажѣ семга, вылавливаемая на Мурманскомъ берегу. К е м.

Колайдать. — Стучать; колотиться; говорить скоро, невнятно. О н е ж.

Коловоротная сажень.—Маховая сажень.

Колпакъ, а.—Головной уборъ, надѣваемый невѣстою на сватаньи, когда она идетъ въ другую половину дома, къ дѣвцамъ плачевымъ. Ш е н к.

Колыбъ, и.—Лейка для литья пудъ. К е м. Х о л м.

Комистый, ая, о е.—Состоящій изъ комьевъ. «Комистая земля.» Ш н к.

Моуха, и.—Чертополохъ. П и н.

Коневальцо, а.—Жало насѣкомаго; то же, что жигало. Н и н.

Коновязъ, и.—Нисшаго качества луговая земля; собственно выгонъ, гдѣ кормятъ лошадей, привязывая ихъ къ кольямъ. П и н. О н е ж.

Копачъ, а.—Желѣзная лопата; заступъ,—толстый кусокъ желѣза, заканчивающійся тупымъ остриемъ и насаженный на короткую палку. П и п е ж.

Копище, а.—Мѣсто, ископанное копытами оленей. «Перемигнуть копище» — у Самоѣдовъ значитъ переключать на другое мѣсто за недостаткомъ моха, съѣденнаго оленями. М е з е н.

Коповастый, ая, о е;—стъ, а, о.—Тоже, что копунъ. П и н.

Копорка, и.—Копорскій чай или Иванъ-чай. П и н.

Колырза, ы.—Сварливый; вспыльчивый. Ш н к.

Копчакъ.—Ракообразная пища навагъ и семги. К е м.

Корайдать.—Холонуть; мерзнуть. «Днемъ-тебыло солнопечно, а къ вечеру закорайдало». О н е ж.

Коренная вода.—Вода съ пѣной, появляющаяся иногда тотчасъ послѣ водопомя, иногда нѣсколько дней спустя; появленіе ея обусловливается вскрытіемъ дальнѣйшихъ притоковъ главной рѣки, позже освобождающихся ото льда. Въ Холмогорахъ причиной коренной воды считается вскрытіе Вычегды. Х о л м.

Корка, и.—Переплетъ книги. А р х.

Коровникъ, а.—Скупщикъ коровъ. Х о л м.

Коровьевымечко.—Ятрышникъ. Ш е н к.

Корытки.—На соляныхъ варницахъ. маленькіе извлекательные чрены, поставленные въ углахъ большаго чрена; на нихъ, во время кипяченія разсола, садится песокъ и вообще постороннія вещества. А р х.

Котанко, котейко.—Ласкательныя слова, обращаема къ коту. Ш н к. Х о л м.

Кѡхтѣга.—Снѣжное или дождевое облако. О н е ж.

Кочерникъ, а.—Лѣсъ съ вѣтвистыми и сучковатыми деревьями. П и н.

Красигорка. — Красавица. «Красна ты, моя красигорка». Ш н к.

Краснѣе.—Скорѣе; сильнѣе; проворнѣе. «Краснѣе робята». К е м.

Красуха.—Кровь, вытекающая изъ носа. «У кого красуха самородка идетъ, лучше тому». Х о л м. П и н.

Крестоватикъ.—Серебряный рубль, чеканенный въ царствованіе Павла I, съ подписью: «Не намъ, не намъ; а имени Твоему». П и н е ж. Четырехмѣсячные песцы, у которыхъ шерсть уже бѣлая, кромѣ сѣрой спины и части, лежащей при лопаткахъ, гдѣ сѣрая-же полоса пересѣкаетъ спинную. Голубые песцы также имѣютъ подобный знакъ, потому что прочія части у нихъ дѣлаются голубыми, а спина и надлопаточная часть еще остаются сѣрыми. М е з.

Крещоный. — Прибавляется между народомъ въ привѣтствіяхъ и отвѣтахъ, когда говорится вообще о людяхъ. Напр. Когда приходитъ знакомый и не знакомый человекъ въ избу, помолясь Богу, говорятъ: «Здорово живите, или здравствуйте всѣ крещоны». Это бываетъ и въ такомъ случаѣ, когда въ избѣ ни кого нѣтъ. Присоединяясь къ толпѣ народа на улицѣ, пришедшій говорить: «Здорово всѣ крещоны». Въ привѣтствіи къ одному лицу никогда не прибавляется слово

крещоной. На вопросъ: «кто есть въ избѣ крещоной?» отвѣчаютъ: «всѣ крещоны дома,--што надо?»—«Много ли народу было у праздника?—Было довольно крещонныхъ». Если постучатся ночью или вечеромъ въ дверь крестьянской избы, то спросятъ: «кто крещонной?». Если послышатся въ домѣ неизвѣстный стукъ или шумъ, то кто либо изъ домашнихъ выходитъ на дворъ и говоритъ: «кто тутъ крещонной?». Не помучивъ на сей вопросъ отвѣта, не преминуть приписать стукъ домовому или другой нечистой силѣ, которая не можетъ отвѣтить на такой вопросъ. Каждый крестьянинъ думаетъ, что у него въ домѣ—изъ какого числа состоитъ семейства, столько же есть и домовыхъ, которые будто бы иногда являются видимо и ведутъ такое же хозяйство какъ и люди; почему и прибавляютъ къ вопросамъ это слово, на которое не крещонной отвѣчать уже не можетъ. Кем.

К у г л и н а.—Кожа отъ сѣменныхъ головокъ льна Пин. Головки на стеблѣ конопля. Онеж.

К у г л и т а т ь.—Очищать конопляное сѣмя отъ коглины. Онеж.

К уд р е в а т ы й р а к ь.—Медуза, которую промышленники принуждаютъ свернуться въ кудреватый клубокъ, подливая на нее горячую воду. Кем. Мез.

К у и м ь, а.—Водка, поставляемая сельскому сходу лицомъ, получившимъ отъ него удовлетворительное рѣшеніе по своему дѣлу. Кем.

К у к к у й.—Мясной пирогъ, который подается во время сватанья поѣзжанамъ. Шнк. Онеж.

К у к л е м а.—Лѣсная бѣлка, когда она перебѣняетъ красную шерсть на сѣрую. Шнк.

К у к о л ь.—Рогатая скотина съ бѣлымъ нятномъ на лбу. Холм.

К у н ь я к ь, а.—Хвощъ, растущій на поляхъ. Холм.

К у п о р а.—Бочары, — прозвище жителей дер. Залывья: «Залывчане купора».

К у р м а.—Рыболовное устройство въ рѣкѣ на быстрыхъ мѣстахъ, состоящее изъ ряда толстыхъ колебевъ, вбитыхъ въ дно рѣки. Въ нимъ приврѣпляютъ спускаемую до дна сѣть съ особымъ мѣшкомъ, въ который поподается рыба. Холм.

К ы ч и.—Рыба пискаря. Пин. Слово это употребляется также для созыванія домашней птицы.—**П ѣ с н я:**

«Вычи, гуси, домой,

Вычи, лебеди, домой». Онеж.

К ы ч к а т ь.—Скрежетать зубами. Пин.

К ы р а й д а т ь.—О курицахъ: хрипѣть. Шнк.

Л.

Л а б а з ь, а.—Родъ крыши посреди лодки, на два ската. Мез.

Л а д к а.—Поправка; исправленіе. «Ладкч эта братъ, не много; не за што дорого взять». — «Пошелъ бы стрѣлять, да пицаль неготова: за ладкой дѣло простоятъ съ недѣлю мѣста». Шнк.

Л а й в а, л а й н о.—Жирная струя ворвани, вытекающая изъ сосуда, бросаемаго промышленниками въ воду для привлеченія ея запахомъ акулъ. Кем.

Л а й д о в ы й.—Мелкій неводъ. Мез.

Л а л а.—Оскомина у лошади. Пин.

Л а п о с т и.—Ступни ногъ морскихъ животныхъ Арх.

Л а п у ш н и к ь.—Лепешка, печеная на листѣ капусты или чемерицы. Пин.

Л е г к а я з е м л я.—Третій, или самый худшій, сортъ земли, напр. такой, которая лежитъ въ лѣсу, слѣдовательно хлѣбъ скоро бьетъ морозомъ; колосъ ячменный на землѣ этого сорта имѣетъ только 5 рядовъ и по 6 зеренъ въ каждомъ ряду. Холм.

Л е ж а н е ц ь.—Хлѣбъ въ колосѣ, который такъ тяжелъ, что ложится на землю. Холм.

Л е ж а н ц ы.—Высшій сортъ пахатной земли, гдѣ ячмень даетъ колосъ въ 13 рядовъ, каждый по 6 зеренъ. Холм.

Л е к о т а т ь.—Невнятно говорить. Пин. Холм.

Л е н н ы й.—Линючій, линяющій. «Этотъ ситецъ ленный». «Ленные гуси». Шнк.

Л е п е т а й л о.—Языкъ. Пин.

Л е щ а д ь.—Небольшое сѣнокосное мѣсто, лежащее между полосами или угорами въ видѣ четырехугольниковъ. Шнк. Ровное и гладкое, но мелкое мѣсто въ морѣ подъ водой. Кем.

Л и п к и.—Тонкія металлическія бляшки, украшающія почелокъ. Шнк.

Л и п о в к а.—Веревка, свитая изъ липоваго лыка. Арх.

Л и п у н е ц ь, н о к ь.—Бабочка, мотылекъ. Арх. Шнк. Холм.

Л и х и м ь м а т о м ь.—Испугъ; когда кто либо, находясь въ опасности, кричитъ или реветъ отчаянно, неестественно; а также, увидавъ опасность, опрометью выдается въ бѣгъ. «Побѣгайте ребята скорѣе на рѣку... кто-то тамъ такъ и ревить лихимъ матомъ: видно заѣхалъ въ поланью (въ полое мѣсто)». Арх. Пин. Шенк.

Лопатить.—Точить косу на лопатѣ. Арх. Шик.
Пин.

Лосо.—О морѣ: спокойно; гладко: Онеж. Кем.

Лубега.—Ледъ, оставшійся на берегахъ рѣкъ, по вскрытіи ихъ. Онеж.

Лузгнуть.—Осѣдать. «Стѣна то лузгнетъ».
Пин.

Лънище, а.—Мѣсто, выжженое изъ подъ мелко растущаго лѣса, для посѣва льна. Шенк. Пин.
Холм.

Лъньгасъ, а.—Лънивецъ. Арх. Холм.

Лъньгасиха.—Лънивица. Арх. Холм.

Лѣсной барашекъ.—Такъ называется на условномъ языкѣ артели, составляющейся для подледной ловли, заяць. Холм.

Лѣтній берегъ.—Сортъ семги, вылавливаемой на Лѣтнемъ берегу Бѣлаго моря.

Лѣторасникъ.—Бустарный лѣсъ, нарастающій на сѣнокосахъ. Пин.

Лѣшебный, ая, ое.—О собакахъ: способный находить въ лѣсу звѣрей и птицъ; ищійный «Лѣшебный песь». Шенк.

Лѣшій, ая, ое.—Находящійся въ глуши лѣса. «Лѣшіе промыслы». «Лѣшіи избы». Шенк.

Люзанъ.—Двѣ суконныя или холщевыя сумы, соединенныя парюю помочей; ихъ носятъ перевинувъ черезъ плечи. Въ нихъ промышленники хранятъ провизію, когда идутъ на промыселъ. Пин. Мез.

Лямка.—Тесьма, которою придерживается сарафанъ на плечахъ. Шенк. Холм. Арх. Широкий ремень, надѣваемый на шею оленя, и служащій вмѣсто хомута. Мез.

Лямовщикъ.—Рабочій рыбопромышленныхъ артелей, тинувшій судно. Мез. Онеж.

М.

Маленькая купаленка.—Растеніе: курслѣпъ или куриная слѣпота. Пин.

Маленькое смотреньице.—День, въ который родители невѣсты даютъ жениху согласіе на выдачу за него замужъ своей дочери. Шенк. Пин. Мез.

Малопулька.—Небольшое ружье, заряжаемое одною пулею; употребляется при охотѣ за лѣсной дичью. Холм.

Маниха.—Неправильность возвышенія и пониженія воды, замѣчаемая при устьяхъ Сѣв. Двины. Она

состоитъ въ томъ, что около половины времени прилива вода остановится, или какъ говорится «вода дрогнетъ на убыль» не надолго, и потомъ опять продолжаетъ прибывать до своей настоящей высоты. Арх.

Маракуша.—Самка полевого тетерева. Холм.

Марьины ягоды.—Названіе піоновъ на берегахъ Неси.

Махавка.—Шестикъ съ вѣникомъ на кубасѣ. Кем.

Медвѣдко.—Буна или собраніе рябиновыхъ гроздей. Пин.

Медовица.—Сосудъ для держанія меда. Арх.

Межевикъ.—Межевой столбъ. Пин.

Межень.—Крайность въ чемъ-либо. «Межень въ хлѣбѣ». «Ну ужъ экой межени въ рѣкѣ, какъ сейчасъ, никто не помнить», т. е. вода до самаго низкаго уровня была. Шенк. Пин.

Междумокъ, ика.—Корова, отелившаяся до отправки скота въ Петербургъ и потому негодящаяся въ походъ. Холм.

Мезенка.—Лошадь мезенской породы; бочка, въ которую кладется соленая рыба—семга и пр., а также сало. Пин.

Мезень.—Сортъ семги, вылавливаемый въ рѣкѣ Мезени.

Мезонька.—Балованое дитя. Холм.

Мелейдать.—Мычать. Быкъ, корова, мелейдать. Онеж.

Мелинь.—Рукоять ручнаго жернова. Пѣсня:

«Какъ за славнымъ городомъ,

«За жорновомъ,

«Разыгрался мелинь

«Съ хлопотомъ»..... и пр. Шенк.

Мереть.—Терпѣть недостатокъ въ чемъ-либо: напр. въ хлѣбѣ. Мез. Пин.

Метера.—Фарватеръ рѣки. Пин.

Метикъ.—Сосновый лѣсъ, растущій неполамъ съ ельникомъ. Шик.

Модѣлый.—Кислый; протухлый. Шик.

Модѣтъ.—О дровахъ тлѣть; худо горѣть. «Не горять, а только модѣютъ въ печи-то». Шик. О кушаньѣ: прѣтъ, невариться. Кем.

Моевна.—Порода морской чайки на Новой Землѣ.

Мокрогузый.—Названіе Западнаго вѣтра. Холм. Пин.

Молочиво.—Молотьба. Холм.

Моржа колоть.—Шутка, употребительная на вечеринках и состоящая въ томъ, что задремавшему или заснувшему вечеринщику всовываютъ въ носъ свернутую шерстяную нитку. **Кем.**

Мороха.—Морошка. **Онеж.**

Морскія мышки.—Мъшочки, въ которыхъ скаты мечутъ молодыхъ. Они продолговаты, четырехъугольны, сверху выпуклы, снизу плоски, цвѣтомъ черны, надуты на подобіе пузыря, со всѣхъ четырехъ сторонъ оканчиваются продолговатыми, развѣсистыми рожками. **Кем. Арх.**

Морской налимъ.—Рыба-бѣльдюга живородящая; водится въ Бѣломъ морѣ, у береговъ Лапландіи. Она не мечетъ икры, а рождаетъ живыхъ дѣтенышей и потому считается поганю. **Кем.**

Морѣе.—Дальше отъ береговъ моря. **Кем.**

Мотокой,—омъ.—Не вдругъ; незамѣтно; на слухъ. «Такъ ужъ кое-какъ—мотокой, чѣмъ попало съ него выбралсе долгъ-отъ, а не то, такъ бы и того не видать». — «Сей годъ, братъ, мотокой все подать-ту собираемъ». «Вода-то ушла нонѣ мотокомъ». **Шнк.**

Мотушка.—Вязка калачей, т. е. баранковъ домашняго печенія. **Арх.**

Мохиушка.—Крестьянская рабочая рукавица. **Пин.**

Мурга.—Оврагъ. **Пин.**

Муслинка.—Похлебка изъ житой (ячменной) муки, сваренная на водѣ до густоты кашицы; обыкновенная и единственная пища охотниковъ на лѣсныхъ промыслахъ. **Пин.**

Муслица.—Похлебка изъ толовна, варимая морскими звѣроловами. **Онеж.**

Мутехвостничать.—Мутить; ссорить; сплетничать. **Шнк.**

Мухориться.—Унывать; пасмурѣть. «А што ты такъ замухорился?» «Небо-то опять замухорилось». **Шнк.**

Мухоря.—Неряха, растеряный, невзрачный. **Пин. Шнк.**

Мушникъ.—Шерстяной или холстинный сарафанъ или юбка, у которыхъ по бѣлому полю затканы кусочки разноцвѣтнаго сукна, въ видѣ мушекъ. «А срядново то лопасть, всего-на-все одинъ мушникъ, да и тотъ веретномъ тряхнуть». **Шнк.**

Мшарина.—Черная, жидкая, болотная грязь. **Мез.**

Мылакъ.—Деревянный костылекъ, насаживаемый на рукоять кормоваго весла. **Мез. Пинез.**

Мырка.—Морда медвѣдя; вообще некрасивое лице. «Ишь идетъ мырку то поднйль, и не взглянетъ». **Онеж.**

Мытарь.—Деревянный коль, воткнутый въ землю надъ огнищемъ, на немъ вѣшаютъ котелъ съ варевомъ.

Пин. Мез.

Мыши.—Нарывы въ шеѣ у лошади. **Пин. Холм.**

Мышницы.—Ластовицы у сорочекъ или рубахъ. **Пин.**

Мѣстны й, ая, ое.—Общій; находящійся въ общемъ владѣніи. **Пин.**

Мявкать.—О кошкѣ: мяукать. **Пин.**

Мякотъ.—Пушной товаръ; мясная рухлядь. «Мякотъ сей годъ что то туго шла, кажись и промыслу благо было. **Мез. Пин.**

Мятиковаты й, ая, ое.—О строевыхъ деревьяхъ: мягковатый; слабоватый; не совсѣмъ крѣпкій. «Мятиковатый лѣсъ». **Шнк.**

Н.

Наборочники.—Ожерелья, носимыя на шеяхъ женщиныами. **Холм.**

Навалуха.—Отягощеніе крестьянскимъ обществомъ какаго либо изъ своихъ членовъ повинностями. Что либо нечаянно полученное: порученіе, дѣло, деньги, и т. д. **Пин.**

Наверхосытку.—Въ закуску послѣ обѣда или ужина,—тоже въ добавокъ сверхъ чего нибудь. «Да давай, выпей же, наверхосытку вѣдь: выть позолотить слѣдуетъ». **Пин.**

Навзрять.—Глазомѣрно; на взглядъ; съ виду. **Пин.**

Наводитъ.—Въ дѣтскихъ играхъ, какъ то: пряткахъ, жмуркахъ и т. п. отъискивать, или ловить другихъ. «Кто будетъ наводитъ?» «Тебя перваго нашли: теперь тебѣ наводитъ». **Холм. Шнк.**

Нагольны й, ая, ое.—Чистый, безъ примѣси чего либо посторонняго. «Нагольный спиртъ». **Пин.**

Наживотчикъ, наживочникъ, наживщикъ.—Рабочій на шнякѣ, который наживляетъ прираву на рыболовные крючки. **Шнк.**

Накатникъ.—Дерево или нѣсколько, въ отлчїе отъ бревна, толщиною въ отрубѣ около 3 вершковъ. **Пин.**

Накосыхъ.—Не въ дружбѣ; въ ссорѣ, въ неприятныхъ отношеніяхъ. **Пин.**

Накровъ.—Горшечная крышка. **Арх. Холм. Шнк.**

Н а л и с т н и к ъ.—Тоненькая лепешка, испеченная из бѣлаго или ячнаго тѣста; зовутъ такъ оттого, что онѣ пекутся въ посты на листьяхъ черемухи. **Х о л м.**

Н а м о р щ и т ь с я. — Напиться; покушать. На-морщиться чаю. **П и н.**

Н а м ѣ с т н и к ъ.—Старшій хозяинъ изъ всей моржевой артели; долженъ находится на носу карбаса, принимать звѣря на носокъ и управляться имъ спицею. **К е м.**

Н а п а р ь г а.—Большой буравъ для провертыванія въ деревѣ диръ. **К е м.**

Н а п е н н ы е ж и т е л и.—Коренные, первые насельники; вѣковѣчные. **Ш е н к.**

Н а п е ч ь.—Очагъ русской печи для дровъ. **П и н.**

Н а п о д о л ь н и к и.—Ткань красной бумаги на подолахъ женскихъ рубашекъ и юбокъ. **Х о л м.**

Н а п р я ч ь н а к р и в о е в е р е т е н о.—При случаѣ отплатить обидой за обиду; отмстить. «Придетъ и мой разъ: навягу я тебѣ все это на кривое веретено. **Ш н к.**

Н а п у с т и т ь с я.—Рѣшиться. «Думаю такъ, да напуститься то все немогу». **О н е ж.**

Н а р ь а.—Шпонка, которою держится, напр., наборокъ досокъ, составляющихъ столъ. **А р х.**

Н а т о т у р и т ь с я.—Надуться. **П и н.**

Н а т р а т и т ь с я. — Наѣсться до пресыщенія. «Что ты все ѣшь, натратиться не можешь!» **А р х.**

Н е б е з ч е в о. — Недаромъ; предвидено; рассчитано. «Не безчеловѣкъ и наговаривалъ ему: полно тебѣ, нарень..... брось все къ черту». **А р х. П и н. Х о л м.**

Н е г л а д к о с л о в ъ.—Неумѣющій хорошо, ласково говорить. **П и н.**

Н е л ю б и м к о в а т ы й. — Отъявленный эгоистъ. **П и н.**

Н е м о г л о й, а я, о е, — Нездоровый. «Какъ она нынѣ хороша стала, а такъ была немоглая!» **Х о л м.**

Н е п р и ч и н н ы й, а я, о е. — Невинный; непричастный къ дѣлу. **П и н.**

Н е р о г а т о.—Не въ изобиліи; скудно. **Х о л м.**

Н е ч у б и т ь. — Необращать вниманія. «Ей хоть сколько говори, а она и не чубитъ». **Х о л м.**

Н о с о в и к ъ.—Мѣдный горшокъ съ носкомъ. **Х о л м.**

Н о с о к ъ, с к а.—Ростокъ, только что показавшійся по всходѣ хлѣбныхъ зеренъ». Если морозъ на носки, такъ будетъ и на колоски». **Ш н к.**

Н о с о ч и к ъ. — Носокъ сапога или башмака. «Нужно ленточки на носочки». **Х о л м.**

Н о с ъ в е т р е н ы й.—Особая болѣзнь, прояв-

ляющаяся сильною позвотою и колотьемъ. **К е м.**

Н у д а.—Изнурительный потъ, отъ котораго нижняя одежда тлѣетъ на тѣлѣ. **К е м.**

О.

О б н е с т и.—Обокрасть. «Ушелъ несказавшись, да еще насъ и обнесъ». **Х о л м.**

О б р о н ь.—При вываркѣ соли, уменьшеніе жара послѣ того, какъ уже образуется засоль до тѣхъ поръ, пока на разсолѣ не образуются пласты соли. **П и н.**

О б р ь а м х а т ь с я.—Обноситься; износить платье до лохмотьевъ. «Какъ онъ прежде хорошо ходилъ, а теперь весь обрямхался». **Х о л м.**

О б у в а н е ц ъ, н ц а.—Овчинный тулупъ, покрытый пестрядой. **К е м.**

О б у м н о е.—Пустое. «Онъ все говоритъ такое о б у м н о е, что слушать нечего». **Ш н к.**

О б у ш к и.—Визига тресковая. **Ш н к.**

О в и н н и к и. — Дрова, которыми топятъ овины. **Ш н к.**

О в ы д е н н и к ъ, а.—Живущій только настоящимъ и не заботящійся о будущемъ. «Что не испеки, все съѣшь въ одинъ день,—овыденникъ ты этакой, не подумаешь, что и завтра день будетъ!» **М е з.**

О в ы д е н ь. — Въ одинъ день; на одинъ день. «Ншто-есть старикъ, сходилъ на посадъ овыдень, а тибѣ какъ не сходить.» **Ш е н к.** «Севодни въ лѣсъ сходить хошь-бы овыдень.» **К е м.**

О г л о б е н ь.—Зыбь; волненіе на морѣ, когда стихаетъ вѣтеръ. «Оглобень ходить.» **К е м.**

О г л у з д а т ь с я.—Въ хлопотахъ забыть сдѣлать, что-либо нужное. **П и н.**

О г о р о д н я.—Брусъ, сложенные на подобіе костра и служащіе для укрѣпленія рычаговъ при поднятіи судна на городки. **К е м.**

О к о л и с т ы й, а я, о е.—Имѣющій большую окружность. «Какихъ ты калачей накатала околостыхъ.» **Х о л м.**

О л у к ъ.—Палка въ лукѣ шерстобитовъ. **Ш е н к.**

О н е г а.—Сортъ семги, вылавливаемый въ рѣкѣ Онегѣ.

О п а с ъ.—Опытный проводникъ въ тундрахъ Лапландіи, хорошо знающій мѣстность. **К е м.**

О п л ы в ъ.—При ловлѣ акулы, лайно при каждомъ приливѣ и отливѣ мало по малу поднимается на поверхность воды и акулы, слѣдуя за его движеніемъ, подни-

маются также; такимъ образомъ они подходят близко и окружаютъ шишку. Это называется — оплывь. Говорятъ: «пришелъ оплывь.» Кем.

Оплыть. — Объ акулахъ: когда они, слѣдуя за движеніемъ лайно, приближаются къ шишкѣ и ее окружаютъ. «Акула оплыла.» Кем.

Опша. — Осѣва игольчатая часть, лузга зернистаго хлѣба, остающаяся послѣ его опехиванья. Шенк.

Орга. — Лужа зеленою чащею покрытая. Шнк.

Орда. — Бурундукъ. Зимн. Бер.

Орелка. — Мысокъ; сухое и нѣсколько возвышенное мѣсто, иногда поросшее лѣсомъ. Архан.

Освѣчекъ. — Сальный огарокъ; догорающая свѣча. Пин.

Осерхнутъ. — Озябнуть. Шнк.

Отдалены. — Печорскій край въ Мезенскомъ уѣздѣ. «Нѣту дома? — Давно нѣту, уѣхалъ въ отдалены, да все не воротился еще!» Пин.

Отказъ. — Тоже, что о берегъ. «Онъ, паренъ-то, право, отказъ знать, и супротивъ медвѣдя, и супротивъ волка» Пинез.

Отрѣзокъ. — Бусокъ земли, отдѣленный отъ полей и пожень каждаго изъ землевладѣльцевъ въ селѣ для надѣла вновь поступившаго въ члены крестьянскаго общества; напр. возвратившихся со службы солдатъ. Пин. Шенк.

Оттуживально молоко. — Творогъ, который держать въ печи до тѣхъ поръ, пока не выдѣлится изъ него вся сыворотка. Изъ этого молока приготовляются сыры къ Пасхѣ. Арх.

Охминать. — Жадно ѣсть. Онеж.

Охритъ. — Неряха. Шнк.

Очепъ. — Особый родъ силка для ловли птицъ. Онъ состоитъ изъ укрѣпленнаго на вилочкѣ коромысла, одинъ конецъ котораго тяжелѣе другаго; на легкомъ концѣ укрѣпляется волосяная петля, въ которую и попадаетъ птица. Холм.

П.

Пазганица. — Наказаніе розгами. «Я те задамъ пазганицу.» Шнк.

Пазгать. — Сѣчь розгами; дѣлать что-либо поспѣшно, незаботясь о тщательномъ выполненіи. Шнк.

Пакуль. — Болпачекъ изъ тряпки, надѣваемый на большой палець. Пинез. Холм. Цвѣточная чашечка на ягодѣ морошкѣ, не опадающая до полного

созрѣванія плода. «Не ѣшь много морошки-то — вишь не зрѣла, въ пакуляхъ.» Онеж.

Паласина, ы — Пылающая лучина. «Неходи ты съ этой паласиной: подожгешь домъ-отъ.» Холм

Памятка. — Письмо. Шнк.

Панда. — Подолъ малицы, — верхней одежды изъ оленьихъ шкуръ. Печерск.

Парикъ. — Родъ мелкой рыбы. Пин.

Пахорукій. — Немнѣющій руки до мышекъ; также — хотя и съ уцѣлѣвшей, но съ одеревенѣвшей рукою. Пин.

Пахташи. — Сдобныя алады, приготовленныя въ заговѣны. Шенк.

Пелеи. — Такъ называются олени въ упряжи, за исключеніемъ крайняго съ лѣваго бока, къ которому прикрѣпляется возжа; пелеи привязываются другъ къ другу коротенькими ремнями. Мез.

Пелка. — Самый старый березнякъ, который въ случаѣ нужды Лопари толкутъ вмѣстѣ съ сосновою заболонью, въ прибавокъ къ мукѣ. Кем.

Переводчикъ. — Вожатый слѣпца или калѣки. Онеж.

Перекрой. — Умалющійся послѣ полнолунія мѣсяць, первые дни послѣ полнолунія. Во всей Арх. губ.

Пересудъ. — Апелляція; переносъ суднаго дѣла въ высшее судебное мѣсто. Чистое русское слово, къ сожалѣнію давно потерянное въ литературѣ и замѣненное чужимъ. Холм.

Пересѣсться. — Надорваться. «Не поднимай камня, пересѣдешься.» «Мы все ажно пересѣлись со смѣху!» Холм.

Перетуръ. — Брошеное сильное пьянство. — «Съ чево ты трессея-то? — Съ чево больше, какъ не съ перетурю.» Пин. Холм.

Пертуй. — Мелкая треска. Кем.

Песчанки. — Лѣтнія, мелкія рѣки, въ которыхъ стрежъ заносится нескомъ и потому дѣлается неспособнымъ къ плаванію. Холм.

Пестъ, а. — Особенная мелкая рыба, водящаяся въ рѣкѣ Шинегѣ. Пин.

Печищане. — Принадлежащіе къ одному печишу. Пин.

Печище, а. — Одна или нѣсколько деревень, имѣющихъ общее землевладѣніе. Пин.

Пикша или пища. — Въ озерѣ Лушъ, близъ Важскаго Богословскаго монастыря, въ числѣ другихъ

рыбъ, есть одна, свойственная ему только одному. Это п и к ш а,—какъ называется народъ, но подлинное названіе п и щ а, ибо такъ называлъ ее самъ св. Варлаамъ, какъ гласитъ преданіе. Весною, когда растаетъ ледъ, эта маленькая, но вкусная рыба во множествѣ всплываетъ на поверхность озера и крестьяне, черпая ее саками, сушатъ для продажи; но какъ только прогремитъ первый громъ, она тотчасъ опускается въ глубину озера и скрывается тамъ до слѣдующей весны.

П и р о ж к и, к о в ь. — Мышіи горошекъ. А р х. Х о л м.

П и р у ш к а. — Порода морской чайки на Новой Землѣ.

П и с я г а.—Полосатые въ вѣткахъ, въ родѣ шахматъ, невры или одѣяла. Ш е н к.

П л а с т а ц ь.—Сушеная треска, которую пластаютъ, т. е. разрѣзаютъ на двѣ половины. О н е ж. М е з е н.

П л а т о в ь е.—Платки. «Не видать намъ, дѣвки, больше такого п л а т о в ь я». Х о л м.

П л а ш к и.—Темный и мелкій жемчугъ въ рѣкахъ Кемскаго уѣзда. К е м.

П л ё в а т ь.—Наговаривать слова въ воду, соль и проч. При шептаніи словъ вода или соль помѣшиваются водой, и при этомъ знахарь часто плюетъ, заразъ по трижды. «Гордей-голубчикъ, п о п л ю й, батюшка, словъ,—сдѣлай милость;—Ондрій вопъ другой день не можетъ, на работу не бывалъ, да и хлѣба не ѣсть.... не знаю что такое, Бо (гъ) храни! ему сдѣлалось». Х о л м. Ш е н к.

П л е в к и, к о в ь.—Личинки насѣкомыхъ, водящихся въ трескѣ. М е з.

П л ё с о, а.—Разстояніе, которое можетъ нѣшеходъ пройти въ день. П и н.

П л и т к а.—Плотъ въ одинъ или въ два ряда бревенъ, для сплава деревъ внизъ, по теченію рѣки; на плиткахъ привозятъ въ Архангельскъ хлѣбъ, смолу и проч. Также: о г н и в о. П и н.

П л о т и щ е.—Деревянная, пловучая пристань для гребныхъ судовъ. А р х.

П л о т о у х а, и.—Такъ называютъ коровъ, привезенныхъ для продажи на плотахъ или въ крытыхъ карбасахъ изъ деревни Кевролы Пинежскаго уѣзда или изъ Сольвычегодскаго уѣзда. Х о л м.

П о в а р е н к и.—Инфузоріи или наливочныя, микроскопическія животныя, встрѣчающіяся въ настояхъ, или въ стоячихъ водахъ. П и н.

П о г а н е ц ь.—Пѣтухъ. А р х.

П о г о д к и.—Условная плата по годамъ. А р х.

П о д б и л е т ч и н а.—Почва земли, расчищенная подъ пашню или сѣнокосъ, на основаніи закона 1820 г., съ правомъ единственнаго пользованія 40 лѣтъ сряду. Отъ слова: б и л е т ь, который дается лѣсничимъ на разчистку. Ш е н к.

П о д в и н щ и п а.—Житель съ береговъ рѣки Сѣверной Двины.

П о д в о д н и ц а.—Подводная, никогда не открывающаяся мель. К е м.

П о д з в о н ч и к ь. — Колокольчикъ; бубенчикъ; ширкунъ, привязываемый на шею лошади, когда ѣдутъ на свадьбу. П и н.

П о д з е б е л ь.—Осенній взметъ пашней, предназначенныхъ подъ паръ. «Взорать подзебель». П и н. Х о л м.

П о д к л ё т ь, а.—Свадебный обрядъ, состоящій въ томъ, что послѣ вѣнца, въ домѣ жениха, отецъ съ матерью встрѣчаютъ новобрачныхъ съ хлѣбомъ, подъ которымъ тѣ проходятъ. Когда новобрачные стануть за столъ, то отецъ беретъ два калача и обводитъ ими вокругъ головы новобрачныхъ, потомъ открываетъ новобрачную и подноситъ водку. Послѣ того новобрачный начинаютъ раздавать дары, а потомъ подноситъ водку. Х о л м.

П о д м о ш н и к ь, а.—Земля, поросшая мхомъ. Х о л м.

П о д о л ь н и к ь, а.—Частая сѣть для ловли мелкой рыбы. Ш е н к.

П о д п о м н и т ь.—Напомнить. «Подпомни мнѣ, што купить на рынкѣ-то». Х о л м.

П о д у г о р ь е.—Край берега, касающійся воды. П и н.

П о д х о д ы.—Симпатическія слова, располагающія всѣхъ въ пользу того, кто ихъ знаетъ. «Ево вси любятъ, п о д х о д ы знаетъ». А р х.

П о д ч и т а т ь.—Засчитывать. «Сѣно п о д ч и т а т ь за долгъ» (изъ рѣшеній волостныхъ судовъ). Х о л м.

П о д ш а п о ч н и к ь.—Короткое помотенце, замѣняющее у крестьянъ карманный платокъ. Ш е н к.

П о д ѣ м щ и к ь. — Предприниматель, снаряжающій промысловое судно или артель. А р х. К е м.

П о д ѣ л ь.—Сборъ милостыни. «Ходить на п о д ѣ л ь»,—стоять въ извѣстныхъ мѣстахъ для сбора подаеній. «Сегодня подѣль былъ (у такого-то),»—поминали. А р х.

По заявлю.—По восходѣ солнца. Шенк.

Покопытное, аго.—Угощеніе, дѣлаемое покупателемъ лошади продавцу по окончаніи сдѣлки. «Пить покопытное.» Арх.

Покормяжка.—Покормежная запись на выдачу паспорта. Пин.

Поддѣла.—Ничего не стоитъ; легко. «Поддѣла жить, какъ бабушка ворожить». Пословица.—«Вамъ поддѣла жить то, какъ съ васъ ничево не спрашиваютъ». Арх. Холм. Шенк.

Подлагунье.—Деревянный сосудъ, вищающій въ себя 6 крынокъ молока. Арх.

Половникъ.—Женщина или мальчикъ, принимающіе участіе въ промыслѣ трески; они помогаютъ наживать ярусъ и получаютъ съ наживщикомъ половинную часть выловленной рыбы, а также и денегъ. Кем.

Полозокъ.—Ловушка для рыбы,—родъ бродища, растянутого на деревянномъ продолговатомъ лукѣ. Полозкомъ ловятъ рыбу ночью: погрузивъ его привязаннымъ къ нему шестомъ недалеко отъ берега, тянуть веревкой на нѣсколько сажень по теченію рѣки и опять вытягиваютъ на берегъ. Шенк.

Полукормщикъ, а.—Второй послѣ кормщика членъ котляны, получающій изъ добычи половину противъ кормщика. Арх., Кем.

Полурѣчье.—Намекъ, мысль, не вполне высказанная. «Начисто сказывай: да, аль нѣтъ? а то все полурѣчье ведетъ.» Шенк.

Полусинникъ.—Полунраздичный сарафанъ не рабочій. Арх.

Полуженщикъ.—Третій послѣ кормщика членъ котляны; получаетъ изъ добычи половину противъ полукормщика. Арх. Кем.

Полѣтокъ, тка.—Работникъ нятый на лѣто, т. е. на время полевыхъ работъ. Пин.

Поманиха.—Родъ коротенькой кофточки, закрывающей руки и верхнюю часть груди, не закрытую сарафаномъ. Одѣваютъ и на работу, для защиты отъ холода. Холм.

Помча.—Рыболовный снарядъ, состоящій изъ сѣти, прикрѣпленной къ четырехугольной рамѣ, опускаемый въ воду и поднимаемый на оленѣ. Шенк.

Попаж.—Переѣздъ; переборъ; входъ. «Попажато къ нимъ бѣдова (трудна).» Пин.

По пристрашному.—Страшно. «Онъ какъ закричитъ по пристрашному, ажно я вся перепалась». Холм.

Порочка.—Ведро или шайка, насаженная на палку, которымъ черпаютъ воду изъ рѣки и паливаютъ въ бочку. Кем.

Порховица.—Грибъ дождевикъ. Шенк.

Порядовой, а, о.—Рядовой; идущій по порядку. «Рядовна чарка вина.» Пин.

Постегольница.—Большая швейная игла. Арх.

Постила.—Длина плоскости, плитнаго камня, цоколя. Пин.

Посыпъ.—Платежъ зерновымъ хлѣбомъ за пользование чужимъ землянымъ участкомъ. «Онъ землю-то не пашетъ, посыпъ беретъ.» Шенк.

Потоки, овъ.—Та часть соляной варницы, гдѣ просушивается только-что снятая съ чрена соль и хранится до вывоза ея въ амбары; полати. Арх.

Поторчица.—Затонувшія деревья, вершины или сучки которыхъ выставляются изъ воды. Пин., Шенк.

Потянушка.—Фуфайка съ рукавами на ватѣ или на мѣху, опушенная по воротнику, рукавамъ и бортамъ также мѣхомъ. Арх.

Походить.—Обокрасть. «Бѣгле походи и церковь въ Вавчугѣ». Холм.

Походъ.—Гуртовая отправка коровъ въ опредѣленные сроки въ Петербургъ. Походовъ бываетъ пять въ году: Никольскій, Успенскій, Покровскій, Рождественскій и Пасочный. А потому, смотря по времени отправления въ походъ, и самыя коровы называются: Никольская, Успенская и т. д. Холм.

Поѣздникъ.—Длинная, низкая и узкая лодка, употребляемая на рѣкахъ для ловли рыбы. Кем.

Приволака.—Мѣсто на берегу, куда пристають съ неводомъ для ловли бѣлой рыбы. Мез.

Привѣрвать.—Имѣть къ кому расположеніе. Кем.

Пригоношка.—Приправа. «Положь во щи-то пригоношки, дакъ я и въ печь суну горшокъ». Холм.

Прикладывать.—Приревновать. «Онъ ее ко всякому прикладывать». Холм.

Прикошелить.—Присвоить; прикарманить. Пин.

Припиливать.—Рвать. «Вишь какъ платье то-то припиливал». Арх.

Прирубъ.—Галерея. Кем.

Присвой.—Очень дальній родня. «Нѣтъ, не тоштобы родня, а таъ присвой.» Холм. Пин.

П р и с к а т ь.—Присучить (нитку); приправить (щи). «Положь заспы-то въ шти, да приски.» Шенк. Холм.

П р и с к у д а т ь с я.—Надоѣсть. «За все-то робить одно дѣло, дакъ небось, скоро прискудаитя»—«Все дож(д)ь, да дожь—миѣ ужъ прискудалось ходить въ лѣсь-отъ». Шенк.

П р и с т а в ь.—Какая нибудь вещь,—коль, лопата, грабли и т. п.—воткнутая черезъ кольцо у воротъ дома, вмѣсто замка, означающая, что хозяевъ нѣтъ дома и потому нельзя ходить. Пин. Шик. Арх.

П р и с т ь н о к ь.—Нашивка изъ цвѣтной матеріи на той сторонѣ подушки, на которой зашнуровывается верхняя наволока. Шик.

П р и с ы п а т ь с я.—Привязываться къ разговору; любезничать. Арх.

П р и т в о р н о е.—Подаяніе, дѣлаемое ѣдущими на лошадахъ въ Красногорскій монастырь и обратно ребятамъ, открывающимъ и затворяющимъ ворота. Пин.

П р и т у ж а л ь н и к ь.—Строгій спросъ, взысканіе. Взять кого на притужальникъ. «Шали, шали да помни: живо тебя возьму на притужальникъ, да вицей». Пин. Шик.

П р и щ е г у л ь н и ч а т ь.—Дурачиться. «Полно, Ваня, какъ тебѣ не стыдно прищегульничать-то. Пин.

П р и щ е л о н о к ь.—Большой, но очень крутой бургоръ, по дорогѣ на которой съ трудомъ можетъ подняться лошадь въ телегѣ или саняхъ. «Возилъ я оно мѣсѣва исправника на посадъ. Исправникъ одно што на миня кричить: поѣзжай скорѣй!... што дѣлать,—я и давай попоужать лошадей: а тутъ на дорогѣ прищелопокъ такой былъ... да какъ трехнуло съ маху-то, дакъ я чуть-чуть усидѣлъ на бисѣдкѣ то, а его благородье-то вылѣтѣлъ вверхъ чуть не на сажень, да какъ оцъ, дивлюсь, што не уналъ еще мимо телеги то, только порато видно ужъ ушибсе, да оцо и картузь то у него сшибло, да унесло далеко! Послѣ того не досукъ іому стало кричать: паѣзжай скорѣй; а оцо говоритъ скрозъ зубы: патише братъ, пожалуста патише;—видно не поглянулдасе такая ѣзда-то... дакъ я все вплоть до посаду ѣхалъ ступикомъ.—Кем. Холм.

П р о б р ы з н у т ь.—О растеніяхъ: дать ростокъ. Онеж. Шенк.

П р о в о л о к а.—Одна изъ прорубей, дѣлаемыхъ въ рѣкѣ при подледной ловлѣ рыбы, именно береговая. Холм.

П р о ж и т о ч н о й.—Человѣкъ или семья достаточнаго состоянія. Пин.

П р о з в и т е л ь.—Прошюра; пройдоха. Онеж.

П р о л о й, п р о м о й.—Лощица, по которой во время ледоплава переливается черезъ уровень вода. Пин. Холм.

П р о п а щ і я.—Мѣста по Мурманскому берегу, особенно отъ Коровьяго Носа до Старцевой губы, въ которыхъ нерѣдко пропадаютъ люди и гибнутъ олени. Кем.

П р о р в а.—Шпонка въ столярномъ полотнѣ, для лучшей связи досокъ, изъ которыхъ оно составлено. Прорвами также иногда связываются и скрѣпляются бревна между собою; какъ напр. въ портомойняхъ, плотахъ и т. п. Арх. Пин.

П р о с т е н ь.—Полно напряденныя на веретено нити. Шенк.

П р о с т у п и т ь.—Понужденіе тянущихъ бичеву. «Проступи, други, проступи». Шик.

П р о с у г и.—Рукодѣлье. Шик.

П р о х о д н о й.—Хитрая пройдоха. «Къ этому мужику съ голой рукой не суйся: проходной». Холм. Шик. Пин.

П р о ѣ д у г а, п р о ѣ д у х а.—Хлѣбъ и харчъ, вообще. «Што имъ житье-то—проѣдуга идетъ хорошая, работы не робятъ; умирать имъ не надо!» «Проѣдохой то, дакъ не што,—живетъ таки у нихъ... дакъ бранится больно, ужъ пада терпѣть не мало: за все, за все, дакъ хоть кую (кого) горе возьметъ»... «У насъ, братъ, какая большая проѣдуха: но иной разъ и квасу ту нѣтъ, а нето что молока, либо штей». Шик.

П р у т к и.—Спицы вязальныя. «Зачать бы чулки, да прутковъ нѣту». Шик.

П р я ж ь е.—Тоненькія полоски сдобнаго тѣста, особымъ образомъ свернутыя и жареныя въ маслѣ. Арх. Шик.

П р я т а н і е.—Разчистка новинъ чрезъ срубъ лѣса, выжиганіе его съ пнями. Шик.

П у й н а.—Каждый изъ двухъ ремней, которыми привязываютъ оленей одного воза къ санкамъ слѣдующаго воза, для составленія цѣлаго обоза. Мез.

П у н я т ь.—Синица. Арх.

П у п ь.—Стержень въ центрѣ жорнова. Пин.

П у с к а л ь н и ц а,—ленка.—Рыболовная сѣтка, отъ 2 до 3 саж. длины, изъ самыхъ тонкихъ нитокъ и окрашенная въ синюю краску. Холм.

П у с т о в а.—Кушанье, состоящее изъ воды и изъ малаго количества муки. Пин.

Пустоградъ, — ка. — Любящій смѣяться безъ особеннаго повода. П и н.

Путь. — Свитокъ, на какихъ писали въ старину. Х о л м.

Пучка. — Щавель. Ш е н к.

Пушьякъ. — Почва черноземъ. П и н.

Пяккои. — Боротенькіе Лопарскіе сапоги изъ оленьей шкуры, шерстью наружу. К е м.

Пяскотня. — Усиленная, неприятная работа; малта. «Ну ужь осенью то, да особливо въ мокрую погоду, ѣздить въ дорогу пяскотня такая, что не приведи Богъ... грязь до колѣна, колеса идутъ до трубиць, лошади не везутъ, — то и дѣлай, что понужай, да возъ держи; а какъ въ гору-ту, дакъ тутъ напистаисся до того, что изъ силы выйдешь». Ш и к.

Пятникъ, а. — Деревянный гвоздикъ, который замыкаетъ крапъ въ бочкѣ. Ш и к.

Р.

Рябиновая почъ. — Та одна изъ темныхъ почей въ году, бывающихъ въ іюлѣ, августѣ или сентябрѣ, въ которую отъ вечера до утра почти безпрестанно сверкаетъ молнія, озаряя небо и землю страшнымъ свѣтомъ. Въ 1870 году онѣ были между днями 17—18 и 23—24 іюля. П и н.

Развратный. — О вещи, напр., о картофелѣ: дурной, испортившійся. О н е ж.

Раздуриться. — Разболѣться; расходиться. «Послѣ молока-то у меня какъ брюхо раздурилось.» «А погодушка-то видно нешутя раздурилась.» П и н.

Разойтись. — Раздѣлиться. Говорится о такомъ раздѣлѣ между родными, когда они остаются жить въ одномъ домѣ, но по разнымъ комнатамъ, и имѣютъ отдѣльную личную собственность, пользуясь сообща только нѣкоторыми хозяйственными принадлежностями, напр. баней, амбаромъ, овиномъ, лошадью и пр. П и н.

Расклеиться. — О зернѣ: пустить ростки. Х о л м.

Раскотосить. — Разодраться. П и н.

Ровва. — Дубленая оленина. Одѣяло изъ оленьихъ шкуръ. К е м.

Рожни. — Круглыя палочки, длиною не много болѣе аршина, на которыя вдѣваются сельди, послѣ засола ихъ, купаются въ чанахъ съ водою для обмыванія соли, и развѣшиваются на жерди находящіяся въ копильняхъ, для копченія. К е м.

Розинка. — Чистый, крупный жемчугъ. Жемчужная раковина. К е м.

Розстань. — Мѣсто, гдѣ одна дорога раздѣляется на двѣ. «Дорога пришла на двѣ разстани.» «Я проводилъ его до разстани.» Арх. Х о л м. Ш е н к. Перекрестокъ. Х о л м. П и н.

Рокша. — Сыворотка остающаяся при паханкѣ масла изъ сметаны. Х о л м. О н е ж.

Ропакъ. — Маленькій островокъ, возвышающійся въ видѣ голаго камня надъ поверхностью моря и покрываемый во время прилива водою. М е з. К е м.

Разсоха. — Раздвоеніе дороги, пути. П и н.

Ружайдать. — Мельчать, мельчиться. «Ледъ ружайдитъ.» «Сухари ружайдаютъ.» О н е ж.

Ружоныи. — Запачканный, грязный. «Ружоное бѣлье.» О н е ж. П и н.

Румага. — Такъ называется неводъ на условномъ языкѣ артели для подледнаго промысла рыбы. Х о л м.

Рунтовка. — Сухая треска, приготовленная для заграничнаго сбыта. К е м. Арх.

Рыбодѣлья. — То, на чемъ кормицкѣ распластываетъ спину трески и вынимаетъ захребетную кость. К е м. О н е ж.

Рьянить. — Горячиться. К е м.

Рѣчникъ. — Ораторъ и краснорѣчивъ; человекъ обладающій краснорѣчіемъ или толковостью выраженія, — умѣющій «красно говорить» — такъ сказать, — ма с т е р ъ с л о в а (или въ обширномъ значеніи — поэтъ). П и н. Ш е н к.

Рѣпище. — Полевая земля, лежащая въ низменностяхъ и вслѣдствіе того затопляемая водою; на ней иногда сѣютъ хлѣбъ, а чаще рѣпу. Х о л м. Поле, засѣянное рѣпой. П и н.

Ряки. — Лохмотья; висящіе концы оборваннаго платя. Х о л м.

С.

Сажѣды. — Пасишливое прозваніе жителей Мезенскаго уѣзда. «Мезенцы сажѣды».

Салга. — Большой котелъ употребляемый для варки соли. М е з.

Сальный промыселъ. — Весенній промыселъ морскихъ звѣрей на зимнемъ берегу Бѣлаго моря. П и н. М е з.

Сарай. — Все верхнее на домѣ строеніе, на которомъ покрывается тесъ или крыша. Сляги, врубаемыя въ перерубы или быки, на скатъ вдоль сарая, на которыхъ кладется тесъ, называются стропила, а индѣ самцы. Въ Вологодской и частію Олонецкой гу-

берніяхъ, сараями зовуть полы, набранные во дворѣ; а здѣсь сіи полы называются повитями или новѣтями. Шенк.

Сарафанная почта.—Такъ называется въ шутку повинность по отправкѣ почты, отбываемая женщинами гребцами въ карбасахъ, посредствомъ коихъ только и можно сообщеніе вдоль Поморскаго берега, за отсутствіемъ сколько-нибудь сносныхъ дорогъ. Кем.

Свершонокъ.—Опредѣленная сумма денегъ, которую выговариваетъ себѣ кормщикъ, нанимаясь къ хозяину, сверхъ идущаго ему пай добычи. Кем.

Свинобой.—Осеннее межговѣнье. Желая выразить, что дѣло сдѣлано не во время, не въ пору, говорятъ: «ма (можетъ быть) о рѣпѣ, капустѣ, да о свинобоѣ.»—«И женился то онъ, добрый молодець, о рѣпѣ, капустѣ, да о свинобоѣ.» Известно, что крестьяне только по крайней нуждѣ женятся осенью. Шенк.

Свирывать сл.—Соединять отдѣльныя поплавки, изъ которыхъ каждый имѣетъ особаго владѣльца, вѣстѣ, для общаго лова рыбы. Пин.

Свѣтильнo.—Свѣтецъ, на которомъ горитъ лучина. Шенк. Холм.

Сельга.—Видъ сельди, похожей на сардину; сельга совершаетъ свои періодическія путешествія раньше сельди и приплываетъ въ рѣку Печору и притокъ ея Усу, въ которой распространяется до горы Адана. Мез.

Семидырка.—Маленькая рыбка, ракообразная, съ семью дырочками вмѣсто жабръ. Холм.

Сидучка.—Бѣлка въ тихую и сырую погоду, когда она больше расположена ко сну и спокойствію; обмокши она обыкновенно сидитъ, такъ какъ не можетъ скоро бѣгать и скакать съ дерева на дерево. Пин.

Синикуй.—Передняя сторона чума, противъ дверей, гдѣ крещеные Самоѣды ставятъ образъ. Это мѣсто, какъ теперь, такъ и прежде, почиталось священнымъ, потому что на этой сторонѣ, только внѣ чума, ставили санки съ домашними идолами. Мезен.

Скокуха.—Лягушка. Шенк. На С. Двинѣ—свакуша.

Скроекъ.—Шелковая косынка. Шенк.

Скуртойка.—Теплая кофточка, плотно обтягивающая станъ; фуфайка. Холм.

Слаща.—Брюква. Пин.

Сметъ.—Исключеніе изъ вѣса тары, кулей, рождъ, мѣшковъ и т. п. «Десять пудовъ пять фун-

товъ съ восьминою, да смету одиннадцать фунтовъ». Пин.

Снимать волю.—Оказывать непослушаніе. «Она не хотѣла замужъ идти, даже съ отца—матери волю снимала, да выдали». Холм.

Снимать съ рукъ.—Забирать вещь запродавшую, но до времени оставленную у продавца. «Онъ пріѣхалъ снять у меня съ рукъ корову». Холм.

Сносъ.—Закранна; обочина; посынь; засынь; посовина; все то, что—какъ выражались въ древнихъ актахъ—«водой сносить, льдомъ сдираетъ и пескомъ посыпаетъ», а при распредѣленіи угодій: «вымстная земля». Арх. Губ. Вѣд. за 1870 г., №№ 80 и 101.

Совѣтчикъ.—Волостные выборные, составляющіе волостной сходъ; они избираются селеніями, по одному отъ каждаго десятка дворовъ. Пин.

Сопочка.—Дерево, стоящее на возвышенномъ мѣстѣ, на горкѣ, имѣющей пирамидальный видъ. Пин.

Сосенка.—Челнокъ, весь обтянутый перпичьей кожей, на которомъ ѣздить по морю, держась береговъ. Кем.

Сосора.—Задній тягунъ на бичевѣ, отцѣпляющій послѣднюю, когда она зацѣпится за что либо. «Сосора въ воду, а шишка въ гору». Арх.

Ставенъ.—Втулка у отверстій въ стѣнахъ, чрезъ которыя выходитъ дымъ въ курныхъ избахъ, баняхъ и овинахъ. Пин.

Старозбникъ.—Крестьянинъ, имѣющій старую избу. Шенк.

Стожаръ, стожары.—Жердѣ, рядомъ втыкаемое въ землю, въ кои мечуть и прикладываютъ сухое сѣно на пожняхъ. Межутки сѣна между стожарами, называются промежками. Нѣсколько такихъ промежковъ вмѣстѣ называется зародомъ или зородомъ. Мѣсто, гдѣ выставляются такіе зороды, называется остожемъ. Шенк.

Строгаль.—Такъ называютъ щеголей, и при томъ распутныхъ молодыхъ людей. Шенк.

Стривы.—Два противоположныя метки, между которыми должны пробѣгать играющіе въ мячикъ. «Подемъ играть о стривахъ». Пин.

Стрѣльня.—Промыселъ на большихъ звѣрей, производящійся на Зимнемъ и Лѣтнемъ берегахъ, отъ Николина дня до февраля, какъ только звѣри соберутся въ Двинскую губу. Тамъ стрѣляютъ изъ винтовокъ на водѣ или на льдинахъ, что дало и названіе промыслу. Тоже названіе носятъ лѣтніе промыслы, главнымъ обра-

зомъ, нерпъ и морскихъ зайцевъ, когда ихъ бьютъ на водѣ изъ лодокъ или по островамъ и берегамъ на лодкахъ, въ которыхъ не болѣе трехъ промышленниковъ.

Арх.

Стѣна.—Денежный вкладъ или взносъ въ общественную кассу для обезпеченія будущихъ повинностей.—Четвертая часть воробъ, на которыхъ разматывается прижа для тканья. «А во сколько стѣнъ завела красны то?—Да семь стѣнъ съ полустѣнемъ». Шенк.

Сумочникъ.—Ходебщикъ. Холм.

Сундукъ.—Гранитные утесы, имѣющие очертаніе параллелопипедовъ по берегамъ острова Бильдина. Кем.

Суровой.—Похотливый, любострастный; это особенно говорится о молодыхъ парняхъ. Шенк.

Сухово.—Чистый барышъ или чистая прибыль въ какой-нибудь торговой сдѣлкѣ. Пин.

Схрястать.—Свалить, вмять въ одну кучу, или, въ одно мѣсто какія либо разнородныя вещества, по ошибкѣ или съ намѣренія, а иногда на удачу. «Хозяйка у меня сегодня схрястала въ квашню, вмѣсто муки, общины,—все взяла испортила». Или: «Онъ совсѣмъ разорилсѣ, деньги-то всѣ схрясталъ въ смолу, а смола нынчѣ звань нейдетъ—ни почомъ не берутъ». Шенк.

Сырица.—Оленья самка, неимѣвшая дѣтенышей. Мез.

Сѣряки.—Мелкіе торгашы; барышники; кулаки. Арх. Губ. Вѣд. з 1869 г. № 35.

Т.

Тальникъ.—Озеро, не замерзающее зимою. Пин.

Тарасникъ.—Судно, въ родѣ карбаса, поднимающее грузу 300 пудовъ. Кем.

Тарья.—Щитъ изъ тонкихъ параллельныхъ драгокъ, скрѣпленныхъ вичью; тарьями задираютъ промежутки между кольями осеужьяго забора. Кем.

Теплово.—Плата проѣзжающихъ за остановку на постояломъ дворѣ. Арх.

Тереть.—О платѣ или бѣльѣ: мыть. Кем.

Тинежникъ.—Рыболовная сѣть, употребляющаяся для ловли нумжи и тинды, отличающаяся отъ гарвы только меньшимъ размѣромъ. Кем.

Тинецъ, нько. Моржевыи клыкъ. Кем.

Товаръ.—Вымя коровы. Холм.

Товаристый.—Имѣющій большое вымя (о коровѣ). «Товаристая корова». Холм.

Толковля.—Толки; разсужденіе. «Сечасъ ужъ у нихъ и пошла толковля». Пин.

Толчиво, толченію.—Овесъ и пр. приготовленный для толченія на муку въ мельничной ступѣ посредствомъ нестовъ.—«А што у тя привезѣно на мельницу ту? Привѣзь узоль, другой толчива». Шенк.

Тратить.—Кормить до пресыщенія. «Что, ты ты парня-то за всё тратишь?» Онеж.

Трубить.—О бабкѣ—бить въ дѣтской игрѣ: лежать на выпуклой сторонѣ. Шенк.

Трунъ.—Оборвышь. Кем.

Турайдать.—Токовать. «Тетеревъ турайдать!»—зоветъ самку. Онеж. Невнятно говорить. Онеж.

Турачка.—Валекъ, на который навиваютъ питки. Арх., Холм.

Тушлять.—Гнать силою. Пин.

Тырайдать.—Дрожать. «Сердце тырайдать». Онеж.

Тырносить.—Трясти; подергивать. Пин.

Тюга.—Снѣгъ на вѣтвяхъ растущаго лѣса. Пин.

У.

Угалить.—Попасть въ цѣль (въ игрѣ шаромъ). Шенк.

Удавница.—Веревочныя петля около стоговъ сѣна для ловли оленей. Челмох. прихода.

Уженцики, ужищики.—Морскіе промышленники, которые промышленлють рыбу сами на себя и на своихъ судахъ, не занимаясь къ богатымъ купцамъ, и на своемъ хлѣбѣ; но затруднительность сбыта и необходимость забираться въ долгъ зимою ставятъ ихъ въ зависимость отъ богачей, которымъ они обязываются поставлять свою всю уловленную рыбу съ Благовѣщенья до Петрова дня, т. е. въ самое уловистое время года. Кем.

Урдга.—Пробитая во льду полынья, для проѣзда въ лодкѣ. Онеж.

Усарыкивать.—Торопливо, усердно работать. «Смотри-ко, какъ у меня Наташка укорыта-то усарыкивать!» Холм.

Утопель.—Мокрота; сырость. «Ну ужъ какая утопель у васъ на улицѣ.» Холм.

Утропать.—Ухлопать; дѣвать куда нибудь. Пин.

Ухайбать.—Истратить; испортить что либо.

«Эдакъ вѣдь нову-то рубаху у х а й б а л ь, что вся дырѣмъ взялась». П и н.

У х в о и т ь. — Сбыть что-либо съ рукъ. «Ухволя-таки, какъ гора съ плечъ скатилась.» П и н.

Ф.

Ф у р к а л е н к а. — Дѣтская игрушка, состоящая изъ надѣтой на нитку пуговки, марки или какой-либо другой плоской вещицы; ее приводятъ въ быстрое вращательное движеніе, сопровождаемое гудѣньемъ. Х о л м.

Ф у р к о т ъ к ѡ. — Шумъ. «Экъ вѣтеръ расходился, ажно фуркотокъ стоитъ.» П и н.

Х.

Х а б и н а. — Рѣчной заливъ. «Въ хабину запламя.» Ш н к.

Х а й. — Опытъ. «Хаю мало—ума мало». К е м. По самоѣдски: идоль, болванъ, истуканъ. М е з.

Х а л о в ш и н а. — Все, что досталось даромъ; куплено за очень низкую цѣну; а также ворованое или незаконно приобрѣтенное. «Ему кабы попалась х а л о в ш и н а, дакъ онъ бы, пожалуй, взялъ.» — «У него отецъ былъ головой: и што шло ему х а л о в ш и н ы; а теперече сынъ все прожилъ, — ничово не стало.» «Въ нынѣшны годы отъ х а л о в ш и н ы разѣ разживессѣ; а отъ работы, недумай, не разживессѣ.» Ш е н к.

Х и г н а. — Возжа изъ сыромятнаго ремня, которою управляютъ оленями. К е м.

Х л а м и т ь. — Сорить. «А нежно х л а м и т ь-то, я безъ того въ избы-то ступить некуда, за все соръ!» А р х.

Х л о п о т ь. — Сверчокъ. Пѣсня:

«Разыгрался меликъ съ х л о п о т о м ь;

«Охъ ты хлопотъ, хлопотъ, хлопотуница,

«Ты на пеци сидишь, да на пеци, на дровахъ.»

Ш е н к.

Х р у л ь. — Человѣкъ съ большимъ носомъ. Ш е н к.

Ц.

Ц в ѣ т о ч н и к ѡ. — Горшокъ для цвѣтовъ. «На окнахъ-то у нихъ ц в ѣ т о ч н и к о в ѡ таково много.» А р х. Х о л м.

Ц и ц ь к а. — Сестра. П и н.

Ч.

Ч е м у р ь. — Чертъ. «Ч е м у р ь-бы тебя взялъ, эдакого дурака.» П и н.

Ч е р в я н и ц а. — Ящикъ для червей. К е м.

Ч е р е д и т ь. — Изготавливать птицу или рыбу, т. е. вынимать внутренности и тогда жарить ее. «Очередя рябчика.» Ш е н к.

Ч е р н о т р о п ы. — Насмѣшливое прозвище жителей Мезенскаго уѣзда оттого, что они живутъ въ курныхъ избахъ и потому когда идутъ, то оставляютъ за собой слѣды сажи и грязи; также прозвище жителей селенія Матигоръ, главное ремесло которыхъ составляетъ кузнечество.

Ч е р н ь я н а. — Водный источникъ въ тундрѣ: рѣка, ручей или озеро. М е з.

Ч е с н о к о в и к ѡ, ч е с н о к о в и ц а. — Деревянная ступка съ крышкою для толченія и храненія чесноку. Ш е н к.

Ч е с н о к ѡ. — Пинокъ. «Накормить чеснокомъ»; «надавать чесноку» — норякомъ выпинать. — «Иди! — Нейду! — А чесноку хошь?» А р х.

Ч е т в е р и т ь. — О поплавкѣ: перевязывать каждую его шею на четверо новыми веревочками, когда онъ подержится, — обыкновенно, послѣ двухлѣтнаго употребленія. М е з.

Ч и л а й д а т ь. — Звонить (о колокольчикѣ). «Слышь, колоколець ч и л а й д а т ь?» О н е ж.

Ч у л е й д а т ь. — Журчать. «Талець ч у л е й д а т ь!» ручей журчить. О н е ж.

Ш.

Ш а к ш а. — Волокнистый, сухой мохъ на вѣтвяхъ хвойныхъ деревьевъ, преимущественно лиственныхъ и еловыхъ, растущихъ на сухомъ, песчаномъ, тощемъ грунтѣ. Шакша составляетъ единственную и необходимую пищу оленя въ глубоко-снѣжную зиму, когда ему трудно бываетъ открывать подснѣжный мохъ. П и н е ж. М е з.

Ш а л ь г а. — Жабры рыбы. Х о л м.

Ш а х м а ч ѡ. — Каждый изъ кусковъ, на которые разрѣзывается хлѣбъ передъ началомъ рыбной ловли; эти куски бросаются въ сѣть и когда послѣднюю проволокутъ по льду, сровщикъ вынимаетъ шахмачи и раздаетъ рыболовамъ; а тѣ чинно садятся вокругъ невода и, перекрестясь, съѣдаютъ ихъ, какъ бы добычу изъ тони. Х о л м.

Ш в е й к а. — Швейная коробочка, рѣзанная изъ кости съ подушечкой, Холмогорской работы. А р х.

Ш и ш у л ь к и. — Разныя суевѣрные приемы и примѣты на свадьбахъ. Ш е н к.

Шкивидорка.—Женщина, управляющая женской шкивидорской артелью: она заключает условія съ ко- рабельщикомъ, набираетъ артель, слѣдитъ за работой, и за то получаетъ плату вдвое больше противъ платы остальнымъ членамъ артели. **Арх.**

Шуя.—Когда бурей ломаются величайшіе торосы, и во льдахъ затираетъ суда, что промышленники назы- ваютъ: попасться въ шую. **Кем.**

Щ.

Щаникъ.—Горшокъ для варенія шей. **Шенк.**

Щекарить.—Много говорить; сплетничать; на- смѣхаться. **Пин.**

Щекатый.—Невоздержный въ словахъ; бранчи- вый; рѣчистый. — «Ну парень, она и сама щека та, не дастъ охули на языкъ.» **Шенк.**

Щекуломить.—Говорить Московскимъ нарѣчи- емъ, выговаривая а вмѣсто о. **Холм.**

Щемиха.—Защадня для ловли медвѣдей, слѣдую- щаго устройства: надъ длинной и узкой ямой, укрѣп- ленной срубомъ, кладутся два большихъ бревна, при- ложенныхъ такимъ образомъ, что они могутъ сдвигать- ся и ущемлять лапу медвѣдя, при помощи сторожки, когда онъ просунетъ ее за приманкой. **Онеж.**

Щерба.—Всякая мелкая рыба; уха изъ этой ры- бы. **Онеж. Пин.**

Ъ.

Ъдкоя.—Охотно употребляющійся въ пищу. «Куп- някъ то такой для скота не ѣдкоя!» **Холм.**

Ъствяной.—Имѣющій хорошій аппетитъ. «Скотъ-

то у меня, Богъ съ нимъ, ѣствяной.» «Казакъ-отъ у него робить красенъ, да и ѣсь то красенъ, ѣствя- ной такой издался, двѣ выти заразъ опрячотъ.» **Кем.**

Э.

Этажиться.—Вести знакомство, дружбу, товари- щество. «Вѣдь я те, эхидный, тысячу разъ наговари- валъ: Ваня, не этажься съ дураками, самъ дура- комъ будешь; не послушался — ну, и судачь на себя.» **Пинеж.**

Ю.

Юзгаться.—Тихо дѣлать что-либо; копаться. **Шенк.**

Юкъ.—Громкій звукъ отъ чего бы то ни было. «Не бойся, не страшись: ни юкъ у ружейнаго, ни дыму пороховаго, ни бою огненнаго. (Изъ-оберега). **Холм.**

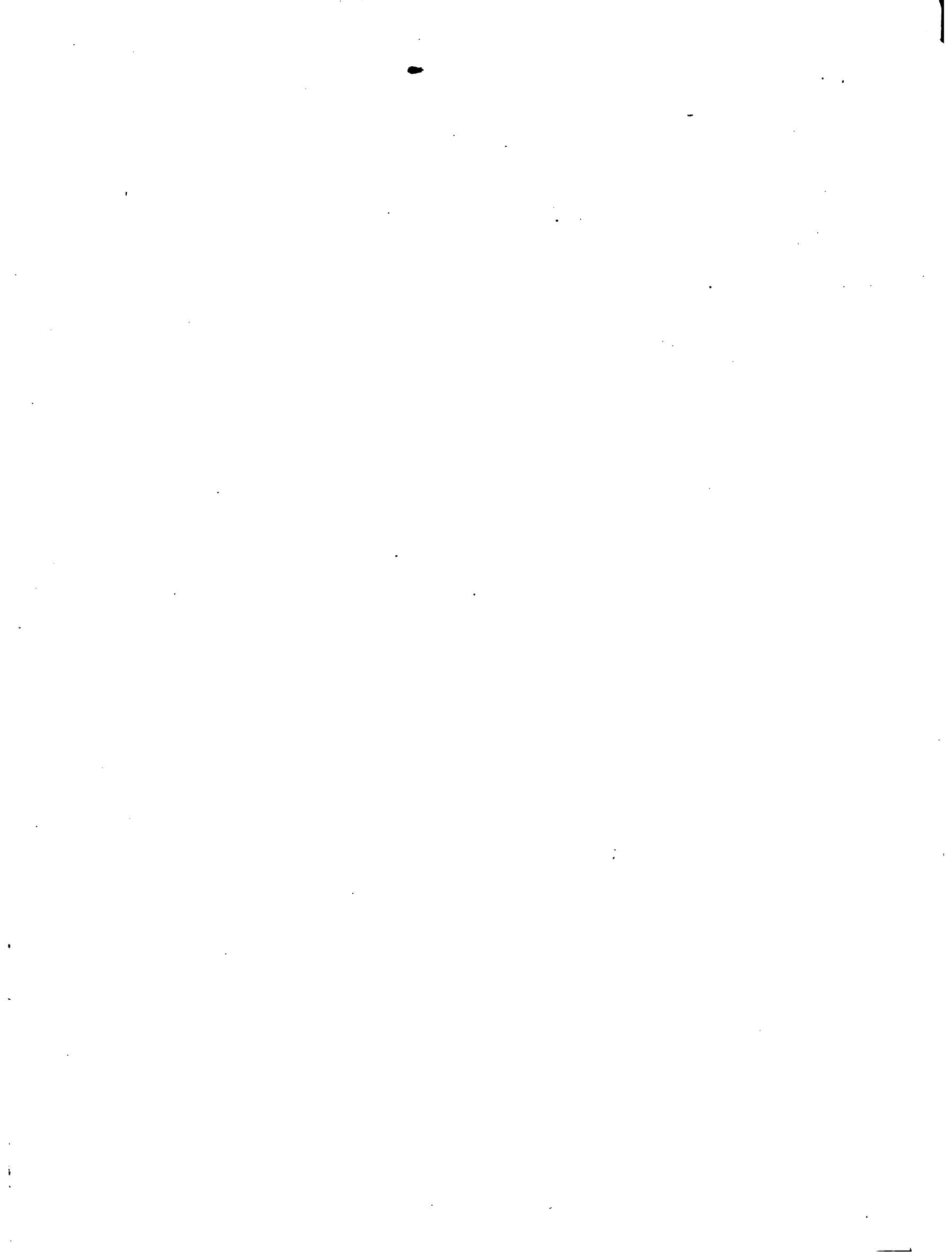
Я.

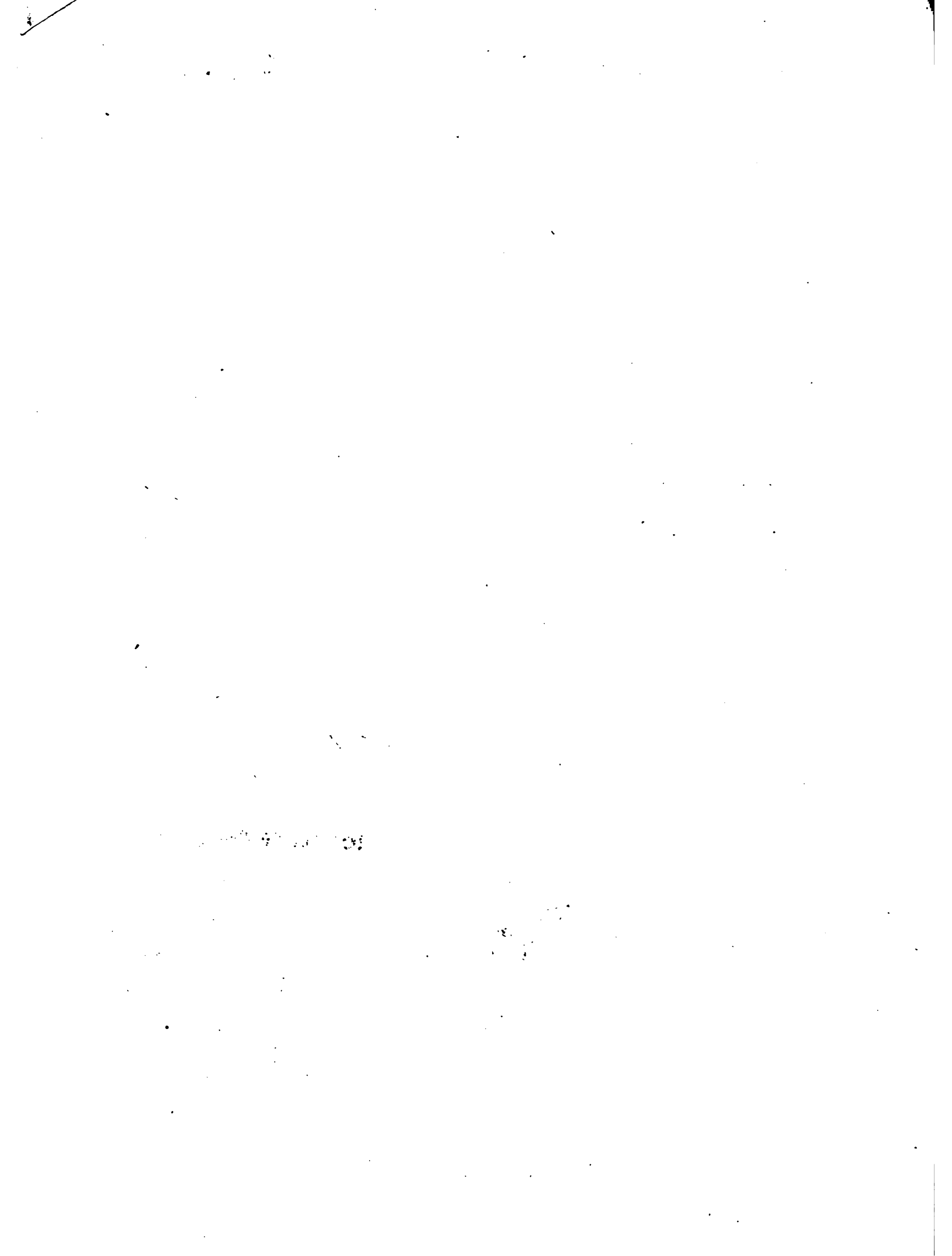
Ягодникъ.—Ягодный кустъ. **Шнк.**

Ягодница.—Щека. «Пристрѣло ему, въ саму я- годницу съѣздилъ.» **Шнк.**

Ярыкъ.—Каждая изъ пяти частей, на которыя раздѣлено сельское общество на Терскомъ берегу для удобнѣйшаго пользованія семужьями угодьями. **Кем.**

Ясачить.—Дѣлать нѣмыя выраженія, условные знаки, рукой или другими тѣлодвиженіями. — «Смотри- ко парень, што онъ такое бабѣ-то ясачить». — «Нѣмко (нѣмой), вонъ, што-то такое ясачить, да ничего не можно разобрать (понять)». **Шенк.**

Stanford University Libraries
3 6105 004 889 718

DK
511
.A65.E4
f
v.1/2

24-45

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

DO NOT WRITE
JUN 26 1995
6/30/95
RLCD

